РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.

РОСТИСЛАВ ФАДЕЕВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК. РОССИЯ И КАВКАЗ

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2010

Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ / Сост. Лебедев С. В., Линицкая Т. В. /Предисл. и коммент. Лебедева С. В. / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 992 с.

В книге представлены труды выдающегося русского мыслителя и военачальника генерал-майора Ростислава Андреевича Фадеева (1824—1833) — одного из главных идеологов русской национальной политики на Кавказе и в восточном вопросе. Последовательная политика русского правительства на Кавказе закончилась его полным покорением, установлением мира и процветания вплоть до 1917 года.

Суть восточного вопроса, по мнению Фадеева, состоит в стремлении Запада (и прежде всего германской расы) подчинить себе славянство. Отсюда необходимость объединения разрозненных славянских племен под главенством России и неизбежность наступательной антизападной русской политики.

В области государственного строительства Фадеев предлагал правительству укреплять дворянство, служащего основой всего государственного быта России. Вместе с тем он считал, что следует укреплять и «культурный слой» любого сословия, то есть элиту русского общества, пополняемую одаренными людьми из низов.

ISBN 978-5-902725-36-7

© Институт русской цивилизации, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни человеческих обществ не бывает крупных явлений совершенно случайных, таких явлений, которые не исходили бы из народного духа и исторической судьбы государства.

Р. А. Фадеев

Ростислав Андреевич Фадеев в истории русской общественной мысли навсегда останется одной из самых ярких и своеобразных фигур. Лихой кавказский офицер, тонкий литературный стилист, основательный ученый, педантичный военный теоретик, язвительный полемист, жесткий волевой политик, — все это Фадеев. «Генерал-мыслитель» — так уважительно отзывался о нем Ф. М. Достоевский, хорошо знавший и ценивший Фадеева, подчеркивая не только генеральский чин мыслителя, но и его громадный интеллект, ставивший Фадеева намного выше большинства тогдашних рядовых теоретиков. Но в наши дни Фадеева мало помнят на Родине. Правда, на рубеже XX—XXI вв., когда вновь стала нарывать «кавказская язва», многие мнения Фадеева о Кавказе, его значении для России, а также о специфике войны и политики в регионе оказались вновь актуальными. Книги и заметки Фадеева о Кавказской войне стали вновь переиздаваться. Но все же Ростислав Андреевич остается «неизвестным солдатом» русской мысли. Думается, пришло время воздать должное этому незаурядному человеку и вернуть его труды национально мыслящему обществу России.

1

Родился Ростислав Фадеев 28 марта (9 апреля по н. ст.) 1824 г. в Екатеринославе в старинной дворянской семье. Дом, где появился на свет Ростислав Фадеев, и поныне сохранился, хотя, конечно, в серьезно перестроенном виде, в нынешнем Днепропетровске, по адресу: ул. Ленинградская, 11.

Род Фадеевых был во многих отношениях типичным родом русских служилых людей. Прапрадед его, Петр Андреевич, в чине капитана сложил голову в Полтавском сражении. Прадед, Илья Петрович, участвовал в русско-турецкой войне 1735—1740 гг. и умер от полученных ран. Дед Михаил Ильич служил в Псковском драгунском полку, и сражался в войнах с Наполеоном. Один из его сыновей, дядя Ростислава, пал в 1812 г. Другой дядя Ростислава также прошел все войны начала XIX в. и стал артиллерийским генералом.

Отец нашего героя, Андрей Михайлович (1789—1867), сделал карьеру администратора, вопреки семейной традиции, по которой все мужчины из рода Фадеевых были военными. К моменту рождения сына Ростислава Андрей Михайлович занимал весьма ответственный пост председателя конторы по делам иностранных поселенцев в Новороссии, находившейся в Екатеринославе. В присоединенном сравнительно недавно, в царствование Екатерины Великой, обширном и пустынном крае российское правительство расселяло переселенцев из Западной Европы и из бывших турецких подданных христиан из-за Дуная. Десятки тысяч болгар, сербов, гагаузов, греков, немцев и поныне проживают в этих землях, относящихся после 1991 г. к новоявленным «государствам» Украина и Молдавия. По делам службы Андрею Михайловичу приходилось постоянно пребывать в разъездах по обширному краю, включавшему в себя земли Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской губерний. Во время пребывания в Кишиневе Андрей Михайлович встречался с находившимся там А. С. Пушкиным.

Вот как описывает обстоятельства общения с Пушкиным Андрей Михайлович, который был вхож в дом генерала Инзова, опекавшего опального поэта: «Во время моих приездов в Кишинев меня помещали в одной комнате с Пушкиным, что для меня было крайне неудобно, потому что я приезжал по делам, имел занятия, вставал и ложился рано спать, а он по целым ночам не спал, писал, возился, декламировал и производил все свои ночные эволюции в комнате, во всей наготе натурального образа. Он подарил мне свои рукописные поэмы, написанные им собственноручно — «Бахчисарайский фонтан» и «Кавказский пленник». Зная любовь моей жены к поэзии, я повез их ей в Екатеринослав вместо гостинца, и в самом деле оказалось, что лучшего подарка сделать не мог. Она пришла от них в такое восхищение, что целую ночь читала и перечитывала их несколько раз, а на другой день объявила, что Пушкин, несомненно, гениальный великий поэт».

Работа Андрея Михайловича была отмечена тремя орденами, несколькими денежными вознаграждениями, и, наконец, перстнем с бриллиантом и чином коллежского советника. В дальнейшем Андрей Михайлович занимал должности Главного попечителя кочующих народов, был саратовским губернатором, затем, с 1846 г., — управляющим государственными имуществами на Кавказе. Это была очень ответственная должность, так как большая часть земель и ресурсов Кавказа считались казенной собственностью.

На всех занимаемых им постах Андрей Михайлович отличался огромной работоспособностью, пунктуальностью, честностью, борьбой с коррупцией (в Саратове он отдал под суд сразу 20 проворовавшихся чиновников), искренним стремлением улучшить жизнь и быт народа. Так, в Саратове он провел водопровод, открыл детский приют и школы для девочек. Главным же качеством Фадеева-старшего как чиновника была честность. Его дочь, Надежда Андреевна, писала в мемуарах: «Андрей Михайлович Фадеев в течение своего многолетнего служебного поприща несколько раз занимал такие места, на которых мог обогатиться… Но он никогда ничего не имел,

кроме того, что давала ему служба; вел жизнь скромную, строго соизмерял ее с объемом своего содержания…».

Мать Фадеева, Елена Павловна (1789—1860), урожденная княжна Долгорукая, принадлежала к одной из самых аристократических семей империи. Представительница старшей линии князей Долгоруких, дочь генерала Павла Григорьевича и внучка петровского дипломата, казненного во времена бироновщины, Елена Павловна была яркой личностью. Будучи женщиной широко образованной, владевшей пятью языками, прекрасно рисовавшей и музицировавшей, она занималась изучением кавказской флоры, под ее непосредственным влиянием Фадеев-старший начал заниматься устройством кавказских курортов. Она переписывалась со многими учеными, в частности, с президентом Лондонского географического общества Робертом Мерчисоном, с известными ботаниками и минералогами, один из которых назвал в честь ее найденную им ископаемую раковину *Venus-Fadeeff*.

В семье, кроме сына Ростислава, были еще три старшие дочери. Все они также были замечательными личностями. Елена, в замужестве Ган, стала писательницей, творившей под псевдонимом «Зинаида Р-ва». Ее романы и рассказы в 30—40-е гг. XIX столетия имели широкий читательский успех. «Русской Жорж Санд» называл Елену Ган Белинский. В 1836 г. Елена Ган встречалась с Пушкиным, хвалебно отозвавшемся о ее творчестве, слова которого не были только комплиментом. Год спустя Елена Ган провела лето в Пятигорске, где в это же время находился Лермонтов. Интересно, что в «княжне Мери» Лермонтова и повести «Медальон» Ган очень похожие сюжеты и персонажи. Это неудивительно: независимо друг от друга оба автора описали светское «водяное» общество того времени. Елена умерла от туберкулеза в 1842 г. в 28 лет. В своей статье, посвященной выходу в свет посмертному собранию сочинений Е. Ган в 4-х томах, Белинский писал: «Не являлось еще на Руси женщины столь даровитой, не только чувствующей, но и мыслящей… Такие строки могут вырываться только из-под пера писателей с великою душою и великим талантом».

Интересно, что дочери Елены Ган — Елена Петровна Блаватская (1831—1891), создательница «теософии», и Вера Петровна Желиховская (1835—1896), известная детская писательница, в литературе превзошли мать.

Екатерина (1819—1898), в замужестве Витте, стала матерью пятерых детей, в том числе известного деятеля рубежа веков, Сергея Юльевича Витте. Ростислав Андреевич оказал большое влияние на развитие Витте, хотя, доживи он до «эпохи Витте», вряд ли стал поддерживать многие дела своего племянника. Впоследствии Сергей Юльевич вспоминал: «…Фадеев имел громадное влияние на мое образование и на мою умственную психологию… Должен сказать, что я не встречал в своей жизни человека более образованного и талантливого, чем Ростислав Андреевич Фадеев».

Надежда была хранительницей семейных архивов, и неудивительно, что стала издателем трудов брата. Надежда Андреевна являлась действительным членом многих благотворительных обществ Одессы: Дома Трудолюбия, Общества борьбы с туберкулезом, Общества покровительства животным и пр. В частном музее Надежды Фадеевой хранились обширные коллекции оружия (часть которого прислал ей с Кавказа брат Ростислав), византийские мозаики, персидские и турецкие ковры, японский фарфор, множество картин, большая библиотека. Умерла она в 1919 г. в возрасте 90 лет. Коллекция ее музея пропала в хаосе Гражданской войны. Вероятно, ее разграбили интервенты и бесчисленные одесские «власти» в революционную смуту.

Такова была семья Фадеевых. Думается, в ней трудно было стать посредственностью. Самым же выдающимся представителем Фадеевых стал Ростислав.

2

Имя долгожданному сыну родители приготовили заранее. В мемуарах Андрея Михайловича так объясняется столь необычное для того времени имя, которого не было в святцах:

«Когда Елена Павловна была еще молоденькой девочкой, почти ребенком, был у нее двоюродный дядя, князь Григорий Алексеевич Долгорукий, старый моряк…Он командовал кораблем и с ним участвовал в эскадре графа Орлова-Чесменского, когда тот совершал экспедицию в Неаполь для похищения княжны Таракановой. По совершении похищения Тараканову посадили на этот же самый корабль под командой Долгорукого, который и доставил ее в Кронштадт… Князь Долгорукий был старый бессемейный холостяк, большую часть жизни проводил в море на своем корабле и любил его со страстию, как свое родное детище. Корабль назывался «Ростислав». Кн. Долгорукий говорил о нем с отеческою нежностью, иногда со слезами умиления, и постоянно твердил своей племяннице: «Смотри, Еленушка, когда ты будешь большая, и выйдешь замуж, и будет у тебя сын, ты его назови Ростиславом, в честь и память моего корабля…» И взял с нее слово, и при каждом свидании напоминал об этом…Еленушка не забыла своего обещания. И вот в 1824 г., 28 марта, Бог ей даровал сына, здорового, большого мальчика, которому по виду можно было дать два-три месяца. Радостно встретили родители своего первого и единственного сына и при его крещении исполнили заветное желание старого командира корабля «Ростислава», и в честь и память их обоих назвали своего сына Ростиславом».

Первые десять лет жизни Ростислав провел в Екатеринославе, а затем путешествовал по местам службы отца — Одесса и Саратов.

Ростислав с юности предназначался к военной деятельности и в 1838 г. был отправлен учиться в артиллерийское училище. Однако, несмотря на проявленные способности к военному делу, Фадеев не столько учился, сколько вел жизнь типичного представителя «золотой молодежи». В результате он из-за «живости характера» не окончил училища. Выглядела эта «живость характера» так: пятнадцатилетний Фадеев дал пощечину офицеру-воспитателю, грубо схватившего его за волосы. В царствование Николая I это считалось серьезным преступлением, и юнкер был отправлен в крепость Бендеры про-

стым солдатом. При этом он мог считать, что легко отделался, поскольку за оскорбление действием офицера он мог угодить на всю жизнь в арестантские роты, и только заступничество дяди Павла Михайловича, начальника всех военно-учебных заведений, спасло его от такой участи.

Ростислав исправно отслужил солдатом весь положенный по приговору 3-летний срок, и в 1842 г. вернулся к отцу в Саратов в чине прапорщика в отставке, не имея ни должности, ни профессии. К счастью, этот удар по самолюбию помог Фадеев взяться за ум и озаботиться о своей карьере. В период вынужденного безделья, которое его кипучая натура не переносила, он «глотал» сотни книг. Сотни пухлых тетрадей, как признавалась его сестра Надежда, составили конспекты прочитанных книг. Фадеев стал одним из самых образованных людей России того времени, при этом формально не имея диплома ни одного учебного заведения. Но, разумеется, участь кухонного мыслителя его не устраивала. Ростислав чувствовал себя прирожденным солдатом и не мог не уехать туда, где свистели пули — на Кавказ.

В 1844 г. Фадеев отправился волонтером на Кавказ и уже вскоре отличился во многих боях. Имя его прогремело на всю кавказскую армию. Правда, несдержанность в словах Фадеева, имевшего обыкновение кавказских офицеров говорить то, что думаешь, не раз осложняло ему жизнь. Так, в 1848 г., приехав в отпуск в Петербург, Фадеев вскоре был выслан «за непозволительную болтовню» из столицы домой в Екатеринослав под домашний арест.

Благодаря ходатайству родственников император разрешил отбывать ссылку в Тифлисе, где в тот момент служил его отец, но с установлением полицейского наблюдения. Таковым были первые жизненные реалии, с которыми столкнулся молодой образованный человек. Подобные проблемы многих русских людей толкнули на путь революционного «отрицания» или превратили в циничных карьеристов. Но Ростислав Фадеев никогда не смешивал понятия «Родина» и «его превосходительство». Личные обиды и неприятности не мешали

ему здраво оценивать российские порядки и видеть главную причину отечественных проблем в антинациональном, подражательном образовании культурного слоя России, следствием которого были болезненные проблемы общества.

3

Лишь в 1850 г., после двух лет вынужденного безделья, Фадеев снова отправился на Кавказ, где воевал до конца Кавказской войны. Во время Крымской он также сражался на Кавказском фронте против турок, отличился в сражениях при Башкадыкляре и Курукдаре и взятии Карса. Фадеев выделялся своей личной храбростью даже на фоне кавказских офицеров. Здесь, где человека оценивали по способностям, а не по связям, имени или деньгам, Фадеев чувствовал себя своим. Зато и служебный рост вполне соответствовал качествам храброго офицера: в 1852 г. он был произведен в подпоручики и награжден орденом Анны 3 степени, год спустя — произведен в поручики и награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», еще через год — орденом Св. Владимира 4 степени с бантом.

На Кавказе с Фадеевым случился и благодетельный духовный переворот, превративший его из вольтерьянца в истинно православного человека. Приведем отрывок из воспоминаний С. Ю. Витте: «Мой дядя мне рассказывал, что при взятии Карса он сделался религиозным человеком, до того же времени он был заражен атеизмом. В числе военных, которые находились при взятии Карса, был Скобелев, отец знаменитого Скобелева и отец княгини Белосельской-Белозерской... Этот Скобелев, который, как известно, был сын простого солдата Скобелева, командовал в это время одним из полков; он очень любил моего дядю, который был уже в то время в капитанском чине и который был гораздо моложе его. Дядя мне рассказывал, что когда он получил приказ атаковать Карс и во что бы то ни стало взять его, то многие офицеры в этот вечер, по привычке того времени, кутили перед боем, — Скобелев же целый вечер употребил на молитву и на приготовление себя

к смерти; своим примером он заставил делать то же самое и Фадеева; Фадеев исполнил все то, что полагается православному христианину, который собирается уходить на тот свет. Все было сделано так благоговейно и так торжественно, что, как мне после говорил Фадеев, — с тех пор он перестал быть атеистом, поверил в Бога, в загробную жизнь и сделался большим поклонником Православной церкви (в которой, конечно, он и родился). Всю свою жизнь он был истинным сторонником нашей святой Православной церкви, сторонником весьма образованным и начитанным, знающим священную историю и вообще всю историю нашей церкви».

На Кавказе открылись качества Фадеева как литератора. По распоряжению князя Василия Бебутова (1791—1858), одного из русских военачальников Кавказского фронта в Крымскую войну, Фадеев написал на русском и французском языках подробное описание сражения с турками при Башкадыкляре. Его описание появилось на страницах газеты «Кавказ» и официоза «Journal de St. Peterbourg». Фадеев стал при В. О. Бебутове чем-то вроде секретаря, поскольку храбрый вояка Бебутов с трудом мог письменно изложить свои приказы.

Когда наместником Кавказа стал Николай Николаевич Муравьев (1794—1866), начавший сразу же «наводить порядок», желая выбить «ермоловский дух» в Кавказской армии, увольняя всех, перечивших ему, то Фадеев оказался в оппозиции. А когда один из боевых офицеров, князь Д. И. Святополк-Мирский, опубликовал «Ответ на обвинения Н. Н. Муравьева», то Фадеев стал одним из соавторов «ответа». Впрочем, сам Фадеев предпочитал не участвовать в дрязгах, постоянно находясь на передовой.

Крымская война закончилась, но война на Кавказе продолжалась. Фадеев по-прежнему участвовал во всех значимых операциях и боях. Военные качества Фадеева нашли отражение в его дальнейшей карьере: в июне 1857 г. он получил чин штабс-капитана, в начале 1858 г. — капитана.

Между тем в конце 1856 г. новым наместником Кавказа стал давний знакомый Фадеева Александр Иванович Барятин-

ский (1815—1879). Прослуживший много лет на Кавказе, Барятинский хорошо знал этот край и считал возможным закончить, наконец, бесконечную войну с горцами, пользуясь тем, что русская армия на Кавказе во время Крымской войны резко увеличилась численно. Кроме того, Барятинский мог рассчитывать на то, что новый монарх, Александр II, с которым Барятинского связывала давняя личная дружба, не будет чинить препятствия распоряжениям местной власти. Ранее официальный Петербург вечно вносил поправки во все распоряжения кавказских военных. Еще чаще именно в Петербурге планировались все военные операции против горцев, полностью соответствующие всем особенностям новомодной европейской военной науки, но совершенно не отвечающие реалиям Кавказа.

Правда, против планов нового наместника выступали министр финансов, озабоченный тем, что расходы на войну должны резко возрасти. Министр иностранных дел, великий дипломат А. М. Горчаков, опасался, что кавказские столкновения помешают дипломатическим мероприятиям в Европе. Наконец, военный министр был недоволен тем, что командование Кавказской армии было ему совершенно неподотчетно. Барятинскому нужен был толковый офицер, разбирающийся в кавказских делах и способный со знанием дела вести полемику против петербургских бюрократических сфер. Таковым и стал Ростислав Фадеев, занявший в сентябре 1858 г. должность офицера по особым поручениям при главнокомандующем. Это было что-то вроде должности пресс-секретаря. Конечно, для самого Фадеева данная должность была необременительным приложением к основной его работе строевого офицера. Он лично участвовал во всех операциях завершающего этапа войны. В 1859 г. именно Фадеев настоял на штурме последнего оплота Шамиля — аула Гуниб, который многие офицеры штаба наместника предлагали взять измором. Фадеев лично участвовал в штурме Гуниба 25 августа 1859 г. Его храбрость и распорядительность были отмечены орденом Св. Станислава с мечами и чином полковника. Но высшей для себя наградой он считал подаренное ему Барятинским личное знамя Шамиля. На знаменитой картине Ф. Рубо

«Пленение Шамиля» именно это знамя передает вождь мятежных горцев. Эту же сцену изобразил художник А. Д. Кившенко в картине «Сдача Шамиля князю Барятинскому».

Сразу после капитуляции Шамиля Барятинский—Фадеев изложили суть произошедших событий в двух отчетах о военных действиях на Кавказе, а в 1860 г. написал книгу «Шестьдесят лет Кавказской войны». Она положила начало славе Фадеева как писателя.

Отклики на книгу были в основном благожелательными. Даже несогласные с тодами Барятинского отдавали должное эрудиции и блеску изложения Фадеева.

Следует заметить, что современного читателя могут удивить весьма критические оценки Фадеевым ислама как религии, которые содержаться в его произведениях о Кавказской войне. Это объясняет тем, что на Кавказе Фадеев сталкивался не столько с исламом как мировой религией, сколько с весьма далекой от изначальных основ этой веры мюридистским истолкованием ислама. В сущности, кавказский мюридизм времен Кавказской войны был тоталитарной сектой, далекой от великих истин пророка Мухаммеда. История порой повторяется, и неудивительно, что в период новой войны на Кавказе рубежа тысячелетий духовный лидер мусульман Чечни Ахмат Кадыров перешел на сторону российских федеральных сил. Это было неудивительно, ведь главные противники русской власти на Кавказе — ваххабиты — далеки от ислама.

Впрочем, эта книга неожиданно дала и новое, не предусмотренное военными уставами, повышение Фадеева: на состоявшемся 9 марта 1860 г. в Тифлисе заседании Кавказского отделения Императорского Русского Географического общества он был избран его членом.

4

После усмирения Чечни и Дагестана в 1859 г. война на Кавказе продолжалась еще пять лет на горной стороне Кубани и Черноморском побережье Кавказа. Кроме того, периодически

вспыхивали восстания и на, казалось бы, давно усмиренной территории. В 1861—1862 гг. произошло крупное восстание в Закатальском округе на границе Грузии и Дагестана. Фадеев проводил расследование причин восстания, и результаты своей проверки изложил в специальной записке. В 1864 г. он инспектировал Западный Кавказ, где только что закончились бои, и началось массовое переселение горцев в Турцию.

Война закончилась, и за отличия в ней Ростислав Фадеев был произведен в генерал-майоры. Так за 14 лет он прошел в огне путь от прапорщика до генерала.

Если шпага Фадеева стала теперь уже не очень нужной, то перо, умение владеть которым генерал довел до совершенства, было по-прежнему необходимо. По предложению нового наместника, великого князя Михаила Николаевича, Фадеев поместил в газете «Московские ведомости», издаваемые выдающимся русским публицистом Михаилом Катковым, с августа 1864 по январь 1865 г. 14 писем с Кавказа. Впоследствии они вышли отдельным изданием. Фадеев не только обстоятельно описал перипетии войны, но и затронул ряд серьезных вопросов русской жизни. В частности, его, как боевого офицера, неприятно поражало полное равнодушие русского общества к Кавказу, не отдававшего отчет в том, что Кавказ составляет «половину всей политической будущности России». На основании опыта многолетней Кавказской войны Фадеев делал вывод, что военная система государства должна основываться на народном духе и выражать национальный характер.

Прекращение бесконечной Кавказской войны поставило Фадеева, как, впрочем, и многих других боевых офицеров, перед перспективами дальнейшей службы. Проведшие много лет на войне офицеры определенно не годились для того, чтобы прозаически «тянуть лямку» в армии мирного времени. Фадеев принял решение уйти в отставку, чтобы полностью посвятить себя публицистической и политической деятельности. Правда, Фадеев не хотел покидать Кавказ, поскольку знал, что его старый отец, продолжавший служить в Тифлисе, воспримет это тяжело. В 1867 г. Андрей Михайлович скончался. И Ростислав

сразу покинул Кавказ. На военной службе он формально находился до 1870 г., но не занимал никаких должностей, числясь в отпуске. Фактически Фадеев стал штатским человеком. Начался новый период его жизни.

5

На «гражданке» молодой генерал продолжал публицистическую деятельность. В столичных центрах империи кипела острейшая идейно-политической борьбе. Сходились в горячих спорах западники-либералы, призывавшие ориентироваться на западные образцы политической и культурной жизни, отрицающие все и вся нигилисты, сторонники самобытного пути России, и, наконец, «охранители», отвергавшие крайности всех течений. «Охранители» (буквальный перевод латинского слова «консерваторы») считали, что в национальных интересах России необходимо охранение истинно русских начал, выраженных в триаде «православие — самодержавие — народность». Фадеев с самого начала занял позицию в охранительном лагере, вскоре выдвинулся как один самых ярких публицистов. Впрочем, его горячий темперамент не раз приводил его к горячей полемике.

Он вступил в конфликт с военным министром Д. А. Милютиным, выступая против его проекта военных реформ. В 1867 г. в «Русском вестнике» он поместил ряд статей, которые год спустя вышли отдельной книгой «Вооруженные силы России». В 1873 г., в развитие этой темы, вышла еще одна книга отставного генерала «Наш военный вопрос».

Публикации по военным вопросам сделали Фадеева широко известным не только в России. Он стал получать предложение о поступлении на службу в качестве советника от ряда зарубежных правительств. Так, хедив (правитель) Египта пригласил Фадеева реорганизовать египетскую армию по русскому образцу.

Фадеев активно публиковался не только в различных охранительных изданиях. В 1871 г. Фадеев вместе с другим

отставным генералом, Михаилом Григорьевичем Черняевым, присоединившим к России Ташкент и обширные территории в Туркестане и уволенный в отставку за самовольные действия, организовал газету «Русский мир», ставшей одним из «мозговых трестов» охранителей. Редактором «Русского мира» был полковник В. В. Комаров, финансировал газету М. Г. Черняев, но фактически главную роль в издании играл Ростислав Фадеев.

Осуждая реформы 60-х гг., «Русский мир» предлагал усилить роль сословного начала в жизни общества. В отличие от ностальгирующих по крепостному праву «диких помещиков», в «Русском мире» признавали новые социальные реалии пореформенной России. Программа новой газеты заключалось в том, чтобы наполнить их «истинно русским» содержанием.

В 70-е гг. из-под пера Фадеева появился ряд программных документов мировоззренческого плана, носящих весьма решительный характер. Так, в 1874 г. опубликовал книгу «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)», составленную на основе своих статей в «Русском мире». Реформы 60-х гг. подвергались критике за их бессословный характер. Подчеркивая, что «культурный слой» дворянства основывает весь государственный быт, Фадеев предлагал расширить роль дворянства в земских органах власти. Следует заметить, что, говоря о дворянстве, Фадеев имел в виду «культурный слой» любого сословного происхождения, то есть элиту российского общества, пополняемую одаренными людьми из низов.

Книга вызвала большую полемику среди консерваторов, поскольку многих из них пугали радикальные высказывания генерала-публициста о необходимости полного изменения социального устройства России. Славянофил Ю. Ф. Самарин назвал такую позицию «революционным консерватизмом», отмечая стремление к революционным изменениям во имя сохранения основ прежнего общества. Но если Ю. Ф. Самарин употреблял это выражение иронически, то в скором времени парадоксальное сочетание «революционный консерватор» стало с гордостью употребляться многими сторонни-

ками охранительного направления с гордостью. Уже в 1876 г. Ф. М. Достоевский называл себя и своих единомышленников «революционерами от консерватизма».

Однако мировую известность принесли Фадееву его статьи по славянскому и восточному вопросам, которые он, начиная с 1869 г., помещал в «Биржевых ведомостях». Чуть позднее, в январе 1870 г., на основе этих статей была издана книга «Мнение о восточном вопросе». Фадеев с тревогой наблюдал подъем объединенной Германии. Поэтому основная идея его статей заключалась в неизбежности борьбы славянства с германизмом. Учитывая германофильство Александра II, это звучало очень оппозиционно. Одновременно Фадеев считал необходимым разрешить восточный вопрос путем разгрома Османской империи и ликвидации Австро-Венгрии. Результатом, по мысли Фадеева, произошло бы объединение славянских народов в одно государство под скипетром русского царя, причем столицей объединенного государства должен был стать Константинополь.

«Мнение о восточном вопросе» сразу же стало мировой сенсацией. Ее мгновенно перевели на английский и ряд славянских языков. Многие европейские газеты перепечатали обширные выдержки из книги. Чешская община Петербурга преподнесла Фадееву благодарственный адрес. Зато австрийские и немецкие газеты уверяли, что переодетый Фадеев то организовывает восстание в Галиции, то под видом паломника путешествует по Балканам, создавая подпольные группы славян, готовые восстать против турок по первому сигналу.

Книга Фадеева вызывала яростную критику западников из журнала с говорящим названием «Вестник Европы» и левых радикалов из «Отечественных записок». В Австро-Венгрии и Османской империи книга вызвала переполох — ее расценили чуть ли не как объявление войны этим двум странам. Впрочем, и официальный Петербург также поспешил отмежеваться от Фадеева. Российский посол в Вене Н. А. Орлов уведомил правительство Австро-Венгрии о полной непричастности правительства к публикациям Фадеева, что, кстати, было прав-

дой. Демонстрируя это, правительство официально отправило Фадеева в отставку, хотя он и так до этого лишь формально числился в армии, не занимая никакой должности и даже не получая жалованья.

Интересно, что одновременно (и совершенно независимо от Фадеева) подобные взгляды изложил в своей книге, которую справедливо называли «катехизисом славянофильства», выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский. Действительно, такие идеи тогда «носились в воздухе».

6

Между тем в 1875 г. началось очередное обострение восточного вопроса. Летом вспыхнуло восстание боснийских сербов против турецкого ига, в апреле 1876 г. — восстание болгар. Затем началась война Черногории и Сербии против турок. Было ясно, что русское общественное мнение потребует вступления России в войну за освобождение славян.

Для Фадеева, обладавшего благодаря знакомству со славянскими деятелями всей полнотой информации о ситуации на Балканах, это не было неожиданным. Более того, еще за полгода до восстания в своей записке, адресованной наследнику, великому князю Александру Александровичу, он отмечал, что кризис на Востоке вот-вот начнется, и Россия, независимо от собственного желания, вынуждена будет вести войну. И он решил действовать не только на страницах печати. Как частное лицо, он был теперь более свободным в своих действиях и мог проявить себя в качестве самостоятельного политика.

В начале 1875 г. он воспользовался давним приглашением египетского хедива Исмаила реорганизовать египетскую армию. Он прибыл в Египет и стал советником хедива по военным вопросам и «распорядителем армии». При этом Фадеев оставался в российском подданстве, формально числился гражданским лицом и не носил египетской формы.

Следует пояснить, что в то время Египет считался вассальным государством, подчиненным Османской империи,

хотя и имевшим своего наследственного монарха с титулом хедива. Зависимость от Турции проявлялась еще и тем, что египетская аристократия была иноземного, преимущественного турецкого и албанского происхождения. Языком команды в египетской армии был турецкий, и только один араб имел чин полковника. Впрочем, это обстоятельство очень помогало Фадееву, прекрасно владевшему турецким языком и превосходно знавшему исламские обычаи, руководить египетской армией. Как власти, так и простые египтяне стремились избавиться от турецкой зависимости. В случае большой войны Османской империи против России Египет мог выступить против турок. При этом Египет был полуколонией Англии, владевшей египетскими банками, заводами и железными дорогами. Английское владычество вызывало всеобщую ненависть египтян. Фадеев учитывал, что любое решение восточного вопроса грозит развязать войну России с Британской империей, и мог надеяться на то, что Египет окажется в этом случае союзником России.

Увы, существовали еще и другие обстоятельства, которые оказались более существенными и изменили предполагаемый ход событий. Египет переживал тяжелый финансовый кризис, над страной был установлен иностранный финансовый контроль. В том же 1875 г. хедив был вынужден продать по дешевке акции компании Суэцкого канала. Построенный за египетские деньги и трудом египетских рабочих Суэцкий канал за сумму, составляющую несколько процентов от реальной стоимости, достался Великобритании, которой руководил в то время еврей Дизраэли. Это стало началом полной оккупации англичанами Египта в 1882 г.

Первоначально дела Фадеева в Египте шли успешно. Хедив осыпал его наградами и подарками и обещал выступить против турок, если начнется русско-турецкая война. Однако Фадеев проницательно обращал внимание на непостоянство и лживость хедива, на коррумпированность египетской верхушки, перешедшей на содержание англичан. К тому же на Фадеева крайне тяжелое впечатление произвела египетская

армия. Он признавал в частном письме, что реорганизовать эту армию — все равно, что выпить грязную лужу.

И все египетское предприятие кончилось неудачно: после того как контроль над Суэцким каналом перешел к англичанам, вся финансовая система страны стала контролироваться ими. Понятно, что англичане, желая захватить Египет и одновременно не допустить русских на Восток, смогли элементарно купить египетскую верхушку и переманить на свою сторону слабовольного хедива. В довершение Египет начал военные действия против христианской Эфиопии. Фадеев отказался способствовать войне против единоверного народа и в апреле 1876 г. оставил службу в Египте.

В ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. египетские войска сражались в составе турецких войск. Для Фадеева единственным утешением было то, что египтяне оказались очень плохими его учениками, и посланные воевать против русских египетские солдаты проявили поразительно низкую боеспособность.

Одной из главных причин провала египетской миссии Фадеева было то, что он действовал в одиночку, не получая никакой помощи со стороны официальных властей России. Определенную поддержку ему оказывал посол в Стамбуле Н. П. Игнатьев, но это была его личная позиция, расходившаяся с позицией российского МИДа. В таких условиях бороться с британским, турецким влиянием в Египте даже при поддержке хедива было невозможно.

Одновременно с Фадеевым его партнер по газете «Русский мир» и охранительному движению М. Г. Черняев прибыл в Сербию и возглавил сербскую армию в ходе сербо-турецкой войны лета 1876 г. Другой товарищ Фадеева по «Русскому миру» В. В. Комаров также прибыл в Сербию и стал начальником штаба одной из сербских армий. Всего в Сербию при поддержке славянофильских организаций прибыли примерно 4 тыс. русских добровольцев. Но они действовали в одиночестве, не имея поддержки официального Петербурга. В Белграде ожидали скорого прибытия Фадеева, но Александр II лично

запретил ему ехать в Сербию. Как истинный военный, оставшийся таким и в отставке, Фадеев подчинился приказу.

Между тем сербо-турецкая война 1876 г., продолжавшаяся ровно четыре месяца, в силу многих причин закончилась поражением сербской армии. Но Фадеев продолжал активно действовать. Он вплотную занялся делами болгарского дела.

В те же дни апреля 1876 г., когда Ростислав Андреевич вернулся в Россию, в Болгарии началось восстание против турок. Плохо вооруженные повстанцы были разбиты. Началась жестокая расправа турок над мирным болгарским населением.

Теперь от полного истребления балканских славян могли спасти только русские войска. И 12 апреля 1877 г. началась русско-турецкая война. Но еще за полгода до начала военных действий Фадеев подал начальнику Главного штаба русской армии графу Ф. Л. Гейдену записку, озаглавленную «Болгарское дело в турецкой войне». Поскольку война была неизбежна, Фадеев заранее старался обратить внимание военных кругов России к болгарскому вопросу, который, собственно, был главным в надвигающейся войне. Фадеев предлагал создать из болгарских добровольцев особое ополчение в 15 тыс. человек, к которым предлагал присоединить 5 тыс. русских военных болгарского происхождения. Это ополчение должно было стать основой будущей болгарской армии, которое возникнет после освобождения Болгарии. Записка была доведена до сведения императора и получила его одобрение. В России началось формирование болгарского ополчения из числа болгарских беженцев в России. Во главе болгар стал генерал Н. Г. Столетов, давний сослуживец Фадеева по Кавказу (и Черняева по Туркестану), хорошо знавший восточные и славянские языки. Сам же Фадеев при этом был обойден, не получив никаких должностей.

Фадеев занимался сбором средств для помощи болгарам. На собранные им 150 тыс. рублей было закуплено оружие для болгарского ополчения. Когда же война России с Турцией началась, он вновь просился на службу, но получил холодный отказ. Это было неудивительно — за время публицистиче-

ской деятельности он нажил своими статьями немало врагов в высшем военном руководстве.

Фадеев осенью 1877 г. отправился в Черногорию и фактически стал, не имя на то никаких официальных полномочий, военным представителем России в этом союзном балканском государстве. Командуя черногорцами, Фадеев действовал весьма успешно, одержав над турками победу при Антивари. Впоследствии черногорский князь Никола Негош подарил Фадееву небольшое имение. Но война завершилась до того, как Фадеев успел проявить в Черногории свои военные таланты. Война закончилась подписанием 19 февраля 1878 г. в пригороде Константинополя Сан-Стефано мирного договора, по которому рождалось большое Болгарское государство, полную независимость и значительные территориальные приобретения получали Сербия, Черногория, Румыния.

Победа России вызывала резкое недовольство западных держав. Великобритания, Австро-Венгрия и еще ряд европейских государств предъявили России ультиматум и угрожали войной, требуя пересмотра Сан-Стефанского мира. Фадеев вновь подавал записки высшим военным чинам России, доказывая, что Европа не способна к большой войне и ситуация 1854 г., когда западные державы начали войну с целью защиты Османской империи, не повторится. Он прибыл в Белград и был готов возглавить сербские войска в случае войны с Австро-Венгрией и Англией. Но тщетно. На Берлинском конгрессе в июле 1878 г. Россия потерпела унизительное дипломатическое поражение, согласившись с почти всеми западными требованиями. Не случайно тогда говорили, что Россия выиграла войну, но проиграла мир.

7

Известия о результатах Берлинского конгресса вызвали в России взрыв негодования против правительства. 22 июня 1878 г. вождь славянофилов Иван Аксаков выступил в Славянском комитете с резкой антиправительственной речью, кото-

рая прогремела на весь мир. Гнев правящих кругов России не заставил себя ждать — Московский Славянский комитет был закрыт, а И. С. Аксаков сослан в деревню. Одновременно были закрыты практически все славянофильские и охранительные газеты. «Московские ведомости» М. Н. Каткова провели своеобразную демонстрацию, отказавшись печатать любые статьи о российской внешней политике. Ругать царскую дипломатию в условиях общероссийского кризиса Катков не хотел, а хвалить было не за что.

Конфликт правительства с консерваторами совпал с временем подъема революционного движения, перешедшего к террористической деятельности. Либеральная интеллигенция в очередной раз стала союзником радикалов. Показательно дело Веры Засулич. Еще во время войны, 24 января 1878 г. она стреляла и ранила градоначальника Ф. Ф. Трепова. Суд присяжных ее оправдал 31 марта. Подобное не могло произойти ни в одной западной стране. Получалось, что благородные мотивы оправдывали убийство. Таковы были гримасы судебной реформы 1864 г.

Показателем «кризиса верхов» были зигзаги правительственного курса. Сначала пытались разгромить революционеров и либеральную оппозицию грубой силой. Разделив страны на семь генерал-губернаторств («семигенеральщина») с чрезвычайными полномочиями, правительство обрушило репрессии на противников. С апреля 1879 по июль 1880 г. было казнено 16 и выслано 577 человек. Либеральная пресса немедленно завопила о невероятном произволе в России. Но террор продолжался. 5 февраля 1880 г. С. Халтурин организовал взрыв в Зимнем дворце. Хотя монарх спасся и в этот раз, правительственный курс сделал очередной зигзаг. Началось то, что получило название «новых веяний», то есть новый этап реформ. Была создана Верховная распорядительная комиссия во главе со старым кавказским воякой генералом М. Т. Лорис-Меликовым, одновременно ставшим министром внутренних дел. Он пришел к выводу о необходимости осуществления в стране либеральных реформ, которые завершатся «увенчани-

ем здания» империи конституцией. В результате начался конфликт охранителей с Лорис-Меликовым и поддерживающей его группой либеральных бюрократов.

Охранители вовсе не были противниками преобразований как таковых. Но они считали необходимым, чтобы все реформы в стране опирались на исторические традиции России. Контрпрограммой либеральному западничеству стала новая книга Ростислава Фадеева.

Вернувшись в конце 1878 г. в Петербург, он не мог остаться в стороне от происходящей борьбы. Фадеев направлял в высшие сферы империи свои записки и предложения. За границей, в Берлине, весной 1881 г. вышла в свет его новая книга «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 г. — 6 апреля 1880 г.», содержавшая уже открытую критику реформ Александра II и выдвигавшая свою позитивную программу. Показательно, что Фадеев выпустил книгу за рубежом. Благодаря этому он мог открыто, без оглядки на цензуру, критиковать государственных мужей и самого монарха. Впрочем, Александр II предварительно ознакомился с содержанием «писем».

Александр II подписал проект Лорис-Меликова о привлечении выборных от земств в Государственный Совет, что превращало его в парламент. Фактически это означало введение в стране конституции. Однако 1 марта 1881 г. император был убит. Революционный кризис достиг вершины.

Период с 1 марта по 29 апреля 1881 г. был одним из самых драматичных и переломных в российской истории. Останется ли Россия самодержавной монархией или бросится в неизведанные преобразования, чреватые народнической революцией под социалистическими лозунгами, — все это в громадной степени зависело от одного человека — только что вступившего на престол Александра III.

8 марта 1881 г. на совещании Комитета министров произошла решающая схватка охранителей с конституционалистами. При голосовании «за» проект Лорис-Меликова высказались 9 участников, «против» — 5. Однако на нового императора произвела речь К. П. Победоносцева, яростно

выступившего против конституционного принципа вообще. Выступление К. П. Победоносцева покончило с колебанием Александра III, поддержавшего меньшинство. Конституционный проект Лорис-Меликова был отвергнут.

Однако национально мыслящие русские деятели понимали, что бюрократическое средостение между царем и народом способно и впредь тормозить и выхолащивать все разумные мероприятия. Они помнили, что в России ранее, до реформ Петра I, существовало земское самоуправление и периодически созывались Земские Соборы, на которых царь спрашивал мнение «Земли» (то есть общества). Неудивительно, что лидер славянофилов И. Аксаков предложил проект созыва Земского Собора. Идею созыва Собора поддержал новый министр внутренних дел, граф Н. П. Игнатьев, давний друг и единомышленник Фадеева.

Сам Р. А. Фадеев и новый министр двора И. И. Воронцов-Дашков также выступали со своим проектом. С их точки зрения, власть должна привлечь на свою сторону общество. Проект Фадеева, составленный весной 1882 г., предлагал созвать 3 тыс. депутатов по куриям от землевладельцев, земледельцев и городов, по 2—5 человек от уезда.

Но это произошло несколько позднее, а в первые дни после цареубийства Фадееву пришлось заниматься борьбой с крамолой. В мае 1881 г. Фадеев стал осуществлять контроль над «Правительственным вестником» — главным официальным изданием России, что было очень важно и ответственно в период кризиса в государстве. Но публицистическая деятельность в этот горячий момент не устраивала боевого генерала. Он рвался к делу.

Фадеев стоял у истоков создания нелегальной контртеррористической монархической организации «Священная Дружина». Племянник генерала, С. Ю. Витте сразу после гибели Царя-Освободителя направил ему письмо, в котором предлагал создать тайное общество, независимое от государственных учреждений, для внесудебной расправы с цареубийцами. Идея Витте понравилась Фадееву, и он ознакомил с письмом

начальника охраны нового императора Александра III, своего давнего знакомого, министра двора И. И. Воронцова-Дашкова. Министр, отмечая слабую способность полиции бороться с террористами, согласился с привлечением на борьбу с крамолой общественных сил. 12 марта 1881 г. такая тайная организация, получившая романтическое название «Священная Дружина», была образована.

«Священная Дружина» создавалась как законспирированная организация по образцу своих противников народовольцев с многоступенчатой структурой, сложной системой паролей и шифров, явочными квартирами и т. д. «Дружинники», именующие друг друга «братьями», состояли в основном из гвардейских офицеров, молодых аристократов, приказчиков и торговцев. Руководителем «Священной Дружины» был Воронцов-Дашков, его заместителем — Ростислав Фадеев. Всего в «Дружине» насчитывалось 729 членов. Кроме «дружинников», существовала также «Добровольная Охрана», насчитывавшая 14 672 члена, охранявших монарха и членов его семьи во время поездок по России и ставшая для «Священной Дружины» кадровым резервом.

Организация была хорошо законспирирована, поэтому сведения об устройстве и непосредственных руководителях довольно фрагментарны. Руководящий орган — Совет первых старшин (состав его неизвестен), состоявший из 5 человек. Остальные члены делились на два отдела. Первый отдел (100 человек) занимался организационной работой. Из его членов были созданы административные и руководящие органы «Дружины» — Центральный комитет (наиболее закрытый высший руководящий орган, его персональный состав был известен только Совету старшин), Исполнительный комитет (ведал агентурой) и Организационный комитет (устройством). Второй отдел занимался практической работой. Какую роль играл в организации инициатор ее создания Фадеев, неизвестно.

Главной задачей «дружинников» была борьба с революционным движением «грязными» методами. Руководители «Священной Дружины» планировали устранить с помощью

террористических актов видных деятелей революционного движения, за границей издавались провокационные газеты «Правда» и «Вольное слово», ставившие целью дезориентацию радикальной оппозиции, разжигание противоречий среди революционеров. Против земских либералов «братья-дружинники» действовали под видом организаций «Земский союз» и «Земская лига».

В целом, однако, деятельность «Священной Дружины» оказалась малоэффективной. Во-первых, в «Священную Дружину», как и во всякую созданную сверху организацию, по признанию С. Ю. Витте, «направилась всякая дрянь, которая на этом желала сделать карьеру». Во-вторых, состоящая из дилетантов организация не могла в борьбе с революционным движением тягаться с профессионалами из охранного отделения. 26 ноября 1882 г. «Священная Дружина» была распущена, когда революционное движение в основном было разгромлено силами полицейских служб.

Упорная борьба государства и революционеров закончилась победой самодержавия и привела к курсу контрреформ Александра III. Но эта победа была нелегкой, о чем и свидетельствует деятельность самого Фадеева, прибегавшего к нелегальным методам борьбы с крамолой, не надеясь на мощь и благонадежность государственного аппарата. Следует заметить, что хотя «Священная Дружина» и не выполнила тех задач, ради которых была создана, но объяснялось это возросшей эффективностью полицейских служб, а не ошибочностью самой идеи.

Для Фадеева борьба в «Священной Дружине» стала последним боем старого солдата. 29 декабря 1883 г. он скончался в Одессе. Похоронен он был в первый день 1884 г. Кладбище, где покоился прах генерала и его родни, было уничтожено в 30-х гг.

Как личность, Ростислав Фадеев всегда производил сильное впечатление на всех, с кем ему приходилось общаться, будь то его единомышленники или противники.

Интересно, что Фадеева изобразил известный писатель Н. С. Лесков в повести «Очарованный странник». Главный герой повести говорит: «Полковник у нас был отважной души и любил из себя Суворова представлять, все, бывало, «помилуй Бог» говорил и своим примером отвагу давал». У Лескова описывается переправа через реку Койсу, и полковник, командующий русскими, обращается к своим подчиненным словами «благодетели». Именно таким командиром был Фадеев. Про него можно было сказать словами Лермонтова: «Слуга царю, отец солдатам».

Весьма ядовито дан образ Фадеева в «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина в виде «странствующего полководца» Полкана Редеди. (Впрочем, в большей степени сатирик использовал при создании этого образа черты генерала Михаила Черняева, друга и единомышленника Фадеева).

Во время своих поездок в Египет на пароходе Фадеев встретился с известным философом Владимиром Соловьевым. В короткой поэме «Три свидания» Соловьев так описал Фадеева:

Всех тешил генерал — десятый номер —
Кавказскую он помнил старину…
Его назвать не грех — давно он помер,
И лихом я его не помяну.

То Ростислав Фадеев был известный,
В отставке воин и владел пером.
Назвать кокотку иль собор поместный —
Ресурсов тьма была сокрыта в нем.

Мы дважды в день сходились за табльдотом;
Он весело и много говорил,
Не лез в карман за скользким анекдотом
И философствовал по мере сил.

Как уже говорилось, весьма высокого мнения о Фадееве были Ф. М. Достоевский, а также К. П. Победоносцев и Лев

Толстой. Тем не менее для большинства мыслителей второй половины XIX в. он был человек не от мира сего. Увы, как мыслитель Фадеев явно обогнал свой век и оказался не понят современниками.

Личная жизнь Ростислава Андреевича явно не удалась. Проживший шесть десятилетий, Фадеев не имел ни жены, ни детей. Хотя в дни его Екатеринославской и кавказской юности за ним числилось множество романов, своей семьи он так и не создал.

Не сделал Фадеев и состояния. Свою долю от отцовского наследства он передал сестрам, и единственным источником его доходов оставалось офицерское жалование. Став генералом, Фадеев отнюдь не стал богачом. Его жалование, или «оклад по чину», составляло 1017 рублей. Впрочем, сам Фадеев, привыкший на Кавказе к спартанскому образу жизни, никогда не заботился о личном благоустройстве. Получив от египетского хедива значительную сумму денег, он немедленно потратил ее на организацию помощи русским добровольцам на Балканах. Кроме того, немалые суммы из личных доходов тратил на издание газеты «Русский мир» и других охранительных изданий.

О личном бескорыстии Ростислава Андреевича свидетельствует факт, известный со слов его сестры: «В «Московских ведомостях» ему прочитали статью графа Толстого о голоде, свирепствовавшем в Самарской губернии. Ростислав Андреевич, выслушав, сказал: «У меня есть 300 рублей, я их отошлю в Самару», хотя это были все деньги, которые он имел и берег на отъезд в Петербург».

Впрочем, Фадеев не имел даже собственного дома. Помимо казармы и казенных квартир, единственным его семейным гнездом был номер в петербургской гостинице «Париж». Его он занимал всегда по приезде в столицу империи. Правда, нечто вроде родного очага он мог иметь во время нечастых визитов к своим сестрам Надежде и Екатерине в Одессу.

И все же вряд ли на закате своих дней Фадеев считал себя неудачником. С его активным участием Россия твердой ногой

встала на Кавказе, была разгромлена революционная смута рубежа 70—80-х гг. XIX в. Некоторые из предложенных Фадеевым преобразований действительно были реализованы, в том числе и после смерти самого Фадеева. Но многое из того, что предлагал Ростислав Андреевич, осталось в силу многих обстоятельств забыто.

Думается, пришла пора вспомнить о некоторых предложениях «генерал-мыслителя», великого мыслителя и скромного патриота, воителя и публициста, и перечитать его основные произведения.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

I
ОБЩИЙ ОЧЕРК

В сентябре 1859 г. Россия прочитала с удивлением, едва веря своим глазам, телеграфические донесения князя Барятинского государю императору, извещавшие, «что Восточный Кавказ покорен от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги», что «Шамиль взят и отправлен в Петербург»; русское общество знало, хотя и смутно, что в последнее время дела пошли на Кавказе хорошо, но далеко еще не ждало такого быстрого конца.

Кавказская война продолжалась шестьдесят лет. Россия привыкла мало-помалу к мысли, что такое положение дел естественно и должно длиться чуть ли не вечно, тем больше, что Кавказ около полувека оставался в совершенной тени, и публика судила о нем по нескольким повестям да рассказам людей, приезжавших на Пятигорские воды. С 1845 г. стали печатать в газетах извлечения из реляций; но они могли осветить дело только для человека, знакомого с Кавказом. При чрезвычайном разнообразии этой обширной страны, самый зрелый опыт, приобретенный на одном из ее военных театров, не дает еще никакой возможности правильно судить о другом; издали все сливалось в один неопределенный образ, самые коренные изменения в положении вещей сглаживались, и мыслящий

русский человек, незнакомый с Кавказом, не мог, разумеется, связать разноречащих событий и приходил поневоле, отыскивая решения этой задачи, к самым невероятным заключениям. Наше общество, в массе, не сознавало даже цели, для которой государство так настойчиво, с такими пожертвованиями добивалось покорения гор. Страны, составляющие Кавказское наместничество, богатые природой, поставленные в удивительном географическом положении для высокого развития в будущем, все-таки, с чисто экономической точки зрения, независимо от других соображений, не могли вознаградить понесенных для обладания ими жертв. На Кавказе решался вопрос не экономический, или, если даже отчасти экономический, то не заключенный в пределах этой страны. Понятно, что для большинства общества этот вопрос, необъяснимый прямой перспективой дела, оставался темным. Покорение восточных гор обрадовало Россию в ее патриотизме, как победа над упорным врагом, независимо от громадного значения этого события, гораздо яснее понимаемого до сих пор за границей, чем у нас. Утверждение бесспорного русского владычества на Кавказском перешейке заключает в себе столько последствий, необходимых или возможных, прямых и косвенных, что покуда еще невозможно обнять их разом; они будут выказываться одно за другим такой длинной цепью, что разве следующее поколение будет знать весь объем событий 1859 г.

Покуда еще нельзя писать историю русского владычества на Кавказе. Для истории такого долгого и сложного периода нужна предварительная разработка материалов, заваливших в продолжение шестидесяти лет многие архивы; к этому недавно только приступила особая комиссия. Когда-нибудь Россия прочтет полную историю Кавказской войны, составляющей один из великих и занимательнейших эпизодов нашей истории, не только по важности вопросов, решенных русским оружием в этом отдаленном углу империи, но и по чрезвычайному напряжению человеческого духа, которым борьба ознаменовалась с обеих сторон; по неслыханному упорству, с которым она продолжалась десятки лет, беспрерывно видоизменяясь в

своем характере; по особой нравственной физиономии, если можно сказать, запечатлевшей сотни тысяч русских, передвинутых на Кавказ. Приступать к такому труду нельзя вполовину; но можно показать наглядно смысл событий Кавказской войны в их причинах, движении и результате. В этом состоит цель предстоящей книги. Каждый русский должен знать, хотя в главных чертах, что делается на Кавказе, где бьются двести тысяч его соотечественников.

Начало Кавказской войны совпадает с первым годом текущего столетия, когда Россия приняла под свою власть Грузинское царство. Это событие определило новые отношения государства к полудиким племенам Кавказа; из заграничных и чуждых нам они сделались внутренними, и Россия необходимо должна была подчинить их своей власти. Отсюда возникла многолетняя и кровавая борьба, до сих пор еще не совсем конченная. Кавказ потребовал больших жертв; но чего бы он ни стоил, ни один русский не имеет права на это жаловаться, потому что занятие Закавказских областей не было ни случайным, ни произвольным событием в русской истории. Оно подготовлялось веками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собой. Еще в шестнадцатом столетии, когда русский народ уединенно вырастал на берегах Оки и Волхова, отделенный от Кавказа дикой пустыней, священные обязанности и великие надежды приковывали к этому краю внимание первых царей. Домашняя борьба с мусульманством, давившим Россию со всех сторон, была решена. Через развалины татарских царств, основанных на русской почве, Московскому государству открылся обширный горизонт к югу и востоку; там, вдали, виднелись свободные моря, богатая торговля, единоверные народы — грузины и кавказские горцы, тогда еще наполовину христиане, протягивавшие руку России. С одной стороны, Волга выводила русских к Каспийскому морю, окруженному богатыми народами, не имевшими ни одной лодки, — к морю без хозяина; господство на этом море необходимо вело со временем к владычеству над раздробленными и бессильными владениями прикаспийского Кавка-

за. Европейская торговля, отыскивая доступ к золотым странам Востока, силилась пробить себе путь через Московское государство и сопредельные с ним пустыни и увлекла за собой русских на дорогу, и без того указанную естественным положением их земли. С другой стороны, в Россию долетали стоны православной Грузии, стоптанной варварскими нашествиями, изнеможенной бесконечной борьбой, бившейся в это время уже не за право быть самостоятельным народом, а только за право не отречься от Христа. Мусульманское изуверство, распаленное перед этим новым учением шиитства[1], было в полном разгаре. Отчаявшись преодолеть твердость христианского племени, персияне систематически вырезывали население целых областей. Начиная с XVI в., почти каждое грузинское семейство могло молиться мученикам своей крови. В Москву одну за другой привозили грузинские святыни, спасаемые от поругания мусульман. И царь, и простолюдин с одинаковой скорбью слушали рассказы о неистовствах, совершаемых неверными над православным населением Грузии; самые сердечные чувства народа были задеты и влекли русских на путь, уже указанный и политикой, и торговлей. И действительно, с XVI в. начались попытки русских царей, с одной стороны, поддержать изнемогавшую Грузию, с другой — утвердить свое торговое и политическое господство в прикаспийских странах. Эти попытки продолжались, развиваясь все в больших размерах, до конца XVIII в. Сначала они представляли почти непреодолимые препятствия. Россия еще не соприкасалась с Кавказом; между ними лежала обширная пустыня, наполненная кочевыми хищниками и шайками бездомных удальцов, почти непроходимая. Но тем временем русский народ вырастал, поселения раздвигались, пустыня превращалась понемногу в заселенные области. В начале XVIII в. все пространство от Оки до устьев Дона и от Казани до Астрахани было уже занято цепью сел и городов. И с этого времени начинается целый ряд Кавказских походов, совершенных при Петре Великом, Екатерине I, Анне Иоанновне, Екатерине II и Павле Петровиче; они становились все чаще по мере того, как Россия подвигалась к Кавказу.

К концу века русское племя доросло до европейских рубежей своей земли — Черного моря и подножия Кавказа. Закавказские владения не были уже в отношении к России в таком географическом положении, в каком теперь находится Хива[2]; планы Петра Великого могли быть приведены в исполнение без тех затруднений, которые им предстояли в 1722 г. В это самое время новый погром и новые неистовства со стороны мусульман постигли Грузию. Стоя на Тереке и на Кубани, Россия не могла ограничиться бесплодными сожалениями, как в XVI в., слушая рассказы о том, как на Курском мосту в Тифлисе персияне заставляли православных плевать в чудотворный образ Богородицы и свергали непокорных (а непокорными были все) с моста в Куру, скоро запруженную телами; или как две тысячи молельщиков Давидо-Гареджийской пустыни были по очереди подводимы под топор во время совершения заутрени на Светлое воскресенье. Независимо от самых существенных интересов, по которым обладание Кавказом составляло уже тогда для империи дело первой важности, с одной стороны религиозного вопроса Россия не могла отказать православной Грузии в защите, не переставая быть Россией. Манифестом 18 января 1801 г. Павел Петрович принял Грузию в число русских областей, по завещанию последнего грузинского царя Георгия XII.

В то время спор за господство на Черном море шел у нас только с одной Турцией. Но Турция была уже объявлена несостоятельной политически; она уже находилась под опекой Европы, которая ревниво блюла ее целостность, потому что не могла принять равного участия в дележе. Несмотря на это искусственное равновесие, опертое на острие иглы, между великими державами начиналась борьба за преобладающее влияние на Турцию и все, принадлежащее ей. Европа проникала в отжившую массу Азии с двух сторон, с запада и юга; для некоторых европейцев азиатские вопросы получили первостепенную, исключительную важность. В пределах Турции, если не действительных, то предполагаемых дипломатически, заключались Черное море и Закавказье; это государство простирало свои притязания до берега Каспийского моря и легко

могло осуществить их первым успехом, одержанным над персиянами. Но неясно очерченная масса Турецкой империи начинала уже переходить из одного влияния под другое. Было очевидно, что спор за Черное море, за все воды и земли, на которые простирались притязания Турции, рано или поздно, при первом удобном политическом сочетании, станет спором европейским и будет обращен против нас, потому что вопросы о западном влиянии или господстве в Азии не терпят раздела; соперник там смертелен для европейского могущества. Чье бы влияние или господство ни простерлось на эти страны (между которыми были земли без хозяина, как, например, весь Кавказский перешеек), оно стало бы во враждебные отношения к нам. Между тем владычество на Черном и Каспийском морях или, в случае крайности хоть нейтралитет этих морей, составляет жизненный вопрос для всей южной половины России, от Оки до Крыма, в которой все более и более сосредоточиваются главные силы империи, и личные, и материальные. Эта половина государства создана, можно сказать, Черным морем. До завоевания Екатерины она была в таком же положении, как теперь Уральский край и Южная Сибирь, поселениями, вдвинутыми в безвыходную степь; владение берегом сделало ее самостоятельной и самой богатой частью империи. Через несколько лет, с устройством Закавказской железной дороги, которая необходимо привлечет к себе обширную трапезундскую[3] торговлю с верхней Азией, при быстром развитии Волжского и морского пароходства, при составившейся компании азиатской торговли пустынное Каспийское море создаст для Юго-Восточной России то же положение, какое Черное море уже создало для Юго-Западной. Но охранять свои южные бассейны Россия может только с Кавказского перешейка; континентальному государству, как наше, нельзя поддержать своего значения, ни заставить уважать свою волю там, куда его пушки не могут дойти по твердой почве. Если б горизонт России замыкался к югу снежными вершинами Кавказского хребта, весь западный материк Азии находился бы совершенно вне нашего влияния и при нынешнем бессилии Турции и Персии не-

долго бы дожидался хозяина или хозяев. Южные русские области упирались бы не в свободные воды, но в бассейны и земли, подчиненные враждебному влиянию. Если этого не случилось и не случится, то потому только, что русское войско, стоящее на Кавказском перешейке, может обхватить южные берега этих морей, протянувши руки в обе стороны.

Враждебное влияние не остановилось бы на Кавказском перешейке. Ряд водных бассейнов, вдвинутых в глубь Азиатского материка, от Дарданелл до Аральского моря, с его судоходным притоком Амударьей, прорезывающим всю Среднюю Азию почти до индийской границы, — слишком заманчивый путь для торговли, пробивающейся теперь через бездорожные хребты и высокие плоскости Армении и Азербайджана. Европейская торговля с Азией шла этим путем тысячи лет, была прервана турками, когда они, взявши Константинополь, заперли Черное море, и возобновилась бы в начале этого века, если б Кавказский перешеек оставался без владыки. Но кто не знает, что такое европейская торговля в Азии? Соприкосновение двух пород столь неравных сил начинается там ситцами, а кончается созданием подвластной империи в 150 млн жителей. Если б торговля некоторых европейцев установилась по направлению внутренних азиатских бассейнов сама собой, до или помимо нашего господства за Кавказом, путь ее был бы пределом наших отношений к Азии. Все лежащее за чертой, протянутой от устья Кубани к северному берегу Аральского моря и дальше, было бы слито в одну враждебную нам группу, и мы выиграли бы только то, что вся южная граница империи на несколько тысяч верст, от Крыма до Китая, сделалась бы границей в полном смысле слова, потребовала бы крепостей и армии для своего охранения; чистая выгода в смысле «мирного развития внутренних сил государства». Для обороны Кавказской линии пришлось бы, вероятно, употребить те же войска, какие занимают ее теперь, но уже без всякой надежды на окончание этого положения. Европейская торговля с Персией и внутренней Азией, проходящая через Кавказский перешеек, подчиненный русскому господству, обещает государству

положительные выгоды; та же самая торговля, прошедшая через Кавказ, независимый от нас, создала бы для России нескончаемый ряд утрат и опасностей. Кавказская армия держит в своих руках ключ от Востока; это до того известно нашим недоброжелателям, что во время истекшей войны нельзя было открыть английской брошюры, чтобы не найти в ней толков о средстве очистить Закавказье от русских. Но если отношения к Востоку составляют вопрос первой важности для других, то для России они осуществляют историческую необходимость, уклониться от которой не в ее власти.

Россия на пространстве десяти тысяч верст не соприкасается, но смешивается с мусульманской и языческой Азией. Пределы ее выдвигаются вперед не вследствие одних политических расчетов, но по требованию домашнего управления и внутреннего хозяйства, как обработанные поля владельца, поселившегося в новой, никому не принадлежащей земле. За русским рубежом и до самого края земли все в Азии тлеет и разрушается. Азиатские общества держались века, как труп, до которого не касается воздух в могиле, держались отсутствием посторонней стихии; как только живые силы Европы дохнули на них, они стали рассыпаться. Нынешние народы западной половины Азии давно уже перестали быть общественными организмами; они сделались численным собранием мусульман, случайно, без малейшего сочувствия соединенных под той или другой местной властью. Исламизм проник во все их общественные поры и совершенно вытеснил народность, как известковый раствор вытесняет мало-помалу все вещество древней раковины, облекаясь в ее форму; он овладел всем человеком и окаменил его в однажды данной форме, не оставляя никакого места ни общественному, ни личному развитию, не проистекающему из Корана. Гражданское устройство мусульманских народов, их суд, финансы, личные и семейные отношения установлены по шариату, неизменному до конца мира, как непреложное откровение. Личность человека усыплена в мусульманстве еще более, чем общество. В этом отношении исламизм вполне может назваться рассудочной религией; он

объясняет мир и ставит человеку цель рассудительно, естественно, довольно близко к всемирному преданию, понятно для всякого ума и потому совершенно удовлетворительно; но в то же время без малейшего нравственного идеала, который мог бы освятить душу[4]. Исламизм берет человеческую природу как она есть, со всем ее светом и со всей ее грязью, благославляет в ней все одинаково, дает законный исход хорошему и дурному, обещая продолжение такого состояния в самой вечности. Обязанности, налагаемые этой религией, состоят в легкой обрядности и ненависти к неверным. Мусульманин выносит из своей веры достаточное удовлетворение умственное и невозмутимое довольство самим собой. Это настроение необходимо разрешается на практике крайней апатией. К чему может стремиться человек, когда он есть уже все, чем должен быть, человек, которого не гложет сомнение, но не манит также никакой идеал? Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь еще производит страшные пожары в местах, куда оно проникает внове, чему примером служит Кавказ. Могущество первого взрыва мусульманства происходит именно от освящения дурных сторон человеческой природы — разнузданности страстей, зверства, фанатизма. В сущности, исламизм есть религия страсти, учение в полном смысле поджигательное; он воспламеняет людей, удваивает их силы, делает их способными к великим вещам настолько, насколько в человеке или целом народе достает горючего материала. Когда нравственный пожар кончится, от мусульманства остается только пепел, одна бесплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатия пьяницы с похмелья. В три века исламизм исчерпал до дна свое неглубокое содержание, и с тех пор застыл, как труп. Кто видел и знает, до какой степени нынешним азиатцам чужды понятия об отечестве, о всяком общественном интересе, о первых обязанностях гражданина; до какой степени они равнодушны к тому, что люди называют своей землей, лишь бы не было возмущено их личное спокойствие; в какой мере они презирают свои правительства, не помышляя даже об их улучшении; как мало трогают их отечественные

события, — тот не может ни на минуту сомневаться, что последний час пробил для этих человеческих скопищ, лишенных всякой внутренней связи. Усилия некоторых мусульманских правительств преобразовать государство на европейский лад разрушили последнее основание этих дряхлых народов — веру. Общественный закон всех мусульман — шариат — есть откровение; уничтожить или изменить его — значит отвергнуть слово Божие. Реформы в Азии, с одной стороны, оттолкнули от власти массы, привели их в брожение, создали мусульманское франкмасонство, весьма похожее на мюридизм в его начале, обвивавшее тайными ложами большую часть мусульманского мира; с другой — создали официальный класс образованных мусульман, которые верят в одни только деньги, кто бы их ни давал. Что будет с Азией, разгадать этого еще нельзя; но в таком виде, как теперь, она не может существовать. Или в ней совершится внутренний переворот, чего не видать и признака, или она сделается добычей. Во всяком случае, Россия не может допустить, чтобы без ее участия устроилась судьба целой части света, с которой она слита почти безраздельно, с которой она живет, можно сказать, под одной кровлей. Решение спора христианства с исламизмом, покинутое Европой с XIV в., с того же времени как бы свыше предоставлено одной России и сделалось, сознательно или бессознательно, ее народным делом. Все ее сочувствия и все интересы, даже независимо от ее воли, из века в век, периодически ставят ее лицом к лицу против всевозможных видоизменений этого вопроса.

Но действительная связь России с Азией, узел их — на Кавказе. На всем остальном пространстве между оседлой Азией и русской границей, от Амура до Каспийского моря, тянется пустыня, которая к концу века будет уже, может быть, несколько населена и станет удобопроходимой; но до тех пор многое может случиться. Через Кавказский перешеек и его домашний бассейн — Каспийское море Россия соприкасается непосредственно со всей массой мусульманской Азии. С Кавказского перешейка Россия может достать всюду, куда ей будет нужно; и здесь же именно полувековая борьба с мусульманским фана-

тизмом создала единственную армию, которая может выносить, без расстройства, бесконечные лишения азиатских походов.

Для России Кавказский перешеек — вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце Азиатского материка, и стена, которой заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первой государственной необходимостью. Но покуда русское племя доросло до подошвы Кавказа, все изменилось в горах. Выбитый из Европейской России исламизм работал неутомимо три века, чтобы укрепить за собой естественную ограду Азии и мусульманского мира — Кавказский хребет, — и достиг цели. Вместо прежних христианских племен мы встретили в горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма. Шестьдесят лет продолжался штурм этой гигантской крепости; вся энергия старинного мусульманства, давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе, в Кавказских горах. Борьба была неистовая, пожертвования страшные. Россия не отставала и преодолела, зная, что великим народам, на пути к назначенной им цели, полагаются и препятствия в меру их силы.

II
МЮРИДИЗМ

Весной 1801 г. генерал Кнорринг принял Грузию под русскую власть. В это время все страны Кавказа, и горы, и загорные области, находились в состоянии совершеннейшего хаоса; общество здесь распадалось не от внутреннего истления, но от бесконечного и неслыханного внешнего насилия. Весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок. Стоит только вспомнить, что целые войска мамелюков[5] и багдадских гюрджей[6] были поголовно составлены из кавказских невольников; что первоначальные янычары имели такое же происхождение; что все белые невольники Турции и Персии вывозились с Кав-

каза; что турецкие гаремы были наполнены кавказскими женщинами, и что этой причиной этнология объясняет изменение типа Османовой орды в нынешний турецкий; стоит только соединить эти факты, чтобы представить себе положение, из которого русская сила извлекла Кавказ. С тех пор, как Грузинское царство, властвовавшее прежде над горами, было стоптано нашествием Чингисхановой орды, всякая мысль о праве и порядке исчезла с Кавказского перешейка. Здешние племена разделились на две стороны — на охотников и на добычу, смотря по тому, где они жили — в непроходимой трущобе или на открытых полях. Но и это различие со временем исчезло. Приучаемые с детства к ловле людей, горцы так сроднились с этим ремеслом, что перенесли его в собственные ущелья. Возвращаясь с охоты в чужом краю, они ставили ловушку соседу, крали его детей, подчас продавали собственных. Землей и морем отправлялись с Кавказа грузы невольников, но только не черных, как на Гвинейском берегу, а людей европейского племени, по большей части христиан. В полном XVIII столетии Кавказ жил жизнью доисторических времен, когда такими же средствами закладывалась для древних обществ основа всемирного невольничества.

Принятие Грузии под русскую власть положило конец этому позору, но не разом. Чтоб очистить Закавказье от лезгинских шаек, надобно было в продолжение 15 лет истреблять их, как истребляют хищных зверей; а в это время русские силы за горами были невелики и заняты более серьезной борьбой. Персия и Турция, разделенные три века непримиримой враждой, восстали заодно против христианского владычества за Кавказом; нашим войскам пришлось вести многолетнюю и упорную войну в пропорции одного против десяти. К счастью, в это время мусульманские государства уже отжили свой век и сохранили одну наружность прежнего могущества; первая встреча с европейцами разоблачила их бессилие. Тем не менее численные силы Персии и Турции были так велики, усилия этих государств выбить нас из Закавказья так настойчивы, что небольшой грузинский корпус должен был почти весь

сосредоточиться на южной границе; для защиты закавказских областей от горцев оставалось несколько батальонов, которые не могли вносить войну в горы и ограничивались по необходимости преследованием разбойничьих шаек внутри края. Наступательная война против горцев началась действительно только с назначением главноуправляющим Кавказским краем генерала Ермолова в 1816 г.

В то время весь горный пояс Кавказского перешейка, вплоть от Черного до Каспийского моря в длину, от Кубани и Терека до южного склона хребта в ширину, был занят независимыми и враждебными нам племенами. Только две дороги связывали закавказские области с Россией: одна — Дарьяльская, проложенная с незапамятных времен по ущелью Терека через самую середину Кавказского хребта, другая — по берегу Каспийского моря. И там и здесь могли проходить лишь колонны, готовые всякую минуту дать отпор неприятелю. Население гор, несмотря на коренные различия между племенами по наружному типу и языку, всегда было проникнуто совершенно одинаковым характером в отношении к соседям, кто бы они ни были: характером людей, до того сроднившихся с хищничеством, что оно перешло к ним в кровь, образовало из них хищную породу, почти в зоологическом смысле слова. Кавказские горцы, в течение тысячелетий, не заимствовали от окружающих ничего, кроме усовершенствований в оружии; в этом деле они были в высокой степени переимчивы; во всем прочем между ними и соседями не происходило никакого умственного соприкосновения. Обрывки племен, которых след давно исчез на земле, кавказские общества сохранили в своих бездонных ущельях первобытный образ, как сохраняются остатки старины в могилах. Их разделяли от подгорных жителей не только заоблачные хребты, но ряды веков, протекших с того времени, когда они выделились из человеческой семьи. Без общения с соседями горские племена не общались и между собой, и понемногу каждое племя утратило чувство кровного единства, распалось на мелкие общества, ограниченные пространством одной горной долины. Тут было единственное от-

ечество горца, единственный угол на земле, в котором он признавал за людьми право жить; на весь прочий мир он смотрел враждебно и считал его законной добычей. Теперь только одна филология может восстановить исторический тип племен, заселивших Кавказ, связать их с чем-нибудь существующим или существовавшим. На изорванных хребтах Кавказа остались следы всех переселений белой породы, исторических и доисторических, как на колючем заборе шерсть от прогоняемых стад. Эти обрывки зарылись в недосягаемые ущелья, окаменели в своем первообразном виде и теперь представляют сборник живых образцов из эпохи, от которой не осталось людям ничего, кроме нескольких непонятных преданий. Но пока еще наука не коснулась этого предмета, мы знаем наглядно, что Кавказский хребет заселен семью совершенно различными народами. Дагестан, покорный и непокорный, занимают три племени, которых русские окрестили общим названием «лезгины», но которые рознятся коренным образом и языком, и наружным видом. Первое племя — цунта — живет вдоль Станового хребта, обращенного к Грузии; второе — аварское — засело в северной части Нагорного Дагестана; третье — казикумухское — занимает страну на восток от этих племен до Каспийского моря. На северном склоне горного хребта, перерезывающего группу Восточного Кавказа диагонально от юго-запада к северо-востоку, живет чеченское племя, которое называет себя нахчо. Средина Кавказского хребта, самая узкая и высокая, заселена осетинами (ирон), племенем сравнительно новейшим, потому что некоторый, хотя и слабый след его переселения на Кавказ еще мерцает в истории. Вся западная группа Кавказа занята многочисленным народом адыгов, обыкновенно называемых черкесами, которые заселили также и Кабардинскую равнину, но уже в позднейшие века. Наконец, в углу между западным хребтом, Черным морем и Мингрелией основалось абхазское племя.

Население гор, состоящее из этих семи первобытных народов, простиралось в старину довольно далеко во все стороны по смежным равнинам; оно было заперто в ущельях Кавказа

нашествием татарской орды Чингисхана, составившей последний племенной наплыв на Кавказском перешейке. Татары[7] заняли подгорные страны с трех сторон и в середине Кавказского хребта, между осетинами и адыгами врезались в глубину гор, истребив туземцев. Но, кроме того, в некоторых долинах Кавказа, самых диких и недоступных, на некоторых террасах, отдельно возвышающихся посреди хаоса скал и отрогов, сохранились урывки племен в одну, две, три деревни, населенные людьми, языка которых никто не понимает; таких исключений можно насчитать довольно много. Различие между племенами Кавказа состоит не только в языке, но и в наружности; самый духовный склад человека весьма отличен и доказывает, что эти племена оторвались от своих корней на степени развития, далеко неодинаковой. Между тем как сильный народ адыгов представляет общественное состояние, поразительно сходное с варварским бытом V и VI вв., основанное на сознанном праве и потому заключающее в себе зародыши возможного развития, если б этот народ находился в другом положении; в то же время большая часть лезгин нагорного Дагестана и чеченцы составляют тип общества, до того распавшегося, что от него не осталось ничего, кроме отдельных лиц, которые терпят друг друга только из страха кровной мести. Влияние исламизма, утвердившегося в приморском Дагестане еще при Аббасидах[8], наложило на восточные лезгинские племена некоторый оттенок гражданского устройства хотя тем, что подчинило их наследственным владетелям, которые могли своему подданному резать голову безнаказанно и не опасаясь мести за кровь, если могли только с ним сладить. Просвещение христианством южных горских племен цунтинского и осетинского, предпринятое в славный период Грузинского царства, исчезло вместе со значением Грузии, не оставив в первом племени даже следов и оставив во втором одни смутные воспоминания. Все остальное население гор, особенно восточной половины Кавказа, оставалось целые тысячелетия недоступным постороннему влиянию. Замкнутые в своих неприступных ущельях, кавказские горцы сходили на равнину только для грабежа и убийства; дома дни

их проходили в самой тупоумной праздности. И теперь горец, имеющий какое-нибудь состояние, с утра до вечера неподвижно сидит в дверях сакли и режет ножом палочку. Религия, если только до последнего времени у восточных кавказских племен существовала другая религия, кроме шаманства, давно была позабыта, не оставив и следа мысли о высшем мире, и тени понятия о какой-либо обязанности, ничего, кроме боязни некоторых нечистых влияний. Без надежды, без ответственности и без мышления, без отечества, кроме нескольких домов своей деревни, живя разбоем и не боясь за него никакой отплаты в своем полувоздушном гнезде, проводя таким образом века за веками, кавказский горец выделал себе природу плотоядного зверя, который бессмысленно лежит на солнце, пока не чувствует голода, и потом терзает жертву без злобы и без угрызений. С XIII в. развилась на Кавказе как промышленность охота за людьми для продажи и низвела понятия горца на последнюю степень растления; он стал понимать значение человека только в смысле промена на серебряную гайку. Со всем тем, это нужно заметить тут же, развращение кавказских племен было только наружное. Горец был как ребенок, воспитанный в дурных примерах, перенявший их безотчетно, но сохранивший еще всю свежесть своей спящей души; он никогда не упадал до степени гвинейского негра, сохраняя над ним неизмеримые преимущества своей чистой, богато одаренной яфетической породы. Мюридизм доказал, как девственна еще была душа этих людей, сколько пламени, самоотвержения, религиозности обнаружила в них первая общая идея, проникшая в их мысль. Всю энергию, развитую веками боевой жизни, горцы отдали на служение ей. До тех пор они были воинами только для войны, — разбойниками или наемными солдатами. Единственные войска, которые Восток, после охлаждения первого взрыва мусульманства, мог противопоставлять европейцам, были всегда составлены из кавказцев; чистые азиатские армии никогда не могли выдержать европейского напора иначе, как при несоразмерном численном превосходстве. В отношении военной энергии сравнивать кавказских горцев с алжирскими арабами

или кабилами, из которых французское краснобайство сделало страшных противников, может быть только смешно. Никогда алжирцы, ни в каком числе, не могли взять блокгауза, защищаемого двадцатью пятью солдатами. Адыги и лезгины брали голыми руками крепости, где сидел целый кавказский батальон; они шли на картечь и штыки неустрашимых людей, решившихся умереть до одного, взрывавших в последнюю минуту пороховые магазины, и все-таки — шли; заваливали ров и покрывали бруствер своими телами, взлетали на воздух вместе с защитниками, но овладевали крепостью.

В восьмисотых годах разбой в беззащитном подгорном крае был главным ремеслом горцев. Какие договоры были возможны с подобными людьми, разделенными вдобавок на сотни независимых обществ? Когда, в первое время русского владычества в Грузии, кавказское начальство потребовало от кюринского общества, сравнительно образованнейшего между лезгинами, чтобы оно уняло своих разбойников, кюринские старшины отвечали: мы, честные люди, земли пахать не любим, живем и будем жить разбоем, как жили наши отцы и деды. Какими средствами, кроме оружия, можно было обуздать горские племена? А между тем они отделяли закавказские области от России сплошным поясом, в 200 и 250 верст ширины, и мы не имели других сообщений с новыми владениями, как через этот неприязненный край. Чтобы владеть Закавказьем, надо было покорить Кавказ.

Исполнение этого дела в самом начале было несравненно легче, чем теперь. Тогда непокорные горы состояли из одной восточной группы; Западный Кавказ номинально принадлежал еще Турции и достаточно охранялся жившими на пограничной черте черноморскими и линейными казаками, не развлекая наших сил. В 20-х годах между горскими обществами не существовало никакой политической связи, даже редко обнаруживалось сочувствие. Когда шло дело о набеге в наши пределы, удальцы из разных племен стекались под начальство известного в горах атамана и потом расходились по домам. Это был союз частных людей, в котором общества

не принимали никакого участия. Не было в виду добычи, не было и союза. Оттого, при нашем наступлении, каждое общество защищалось и покорялось отдельно. Мусульманского фанатизма у горцев еще не существовало, как не существовало и самой религии, кроме названия, и потому совесть их не тревожилась, признавая власть гяуров. Защищая свою независимость, горцы защищали только право грабить подгорный край. Наконец, сила регулярного оружия против людей, не видавших ничего подобного, на первых порах была неотразима. В 20-х годах горцы решительно не выдерживали артиллерийского огня; несмотря на свою храбрость и ловкость, они были бессильны перед сомкнутой массой, как перед подвижной крепостью. Самые отважные разбойники не скоро и не легко превращаются в воинов. При таком положении дела отряд в несколько рот мог считаться на Кавказе самостоятельным и действовать наступательно против разделенного, равнодушного и неустроенного неприятеля. Затруднение состояло в одном: в бесконечном раздроблении военного театра на отдельные клетки, требующие каждая самостоятельной операции. Как бы ни было слабо сопротивление неприятеля, в такой загроможденной местности, как кавказская, нельзя делать прыжка через несколько клеток вдруг. Чтобы перевалиться из одной завоеванной долины в соседнюю, через едва проходимый горный хребет, нужно занять первую прочно, перенести в нее самое основание приготовляемой экспедиции, иначе поход будет только набегом; а каких результатов ждать от набега в стране, где целый день надо лезть на одну гору, останавливаясь поминутно, чтобы перевести дыхание? Идти вперед — значит и значило на Кавказе подвигаться постепенно, прочно занимая каждую долину, для чего нужно одно из двух: или большая сила, или большое время. При первом условии мы могли действовать безостановочно, подаваясь со всех сторон от окружности к центру; при втором условии надо было ждать, чтобы вновь покоряемые общества привыкли к нашей власти, обратились бы в послушных данников, и тогда только, не боясь уже за свой тыл, предпринимать дальнейшее завоевание.

В ту пору предпочли положиться на время. Тогда ничто еще не предсказывало будущего взрыва; по всей человеческой вероятности можно было думать, что, как бы ни были медленны наши действия, мы успеем покорить горцев прежде, чем они изменят своим тысячелетним привычкам; а между тем содержание войск на Кавказе стоило вдвое дороже, чем в России. На этом основании Кавказский корпус был оставлен в прежних силах, несмотря на то, что сотни тысяч русских солдат возвратились из-за границы. Сорок пять тысяч человек должны были действовать в одно и то же время наступательно и оборонительно против враждебной страны в 1000 верст длиной, обхватывая ее с обеих сторон. При таких условиях действия с нашей стороны не могли быть решительными, несмотря на раздробленность неприятеля. Генерал Ермолов не имел достаточно сил для того, чтобы вести несколько операций разом, и поневоле должен был ограничиваться необходимейшими. Со всем тем, много было совершено в этот период времени, недаром оставшийся в памяти России. Занятие Шамхальского владения, завоевание Кюринского и Казикумухского ханств, Акуши, Большой и Малой Кабарды, погром Чечни связали закавказские области с Россией двумя широкими поясами покорных стран, разрезали враждебный край на две отдельные группы без сообщения и сильно поколебали уверенность горцев в неодолимости их убежищ. Еще десять или пятнадцать лет подобных усилий против подобного же неприятеля, вероятно, привели бы нас к желанной цели. Восточный Кавказ, окруженный со всех сторон нашими владениями, поглощавший наибольшую часть наших средств, был бы покорен. Но у нас не стало времени. Как только персидская и турецкая войны[9] отвлекли русские силы к южной границе, религиозный заговор, несколько лет уже подрывавший втайне почву под нашими ногами, вдруг сбросил маску и увлек все население гор поголовно в беспощадную битву против христиан. Положение русского владычества на Кавказе внезапно изменилось.

Вероятно, еще не скоро сосчитают миллионы рублей и тысячи людей, которых стоит России появление в городах мю-

ридизма. Влияние этого события простерлось далеко, гораздо дальше, чем кажется с первого раза. Во всяком случае, оно довольно важно для государства и в прошедшем, и в будущем, чтобы постараться определить его мысль.

Мусульманство зашло на Кавказ с двух разных сторон. Восточные горы приняли его от Арабского халифата в VII и VIII вв., западные — от Турции в XVII и XVIII вв. Глубина корней, которые исламизм пустил на Кавказе, соответствует относительной древности этих эпох: в восточной половине он проник в массу народа, в западной — в одно только высшее сословие. Этот факт объясняет, почему лезгины так скоро увлеклись мюридизмом и почему черкесы, несмотря на все усилия проповедников, так туго ему поддаются. Но и в восточной группе не все племена одинаково старые мусульмане. Магометанство в этом крае долго ограничивалось одним приморским Дагестаном, уравновешиваемое в горах влиянием христианской Грузии. Только с падением Грузинского царства горские общества стали понемногу привыкать к обрядам исламизма, но держались еще далеко не в ровной степени, когда началась на Кавказе мюридическая проповедь. Она разом увлекла старых мусульман приморского Дагестана; но в горах восторжествовала только после серьезной борьбы. До этого времени мусульманство было распространено на Кавказе, целые столетия не оказывая никакого влияния ни на общественное, ни на личное состояние горцев; все, что было сказано о племенах языческих, прилагается без перемены к племенам мусульманским; разница была только в бритых головах. Горцы потому и поддались исламизму, что он оправдывал их свирепый характер, придавал ему законное освящение. Шариат проповедовал им личную месть дома, войну за веру на соседей, потакал страстям, не тревожил спокойствия совести никаким идеалом, ласкал надеждой соблазнительного рая, — и все это за соблюдение нескольких ничтожных обрядов. Исламизм действовал в горах, как и везде. Шумное появление его на свет, имевшее бесчисленные материальные последствия, не имело никакого влияния на духовную сторону человека, не

внесло ни одного нового побуждения в жизнь покорившихся ему народов. Европейцы, наблюдавшие черные африканские племена, принявшие исламизм, были поражены коренным бессилием этой религии в нравственном отношении; ничто не отличает негров-мусульман от негров безверных, кроме чалмы на голове значительных лиц. Иначе и быть не может. Мусульманство, смотря по обстоятельствам, более или менее ему благоприятствующим, или вовсе вытравляет народность, оставляя на месте ее одно численное собрание единиц, или остается только внешним обрядом, без всякого отношения к жизни. Язычники, еще не гражданственные, принявшие мусульманство, говорят «Бог», вместо «боги», совершают пять умовений в день и продолжают жить по-прежнему. Коран внушает им только невозмутимое довольство собой и фанатическую ненависть ко всему немусульманскому, апатию при обыкновенных обстоятельствах и нервический энтузиазм при взрыве фанатизма. Со всем тем, при первой, самой слабой степени развития, как только мусульманин начинает мыслить, он уже не может смотреть на мир глазами пантеиста-язычника. Он видит в природе уже совсем другое, чем закон беспричинной необходимости, под властью которого человек так равнодушно проводит жизнь в полусонных мечтаниях. Озаренный идеей Единого Бога, Творца и Промыслителя, мусульманин не считает себя минутным проявлением Вечной Силы, сознает свою свободную личность и чувствует естественное стремление к Высшему образцу. Но, обращаясь к религии за удовлетворением этой первой потребности пробужденной души, находит в ней один бесплодный догматизм, без любви и без нравственного идеала. Трудно человеку помириться с таким положением. В продолжение веков лучшие люди мусульманского мира силились открыть в своем богословии ответ на голос совести и породили множество толков, безразличных в отношении теологическом, но различных в определении того коренного вопроса, как должен человек понимать свои обязанности перед Богом. Жаждая более сердечного отношения к Творцу, чем исполнение материальных обрядов, и не доискав-

шись в своем законе любви, рьяные мусульманские учители поневоле заменяли ее усердием — напряженной ненавистью к иноверцам и фанатическим преувеличением всех положений веры. Мюридизм есть последнее историческое явление в этом роде, самое преувеличенное изо всех.

Происхождение мюридизма пытались связать с сектами исмаилитов и ассассинов[10]; появление его на Кавказе выводили из Бухары. В этом, может быть, и есть основание, но только оно не нужно для объяснения этого учения. Мюридизм мог родиться на Кавказе, как и теперь рождаются в Азии разные мусульманские толки, от естественной потребности духа, возбужденной, но не удовлетворяемой Кораном; а развился он в таких размерах потому, что служил выражением главной страсти и главной черты исламизма — ненависти к неверным, в стране, занятой неверными. Мюридизм не создавал своего богословия; он разнится от веры, общей всем суннитам, только крайностью своих выводов. Проповедь его основана на особенном объяснении тариката[11], части закона, содержащей учение об обязанностях человека. Но в этом отношении он превзошел всякую степень мусульманского изуверства и, можно думать, досказал последнее слово исламизма. Мюридизм выключил из жизни человека все человеческое и поставил ему два правила: ежеминутное приготовление к вечности и непрерывную войну против неверных, предоставляя на выбор — смерть или соблюдение этих правил во всей их фанатической жесткости. Шариат был восстановлен в первобытном виде. Над людьми проведен безусловный уровень, и различие между ними определилось только духовными степенями. Поборники мюридизма шли к своей цели кратчайшей дорогой и, не дожидаясь, чтобы чувство религиозного равенства утвердилось привычкой, предпочли утвердить его топором. Владетели, дворяне, где они были, наследственные старшины, люди уважаемых родов или просто уважаемые лично до появления мюридизма, были вырезаны один за другим, и в горах действительно устроилось на время совершенное равенство, потому что не осталось никого, кроме черных людей. За невесту, кто б она ни была, дочь ли

первого наиба или последнего пастуха, ве́но определено неизменно в 1 руб. серебром. Все, что напоминало старину, — пляски, игры, бренчание на балалайке, было объявлено светскими обрядами, достойными смерти. Безусловное повиновение старшему духовному, как в монастыре, сделалось первым долгом. Фанатизм и страх переломили людей, не признававших до тех пор ничего, кроме личного произвола. Пожертвование имуществом, жизнью и семейством, когда того требовала власть, разумеется, считались ни во что. Стремясь поработить себе людей всем существом — мыслью и совестью, мюридизм должен был подчинить их всечасному надзору. Во всех горах над несколькими домами были поставлены мюриды, перед которыми открывались даже тайны азиатского терема; они отвечали за каждое действие, за весь домашний быт подчиненных им людей. Неукоснительное соблюдение самых мелочных обрядов веры составляло, естественно, первый закон нового учения; но оно этим не довольствовалось. Играя волей и привычками людей, мюридизм всякий день запрещал что-нибудь: сегодня курение табака, общее всем мусульманам; завтра употребление чеснока, без которого горец жить не может, и т. д. Телесное наказание было насильно введено у людей, которые, бывало, считали стыдом, если кого-нибудь можно было попрекнуть тем, что его высекли ребенком. Подчинив себе человеческую жизнь во всей ее целости, обратив или стремясь, по крайней мере, обратить своих последователей в слепые орудия того, что он называл волей Божией, мюридизм, кроме того, окружил себя еще присяжными поборниками — муртазигатами и мюридами, людьми, оторванными от общества, предавшимися ему с закрытыми глазами, принесшими клятву биться до последнего издыхания и резать всякого, на кого им укажут, кто б он ни был, друг ли, отец ли. Эти люди стали посвященными братьями духовного ордена, пастухами человеческого стада, покоренного мюридизмом; им одним принадлежали власть и почет. Наконец, во главе этого чудовищного общества стоял имам, посредник между Богом и верующими. Мюриды понимали титул имама в его первоначальном значении, в смысле

наследника пророка, вдохновенного свыше, проникающего все семь смыслов Корана, поставленного над землей для исполнения слова Божия: поэтому всякое распоряжение власти являлось у них облеченным в характер непогрешимости, и всякий нарушитель был врагом Божьим. Конечным следствием мюридизма было уничтожение в человеке идеи о личной ответственности. Перед каждым поставлен внешний закон, в буквальном исполнении которого он должен искать спасения; к каждому приставлен учитель, отвечающий за то, чтобы человек исполнял закон и спасался, волей или неволей. Мюридизм раздел жизнь донага и взамен всего, чего он лишил человека, наполнил его душу сумасбродствами мусульманского мистицизма. Этим средством он образовал невиданное до сих пор политическое общество в несколько сот тысяч людей, передавших в руки власти и волю, и совесть. Если не буквально, то по крайней мере в главных чертах, мюридизм осуществил этот идеал и сейчас же обратил созданное им братство в военную машину против нас. Население гор переродилось. Повелевая всем и всеми беспрекословно, мюридизм заменял скудость своих средств энергией, и в диких горах, целые тысячелетия отвергавших всякое гражданское устройство, создал общественную казну, провиантские магазины, пороховые заводы, артиллерию, крепости. Вместо отдельных обществ, без связи и порядка, нас встретила в горах сплошная масса, отражавшая каждый удар общим усилием. Когда наши войска вступали в земли какого-нибудь общества, жители волей и неволей покидали на жертву свои дома и хлеб своих семейств и скрывались в трущобах, куда каждый шаг с нашей стороны стоил огромных потерь. Потом женщин и детей, лишившихся денного пропитания, размещали по соседним деревням и прокармливали как-нибудь до будущей жатвы; а мужчины, как стая голодных волков, бросались в наши пределы и жили разбоем. Умершие с голоду, как и падшие на войне, считались мучениками, достигшими, наконец, цели своей жизни. Мирные и немирные общества были почти в одинаковой степени заражены учением исправительного тариката. Разница между ними состояла только

в относительной неприступности заселенных ими мест; одним этим они мерили свои отношения к русским. Но первое появление мюридов почти всегда служило сигналом к восстанию покорных племен. Мирная деревня, только что пройденная русской колонной, через час иногда обращалась в неприятельскую позицию. Где бы ни стоял русский отряд, тыл его не был никогда обеспечен. Неожиданно устремляясь то в одну, то в другую сторону мюриды беспрестанно разжигали в крае пожар и заставляли наши колонны бросать начатое дело и бежать назад для защиты таких мест, за которые никогда прежде не опасались. Увлекаемые фанатизмом, горцы не думали о завтрашнем дне и без вздоха покидали отцовский дом и маленьких детей, чтобы пойти резаться с русскими. И теперь еще, проезжая по Дагестану, видишь всюду каменные остовы деревень самой прочной, вековой постройки, совершенно пустые; жители их были у Шамиля; они бросили и родовое жилище, и привольные места, чтобы забиться на голые утесы, жить чем Бог послал, но встречать гяура не иначе как с оружием в руках. Этот разгар неистового фанатизма начал потом остывать, но в продолжение пятнадцати лет кавказская земля буквально горела под русскими ногами. Мюридизм, как дикий зверь, грыз свою клетку, стараясь вырваться на волю. Если б русская сила не обхватила его железным поясом, можно быть уверенным, что он разлился бы по мусульманской Азии неудержимым потоком и теперь стремился бы к осуществлению второго халифата. Уж один титул имама, принятый начальниками мюридов, достаточно показывает, куда метило новое учение.

Мюридизм, со всеми оттенками, через которые он прошел, олицетворялся, можно сказать, воплощался в лице четырех человек, по очереди предводивших его судьбой. Первый был творец нового учения, мулла Магомет, кадий Кюринский. Он создал мысль и систему мюридизма, совершенно законченную, со всеми ее последствиями. В его сельской школе, в деревне Ярагларе, посреди русских владений, родилась и созрела мысль будущей борьбы; оттуда она была разнесена проповедью по Дагестану. В маленьком садике, который

и теперь можно видеть, несколько темных мулл, учеников Магомета, держали в 1828 г. последний совет, на котором было положено преобразовать исламизм и выбить русских с Кавказа. Последствия известны. Мулла Магомет был душой мюридизма, но сам никогда не выступал на сцену, не принимал начальства, даже не проповедовал публично. Он только создал учение и приготовил людей. Все предводители мюридизма вышли из его школы.

Знамя газавата, войны за веру, поднял его любимый ученик Кази-мулла и разом увлек за собой весь приморский Дагестан. Кази-мулла был не глубокий богослов и не хитрый политик, но человек, обладавший в высшей степени качеством, увлекающим массы, — страстным убеждением. Когда он говорил в народном собрании или обращался к войску во время боя, толпы покорялись ему как один человек, жили только его волей. И теперь горцы, вспоминая о Кази-мулле, говорят: «Сердце человека прилипало к его губам: он одним дыханием будил в душе бурю». Рванувшись в первой горячке фанатизма в открытую борьбу с русскими, мюридизм сначала все поднял вокруг, выдержал много кровавых сеч, заставил нас напрячь силы, но, наконец, был сбит с приморской страны и загнан в горы, где еще немногие племена ему сочувствовали. Кази-мулла погиб на завале в Гимрах[12].

На несколько лет мюридизм исчез с глаз, как будто его вовсе не бывало; о нем забыли. Но в это время он жил и работал всеми силами. Сбитый с поля, он засел в недоступных для нас горах и там, обольщением и войной, изменой и открытой силой, соединял мало-помалу все горские племена под одну духовную власть. Предводителем его в это время был Гамзат-бек, человек как будто нарочно созданный для подобной роли. Для мюридизма уже прошло время страстных увлечений и открытой борьбы. Ему приходилось пока действовать подземными путями, потихоньку, день за днем. Гамзат-бек, набожный, молчаливый и безжалостный, глубоко обдумывавший свои предприятия и исполнявший их быстро и без огласки «для Бога, а не для себя», как говорил он, в

три года достиг цели, утвердил мюридизм в горах на трупах друзей и недругов; ему это было все равно. В этот-то период и были вырезаны лучшие люди в горах, для утверждения всеобщего равенства. Когда Гамзат-бек погиб под ударами убийц[13], мстивших за кровь, мюридизм уже владел горами и мог снова выйти на борьбу под начальством нового предводителя — Шамиля, также ученика муллы Магомета.

Утвердившись в горах, мюридизм перестал быть религиозной партией. Он образовал себе государство по своему образцу, и Шамиль, первый из предводителей этого учения, соединил в своем лице власть духовного начальника и народного правителя. Он действительно стал на высоте этого положения, слил горцев в одно общественное тело, создал средства, до него невиданные, осуществил политический идеал мюридизма, чудовищный, конечно, но верный своей цели. Упрочиваясь постепенно, по мере того как укоренялась в горах привычка к повиновению и остывал фанатизм, власть Шамиля принимала оттенок обыкновенного азиатского деспотизма. Но в первое время своего начальствования Шамиль был имам, религиозный вождь, более всех своих предшественников; и в это время происходила самая кровавая борьба с мюридизмом, распространявшимся неудержимо во все стороны, пока, наконец, дело не дошло до того, что в 1843 г. Чечня была вырвана из наших рук, наши раздробленные и слабые войска сбиты с поля в Дагестане, и 5-й пехотный корпус должен был двинуться с Днестра на Кавказ для восстановления проигранного дела.

Первый взрыв мюридизма удивил, конечно, но не озадачил кавказское начальство. Это был бунт покоренного мусульманского населения, дело нежданное, но всегда возможное и потому совершенно ясное. Сначала бунт имел простор, оттого что большая часть наших войск была далеко, в глубине азиатской Турции. Но по заключении мира в Дагестан двинули достаточные силы, и возмущение приморского края было задавлено двумя походами 1831 и 1832 гг. Тогда мюридизм скрылся в непокорных горах, и мы потеряли его из виду. Считая все конченным, не обращали уже никакого внимания на внутренние

распри лезгинских племен, распри, которыми мюридизм в несколько лет подчинил себе весь горный Дагестан. Совершенное перед тем по Адрианопольскому трактату приобретение западных гор отвлекло в ту сторону главное внимание кавказского начальства. Подчинение русскому владычеству восточного берега Черного моря было, без сомнения, чрезвычайно важным событием, предавая нашей безраздельной власти весь Кавказский перешеек; и как договор был только буквой, которой черкесские племена не хотели знать, то принудить их к покорности можно было одним оружием. В продолжение шести лет, с 1832 по 1839 г., главные силы Кавказского корпуса, до тех пор действовавшие на Восточном Кавказе, были, исключительно, обращены против западных гор, со стороны Кубани и Черного моря. В Чечне и Дагестане остались незначительные силы под управлением местных начальств, лишенных всякой самостоятельности. В настоящее время нельзя не видеть, что такое внезапное изменение образа действий было великой ошибкой. Конечно, империя должна во что бы ни стало покорить весь Кавказ. Но завоевание западных гор не было первостепенным и самым спешным делом в Кавказской войне. Черкесы живут в углу страны, составляющей Кавказское наместничество. С одной стороны они окружены русским населением Кавказской линии, с другой — грузинским населением Имеретин и Мингрелии, твердо нам преданным. Как ни храбры горцы, они не могут одолеть в открытом бою регулярного войска и силой завладеть какой-либо частью края. Их вторжения опасны для нас только там, где они увлекают за собой фанатическое туземное население, противопоставляя нашему оружию бесчисленные препятствия народной войны. Непокорные племена Западного Кавказа, многочисленные и отважные, но окруженные отовсюду христианскими народами, не могут предпринять ничего подобного, и самой силой вещей безвыходно заключены в своей земле, лежащей в углу Кавказа, вдали от всех наших сообщений. Напротив того, непокорные племена Восточного Кавказа были для нас чрезвычайно опасны. Два единственных сухопутных сообщения России с

Закавказьем, по Дарьяльскому ущелью и по Каспийскому прибрежью, идут у самой подошвы восточной группы гор, огибая ее, так что малейший успех неприятеля в ту или другую сторону пресекал путь, соединяющий государство с его загорными областями. Восточная группа Кавказа лежит посреди мусульманской части наместничества, естественно, сочувствовавшей единоверцам. В этих горах, наконец, только что было поднято знамя газавата, войны за веру; оттуда раздался призывный клич всем мусульманам — стать грудью против владычества гяуров. Подобное положение, опасное и в мирное время, могло стать гибельным при внешней азиатской войне; встречая неприятеля с лица, наши войска могли быть внезапно отрезаны с тыла. Восстание, произведенное мюридизмом, было подавлено в Прикаспийском крае; но было известно также, что остатки его укрылись в Лезгистане. После примера 1831 г. благоразумие требовало продолжать настойчивее, чем когда-нибудь, начатое покорение восточных гор, еще по-прежнему разделенных на мелкие общества, и не ослабевать в усилиях до конца. Западному Кавказу пришла бы своя очередь. Но в то время увлеклись новостью приобретения и мыслью, несостоятельность которой выказалась вполне в 1854 г., о необходимости оградить эту часть владений, еще непокоренных, со стороны Черного моря. В продолжение шестилетних действий против западных гор мюридизм, явившийся в Лезгистане изгнанником, но не преследуемый с нашей стороны, разросся в страшную силу и покорил всю страну. Занятие нашими войсками Аварии, после того как мюриды истребили фамилию аварских ханов, подчиненных России, снова поставило нас лицом к лицу с мюридизмом. Надобно было оградить от врагов эту область, вдвинутую в самое сердце гор и подверженную нападению со всех сторон. Военные действия 1837 и 1838 гг., предпринятые местными средствами дагестанского отряда, обнаружили силу, до которой дорос мюридизм по нашей вине, и в 1839 г. заставили опять перенести главные действия с Западного Кавказа на Восточный. Но дело было уже неисправимо. Генерал Граббе[14] взял после кровопролитной осады

Ахульго, резиденцию Шамиля, истребил при этом цвет горской молодежи, стекшейся под знамена имама, заставил самого Шамиля бежать на другой конец гор, в Шатой; но мюридизм до такой степени успел укорениться в умах, до такой степени горцы потеряли уважение к нашей силе, что через несколько месяцев после нанесенного Шамилю поражения Чечня, бывшая до того нейтральной, сама восстала против нас и признала власть имама. Мюридизм овладел всей восточной группой Кавказа и обратил силы ее на газават, войну против неверных. Нельзя уже было надеяться подавить его в горах иначе, как покорив самые горы. Но для этого надобно было изменить всю систему войны. Мы имели теперь дело не с обществами, ничем не связанными между собой, сопротивлявшимися или покорявшимися отдельно: но с государством, самым воинственным и фанатическим, покорствующим перед властью, облеченной в непогрешимость, и располагающим несколькими десятками тысяч воинов, защищенных страшной местностью; с государством, вдобавок окруженным сочувствующими ему племенами, готовыми при каждом успехе единоверцев взяться за оружие и поставить наши войска между двух огней.

Очевидно, что при таком положении дела никакое вторжение в горы, предпринятое в смысле европейского похода, не могло иметь успеха, какие бы силы ни были для того употреблены. Цель подобного вторжения состоит в том, чтобы разбить вооруженные силы неприятеля, овладеть главными центрами его земли и, доведя его до невозможности продолжать сопротивление, заставить принять наши условия. В Кавказских горах вооруженные силы — все жители, от двенадцати лет и до последней дряхлости. Центров населения там никаких нет. В Чечне жители разбросаны мелкими хуторами по дремучим лесам. В Дагестане больших аулов довольно много, но все они — крепости; большая же часть населения живет и там в маленьких деревушках, по нескольку домов с башнями, налепленных, как птичьи гнезда, по ребрам скал и горным карнизам. К чеченскому аулу надобно было продираться сквозь чащу, занятую неприятелем, ловким и быстрым, как лесные

звери, и платить человеком за каждый шаг пути. Дагестанский аул надо было брать штурмом, карабкаясь по отвесной тропинке, под градом пуль и камней, сбрасываемых со скал. Подле чеченского хутора стоял другой хутор, подле горного аула — другой аульчик, с которыми должно было повторять то же самое. И там, и здесь в наших руках оставались одни стены, потому что жители всегда успевали уйти. Продовольствовать войско надо было из своих пределов, ограничивая срок похода взятым провиантом, или посылать за ним колонну с опасностью, что она будет истреблена, потому что пройденный путь смыкался за отрядом, как след лодки в воде. Жители, зная, что вся цель похода — разорение, стояли за свое имущество с ожесточением. Понятно, что при такой системе обороны для разрушения всех чеченских хуторов и всех дагестанских аулов не могло стать никакой армии, хоть бы она была многочисленнее батыевой. Покориться же отдельно, для избежания разорения, уже ни одно горское общество не могло, если б и хотело; совокупные силы мюридизма разгромили бы его. Для того, чтобы заставить какую-нибудь часть гор признать нашу власть, необходимо было раскрыть ее постоянными сообщениями, сделать доступной во всякое время года, оградить туземное население войсками, возвратив им естественные преимущества регулярного оружия уничтожением тех препятствий, которые покровительствовали неприятелю. Одним словом, война должна была сделаться методической, состоять в том, чтобы побеждать природу, побеждая людей настолько лишь, сколько было нужно для беспрепятственного производства наших работ.

Само собой разумеется, что наступать подобным образом от окружности к центру, везде разрабатывая местность, было бы невозможно для самой многочисленной армии, если б пришлось наступать со всех сторон. Восточная группа гор, которой в то время овладел мюридизм, имеет около девятисот верст в окружности. Все это горное пространство до такой степени загромождено хребтами, прорыто ущельями, одето наполовину непроницаемой чащей лесов, что даже на рельефной карте представляет совершенный хаос, в ко-

тором глаз с трудом схватывает главные очертания. Нужно было бы употребить полвека, если не больше, и пожертвовать полумиллионом солдат, чтобы сделать доступной всю страну, хребет за хребтом, ущелье за ущельем, преодолевая на каждом шагу ожесточенное сопротивление горцев. Но, несмотря на действительно хаотический вид, этот военный театр имеет, как и всякий другой, свои стратегические линии, владение которыми решает владение известной частью края. Хребты, доступные только летом, разрезывают его на части почти самостоятельные; реки, прорывающие бездонными пропастями высокий горб Кавказа, образуют линии самой прочной обороны. Даже племенные деления в горах составляют такие же резкие грани, как и природные черты, по взаимной неприязни племен, сдержанной, но не уничтоженной мюридизмом; грани, которые могли служить этапами завоевания. Стратегические линии существовали; но только для того, чтобы разглядеть их в такой загроможденной местности, нужен был глаз полководца, которого долго не появлялось на Кавказе; для того, чтобы подойти к ним как следует, нужно было совершенное знание здешней войны. Но если в продолжение восемнадцати лет, с того времени как главные усилия были снова направлены против Восточного Кавказа и до последнего трехлетия, в Кавказской армии не появилось первоклассного военного человека, который умел бы покорить горы, то, конечно, были умные и чрезвычайно опытные генералы, которые могли бы идти к этой цели хоть медленно, но верно, и во всяком случае сдержать дальнейший напор мюридизма. Но вот в чем состоит главный недостаток человеческой власти в целом мире: полное понимание современности принадлежит только умам первостепенным, которых мало на свете; круг идей людей обыкновенных, хоть и умных, так же, как и массы, определяется не действительной современностью, но периодом, непосредственно ей предшествовавшим, который успел уже высказать, согласить свои понятия и пропитать ими общее мнение. Если в текущем периоде складывается что-нибудь новое и развивается быстро, очень умные люди все-таки подступают к нему

со старыми приемами, покуда долгая неудача их не забракует, и постоянно отстают от действительного положения вещей. Совершенно так случилось на Кавказе. После того как мюридизм покорил население восточных гор и преобразовал его в воинствующий мусульманский орден, кавказские начальники долго еще не хотели понять, что двадцатилетние труды для покорения этой страны пропали, что о них надо забыть и приняться за дело вновь, как будто мы только что пришли на Кавказ; что против горцев, слившихся в одно политическое целое, нельзя действовать так, как действовали против горцев разъединенных, не только генерал Ермолов[15], но даже генерал Розен[16] в 1832 г., принуждая общества к покорности погромом их земли; что теперь уже отдельные общества не могли покориться, если б и хотели; что землю непокорных горцев надобно было обрывать клочок по клочку, прочно утверждаясь в занятой местности. Для методической войны, конечно, нужны значительные силы. Но ведь нашли же тогда 18 батальонов для Черноморской береговой линии, которую должно было бросить при первом неприятельском выстреле; имели средства делать сильные экспедиции за Кубанью, что не составляло самой спешной потребности в Кавказской войне; и даже в Чечне и Дагестане собирали отряды в 10 и 12 батальонов такой же силы, как отряды, ныне покорившие Кавказ. За этими отрядами не было столько резервов, как теперь, правда; но этот недостаток резервов был причиной действовать медленнее, а не причиной действовать фальшиво. Но воспоминания предшествующего периода слишком сильно еще тяготели над решениями кавказских начальников. Трудно было также и признаться, что огромные жертвы, принесенные для покорения Кавказа, пропали даром, что за дело надо приниматься сызнова. Не признаваясь в этом, на горцев устремились с ожесточением, чтобы разом исправить ошибку многих лет. Главные удары были направлены на Шамиля лично, — на его резиденции и поборников, в надежде ниспровергнуть мюридизм и разбить его власть над горцами. Но мюридизм был уже не партией, он был государством. Наши войска везде встретили

единодушное сопротивление. В течение нескольких лет неутомимо производили экспедиции в Чечню, Ичкерию и страны, окружающие Аварию, с той целью, чтобы разорением земель заставить горские общества отложиться от Шамиля. Иногда войска углублялись довольно далеко в неприятельскую страну, иногда с первых шагов упирались в неодолимые препятствия; но всегда эти экспедиции имели один и тот же результат: несколько сожженных мазанок, стоивших нам нескольких сот, иногда — нескольких тысяч солдат. Эта беспрерывная, но почти безвредная для горцев война до того подняла их, что несколько десятков человек, засевших в своей трущобе, не боялись завязывать дело с колонной в несколько батальонов и, отвечая одним выстрелом на сто наших, наносили нам гораздо большую потерю, чем мы им. В продолжение этих годов случалось не раз, что горцы, надеясь на крепость своей земли, в то самое время, когда наши войска углублялись в нее, бросались сами в наши пределы, возмущали покорное население и иногда утверждались совсем в занятых ими участках. Круг, охваченный мюридизмом, расширялся медленно, но постоянно, вытесняя нас шаг за шагом с Восточного Кавказа.

Чтобы положить конец этому несчастному ходу дел, в 1842 г. был прислан на Кавказ бывший военный министр князь Чернышев. Незнакомый с положением страны, он не мог заменить одной системы другой и, чтобы прекратить постоянные неудачи, вовсе прекратил военные действия. Мюридизму был дан целый год отдыха, в продолжение которого он окончательно устроился. В 1843 г. горцы сами ринулись из глубины своих ущелий, отняли у нас Аварию и Койсубу, несмотря на то, что население этих стран храбро стояло за нас, истребили несколько отрядов, взяли девять укреплений и разлились по всему Дагестану, где в наших руках остались только два пункта: Темир-Хан-Шура[17] и укрепление Низовое. Несмотря на то что войска Кавказского корпуса постоянно усиливались с 1831 г. увеличением числа батальонов в полках и сформированием 47 новых линейных батальонов, весной 1844 г. пришлось двинуть на Кавказ еще массу в 40 тыс. штыков. В этом

году наши войска действовали против горцев не отрядами, а целыми корпусами; и со всем тем, как ни странно сказать это теперь, нравственный перевес оставался на стороне горцев. Войска хорошо знали свое превосходство; но начальники боялись решиться на что бы то ни было, постоянно ожидая от мюридов какого-нибудь необыкновенного и сокрушительного маневра; так приучили их к этому опасению происшествия двух предшествовавших годов. События Кавказской войны до того обманывали самые вероятные ожидания, что, наконец, даже опытные люди стали считать ее совершенно необычайным явлением, выходящим изо всех правил и расчетов.

Но главная опасность для русского владычества на Кавказском перешейке состояла не столько в неодолимости гор, как в настроении племен, окружающих горы. Если бы враждебная нам сила ограничивалась независимыми горцами, эту опасность можно было бы рассчитать математически и всегда противопоставить ей достаточные средства. Но, как уже сказано, вся разница между покорными и непокорными мусульманскими племенами состояла только в относительной крепости их земли; одним этим они мерили свои отношения к нам. Всякое вторжение мюридов влекло за собой восстание мирных, так что в случае внешней войны невозможно было рассчитать обширность пожара, который мог разгореться в нашем тылу. Все вокруг мюридов не только сочувствовало им, но даже было направлено почти официально к тому, чтобы при первой возможности протянуть им руку. В этом отношении управление краем было еще более ошибочно, чем самый образ ведения войны.

В мусульманстве вся общественная и частная жизнь людей, все отношения определены раз навсегда шариатом; так что в чисто мусульманском духе всякое законодательство становится невозможным: оно навеки утверждено неизменной волей Божьей, и все люди, совершенно равные между собой, одинаково обязаны ему повиноваться. На практике в мусульманских землях существуют многие нарушения этого коренного закона; но правило не изменено, и мюридизм, подчинив

все духовному закону беспрекословно, только довел до конца учение, общее всем мусульманам. Истолкователями закона, естественно, должны быть духовные, которые этому учатся, и потому введение в какую-нибудь страну законоположения по шариату предает всю власть над народом духовенству. Нечего и говорить, что на Кавказе мусульманское духовенство было втайне предано мюридизму. Это учение осуществляло самые задушевные убеждения и желания его. При прежнем племенном устройстве духовенство не пользовалось влиянием. Горские и подгорные племена подчинялись или владетелям, или высшему сословию, или народному собранию; но вообще управлялись по древнему обычаю, иногда очень сложным и уравновешенным образом. С 20-х годов началось уничтожение властей, созданных народной жизнью, и стало распространяться господство шариата. К этому одинаково стремились и кавказское начальство, и Шамиль со своими последователями. Мюридизм напрягал все силы, чтобы истребить местных правителей и высшие сословия, искоренить стародавние народные обычаи, разделявшие и отличавшие племена, заменяя их повсеместным владычеством шариата и духовенства. Кавказское начальство делало то же самое в покорных обществах, по весьма понятной причине: ему легче было основать народное управление на шариате, писаном законе, чем на неизвестных племенных обычаях, которые надо было еще привести в ясность и узаконить в такое время, когда на Кавказе не существовало даже правильно организованных местных властей. Но только по этой системе русскими руками обрабатывали почву, на которой потом сеял мюридизм. Учение исправительного тариката разносилось по Кавказу лицами, состоявшими на русском жалованье. Чего было ждать от населения, вооруженного и невежественного, которому ежедневно проповедовали самые зажигательные идеи, между тем как оно видело своими глазами бессилие русского оружия против мюридизма, сбросившего маску? Естественно, все подгорное население ждало только удобного случая, и мюридизм мог питать самые фантастические надежды.

В этих затруднительных обстоятельствах главное начальство на Кавказе было вверено покойному князю М. С. Воронцову[18], облеченному полномочными правами. Постоянные неудачи предшествовавших походов приписывали тогда не ложной системе, но неискусному командованию лиц, которым было вверено начальство. Полагаясь на громкую известность князя Воронцова, ждали самых решительных успехов с первого шага его на Кавказ. Первоначальное военное предприятие князя Воронцова, Даргинский поход, было решено под влиянием этих ожиданий и исполнено по образцу прежних экспедиций, только в больших размерах; но оно же было и последним предприятием в этом роде. Урок был достаточный. Поход, предпринятый в горы с многочисленным и превосходным войском, снабженным всевозможными средствами, одушевленным личным предводительством знаменитого и уполномоченного генерала, кончился потерей пяти тысяч человек и трех орудий без малейшего результата. С этих пор произошел перелом в Кавказской войне. Нельзя сказать, чтобы князь Воронцов заменил прежние головоломные экспедиции цельной системой, вполне примененной к настоящему положению дела. Во время его начальствования наступление происходило систематически только в одном углу военного театра, на Чеченской плоскости. Там в первый раз при мюридизме добились положительного результата; хорошо соображенной и неуклонно исполняемой вырубкой просек через леса враждебное население было выбито из Малой Чечни и начата разработка Большой. На других пределах неприятельской земли — в Дагестане, Владикавказском округе и на Лезгинской линии экспедиции все еще происходили ощупью, были попытками без твердо определенной цели. Невозможно сказать, при самом большом желании, чтобы осады Гергебиля, Салтов и Чоха, походы в Джурмут или Капучу были звеньями какой-нибудь общей системы или ступенями, которые бы подвигали нас к чему-нибудь положительному. Со всем тем, образ действий князя Воронцова был проникнут одной общей идеей и действительно произвел благодетельный перелом в Кавказской войне.

Главный характер этого образа действий состоял в том, что мы на время вовсе отказались от покорения гор, которого прежде так настойчиво и так тщетно добивались, не отказываясь, однако ж, действовать и пользоваться обстоятельствами, где это оказывалось возможным. Экспедиции стали вести осторожно, недалеко от наших пределов, не подвергая действующие войска большим случайностям. Кавказский корпус, усиленный по отбытии 5-го пехотного новой дивизией в 20 батальонов, стал вокруг гор теснее, потому что войска не отвлекались больше в дальние концы края или в глубь неприятельской земли; непокорные горцы везде увидели вокруг себя железную стену и таким образом положен был конец победам и распространению мюридизма, в чем состояла великая заслуга князя Воронцова. Конечно, в десять лет можно было сделать больше. Но так же точно, как до 1846 г., увлекаясь старыми воспоминаниями, хотели сломить горцев сразу, так после этого времени, напуганные необычайными успехами мюридов, стали опасаться их через меру. Мы брали дорогой ценой крепости, теряя для осады целое лето и несколько тысяч солдат, с той целью только, чтобы занять неприятеля, и потом бросали их; между тем как половина отряда, употребляемого для осады, могла бы без потери разбить горцев, если б они вздумали вторгнуться в наши пределы. Соображениями опять руководили впечатления не текущего, но предшествовавшего периода. Тем не менее тесное десятилетнее обложение подействовало на непокорных горцев. Хотя враждебное расположение подгорного населения нисколько не ослабело, потому что зажигательное владычество шариата и влияние духовенства были в этот период времени окончательно возведены в систему, но фанатизм утратил отчасти свои неопределенные надежды, составлявшие половину его силы. Непокорные, безвыходно запертые в своих горах, не могли уже думать о том, чтобы сбить нас с Кавказа своими собственными силами, и остыли сердцем. Власть, основанная мюридизмом, понемногу оселась. Поборники ее сделались значительными людьми и заняли место аристократии, вырезанной ими в тридцатых годах. Шамиль привык к

положению азиатского султана, заставил горские общества признать своего сына наследником по себе и стал думать об основании владетельного дома. Отчаянные предприятия уже не привлекали устаревших витязей мюридизма. Народ, на первых порах предавшийся всей душой новому учению, охладел к нему, когда испытал на деле чудовищный деспотизм управления, обещанного ему вначале как идеал земной жизни. Увлечение проходило понемногу, но место его заступали привычка и чрезвычайное развитие политической власти, основанной мюридизмом. Материальные средства горцев неимоверно возросли, — они имели уже отличные крепости, пороховые заводы, литейные; заменяя пыл фанатической толпы общественным и военным устройством, Восточный Кавказ, как Протей, всякое десятилетие менял свой вид, оставаясь в одинаковой степени неодолимым для нашего оружия.

К концу управления князя Воронцова военные действия происходили исключительно на Чеченской плоскости, где начальствовал нынешний главнокомандующий князь Барятинский. Там мы шли вперед, постепенно раскрывая просеками Большую Чечню; там же было положено начало разумному управлению туземным населением, основанному на племенной самобытности, с устранением, по возможности, духовного элемента. Но действия начальника левого фланга были ограничены и недостаточностью средств, и подчиненностью его положения. На остальном протяжении враждебных пределов войска стояли, можно сказать, ружье у ноги, не смея ничего предпринять, но не смея также ослабить себя одной ротой, чтоб снова не дать простора покушениям мюридизма. Мысль о покорении гор, сначала отложенная на неопределенное время, стала исчезать совсем, даже в умах людей, посвятивших свою жизнь Кавказской войне. В начале пятидесятых годов очень немногие люди, верившие возможности победить мюридизм, только удивляли, но никого не убеждали своими словами. Пятидесятилетняя борьба на Кавказском перешейке привела к тому результату, что империя должна была приковать к восточной группе гор целую армию, исключив ее не

только из общего итога русских сил, но даже из числа подвижных сил кавказских, не предвидя, притом, никакого исхода из этого положения.

В 1853 г. вспыхнула внешняя война. До тех пор борьба с мюридизмом происходила среди глубокого мира, позволявшего империи свободно располагать своими силами. Тогда в первый раз предстал в действительности вопрос, давно уже тревоживший дальновидных людей: каково будет наше положение, когда Кавказскому корпусу придется, при внутренней войне, принявшей такие громадные размеры, выдерживать еще натиск внешних сил. Вопрос этот был разрешен богатырством кавказских войск, несколько раз побеждавших вчетверо и впятеро сильнейшие регулярные армии. И, однако ж, в продолжение трехлетней войны участь русского владычества на Кавказе несколько раз, как говорится, висела на волоске. Кавказские войска должны были биться лицом в обе стороны, встречая неприятеля и с севера, и с юга, посреди населения, ожидавшего только первого успеха единоверцев. Устаревшие предводители мюридизма не предприняли в это время ничего решительного; но они могли предпринять и предприняли бы наверное, если б наши оборонительные линии с их стороны были ослаблены: излишняя уверенность могла обратиться нам в гибель; стоило только вспомнить 1843 г. Несмотря на то что кавказские войска были усилены в течение войны четырьмя дивизиями и вся масса их простиралась до 270 тыс. человек под ружьем, способных, при своем превосходном качестве, сломить какого бы то ни было европейского врага, необходимость сдерживать внутреннего неприятеля до такой степени поглощала все силы Кавказского корпуса, что на полях сражения в Турции участь войны, от которой зависела участь Кавказа, решилась в 1853 г. — девятью, в 1854 — семнадцатью батальонами. Эти отряды должны были биться в пропорции один против пяти и побеждать во что бы то ни стало, потому что с мюридизмом в тылу отступления не было; даже нерешенное дело имело бы для нас все последствия полного поражения. Войска, действовавшие на кавказской границе с 1853 по 1855 г.,

были сильны духом и уверенностью в себе; но так слабы численностью, что небольшое еще приращение неприятеля, что было так легко для союзной армии, неизменно склонило бы весы на его сторону. Теперь, после падения Шамиля, можно сказать откровенно, несмотря на целый ряд подвигов истинно беспримерных, мы удерживались на Кавказе благодаря только тому обстоятельству, что Франция, располагавшая главными сухопутными силами в истекшей войне, чуждая собственно азиатскому вопросу, не имела интереса сбить нас с Кавказа; а когда английская армия была доведена в 1856 г. до такой численности, что могла начать самостоятельные действия, внезапный мир положил конец ее предприятиям. При том положении, которое создал нам на Кавказе мюридизм, было более чем сомнительно, чтобы в 1855 г. или 1856 г. из 270 тыс. человек под ружьем, составлявших Кавказский корпус, можно было безопасно отделить силы, достаточные для отражения 50-тысячного европейского десанта. Зимой 1855—1856 гг. в трехмесячный срок не могли собрать за Сурамским хребтом довольно войск, чтоб дать сражение Омер-паше[19], вторгнувшемуся в Мингрелию с 25 тыс. турок.

Истекшая война привела в ясность положение русской силы на Кавказе, как и многие другие вещи в империи. После подобного примера нельзя уже было считать кавказскую борьбу делом местным, влияние которого простирается только на один угол русских владений. На деле оказалось, что эта борьба отымала у государства половину действующей силы, которой оно могло бы располагать для внешней войны. Из 270 тыс. войска, неподвижно прикованного к Кавказу с 1854 г. до половины 1856 г., оборона Кавказа от внешних врагов, считая тут и все гарнизоны пограничных крепостей, занимала едва ли 70 тыс. человек; остальные 200 тыс. представляли бесплодную жертву, вынуждаемую от государства мюридизмом. При высокой стоимости войск на Кавказе эти 200 тыс. равнялись, для материальных средств государства, по крайней мере 300 тыс. в России, то есть почти всей массе наших действующих сил, состоящих из гвардейского, гренадерского, резервного кава-

лерийского и шести армейских корпусов. Притом эти 200 тыс. кавказских солдат и казаков были не ополчением или запасными батальонами, которых, пожалуй, в случае нужды можно набрать сколько угодно, но которые могут служить только для внутренней обороны края; это было первое войско в свете, именно тот элемент, которого у нас недоставало в Крымской войне и который у союзников состоял в 20 тыс. алжирских солдат, решавших все дела. Отсутствие такой массы отборного войска с театра войны низводило действительную силу Русской империи в силу государства не с 70, а с 30 млн жителей. Какой же был конечный результат этой безмерной жертвы? Тот, что при внешней войне 270 тыс. войска оказывались недостаточными для обороны Кавказа, покуда в середине его стоял вооруженный мюридизм.

После подобного опыта нельзя было колебаться. Русская империя не могла бросить Кавказа, не отказываясь от половины своей истории, и прошедшей, и будущей; стало быть, она должна была воспользоваться миром, чтоб покорить горцев как можно скорее. Необходимость безотлагательного завоевания гор была сознана, но это сознание еще нисколько не облегчало разрешения самой задачи. Для Кавказской войны были употреблены такие силы, она прошла через столько систем, удовлетворительных на бумаге, но оказывавшихся совершенно несостоятельными на деле, что тут уже не было места сомнению. Для окончания войны нужны были не одни силы и не одни военные планы, как бы хорошо они ни были составлены; нужен был полководец. Оставалось только найти его.

III
ПОКОРЕНИЕ КАВКАЗА

С окончанием заграничной войны государь император избрал главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта князя А. И. Барятинского[20], приго-

товленного к этому званию долгой и деятельной службой на Кавказе. В распоряжении нового главнокомандующего были оставлены, сверх сил Кавказского корпуса, через некоторое время переименованного в армию, 13-я и 18-я пехотные дивизии; кроме того, были сформированы еще три новых драгунских полка. С 1856 г. правительство постоянно поддерживало на Кавказе силы и материальные средства, достаточные для самого настойчивого ведения войны.

Кавказское войско и кавказское население приняли назначение князя Барятинского с единодушной радостью. Кто был тогда на Кавказе, не забудет, какой вид праздника принимала вся страна, по мере того как распространялось это известие. Общее чувство весьма понятно в этом случае; назначение князя Барятинского было назначением естественным, которого весь Кавказ желал и ожидал. Особенность этой страны, столь отличной от других частей империи так же, как исключительный характер войск, занимающих ее и воспитанных в ней, давно уже выразились резкими и самостоятельными чертами, которые надобно вполне понимать для того, чтобы разумно начальствовать на Кавказе. Одному Богу известны все последствия, происшедшие от внесения идей a priori в управление Кавказом и ведение Кавказской войны со стороны людей, которым надобно было учиться, прежде чем брать на себя ответственность распоряжений. Независимо от личности князя Барятинского, давно уже высоко ценимой, Кавказ верил ему как своему человеку, который знал и людей, и вещи и мог прямо взяться за дело. Назначение его главнокомандующим произвело глубокое впечатление в войсках, в народе, в непокорных горах. Газета «Кавказ» наполнилась радостными отзывами со всех концов страны. Ей писали между прочим: двести тысяч кавказских солдат считают назначение князя Барятинского наградой за свою службу. Заброшенные в край, совершенно непохожий на остальную Россию, поставленные в исключительных обстоятельствах, они поневоле должны были выделать себе своеобразную личность; и, конечно, никто об этом не пожалеет, когда в этой личности есть такие черты, например, что

кавказский солдат на царской службе не считает «смерть или победу» последней степенью энергии воина; что он поклянется своему полководцу победить и исполнить клятву хоть бы против неприятеля, вчетверо сильнейшего, потому что он не считает никого сильнее себя, пока оружие у него в руках. Но чем развитее и чем своеобразнее личность кавказского воина, тем важнее для него быть под рукой начальника, который его понимает. Вот отчего, когда разнеслась весть о назначении князя Барятинского командующим нашим корпусом, на всех концах Кавказа старые служивые говорили молодым товарищам: «Смотрите, за Богом молитва, за царем служба никогда не пропадают». В то же время, в первый раз от начала горской войны, имам мюридизма, встревоженный общим народным опасением, разослал по племенам объявление, что русские собираются в два года покорить все горы и что теперь настала пора, когда каждый истинный мусульманин должен положить жизнь за веру. Совсем не так думали горцы при назначении прежних главнокомандующих, или лучше сказать, они вовсе об этом не думали, мало заботясь, посреди своих твердынь, кто начальствует русскими. Но жизнь нередко подтверждает тот опыт, что великим событиям, действительно, как будто предшествует тень их, которую массы, всегда одаренные дивным инстинктом, уже ощущают, между тем как самые передовые люди еще ничего не видят. Так было при назначении князя Барятинского главнокомандующим. До тех пор мысль о покорении гор мелькала только как возможность, в неопределенно далеком будущем. Когда новый главнокомандующий принял начальство, войска пошли в поход с мыслью, что они делают теперь не одну из бесчисленных экспедиций, но начинают завоевание гор; между тем как тревожное ожидание решительных событий разлилось в непокорном населении. Я не знаю, почему такое общее настроение овладело краем; военная слава князя Барятинского тогда не была еще довольно утверждена, чтобы внушить подобную уверенность; но это было так.

Одновременно со своим назначением князь Барятинский исходатайствовал новое разделение военных коман-

дований на Кавказе. До тех пор они существовали в том же виде, как были установлены до мюридизма, отвечая потребностям совсем другой эпохи, когда целью военных действий было только охранение наших пределов или наказание хищных обществ, ничем не связанных между собой. С тех пор племена Восточного Кавказа слились в одно политическое тело, и неприятель, окруженный сетью мелких командований, стал сильнее каждого из противопоставленных ему военных начальников, так что дело вышло совсем наоборот: единство со стороны неприятеля и раздробление — с нашей. Приступая к решительным действиям, надобно было на каждом самостоятельном военном театре вручить власть самостоятельному начальнику. В августе 1856 г., по естественному делению Кавказа, учреждены 5 командующих войсками, облеченных правами корпусных командиров. Против адыгов Западного Кавказа — два: с северной стороны гор — командующий войсками Правого крыла, с южной — кутаисский генерал-губернатор. Против мюридов восточной группы — три: один — на северном склоне, командующий войсками Левого крыла, которому подчинены Чечня (бывший левый фланг), Владикавказский округ и Кабарда (бывший центр); другой — в Дагестане, и ему вверен весь Прикаспийский край; третий — на Лезгинской линии, с южной стороны гор, обращенной к Грузии. Деление это было непроизвольное. Каждый из означенных больших отделов очерчен самой природой, имея свои резко отличные климатические и местные условия, особое основание — военное и продовольственное, и перед собой — другого неприятеля и отдельный военный театр, который местным войскам нужно было разработать, прежде чем приступить к совокупным действиям.

Главнокомандующий не мог сам вести операций, пока они носили местный характер; исполнение своего плана он должен был предоставить помощникам, от таланта и энергии которых зависела половина успеха. Выбор корпусных командиров для Кавказской войны был еще затруднительнее, чем для европейской, потому что действия их независимее; выбор

личности был в этом случае делом особой важности. Первым помощником главнокомандующего стал, разумеется, начальник Главного штаба армии. Князь Барятинский пригласил на это место генерала Милютина[21], который, не занимая еще до того времени высоких должностей, приобрел уже общую известность как отличный офицер, как писатель и как творец военной статистики, возведенной им в первый раз в науку. Кроме чрезвычайно трудной должности начальника Главного штаба такой разнородной армии, как Кавказская, на генерала Милютина было возложено еще приведение в систему нового военного управления Кавказом, которого только главные черты были обозначены учреждением командующих войсками. В военно-административном отношении можно было перечесть почти все годы русского владычества на Кавказе по разным существовавшим в то время учреждениям, выражавшим каждое характер и потребности различной эпохи; между тем на Кавказе, где ведется война местная, даже боевые действия относятся к общей администрации, как приложение к теории. Генерал Милютин развил по идее главнокомандующего новую систему военного управления с такой полнотой и стройностью, которые надолго останутся памятником нынешнему кавказскому начальству. Неоконченная во всех частях еще и доныне по чрезвычайной обширности труда, новая административная система обняла уже главные предметы, положила основание разумному управлению горцами и, распределяя учреждения по действительным потребностям края, стала заменять живой организацией прежнее единство бюрократизма или произвола, распространенного на разнообразнейшую в мире страну. Основанием и образцом для новой системы послужило управление чеченским народом, устроенное князем Барятинским в бытность его начальником левого фланга и в это время уже оправданное долголетним опытом. Совершение этого истинно государственного труда, в котором генерал Милютин был единственным помощником главнокомандующего, не могли замедлить ни походы, ни другие его бесчисленные занятия. Труды и действия генерала Милютина доставили ему

редкое нравственное положение: всеобщее уважение армии и края, без малейшего оттенка мнения.

По плану главнокомандующего, самые обширные и трудные военные действия предстояли командующему войсками Левого крыла. На эту должность, вместе с новым разделением Кавказа, был назначен генерал (ныне генерал-адъютант и граф) Евдокимов[22]. Лесистая Чечня была классической страной неудач, чтобы не сказать поражений, которые мы испытывали от горцев; но покорение должно было начаться отсюда; нашим войскам предстояло проникнуть в глубь этой земли в то время, когда мюридизм стоял еще во всей своей силе. При таком условии план главнокомандующего мог состояться только при совершенно безукоризненном исполнении. Здешняя местность была везде местностью Ичкерийской и Даргинской экспедиций; один неловкий шаг привел бы к тем же результатам; а значительная неудача с нашей стороны, только одна, снова отодвинула бы покорение гор на неопределенное время. Граф Евдокимов исполнил планы главнокомандующего с редким совершенством. Можно сказать положительно, что он ни разу в продолжение трехлетней войны не допустил горцев дать нам дело там, где они хотели или где это могло быть для них выгодным. Совершая предприятия, по-видимому, самые рискованные, граф Евдокимов всегда успевал решить дело маневрами, спокойно кончал предположенные работы и заставлял горские скопища разойтись без боя, что более всего роняло дух в неприятеле. Его система действий, в которой не штык, а топор был главным орудием завоевания, по необходимости обременяла войска чрезмерными трудами и причиняла им такую же убыль от болезней, как прежде от огня; но нравственное последствие для войны той или другой потери совсем неодинаково. Снявши голову, по волосам не плачут, а Кавказ теперь покорен.

В Прикаспийском крае был оставлен прежний командующий войсками генерал-адъютант князь Орбелиани[23], опытный генерал, пользовавшийся доверием и любовью войск. Через год князь Орбелиани получил другое назначение и сдал свою

должность генерал-адъютанту барону Врангелю[24], которому досталось окончить дело графа Евдокимова и в последнем походе, под личным предводительством главнокомандующего, нанести смертельные удары мюридизму. Командующим войсками на Лезгинской линии был назначен отважный барон Вревский[25], сложивший голову в этой войне, и по смерти его, молодой, но уже опытный генерал князь Меликов[26]. Я ограничиваю этот обзор предметом сочинения — Восточным Кавказом. Выбор и распределение главных начальников, совершенно приноровленные к характеру предстоявших им действий, обеспечивали точное исполнение военного плана главнокомандующего.

Главные усилия были направлены против восточных гор по причинам, уже изложенным выше. Эта часть Кавказа отрезывала наш тыл, постоянно угрожая сообщениям, и в то же время служила мюридизму крепостью, откуда он держал в постоянном волнении покорное мусульманское население. Восточные горы составляли главную опасность и главную препону для русского владычества на Кавказском перешейке. Князь Барятинский оставил на Западном Кавказе ограниченные силы, достаточные для того, чтоб постепенно разрабатывать доступ в горах и исполнить все приготовительные работы к сроку, когда кончится война на восточном. Затем все наличные силы были двинуты против последнего.

План покорения Восточного Кавказа, задуманный князем Барятинским еще задолго до назначения главнокомандующим, был исполнен в три года, слово в слово и черта в черту, как, может быть, еще никогда не исполнялся военный план, что совершенно известно людям, читавшим письма или даже донесения князя, писанные за год и более до событий; со временем эта верность соображений будет доказана историей. План этот в главных чертах, но в огромных размерах, был похож на правильную осаду крепости, соединяя все предшествовавшие системы в должной постепенности. Главные средства обороны горцев находились не в середине их земли, но по ее окружности. Пограничная черта была как бруствер, к которо-

му мы подходили открытые, между тем как неприятель сидел уже за сильными местными преградами; на пограничной черте были расположены крепости мюридов; на ней жило население, воспитанное ежечасной войной, состоявшее поголовно из закаленных воинов, обращенных полувековой борьбой в наших личных врагов. Большей части этих препятствий не существовало в глубине гор. Став раз в самых горах, местные преграды уравновешивались для врага и для нас; заранее устроенных средств обороны там не существовало; население, удаленное от нас и никогда не тревожимое, было гораздо менее воинственно, гораздо менее пропитано ненавистью к нам и более дорожило своим благосостоянием, чем полукочевые абреки пограничных обществ. Главная задача состояла в том, чтобы проложить себе обеспеченный путь в середину гор. Первым условием для успеха такого предприятия был верный выбор пути наступления. Затем оставалось действовать как при осаде: прочно занять подступы к горам, подвигаться вперед методически, сбивая с обеих сторон мешающие нам преграды, твердо стать в самых горах, на избранных пунктах, и тогда перейти к быстрому наступлению всей массой войск, разрывая неприятельскую страну из середины и заставляя пограничную линию пасть без сопротивления. Очевидно, что по самой сущности этой программы завоевание должно было пройти через три периода: период приготовительный для занятия должных подступов, период методической войны в горах и, наконец, период решительного наступления.

Сравнение с осадой крепости выражает только общую идею плана. Исход зависел от верного выбора предметных пунктов и операционных линий, решающих скоро и полно успех предприятия. До тех пор определение непосредственно цели действий составляло камень преткновения в Кавказской войне. Постоянно оказывалось, что занятие пунктов, считаемых решительными, не доставляло никакой пользы, и мы сами бросали их. В такой загроможденной местности, как кавказская, этот выбор чрезвычайно труден; но в нем и выказалось умение полководца.

С тех пор как мюридизм соединил все восточные племена в один народ, горские общества стали частями организма, одинаково чувствовавшего удары, с какой бы стороны они ни наносились; племенная самобытность уже наполовину растаяла в политическом единстве. Подчиненные общей власти, передвигаемые толпами из одной части края в другую для защиты своих пределов, вынужденные меняться произведениями исключительно между собой, потому что подгорный край был заперт для них, горцы отчасти стали уже гражданами одного государства. При таком состоянии общественного быта покорение значительных племен с одной какой-либо стороны должно было отозваться во всех горах, поколебать мужество и уверенность всего населения. Завоевание Дагестана решало нравственно участь Чечни, и обратно. Стало быть, выбор пути для наступления зависел главнейше от относительной легкости, с какой можно было совершить вторую часть операции — методическую войну в горах.

С южной стороны непокорное население было ограждено снежным хребтом, через который перевалы протаивают только на три летних месяца. В остальное время года переход через этот хребет невозможен для массы войск. При наступлении с южной стороны надобно было оставлять войска без сообщения по 9 месяцев в году посреди сплошной массы враждебного населения. На Лезгинской линии были возможны только быстрые вторжения летом. Экспедициями этого рода, как давно уже было доказано, нельзя покорить горцев; но войска всего надежнее прикрывали подгорный край, наступая на неприятеля; в то же время они постепенно обессиливали его ко времени решительных ударов. Для действительного наступления оставался только выбор между Дагестаном и Чечней.

Десятилетние экспедиции на пределах непокорного Дагестана, с Ахульго до Чоха, доказали тщетность подобных попыток. Каждая деревня в этой стране была Сарагосой. Мы брали укрепленный аул ценой нескольких тысяч жертв, для того чтоб открыть за ним целый ряд таких же аулов, требующих таких же жертв. Дагестан был гнездом мюридизма. Духовная власть раб-

ски подчинила себе дагестанское население, овладела и мыслью, и волей людей и царствовала над ними беспрекословно. Невозможно было надеяться поколебать в этой стране политическое могущество мюридизма, пока он стоял еще во всей целости, располагая всеми средствами гор. Но еще меньше можно было надеяться разбить открытой силой широкий пояс крепостей и укрепленных аулов, ограждавших Дагестан с нашей стороны, покуда жители их готовы были защищаться с решительностью. Потери были бы так громадны в подобном предприятии и успех так сомнителен, что нельзя было и предлагать его.

Чеченцы — бесспорно храбрейший народ в восточных горах. Походы в их землю всегда стоили нам кровавых жертв. Но это племя никогда не проникалось мюридизмом вполне. Из всех восточных горцев чеченцы больше всех сохраняли личную и общественную самостоятельность и заставили Шамиля, властвовавшего в Дагестане деспотически, сделать им тысячу уступок в образе правления, в народных повинностях, в обрядовой строгости веры. Газават (война против неверных) был для них только предлогом отстаивать свою племенную независимость и производить набеги. Многие тысячи чеченцев из отложившихся в 1840 г. с тех пор снова переселились к нам и пользовались под образцовым управлением, для них созданным, благосостоянием, соблазнявшим их одноплеменников. Шамиль никогда не доверял чеченцам и не считал их прочно укрепленными за собой. Распадение горского союза, основанного мюридизмом, всего скорее могло начаться с Чечни. В военном отношении наступление в этой стране было также удобнее. В Дагестане мы встречали сопротивление в определенных пунктах, которых нельзя было миновать, между тем как овладевание ими всегда стоило больших жертв. В Чечне, и плоской, и нагорной, почти нет мест, где неприятель мог бы удержаться против нашего натиска; там всегда происходило одно застрельщичье дело на движении, если только наши цепи были довольно сильны, чтобы удержать натиск неприятеля. Расчистив местность в известных направлениях, по Чечне можно было ходить без выстрела; а с достаточными силами,

при методическом образе действий, гораздо легче рубить просеку в лесу, занятом неприятелем, чем осаждать крепость, в которой защитники сели насмерть; тем больше, что расчищенная местность принадлежит нам навсегда, между тем как взятый аул до тех пор только наш, покуда занят. Можно было основательно рассчитывать, что в известный срок мы прорубимся сквозь леса, составляющие оплот чеченцев, и, раскрыв их жилища, заставим покориться этот воинственный, но не фанатический народ, откроем через его землю доступ в самую глубь гор и зайдем таким образом в тыл оплотам, которыми горцы уставили свои пределы со стороны Дагестана.

До тех пор экспедиции производились периодически, в известное время года, смотря по местности; затем войска распускались по квартирам. Это перемежка давала горцам отдых, совершенно для них необходимый, так как их сила состоит в народном ополчении, которое должно кормиться собственным трудом. Князь Барятинский положил вести войну безостановочно, не давая горцам ни срока, ни отдыха до совершенного покорения. В то же время он изменил самый характер занятия покоряемых стран. Вместо городов, воздвигаемых в каждой новой штаб-квартире, устройство которых надолго поглощало всю деятельность выдвинутых войск, по плану князя Барятинского было положено на вновь занимаемых пунктах устраивать только вал, располагая войска в бараках и кибитках; сохранив таким образом силы войск для войны, бросать пункт, исполнивший свое временное назначение, и безостановочно идти вперед; утверждаться же прочно лишь на тех пунктах, за которыми и после покорения гор должна была оставаться неоспоримая стратегическая важность.

Расположение войск по отделам было соображено с значительностью предполагаемых действий. На Правом крыле и трех военных отделах Восточного Кавказа, кроме линейных батальонов и казачьих войск, находилось по пехотной дивизии, в составе 21 батальона, равняющейся численностью двум нынешним действующим дивизиям. Из прикомандированных 13-й и 18-й дивизий первая разделена была по бри-

гаде между Правым крылом, слишком обширным для одной дивизии, и Левым, откуда предполагалось повести главное наступление. 18-я дивизия осталась за Кавказом как резерв и наличная сила для производства дорожных работ, необходимость которых была указана истекшей войной. (В 1859 г. 13-я пехотная дивизия возвратилась к своему корпусу и была заменена Кавказской резервной). Кутаисское генерал-губернаторство, несмотря на чрезвычайную важность этого края, прикрывающего весь Кавказ со стороны Черного моря, и спешную надобность разработать его в стратегическом отношении, могло быть занято, за недостатком войск, только одной бригадой линейных батальонов.

Военные действия были рассчитаны на основании изложенных выше соображений. На Лезгинской линии наши отряды должны были ежегодно разорять неприятельские общества и довести их к решительной минуте до изнеможения. В Прикаспийском крае было положено прежде всего прочно занять Салатавию[27], разъединявшую Дагестан с восточной оконечностью Левого крыла, чтобы открыть путь в горы с северной стороны и прочно связать оба войска к тому времени, когда им придется действовать совокупно. На Левом крыле решено было сначала кончить покорение Чеченской плоскости, чтобы твердо стать у подножия гор; затем перенести войну в самые горы, никогда еще не видавшие русских знамен, направить первый удар в ущелье Аргуна и занятием его до снежного хребта отделить Малую Чечню от Большой и отрезать весь западный угол страны, подвластной мюридизму, потом перейти в Ичкерию, где находилась резиденция Шамиля — Веденъ, и тем довершить покорение чеченского племени. Когда эти завоевания будут совершены и мы станем твердой ногой в глубине гор, Шамилю останется один Дагестан, разом двинуть всю массу войск и кончить дело с мюридизмом одним ударом.

Таков был в главных чертах военный план князя Барятинского, решивший в три года полувековую борьбу, на окончание которой не надеялись уже ни войска, бившиеся против горцев, ни Россия.

Занятие плоскости и предгорий (Большой Чечни, Ауха и Салатавии) было, в сущности, только приготовительным действием; оно еще не давало нам видимого перевеса, но создавало уже новое положение, из которого можно было перейти в решительное наступление. Период этих приготовительных действий обнимает осень 1856 г. и весь 1857 г.

В первую зиму с ноября по апрель войска Левого крыла под предводительством генерала Евдокимова в четыре похода окончили сеть просек в Большой Чечне, начатую еще при князе Воронцове, и раскрыли эту страну по всем направлениям, преодолевая на каждом шагу сильное сопротивление чеченцев, поддержанных огромными сборами из Дагестана. Дремучие леса были повалены в одну зиму. В то же время особый отряд, действовавший на Кумыкской плоскости под начальством генерала барона Николаи, расчистил вход в Аух. Туземное население, рассыпанное по лесам мелкими хуторами, еще осталось покуда на своих местах; но Большая Чечня была уже как крепость с отбитыми воротами, гарнизон которой должен положить оружие по первому требованию.

Летом 1857 г. войскам Левого крыла не предстояло похода. Действия должны были открыться со стороны Дагестана и Лезгинской линии, где высокая местность, полгода засыпанная снегами, бывает проходима только в летние месяцы. В этот период времени надобно было устроить, сообразно с новыми видами, материальное положение Левого крыла, где по расположению укреплений и дислокации войск были перепутаны все системы, поочередно сменявшиеся в Кавказской войне. Полкам Левого крыла приходилось отдохнуть в последний раз и потом вступить в непрерывный поход до последнего выстрела, который раздастся в восточных горах.

Отряды дагестанский и лезгинский вступили в горы почти одновременно. Генерал-адъютант князь Орбелиани должен был основать в Салатавии постоянную штаб-квартиру одного из своих полков, чтобы связать прямым сообщением Прикаспийский край с Левым крылом и дать дагестанскому войску опорный пункт для наступления в горы с северной стороны.

Для исполнения этого плана надобно было преодолеть упорное сопротивление горцев. Салатавия уже была наводнена неприятельскими скопищами под личным предводительством Шамиля. Князь Орбелиани быстро преодолел первое препятствие — Теренгульский овраг, столько раз бесплодно орошаемый русской кровью, и занял по другой стороне позицию у Старого Буртуная, признанную удобной для возведения штаб-квартиры. Горцы, сбитые почти без боя с первой позиции, рассыпались вокруг отряда и отрезали наши сообщения завалами, устроенными по дороге из Буртуная в укрепление Евгениевское, откуда войска получали продовольствие. Отряженная из лагеря колонна сбила их с этого пункта и раскрыла сообщения, положив на месте несколько сот мюридов. Тогда Шамиль занял в четырех верстах от возводимой штаб-квартиры непроходимую лесную местность и стал со своей стороны строить крепость, которая должна была постоянно блокировать нашу. Князь Орбелиани не тревожил его в этом убежище до самой осени, заботясь только о скорейшем окончании предпринятых работ. Когда новая штаб-квартира была достаточно устроена, чтоб принять на зиму войска, наш отряд внезапным ночным движением овладел неприятельскими укреплениями и разметал их. В Салатавии был прочно водворен дагестанский пехотный полк; но разбежавшиеся по лесам салатавцы еще не покорялись.

В то же лето генерал Вревский перешел Становой хребет со стороны Кахетии и в несколько недель разорил большую часть сильного дидойского общества, сжигая аулы и вытаптывая хлеба. Это был единственно возможный образ действий на Лезгинской линии; от него ждали не покорения, но только ослабления горцев и безопасности наших пределов. Непомерные труды, сопряженные с походом в самую высокую и непроходимую часть Кавказа, невозможность везти с собой достаточное продовольствие всегда чрезвычайно сокращали срок похода на Лезгинской линии и делали из него только большой набег. Отвлеченный салатавскими делами, Шамиль предоставил оборону этой части края местным средствам, и

потому сопротивление неприятеля было слабо. Немногие дидойцы держались в своих башнях и гибли. Уже к концу похода, когда наши войска предприняли обратное движение, на выручку опустошаемого края явился с сильным скопищем сын Шамиля — Кази-Магома и пытался обойти наш отряд. Но, отбитый с первого шага, он принужден был неподвижно смотреть с высот на удалявшиеся войска, оставлявшие за собой одни развалины. Дидойское население, доведенное до крайности, должно было провести жестокую зиму без крова и пищи, живя подаянием соседних обществ. Но надежда на будущее еще не была достаточно потрясена в душе горцев; из всей этой бедствующей массы на этот раз к нам никто не вышел.

Мюридизм так крепко сплотил общественное устройство горцев, что в продолжение целого года, с осени 1856 г. до осени 1857 г., нанося им целый ряд поражений и занимая местность за местностью, мы не покорили еще ни одного человека. Но решимость обществ, над которыми больше всего разражались наши удары, уже колебалась, особенно в Чечне, менее фанатической, чем другие племена. С открытия зимних действий начался перелом войны.

Генералу Евдокимову предстояло в течение зимы сделать первый шаг в горы — занятием устья Аргунского ущелья; но этот поход можно было совершить только при том условии, чтобы в тылу наступающих войск не оставалось неприятеля. Вторжению в горы необходимо должно было предшествовать совершенное покорение плоскости. В октябре 1857 г. генерал Евдокимов внезапно поднялся по р. Гойте в лесные предгорья, где жило население Малой Чечни, сбитое с плоскости еще экспедициями генерала Фрейтага. После кровопролитного, хотя короткого дела, горцы были разогнаны по лесам и жилища их истреблены на всем пространстве между Гойтой и Аргуном. Очистив от неприятеля правую сторону предположенной операционной линии, генерал Евдокимов перешел в Большую Чечню и направился к Мичику, показывая вид, что все наши силы сосредоточиваются против мичиковского общества. Скопища Шамиля стеклись для защиты этого наибства.

Утвердив их в уверенности, что мы идем на Мичик, генерал Евдокимов быстро перешел Качкалыкский хребет, соединился с кумыкским отрядом и вторгнулся в Аух, куда доступы были раскрыты еще с прошлого года. Эта страна была занята во всю глубину, прежде чем горское скопище, стоявшее на Мичике, узнало о цели нашего движения. Горцам пришлось не защищать свою землю, но сбивать нас с твердо занятых позиций, что было им не под силу. Чеченский отряд спокойно прорубил просеку сквозь ауховские леса и заложил в глубине их укрепление Кишень-Аух. Окончив это предприятие, генерал Евдокимов снова перешел в Большую Чечню, постоянно разъединяя своим движением чеченское население, жившее к северу от большой подгорной просеки, и шамилевские скопища, которые он оттеснял в лесные горы, к югу. Став в этом положении, он потребовал покорности от жителей Большой Чечни. Страна их, раскрытая просеками еще с прошлого года, была доступна во всех направлениях; между ними и мюридами стояло русское войско. Измученное 17-летней войной, всегда холодное к делу исправительного тариката, население Большой Чечни покорилось и было переселено на левый берег Аргуна. Обе стороны устья Аргунской теснины были очищены от неприятеля, тыл наш обезопасен, можно было, наконец, вступить в горы. В январе 1858 г. генерал Евдокимов подступил к Аргунским воротам, где неприятель сосредоточил свои силы в крепких завалах. Бой мог быть чрезвычайно кровопролитным; но искусное обходное движение предало нам горские укрепления без потери. Овладев долиной, образуемой за Аргунскими воротами слиянием двух рек этого имени — Чанты и Шаро-Аргуна, генерал Евдокимов заложил здесь укрепление, названное Аргунским, которое должно было служить начальным этапом в завоевании гор. Новое укрепление выросло из-под снега с необыкновенной быстротой. С первой оттепелью главный чеченский отряд мог уже идти далее.

Влево от Аргунского укрепления, с берега Шаро-Аргуна подымается высокая гряда Даргин-Дука, обросшая по скатам дремучим лесом, но голая наверху, соединяющаяся далее с

Андийскими горами и выводящая рядом высоких, удобно проходимых горных полян, в тыл Ичкерии и находящемуся в ней Веденю, столице Шамиля. Окончив работы по возведению укрепления, генерал Евдокимов внезапно взобрался на вершину Даргин-Дука, предупредив сопротивление неприятеля в местности, которая при достаточной обороне была бы непроходима; заняв командующие пункты, чеченский отряд без выстрела прорубил просеку, открывшую нам свободный доступ к этой природной горной дороге. Даргиндукская просека достигала одинаково двух целей. Если б признано было выгоднейшим обойти Ичкерию, она вела нас в тыл этой страны удобной дорогой; если б найдено было лучшим действовать в другом направлении, опасность, которой подвергал горцев вновь открытый путь, приковывала все-таки их внимание и силы к Даргин-Дуку, что значительно облегчало наши предприятия.

Как только чеченский отряд возвратился с хребта в Аргунскую долину, горцы сейчас же заняли Даргин-Дук сильным скопищем и стали преграждать просеку рвами и укреплениями. Оставляя их спокойно сидеть на этой высоте, генерал Евдокимов устремился через Аргунскую долину в тыл аулам малочеченцев, которым еще прошлой осенью был нанесен сильный удар. Это племя поняло свою участь и покорилось. Ему нельзя было уходить дальше в горы, где за ним жили другие общества, дорожившие своей землей. Жители Малой Чечни, больше 10 лет укрывавшиеся в лесных предгорьях и производившие оттуда беспрерывные набеги в наши пределы, были выселены на свои прежние места между горами и Сунжей.

Покорением Малой Чечни кончились зимние действия с 1857 г. на 1858 г.; северные плоскости и предгорья были завоеваны, вход в горы открыт. С летом начались походы в глубину гор, сокрушившие мюридизм в течение 15 месяцев. Но, несмотря на смелое направление наших войск в сердце трущоб, до того времени неизвестных и считавшихся недоступными, эти экспедиции надобно было в продолжение еще целого года производить методически, разрабатывая мест-

ность на каждом шагу и считая нашей только ту землю, на которой неприятель не мог больше сопротивляться. Горский союз, початый только по краям, был еще слишком силен, чтоб наступать на него открыто.

В июне войска должны были двинуться в горы с трех сторон. Чеченский отряд вверх по ущелью Чанты-Аргуна; дагестанский от Буртуная к Мачикалу, угрожая вторжением в Андию; лезгинский — через Канучу во внутренние горы Лезгистана, лежащие на восток от дидойского общества. Главная операция была возложена на чеченский отряд, которому предстояло занять течение Аргуна до снежного хребта. Дагестанский отряд совершал только диверсию. Лезгинский отряд вместе и развлекал неприятеля, и продолжал начатое предприятие — разорение непокорных обществ Южного Лезгистана.

Между тем старый имам, стесненный, как ему еще никогда не доводилось, видя невозможность удержать наши стремления с лица, старался возобновить средство, столько раз ему удававшееся прежде, — возжечь народное восстание в нашем тылу. Мюридическая пропаганда работала среди мирного населения, как в сороковых годах; но на стороне горцев уже не было увлечения удачи, и самые жаркие приверженцы исправительного тариката не смели начать восстания. В это время приказано было назрановскому обществу, живущему под Владикавказом и давно мирному, но беспокойному и хищническому, селиться большими аулами по примеру чеченцев вследствие доказанной невозможности управлять горским населением, рассыпанным мелкими хуторами. Поджигаемые агентами Шамиля, назрановцы возмутились. Радостный клик отвечал их восстанию во всех горах; до тех пор довольно бывало искры для произведения пожара. Шамиль, готовый заранее, устремился к Назрани через Малую Чечню, надеясь, что и это племя, только что покоренное, увлечется примером соседей. Но с нашей стороны также были приняты меры заблаговременно. Колонны, тесной сетью окружавшие подгорье, мгновенно стянулись к пункту, где Шамиль вышел на равнину, и отбросили его назад. В то же время Назрань была усмирена оружием.

Движения, вынужденные этим происшествием, не замедлили ни одним днем предположенной экспедиции.

Чеченскому отряду предстояло победить местность самую неприступную, может быть, на всем Кавказе. Выше по Аргуну лежит богатая Шатоевская долина, занятие которой наполовину решало дело; но она была за хребтом и к ней вела только одна тропинка по правому обрыву глухой теснины, прорытой Аргуном в высочайших горах. Один завал мог остановить здесь целую армию. Кругом и горы, и ущелье одеты дремучим лесом, без следа и дороги. Покуда собирался отряд, наши войска сделали несколько демонстраций к подошве Даргин-Дука, окончательно убедивших горцев, что русские пойдут по этому пути. Главное неприятельское скопище расположилось над даргиндукской просекой, откуда оно уже никак не могло поспеть вовремя на Шатоевскую дорогу; но ущелье Чанты-Аргуна было также занято партией в несколько сот человек, совершенно достаточной, чтоб не пропустить нас. Генерал Евдокимов повел в ущелье просеку; горские наибы, хорошо зная непроходимость этой местности, приняли наши работы за демонстрацию и еще бдительнее стали стеречь Даргин-Дук. Тогда генерал Евдокимов перевел ночью отряд на левый берег Аргуна по мосту, скрытно устроенному в глубоком корыте реки, и с рассветом устремился к Шатоевской долине, без дороги, прямо через лесной хребет Мекен-Дук. Движение чеченского отряда было основано только на тайне и расчете времени, необходимого горцам, для того чтоб перейти Аргун и взобраться на высокий хребет; потому что встреча значительного числом неприятеля в Мекендукском лесу была бы для нас поражением. Расчет был сделан верно. Дрались только несколько местных жителей, и голова отряда уже вышла на Варандинскую поляну, когда против нее показалась первая запыхавшаяся толпа горцев. Мюриды должны были без боя воротиться в ущелье.

Главное препятствие было пройдено; но за отрядом расстилался Мекендукский лес, через который надобно было проложить сообщение. Почти целый месяц войска чеченского отряда разрабатывали дорогу назад, по обойденному ими

ущелью, и вперед, к Шатоевской долине. В это время наши колонны вступили в горы и с других сторон. Дагестанский отряд под предводительством генерал-адъютанта барона Врангеля, заступившего место князя Орбелиани, двинулся к Мичикалу, разрушая завалы, ограждавшие доступ в Андию. Генерал Вревский с лезгинским отрядом перешел снежный хребет и проник в капучинское общество, между тем как другой небольшой отряд действовал с той же стороны навстречу генералу Евдокимову, на верховьях Аргуна. Атакованный разом несколькими массами, опытный предводитель мюридизма сейчас же понял, откуда ему наносится главный удар, и, оставляя своим наибам начальство в других пунктах, обратился с сыновьями и главным скопищем против генерала Евдокимова. Горцы заняли у аула Большие Варанды чрезвычайно сильную позицию, прикрывавшую единственный доступ к Шатоевской долине. Но Шамиль, наученный опытом, не доверял больше крепким позициям; зная, к чему приведет дальнейшее движение русских в глубь страны, он решился остановить его вторжением в наши пределы. Оставя половину своего многочисленного скопища на позиции перед Шатоем, имам устремился с другой половиной к Владикавказу, где он надеялся найти союзников в назрановцах; при счастье, Шамиль мог там взять верх над нашими слабыми войсками, что повело бы к восстанию племен всего Центрального Кавказа, еще веривших мюридизму. Но счастье давно уже изменило старому военачальнику; его отважное намерение обратилось ему в гибель. Предпринимая поход в глубь гор, генерал Евдокимов расположил на плоскости колонны таким образом, что они взаимно поддерживали одна другую и могли сосредоточиться на всяком угрожаемом пункте. В один и тот же день Шамиль, спустившийся на плоскость близ Владикавказа, был наголову разбит генералом Мищенко; а генерал Евдокимов, пользуясь отсутствием имама, рассеял скопище, занимавшее Варандинскую позицию, и овладел Шатоем. Шамиль был отрезан и должен был подняться по Аргуну почти до снежного хребта для того только, чтобы бежать домой.

Тогда все нагорное чеченское население, общество за обществом, восстало против мюридизма. Предупреждая движение наших колонн, жители Аргунского края стали везде изгонять или резать своих наибов, духовных и всех дагестанцев, кто бы они ни были. Чеченские племена одни за другими присылали к генералу Евдокимову депутатов с изъявлением покорности. Это движение распространилось далеко; даже на такие племена, которых мы не могли поддержать за отдаленностью и которым поэтому должны были сами советовать, чтоб они подождали более благоприятного времени. Чеченцы мстили мюридизму за восемнадцатилетний гнет, давивший их своевольную личность, и со свойственной им пылкостью искренно протягивали нам руку. Из всего чеченского народонаселения у Шамиля осталась только Ичкерия, которой он управлял лично, и получеченское, полутавлинское общество Чаберлой. Но он не мог уже сомневаться, что и эти племена, при первом появлении русских, последуют общему движению.

В конце октября 1858 г. обширное пространство гор от Военно-Грузинской дороги до Шаро-Аргуна признавало русскую власть. Для свободного движения войск вдоль Чантыаргунской долины была разработана удобная дорога, прикрытая тремя укреплениями; в Шатое водворена штаб-квартира Навинского пехотного полка. Оставалось только раскрыть вновь приобретенный край продольными путями и привести в порядок мелкие разбойничьи общества, населявшие его западную оконечность.

Пока происходили действия на Аргуне, генерал барон Вревский перевалился за снежный хребет и через общество Капучу вторгнулся во внутренние земли Анкратля, куда еще никогда не проникало русское оружие. Главные силы Шамиля были далеко; но многочисленное местное население, помня прошлогоднее опустошение дидойского общества и опасаясь подобной участи для себя, стеклось под знамена своих наибов, с ожесточением оспаривая каждый шаг у наступающего отряда. Препятствия, противополагаемые в этом крае нашему движению природой и упорством жителей, были чрезвычай-

ны. Заоблачные хребты, бездонные обрывы, леса, каменные аулы составляли почти непроницаемый лабиринт, где каждая десятина земли была крепостью для лезгин. Все время похода наши войска должны были пробиваться вперед открытой силой, штурмуя огражденные завалами кручи, колеблющиеся мостики, повешенные над бездной, и аулы с башнями, венчающие вершину почти отвесных скал. Несмотря на упорное сопротивление лезгин, защищавших такую местность, наш отряд в течение пяти недель опустошил семь обществ Анкратля, разорил более сорока каменных аулов и взял три укрепления с артиллерией. Но успех этой экспедиции дорого нам стоил. На приступе аула Китури генерал Вревский и несколько отличных офицеров были смертельно ранены. Принявши начальство над отрядом, полковник Корганов продолжал наступление, разорил последние дидойские аулы, оставшиеся на восточных пределах этого общества от прошлогоднего истребления, и затем только спустился с гор. Двукратное опустошение и потеря веры в Шамиля, все лето терпевшего поражения, произвели свое действие на жителей неприступного Лезгистана. Видя невозможность отразить наши удары и не смея принести покорность в своей земле, которой с наступлением осени мы не могли оградить, четыре тысячи анцухцев и капучинцев выселились с гор в наши пределы.

Движение генерал-адъютанта барона Врангеля к Мичикалу было, как уже сказано, только демонстрацией, назначенной для отвлечения сил и внимания Шамиля от Шатоя. Для решительного наступления со стороны Дагестана еще не пришло время. В 1858 г. дагестанским войскам предстояло много невидных, хотя весьма важных трудов; надобно было вполне достигнуть цели, для которой была занята Салатавия, разработкой из Буртуная путей на Аух и на Кумыкскую плоскость. Завоеванием Салатавии связывались в одну действующую силу, сосредоточенную против северной стороны гор, войска Прикаспийского края и Левого крыла; но для того, чтобы они связывались действительно, надобно было провести из Буртуная к оконечностям страны несколько просек,

собрать рассеянное и до тех пор еще враждебное салатавское население и покорить ауховцев, упорно державшихся в своих лесных хуторах. Салатавский отряд был занят исполнением этих предприятий все лето 1858 г. и всю следующую зиму. Кроме действий в Салатавии, дагестанским войскам приходилось еще охранять длинную пограничную линию от Сулака до снежного хребта. С основанием Буртуная главные силы Прикаспийского края были стянуты в северо-западном углу этой страны, отчего необходимо ослабели оборонительные средства собственного Дагестана; а между тем, как ни был стеснен неприятель, он располагал еще большими силами, и необходимость отчаянных мер могла устремить его на покорный Дагестан, как устремляла в этом году к стороне Владикавказа. В Прикаспийском крае надобно было действовать весьма осторожно.

Главные действия зимой, как и истекшим летом, предстояли генералу Евдокимову. С занятием Аргунского края войска Левого крыла были раскинуты на слишком обширном пространстве, а между тем на них лежало исполнение самых важных предприятий. Главнокомандующий усилил Левое крыло 8 батальонами из гренадерской и 18 пехотной дивизий. При этом подкреплении генерал Евдокимов мог разделить свои силы. Оставляя на Аргуне отряд, достаточный для прикрытия последнего завоевания и новых чеченских поселений, он сосредоточил другие войска в Галашках, на западной оконечности страны, занятой чеченским племенем, у пределов Военно-Осетинского округа. Галашевский отряд приступил к разработке этой глухой страны, составлявшей до тех пор одни безвыходные дебри, в которых гнездились разбойничьи деревушки и беглецы со всего Левого крыла. Войска расчистили просеки; но им невозможно было настигнуть малочисленное население абреков, скрытое по самым диким местам. Для этого генерал Евдокимов послал в горы две тыс. наездников из только что покоренного населения Малой Чечни, под предводительством их наиба. Чеченцы рассыпались по лесам, истребили упорствовавших разбойников, а прочих за-

ставили выселиться на плоскость. К концу года эта часть края была раскрыта и успокоена.

Покуда генерал Евдокимов находился в пределах Военно-Осетинского округа, Шамиль с деятельностью, возраставшей по мере обрушившихся на него бедствий, задумал новый поход в надежде изгнать нас из вновь завоеванного Аргунского края. Выше Шатоевского укрепления было заложено укрепление Евдокимовское, составлявшее верхний пункт нашей линии по Аргуну; далее начинаются отроги снежного хребта, преграждающие всякий путь войску в эту пору года. Между Шатоевским и Евдокимовским укреплениями Аргун течет в каменной трещине неизмеримой глубины, в которой вьется, изгибаясь по карнизам скал, единственная тропинка, сообщающая два укрепления. Шамиль расположил в предгорьях Большой Чечни сильное скопище с целью привлечь к этой стороне наши войска, а с другой партией бросился внезапно к ущелью между Шатоевским и Евдокимовским укреплениями; он надеялся захватить ущелье, разрезать наши силы, растянутые по Аргуну, и открыть себе доступ в зааргунский край, где быстрые движения были невозможны для регулярных войск в эту пору года. Оставленным в Чечне силам он приказал, при первом известии об успехе его предприятия, устремиться к этому же пункту. План Шамиля был соображен с истинно военным взглядом и мог поставить нас в затруднительное положение. Но мюриды действовали посреди чеченского населения, разорвавшего уже нравственно союз с ними. Их движения не могли оставаться для нас тайной. Шамиль встретил батальоны на пунктах, которые он надеялся захватить нечаянно, и должен был отказаться от своего смелого предприятия.

Для полного покорения всего чеченского племени оставалось только овладеть Ичкерией. Шамиль предвидел, куда направятся наши силы, и целый год занимался укреплением своей столицы — Веденя. Не надеясь на туземцев, он созвал для защиты Ичкерии сборы изо всего Дагестана. Перед Рождеством генерал Евдокимов двинул в Ичкерию три отряда. Первый отряд, под его личным предводительством, вступил

в ущелье Басса из Шали; второй, под начальством полковника Бажанова[28], — направился к этой же реке горами из укрепления Аргунского; князь Мирский[29] привел третий отряд с Кумыкской плоскости через Большую Чечню. К Новому году отряды сошлись на Бассе. Наши войска, по мере движения вперед, рубили лес и прокладывали дорогу. Дагестанцы дрались упорно, никогда не уступая без боя чужой для них земли; но ичкерийские чеченцы оказывали сопротивление только под глазами тяготевших над ними союзников и сейчас же сдавались, как скоро дагестанцы бывали принуждены отступить от их жилищ. В три недели до тысячи семейств этого племени было выселено на плоскость. Подвигаясь вверх по ущелью Басса, чеченский отряд подступил к сильной позиции в урочище Таузень, заблаговременно укрепленной неприятелем. Генерал Евдокимов отрядил колонну в обход завалов по горам, засыпанным глубокими снегами; когда появление ее на хребте, выше Таузеня, распространило между горцами колебание, генерал Кемферт[30], подступивший к позиции с фронта, сбил их одним быстрым ударом. После этого дела разработка местности потребовала опять значительного времени. В начале февраля ущелье Басса было расчищено до аула Алистанжи, пункта, откуда дорога в Ведень выходит из ущелья на горы. Эта часть страны представляла горцам все удобства для самой сильной обороны. Генерал Евдокимов предпочел пробиться до Веденя разом и поставить войска в укрепленном лагере перед неприятельской крепостью, а потом уже разрабатывать дорогу в тыл. Особая колонна была направлена по хребтам для обходного движения, фланкировавшего линию, по которой следовало наступать главным силам. Этот маневр, совершенный нечаянно и чрезвычайно быстро, открыл отряду путь к Веденю. Наши войска заняли гору в двух верстах от укрепленной резиденции Шамиля. Здесь чеченский отряд должен был остановиться на продолжительный срок, пока в тылу позиции не откроется удобное сообщение до наших пределов. Сбив горцев с окрестных высот, генерал Евдокимов окружил свои лагеря засеками и приступил к устройству дороги назад, по пройденному пути.

Ненастное время года делало работы чрезвычайно затруднительными. Между тем войска, расположенные перед Веденем, заложили постоянную крепость, которая возвышалась понемногу в виду неприятельской. Дорога к Бассу, несколько раз смываемая дождями, была кончена и обсохла только к половине марта. Тогда лишь, с прибытием к отряду артиллерии (чеченский отряд имел до тех пор с собой одни горные орудия), можно было приступить к осаде.

Ведень расположен в долине, при слиянии двух глубоких оврагов, ограждающих его с северной стороны, откуда пришли наши войска. С востока его огибает цепь бугров, постепенно понижающихся от хребта; на ней был устроен горцами ряд сомкнутых редутов. Горские укрепления состояли из толстых и высоких брустверов, сложенных из бревен, пересыпанных землей, с прикрытием для стрелков, рвами, палисадами, блиндажами и турбастионами. Ведень был занят гарнизоном из семи тысяч человек, под начальством четырнадцати наибов, подчиненных сыну Шамиля — Кази-Магоме. 17 и 18 марта заложены первые траншеи, одна — с западной стороны крепости, другая — против отдельного укрепления, названного Андийским, замыкавшего с нашей стороны линию редутов. Особая колонна была поставлена для прерывания сообщений неприятельского гарнизона с Ичкерией; ему оставалось отступление только на Андию, которое было не заставлено нарочно, чтоб не доводить сопротивления горцев до крайности. Главные силы неприятельских укреплений заключались в линии редутов, окружавших Ведень с востока; они командовали собственно крепостью, так что и штурмовать ее, и держаться в ней после штурма надобно было под их огнем. Для того чтоб сбить эту линию, следовало только стать на одной высоте с ней, заняв один из редутов. В последних числах марта атака была доведена с западной стороны до оврага, откуда наша артиллерия обстреливала подножие редутов, обращенное к крепости, и разрывала неприятельский гарнизон на две половины без сообщения; с восточной — она подвинулась на 6 шагов к Андийскому редуту; 1 апреля назначена была штурмовая колонна

под начальством генерала Кемферта. На закате, после сильной канонады, засыпавшей Андийский редут снарядами, он был атакован и взят мгновенно. Случилось как рассчитывал генерал Евдокимов. Гарнизон соседнего редута, видя несравненно превосходнейшие силы атакующих возле себя и на одной высоте, счел сопротивление невозможным и отступил в редут, лежащий далее. Это отступление сообщилось всей линии, и через два часа редуты были брошены неприятелем. С этой минуты крепость была открыта прицельному огню сверху. Движение колонны полковника Черткова[31] по ущелью Хулхулау, на единственную линию отступления, остававшуюся горцам, покончило дело. Неприятель зажег крепость и ушел на гору. После кровавых штурмов предшествовавшей эпохи, стоивших столько тысяч людей, штурм, решивший участь Веденя, обошелся в 26 человек, выбывших из строя.

Пока продолжалась осада Веденя, генерал-адъютант барон Врангель вступил в Ичкерию с востока, для проложения просек в тех самых местах, по которым наши войска отступали из Дарго в 1845 г. Новые просеки были проложены с этой стороны. К началу лета, беспрерывными действиями чеченского и салатавского отрядов, разбросивших колонны по всем направлениям, Ичкерия была раскрыта, и покорены населения этой страны, Ауха и выходцы Большой Чечни, скрывшиеся от нашей власти в лесных предгорьях. Большая Чечня снова заселилась своими прежними жителями, собранными в большие аулы. Совершенная безопасность, даже для одиночного путника, водворилась на всем пространстве только что покоренного края.

Сейчас же после покорения Веденя значительное габерлоевское общество, последняя чеченская земля Шамиля, не дожидаясь русских колонн, само восстало против его власти, выгнало мюридов и прислало депутацию к генералу Евдокимову.

Весь чеченский народ был покорен до последней деревни. Шамилю оставался один Дагестан. Но покуда Дагестан стоял под знаменем мюридизма, наше господство на Кавказе осталось столь же шатким при владении Чечней, как и без

нее. В Дагестане заключалась вся нравственная сила мусульманского восстания.

Этот обширный, малоизвестный в своих глубинах, неприступный край, населенный воинственными и изуверно-фанатическими племенами, рабски покорствующими перед духовной властью, мог отстаивать свою независимость и без содействия Чечни, как это было доказано прежними годами. Во время Ахульгинского похода, еще до восстания чеченцев, когда мы владели в середине гор преданными нам Аварией и Койсубу, когда далеко еще не все дагестанские племена стояли за мюридизм, против Шамиля были направлены с двух сторон главные силы Кавказского корпуса. В то время русские войска положили пять тысяч человек перед одной деревней, разрушением которой ограничился результат похода. Теперь Шамилю повиновался весь Дагестан, устроенный и обставленный крепостями; силы мюридизма были гораздо значительнее, чем в 1839 г. Разница состояла только в относительном положении нашем и неприятельском; но в этой разнице уже заключалась вся последующая судьба войны. Завоевания двух предыдущих годов изменили коренным образом стратегические условия наступления на Дагестан и глубоко потрясли уверенность горского населения в неодолимости его убежищ. До сих пор мы могли проникать в Дагестан только с двух сторон: с южной и восточной. Южная сторона защищена снежным хребтом, за которым нельзя было утвердиться; восточная — широкой оборонительной полосой, где продолжительная война обратила каждую деревню в крепость. И там и здесь наступающие войска должны были теснить горцев от окружности к центру, в неизведанные глубины края, слишком обширного, чтоб его можно было пройти в один раз; с каждым шагом внутрь страны силы горцев возрастали, а для нас увеличивались затруднения продовольствия и сообщения. Эти условия до сих пор делали возможной в горах только войну методическую. С завоеванием Аргунского края и Ичкерии мы открыли наступлению третью сторону Дагестана, где ничто не было приготовлено для энергической

обороны — ни люди, ни жилища их; поставили свое военное основание подле той самой неизвестной глубины гор, на которую опирались пограничные племена. Опыт лезгинских походов показал уже, как было слабо сопротивление горцев внутри Дагестана, — отряд, который там брал штурмом по три аула в день, был бы недостаточен для осады одной деревни на пограничной восточной полосе. Во всяком случае, с северной стороны, открытой последними завоеваниями, Дагестан был, естественно, не сильнее, чем Лезгинская линия, с которой сняли бы прикрытие снежного хребта. Но, кроме того, вступая в Дагестан с этой стороны, мы с первого шага овладевали самым сердцем края и теснили горцев уже не от окружности, опрокидывая их на наши пограничные линии и заходя в тыл их оплотам. Это новое стратегическое положение было последствием и целью всех предыдущих походов. Пока происходило завоевание Чечни, войска Прикаспийского края упрочивались в Салатавии; к лету 1859 г. прежний базис наступления на Дагестан со стороны моря был уже брошен; оба войска, Левого крыла и дагестанское, сосредоточились на одной линии, в твердо занятых пунктах, против северной, вновь раскрытой стороны гор. Только отряд Лезгинской линии, действовавший со стороны Грузии, по необходимости составлял совершенно отдельную массу.

Уверенность в себе горского населения, так долго составлявшая силу мюридизма, была глубоко потрясена последними событиями. В 1858 г. и первых месяцах 1859 г. все поражения обрушивались на тавлинцев, так как чеченское население, имевшее уже свою очередь, по возможности уклонялось от боя и покорялось при первом успехе с нашей стороны. Тавлинцы изведали достаточно в чужом краю, насколько самые сильные позиции, вверенные их обороне, удерживали в последнее время русские войска; они не могли ждать для себя ничего другого и дома. Народный энтузиазм и решимость защищаться до последнего поддерживались уверенностью в возможности отбиться; с падением этой уверенности необходимо должна была ослабеть и энергия массы. Оставался

Шамиль со своей прочно утвержденной властью, за которую стояли все присяжные лица мюридизма, то есть вся мыслящая часть населения, выходящая из народной толпы. Шамиль располагал еще большими силами; он мог выставить против нас много тысяч храбрых воинов, имел верных и опытных помощников, неприступные крепости, значительные материальные средства. Но в это время, с ослаблением надежды отбиться от русских, каждый горец, естественно, стал думать о себе лично, о своем семействе и имуществе. Не подлежало сомнению, что толпы, собранные под глазами Шамиля или его главных наибов, будут драться решительно; но с ослаблением народной веры в успех эти толпы становились войсками, в определенном смысле слова, войсками, за которыми не сражался уже каждый камень; на них можно было наступать по чисто стратегическим соображениям, как во всякой другой войне, и решить дело быстрым вторжением.

Теперь это ясно. Но в прошлом июне Дагестан представлялся еще такой непроходимой трущобой, так была свежа память кровавых и бесполезных попыток, двадцать лет сряду повторявшихся против этой земли, что казалось невозможным кончить дело одним разом. Никто не сомневался, что теперь стало возможным сломить Дагестан; но сломить его в несколько приемов, методически, как это происходило в Чечне, рассчитывая действия на известное число лет. Все были тогда убеждены в этом, положительно все, кроме одного человека; к счастью, этот человек был главнокомандующий. Завоевание Дагестана совершилось в пять недель, и Кавказ навсегда избавился от мюридизма, грызшего, как язва, его внутренности[32].

Общее наступление предположено было начать со всех сторон одновременно, в первых числах июля. Главный чеченский отряд, в числе 14 тыс. человек под ружьем, под личным начальством графа Евдокимова, был сосредоточен около Веденя; другой небольшой отряд Левого крыла, полковника Кауфмана[33], готовился выступить из Шатоя. В Прикаспийском крае главный отряд, салатавский, в составе около 9 тыс., которые должны были впоследствии еще усилиться, собрался в Бур-

тунае. Всем этим войскам, составлявшим массу около 25 тыс. штыков и коней, назначено было произвести наступление с северной стороны гор. Восточная сторона Дагестана, обращенная к Каспийскому морю, охранялась отрядом в пять батальонов, расположенным на Турчидаге под начальством генерала князя Тарханова[34], готовым сейчас перейти в наступление. Из Темир-Хан-Шуры также готовы были двинуться, в случае надобности, около 2 тыс. человек в промежуток между салатавским и турчидагским отрядами. Эти три отряда состояли в распоряжении генерал-адъютанта барона Врангеля, находившегося при салатавском отряде. На Лезгинской линии, под начальством командующего войсками генерала князя Меликова, сосредоточился на горе Пахалис-Тави отряд в 7 тыс. человек, фланкируемый двумя небольшими отрядами со стороны крепости Новые Закаталы и Тушети, под предводительством князя Шаликова и князя Челокаева. Вся масса войск, собранная с величайшими усилиями для наступления в горы с трех сторон, не превышала 40 тыс. человек под ружьем из 240 тыс., составлявших в эти месяцы Кавказскую армию (из 160, если не считать войск Правого крыла и Кутаисского генерал-губернаторства). Разительный пример локализирования, можно сказать, поглощения войск, для потребностей мелкой обороны и занятия края, бывших последствием Кавказской войны.

Действия трех отрядов — чеченского, дагестанского и лезгинского, фланкируемых зависевшими от них второстепенными колоннами, были подчинены одному общему плану; но каждый командующий войсками был самостоятелен на своем военном театре и руководствовался местными соображениями для достижения поставленных ему целей. Наибольшая сила оборонительной системы неприятеля состояла в линии Андийского-Койсу, прикрывавшей непокорные горы с севера, от снежного хребта до Сулака, прочно укрепленной и занятой многочисленными скопищами горцев. Эта линия останавливала наступление чеченского и дагестанского отрядов почти с первого их шага в горы. Лезгинский отряд, действовавший с южной стороны, находился некоторым образом в тылу этой

линии, но отделенный от нее обширным пространством самых недоступных гор, в которые наши войска еще никогда не пытались проникнуть. По плану князя Барятинского, отряды должны были сойтись против среднего течения Андийского-Койсу, разрушая совокупным усилием оборонительную линию горцев. Главная, хотя пассивная роль в общем наступлении принадлежала чеченскому отряду, напиравшему против самой неприступной части неприятельской линии; к этим войскам прибыл сам главнокомандующий, чтобы находиться в центре действий. Чеченский отряд, многочисленнейший из трех, шел кратчайшим путем к среднему течению Андийского-Койсу; через несколько времени, с углублением в горы других колонн, он должен был стать связующей и опорной массой для всех наступающих войск. Присутствие в чеченском отряде главнокомандующего и самое направление отряда — в сердце непокорной земли — необходимо заставляло мюридов обратить все внимание на эту часть наших сил, ждать решительного удара только от нее и сообразовать свои действия с ее действиями. Подвигаясь медленно, ничем не обнаруживая своих намерений, главнокомандующий приводил Шамиля в недоумение и заставлял его держать в массе свои главные силы; тем легче фланговые отряды могли нанести горцам внезапный удар. Достаточно было одному из них достигнуть правого берега Андийского-Койсу, чтоб ниспровергнуть всю оборонительную систему неприятеля. По всей вероятности, действующая роль должна была выпасть на долю дагестанского отряда. Он наступал рядом с чеченским; успех с каждой стороны был общим. В нижней части течения Койсу неприятель имел менее сил, чем в средней. За рекой, против Гумбета, лежат Койсубу и Авария, общества, твердо стоявшие за нас в 1843 г. и претерпевшие потом долгое гонение от Шамиля. Прорвавшись за реку в нижней части течения, мы прямо вступали в этот край, единственный в Дагестане, на дружелюбие которого можно было рассчитывать немедленно. С восстанием Аварии в Дагестане должно было начаться такое же разложение, какое предало нам Чечню. Во всяком случае, с содействием или без содействия Аварии,

раз прорвавшись за реку, дагестанскому отряду стоило только протянуть правый фланг вверх по ее берегу, чтоб взять в тыл укрепления, нагроможденные горцами против Технуцала. Тогда чеченский отряд мог свободно перейти Койсу и протянуть руку лезгинскому, который до тех пор был отделен, как бездной, от сил, действующих с севера. Но если бы дагестанский отряд встретил со своей стороны препятствия непреодолимые, то в этой крайности лезгинский отряд мог проникнуть в глубину гор и выйти в тыл неприятельской линии, хотя с гораздо большим риском и значительной тратой времени. Во всяком случае, тот или другой должен был обойти Шамиля и овладеть переправами через Койсу. Тогда все три отряда соединялись в сердце гор, и исход борьбы становился несомненным; оставалось только быстро преследовать Шамиля, не давая ему утвердиться в какой-либо части края.

По этому плану чеченский отряд должен был в начале похода действовать методически, разрабатывая дорогу из Веденя в Андию; лезгинский отряд — продолжать систему, которой он держался уже два года, — разорять неприятельский край, подвигаясь понемногу в глубь гор; решительное наступление с первого шага предстояло только дагестанскому отряду. Как на графа Евдокимова было возложено исполнение планов главнокомандующего в методической войне, так теперь возлагалось на барона Врангеля нанести мюридизму быстрые и окончательные удары.

Северная сторона Дагестана, на которую наступали соединенные силы Левого крыла и Прикаспийского края, ограждена по всему протяжению чрезвычайно высоким, но не снежным хребтом, который тянется сплошной стеной к северо-востоку, от пределов Хевсуретии до Салатавии, отделяя чеченское население от тавлинского. За хребтом, на расстоянии от 15 до 20 верст, течет в глубочайшей пропасти Андийское-Койсу. Через хребет нет ни одного ущелья; надобно лезть на его вершину и потом опять спускаться в страшную глубину. Через реку переправы существуют только в немногих местах, где пробиты тропинки, ведущие к руслу наискось по отвесным

скалам. Длинная полоса между хребтом и рекой разрезана на несколько отдельных клеток контрфорсами хребта, упирающимися в самый берег Койсу. Шамиль устроил с глубоким военным взглядом оборону этой страны. Войска Левого крыла и Прикаспийского края должны были наступать отдельно, имея особое основание военное и продовольственное, одно — в недавно покоренной Ичкерии, другое — в Салатавии. Перед чеченским отрядом лежала Андия, перед дагестанским — Гумбет, разделенные высоким контрфорсом, через который эти страны сообщаются только по двум путям: верхнему, через так называемые Андийские ворота, и нижнему, над рекой. Шамиль укрепил правый берег Койсу и этот перпендикулярный к реке контрфорс. Против Технуцальской долины, около аула Конхидат, куда должен был спуститься чеченский отряд и где река течет в плоских берегах, на противоположной стороне была устроена горцами целая система укреплений, каменных стен с бойницами и батарей, в 8 верст длиной. Брать силой эти укрепления, которым бешеная река служила природным рвом, могло считаться почти невозможным. Далее, на значительном расстоянии, Койсу непроходим по самой местности. Против Гумбета, на пути наступления дагестанского отряда, Шамиль укрепил Согритлоский мост блиндированными галереями, скрытыми в скалах и недосягаемыми ни с какой стороны, даже для артиллерийского огня. Мосты через Койсу он оставил только в недоступных для нас местах, оградив их завалами. На остальном течении не только мосты были сняты, но даже скалы над рекой оборваны отвесно. Верхний путь, соединяющий Андию и Технуцал с Гумбетом, был перерезан башнями и завалами в Андийских воротах и на соседних тропинках. На нижнем пути, в том месте, где контрфорс упирается в реку, Шамиль сильно укрепил Килитлинскую гору и расположился на ней с главными силами, как в центральном пункте. Все население Андии, Технуцала и Гумбета было принуждено перевести семейства и стада на другой берег реки и сжечь свои аулы. При таком расположении обороны все стратегические выгоды были на стороне горцев. С первым шагом в неприятельскую

землю дагестанский и чеченский отряды разъединялись занятым горцами контрфорсом и упирались в препятствие, почти неодолимое, — Андийское-Койсу; между тем как неприятель мог отказываться от боя, когда хотел, запираясь в своих укреплениях; мог также устремлять против разъединенных отрядов или колонн, отряжаемых ими, всю массу своих сил, нисколько не опасаясь за тыл и фланги. Лежавший перед нашими отрядами военный театр представлял шахматную доску, в которой все границы между клетками — во власти неприятеля. Мы имели только одно преимущество — тактическое превосходство наших войск. Если можно было найти случай где-нибудь воспользоваться этим преимуществом и только в одном пункте прорвать оборонительную сеть неприятеля, дело было выиграно, потому что горцы не могли возвратить себе утраченной выгоды открытым боем. Предстоявшие действия были рассчитаны на этом соображении.

К 1 июля в крепости Грозной собрались: начальник Главного штаба, начальники специальных оружий армии и походный штаб. 4 июля прибыл к войскам главнокомандующий, прямо из Петербурга, куда он уезжал на короткое время. Через несколько дней началось наступление.

14 июля главный чеченский отряд выступил из Веденя и расположился у озера Япиам. Два дня сряду потом главнокомандующий производил рекогносцировки к стороне Андии. 17-го отряд перешел к озеру Ретло. 18-го снова была большая рекогносцировка. В это время Шамиль жег андийские и технуцальские деревни. 22-го чеченский отряд опять подвинулся вперед и стал на краю Андийского хребта, над долиной Технуцала. При каждой стоянке войска разрабатывали через горы удобную колесную дорогу. Шамиль напряженно следил за действиями главного отряда из своих укрепленных позиций. Тем временем участь первой половины похода была уже решена на другом пункте.

Генерал-адъютант барон Врангель в первых числах июля занял с бою позицию у Мичикала, на северной подошве Гумбетского хребта. Получив здесь последние инструкции глав-

нокомандующего, он двинулся вперед в тот же день, как и чеченский отряд, 14 июля. За хребтом, на дороге отряда, горцы заняли крепкий аул Аргуани, взятие которого в 1839 г. стоило нам 800 человек; но дагестанский отряд, достигнув последних вершин хребта, направился по отрогу, выходящему в тыл деревни. Горцы должны были бросить эту позицию без боя. С высот около Аргуани открылось расположение половины, по крайней мере, шамилевых скопищ. Они теснились у Андийских ворот и по всему контрфорсу, ожидая, очевидно, что дагестанский отряд будет силой открывать сообщение с чеченским. За рекой никого не было видно; владея несколькими мостами, горцы могли беспрепятственно переходить с одного берега на другой и потому не озаботились предварительно занять противоположную сторону. Барон Врангель, не теряя минуты, воспользовался этой оплошностью. Несмотря на чрезвычайное утомление войск после усиленного перехода по горам, зная, что у его дагестанских солдат всегда станет силы, когда впереди есть нужное дело, барон Врангель сейчас же двинул к Согритлоскому мосту колонну под начальством генерала Ракуссы. Эти войска нашли мост снятым и вокруг такую местность, что к реке можно было подойти только правильными работами, под убийственным неприятельским огнем; поэтому они не могли перейти реку немедленно. Но на другое утро найдено было, в версте ниже, место, на которое горцы не обратили внимания и где было возможно, хотя с величайшими затруднениями, накинуть мост. Выше и ниже совершенно отвесные берега не позволяли даже спуститься к воде. Прибыв на передовую позицию, генерал Врангель решил переправляться в этом пункте. Войска заняли высоты левого берега, командующего — правым, только в одном этом месте, и сейчас же покрыли их завалами для стрелков и артиллерии, прежде чем неприятель успел занять противоположную сторону значительными силами. С этой минуты мы владели переправой; наш огонь засыпал другой берег до такой степени, что когда опоздавшие скопища горцев прибыли к Согритло и привезли свои пушки, они не могли уже ни спуститься к реке, ни строить против нас завалов, ни

ударить в голову переходящей колонне; все действие их ограничилось тем, что они с окрестных гор обстреливали лагерь и переправу. Оставалось только сладить с бешеной рекой; но это была самая трудная часть дела. Все материальные средства для переправы, принесенные на солдатских руках, состояли в веревках и нескольких досках. Два дня работа не удавалась. Несколько человек переправились в люльке, скользившей над пучиной по канату, и засели в пещере противоположного берега, вырезав защищавших ее мюридов. Но по канату нельзя было переправить отряда, а между тем горские скопища с часу на час усиливались и покрыли все окрестные горы. Только на третий день через Койсу была перекинута зыбкая веревочная плетенка[35] в 15 сажен длиной и несколько вершков шириной, по которой люди должны были переходить в одиночку. На рассвете несколько рот стянулись на другом берегу и смело пошли в тыл галереям, ограждавшим Согритлоский мост. Несмотря на чрезвычайное численное превосходство, горцы уклонились от открытого боя и отступили на горы. В Согритло, где скалы над рекой почти сходятся, немедленно был устроен постоянный мост. Чтоб открыть доступ в Аварию, оставалось взять Ахкентскую гору, круто подымающуюся над рекой и уже огражденную завалами. 21 июля, как только сообщение между двумя берегами было прочно установлено, барон Врангель двинул вперед штурмовую колонну, под начальством генерала Ракуссы. Войскам надобно было подняться по извилистой тропинке на два чрезвычайно высоких уступа и через густой лес, у подошвы отвесного каменного гребня, взойти на вершину, от которой ряд высоких горных полян тянется до самой Аварии. Войска двинулись перед рассветом, взобрались на первый уступ, сбивая неприятеля снизу вверх, прорвались через лес; но тут увидели перед собой крепкие завалы с бойницами и турбастионами, к которым нельзя было подойти иначе как медленно карабкаясь на крутизну под прицельным огнем горцев; успех штурма был сомнительный, а потеря неизбежно была бы огромная. С быстротой и уверенностью в себе, отличающими кавказского солдата, батальоны поворотились направо и по-

лезли прямо на гребень, под которым шли. Люди взбирались на отвесную крутизну, подсаживая друг друга, цепляясь за расщелины и растения, проросшие в скалу, под градом сбрасываемых на голову камней; через час передние батальоны были уже на вершине; горцы бежали с обойденных завалов. В тот же вечер дагестанскому отряду покорился аул Цатаных, где прежде было наше укрепление, взятое в 1843 г. Шамилем.

22 июля весь дагестанский отряд расположился на горах у аула Ахкент. Когда войска разбивали палатки, цатаныхцы прискакали в лагерь просить помощи против угрожавшей им партии мюридов. Партия оказалась депутацией всех аварских селений, присланной к барону Врангелю. Аварцы говорили: «Мы уже шестнадцать лет грызем железо Шамиля, дожидаясь, чтоб вы протянули нам руку. Теперь пришел конец его царству».

Покуда барон Врангель наступал со стороны Андийского-Койсу, собранные в Темир-Хан-Шуре войска, соединившись с турчидагским отрядом, взошли под начальством генерала Манюкина на хребет, ограждающий койсубулинское общество с восточной стороны, и разрушили горское укрепление Бурундук-Кале. С 22-го числа койсубулинцы перестали сопротивляться; пограничная крепость Улли-Кале открыла нам ворота. Генерал Манюкин занял гарнизонами эту крепость и многие пункты на пути и приступил к устройству переправы через Аварское-Койсу, чтобы открыть барону Врангелю прямое сообщение с Темир-Хан-Шурой.

В несколько дней Авария и Койсубу были приведены в подданство русскому престолу. Вместе с этим дружелюбным населением покорилось самое враждебное, гумбетовское, неуклонно стоявшее за мюридизм со дня его появления на Кавказе. В Койсубу и Гумбете было восстановлено народное управление, подавленное мюридизмом. Власть над Аварией, по предварительному разрешению государя императора, вручена Ибрагим-хану Мехтулинскому, ближайшему родственнику угасшего Аварского дома. Покорившиеся жители сейчас же выставили ополчение против мюридов. Но, кроме того, с завоеванием северо-западной части гор дагестанский отряд мог располагать

местными перевозочными средствами, которые жители охотно предлагали и тем чрезвычайно облегчили главное затруднение горной войны, — продовольствие войск. Жительские транспорты могли передвигать склады провианта всюду, где была в них надобность, не требуя никакого прикрытия. С этим пособием, быстро и искусно организованным, дагестанский отряд получил подвижность, о какой прежде нельзя было и думать; непроходимая местность гор раскрылась для него.

С занятием Койсубу и Аварии оборонительная линия горцев падала сама собой; дагестанский отряд мог в два перехода зайти ей в тыл. 18 июля Шамиль прискакал с Килитлинской горы к Согритло, чтоб удостовериться в переходе русских через Койсу, и видел своими глазами наши батальоны на правом берегу. С этой минуты предводителю мюридизма оставалось одно из двух: или запереться в завалах Килитлинской горы, откуда ему уже не было выхода, но где его нелегко было взять; или сейчас же очистить берега Койсу и отступить со всем скопищем в Карату (ставшую столицей гор после падения Веденя), пока в окружавшей его толпе не начался еще разброд. Под глазами имама горцы не положили бы оружия, и Шамиль мог продлить еще несколько времени свое владычество над народом. Но тот и другой шаг доказывали бессилие мюридизма перед русским оружием. Шамиль колебался несколько дней и потерял все разом. Весть об изъявлении покорности аварцами и койсубулинцами мгновенно разнеслась по горам и вызвала наружу чувства, давно накипевшие на сердце народа; каждый стал думать о своей личной безопасности, отказываясь приносить жертвы очевидно проигранному делу. Установленные мюридизмом власти лишились всякого значения в глазах толпы. Народная партия, тридцать лет безмолвствовавшая перед духовным деспотизмом, вдруг выступила вперед и везде взяла верх. Политическое могущество мюридизма рухнуло в три дня.

С этой минуты русские лагеря наполнились бывшими предводителями горцев и народными депутациями. Значительные люди наперерыв друг перед другом торопились заявить преданность новой власти, в надежде сохранить приоб-

ретенное положение; общества спешили принести покорность, чтоб избавиться от погрома и опеки бывших начальников, полетевших к ставке победителя. Все, имевшее какое-нибудь положение, устремилось куда было ближе — к главнокомандующему, барону Врангелю или князю Меликову. Немного достоинства и характера выказали в этом переломе люди, тридцать лет удивлявшие Россию своей непреклонной твердостью; но к таким явлениям при общественных переворотах истории уже не привыкать ни в Европе, ни в Азии.

Когда Шамиль, после нескольких дней колебания, решился, наконец, отступить в Карату, собранные им толпы не признавали уже ничьей власти. Люди, принадлежавшие к покорившимся обществам, первые бросили вверенные им посты и воротились домой; их пример увлек прочих. Только что Шамиль съехал с Килитлинской горы, вверив оборону крепости одному из наибов, занимавший ее гарнизон разграбил склады провианта и разбежался. Из нескольких тысяч горцев, занимавших берег Койсу, только несколько десятков человек последовали за Шамилем. Каратинцы, несмотря на свою крепкую местность, отказались защищаться. Все средства сопротивления разом иссякли для Шамиля. Видя свое дело окончательно проигранным в Северном Дагестане, он решился броситься на юго-восток, в тот пояс крепостей и воинственного населения, о который до сих пор разбивались все усилия русских. Дальновидный имам давно уже приготовил себе в этом крае убежище на неприступной горе Гуниб. Явившись в пору в Андалале, Шамиль мог надеяться удержать в повиновении многочисленное и фанатическое население этой страны и если не поправить, то по крайней мере затянуть дела на неопределенное время. Андалал огражден природой со всех сторон: с юга — снежными горами, с востока и севера — бездонными пропастями, в которых текут три Койсу. Население этой части гор сгруппировано в огромных каменных аулах, которые могут, каждый, выдержать правильную осаду. Утвердившись в середине Андалала на Гунибской горе, действительно неприступной при достаточных средствах обороны, Шамиль мог

поддерживать решительность окрестного населения, привлечь в Андалал толпы фанатиков и преданных ему людей изо всех гор и противопоставить нам сопротивление, которого никакими силами нельзя было сломить сразу. Остаткам мюридизма надобно было только удержать оружие в руках до наступления зимы. Наши войска не могли продолжать похода по горам, засыпанным снегами, за невозможностью продовольствовать лошадей, и Шамиль остался бы с глазу на глаз с населением, двадцать пять лет дрожавшим перед его именем. В Андалале должен был решиться исход войны.

Покорение Аварии отозвалось в этом крае, как и в других. Враждебная Шамилю партия сейчас же выступила вперед; но во главе ее стал не приверженец старины, а один из основателей мюридизма, целый год боровшийся с Шамилем за верховную власть, известный Кибит-Магома. Лишенный официального значения, но чрезвычайно влиятельный в горах, этот человек увлек за собой население Тилитля, одного из главных андалальских аулов, и послал депутацию к генералу Врангелю. Поборники мюридизма были, однако ж, еще сильны в Андалале, и прочие аулы молчали. Исход дела зависел от того, какая партия возьмет там верх. Получив депутацию Кибит-Магомы, барон Врангель немедленно двинул к пределам Андалала князя Тарханова, стоявшего на восточном рубеже Дагестана; но в турчидагском отряде после занятия стольких пунктов оставалось очень немного людей. Князь Тарханов, известный своей решительностью, двинулся прямо к Чоху, одной из главных твердынь Шамиля, взбунтовал население аула, заставил мюридов бежать из крепости и ввел в нее русский гарнизон, но Чох поглотил его последние силы; дальше ему не с чем было идти. Другие войска дагестанского отряда были разбросаны быстрым вторжением по Гумбету, Койсубу и Аварии; правые колонны его протянулись к Карате, для открытия сообщения с чеченским отрядом. Тем временем Шамиль ускакал с немногими приверженцами из Караты в Андалал. Два раза ограбленный на дороге, отброшенный в леса Караха людьми Кибит-Магомы, он успел, однако ж, добраться до Гуниба. При-

сутствие имама на неприступном Гунибе, посреди Андалала, которого главные аулы еще не изъявили покорности, снова запутывало дело и требовало самых быстрых мер.

Сообщение между дагестанским и чеченским отрядами через Карату было открыто 27 июля. Через три дня потом в главный отряд прибыл генерал-адъютант барон Врангель. С обеих сторон путь в глубину гор был свободен. Главнокомандующий решился немедленно двинуть на Андалал все наличные силы, какими только мог располагать, чтобы подавить в этом крае приверженцев имама прежде, чем они успеют соединиться; тесно окружить Гуниб и запереть на нем безвыходно Шамиля с его последними мюридами. При виде развитых нами сил партия Кибит-Магомы должна была взять верх в Андалале; но все зависело от быстроты действий.

Главнокомандующий был уверен в спокойствии вновь покорившегося населения, которое не могло после такого крутого перелома снова перейти через несколько дней во враждебный стан. Полагаясь на энергию, если не на верность толпы, князь Барятинский двинул в Андалал все колонны, рассеянные по Аварии, Гумбету, Койсубу и Каракойсу, оставляя в только что завоеванных горах лишь несколько рот, для прикрытия мостов и складов провианта. Из чеченского отряда была направлена туда же колонна через Карату. Главное затруднение при этом непредвиденном сосредоточении войск в юго-западном углу гор состояло в их продовольствии. Заготовленные для похода провиантские склады дагестанских войск находились в Салатавии; на пределах Андалала ничего не было запасено. Немедленно были приняты чрезвычайные меры. Энергическое исполнение их начальником штаба Прикаспийского края князем Мирским позволило развить военную операцию со всей самостоятельностью, без малейшей потери времени; местными средствами, найденными в горах, черводарским транспортом, полковыми вьюками войска, собранные в Андалале, продовольствовались со дня на день через хребты Гумбета, Койсубу и Аварии; между тем как обозы, внезапно сформированные в покорном Дагестане, вывозили запасенный в горах провиант к

ближайшим пунктам, откуда после первых дней андалальский отряд должен был уже правильно продовольствоваться.

Со вступлением значительных сил в Андалал враждебная Шамилю партия немедленно восторжествовала. Вся страна и окружающие ее горные общества изъявили покорность перед бароном Врангелем. Наши войска тесно обложили Шамиля, засевшего с несколькими стами отчаянных людей на недоступной вершине Гуниба.

Двинув генерал-адъютанта Врангеля в Андалал, главнокомандующий спустился 4 августа с чеченским отрядом в долину Технуцала и стал лагерем на Андийском-Койсу около селения Конхидатль, против покинутых горских укреплений. На другой день в конхидатльский лагерь прибыл с кавалерией командующий войсками Лезгинской линии генерал князь Меликов.

Покуда происходили описанные действия в Северном и Западном Дагестане, лезгинский отряд наступал на страны, лежащие по истокам Андийского-Койсу, в самых диких, едва проходимых горах. Князь Меликов двинулся в поход ранее других отрядов. Стянув свою главную массу у подножия горы Пахалис-Тави, он стал 6 июля на хребте, разграничивающем дидойское и капучинское общества, устраивая здесь вагенбург и разрабатывая дорогу к иланховским деревням. В то же время вышли на горы боковые колонны, в двух оконечностях Лезгинской линии: тушинская — в верхнее ущелье Андийского-Койсу, закатальская — против истоков Аварского-Койсу. Оставив тяжести в вагенбурге, князь Меликов перешел на хребет Бешо и предпринял оттуда ряд движений против лезгинских обществ. Он разорил поочередно селение Китури, стоившее в прошлом году жизни генералу Вревскому, деревни в верховьях дидойских притоков Койсу, большой аул Хупро, вновь отстроенный после разгрома 1857 г. Тушинский отряд между тем привел к покорности жителей верхнего ущелья Андийского-Койсу и через дидойское общество, истребляя лежащие на пути аулы, присоединился к князю Меликову. Не видя конца опустошениям, многие лезгинские селения стали выдавать аманатов. В это время разлилось по горам движение, начавшееся с Аварии.

Выборные и значительные люди изо всех окрестных обществ стеклись в лагерь лезгинского отряда. В несколько дней покорились общества: Дидо, Иланхеви, Тиндал, Кварешно. В начале августа, исполняя план главнокомандующего, князь Меликов предпринял смелое движение к Технуцалу, через снежные отроги Богосского хребта, по глубинам края, никогда еще не видевшего русских. Этот поход был совершен с особенной быстротой и точностью. Лезгинский отряд дошел до селения Тинды над Андийским-Койсу. Оттуда князь Меликов продолжал путь с одной конницей и вышел на Конхидатль, следуя между чеченским обществом Джамалал и лезгинским — Богулал, которые Шамиль прозвал своей Сибирью. Таким образом, непокорный край был пройден по всем направлениям. Три отряда, вступившие в горы с разных сторон, — северо-западной, северовосточной и южной, — вошли в связь, как было предположено, в средней части Андийского-Койсу, опираясь на центральную массу чеченского отряда. По возвращении из Конхидатля князь Меликов должен был перейти со своим отрядом с верховьев Андийского-Койсу на верховья Аварского, приводя к покорности южные лезгинские общества, занять Ириб, считавшийся главным пунктом всего Лезгистана, и прибыть под Гуниб, где главнокомандующий назначил ему новое свидание. Как в первой половине похода, так и во второй, операционные линии всех действующих сил должны были пересечься в одной точке, определяющей общее направление похода; теперь эта точка была перенесена с середины Андийского-Койсу к юго-восточной оконечности гор — в Андалал. Заложив на самом месте лагерного расположения мостовое укрепление, названное Преображенским, главнокомандующий выехал 10 августа под прикрытием небольшого конвоя к войскам, сосредоточенным в Андалале, через Койсубу и Аварию. Чеченский отряд остался в Андии, под начальством генерала Кемферта, оканчивать предпринятые работы.

Путешествие победителя Кавказа через покоренный им край имело вид торжественного шествия. Его встречали речами и адресами, салютационные залпы гремели в аулах,

бесчисленные толпы стекались, чтобы взглянуть на него. Князь Барятинский проезжал Аварию, покорившуюся только две недели тому назад, не в голове войск, но как правитель, с одной конвойной сотней; иногда даже его сопровождали исключительно туземцы. Горцы поняли, что теперь война действительно кончена.

18 августа главнокомандующий обогнул Гунибскую гору и прибыл на Кегерские высоты, в главную квартиру дагестанского отряда. С этого места можно было обнять глазом всю массу Гуниба, встающую к востоку за глубоким обрывом Кара-Койсу.

Гуниб, метко прозванный солдатами горой-гитарой, имеет действительно очертание этого инструмента без шейки, наклоненного с востока на запад, к левому берегу Кара-Койсу. Он стоит уединенно в группе окрестных гор, господствуя над ними. Скаты Гуниба чрезвычайно круты, более 45°, и подымаются на версту и более, оканчиваясь отвесным каменным поясом в несколько десятков сажен вышины, которым окружена вся верхняя площадь горы, составляющая не менее 100 квадратных верст; этот пояс поднят и над внутренней стороной, так что сама поверхность горы образует как бы чашку. У подошвы окружность Гуниба около 60 верст. С высшей, восточной окраины, по наклонной площади течет небольшая речка, низвергающаяся потом каскадами в Койсу. На Гунибе находятся аул и несколько хуторов, мельницы, березовые рощи, пастбища и пахотные поля, — все, что нужно для жизни человека. На гору ведет только одна тропинка, с берега Кара-Койсу, спертая на некотором протяжении отвесными скалами. Шамиль перегородил это место высокой стеной с бойницами. На северной стороне венец скал, оканчивающий крутизну, в одном месте немного раздвигается, оставляя узкий проход; горцы перерезали его завалами, хотя туда вовсе нет дороги. С других сторон в каменном поясе есть несколько дождевых промоин, по которым смелые охотники подымались с помощью веревки: но на глаз эти всходы совершенно недоступны. При силе, достаточной для занятия стрелками всей верхней окружности Гуниба,

на что нужно не менее полутора тысяч человек, эта гора действительно неприступна. Но у Шамиля было только четыреста ружей (считая в том числе население аула) и 3 пушки. Но даже при таких силах защитников Гунибская позиция была чрезвычайно крепка; глядя на гору, нельзя было придумать, с какой стороны подступить к ней.

При Шамиле находились только три или четыре человека, заметные по их прежнему положению. Он привел с собой на Гуниб небольшое число своих домашних мюридов, несколько отчаянных абреков, несколько изуверных последователей тариката и сотню беглых солдат, до того обремененных преступлениями, что они не смели воспользоваться дарованным всепрощением и явиться с повинной вместе с товарищами. Созданное мюридизмом государство, тридцать лет боровшееся против Русской империи, началось горстью фанатиков и кончалось шайкой разбойников.

Еще до прибытия главнокомандующего барон Врангель тесно обложил Гуниб. Все тропинки, ведущие на полгоры из лежащих внизу аулов, были заняты отдельными колоннами. С восточной стороны, обращенной внутрь гор, блокада была вверена полковнику Радецкому[36]; против юго-восточного угла и всей южной стороны — полковнику Тергукасову[37]; по берегу Койсу — полковнику Кононовичу; с северной стороны — генералу князю Тарханову. Засевшие на горе мюриды были заперты безвыходно.

17 августа Шамиль прислал к барону Врангелю парламентеров с предложением перемирия. Предложение было принято. По прибытии главнокомандующего в Кегерский лагерь немедленно начались переговоры о сдаче, но не привели ни к чему, несмотря на самые великодушные условия, объявленные Шамилю, и полную безопасность, обещанную его людям. Старый предводитель мюридизма, очевидно, колебался между убеждениями всей жизни, заставлявшими его биться против неверных до последнего вздоха, и привязанностью к многочисленному семейству, которое находилось с ним на Гунибе; кроме того, взросший в непримиримой вражде к русским, он

еще не вполне доверял нашим обещаниям. Последние слова Шамиля, заключившие переговоры, были: «Гуниб — высокая гора; я сижу на ней. Надо мной, еще выше, Бог. Русские стоят внизу. Пусть штурмуют».

Во время переговоров в Кегерский лагерь прибыл генерал князь Меликов, исполнивший предписанное ему движение. Лезгинский отряд прошел глубиной гор с верховьев Андийского-Койсу на правый берег Кара-Койсу, привел к покорности остальные племена Лезгистана, везде встречавшие наши войска с радушием, занял Ириб и разрушил укрепления этого аула. Из Ириба князь Меликов выступил с одной конницей. Восточные горы были покорены до последней деревни, кроме Гуниба, на котором соединилось все остававшееся от мюридизма.

23 августа атака Гуниба была поручена, под главным начальством генерал-адъютанта барона Врангеля, начальнику инженеров Кавказской армии генералу Кеслеру. 24-го — колонна князя Тарханова заняла с бою сады, лежащие на северной стороне Гуниба, и стала у самой подошвы горы; колонна полковника Кононовича поднялась из русла Койсу и заложила стрелков на первом уступе берега. В ночь с 24-го на 25-е предположено было устроить на полугоре ложементы для этих двух колонн; но войска, раз ринувшиеся в бой, пошли дальше и дальше. Полковник Кононович, подымаясь по дороге, встретил самое сильное сопротивление и должен был остановиться. Но в то же время полковник Тергукасов, стоявший против юго-восточного угла Гуниба, высмотрев предварительно большую промоину в скалистом поясе, венчающем гору, устремился к ней на рассвете и с помощью веревок и лестниц взошел на верхнюю площадь. Князь Тарханов сделал ночью фальшивую атаку, заставившую мюридов сбросить вниз заготовленные ими груды камней. Два часа гора гудела под прыгающими обломками скал. Когда кончился этот каменный дождь, князь Тарханов двинул свои колонны вверх к прорыву, раздвигающему в этом месте скалы карниза, разметал неприятельские завалы и стал на горе. Наши войска заняли две противоположные окраины Гуниба. Большая часть защитников горы была

истреблена или взята. Шамиль с остальной частью заперся в аул, около которого сошлись все три колонны.

В полдень прибыл на Гуниб главнокомандующий и потребовал от Шамиля немедленной сдачи. Вокруг небольшого аула, занятого сотней мюридов, тесно стояли 14 батальонов. Остатку неприятеля не было возможности ни уйти, ни отбиться. После двух часов колебания старый имам вышел из аула и сдался на волю победителя.

В березовой роще, на камне, где сидел князь Барятинский, принимая пленного Шамиля, вырезаны год, день и час окончания Кавказской войны: «1859 г., 25 августа, 4 часа пополудни».

Шамиль был взят ровно через три года, изо дня в день, с назначения князя Барятинского главнокомандующим — 25 августа 1856 г.

Князь Барятинский известил из-под Гуниба армию о совершившихся событиях двумя последовательными приказами. Первый приказ был отдан 22 августа:

«Воины Кавказа! В день моего приезда в край я призвал вас к стяжанию великой славы государю нашему, и вы исполнили надежду мою.

В три года вы покорили Кавказ от моря Каспийского до Военно-Грузинской дороги.

Да раздастся и пройдет громкое мое “спасибо” по побежденным горам Кавказа и да проникнет оно со всей силой душевного моего выражения до сердец ваших».

Второй приказ от 26 августа:

«Шамиль взят — поздравляю Кавказскую армию».

Во время начальствования князя Барятинского, до личного его выступления в поход, у горцев взято 8 орудий; при окончательном покорении гор — 52, всего — 60 орудий. Наших пленных освобождено свыше 2 тыс. обоего пола.

Восточные горы покорены навсегда. Такое явление, как мюридизм, не повторяется дважды в жизни народов. Но даже мюридизм, выразивший последнюю степень фанатизма самого

фанатического из верований, превращавший всего человека в страсть и взросший на самой благоприятной почве, какая только могла встретиться для того в мире, соединил против нас горцев лишь вследствие обстоятельств, совершенно исключительных. Когда началась на Кавказе проповедь исправительного тарикаата, глубина гор была еще неизвестна и почти недоступна; все, совершавшееся в ней, было скрыто от наших глаз. Не вглядевшись хорошо в характер вновь приобретенного края, русская власть начала свои действия ложной системой — уничтожением самобытных общественных учреждений, ломкой властей, взросших из народной почвы, заставлявших каждое племя дорожить своей самостоятельностью; русское начальство собственными руками разбило плотины, через которые мюридизму трудно было бы прорваться. Затем, для наружного удобства управления, стали повсеместно вводить законодательство по шариату, предавая горское население безграничному влиянию враждебного нам учения. Как только мюридизм, бывший еще малочисленной сектой, укрылся в горах, как нарочно, усилия Кавказского корпуса были направлены в другую сторону и в продолжение нескольких лет поборники исправительного тарикаата имели полный простор на Восточном Кавказе. Горцы тридцатых годов были подготовлены веками для нравственного пожара, внезапно охватившего Кавказ. Эти богато одаренные люди жили только непосредственными впечатлениями, дожидаясь первой идеи, которая могла бы проникнуть в их умы. В кавказских горцах сливаются свойства двух пород, которые они разграничивают. Со страстной впечатлительностью азиатцев они соединяют энергию, независимость личности и предприимчивость европейцев, так резко отличающие их от расслабленных единоверцев, живущих за ними до самого края Азиатского материка. Мюридизм увлек горцев с обеих сторон их природы, создав для них идеал жизни, не требующий никакого нравственного усилия человека над собой, состоящий из битв, приключений, опасностей и грабежа, увенчанных раем. Пока нужно было только действовать, горцы стекались под знамена имама с беспримерной ревностью. Но когда мюридизм

стал устраивать их жизнь на основании шариата и наложил на человека религиозную опеку, они обратились против него. Предоставленные самим себе, с глазу на глаз с шариатом, горцы не выдерживают мусульманского характера. Через несколько времени религиозная сторона мюридизма исчезнет в народном воспоминании; о нем останется только предание, как о великой борьбе кавказских племен против русских. Теперь, с падением мюридизма, горское население опять распалось на отдельные племена. Древние народные учреждения, сообразованные с потребностями русской власти, отчасти уже восстановленные, будут везде приведены в ясность и формально узаконены. Восточный Кавказ, разделенный на две большие области — Левого крыла и Прикаспийского края, подразделен на 11 округов; в каждом округе должны находиться суд и расправа по обычаю, из народных старшин и выборных. Обществами, составляющими округ, управляют наибы из почетных, преданных нам туземцев. Этот образ управления, в первый раз основанный в Чечне князем Барятинским, во время его командования левым флангом, оправдан долголетним опытом. Вновь покоряемые чеченцы твердо стояли за нас даже при сомнительной еще борьбе; страна их пользовалась относительно безопасностью, между тем как нельзя было пройти без сильного конвоя через земли других обществ, покорных уже полстолетия. На Кавказе народное самоуправление, основанное на ясно определенных правах, с устранением духовного влияния, лучше охраняет спокойствие края, чем тысяча штыков. По мере того как в разных частях Кавказа замолкали выстрелы, храброе, но голодное население гор складывало ружья и жадно принималось за мирный труд. С развитием народного благосостояния непременно возникнут новые общественные потребности, не удовлетворяемые древним обычаем, и сами вызовут постепенное введение просвещенного законодательства.

Внутренность гор деятельно раскрывается удобными дорогами. В последние три года наши войска подвигались вперед не иначе, как с лопатой и топором в руках; где прошли они, там теперь по бывшим горным тропинкам ездят на колесах; а

дороги в горах — то же, что окна в доме; ими только проходит свет снаружи. Через год группа Восточного Кавказа будет прорезана искусственными путями по всем направлениям; переправы и дефиле будут ограждены небольшими сомкнутыми укреплениями, требующими лишь несколько рот гарнизона для всей страны. Кавказ будет покоен, потому что будет доступен во всех глубинах и со всех сторон. Кроме того, воинственное население гор станет само себе охраной. Набранные из туземцев войска служат так же верно, как и русские, что давно известно на Кавказе, а для охранения спокойствия в горах они гораздо действительнее последних. Туземные дружины, привлекая к себе самую решительную молодежь, облечены в глазах горского населения не только материальной, но чрезвычайной нравственной силой, которой оно не смеет противиться; эти дружины составят звено между горными племенами и русской властью. Продолжительная, ожесточенная война слишком сильно развила и без того воинственный дух кавказских племен, чтоб не дать ему исхода; в горах слишком много людей, привыкших кормиться одним оружием, чтоб оставить их голодать без занятия. Эти самые люди — качаги, абреки, разбойники всяких наименований, делавшие окрестности гор непроездными на сто верст кругом, поступив охотниками в горские дружины, будут верными солдатами, как это доказал конный дагестанский полк, лучшей полицией в горах и превосходным войском для внешней войны, — французскими туркосами[38], — только гораздо высшего качества. Для содержания спокойствия в горах, устроенных и раскрытых, потребуется весьма немного войск. Кавказ, поглощавший до сих пор половину действующих сил империи, скоро сам станет для нее источником новых сил.

Покорение восточных гор внезапно изменило условия оборонительного и наступательного положения Кавказской армии. С нынешнего года перешеек между Черным и Каспийским морями навеки укреплен за Россией, какие бы политические сочетания ни произошли в соседних странах, какие силы ни были бы направлены против Кавказа. Но до сих пор

империя только обеспечила себе владение перешейком. Для устройства этой страны в том виде, как оно должно быть, чтобы вполне соответствовать целям и пожертвованиям государства, остается сделать еще очень многое. Только через несколько лет напряженных усилий, при неослабленных средствах, можно будет сказать: готово!

Первое дело, предстоящее на Кавказе, дело, которое должно окончить как можно скорее, есть покорение западных гор. С падением Шамиля тыл Кавказской армии обеспечен, рассеянные силы ее собраны; но то и другое совершено еще не вполне, покуда Кутаисское генерал-губернаторство отделено от Кубанской линии широким поясом непокорных гор, покуда значительная масса войск неподвижно прикована к одной части края. Враги России, кто бы они ни были, все еще имеют союзника на Кавказе. Одна возможность бороться против Русской империи, постоянно доказываемая на деле, в каком бы отдаленном углу страны ни происходила борьба, необходимо держит все население в тревожном состоянии и разжигает надежды, которые без этого не могли бы существовать. Тем более такой пример опасен в мусульманском крае. Кроме того, непокорные адыги владеют берегом моря, открывающим им сообщение с целым светом. Я нисколько не разделяю мнения, чтобы земля адыгов была воротами, раскрытыми для вражеского вторжения в сердце Кавказа. Пройти эту землю так же трудно союзникам, как и врагам; а буйные убыхи или шапсуги, кроме того, могут быть чьими-нибудь союзниками разве только на три дня. Но и без посторонней поддержки существование открытого врага между Кубанью и Абхазией довольно обременительно и опасно. Теперь, с падением восточных гор, борьба на Кавказе нравственно решена. Против таких действующих сил, которыми располагает Кавказская армия, адыги не могут долго держаться; но только против таких сил. Уменьшение армии ранее полного успокоения страны снова затянуло бы дело на Кавказе и в сложности стоило бы гораздо дороже, чем сильные, но кратковременные действия. Если б в 1816 г., с назначением генерала Ермолова на Кавказ, ему отделили несколько полков, возвратившихся из-за

границы, империя избежала бы тридцатилетней войны с мюридизмом и сократила свои жертвы сотнями миллионов рублей и сотнями тысяч людей. Западные горы должно покорить неотлагательно, не щадя для того никаких жертв.

Второе дело, необходимое для Кавказа и в военном, и в общественном отношении, для армии и для края вместе, есть сооружение Закавказской железной дороги. Я не могу развить здесь этот вопрос, уже обсужденный властью; для подобного развития понадобилась бы другая книга, таких же размеров; но укажу его главные черты. Если в истекшей войне судьба страны, занятой с лишком двухсоттысячной армией, решалась на поле сражения девятью батальонами, это происходило столько же от поглощения наших сил горской войной, сколько от чрезвычайной медленности сообщений, заставлявшей разбрасывать войска по всем пунктам, на которых мог показаться неприятель; иначе мы не поспели бы туда вовремя; а на Кавказе, при извилистом очертании границы, и сухопутной, и морской, есть несколько линий, ведущих прямо от окружности к центру; линий, владение которыми стратегически решает судьбу войны. Продовольствие надобно было заготовлять задолго вперед, с величайшими затруднениями, сообразно с первоначальным расположением войск, которого потом уже нельзя было изменить, за невозможностью двигать магазины. Войска были прикованы к своим провиантским складам, несмотря на то, что военные обстоятельства принимали иногда совсем другой оборот; отчего происходили раздробленность и слабость массы, в совокупности довольно значительной.

Для того чтобы сила русских войск в Закавказье и в оборонительном, и в наступательном отношении соответствовала их действительной численности, надобно прорезать край железной линией от моря до моря. Тогда закавказские войска, бывшие до сих пор слабыми по своей раздробленности, составят одну массу, и удар их во всякую сторону станет неотразим. При быстром развитии Волжского и Каспийского пароходств Закавказье, связанное в одно целое железной дорогой, станет во всех своих пунктах на трехнедельном маршрутном пути от

главных центров государства, войдет в общий состав русских областей. Вместо многочисленной армии, которую теперь по необходимости, даже и без горской войны, надобно содержать в этом отдаленном пограничном крае, Закавказье надобно будет занимать сильно только в военное время, как и всякую часть границы, соразмеряя эти силы с видами правительства или действительной опасностью, а не со всякой возможной случайностью, как теперь, когда загорный край отстоит от внутренности России на полгода пути. Экономия для государства будет огромная, могущество его со стороны Кавказского перешейка утроится, а в то же время Кавказская армия сделается подвижной, как все действующие войска империи. На благосостояние загорного края железная дорога будет иметь то же влияние, какое имеет орошение на плодородную, но спаленную солнцем почву. До сих пор все природные силы Закавказья спали в земле; единственным потребителем здесь была казна. Железная дорога сделает эти области, доставлявшие покуда только один расход, самостоятельной и богатейшей частью империи. Наконец, линия железной дороги от Баку до Поти, венчающая наше положение на Кавказе, обеспечена в экономическом отношении гораздо более, чем всякая из русских линий, которым предстоит возбудить и привлечь к себе движение, пока еще не существующее; между тем как груды товаров на 25 млн рублей, ежегодно наводняющие Персию и всю верхнюю Азию через Трапезунд, дожидаются только удобного пути, чтобы направиться по Закавказью и Каспийскому морю. В настоящую пору эта торговля пробивается через самую негостеприимную страну — высокую горную площадь турецкой Армении, без дорог и на вьюках. Железная дорога между двумя морями необходимо притянет ее к себе и удвоит количество товаров, уменьшив их продажную цену. Стоимость дороги, по сделанным уже исчислениям, разве очень немногим превзойдет стоимость русских линий; ценность груза трапезундской торговли должна с избытком окупить эту сумму, даже при высоких процентах. Это предприятие, необходимое в политическом и военном отношении, в то же время выгодно в отношении экономическом.

С завоеванием западных гор и устройством железной дороги между Черным и Каспийским морями Кавказская армия войдет в состав действующих сил империи. Покуда нельзя определить даже приблизительно, насколько это возвращение двухсот тысяч солдат, может быть, первых в свете, исключенных до сих пор из итога русских сил, возвысит военное могущество государства. Беспрерывная и беспощадная война образовала на Кавказе целый ряд поколений, воспитанных в боевом ремесле почти наследственно. Новобранец, вступив в Кавказский полк и еще не видавши неприятеля, привыкает уже к мысли о войне как о натуральном и повседневном деле жизни; сделав несколько походов, он развивается лично, не только как солдат, но как боец. Он беспрестанно встречается с врагом один на один — в лесной цепи, на горной тропинке, в штурмуемой сакле — и привыкает надеяться только на себя — на свое сердце и свое ружье. Когда потом смыкается колонна из этих людей, совершенно уверенных в себе поодиночке, в ней рождается такое убеждение в своей неодолимости, что устоять против нее может только несоразмерная материальная сила. Мы довольно видели примеров этому в минувшей войне. Подобное воспитание давалось только древним войскам, где каждый солдат был боец, и утратилось совершенно в войсках европейских с той минуты, когда долг солдата стал состоять лишь в том, чтобы идти массой за своим знаменем и слушать команды. Каков кавказский солдат, таков в своем роде и офицер. Русской отваге нужно широкое поле; в мирное время только на Кавказе гремит оружие и манит в эту сторону людей с военными наклонностями. Молодые офицеры, которых сердце влечет к боевой жизни, понемногу сами собой стекаются на Кавказ. Горская война быстро развивает их военный инстинкт, выделывает из офицера настоящего начальника, способного управлять людьми и распоряжаться боем. И в лесу, и в горах, как бы ни был многочислен отряд, ротный командир, вступивший в дело, становится отдельным начальником, одним из виновников общего успеха или неудачи; ему предоставляется вести почти независимое дело, в котором его характер и распорядительность получают

самостоятельные права. Ответственность за военные соображения спускается на Кавказе гораздо ниже, чем в европейской войне, и люди, поставленные перед ежедневной расценкой опыта, сортируются сами собой. Кроме того, особенные обстоятельства жизни и действия развили в кавказских полках, в самой сильной степени, дух военной семьи, гордость своего полкового мундира и своего знамени, оправдываемые всегда каким-нибудь высоким военным качеством, которое полк исключительно себе усвоил. Отношения взаимной ответственности между людьми всяких степеней выделились в них гораздо теснее, чем в каком бы то ни было войске, и естественно внушили отдельному лицу полную уверенность в своей части, как части — возможность полагаться на каждого из составляющих ее людей. Беспрерывные походы закалили кавказского солдата, сделали из него первого ходока в свете, научили жить где бы то ни было и чем бы то ни было. Кавказская война образовала для России армию, которая, под своим знаменем, готова считать себя дома на краю света, которая сразу понимает всякое приложение военного дела, которую противник должен истребить, для того чтоб победить. Когда Кавказский батальон становится лицом против врага, он считает сражением только то время, которое ему нужно для того, чтобы добежать до неприятельских рядов; эту уверенность разделяют по опыту все чины его, от командира до барабанщика.

Кроме регулярной армии, Кавказская война взрастила для России еще другое превосходное, единственное в своем роде войско — казаков линейных и черноморских. Одинаково способные к сомкнутому строю и наездничьей службе, конница и пехота вместе, эти люди, бесстрашные, неутомимые, быстрые, как ветер, могут осуществить, употребляемые в значительном числе, такие стороны военного дела, о которых не слыхали прежде, — блокировать неприятельскую армию в ее собственной стране, разъединить ее, обхватить с тыла и флангов, разорвать сообщение между отдельными колоннами. До сих пор линейные казаки бывали в европейской войне только дивизионами и оставили, однако ж, живые воспоминания о себе. С окончанием

Кавказской войны сорок тысяч казаков, при надобности и больше, могут присоединиться к армии. В этом удивительном войске выразились стороны русской природы, которых нельзя и заметить в спокойном быту. Лучшие линейные полки формировались на наших глазах, из поселян; до такой степени дух казачества живет еще, если не в уме, то в крови русского человека. В несколько лет эти поселяне, поставленные на порубежной неприятельской черте, делались самыми отважными и ловкими наездниками, настоящими абреками, превосходящими чеченских, и в то же время послушными, вполне дисциплинированными солдатами, способными ко всякого рода службе. Так быстро развивался в этих поселянах военный дух, что через несколько лет девушка, вчерашняя крестьянка, не хотела на посиделках сказать ласкового слова казаку, не слывшему удальцом. Россия, при своем безмерном протяжении, живет еще жизнью разных столетий. На окраинах, кавказской, сибирской, киргизской, — казачество существует еще в тех же условиях, как в XVI в. оно существовало на Днепре и на Дону. Воины и вместе поселяне, казаки разрабатывают землю, занятую ими с оружием в руках, вносят русское отечество в чуждые пустыни и должны быть для империи тем же, чем американские передовые колонисты для Соединенных Штатов. На Кавказе было бы невозможно управиться с горцами без заселения казаками передовых линий. Через несколько времени кавказские казачьи полки будут еще далеко выдвинуты вперед, и казачье население, подкрепляемое новыми выходцами, значительно возрастет. Тогда уже не сорок, а, может быть, семьдесят тысяч кавказских казаков готовы будут стать под знамена, при первом призыве отечества.

Третий элемент новой силы, которой покоренный Кавказ дарит империю, состоит в горских войсках. При системе, принятой ныне, число их может быть велико, а в качестве нельзя сомневаться. Лучше конного дагестанского полка и анапского эскадрона не может быть войска. Для кавказских горцев битвы и опасности — такая же необходимость, как для древних скандинавов. Надобно только дать правильный ис-

ход их воинственности, чтобы Кавказ выбросил из своих недр дружины, которым, может быть, придется удивить свет под русскими знаменами.

Покорение Восточного Кавказа стоило империи больших жертв; покорение Западного — будет еще стоить, может быть, в продолжение некоторого времени. Но покорение это будет совершено в возможно короткий срок, естественные и личные силы страны будут правильно развиты; в этом можно поверить человеку, которому весь Кавказ, хороший оценщик практических людей, поверил с первого его шага сюда. С окончательным усмирением перешейка эта часть Русской империи вполне вознаградит государство в политическом и военном отношении, отчасти даже в экономическом. Уже одно возвращение Кавказской армии в итог действующих сил, прекращение бесплодных жертв и всегдашнего опасения за эту страну составляют успех чрезмерной важности. Можно с основательностью думать, что, если бы горы были усмирены в 1853 г., истекшая война приняла бы совсем другой оборот. Теперь, по крайней мере, это великое дело совершено; исполнение остального, при том же сильном управлении, можно рассчитать вперед наверное. Утверждение бесспорного русского владычества на Кавказском перешейке, вполне устроенном, будет событием всемирным, всех последствий которого не исчерпают и несколько поколений. В настоящее время еще невозможно обнять человеческим соображением всего, что может развиться из окончательного покорения Кавказа, этого моста, переброшенного с русского берега в сердце Азиатского материка. Будущее не во власти человека; но люди властны быть достойными великого будущего. Покуда будем довольны совершенным и скажем с Богданом Хмельницким: будет что будет, а будет то, что Бог даст.

ПИСЬМА С КАВКАЗА

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Истекший 1864 г. был один из самых счастливых отмеченных годов нашей тысячелетней жизни. Русский народ, соединенный в те памятные месяцы как один человек, видел разом усмирение Польского восстания и окончание вековой кавказской борьбы.

Имена Польши и Кавказа поставлены рядом неслучайно. Наружной связи между ними нет; материально эти страны составляют два совершенно отдельных центра действия; однако же внутренняя связь не только существует, но даже обнаруживается довольно явственно. Недавно один из значительных европейских дипломатов в Константинополе говорил: «Европа не может видеть с равнодушием покорение Кавказа. Независимый Кавказ для нее так же желателен, как была бы желательна независимая Польша. Независимость Кавказа могла бы даже сильно содействовать в удобную минуту независимости Польши». Действительно, дело шло для России об одном и том же вопросе на Кавказе, как в Польше; тот же момент нашей истории выразился одинаково на двух окраинах империи. Почти одновременно русский народ встретил в своем естественном росте два препятствия, перед которыми он не мог остановиться, не отказываясь от половины уже совершенного пути: одно — на европейском, другое — на азиатском рубеже. И там, и здесь необходимость преодолеть эти препятствия вызвала

столетнюю борьбу, то явную, то подземную, но непрерывную и не допускавшую никаких сделок, до такой степени, что всякая сделка, как доказал опыт, положительно вредила окончательному результату. И там, и здесь покорение противников было не целью, а только средством навсегда обезопасить от враждебных покушений, прочно укрепить за собой свое родное, несомненно, нам принадлежащее. В продолжение почти целого столетия Кавказ был для нас буквально «азиатской Польшей».

Известно, что не честолюбие, а честь и сострадание вынудили русское правительство присоединить Грузию к своим владениям; но тем не менее нельзя считать занятие закавказских областей событием случайным. Россия была приведена к этому занятию своей историей и своим географическим положением; не совершись оно в 1800 г., оно произошло бы позже, но произошло бы, несомненно. Государство, упирающееся в Черное и Каспийское моря, не может быть равнодушно к тому, что происходит на Кавказском перешейке, который, в полном смысле слова, командует этими морями. Географические очертания страны входят, как один из главнейших элементов, в создание той постоянно действующей роковой силы народной истории, которая, помимо всех случайных событий, увлекает ее преимущественно в ту, а не в другую сторону. В XVI в. Каспийское море и Волга связывали в один политический мир мусульманские царства от Персии до устья Оки. Когда русский народ сел на развалинах северных татарских царств и захватил в Астрахани ключ этого длинного бассейна, он прямо вступил в права мусульманского наследства: главный торговый путь России, Волга, выводил нас в пустынное Каспийское море — море без хозяина и кораблей, по берегам которого стояли, однако ж, многолюдные города и жили промышленные и богатые народы. Мы знаем из восточных историков, какой трепет объял всех мусульман Каспийского прибрежья, когда они узнали о падении Казани и Астрахани. Связанные ежедневными сношениями с этими странами, считая себя за один почти народ, они не понимали, зачем русским останавливаться на устьях Волги. По их мнению, Ширванское царство должно

было немедленно подвергнуться участи Астраханского, и они были правы: когда казачьи атаманы распоряжались как хотели на всем Каспийском прибрежье, то дело это не было бы слишком мудреным для московского царя. В то же время молила нас о спасении единоверная Грузия, истерзанная мусульманскими нашествиями. В то же время казаки селились на Тереке; пятигорские черкесы принимали подданство России. Если бы продолжился блестящий период деятельности Грозного, может быть, Кавказский перешеек был бы занят тремя веками ранее. Как бы ни было, с XVI в. мысль о владычестве на Кавказе стала наследственной в русской истории; в периоды слабого управления она как будто гасла; но всякое сильное царствование вновь выводило ее наружу. Сейчас же после Грозного Годунов посылал стрельцов в Грузию. Затем период самозванцев отбросил Россию на много лет назад и заставил ее думать только о возвращении утраченного. Но вот вступает на престол Петр и, только что кончив войну за Балтийское море, сейчас же начинает ее за Каспийское; если бы Бог дал ему жизни еще на несколько лет, русское владычество утвердилось бы тогда же окончательно на Кавказе. Между Петром и Екатериной правительство во внешней политике и вне польских дел почти ничего не преследовало систематически. Мысли о Кавказе воскресли только при Екатерине. Хотя Екатерина колебалась и не желала занимать навсегда Закавказье, тем не менее она послала в прикаспийские области графа Зубова, и если бы не смерть императрицы, то русские войска не вернулись бы за Терек. С того времени как империя, давно уже владевшая Каспийским морем, доросла, наконец, до Черного, можно было безошибочно предвидеть, что несколько ранее, несколько позже Кавказский перешеек будет занят русскими. Можно сказать только «слава Богу», что занятие это совершилось при Павле; если бы промедлили три-четыре года, то, конечно, в период непрерывных европейских войн первой половины царствования Александра было бы уже не до Кавказа; а с 1815 г. всякое посягательство с нашей стороны на этот край вызвало бы на свет кавказский вопрос в размерах вопроса европейского.

Виды русского правительства на Кавказ, питаемые в продолжение веков, не всегда были вполне сознательны; но не в том дело; они существовали и переходили из поколения в поколение; это видно из того, что каждая благоприятная минута, каждое энергическое царствование вновь вызывали их к жизни. Разве убеждения нынешнего русского общества по польскому делу были сознаваемы отчетливо при царях, при Петре, при Екатерине? А между тем решение этого вопроса все шло вперед к своей естественной развязке; и, конечно, большинство русских деятелей, участвовавших в решении этого международного спора, в какой бы мере оно ни сознавало выработавшиеся ныне идеи, действовало более или менее в их общем смысле, так как в этом смысле именно развивалось и, наконец, решилось все дело. На том и держится последовательность истории, что такие полусознательные идеи все-таки заключают в себе всю массу побуждений, нужных для настойчивого действия. То же было с вопросом кавказским. Русское общество и теперь еще так же смутно судит о нем, как за двадцать лет перед этим судило о польском деле; оно больше полувека смотрело с равнодушным удивлением на нескончаемую кавказскую борьбу и так к ней привыкло, что уже и не ожидало развязки. Тысячи русских семейств, носивших траур по родным, падшим на Кавказе, даже не задавали себе вопроса, какому богу приносятся эти жертвы. Кто из нас не слыхал таких домашних рассуждений, что Закавказье надо бросить, как не окупающее расходов на войну, или рассуждений иностранных в таком роде, что мы длим нарочно Кавказскую войну для того, чтоб упражнять свою армию! Можно наверное сказать, что далеко не все русские государственные люди XIX столетия, имевшие влияние, каждый по своему ведомству, на ход кавказских дел, сознавали цель этой настойчивой борьбы. Но правительство шло к своей цели неуклонно и не жалея никаких жертв, особенно в два последних царствования, при императоре Николае I и ныне царствующем государе — и достигло цели. Ожесточенные возгласы, которыми в Англии, Франции и Австрии государственные люди, газеты и народные сборища

приветствовали падение Шамиля, а в 1864 г. — окончательное покорение Кавказа, должны, наконец, просветить русское общество насчет той истины, что на Кавказе решается нечто весьма значительное. В 1859 г. был подан королеве Виктории адрес, обвинявший министерство в измене за то, что оно покинуло Шамиля, защищавшего доступ в Азию. В прошлом году поток всевозможных проклятий на нас за успех, на свои правительства за мнимую слабость к нам разразился еще сильнее. Последняя преграда русским со стороны Азии рухнула, объявляли ораторы на митингах. Угнетение черкесов сделалось такой же публичной темой, как угнетение поляков. Но не из-за благополучия черкесов скорбели сердобольные сердца; нам не прощали исхода борьбы, раздвинувшего не только Русскую империю, но русский народ до Абхазии. «Может ли Европа видеть равнодушно, — говорил один из европейских посланников в Константинополе, — как Черное море географически делается русским?» «Теперь господствующая роль в Турции опять принадлежит русским, — сказал другой, — первое замешательство в Европе — и со своих азиатских рубежей они сделают что захотят!» «Может ли Европа видеть равнодушно!» — было общим возгласом.

Конечно, все это только слова первого переполоха. Самая откровенность их выказывает душевное волнение, их вызвавшее. Но надобно заметить, что вообще люди, сделавшие себе ремесло из оценки некоторых вещей, кончают почти всегда тем, что понимают их недурно.

С первых слов этого письма я назвал Кавказ Польшей русско-азийского предела; выражение это я понимаю в буквальном смысле. Россия имеет только две границы — европейскую в 3 тыс. и азиатскую в 10 тыс. верст, от устья Дуная до устья Амура (в политическом смысле Турция должна быть причислена к Азии). В России твердо укоренилось теперь мнение, что мы не можем бросить Польшу, не подвергая всевозможным случайностям нашу западную границу; надобно также, чтобы русское общество вполне уяснило себе очевидную истину, что безопасность всей южной границы империи, от

Одессы до китайских пределов, заключается в обладании Кавказским перешейком, не говоря уже о возможности великого будущего, зерно которого лежит там же.

Географическое положение Кавказского перешейка придает этой стране господствующее, всемирное значение, политическое и торговое, значение, которое бы еще удвоилось, если б она очутилась в руках морской державы.

Между тем как западный берег Закавказья лежит в нескольких днях пароходного плавания от Мальты и Тулона, с восточного — можно протянуть руку в самую глубь Азии. При железной дороге из Поти в Баку Астрабад[1] будет такой же европейский город, как Одесса. Европейский властитель Закавказья может господствовать беспрекословно над азиатской Турцией, Персией и Закаспийским краем, перешагнуть на Аральское море и Амударью, которая судоходным путем доставит его до Балха, куда уже заглядывали англо-индийские войска. Со стороны России Закавказье ограждено страшным горным хребтом, заселенным сплошь до мая 1864 г. самыми варварскими и воинственными племенами. Достаточно было поддерживать такую границу в состоянии независимости, чтобы никто и никогда не мог через нее перешагнуть. Если бы мы не заняли заблаговременно Закавказский край, стоило бы только морской державе стать туда ногой и спустить несколько военных судов в Каспийское море — и мы не могли бы даже мечтать о том, чтоб атаковать ее в подобной позиции, не превзойдя морским могуществом наших соперников.

Положение азиатских дел довольно мало известно русскому обществу. Но всякий, занимавшийся историей, знает, что падение общественное продолжается в Азии уже несколько столетий. Сам собой предстает вопрос: при нынешнем разложении азиатского мира в политическом и всяком другом отношении, таком разложении, что надобно видеть его, чтобы понять, до чего оно простирается; при нынешнем бесцеремонном обращении европейских, особенно же морских держав, со всем, что только есть азиатского в мире, — как долго оставался бы без хозяина такой господствующий по своему положе-

нию кусок земли, как Закавказский край? После Восточной войны, например, когда союзники могли распоряжаться в Черном море как хотели? Да и теперь, с тех самых пор, как бессилие Турции растворило настежь двери обоих проливов? Собственные средства обороны Закавказья, как мы его застали, были совершенно ничтожны. Истерзанная Грузия приняла бы всякое покровительство, менее охотно, чем наше, конечно, но все-таки приняла бы; ей было не до разборчивости, когда ни один из жителей ее не был обеспечен в одном часе жизни. Остальные страны Закавказья были в несколько лет покорены десятью тысячами русских войск, несмотря на войну с Персией и Турцией. Вот итог сил, который был нужен для того, чтобы занять и удержать Закавказье. Оборона его против России была бы делом чисто морским.

Я глубоко убежден, что Кавказский перешеек не остался бы до 1864 г. при одних своих туземных хозяевах и что если он не обращен в чудовищный Гибралтар, преимущественно против нас, то этим мы обязаны исключительно тому обстоятельству, что успели заблаговременно перешагнуть горы.

Но если бы Закавказский край был действительно обращен в громадный Гибралтар, каковы были бы для нас последствия?

Я думаю, очень нехорошие. Первым последствием было бы то, что Черное и Каспийское моря, из внутренних бассейнов, какими они должны быть, стали бы достоянием недругов, и нам бы не дали выпустить на их воды ни одной лодки, и это уж навсегда. Но этого мало. Мы были бы тогда относительно морской державы, занимающей Кавказ, в положении бессильной Греции, и каждый Пасифико[2] стал бы командовать Россией. Надобно вспомнить, что вся южная часть Европейской России создана Черным морем. Покуда мы не овладели северными берегами его, Россия кончалась к югу пустыней, где могли жить только рассеянные хуторяне, довольствовавшиеся всем со своего куска земли, так как ни продавать, ни покупать там было нечего. Край этот заселился тогда лишь, когда открылись ему сообщения с целым светом. Черное море есть окошко,

которым воздух и свет входят в Южную Россию, считая тут Новороссию, Малороссию, Киевское генерал-губернаторство, Донскую землю и Северный Кавказ. Наша Южная железная дорога примкнет к Черному морю всю южную половину России и, вероятно, сделает его первым по важности из русских морей. Но европейский владелец Закавказья мог бы каждую минуту запереть это окошко. Через 24 часа после написания телеграфической депеши в Лондоне или Париже Черное море обращалось бы для нас в ту же безвыходную степь, какая замыкала Россию с юга до времен Екатерины. То, что теперь может предпринять только великий европейский союз, находилось бы тогда в руках одной морской державы. Пользование Черным морем было бы для нас чем-то вроде награды за хорошие отношения к владельцу Закавказья.

Но эти невыгоды не ограничивались бы только Черным морем. Далее к востоку наше положение было бы еще хуже. Не говоря уже о том, что с потерей исключительного господства на Каспийском море нам пришлось бы при каждой войне занимать Астрахань, как мы занимали Кронштадт и Севастополь; что в случае падения ее Волга, на известном протяжении, могла бы послужить для неприятеля таким же военным путем, как Миссисипи для федералистов. Но все огромное протяжение нашей границы от Каспийского моря до китайских пределов сделалось бы политической границей в полном смысле слова, потребовало бы крепостей и армий для своего охранения. Если б одна из морских держав успела вовремя утвердиться на Кавказском перешейке, весь Закаспийский край стал бы в непродолжительном времени прямо или косвенно ее достоянием. Мы видим, как скоро в руках некоторых европейцев факории для торговли ситцами обращаются в крепости, купеческие приказчики — в губернаторов и верблюжьи погонщики — в сипаев. Теперь степи внутренней Азии составляют неисчерпаемый запас земель, куда понемногу распространяется русское население; мы имеем в них не только для империи, но для русского народа свой *форпост.* Тогда же вместо двухсот солдат, которые на Сырдарье бьют кокандские армии, пришлось бы

держать далеко позади целые корпуса для охранения Оренбургской и Сибирской линий; а каждая война охватывала бы пределы империи кругом от Архангельска до Семипалатинска. Все природные военные средства беспредельных пустынь Средней Азии были бы направлены против нас. Нам, конечно, не подарили бы кочевников. Киргизские орды, вместо того чтобы быть послушными пастухами, были бы обращены в тех же черкесов и чеченцев, постоянно угрожающих нашествием нашим пределам; с винтовками и поддержкой сзади киргизы стоили бы черкесов. А мы знаем по опыту, что охранение только тысячеверстной Кавказской линии требовало массы войск, с которой можно было начать европейскую кампанию; не потому, чтобы неприятель был силен, а потому только, что он мог внезапно появиться на каждом пункте. От устья Кубани до Китая мелкая война стала бы нормальным состоянием наших пределов. В таком положении вещей было бы уже не до Амура; занятие Илецкой линии стало бы для нас труднее тогда, чем было теперь занятие Маньчжурии.

Но что всего важнее, утверждение чуждого европейского владычества в Закавказье решило бы безвозвратно азиатский вопрос, величайший из вопросов всемирных, и решило бы против нас. Англичане ли, французы ли захватили бы Закавказье — все равно, сумма европейского влияния в Азии была бы, помимо всяких личных разборов, всегда направлена во вред нам. Индия и Кавказ всегда были бы согласны между собой на этот счет, и русское влияние в Азии ограничилось бы нашими военными линиями; а для государства, которое на пространстве 13 тыс. верст не только соприкасается, но безраздельно сливается с мусульманской и языческой Азией, не будучи разделено с ней никаким естественным пределом, постоянно вдвигаясь в нее, — то, что называют вообще азиатским вопросом, составляет первый, величайший интерес будущего. В последующих письмах я еще возвращусь к этому предмету, о котором упомянул вскользь, для полноты очерка.

Прочное утверждение русского владычества на Кавказском перешейке не только устранило подобную опасность в бу-

дущем, но, можно сказать, решило уже будущее в нашу пользу тем, что устранило даже возможность соперничества на всей нашей азиатской границе. Ныне весь южный предел Русской империи, от Дуная до Китая, вполне обеспечен. Мимолетные в народной жизни обстоятельства, подобные Восточной войне, могли обессилить нас на Черном море; но положимся покуда на константинопольского дипломата, слова которого я привел и который знает, что говорит, утверждая, что «море это географически становится русским». Кавказский перешеек, навсегда за нами укрепленный, закрывает покуда Среднюю Азию не только от действия, но даже от нескромного взгляда других европейцев; от нас зависит сделать эту позицию неприступной со всех сторон. С покорением гор Кавказская армия стала свободной, и пределы русского влияния в Азии зависят теперь только от воли самой России.

Тяжкой и чрезвычайно долгой борьбой куплен такой результат; но историческое значение его для государства, для русской народной семьи далеко покрывает все жертвы. Мало было занять Закавказье. Покуда горы не были покорены, занятие это ничего не значило: каждая война ставила на карту судьбу Кавказского перешейка и сопряженную с ней участь всех южнорусских пределов. Великим торжеством своим Россия обязана исключительно безусловно только настойчивости правительства. Между тем как общество смотрело с равнодушием, даже с невниманием на кровавую горскую войну, не давая себе отчета в ее цели и смысле, забывая на другой же день имена богатырей, взращенных Кавказской армией, не помня геройских самопожертвований, которыми вечно гордился бы каждый народ, считая только материальные жертвы и показывая одно утомление; между тем как легкомысленные мнения о бесплодности этой войны имели такой ход в обществе и много людей высокопоставленных были в отношении понятий о кавказском деле нисколько не выше толпы; в то же время два государя, далеко прозиравшие в будущее, не останавливались ни перед какими трудами, ни перед какими усилиями и жертвами, и настойчивостью, ни разу не ослабевшей в продолжение

сорока лет, достигли полного торжества России и изменили великую опасность в великое могущество.

Сравнивая то, что есть, с тем, что могло быть, я не боюсь обвинения в преувеличении, когда скажу, что покорение Кавказа есть величайшее из внешних событий русской истории в XIX в. Через тридцать лет каждый русский человек будет знать и видеть по непосредственным последствиям, вправду ли это так!

ПИСЬМО ВТОРОЕ

В прошлом письме я говорил о чрезвычайном значении для России Кавказского перешейка, значении, которое до сих пор было ясно только для правительства. В Восточную войну, когда внимание общества и народа в России было исключительно приковано к Севастополю, несмотря на потребность войск по всем границам империи, несмотря на то, что к зиме 1855 г. наша Крымская армия уступала численностью союзной, правительство содержало 280 тыс. войска на Кавказе и не только не думало выводить отсюда ни одного солдата, даже в самые критические минуты, но еще постоянно усиливало его состав. Между тем очевидно, что содержание на Кавказе такой массы войск, незаменимых миллионами резервов и ополчений, стоивших вдобавок вдвое более, чем стоят войска в России, чрезвычайно ослабляло военное могущество государства. Можно утвердительно сказать, что Россия в 1855 г. через отвлечение, произведенное Кавказом, сделалась слабее, чем в 1815 г., хотя население ее в этот период времени почти удвоилось. Но покуда Закавказье отделялось от России сплошным населением непокорных горцев, потерять его на один час — значило потерять навсегда. Лучше было прямо очистить заторный край, чем ослаблять Кавказскую армию. Необходимость заставляла нас быть всегда победителями в этом крае, при какой бы ни было несоразмерности в силах,

не мечтая даже о том, чтобы воспользоваться плодами победы, для того только, чтобы не погибнуть. Горская война до такой степени развлекла наши силы, что из 280 тыс. войска, занимавшего Кавказ, можно было выставить только 9 тыс. под Башкадыклар и 17 тыс. — под Кюрюк-Дара, несмотря на то, что на этих полях сражения решалась участь всего Кавказа. Никакое искусство соображений не могло помочь в этом положении дела. Надобно было держать непокорных горцев в тесной блокаде непрерывной цепью самостоятельных отрядов такой силы, чтобы каждый из них мог вовремя встретить и разбить самое значительное горское скопище. Если б один только промежуток образовался в блокадной линии, горцы могли бы хлынуть на равнину и, поднявши сочувствовавшее им подгорное население, поставить нас между двух огней. При несравненном численном превосходстве неприятеля, наступавшего на границу, такой оборот дела поставил бы нас в крайнее положение, и потому, естественно, мы предпочитали встречать опасность с лица, чем рисковать ею с тыла.

Обе группы непокорных гор, каспийская и черноморская, были для нас одинаково опасны, хотя по разным причинам. Горцы каспийской группы, связанные мюридизмом в одно целое под властью Шамиля, могли при первой оплошности с нашей стороны зажечь пожар от Терека до Аракса, увлекая везде суннитское население, достаточно приготовленное к бунту проповедью исправительного тариката; не подавленное сразу восстание в этой стране грозило нам потерей сообщений с Каспийским морем и, может быть, пресечением пути на Военно-Грузинской дороге, так как при разливе мусульманского восстания нельзя было отвечать и за Кабарду. Горцы западной группы, окруженные христианскими народами, кроме одной стороны, где они прикасались к покорным мусульманским племенам Карачая и Кабарды, не могли увлечь за собой соседей и в этом отношении не были опасны; но занимаемая ими страна, простиравшаяся на триста верст по морскому берегу и входившая глубоким клином в северную часть Кавказа, могла служить открытыми воротами неприятельскому вторжению

с моря. Европейский десант, поддержанный тучей горцев, мог совершенно безопасно для себя пройти так далеко в глубь наших владений, что одно неудачное дело на первом пункте, где представилась бы нам возможность оказать сопротивление, подвергало Кавказскую армию неотвратимой опасности потерять разом все сообщения с Россией. Нет сомнения, что при подобном нашествии горцы Восточного Кавказа ринулись бы всеми силами на равнину и обе опасности нагрянули бы на нас разом. Опасение подобного десанта в 1855 г. парализовало все силы Северного Кавказа и заставило держать их целый год в бездействии ружье у ноги, в ожидании неосуществившейся опасности.

Таково было положение Кавказа, покуда продолжалась горская война. С первым появлением неприятеля на Черном море сто лет гигантских усилий ничего не значили на весах судьбы. Многочисленная закаленная в бою армия, назначенная для одной этой частной цели, армия, отсутствие которой оставляло страшный недочет в итоге действующих русских сил, оказывалась в случае внешней войны недостаточной для обороны Кавказа. До такой степени приходилось раздроблять войска, не имевшие уже потом между собой никакого сообщения, что на всяком пункте, куда захотел бы прийти неприятель, он всегда мог быть гораздо сильнее нас, и нам приходилось рассчитывать везде не на соразмерность сил, как бывает во всякой войне, а исключительно на геройские подвиги и на счастье. Во время Восточной войны одно проигранное дело, где бы оно ни случилось — на турецкой ли границе, на Кутаисском ли прибрежье, на Кубани, на Алазани, в Дагестане ли — одинаково было бы для нас гибельно; тем более что при чрезвычайной разобщенности войск не было уже потом почти никакой возможности восстановить дело. В самых блестящих своих кампаниях Наполеон имел частные неуспехи, нисколько не мешавшие конечному торжеству; Кавказская же армия была поставлена в необходимость побеждать везде, всегда, во что бы то ни стало, — или погибнуть. В противоположность стоглавой гидре она была телом, уязвимым смертельно в каж-

дой точке. Покуда продолжалась горская война, русское владычество на Кавказе было не владычеством, а только временным занятием до первой неудачи.

Если России было необходимо, ввиду великих народных интересов, удержать за собой Кавказский перешеек, то было так же точно необходимо покорить горцев; одно без другого ничего не значило.

В Европе так же точно, как в России, не понимали причин нескончаемости Кавказской войны. Всем казалось удивительным, что такое могущественное государство, как Россия, в продолжение более полувека не может сладить с несколькими стами тысяч варваров; вообще все думали, что наступление наше на Кавказе продолжается настойчиво и непрерывно, и не постигали, как мы не можем, хоть шаг за шагом, достигнуть цели.

Надобно сказать с первого же слова, что ничего подобного в действительности не было. Систематическое и непрерывное наступление, с твердой волей кончить, началось только в 1856 г. осенью и заключилось в мае 1864 г. безусловным покорением гор, продолжавшись всего 7,5 лет.

До тех пор усилия с нашей стороны против горцев были только разрозненными попытками. Кавказская война несколько раз изменяла свой характер, несколько раз перерывалась вовсе и после этих перерывов принимала до того новый вид, что все старое как бы не существовало; всякий раз потом приходилось приниматься за дело сызнова.

Горская война началась собственно только с 1817 г., по возвращении генерала Ермолова из Персии. Тогда Западный Кавказ принадлежал еще нарицательно Турции; наши усилия могли быть обращены лишь против восточной группы гор, но усилия эти вовсе не имели тогда характера, который был им придан впоследствии; ни в документах, ни в воспоминаниях того времени не сохранилось даже намека на какой-либо систематический план общего покорения гор; да и силы Кавказского корпуса были до такой степени несоразмерны с этой целью, что о ней нечего было и думать. Все военные действия того

времени носили характер случайности, были вызываемы движениями самих горцев! Генерал Ермолов сделал возможное по своим силам; но это возможное заключалось поневоле лишь в том, чтобы были покорены некоторые плоскости и предгорья, необходимые для наших сообщений, сама масса гор осталась нетронутой. Мысль о систематическом покорении гор и соединение необходимых для того средств принадлежит царствованию императора Николая.

Но, кроме твердой решимости правительства покончить с горцами и соразмерных тому средств, для полного успеха нужны были еще две вещи: положительное знакомство с препятствиями, которые предстояло преодолеть, и неуклонное преследование раз предположенной цели. То и другое, разумеется, было делом местных исполнителей. Но прошло много времени, прежде чем познакомились с особенностями Кавказской войны, и еще больше времени, прежде чем двинулись прямо к цели.

Я не имею в виду писать в этих очерках историю Кавказской войны, кроме последних событий, которые и составляют собственно предмет писем; но для того, чтобы показать наглядно в нескольких словах, как долго в Кавказской войне не было положительно определенной цели, я приведу на память читателям главные усилия, которыми думали одолеть горцев, и следовавшие за ними годы затишья.

С конца 1825 г. по 1830 г. по поводу персидской и турецкой кампаний — совершенный перерыв в горской войне. В 1830 г. действия в большом размере на двух противоположных концах Кавказа, в земле черкесов, вновь приобретенной по Адрианопольскому трактату, и в земле джарских лезгин, на южной подошве Восточного Кавказа.

В 1831 г. учение мюридизма увлекло весь Дагестан в поголовное восстание против нас, и мы должны были обороняться на Каспийском прибрежье.

В 1832 г. опасность от мюридизма заставила обратить все внимание на Восточный Кавказ. Действия были направлены в Чечню и Северный Дагестан. Но после однолетней экспе-

диции, счастливо для нас окончившейся, главные силы опять были переведены на Кубань.

С 1832 по 1839 г., в продолжение семи лет, Восточный, шамилевский Кавказ был предоставлен сам себе, и в это время мюридизм успел разлиться по всем горам. В этот период было совершено в Дагестане лишь несколько военных прогулок со слабыми средствами, больше для вида, чем для дела. Серьезные же усилия были направлены на противоположный конец Кавказа, где стали закладывать с великими усилиями и потерями Черноморскую береговую линию, которую потом пришлось бросить при первом появлении неприятеля на Черном море. Одновременные с этим сухопутные экспедиции на Западном Кавказе не принесли также ни малейшего материального результата, потому что мы нигде не подвигались вперед систематически.

В 1839 г. главные массы опять воротились на Восточный Кавказ, взяли после кровопролитной осады и затем опять бросили аул Ахульго, на северной оконечности Дагестана; в то же время другие войска совершили экспедицию на южную оконечность этой страны.

Восстание в следующем году полупокорной до тех пор Чечни привлекло туда главные усилия кавказских войск. 1840 и 1841 гг. были употреблены на то, чтоб убедиться в невозможности покорить эту страну одними движениями и передвижениями войск.

В 1842 г. были совершены в Чечне и Дагестане две экспедиции, в которых мы понесли сильное поражение. Вторжение Шамиля отбито в Южном Дагестане.

В этом же году приехал на Кавказ военный министр князь Чернышев и, видя, что горская война не приводила ни к чему до тех пор, кроме потери людей и времени, остановил все действия. Но только этот мир вышел еще неудачнее предшествовавшей войны. Не тревожимый более русскими, Шамиль одолел последнее противодействие, которое до тех пор он встречал со стороны некоторых племен, и в следующем году сам ринулся на нас со всей силой соединенных горцев, побрал

наши дагестанские укрепления и захватил весь край до самого Каспийского моря, так что пришлось посылать в подкрепление из России на Кавказ 5-й пехотный корпус для возвращения давно нам принадлежавшего.

С назначением главнокомандующим князя Воронцова прекратились дальнейшие успехи Шамиля; он не сделал больше шага вперед. Прекратились и с нашей стороны бесплодные экспедиции. Война приняла характер постоянной блокады с очень осторожными наступательными движениями.

Никто на Кавказе не забудет великих заслуг князя Воронцова как воина и государственного человека, заслуг, след которых остался на всем. Но нельзя не сказать, что и в этот период мы почти нисколько не подвинулись вперед.

Вот короткий перечень главных экспедиций при князе Воронцове.

В 1845 г. — Даргинская экспедиция, принадлежащая по мысли еще к прежнему образу действий, более уже не повторявшемуся.

В Дагестане — три летних наступления с 1847 по 1849 г., результатом которых было взятие трех пограничных аулов, вслед затем же брошенных.

Несколько движений в горы с Лезгинской линии, которые имели только характер набега и не могли вести за собой никаких последствий.

С 1846 г. — постоянные зимние экспедиции в Чечне, для постепенного расчищения страны, продолжавшиеся недель по шести в год и вообще увенчанные хорошим успехом.

На Западном Кавказе, занятом небольшими силами, необходимыми для обороны наших линий, с 1839 г. до последней турецкой войны, военное дело, кроме постепенного заселения Лабинской линии, вовсе не подвигалось вперед. Во время Восточной войны — опять трехлетний перерыв наступления против горцев.

Очень естественно, что рядом таких несвязных действий, как с 1830 по 1845 г., и таких осторожных, как с 1845 по 1853 г., нельзя было покорить труднодоступную местность

в 1200 верст длины и 200 — ширины, защищаемую чрезвычайно воинственным населением, часто более опасным в своих трущобах, чем могло быть лучшее европейское войско.

Притом, как уже сказано, Кавказская война несколько раз совершенно изменяла свой характер. Фанатическая секта мюридов, против которой нам пришлось бороться с 1830 г., требовала совсем другого образа действий, чем наступления на разобщенные и часто враждебные между собой племена времен Ермолова; так же точно война против государства, основанного Шамилем в горах с 1840 г., не подходила уже под условия преследования мюридских скопищ прежнего десятилетия. Война на Западном Кавказе, то есть в земле черкесов, представляла опять совсем особенные обстоятельства. Приходилось через каждые десять лет изменять свою цель и иначе прилаживать к ней средства действия. К несчастью, общий итог нашей кавказской опытности постоянно отставал от действительности именно десятью годами; так что против первого мюридизма мы действовали, как можно было действовать только во времена Ермолова; а при Шамиле, — как следовало действовать против первого мюридизма; наконец, против Шамиля пятидесятых годов, когда горское население начинало уже охладевать к мюридизму, — как против Шамиля сороковых годов, когда горцы дрались за веру с увлечением. Очень естественно, что результаты выходили не совсем удачные.

Надобно сказать и то, что в двух главных периодах, на которые естественно делится Кавказская война, до 1845 г. и после того, выразилась, как я полагаю, одна особенная черта нашего, не знаю как сказать, народного ли, общественного ли, одним словом, русского характера; именно похвальба перед делом и ни на чем не основанное недоверие к себе после первых неудач, в которых мы же сами были виноваты; тот же легкомысленный поворот, который произошел в мнении общества по поводу Восточной войны и держался довольно долго. До сороковых годов наши военные действия на Кавказе основывались на аксиоме «как Русской империи

не задавить горцев сразу», а потом — на аксиоме противоположной «горцев вовсе нельзя задавить». Очевидно, то и другое грешило крайностью.

Между тем на Кавказе проходил целый ряд высокоталантливых военных людей. Россия помнит еще много имен, прогремевших в былое время; для успеха недоставало только объединения, то есть правильной оценки положения и направления всех усилий к одной цели.

Таким образом прошло 33 года в перемежающихся усилиях, ни разу даже не приблизивших нас к цели. В постоянных стычках, которым тогда не предвиделось никакого конца, мы дожили понемногу до 1853 г.

Гром Восточной войны заставил нас, русских, перекреститься не на одном только Кавказе.

Надо вспомнить дело, как оно было. С расстояния, отделяющего нас от этих событий, они видны очень ясно. В 1855 г. дело шло под Севастополем только о народной чести и влиянии, которое энергия обороны могла иметь на дипломатические переговоры; все остальное было уже решено в 1854 г. На Кавказе же дело шло о существовании.

Не знаю, насколько успел я выказать значение Кавказа для Русской империи. Лично я убежден, что Кавказ составляет половину всей политической будущности России, и потому, естественно, смотрю на дело с этой точки зрения.

Теперь спросите каждого кавказского солдата 1855 г. и каждого закавказского уроженца, в каком положении мы были на Кавказе зимой с 1854 по 1855 г., во время вторжения Омар-паши, когда на тифлисском базаре не хотели менять русских ассигнаций. Здесь не место рисовать эту картину, для которой пришлось бы написать десять лишних писем, но спросите, и каждый вам ответит, что в то время оборона Кавказа против европейского союза лежала на 10 тыс. солдат без провианта, собранных около Кутаиса; и если бы в то время из 200 тыс. союзников, стоявших в бездействии на развалинах Севастополя, отделили какой-нибудь сикурс Омар-паше, то исход войны не подлежал бы никакому сомнению. Мы не могли соединиться.

Десять тысяч кутаисских бойцов обложили бы себя трупами врагов и сами легли бы костьми. А затем Кавказ был бы безвозвратно потерян для России.

Отчего союзники не прислали сикурса Омар-паше, это теперь также достаточно известно. Англия хотела перенести весной военные действия на Кавказ, и даже после взятия Севастополя усиливала свою армию, сколько было возможно; Франция, достигшая в то время своих целей, решилась покончить и заключила мир. Этому только обстоятельству мы обязаны спасением Кавказа.

А между тем Кавказская армия в полном составе была достаточно сильна, чтобы нанести решительные удары первоклассной европейской державе.

Нечего было дожидаться второй Восточной войны. Через несколько месяцев после заключения Парижского мира мы возобновили Кавказскую войну с возможной энергией, но с тем, чтобы на этот раз покончить. Началось непрерывное и решительное семилетнее наступление, заключившееся прошлой весной исходом, которого никакие случайности будущего уже не переделают.

Надобно сказать, однако ж, что если в ту пору урок 1855 г. был памятен для всех, и все чувствовали необходимость покончить с горцами во что бы ни стало, то это общее чувство нисколько еще не облегчало разрешения дела. Я ссылаюсь на всех кавказцев 1856 г. без исключения: было ли тогда в нашей армии десять человек, которые бы верили в возможность близкого покорения гор? А Кавказская армия знала положение неприятеля и могла надеяться на себя. Русское общество должно помнить, что покорение Кавказа совершено длинным рядом военных подвигов; что не судьба и не утомление, как говорили некоторые, а верное энергическое направление, данное делам князем Барятинским, поддержанное последовательностью действий наместника его, великого князя Михаила Николаевича, решило судьбу Кавказа; что в этом случае невероятное, по суждению самой боевой армии в свете, совершено с безостановочным успехом, свидетельствующим о верности плана и

энергии исполнения. Неужели нам нужно напоминать имена людей, оказавших столь великие услуги Отечеству?

Завоевание Восточного Кавказа совершено в три года. Плен Шамиля и покорение прикаспийских гор избавили нас от страшной домашней опасности, разъедавшей, как язва, внутренности Кавказа. Покуда вооруженный враг стоял посреди подвластного России мусульманского населения, пользуясь всем его сочувствием, мы не были обеспечены ни в одном дне спокойствия и должны были в мирное время напрягать силы целой армии, чтобы только сдерживать покушения неприятеля. Покончивши с опасностью домашней, надобно было приступить с такими же усилиями к другой кавказской опасности, внешней, к земле черкесов, манившей врагов России как открытые ворота, в самую сердцевину Кавказа. В три с половиной года пал и этот последний притон врага.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Прежде чем приступить к изложению событий, решивших судьбу Западного Кавказа, я полагаю нужным очертить особенный характер Кавказской войны, то необыкновенное соединение всякого рода материальных и нравственных препятствий, о которое в продолжение полувека сокрушались усилия могущественной империи. Упорство сопротивления превзошло все ожидания. До 1830 г. Европа была убеждена в неодолимом превосходстве своего оружия над остальным миром. Обучение азиатцев регулярному строю, принятое впоследствии, нисколько не поколебало этого убеждения; регулярные полки, персидские, турецкие и индийские, так же не могли выдерживать натиск европейцев, как в прежние времена не могли выдерживать его азиатские скопища. Оказалось, что решительный перевес европейских войск зависел не только от их тактического превосходства, но еще более от неизмеримого превосходства нравственного. Естественно, что ввиду

таких результатов остальной мир казался как бы безоружным перед Европой; его считали неспособным к серьезному сопротивлению, и потому в тридцатых годах алжирская война чрезвычайно всех удивила. Свидетели и участники Наполеоновских войн не могли понять, каким образом французская армия не может одолеть сопротивление полудиких горцев и кочевников, каким образом даже победы ее остаются бесплодными, как сегодняшний успех нисколько не облегчает успеха назавтра, как занятие каких бы то ни было пунктов не усмиряет страны, между ними лежащей. После полутораста лет сокрушительного превосходства европейцы встретили, наконец, вне своей части света серьезных противников и стойкое сопротивление. Дело было совершенно новое, но объяснялось просто. Посреди растленных государств азиатского мира, известных до того Европе, сохранились кое-где, в малодоступных местностях, обрывки древних населений, которых не коснулась язва, отравившая Восток; племена простые, воинственные, сильные именно отсутствием всякой централизации, которые потому невозможно было сокрушить одним ударом, а приходилось покорять человека за человеком. Люди эти мужеством равнялись европейцам, а превосходство регулярного оружия оказывалось часто бесплодным в дикой местности, где нельзя было действовать сомкнутым строем. Прошло много времени, пришлось претерпеть много неудач, прежде чем применились к новым условиям войны. Кавказ так же, как и Алжирия, был в военном отношении открытием особенного рода; мы встретили здесь азиатцев, которые как воины были вовсе не азиатцами; да кроме того, — такие сложные местные условия, что они сбивали с толку самых опытных военных людей. Надобно вспомнить еще, что Алжирия — только миниатюра Кавказа. В нашей Алжирии все: и природа, и люди — далеко переросли размеры французской. Там — основанием всем действиям служило море; у нас — нужно было все перевозить степью; там — приморская равнина, на которой регулярное войско сохраняло свои преимущества, а за ней узкая полоса Атласа, не достигающая

высотой даже второстепенных отрогов Кавказа. Главный горный центр Алжирии, Большая Кабилия, в которую французы не решались вступить, прежде чем не было покорено все вокруг, несмотря на свое название, не больше, чем отдельная группа Табасарани и Кайтага, которую мы даже не покоряли, которая пала сама, как только был побежден Восточный Кавказ. С кавказских вершин падают ледяные завалы, не уступающие массой любой горе Атласа; вместо алжирских рощ скаты Кавказа осеняются темными первобытными лесами, в несколько десятков верст ширины и в несколько сот верст длины. Тут есть соседние страны, до того разъединенные вечными снегами, целой Лапландией, поднявшейся в небо, что они совсем не знают одна другой. Всегда обледенелые перевалы; долины до того глубокие, что целый день нужно спускаться ко дну их; горные реки, увлекающие каменные глыбы, как булыжник, и такой ширины, что через них нельзя перекинуть другой мост, кроме веревочного; тысячи котловин, в которые можно проникнуть только по козьей тропинке, висящей между небом и землей, — вот театр действий Кавказской армии, театр, имеющий 1200 верст длины от Черного до Каспийского моря и с лишком 200 верст ширины. Кавказские горцы во столько же грознее алжирских арабов и кабилов, во сколько окружающая их природа громаднее африканской. Достаточно указать на один факт. Никогда алжирцы не могли взять, сколько ни пытались, ни один блокгауз, ни одну деревянную башенку, защищаемую двумя десятками солдат. Кавказские горцы брали крепости, где сидел гарнизоном целый батальон, обрекшийся на смерть и бившийся до последнего человека. Русские встретили на Кавказе соединение всех препятствий в людях и в природе, какие только можно представить, точно Кавказ был нарочно устроен на северном рубеже Азии, чтобы навеки оградить эту часть света. С южной подошвы Кавказа начинается уже коренная — растленная и беззащитная Азия.

Покорение Кавказских гор, как восточных, так и западных, требовало великого таланта, необычайной энергии со стороны руководителей и не только мужества и опытности,

но еще безграничного самопожертвования со стороны войск. Всякий благоразумный человек может рассудить, легко ли было исполнение дела, на которое бесплодно истощались, в продолжение сорока лет, постоянно возраставшие усилия громадной империи, несмотря на решительную волю правительства кончить как можно скорее. В течение трех десятилетий несколько раз подвигались мы вперед и были вынуждены отступать перед отчаянным и часто очень искусным сопротивлением неприятеля. Можно положительно сказать, что в 1856 г., когда началось непрерывное семилетнее наступление, заключившееся ныне безусловным покорением гор, мы стояли в том же положении, в каком застала нас персидская война, не подвинувшись ни на шаг вперед. Неприятель же в это время сделал огромные успехи: развил силы, каких никогда не предполагали в нем, приобрел твердую уверенность в себе, и на долю Кавказской армии выпало совершить дело в десять раз труднейшее, чем было оно вначале.

Русская печать мало говорит о Кавказе, не зная его; но по этой же причине в ней раздаются по временам голословные приговоры кавказским событиям. Не раз уже мне случалось читать отрывочные суждения об истощении горцев, о панике, распространившейся между ними после Восточной войны, облегчившей их покорение. На деле мы не видели ничего подобного; горцы сопротивлялись сколько стало их сил. Еще в 1863 г. горец, случайно отрезанный от своих и окруженный целым отрядом, не сдавался и умирал с оружием в руках. Горские скопища были так же многочисленны, как прежде. Если под конец ими действительно овладела паника и они сдались массой, то потому только, что были доведены до невозможности защищаться. Не знаю, было ли бы в тридцатых или сороковых годах встречено сопротивлением или нет исполнение военных планов князя Барятинского и великого князя Михаила Николаевича[3]. Но знаю наверное, и весь Кавказ знает это со мной, что если бы мы действовали в последнее время, как в тридцатых или сороковых годах, Кавказ еще долго не был бы покорен.

Особенности Кавказской войны были так резки и многочисленны, что постоянно смущали, можно сказать — сбивали с толку опытнейших генералов, заслуживших справедливую репутацию в европейских войнах. Вопрос: «Что делать, чтобы нанести противникам решительный удар?» — долго стоял неразрешимой загадкой. Люди знают только две системы наступления в неприятельскую землю: быстрое вторжение, с тем чтобы побить действующие силы врага и захватить главные центры его земли, причем сопротивление должно пасть само собой, и методическую войну, в которой шаг за шагом обрывают неприятельскую землю, утверждаясь прочно в завоеванных частях, и оттесняют противника от окружности к центру, пока, наконец, не доведут его до бессилия. Обе системы испытывались в Кавказской войне и долго не приводили ни к какому результату. Ичкерийская экспедиция, например, принадлежала к системе вторжения. Наши войска ринулись массой в горы, с целью занять резиденцию Шамиля и другие пункты, считавшиеся самыми важными. Частная цель экспедиции была достигнута, но вместе с тем оказалось, что подобный успех не ведет ни к чему. Нравственного потрясения подобное занятие не производило, потому что неприятель знал, что чем дальше мы зайдем, тем скорее должны будем воротиться. Материальных результатов также не могло быть, потому что нашему отряду принадлежало только место, на котором он стоял. Пройденное пространство смыкалось за нами враждебным поясом: за сто саженей в сторону от лесной дороги, по которой вытягивалась колонна, неприятель был в безопасности. Углубившись в горы, мы не могли оставаться в занятых пунктах, так как неприятель стоял на наших сообщениях; сама страна не представляла никаких средств для продовольствия войск, а посылать за провиантом отдельные колонны, в виду горцев, стороживших каждый шаг наш, значило, по большей части, посылать их на гибель, как неоднократно доказал опыт. Вторжения в горы, даже с многочисленным войском, постоянно оказывались бесплодной военной прогулкой, стоившей каждый раз нескольких тысяч жертв. С 1846 г. приняли си-

стему методического, постепенного завоевания. Но тут явилось другое затруднение. Как только мы начали действовать по такому плану, сосредоточивая массу подвижных войск на одном пункте, неприятель, не беспокоимый на остальном протяжении своих пределов, мог также противопоставить нам все свои силы, и за обладание спорным пунктом возгоралась борьба, стоившая непомерных жертв; с 1847 по 1849 г. осада одной деревни занимала все лето. Мы брали подряд горские аулы, зная, что за ними откроются ряды новых аулов, из-за которых прольются новые потоки крови. Завоевание Кавказа по этой системе приходилось рассчитывать геологическими периодами. Но надо было подумать, что, покуда эта домашняя борьба раздирала недра Кавказа, русское владычество в крае зависело от всякой случайности.

Между тем Кавказская война, каковы бы ни были ее особенности, не была чем-нибудь совершенно исключительным; она требовала только, чтоб общее, всем известное дело верно применялось к местным обстоятельствам, как во всякой войне. Только применение было здесь гораздо труднее, чем где-нибудь. Влияние местных обстоятельств так усложняло дело, что установление верно соображенной системы действий требовало большого таланта, прочного опыта и сильного характера, — условия, которые не так часто соединяются в одном лице, требовало неуклонной энергии, неотступной последовательности исполнения в продолжение семи лет, что случается еще реже. К счастью, все это осуществилось.

Два главнокомандующих, из которых один начал, а другой кончил эту войну, действовали как один человек, с той же энергией, не отступая ни на шаг от принятого раз плана завоевания, — пример едва ли не единственный.

При этих же условиях нужен был для покорения гор только определенный срок времени, как очевидно доказало событие.

При несомненном тактическом превосходстве с нашей стороны каждый раз, когда мы знали положительно, что хотим делать, а потому заранее соображали средства с целью,

мы всегда могли дойти куда хотели; могли на походе очищать местность, рубить просеки, разбрасывать дороги, строить укрепления, одним словом, раскрывать неприятельскую страну так, чтобы впоследствии можно было проходить ее без больших усилий; неприятель, лишенный своих естественных прикрытий, должен был или покориться, или бежать дальше в горы. Частной цели похода можно было всегда достигнуть на известном, ограниченном пространстве. Но в то же время было очевидно, что расчистить все ущелья, занять все аулы такой обширной страны — это превосходило средства самой многочисленной армии или требовало веков для своего исполнения. Вопрос о покорении Кавказа сводился, стало быть, на чисто стратегический и состоял в том, чтобы, не раздробляя сил и не рассыпаясь в достижении частных целей, важных только в глазах местных начальников, уметь отыскать самые чувствительные для неприятеля места и бить в них массой. Надобно было выбрать такие стороны для наступления, такие линии для движения внутрь неприятельского края, овладение которыми наиболее бы разъединяло и стесняло врага, нам же позволяло бы действовать сосредоточенными силами, наивернее бы обеспечивало последующие движения. Для того чтобы приступить к покорению гор, надобно было обдумать с достаточной верностью, заранее, все шаги, от первого до последнего, потому что, покуда горцы держались стойко, невозможно было думать об изменении операционных линий; надобно было держаться однажды принятого направления. В горах и лесах дорога прокладывается медленно, особенно когда все надобно было везти с собой, до последнего сухаря и до последнего гарнца овса; ошибочный выбор направления одного только отряда стоил бы года потерянного времени и многих напрасных жертв. Чтобы достигнуть цели, надобно было не ошибаться и видеть за несколько лет вперед. Верное стратегическое направление было не только главным, но исключительным условием успеха. Но в этом и состояло затруднение. Смотря на карту Кавказа — рябит в глазах. Трудно разглядеть что-нибудь в этом лабиринте ущелий и хребтов, в этом хаосе скал и лесов, где для перехода

в несколько верст из одной долины в другую надобно справляться не только о дороге, но еще о времени года, о часе дня, когда можно пуститься в путь, — где все условия движений войск, сообщений и продовольствия представляются в несравненно более сложном виде, чем на каком-либо другом военном театре. Стратегия и на Кавказе оставалась стратегией, только труднее она давалась. Не одни глаза, изрядно разбиравшие войну по карте Европы или Персии с Турцией, теряли эту способность, глядя на пеструю карту Кавказа.

Кроме большого таланта, война эта требовала необыкновенной энергии. Непременным условием для успеха было действовать безостановочно. Имея дело с неприятелем, силы которого состояли не в армии, а в самом населении, во всех взрослых людях, мы должны были заставить его постоянно быть под оружием, чтоб отнять у страны работников, а стало быть, и средства к довольствию, и возможность постоянно содержать сильные сборы перед нашими аванпостами. В прежнее время, когда мы действовали и отдыхали периодически, в удобное время, горцы, вообще очень умеренные в своих нуждах, имели время обеспечить себя на весь год и потом шли против нас не только бодро, но весело. Война принимала вид какого-то турнира, потешавшего обе стороны. Совсем другой характер получила она, когда мы пошли вперед, не останавливаясь. Постоянно оттесняемые нашим наступлением, не имея времени работать в поле, теряя каждый месяц часть своих пашен и пастбищ, выгоняемые зимой на мороз с семействами, горцы стали видеть в войне уже не удалую потеху, а бедствие. Непрерывное наступление русских отрядов заставляло горские общества отодвигаться все дальше в глубь самых высоких и бесплодных гор, как сделало бы медленное, но постоянно подымающееся наводнение. Безустанное преследование, возрастающая нужда, гибель семейств и, больше всего, очевидность, что положение это каждый день будет становиться все хуже, сломили, наконец, сопротивление горцев. Но для того, чтобы довести их до такого сознания, надобно было совершить вещь, беспримерную в военной истории, — вести семь

лет сряду непрерывное наступление, без одного дня отдыха, и это буквально. Вторую половину войны против черкесов Кубанской области, с 1861 г. до лета 1864 г., нельзя даже делить на кампании; она вся была одной четырехлетней кампанией, не ослабевавшей ни в какое время года, ни в мороз, ни в слякоть. Зато черкесские племена не успели даже заключить между собой твердый союз, сколько ни хлопотали о том, и пали отдельно под нашими ударами; зато объявление Англии, что она не признает русского владычества на Кавказе, обращено в ничто быстротой наших успехов, как признался Пальмерстон в полном парламенте[4]. Читатель невоенный, не совершивший сам многих походов, не поймет, что значат семь лет непрерывной кампании, в продолжение которой войска постоянно на биваке под открытым небом, постоянно в бою, на марше или на работе с заряженным ружьем, не видя ни кровли, ни оседлой семьи; семь лет такой жизни, что, промокши под холодным дождем, нельзя высушиться, иначе как дождавшись солнечного дня, и семь зим, в продолжение которых ни разу не случится ощутить теплоту всем телом разом, а приходится греть перед костром грудь, покуда стынет спина, и потом греть спину, оставляя стыть грудь; в промежутках боя рыть мерзлую землю или под полуденным солнцем таскать на себе бревна, считая отдыхом только те часы, когда служишь мишенью горским винтовкам. К таким тягостям и к такому самоотвержению способен в свете только русский солдат. Но чтобы заставить даже русского солдата вынести подобную жизнь, нужно было начальникам всех степеней делить ее с ними, не жалея себя, а главное, нужно было верно рассчитать каждый час и каждую подробность этого исполинского труда, чтобы не продлить срока дальше меры человеческих сил и не положить армию лоском прежде достижения цели. В этой войне нельзя было ошибаться безнаказанно ни в материальном расчете труда, ни в чисто военных соображениях; каждое ружье и каждый топор надобно было поставить на своем месте и в свое время; каждую подробность надобно было предвидеть заранее и неусыпно наблюдать за ее исполнением. Без напряжения всей энергии, к какой только

способен человек, от главнокомандующего до солдата, нельзя было ожидать успеха. Только такой ценой мог нам достаться Кавказ, прежде чем какие-нибудь случайные обстоятельства не перевернули всего положения дел.

Кроме того, для успешности действий нужно было изменить сверху донизу весь порядок распределения сил и управления Кавказской армии. В 1856 г. Кавказский военный театр представлял странную мозаику, в которой отражались все прежние системы, брошенные в теории, но оставившие следы свои во всех учреждениях и в самом подразделении края. Устройство армии выражало, таким образом, потребности не настоящего времени, а давно минувших лет. Почти весь подгорный край был разбит по управлению на мелкие клетки, подчиненные, каждая, особому независимому начальнику; так что, несмотря на огромную численность войск, мы ни в одном пункте не были достаточно сильны ни для настойчивого наступления, ни даже для надежной обороны в некоторых крайних случаях; соперничество между местными начальниками заставляло каждого из них рассчитывать только на свои силы: общие начальствования, как, например, командующего войсками на Кавказской линии, стали не более как нарицательными. Действительное распоряжение всеми мелочами войска и управление сосредоточилось в Главном штабе, который не имел возможности следить за правильным ходом такого множества разнообразных дел. Естественно, подобная организация власти не могла не отзываться на деле бессвязностью действий. Наконец, не было никакого общего плана для управления покорными и вновь покоряющимися горцами для уравновешения различных общественных элементов, боровшихся в среде их, элементов, из которых одни были благоприятны, другие — враждебны нам и к которым мы не могли, не должны были относиться равнодушно; тем более, что состояние мирных имело величайшее влияние на умы непокорных, на степень ожесточенности их сопротивления. Мы действовали одной силой оружия, без политики, и оттого везде встречали только врагов и ни одного доброжелателя, хотя все

люди старого порядка между горцами, подавленные, но еще не вконец уничтоженные мюридизмом, могли представить нам значительную точку опоры.

С 1856 г. направление в делах изменилось разом, и оттого все пошло иначе. Князь Барятинский испросил новое разделение края на самостоятельные районы, вполне соответствующие топографии страны и стратегическим целям, наделенные средствами для независимого действия в обширных размерах, и вверил их опытным начальникам, поставленным в возможность и потому обязанным неукоснительно содействовать исполнению общего плана. Новым положением обязанности были распределены сообразно с ответственностью, так, чтобы каждый, по возможности, утверждал своей подписью только те дела, в которые он мог вникнуть и за которые потому должен был серьезно отвечать. Вместо отрывочных экспедиций предшествовавшего времени началось общее, непрерывное наступление, отчего вдруг ясно выказалось преимущество постоянной армии перед скопищами горцев, которые не могли выдерживать слишком продолжительных походов, потому что должны были сами содержать себя полевой работой. Положено основание разумной системы управления покорными, обеспечившей их участь и вследствие того привлекшей к нам те элементы в горском союзе, которые не были непримиримо враждебны, как ясно выказалось при покорении Чечни, а потом и в Дагестане. В то же время глубоко задуманная стратегическая система, состоявшая в том, чтобы, наперекор установившимся мнениям, обойти с тыла неприступный Дагестан, о который до тех пор тщетно разбивались наши усилия, проникнуть в незащищенную глубину его со стороны более доступных чеченских гор и потом покончить все одним сильным и верно рассчитанным ударом — увенчала наши надежды. Половина неодолимого Кавказа была покорена. Но оставалась еще другая половина, к которой до тех пор, можно сказать, еще не приступали. Путь к покорению Западного Кавказа казался еще более загадочным, чем к покорению Восточного. Князь Барятинский установил в общих чертах план

этого нового завоевания, но не успел еще приступить к исполнению, как здоровье его, подорванное трудами боевой и постоянно напряженной жизни, которой он посвятил себя с молодых лет, пошатнулось. Но судьба уже приговорила конец этому тяжкому испытанию России. Дело на Кавказе не остановилось. Новый главнокомандующий великий князь Михаил Николаевич осуществил с редкой последовательностью и твердостью надежды князя Барятинского и навеки установил русское владычество на Кавказском перешейке.

Россия может гордиться покорением Кавказа не только как великим государственным успехом, но еще более как подвигом нравственным, дающим меру того напряжения всех душевных сил, какого она может ожидать от сынов своих. Кавказская армия и ее предводители показали себя достойными друг друга. Кавказский солдат явил свету соединение всех качеств несравненного воина, вызывавшее искреннее удивление иностранных офицеров, заезжавших в наши отряды; и кроме того, ту непреклонную твердость в борьбе с людьми и с природой, тот буднишний, никогда не изменяющий себе героизм, которые несравненно надежнее воспламенительности и энтузиазма и в хороших руках делают армию наверное непобедимой. С другой стороны, эти образцовые войска были употреблены в дело, бесспорно, наилучшим образом. Редко случается видеть трудные предприятия, исполненные с совершенным знанием дела, в которых каждый шаг соответствует задуманной цели, без поправок, без оглядок, без напрасной растраты сил; в которых каждая подробность исполнения сознательна, и ничего не предоставлено случаю. Таковы были последние семь лет Кавказской войны. Мы можем быть уверены, что Европа подтвердит это заключение, когда история этой войны будет изложена систематически. Подобные исключительные эпизоды вполне сознательного, безупречно искусного управления великим общественным делом встречаем с удовольствием даже в чужой истории; в отечественной же они укрепляют душу, потому что могут служить залогом справедливой доверенности народа к своим силам.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

В 1859 г. пал Восточный Кавказ. Средние горы между Тереком и Кубанью, заселенные наполовину христианскими племенами, были покорены еще при Ермолове и князе Паскевиче[5]. Оставалась независимой только нынешняя Кубанская область, страна очень обширная — от верхней Кубани почти до Керченского пролива, населенная двумя воинственными и хищными народами — адыгами (которых мы прозвали черкесами) и абазой, всего в числе около полумиллиона душ[6], кроме покорных, живших между Лабой и Кубанью. Закубанское население делилось на четыре главных племени и несколько мелких. Четыре главных были: 1) абадзехи, занимавшие центральное положение по северному склону хребта от истоков реки Белой до Шебша; 2) шапсуги, на запад от абадзехов, до реки Адагума на закат и до реки Псезуапсе на полдень, по обоим склонам хребта; 3) натухайцы, еще западнее, в треугольнике между Адагумом, Кубанью и морем; 4) убыхи, на южном склоне хребта против абадзехов, между реками Псезуапсе и Мзымтой. Мелкие общества жили рассеянно вокруг этих больших: бжедухи — между абадзехами и средней Кубанью; мохоши, егерухаевцы, темиргоевцы, бесленеевцы и другие адыгские племена — между Белой и Лабой, перед нашей военной линией, прикрывая собой абадзехов. Горная полоса между покорным Карачаем на истоках Кубани и истоками Белой занята была абазинцами разных наименований. Наконец, пространство между убыхской землей и Абхазией заселяли несколько мелких обществ абазского происхождения: джигеты, псху, ахчипсхоу, аибга. Непокорные горцы владели тремястами верст морского берега, и потому доступ в их страну был открыт целому свету. Наши силы в Черном море, после размера, данного им Парижским трактатом, были далеко недостаточны для того, чтобы держать восточный берег в действительной блокаде. Все недруги Рос-

сии широко пользовались таким положением дел. Турция официально признавала кавказских горцев русскими подданными, но им самим постоянно твердила другое. Турецкие начальства позволяли приезжим горцам обращаться к себе как к законной власти; турецкие эмиссары наполняли Закубанский край; каждый паша, назначенный в одну из прибрежных черноморских областей, считал непременной обязанностью написать прокламацию к горцам; турецкие пароходы подвозили к кавказским берегам шайки авантюристов, составлявшиеся в Константинополе из разных национальностей и партий, враждебных России. Общественное мнение в Англии поощряло эти противозаконные поступки. Посредством этих английских складчин несколько раз были заготовляемы для горцев материальные запасы, нарезные пушки, порох и пр. На английские деньги и под турецким покровительством главными действователями были, разумеется, поляки. Предполагалось даже сформировать польские войска на Кавказском берегу, и с этой целью в 1861 г. был выгружен в Туапсе склад польских национальных мундиров, амуниции и ружей; думали набирать полки из дезертиров-поляков Кавказской армии под предводительством прибывших эмигрантов. Однако ж дезертиры не явились; а горцы растащили заготовленные склады: шайки флибустьеров, высаженные на Кавказский берег, таяли и разбегались. Тем не менее все, что можно было задумать зловредного против России, было задумано и отчасти исполнено. Европа знакомилась понемногу с непокорным Кавказом. В случае войны надобно ждать с этой стороны самых серьезных покушений.

Усилия недругов России парализовались покуда безладицей, царствующей у закубанских и береговых горцев. Народы эти, имевшие прежде сильную аристократическую организацию, свергли с себя власть дворянства несколькими последовательными восстаниями, начавшимися с конца прошлого столетия, и не успели выработать новое общественное устройство[7]. Каждый свободный человек делал что хотел, не признавая над собой власти; у них, как в Польской Республике, одиночный голос равнялся по праву с приговором всего

общества. Решения народных собраний оставались без действия вследствие укоренившейся анархии. Все, что могло общество сделать против непослушного лица, состояло в том, что оно лишало его покровительства круговой поруки, объявляло вне закона, определявшего цену крови; но так как горцы были связаны родовым началом и многочисленные фамилии, на которые они делились, считали себя солидарными относительно каждого из своих членов, несмотря ни на какие народные постановления, то объявляемый вне закона нисколько не заботился о приговоре: поддержка многочисленных родных, из которых каждый должен был мстить за него, была достаточной порукой за его безопасность. Очевидно, что при таком общественном устройстве или, лучше сказать, отсутствии устройства между племенами также не могло существовать никакой политической связи. Само существование племени обусловливалось только сознанием кровного единства, тем, что составлявшие его фамилии считали себя родственными и смыкались между собой в более тесный круг. Сверженное дворянство находилось не в одинаковом положении у разных племен. Вообще оно утратило все свои привилегии и обязательно ничего не могло требовать от народа, кроме некоторых церемоний, этикета, строго удержавшихся в обычае. Политически оно ничего не значило; но в иных племенах за дворянами оставался еще блеск старинного имени и сохранилась некоторая доля нравственного влияния; в других же племенах, как, например, у бжедухов, дворяне были изгнаны из аулов, отчуждены от народа и должны были жить особо поселками. Одно только право, худшее изо всех, прошло у закубанцев без изменений через все перевороты: право крепостное. Треть народа была в рабстве. Всякий свободный человек мог иметь рабов, а дворянин не мог существовать без них, потому что личный труд считался для него стыдом и клал пятно на весь его род. Богатство значительных фамилий мерилось исключительно числом рабов.

Во время высшего своего могущества Шамиль пытался подчинить закубанцев своей власти. Старания его долго

оставались бесплодными. Агенты его не могли привести с собой войска, так как Закубанье отделялось от восточных гор обширной страной, давно покорной русским; проповедь мюридизма также не имела большого влияния на людей, оставшихся и до сих пор мусульманами только по имени; общественная анархия, неприкосновенность личного права долго препятствовали соединению черкесов в каком бы то ни было смысле. Но последний из агентов Шамиля, наиб его Мегмет-Амин, был счастливее своих предшественников. Он ловко воспользовался неурядицей и племенным соперничеством между горцами и составил себе сильную партию между абадзехами; потом был выгнан оттуда и укрылся у убыхов, которые хотя не покорились ему ни в этот раз, ни впоследствии, но дали вспомогательное войско, с помощью которого он поддержал свою партию у абадзехов и заставил, наконец, этот народ признать свое верховное начальство. До падения Шамиля и последовавших затем событий Мегмет-Амин властвовал, хотя в довольно ограниченном смысле, на пространстве от Шебша до Лабы, над абадзехами, бжедухами и мелкими абазинскими обществами, жившими на восток от Белой. Он пытался основать религиозное мюридское государство по образу шамилевского, но не достиг этого идеала даже наполовину. Мюридизм, с его всепоглощающим и все заменяющим фанатизмом, не привился к закубанцам. Казни, совершенные Мегмет-Амином, были не жертвоприношениями, как казни Шамиля, перед божественной властью которого жертвы сами склоняли голову, а нечаянными убийствами. При содействии своей партии Мегмет-Амин добил политически остатки черкесского дворянства, ввел у абадзехов некоторые обрядности мюридизма, взыскивал положенную шариатом духовную подать на мечеть и собирал войско против русских: этим ограничивалась его власть. Впоследствии распространение проповедей его стало оказывать влияние на шапсугов с натухайцами и теснее связало их в сопротивлении против нас; может быть, власть Мегмет-Амина расширилась бы понемногу; но Турция, считавшая первым интересом поддерживать на Кавказе непо-

корных горцев, сама же сделала непростительную ошибку против своей политики, выставив Мегмет-Амину соперника в лице натухайского князя Сефер-паши. Человек этот, имевший когда-то влияние между соплеменниками, жил уже около тридцати лет в Адрианополе. Турецкое правительство, не довольствуясь тем, что мюриды признавали верховный имамат султана, желало более действительной власти над черкесами; во время Восточной войны оно выкопало этого человека и с титулом паши отправило его к черкесам. Униженное закубанское дворянство ухватилось за эту новую власть в надежде восстановить сколько-нибудь свои права. В короткое время Сефер-паша приобрел начальство, впрочем, более номинальное, над шапсугами и натухайцами. Между ним и Мегмет-Амином произошла междоусобная война, имевшая следствием окончательное ослабление авторитета и того, и другого. По смерти Сефер-паши сын его не наследовал мимолетных прав его. Над Мегмет-Амином, власть которого была уже потрясена этим соперничеством, разразилось, кроме того, падение Шамиля со всеми своими последствиями. Мегмет-Амин был только наибом своего имама. С падением последнего иссякал источник его власти или он должен был сам принять звание имама, полновластного повелителя, в самое неудобное время, когда даже присвоенные им права наибства расшатались от междоусобия. Новый Шамиль находился в самом неопределенном положении в ту именно минуту, когда все свободные силы Кавказской армии собирались на Кубани для решительного наступления. Он ухватился за первый представившийся предлог, чтобы выйти из этого положения, последствием чего был достаточно известный договор с абадзехами. Через год потом Мегмет-Амин покинул бывшее свое наибство и переселился в Турцию, награжденный русской пенсией. Турецкое правительство добилось своими интригами только того, что закубанские горцы, предмет самой тревожной его заботливости, остались в критическую минуту, когда на них готовы были обрушиться все силы Кавказской армии, более разъединенными и несогласными, чем когда-нибудь.

Усилия империи для покорения Закубанского края начались немедленно после присоединения его от Турции по Адрианопольскому трактату. До тех пор ходили иногда набегом в черкесскую землю в отместку за набеги горцев, и дело тем ограничивалось. Война открылась походом под личным начальством главнокомандующего Кавказским корпусом князя Паскевича в 1830 г. С тех пор, в продолжение восьми лет, главные силы действовали постоянно в земле черкесов. Наступление производилось с суши и с моря. Со стороны Кубани войска исходили всю черкесскую лесную плоскость и даже часть гор от Геленджика к Анапе; сожгли много аулов, на другой же день отстроенных вновь; основали несколько укреплений, скоро покинутых, потому что снабжение их продовольствием через неприятельскую землю отвлекало слишком много сил; потеряли множество людей и не достигли даже малейшего результата. Второй, третий, десятый поход в те же места встречал то же сопротивление, от того же неприятеля, жившего на тех же местах. Блестящие походы генерала Вельяминова[8], блестящие в тактическом отношении, как военная школа, остались совершенно бесплодными относительно цели и оставались бы такими, если б повторялись еще двадцать лет, по самой сущности дела, как я старался изобразить ее в предыдущем письме. Со стороны моря наши войска заняли постепенно, с содействием Черноморского флота, устья главных ущелий восточного берега и выстроили ряд приморских укреплений. Наступление со стороны моря оказалось столь же безуспешным, как и со стороны суши; шестнадцать батальонов, расставленных вдоль берега в семнадцати укреплениях и фортах, не могли сделать шага за бруствер, таяли от болезней и, не принося никакой пользы, могли считаться как бы не существующими в итоге кавказских сил. Появление неприятельского флота в Черном море заставило поспешно отозвать эти войска и взорвать укрепления, стоившие столько труда, денег и людей. Конечным последствием значительных усилий, предпринятых на Западном Кавказе с 1830 г. по 1839 г., оказалось лишь то обстоятельство, что в восточных горах, почти забытых все это время, мюри-

дизм разлился до такой степени, что основал государство, грозившее сбыть нас с Кавказа. С 1839 г. до 1859 г., в продолжение двадцати лет, все усилия были направлены против Шамиля. Западный Кавказ, за исключением войск береговой линии, поглощенных гарнизонами, остался при местных казачьих войсках и нескольких батальонах. При сформировании новой Кавказской дивизии в 1846 г. только один пехотный полк был оставлен в районе прикубанской страны.

За неимением войск для экспедиций, с 1840 г., в этой части края прибегли к системе заселения передовых линий, скромные результаты которой скоро оказались гораздо более положительными, чем шумные и бесплодные походы предыдущего периода. Совершая движение с определенной целью, имея вследствие того возможность верно различать нужные средства, занимая постепенно позиции, не слишком удаленные от основания наших действий, мы не представляли неприятелю никаких шансов успеха и не рисковали большой потерей; а между тем прочно подвигались вперед. Через несколько времени лагерь превращался в станицу, которая впоследствии могла сама защищать себя. Когда вырастало таким образом несколько станиц в одном направлении, они составляли передовую военную линию; занятая часть края делалась русской. Это было тоже историческое разрастание русского народа, в голове которого всегда были казаки, подарившие государство девятью десятыми его территории, от Оки до Черного моря, Сырдарьи и Амура, но только разрастание, направляемое и поддерживаемое правительством.

Устройство станиц на неприятельской земле требовало всякий раз особого отряда, а военные средства Прикубанского края были невелики в сороковых и начале тридцатых годов, и потому дело подвигалось медленно. В 1840 г. началось занятие станицами Лабинской линии, значительно сокращавшей протяжение наших кордонов и закреплявшей за нами обширное пространство земли, населенной полупокорными обществами. Ко времени назначения главнокомандующим князя Барятинского занятие этой части края не было еще окончено: но были

заселены уже 15 станиц и сформирована новая казачья бригада Лабинская из двух полков.

Позвольте мне теперь небольшое отступление. В нашей печати не раз уже было говорено, что образование новых казаков в настоящее время невозможно, что оно могло происходить только само собой в прежнее время, но что правительственные меры в этом случае производят лишь вооруженных крестьян, а вовсе не казаков. Очевидно, что говорящие таким образом незнакомы с теми, кто в настоящее время наиболее заслуживает имени казаков, — с линейцами. Я вспомнил эти рассуждения именно по поводу упомянутой новой бригады, Лабинской, и другой новой, Сунженской, не говоря о последних поселенных полках, которые еще слишком новы. Обе эти бригады выросли на наших глазах. Ядром их служили линейные казаки, вызываемые по жребию из старых полков, население которых переросло определенную пропорцию; но гораздо большая часть поселенцев состояла из женатых солдат, государственных крестьян и разных неоседлых людей, искавших себе нового рода жизни; линейцы служили только закваской, без которой, как известно, и хлеб не поднимается. Через несколько лет новые казаки стали образцовыми. Из западного европейца никакими средствами не сделаешь казака. Французские офицеры, присланные своим правительством на Кавказ для применения в Алжирии наших кордонных линий, признавались, что дело это у них неприменимо, что француз не выдержит такой жизни и нет у него той жилки, из которой выливается казачья душа. Даже из поляков, сидевших над степью, не выходило казаков. Но в русской натуре до сих пор живет еще столько кочевого, рискованного, так влечет ее к удалым приключениям, так сроден ей простор и вольный разгул, что русский человек, забредший на одну из наших окраин, просыпается казаком. Русские не идут разрабатывать дикое поле в одиночку, как американцы — фарвест[9]; у нас натура общежительная, мы живем роями; зато эти рои готовы идти хоть на край света и, действуя миром, разом вносят Россию в самую чуждо-враждебную страну. У России

были бы обрезаны крылья, если бы в ней иссяк источник казачества. Перед нами слишком много еще кочевых орд и безмерных пространств, в которых будущие русские губернии спят покуда, как младенец в утробе материнской. К счастью, на русских окраинах вырастают еще настоящие казаки. Сунженцы и лабинцы не только стали поголовно удалыми казаками и бойкими джигитами, но, что составляет пробный оселок истинно боевого войска, приняли уже своеобразный вид, отличаемый опытным глазом, выработали себе особый оттенок в ряду других линейных полков, как в мирной жизни, так и в боевых привычках. Сунженцы и лабинцы теперь уже кровные казаки. Иные полки из линейцев превосходят их в том или другом отношении, но ни один не превосходит их в итоге военных качеств.

Возвращаюсь к предмету. Со времени присоединения Закубанского края к России по трактату 1829 г. до 1856 г. мы подвинулись только с Кубани на Лабу и заняли две трети течения этой реки. С 1856 г. дело пошло скорее, но все еще имело вид приготовительной работы. Покуда война на Восточном Кавказе поглощала наличные силы армии, в Закубанском крае надобно было обходиться местными средствами и думать только об устройстве прочного основания для будущих решительных действий. Для занятия Кубанского края, названного Правым крылом, была сформирована 19-я пехотная дивизия; кроме того, находились там пять линейных батальонов и казачьи войска. Эти ограниченные силы надобно было разделить еще на три части для исполнения трех операций, требуемых видами будущего. Действия открылись одновременно осенью 1857 г. на двух оконечностях и в центре Закубанского края: при обширности военного театра надобно было приготовить несколько исходных пунктов. Все три операции были окончены в срок к 1860 г., к покорению Восточного Кавказа, когда главные силы армии сосредоточились на Кубани.

Восточный отряд, разделенный на несколько колонн, раскрыл дорогами предгорную полосу между Кубанью и Лабой, заселил ее станицами, составившими новую казачью бригаду

Урупскую, и рядом военных действий принудил к покорности мелкие абхазские племена, гнездившиеся в горах позади этой бригады на истоках двух Зеленчуков, Урупа и Лабы. Большая часть вновь покорившихся горцев, до тех пор постоянно тревоживших с тыла Лабинскую линию, тогда же ушла в Турцию. Наши линии между Лабой и Кубанью образовали таким образом плотно замкнутый со всех сторон безопасный внутри треугольник, из которого можно было открыть наступление, не беспокоясь больше о своем тыле.

Центральный отряд под начальством командующего войсками генерала Козловского[10] двинулся с нижней Лабы к урочищу Майкопу, где река Белая вытекает из предгорий, и основал тут укрепленную штаб-квартиру Кубанского пехотного полка, перед самой гущей абадзехского населения. Горцы сопротивлялись сильно; исполнение этого предприятия стоило нам значительных потерь. Зато владение Майкопом позволяло впоследствии, помимо многих приготовительных действий, перенести войну прямо в землю абадзехов, самого могущественного из черкесских племен.

Западный отряд, названный адагумским, двинулся с нижней Кубани. Рядом непрерывных действий зимой и летом, в продолжение трех лет, отряд этот овладел линией от Кубани до Новороссийской бухты, по речке Адагуму и Неберджайскому ущелью, и отрезал таким образом натухайцев, заключенных в углу между Кубанью и морем, от соседей их — шапсугов. Две опустошительные зимние экспедиции сокрушили упорство этого племени, разъединенного с соплеменниками. В январе 1860 г. натухайцы принесли покорность.

Кроме того, в этот же период времени были покорены бжедухи, считавшиеся прежде полумирными, но перешедшие на вражескую сторону в начале Восточной войны. Замирение этого племени значительно облегчило охранение Среднекубанской линии. Когда пал Восточный Кавказ, мы имели уже на Западном три прочных основания, с которых можно было предпринять завоевание непокорной страны; с востока — Лабинскую линию, с запада Адагумскую, в центре — Майкоп.

В подкрепление войскам Кубанской области были двинуты с Восточного Кавказа и из Закавказья 16,5 стрелковых батальона, все драгунские полки, а потом еще 8 батальонов резервной Кавказской дивизии. Впоследствии из Кубанской области были отозваны 4 стрелковых батальона в беспокойную Чечню, но взамен их даны остальные 8 батальонов резервной дивизии. В этом размере войска оставались до конца 1863 г.

Сосредоточение войск и заготовление огромных материальных средств, нужных при обширности замышляемых действий, требовали, однако же, времени. Нельзя было кончить все приготовления раньше следующего года. До тех пор надобно было продолжать войну с прежними средствами.

Осенью 1859 г. генерал Филипсон[11], заменивший генерала Козловского в командовании войсками Кубанской области, двинулся с отрядом с Лабинской линии к верховьям Фарса (между Лабой и Белой). Падение Шамиля произвело уже в это время свое действие, если не на массу закубанских горцев, то на более разумных предводителей их, и больше всех — на Мегмет-Амина. Абадзехи не были до такой степени запуганы, чтоб искать спасения в безусловной покорности, но, естественно, желали уклониться от готовившихся им ударов хоть временно, хоть для того, чтобы приготовиться к обороне и согласиться насчет действий с соседями. К этому присовокупились личные затруднения Мегмет-Амина, о которых я говорил выше. Он видел непрочность захваченной власти, сомневался в исходе борьбы, сокрушившей самого Шамиля, и боялся за свое богатое имущество. Мегмет-Амину нетрудно было склонить старшин к заключению с русскими условий замирения, которые, не обязывая абадзехов ни к чему особенному, остановили бы готовившееся наступление; другой вопрос, насколько нам было выгодно принимать от абадзехов покорность на условиях, ими же продиктованных?

Но командующий войсками тем не менее согласился на эти обременительные условия, дававшие нам взамен вынужденного бездействия и неопределенной отсрочки в усмирении Кавказа только одну номинальную покорность. 20 ноя-

бря 1859 г. в урочище Хомасты генерал Филипсон принял от Мегмет-Амина и старшин присягу верности абадзехского народа на следующих условиях (представляю вкратце, но подлинными словами):

Абадзехи клянутся в верности императору всероссийскому на вечные времена.

Они принимают на себя обязательства:

1) Повиноваться начальству, которое будет над ними поставлено. 2) Хищничеств в пределах России не производить, а виновных в том открывать. 3) С непокорными племенами в неприязненных действиях против русских не участвовать. 4) Людей неблагонамеренных у себя не держать. 5) Русских беглых возвращать[12].

Выдают нескольких аманатов. (Эта последняя мера давно уже была оставлена на Кавказе, как ни к чему не ведущая).

Они выговаривают себе права:

1) Неприкосновенность веры и свободный отъезд в святые места. 2) Освобождение навсегда от всяких податей, повинностей рекрутства и обращения в казачье сословие. 3) Тем из них, которые пожелают, дозволяется служить в России, и они могут быть уверены, что служба их без вознаграждения не останется. 4) Права всех сословий абадзехского народа остаются неприкосновенными. 5) Земля остается навеки их собственностью, и никакая часть ее не будет занята под станицы. 6) Крепостные остаются во владении господ, и если кто из них убежит, то русское начальство должно возвратить его хозяину. 7) Абадзехам предоставляется устроить управление по своему вековому обычаю; для заведования абадзехами будет назначен особый русский начальник. 8) Этот начальник может вступаться в народные дела в тех только случаях, если увидит изменнические действия или ему будут жаловаться на совет старшин, составляющих управление.

В договоре не было сказано ни слова о тысячах русских пленных и беглых, находившихся в абадзехской земле.

Условия, заключенные с абадзехами, названы в присяжном листе милостью, которую генерал Филипсон объявил им от себя.

Переговоры продолжались только три дня. Главнокомандующий получил донесение о заключении договора вместе с подписанным уже присяжным листом.

Очевидно, в этом договоре покорность абадзехского народа составляла только заглавие; прочие условия нисколько не показывали покорных. Можно было сомневаться притом, чтоб даже такие снисходительные условия были выполнены абадзехами; чтоб наперекор всем народным понятиям они считали себя связанными подписью Мегмет-Амина и нескольких старшин. Командующий войсками представлял, что даже наружное замирение этого народа облегчит нам завоевание края тем, что, обеспечивая Лабинскую линию, позволит сосредоточить все силы против непокорных шапсугов. Но на таком плане нельзя было основать систематически свои действия. Трудно было ждать, чтоб абадзехи остались равнодушными зрителями уничтожения своих соседей, с тем чтобы сдаться потом безусловно на произвол победителя; восстание же их во время войны, основанной на доверии к их покорности, заставило бы внезапно и с чрезвычайными затруднениями переносить опять свое военное и продовольственное основание с нижней Кубани на Лабу и бросать все совершенное за время войны. Так случилось и без восстания абадзехов, как только привели в исполнение рациональный план действий. Идти вперед, подставляя фланг многочисленному племени, которое могло внезапно перейти к неприязненным действиям, было бы делом вовсе не военным. Наконец, покорение восточного берега, составлявшее главную цель войны, было бы даже немыслимо в тылу непочатых, стоящих под ружьем абадзехов.

Пока на Кавказе воевали таким образом, то есть пренебрегали стратегическими соображениями, принимались за второстепенное, обходя главное, и, надеясь единственно на тактическое превосходство, шли, не оглядываясь на препятствия, оставляемые в тылу и во фланге, до тех пор Кавказ оставался неодолимым. Истина эта давно была всеми сознана, но только в массе войск, действовавших на Восточном Кавказе. Кубанская область жила в то время еще старыми преданиями.

С какой стороны ни смотреть на договор 20 ноября, он был для нас только бременем и двухгодовой задержкой.

Но совсем иное дело было заключать абадзехский договор, и совсем иное — отвергнуть его, когда он был уже заключен. В текущую минуту неудобство уничтожить закрепленные условия далеко превышало невыгоду признать за абадзехами преувеличенные права, которые они им предоставляли. Во-первых, отвергнуть торжественно заключенный договор, подписанный командующим войсками, хотя бы превысившим в этом случае свои права, значило лишиться навсегда доверия горцев. Во-вторых, не было бы даже добросовестно отринуть только что принесенную абадзехами клятву верноподданства и насильно заставлять их драться; такой образ действий, хотя и оправдываемый обстоятельствами, непременно возбудил бы в России большое недоумение[13]. В-третьих, нельзя было совершенно пренебречь единственной выгодой, предоставляемой договором, положить конец роли, которую Мегмет-Амин играл до тех пор в Закубанском крае, и окончательно разъединить предводимых им горцев. Наконец, что всего важнее, невзгоды абадзехского договора не касались настоящей минуты. План завоевания западных гор, развитый потом с такой редкой последовательностью, был в то время еще проектом; исполнение же его фельдмаршал предполагал вверить графу Евдокимову, занятому покуда первоначальным устройством только что покоренной Чечни. Приготовления к сильному наступлению далеко еще не были кончены. Нечего было поэтому торопиться с войной; можно было облегчить задачу до той минуты, когда исполнение ее будет отдано в сильные руки испытанного начальника и все средства будут готовы. Главнокомандующий счел за лучшее не отвергать заключенных условий и обратить покуда действующие войска против шапсугов. Первоначальный план завоевания нисколько не был изменен, но исполнение его отсрочено на некоторое время. Можно было спокойно ожидать, когда абадзехи сами нарушат условие, а до тех пор пользоваться их бездействием, чтобы нанести возможно сильные удары шапсугам, не при-

давая, однако ж, этой операции слишком большого значения, считая ее лишь временной[14].

На месте, где был заключен договор, в урочище Хамкеты, построено укрепление, имевшее впоследствии довольно важное стратегическое значение. Абадзехи жаловались на занятие этого пункта, как нарушение договора, однако же, препятствовали работам.

Действия против шапсугов продолжались несколько месяцев, до назначения графа Евдокимова командующим войсками Кубанской области, и не принесли больших плодов. Из многочисленных операций этого периода только раскрытие местности от Екатеринодара к горам, по течению Афипса и Шебша, с заложением укреплений Григорьевского и Дмитриевского, осталось впоследствии как положительный результат. Несколько просек было вырублено в шапсугской земле, но систематическое соединение их в одну линию, открывавшую нам путь вдоль предгорий от Адагума до Шебша, совершено уже в зиму 1860—1861 гг., при графе Евдокимове отрядами генералов Карцева (ныне начальник Главного штаба армии) и князя Мирского.

Поведение абадзехов за это время было двусмысленно, хотя не враждебно; тем не менее очевидно оказалась невозможность основывать на их номинальной покорности какие-либо дальнейшие планы. В первые месяцы после договора абадзехи действительно сдержали своих разбойников, влияние их обуздало также мелкие адыгские племена между Лабой и Белой, и на обеих наших линиях — Верхнекубанской и Лабинской — стало гораздо спокойнее. Но понемногу закубанцы воротились к своим привычкам, и разбои стали усиливаться, особенно со стороны мелких племен, хотя абадзехи стояли на том, что и эти племена включены в договор; в шапсугских партиях также стали показываться абадзехи. Но кроме того, даже официально абадзехские старшины показали, что они считают обуздание хищников единственной обязательной для себя статьей договора. Они замкнули от нас свою сторону, не впуская в нее ни одного русского без исключения, даже назначенного

к ним пристава; не допускали ни малейшего вмешательства с нашей стороны в свои народные дела; а между тем принимали, как прежде, всяких враждебных нам людей, наших беглых, турецких эмиссаров и европейских авантюристов. Требовать уступок от старшин было бы делом излишним; они не могли сладить с народом.

В сентябре 1860 г. генерал-адъютант граф Евдокимов был назначен командующим войсками Кубанской области, и в то же время окончательно решен план завоевания и заселения русскими Западного Кавказа, исполненный впоследствии. Громадность такого предприятия требовала больших материальных приготовлений, заставлявших отложить начало действий еще на несколько месяцев. Притом у нас было сильно уважение к данному слову, над которым французы или англичане, имея дело с варварами, не задумались бы пяти минут; мы ожидали случая, который явно выказал бы враждебность абадзехов, не хотевших ни воевать, ни покоряться.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Цель и образ действия в задуманной войне были совсем иные, чем при покорении Восточного Кавказа и во всех предшествовавших походах.

Исключительное географическое положение черкесской страны на берегу европейского моря, приводившего ее в соприкосновение с целым светом, не позволяло ограничиться покорением населявших ее народов в обыкновенном значении этого слова. Не было другого средства укрепить эту землю за Россией бесспорно, как сделать ее действительной русской землей. Меры, пригодные для Восточного Кавказа, не годились для Западного. Горький опыт шестидесятилетней войны научил нас осторожности.

Долгое время кавказское начальство ограничивалось при покорении горских племен отобранием от них аманатов[15] и на-

значением к ним русского пристава. Постоянно оказывалось, что покорность в таком виде была лишь маской, более вредной для нас, чем открытая вражда. Горские общества присягали на подданство, чтоб отклонить от себя неровную борьбу, когда перевес с нашей стороны становился очевидным. Затем они назывались мирными; старшины их получали жалованье и подарки; но молодежь их постоянно наезжала на разбой в наши пределы вместе с явными врагами и ходила помогать против нас непокорным. После всякого дела в мирных аулах невесть откуда появлялись раненые. Наше управление всегда оказывалось бессильным против круговой поруки, составлявшей основу общественного быта горцев. Но хуже всего было то, что эта мнимая покорность убаюкивала русское начальство и отвлекала внимание от населений, называвшихся мирными, а на деле нисколько за нами не закрепленных. Всякая оплошность с нашей стороны, всякая случайность, развлекавшая наши силы, всегда служили сигналом к восстанию мирных. Покорные во время затишья, когда восстание могло быть немедленно подавлено, они становились чрезвычайно опасными в трудные для нас минуты, именно в то время, когда спокойствие их было всего нужнее, чтобы свободно располагать войсками. Между тем всякое восстание, в каких бы ничтожных размерах оно ни началось, всегда было одинаково опасно, как пожар на пороховом заводе; нельзя было определить заранее пределов, на которых оно остановится, или вернее, пределы эти зависели только от степени нашей энергии; иначе каждая искра кончалась бы всеобщим пожаром. Все кавказское мусульманство было связано одной порукой, все оно было насквозь проникнуто, под названием мюридизма, самыми зажигательными учениями, представлявшими тройной характер: религиозного фанатизма, мистического масонства и самого революционного демократизма, — ярость первобытных мусульман, 1793 г. и карбонаризм вместе. Нелегко было сдерживать открытой силой чудовище мюридизма, до сих пор еще показывающее несомненные признаки жизни. При таком расположении нескольких миллионов народа пламя бунта нахо-

дило везде самый горючий материал, а потому всякую минуту, на всяком пункте, можно было ожидать взрыва. Вы видели из предшествующих писем, чего нам стоило сдержать Кавказ во время Восточной войны. Боевая, испытанная, на все готовая 280-тысячная армия, с которой можно было разгромить весь материк от Египта до Японии, была на весах европейской политики обращена в нуль враждебной независимостью и двуличной покорностью кавказских населений.

Очевидно, надобно было завоевать горы раз навсегда, каких жертв подобное завоевание ни стоило бы и нам, и туземному населению. Покорность горцев, оставляемых с оружием в руках посреди скал и лесов, нисколько не обеспечивала будущего, без самых крутых мер, требующих постоянного присутствия военной силы; иначе первая внешняя война могла поднять их и восстановить прежнее положение, которое стало бы тем опаснее, чем было бы неожиданнее. В Кавказских горах почти нет общества, которое по нескольку раз не бывало бы мирным и не стоптало бы столько же раз своей клятвы. Чтобы достигнуть прочного результата, надобно было положить коренную разницу между замирением и покорением горцев; надобно было завоевать не только население, но землю, служившую ему крепостью.

В этом отношении, как и во всем остальном, положение вещей было совсем иное на Западном Кавказе, чем на Восточном. Начиная с того, что лезгины и чеченцы были уже приучены к повиновению, сплочены в общественное тело властью Шамиля: Русскому государству нужно было побороть имама, стать на его место, чтобы повелевать этими народами. На Западном Кавказе приходилось иметь дело с каждым человеком отдельно; надобно было бы покорять закубанцев по одному и, покоряя, учреждать у них гражданский порядок, которого они не знали. Потом, прикаспийская группа гор лежит в глубине наших владений, далеко от границы, можно сказать, в захолустье. Населения лезгин и чеченцев некуда сдвинуть массой. Небольшие участки свободной земли по Тереку и в восточной части Ставропольской губернии не могут вместить третьей ча-

сти всего чеченского племени; а вокруг Лезгистана нет даже пяди незанятых земель. Кроме того, нельзя было и думать о заселении Дагестана русскими. Только туземцы могут мириться с необычайно дикой природой этой страны, исключительной даже в Кавказских горах. Чечня и Дагестан не омываются морем, через которое покоренное население могло бы понемногу уйти в другие места. Наконец, географическое положение Восточного Кавказа давало правительству возможность быть гораздо снисходительнее к его населениям, чем к жителям Черноморского прибрежья. Дагестан и Чечня — внутренние области, огражденные широким поясом русских владений от всякого враждебного покушения; никакая неприятельская армия не придет их бунтовать. Даже во время Восточной войны, несмотря на шаткость тогдашнего положения дел в крае, хотя опасались предприятий Шамиля против нашего тыла, но нисколько не опасались, чтобы внешний враг мог подать ему руку, или чтобы Шамиль подал руку внешнему врагу: с Черного моря и даже с турецкой границы слишком далеко до Дагестана. По всем этим причинам можно было ограничиться простым покорением лезгин и чеченцев, не требуя поголовного выселения их с мест жительства, и даже нельзя было сделать иначе. Но, в частности, в ограниченных пределах необходимость подобной меры выселения была сознана и при завоевании восточных гор; в 1858—1859 гг. замирившееся население Большой и Малой Чечни было сведено с предгорий на плоскость, на которой оно жило прежде. Общего передвижения не позволяла местность и не требовали обстоятельства.

Надо сказать и то, что в этих горах, когда наши силы были развлечены между Восточным и Западным Кавказом, когда самые опытные люди не верили еще близкому окончанию горской войны и план конечного покорения Кавказа зрел в уме одного человека, истребление горцев, поголовное изгнание их вместо покорения было еще делом немыслимым. На Восточном Кавказе ограничились по необходимости занятием завоеванной земли; учредили над горцами разумное управление, приноровленное к действительным потребно-

стям страны и русской власти; привлекли лучшую молодежь в нашу службу, стали раскрывать горы хорошими дорогами, занимать главные стратегические пункты прочными укреплениями, предоставляя времени, выгодному труду, возникающим новым потребностям, постоянному соприкосновению с образованием укротить дикий характер горцев и обратить их в мирных и трудолюбивых людей. Система эта ведет к цели верно, хотя медленно; она требует положительного занятия покоренной страны войсками, чтобы сейчас же подавить всякую попытку к восстанию. Но в горах Восточного Кавказа она одна только и возможна. Может быть, и там еще будет необходимо передвинуть некоторые части населения, но все же в виде частной местной меры, ограниченной известной местностью. Масса населения всегда останется там на своих вековых местах.

Совсем другое дело с Западным Кавказом. Тот же главнокомандующий князь Барятинский, удовольствовавшийся приведением к покорности лезгин и чеченцев, поставил целью войны на Западном Кавказе безусловное изгнание черкесов из их горных убежищ. Новый главнокомандующий, великий князь Михаил Николаевич, совершенно разделял этот взгляд и довел покорение до такой полноты результата, какой, может быть, никогда еще не было видано.

Между Восточным и Западным Кавказом существовала та коренная разница, что черкесы по своему приморскому положению никаким образом не могли быть прочно закреплены за Россией, оставаясь в своей родной стране. Надобно было вести кровавую, продолжительную, чрезвычайно дорого стоившую войну для того только, чтобы подчинить закубанцев русскому управлению на время мира, в полной уверенности, что первый выстрел в Черном море опять подымет их против нас и обратит в ничто все прежние усилия. Перевоспитать народ есть дело вековое, а в покорении Кавказа главным элементом было именно время, данное нам, может быть, в обрез, может быть, в последний раз, для исполнения одной из жизненных задач русской истории. Было бы чересчур легкомысленно надеяться

переделать в данный срок чувства почти полумиллионного варварского народа, искони независимого, искони враждебного, вооруженного, защищаемого неприступной местностью, предоставленного постоянному влиянию всей суммы враждебных России интересов. После отрицания Англией самого права нашего владычества на Кавказе, после бесчисленных интриг и покушений Турции, после явного пристрастия, выказанного к черкесам французским посольством в Константинополе, — мы не могли рассчитывать на время. Подчинение горцев русской власти нисколько не избавило бы нас от иноземных интриг в этом крае. Мы не имели возможности присмотреть за каждой деревней, и даже в мирное время горцы разве только назывались бы русскими подданными. В случае же войны Кубанская область стала бы открытыми воротами для вторжения неприятеля в сердце Кавказа. При первом слухе о войне пришлось бы ставить Кавказскую армию на ту же ногу, как в 1855 г., и видеть ее столь же парализованной и бессильной, как тогда. Такое покорение не стоило великих жертв, необходимых для достижения цели; оно даже не стоило никакой жертвы. Нам нужно было обратить восточный берег Черного моря в русскую землю и для того очистить от горцев все прибрежье. Для исполнения такого плана надо было сломить и сдвинуть с места другие массы закубанского населения, заграждавшие доступ к береговым горцам. Конечно, война, веденная с такой целью, могла вызвать отчаянное сопротивление и потому требовала с нашей стороны удвоенной энергии, — надобно было истребить значительную часть закубанского населения, чтобы заставить другую часть безусловно сложить оружие, — но зато победа кончала все разом. Принимая на себя исполнение этого громадного дела, граф Евдокимов говорил: «Первая филантропия — своим; я считаю себя вправе предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов». Так и было сделано.

Изгнание горцев из их трущоб и заселение Западного Кавказа русскими, — таков был план войны в последние четыре года. Русское население должно было не только увенчать

покорение края, оно само должно было служить одним из главных средств завоевания; ряды станиц должны были непосредственно подвигаться за войсками. Боевым полкам предстояло выбивать неприятеля из его убежищ, прокладывать дороги, строить станичные ограды и, если ставало времени, даже дома для поселян; казакам-переселенцам — отстаивать за своими оградами новую русскую землю и обрабатывать поля, обагренные еще свежей кровью. Каждый шаг вперед должен был сопровождаться устройством новых станиц. Горцы сейчас же поняли опасность, которой грозил им новый образ действий. Они говорили: «Укрепление — это камень, брошенный в поле, ветер и дождь снесут его; станица — это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу обхватывает поле». Без сомнения, исполнение плана общего заселения страны, совершаемого под огнем ожесточенного врага, было сопряжено с величайшими затруднениями, которые можно было отвратить только безошибочной предусмотрительностью. С ежегодным планом военных операций, с обширностью страны, которую предполагалось отбить у неприятеля, надобно было сообразить, за год вперед, пропорциональное количество населения, места, откуда его можно привлечь, должную соразмерность элементов, чтобы население это представляло задатки хорошего военного развития, материальные средства, нужные для его водворения, денежные средства, образ передвижения через обширные и опасные пространства, провиант, лечебные пособия, — и все это в размерах, до тех пор невиданных, для нескольких десятков тысяч душ разом. Надобно было предварительно разработать глухую страну сообразно с предполагаемым распределением населения. По прибытии поселенцев на места нужно было довольно продолжительное время зорко охранять их от неприятеля, потому что нельзя было переехать из станицы в станицу без колонны, выйти в поле без прикрытия. Удовлетворение самых жизненных потребностей в новых поселениях надобно было ежеминутно соображать с военными операциями, с передвижением войск. Труд был гигантский и требовал неусыпной заботливости.

Положение о заселении предгорий Западного Кавказа утверждено высочайше 10 мая 1862 г.; но исполнение по этому плану началось за год ранее. Перед этим линейские полки, находившиеся в районе Кубанской области, соединены с черноморскими казаками в одно войско под названием Кубанского.

Сначала было предположено двинуть вперед населения целых полков, оставшихся в задних, давно уже удаленных от неприятеля линиях. При этом, кроме особого пособия переселенцам, полагалось вознаграждение по оценке за недвижимое имущество, которое они не успеют сбыть в частные руки в течение определенного срока. В прежнее время заселение передовых линий происходило именно таким образом. Казакам объявлялся высочайший указ, и они целым полком передвигались вперед. В 1861 г. к перенесению были назначены 1-й Хоперский полк и некоторые станицы бывшего Черноморского войска. Чтоб ускорить действия, воля правительства была объявлена назначенным в переселение еще до воспоследования высочайшего указа. Для казаков, живших уже десятки лет на своих местах, переселение целыми станицами показалось разорительным, как ни было оно выгодно в военном отношении и как ни было оно хорошо вознаграждаемо правительством; они уперлись на том обстоятельстве, что царская подпись им не показана. В 1-м Хоперском полку и в Черномории произошли волнения, впрочем, весьма различного характера. У хоперцев они были чисто народным движением, шумным и кратковременным; в Черномории же сопротивление высказалось как обдуманный план, было искусственно вызвано высшим классом. В этой стране подстрекателями внезапного сопротивления новым порядкам были люди, жившие злоупотреблением старых, не хотевшие выйти из замкнутого, почти отчужденного положения бывшего Черноморского войска. Волнение улеглось скоро, само собой без крупных мер; предоставленные переселенцам льготы были довольно значительны, и необходимость переселения для окончания дела, лежавшего на сердце каждого кавказца, так очевидна, что должна была открыть глаза казакам. Через несколько недель можно было бы

двинуть их на назначенные места, не встречая никакого противодействия. Тем не менее произошла остановка, вследствие великодушного решения правительства, исходатайствованного в пользу ослушников самим же кавказским начальством. Местная власть, облеченная почти что полномочием, имевшая все средства немедленно подавить мимолетное упорство, не придавая ему никакой важности в глазах правительства, увидела сама, что в некоторых отношениях упорствующие были правы, хотя не все источники их побуждений были чисты, — и добровольно созналась в ошибке. Как ни выгодна была предположенная мера в военном отношении, как ни важно было ускорить переселение, и хотя сами упорствующие покорились безусловно после нескольких дней волнения, но тем не менее переселение массами было отложено до нового Положения, которое должно было принять во внимание частные интересы, обойденные прежним постановлением. Признав справедливость некоторых жалоб ослушников, их уже не хотели считать преступными; кроме нескольких временных арестов, за этим делом не последовало никаких наказаний. Через всю историю проходят сцены, в которых мы видим силу, уступающую перед силой еще большей, неосторожно ею вызванной; но редко случается видеть силу, добровольно сознающую свою ошибку; такими чертами никакой европейский народ не избалован.

По новому Положению решено было заселить закубанскую страну от северных ее пределов до Главного хребта и реки Мокупсе, впадающей в Черное море. Распоряжение землями убыхов и абазинцев, лежащими южнее этой черты, не было включено в первоначальный проект, исполнение которого казалось тогда, и справедливо, достаточно уже громадным. Означенное выше пространство делилось на две части: южная полоса, лежащая в предгорьях и горах, 1360 тыс. десятин, удобных для хозяйства, назначалась для казаков; северная, примыкающая к Кубани и Лабе, 1014 тыс. десятин — для горцев, которых должно бы вытеснить на плоскость. В проекте предполагалось основательно, как доказало потом событие, что значительная часть горцев не захочет подчиниться русской

власти и уйдет в Турцию. Остающиеся, поселенные в назначенных им открытых местах, не могли уже быть опасными.

Обширные пространства, вновь отводимые казакам, превосходят своим плодородием и обилием всех хозяйственных статей лучшие земли в империи. Земельный отвод был от 20 до 30 десятин на душу. Для населения назначенной казакам земли требовалось 17 тыс. семейств, свыше 100 тыс. душ обоего пола. Вызов их был разделен следующим образом:

От Кубанского войска	12 400 семейств
Азовского	800
Донского	1200
государственных крестьян	2000
женатых солдат Кавказской армии	600
	17 000

Кроме того, 170 офицерских казачьих семейств и неопределенное число охотников, а в случае надобности даже все Азовское войско, так как излишней земли оставалось достаточно.

Заселение должно было совершиться в несколько лет, по первоначальному проекту — в шесть. Каждый год, смотря по успеху нашего оружия, должно было назначать к будущему году известное число переселенцев и весной отправлять их в путь, так чтобы к 15 мая они были на местах.

Положено было прежде всего вызывать охотников и затем только назначать по жребию недостающее число семей из казачьего населения, с предоставлением им права нанимать за себя других. Недвижимое имущество, которое переселяемые не успевали сбыть в частные руки, войско оставляло за собой по оценке.

Пособие поселенцам было ассигновано из Государственного казначейства и войскового кубанского капитала. Из обоих источников вместе оно составляло, — с пособием на вооружение:

Для семейства офицерского..... 435 руб. $71^1/_2$ коп.;
казачьего..... 156 руб. 42 $^6/_7$ коп.;
крестьянского..... 122 руб. 14 $^1/_2$ коп.;
солдатского..... 121 руб. 43 $^1/_7$ коп.

Кроме того, выдавалось пособие по разным статьям 6 руб. 40 коп. на душу в общественные суммы; переселенцы получили в пути кормовые деньги; на церковь каждой станице отпускалось 10 тыс. руб.

Вышедшие на поселение добровольно, то есть охотники, получали, вне общественного земельного надела, в полную потомственную собственность, офицеры — до 50, а казаки до 10 десятин.

Прибыв на место, новые казаки пользовались в продолжение трех лет казенным провиантом и порционными деньгами по первой категории.

В первый же год поселения по окончании полевых работ каждые 300 семейств должны были выставить конную сотню (143 всадника), поступавшую на содержание правительства, но обязанную, в продолжение льготного времени, только внутренней службой в своем районе.

Для покрытия издержек переселения было ассигновано из Государственного казначейства 8 млн 45 тыс. руб., из войскового капитала — 2 млн 94 тыс. руб., всего — 10 млн 139 тыс. руб.

Государственный расход на заселение Закубанского края должен был воспользоваться экономией от немедленного сокращения Кавказской армии, из которого были исключены только войска, действовавшие на Западном Кавказе. Кроме уменьшения многих расходов вслед за покорением восточных гор, в 1862 г. было произведено значительное сокращение армии; эта мера, впрочем, ненадолго облегчила Государственную казну, так как в следующем же году пришлось снова ставить армию на военную ногу, как все прочие силы империи. С окончательным покорением Кавказа издержки эти покрываются сами собой.

Войсковой капитал должен был пополняться продажей в частную собственность излишних земель, остающихся на задних линиях от передвижения части населения.

Как сказано, Положение о заселении предгорий вошло в законную силу в 1862 г., но еще ранее этого времени было дозволено двинуть переселение на главных вышеозначенных основаниях.

Предположенное заселение вражеского края было, разумеется, только проектом завоевания, который сам по себе еще ничего не решал. Все зависело от исполнения.

Вновь задуманный план стратегических действий резко отличался от системы, господствовавшей в прежних походах. Закубанская страна, весьма обширная, прорезана в длину, от Эльбруса почти до окрестностей Анапы, Главным Кавказским хребтом, который на половине своего протяжения, от истоков Кубани до истока Пшиша, тянется рядом снежных пиков и восемь месяцев в году совершенно непроходим; но от истока Пшиша понижается и образует обрывистую лесную гряду. Противоположные покатости хребта — северная, склоняющаяся к Кубани, и южная, ниспадающая к морю, составляли в военном отношении, пока страна была занята неприятелем, две совершенно отдельных сферы действия, как бы два особенных мира, не имевших никакого соприкосновения между собой. Довольно сказать, что ближайшая дорога, по которой можно было переводить войска с северного склона на южный, пролегает несколько сот верст далее к востоку, в Центральном Кавказе. При нынешнем размере нашего Черноморского флота действия этих двух военных театров не могли связываться и морем. Поэтому, чтобы не раздроблять сил, все наличные военные средства были сосредоточены в Кубанской области; в Кутаисском генерал-губернаторстве, в военный район которого входили черкесские земли южного склона, оставлено лишь небольшое число войск для оборонительных действий. Наступление с южной стороны должно было приобрести особенное значение, но только впоследствии, к концу войны; так предполагалось и в первоначальном плане. Обширная страна,

с лишком в 300 верст длины и в некоторых местах до 150 — ширины, принадлежавшая горцам между хребтом и Кубанью, разделяется в длину на две полосы различного характера: соседняя с хребтом очень гориста, хотя не представляет еще вполне горного характера; ближайшая к Кубани — равнина; обе покрыты дремучим, но не сплошным лесом, часто перемежаемым полями. Вся страна перерезана в ширину, от гор до Кубани, большим числом рек, из которых многие непереходимы вброд. Главные реки, считая с востока: Белая с ее левыми притоками Курджипсом и Пшехой, потом Пшиш, Псекупс, Афипс с притоком Шебшем, Иль, Хабль и Адагум. Главный хребет имеет несколько десятков верст ширины, с севера стелется постепенно возвышающимися грядами, а с юга спускается к морю крутыми ущельями. Густые массы черкесского населения занимали равнины и предгорья; в самых горах жителей было мало. Это обстоятельство полагало коренное различие между войной на Восточном Кавказе, где надобно было брать силой самые горы, и войной на Западном, где приходилось выбивать население преимущественно из предгорий. Впрочем, тактическое дело от того облегчалось еще немногим: главное затруднение в горской войне заключается не столько в громадности природы, как в мелких препятствиях — в лесе, скалах, оврагах и бездорожье; но в отношении стратегическом можно было гораздо удобнее связать операции в стране, где мы сами выбирали направление дорог, чем в местности, где надобно лезть в единственную каменную трещину, составлявшую путь, как было в Дагестане; надобно было только понять местность так верно и пользоваться ею так кстати, как сделано в последние годы войны. Самые горы представляли такие же чрезвычайные препятствия, если не более, как и в других местах Кавказа; но поле битвы лежало, к счастью, не в самых горах. Во время действия на Восточном Кавказе наши операционные линии всегда направлялись, как радиусы от окружности к центру; такое направление было неизбежно обусловлено топографией края. В предшествовавших походах на Западном Кавказе и наши отряды также действова-

ли всегда перпендикулярно к главным своим основаниям — Кубани и Лабе. Но в этой стране такое направление нисколько не было вынуждено очертанием местности и ни в каком отношении не было выгодно. Главная задача черкесской войны состояла прежде всего в том, чтобы сбить неприятельское население с лесной равнины и холмистых предгорий и загнать его в горы, где ему было невозможно долго прокормиться; а затем перенести к подошве гор самое основание наших операций. Так было сделано на Восточном Кавказе, где все усилия были направлены сначала к покорению Чеченской плоскости с предгорьями. Но Закубанский военный театр был гораздо обширнее Чечни; он имел такое протяжение в длину и ширину, что его невозможно было пройти разом. Наши отряды, сколько бы их ни было, двигаясь перпендикулярно к горам от Кубанской и Лабинской военных линий, не могли идти сплошной стеной во всю длину страны, взаимно поддерживая друг друга. Каждый действовал отдельно, рассчитывая только на себя, и потому каждый был как на воздухе; тыл и фланги его находились во власти неприятеля. Экспедиция вместо того, чтобы стремиться к постепенному урезыванию неприятельского края, к систематическому занятию его, имела вид прежних вторжений, никогда не приводивших ни к какому результату. Вырубленные просеки оставались, но непокорные горцы, как будто на смех нам, засевали хлебом, и в тылу их, перед нашими кордонными линиями, продолжали держать хутора. Обширность Закубанского края не позволяла устроить военную линию по всей подошве гор, от Лабы до Новороссийска, отрезывая плоскость у непокорных горцев. Направлять операции перпендикулярно от Кубани и Лабы к горам, чтобы со временем запереть выход каждого ущелья на плоскость, было бы трудом непомерным и бесконечным. Главнокомандующий принял другой, почти противоположный план действий, предложенный первоначально графом Евдокимовым, — подвигаться не перпендикулярно к Главному хребту, но параллельно с ним; переходить постепенно с одного притока Кубани на другой, обрезывая неприятельский край в длину. Две отдель-

ные операции должны были быть направлены: одна главная — от Лабы на запад, другая второстепенная — от моря на восток, — и сходиться навстречу одна другой. Нашим основанием на востоке служила заселенная казаками Лабинская линия; на западе — линия Адагумская, прочно занятая от Кубани до моря. Двинувшись от той и другой вперед к следующим, ближайшим от них притокам Кубани, мы с обоих концов значительно обрезывали неприятельский край. Второй шаг обрезывал его еще более; наступающие с обоих концов войска должны были, наконец, сойтись в середине горских земель. Сосредоточивая все действующие силы на поперечной линии, по течению одного из притоков Кубани, относительно короткой, мы могли стать на ней твердо, оградить как стеной лежащее позади пространство, если не от мелких хищников, то от вторжения неприятеля массами. Туземное население не могло оставаться в полосе земли, охваченной с двух сторон нашими кордонами; заселение ее совершалось затем беспрепятственно. При таком образе действия все выгоды оставались на нашей стороне. Вновь занятая линия сдерживала массы оттесненного неприятельского населения; оставшиеся кой-где в горных трущобах хуторяне могли производить только разбои, в военном же отношении их нечего было принимать во внимание; одним словом, мы шли вперед верными шагами. Рождался только один вопрос. Подвигаясь с Лабы вдоль Закубанского края, с одной поперечной линии на другую, мы необходимо должны были упираться плечом в Главный хребет. За хребтом этим, к морю, жили другие, многочисленные и враждебные нам племена. Прикрывал ли надежным образом Главный хребет наш фланг и тыл от их натиска? До тех пор горские народы южного и северного склона, хотя находившиеся в постоянных сношениях между собой, были в наших глазах совсем отдельными мирами. Но тут надобно было определить безошибочным образом, насколько Главный хребет действительно разъединяет южных и северных горцев; потому что, если б оказалось впоследствии, что снежный хребет не составляет действительной преграды, то вся задуманная операция очути-

лась бы на фальшивом основании; наши поперечные линии были бы до такой степени подвержены обходу, что не могли бы служить основанием для дальнейших действий. По всему вероятию, надобно было опасаться такого оборота дела; но граф Евдокимов, глубоко знавший характер горцев, полагал, что нет, мы увидим дальше, на каких основаниях. Событие показало, что он был совершенно прав. Наступление должно было начаться с весны 1861 г. Проект заселения, в главных чертах, был уже составлен, войска сосредоточены по местам; материальные запасы, заготовленные для прошлогодних действий на нижней Кубани, передвинуты на Лабу.

Фельдмаршал распоряжался всеми подробностями готовившегося похода, несмотря на тяжкую болезнь, удручавшую его уже несколько месяцев. К началу весны болезнь еще усилилась. Вследствие положительной воли государя императора в марте 1861 г. князь Барятинский отправился за границу для излечения; но здоровье его долго не поправлялось. Тем не менее дело двинулось, основания были положены. Завоевание было довершено впоследствии другим главнокомандующим, в том же духе и с той же энергией, какие отличали этот ряд необыкновенных походов с 1856 г.; несмотря на перемену главнокомандующих, не произошло никакого перерыва не только во внутренней связи действий, но даже во внешней обстановке этой войны.

За отсутствием фельдмаршала, командующим армией остался генерал-адъютант князь Орбелиани. Начальство Кубанской области находилось в руках графа Евдокимова.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Весной 1861 г. все было готово к немедленному открытию военных действий. Перемирие с абадзехами еще не было нарушено с нашей стороны; но поведение этого народа, по всей справедливости, избавляло нас от принятых обяза-

тельств. Князь Барятинский разрешил перед отъездом требовать от абадзехов безусловной покорности и, в случае отказа, в котором заранее нельзя было сомневаться, внести войну в их пределы. По плану, действия 1861 г. должны были обнять с востока все пространство между Лабой и Белой, которое предполагалось заселить станицами; с запада — часть страны впереди Адагумской линии и Натухайский округ, куда также должно было ввести казачье население. Внезапное сопротивление назначенных к переселению казаков, о котором я говорил в предшествующем письме, разом остановило исполнение плана. В принятой системе действий завоевание и заселение края были связаны чрезвычайно тесно, должны были идти об руку. Пока перерабатывалось Положение о правилах передвижения казаков, можно было располагать лишь небольшим количеством населения, назначенного жребием, по старому обычаю; а потому необходимо было остановить движение вперед. Все лето 1861 г. прошло под влиянием этого неблагоприятного обстоятельства, но не осталось бесплодным; граф Евдокимов умел выгодно употребить период невольной остановки. Не имея возможности открыть действия немедленно, он решился не показывать даже вида неудовольствия абадзехам до зимы и воспользоваться их бездействием, чтоб очистить без боя все подступы к их стране, закончив в то же время многие важные работы, исполнение которых было значительно облегчено затишьем. Так как число жеребьевых переселенцев этого года не было достаточно для того, чтоб основать передовую линию по Белой, то они были назначены для усиления существовавших линий новыми станицами. Большая часть войск лабинского отряда была обращена на тот же предмет. Таким образом, Кубанская линия протянулась до выхода реки из горной теснины, Лабинская линия была продолжена в самые горы; крайняя станица ее, Псеменская, была первым опытом поселения русских людей в горах. Кроме того, верхняя часть Лабинской линии была прикрыта тремя станицами, основанными на левом, вражеском берегу, замиренном покуда только шатким договором с абадзехами. Усиление передовых линий

позволило тогда же значительно сократить кордоны, охранявшие безопасность Прикубанского края.

Пространство между Лабой и Белой, в прежнее время густо населенное, в последние годы сильно обезлюдело и стало пастбищным местом горцев; на правом берегу Белой значительное население держалось только в соседстве с абадзехами и под их покровительством: мохошевцы и егерухаевцы — в местных трущобах вверх от Майкопа и горные общества даховское и хамышейское — еще выше, на истоках реки. Несколько мелких обществ, самых хищных и воинственных, между которыми первое место принадлежало бесленеевцам и беглым кабардинцам, жили рассеянно в верхней, предгорной части этого пространства и в соседних горах вплоть до Урупа; после абадзехского договора эти общества приняли покорность, но только на словах, и беспрестанно производили мелкие хищничества. С открытием военных действий против абадзехов мелкие племена, занимавшие промежуточный край, были бы сильной опорой для неприятеля и большим препятствием для нас; но без поддержки абадзехов они были слишком слабы для сопротивления, особенно каждое отдельно. Зная, что абадзехи рады длить настоящее положение дел, столь выгодное для них, и без прямого вызова с нашей стороны не начнут войны явно, граф Евдокимов, не обращая внимания на их протесты, стал выгонять промежуточные племена одно за другим из их убежищ. Наши отряды располагались около местности, занимаемой упорным обществом, прорубали прикрывавший ее лес и потом внезапно окружали горцев, предоставляя им или селиться за нашими линиями, или бежать за горы. После такого примера соседи их покорялись без сопротивления. Таким образом бесленеевцы были выведены на Уруп и оттуда ушли в Турцию; вольные кабардинцы и темиргоевцы поселены в виду Лабинской линии; баракаевцы, баговцы и другие абазинские племена прогнаны на южную сторону снежного хребта. К осени, кроме мохошевцев, егерухаевцев и даховцев, составлявших одно тело с абадзехами и живших в крепких местах по берегам Белой, страна между этой рекой и Лабой была совершенно

очищена от горцев. В течение осеннего периода такими же действиями, без боя, были совершены приобретения, еще более важные, о которых я скажу впоследствии.

Превосходное качество угодий за Лабой, став известным, привлекло множество охотников — переселенцев из тех же казаков, которые упорствовали весной. Представилась возможность расширить круг действий. Охотниками были населены еще три станицы, довершившие устройство военных линий с Лабы к Майкопу и Хамкетам.

Видя постоянное приближение наших поселений к своей пограничной черте, абадзехи несколько раз грозили заступиться за соседей, но не двигались. В августе граф Евдокимов выступил из Хамкет к ур. Мамрюкогой, освященному древними языческими преданиями, на самой границе абадзехов. Старшины просили его остановиться, чтобы послать предварительную депутацию в Тифлис. Из этой депутации ничего не вышло; абадзехские выборные предложили опять те же условия, на которых был основан прежний договор. Было очевидно, что старшины не могут предложить более, что народ не понимает своего положения и не позволяет уступок.

В других отрядах, расположенных против шапсугов, война продолжалась. Со стороны моря положено было занять под станицы Натухайский округ и продолжать оттуда заселение казаками шапсугской земли с реки на реку, вдоль предгорий. Натухайцам назначались земли вдоль Кубани. Расстройство плана действий на текущий год, вследствие неожиданного упорства казаков, отозвалось и в этом конце края: покуда Натухайский округ некем было населять. В ожидании нового Положения адагумский отряд, состоявший под начальством генерала Бабича[16], употребил лето на обзор и опустошение шапсугской земли. Он заложил в 15 верстах перед Адагумской линией укрепленный лагерь в Абине, на месте укрепления, брошенного нами в начале Восточной войны. Из этого пункта, долженствовавшего служить основанием дальнейшим действиям, был предпринят ряд движений по плоскости и в горы к Геленджику. Во время последнего похода наши войска прошли

через развалины Николаевского укрепления, взятого горцами в 1840 г. и которого с тех пор русские не видели больше. Над костями гарнизона был совершен погребальный обряд через 21 год после его геройской смерти. Зимой с 1861 на 1862 г. адагумский отряд приступил, наконец, к устройству в натухайской земле станиц, для которых население было уже назначено и дожидалось только весны.

Шапсугский отряд, занимавший укрепление Григорьевское, тем же летом устроил оттуда прочное сообщение до города Екатеринодара. Григорьевское укрепление не служило покуда основанием для каких-нибудь особых операций и потому не имело большого военного значения. Но его сохранили на будущее, как центральный пункт между отрядами, действовавшими с востока и запада Закубанского края. Впоследствии оно должно было получить немаловажное значение как опорный пункт для перевала в землю приморских шапсугов.

Осенью 1861 г. государь император совершил путешествие по Кубанской области. Для кавказских войск, постоянно удаленных от лица государя и совершавших в то время сверхчеловеческие труды в нескончаемых походах, посещение государя и чрезвычайно милостивое, сердечное обращение его с Кавказской армией было поощрением, удвоившим их силы. Кроме того, высочайшее путешествие имело великое значение для окончательной судьбы этого края. Как ни настоятельно чувствовалась необходимость покончить раз навсегда с внутренней войной на Кавказе, но огромность жертв, сопряженных с предположенным планом изгнания горских населений из их убежищ, даже кажущаяся жестокость такой меры смущали энергию исполнения. Государь император убедился лично на месте в недействительности всякой другой меры. Покорные и непокорные горцы были извещены о скором прибытии Его Величества; и все племена, даже отдаленнейшие, прислали своих депутатов. Они все были не прочь от покорности с договором, подобным абадзехскому, который ограждал бы их от наших вторжений, не стесняя ни в чем свободы их собственных действий. В лагере около Хамкет государь благосклонно принял

горских депутатов, обещал милость и покровительство, предложил им сохранение обычаев их и имуществ, льготу от повинностей, щедрый замен земель, которые окажутся нужными для наших военных линий, другими, с единственным условием немедленной выдачи всех русских пленных и беглых. На это последнее требование горские старшины отвечали чрезвычайно уклончиво; видно было, что они не могут исполнить требуемое, что не в их власти понудить к тому народ. На другой день старшины представили свою челобитную. Изъявляя в самых покорных выражениях желание стать под Русскую державу, они кончили просьбой — подаваемой прямо в руки величайшему монарху мира — «не забудьте немедленно вывести русские войска за Кубань и Лабу» и срыть наши крепости. Какие переговоры были возможны с такими людьми?

Первый человек по своему положению между горцами — Карабатыр Заноко, сын Сефер-паши, прислал сказать генералу Бабичу, что он не приедет представляться государю из уважения к его особе; что он не может позволить себе говорить русскому императору пустые слова от имени народа, который не имеет никакой общественной власти и за который, стало быть, никто отвечать не может.

По отбытии государя императора немедленно было приступлено к дальнейшим действиям. Но абадзехов еще не трогали; им предоставляли сделать первый выстрел. Пользуясь кончавшимся, но еще не кончившимся перемирием, граф Евдокимов предпринял отрезать от абадзехов массу мохошевцев и егерухаевцев, живших в дремучей чаще на правом берегу реки Белой. С севера по окраине их страны была уже прорублена просека и устроена военная линия с Лабы в Майкоп. Осенью и зимой войска расчистили широкую просеку в тылу мохошевской чащи от Хамкет до Майкопа и устроили на этом протяжении 4 станицы, связанные кордонной линией; передовые племена были таким образом отрезаны от массы горского населения. Работы продолжались, несмотря на угрозы абадзехов, все еще колебавшихся. Наконец, в январе, абадзехи сделали первое нападение на наши войска, после 26-месячного

перемирия; но тогда дело было уже совершено; лесная трущоба, в которой жили воинственные мохошевцы и егерухаевцы, составлявшие сильнейший оплот абадзехов, была обойдена военными линиями и находилась, можно сказать, в наших руках. С весны 1861 г. до весны 1862 г. в Закубанском крае воздвигнуто 35 станиц, с населением 5482 семейства, образовавших 4 конных полка.

1861 г. не ознаменовался блестящими военными подвигами; выстрелы гремели только в адагумском отряде и вдоль кордонных линий, постоянно тревожимых хищниками; но в течение этого года заложено было твердое основание всем последующим успехам. Без боя, с топором и лопатой в руках, мы заняли и заселили обширное пространство, которое, при других обстоятельствах, нам не отдали бы даром, и, таким образом, сошлись с абадзехами грудь с грудью; при первом их выстреле мы могли внести войну в сердце абадзехской земли. На восток все уже было наше. Значительное протяжение северной покатости хребта, от Урупа почти до Белой, оставалось пустым после изгнания живущих здесь мелких племен; только кое-какие хутора скрывались еще в самых недоступных местах. Загорные населения начали тревожиться: уже не люди, а только снега прикрывали их с северной стороны.

Конечно, мирные завоевания 1861 г. замечательны только как умение извлечь пользу даже из неблагоприятных обстоятельств. Экономия была в людях; во всем остальном успехи этого года стоили так же дорого, как стоили бы они при самой кровопролитной войне. Чтобы заставить абадзехов сохранять так долго перемирие, надо было стоять во всегдашней готовности мгновенно дать им отпор. Войска лабинских отрядов несли все тягости боевой службы, без ее блеска, и потому с радостью приветствовали начало войны.

Решено было идти вперед с возможной быстротой; ничего не строить, кроме станиц и постов: бросать прежние штаб-квартиры, отнимавшие большое число людей; вывести все войска с их штабами на передовые линии и выдвигаться снова вперед при первой удобности, одним словом, не терять

дня сверх времени, необходимого для выполнения самых спешных работ. Граф Евдокимов не жалел себя, не жалел ни начальников, ни солдат и, сказав вначале, что никто не будет отдыхать, прежде чем война не окончится, буквально исполнил программу.

3 января 1862 г. абадзехи сделали первое нападение на наши войска. С этого дня все предприятия должны были совершаться открытой силой; однако ж вначале неприятель действовал еще нерешительно. Полный разгар войны начался только с первых дней весны.

Прежде всего надобно было овладеть последними убежищами неприятеля на реке Белой — мохошевскими лесами и горной Даховской долиной — и стать на обоих берегах этой реки. Покуда лежали глубокие снега, все предварительные работы были окончены: устроена военная линия от Майкопа до Хамкет в обход мохошевцев, начата из Хамкет просека в горы по направлению к Дахо и другая просека туда же вверх по Белой к Каменному мосту, где было главное судилище абадзехского народа. Занята переправа через Белую у Ханского брода, ниже Майкопа. Кроме того, отдельный отряд под начальством кубанского атамана генерала Иванова был двинут с Кубани вверх по Пшишу для двоякой цели: для отвлечения неприятеля в сторону, противоположную той, где готовились ему удары и для проложения по берегу Пшиша просеки, ввиду будущих операций.

С первых дней марта закипела ожесточенная война. Абадзехи не знали еще новых войск, собравшихся к их пределам от самых боевых, самых испытанных полков Кавказской армии, далеко превосходивших военными качествами полки недавнего формирования, с которыми им приходилось иметь дело прежде. Для первого раза они решились прорвать линию, устроенную в обход мохошевцев. Многочисленное скопище горцев, давших присягу не отступать, захватило самое труднопроходимое место этой линии, называемое Семь Колен. В тот же день подошел туда Апшеронский стрелковый батальон, обремененный большим транспортом. Отчаянное дело на

Семи Коленах могло служить абадзехам предзнаменованием ожидавшей их участи. Они сдержали слово, не отступали, но батальон все-таки пробился штыками сквозь их массу, несравненно превосходившую его числом, как пролетело бы сквозь нее ядро. Попытка разорвать нашу линию не удалась.

Вслед за этим делом наши колонны ринулись с разных сторон в мохошевские леса, разрушая аулы, искрещивая самые глухие места лесной чащи. Отрезанные от абадзехов мохошевцы и егерухаевцы не могли удержаться долго и понемногу бежали за Белую. К концу марта обширный Мохошевский лес, имеющий до 40 верст в поперечнике, был очищен от неприятеля.

Отряд, перешедший через Белую ниже Майкопа, был долго задержан на месте разливом бешеной реки, сносившим мосты; продовольствование его было сопряжено с величайшими затруднениями; тем не менее занятая позиция была удержана, и лес на левом берегу расчищен.

В апреле были кончены предварительные просеки по направлению к Дахо; снег между тем протаял на высоких горах, ограждавших эту долину. В конце месяца граф Евдокимов двинулся к Дахо, до тех пор невиданному русскими и почти неизвестному. Абадзехи сосредоточились большими силами для обороны этой местности, и без того страшно защищенной природой. Но с самого начала завоевания, с чеченских походов, горцам никогда не удавалось дать графу Евдокимову настоящего упорного боя в заранее избранной позиции; он всегда успевал упасть им, как снег на голову, с той стороны, откуда его не ждали, и внезапно решить дело отважными, искусно рассчитанными маневрами. Быть разбитыми без боя для горцев было всего обиднее. Так случилось и здесь. К сожалению, я пишу не военное сочинение и не могу изложить интересных маневров, решивших столько дел в этой войне; место позволяет мне излагать общую связь операций. После трехдневного сопротивления в самой труднопроходимой местности скопище, защищавшее Дахо, постоянно обманываемое нашими движениями, нигде не успевшее дать решительного отпора и,

наконец, обойденное, разбежалось. Даховская долина была занята; в глубине ее заложена станица; две дороги разработаны в глубину долины, одна — по направлению, пройденному отрядом, другая — вниз по Белой к Каменному мосту. С занятием этого последнего пункта открылось прямое сообщение по реке между Дахо и Майкопом. Горцы, однако ж, долго еще потом могли обстреливать с высоты скал эту последнюю дорогу, ставшую главным путем в Дахо.

К 1 июня все течение Белой, по обоим берегам, было в нашей власти. Только в самых истоках ее, выше Дахо, гнездилось еще маленькое общество Хамешки.

Ряд таких быстрых успехов чрезвычайно смутил не только абадзехов, но все закубанское население, горцы видели, что война ведется не по-прежнему, и понимали, что если не найдут средства остановить наступление, то судьба их скоро будет решена. Первой мыслью их было соединиться для дружного отпора. Абадзехи обратились за помощью к соседям. С этого времени выступают на сцену убыхи и принимают на себя гегемонию в горских делах. Кутаисский генерал-губернатор Н. П. Колюбякин[17] выразил это состояние умов в своем донесении командующему армией. Он писал:

«Действия войск, командуемых генерал-адъютантом графом Евдокимовым, нося характер той энергии и последовательности, которые принадлежат не случайному увлечению, а зрело обдуманному и прочно усвоенному плану, убедили непокорных горцев, что приближается последний час их независимости. Но должно отдать справедливость и противникам нашим: черкесы не потеряли головы и не упали сердцем, напротив, они решились отстаивать самостоятельность свою не только оружием, но еще внутренними преобразованиями и энергическим обращением к иностранным державам. Если главная роль в борьбе оружием пала по необходимости на абадзехов, то убыхи, не уступающие им в энтузиазме к общему делу, взяли на себя инициативу и направление мер административных и дипломатических, соответствующих принятой ими решимости. Таким образом, прежде всего они обратили

внимание на внутренний быт свой и захотели заменить расслабляющую усобицу сильной централизацией, в которую в минуты большой опасности всегда и везде слагались формы общественного устройства. Для восстановления аррахийской власти и для ограждения независимости все черкесы были приглашены на совет. Все они единогласно решили: учредить чрезвычайный союз и не отставать от оного, с тем чтобы сохранить порядок внутренний, а отступающих от него наказывать. В черкесском владении учрежден меджлис из 15 человек, которому дано название «великого и свободного заседания». Появление войск графа Евдокимова у подошвы Главного хребта, то есть в двух переходах от убыхской земли, подавало повод к чрезвычайному собранию меджлиса. В оном постановлено было: а) отправить посольство в Константинополь, Париж и Лондон с просьбой о заступничестве. Для покрытия расходов посольства наложить на все население денежный сбор; б) обнародовать призыв к священной войне и отправить в землю абадзехов, на все лето, несколько тысяч воинов; в) принудить к такому же содействию джигетов[18], которые оказываются довольно холодными к общему делу. В конце мая и в начале июня постановления меджлиса были приведены в исполнение. Посольство к иностранным державам отправлено. На помощь к абадзехам посланы от 4 до 5 тыс. убыхов, под начальством испытанных предводителей. Была сделана вооруженная попытка для принуждения джигетов к отправлению контингента».

Несмотря на все старания горцев, заключение общего союза представляло непреодолимые трудности. Старшинам племен легко было собраться и условиться насчет дружного действия, нетрудно также было вызвать к бою все население, пристыдить равнодушных, казнить изменников. Возбужденная до энтузиазма народная воля заменяла в этом случае положительное право. Но как было управлять собранными массами, как было заставить совершенно свободных людей слушаться и кого слушаться? Как было устроить в среде каждого племени управление, которое действительно могло бы располагать народными силами? Мы, взросшие в среде обществ, органи-

зованных с незапамятных времен, не можем представить себе суммы влияния, которое воспитанная веками привычка имеет на все наши общественные действия. Черкесы испытали на себе, что значит общественный контракт, единодушное решение общества, хотя бы движимого величайшим энтузиазмом, но не скрепленное исторической привычкой. Воля их была без якоря. Все хотели слушаться, все требовали предводителей, но десять человек не могли согласиться единодушно, кого именно слушаться, насколько и в чем слушаться. В нашем русском мнении роль главного предводителя играл некоторое время убых Гаджи-Гагамук-Берзек; но скоро оказалось, что бесплодная деятельность этого человека не приводила ни к чему. В рядах горцев виднелись значки предводителей; они выходили против нас густыми толпами; тем не менее каждый горец дрался, погибал или уходил с поля, когда ему вздумается. Так продолжалось до конца. История последней борьбы и гибели храбрейшего народа осталась без собственных имен. Вероятно, это было даже лучше для горцев. Никакое единство начальствования не спасло бы их от наших ударов; оно увеличило бы только число жертв, и так слишком достаточное.

В течение подходившего летнего периода наступление должно было по необходимости замедлиться. Пришла пора сенокоса, заготовления фуража, необходимого для зимних действий, отчего число рядов в действующих войсках уменьшалось наполовину. Кроме того, устройство занятой части края требовало еще обширных работ; надобно было вырубить просеки, связать многие станицы дорогами, обставить эти дороги постами, окончить мосты и переправы. Надобно было также изгнать последние остатки горцев с северной покатости хребта от Урупа до Белой. Отделив значительное число войск на работы и прикрытие передовых линий, с остальными предприняли в восточной части Закубанского края только одну летнюю операцию для раскрытия лесной плоскости между Белой и Пшишем. Если провести от Майкопа линию прямо на запад, она обозначит приблизительно подошву предгорий и границу равнины, стелющейся между Кубанью и первыми

высотами. Эту равнину, прикрытую темными лесами и густо населенную абадзехами, надобно было занять в течение летнего периода до берега Пшиша, чтобы с наступлением осени внести войну в предгорья и захватить все русло Пшехи, текущей между Пшишем и Белой.

Войска Закубанского края были разделены летом на 5 отрядов: адагумский должен был действовать против шапсугов; шебшский — прикрывать центральную линию между Григорьевским и Екатеринодаром; пшишский и пшехский назначались для исполнения упомянутой наступательной операции; на даховский отряд возлагалось прикрывать вновь заселенный край со стороны верхнего течения Белой и Станового хребта. Горцы собирались также большими массами. Попытки их к общему союзу хотя не соединили их в одно целое, но возбудили сильный энтузиазм в населениях и поставили весь край под ружье. Чтоб отвлечь внимание горцев от готовившегося наступления, в мае и начале июня были совершены два опустошительных набега в предгорья, обнимающие Майкоп, в которых гнездилось густое население абадзехов.

В июне пшехский отряд, под начальством генерала Тихоцкого[19], открыл наступление за Белую с Ханского брода, занятого, как было сказано, еще весной. Сильное скопище горцев смело вступило в бой с ним; оно было разбито и бежало, оставив 600 тел на месте; но победа не избавляла нас в Кавказской войне от необходимости драться ежедневно и ежечасно. Постоянно провожаемый неприятелем, отряд достиг реки Пшехи, большого западного притока Белой, и заложил на берегу ее станицу с редюитом. Работы по возведению станицы, расчистка окрестной страны и заготовление сена, сопровождаемые беспрерывными делами с неприятелем, заняли три с половиной месяца. В то же время пшишский отряд, предводимый генералом Кухаренко[20], выступил по вырубленной весной просеке и заложил на Пшише в 25 верстах от Кубани первую станицу новой Пшишской линии. Покуда эти два отряда еще не имели прямого сообщения между собой, они обозначали только две крайние точки готовившегося завоевания.

Думали ограничить летние действия этой экспедицией. Вдруг положение дел круто изменилось. Горцы сами открыли сильнейшее наступление на занятую нами часть края.

Между тем как абадзехи развлекали войска на передовых линиях беспрерывными стычками, приморские горцы, в голове которых стояли убыхи, устремились в наш фланг и тыл через перевалы Главного хребта, достаточно протаявшие под летним солнцем. Войска и поселенцы с величайшим удивлением увидели перед собой массы врагов, никогда прежде неслыханных, покрытых вместо папах остроконечными войлочными колпаками, пришедших по направлению, откуда наши не ждали никакого неприятеля. Загорные с яростью бросились в тыл передовым линиям, напали на станицы и укрепления. Одна партия двинулась в укрепление Хамкеты и отчаянно полезла на приступ; обнесенный валом форштадт был занят горцами; храбрый гарнизон с величайшими усилиями отстоял укрепление. Другая партия бросилась на станицу Псеменскую, замыкавшую с юга Лабинскую линию и также занятую, кроме жителей, гарнизоном из пехоты, взяла ее штурмом и увела половину жителей в плен; прибывшие войска с трудом спасли другую половину. Через несколько дней горцы повторили нападение на Псеменскую станицу и довершили ее разорение. Потом они штурмовали, но неудачно, Баговскую станицу, занятую сильным гарнизоном. Шапсуги, соревнуясь с соседями в общем деле, предприняли наступление со своей стороны. Многочисленные скопища их бросились на укрепления Григорьевское и Дмитриевское, в надежде очистить от русских сердце своего края. Штурм Григорьевского был отбит легко; но участь укрепления Дмитриевского висела на волоске, пока со стороны не подошла помощь. Позднее шапсуги предприняли вторжение в Натухайский округ, штурмовали Баканскую станицу, но были отбиты и при отступлении понесли сильную потерю; удача горцев с этой стороны могла повлечь за собой очень опасное восстание недавно замиренных натухайцев, в тылу Адагумской линии. Кроме нападений массами, горцы рассыпались

хищническими партиями по вновь заселенной стране. Хотя кордонные линии были усилены тремя драгунскими полками, несколькими казачьими и большим числом пехоты, но эти силы оказались недостаточными против множества и дерзости хищников и, очевидно, не могли долго сдерживать подобный напор. Лошади под драгунами и казаками выбились из сил и не могли скакать. Можно было опасаться, что содержание кордонов положит лоском всю кавалерию, прежде чем дальнейшие успехи изменят такое положение дел. Притом, распространившиеся лихорадки, всегдашний бич Кавказских походов во второй половине лета, до того изнурили войска, что в роте и эскадроне оставалось едва ли по пятидесяти человек; люди чередовались на службе в льготные от лихорадки дни. Некем было занимать надлежащим образом передовые линии. А между тем, несмотря на изумительную, изнуряющую деятельность кордонов, даже в полном комплекте они не могли прикрыть лежавшие за ними поселения, постоянно осажденные неприятелем. Этим поселениям, если бы не казенный провиант, грозила бы голодная смерть, потому что полевые работы и сообщение между станицами были почти прерваны разбойниками, занимавшими каждый овраг и каждый лесок. Между переселенцами распространилось сильное уныние. Со стороны шапсугов разбои приняли такой дерзкий характер, что были совершены большие нападения на станицы, огражденные Кубанью, как в двадцатых годах.

Положение казалось затруднительным, и теперь позволительно сказать, смутило почти всех. Можно было наперед ждать от горцев сильного сопротивления и смелых разбоев. Но оказалось гораздо худшее — именно, что Главный хребет, вдоль которого мы должны были постепенно подвигаться, нисколько не прикрывает нашего фланга и тыла от загорных. Это обстоятельство, если бы влияние его оказалось постоянным, могло ниспровергнуть весь план завоевания. Чем дальше подвигались мы вперед, заселяя страну, тем обширнее становилось в нашем тылу пространство, подверженное ежеминутной опасности нападения; наши передовые

линии оказались висящими на воздухе и всегда могли быть обойдены неприятелем. Пришлось бы оставлять столько войска для прикрытия тыла, что скоро не с чем было бы идти вперед. Вот к какому исходу, казалось, приводило положение дел летом 1862 г.

Но, если большинство действительно было смущено, граф Евдокимов не был смущен нисколько. В ведении войны есть две стороны — материальная и нравственная, так тесно связанные между собой, что нельзя принять никакого дельного военного решения, не имея обеих их разом перед глазами. Каждый профессор стратегии мог бы быть полководцем, если бы война происходила между двумя отвлеченными сторонами. В живой же действительности, прежде вопроса «Что можно сделать?» идет вопрос «С кем и против кого?», не только в смысле национальной характеристики, но в смысле положения дел и настроения духа настоящей минуты, потому что человек не всегда бывает похож сам на себя. Граф Евдокимов знал горцев в совершенстве и потому бил наверное. Он знал, что горячность их не продлится, что она не выстоит против неблагоприятных обстоятельств и что убыхи и другие загорные ничего не предпримут на северной, чуждой им стороне гор, без сильной поддержки абадзехов. Имея все средства удержаться в занятом положении до той поры, когда новые снега закроют перевалы, граф Евдокимов обещал себе довести абадзехов к будущему лету до такого состояния, что на их поддержку нечего будет рассчитывать; а потому загорные, достаточно озабоченные собственным сохранением, не выйдут больше к нам в тыл. Все это сбылось буквально. Один из известных кавказских генералов, человек очень умный и хороший военный, не разделявший в то время взглядов графа Евдокимова, говорил мне впоследствии: «очень понятно», что граф Евдокимов умел искусно вести войну; но я не понимаю, как он умел влезть в душу горца, чтобы в ту пору еще знать все фазисы, через «которые она должна пройти».

Влезть в душу неприятеля — в этом и задача военного начальника.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Период летних занятий продолжался до конца сентября. Войска, воздвигавшие станицы Пшехинскую и Габукаевскую, оставались на позиции, так что с июля наши действия в восточной части края приняли чисто оборонительный характер, кроме нескольких набегов, совершенных с передовых линий. Беспрерывные нападения горцев заставляли держать в готовности войска, и без того обремененные работами и ослабленные болезненностью. Но понемногу натиск неприятеля, постоянно отражаемый, стал ослабевать. Скопища убыхов и ахчипсховцев стояли еще под перевалами, на северной стороне хребта, и вынуждали нас к осторожности; но, охлажденные рядом неудач, прибрежные горцы только грозили и выжидали. Подходило время, когда первые метели, очень ранние на такой высоте, должны были снова оградить наш тыл непроходимой стеной. С первой осенней прохладой войска ожили от лихорадок; лес начал осыпаться[21]. В конце сентября можно было опять двинуться вперед.

До будущего лета предположено было занять и приготовить к заселению обширное пространство предгорий от Белой до ущелья Пшехи, выгнать черкесов из плоскости между Пшехой и Пшишем и подвинуться вверх по последней реке. Занятие значило, как и прежде, раскрытие горских земель просеками и дорогами, изгнание туземных населений, перенесение вперед кордонных линий и постройку станиц, жители которых должны были прибыть в мае в крепленные ограды и, если можно, в готовые дома.

Исполнение этой операции должно было считаться конченным в то время, когда отряды даховский и пшехский сосредоточатся на линии, проведенной от верховьев Пшехи до выхода Пшиша из предгорий.

Мы отнимали таким образом половину абадзехских земель и далеко подвигались на запад вдоль хребта, до того пун-

кта, где оканчивается ряд снежных пиков и открываются удобные перевалы на южную сторону.

В конце сентября мы двинулись вперед; начальство над войсками за Лабой было вверено генералу Преображенскому.

Даховский отряд должен был выйти с Белой на верхнюю Пшеху через Курджипс, расчистив предварительно промежуточную страну, стало быть, еще не скоро. Пшехинский отряд сделал диверсию вверх по реке, чтоб отвлечь внимание горцев от его первых шагов, и потом воротился на плоскость. С этих пор он действовал всю зиму поочередно, то в бассейне Пшехи, то на плоскости между Пшехой и Пшишем. Сначала он двинулся к пшишскому отряду, который с этой поры перестал существовать отдельно и вступил в его состав. Соединенные отряды прорубили просеку вверх по Пшишу, устраивая по ней кордонную линию, и потом загнули ее к станице Пшехинской; таким образом, вся часть плоскости между Пшехой и Пшишем очутилась в наших руках. Потом отряд действовал в бассейне Пшехи, прокладывая просеку и дорогу вверх по ее течению. В половине декабря, когда наступили морозы и глубокие снега завалили ущелье, отряд снова воротился на плоскость, изгнал остатки горского населения из полосы земли между нижней Пшехой и Пшишем, раскрыл ее поперек дорогами и в конце января воротился к прежним трудам в ущелье Пшехи, где устроил две новые станицы. Тяжелые работы в самое суровое время года и постоянные дела с горцами, иногда очень кровавые, шли рядом.

Тем временем даховский отряд, под начальством полковника Геймана, перешел с Белой на Курджипс, в середину самого густого населения абадзехов, построил в долине этой реки станицу и открыл от нее прямое сообщение в Майкоп. В начале ноября войска даховского отряда, в присутствии посетившего Кавказ принца Альберта Прусского, проникли в первый раз до Пшехи. Но время еще не приспело утвердиться на вершинах этой реки. Отряд воротился на Курджипс и рядом беспрерывных походов в течение ноября раскрыл бассейн его просеками; после неудачных попыток сопротивления горское

население должно было покинуть самые заветные места свои и удалиться к Пшехе или выше, в бесплодные скалы, к истокам реки. В декабре действия на Курджипсе были прерваны. Отряд снова сосредоточился в Дахо, чтоб овладеть последним убежищем горцев на Белой, Хамышеевской котловиной, лежащей под самым перевалом. Долина эта служила прошлым летом главным притоном партиям загорных, бросавшимся против нашего тыла. Ничего быть не может недоступнее страшной местности в истоках Белой, но тем не менее предпринятая экспедиция увенчалась полным успехом; наши войска обманули горцев и спустились с таких обрывов, где не было пути даже для людей, свивших гнездо под перевалом Кавказа. В Хамышках был сформирован впоследствии небольшой отряд для постройки укрепления и разработки постоянной дороги через ущелье Белой. Прочие войска воротились на Курджипс и в январе снова начали преследование горцев, укрывавшихся в его верховьях. В течение января и февраля наши колонны совершенно очистили бассейн этой реки, до мест, где человек не может уже поставить жилья. Затем они проделали путь от Курджипса к Пшехе и на половине его основали станицу.

Покуда эти действия происходили в восточной стороне Закубанского края, адагумский отряд, действовавший с западной стороны, от моря, после зимних и весенних работ в Натухайском округе, двинулся далее в землю шапсугов. Опустошив еще раз плоскость от Абина до Хабля, на которую выгнанные горцы постоянно возвращались из своих ущелий для полевых работ, генерал Бабич заложил станицу при выходе Хабля из гор. Работы над станицей и устройством от нее прямой дороги к Кубани продолжались до октября, перемежаемые, впрочем, частными набегами с обеих сторон. Это было самое жаркое время войны, когда горцы массами бросались в наши пределы. Осенью адагумский отряд начал неутомимое преследование горцев. В течение октября и ноября шапсугское население было поголовно изгнано из горных пространств, на северном склоне — до Антхыря, а на южном — по морскому берегу до Мзыби. В последующие зимние месяцы шапсуги отодвинуты

также из длинной полосы лесных предгорий между Антхырем и Шебшем. Одни ушли дальше, частью в горные ущелья, частью за горы к соплеменникам; другие переселились к нам; в предгорьях остались кой-где только хутора, разбросанные по самым глухим местам. В то же время предпринята разработка дороги вверх по Хаблю. С этой стороны нам стала уже видеться перспектива действий за горами.

С восточной стороны было еще далеко до перехода через горы. Но и там в пространстве, совершенно очищенном от неприятеля, между Кубанью и Ходзем, можно было предпринять предварительные работы для устройства дороги через перевал. Дорога от Лабы к морю, если только возможно сладить с природой, была бы чрезвычайно важным стратегическим путем. Государь император лично указал на особенное значение этого предприятия. В исполнение высочайшего повеления, с октября 1862 г., был сформирован малолабинский отряд для разработки горных ущелий в этом направлении.

Осенью этого года фельдмаршал князь Барятинский, возвращавшийся на Кавказ, был снова остановлен тяжкой болезнью. В продолжение двадцати месяцев отсутствия фельдмаршал мог лишь издали следить за делами и указывать только главнейшие меры. Тем не менее виды его были вполне исполнены, насколько позволило время, хотя это была трудная эпоха для Кавказа, особенно вначале. Не говоря об управлении только что покоренными восточными горцами и другими обширными областями, в завоевании Западного Кавказа много трудов и забот пало на командующего армией и начальника его Главного штаба. Временному управлению гораздо труднее действовать, чем настоящему. Но, однако ж, несмотря на препятствия, возникавшие, как нарочно, при исполнении предначертанных мер, дело шло вперед безостановочно.

Назначенный главнокомандующим Кавказской армией и наместником Кавказским великий князь Михаил Николаевич прибыл на Кавказ в половине февраля.

Великий князь нашел дело на Западном Кавказе в хорошем положении, но еще очень далеком от окончательного ре-

шения. Сопротивление горцев было на высшей степени своей энергии; никто еще не мог знать, чем разыграется будущее лето. Абадзехи, сбитые с Белой и Курджипса, твердо держались покуда между Пшехой и Шебшем; каждый шаг наступления дорого нам стоил. Массы шапсугов подавались к горам и частью за хребет; но лесные трущобы предгорий были еще наполнены отдельно разбросанными хуторами. Если очищение плоскости стоило нам таких усилий, если приходилось беспрестанно бегать взад и вперед по равнине для того, чтобы в десятый и двадцатый раз уничтожать с бою жилища, постоянно возникавшие на тех же местах, то можно посудить, как легко было достигнуть полного, невозвратного изгнания горцев из едва проходимой местности, где каждый камень воевал за них. Чем выше к хребту оттесняли мы массы горцев, тем крепче они могли держаться в своих воздушных убежищах, покуда имели только чем просуществовать. За ними было непочатое еще, многочисленное и воинственное приморское население, подстрекаемое, вспомоществуемое всем, что ненавидит Россию, поддерживаемое под руки, иногда даже с беззастенчивой откровенностью, сильными европейскими правительствами. В Европе не верили скорому окончанию кавказской драмы; чем настойчивее мы действовали, тем дружнее работали недруги России. В Трапезунде образовался настоящий комитет «вспомоществования черкесам» из всех европейских консулов, кроме прусского. Душой этого комитета, почти признанным председателем его был поляк Подайский, драгоман французского консульства. Всякий авантюрист, желавший оказать помощь черкесам против «русского варварства», был снаряжаем и отправляем за счет безымянных благотворителей. На их же счет посылались к восточному берегу запасы пороха, снарядов, амуниции, нарезные пушки и пр. При возраставшем рвении в пользу черкесов и в обстоятельствах 1864 г. легко было ожидать, что те же неизвестные благотворители не поскупятся поддержать большими подвозами провианта стесненное черкесское население. Эта последняя поддержка была бы гораздо действительнее подвоза авантюристов, которые только

интриговали, хвастали и прятались от наших пуль, так что ни один из них не был никогда ранен. Надобно было ждать всего и не слишком рассчитывать на голод как на одно из средств одолеть сопротивление горцев. Чем более мы оттесняли горское население к берегу, тем удобнее было нашим завистникам протянуть ему руку помощи; местность же южного склона гор еще неприступнее, чем северного; а на действия морем в 1863 г. нельзя было положиться. Одним словом, за многочисленным горским населением, исполненным отваги, твердо еще державшемся на северном склоне, стоял многочисленный резерв приморских горцев, непочатых, самоуверенных, поддерживаемых нравственно и материально Турцией и чуть не всей Европой. Наши недруги, видимо, обещали себе не дать второй раз того же промаха с независимым Кавказом, какой дали они во время Восточной войны. В то же время все мусульманское население Кавказа волновалось самой зажигательной религиозной проповедью и часто повторяемыми обещаниями скорой подмоги. Над этой картиной вставал 1863 г. с польским бунтом, с нотами и всеобщим вооружением. Вот положение, в каком принял Кавказ великий князь Михаил Николаевич ранней весной 1863 г.

Надобно было кончить покорение Западного Кавказа так скоро, чтобы нам не успели помешать. К этой цели была направлена вся деятельность последнего времени.

Великий князь ни в чем не изменил плана войны, установленного при князе Барятинском и служившего с тех пор основанием всем действиям на Западном Кавказе. План этот, без сомнения, был наилучшим в данных обстоятельствах; он решал дело вернее и полнее всякого другого. Тем не менее почти все на Кавказе ожидали изменений, а другие, в то время еще не убежденные результатом, даже желали их. Было столько же голосов «за», как и «против», и даже вторых было едва ли не больше. Великому князю предстояло не следовать установленному порядку вещей, но выбирать, — и он выбрал лучшее. Я не знаю примера, чтобы за переменой главнокомандующего не последовало больших изменений в самом характере дей-

ствий. Слишком трудно вложить в свою душу чужую мысль и развивать ее последовательно: это также творчество; немногие люди, облеченные полномочием власти, пойдут по чужой дороге потому только, что она лучшая. Великий князь принял чужой план, оттого что он был самый верный в предстоявшем деле, и развил его до изумительной полноты результата.

Смею выразить мнение всех моих сослуживцев, — это решение показывает вместе и верный военный взгляд, и высокое сердце.

Но если действия продолжались на основании установленного плана, то исполнение значительно ускорилось против прежнего. В начале 1863 г. многое было совершено; но никто еще не мечтал о близком окончании войны; тем больше, что самая цель ее, не покорение, а изгнание черкесов из гор, заставляла ждать отчаянного сопротивления. Между тем внешние события не позволяли терять ни одного дня. Со времени назначения главнокомандующим Его Высочества наступление пошло с необыкновенной быстротой, операция следовала за операцией без перерыва, пока последние остатки горцев, прижатые к морю, не сложили оружия.

Первый поход против горцев, под личным предводительством великого князя, был совершен в последних числах февраля и первых — марта, от реки Хабля и реки Пшехи, параллельно Кубани, но в значительном расстоянии от нее, через лесистую и бездорожную страну, большая часть которой никогда еще не была пройдена русскими войсками. 25 февраля великий князь выступил из станичного окопа на Хабли по просеке, вдоль подошвы гор. На другой день к адагумскому отряду присоединился на реке Убине шебшский. Во время пути продолжалось беспрерывное дело с шапсугами. 27-го отряды, выступив из укрепления Григорьевского, проникли в сторону, где еще упорно держались массы неприятеля. Абадзехи сменили шапсугов и пробовали задержать движение; но, атакованные кавалерией, были опрокинуты. 28-го, оставив под прикрытием части войск обоз, стеснявший движение в этой глухой стороне, Его Высочество двинулся с остальной частью к реке

Псекупсу. Абадзехи заняли, наперерез пути, сильную позицию в заросшей лесом балке; но обойденные внезапно кавалерией, попались между двух огней и понесли сильное поражение; все поле было покрыто их трупами. На Псекупсе дожидалась часть пшехского отряда, пришедшая туда обходной дорогой, налегке. Великий князь отпустил пришедшие с ним войска и продолжал движение через неприятельскую землю с пшехинским отрядом. 1 марта войска шли постоянным боем: правая цепь и кавалерия два раза должны были выбивать горцев из опушек. 12 марта предстояла переправа через Пшиш, против только что основанной Бжедуховской станицы. Абадзехи стеклись сюда во множестве, в надежде отплатить за вчерашнее поражение; они устроили сильный завал параллельно дамбе, по которой приходилось вытягиваться отряду. Завал был взят стремительным натиском, но жаркий бой продолжался в лесу во все время переправы. 3 марта, на походе из станицы Бжедуховской в станицу Пшехинскую, движение кончилось новой кавалерийской атакой, нанесшей опять чувствительную потерю неприятелю. С прибытием в Пшехинскую станицу войска находились уже на русской земле.

После этой кратковременной, хотя довольно кровопролитной экспедиции, особенно для горцев, несколько раз сильно пострадавших, отряды воротились на свои места.

В течение марта и апреля пшехинский отряд строил новые станицы на Пшише и в ущелье Пшехи и прокладывал между ними дороги. Даховский отряд в то же время проделал от Курджипса еще новую, верхнюю просеку к Пшехе и занялся постройкой станицы на верхнем течении последней реки. Круг действия двух отрядов так сблизился, что они могли войти в соприкосновение. Войсками за Лабой в это время командовал генерал Зотов[22]. Под его начальством пшехинский отряд двинулся от пределов своего района вверх по ущелью Пшехи, через места, еще принадлежавшие неприятелю. Жившие на берегах Пшехи горцы, ежедневно все более стесняемые, решились стать грудью, чтобы не допустить соединения двух отрядов. Они загромоздили ущелье сильными завалами,

не спасшими их, однако ж, от поражения. Пшехинский отряд прошел по их телам и соединился с даховским. Все течение Пшехи, кроме самых ее истоков, было в наших руках. В мае по берегу реки была готова кордонная линия, от расположения даховского отряда до низовьев.

Воротившись на место из кратковременного движения, пшехинский отряд продолжал постройку станиц вверх по Пшишу. Наконец, приступлено было к важной операции, долженствовавшей связать прямым путем военные линии этих двух рек и довершить ряд действий, продолжавшихся непрерывно с прошлой осени. Просека с дорогой проложена по течению речки Тух, притока Пшехи, до урочища Хадыжи на верхнем Пшише. Из Хадыжей отряд прошел с сильным боем вниз по реке и потом к станице Пшехинской. Наши линии обогнули обширный край от устья Пшиша до верхней Пшехи и оттуда через верховья Курджипса в Дахо. План действий, предположенный прошлой осенью, был в точности исполнен.

По проезде великого князя, главнокомандующего, адагумский отряд выгнал неприятельское население из лесных предгорий между Афипсом и Шебшем. Дороги вверх по Хаблю и Абину через горы разрабатывались усиленно, чтоб открыть к данному времени доступ на южный склон, к приморским шапсугам. В длинной полосе лесных предгорий от Абина до Шебша оставались только развалины деревень. С мая адагумский отряд, разделившись на колонны, заложил в этой земле от Адагума до Иля целый ряд станиц для будущего Абинского казачьего полка.

Лето воротилось, но не привело с собой возврата прошлогодних затруднений. Относительное положение наше и горских племен было уже совсем не то. Абадзехи, усиленные укрывшимися между ними мелкими племенами, стояли еще массой на северной стороне хребта и не показывали никакого расположения к уступкам, они энергически защищали каждую пядь земли; но положение их с каждым днем становилось затруднительнее. Сбитые кучей в тесном пространстве между верхней Пшехой и Шебшем, наполовину бездомные,

так как они сбежались сюда толпами изо всех концов своего обширного края, они были в этом последнем убежище осаждены с трех сторон русскими отрядами. Шапсуги, окончательно выбитые с равнины и из предгорий, частью укрывались в бесплодных горных ущельях, частью перевалили к одноплеменникам — загорным шапсугам; не имея средств основать вдруг новое хозяйство и потеряв старое, они сильно обременяли своих хозяев. Хотя операционная линия действующих отрядов со стороны Лабы стала вдвое длиннее, чем в прошлом году, и потому еще более обширное пространство в тылу было подвержено обходу приморских горцев, но все перевалы через хребет в этой тыльной полосе были в наших руках по малой Лабе, по Ходзу и по Белой. Главное же: между загорными населениями уже распространялось смущение. Видя постепенное, но неотразимое наступление русских колонн, приближавшееся понемногу к их пределам, они начинали бояться за себя. Убыхи и другие загорные не покинули общего дела; они храбро дрались в рядах абадзехов, но только об руку с ними, в их земле. Отдельные самостоятельные действия против нашего тыла, между рядами воздвигнутых с тех пор станиц и укреплений, уже не шли им на ум. Ничего похожего на события прошлого лета не повторилось.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Из последнего письма вы видели, как тревожные политические события 1863 г. удвоили деятельность Кавказской армии. С весны военные действия стали развиваться чрезвычайно быстро. Но материальных потребностей все-таки нельзя было обойти. С приближением лета надобно было отделить значительное число войск для покоса и для прикрытия переселенцев, из которых одни только что водворились, другие еще двигались. Наступление было приостановлено, но деятельность не ослабела, только приняла покуда другое направ-

ление. Громадность работ, совершенных в этот летний период, превосходит вероятие. Надобно было доделать столько дорог, достроить столько станиц и мостов, постоянно отражая неприятеля, подвезти в разные пункты столько материальных запасов по опасным дорогам, открытым одной вооруженной силе, что срок в 2,5 месяца мог быть достаточным лишь при усугубленной деятельности. Работы, совершенные в это лето, имели значительное влияние на дальнейший ход военных действий. С окончанием линий, станиц и кордонов по шапсугским предгорьям, по руслам Пшиша и Пшехи мы становились на твердом основании в глубине неприятельской земли и могли без риска идти до самого моря. В конце августа войска снова были готовы к действиям.

Для окончания войны на северной стороне гор надобно было исполнить два предприятия: подавить абадзехов, скопившихся между верхней Пшехой и притоками Шебша, и выгнать из лесных ущелий, по всей длине хребта, множество укрывшихся там горцев. Эти люди, разбежавшиеся тысячами по самым глухим местам после отступления масс, хотя не составляли сплошного неприязненного населения, но все-таки были так опасны, что край, их скрывавший, ни в каком случае мы не могли назвать покоренным. Исполнение двух этих предприятий требовало совсем противоположных средств. Для первого, имевшего серьезный военный характер, нужно было сосредоточенное действие масс; для второго — разделение войск на множество небольших летучих отрядов, которые обыскали бы поочередно все глухие долины горного лабиринта.

Окончательное покорение абадзехов было нелегко, могло стоить чрезвычайно много крови и, что было тогда особенно важно, много времени. Многочисленное абадзехское население сперлось в тесном относительно пространстве. Если бы для нас время было так дешево, как в бывалые годы, можно было бы попробовать покорить абадзехов голодом. Но как рассчитывать на время и заниматься долгой блокадой в 1863 г.? Не говорю уже о политических событиях этого года; но с тех пор, как Европа стала видимо принимать независимый Кавказ под

свое покровительство, мы должны были исключить время из своих соображений: тем более, что блокада была бы полумерой, когда абадзехи имели открытое сообщение с морем.

В прямой же борьбе удвоенная густота населения удваивала оборонительные средства. Покорение оставшейся за абадзехами страны открытой силой, при систематическом наступлении и необходимости раскрывать каждый лес, расчищать каждую долину и везде строить станицы, потребовало бы также достаточно времени, слишком для нас дорогого. Абадзехская война была решена внезапно и с незначительной потерей превосходным стратегическим маневром. Вместо того чтобы ломить абадзехов силой, их обошли и заперли, как в клетке.

Оставшаяся за абадзехами страна имела вид удлиненной трапеции, тянувшейся вдоль хребта; острые углы ее лежали: нижний — на водораздельном отроге между Псекупсом и Шепсом, верхний — на самом хребте у Гойтхского перевала, соответствующего истокам Пшиша. Северная, восточная и западная стороны трапеции были обложены нашими войсками. С южной стороны, образуемой хребтом, абадзехи соседили с приморскими шапсугами, которые падали уже и скоро совсем пали под нашими ударами. Главную и давнишнюю поддержку абадзехов составляли убыхи, земля которых также подходила клином к Гойтхскому перевалу, так что этот перевал составлял точку соприкосновения между двумя народами.

Абадзехи ждали наступления в сердце своей страны. Вместо того все наши силы были вдруг обращены против оконечности их земли в страну между Пшехой и Пшишем, в направлении к Гойтхскому перевалу. В конце августа даховский отряд сосредоточился между этими реками на ручье Шекадзе, пшехинский отряд — под укреплением Хадыжи на Пшише. Рекогносцировка к вершине Тхухи и собранные в этих местах сведения объяснили топографию верхней страны и Гойтхского перевала, до тех пор еще никем из наших невиданного. Район действий двух отрядов был обозначен течением Тхухи. Полковнику Гейману с даховским отрядом поручено очищение полосы между Пшехой и Пшишем, к югу этой речки; пшехин-

скому отряду, поступившему под команду полковника Граббе, — к северу. Действовали с возможной быстротой. К 1 октября верхнее междуречье было раскрыто по всем направлениям, и туземное население изгнано за Пшиш; остались, как везде, горные хутора в верховьях ущелий. Затем оба отряда, не теряя ни одного дня, сосредоточились в Хадыжах, где был устроен главный складочный пункт для задуманной операции. Удар должен был пасть немедленно.

Но враги наши еще не унывали; чем далее мы шли вперед, тем яростнее действовали покровители черкесов. Множество новых авантюристов наехало на восточный берег, где, не видя русских, они приобретали уверенность, что все успехи наши — басня и, к счастью, поддерживали это мнение в Европе. С ними прибыл горский выходец Измаил-паша и привез между другими пособиями четыре нарезных пушки. Убыхи писали к абадзехам в народном послании, чтоб они отнюдь не покорялись, держались бы до последней возможности, что скоро положение дел разом изменится. Подкрепляя слова делом, они послали на помощь к ним сильный сбор. Измаил-паша извещал абадзехов, что в подкрепление им собирается на берегу отряд французов и поляков с пушками, и также заклинал их держаться.

Тем временем соединенные отряды, пшехинский и даховский, быстро двинулись вверх по Пшишу к Гойтхскому перевалу, расчищая ущелье просекой. Убыхское скопище, шедшее в подмогу абадзехам по этой самой, единственной дороге, наткнувшись на отряды, поняло, куда мы протягиваем руку, и спешило укрепить Гойтхский перевал, но было предупреждено: быстро двинутая обходная колонна заняла перевал 9 октября. Вслед затем отряды сосредоточились на этом решительном пункте и сейчас же заложили там временное укрепление.

В это время адагумский отряд стоял уже за горами, посреди приморских шапсугов, опустошая их жилища; джубский отряд шел туда же через Шебшский перевал. Было ясно, что через месяц эта часть берега будет окончательно покорена. Абадзехи увидели себя окруженными с южной стороны

и, что хуже всего, отрезанными от убыхов. Все время войны они действовали заодно с убыхами; теперь они остались одни перед русскими. Кроме того, сообщение было им необходимо для подвоза продовольствия столпившемуся в кучу народу, хоть бы в самом ограниченном количестве. Как только мы овладели верхними землями между Пшишем и Пшехой, через которые сообщались оба народа, еще до занятия Гойтхского перевала, абадзехи поняли свою участь и смирились. В урочище Мельгашип, в присутствии графа Евдокимова, лично управлявшего всеми последними действиями, старшины их подписали присяжный лист на безусловную покорность. Абадзехам было предоставлено оставаться на занимаемых ими местах только до 1 февраля следующего года, а потом идти или на Прикубанскую плоскость, или в Турцию. Абадзехи сдались ровно через четыре года после договора, заключенного ими с генералом Филипсоном. Они выдержали два года самой упорной войны.

Гойтхский перевал был занят налетом; надо было укрепить его и связать с задними линиями удобной дорогой, огражденной кордоном. Исполнение этого труда в начале зимы на страшной высоте, под жестокими непогодами, заняло оба отряда в продолжение октября и ноября. Убыхи, однако ж, не хотели считать покорение абадзехов совершившимся фактом и надеялись, сбив нас с перевала, опять их возмутить. Сильное убыхское скопище, с отрядом европейских флибустьеров и нарезными пушками, расположилось около перевала у Чилипса и собиралось строить батареи. 8 ноября полковники Граббе и Гейман скрытно подступили к неприятельскому лагерю и рассеяли новых союзников; однако ж не успели захватить пушки, поспешно увезенные к берегу. Кроме этого дела, отряды беспрестанно отделяли от себя летучие колонны для истребления деревень в высоких горных долинах и лесных ущельях по притокам Пшиша и Пшехи. Хотя масса абадзехов покорилась, но часть населения, жившая под перевалами в самых глухих котловинах еще не просила мира, надеясь на крепость своей местности. К этим горцам из гор стекались все отчаянные люди и

все недовольные замирением. Как несколько раз было сказано, изгнание таких рассеянных хуторян представляло во всех районах чрезвычайные трудности. Для довершения этого дела весь пшехский отряд был направлен в конце ноября в верхний бассейн Пшиша и жег мелкие аулы, пока декабрьские метели, невообразимо страшные в горах, не заставили отвести его к Хадыжам. Даховский отряд один окончил Гойтхское укрепление и для той же цели сошел к верховьям Пшехи. Работы и поиски двух отрядов продолжались весь январь. Тем временем летучий отряд, составленный преимущественно из кабардинской милиции, обыскивал горы в давно занятом районе, между Белой и Пшехой, и даже там нашел много селений, забившихся между недоступными крутизнами.

В верховьях Пшехинского бассейна оставались еще два небольших общества, не изъявивших покорности и до тех пор совершенно неизвестных. Одно, тубинское, было разорено наполовину генералом Гейманом; сильные метели, захватившие отряд, не дали кончить предприятие. Другое, хакучинское, жившее в вековой неприязни с соседями, малочисленное, но занимавшее очень крепкую местность, было покуда обойдено. Ничтожное по значению покорение его отвлекло бы войска от серьезного неприятеля и потому было отложено до общего усмирения края.

Покуда громили абадзехов, два отряда, адагумский и джубский (сформированный в конце августа в укр. Григорьевском под начальством атамана Кубанского войска графа Эльстона-Сумарокова[23]), настойчиво продолжали действия против шапсугов. Проработав дорогу по Адырбею к Геленджику и очистив еще раз ущелья, лежащие в тылу вновь основанного Абинского казачьего полка, от разбежавшихся горцев, адагумский отряд двинулся, разрабатывая дорогу, к морскому берегу и в половине октября пришел в Пшаду, бывшее Новотроицкое укрепление. Мы снова стали занимать прежние береговые форты, но уже не прежним способом; где становилась теперь нога русского солдата, там земля делалась русской. Оставив на Пшаде часть войска в укрепленном ла-

гере, генерал Бабич двинулся параллельно берегу, по направлению к Джубе (бывшему укр. Тенгинскому), куда шел также джубский отряд, заранее названный этим именем по предназначенной ему цели; на пути адагумский отряд прокладывал дорогу и жег шапсугские аулы. В ноябре он разработал два перевала через горы, потом снова двинулся по морскому берегу далее к юго-западу, действуя в связи с джубским отрядом, и захватил устье реки Шапсуго. Во время всех этих действий отряд постоянно отделял летучие колонны, искрестившие всю сторону и разорившие множество аулов. По окончании последнего похода назначение адагумского отряда было исполнено; перед ним уже не было неприятеля, до района действий джубского отряда все было покорено. В начале декабря отряд был расформирован. Начальник его, старый воин генерал Бабич, командовавший войсками в этой части края все время, от первого перехода русских за Кубань в 1857 г. до последнего дня, имеет право назваться завоевателем шапсугов. Он умел делать много, сберегая силы солдат, и, по справедливости, заслужил хорошую славу в войсках.

Джубский отряд начал действия в последних числах августа. В продолжение полутора месяцев, до половины октября, он разработал дорогу вверх по Шебшу через перевал, выгнал население, занимавшее бассейн этой реки, и построил на берегу ее станицу. Осенью, когда внимание приморских шапсугов было обращено исключительно на адагумский отряд, временно командовавший джубским отрядом полковник (ныне генерал) Левашов сделал быстрый набег на Джубу и взял там у горцев пять орудий. К 1 ноября раскрытие и опустошение бассейна Шебша были кончены: по возвращении графа Сумарокова действия перенесены на южную сторону. Шапсуги, теснимые двумя отрядами, отодвигались все дальше в глубь страны, но нигде не могли найти убежища; наши колонны неотступно шли по их пятам. Они были доведены до крайности и начинали сдаваться целыми деревнями, и их немедленно отсылали, под прикрытием войск, для водворения на нижней Кубани. В половине ноября граф Сумароков

перенес действия в устье Шапсуго, взятое перед тем войсками адагумского отряда. Из этой позиции он разрабатывал дорогу назад, изгоняя туземное население отовсюду, куда проникали наши колонны. В декабре джубский отряд прошел, сжигая аулы, по верховьям речек, нижнее течение которых было уже в руках адагумского отряда; в то же время отряженные от него колонны очистили на северной плоскости левый берег Псекупса. Обширная страна от впадения Кубани в море до течения Псекупса и Шапсуго была в наших руках. Следуя правилу, принятому с самого начала войны, — упрочивать немедленно каждый шаг вперед, на окраине завоеванного пространства, по течению Псекупса и Шапсуго, от Кубани до моря, на протяжении с лишком полутораста верст, начато устройство новой кордонной линии. Предприятие это было исполнено в течение зимы частью войск джубского отряда.

Подходил срок выселения абадзехов. По условию, они могли оставаться на своих местах только до 1 февраля. С половины января граф Евдокимов двинул в их землю пшехинский отряд, раскрывший просеками несколько долин; жители не оказывали сопротивления. С наступлением срока абадзехам дана была семидневная отсрочка для сбора имущества: по прошествии этих семи дней они должны были двинуться массой, с семействами, или в отведенные им низовые земли, или к указанным портам Черного моря. Затем 8 февраля в абадзехские земли двинуты единовременно три отряда, с приказанием жечь аулы и гнать отсталых. Пшехинский отряд очистил страну между Пшишем и рекой Марте; джубский — от Марте до Псекупса; даховский — верховья Пшиша. Абадзехское племя разделилось почти на две равные части: одна часть потянулась к низовьям Белой для поселения; другая — к Тамани для отплытия морем в Турцию; несколько тысяч ушло к туркам через вольные горские земли. Не последовавшие за массой народа должны были подвергнуться участи военнопленных. Приблизительно число выселившихся и разбежавшихся абадзехов составляло около 70 тыс., то есть половину количества, которое считалось до

войны, хотя абадзехское население было усилено многими бежавшими к ним мелкими племенами.

С выходом абадзехов война на северной стороне гор могла считаться конченной. Вся страна от Кубани до хребта была покорена, часть берега до реки Шапсуго также была занята. Оставались независимыми часть загорных шапсугов, убыхи и абхазские племена, жившие на юг от них.

Последующие действия в предгорной стране имели характер, если можно так выразиться, чистой отделки работы, совершенной до тех пор вчерне. За выселением горских масс, все равно, отступали ли они перед нашими погромами или выходили по добровольному соглашению, всегда оставалось большое число людей, упорно укрывавшихся в трущобах. Для изгнания отставших абадзехов с верховьев Псекупса отделены были части войск от даховского и джубского отрядов, продолжавшие свои поиски до 1 марта. С этого времени страна между притоками Шебша и Пшиша, в которой укрывались абадзехи, была окончательно очищена: в нее можно было ввести русское население, как только оно прибудет в конце весны.

Но смести совершенно туземное население с гор было почти так же трудно, как осушить море. Чтобы достигнуть этой цели, нужна была необыкновенная настойчивость графа Евдокимова. Только что последние остатки абадзехов были изгнаны, новые толпы горцев стали возвращаться с берега, куда они ушли перед тем для отплытия в Турцию; зная коротко свою землю, они рассеялись в самых глухих местах, где всего труднее было их открыть. Снова нужно было разослать по всем горам летучие колонны, чтобы сгонять беглецов или к берегу, или в назначенные для поселения места. Поиски, с разными перерывами, продолжались до середины лета. Оказалось необходимым даже сформировать особый отряд в верховьях Псекупса, чтобы не допускать горских беглецов в эти скрытные места.

Пшехинский отряд долго был занят такими же поисками. В то время уже были открыты действия на южном склоне. Сначала пшехинский отряд действовал в связи с войсками,

перешедшими на южную сторону, и разорял аулы за хребтом в вершине реки Туапсе. Но как только стали протаивать горные дороги и остаткам черкесского населения в верховьях Пшехи, против которых действовал зимой генерал Гейман, открылся доступ на равнину, стало необходимым для безопасности наших поселений разорить вконец эти разбойничьи гнезда. В половине марта отряд генерала Граббе был отозван на северную сторону и в конце месяца двинут в бассейн верхней Пшехи, в котором действовал до половины апреля. Он докончил разорение тубинского общества, согнал с гор его жителей, также многих рассеянных хуторян и, обогнув с юга эту часть хребта, возвратился на север через Белореченский перевал. В течение остальной части весны пшехинский отряд разработал с верхнего Пшиша на Гойтх прочную дорогу, по которой установилось главное сообщение с приморскими отрядами; затем он был расформирован. Одни из составлявших его войск поступили на усиление прочих отрядов; другие были отданы в распоряжение атамана Кубанского войска, для возведения станиц в пустынной стране, оставленной абадзехами. С разделением пшехского отряда кончились действия на северной стороне.

Горцы потерпели страшное бедствие; в этом нечего запираться, потому что иначе и быть не могло. Они отказались от милостивых предложений, сделанных им лично государем императором, и гордо приняли вызов на войну. Никакие договоры с тех пор уже не были возможны, да и не с кем было их заключить при царившей у них безладице. Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только в открытом бою, но еще больше инерцией массы: они встречали наши удары с каким-то бесчувствием; как отдельный человек в поле не сдавался перед целым войском, но умирал, убивая, так и народ, после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах. Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа потому только, что горцы не хотели покоряться. Надобно было истребить горцев наполовину, чтоб заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия;

остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения — женщины и дети. Когда горцы столпились на берегу для отправления в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин. При наших погромах множество людей разбежалось по лесу в одиночку; другие забивались в такие места, где и нога человека прежде не бывала. Летучие отряды находили людей, совсем одичавших от долгого одиночества. Разумеется, такие особняки большей частью гибли; но что было делать? Позволяю себе повторить несколько слов графа Евдокимова по этому поводу. Он сказал мне раз: «Я писал графу Сумарокову, для чего он упоминает в каждом донесении о замерзших телах, покрывающих дороги? Разве великий князь и я этого не знаем? Но разве от кого-нибудь зависит отвратить это бедствие?»

С окончанием дела на северной стороне гор все действующие отряды должны были перейти на южную.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Покорение береговых горцев требовало особенных мер. В пятом письме я упоминал, что еще в первоначальном плане завоевания предполагалось к концу войны, когда Прикубанская страна будет усмирена, открыть наступление из Кутаисского генерал-губернаторства и поставить береговое население между двух огней. Главное кавказское начальство не упускало этой мысли из виду во все продолжение войны. В 1862 г., когда положение передовых линий в Кубанской области стало на некоторое время затруднительным, возникла мысль о немедленных, параллельных с северными, действиях в пределах Абхазии. Но затруднения скоро прошли, а достаточных наличных сил для южного отряда покуда еще неоткуда было взять; нельзя было ослабить действующие войска

на Кубани отозванием каких-либо частей. В 1863 г., по мере того как наши колонны теснили все более абадзехов и шапсугов, предположение одновременных действий с юга и севера явилось само собой; когда же абадзехи изъявили покорность, оно перешло в действительность. Начались приготовления к будущей весне. В то время нельзя было рассчитывать на скорое покорение приморских горцев с севера. Шапсугская война продолжалась с упорством и могла затянуться гораздо долее, чем это случилось. Все зависело от степени бодрости или уныния горцев — расчет шаткий! Убыхи не только не думали о покорности, но энергически поддерживали соседей и заклинали их не замиряться; земля их стала притоном внешних интриг. Туда стекались авантюристы, туда везли пушки, военные и всякие другие припасы. Трапезундский комитет и его несогласные покровители работали в это время с удвоенным рвением. Война с убыхами и другими загорными вовсе не была легким делом, даже после покорения северного края. Земля их всегда считалась самой неприступной на всем Кавказе. Глубокие ущелья, покрытые чрезвычайно роскошными, но потому и чрезвычайно непроходимыми лесами, круто спускаясь от вечных снегов к теплому морю, образуют неисходный лабиринт, в котором каждая пядь земли была природной крепостью. В этой исключительной местности жили исключительные народы, слывшие самыми воинственными по всему Кавказу. Число защитников было еще весьма достаточно для самой упорной обороны этих неприступных мест; толпы горцев, бежавших со всех окрестных земель, удвоили население береговой страны. Продолжительность борьбы зависела от состояния духа этих горцев, а покуда ничто еще не показывало его упадка. Естественно, также являлось сомнение в возможности продовольствовать через снежный хребет отряды, которым должно будет спуститься с гор в приморскую страну. Потому, как только внешние обстоятельства перестали грозить немедленной европейской войной, сильная экспедиция с юга, морем и сухим путем, стала очевидной необходимостью. Разумеется, ее можно было предпринять только весной.

К концу 1863 г. и в начале 1864 г., вследствие общего вооружения в империи, на Кавказе были сформированы три новых пехотных дивизии, усиливших большой массой войск силы Кубанского края. Можно было отозвать стрелковые батальоны, находившиеся там с 1859 г. Весной в Кутаисском генерал-губернаторстве были сосредоточены, кроме местных войск, 9 батальонов гренадерской дивизии. Запасы провианта были заготовлены на берегу, для немедленной перевозки морем, куда потребуется. Суда Черноморского флота и торговые пароходы должны были явиться по первому призыву. Великий князь, главнокомандующий, принимал личное начальство над войсками, назначенными для действий с южной стороны. При этих мерах можно было спокойно дождаться весны в уверенности, что, какое сопротивление ни оказал бы неприятель, какие ни возникли бы неожиданные затруднения и сколько усилий ни употребляли бы наши недруги, к лету 1864 г. весь Кавказ будет покорной русской областью.

План действий против убыхов и их соседей был задуман широко. Чтоб одновременным развитием сил подавить в самое непродолжительное время сопротивление этих воинственных народов, было предположено наступать на эту часть края концентрически пятью отрядами. Два первых должны были двинуться с юга: один — сухим путем от Гагр в верховья Бзыби, другой — морем и высадиться в одном из центральных пунктов убыхской земли. Трем отрядам назначено вступить в непокорную землю из Кубанской области: одному — из войск, действовавших в шапсугской земле, — по берегу; другому — с верховья Белой; третьему — с Малой Лабы. Предполагался еще шестой отряд с Большой Лабы, но в эту пору года Лабинский перевал оказался недоступным. Эти пять отрядов должны были обхватить неприятельскую землю кольцом и сойтись в середине.

В ожидании весны действия из Кубанской области продолжались своим порядком. Хотя кубанским войскам предстояло еще много материального труда — изгнать из лесов рассеянные остатки горцев, кончить дороги, построить не-

сколько десятков станиц, — но так как труд этот совершался с этой поры в мирном крае, то можно было сейчас же отделить часть войск для продолжения действий. Наступление с севера не прерывалось ни на один день. Во второй половине февраля, как только ушли абадзехи, отряды даховский и джубский, сосредоточенные, первый — на Гойтхском перевале, второй — в укреплении Григорьевском, были двинуты за горы. Они должны были действовать сосредоточенно от крайнего предела наших завоеваний к реке Туапсе и занять ее течение. Желательно было покончить с шапсугами до мая, чтобы потом обратить все силы разом на убыхов и джигетов; но нельзя было предписывать положительно такой цели. Дальнейшее наступление обоих отрядов, имевшее только местный характер, зависело от успеха предположенной операции на Туапсе.

Но тут с горцами случилось то же самое, что пятьдесят лет перед тем случилось с французами под Ватерлоо. Истощив всю энергию до остатка в отчаянной борьбе, они совершенно потеряли присутствие духа. В последние минуты, когда счастье обратилось против них, все разом пало ниц или бежало. Вот как это произошло.

Джубский отряд выступил из укрепления Григорьевского 19 февраля, перевалился через горы и шел вперед, расчищая дорогу и разоряя по сторонам аулы. К 4 марта он дошел до Тенгинского поста. В это время даховский отряд генерала Геймана, при котором находился лично граф Евдокимов, спустился 21 февраля с Гойтхского перевала на Чилипс, где в прошлом году было разбито убыхское скопище; он также раскрывал просекой дорогу и жег аулы. Спустившись на русло Туапсе, граф Евдокимов угадал по слабому сопротивлению неприятеля упадок его духа и, не обращая больше внимания на горы и леса, быстрым движением вперед, занял 28 февраля устье Туапсе, где стояло прежде Вельяминовское укрепление. Шапсугское население, жившее между Туапсе и Шапсуго, было отрезано этим движением; за Туапсе оставалась еще часть вольной шапсугской земли; но народ этот, истощенный продолжительной войной, не прерывавшейся с 1857 г., и страш-

ными потерями последней зимней кампании, видя внезапное появление русского войска в сердце последнего своего убежища, счел невозможным длить сопротивление. На другой день, после прибытия отряда к развалинам Вельяминовского укрепления, шапсугские старшины явились к графу Евдокимову, и весь берег от Шапсуго до реки Псезуапсе, составляющей границу между шапсугами и убыхами, покорился. Остаткам шапсугского народа приказано немедленно отправиться или к нижней Кубани для поселения, или к приморским пунктам для отплытия в Турцию. Джубский отряд, находившийся теперь посреди замиренной уже земли, был отослан назад и вслед за тем расформирован.

Оставались непокоренными одни убыхи и джигеты, и те ненадолго.

По отъезде графа Евдокимова генерал Гейман[24], оставшись с отрядом на берегу, занялся сначала обеспечением своих сообщений. Путь с Гойтхского перевала к устью Туапсе был только пройден, но не раскрыт; даховский отряд приступил к разработке этой дороги. Но скоро необходимость ускорить выселение покорившихся шапсугов, которые, как все горцы, как бы ни клялись в исполнении условий, но без понуждения открытой силой не двигались, заставила его выступить вперед, к Псезуапсе. К 18 марта даховский отряд заставил шапсугов подняться и идти куда им приказано. Не видя сопротивления от убыхов, хотя он стоял на пограничной черте, предприимчивый генерал Гейман перешел реку Псезуапсе и двинулся вперед берегом, а далее — по реке Шахе. Убыхи между тем давно уже готовились к сопротивлению; многочисленный сбор их занимал сильную позицию на речке Гадлик, вперерез пути нашего наступления. В первый же день движения, 18 марта, генерал Гейман открыл неприятеля, стремительно атаковал его тремя колоннами и разбил наголову. Преследуя бегущих по пятам, даховский отряд на другой день, 19-го, занял бывшее укрепление Головинское. 25-го наши войска стояли в Соче, бывшем укреплении Навагинском. К реке Дагомыс приехал в отряд Гаджи-Дагамук-Берзек,

о котором я упоминал, игравший некоторое время в наших глазах роль нового Шамиля. Убыхи, оставшись одни против русских и потерпев в первый же день войны на своей земле сильное поражение, потеряли последнюю надежду. Старшины их явились к генералу Гейману с изъявлением покорности. С замирением убыхов окружавшие их мелкие племена не могли больше сопротивляться.

Кавказ был завоеван, но оставалось еще выселить вновь сдавшиеся племена: операция, как вы видели, бывшая всегда гораздо затруднительнее самого покорения, особенно когда дело шло о людях, не испытавших еще бедствий войны, живших в неприступной местности, нетронутой покуда ни топором, ни лопатой, не знавших от века, что такое вторжение неприятеля. В таком положении были племена псхоу, ахчипсху, аибго, джигеты, да и самые убыхи, кроме прибрежных, по земле которых прошло наше войско. Довольствоваться покорностью этих племен, не трогая их с места, мы никак не могли. Три года мы ломили абадзехов для того только, чтобы добраться, наконец, до берега и очистить его от неприятеля. Горцы на берегу — это была новая Кавказская война в перспективе, при первом пушечном выстреле на Черном море. Но для того, чтобы выселить вновь покорившихся из их диких убежищ, надобно было стоять над ними с такой же силой, какая была бы потребна и без всяких предварительных условий замирения.

Великий князь, главнокомандующий, прибыл 2 апреля в Сочу. Его Высочество принял изъявление покорности от старшин убыхов и всех их соседей, но тем не менее приказал ускорить приготовления предположенной экспедиции пятью концентрическими отрядами во вновь покорившуюся землю.

Это решение было основано на самых серьезных причинах и впоследствии было вполне оправдано событиями. Убыхи и джигеты покорились не силе, а панике, — и не даховскому отряду, а тем шести отрядам, которые сломили абадзехов и шапсугов и заранее внесли ужас в их души, — также тем приготовлениям, которые делались для нападения на них с

юга, хорошо им известным. Но покуда масса войск стояла за горами, впечатление могло пройти, а силы даховского отряда были достаточны только для того, чтобы разбить скопище прибрежных горцев, если б оно напало на него, но ни в каком случае не для того, чтобы покорить и изгнать восставших убыхов, джигетов, ахчипсховцев и других. Для этого нужна была совсем иная пропорция войск. Попытки же сопротивления, при будущем выселении, можно было предвидеть наверное. Без достаточной силы мог произойти общий взрыв, последствия которого были бы очень опасны. Не надобно упускать из виду, что в это время берег Черного моря от Псезуапсе до Тамани был покрыт толпами горцев, ждавших судов для отправления в Турцию. Эти люди утратили почти все имущество, но каждый из них сохранил оружие и патроны, которые горец отдает только с жизнью. Под влиянием обуявшей их паники переселяющиеся горцы были покуда, как стадо баранов; но нельзя было шутить с искрой, которая могла бы вдруг поджечь эти толпы. В это самое время и долго еще потом, до совершенного очищения края, сильнейшая интрига извне была направлена против наших успехов на Кавказе. Хотя турецкое правительство официально согласилось принять кавказских эмигрантов и сделало все распоряжения для того, но главнокомандующему было известно, что наши благоприятели не отчаивались в своих умыслах и осаждали турецкое правительство убеждениями отказать горцам в убежище и этим отказом отбросить назад в горы стеснившееся на берегу население; их поддерживали сотни европейских авантюристов, улетевших с восточного берега в чем были, при стремительном нашествии генерала Геймана. Нельзя было ручаться за турецкую политику. А при таком обороте дела, когда происходили еще перестрелки с разбойниками в Кубанской области, вновь отхлынувшие от берега толпы горцев были бы в первое время большим затруднением. И если бы в это время, за неимением с нашей стороны достаточных сил, вдруг возгорелась война за Псезуапсе, она могла вновь разлиться по Кавказу. Играть в азартную, когда дело шло об увенчании шестидесятилетних

непомерных жертв и трудов, было более чем легкомысленно. Предположенное движение сосредоточенными силами должно было состояться, чтобы не подвергать риску в последнюю минуту всего свершенного дела.

Апрель прошел в приготовлениях. Северные отряды с киркой и лопатой прорывались из Кубанской области на южный склон через занесенные снегом перевалы. В Абхазии собирались и грузились суда. В это время даховский отряд работал дорогу вверх по Туапсе и на всякий случай устраивал кордонную Убыхскую линию от устья Дагомыса до истока Шахе.

Первый из назначенных к наступлению отрядов — псхувский, генерала Шатилова, двинулся из укрепления Гагры в начале апреля, сначала разрабатывая дорогу по морскому берегу к Адлеру, а потом — вверх по Бзыби к горному обществу псху. 29 апреля высадился в Адлере (бывшее укр. Св. Духа) кутаисский генерал-губернатор, князь Мирский, с отрядом, составленным из гренадерской дивизии; отрядные лошади были доставлены туда из Гагр по прибрежной дороге, разработанной генералом Шатиловым. Отряд занял позицию в урочище Акштырх посреди Адлера. Вновь прибывающие войска были распределяемы таким образом, чтобы твердо занять весь край и немедленно приступить к выселению горцев. Генерал Гейман был двинут с частью своих войск вверх по Соче, а потом к истокам Мзымты. В первых числах апреля хамышейский отряд, то есть правая колонна, направлявшийся на южный склон через перевал Белой, вошел в связь с даховским отрядом. Потом отряд генерала Граббе, средняя колонна, перевалился с Малой Лабы в Ахчипсоу. Великий князь, главнокомандующий, прибыл к войскам 6 апреля в гренадерский отряд (князя Мирского) на позицию Акштырх и на другой же день двинул авангард к урочищу Псага для разработки дороги по направлению к Ахчипсоу.

Между тем оказался вдруг тот именно поворот в мыслях вновь покорившихся, в предвидении которого великий князь решил не отменять предположенного сосредоточения войск.

Как только горцы увидели, что грозившее им выселение, на которое они легко согласились, пока дело состояло в словах, обращается в неизбежную действительность, они снова взялись за оружие. Скопище отчаянных людей из всех племен сбежалось в недоступную долину Аибго и с помощью коренных жителей этой горной страны, всегда слывших разбойниками, загромоздили горные тропинки завалами и преградами путь генералу Шатилову. Псхувский отряд, разобрав дорогу и оставив свои тяжести, шел по назначению в долину Аибго и вдруг был неожиданно остановлен этим препятствием. Неоднократные попытки взять завалы силой не удались по причине чрезвычайно крепкой местности. Отряд понес чувствительную потерю и в продолжение 4 дней, от 7 до 11 мая, не мог сделать шагу вперед. Если бы прибрежный край не был уже занят несколькими отрядами, это сопротивление и успех мятежников неизменно произвели бы общий взрыв со всеми его последствиями. На Кавказе всегда было достаточно малейшего благоприятного случая, чтобы сейчас поднять дух горцев. При силах, занимавших край в начале мая, мимолетная неудача ничего не значила. Население везде было сдержано. 9 мая Его Высочество двинул в обход Аибго отряд под начальством генерала Батизатула. После слабого сопротивления обойденные горцы бросили завалы и долина Аибго была занята. Наши колонны заставили везде туземное население бросить свои жилища и идти к морю, где ему предстоял путь или в Турцию, или в отведенные для поселений места.

16 мая великий князь двинулся с отрядом на позицию Псага по разработанной авангардом дороге. Надобно было раскрыть еще путь в Ахчипсоу. 20 мая Его Высочество вступил в землю этого общества, где были сосредоточены, кроме гренадерского, отряды: псхувский, ахчипсовский и даховский. 21-го выстроились на единственной поляне, находящейся в Ахчипсоу, 23 батальона, 10 орудий, 6 казачьих сотен и 6 сотен милиции. Перед войсками, в присутствии великого князя, было отслужено благодарственное молебствие Богу, даровавшему нам великую победу.

Его Высочество донес из Ахчипсоу о совершившемся событии государю императору следующей телеграфической депешей:

21 мая, Ахчипсоу.

Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны. Отныне не остается более ни одного непокоренного племени. Вчера сосредоточились здесь отряды князя Мирского, генерал-майора Шатилова, генерал-майора Геймана и генерал-майора Граббе. Сегодня отслужено благодарственное молебствие в присутствии всех отрядов. Войска в блестящем виде и совсем не болеют. За все время последних движений потеря не превышает ста человек.

МИХАИЛ.

Эта депеша была последней военной реляцией из бесконечного ряда кавказских военных реляций.

Действия порохом и железом кончились. Но нельзя было отдыхать на лаврах, покуда вооруженные горские населения толпились на берегу, ожидая отправления.

Переселение кавказских племен в Турцию, о котором так много и так бестолково шумели в Европе, не было делом нашей воли; оно произошло помимо нас. Правительство имело одну цель в западнокавказской войне: сдвинуть горцев с восточного берега Черного моря и заселить его русскими; эта мера была совершенно необходима для безопасности наших владений. Затем не было никакой надобности гнать горцев в Турцию. У нас было довольно места для них, во-первых, в миллионе десятин по левому берегу Кубани, отведенных исключительно для этого назначения; во-вторых, в 300 тыс. десятин хороших земель, оставшихся в Пятигорском уезде за выселением части кочевых ногайцев в Турцию еще в 1860 г.; в-третьих, в казачьих землях, покинутых населением, передвинутым на передовые линии. Все количество земель, которым правительство располагало по соседству для помещения горцев, можно считать в 1,5 млн десятин. Масса ушедших в Турцию горцев в

1863 и 1864 гг. не превышает 250 тыс. обоего пола; поселилось в наших владениях около 70 тыс. Вот все количество непокорных горцев, уцелевших от войны. Стало быть, на 160 тыс. душ мужского пола приходилось свободных земель около 10 десятин на душу, пропорция весьма достаточная. Поселенные на равнинах, окруженные со всех сторон станицами, вышедшие горцы ни в каком отношении не могли быть опасными. Разразившийся над ними погром сломил их нравственно до такой степени, что теперь горца нельзя узнать по наружности; у него совсем другая осанка. Для безопасности будущего необходимо было соблюсти при поселении покорившихся только одно условие: чтобы нигде они не примыкали к морю, чтобы, по крайней мере, несколько десятков верст отделяли их от берега. Поэтому натухайцев было действительно опасно оставлять на отведенных им первоначально местах, по самой нижней Кубани; и несмотря на то, их оставляли, чтобы не нарушить данного слова. Прочие были достаточно удалены от моря. Следовательно, не было никакой причины опасаться и вынуждать горцев к выселению за пределы государства.

Но не было также причины удерживать их против воли. Кавказская война затянулась бы, вероятно, на лишний год, если бы главнокомандующий не согласился отпускать в Турцию желающих. Надобно помнить, что черкесы и абазинцы были, в полном смысле слова, варварами, со всеми хорошими, но и со всеми ребяческими сторонами варварской природы. Из всех народов земли они знали положительно только нас и турок — нас как врагов и гяуров, турок — как друзей и святой народ[25]. Когда враги победили, у них, естественно, явилось желание искать убежища у друзей; тем больше, что в своей родине они покидали только камни, так как имущество почти у всех было истреблено войной. Горцы упорно защищали свою землю, но если б мы хотели непременно простереть завоевание не только на землю, но и на личность их, сопротивление было бы еще вдвое упорнее. Покоряясь, горцы всегда ставили первым условием свободный выход всем желающим в Турцию. Читатели помнят, вероятно, содержание последнего договора с

абадзехами. Земля закубанцев была нужна государству, в них самих не было никакой надобности. В отношении производства народного богатства, — десять русских крестьян производят больше, чем сто горцев; гораздо было выгоднее заселить прикубанские земли своими. Очевидно, не из чего было лить русскую кровь для того, чтобы насильно удерживать в пределах государства варваров, не хотевших быть его подданными.

Первое выселение горцев с Кавказа началось еще вслед за падением Шамиля. Этот факт ясно показывал, что многие кавказские мусульмане сносили русскую власть только в надежде, что единоверные братья скоро избавят их от гнета; когда же увидели конец своей надежде, решились бросить родную землю, навеки порабощенную неверными. Большая часть выходцев принадлежала к кочевым татарам ставропольских степей и мирным обществам Закубанского края. Кавказское начальство не только не поощряло выселения, но даже противодействовало ему в законной мере; однако ж не взяло на себя, и весьма основательно, вовсе запретить выход в Турцию, чтобы не быть потом вынужденным ежечасно надзирать за людьми, открыто выказавшими свою враждебность. С тех пор выселение каждый год повторялось понемногу. В 1859 и 1860 гг. ушла большая часть абазинцев, живших в горной полосе между Кубанью и Урупом. В 1861 г. пошли в Турцию всем племенем бесленеевцы и некоторые мелкие общества. В следующем году выселения не было; горцы надеялись отстоять свою родину. Но как только они стали слабеть в борьбе, выселение сейчас же приняло большие размеры. К 1 декабря 1863 г. в Трапезунде было уже до 4 тыс. горцев, к концу февраля прибыло их в Турцию до 20 тыс., к половине марта — свыше 40 тыс. Переселение это происходило помимо нас, с вольных берегов, на контрабандных турецких кочермах, приезжавших за горцами десятками. Очень естественно, что переезд сопровождался бесчисленными бесчеловечиями и страданиями. Турецкие судохозяева привыкли плавать к восточному берегу почти исключительно для торговли рабами; они внесли тот же дух и в перевозку свободных людей. За неимением денег или

вещей расплата происходила женщинами и детьми. Для черкешенок это было, впрочем, все равно, потому что в каком бы качестве они ни достигали турецкого берега, их потом все-таки гуртами отправляли на базар.

По мере того как русские войска подвигались вдоль берега, переселение принимало совсем иной вид. Еще за два года перед тем граф Евдокимов, предвидя в конце войны большую эмиграцию горцев, ходатайствовал перед правительством о средствах перевезти их массами в Турцию. Положительного распоряжения на этот счет тогда еще не было сделано. Но великий князь Михаил Николаевич, как только представился этот вопрос, разрешил зафрахтование нужного числа пароходов и парусных судов. С открытием судоходства в 1864 г. были учреждены три комиссии для отправления переселяющихся горцев: в Тамани, Новороссийске и Туапсе. Турецкое правительство, со своей стороны, прислало за горцами несколько обезоруженных военных пароходов. Дело приняло правильный вид. Неимущих горцев приказано было перевозить на казенный счет; имеющим средство заплатить за переезд было выдаваемо казенное пособие по 1 руб. серебром, считая в том числе и детей, кроме грудных. Вольные судохозяева не имели права требовать с горцев платы выше условия, на пароходах 3 руб. серебром, на судах парусных 1 руб. 75 коп., так что даже состоятельным горцам приходилось доплачивать в первом случае только 2 руб., во втором — 75 коп., кроме того, грузовые компанейские пароходы, нанятые правительством, перевозили горцев бесплатно. Кроме комиссий, за безобидной отправкой горцев смотрели командированные для того адъютанты Его Высочества; назначены были особые морские офицеры для наблюдения, чтобы пассажиров не грузили слишком тесно. Для беднейших горцев открыта была дача казенного провианта; для больных учреждены лазареты с содержанием на счет казны. Совсем другого рода сцены происходили на противоположном берегу. Хотя турецкое правительство не жалело пособий, но там они расходились по рукам, и горцы бедствовали, вымирали наполовину в несколько недель. Заграничные газе-

ты, разумеется, сваливали на нас все бедствия горцев, которых корреспонденты их видели уже на турецком берегу.

Вслед за вновь покорившимися горцами потянулось в Турцию довольно значительное число других, живших уже некоторое время под русской властью. Одних побуждал фанатизм, другие не хотели отстать от родственников, третьи шли, потому что мир идет; все ждали щедрых и богатых милостей от хункяра (султана), который представляется им идеалом всемогущества и неисчерпаемого богатства. Что бы ни говорили выходящим, у них был один ответ: «Нам хорошо у вас, но мы хотим положить свои кости на Святой земле». Таким образом вышли в Турцию все натухайцы и шапсуги. Их не удерживали, потому что не к чему было удерживать, как я старался объяснить выше.

Эмиграция горцев в 1864 г. представляет следующие итоги:

До половины марта с вольных берегов вышло.....60 000
С тех пор переехавших на кочермах вне нашего надзора можно считать.....15 000
Через Тамань вышло.....27 000
Через Новороссийск вышло до 1 июня.....63 000
После 1 июня.....25 000
Через Туапсе.....21 000

Всего с лишком 211 000[26]

Переселение горцев в Турцию нисколько не усилило турок. Правительство султана воспользовалось, однако ж, переселением черкесского племени наилучшим для себя образом. Вместо того чтобы дать ему расплыться в массе малоазийской татарщины, как хотели сами черкесы, оно целиком перевезло его в Европу и подкрепило им мусульманский элемент в христианских областях. От русского правительства не зависело помешать турецкому распоряжаться, как оно хотело, новыми подданными, хотя такой оборот дела, конечно, не был нам выгоден. Но и турки далеко не извлекут из этого подкрепления той пользы, которой они пожелают. Черкесы, пожившие в Турции,

бросаются на шею человеку, на котором они узнают русский мундир. Русские нещадно покорили их, но всегда обращались с ними как с людьми; они хорошо это понимают. Притом довольно посмотреть на донесения консулов, чтобы знать, как тают черкесы в Турции; их выбыло уже наполовину, между ними нет больше женщин, а новых женщин в Турции можно достать только за деньги. Турецкие черкесы просуществуют лишь в одном поколении, а на это поколение в случае войны, и взявшись за дело как следует, мы можем рассчитывать едва ли не больше, чем турки. Говоря фигурно, турки, принимая к себе черкесов, нашили только на прореху гнилого платья гнилую заплату.

В Кубанской области поселилось вновь до 70 тыс. покорившихся горцев; с прежними мирными горское население этой области составляет 130 тыс. После новой эмиграции число это не превышает 80 тыс. Туземцы, успевшие сделаться оседлыми, находятся в очень хорошем положении. Над ними учреждено разумное управление, как вообще все военно-туземные управления на Кавказе.

В течение первой половины лета 1864 г. восточный берег Черного моря представлял необычайное зрелище. До тех пор не было в свете берега, пустыннее Кавказского. Населенный разбойниками, торговавшими только рабами, содержимый в постоянной блокаде нашими крейсерами, он казался с моря необитаемой землей. Ни хижины, ни дымка на зеленом берегу; ни одного челнока в голубых заливах. Только под ночь, когда разыгрывалась буря или начинал стлаться туман, можно было иногда заметить на темном море очерк крадущейся под берегом кочермы. Если она шла к земле, на ней была военная контрабанда; если от земли, на ней были рабы. Никакое судно, занимающееся правильной торговлей, не смело приставать к этому краю. На море его встречали пушки наших крейсеров; на суше — винтовки и кинжалы горцев. Это был заколдованный берег, как в сказке, на который не дозволено ступать человеку. И вдруг все переменилось. Весь берег унизался судами и покрылся народом. На каждой версте из 400 верст его протяжения белели большие и малые паруса, подымались мачты, дымились

трубы пароходов; на каждом мыску развевались флаги наших пикетов; в каждой балке толпился народ и стоял базар. Глядя с моря, никогда никакой берег Англии или Голландии не представлял такой суматохи, такой жизни. Правда, то были похороны исчезавшего народа: движение редело по мере того, как пустел берег. Но он пустел ненадолго. На покинутых пепелищах осужденного черкесского племени стало великое племя русское, в одно лето вдоль моря выросло 12 станиц. И главное: восточный берег с его великолепной красотой составляет теперь часть России. Очарование снято с него. Береговая полоса ожидает теперь, как неразработанный рудник, только людей, которые воспользовались бы ее природными богатствами. Нечего жалеть, что она пуста покуда. Вырваны плевела, взойдет пшеница.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

В 1864 г. Западный Кавказ впервые заселялся уже не силой. Страна эта, стоявшая в течение тысячелетий неприступной крепостью, громадным разбойничьим притоном, к которому ни один завоеватель не подступал безнаказанно, обратилась разом, как по мановению волшебного жезла, в необитаемую землю, принадлежащую по праву каждому трудолюбивому русскому человеку. С началом военного заселения Закубанского края число охотников всегда превышало положенную норму. Никому не отказывали, принимали каждого, кто записывался охотником в своей губернии или сам добирался до Кубани, откладывая в сторону, по возможности, всякие формальности. Русское население в Закубанском крае стало расширяться необыкновенно быстро; через это и завоевание пошло скорее. Обеспечив свой тыл рядом станиц, можно было смело подвигаться вперед. Вместо предназначенных, примерно, высочайшим Положением 1862 г. шести лет завоевание совершено в 3,5 года. Теперь государство может свободно располагать стотысячным войском, до сих пор неподвижно прикованным к Западному

Кавказу и как бы не существовавшим в политическом итоге сил империи. Целая местная армия не составляет уже мертвого капитала, не обременяет русских финансов неизбежной жертвой. Кубанское казачье войско не только достаточно для обороны завоеванного края, оно может действовать вне своих пределов и составляет источник новой силы для империи. Сокращение войны двумя с половиной годами избавило Государственную казну от необходимости содержать лишнее время за Кубанью стотысячное войско и само по себе составляет экономию, которую нельзя считать ниже 25 млн.

С 1861 г. население, можно сказать, лилось в этот край; но хотя казачий поземельный надел очень велик, хотя под станицы выбирались преимущественно самые выгодные в хозяйственном отношении места и много пространств, между ними лежащих, осталось впусте, тем не менее новые переселенцы и до сих пор не успели наполнить эту страну до ее последних пределов. Вновь завоеванный край равняется обширностью Волынской губернии. Если исключить самые высокие горные места, неудобные для жизни человека, то количество хозяйственных угодий не уступает обширностью Киевской губернии. При несравненном плодородии почвы, почти везде еще девственной, при чрезвычайном обилии и разнообразии природных богатств, при самом выгодном географическом положении, между большой судоходной рекой и берегом никогда не замерзающего моря, Закубанский край может со временем вместить двойное население против Киевской губернии. Нет сомнения, что вновь покоренная область есть богатейшая природными дарами не только из всех русских, но из всех кавказских областей. Нынешнее население ее — только авангард населения будущего.

К весне 1864 г. большая часть земель северного склона была уже обстроена заселенными станицами; они протянулись в несколько рядов вдоль предгорий; между хребтом и линией, проведенной параллельно Кубани, в 25—30 верстах от ее берега. Низовое пространство между Кубанью и этой линией, предназначенное для горцев, осталось наполовину пустым по-

сле выхода стольких племен в Турцию; теперь оно составляет обширный запас хозяйственных земель в распоряжении правительства. Весной станицы лежали непрерывной цепью от Лабы до Пшиша и от моря до Шебша; но в середине они разрывались пустым пространством между Шебшем и Пшишем, откуда только что были сдвинуты последние абадзехи. В 1864 г. предстояло заселить этот промежуток и вновь завоеванный морской берег. Количество переселенцев, определенное по предварительному расчету на этот год, было далеко недостаточно для занятия всей покинутой горцами земли. Нельзя было внезапно увеличить его размеры; передвижение колонистов массами составляет дело чрезвычайно сложное, требующее целого ряда приготовительных мер. Поэтому ограничились покуда заселением промежутка, разрывавшего наши линии и части берега от Новороссийска до Туапсе.

Неприятеля уже не существовало, переселенцы шли в мирную землю; вследствие этого была изменена самая система поселения. Жители группировались исключительно по соображению хозяйственных удобств. Устройство больших станиц в виде крепостей, обнесенных валами и оборонительными плетнями, обставленных пушками, как их строили до сих пор, было оставлено; вновь прибывшие казаки распределены обыкновенными поселками, без всяких укреплений. В нагорной полосе, посреди ущелий, заросших непроницаемым лесом, удобные для первоначального хозяйства земли не лежат сплошными массами: надобно было пользоваться разбросанными участками, расчищенными для хозяйства прежними жителями: а потому расселение хуторами было в этой полосе наивыгоднейшим. Во время войны устройство отдельных хуторов считалось невозможным; но безопасность водворилась очень кстати, именно к тому времени, когда пришлось заселять нагорные земли. С концом весны можно было употребить все наличные силы исключительно на работы, не отделяя половины людей в прикрытие рабочих. Как только настало затишье, неутомимые кубанские войска связали главные военные пути поперечными дорогами и заселили пустынный край необыкновенно скоро.

К середине лета западные и восточные линии станиц, разрывавшиеся посередине, тянулись уже непрерывными рядами. Колонны, переходившие в конце весны за горы, видели между Шебшем и Пшишем безлюдную пустыню, населенную только лесными зверями; возвращаясь через несколько недель назад, с первым шагом на северный склон, они вступали в русскую область, шли населенными деревнями, на каждом перекрестке встречали земляков. Даже привычный человек, видавший, с каким волшебством в последнее время враждебный Кавказ обращался в Россию, останавливался с изумлением перед таким сказочным превращением и едва верил своим глазам.

Поселенцам 1864 г. выпала особенно счастливая доля: они пришли на готовое хозяйство. Перелом войны совершился так скоро, что горцы, не думавшие о покорности осенью, обработавшие в то время свои поля по обычному порядку, исчезли внезапно весной; все посевы их остались в наследство русским поселенцам, которые с первого же года могли жить, не сеяв.

В пустынной земле, покинутой абадзехами, было воздвигнуто и населено 40 станиц; вдоль морского берега от Геленджика до Туапсе — 12.

Во время командования армией великого князя Михаила Николаевича было устроено:

в 1863 г. 24 станицы с 3867 семействами;
в 1864 г. 52 станицы с 4374 семействами.

Всего: 76 станиц с 8241 семейством.

С поселением 1862 и 1861 гг., от начала систематической войны, эта цифра составляет 111 станиц с 14233 семействами.

Численность населения, привлеченного в эти четыре года во вновь завоеванный край, считается 85 тыс. душ. Оно сформировано покуда в 9 конных полков.

Население всего Закубанского края со станицами, основанными с 1840 по 1861 г., и с остатками туземцев простирается до 220 тыс. душ обоего пола: русских 150 тыс. и туземцев

60 тыс. Последняя эмиграция уменьшила это число до 240 тыс., а общий итог населения — до 530 тыс.

Закубанский край составляет только часть страны, принадлежащей многочисленному Кубанскому войску, раскинувшемуся от реки ее близ устьев Дона до Абхазии и от Керченского пролива до Кумы. Все войсковое население составляет теперь около 440 тыс. душ обоего пола; а с разбросанными в промежутках станиц обрывками черкесских племен — до 520 тыс.

Окончательное устройство Кубанского войска еще не решено правительством. Но так как важнейшие вопросы относительно основания этого устройства уже обсуждены в подробности, так как разрешение их вытекает не из теорий, но из близкого знакомства с действительностью, из неизменных топографических условий и хорошо известного быта казачьих населений, то надобно думать, что в главных чертах оно будет осуществлено. Поэтому я считаю возможным сказать теперь же несколько слов о положении, которое Кубанское войско должно, как войско, занять в ряду русских военных сил и, как край, в ряду русских областей[27].

Многие у нас смотрят с предубеждением на существование военных особенных областей, каковы все казачьи войска. Они видят в них в юридическом отношении: государства в государстве — нарушающие равноправность целого; в экономическом — отвлечение большого числа рук от производительного труда. Но такой взгляд, основанный на общих началах права и политической экономии, грешит, как всякое теоретическое заключение, своей отвлеченностью тем, что упускает из виду местные и временные условия, дающие совсем иную постановку вопроса. Казачество есть явление чисто русское, оно составляет одну из образовательных сил нашей истории не только в прошедшем, но в настоящем и даже в будущем. Казачество нарушает равноправность и уменьшает производительность страны, это верно; но когда человек что-нибудь покупает, он жертвует и не жалеет о жертве, если покупка ее стоит жертвы; что дал и что получил взамен, — в этом вся речь, Россия при своих беспредельных окраинах не может обойтись без казаков;

а так как русский человек складывается в казака сам собой, то естественное разрастание казачьих войск на далеких пределах есть одна из величайших внутренних сил русского народа. Постепенный ход истории нисколько не изменил этого отношения. Пятнадцатое столетие стоит в полном характере своем на нынешних русских окраинах, оно убегает из глаз центральных населений государства не исторически, но только географически. Казачье хозяйство, требующее большого приволья, не извлекает из земли всего, что она может дать; но зато на пространстве десятитысячеверстного русско-азийского рубежа одно казачество обращает в населенные и русские земли такие, которые без него были бы дикой пустыней или враждебным разбойничьим притоном. Нечего опасаться слишком большого распространения казачьих войск. Казаки — это береговой прибой русского народа, размывающий понемногу его пределы; когда берег отодвинулся, на том месте, где кипел прибой, стоит гладкое море; когда казачьи населения остаются далеко в тылу передовых линий, они естественно сливаются с массой народа. Недавний пример — Малороссия. Таким образом всегда разливалась русская народная волна. От Петра до вступления на престол императора Николая Павловича казачество было сдерживаемо. Последствием вышло то, что во второй половине XIX в. приходится совершать вещи, которые совершились бы сами собой и теми же средствами в XVIII в. Доказательств много перед глазами, от устья Кубани до устья Амура. Не говоря уже о естественном разрастании русского племени, в голове которого идут казаки, естественном потому, что оно разливается, как вода, в ту сторону, где препятствие слабее напора; но даже при status quo охранение наших окраин без казаков совершенно невозможно. Казаки защищают пределы не только действующими полками, стоящими казне третью часть против регулярных, и число которых может быть внезапно удвоено и утроено, но еще более массой вооруженного населения. На полевой ли работе, дома ли, все население всегда стоит на часах у опасной границы. Если бы захотели заменить ее действительную силу соответственной силой регулярной

кавалерии, то государственные финансы рухнули бы под несоразмерной тяжестью. Отвлечение рук от труда было бы еще гораздо большее: казаки на данном пространстве производят не столько, как свободное население, но войско ничего не производит. Наконец, как боевая сила в итоге государственных сил казачьи войска имеют великую для нас важность. Здесь не место развивать эту мысль в ее специально военном значении; но не могу не выразить, хоть мимоходом, твердого моего убеждения. Такие казаки, как линейские, покуда в них сохраняется характер, воспитанный Кавказской войной (а видовой характер казачьих полков есть дело вековое), введенные большим числом в европейскую кампанию, могут внести в войну новый элемент и доставить нам во многих случаях чрезвычайные преимущества над неприятелем. Хотя казаки всегда сопровождали русские армии, но употреблялись почти исключительно для охранной аванпостной службы; притом те казаки были иного свойства и не с таким вооружением[28]: я убежден и знаю многих опытных военных людей, разделяющих это мнение, что казачья сила как военный элемент у нас далеко еще не вполне оценена и приложена к делу.

С другой стороны, казак гордится своим званием и не хочет быть ничем другим, кроме казака. Предания и родовые обычаи в казачьих населениях гораздо сильнее, чем в остальном русском народе. Мне случалось видеть, как вздорный слух, пущенный между казаками об обращении в податное сословие, выводил их из себя. Они в этом случае стояли не за интерес, потому что повинность крестьянина гораздо легче казачьей, а за свою родовую гордость. Казаки необходимы, казаки удовлетворены своим званием и гордятся им. Довольно подобных причин, чтоб оценить как следует эту типическую особенность русской жизни, хоть бы она не подходила под мерку теорий равноправности и выгоднейшего труда.

Закубанский край не мог быть обращен в русскую область иначе, как под видом казачьего войска. Одно только казачье население жило на его пределах, одно это население можно было двинуть вперед для занятия неприятельской страны; только

боевые люди могли селиться перед лицом многочисленных и отважных врагов. Посторонняя примесь была необходима для численности, и ею смело наполняли казачьи кадры, зная по опыту, как легко русские люди, при хорошей обстановке, становятся удалыми наездниками. Но основным элементом заселения могли быть только казаки; по самой сущности дела Закубанский край мог перейти из рук враждебных горцев лишь в руки казаков. С давних пор каждый главнокомандующий говорил линейцам, объезжая передовые края: «Завоюйте, ребятушки, неприятельскую землю, — что возьмете, все будет ваше». Одни казаки, конечно, не завоевали бы неприступного Кавказа, которого ни Чингисхан, ни Тамерлан, ни Солиман Великолепный не могли одолеть, но без казаков Кавказ также нельзя было завоевать.

Военное заселение Закубанского края было не только потребностью минуты, но необходимым условием будущего, для того чтобы прочно оградить весь Кавказский перешеек со стороны Черного моря. Восточная война чрезвычайно полно выяснила все основания нашего военного положения на Кавказе, не только вследствие того, что действительно случилось, но еще более вследствие того, что могло случиться, чего каждый день опасались. Тогда узнали всю огромность стратегического значения западной группы гор. Пока она принадлежала врагам и разъединяла наши силы по обеим сторонам хребта, сообщения Закавказья с Россией в случае внешней войны были подвержены всегдашней опасности. Прикрывая свой фланг горами, неприятель мог всякий день предпринять наступление с Черного моря по южной или северной окраине их, в бассейне Кубани или Риони; первое удачное дело в одном из этих бассейнов выводило его в тыл наш, в середину мелких отрядов, разъединенных по необходимости горской войной, сосредоточить которые не было никакой возможности. Одно появление неприятеля в том или другом бассейне парализовало наши войска в азиатской Турции; а сколько-нибудь серьезная неудача заставила бы немедленно отозвать их. Князь Барятинский нашел выход из этого опасного положения перенесением

военного основания закавказских войск с Военно-Грузинской дороги на недоступное неприятелю Каспийское море, связанное Волгой с центрами государства; преимущественно в этих видах он так много заботился о развитии Каспийского пароходства, об учреждении складочных пунктов для Кавказской армии на Каспийском берегу. Покуда западные горы не были завоеваны, опасность можно было предупредить только изменением военного основания; с завоеванием же их стало возможным отстранить ее вовсе, но для этого надобно было занять Западный Кавказ так твердо, чтоб он остался в русских руках такой же твердыней против внешнего врага, какой был он против нас в руках черкесов, и для того вверить оборону его людям, которые могут постоять за себя, не нуждаясь в прикрытии регулярных войск. Теперь, когда закубанские и прибрежные долины заняты линейцами, бассейны Кубани и Риони недоступны неприятелю; он не может ступить шагу вверх по этим рекам, не открывая нам своего тыла. Пойдет ли он по Кубани, воинственное заречное население отрезывает его от моря; пойдет ли он по Риони, полки, переброшенные через горы, сейчас станут в его тылу. Мы не будем вынуждены, в случае войны, раздроблять войска. Казаки продержатся в горах, конечно, не хуже черкесов; регулярные войска будут иметь возможность маневрировать из этой крепости в каком угодно направлении, не оглядываясь назад; небольшой отряд, поддержанный казачьим населением, будет в состоянии оградить Кавказский перешеек от всякого покушения со стороны Черного моря. С заселением черкесских гор казаками внешнему неприятелю нет больше ходу на Кавказ с моря.

Вопрос «Каким населением занять Закубанский край?» не мог быть и поставлен; он был решен необходимостью. Но в то же время великолепие природы, неисчерпаемые естественные богатства вновь завоеванной области, первой без сравнения в ряду русских областей, заставляли желать оградить ее будущее развитие всеми мерами, какие только можно было принять, не противореча главной цели. Великий князь, главнокомандующий, старался согласить, по возможности, оба эти

условия. Основанием Положения о Кубанском войске послужило в главных чертах нынешнее устройство войска линейского, но оно развито сообразно с духом вновь возникающих земских учреждений, избавлено от регламентации, наложенной на быт казаков истекшим историческим периодом, соглашено, сколько возможно, с выгоднейшими экономическими условиями. Новый быт казаков будет ближе к их коренному, древнему быту, чем в непосредственно предшествовавшем времени; им можно будет сказать во всеподданнейшем адресе, как сказали московские старообрядцы: «В новизнах Твоего царствования нам старина наша слышится».

В Положении необходимо было воспроизвести в главных чертах видовой быт линейского войска, так как линейцы составляют основу войска Кубанского; кроме того, быт их представляет и в военном отношении самые выгодные условия. Не только в характере, но и во внешнем устройстве наших казачьих войск существует большая разница. У линейцев нет особенного высшего класса, выделяющегося из народа. В линейском войске общая связь выражается только в администрации, но не в народной жизни; на деле каждый отдельный полк или бригада составляет особенное общество, имеющее, по большей части, значительные видовые оттенки. Действующий линейский полк не состоит, как Донской или Уральский, из случайно соединенных между собой людей, собранных с целого округа, переменяющихся каждый срок, не имеющих вне службы никакой связи ни между собой, ни со своими офицерами. Линейский полк есть известный поземельный участок. Служащие в нем казаки и офицеры — все дети одной семьи, все соседи и односельцы, меняющиеся только очередью, но никогда не переменяющие знамени. Эта особенность проводит глубокое различие между линейскими и другими казачьими полками. У линейцев глубоко вкоренен полковой дух, без которого нет настоящего войска. Полк для них — вместе знамя и родина; полковая слава дорога им как воинам и как гражданам. Это деление перешло за Кубань с линейцами и распространено на бывших черноморских казаков, которые прежде его не знали.

Предполагается все Кубанское войско разделить на самобытные полковые округа, причем, конечно, сохранятся все старые прославленные имена полков. Не так давно еще линейцы пользовались почти неограниченной свободой в своей домашней жизни; в двадцатых годах гребенцы выбирали сами своего полкового командира, под именем атамана. С тех пор, хотя оставались еще формы самоуправления, но потребности войны, принявшей с тридцатых годов самый серьезный характер, вынудили ввести у казаков строгую дисциплину и подчинить их военным начальствам. С замирением края новое Положение выдвигает опять начала самого широкого самоуправления. Кроме начальника полкового округа и его небольшого штаба, все служебные места предоставляются народному выбору; все местные дела передаются решению мира. Коллегиальное управление по выборам при начальнике полкового округа и при главном войсковом управлении, существовавшее до сих пор, сохраняется и расширяется.

Положение обратило особенное внимание на то, чтобы снять с казаков, сколько можно, замкнутость их сословия, отчуждавшую его от всех населений империи. Казакам предоставлено право, с соблюдением некоторых нетрудных условий, выходить из своего звания, которое, в свою очередь, делается доступным для посторонних людей при согласии общества; при таком порядке казачье население будет представлять не только потомственную породу, но известный тип русских людей. Казакам и офицерам предоставляется приобретение личной недвижимой собственности, чтобы посредством этой меры снять с общественной жизни исключительные формы юртового быта. Я не могу вдаваться в подробности Положения, составляющего покуда проект, но постарался избрать главные его черты.

В военном отношении каждый округ выставляет две очереди людей полного полкового состава, с одним комплектом офицеров; они будут сменяться поочередно. В обыкновенное время для облегчения казаков можно вызывать на службу небольшое число людей; при надобности — целый полк. Таким образом, когда все будет тихо, страна не будет терпеть от от-

сутствия рабочих сил; но зато, когда потребует государство, Кубанское войско легко выставит двойной комплект людей. Недостаток офицеров не может служить препятствием к тому, так как в линейском войске офицеры не составляют особого класса: они только лучшие из казаков. При надобности весь первый комплект кубанских полков может присоединиться к русским армиям, между тем как другой комплект останется для обороны родных гор и, поддержанный всем населением, будет достаточно силен, чтоб обратить их в неодолимую крепость.

Состав действующих сил Кубанского войска полагается в 18 конных полков, 18 стрелковых рот, 2 или 3 морских береговых полка и 5 батарей: все в двух комплектах одинаковой численности, кроме артиллерии. До сих пор вне Кавказа дорожили двумя и тремя сотнями линейцев; какой же силой будут 18 линейских полков, да, кроме того, еще 10 полков терских, всего 28 полков, которые все могут присоединиться к действующим войскам? 28 полков — это значит с лишком 25 тыс. никогда не сдающихся линейских казаков, одинаково страшных как конница и как пехота. Не надобно забывать и 18 рот пластунов (в двойном комплекте 36), этих типических людей, из которых почти каждый стоит куперовского патфайндера, которые ходят по сто верст в день, без лодки переправляются через широкую реку, неслышной поступью подбираются к лесному зверю, как кошки, прокрадываются сквозь неприятельские цепи и готовы, пожалуй, выкрасть вражеского генерала из его палатки.

Береговые полки должны нести не конную, а морскую службу. В прибрежных долинах нет обширных пастбищ, нужных для содержания местной кавалерии; с другой стороны, оборона берега требует моряков. В этих видах старались соединить в прибрежном населении элементы, имеющие в себе задатки морского развития, — азовских казаков и женатых матросов, с добавлением из общей массы переселенцев, которые в этой среде и при этой обстановке скоро станут моряками так же, как между линейцев они стали линейцами. Служба приморских казаков будет состоять преимущественно в береговом крейсерстве; они должны быть вместе матросами и

стрелками, и, как другие, в двух комплектах, действующем и резервном. Учреждения соображены так, чтоб привлечь этих людей исключительно к морю. Положение о береговом населении способно к значительному развитию впоследствии; население это может служить готовым морским резервом будущему Черноморскому флоту.

Сколько мне известно, великий князь, главнокомандующий, имеет в виду согласить в устройстве Кубанского войска два условия: сохранить в целости воинственный дух, основанный на преданиях и превосходной боевой организации линейцев, но в то же время предоставить войсковому населению все средства к хорошему экономическому развитию. Несмотря на особенности казачьего быта, эти два условия нисколько не противоречат одно другому: можно сказать только, что в некотором отношении они ограничивают себя взаимно. В новом Положении ограничение это будет весьма незначительно. С отменой вековой замкнутости казачьего сословия, с предоставлением всяких льгот для приобретения личной собственности, с возможностью отстраниться от действительной службы при известной обширности дел, так же, как при некоторых специальных занятиях, казаки могут без стеснения предаваться производительному труду. Но дело не ограничивается этими облегчениями. Богатства великолепного Закубанского края должны быть разработаны вполне. Поэтому все земли, остающиеся за непосредственным наделением казаков, хотя заключающиеся в пределах войска, не будут составлять войсковую собственность, как на Дону, и подлежать ряду ограничений, наполовину уменьшающему их стоимость.

Они остаются в руках правительства и будут предоставлены частному труду на общих основаниях. Количество таких свободных земель не определено, но приблизительно его можно считать около двух миллионов десятин; сюда принадлежат прикубанские земли, только наполовину занятые горцами, и прибрежная полоса от Туапсе до Абхазии, назначение которой не решено еще окончательно, но где во всяком случае будет предоставлена значительная доля свободному труду; также

многие участки, разбросанные между станицами. При таких условиях можно предсказать новой области, не будучи пророком, самую блестящую будущность.

Россия не знает еще вполне, какое приобретение для нее составляет Закубанский край. Не говоря о великом политическом результате, одни материальные выгоды нового завоевания делают его неоцененным. Богатства его — не баснословные богатства края, лежащего в антиподах. Кубанская область, изобильнейшая всеми дарами природы, девственная земля, вместе с тем, омывается европейским морем, отстоит на день плавания от Ростова и Трапезунда, на несколько дней — от Одессы и Константинополя, Марселя и Триеста. И однако ж Закубанская страна действительно столь же девственна, как берега Амура. Прежнее туземное население прошло по этой почве, но не смяло ее. Странно видеть, до какой степени полумиллионное горское население оставило мало следов человеческого труда посреди могущественной закубанской природы; точно жила здесь какая-нибудь орда бродячих дикарей. Есть циклопические развалины: но они принадлежат другим людям баснословной эпохи; зато везде свежая нетронутая человеком земля, везде первобытные леса; обработанные поляны составляют исключение. Конечно, роскошная растительность быстро заглушает в этом крае завоеванные человеком поля, как только перестают их поддерживать; чрезвычайное плодородие почвы дозволяло жителям ограничиваться небольшими хозяйственными участками; но тем не менее поразительно видеть непочатые богатства природы, урывок бразильской пустыни, на берегу покрытого пароходами европейского моря.

Кубанская область представляет все условия неизменного плодородия. Нависшие над ней вечные снега, неизмеримые ледники Гренландии посреди теплых краев, растекаются тысячами тысяч ручьев и речек и заливают жирную почву, согреваемую жарким солнцем; вода постоянно размывает горные породы и застилает подгорные земли слоем нужных для растений минеральных веществ; всякий ручей для этого края то же, что Нил для Египта. В стране между хребтом и Куба-

нью плодороднейшие поля, как шахматные клетки, перемежаются с темными лесами, то строевых, то фруктовых деревьев; и замечательно, что эти фруктовые деревья, по большей части, не дикие, но садовые, дающие отличные плоды; переселенцы стали уже вывозить их сотнями возов на продажу. На влажной почве растут кормовые травы в полроста человека. В предгорьях волнистые поля до такой степени испещрены цветами, что при каждом дуновении ветра будто радуга рассыпается перед глазами. Во всем простор человеку; в теплом и здоровом климате пашни, пастбища, леса и везде вода, — все у него под рукой. На южном склоне растительность роскошна не по-европейски. Прибрежная страна Кавказа — не узкая полоса земли между горой и морем, как Южный берег Крыма; она сама по себе составляет целую область, обставленную как теплица, закрытую от северных ветров и открытую южным. Глубокие долины, спускаясь от вечных снегов к морю, рассыпаются у берега холмами, образующими прелестнейшую страну, какую только можно видеть. Непроницаемые леса южного склона состоят на третью часть из драгоценных пород мебельного дерева: кавказской пальмы и негноя, продаваемого на пуды, по 3 и 4 руб. пуд, стоит только подвезти его к берегу. Колоссальные каштаны и грецкие орехи, сверху донизу обвитые виноградом, покрывают целые долины непроницаемым зеленым пологом; выше тянутся дубовые и чинаровые леса. Горное пространство между северным и южным склоном представляет иной характер; но и в этой местности природа щедро вознаградит труд человека. Высокие земли, лежащие у подошвы вечных снегов, одеваются летом такими тучными травами, что стада, сгоняемые с них осенью, едва могут двигаться от жира. Эти земли будут летним пастбищем всей области, как прежде у черкесов. Верховья горных долин заросли корабельными сосновыми лесами; богатые рудные жилы во многих местах видны на поверхности; из-под скал бьют ключи минеральной воды. В трех параллельных поясах, северном, нагорном и южном, природа Кубанской области одинаково великолепна, но в каждом поясе она блистает своей

особенной, оригинальной красотой. Жизнь животная так же разнообразна, как растительная. Неисчислимые стада кабанов и оленей пасутся на северной покатости; туры и дикие быки живут в горах; пестрый барс прыгает в цветных лесах южного склона. И эта роскошная, можно сказать, новооткрытая страна лежит не на Тихом океане, а на берегу Черного моря. Неистощимые пашни, вековые леса, сады, виноградники, рудные жилы Кубанской области заключены в треугольнике между судоходной рекой, замерзающей только на один месяц в году, и берегом никогда не мерзнущего моря. Когда будет построена Черноморская железная дорога, житель Москвы на третий день пристанет к восточному берегу.

Кубанская область вырастит породу людей, о которых мы не слыхали даже в сказках. Мы увидим русских горцев. Круглолицый, белокуренький русский мальчик повезет заезжую туристку на своих лошаках по обрывистым горным тропинкам смотреть с соседней вершины, как встает солнце из-за снегов и тень горы вдруг протягивается через целую область.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Очерк покорения Западного Кавказа доведен до конца. Есть, однако ж, вещи, хотя не истекающие прямо из предмета этих писем, но имеющие к нему такое тесное отношение, что заключение читателя было бы неполно, если б они не были поставлены перед его глазами. Вещи эти — новое положение, в которое завоевание Кавказа ставит нас относительно всего азиатского вопроса, и Кавказская армия, составляющая не только часть сил Русской империи, но органическое целое, особый типический оттенок русского войска, созданный Кавказом. Сначала об армии. С завоеванием гор Кавказская армия, заключавшая в себе до сих пор около трети действующих сил государства, стала подвижной. Помимо всяких завоевательных видов, нравственное влияние этого события

не может остаться без больших последствий; оно изменяет численную пропорцию европейских сил в такой же мере, как если бы население, равное прусскому, со всеми своими военными средствами, сделалось частью России. Материальные средства государства не увеличились, но сосредоточились, что в итоге составляет то же самое.

Я сказал: как если бы Пруссия, со всеми своими военными средствами, стала частью России. Действительно, численность Кавказской армии представляет довольно близко итог действующих прусских войск, считая регулярные и иррегулярные полки и батальоны, вместе с прикомандированными дивизиями. Но Кавказская армия еще не вся покуда стала подвижной. Я выразил общую мысль, осуществление которой двинулось вперед быстрыми шагами. Совершился факт, последствия неизбежны. Но Восточный Кавказ до сих пор еще парализует часть наших сил. Там населения остались в горах и лесах; их необходимо сдерживать присутствием войск, пока они не обезоружены поголовно. В прошлом году случились вспышки в Чечне и у подгорных лезгин; неугомонный мюридизм не остыл еще в душах. Положение это не представляет никакой опасности политической. Мюридская война была сложным результатом многих особенных обстоятельств, которые не могут больше повториться; общее восстание в горах никогда не состоится. Тем не менее Чечню и Дагестан покуда еще необходимо занимать войсками. Две кавказские дивизии и 13 линейных батальонов парализованы охранением гор. Но с нынешним годом открылась возможность устранить в близком будущем и это последнее затруднение.

Страшный погром Западного Кавказа грянул в души прикаспийских горцев таким же сокрушительным впечатлением, как покорение страны их в 1859 г. Нынешним летом весь Кавказ был завоеван вторично, и это второе, нравственное завоевание, упрочивает наше положение в восточных горах лучше первого, материального. Теперь стало возможным предпринять последовательный ряд мер, которые низведут чеченцев и лезгин на ту же степень мирных поселян, на ко-

торой уже поставлены разбитые остатки черкесских племен. Через несколько времени Кавказская армия станет в полном смысле слова действующей армией.

Впрочем, и теперь уже итог подвижных сил, которыми располагает Кавказская армия, совершенно удовлетворяет цели и круто изменяет прежние отношения, так что покуда больше и не нужно. Стотысячное войско, действовавшее в Кубанской области, стало свободным. Я считаю сто тысяч по спискам, потому что если многие местные силы, входившие в его состав, остаются дома, зато они могут быть замещены другими подвижными кавказскими войсками, всегда совершавшими азиатские походы, как гренадерская дивизия. Кубанские казаки, в своем действующем комплекте, — также не местное войско. Сто тысяч по спискам составляют не менее 70 тыс. действительно стоящих под ружьем. В Кубанской области никогда не находилось в рядах такого числа людей; но там происходила местная война, полки стояли в штаб-квартирах, и множество рук было отвлечено на хозяйственные потребности; при походе все эти люди займут место в рядах, причем действительную численность войска, ставшего подвижным, нельзя считать ниже 70 тыс., даже без действующего комплекта кубанских казаков. Сегодня — 70-тысячная, завтра — 100-тысячная русская армия, составленная из закаленных в битвах и походах полков, готовая с Кавказского перешейка протянуть руку куда угодно. Этот факт, совершившийся, покуда Европа волновалась по поводу Польши, конечно, не может нравиться людям, которые видят общественное бедствие в каждом внутреннем и внешнем успехе России. Всем понятно, что Восточная война пропала для Европы даром. Нельзя забывать этого обстоятельства при оценке настоящего положения политических дел.

На Кавказ возлагались большие надежды. Фраза: «Россия прикована к Кавказу и не может располагать своими войсками», — стала пословицей у европейских дипломатов в Азии. Вдруг, совершенно неожиданно, перспектива изменилась, — непокорные горцы исчезли, как будто никогда не

бывали, и на Кавказском перешейке видна лишь подвижная русская армия. И какая армия!

Чего бы ни стоили государству шестьдесят лет местной войны, о жертвах нечего жалеть, когда ценой их Россия приобрела Кавказскую армию. Эта армия составляет вместе с коренными алжирскими полками, которых очень немного, единственные европейские войска, способные выдержать без расстройства походы в глубь варварских стран. Англичане достигают этой цели только тем, что ходят муравьиными шагами, обремененные нескончаемыми обозами; английские полки никогда не становятся способными к азиатским походам; но правительство, ценой непомерных жертв, переносит Англию в азиатскую глушь; если позволят мне такое выражение, оно всюду возит за своими солдатами искусственную английскую атмосферу, без которой они жить не могут. Понятно, что при таких условиях возможно содержать лишь самые ограниченные силы, достаточные против неприятеля, которому надобно показать европейцев, чтобы заставить его бежать, но совершенно недостаточные против серьезного противника. Сохранять численность и бодрость людей, бегая по неделям без отдыха и живя, когда случится, чем Бог послал, — без этой способности, приобретаемой войском только долголетней походной жизнью, нельзя рассчитывать на значительные успехи, даже в европейской войне, посреди самой изобильной страны; азиатские же походы становятся возможными только при этом условии. Мы видели разительный пример того на трех пехотных дивизиях, присланных в подкрепление Кавказскому корпусу во время турецкой войны. Войска эти потом обтерпелись и, после шестилетнего пребывания в крае, вышли отсюда боевыми и походными. Но в первое время, покуда продолжалась турецкая война, хотя мы держались около своих пределов и войска продовольствовались из магазинов, находившихся в действующем корпусе, российские полки (как их называли) с трудом выдерживали поход и требовали самых мелочных попечений. Кроме того что больше половины людей лежало в госпиталях, остальные, выстоявшие в рядах, привыкши жить на

всем готовом, долго не могли удовлетворять сами собой первые жизненные потребности, не умели, ни в каком случае, заменить казенную поставку своей изобретательностью; их надобно было кормить с ложечки, как малых детей. Притом же их нельзя было ни послать в отдел, ни ставить на передовой позиции: так они были неопытны. Если б мы отошли дальше и войскам пришлось жить исключительно средствами страны, российские полки были бы отчасти парализованы. Во французской армии существует то же самое отношение между алжирскими и собственно французскими полками. Один капитан зуавов[29] говорил мне, показывая на свежий, будто с иголочки, линейный полк: «Эти господа не умеют поставить палатки на косогоре без нашей помощи». Вести азиатский поход со свежими казарменными европейскими войсками — значит повторять сцены Крестовых походов, терять бесчисленное множество людей, не достигая цели. Относительное могущество европейских государств во всем, что касается азиатских дел, надо мерить только силой флота и количеством обтерпевшихся боевых войск, с которыми можно предпринять дальний поход в варварскую страну. Флот имеет тут значение лишь как средство соприкосновения между отдаленными странами: Англия и Франция поэтому единственные западноевропейские нации, сильно заинтересованные в азиатском вопросе. Мы не имеем сильного флота, но имеем непосредственное соприкосновение с центрами Азии, вполне его заменяющее. Выгода даже на нашей стороне. Относительное могущество трех держав в решении азиатских дел определяется, стало быть, только численностью войск, приспособленных к дальнему азиатскому походу. Численность эту я считаю у французов по количеству боевых алжирских войск, которыми они могут располагать, никак не выше 30 тыс. человек. Притом, едва ли французское правительство решится когда-нибудь отделить больше одного корпуса в чисто азиатскую войну. Читатели помнят, насколько общее мнение Европы считало Францию парализованной мексиканской войной. В случае серьезного столкновения в Азии нужно будет напряжение сил и на Европейском материке. Крым-

ская же кампания — не пример. Это была война чисто европейская, в которой Франция и Англия могли спокойно сосредоточить все свои силы на одном приморском пункте. Притом, Франция может перевезти свои войска в Азию только морем, то есть совершить полусухопутную экспедицию без достаточного числа кавалерии и обозов. Возможный круг действий для нее — Малая Азия и Сирия. Для действий же на восток от Евфрата, основанием которых необходимо должен служить Индийский океан, Франция едва ли может поставить половину показанного числа. Англичане вовсе не имеют настоящих походных войск, но делают их такими ценой чрезвычайных пожертвований, обременяя полки нескончаемыми обозами, так что английский солдат в Индии обходится гораздо дороже, чем у нас офицер. При такой стоимости трудно выставить сколько-нибудь значительное войско. Последняя война англичан с Персией явно показала, как трудно им удаляться от моря, до какой степени они слабы в сухопутной кампании. Даже на своей почве, в Индии, в самых серьезных обстоятельствах, они никогда не могли сосредоточить более 12 тыс. англичан; а вне пределов Индии и вне приморских районов даже такая норма будет преувеличенной. При столкновении с европейцами сипаев нельзя считать ни во что, а потому действительную силу англичан для какого бы то ни было предприятия на Азиатском материке, в сколько-нибудь значительном расстоянии от берега европейских морей, никак нельзя считать выше 15 тыс. человек на самый большой конец. Кавказская армия в полном составе одних подвижных старых пяти батальонных полков, с кавалерией, артиллерией и некоторым числом казаков, без прикомандированных дивизий и линейных батальонов, составляет не менее ста тысяч человек; значительная часть этой силы стала теперь подвижной, и скоро наступит время, когда вся армия будет такой же. С заселением западных гор казаками и обезоружением восточных горцев Кавказ может быть защищаем весьма ограниченными силами; трех ныне прикомандированных дивизий вполне будет достаточно для обороны и для занятия края. Я вовсе не знаю наших войск на Сырдарье и Сибирской линии; но,

судя по обстановке, их можно считать походными войсками. С ними итог сил, которыми Россия располагает для азиатских войн, не отвлекая ни одного человека от европейской границы, составляет не менее 120 тыс. под ружьем; между тем как Англия имеет их едва ли 15 тыс., а Франция — не более 30 тыс. Владея внутренними азиатскими бассейнами и всеми центральными позициями, сливаясь безраздельно с независимой Азией на пространстве нескольких тысяч верст, протягивая руки одновременно от Трапезунда до Кореи, Россия вместе с тем располагает на своей азиатской границе действующими силами, втрое превосходящими соединенные силы ее соперников. Вот положение, созданное России покорением Кавказа. Прошу читателей не приписывать этим словам смысла, которого они не имеют. Я вовсе не желаю моему Отечеству завоевательных планов Александра Македонского. Я представляю только положение вещей, как оно есть. До покорения Кавказа европейские дипломаты оказывались правы: со стороны Азии Россия была прикована к Кавказу и не могла разорвать своей цепи. Ничтожность сил, которые мы могли отделить в последнюю турецко-азиатскую войну, слишком очевидно доказывала этот факт. Но теперь положение дел совсем иное. На азиатской почве силы туземных государств даже с помощью, которую могут дать им европейские союзники, совершенно ничтожны против силы Кавказской армии, свободно располагающей всеми своими средствами. Никакие перевороты не могут более изменить этого отношения, окончательно установленного судьбой в нашу пользу. Азиатские же вопросы имеют для держав морских или сопредельных с восточным миром, как Австрия, то есть для всех самостоятельных представителей Европы не менее важности, чем самые первоклассные вопросы европейские. Начиная хоть с Турции, которая держится в Европе тем только, что она сильна в Азии; три четверти ее армии состоят из азиатских подданных, без содействия которых европейские области не остались бы под турецкой властью и 24 часов. Вся Азия находится более или менее в таком же отношении к Европе. Каждая страна этого великого материка связана, как кла-

виш со струной, с каким-нибудь значительным европейским интересом; в настоящее время, если потребуют обстоятельства, Россия может наложить руку на эти клавиши. Новое положение, созданное России завоеванием гор и превращением самой боевой в свете армии из местной в подвижную, из кавказской в азиатскую, есть очевидная действительность. О ней можно сказать то же, что сказал Наполеон о французском знамени: «Il, est comme le soleil, tant pis pour celui qui ne le voit pas»[30]. Покорение Кавказа составляет великое приращение русской силы; помимо всяких завоевательных замыслов, Россия должна понять его истинный смысл.

Как боевое войско, Кавказская армия незаменима во всякой войне, азиатской и европейской. Понимающие французские офицеры откровенно сознаются теперь, что успехом Крымской войны они почти исключительно обязаны двадцати тысячам испытанных походных войск, взятых ими из Алжира. Войска эти были всегда впереди; они нанесли нам главные удары. Мы могли бы разбить линейное французское войско; у нас было много храбрых полков, готовых на отчаянную битву; но храбрыми полками нельзя заменить полков боевых; а этого элемента у нас не было на театре войны. Россия имела в то время на Кавказе тысяч семьдесят старых солдат, по нашему убеждению, превосходящих алжирцев; но они были поглощены местной войной, ни один кавказский батальон не принял участия в решении европейского спора под Севастополем. Только одиночные лица переходили из Кавказской армии в Крымскую и сейчас же заслуживали известность.

Я пишу эти письма не для военных читателей; но о характеристике Кавказской армии, о тех особенностях, которые отличают ее от других войск, я должен сказать несколько слов. В военном деле есть вещи, которые должны быть известны всякому гражданину, потому именно, что он гражданин, соучастник общественного интереса, а не оторванная личность. Военное же могущество для великой нации, ограждаемой только собственной силой, то же в нынешнем состоянии света, что для отдельного человека личная самостоятельность, та сила воли

и положения, при которой он не даст себя в обиду, постоит за свои права и права своих близких и не склонит головы против убеждения. Как в прижатом человеке заглохнет всякий талант, так и в запуганной нации, которая в серьезном международном случае побоится кого-нибудь, не разовьется ничего высокого. Божьи дары расцветают только в тех людях и у тех народов, которые смеют высоко держать голову. Я полагаю, что основания, на которых лежит военное могущество государства, составляют один из первых общественных интересов для каждого гражданина. Полагаю также, что в главных чертах это дело далеко не так специально, чтоб общественное мнение не имело к нему такого же доступа, как и ко всем вопросам народной жизни. Наилучшее устройство народных сил есть дело чисто практическое, истекающее прямо из свойств и особенностей народа, к которому оно прилагается; в главных чертах оно сливается с самой сущностью народного быта; правильное отношение военной организации к формам жизни и характера народа влияет, с одной стороны, на все отправления национальной деятельности, с другой — от него зависит степень могущества государства. Поэтому общественное мнение не должно чуждаться обсуждения этого великого дела и оставлять его исключительному кружку специалистов, слишком расположенных смотреть на него теоретически, забывая иногда личность народа, из которого образуется войско; общество должно относиться к этому делу сознательно. Все главные военные вопросы, которые общество считает чисто специальными, темны для него, по большей части, оттого только, что не поставлены перед его глазами или не освещены надлежащим образом.

Упоминая об особенностях Кавказской армии, хотя они действительно очень резки, я вовсе не подразумеваю местного цвета. Оригинальная страна, в которой эта армия развилась, отпечатлелась на ней многими мелкими наружными чертами. Но в том, что составляет существенное отличие этой армии от других войск, в ее военных понятиях, в ее духе сказались не особенности страны, в которой она развилась, а наклонности русской природы, предоставленной самой себе. В Кавказской

армии русская душа вылилась со всей полнотой, и в этом — главная ее сила. Вторая сила ее — боевой опыт — идет потом. По моему понятию, первая гораздо важнее. Эти два качества относятся одно к другому, как способность и знание. Способный человек всему выучивается легко.

Резкий переворот в воспитании войск, предпринятый в начале нынешнего царствования, ведет к той же цели. В одной чрезвычайно интересной статье генерал Лебедев рассказал, каким образом известный Гатчинский гарнизон был рассадником той механической выправки, взятой из школы Фридриха II, которая как бы обесцветила нашего солдата. Войска Петра Великого, Елизаветы и Екатерины были иного характера, они были характера русского, весьма близко подходящего к нынешней Кавказской армии. Через несколько лет по смерти великой императрицы Жомини мог уже написать о нашем войске, говоря от лица Наполеона[31]: «Beaucoup de gens ne voyaient dans cette troupe qu'une raideur desagréable. Je n'ai jamais aimé les armées automates; cependant j fus surpris de la précision et de l'aplomb de cette infanterie»[32], — точно будто дело шло о немецком или английском войске. Такое понятие о нашей армии господствует в Европе. Между тем, кто только видел кавказского солдата или моряка бывшего Черноморского флота, кто понял характеристику румянцевских и суворовских войск, тот знает, что нет ничего на свете, более противоположного русской натуре, как автоматичность и машинность, свойства исключительно немецкие. Русский солдат в своей настоящей природе не так жив и скор, как французский, но не только более упорен, а еще гораздо более самостоятелен. Он делает всякое дело сознательно, на войне применяется к каждому новому обстоятельству необыкновенно верно и скоро, понимает противника удивительно метко. С этим вместе во всем, что касается военного отличия, он очень честолюбив, дорожит мнением товарищей и начальников и высоко ценит славу полка. Нашего солдата можно сделать машиной только ценой большей части его качеств, которые он при этом утрачивает. Вся Россия знает понаслышке характер екатерининских войск. То были самые стремительные, самые

решительные, всегда нападавшие войска. Все сражения Суворова, хоть, например, против французов, были наступательные. Как только, с введением прусской школы, частные начальники стали у нас хвалиться тем, что по слову «смирно» воробьи садятся на штыках, этот характер начал ослабевать в русских войсках. Они остались столь же отважными, потому что русскому человеку не учиться стать глядеть в глаза смерти; но в значительной степени утратили предприимчивость, стали исключительно позиционными войсками. Весь ряд наших войн против тех же французов, на которых Суворов всегда нападал, представляет преимущественно ряд оборонительных сражений. Этот факт можно оспаривать, но нельзя оспорить. В продолжение этих войн все попытки наступления с нашей стороны постоянно обращались в оборону, как только дело доходило до серьезной развязки, даже в 1814 г., когда союзные войска несравненно превосходили неприятеля числом; для подтверждения можно назвать все большие сражения с Аустерлица, где мы в последний раз наступали, до 1815 г. Крымская война подтвердила то же самое, мы были преимущественно сильны в обороне. В турецко-кавказской войне, стоя рядом с присланными из России полками, мы видели то же самое. Кавказские пехотные полки были вооружены кремнями, полки, вновь присланные изнутри России, были все с пистонами, и, однако ж, опыт показал, что эти последние, твердые на позиции, были не так надежны для наступления. В оборонительном сражении можно также разбить неприятеля и преследовать его, и мы одержали довольно побед в нынешнем веке. Но необходимость ограничиваться оборонительным боем доказывает, что войску многого недостает. И это очень понятно. В наступлении против серьезного неприятеля, когда обе стороны напрягают все силы и всю изобретательность, чтобы взять верх, машинный полк собьет противника разве один раз из ста. Стройные батальоны, марширующие и равняющиеся под картечью, ломящие врага гранитной стеной, принадлежат изобретению кабинетных тактиков. Подходя к неприятельскому фронту, всякая часть обращается в толпу; подходя к неприятельскому фронту, даже

на довольно значительном расстоянии, войсками уже нельзя командовать, каждая рота предоставлена себе, а машинные войска без команды — неодушевленное тело. Для удачи натиска, встречающего стойкое сопротивление, нужно поголовное умение, то есть личная предприимчивость, самостоятельность суждения и воли, готовность предпринять без положительного приказания все, что может служить к успеху, — и это нужно со стороны каждого ротного командира, даже каждого унтер-офицера. Отбиваться же, стоя на месте, можно при одной храбрости и дисциплине.

Вот отчего, со введением в наших войсках фридриховской школы — механического строя — пришлось отказаться от наступательного боя. Я знаю, что у нас никогда не отказывались от него сознательно; но зато бессознательный результат, всегда выходивший в конце, свидетельствует об этом факте еще сильнее.

Кавказские войска были заброшены в отдаленный угол империи в самом начале влияния прусской школы, когда оно обнаруживалось только в маршировке, но еще не в характере солдата. В тот год, когда Суворов со своими очаковскими гренадерами выгнал французов из Италии, другие русские войска заняли Тифлис. С тех пор они 64 года находились в постоянных походах. Вновь прибывшие на Кавказ части скоро перерабатывались в местном духе. Как пришел русский полк в этот край — полком суворовским, таким он и остался. Главное отличие и главная сила кавказских войск в ряду нашей армии состоят в том, что они развивались в духе, наиболее свойственном русскому человеку, что они остались изо всех наиболее русскими войсками. Россия имеет теперь 100 тыс. таких солдат. Коренное преобразование, совершаемое в воспитании русской армии с начала нынешнего царствования, есть в сущности своей возвращение к духу суворовских и кавказских войск.

Различие в духе и понимании вещей войсками того и другого образца очень велико. Механическое воспитание войск не состоит только в одной искусственной выправке солдата; начинаясь с этого пункта, оно распространяется на все отправления

военной жизни и развивается, наконец, в мысль, что хорошее войско должно быть, по возможности, обращено в исправную машину, послушную каждому обороту руки механика, — как известная артиллерийская машина, много раз предлагавшаяся, стреляющая разом из нескольких тысяч стволов по одному спуску, но как артиллерийская машина, так и механическое войско подвержены ломке, разом останавливающей их действие. Чтобы достигнуть такого идеала, надобно стереть личность людей. При такой системе нельзя ожидать выдающихся личностей, самостоятельных умов и характеров, — в механическом войске они не только излишни, но даже вредны, — и потому при ней выдвигаются вперед преимущественно люди скромные, аккуратные в мелочах; качества похвальные, но очень трудно согласуемые с энергией настоящего боевого человека. Потом из этих же людей выходят начальники, от которых становится уже невозможным требовать противоположных свойств. Понемногу печать однообразия кладется на все; исчезает личность и вместе с ней — великая нравственная связь между людьми одной части; остаются только формальные отношения.

Есть армии, в которых подобный характер выливается естественно из самого общественного склада. Но совсем иначе развивается русский военный человек, когда он развивается натурально. Живой пример тому — Кавказская армия.

Первое, что в Кавказской армии бросается в глаза, — это типический характер полков, вовсе не существующий в других войсках. Кавказский полк не есть численное собрание людей, отличающееся от другого подобного собрания только цветом воротника; он есть организм, нечто вроде маленькой национальности, проникнутой одним духом, сложившей себе свои понятия и обычаи, высоко ценящей свои предания, выработавшей свой особенный боевой характер, иногда резко противоположный характеру другого полка, — как следует между людьми, которые не только существуют, но действительно живут вместе, и потому срастаются нравственно в одно целое. Каждый из старых кавказских полков отличается в военном отношении своеобразными достоинствами, потому что все

естественно развивающееся выходит своеобразно. Один полк живой, как огонь, смелый до дерзости, совершающий атаку не иначе как бегом, особенно искусный в рассыпном бою и лесной войне; другой полк — не столь живой, но твердый, как кремень, упорный до чрезвычайности, привыкший действовать связно, умеющий ходить, не задыхаясь, по самым страшным крутизнам, обдуманно-решительный, и так далее. Сколько я видел, в русских полках некавказских между солдатами не живут полковые предания; с очевидцами исчезает память о минувшем. На Кавказе предания составляют священное дело, их знает, ими хвалится каждый служащий в полку. Для кавказских офицеров дурное слово об их полку, даже о его прошедшем, есть дуэльное дело — и натурально: здешний полк не собрание единиц, но живая личность. Своеобразный характер полков есть всегда пробный оселок и основание боевых качеств войска. Он доказывает зрелость его, развитие нравственной силы, связывающей людей в одно целое. Без единого духа, проникающего какое ни есть отдельное общество, нельзя ожидать ничего особенного ни в войне, ни в мире.

Сосредоточение жизни в кавказском полку, делающее из него личность, происходит от большого простора в отношениях между людьми; отношения эти устанавливаются сами собой. Конечно, постоянная война много способствовала тому, что люди сортировались здесь возможно правильно, по силам и способностям. Поставленные перед ежедневной расценкой опыта, они хорошо узнавали друг друга и растасовывались по достоинству, насколько это от них зависело. Но если бы кавказские полки не сохранили своего первобытного характера, не остались екатерининскими войсками, какими пришли сюда, то именно это и не зависело бы от них. Развитие было возможно потому только, что сохранилось основание для него. Влияние общественного мнения простиралось здесь не на одних офицеров, но на всю массу полка. До открытия стрелковой школы, изменившей несколько пропорцию, но не сущность выработавшегося порядка, в унтер-офицеры люди выдвигались мнением самой роты. Ротный командир имел

причину не делать произвольных выборов, так как с унтер-офицерами, не имеющими нравственного влияния на людей, он был бы наказан первой перестрелкой.

Всякое войско воспроизводит характер и общественные понятия народа, в котором оно набрано. В русском войске, как и в русском народе, между высшим классом, преобразовавшимся на чужой лад, и простолюдинами проведена очень резкая черта, редко допускающая возможность прямого нравственного влияния первых на толпу; ею владеют обыкновенно ее доверенные люди, сильнейшие личности из нее же самой, покуда посредством их только возможно действительное нравственное соприкосновение между двумя общественными слоями. Такие личности сейчас же выдвигаются вперед во всяком собрании людей; в критические минуты они незаменимы, потому что в эти минуты толпа, привыкшая доверяться им, слушает их без рассуждения. Если в нашем войске, выражающем такой же народный характер, унтер-офицеров выдвигает не мнение части, то есть если официальную власть передают не этим влиятельным людям, выносимым вперед общественным понятием о них, а другим, отличаемым по какой-нибудь произвольной оценке, то нравственная связь между начальниками и солдатами отчасти разрывается, потому что исчезает посредствующее звено; остается только одна дисциплина. Кавказская армия всегда была сильна именно тем, что в ней отношения между людьми слагались естественно, без посторонней натяжки. При значительном влиянии общественного мнения на всякой ступени каждый брал по большей части то, что ему принадлежало, и потому старших слушались без принуждения, как признанных руководителей. Оттого войско было проникнуто серьезной дисциплиной, той основной дисциплиной, которая состоит в сознательном и совестливом исполнении существенных обязанностей военного звания. От служащих требовали только необходимого, зато это необходимое исполнялось неукоснительно, как в глазах, так и за глазами.

Я вовсе не думаю, чтобы Кавказская армия была совершенством. Она может сделаться еще несравненно лучше, чем

есть; даже очень многое остается ей дополнить в себе. Находясь в постоянных походах, кавказские полки не занимались многими, довольно важными сторонами военного образования — систематической цельной стрельбой, маневрированием сомкнутыми массами и пр. Для того, чтобы вести их в европейскую войну, их надобно подготовить 3—4 месяцами лагерных упражнений, как сделали французы со своими алжирскими войсками перед Восточной войной. Кавказский солдат, как человек рассуждающий, выучивается всему чрезвычайно скоро, вчетверо скорее другого солдата, это мы достаточно видели на опыте. Все это, однако же, наружная сторона, имеющая свою долю значения в военном деле, но только долю. Существенная, незаменимая вещь на войне та, чтобы войско было не собранием людей в мундирах, даже людей, отлично обученных, но чтоб оно было войском органическим, целым, насквозь проникнутым военным духом, — таким целым, в котором все привычки и понятия людей, все их взаимные отношения были бы естественным плодом военной жизни и практики.

И другая вещь еще, чтобы вся военная система, сверху донизу, была основана на верном понимании народного духа, чтоб она была выражением национального, а не какого-либо заимствованного, искусственного характера. Каждый человек вернее представляет себя, чем другого.

В этом существенном основании старые кавказские полки не имеют себе равных; они — войско чисто русское и военное в высшем и полном значении слова. Каждый уверен в себе как одиночный боец и каждый уверен в товарище; у всей части одна душа. Органическое развитие и боевые предания положены в здешних полках так крепко, что несколько лет мира не могут оказать влияния на их воинственность. Россия имеет в них отборную боевую силу и может смело на нее положиться, потому что эти люди никогда и никого не считают сильнее себя, пока оружие у них в руках. Мы имеем право сказать положительно, потому что это доказано постоянным опытом внешней и местной войны: батальон старых кавказских полков можно сломить превосходной силой, как все на свете, или

остановить неодолимым физическим препятствием; но нет такого огня, которым бы можно было отбить его. Все русские солдаты бесстрашно идут на огонь. Но в атаке бывает минута, которую выдерживают только войска, совершенно уверенные в себе. Эта минута, если неприятель довольно стоек, чтобы не податься назад перед ринувшейся на него силой, наступает, когда нападающий, обливаемый огнем, подойдет к вражескому фронту на расстояние, с которого темная масса неприятеля превращается для него в плоть и кровь, когда виден уже ряд мрачных лиц, склоненных над стволами. В эту минуту остается пробежать самый убийственный огонь в упор, для того чтобы потом наткнуться на штыки. Если нападающий, всегда расстроенный в подобный миг, не уверен заранее, что он сломит неприятеля рукопашным боем, он не пойдет дальше и после минутной остановки шарахнется назад. Если обороняющийся не подается, то из десяти атак девять кончаются на таком расстоянии бесплодно и с огромной потерей. Вот этой самой критической минуты не существует для старых кавказских полков; они так уверены в себе, что считают боем только время, которое им нужно, чтобы добежать до неприятельского фронта. Не один личный опыт отдельных людей, но боевой опыт полка, которым все настроены, дает ему эту уверенность; каждый солдат-дядька учит рекрута, что чем дольше мешкать под огнем, тем хуже, надо его скорей пробежать. Кроме решительности удара, кавказские войска имеют на своей стороне то несравненное преимущество, что в главную минуту боя, когда управление становится невозможным и все разом бывает поставлено на карту, каждая рота сделает посильное дело и не упустит никакой случайности, которой можно воспользоваться. Приказаний она не будет спрашивать. Не командир, так младший офицер, фельдфебель, старый солдат надоумят ее. В такую минуту одна нравственная сила личности берет верх; а в кавказских войсках личность не заглушена и опытных людей много. Наконец, можно сказать с уверенностью, что в одинаковых обстоятельствах кавказский полк понесет половиной меньше потери против другого, потому что сумеет лучше

подступить к неприятелю. Иностранные офицеры, бывавшие в Кавказских экспедициях, откровенно сознавались в этом преимуществе. В сражении под Кюрюк-Дара, где семь кавказских батальонов сломили неприятельский центр, состоявший из 22 батальонов при сильной артиллерии, наши колонны без приказания размыкались при наступлении и шли широко, чем значительно уменьшили свою потерю; а перед ударом сами собой тесно смыкались. С войсками, движущимися по команде, нельзя сделать ни того, ни другого; под батальонным огнем нет больше приказаний, и даже главнокомандующий лично не соберет рассыпанной роты, если она сама не знает что делает и люди не настроены все на один лад.

Все роды оружия старых кавказских войск стоят друг друга. Из кавказских драгунских полков есть два, Нижегородский и Северский, родные братья, равные по достоинству, сформированные из того же Нижегородского полка, который в продолжение последней войны ни разу не был отбит огнем пехоты и ни разу не атаковал каре, с которым бы он не покончил начисто хоть в несколько приемов. Вновь сформированные драгунские полки находятся в слишком хорошей школе и не могут не развиться по тому же образцу. Кто в России не знает линейских казаков? Кавказская артиллерия, хоть до сих пор ездит на деревянных осях, но зато ходит там, где не пройдет иная конница; а в деле надобно ее видеть, чтоб оценить ее солидность, неторопливую быстроту и невозмутимую отважность. Кавказские саперы знают свое дело также практически, столько же раз покрылись славой, как и товарищи их других оружий.

В пределах Азии Кавказская армия одна изо всех русских и почти изо всех регулярных войск мира может нести войну без остановок и расстройства. При европейской войне кавказские войска внесут в нынешнюю великолепную русскую армию элемент боевой опытности, органической военной развитости, незаменимые никаким мужеством и никаким превосходством тактического обучения; особенно в случаях, когда великое по своей важности дело должно быть вверено небольшому числу войск, или в минуты, когда участь боль-

шого сражения колеблется, как на острие ножа. В кавказских войсках сказалась вся разумная мощь русской природы. При своей многосторонней опытности они принадлежат к тем редким боевым войскам, воспитываемым лишь периодами долгих войн, которые не клянутся победить или умереть, но дают слово победить и сдерживают его.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Остается представить еще другую сторону дела — показать особенности нового положения, в которое завоевание Кавказа ставит нас относительно всего азиатского вопроса, и тем закончить этот ряд писем. Покорение горцев, которых вся Европа, кроме Англии, признала de jure русскими подданными, составляло наше домашнее дело, ни до кого другого не касавшееся. Предоставив черкесов и Шамиля их судьбе, союзники 1856 г. могли заранее предвидеть исход неравной борьбы. И однако ж, когда событие совершилось, серьезное беспокойство, овладевшее не только общественным мнением, но и дипломатическими кругами, особенно на Востоке, ясно показало, что этого исхода не ожидали, по крайней мере, так скоро, что еще надеялись помешать ему; одним словом, видно было, что Западная Европа считала этот факт очень важным, но не была к нему приготовлена. Судя по действиям французских агентов в Турции прошлым летом, надобно думать, что Франция, мало еще интересовавшаяся азиатскими делами в 1856 г., но с тех пор заметно изменившая отношение к этому вопросу, стала смотреть на кавказские дела такими же глазами, как и Англия. Обе державы видели в покорении Кавказа событие, полное великими последствиями и потому тревожившее их. Но последствия принадлежат будущему; их можно только выжидать, невозможно противодействовать им немедленно. Потому все дело кончилось разговорами и бессильными попытками действовать во вред нам со стороны второстепенных агентов. Важное во

всемирной политике возможными последствиями в будущем покорение Кавказа составляет в настоящем домашнее русское дело; прямое значение его состоит в том, что оно избавляет государство от разорительных расходов, отдает в его распоряжение несравненную боевую армию, до сих пор как будто не существовавшую, ограждает безопасность всех наших южных пределов. Этот двойной характер события, положительный и возможный, относящийся к настоящему и будущему, должен для нас иметь тот же смысл, какой имеет он для иноземцев. Пользуясь благоразумно прямыми плодами победы, не вызывая последствий, мы не должны, однако ж, закрывать перед ними глаза. Положение дел изменилось в основании, и русским не приходится понимать эту перемену меньше, чем понимают ее англичане или французы. Возможность не есть еще необходимость; но возможность чего-либо значительного имеет положительное влияние на соображения, а, стало быть, и на дела; она должна быть верно оценена. Я буду говорить не о фактах, но о положении дела, из которого могут произойти особенные факты. Надобно помнить, что практическое разрешение данного положения дел никогда не совпадает вполне с теоретическим, что сумма фактов, действительно извлекаемых из него людьми, никогда не равняется сумме фактов возможных. И потому я надеюсь, что ни один читатель не смешает теоретической постановки вопроса, данной общим положением дел, с его практическими результатами в истории, зависящими от тыс. случайностей. Во всяком случае лучше знать, куда плывешь, чем предаваться течению воды с закрытыми глазами.

Вы могли заметить, что с начала этих писем и до конца речь о влиянии кавказских событий на наши отношения к Азии беспрестанно подвертывалась под мое перо, что вопрос этот как будто сквозил в изложении местных событий. Я повторялся невольно, не искавши этих упоминаний, увлекаемый самой сущностью предмета. Давно уже, чем больше я вдумываюсь в него, тем тверже и определеннее становится мое убеждение. В течение шестидесяти лет беспощадной войны на Кавказском перешейке решался действительно, если и не совсем

сознательно, великий азиатский вопрос. Я скажу потом, как я понимаю этот великий вопрос. Он решался не совсем сознательно, потому что стоял выше временной системы политики; он истекал из географического размещения русского народа, из образовательных стремлений его истории. В нем сказалась та основная историческая сила, утратившая для многих свое прежнее название и не получившая еще нового, которая направляет бессознательные и отрывочные усилия поколений к цели, раскрывающейся с полным смыслом только перед их потомками; сила вещей, которую можно понять, лишь оглянувшись назад. Я убежден, что покорение Кавказа откроет совершенно неожиданные исходы многим значительным вопросам. Но потому именно в этом событии, как во всех капитальных событиях истории, содержится гораздо более, чем сколько предполагала цель, которой добивалось современное поколение. Правительство сознавало свои виды отчетливо: оно хотело утвердить бесспорное русское владычество над внутренними азиатскими бассейнами, оградить всю нашу южную границу, о чем я сказал довольно подробно в первом письме. Государство достигло этого результата; но в ту же минуту перед ним открылись новые горизонты, вещи стали в новую перспективу, которую нельзя по произволу принимать или не принимать во внимание. Сила вещей всегда сама о себе напомнит.

Я не могу не заметить одного обстоятельства, которому, конечно, каждый придает смысл, сообразный с собственным настроением, но в котором я вижу чисто историческую судьбу, называйте ее как хотите. Утверждение русского владычества на Кавказе я понимаю не только как исторический результат, но как историческую цель, потому что событие до такой степени верно пригнано к обстоятельствам, что ни прежде, ни после оно не имело бы своего нынешнего значения. Прежде, при 30-миллионном населении, Русское государство не могло отделить в глухой угол своих владений тех громадных сил, которые оказались нужными для покорения Кавказа, тем более, что в прошлом веке мусульманская Азия не была еще в состоянии своего нынешнего растления. Начав эту борьбу

слишком рано, мы могли потерпеть полную неудачу, которая навеки замкнула бы южный горизонт России снежной стеной Кавказа. Позже мы могли застать дело уже проигранным, найти сумму азиатских дел, устроенную помимо нас и против нас, а на Кавказском перешейке встретить противников, которых нам было бы невозможно одолеть без перевеса на море. Тот и другой случай могли легко осуществиться. Если бы в царствование Анны Иоанновны с беззаботностью, отличавшей бироновские распоряжения, русские войска не были вызваны из прикаспийских областей, мы непременно приняли бы тогда же Грузию под свое покровительство, и борьба за обладание Кавказом возгорелась бы в то время, когда наши силы далеко не были для нее достаточны, когда между заселенными русскими областями и Кавказом лежали еще дикие пустыни; слишком ранний вызов кавказского вопроса на сцену света, вероятно, решил бы его против нас. Если бы занятие перешейка не совершилось в суматоху Французской революции, до первой войны с Наполеоном, то во время великих войн начала столетия было бы уже слишком поздно; посягательство на обширные турецкие области, столь необходимые для ограждения всех азиатских владений этой империи, всех западноевропейских интересов в Азии, непременно возвело бы кавказский вопрос на степень вопроса европейского. Так же точно, если бы внутренняя война на Кавказе дотянулась до нового европейского разрыва после планов, высказавшихся в 1855 г., наше владычество на перешейке могло быть снова поставлено на карту. Нельзя не подумать, что если начало и конец Кавказской войны бессознательно совпали с такими исключительно удобными моментами, а в смысле человеческого предвидения они совпали с ними, конечно, бессознательно, то делом этим руководил случай чрезвычайно разумный.

Завоевание Кавказа составляет такое же решительное событие в русско-азиатском вопросе, каким было в свое время завоевание Казани и Астрахани. Вся русская история есть преимущественно один бесконечный азиатский вопрос, с того давнего времени, когда первые славянские общины стали по-

даваться на восток, оттесняя или перерабатывая в своих недрах азиатские племена. Европа кончалась прежде Вислой и устьем Дуная; русские славяне раздвинули ее далеко на восход и продолжают раздвигать, в силу того же исторического стремления, которое сказалось прежде на Киеве, потом — на Муроме, потом — на Казани и Сибири, теперь сказывается на Араксе, на Сырдарье и на Амуре. Европейская порода, ставши человечеством по преимуществу, неудержимо раздвигается по земному шару, — с запада через моря, с востока через степи и горы. Насколько судьбы Америки, Африки и Океании подчинены постепенным ходом истории западноевропейскому племени, настолько же, вследствие распределения по земле человеческих пород, современная история Азии связана с судьбой племени восточного. Если европейцы могут удобно протянуть руку к оконечностям этого материка, то мы тяготеем на центры его всей массой своего огромного и постоянно растущего тела. С одной стороны, завоевание основано только на военной силе, с другой — происходит постоянное поглощение в себя. В прошлом столетии русский народ дорос до рубежей, казавшихся тогда естественными — до подошвы Кавказа и берега Урала — однако ж, не остановился на них. Если бы мы были предупреждены на Кавказском перешейке другими европейцами, влияние которых необходимо и немедленно простерлось бы на закаспийскую Азию, то Урал и Кубань с Тереком стали бы нашими вечными пределами; русский народ ограничился бы на всемирной сцене и во всемирной истории ролью замкнутой со всех сторон Германии, население которой постоянно растет только в пользу других национальностей, ежегодно отдавая их колониям свой избыток. Но совершился противоположный факт, и теперь едва ли найдется такой систематик, который указал бы нашему племени новые пределы, «их же не прейдеши», тем более, что их нет на карте. Естественные рубежи, если в них выражается только географическая сила, могут задержать разрастание великого народа, но не остановить его; рост племени останавливается окончательно только при столкновении с другим действительно живым

племенем, с самобытной народной личностью. Где у нас такие соседи на азиатском рубеже? Живая личность есть выражение силы, постоянно действующей в народе, а не окаменевший отпечаток жизни, когда-то работавшей, но давно иссякшей; не лицо мумии, как бы она ни была хорошо сохранена. Слабая жизнь может вспыхнуть снова, грубая жизнь может переродиться; но для этого все-таки нужно, чтобы была какая-нибудь жизнь. Нынешние азиатские народы составляют ли в какой-нибудь мере живые организмы, или превратились в настоящие окаменелости, которые рассыпаются понемногу в неорганический материал? В этом состоит весь азиатский вопрос. Для живых сил мертвый народ все равно что необитаемая земля; он не может составить вековой исторической границы.

Что касается до меня лично, я твердо убежден, по очевидной наглядности, что в нынешних мусульманских народах Азии нет больше никакого живого источника общественной силы, что они живут буквально как механическое собрание единиц, ничем между собой не связанных. Я знаю нескольких людей, долго пробывших в Азии, которые вынесли оттуда иное мнение о туземцах и даже пристрастились к окружавшему их быту. Видя вокруг себя живых людей, с такими же страстями, как все, они не заметили мертвенности общества (покойный Сенковский отлично обрисовал таких обращенных европейцев по отношению к Китаю). Впрочем, ни один наблюдательный человек не впал в эту ошибку. Общий голос всех сколько-нибудь зорких наблюдателей говорит об азиатцах одно и то же. Мусульманские народы пришли к своему нынешнему растлению в течение веков, шаг за шагом; но глубина этого растления обнаружилась внезапно в текущем столетии, как только они стали в постоянное соприкосновение с Европой: так труп сохраняется века в могиле, пока не подует на него струей свежего воздуха. В наше время они действительно рассыпаются пылью.

Мусульманство вытравило в азиатских народах не только всякое сознание, но даже всякое чувство национальности. Исламизм — религия до такой степени исключительная и

внешняя, что он гонит, как жесточайшего врага, все, что не истекает прямо из него не только в понятиях, но в малейших отношениях, какие только представляет жизнь в самых простых материальных привычках. Когда мюридизм, в котором в наше время исключительно сосредоточивается духовная жизнь исламизма, становится довольно силен, чтобы перевести проповедь в действие, он прямо казнит за всякую черту национальности, за все, что напоминает бытовой характер людей, от песни и сказки до общественного управления и суда по обычаю. Он втискивает человека на всю жизнь в чуждые для него арабские формы VII столетия. В старой Азии исламизм давно уже добился этого результата, — люди стали всецело мусульманами и перестали быть людьми. На всех них лег один отпечаток, общий до малейших подробностей. Национальность осталась как язык, иногда как костюм, но не как понятие; она не составляет там никакой общественной связи и не имеет никакого сознательного значения. Беспрестанные перевороты растасовали азиатские племена совершенно случайно, так что они не чувствуют больше, когда их режут по живому телу. Государство как национальность не имеет там никакого смысла. Кроме того, так как мусульманство есть не только религиозный, но вместе с тем политический, гражданский и финансовый закон, навеки нерушимый, простертый до последних подробностей общественной и семейной жизни, то прогресс в чисто мусульманском обществе невозможен иначе как пришивная заплата. Что будет развивать из себя мусульманин, когда, с одной стороны, в нем нет типического основания, которое может во что-нибудь развиться, когда в нем нет национальности и когда, с другой стороны, над ним поставлен непреложный, религиозный закон, в котором жизнь личная и общественная расписана по программе.

Под ногами его нет почвы и над головой его нет простора, мысль его должна начаться ни с чего, для того чтобы сейчас же упереться в неодолимое препятствие — в арабские понятия VII в., регулирующие все на свете и вне которых все объявлено грехом и ложью.

Очень естественно он разучивается жить нравственно, как слишком долго скованный человек разучивается ходить; у него высыхают органы нравственной жизни, как у того высыхают ноги. Первоначальный халифат — не пример; в воспаленном состоянии человек может сделать удивительные вещи. Но когда остыл жар, у мусульман остались только кандалы на душе и невозможность податься ни в какую сторону. Единственное чувство, способное соединять их, есть фанатизм. Это до такой степени верно, что в настоящее время, когда мусульманство, придавленное Европой, в первый раз почувствовало свое внутреннее бессилие и стало искать какого-нибудь обновления, оно могло выдумать только мюридизм, обвивший теперь всю Азию сетью тайных обществ[33], мюридизм, который есть не что иное, как мистический исламизм, доведенный до последней степени изуверства. 150-миллионная масса мусульманства не могла выработать из себя ничего больше, потому что ничего другого в ней и не содержится.

Но как могут существовать в обществе подобные люди, для которых недоступна никакая мысль об общественном деле? Они существуют под гнетом внешней силы. Население азиатских государств — это сухой песок, насыпанный в ящик, стенки которого не дают ему рассыпаться. Нынешний азиатский деспотизм не обусловлен ни нравами, ни понятиями; он не заключает в себе никакого понятия, он есть механическая сила, царствующая над мертвым телом. Единственное отношение азиатцев к правительству состоит в том, что они стараются иметь с ним как можно меньше дела; а затем, кто держит власть, это для них совершенно все равно. Чужеземный или природный государь владеет страной, они видят в нем ту же внешнюю силу. В прежнее время религиозный фанатизм был значительной препоной иноверному владычеству; но тогда человек был все-таки меньше в тисках и мог еще позволить себе некоторые прихоти; азиатское правительство стоило дешево, и, несмотря на частные усилия, масса дышала довольно свободно. Ныне же, с увеличением потребностей правительств, с введением регулярных армий, которые стали показываться даже в

Бухаре, жизнь райята, подданных, стала до того невыносима, что — можно сказать положительно — массы в Азии желают от власти только одного, чтоб она меньше их давила, не обращая никакого внимания на ее происхождение. Жители пограничных с Закавказьем областей Турции и Персии, имеющие перед собой точку сравнения, громко высказывают желание, чтобы хоть русские избавили их от непомерно тяжелого ига. В настоящее время массы азиатских населений — без национальности, без малейшего сочувствия и уважения к власти, без надежды на будущее, постоянно угнетаемые все больше и больше, — живут со дня на день и проклинают свою судьбу; большинство встретило бы с радостью всякое изменение в своей участи, каково бы оно ни было. Конечно, в этом не заключается еще причины для нас брать на себя заботу об участи ненужных нам областей; но зато заключается достаточная причина не считать такого положения вещей прочным, не считать соседей географических соседями историческими, ждать всевозможных происшествий и быть к ним ежеминутно готовыми.

Невозможно ожидать какого-либо обновления мусульманских обществ изнутри, их собственной силой. Источник всех преобразований на свете лежит в душе человеческой, бессильной без присутствия идеала естественного или выработанного, который заставляет ее стремиться к высшему. Но мусульманство, с одной стороны, выело в душе человека все первобытное и всецело наполнило ее собой, с другой стороны, не поставило перед человеком никакого идеала, даже в самом узком значении этого слова. Мусульманство в полном смысле — религия натуралистическая, с прибавкой сверхъестественной декорации, религия, которая оправдывает человека как он есть, не требует от него внутреннего возвышения над самим собой, освящает одинаково все его страсти, всем им дает законный исход, от многоженства до кровноместничества, и спасает человека ценой одного исполнения внешнего закона. Мусульманский сверхчеловеческий мир есть не идеал для души, но расплата за исполнение закона; он есть та же чувственная природа, только ярче расписанная; он наполнен

теми же людьми, только в положении шаха, а не подданного. Исламизм взял из христианства определение духа и мира, но затем смысл вещей остался в нем языческий без изменения. К какому идеалу будет стремиться мусульманин на земле, когда даже небо не представляет ему ничего идеального? Проникнутый насквозь религией, составляющей весь его кругозор, потому что в магометанской религии заключается все — законы семейные, гражданские, уголовные, финансовые; став мусульманином до конца ногтей, до такой степени, что от Марокко до Борнео его можно узнать по тому только, как он садится обедать и как держит нож в руке, мусульманин не может выбиться из очерченного около него круга. В продолжение восьми веков ряд могучих личностей напрягали все силы, чтобы расширить как-нибудь кругозор исламизма, но все эти усилия остались вариацией на одну тему, как азиатская музыка. Никакой гений не может извлечь из данной темы заключений, которых она не содержит. Так было, и так будет. Мусульманский мир бесплоден в основании. Бесплодие личного духа перешло в мертвенность общества, существующего только механически.

Довольно известно значение реформ на европейский лад, предпринимаемых теперь по всей Азии. Тут происходит соглашение элементов, естественно несогласимых, соединение воды и огня; вода испаряется без следа, но успевает потушить огонь. В продукте остаются люди, которые ничему не научились, но утратили последний след убеждений и чувств, каковы они ни были, и заменили их верой в одни деньги, кто бы их ни давал.

Люди официального класса (и в том числе самые близкие к престолу) усердно напрашиваются на службу европейским интересам за деньги; продают свою страну, нисколько не скрывая этого и никого этим не удивляя; одним словом, показывают величайшее равнодушие к тому, что у нас называется отечеством и династией, а для них составляет временное соединение людей под случайной властью. Все они такого же мнения об общественном деле, как персидский сановник в Гаджи-Бабе, который говорил: «Англичане все твердят мне об Отечестве и общем благе; но какая же мне польза от того,

что государство сильно и шах получает много денег, когда эти деньги идут ему, а не мне, и что мне за выгода, если мои сограждане будут богаты, — ведь то будут их деньги, а не мои». В этом отношении нет в Азии более или менее испорченных людей; подобное суждение составляет для них дело здравого смысла — и натурально. Надобно еще раз повторить, что исламизм отнял у мусульманина общественную почву, и в то же время не развил в нем нравственного чувства; нравственность исламизма состоит в исполнении нескольких условных предписаний закона. Тот же сановник был, может быть, человеком религиозным и свято соблюдал заповеди: 1) молиться пять раз в день; 2) подавать милостыню; 3) не пить вина; 4) съездить на поклонение Каабе; 5) хоть раз в жизни порезать неверных (газават). По всей вероятности, еще он был мистиком и очень хитросплетенно рассуждал о метафизике веры, как всегда случается с умными мусульманами под старость; может быть, готов был при случае пожертвовать жизнью за веру; но все это не могло нисколько приблизить его к понятию об отечестве и гражданских обязанностях.

Давно уже мусульманский мир впал в такое состояние; давно уже народ превратился там в численное собрание единиц, из которого счастливые атаманы разбойничьих шаек стали по нескольку раз в столетие выкраивать всякие государства; эти государства жили день за днем, пока не столкнулись с Европой.

При этом столкновении распался весь их сгнивший механизм. Состояние безнадежного бессилия, внешнего и внутреннего, стало смутно чувствоваться правительствами и массами. Правительства стали подражать наружным формам европейского государства, полагая, что в них вся сила; подражание оказалось не под силу экономическим средствам их подданных, скоро раздавленных новыми требованиями; массы, глядевшие прежде на правительство без участия, с равнодушием привычки, возненавидели его двойной ненавистью — как отступника веры, обольщенного гяурами, и как безжалостного притеснителя. Религиозная ненависть к отшатнувшемуся официальному слою выказалась в чрезвычайном развитии тайных

сект — мюридов в суннитстве и бабистов в шиитстве, принявших самый резкий политический характер. Мюриды в особенности образовали государства в государстве по всей мусульманской Азии и грозят страшными потрясениями, разумеется, совершенно бесплодными в результате, как все внутренние движения исламизма. Материальный гнет вызвал бесформенную, но общую ненависть к власти. Все стали врагами настоящего порядка вещей, — но одни ищут спасения в собственной силе (и ищут напрасно, потому что она может только разрушать, а не создавать), другие — в сознании своего бессилия ждут избавления от кого бы ни было, хоть от гяуров, только бы им стало полегче. Как ни было поверхностно соприкосновение азиатских населений с европейскими, но оно было достаточно, чтобы заронить в душу первых смутное чувство своего бессилия, какое-то мерцающее сознание в том, что судьбы мира в наше время отданы гяурам. При фаталистическом настроении восточного человека и бессвязности восточных обществ, живущих чисто механически, одно это чувство, разрастаясь понемногу, заранее обрекает в жертву азиатскую автономию.

Близкое соприкосновение Европы с Азией, происшедшее в наше столетие, было столкновением железного горшка с глиняным, как в басне.

Таково, без преувеличения, современное состояние мусульманской Азии. Я не знаю Азии языческой, но по всем приметам надо думать, что она еще мертвеннее и несостоятельнее. В наш век застой Востока перешел в разложение; последняя связь — связь привычки — стала рушиться. В то же время европейцы вторглись со всех сторон в эту разлагающуюся массу. Вчера они вломились в восточный мир через Индию и Африку, сегодня ломятся в него через Турцию и Китай. Окончательный исход этого великого движения не представляет никакой загадки, хотя нельзя определить его срока. Каждая деревушка, захваченная европейцами на Азиатском материке, составляет зерно подвластного царства и разрастается в него непременно, если не будет осилена противодействием других европейцев, — по тому же закону, как камень,

брошенный в болото, погружается, пока не дойдет до твердой почвы. В современных азиатских массах нет никакой силы, кроме силы инерции; обновиться изнутри они не могут; им предстоит участь всякой глыбы, на которую действуют живые силы. Азия будет разнесена европейцами. Что из этого выйдет в истории; каким образом азиатские населения могут быть перевоспитаны и возвращены к жизни европейцами, толковать об этом было бы вздором. Но факт разнесения стоит у всех перед глазами; сомневаться в дальнейших последствиях его нельзя, так как в самой сущности вещей не заключается причины, которая могла бы положить ему предел.

Если бы Россия остановилась на естественных пределах Кавказа и Урала, замкнула бы себя в положении местного государства, отказываясь от всемирной роли, которую исполняют две морские державы, и тогда азиатский вопрос был бы ей ближе, относился бы к ней прямее, чем ко всем другим. Что для Западной Европы — дело удобства и выгоды, то для России — дело жизни. Она естественно относится к Азии так же, как Соединенные Штаты до разрыва относились к Америке. Сливаясь с Азией на протяжении 10 тыс. верст, соприкасаясь непосредственно со всеми ее центрами, живя с азиатскими народами, можно сказать, под одной крышей, Россия связана с ними необходимостью. Если бы мы замкнулись в географических пределах, и тогда бы не могли быть равнодушными к политическим сочетаниям, происходящим на нашей южной границе, самой слабой и открытой; даже в этом случае события в Азии были бы для нас не политическим вопросом, а жизненным делом. Но Россия не могла остановиться ни на Кавказе, ни на Урале. Наступление было удобнее, чем пассивная оборона в этом невыгодном положении; даже прежде, чем мысль о его необходимости выработалась сознательно, первый, не возвратный шаг был уже решен событиями.

С того же дня, как Россия вдвинулась в коренную Азию и слилась с ней безраздельно, она стала в необходимость отнестись к азиатскому вопросу как к своему домашнему делу. Не случайным захватом попали мы в Азию, как другие евро-

пейцы. Огромное тело России вросло само в середину этого отжившего, рассыпающегося, со всех сторон расхватываемого мира и, независимо от произвола и политической системы, должно оказать на него действие магнита, прикоснувшегося к куче железных опилок.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

Россия относится к Азии совсем иначе, чем западные народы. Азиатские дела для нас — не роскошь, не прихоть, происходящая от избытка сил, не удовлетворение той или другой исключительной цели, как торговля, политическое влияние и пр.; для нас они — дела русские, обойти которые нам нет никакой возможности. У России, как у Януса, два лица: одно обращено к Европе, другое — к Азии. Мы не создавали себе такого положения, мы родились государством, сросшимся одинаково с Европой и с Азией. Англия владеет Индией потому только, что ей случилось нечаянно захватить эту страну; без Индии она будет все той же Англией, ее острову не грозит ни на волос опасности от каких бы то ни было событий в Азии. Для России же результат перелома, начинающегося на этом материке, составляет жизненный вопрос. Судьба народов, живущих вдоль нашей безмерной южной границы, от Черного моря до Тихого океана, есть наше личное дело. В своем нынешнем состоянии эти народы не могут иметь значительное влияние на наши дела и сами по себе всегда оставались бы ничтожными; но как спутники чуждого могущества они могут, по своему географическому положению, получить великую для нас важность. По мере того, как падает автономия азиатских государств, державшаяся до сих пор только отчуждением и замкнутостью, европейские влияния приобретают там значение, с которым надобно считаться больше, чем с местными правительствами. Европейцы располагают союзными им государствами Азии, как в прошлом веке соседи располагали Польшей, с той разни-

цей, что всегдашняя анархия делала Польшу бессильным орудием в руках того, кто ею повелевал, между тем как азиатский деспотизм, хотя несостоятельный для действительного управления, тем не менее располагает материальными средствами страны. Когда европейцы налагают руку на такое правительство, они становятся неограниченными повелителями государства, могут организовать его силы на его же счет и распоряжаться ими произвольно. Подобный протекторат составляет неотвратимую участь всех туземных государств Азии; в нем заключается первый фазис, первоначальная форма обладания Европы над этой частью света: надо быть слепым, чтоб этого не видеть. Всякое европейское влияние в азиатском владении, становясь первенствующим, необходимо принимает такой характер. Нынешние восточные правительства, выдвинутые внезапно и против воли из прежнего замкнутого положения, очутившись неизвестно как в соседстве европейцев, ненавидимые массами, всегда дрожащие перед несколькими претендентами, вынуждены по своему бессилию стать на чью-либо сторону, принять чью-либо опору против внешних и внутренних опасностей. Европейский союзник не может положиться на добрую волю сераля, поминутно раздираемого интригами, и, чтобы закрепить за собой союзное правительство, должен обставить его своими людьми, то есть взять его под опеку, которая, усиливаясь по необходимости с каждым днем, обращает союзника в данника. Последние государства Азии, сохранявшие доселе наружную самостоятельность, начинают видимо клониться к положению европейских вассалов. Персия, Афганистан и Китай находятся накануне полного вассальства; та же участь постигнет неизбежно и скоро государства Средней Азии, с какой бы стороны ни пришло господство. По всей вероятности, обширные восточные царства, устоявшие до сих пор, распадутся на наших глазах: распадение только ускорит порабощение их в Европе. Западные могущества, утвердившись в Азии, не могут остановиться на полпути и ограничить свое господство, — прямое или косвенное, в сущности это все равно, — какой-либо определенной чертой. Беспрестанные перевороты

у соседей поневоле вызывают вмешательство в их дела, для предупреждения опасностей на своей границе; а эфемерные азиатские владения рассыпаются от первого прикосновения европейцев, как карточные домики, и опеку приходится распространять все дальше. Уже в двадцатых годах, кончив войну с маратами[34], англичане зарекались идти дальше; и, однако ж, теперь протекторат их простирается до Герата и Балха; Афганистан и Персия интересуют их больше, чем Дания и Италия. В нынешнее время к английскому влиянию в Азии начинает присоединяться французское. Не говоря о Китае и Кохинхине[35], кто не помнит сирийских событий? На тот раз ревность Англии остановила французские планы.

Она же мешает развитию полной деятельности международной Суэцкой компании, которая, как все знают, есть предприятие чисто французское со всеми задними мыслями Сирийской экспедиции. Соперничество двух морских держав имеет серьезный характер, пока спор у них идет с глазу на глаз. Однако ж, когда пойдет дело о нас, русских, о наших интересах, можно быть уверенными, что Франция и Англия будут согласны в своих видах в Азии, как и в Европе.

Каждая из них лучше сделает десять уступок другой, чем единую уступку нам. Нельзя не сказать, что, со своей точки зрения, они в этом случае не совсем неправы. Не говоря уже о племенном общественном религиозном несходстве нашем с Европой, заставляющем ее смотреть на нас как на чуждый и не совсем понятный для нее мир, но самые последствия успеха в восточных делах неравны для обеих сторон. Захваты на востоке могут быть очень полезны для Англии и Франции в разных отношениях; но они не усиливают могущество метрополии в Европе, напротив, скорее развлекают его; эти владения всегда остаются чуждой страной для господствующего народа, никогда не могут служить для него источником новых сил. Напротив, наши приобретения, совершаемые у пределов самого тела империи, через несколько времени срастаются с ним и непосредственно приращают его могущество. Завоевание Пенджаба нисколько не усилило Англию в нашей части

света; завоевание Кавказа значительно усилило Россию даже в Европе. Я не думаю, чтоб иностранные дипломаты сознательно руководствовались такой идеей, но в политике инстинкты, предчувствия и предубеждения играют такую же роль, как идеи. Несомнительно одно, что в азиатских делах еще более, чем в европейских, мы не можем надеяться не только на сочувствие, но даже на снисхождение кого бы то ни было; что если всякий охотно примет нашу помощь для себя, как это уже бывало, то там, где идет дело о наших собственных интересах, никто нам ее не окажет. Как жнецы в басне, мы можем рассчитывать только на себя и на своих.

Но для России, которой южная граница рассекает вдоль весь Азиатский материк, судьба сопредельных азиатских народов есть, в известном смысле, ее собственная судьба. Взяв в руки карту Азии, легко увидеть, в каком положении очутились бы мы, если бы враждебный нам протекторат охватил Азию до наших пределов, если бы неприязненное влияние достигло Каспийского берега или прикоснулось хоть в одной точке к массе кочевников, наполняющих Среднюю Азию от Урала до устья Амура.

Кочевые орды Средней Азии, столько раз опустошавшие мир, остались теми же, как были всегда; века не производят никакой перемены в этом патриархальном быту, изменилось только то, что по окраинам их пустыни стали регулярные войска могущественного народа, немногочисленные, но страшные для них, как испанцы Кортеса были страшны для американцев, — пропорция силы, чисто нравственная, которую мы должны тщательно охранять. Мне сдается, что на малодушие киргизов, туркмен или монголов полагаться нельзя. Кавказ помнит, как при Ермолове две роты считались в Дагестане силой неодолимой и как потом двадцать батальонов с осадным парком казались силой, едва достаточной для осады одной деревни. Те же туркмены, которых десяток бежит от одного русского, ходят в одиночку на десять регулярных персиян, вооруженных ружьями со штыками, — доказательство, что трусость их против нас есть трусость не физическая, а чисто нравственная, основанная

на мнении о нашей неодолимости; мнение же — вещь переменчивая. Если бы какое-нибудь европейское могущество могло раздвинуть пределы своих азиатских владений до южной границы степи и войти в прямое соприкосновение с массой кочевников, нынешнее положение вещей могло бы круто измениться; подстрекательство и ввоз хорошего огнестрельного оружия могли бы создать великую для нас опасность. С другой стороны, мы видели, какое чудесное превращение совершал мюридизм в мусульманских массах, какую отвагу, какое презрение к жизни внушал он вчерашним мирным пастухам. На Кавказе мюридизм уже совершил свое кровавое дело, но и теперь, хоть раздавленный, все еще шевелится. В Закаспийском же крае он может еще грозить пожаром. Во-первых, потому, что Бухара, святое место всего Туркестана, есть настоящее гнездо мюридизма; во-вторых, потому, что христианское владычество в магометанском крае на первых порах всегда выказывает фанатизм, а мусульманский фанатизм в наше время постоянно вырождается в мюридизм, как в свою последнюю форму. Совокупление этих двух опасностей — от европейского влияния с его материальными средствами и от мюридизма, — союз их составляет такую сложную опасность, которой мы никак не должны допустить. Подобный переворот в Азии, вполне сбыточный, может заставить нас податься на задние линии и потребует непомерных жертв для обороны наших бесконечных южных пределов. Повторяю сказанное в первом письме: подобный этому переворот в горах заставил нас занять Кавказскую линию несоразмерным количеством войск. Это первая опасность, для предупреждения которой Россия должна распространить твердым образом свое влияние далеко за свои пределы, чтобы не допустить враждебного соприкосновения в пунктах, где оно может осуществиться. Вторая, еще более серьезная, опасность состоит в том, чтобы чуждое европейское влияние не раздвинулось со временем до внутренних азиатских бассейнов — Каспийского и Аральского морей, на которых мы владычествуем только с одной стороны. Европейское влияние в Азии очень скоро обращает союзников в данников и организует их силы

в свою пользу; и потому, если б оно стало господствующим в Персии или Бухаре, если б пределы его распространились хоть только до верхнего бассейна Амударьи, то нет сомнения, что обладание внутренними морями, которые мы так давно уже привыкли считать своими нераздельно, стало бы вновь спорным делом. Без зоркого внимания с нашей стороны такой неблагоприятный исход весьма возможен. Во время последней Восточной войны был период времени, когда мы были вынуждены с беспокойством оглядываться на Персию; еще ранее того англо-индийские войска уже заходили в Балх, лежащий в бассейне Амударьи. Подобных случайностей, конечно, нечего опасаться во время всеобщего мира, но при первой европейской войне они очень легко могут осуществиться, и тогда будет трудно их исправить. Пока внутренние моря не окружены или русскими владениями, или такими землями, где русское преобладание утверждено непоколебимо, мы не можем назвать их своими и быть совершенно спокойными за будущее. Завоевание Кавказа оградило эти моря прочным образом от всякого прямого покушения со стороны Европы; но нельзя не признать, что до сих пор они еще подвержены обходу с юга и востока, — не обходу в чисто военном смысле, посредством армий, которые нельзя посылать на такие огромные расстояния, но обходу медленному, посредством постоянно усиливающихся влияний, организующих понемногу местные средства, которые потом уже немудрено подкрепить. С утверждением чуждого влияния в Персии, Бухаре или Хиве, с появлением первого европейского парохода на Амударье Каспийское море будет обойдено, и наше владычество на нем станет спорным. Но кто же из русских не знает и не убежден, что даже мысль о соперничестве на Каспийском море, то есть на устьях нашей Волги, не может быть допущена так же, как мысль о каком-нибудь соперничестве на Днепре или на Двине. Тяжелая победа, одержанная на Кавказе, пропала бы даром в этом случае, и Россия отодвинулась бы, в некотором смысле, ко временам Грозного, когда она была окружена врагами не только со своих западных, но и с южных, и с восточных пределов. Прикосновение другого европейского

могущества, прямое или косвенное, к Каспийскому морю, хоть только в одной точке, разом изменило бы все положение русских дел от Кубани до Амура. Мы никогда не увидим такого оборота дела, потому что Россия достаточно могущественна, чтобы противопоставить всяким случайностям соответственные меры; но желательно, чтоб эти меры развивались постепенно, не дожидаясь критических минут, когда исполнение дела становится вдвое труднее, а спешность предприятия заставляет довольствоваться даже полууспехом. Покуда русский человек не может высадиться в каждом месте Каспийского и Аральского берега, как у себя дома, дело это еще не кончено. Но чтоб быть как у себя на Каспийских и Аральских берегах, чтоб сдержать и усмирить в должной степени массу пограничных кочевников, чтоб не допустить запереть себя в тесном горизонте, чтоб не дать остановить естественное разрастание русского племени к востоку, обращающее понемногу пустыни в европейские области, ко благу всего человечества, — Россия должна властвовать, нераздельно, оружием или влиянием, над сопредельными азиатскими странами.

Независимо от политических видов разрастание России к юго-востоку, не только в смысле государства, но в смысле племени, есть дело исторически неизбежное; то же движение, которое поглотило татарские и ногайские орды на юге России, поглощает теперь киргизские и туркменские — на востоке; те же казаки идут впереди мирных населений. Вообразить себе, что можно ограничить расселение великого племени какой-либо заранее определенной чертой, было бы непониманием истории человеческих пород. Направлять подобное движение есть дело власти; но полагать ему определенную меру превосходит силы человека. Там, где последовательно действуют поколения, кругозор современных людей слишком узок, чтоб измерить силу вещей; нам дано только видеть их направление, регулировать его, отстранять преграды, которые, видимо, задерживают движение.

В этом, как и во всех других отношениях, мы не можем позволить, чтоб против нас устраивали со стороны востока

какие-либо искусственные пределы. Кроме южных полуостровов, слишком от нас удаленных, на собственном материке Азии, Россия очевидно не может допустить даже тень какого-либо неблагоприятного политического сочетания без явного ущерба себе.

В пределах древнего царства Чингисхана — на всем протяжении азиатской Турции, Персии, Туркестана, Афганистана, Монголии и Северного Китая не может быть терпимо никакого европейского влияния, переходящего в господство. По географическому положению России исключение западноевропейских влияний из этих стран должно быть нашей политической аксиомой. Но до сих пор эта аксиома могла существовать только в теории. С покорением Кавказа мы получили возможность отстоять ее против кого бы то ни было.

Надобно видеть дело, как оно есть. С того времени, как Русская империя переступила свои естественные пределы со стороны Азии, она уже не может ограничить свое действие заранее очерченным кругом. Будущее теперь принадлежит судьбе. Стоя посреди разлагающегося азиатского мира, в каждой области которого могут ежедневно произойти самые неожиданные события, надобно быть ко всему готовым. Наше владычество в Азии подвержено той же судьбе, как и всякое европейское владычество; мы не можем определить заранее границу, на которой оно остановится окончательно. Тысяча случайностей может заставить нас выдвинуться вперед. Нас могут принудить к тому внутренние перевороты у наших соседей, взрыв фанатических сект, подобных мюридам, угрожающий нашим пределам, отражение враждебного преобладания других европейцев, необходимость сохранить должное влияние над соседом и т. д., без конца. Подобное тому случается и в Европе, но с той разницей, что европейские войны никогда не убивают противника. В Азии же, как она есть теперь, туземное государство может рассыпаться от одного толчка, и победитель, иногда против воли, должен принимать его обломки под свою опеку. Нравственная несостоятельность азиатского мира склоняет его неодолимой силой под протекторат живых народов. Сохранять

дипломатическим путем равновесие европейских влияний на восточные правительства, продающие свою политику с аукциона, есть дело невозможное; чтобы действовать на них внушительно, надобно стоять над ними с мешком золота или с мечом. Протекторат одного или другого европейского могущества — иного выбора нет. Чтоб устранить враждебные стремления из тех мест, в которых они не могут быть допущены, есть только одно средство — иметь в этих землях преобладающее исключительное влияние, поддержанное силой, обязательно обставить серальные правительства этих стран своими людьми.

Надеяться достигнуть этого результата одним дипломатическим путем — значило бы обманывать себя. Но, к счастью, Кавказская война кончилась впору. При нынешнем отношении русских и западноевропейских сил в Азии, достаточно очевидном для всех заинтересованных сторон, при твердой воле и последовательной системе действий Россия может достигнуть необходимых для нее результатов без больших потрясений, без особенного напряжения сил.

Утверждение русского владычества на Кавказе должно оказать решительное влияние на всю сумму азиатских дел, кроме китайских, основанных на обладании Восточной Сибирью. По своему центральному положению Кавказский перешеек командует мусульманской Азией, за исключением южных полуостровов Индии и Аравии, до которых нам нет дела. Закавказье, с внутренним русским бассейном, Каспийским морем, врезываются клином между азиатской Турцией, Персией и внутренней Азией. Непосредственный стратегический театр Кавказской армии, доступный для нее в случае войны, до последних оконечностей, простирается на всю западную половину Азийского материка до Босфора, до Суэцкого перешейка, до Персидского залива и до Гималаев. Я понимаю под непосредственным стратегическим театром такой, который может быть пройден армией в одну или несколько кампаний, опираясь на первоначальном военном основании, на котором находятся ее рекрутские и комиссариатские депо, арсеналы, лаборатории и пр. В этом смысле вся страна, от Гималаев до Константино-

польского пролива, составляет прямой театр действий Кавказской армии; оставляя за собой опорные пункты со складами, она может пройти это пространство до оконечностей. Для ясности я скажу, что непрямым военным театром этой армии была бы, например, Индия, если б нужно было ее атаковать, до чего, вероятно, никогда не дойдет, потому что Индия лежит совершенно вне сферы русских интересов. Несмотря на странный план нападения на эту страну, о котором по временам мечтал Наполеон I, вторжение в нее армии, отправляющейся с берега Каспийского моря, совершенно невозможно, во-первых, по расстоянию, а затем, еще больше потому, что Индия ограждена страшными горами, вполне разъединяющими сферы действия по сю и по ту сторону. Перейдя Гиндукуш, Каспийская армия очутилась бы, как Робинзон на пустынном острове, и через несколько времени, оставшись без пороха, без снарядов, без амуниции, без оружейных принадлежностей, с поломанной артиллерией, должна была бы положить оружие. Для того чтобы напасть на Индию с надеждой на успех, надобно было бы перенести свое военное основание под хребет Гиндукуш, прочно занять подгорную страну и устроиться в ней. Потому Индия и не составляет прямого театра действий Кавказской армии и даже, в настоящем положении вещей, может считаться недоступной для нее. Но по той же причине страны от Гиндукуша до Босфора и Суэца входят, на основании положительных военных данных, в прямой круг действия нашей армии.

Этот обширный стратегический театр распадается по очертанию страны на три сферы, соответствующие очень верно ее политическому делению. Кавказская армия может действовать в трех направлениях: к западу — в азиатской Турции, к югу — в Персии, к востоку — в закаспийской Азии, в Туркестане[36].

По мере отдаления с запада к востоку действие нашей политики может становиться все более самостоятельным, иметь более инициативы. Таким образом, наши отношения к Турции, как к признанному европейскому государству, зависят от общей политической системы, не могут быть от нее отделены; далее, дела с дружественной Персией представляют уже гораздо

более простора, позволяют развить национальные виды скорее и шире, так как на этом театре мы сталкивались уже не со всей Европой, как на Босфоре и в Анатолии, а только с одним европейским могуществом — Англией. В третьей сфере, наконец, в Закаспийском крае, у нас совершенно развязаны руки, мы не встречаем там никакого соперничества, кроме того глухого и постоянного антагонизма, не имеющего прямого влияния на дипломатические сношения, который сопровождает наше сожительство с англичанами в Азии; этот антагонизм будет продолжаться всегда, что бы мы ни делали, и потому из-за него одного нам невозможно себя связывать. К счастью, важность этих трех групп для русских интересов идет в обратном направлении; обстоятельства более вызывают нашу инициативу в восточной группе, где мы пользуемся полной свободой действий, чем в средней, где эта свобода уже несколько ограничена, и в средней — более, чем в западной, представляющей вопросы только в общеевропейском смысле. Первая наша потребность — оградить навеки неприкосновенность внутренних азиатских морей — заключает наши ближайшие цели в пределах Закаспийского края, где мы покуда еще можем действовать без контроля; утверждение русского владычества на восточном берегу Каспийского моря и на южном — Аральского, поставит нас в положение, в котором нам можно будет, без опасения, встретить всякие обстоятельства. Конечно, время несомненного, навеки утвержденного владычества на Каспийском море наступит для нас тогда лишь, когда всякое политическое соперничество в Персии устранится и это государство будет привлечено в сферу русской политической системы до такой степени, что персидский или русский берег будет значить одно и то же; но как Персия, каково бы ни было ее внутреннее состояние, имеет все-таки регулярное и признанное правительство, поддерживающее внешние сношения, то русские интересы могут считаться с этой стороны более огражденными, чем в земле без хозяина, каков Закаспийский край, и не требуют от нас особенно спешной, усиленной деятельности. Все же, что относится к западной части Азии, находится в такой тесной связи с общеев-

ропейскими интересами, что составляет с ними одно и то же и потому подлежит действию Кавказской армии только в случае большой войны, но не иначе.

Во всех этих трех направлениях, обнимающих собой массу мусульманской Азии, свобода действий открылась для России только с покорением Кавказа. Кавказская армия, по своим силам, особенностям и местному положению, есть не только главный, но единственный рычаг, которым Россия может поворотить сумму азиатских дел сообразно со своими интересами. Наши остальные войска в Азии, к востоку от Кавказа, слишком малочисленны для сколько-нибудь значительных предприятий; увеличивать их — значило бы создавать вторую азийскую армию и возвышать военный бюджет, и так достаточно высокий, без всякой надобности, так как Кавказская армия, по своей численности и центральному положению, достаточна для охранения русских интересов на всем пространстве мусульманской Азии; тем более, что ее и без того нельзя значительно ослабить. Как неоднократно доказал опыт, расстояние не позволяет укомплектовать кавказские полки, при каких-либо неожиданных событиях, одновременно с другими войсками империи; они должны быть достаточно сильны, чтоб отразить первый натиск собственными средствами. Оставаясь в такой численности, Кавказская армия может легко отделить силы, достаточные для серьезных предприятий в своей естественной сфере действия, к которой прямо принадлежат внутренние моря; силы эти, требующие одинакового расхода на том или другом берегу, будут находиться в прямой связи с массой, которая останется столь же грозной на Черном море, на пределах Турции или Персии. Силы эти состоят из самых закаленных, самых привычных к походам людей в свете. Удалая горская молодежь, тысячи абреков, живших только оружием и доведенных миром до нищеты, составляющих в своей земле причину беспорядков и опасности для нас, все воины прирожденные, всегда верные под знаменем, привыкшие жить недели в походе парой кукурузных лепешек, составляют сами по себе силу, на которую столько же можно положиться на войне,

сколько желательно дать ей занятие вне края. Шестидесятилетняя война нагромоздила на Кавказе военные запасы всякого рода, устаревшие для европейских действий, но вполне пригодные для Азии. В лице главнокомандующего Кавказской армией сосредоточена власть, без которой нельзя обойтись в серьезном предприятии, власть, которой не лишены другие местные начальники на наших пределах; управление его обставлено опытными людьми, искусившимися в сношении с азиатцами. Без такой власти и такого опыта местное управление восточными делами, требующими совсем особенных приемов, не может быть плодовито. На Кавказском перешейке, омываемом Каспийским бассейном, готовы все средства для внушительного действия за морем и во все стороны. Без достаточных сил под рукой в Азии невозможно систематическое преследование целей. Сила вещей указала уже России центр ее действия, создавая азийскую армию и господствующее географическое положение на Кавказском перешейке. С другой стороны, хоть азиатские дела и находятся в связи с общей политикой государства, но они имеют столько своеобразности, что для ближайшего вполне сознательного управления ими нужен особый орган. Главнокомандующий Кавказской армией может по своему положению ближе, вернее, чем кто-нибудь, оценить все прикосновенное к азиатским делам, в этом звании сосредоточиваются естественно все условия, чтобы быть главным органом русско-азийской политики.

Разрозненность действий на наших южных пределах непременно должна отзываться бессвязностью результатов. Для России азиатский вопрос один, свитый из многоразличных нитей, по крайней мере во всем, что касается до мусульманского мира, и потому система политики должна быть для нас одна, как бы ни было разнообразно ее приложение по местностям. В восточных делах, где постоянно надобно следить за самыми мелочными событиями, где решения туземных правительств основываются не на сознании государственной нужды, а на минутных, всегда личных побуждениях, и колеблются вместе с ними; где положение дел меняется внезапно и часто без ви-

димой причины; где обстоятельствами надобно пользоваться немедленно, иначе все дело выскользает из рук, — там необходима, в лице пограничного начальника, обширная власть, какой, кроме наместника Кавказского, лишены необходимо другие местные распорядители.

Страны, над которыми, в стратегическом отношении, господствует Кавказская армия, входят естественным образом в круг прямого или косвенного действия наместника Кавказского. Круг этот определяется сам собой. Везде, где наши интересы не сталкиваются с интересами общеевропейскими, где специальное знание Востока, составляющего совершенно особенный мир, столь чуждое, даже недоступное дипломатам, взросшим на европейской почве, может быть приложено к ведению дел с некоторой самостоятельностью, там для хорошего успеха должен действовать преимущественно тот правительственный орган, которому эти дела всего известнее. Наместник же Кавказский, по своему личному положению, вынужден изучить восточный люд, управлять им разумно, сохраняя спокойствие в крае; в ежедневной практике дел это знание приходит к нему само собой. Круг, в котором наша азиатская политика может действовать с достаточной самостоятельностью, не возбуждая тем общеевропейских столкновений, начинается только с восточных пределов Турции, — он обнимает Персию и Закаспийский край. Отношения к Персии имеют для нас огромную важность потому лишь, что мы занимаем Кавказский перешеек и владычествуем на Каспийском море, составляющем как бы продолжение наместничества; персидские дела могут сильно интересовать Россию только по значению своему для Кавказа и для обладания этим морем; и только с Кавказа можно зорко наблюдать за ними, следить за событиями день за днем. Закаспийская Азия лежит столько же в сфере действия Кавказской армии и кавказского начальства. Разрыв в ведении дел по сю и по ту сторону Каспийского моря происходит только от неполноты нашего владычества на море, неполноты, которая сама по себе должна быть устранена, чтобы предупредить всякие случайности будущего. Кавказское

начальство указывало на этот недостаток еще в 1857 г.; тогда еще предлагались меры, чтоб установить прочное сообщение Каспийского моря с Аральским, в которое вливаются главнейшие судоходные реки Средней Азии. Если б восточный берег Каспия был занят и сообщение с Аралом устроено, что не потребует ни больших хлопот, ни больших издержек, то этим самым весь Туркестан был бы вдвинут в сферу прямого действия Кавказской армии, и наши дела в Азии получили бы столь желательное объединение, которого они покуда вовсе лишены. Нет сомнения, что исполнение столь естественного и столь немногосложного проекта 1857 г. дало бы нам разом и без войны преобладающее положение на огромном протяжении Азиатского материка; внушительный вид силы решает на востоке все вопросы скорее и полнее, чем самые действия со средствами, не вполне достаточными. В то же время такое объединение покончило бы навсегда с возможностью вопроса о внутренних морях, укрепляя прочным образом все протяжение их берегов за Россией. По моему убеждению, в этом шаге заключается задача текущего времени.

Но надобно, однако ж, твердо помнить истину, что завоевание никогда не может быть целью нашей восточной политики. Вблизи наших пределов нет таких густо населенных и богатых природой стран, как на южных полуостровах; стран, которые сами по себе могли бы манить завоевателя. Кроме нескольких пунктов, нужных для ограждения русского владычества на внутренних морях, на остальном пространстве доступного нам Азиатского материка мы можем желать не владычества, а только прочно утвержденного влияния, которое устранило бы навсегда чуждое соперничество. Несомненная потребность России, как государства и народа, требует дипломатического господства над континентальным телом Азии, но только такого господства, и ничего более. Выгодное положение, созданное для империи безусловным владычеством на Кавказском перешейке, сила и качества занимающей его армии важны для нас как средства для достижения этой цели. Но без этих средств о такой цели нельзя было бы и мечтать, потому что диплома-

тический успех в Азии никогда не приобретается, и тем менее может поддерживаться дипломатическими средствами. В Азии прав только тот, кто силен, влияет только тот, кто влияет исключительно, — это вечная аксиома. Как только азиатское правительство подвержено двум влияниям, хотя бы они опирались на силы, далеко неравные, хотя бы одна сторона была гораздо страшнее другой, прочность его дружбы уже нисколько не обеспечена. Нейтралитет азиатского правительства есть только пустое слово. Предоставлять восточный диван случайным побуждениям, подвергать его возможности искушения, — значит давать нож в руки ребенка. Никакой ряд благодеяний, ни сознание прямой своей пользы, ни даже страх, если только наказание может быть сколько-нибудь отсрочено, не составляют в Азии достаточного обеспечения против интриги подкупленного евнуха, которая в 24 часа может изменить государственную политику. В обыкновенное время, когда гнев европейского покровителя может разразиться мгновенно, азиатский союзник будет еще несколько осторожен; но в критическую минуту, когда силы покровителя направлены в другую сторону и дипломатическая измена поощряется безнаказанностью, хотя бы на месяц, всегда можно ждать такого поворота, который будет тем опаснее, чем был неожиданнее. Англичане знают так хорошо эту черту восточного государственного характера, что не допускают ни под каким видом чуждого европейского агента к правительствам стран, лежащих в их круге действия, хотя бы официально эти страны считались совершенно независимыми; они разобьют диван, который принял бы к себе постороннего дипломата; и совершенно правы в этом случае. Европейское могущество не может терпеть на своей границе нейтрального азиатского соседа; оно может уживаться только с соседом союзным. Средство приобрести азиатский союз состоит если не в прямом употреблении, то по крайней мере в действительном присутствии силы, без которой нельзя ничего достигнуть. Для упрочения союза, для того, чтоб на союзника можно было полагаться, надобно, чтоб он следовал безраздельно, во всем и всегда, внушению своего покровителя. Такую покорность,

составляющую необходимое условие прочных отношений, нельзя оградить от внезапной измены ни выгодой, ни страхом. Для этого есть только одно средство — обязательно ставить садразамом, председателем дивана, в руках которого сосредоточено управление всеми делами, человека своей партии, своего человека, и потом зорко следить за ним. Визирь сам уже расставит везде своих людей, и все управление будет действовать в одном духе. Чтобы устроенная таким образом власть находила везде должную поддержку, надобно дать туземным войскам своих инструкторов, не допуская ни под каким видом ни одного иностранного. При этих условиях политическая связь становится прочной, протекторат делается удобнее и выгоднее прямого владычества; другие европейские могущества не станут тратиться на содержание дипломатических агентов подле правительства, систематически замкнутого для их влияния. Тогда можно будет располагать материальными силами страны, содержимыми на ее же счет, устраняя от себя повседневные хлопоты и прямую ответственность управления; можно будет, не обижая соседа, извлекать пользу из его экономических средств, предоставляя своим согражданам все нужные льготы для торговли и промышленности. Система протектората одна лишь представляет в Азии выгоды вместо неудобств; она немыслима без перевеса силы; при этом же перевесе достигается очень просто — последовательной политикой, сопровождаемой верной оценкой лиц, служащих ей орудиями.

В настоящем положении дел необходимо, чтобы русское общество имело сознательное, установленное мнение об азиатских делах, настолько же, как о европейских. Чего не знает общество, того, по большей части, не может знать отчетливо и правительство, обставленное людьми из той же общественной среды; следствием бывают произвольные взгляды, которые иногда могут остановить все дело. Россия связана с Азией неразрывно, заинтересована ее делами гораздо в высшей степени, чем какая-либо другая европейская держава; но странное дело, несмотря на то, каждое западное государство, имеющее какие-нибудь отношения к Востоку, располагает большим числом спе-

циально приготовленных людей, чем наше отечество, которое безраздельно сливается с Азией на протяжении 10 тыс. верст. Весь итог этих специальных людей состоит у нас из нескольких дипломатических чиновников, служащих в Турции и Персии. В наших штабах нет ни одного офицера, систематически приготовленного к ориентальной части. На Кавказе, где потребность в этих людях так велика, приходится брать их исключительно между туземцами, знающими восточные языки практически, но лишенными, по большей части, европейского образования и европейских чувств, отчего они оказываются только наполовину способными к делу, которого от них требуют. Из этого именно происходит тот факт, что наша материальная сила не отзывается до сих пор на Востоке соответствующим влиянием, что наши понятия обо всем, касающемся Востока, были так сбивчивы, даже в официальной сфере. Современная Россия имеет надобность не в глубоких ориенталистах для науки (которые образуются сами собой), не в нескольких специалистах для замещения консульских должностей, а в массе офицеров, приготовленных настолько по ориентальной части, чтобы с толком служить в управлении, в дипломатии, во фронте наших азиатских полков, инструкторами в войсках сопредельных азиатских государств, чтобы сознательно содействовать интересам отечества по сю и по ту сторону нашей азиатской границы. Этой потребности может удовлетворить не восточный факультет (хотя им можно также широко воспользоваться — будет запрос, будет и предложение), но кадетский корпус, в котором ориентальная часть составляла бы главный предмет. Я говорю о кадетском корпусе, потому что тут нужен не высокий уровень образования, а только масса подготовленных людей. Таланты, которые окажутся между воспитанниками, разовьются сами на практическом поприще. Фельдмаршал князь Барятинский, в уме которого азиатский вопрос созрел систематически, постоянно лелеял эту мысль, пока был на Кавказе. Начинания князя Барятинского перешли в руки великого князя Михаила Николаевича, на котором сосредоточиваются теперь наши надежды. Покоритель Кавказа сумеет развить их во всей полноте.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

В двух последних письмах я старался установить правильную точку зрения на самый факт покорения Кавказа, вывести в общих чертах содержащиеся в нем материальные последствия, насколько это можно было сделать в газетном очерке. Я имел в виду только политический и военный характер новых отношений, в которые наше Отечество поставлено к Азии завоеванием Кавказа. Содержание вопроса этим еще не исчерпывается. Преобладание русского племени на Востоке может вызвать в течение времени результаты, гораздо обширнее и важнее чисто политических. На этот счет я имею свои убеждения и должен их высказать, потому что, несмотря на отвлеченность подобного вопроса, от взгляда на него зависит тьма практических последствий и более всего — система управления азиатскими населениями. Во-первых, надобно отчетливо сознавать, куда идешь; во-вторых, надобно, чтобы всякое владение в Азии окупалось, без чего оно становится бессмыслицей, — господствующий народ — сам себе цель и не может делать приобретения в ущерб себе. Обе стороны дела тесно связаны между собой. Без сомнения, Россия не имеет никакой надобности в завоеваниях со стороны Азии. Твердо установленный протекторат на том пространстве, в котором не может быть допущено враждебных влияний, совершенно удовлетворяет цели. Но нельзя забывать, что азиатский вопрос, как все громадные переломы в истории, разрешается сам собой, гораздо более, чем его разрешают преднамеренно. Действующие в нем стороны подчинены необходимостям, которых часто нельзя отвратить от себя. Несмотря на выгоду протектората, можно предполагать, глядя на всеобщее разложение азиатского мира, что нынешняя граница империи, в полном смысле случайная, может быть, выдвинется еще вперед, и тогда новыми областями надобно будет управлять

так, чтобы владычество над ними во всяком случае не было обременительно для самой России.

Мы видим на деле, что ни одно европейское могущество, имеющее владение на Востоке, не относится нигде к азиатским подданным как к собственным гражданам. Иначе быть не может. Кроме того, что европейские подданные составляют самую цель государства, азиатские же — политическое средство для достижения других целей; кроме того, что одни добровольно поддерживают государство всеми своими силами, других же, напротив, надобно силой удерживать в повиновении; но, что еще важнее, весь мир понятий и потребностей, весь духовный склад человека там и здесь до того различны, что переносить европейские формы управления в Азию было бы очевидно вопиющей бессмыслицей. Западные народы, как англичане и голландцы, владеющие восточными странами, понимают очень хорошо, что подобное владение имеет смысл только до тех пор, пока оно выгодно. Они управляют подвластными, конечно, с соблюдением общих начал справедливости, но преимущественно в своих интересах, не помышляя даже о невозможном перевоспитании мусульманских и языческих подданных в духе европейской цивилизации. Они сохраняют ненарушимо в покорной стране все бытовые формы управления и налогов; европейская власть, заступая место азиатского правительства, оставляет за собой только политическую роль, надзирает над туземной администрацией, но не становится на ее место. Подвластные народы видят, таким образом, в чужеземном господстве верховную власть в ее отвлеченном смысле, какой они всегда покорялись; они не имеют прямого соприкосновения с нею, она не колет им глаза как чуждое, иноверческое иго. При такой системе политический надзор над завоеванной страной всегда идет успешно. Европейские агенты в областях, не обременяемые мелочными занятиями, могут посвящать все время изучению страны, ее экономических средств, духа жителей; они имеют возможность наблюдать за всяким враждебным проявлением в народе, могущим развиться в опасность для господствующей власти (имея дело с азиатцами, такого

надзора нельзя ослаблять ни на час). Немногочисленные, и потому избираемые со строгой оценкой, европейские чиновники исполняют свою обязанность сознательно, принимают к сердцу интересы метрополии, нравственные и материальные. В туземной администрации, стоящей под ними, местное управление идет, как всегда оно шло в Азии; управляемые замыкаются в своем быту, стараются кончать все дела между собой, чтобы иметь как можно менее столкновения с властью; управляющие, напротив, ищут всякого средства поживиться; но вся эта домашняя грязь, мелкое взяточничество и выжимание — составляют для населения семейное дело; туземцы могут жаловаться только на своих земляков и знают, что так было испокон веку. Зато никакие нарекания не падают на европейскую власть; неотвратимая грязь азиатского управления не брызжет на священное имя владычествующего народа. Туземец видит в европейском чиновнике прибежище в крайнем случае. Чиновник этот, представляющий политическую власть, связанный инструкциями, а не формальностями, решает дело удовлетворительно и понятно для азиатца, которому надобно сказать «да» или «нет», потому что он умеет понимать власть только как власть, а не как инстанцию. Со своей стороны, главное управление может безбоязненно вверить обширные права своим агентам, немногочисленным, выбираемым тщательно, обеспеченным, направляемым установленной и строгой системой. Кратчайшую формулу этого рода управления можно высказать таким образом: «замещение деспотического произвола туземных правителей просвещенным произволом европейских агентов, связанных духом, а не буквой системы».

Кроме разумности такого образа управления азиатскими областями, он основывается еще более на необходимости, неотвратимой, абсолютной необходимости. Экономические средства азиатских земель, даже самых богатых, ничтожны перед европейскими. Англичанин платит податей кругом 15 руб. с души, английский подданный в Индии — менее 2 руб.; русский платит 5 руб., закавказский туземец — 1 руб. 60 коп. Цифра государственных доходов, разложенная на количество

населений, составляет по всей Азии менее 2 руб. с души; при этом восточные правительства содержат администрацию и армию, так же, как в Европе. Как же они изворачиваются? Очень просто, тем, что администрация, — по европейскому выражению, все министерства, кроме военного, — стоит им чрезвычайно мало. Кроме внешнего полицейского порядка и преследования разбойников, азиатские населения не хотят никакой администрации, не имеют в ней надобности, избегают ее, как чумы; к их крайнему отчаянию, администрация иногда сама впутывается в их дела для поживы. Для азиатца пойти в суд, обратиться к агенту власти — значит запереть лавку или мастерскую, закрыть дом для соседей, потому что никто не захочет вперед иметь дело с таким сутягой, с таким опасным человеком, который, пожалуй, втянет еще целый околоток в переделку с властью. Для азиатцев то наилучшее правительство, о котором они меньше всего слышат. Третейский суд есть общая форма сделок во всей Азии; цель его совершенно понятна: избежать прикосновения с правительством. Азиатец, не мошенник, ходит жаловаться чиновнику только на чиновника, почти никогда — на своего брата, простого подданного. Идеал азиатца — иметь отношение к власти только в ту минуту, когда он платит подати. Понятно, что при таком настроении населений администрация стоит дешево. Один губернатор, как политический представитель правительства, один казначей, один кади (судья), обыкновенно ничем не занятый, и несколько санджак-бегов для внешних полицейских дел — вот вся администрация области; все остальное — в руках сельских старшин. Притом жалованье, если только жалованье существует, в Азии обыкновенно высоко. Но с такими штатами управление, даже при высоком жалованье, стоит чрезвычайно дешево. Правительство может изворотиться, содержать армию, мотать много денег на внешний блеск при доходе, не достигающем 2 руб. с души. И заметьте, как стоит Азия, никто еще не жаловался, чтобы правительство было невнимательно к нуждам народа; там жалуются на его внимательность, реформа администрации на европейский лад вызывает всеобщие вопли. Ев-

ропейское владычество, заступая место туземного правительства, получает в наследство только тот круг действия, который принадлежал его предшественнику. Этот круг очерчен не произвольной системой, а вековой, устоявшейся силой вещей, духовным складом людей, над которыми она начинает царствовать. Европейская власть не может изменить формы местной администрации, во-первых, потому что она произведет этим неисходную и бесцельную путаницу, которая ее же первую собьет с толку, поставит в невозможность разглядеть что-нибудь в своем собственном деле; во-вторых, лишит ее средств к самостоятельному существованию. Только при дешевизне азиатского управления возможно покрывать военные расходы низким бюджетом восточной страны. Из этого круга нет выхода, разве найдется такой филантропический европейский народ, который, как пеликан на воротах Воспитательного дома, захочет питать своей кровью чужих птенцов. Азиатское владение, не покрывающее всех своих расходов, военных и гражданских, требующее пособия от метрополии, — это сущая нелепость, если только оно не необходимый стратегический пункт, а обширное владение. В азиатском управлении можно выезжать только на дешевизне администрации; стало быть, думать о замене ее форм дорогими формами, европейскими, невозможно.

Но разве это возможнее в каком-нибудь другом отношении? Разве какой-нибудь здравомыслящий человек поверит достаточности перевоспитания азиатских масс на европейский лад, в их цельном политическом составе? Они могут быть поглощены европейской национальностью, примеры этому есть в истории, я скажу об этом в своем месте; перевоспитаны же — никогда. Между формами, в которые сложился человеческий дух на Востоке и на Западе, протекло три тысячи лет, между ними нет более никакого сродства и потому нет сочетания, которое могло бы дать плод, произвести на свет что-нибудь среднее. Как может азиатский язычник или мусульманин, живущий одним мертвым преданием, в которое современная жизнь уже ничего больше не вносит, не понимающий ничего дальше самой голой реальности, выделавший в этом смыс-

ле все свои понятия от философии до семейных отношений, живущий в обществе как оторванная единица, а не как живой член его, получивший это настроение наследственно, как может он связать в каком-нибудь отношении свои понятия с понятиями европейца, основанными на началах, ему недоступных? Как может он, оставаясь азиатцем, подливать понемногу европейскую мысль в свое мировоззрение, давно законченное и замкнутое, не постигающее даже возможности постановки вопросов, на которые европейская цивилизация предлагает ему ответ? Реформы, предпринимаемые европейским правительством на Востоке, не могут иметь другой исход, как подобные же реформы азиатских правительств, разрушающие на наших глазах последнюю связь, связь привычки, которой до сих пор держались их одряхлевшие государства. Но в азиатских реформах производятся до сих пор только опыты в небольшом виде. Каково же было бы заблуждение европейского народа, который перенес бы целиком свои учреждения на Восток и обложил бы вдруг азиатцев сложными формами европейского судопроизводства и администрации, выработанных совсем другой жизнью, отвечающих потребностям диаметрально противоположным, противоречащих религии, вековому характеру, семейному быту управляемых; который, ставя им себя за образец, создал бы в безграмотной, безнравственной, безразличной массе восточных населений — благородное азиатское дворянство, несмотря на то, что азиатцам чужды понятия чести и личного права, что у них нет ни настоящего семейства, ни фамильных преданий по многоженству? Если бы вдобавок этот народ внес в страну подобные учреждения не на чужой, а на свой собственный счет и дошел бы до того, что одно Гражданское управление, не соответствующее ни нуждам, ни средствам управляемых, менее всего соответствующее потребностям самой власти, поглотило бы на себя без остатка все доходы края? Последствия очевидны. Во-первых, ставя на место нехитрого азиатского управления свою сложную администрацию, которой жители не понимают и не могут понимать, мы ввели бы в край самый чудовищный произвол, во многом

хуже чисто азиатского: когда люди не могут даже угадать, что с ними делают, с ними можно делать все, что угодно, прикрываясь дикими для них формами. Во-вторых, подобная администрация вовсе не достигает цели. Законной формой следствия невозможно настигнуть ни одного виновного в стране, где сто честнейших по-своему людей, не колеблясь, дадут очистительную присягу за всем известного злодея, чтобы спасти его из рук гяуров. Бессилие закона заставляет власть поминутно обходить его и действовать по убеждению, произвольно.

В-третьих, принимая на себя низшую администрацию, облекая ее в европейскую формальность, иноземный властитель поминутно напоминает своим подвластным о чужом иге, колет им глаза, собирает на себе одном все проклятия за притеснения и обиды, проклятия, которые остались бы взаимным нареканием друг на друга между туземцами, если бы властитель стоял выше. В-четвертых, при такой системе нельзя уже сортировать европейских чиновников, нельзя их обеспечить и требовать от них многого; приходится выкликать их массой, набирать всех, кто не находит места на родине, и потом выставлять эту сборную массу напоказ туземным населениям, позоря во всех видах неприкосновенное имя владычествующего народа. Приученные к такому порядку дел чиновники заботятся только об ограждении себя формальностями и не заботятся уже о политическом надзоре за населениями — над головами их соберутся тучи, и они их не увидят. И, наконец, последнее. Такое применение европейских форм к азиатской стране, равно неудобное для власти и для управляемых, но поглощающее само на себя все доходы края, не оставляя ничего для его обороны, может существовать только в самом ограниченном размере, как курьезный образчик, как шотландское вино, которое лорд Эльгин выделывал из своей теплицы, стоившее ему 300 франков бутылка. Подобным владением можно забавляться только на счет одной из своих коренных областей, обращая ее средства на покрытие расходов первого. Но представьте, что вследствие особенных обстоятельств это владение расширяется, утраивается, учетверяется, вот уже четыре

области, которые придется закабалить ему; между тем как можно было бы повести дело просто, к взаимной выгоде обеих сторон. Что ж это за управление? Для чьего удовольствия, для какой надобности может существовать такое противоречие? Кто от этого в выигрыше?

Я не распространялся бы о такой несостоятельной теории, если б она оставалась только теорией; но с покорением Кавказа азиатский вопрос встает перед Россией во всей его обширности и неотвратимости; система управления азиатскими областями может со дня на день получить для нас первоклассную важность; нельзя обойти эту сторону дела. Россия овладела в течение веков несколькими мусульманскими царствами и срастила их с собой органически; она доказала на деле прирожденную ей способность царствовать над Азией, доказала ее в гораздо высшей степени, чем какой-либо другой европейский народ. Так было. Но когда, с первым годом столетия, русские заняли Закавказье, в продолжение шестидесяти лет не было даже поставлено вопроса: что такое этот край, как должно государство относиться к нему? Он стал страной научных опытов, к которой прилагались пробы всяких административных систем, без соображения с почвой, на которой хотели их вырастить. Покуда Закавказский край считает не более двух миллионов жителей, бремя, происходящее от ложной системы, не составляет большой тяжести для государства. Но обстоятельство это важно как урок для будущего.

Меридиан Военно-Грузинской дороги делит Закавказье на две части, во всем между собой противоположные — христианскую и мусульманскую. С изгнанием черкесов деление это простерлось на все наместничество; западная половина — все равно что коренная Россия и требует только хорошего управления, с устранением всяких политических взглядов; восточная половина — чистая Азия, покорствующая до сих пор силе штыков, и надобно прибавить, едва ли не самая фанатическая часть Азии. Сказанное выше об условиях разумного управления в Азии не имеет никакого отношения к грузинам, народу христианскому и прогрессивному, добровольно слившемуся с

Россией, но прилагается во всей силе к восточным областям. Можно ли управлять по одинаковой системе той и другой половиной Кавказа, когда цели управления, там и здесь, совсем иные? Эти страны и были отдельными до 1841 г. В Грузии существовало устройство более развитое, с общим русским судопроизводством; в мусульманских областях управление чисто административное, сосредоточенное в руках нескольких доверенных лиц, называвшихся комендантами, — единственно пригодная форма власти для азиатской страны. Последнее управление шло неудовлетворительно; причины неудовлетворительности были очевидны. Такой порядок дел, существующий и теперь в районе, подчиненном военной власти, может действовать успешно только при двух условиях: при строго установленной системе, знающей положительно, чего требовать от управляющих, и при должном выборе и подготовлении людей, назначаемых начальниками в азиатский край. В горском управлении, преобразованном при князе Барятинском, эти условия теперь соблюдаются, и оно идет отлично. Но в тридцатых годах не думали еще ни о том, ни о другом; системы не было никакой, а комендантами назначались люди, вовсе не подготовленные к такому делу. Вместо того, чтоб исправить этот недостаток, в 1841 г. на Закавказский край, без различия местностей, было распространено общее губернское Положение, с неважными изменениями. Палаты, стряпчие, формальные следствия, форменность исков и прошений введены не только в Грузию, но и в мусульманский край. В Грузии новые учреждения далеко превышали потребность общества, почти еще патриархального, и только напрасно удвоили расходы управления; в восточной половине края они, кроме того, привели дела в хаотическое состояние, проясняющееся только на казенной бумаге; управляющие и управляемые, как после Вавилонского столпотворения, перестали понимать друг друга. Не соответствующие силам и потребностям края сложность и дороговизна управления выказывались каждый день все резче. Но здание в европейско-форменном вкусе было заложено, и постройки пошли распространяться сами собой.

Общий результат вышел, с одной стороны, тот, что Гражданское управление, отлично устроенное в теории, но в действительности совершенно чуждое населениям по духу, трудится теперь подобно безукоризненно построенной машине, которая не приведена в соприкосновение с материалом, который она предназначена обрабатывать; с другой же — тот, что закавказские области составляют для государства, в финансовом отношении, не выгоду, а бремя; между тем как главное условие системы управления азиатской страной, самая возможность владеть ею состоит в том, чтоб она не была бременем для метрополии. Природа вещей устроила это дело таким премудрым образом, что самое разумное управление азиатским краем есть в то же время самое дешевое.

Ошибка, как беда, никогда не приходит одна. Вследствие той же теории, распространив на мусульманские области русские формы управления, создали там также татарское дворянство.

В дворянстве народность выражается с сознательной силой: при чужеземном владычестве в нем сосредоточивается весь устой народной жизни побежденных. В азиатской стране, где рабочие массы испокон веку составляют райят — паству, стадо, вечно живущее под игом, не разбирающее происхождения власти, лишь бы она не слишком его давила, нравственное сопротивление чужеземному владычеству только и может исходить из высшего класса, если б он существовал. Но такого класса нет во всей мусульманской Азии: мы сами его создали. В Закавказье существовали ханские фамилии вчерашнего происхождения. Потомков этих фамилий набиралось едва 30 человек, которых легко было обеспечить пенсией. Но при ханах служили нукеры, по большей части из черни, пользовавшиеся, во время службы, частью доходов с какой-нибудь деревни, — обыкновенный вид азиатского жалованья. Из этого элемента, наперекор прямому государственному интересу, в сороковых годах создали невозможное дворянство, и не только создали, но раздали ему казенные земли и деревни. То, что крестьяне платили прежде в казну, они были вынуждены платить с громадной лихвой бывшему односельцу, равному

им до того дня и вдруг ставшему их помещиком. Очень понятно, что такая мера оттолкнула и продолжает отталкивать от русской власти народные массы, отдохнувшие было под ее крылом от персидского ига; и в то же время не могла доставить ей никакой опоры в мнимом, подобранном в черни дворянстве, существующем лишь под охраной русских штыков. Создание дворянства в мусульманских областях умалило в значительной степени государственный доход в то время, когда новые учреждения, беспрерывно усложняясь, требовали все больших средств от края. Я не говорю о другой мере — переводе всех натуральных податей на деньги, — непригодной в своем полном объеме для азиатского края хоть тем, что она делает содержание войск вдвое дороже, — не говорю потому, что таким образом я никогда бы не кончил. Отсутствие системы повело к постоянной перестройке учреждений, причем они беспрестанно и произвольно расширялись, поглощая вновь отрывавшиеся источники доходов. Когда, наконец, в 1860 г., с отделением закавказских финансов, были сведены счеты тридцатилетнему ряду подобных сборов, в итоге оказалось, что все доходы края идут без остатка на содержание одного Гражданского управления.

Если бы закавказские области принадлежали Персии или английской Индии, то, по пропорции жителей, за всеми расходами на управление, на счет их содержалось бы 20 тыс. войска, почти то же количество, которое должно находиться здесь по мирному положению. Они не лежали бы бременем на государстве.

Нельзя никого лично винить за такое положение дел; в нем виновата разве скудость идей русского общества в первой половине настоящего века. Это было именно переходное время, когда наше общество окончательно утратило предания старой Руси, умевшей ладить с азиатцами, и не нажило еще себе новых воззрений. Но, по крайней мере, теперь должен установиться правильный взгляд на предмет, от которого зависит возможность или невозможность решить в нашу пользу первый из всемирных вопросов.

До сих пор европейское владычество в Азии имело чисто политический характер, состояло в военном занятии страны и проходило бесследно. Со времен Александра Македонского европейцы много раз владели на Востоке обширными царствами, обхватывавшими половину Азии; от господства их остались медали европейских династий, но не осталось даже признака какого-либо нравственного влияния бывших победителей на побежденных. Если бы в природе вещей содержалась возможность обновления восточных обществ европейским духом, она выказалась бы хоть раз, хоть где-нибудь, в каком бы то ни было виде. Но история 22 веков не показывает даже признака чего-нибудь подобного. Победоносная цивилизация Европы лежала на цивилизации азиатской, как масло на воде, не сливаясь. Империи, основанные в наши дни англичанами и голландцами в Азии, имеют тот же вид внешнего господства и, по всей вероятности, будут иметь ту же участь, сколько бы ни продлилось их существование. Но призвание русского владычества может быть иное: я говорю это не гадательно. История не знает восточных обществ, обновленных и призванных к новой самостоятельной жизни Европой; но она представляет два примера полного поглощения азиатских народов европейской цивилизацией и национальностью: в Западной Азии, после македонского завоевания, и в восточной России — со времен Грозного. Греки не вытеснили побежденных, как в Америке вытесняют дикарей, однако ж при римском владычестве Малая Азия и Сирия были уже чисто греческими землями — значит покоренные исчезли в чужой цивилизации. В восточной России татарское дворянство обрусело, там давно уже нет высшего мусульманского класса, не существует самостоятельного мусульманского просвещения с его особыми взглядами; там остались кой-где татарские деревни, населенные простолюдинами. Надобно только сличить русского татарина с азиатским, чтобы понять, до какой степени он уже не мусульманин и не азиатец по понятиям, несмотря на сохранившийся обряд. Такое превращение сбыточно. Азиатский язычник или мусульманин не может привить к своим понятиям несродные ему идеи Запада и выработать что-либо из

такого сочетания; но как человек он может понять и принять европейские духовные начала и всецело стать европейцем. При владычестве Греции и России над восточными странами происходило прямое соприкосновение масс, что много облегчало задачу. Но, кроме того, в нашей русской натуре есть, кажется, способность к этому делу, которой недостает у западных европейцев. Те превосходят нас соединением свойств, нужных для заселения пустынных стран: Америка и Австралия свидетельствуют об этом; но тот же самый характер, энергический, жесткий, отстраняющий чужую опору и потому замкнутый, — который разнес испанские и английские поселения по Новому Свету, — составляет препону для сближения их с покоренными восточными народами. Испанцы умели только выгнать своих мавров, англичане проживают в Индии чуждыми пришельцами. Русские по природе своей — не особняки; они живут миром, как пчелы; в одном этом признаке достаточно выражается мягкость характера, общительность, составляющая нашу силу в покоренной азиатской стороне, если только администрация не мешает ей. Русский человек не смотрит на азиатца свысока, не презирает его, как западный европеец; он с ним настолько сжился, чтобы видеть в нем человека. Русское население, возникающее в покоренном крае Азии, становится сейчас же в самые близкие отношения к туземцам, притягивает их в свою сферу и понемногу перерабатывает в духе высшей цивилизации, высшей религии и высшей народности. Что произошло уже на берегах Волги, то может повториться и далее. За горизонтом чисто политических отношений, связывающих нас с современным восточным миром, отношений, на которых должно покуда сосредоточиваться все наше внимание, в тумане далекого будущего, мелькает истинное историческое разрешение азиатского вопроса, по крайней мере в сопредельных России странах. Такое понимание вещей не есть только философия истории, потому что она дает место практическим следствиям.

Может протечь длинный ряд веков, прежде чем выработанная историей общественная форма, со всем ее духовным складом, без остатка перельется в другую. Но в этом нет и

надобности. Полтораста лет тому назад приволжская Россия была уже, в сущности, русской, не помнила своей самостоятельности. Где над страной станет русское просвещение, то есть где нельзя будет выделиться из чернорабочей толпы иначе, как обрусев, там будет Россия уже навеки. Толпа долго хранит свои понятия, и еще долее — свои обычаи; но когда она составляет груду развалин невозвратно протекшей, неспособной ни к какому дальнейшему развитию жизни, то в ней не заключается уже никакой силы. Если существует нравственное общение победителей с побежденными, то действительная жизнь переходит в слои населения, притянутые высшим просвещением владычествующего народа; из этих слоев, каково бы ни было их происхождение, должны постепенно развиться высшие, то есть образованные и зажиточные, классы народа. Для таких классов, когда они заявят свое существование, европейские формы суда, администрации, всей общественной жизни станут не только пригодными, но необходимыми; расширившиеся вместе с просвещением экономические средства страны допустят более сложные учреждения; как всегда на свете, действительно нужное сделается осуществимым. Таким только постепенным ходом вещей, а не внезапной пересадкой не соответствующих делу форм можно внести просвещение в восточную страну. В то же время, если в русско-азиатском владении высший класс должен образоваться постепенно из людей обрусевших, то мы ни в каком случае не должны создавать искусственно высший класс татарский. Цель указывает на средства. Вот практические следствия.

Этим положением, естественно вытекающим из вышесказанного, заключаю ряд моих писем. Я не имел притязания писать историю последних годов Кавказской войны, которая, по сложности предмета и чрезвычайной важности своей для государства, требует обширного труда и, без сомнения, вызовет его в будущем; литература должна поставить свой памятник победителю Кавказа и храбрым войскам, с которыми он совершил это славное завоевание. Но я считал полезным представить русскому обществу, до сих пор малознакомому с

Кавказом, хоть краткий очерк великого события и его прямых очевидных последствий. Я не мог осветить достаточно в этом очерке всех сторон предмета, но должен был по крайней мере указать на них, чтоб читатель мог потом, если захочет, узнать их ближе и вынести свои собственные заключения.

О МЮРИДИЗМЕ

Название «зикра»» есть исковерканное арабское слово «зикир» — славословие или восхваление, употребляемое после мусульманских молитв. В обыкновенном виде зикир выражается известными словами магометанского исповедания; «Ля Илляге иль Алла Мухаммед риуль Аллаха»[37] (нет Бога кроме Бога; Мухаммед — пророк Божий). Слова эти всегда кричит муэдзин с минарета, они употребляются во всякой молитве. Вся коренная разница между сунни и шия[38] состоит в том, что последние к исповеданию веры прибавляют еще «эмириль мемедин Аллиян велли Юлла» (Али — наместник, или верховный предводитель мусульман)[39].

У мусульман отдельных молитв очень мало, и они коротки; можно сказать даже, что у них одна настоящая молитва, которую они говорят в намазе. Она растягивается только обрядовыми телодвижениями, коленопреклонениями и пр. Хотя мусульманские ученые написали бесчисленное множество славословий, но они в обряд не перешли. Зато немногие принятые слова молитв разнообразятся до бесконечности в своем применении, так что иногда одно слово Корана, много раз повторяемое, составляет само по себе особую молитву.

Разные толки, существовавшие в исламизме, философские и мистические, делали таким образом из употребления иных слов исповедания, молитв или названий качеств Аллаха (которых считается 99) символ своего вероучения, придавая им особый таинственный смысл[40]. Иногда они приписывали подобным словам необыкновенную силу, полагая, что повто-

рение их, с возможным напряжением мысли и воли, возводит человека несравненно выше человеческого естества, открывает ему вещи, закрытые для смертных глаз, и может даже, в эти минуты вдохновения, сделать из него орудие, через которое объявляется людям Божья воля. Подобное явление представляет правильный вывод из мусульманского вероучения, по которому Коран имеет семь смыслов, постепенно открывающихся человеку по мере его духовной высоты. Четыре первых смысла могут постигаться мудрецами и святыми; следующие три — открываются, в разные эпохи, великим святым, избранным для того предопределением прежде всех веков. Пророк, разумеется, знал все семь смыслов; наместники его — имамы, покуда они были не мирскими людьми, а святыми, также их знали. Но обыкновенный человек, добродетельный и упражняющийся в законе, может в припадке вдохновения на минуту, только на одну минуту, вознестись бог знает куда и проникнуть, пожалуй, в 7-й смысл Корана; а как 7-й смысл есть вся суть мироздания, то никто не может сказать наперед, какую весточку такой человек может принести с неба на землю. Во время богослужения в мечети есть минута, когда каждый совершающий его мулла становится имамом и может говорить как имам. Таким образом, в исламизме пророчество, можно сказать, узаконено, и может признаваться за человеком, которого никто, в общем смысле, не считает пророком. Конечно, мусульмане, как и другие люди, не поверят на слово человеку, который вдруг станет выкидывать вдохновение; но как вещь эта, сама по себе, допускается в их законе, то все дело тут в степени доверия, какое человек успеет приобрести в народе. Таким образом, у Шамиля в первое время разгара фанатизма и в последнее, когда ему приходилось плохо, пророчества и голоса свыше беспрестанно разносились по горам.

С древних времен повторение исповедания веры «Ля Илляге и пр.» сделалось особым обрядом благочестия, который употреблялся в самых разнообразных видах. Слова эти произносят певучим голосом, под обыкновенный тон азиатской музыки, так что русскому горлу довольно трудно с точностью его

перенять. Сколько известно, мусульмане всегда ходили в бой с этим припевом и беспрестанно повторяли его во время сражения, что делается и теперь. Во время горской войны, когда мюриды начинали петь «Ля Илляге», мы знали уже, что сейчас они будут атаковать. Слова исповедания, мусульманский символ веры, сделались, таким образом, военным кликом, что совершенно в духе исламизма, так как эта вера есть вера воинствующая не в аллегорическом, но в прямом смысле, с Кораном в одной руке и саблей — в другой, и должна быть такой до всемирного халифата, который обнимет землю перед последним днем. Кроме этого значения, «Ля Илляге» повторяется тем же речитативом после намаза, но не обязательно, а только желающими. Это повторение и есть зикир. Некоторые учители веры предписывали не растягивать долго зикира при публике, чтоб не сделать из такой святой вещи зрелища для толпы; дома же велели предаваться ему по мере сил и охоты. Но это предписание не вошло в шариат, а осталось личным мнением.

Еще с давних пор многие духовные учители сделали из зикира особенный таинственный обряд, который со временем распространился в мусульманстве и давно уже всеми признается, хотя некоторые только исполняют его. Надобно было повторять «Ля Илляге и пр.» раз 100—200, даже до 1000, смотря по степени материальной инерции своей натуры, чтоб этими божественными словами победить материю и освободить дух до высоты чистого созерцания. При усиленном напряжении с человеком делается головокружение и даже обморок, в котором он будет или не будет иметь вдохновенные видения, смотря по степени своей святости; но уж самый обморок доказывает значительную духовную высоту молящегося. Этот обморок и есть джазма. Таким образом, зикир есть особая молитва, совершаемая после общей обрядовой молитвы — намаза; джазма — есть результат напряженного зикира. Нет, впрочем, необходимости оканчивать зикир джазмой. Можно проговорить столько-то раз «Ля Илляге» и конец. Когда употребление этого обряда распространяется, то зикир делают все, даже женщины; до джазмы же доходят только некоторые, составляющие

между собой особые мистические кружки, обыкновенно подчиненные какому-нибудь известному учителю; с этим всегда сопряжено преподавание тариката. Дойти до джазмы в одиночку — очень трудное дело; для этого надобно быть святым человеком. Поэтому во все времена ученики зикры собирались в кружок, составляли цепь, и действие происходило несравненно быстрее. В подобном явлении бывает много чистого шарлатанства; но есть и действительность, которую я приписываю магнетизму. Надобно помнить, что зикристы составляют цепь и напрягают волю до крайней степени. Люди, знакомые с результатами обширных глубоких изучений, сделанных в наше время в области религий, знают, что до сих пор по разным храмам и капищам, также между дервишами, происходят очень странные вещи, которые никакой логичный человек не может приписать одному шарлатанству; во-первых, потому что шарлатанство не объясняет этих вещей; во-вторых, потому что миллионы людей не могут вместе обманывать друг друга и верить, и в продолжение веков хранить свой обман в тайне.

Многие знаменитые учители написали в старину целые тома о зикре. Слава их так велика, что теперь предание уверяет, будто эти люди написали свои многотомные сочинения впотьмах, не имея надобности в свече, потому что пальцы их, писавшие о зикре, светились сами собой.

С учением зикры неразрывно связано преподавание тариката. Связь эта требует некоторого объяснения.

Мусульманское вероучение состоит из обширного толкования Корана, на каждое слово которого написан комментарий, и из многих священных преданий. Оно разделяется на 5 частей.

Шариат есть закон внешний, обрядовый; но как в мусульманстве все подчинено религии и определено навеки неизменной волей Божьей, то он вместе закон формальный, обрядовый, гражданский, уголовный и экономический. Он назначает, как и когда должен молиться человек, какое должно быть устройство суда, какому наказанию подлежит конокрад, как делится отцовское имение между детьми, сколько пошлины с товаров

и податей с подданных имеет право собирать государь и пр., и пр., одним словом — все. Шариат обязателен для всех. Он заключает полный кодекс наставлений, что делать для того, чтобы спасать свою душу без дальнего рассуждения.

Тарикат есть закон нравственный. Он учит не делом, а чувством; дела потом уже сами собой истекают из чувств, когда человек будет ими проникнут. Изучение и исполнение тариката вовсе не обязательны для мусульманина; но человек, следующий тарикату, стоит гораздо выше перед Богом, чем простой последователь шариата. На этом основании, если мусульманин стоит умом и чувствами выше ежедневных потребностей жизни, он принимается за изучение тариката. На тарикате-то исключительно и расшивают узоры мусульманские нововводители, так как формальный закон — шариат — по самой материальности своих законченных формул — неприкосновенен. Многие секты, например мюридизм, преимущественно основывались на тарикате, делали его обязательным для всех, по крайней мере в главных выводах. Теперь последствие: если мусульманин не смотрит далее обыденной жизни или равнодушен к вере, он довольствуется шариатом, что и достаточно для спасения души. Если он ревностен в вере и считает себя нравственно выше толпы, он будет учиться тарикату. Быть зикристом мусульманина никто не обязывает; когда он хочет быть зикристом, это значит, что обыденного ему не довольно, по тому самому, он не довольствуется уже шариатом и обращается к тарикату. Это связано между собой, как причина и следствие. Как только между мусульманами является какая-нибудь новость, подогревающая религиозное усердие, над шариатом является тарикат.

Коренная разница между шариатом и тарикатом та, что шариат есть практическое применение исламизма к потребностям общественной жизни, можно сказать — сделка между религией и действительностью. Тарикат же есть абсолютный вывод из духа закона, ставящий действительность ни во что. По шариату мусульманин может как-нибудь ужиться с иноверцами; по тарикату это невозможно. Мусульманам бук-

вально приказано покорить мир и силой обратить неверных. К последнему дню не должно существовать ни одного гяура на земле. В святых местах мусульманских, где закон соблюдается во всей чистоте, иноверец никогда не может быть допущен, чтоб не заразить дыханием воздуха, в котором молятся правоверные. Тарикат до сих пор допустил одну только сделку с неверными, и эта сделка есть нечто более, как плутовство фанатизма с самим собою ввиду совершенной невозможности сделать иначе. Завоевывая обширные христианские области, мусульмане должны были, по строгому смыслу вероучения, вырезать упорных, не соглашавшихся принять последнее откровение; но в таком случае им доставалась бы пустыня. Чтоб сохранить себе подданных, завоеватели приняли следующий исход: «Свет истинной веры так силен, что гяуры, пожив с мусульманами, непременно обратятся; для этого нужен наиболее годовой срок; позволили же им выкупить жизнь на год времени, а через год они сами поймут свое заблуждение». В следующем году происходило то же самое — опять позволяли иноверцам выкупить голову на текущий 12-месячный срок и т. д. Эта подать гарадж, выкуп жизни неверными на наступивший год, существует во всех мусульманских государствах, а в Турции составляет половину дохода. Ее платят независимо от всех прочих податей, за позволение жить. В старинных мусульманских государствах гарадж отчасти утратил уже свой страшный первоначальный смысл и остается лишь как тяжелый налог, обременяющий всех немусульман[41]. Но вначале он составлял и составляет в роду, где исламизм продолжает еще расширяться, как в Африке, действительный выкуп жизни на срок. Таков подлинный смысл тариката.

Мусульмане, живущие под властью христианского правительства, могут стать безопасными и смирными, как казанские татары, когда с них сгладились следы арабского образования и от веры осталась одна обрядовая сторона. Но покуда они находятся в общении с мусульманским миром, они будут покорствовать только ввиду неодолимой силы. Самые ревностные приверженцы русской власти из кавказских мусульман,

искренно желающие сохранить спокойствие, увещевают народ вот какими словами: «Коран не велит каждому непременно умирать за веру; Коран позволяет повиноваться необходимости и жить с неверными без газавата, если неверные гораздо сильнее; вы сами видите могущество русских, можете ли вы с ним управиться? Живите же как разумные люди и исполняйте закон, не думая о невозможном покуда газавате». Это покуда, видимая пропорция русских штыков к горским винтовкам, есть все, чего в настоящее время можно требовать от благоразумных мусульман; покуда есть выражение шариата; но тарикат этого слова не допускает. Коран говорит: одно движение головы мусульманина, выступившего на газават, составляет большую заслугу, чем целая добродетельная жизнь святого отшельника. Тарикат требует от мусульман, чтоб они умирали за веру, не считая противников, иначе весь обряд и все дела, молитва, посты, милостыни ничего не значат; по тарикату и без того молитва, совершаемая на земле, покорствующей неверным, недействительна. Смерть в бою — это высшая ступень рая; муллы же так умеют описывать рай, что описание их часто действует на правоверных как прием опиума, в чем мне многие сознавались. Как только в мусульманском крае распространяется какая-нибудь религиозная новизна и начинает подогревать усердие, за ней как необходимое следствие является на сцену исправительный тарикат; где проповедуется тарикат, там не может уже быть мира между нами и мусульманами. Примером тому может служить следующий эпизод.

Недавно шейх Гаджи-Мемет-Эфенди вывез из Медины «бейт» (стих), написанный на полях старинной рукописи рукой древнего и знаменитого шейха Чархи, следующего содержания: «Кто останется в живых, тот увидит, как власть имама будет торжествовать». Арабские буквы, как славянские, имеют также значение цифр; подбирая первые буквы стиха, выходит 1280 (1863). Гаджи-Мемет объехал с этим стихом Кавказ и Закавказье. С ранней весны мюридов уже известили о готовящейся всемирной смуте, и они не хотели начинать действий, пока обстоятельства не выкажутся резче, но бейт Чархи сбил их с

толку. Прежде они решились испытать счастье одни, возмущение Гаджи-Муртуза, одновременно с которым должна была подняться вся мусульманская страна от Дербента до Аракса и до ворот Тифлиса, как это ни странно сказать, было вызвано откопанным в старой рукописи стихом шейха Чархи.

Надобно сказать, что мусульманские правительства также боятся тариката. Эта часть учения, эссенция всего ислама, верует в законность только первых времен халифата, отвергает всякую светскую и особенно наследственную власть, всякие подати, кроме установленных в пользу веры — хумса и зеката, признает право управления за одной духовной иерархией, во главе которой должен стоять имам, посредник между Богом и верующими. Тарикат отвергает в общественной жизни все постороннее, не имеющее корней в слове откровения; он преследует насмерть высшие классы. Когда мюридизм стал распространяться в горах, последователи его систематически вырезывали высшее сословие и даже простых людей, если они в чем-нибудь стояли над уровнем толпы. В тарикате соединяются все зажигательные идеи в мире, он проповедует вместе и Варфоломеевскую ночь, и 1793 г.

Зикра, или зикир, давно существовала на Кавказе как обряд религии, в котором многие упражнялись, не составляя никакой особенной секты. Первым учителем систематического зикира был, кажется, известный Исмаил-Эфенди Ширванский. К нему приезжали учиться основатели кавказского мюридизма — Магомет Казий-Кюринский и знаменитый Кази-мулла. Под руководством этих учителей зикир стал сектой[42]. Каждый последователь зикира должен был проговорить в день 6 тыс. раз «Ля Илляге и пр.» и столько же раз прочитать особую молитву. От такого упражнения, рассказывал мне недавно один ученый мулла, эти люди сходили с ума, всякий день умирали и уже не боялись смерти. Мулла прибавил, что и он в молодости поехал в Дагестан учиться этой науке, но сколько ни твердил «Ля Илляге», все не сходил с ума и не переставал бояться смерти; из чего он заключил, что или наука вздор, или он такой грешный человек, что она на него не действует, и бросил

учение. Последователи зикира держались в то время тариката Накшубанта, древнего учителя, самого смелого в своих выводах; они прибавили к этому учению много еще своего. При Шамиле, наконец, два человека, Джемал-Эддин, кавказский святой, и беглый кубанский мулла Гаджи Алискер, — выработали из этих материалов новый тарикат, полный и стройный, самый строгий для последователей, исполненный ненависти и самый поджигательный из всех доныне существовавших. Эти два человека были в горах вроде настоятелей всех полных последователей зикира, то есть зикира с джазмой, с обмороком, составлявших особый кружок даже между мюридами.

С падением Шамиля исчез и зикир, по крайней мере из публичного преподавания; многие держались его втайне. В 1860 г. внесена была на Кавказе новая проповедь зикира с усовершенствованиями и сопряженного с ней шамилевского тариката. Она быстро охватила мусульманские земли. Первым следствием ее был всеобщий вопль о переселении в Турцию. С тех пор проповедь, работавшая тайно, вышла наружу, так что теперь в Чечне, Андийском округе, Южном Дагестане, Закатальском округе и, кажется, во всем суннитском населении Закавказья в простом зикире, то есть пении «Ля Илляге», упражняется огромное большинство; джазма, священный обморок, достигается только посвященными, которые управляют всем движением.

Усовершенствование, привезенное в край новым зикиром, состоит в прыганье, так что нынешних зикристов можно назвать мусульманскими прыгунами, как есть русские прыгуны между раскольниками. Совершив вечерний достамаз (омовение) и намаз, люди садятся в кружок, локоть к локтю, и говорят вместе речитативом: «Ля Илляге Ля Алла, Мухаммед ресул Алла», — махая головой в обе стороны и подергивая плечами; наконец, они начинают подпрыгивать все в той же позе, поджав под себя колени; есть такие искусники, которые умудрились прыгать, в таком неловком положении, на аршин высоты. Когда зикристы начинают прыгать, они кричат уже не «Ля Илляге», а «Эй Алла, эй Алла», как можно скорее и громче. Во все время зикира мысль упражняющегося должна быть

сосредоточена на Аллахе и его 99 могуществах (свойствах), он должен также вспоминать имена 24 пегамбаров (великих святых), не останавливая на них мысли, так чтоб они только скользили в голове; все же существо должно быть приковано к имени Аллаха. Если человек сумел сосредоточиться как следует, то результатом упражнения должен быть полный обморок (джазма); тогда, значит, молитва его принята. Если он не может достигнуть такой высокой степени, то он старается по крайней мере прийти в одурение, и точно: есть от чего. Люди же самые простые просто поют зикир без последствий.

Сколько я ни расспрашивал, мне отвечали, что обыкновенно видений при этом не бывает, разве у немногих, очень святых людей. Однако ж все признают, что джазма есть соединение с Богом. Некоторые зикристы говорят: «Мы прыгаем после намаза в наказание себе за грехи; когда с нами делается обморок, мы считаем себя очищенными».

Люди, вдавшиеся в зикру до джазмы, ведут очень строгую жизнь. Они должны молиться гораздо более, чем предписывает закон; кроме пяти намазов, они читают еще особые молитвы, и всякий день, или через день, чаще или реже, по нескольку часов сряду, вечером выделывают зикир. Эти люди, кроме уруджа, обыкновенного мусульманского поста, держат пост еще несколько раз в год (мусульманский пост состоит не в воздержании от какой-либо пищи, но в том, что не едят и не пьют ничего от восхода до заката солнца). Кроме того, зикристам нельзя есть ничего чужого[43]. Они не могут отведать даже овощей с чужого огорода; должны непременно иметь все свое. Им воспрещается сыр по двум причинам: во-первых, после сыра хочется пить, а лишнее питье отягощает людей и мешает им прыгать; во-вторых, сыр делают из молока общего стада и потом делят по числу овец или коров, принадлежащих каждому; следовательно, в сыре есть чужое молоко. Как мюриды, они считают грехом курить.

Многие мусульманские духовные не соглашаются с зикристами. Хотя все они делают зикир про себя, но публичное распространение его, в той напряженности упражнения,

до которой другие стараются его довести, они считают скандалом. Некоторые из здешних мулл, но в очень малом числе, держатся мнений старинных противников зикира, которые различали два рода его: зикир простой, пение «Ля Илляге», считают благочестивым упражнением; зикир же с прыганьем и джазмой, куда относятся также вертящиеся дервиши, считают таким грехом, что нельзя даже сесть на том месте, где сидел упражняющийся в джазме, не срыв предварительно земли. Есть люди, которые говорят, что джазма не что больше, как обман, святотатственное шарлатанство, что джазма после усиленной молитвы может случиться, но что в этом случае она есть восхищение души к Богу, то есть смертельная. Такие мнения точно были выражаемы в старину; но теперь, когда их высказывают русским, они кажутся мне только отводом глаз, чтоб мы не раскапывали этого дела. Муллы и учители — все зикристы, по крайней мере девять десятых из них — зикристы. Недавно один умный и почетный джарел говорил мне: «Покуда не повесят или не выгонят наших мулл, ничего хорошего не будет; все они враги ваши и всех спокойных людей, все они поджигатели народа»[44].

Истинные и опасные зикристы — только те, которые доводят зикир до джазмы. Все они сформированы в особые тайные кружки, под предводительством самых рьяных учителей; все считают первой обязанностью изучение и распространение тариката. Каждый кружок джазмистов есть ложа заговорщиков, выжидающая для действия только удобной минуты.

В первое время русского владычества на Кавказе мусульманский фанатизм не был здесь организован и истощался во вражде суннитов с шиями; в горах господствовало совершеннейшее равнодушие к вере. Лет сорок тому назад рассеянные силы стали группироваться и явился мюридизм, наделавший довольно бед. Стоит вспомнить, что в 1855 г. с лишком триста тысяч солдат, стоивших столько же, как 600 тыс. в России, были прикованы к Кавказу. Мюридизм отнял у Русской империи почти половину ее сил. Каких трудов стоило подавить его? Теперь новая и еще худшая проповедь зикры и тариката

опять разносится по Кавказу. Она обхватила уже горы с юга и с севера. Если она не будет подавлена в зародыше, может выйти очень нехорошо.

Русская власть имеет прямое оружие против тариката — то, что он вовсе необязателен для мусульман. Религиозный закон позволяет им жить и спасать свои души по шариату, без мистических тонкостей тариката. Когда мусульманский закон считает тарикат и зикир необязательными, то русский закон может считать их обязательно запрещенными, а затем преследовать всякое нововведение в мусульманском обряде и всякую проповедь тариката. Людей, которые будут нарушать это положение, немедленно высылать из края; строго смотреть также за бродягами, беспрестанно заезжающими в мусульманские области из Турции.

Такое распоряжение, вероятно, окажется действительным, если будет исполняться. Но как сделать, чтоб оно исполнялось? Какие орудия употребить для этого? Надобно знать, что делается в народе, и уметь вовремя прекратить влияние вредных людей. Возложить присмотр на земскую полицию — значило бы только обманывать себя и дать злу укорениться. В Терской области управляет не уездный начальник, а избранное и значительное лицо, а между тем дело это идет там еще хуже, чем здесь. Я думаю, что только две меры могут практически содействовать искоренению зла: 1) как временная мера — разыскание и удаление из края распространителей тариката, уже предписанная высшей властью, но которая после предварительного дознания может быть исполнена с успехом только комиссией доверенных людей; 2) как мера постоянная — иерархическое устройство мусульманского духовенства, соображенное с потребностями русской власти, вещь еще непочатая, кроме учреждения ничтожного и безгласного тифлисского муфтия. При существующей ныне обстановке управления на Кавказе только в одной этой мере я вижу возможную действительность. Данных для развития этой мысли покуда у меня еще недостаточно. Но когда я кончу предписанный мне объезд, я постараюсь представить в общих чертах понятие мое об этом предмете.

В заключение укажу на влияние, которое шейхи имеют на фанатический народ. Всего более поразительно оно высказывается в лице шейха Гаджи Абди-Эфенди. Он живет в сел. Караджалы Бергушетского участка Нухинского уезда, в нескольких верстах от Ганчайской станции. Это весьма странный человек. Он был вором на большой дороге, потом 3 года учился в Турции; несмотря на чрезвычайную строгость к себе, предписываемую тарикатом, он ведет жизнь разгульную. Вокруг него всегда свита из 150 вооруженных мюридов; у него первая конюшня, первая соколиная охота и первый гарем в губернии. Он пользуется, — чего никогда еще не было видано от начала ислама, — всеми мусульманскими женщинами в крае по выбору; они считают святым делом провести с ним ночь. Наружным видом шейх Абди похож больше на персидского нукера, чем на суннитского шейха; недруги его, духовные, приписывают власть его договорам с дьяволом; но самый факт этой необъяснимой власти не подлежит сомнению. Влияние шейха Абди на своих приверженцев и на весь мусульманский народ таково, что я знаю в истории одно только подобное явление: власть шейха ассассинов (le vicux de la montagne), который заставлял своих часовых для показа перед иностранцами бросаться вниз с семиярусной башни и вынудил мусульманских государей и предводителей крестоносцев выкупать податью жизнь от кинжалов ассассинских убийц, которые ставили собственную жизнь ни во что и отправлялись публично резать людей, на которых указал им шейх. Ассассинская секта была произведением того же тариката. Буквально то же самое может сделать шейх Абди. Легко проверить на всем протяжении мусульманских уездов следующий факт — скажите встречному татарину: кувырнись в честь шейха Абди! — он станет кувыркаться, пока вы не уедете из его глаз. Шейх Абди повсеместно считается пророком и чудотворцем!; первейшие мюриды признают его неограниченную власть[45].

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЕННОГО КАВКАЗСКО-ТУРЕЦКОГО ТЕАТРА

Всякий военный театр, даже самый открытый, представляет действующим на нем армиям естественные операционные линии, уклонение от которых всегда сопряжено с большими затруднениями. Чем театр войны пересеченнее, тем операционные линии определяются реже. Неизменные условия природы стесняют иногда расчеты полководца в очень тесные рамки и заставляют его неуклонно следовать единственным путем, устанавливают, можно сказать, его этапы, независимо от всяких соображений. Такая топография края, естественно, усиливает до чрезвычайности положение обороняющегося, устраняя от него всякую неожиданность и заставляя наступающего преодолевать с лица каждое препятствие, которое ему захотят противопоставить.

Страна, по которой пролегает наша кавказско-турецкая граница, представляет в высшей степени этот характер полной зависимости военных действий от природы края. Небольшое число естественных путей, прорезывающих ее, и особенные местные условия определяют постоянно, независимо от времени и сил, направление каждой военной операции. Горные хребты, пересекающие эту страну по всем направлениям, не имеют вовсе боковых путей. Поперечных сообщений между главными линиями так мало и они так неудобопроходимы для войск, обремененных артиллерией и обозом, что каждый отряд, занимающий какой-либо отдельный военный пункт, имеет и свой отдельный военный театр, и свое особое сообщение

продовольственное и потому должен составлять, по возможности, независимое целое. Разумеется, при таких условиях на этой границе не может существовать в большом виде взаимного содействия всех частей, образующих стратегический фронт армии; каждая часть должна быть достаточно сильна, чтобы обойтись во всяком случае без посторонней помощи; а с поражением одной из них неприятелю открывается прямой путь к центру наших владений — путь, который другие пограничные отряды не могут ему преградить. По этим причинам каждая из главных линий сообщения, выходящих на турецкую границу, должна быть занята отдельным, самостоятельным отрядом. Очевидно, что при таком положении вещей армия, действующая против Турции со стороны Кавказа, необходимо бывает разделена на несколько частей, относительно слабых и без прямой связи между собой. Параллельно Большой Кавказской цепи тянется широкая гряда Малого Кавказа; горы, разграничивающие Грузию от Имеретии, связывают ее с Большим Кавказом; в прочих местах она отделена от него равнинами Куры и Риони. Малый Кавказ — не хребет, но сеть хребтов, образующих своими разветвлениями обширную горную страну; он раскидывается почти на 300 верст в ширину, наполняя скалистыми хребтами, уступами, высокими и холодными горными плоскостями всю южную часть Закавказья и турецкую Армению. Непосредственный театр войны России с Турцией заключен весь в этой горной стране и не выходит из ее пределов.

Сеть Малого Кавказа начинается собственно около Трапезунда и тянется вдоль моря до Батума. Эта часть ее, Лазистал, не имеет других сообщений, кроме вьючных тропинок; склоняется к морю берегом, столь же малоприступным, как и восточный берег Черного моря; и с юго-западной стороны Закавказья ограждает турецкие владения непроходимым поясом скал и лесных ущелий. Около Батума цепи Малого Кавказа удаляются от моря и, разветвляясь, образуют обширную с затруднительными сообщениями горную страну, заключающую в себе большую часть Ахалцихского уезда, Аджарию, санджаки Арданучский, Ардаганский и Чалдырский. От этой

группы отделяется к северу не столь высокая, обросшая густыми лесами гряда, подходит одним из своих побегов к самому Тифлису и, загибаясь к юго-востоку, возвышается опять, и широко раскидываясь в стороны, покрывает большую часть пространства между Курой и Араксом, в пределах уездов: Елизаветпольского, Ново-Баязетского, Нахичеванского, Ордубатского и Шушинского. Центральным пунктом этих гор можно считать исток реки Акстафи, вправо от которого лежит обширный бассейн озера Гокчи, а влево отделяются Бомбакские горы и высокая цепь, которая, под названиями Безабдала, Мокрых гор, Ляхи, Джвари и Триалет, опоясывает с юга возвышенные долины, Лорийскую и Цалкинскую, и примыкает к северной цепи у места исхода ее из описанной уже обширной горной страны, составлявшей прежде Ахалцихский пашалык. Из этой же Ахалцихской группы, от границ Чалдырского санджака, отделяется широкая, разбитая неправильными грядами и лесистая цепь Саганлуга, опоясывающая Карсский пашалык с восточной и южной стороны, где, пересеченная руслом Аракса, она соединяется с горами Араратскими; другая отрасль ее, прорезанная Евфратом, связывается с горами, отделяющими Баязетский пашалык от Ванского и Эрзурумский — от Мушского. Снежная громада Алагеза высится между Бомбакским хребтом и отрогом Арарата, замыкая горный пояс, образуемый Ахалцихской группой, Триалетами, Безабдалом, Бомбаком, отрогом Арарата и Саганлугом. Посреди этого кольцеобразного пояса расстилается высокая плоскость, поднятая на 4 тыс. футов, средней мерой, над морем, холодная, безлесная, плодородная, очень волнистая, прорезанная глубокими скалистыми оврагами и покрытая в разных направлениях средней высоты земляными горами. Эта обширная долина и для нас, и для турок составляет постоянную житницу, откуда получаются главные запасы хлеба для войск. Она обнимает Александропольский уезд, Ахалкалакский участок и Карсский пашалык.

За Саганлугским хребтом, между отрогами Малоазийских цепей и горной группой Ахалцихской, простирается высокая плоскость того же самого характера и начинает терять

его, уже за Эрзурумом, склоняясь уступами на юг к более низменным равнинам.

Алагез замыкает с юго-востока собственно горную страну Закавказья; между ним, Гокчайскими горами и Араратом лежит обширная и низменная Эриванская котловина, безлесная, плодородная только при орошении, жаркая и лихорадочная. Баязетский пашалык, отделяющийся от нее Араратской цепью, составляет собственно одну узкую долину, окаймленную высокими горами, каменист и мало возделан.

Самая западная часть Закавказского края представляет совсем другой характер: цепи Большого и Малого Кавказа, раздвигаясь, первый к северо-западу, а второй к юго-западу, дают между собой место низкой и теплой Имеретинской равнине, имеющей вид треугольника, основание которого лежит по морскому берегу, от границ Абхазии до Батума, а вершина — в Кутаисе, построенном около места, где Риони выбегает из предгорий. Западная равнина почти везде болотиста и покрыта едва проходимым лесом, в котором только для пашен расчищены просеки. Она прорезана множеством речек, сильно разливающихся в дождливое время; тогда вся почва равнины превращается в топь. Морской берег почти везде плоский, и во многих местах только груды песка, нанесенного прибоем, защищают прибрежные земли от затопления. Климат на всей равнине, особенно в приморских местах, нездоров и в некоторые месяцы гибелен. Западная равнина заключает в себе уезды Кутаисский и Озургетский, Самурзакан, низменную часть Мингрелии и санджак Кобулетский.

Наша кавказско-турецкая граница, с берега Черного моря, начинается устьем речки Чалаха, на котором построен Николаевский карантин, и следует за извилинами этой речки до выхода ее из гор, верст на 20, отрезывая к Турции юго-западный угол Имеретинской равнины. В этой части она всегда проходима. От истока Чалаха до пределов Ахалцихского уезда граница идет по хребту, отделяющему Гурию от Аджарии, и для отряда может считаться вовсе непроходимой. Ахалцихский уезд не разделен с Турцией природной границей; он составляет только

северную часть бывшего Ахалцихского пашалыка, отрезанную от него по Адрианопольскому трактату в 1829 г., линией, проходящей по известным вершинам и ущельям, горы Ахалцихские и Ардаганские составляют одну общую группу, движение по которой с обозом и артиллерией возможно, но очень затруднительно. Александропольский уезд имеет со стороны Турции природную границу, реку Арпачай, перерезывающую описанную нами большую горную плоскость. Это наши ворота в азиатскую Турцию; доступ в нее через Арпачай всегда открыт нам, и зимой, и летом, независимо от средств продовольствия, на которые время года имеет большое влияние, как увидим ниже. Наконец, от слияния Арпачая с Араксом, нам служит границей отрог Арарата, высокий и крутой; сообщение через него довольно удобно летом, но зимой и в слякоть почти прекращается. За Араратом начинается уже Персия.

Главное основание наших военных действий в Закавказском крае, в какую бы сторону они ни направлялись, — Тифлис. Кроме того, что владение этим городом решает действительное владение краем, что он есть главный складочный пункт наших материальных средств; но, кроме того, и в чисто стратегическом отношении Тифлис есть центральная точка, откуда Военно-Грузинская дорога, главный путь сообщения Закавказья с Россией, разбегается лучами по всем границам края. Между многими, даже пограничными частями Закавказья, сообщение существует только через Тифлис. Неприятель, грозящий Тифлису, одинаково грозен для всех наших отрядов за Кавказом, разъединяя их и отрезывая им сообщение с Россией. Поэтому не только прямое, но и косвенное охранение Тифлиса отрядами, запирающими устье ведущих к нему с границы дорог, становится первой стратегической необходимостью. При затруднительности поперечных сообщений, всякий отряд должен быть, по возможности, самостоятельным. Таким образом, выход каждой Тифлисской дороги к границе становится отдельным военным театром, очень мало зависящим от других; и вследствие того каждый пункт, где граница пересекается Тифлисской дорогой, или место, близкое к этому пункту,

требуют особой крепости, которая могла бы служить опорной точкой действующему тут отряду. По этой же причине каждой из наших пограничных крепостей противопоставлена турецкая, лежащая против нее по продолжению пути. Если не все турецкие города, соответствующие этим пунктам, укреплены как следует, то это потому, что в Турции воля правительства исполняется только там, где ее невозможно не исполнить; тем не менее эти города считаются в Турции крепостями. Наконец, от всех них дороги сходятся в Эрзуруме, лежащем между долиной Аракса и северными истоками Евфрата. Этот город для турецкой Армении — такой же центральный и решительный пункт, как Тифлис для Закавказья.

Из Тифлиса к турецкой границе ведут пять дорог: Озургетская, которую можно назвать Имеретинской, Ахалцихская, Ахалкалакская, Александропольская и Эриванская. Эти дороги приводят к четырем турецким городам: Батуму, Ардагану, Карсу и Баязету.

1. Имеретинская дорога идет от Тифлиса до Сурама на расстоянии 1206 верст по долине Куры и на этом пространстве хороша, как обыкновенная почтовая дорога. Но с Сурама начинается перевал через хребет (соединяющий Большой Кавказ с Малым) и на протяжении трех переходов, до Квирильской станции, тянется через горы. Эта часть дороги, при дождях, осенью и зимой расплывается в непроходимую грязь, в которой повозки, лошади и даже пешеходы тонут на каждом шагу. В это время движение войск становится здесь чрезвычайно затруднительно, а перевозка артиллерии и транспортов иногда невозможна, иначе как на людях. В дождливую зиму препятствие в сообщениях, можно сказать, отрезывает Имеретию от остального края. У Квирильской станции дорога спускается в долину речки Квирилы и идет по ней почти до Кутаиса. От Кутаиса она тянется у подошвы предгорий до р. Цхенисцхали и потом спускается по ее долине до Марани. Тут дорога разделяется: одна переходит через Цхенисцхали и идет к реке Хони, где она разветвляется опять и направляется к западу в Редуткале и к северо-востоку через реку Ингури, в Абхазию. Другая

дорога лежит из Марани к Илори, где находится переправа через р. Риони, и оттуда по низменным равнинам Гурии, к Озургетам. Обе дороги — и абхазская, и гурийская — одинаково неудобны; они идут по болотистой почве и перерезаны множеством речек, стремящихся из гор. При дождях земля разбухает в тину, речки разливаются и требуют устройства переправ или мостов на каждом шагу.

Из Озургет две дороги ведут к Батуму, одна — через Николаевский карантин и оттуда узким морским берегом, между грядами начинающихся скал, к нависшему над ней замку Кинстригиле, другая — прямо из Озургет, через Чалах, несколько верст выше устья и, обходя замок Кинстриши, выходит южнее его на первую дорогу; оттуда, соединяясь, путь идет по морскому берегу до Батума, где кончается сухопутное сообщение; далее ничего нет, кроме вьючных тропинок. Расстояние между Николаевским карантином и Батумом около 28 верст.

2. Дорога Ахалцихская отделяется от Имеретинской в Сураме и подымается вверх по Куре, следуя по левому берегу ее через тесное лесное Боржомское ущелье, почти вплоть до Ахалциха; только в 7 верстах от этой крепости начинается подъем к ней с берега Куры. При суровом климате и ранней зиме этого края, во время гололедицы, перевоз тяжестей по ней бывает иногда затруднительным. Ахалцих лежит в 14 верстах от границы; Ардаган находится от него в 70 верстах по прямому пути, подымающемуся к истоку Посхов-чая, а оттуда переваливающемуся через горы. Но этот прямой путь мало разработан, и полевую артиллерию приходится в некоторых местах перевозить на людях.

3. Ахалкалакская дорога ведет через Манглис, или через Белый Ключ, по гористой и лесистой местности, и, соединяясь, взбирается на высокую и голую плоскость Цалкского округа; там, разделяясь снова, мимо озера Табисцхури, или мимо озера Топоравани, приводит в крепость Ахалкалаки. Эта дорога почти не разработана, состоит вся из чрезвычайно крутых и каменистых подъемов и спусков и становится непроездной, как скоро забушуют метели, очень ранние в этой холодной стороне.

Но это самый близкий путь от границы Турции к Тифлису: от границы до Ахалкалаки — 27 верст и от Ахалкалаки до Тифлиса — 143 версты, всего 170 верст; это одно только и придает ему важность. Из Ахалкалаки выходит лучшая военная дорога от наших пределов к Ардагану. Она огибает озеро Хазапин и оттуда тянется по правому склону гор, спирающих течение Куры. Обе дороги, Ахалцихская и Ахалкалакская, сходятся в этом пункте; но только последняя, хоть гористая и мало разработанная, позволяет беспрепятственно перейти границу с полевой артиллерией. С октября по апрель дороги Ардаганского пашалыка завалены снегом и непроходимы.

4. В Александрополь из Тифлиса ведут три дороги; но войска следуют обыкновенно только по двум: через Делижан и через Безабдал. Первая, почтовая, отделяется в Акстафинской станции от большой Шемахинской дороги, главного поперечного пути Закавказского края, и подымается по левому берегу речки Акстафы, через Делижанское ущелье, до деревни Делижан. Здесь она разделяется: одна ветвь идет на Эривань, другая, поворачивая прямо на запад, продолжает подыматься к истоку речки Гамзачемана, круто спускается с этого высокого места, подымается опять по реке Бамбаку и, перевалившись через Амамлинскую и Джурджурскую горы, выходит на плоскость в 15 верстах от Александрополя. Дорога эта — самая лучшая, но и самая длинная из всех, после Имеретинской, сообщающих Тифлис с турецкой границей. Расстояние ее 275 верст. Кроме гололедиц и метелей, на Амамлинской и Джурджурской горах, на расстоянии не более 25 верст, на ней не бывает других препятствий ни в какое время года. Потому войска и отправляются преимущественно по ней.

Вторая дорога из Тифлиса в Александрополь отделяется от большой при переходе речки Алгеуки и через брод на храме ведет в сел. Шулаверы; оттуда, по тесному, каменистому и лесному ущелью — к Волчьим воротам, выходящим на Дорийскую равнину к военному поселению Джелал-Оглу. С плоскости она подымается на Безабдал трудным и высоким перевалом и выходит на почтовую дорогу в Кишляке в 58 верстах

от Александрополя. Все протяжение этой дороги 173 версты. Эта дорога была прежде главной.

Но Безабдальский перевал, тяжелый для повозок и летом, а зимой, во время гололедицы и метелей, почти непроходимый, заставил предпочесть более длинное сообщение на Делижан. Из Джелал-Оглу на Александрополь есть еще другая дорога на север от этой, через Мокрые горы. Она выходит на Арпачай на несколько верст выше Александрополя и летом не представляет никаких затруднений при перевале, менее каменистом и более отлогом, чем Безабдальский. Но зимой страшные вьюги в местах, совершенно не заселенных, делают его опасным.

Третья дорога к Александрополю отделяется в сел. Цынцкаро от ведущей в Белый Ключ, идет к Квешам и оттуда по ущелью — к Башкичету, а от Башкичета через Дорийскую равнину — к Мокрым горам и соединяется с предыдущей. Но эта дорога, как совершенно не разработанная, не служит никогда военным путем.

Все эти три дороги сходятся к Александрополю, который замыкает их со стороны Турции, так что неприятель не может овладеть собственно одной из них; потому, в стратегическом отношении, их можно считать разветвлениями одной и той же дороги.

Открытые, хотя и волнистые поля, расстилающиеся за Арпачаем, позволяют двигаться из Александрополя к Карсу по нескольким дорогам, близко отстоящим одна от другой; поперечное сообщение между ними довольно ровно. Из Александрополя к р. Карсчаю, пересекающей все эти пути, ведут несколько дорог; от Карсчая к г. Карсу — две главные дороги: одна на Халив-оглу, другая на Суботан, Хаджи Вали и Визанков. В Карсе все дороги сходятся, и эта крепость, составляя опорный пункт турок на равнине, запирает выход из Саганлугских гор, по Эрзурумской дороге.

От нашей границы ведет в Эрзурум только одна большая и удобопроходимая дорога, через Карс. Она поднимается от Карса и три перехода идет через очень пересеченную горную и лесистую местность Саганлугского хребта. Оттуда выходит

к Араксу на открытые и волнистые поля, подобные карсским. Из Ардагана, через горную страну, окружающую его, ведет в Эрзурум только вьючная тропа.

5. Дорога из Тифлиса в Эривань отделяется от большой Александропольской дороги в Делижане, переваливается в нескольких верстах оттуда через хребет и, обогнув озеро Гокчу, длинным и отлогим спуском в 60 верст, сходит на равнину, у северного края которой лежит Эривань. Оттуда, уже по совершенно ровным местам, она идет к Араксу, на котором устроен паром и существует много бродов; и от этой реки, все еще по равнине, направляется к подножию горы Чангыль, возле самого Арарата. С Чангыльского перевала она спускается прямо в Баязет.

Эти пять дорог — единственные наши выходы в Турцию и единственные входы для турок в сердце Закавказья, пробитые природой и искусством, как коридоры, сквозь каменные глыбы Малого Кавказа. Для одиночных всадников, на привычных лошадях, существует много горных тропинок; они могут служить для какого-нибудь отчаянного партизанского предприятия, но для колонны непроходимы. Вблизи же от главных дорог не существует даже параллельных тропинок; на большей части своего протяжения дороги тянутся или по дну глубоких долин, или по самому острию хребта, или проделаны искусственно на крутой покатости гор; в первом случае над ними недосягаемые утесы, в последних — под ними пропасть. Колонна может идти только отделениями.

При этой изолированности военных дорог для них существуют на всем театре войны только два поперечных сообщения, принимая за театр войны даже весь Закавказский край. Одно поперечное сообщение, главное, которое вместе с Военно-Грузинской дорогой составляет артерию Закавказья, прорезывает его во всю ширину, от Каспийского моря через Шемаху, Елизаветполь, Тифлис и Кутаис до Черного моря. Часть его, которая составляет также одно из пяти сообщений Тифлиса с турецкой границей, — Имеретинскую дорогу, мы уже описали.

Другой поперечный путь лежит по самой границе. Он идет от Эривани через Эчмиадзин и Сардар-Абад, по равнине к южной окраине Алагеза, подымается по этой окраине к Талыни и выходит на высокую Александропольскую плоскость, вблизи от города. Дорога здесь везде хороша, но от Сардар-Абада лежит в местах, совершенно незаселенных, где находятся одни куртинские кочевья, и частью безводных. Сильные метели в пустынных местах зимой и недостаток воды знойным летом составляют неудобства этой дороги. Есть еще другое сообщение между Эриванью и Александрополем: по самому берегу Арпачая, составляющего границу и заселенного частыми деревнями. Здесь неудобства пустынности и безводья устранены; но если неприятель еще не разбит и не отброшен от границы, то войска должны проходить по этой дороге прямо перед его глазами.

Далее от Александрополя дорога идет вверх по Арпачаю до Казанчинского поста и оттуда длинным и крутым подъемом взбирается на горы Духобории (так называется юго-восточная часть Ахалкалакского участка, по основанным в ней поселениям раскольников из секты духоборцев) и через эту высокую и чрезвычайно холодную страну, мимо озер Мадатапа и Ханчалы, приводит в Ахалкалаки. Из Ахалкалаки она идет в Ахалцих по горам и разветвляется: одна ветвь (большая дорога) спускается к Ацхуру, где устроен через Куру мост, и выводит на почтовую Тифлисскую дорогу в 20 верстах от Ахалциха. Другая — переходит Куру в Агашеле и приводит в Ахалцих с южной стороны.

Сообщение здесь незатруднительно для войск, не обремененных артиллерией и обозом, но для тяжестей, хотя этот путь и возможен, однако ж, огромная высота крутых и каменистых подъемов составляет значительное препятствие. А суровый климат Духобории и даже всего Ахалкалакского участка, глубокие снега и сильные вьюги в стране, где сани малоизвестны, с первых чисел октября почти прерывают сообщение.

Эта большая пограничная дорога, связывающая Эривань, Александрополь, Ахалкалаки и Ахалцих, — Ахалцихом

и кончается. Через высокие, обрывистые и покрытые дремучим лесом горы, отделяющие Ахалцихский уезд от Гурии и Имеретии, нет никакой дороги. Чтобы пройти из Ахалциха в смежную Гурию, нужно спуститься по Боржомскому ущелью к Сураму и, выйдя на большую Имеретинскую дорогу, обогнуть через Кутаис весь хребет.

Через сопредельные нам турецкие пашалыки также тянутся два поперечных пути. Первый, параллельный нашей границе, выходит из Батума вьючной тропинкой, вьется по ущельям Аджарии и у истоков Посховчая, близко от нашей границы, выходит на дорогу из Ахалциха в Ардаган. Эта часть его совсем непроходима для полевой артиллерии и повозок. От Ардагана он поворачивает на юго-запад, становится проходимым и, перевалившись через Саганлугский хребет, выходит на Карсскую плоскость у озера Айгыр-Гель. Из Карса он идет через меньшие уже земляные горы на Кагызман, переходит через Аракс и после нового перевала спускается в Евфратскую долину и, подымаясь по ней, приводит в Баязет, связывая этот город с Кагызманом, Карсом, Ардаганом и, хотя малопроходимым путем, но и с Батумом.

Другая, большая военная и торговая дорога, по которой производятся все сообщения между Константинополем и пограничными нам пашалыками, так же, как и торговля Европы с Персией, начинается с Трапезунда, проходит горным ущельем к Гюмюш-хане, идет на Байбурт и оттуда следует к Эрзуруму. Только от Трапезунда до Гюмюш-хане дорога эта неудобна, так что в 1829 г. русский корпус, преодолевший уже столько трудностей, не мог пройти по ней с артиллерией. От этого места до Эрзурума она везде проходима для тяжестей. У Аракса она отделяется от Карсской дороги и идет в долину Евфрата, где, сливаясь с первой поперечной дорогой, приводит в Баязет и Персию.

Эрзурум составляет центральный пункт этой дороги и командует ею совершенно, как и всем краем; владеющий им отрезывает от Турции ее восточные пашалыки и держит в своих руках главное торговое сообщение Европы с верхней Азией.

Как до сих пор круг азиатских войн России с Турцией не выходил еще из холодных долин Малого Кавказа, то климат его и определял время военных действий. В этой стране зимняя кампания невозможна. Со времени нашего владычества за Кавказом на турецкой границе произошли только два значительных действия зимой: взятие Котляревским крепости Ахалкалаки в 1810 г. и осада аджарцами Ахалциха, в зиму с 1828 на 1829 г. Но в первом случае это было почти партизанское предприятие: Котляревский, проведший свою боевую жизнь в совершении невозможного, выступил с Цалки с маленькой колонной, без артиллерии и обоза, и, прокрадываясь по занесенным снегом ущельям, ударил ночью, врасплох, на Ахалкалаки и взял ее; подражать ему слишком трудно. Во втором случае турки, потерявшие Ахалцих за несколько месяцев перед тем, уговорили аджарцев сделать попытку против малочисленного гарнизона: аджарцы — горцы, свыкшиеся со своим суровым климатом, действовали у себя дома; им нужно было пройти несколько верст от своих жилищ, чтоб быть под стенами Ахалциха.

Но значительное военное движение зимой здесь невозможно. Глубокие снега заносят дороги так, что, не расчищая их, нельзя провезти артиллерию; фуража в опустелых деревнях нет, или почти нет, и летом в этой полудикой стороне действующее войско должно все везти с собой, как в пустыне; зимой же перевозка тяжестей, не только в неприятельской земле, но и в нашей собственной, становится невозможной в больших размерах. Упряжных лошадей в крае не знают, кроме русских переселенцев, число которых незначительно. Перевозка совершается на буйволах и быках, эти животные не выдерживают мороза и не могут ходить по снегу. С первой порошей их запирают в теплые хлева и перевозка прекращается. Таким образом, на кавказско-турецкой границе время военных действий ограничивается теплыми месяцами, именно, когда на полях есть подножный корм, — с половины мая по ноябрь. Исключения из этого правила сопряжены с большими, иногда непреодолимыми затруднениями.

Мы показали уже, каким образом каждое устье дороги, выводящей из Тифлиса на границу, составляет и для нас, и для турок отдельный военный театр. Но характер этих военных театров неодинаков: различие в топографии края, в климате и в относительной их стратегической важности изменяют и количество сил, требуемых каждым из них, и состав этих сил, и употребление их.

I. ИМЕРЕТИНСКИЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТР

В обыкновенной турецкой войне западная часть военного театра, прилегающая к Черному морю, будет всегда второстепенным и даже маловажным его отделом. С этой стороны горный пояс Лазистона и Аджарии отделяет от нас Турцию непроходимой стеной, и доступная нам часть ее заключается в узкой полосе по берегу моря менее 30 верст длиной. Приморский город Батум имеет свою важность как один из лучших портов на Черном море и как место, которое лазы и аджарцы считают за свою столицу. Но занятие его, в этом случае, потребовало бы только кратковременной экспедиции, которой бы и кончились военные действия с этой стороны. Отражение набегов соседних горцев входит в пределы кордонной службы. В обыкновенной турецкой войне наше господство на Черном море исключило бы берег Гурии и Мингрелии из круга военных действий и, не допуская высадки турецких войск в Батум, обратило бы столкновение с этой стороны в незначительные дела с горцами. В прошлую кампанию один или два батальона с милицией были достаточны для охранения этой границы.

Но с той минуты, когда силы двух первоклассных европейских держав вмешались в эту борьбу и мы лишились владычества на Черном море, Имеретинский военный театр приобрел огромную важность. Из него должно было сделать оплот для всего Закавказья с наиболее опасной стороны. Движение на Батум сделалось невозможным, нельзя удержать города, ко-

торым неприятельский флот командует с моря. По самой сущности вещей, Имеретинский военный театр получил характер чисто оборонительный; нам оставалось только сосредоточить там достаточные средства обороны и дожидаться.

По количеству сил, находящихся на Кавказе, нельзя отделить постоянно к Черноморскому берегу столько войск, сколько нужно для решительного сопротивления целой десантной армии. Это парализовало бы весь действующий против Турции корпус. Если б это обстоятельство совершилось, тогда только должно устремить туда все войска, без которых возможно обойтись в других местах. До тех пор береговому отряду нужно достаточно сил, чтоб он мог отражать турок и удерживать первый натиск со стороны моря в крае, где легко оборонять каждый шаг.

Наступление на Имеретинскую равнину, со стороны ли моря или со стороны Батума, возможно только в сухое время года. Когда земля превращается в топь, бесчисленные речки сливаются с берегами, лесные дорожки превращаются в наполненные водой канавы, — военные действия становятся здесь невозможными. И летом даже небольшие силы владеющего этой страной могут задержать гораздо превосходнейшего неприятеля бесчисленными препятствиями. Посреди лесов, болот и частых речек воинственное христианское население, преданное единоверной России, составляет одно уже такую оборонительную силу, какой мы не имеем на других пунктах Закавказья и которая, при хорошем употреблении, будет для неприятеля страшнее регулярного войска. Жилища мингрельцев, гурийцев и имеретинцев рассеяны в лесах и в садах, еще крепче лесов, отдельными хуторами; они сообщаются между собой только извилистыми тропинками, проложенными через дебри; чистых лугов почти нет, и потому прокорм обозного скота и лошадей в высшей степени затруднителен. А между тем неприятель не может сделать шагу в этом крае, не обременяя себя бесконечными обозами. Он должен иметь с собой все, даже фураж, так как страна не доставит ему ничего. Он будет находиться здесь в положении

нашего отряда, совершающего экспедиции в Чечне, только в большем размере, с сильнейшим сопротивлением и с гораздо значительнейшими расстояниями.

Имея против себя три стороны, занятые неприятелем, — море, турецкую границу и горцев со стороны Абхазии, фронт войск, занимающих Имеретию, должен также, по необходимости, составлять три фаса. Но нападение со стороны Абхазии только возможно и не составляет прямой опасности. Неприятель, который явился бы оттуда, способен к одной партизанской войне. В чужой, крепкой местностью стороне, он плохой воин, и против него достаточно местных средств. Туземная милиция, расположенная по реке Ингури, прикрывающей Мингрелию с севера, довольно сильна для занятия этого фаса. На морском берегу есть три пункта, в которых можно произвести высадку: Анаклия, Редут-Кале и Поти. Но проходимая для войск дорога внутрь края идет только из Редут-Кале. Потому этот город есть ключ морского берега, и Редуткальская дорога составляет второй и более важный фас нашего оборонительного фронта в приморской равнине. Третий фас естественно обращен к Голаху, и опорный пункт его, с нашей стороны — Озургеты.

Относительная важность второго и третьего фасов зависит от обстоятельств. Пока против нас действует одно турецкое войско, хотя бы неприятель и занимал Редут-Кале, для Редуткальской дороги достаточно наблюдательного отряда, и главное внимание должно быть обращено на гурийскую границу, потому что опорный пункт турецкой армии — Батум. Но если бы произошла высадка значительного союзного войска в Редут-Кале, тогда очевидно, гурийский фас, не теряя своей важности, становится второстепенным и, сообразуясь с действиями совокупных неприятельских сил, его можно отодвинуть за Озургеты, на Чохатаурские высоты, составляющие фланговую позицию против армии, подвигающейся с Чалоха, или даже на правый берег Риони, для соединения с общей массой. В случае подобного наступления становятся особенно важны пункты разветвления дорог: первый — морской и гурийский в Марани

и лежащая в 4 верстах от этого места переправа через Риони; второй — разделение дорог: Редуткальской и абхазской при переправе через реку Хопи. Владея этими двумя пунктами, мы действительно владеем всем краем, как бы далеко ни прошел неприятель с других сторон. Даже владея первым пунктом только (Маранью и Илорийской переправой), мы еще в грозном положении; неприятель, идущий из Редут-Кале и Озургеты, не может ни обойти этой позиции, ни соединиться, не овладевши ею; а занимающий ее может устремиться всеми силами против каждой из этих частей или действовать ей во фланг, сохраняя свои сообщения неприкосновенными.

Пересеченная и лесная местность этого края, недостаток открытых позиций, где бы значительный отряд мог развернуться, и самый характер войны чисто оборонительный определяют состав войск имеретинского отряда и образ его действий. Здесь кавалерии, батарейной и даже легкой артиллерии мало места; они могут быть употреблены как резерв только для большого сражения, на избранной местности. Главная роль в этом крае принадлежит пехоте, особенно застрельщикам и горным орудиям. Самая страшная война для неприятеля, как бы он силен ни был, на такой местности, не бой открытой грудью, а мелкое, ежечасное лесное дело на походе, упорная оборона каждого препятствия против его авангарда, быстрое отступление, когда перевес начинает клониться на его сторону, беспрерывно повторяемый напор на его цепи, то, что в чеченской войне так справедливо прозвано «гонять сквозь строй». Такая война стоит неприятелю в несколько дней, иногда в один день, больше людей, чем самое кровопролитное сражение; лишает его всех средств к существованию, приводит в беспорядок, истомление и нравственное расстройство, после которых добить его уже немногого стоит. Природа края и характер населения соединяют все стихии для такой войны на западном прибрежье Закавказья. Очевидно, что в таком роде действий главная роль предоставляется народонаселению, исподволь приготовленному и организованному, привычной к такому делу пехоте и горной артиллерии. Другие войска со-

ставляют резерв для решительной минуты. Без сомнения, все это относится к наступлению неприятеля столь сильного, что с ним опасно вступить в неравный бой с самого начала. Где можно решить дело без хитрости, там хитрость не нужна.

Лихорадочный климат низменных равнин Гурии и Мингрелии может быть гибелен для войск, если они должны находиться там постоянно. Но местность этого края, которую можно защищать медленно, шаг за шагом, и воинственный характер населения, всегда готового оборонять свои лесные тропинки, позволяют, когда нет решительного наступления со стороны неприятеля, охранять опасные пункты одними передовыми отрядами, нужными для первой встречи и поддержания жителей; а прочие войска держать на соседних высотах, откуда они могут быстро сосредоточиться в указанных пунктах.

II. АХАЛЦИХСКИЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТР

В отношении к общей обороне Закавказского края Имеретинскую равнину должно считать совершенно отдельным военным театром, нисколько не зависящим от других. Не может быть никакой общей связи между военными действиями по ту и по эту сторону Имеретинского хребта, кроме одновременного отражения неприятеля.

Граница от Гурии до Персии находится в других условиях. Хотя три различных местности, лежащие на этом протяжении, Ахалцихская, Александропольская и Эриванская, разграничены довольно резко природой и представляют каждая иные обстоятельства, делающие из них, в тесном смысле слова, три различных военных театра, тем не менее между ними существует общая связь. Конечно, эта связь гораздо слабее, чем она бывает обыкновенно между колоннами, составляющими стратегический фронт армии в поле. Здесь, в стране, разграниченной самой природой на разные сферы, кроме временной необходимости такого или другого распределения

сил, смотря по действиям неприятеля, существует постоянная необходимость известного размещения войск. В горной и неразработанной земле, где главные военные пункты сообщаются только одной дорогой, а в стороны идут лишь редкие вьючные тропинки, нельзя делать больших фланговых движений, а потому каждое важное сообщение и каждый значительный пункт приходится охранять с лица; что и ведет к образованию отдельных, самостоятельных отрядов. Тем не менее, хотя каждый отряд имеет здесь свое особое назначение и хотя сообщение между ними довольно затруднительное, но нет непроходимых препятствий, как хребет, отделяющий Ахалцих от Имеретии, и потому на этой границе можно, до известной степени, устремлять действие отдельных отрядов к одной общей цели. Оттого из войск, выставленных на турецкую границу, за исключением только Имеретии, можно было сделать одно целое, вверенное одному начальнику.

Выход тифлисских дорог к границе и определяет размещение отрядов. Таким образом, от Гурии до Персии образовались четыре отдельных отряда: ахалцихский, ахалкалакский, александропольский и эриванский.

Ахалцихская дорога стратегически чрезвычайно важна. Она составляет не только удобный и короткий путь с турецкой границы к Тифлису, но даже огибает его с тыла, выводит на сообщение его с Россией; и в то же время отрезывает безвыходно войска, занимающие Имеретию, и от Тифлиса, и от России. Для наступления турок, если б они могли сбить нас с поля, это самая выгодная операционная линия и потому самая опасная для нас. Охранение ее необходимо требует сильного отряда. Но, с другой стороны, опасность эта уменьшается от природы края, на котором турки должны основаться для действия по Ахалцихской дороге. В этом случае опорным пунктом их будет Ардаган. Местность, окружающая Ардаган, так же, как и Ахалцих, до того гориста и лишена проходимых дорог, что войско, действующее здесь, может возить удобно только горную артиллерию; даже легкие орудия, не говоря о батарейных, по Ардаганскому пашалыку часто должно тащить на людях;

а многочисленная армия, какая нужна, чтобы действовать наступательно против Тифлиса, требует сильной артиллерии и огромного обоза. Сосредоточить то и другое в Ардагане и привезти к Ахалциху нелегко.

Кроме этого, есть и другое обстоятельство, препятствующее туркам избрать Ахалцихскую дорогу главной операционной линией, — противопоставленное им размещение сил. Александропольский отряд, по причинам, которые мы укажем ниже, всегда сильнейший изо всех. В случае наступления турок к Сураму он может фланговым движением к Ацхуру отрезать им отступление; уже одно направление его в Духоборию заставит неприятеля остановить свое движение. Чтобы идти без опасений по Ахалцихской дороге, турки должны иметь в этом углу края две одинаково сильные армии: одну наступательную и другую резервную, в Ахалкалаки; что требует развития сил, далеко превосходящего их средства. Конечно, быстрота и смелость, при верном стратегическом направлении, могут иметь последствия, которые заранее невозможно исчислить. Но для такой быстроты и смелости нужно великого полководца и не турецких войск. В обыкновенном порядке вещей мы имеем такой нравственный перевес над турками, что определение главных линий действия принадлежит нам; а неприятель должен по необходимости, в размещении своего стратегического фронта, смотреть главнейше на то, как размещен наш фронт, противопоставляя ему свои силы в той же пропорции. Таким образом, несмотря на особенную важность линии по Куре, турецкая армия принуждена сосредоточивать главные силы в Карсе, и Ахалцихский военный театр становится второстепенным, составляя Правое крыло нашего фронта.

Оборона этого края сосредоточена в крепости Ахалцих и селе Ацх-ур, замыкающем выход из Боржомского ущелья, где лежит мост через Куру. В оборонительном отношении это решительные пункты; но военное значение их различно. Ацх-ур важен как крепкое место, которого нельзя обойти, командующее выходом на стратегическую дорогу. Значение его чисто местное, фортификационное. Он защищает доступ

в Боржомское ущелье материально. Одним словом, это место требует не отряда, но укреплений и гарнизона. Не взяв Ацхура, неприятель, как бы многочислен он ни был, не может пройти на Боржомскую дорогу. Ахалцих же нужен собственно как опорный пункт действующему в этой стране отряду. Собственная его важность далеко не так велика. Предоставленный обыкновенному гарнизону, он не может остановить движения значительной армии на Тифлис; в этом случае ей всегда возможно ограничиться блокадой этой крепости и продолжать наступление. Но она не посмеет сделать шагу вперед, пока в тылу ее будет держаться сколько-нибудь значительный наш отряд; а отряд этот может устоять под пушками своей крепости, особенно в заранее укрепленном лагере против сил, которые смели бы его с поля.

В отношении наступательном Ахалцихский уезд никогда не может служить нам главным основанием. На юг от него, в Турцию, далеко еще простирается горная страна, сообщения по которой чрезвычайно затруднительны. Прямая дорога из Ахалциха в Эрзурум через Ардаган едва проходима. Кроме того, этот путь, на котором тогда сосредоточились бы самые значительные силы, оставляет за своим левым флангом Карс, главный опорный пункт турецкой армии; пока наше движение принудит эту армию воротиться за Саганлуг, ее действия на Арпачае будут иметь слишком большой простор.

Но если Ахалцихский уезд не может быть принят за базис для наступательной войны в азиатской Турции, тем не менее ахалцихский отряд имеет свой местный круг действий в две стороны: к западу в Аджарию и к югу на Ардаган.

Аджария, по своей крепкой местности, представляет все удобства для оборонительной войны, удобства, которыми ее воинственное население умеет отлично пользоваться; в этой стране надо драться не с войском, но с жителями, чего не может случиться на других местах военного театра, населенных смирными татарами и расположенными к нам армянами. Бой с аджарцами будет стоить значительных потерь и нисколько не ослабит турецкого войска. Кроме того, движение в Аджарию

было бы эксцентрическое, удаляющее ахалцихский отряд от совокупного действия с другими пограничными отрядами.

Однако ж, хотя Аджарская экспедиция выходит из круга полезных операций, в Аджарии есть пункт, получивший большую важность с обстоятельствами настоящей войны.

Это место, лежащее в нескольких верстах от нашей границы, там, где дорога из Батума в Ардаган пересекает истоки Посховчая.

Горная тропа, соединяющая через аджарские ущелья Батум с Ардаганом и Карсом, весьма проходима для войск налегке, не встречающих сопротивления со стороны жителей. С той минуты, как владычество на Черном море перешло в руки неприятеля, Батум сделался во многих отношениях основным пунктом турецко-азиатской армии. Тяжести и артиллерия могут доставляться ей только обходным путем на Трапезунд и Эрзурум. Но снабдить арсеналы вперед известным числом полевых орудий с упряжью, — немудреное дело. Войска же, конница и особенно пехота, могут всегда довольно свободно проходить по аджарской тропе, связывающей по прямой линии Карс и Ардаган с неприятельскими силами в Черном море и европейской Турции. Хотя совершенно невероятно, чтоб когда-нибудь европейские войска решились двинуться через эту трущобу, тем более, что перед ними открыта более естественная линия наступления через Имеретию, но при громадных десантных средствах союзников эта прямая связь азиатской армии со всеми силами Турции через Аджарию тем не менее очень опасна. И в некоторых случаях занятие истоков Посховчая наперерез аджарской дороге может быть для нас чрезвычайно важной операцией, пока мы не занимаем Ардагана; тем более, что неприятельские войска проходят эту страну налегке, без артиллерии и, следовательно, неприготовленные к решительному бою.

Из Батума в Ардаган тянется еще одна горная тропа по р. Чарахсу, через Арданич. Но она еще непроходимее аджарской и гораздо длиннее. Поэтому турецкие войска никогда не ходят по ней.

К югу от Ахалциха простирается турецкий Ахалцихский пашалык со своим главным городом Ардаганом. Естественная операционная линия ахалцихского отряда лежит на эту крепость, которая и составляет для него первый и важнейший предметный пункт. Владение Ардаганом для нас очень важно по многим причинам.

Левое крыло турецкой армии опирается на Ардаган, как наше правое — на Ахалцих; в нем заключены все его материальные средства. Со взятием Ардагана левое турецкое крыло будет сброшено с гор Ахалцихского пашалыка на Эрзурумскую равнину, и наше господство прочно утверждено над горной страной, командующей этой равниной. Владение Ардаганом совершенно прерывает сообщение турецкой армии с Черным морем и по Аджарской, и по Ардаганской дороге, оставляя ей только долгий путь на Трапезунд. Что еще более важно, со взятием Ардагана, если Карс в то время еще не взят, можно действовать во фланг его армии. Из Ардагана ведет в Карс довольно хорошая, проходимая для артиллерии дорога, выходящая на верхнюю часть Карсчая, в нескольких верстах перед городом. Движение сколько-нибудь значительного отряда по этой дороге должно заставить турецкую армию немедленно отступить к Карсу, если она занимает позицию впереди этой крепости по Александропольской дороге. Если же турки будут расположены под пушками Карса, занятые с фронта Александропольским корпусом, то отряд, двинутый из Ардагана, может фланговым движением от озера Айгыр-Гель угрожать сообщению их с Эрзурумом, чего александропольский отряд никак не может сделать, не растягивая своего фронта гораздо более, чем позволяют основные правила искусства. Все указанные движения, если не очень легки, то по крайней мере совершенно возможны, потому что отряд, совершающий их, будет действовать в районе, ни в одном случае не превышающем расстояния 50—60 верст от своего опорного пункта — Ардагана. Наконец, со взятием Ардагана, нет более надобности держать отдельный ахалкалакский отряд, так как Ардаган прикрывает одинаково оба пути.

Суровый климат окрестностей Ахалциха и Ардагана сокращает удобное для кампании время, более чем на всех других пунктах.

С первых чисел октября до половины, а часто и до конца мая, отряд, находящийся в Ахалцихских горах, окован невольным бездействием.

III. АХАЛКАЛАКСКИЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТР

Ахалцихский уезд и принадлежащий к нему Ахалкалакский участок составляют, собственно говоря, один нераздельный военный театр и требуют и для обороны края, и для наступления вперед только одного отряда. Но на Ахалкалаки выходит одна из дорог, соединяющих Тифлис с границей, и самая близкая изо всех. Хотя неприятелю нет возможности пройти массой на эту дорогу в 40 верстах от ахалцихского отряда, не разбивши его, но он может наводнить ее партизанскими шайками и тревожить даже окрестности Тифлиса. Это сообщение казалось всегда столь важным, что еще турки построили здесь укрепление Ахалкалаки, и мы его поддерживаем. Но как дорога здесь не составляет тесного ущелья, а идет по вершине горной плоскости, то и нет точки, в которой укрепление запирало бы ее, а потому Ахалкалаки служат только опорным пунктом небольшому отряду, ограждающему Тифлисскую дорогу и содержащему связь ахалцихского отряда с главным, александропольским. И в Ахалцихе, и в Ахалкалаки одинаково может находиться квартира большого отряда, действующего в этой горной стране. Каждый из этих пунктов прикрывает обе дороги: Боржомскую и Цаикскую. В стратегическом отношении Ахалкалаки даже выгоднее, по двум причинам: находящееся здесь войско ближе к главному отряду и совокупнее связано с ним; удобнейшая дорога к Ардагану идет из Ахалкалаки. Но Ахалцихская крепость значительнее Ахалкалакской, там находится довольно большой город, ко-

торого в последнем месте нет. Ахалцих составляет опорный пункт сильнее и поэтому предпочитается.

По своему назначению ахалкалакский отряд чисто оборонительный и не имеет большой военной важности. Главное действие его: охранять границу и преследовать партизанские шайки, что и определяет его состав: несколько сотен иррегулярной кавалерии для быстрых движений и небольшое число пехоты для поддержания кавалерии на всякий случай. Очевидно, что при надобности можно, не рискуя ничем, притянуть ахалкалакскую пехоту к одному из соседних отрядов. Если же ахалкалакский отряд все время действует отдельно, то он также имеет свой небольшой круг наступательных действий в Чалдырском санджаке.

IV. АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКИЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТР

На войне, как и в шахматной игре, первые выходы могут быть определены наукой безошибочно, особенно если на том же театре существуют указания предшествующих опытов. Гений играющего получает полную свободу там, где соображения науки теряются в бесчисленности возможных ходов. Для того, чтоб главная операционная линия была определена верно, требуется несколько условий:

1) чтоб она была, сколько можно, кратчайшим путем к главному предметному пункту, владение которым наиболее чувствительно для неприятеля, на известном пространстве; 2) чтоб она была по возможности менее пересечена препятствиями, которые мешают свободному движению и употреблению всех родов оружия; 3) чтоб, по топографии края, неприятель не мог фланкировать ее массой или отдельными отрядами, сохраняющими свое сообщение; 4) чтоб она имела твердое основание в наших собственных пределах и 5) чтоб она, насколько можно, исходила из центрального пункта, для

того чтоб не открывать за своими флангами наибольшего протяжения границы, охранение которой потребует значительного разделения сил.

На турецко-азиатском театре войны только одна дорога из Александрополя в Карс и Эрзурум удовлетворит стратегическим требованиям. Эта дорога составляет самый прямой путь от наших пределов к главным предметным пунктам неприятельской страны. Она идет по местности, хотя и волнистой, но на которой все три рода оружия могут удобно быть употреблены. Неприятельская армия может действовать по ней только параллельно нашему фронту: ей нельзя занять фланговой позиции, без опасности быть немедленно отрезанной от своих сообщений и заброшенной или в горы Ванского пашалыка, или в хребты Аджарии и Арданучa, по которым она не может провезти ни артиллерии, ни обоза. Дорога эта основывается на Александрополе, самой сильной крепости и главном военном депо на турецкой границе; Александрополь сообщается с Тифлисом лучшим изо всех путей, прорезывающих пояс с Малого Кавказа. Наконец, течение Арпачая составляет самую центральную часть турецко-кавказской границы; наши главные силы находятся в середине, опираясь на два боковых отряда, и могут прямой дорогой, в небольшое число переходов, стать на всяком угрожаемом пункте. Поэтому Александропольская дорога есть наша постоянная и единственная операционная линия для вторжения в азиатскую Турцию со стороны Кавказа. Остальные операционные линии из Ахалциха, Ахалкалаки и Эривани не больше как побочные, служащие для фланкирования на некотором расстоянии от главной и для исполнения местных целей, соответствующих положению той части границы, на которой они лежат.

В отношении к нам соседние с Кавказом области азиатской Турции делятся на два военных театра, довольно резко разграниченных между собой; один близкий, непосредственный, между нашей границей и параллельным ей горным поясом; другой за горами, на Эрзурумской высокой плоскости. Первый обнимает пограничные пашалыки: Баязетский, Карс-

ский, Ахалцихский, Аджарию и Кабулеты, до Ванских гор, Саганлугского хребта и южного склона Ахалцихской горной группы. Вся эта страна составляет наш непосредственный военный театр. Мы должны биться во всяком случае, и в наступательной, и в оборонительной войне, в его пределах.

Пока турки владеют на самой нашей границе таким опорным пунктом, как Карс, они могут и будут давать нам сражение за сражением, в ожидании, что которое-нибудь из них склонится в их пользу. Но со взятием Карса наша южная граница делается неприступной, по крайней мере для турок, единственного неприятеля, которого мы можем ждать с этой стороны.

Положение турецкой армии над Арпачаем, с Карсом за собой на всякий случай, совсем иное, чем положение той же армии, наступающей на Карс из Эрзурума, за 150 верст от своего опорного пункта, и имеющей в тылу, вместо оплота укрепленного города, тесные дефилеи Саганлугского хребта. Уж одна такая граница, как этот хребет, с крепкими, заранее избранными позициями, которые мы можем там занять, составит для турок неодолимую преграду. Что же касается до того, чтоб оставить горы за собой и немедленно атаковать наш отряд вместе с крепостью (потому что между Карсом и теснинами Саганлуга нельзя стоять по нескольку недель, как теперь стоят турки), то об этом они, вероятно, и не подумают или подумают на свою неизбежную гибель. Неприятелю останется только одна линия наступления, на Ардаган. Но довольно взглянуть на карту, чтоб видеть, что войско, идущее из Эрзурума на Ардаган, подставляет свой фланг и тыл отряду, занимающему Карс. Кроме всех этих обстоятельств, занятие Карса и Ардагана выпрямит нашу границу от Ахалциха до Аракса и сократит ее наполовину. С такими стратегическими пунктами, как Карс и Ардаган, защищающими подножие хребтов, вытянувшихся между ними и Эрзурумской плоскостью, двух третей сил, которые находятся теперь на границе, будет достаточно против всякого наступления. Изо всех операций, к которым мы можем приступить в нынешних обстоятельствах, взятие Карса есть

важнейшая и, можно сказать, основная операция всей войны. Поэтому мы постараемся развить с возможной точностью особенности Карсского военного театра.

В начале кампании 1854 г. с нашей стороны опасались, что турки не дадут нам сражения в поле, что они останутся под Карсом и поставят нас в затруднительное положение: осаждать целую армию вместе с крепостью. Но турки были те же, которые в 1853 г. вторглись в наши пределы и простояли 10 дней перед Александрополем, которые, не колеблясь, дали нам Кадыклярское сражение, хотя им ничего не стоило избежать его; и в 1854 г. вместо того, чтоб уклониться от нас, смело стянули в Хаджи-Вали свои наличные силы и сами нас атаковали. Это их прямой расчет, и можно быть уверенным, что пока нынешние обстоятельства не изменятся, образ действия их останется тот же. Когда Кавказу грозит целая десантная армия, круг нашего наступления в азиатской Турции ограничен тесными пределами, и потому наши победы на этой границе, особенно с количеством войск, которым мы располагаем, не могут устрашить коалицию, между тем как победа турок на Арпачае может много подвинуть ее дела. Коалиция ставит здесь ничто против многого, и потому, пока Карс в турецких руках, она будет ставить постоянно, в ожидании выигрышной карты. Теперь мы довольно знаем внутреннее состояние турецкого лагеря, чтобы видеть ясно, что в кампанию 1854 г. колебание и нерешительность принадлежали паше, боявшемуся с потерей сражения потерять место, а план решительного наступления — правительству. Поэтому мы можем готовиться к новой битве без опасений, что турки будут уклоняться от нее.

Перейдем к топографическим условиям Карсского военного театра.

Широкая волнистая равнина, простирающаяся от Арпачая до подошвы Саганлуга, прорезана поперек двумя природными линиями, за которыми можно сосредоточить оборону: речкой Карсчаем и цепью средней высоты земляных гор, которые тянутся параллельно к ней около 20 верст далее. Речка Карсчай выходит из Саганлугских гор, течет на северо-запад

под самым городом, потом заворачивает на юго-запад и впадает в Арпачай против сел. Товисан-Кишляк. Она перерезывает обе дороги из Александрополя в Карс, через Халив-огзлу и через Хаджи-Вали, и в нижней части своего течения, между заворотом и Арпачаем, может служить туркам оборонительной линией. Через нее везде брод, и она пересекается множеством проселочных дорог, так что каждый пункт на ее берегу легко может быть обойден. Поэтому обороняющийся не может защищать прямо переход через нее, как обыкновенно защищается переправа реки. Но он может сделать другое. Высота и крутизна берегов этой речки позволила проложить дороги к ее руслу только по оврагам, промытым стоком вод. С правой стороны особенно дороги от нее подымаются на 1,5 и на 2 версты узкими и обрывистыми дефилеями. Обороняющийся всегда может немедленно сосредоточить свои силы против того пункта, где перешел противник, и заставить его принять сражение на позиции безо всякого отступления, с тылом, припертым к непроходимой крутизне. Разумеется, этот маневр исполним только врагам деятельным, решительным и, главное, уверенным в себе: первое условие для того, чтоб наносимые удары имели действительную силу. Со стороны турок такого рода оборона может существовать только в теории.

Вторая оборонительная линия, пересекающая Карсскую равнину, цепь земляных гор, тянется от Араратского отрога к Карсчаю и стесняет эту речку в нескольких верстах ниже Карса. Вся выгода, которую могут извлечь из нее турки, состоит в том, что ее северный склон представляет несколько позиций, более крепких, чем можно найти на равнине, и которых нельзя обойти, не потеряв своих сообщений.

Равнина запирается укрепленным городом Карсом, лежащим близ выхода Эрзурумской дороги из Саганлугских гор. Карс для азиатской Турции то же, что Александрополь для Закавказья. Взятие его отпирает ворота внутрь края. Поэтому он укреплен гораздо сильнее прочих турецких городов и считается справедливо главным опорным пунктом турецкой армии. Без него судьба турок решалась бы одним

сражением. Очевидно, что для нас, в обратном отношении, он так же важен, как и для неприятеля.

Сам по себе, как крепость далеко не первоклассная, Карс не составляет для нас особенно значительного препятствия. Взятие его без посторонней помощи может быть, на долгий конец, делом нескольких недель и осадного парка определенной силы. Но как опорный пункт и цитадель турецкой армии, Карс приобретает совсем другое значение. Турки, даже сбитые с поля, могут найти надежное убежище под его пушками, в заранее укрепленном лагере, в их власти всегда защищать армию крепостью и крепость — армией. Если же в их плане будет, не давая сражения, держаться оборонительно под пушками Карса, то это дает опять новый оборот всему вопросу.

Анализируя условия, представляемые Кавказско-турецким военным театром, необходимо брать в расчет вне стратегических соображений действительно существующее отношение сил наших и неприятельских. Это неоспоримый факт, вероятно, в продолжение всей нынешней войны: что насколько наше Кавказское войско выше турок нравственно, настолько же они сильнее нас числом. Таким образом: что делать войску, разбившему втрое сильнейшую армию, когда эта армия укрылась под пушками своей крепости, в укрепленном лагере, и победителю приходится осаждать твердыню, защитники которой гораздо многочисленнее его? Анализ обстоятельств, на которых основываются расчеты, надежды и опасения обеих армий, теперь уже довольно хорошо обнаруженных опытом, всего яснее может раскрыть их слабые и, следственно, подверженные ударам стороны.

Год войны и 7 сражений доказали нам, по крайней мере, здесь, в азиатской Турции, что дисциплина и регулярное устройство турецкой армии есть только лоск, наложенный на нее снаружи. Турки выходят в бой и начинают драться как хорошее регулярное войско; но только что им нанесен сильный удар, лоск регулярности исчезает с них, и они делаются опять турками Кагула и Рымника: артиллерия уходит вперед до окончания боя, чтоб не сказали, что паша потерял слишком

много орудий; батальоны бросают орудия; ни одна часть армии, втрое многочисленнейшей армии победителя, не думает остановиться на минуту и сколько-нибудь задержать преследование. В сражении с таким противником победитель — не тот, кто собьет, а тот, кто только устоит. Турки, при счастье и огромном перевесе сил, могут, если случится, победить; но они не могут отступить. Разбитое турецкое войско стаивает наполовину, не прося для этого неприятельской шашки, и надолго уже не есть войско.

Можно основательно сомневаться, чтоб турецкая армия, сбитая с поля и горячо преследуемая, была в состоянии дать через два или три дня сильный отпор под Карсом.

Карс — не такого рода крепость, чтобы могла вместить в себе корпус или даже значительный отряд; для этого назначения устраиваются обширные линии наружных верков, между которыми войско может разбить свой лагерь, а Карс есть куча тесно сплоченных азиатских мазанок со старым замком и с обводной стеной. Это одна из тех турецких крепостей, которые бывали сильны в старину, когда воинственное население защищалось с крыш и окошек, как это делается теперь в дагестанских аулах; образ защиты, кончившийся вместе со старой военной системой Турции. В настоящее время оборона Карса вверена одному гарнизону в 3 или 4 тыс. человек; остальная армия должна расположиться вне города, и ее могут поддерживать только выстрелы через голову. Если эта армия перед тем разбита, то несколько лишних выстрелов поверх голов не придадут ей большой силы.

Но, в действительности, может ли армия, разбитая в 30 верстах перед своей крепостью, когда ее преследуют по пятам, укрыться в этой крепости? Во-первых, бегущей армии каждая верста преследования стоит таких же потерь, как несколько часов сражения. Не дать ей оправиться — значит не дать выйти из положения, в котором она была в минуту поражения, и если в эту минуту она могла только бежать, то конечно, не будет сильнее после расстройства, еще гораздо большего. И тогда, если за нею лежит не Модлин, с длинной цепью

своих отдельных укреплений, между которыми войска могут забиться, как насекомые в щель, а сплошная стена Карса, с несколькими десятками орудий, может ли разбитая армия остановиться там и устроиться в несколько часов?

Наконец, допуская предположение, что преследование было чем-нибудь задержано, остановилось рано, и разбитая турецкая армия успела стать и выстроиться под стенами Карса, — что тогда? Армия эта, конечно, уже не страшна сама по себе, не в состоянии выйти в поле и может держаться только под крепостью. Это самое положение есть оружие против нее.

Стоя перед Карсом, достаточно протянуть цепь кавалерийских пикетов до сел. Кичак-Кеб, 3 версты выше Карса по речке, или поставить там в окопе отдельную колонну, чтоб отрезать крепость и армию от их главного и единственного повозочного сообщения с Эрзурумом; им останутся только горные тропинки, ведущие прямо из города за реку. Если сила александропольского отряда не позволит, что весьма вероятно, тесно блокировать целую армию, то к нему, в таком положении, уже безопасно можно притянуть несколько войска из других отрядов. А если к тому времени может быть взят Ардаган, и ахалцихский отряд, основываясь на этом пункте, пройдет несколько десятков верст по Карсской дороге и от озера Айгыр-гель сделает фланговое движение к Шоразу, — тогда Карс отрезан отовсюду, и притом без всякой опасности для отряда, находящегося у него в тылу; потому что турецкая армия под Карсом будет стоять перед нашими глазами.

Какое положение армии, отрезанной от всех своих сообщений, военных и продовольственных? Армия — не гарнизон крепости, и особенно армия турецкая, которую всегда продовольствуют со дня на день. Кроме обширности запасов, ей мало иметь хлеб в магазинах; ей нужны мельницы, чтоб молоть его, и дрова, чтоб печь его; лошадям нужен фураж, и тысяча других нужд еще обременяют войска. Потеряв свои сообщения, турецкая армия не простоит долго под стенами Карса, дожидаясь с часу на час неминуемой гибели. Она стает от нужд и побегов, и через две недели остатки ее, потеряв

всех лошадей, или взойдут в город не довольно обширный, чтоб поместить такое большое число лошадей, теснотой помешают защите и завалят улицы больными и трупами; или попробуют пробиться на Эрзурумскую дорогу и тогда, при счастье, может быть, половина их уйдет, или наконец, что всего вероятнее, положат оружие.

Мы развивали здесь предположение того случая, если неприятельская армия даст сражение и будет разбита, что приблизительно одно и то же, если между силами обеих сторон существует какая-нибудь соразмерность. Но в теории, если не на самом деле, может представиться другая сторона вопроса: когда неприятельская армия не захочет вовсе принимать сражения и с начала весны станет в лагере под Карсом? Но тогда положение наше будет то же самое, как и теперь. Если турки останутся спокойно под Карсом, то они не будут грозить нашей границе; а если отойдут от него, то предполагаемый случай уничтожится, и мы опять — в прежней колее.

Но, вдобавок, никакой укрепленный лагерь турок не может наложить на действующий корпус вынужденного бездействия. Для его операций останется еще обширная сфера, и тем неподвижнее будет главный турецкий корпус, тем свободнее будут наши крылья; наступление со стороны Ахалциха и Аракса приобретет тем большую независимость и силу. В этих последних случаях образ действия александропольского отряда может быть различен, смотря по обстоятельствам. Если турецкие войска в Ардагане не довольно сильны, чтоб бороться с ахалцихским отрядом в его нормальном составе, то александропольский корпус может выдвинуться на цепь земляных гор, окружающих Карс, и, угрожая главным силам неприятеля с лица, не дозволит им отделить подкреплений к Ардагану. Но если б эта демонстрация не удалась, и турки, хорошо окопанные перед Карсом, надеясь на силу своих укреплений против штурма, сосредоточили бы в Ардагане массу, способную оспаривать поле у ахалцихского отряда, очевидно, что на это время Ардаганская операция сделалась бы главной на всей турецкой границе и ахалцихский отряд потребовал бы

значительных подкреплений с Арпачая. В таком случае александропольский отряд, ослабленный отправлением войск в Ахалцих, мог бы принять одно из двух решений: 1) окопаться перед Александрополем, чтобы оставшийся под Карсом корпус не имел против него шансов и не мог бы демонстрацией в эту сторону развлечь силы, направленные на Ардаган; или 2) оставить на Арпачае достаточно кавалерии, чтоб обезопасить границу от башибузуков и занять фланговую позицию на границе Чалдырского и Зариматского пашалыков, входя таким образом в прямую и короткую связь, мимо Чалдырского озера, с ахалцихским отрядом, что потребует временно перенесения продовольственной линии отряда на Духоборию. В стране, более открытой, эта операция была бы превосходна, собирая наши силы в один пучок и парализуя Карский корпус, который не мог бы двинуться к Арпачаю, не подставляя своего фланга и тыла, по Ардаганской дороге, не теряя своих сообщений с Карсом, но в горной стране самое близкое перенесение операционной и продовольственной линии составляет чрезвычайно деликатную операцию и делается иногда неисполнимым от препятствий, которых и нельзя предвидеть; почему фланговые движения в значительном размере сопряжены здесь с такими случайностями, что гораздо благоразумнее не предпринимать их, если можно без того обойтись.

Со взятием Ардагана, если б главные турецкие силы продолжали упорно держаться под Карсом, представляется возможность нового образа действий — перенесение основного военного базиса из Александрополя в Ахалцих и Ахалкалаки и движение главными силами по дороге из Ардагана к Эрзуруму, в тыл Саганлугского хребта. Но подобного рода операция, исполнимая во всякой открытой и заселенной стороне, здесь дает место тем же воззрениям, как и предыдущая, только в сильнейшей степени; потому что представляет более обширные размеры и требует более долгого времени. В такой стороне, как сопредельная нам часть азиатской Турции, можно принять за общее правило: затруднения каждой военной операции возрастают в квадратном отношении к ее сложности.

Наконец, можно анализировать случай, очень маловероятный, но не выходящий из круга возможного, — случай нашей неудачи за Арпачаем и вынужденного отступления нашего войска к Александрополю. Против этой опасности существует одно положительное средство: заранее приготовленные окопы укрепленного лагеря под Александрополем; то же средство, которое, хотя исполненное лишь вполовину, два раза уже спасало остатки турецкой армии. Но средство это не окончательное. Нет сомнения, что в предположенном случае турки будут смелы: во-первых, потому что тут будет единственный шанс их к приобретению результата, которого они так настойчиво добиваются; во-вторых, потому что с неудачей за Арпачаем, вероятно, для нас возникнут опасности и в тылу; в-третьих, главное, потому что при нынешних обстоятельствах риск для турок всегда и везде, на этой границе, меньше, чем для нас; при большой неудаче мы можем потерять Закавказский край; а они, при самой большой — только Карсский пашалык и часть Ахалцихского.

Во всяком случае, даже и при таком обороте дела, у нас останется еще достаточно средств, чтобы оправиться: александропольский отряд, в укрепленном лагере под крепостью, задержит неприятеля надолго, это не подлежит сомнению. Однако ж Закавказский край не может долго оставаться осажденным в лице своего главного отряда, не рассыпавшись у нас в руках; и потому нам нельзя будет ждать, пока неприятель, утомленный неудачными покушениями, отступит сам от Александрополя. Нам должно будет избавиться от него немедленно, то есть вторично дать ему сражение и разбить его; чего запертый в своем лагере отряд не в состоянии сделать без большого подкрепления. Диверсии других отрядов к турецким городам не помогут нисколько; мы видели, что неприятель в нынешней кампании 1854 г. вовсе не боялся обнажить Ардаган и Баязет, когда дело шло об успехе на решительном пункте. Только немедленное и сильное подкрепление главному отряду будет в состоянии вывести нас из критического положения; и подкрепление это, единственное, на которое мы можем рассчитывать, — не рас-

сеянные по Кавказу батальоны, но ахалцихский отряд. Успех турок, какой мы предположили, возможен только при сосредоточении их армии на Карсской плоскости; тогда у Ардагана не останется таких сил, чтобы они могли отдельной массой идти на Тифлис по Боржомской дороге; а местные успехи их в Ахалцихском уезде обратятся в прах победой над главной турецкой армией. Поэтому, жертвуя всем для самого важного, ахалцихский отряд должен оставить гарнизон в крепости и несколько рот — в Аузуре, и бежать к Александрополю. Соединенные отряды, ахалцихский и ахалкалакский, составят такую массу, которая немедленно даст нам перевес в поле[1].

Мы не говорим здесь о возможной неудаче других отрядов. Пока наши главные силы в грозном положении, местные неудачи могут иметь только местные последствия. Они остановят временно наступление с той стороны, не более.

V. ЭРИВАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ТЕАТР

Эриванский военный театр составляет левый фланг нашей линии, упирается в персидскую границу и более всех удален от центра неприятельских сил. Уже это одно определяет его второстепенное значение. Но, кроме того, за пограничным Баязетским пашалыком тянутся горы Курдистана, столь же малодоступные, как и Лагистан. Поэтому круг действий эриванского отряда ограничивается обороной принадлежащей нам плоскости и наступательными действиями в Баязетском пашалыке.

Эриванская крепость составляет наш главный опорный пункт в этой стране. От нее ведут к границе две дороги: одна — через Чангильские высоты в Баязете; другая — вверх по Араксу в Кагызман; эта последняя дорога фланкируется с левой стороны Аракса старой персидской крепостью Сардар-Абад, которую в короткое время можно привести в оборонительное состояние. Наступление турок на Эриванскую пло-

скость может быть направлено по одной из этих двух дорог: из Кагызмана или из Баязета.

Кагызманская операционная линия самая выгодная для турок. Она составляет кратчайший и наиболее удобный путь от границы к Эривани. Турецкий отряд, действующий по этому направлению, опирается на свои главные силы и отрезает прямое сообщение между нашим эриванским отрядом и александропольским; и в то же время [обеспечивает безопасность] Баязета, отвлекая от него наши силы; эриванский отряд не может перешагнуть за Зангыльские горы, когда неприятель вторгается вниз по Араксу в сердце страны. Это забвение самого очевидного интереса доказывает лучше всего, до какой степени наш нравственный перевес тяготеет над турками; они подчиняются во всем распределению нашего стратегического фронта и противополагают отряд отряду, не смея решиться ни на какую самостоятельную операцию.

В случае наступления турок от устья Арпачая вниз по Араксу, если эриванский отряд не будет довольно силен, чтоб разбить их в открытом бою, то он имеет за собой опорный пункт, который, если его немного усилить, отлично обороняет эту линию, — Сардар-Абад. Турки не могут обойти его никаким образом и должны или отступить, или атаковать наши войска под крепостной стеной. За этим опорным пунктом лежит другой, еще сильнее, Эривань, составляющий узел всех дорог этой страны. По направлению от Баязета наш отряд может занимать постепенно три оборонительных линии, лежащие одна за другой: пограничный горный хребет, Аракс и окрестности Эривани.

Круг наступательных действий эриванского отряда заключен в довольно тесных пределах. Занимая самый отдаленный от центров угол границы, он не может иметь большого влияния на общий ход дела, как и турецкий баязетский отряд, и потому формируется малочисленнее прочих. Главное назначение его — охранение Эриванской равнины, и, какие бы успехи ни имели наши войска на других операционных линиях, он не может намного удалиться от своей границы. Глав-

ные наши операционные линии направляются к югу-западу, и хоть бы действующий корпус взял Эрзурум и проникнул в глубь Малой Азии, перед эриванской границей останутся занятые неприятелем горы Курдистана и ее должно будет охранять отдельным отрядом. Таким образом, назначение эриванского отряда есть чисто местное, между тем как военные театры Александрополя и Ахалциха суть только временные основания для дальнейших действий. Наступательные движения эриванского отряда ограничиваются на все время войны поясом пограничных земель.

Для нас, как и для турок, на Эриванском военном театре находятся две наступательные операционные линии: на Баязет и на Кагызман. Принятое турками расположение их действующего отряда у Баязета заставляет и нас считать Баязетскую линию главной, по крайней мере временно. Нам нельзя перенести главного действия на Кагызманскую дорогу, пока турки занимают Чангыльские высоты; но они могут это сделать: наше положение не равное. Мы открываем неприятелю Эривань и Тифлисскую дорогу, которую он может занять в тылу отряда; он же, в подобном случае, опирается на все свои силы и открывает нам только узкую, без всякого выхода, долину, составляющую Баязетский пашалык, на которой, в этом случае, мы не можем ничего предпринять без опасности быть немедленно отрезанными. Но с поражением баязетского отряда, когда он заброшен в Ванские горы, нам представляется свобода действовать на Кагызман.

Только в этом случае главное внимание должно быть обращено на то, в какой степени разбить баязетское войско, потому что при слабости эриванского отряда его нельзя делить пополам и действовать порознь с каждой половиной. Если неприятель разбит наголову так, что на некоторое время принужден к бездействию, тогда можно оставить несколько сотен кавалерии на горах, для защиты границы от партий, и всем отрядом вступить в долину Аракса. Если же он только сбит с поля и может еще воротиться (предположение, впрочем, совершенно теоретическое, когда дело идет

о турецком войске), тогда лучше довольствоваться приобретенным результатом и занимать Баязет.

Операция эриванского отряда на Кагызман может иметь некоторую важность только в виде флангового движения против Карсского корпуса; Кагызманской дорогой можно пройти в тыл Карсу, на истоки Карсчая. Для неприятеля, уверенного в себе и рассчитывающего холодно, это движение не покажется опасным; что может сделать колонна в 3 или 4 батальона, в каком бы то ни было направлении, против массы в 50 батальонов, кроме одного: пройти до известного пункта и воротиться назад. Но при неизвестности и сбивчивости, покрывающих на войне каждое действие противника, фланговые и затыльные движения потрясают нравственно войско, против которого они направлены. Операция эриванского отряда, из Кагызмана по Карсской дороге, может быть лишь демонстрацией; но, вероятно, подействует на турок довольно сильно. Только для нас дело в том, какое именно это будет действие?

Если Карсский корпус занимает позицию по Александропольской дороге, то отряд, направленный из Кагызмана, может сделать один или два перехода от Аракса по Карсской дороге и немедленно воротиться за реку при первом известии о приближении неприятеля. Турки, видя войска у себя в тылу, едва ли решатся ощупывать свое положение; по всей вероятности, они немедленно снимут лагерь и отступят к Карсу, то есть примут положение, наименее благоприятное для нас. Стало быть, диверсия эриванского отряда через Кагызман может нам быть полезна только в таком случае, если б мы хотели заставить турецкий корпус покинуть без боя позицию на Александропольской дороге.

Если Карс будет взят, то занятие долины Аракса, в пределах Карсского пашалыка, входит также в круг действий эриванского отряда.

Существует только один случай, очень отдаленный, в котором эриванская граница может сделаться базисом значительной военной операции. Если б Эрзурум был уже взят (что составляет последний предел успехов Кавказского корпуса,

без перенесения в эту сторону главного театра войны) и наши войска, заняв пределы высокой Армянской плоскости, стали бы в оборонительное положение, тогда можно было бы устремить значительный отряд на юг от Баязета, для покорения Ванского пашалыка. Это было бы полезной экспедицией свободного времени. До тех пор эта часть азиатской Турции, примкнутая к персидской границе и лишенная стратегической важности, выходит из непосредственного круга военных действий.

Сила, необходимая отряду, основывается на важности его назначения и на крепости препятствий, которые он должен преодолеть. Наступление должно вести к решительным, а не к побочным пунктам; и если наступление эриванского отряда в некоторых случаях может быть полезно, то лишь с условием, что оно не отымет сил у колонн, перед которыми лежит более важная цель. Для определения действительной силы армии в походе нужно умножить численность каждой из ее колонн на важность стратегических линий, по которым они следуют. Каждый батальон ахалцихского, и в особенности александропольского отряда, имеет более влияния на общий ход дела, чем 3 батальона в эриванском.

МЕСТНОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОКОРНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ КАВКАЗА

Покорные племена Кавказа, не вошедшие еще в состав гражданского управления и находящиеся под военной властью, составляют один из отделов военного управления, требующих особенного внимания и предусмотрительности.

Силой оружия или другими обстоятельствами вынужденные покориться нам или искать покровительства и защиты нашего правительства, эти племена, различные по нравам и общественному быту, поступили в наше управление почти на одинаковых условиях, а именно: с сохранением религии, прежнего внутреннего порядка, прежних отношений между сословиями, суда и расправы по народным обычаям.

Постепенное введение в этих племенах гражданского благоустройства и образования, улучшение их нравственного и материального быта составляют нашу цель, для которой мы призваны Провидением на Кавказ. Но мы должны действовать с особенной осторожностью, чтобы мерами преждевременными, чуждыми еще понятиям и нравам кавказских горцев, не внушить в них неудовольствия, недоверия и отвращения ко всем нашим нововведениям и не вызвать сопротивления с их стороны. Лучшим для того средством будет — применяться при всех наших преобразованиях в управлении мирными горцами к общественному их устройству и народным обычаям; каждое из этих преобразований должно быть только переходной ступенью, которой туземные

племена нечувствительно могут достигнуть со временем до желаемого нравственного и гражданского развития.

Существующие в настоящее время в большей части Кавказского края управления посредством приставов требуют по многим причинам неотлагательных перемен и улучшений:

1) Разновременность принесения покорности небольшими обществами одного и того же племени, и другие временные, большей частью военные обстоятельства, были причиной, что одно и то же племя разделено на несколько приставств, а через это число приставских управлений увеличено без надобности, и нет единства в положении горских обществ одного и того же племени.

2) Значительное число и малозначительность приставств не позволяют всегда избирать в эти должности людей вполне способных и соответствующих своему назначению; самая поверка их действий становится весьма затруднительной.

3) По значительному числу приставских управлений не представляется возможности назначить каждому из приставов содержание, приличное его положению. Почти всегда пристав затрудняется в средствах жизни, а между тем горцы, как и все вообще азиатцы, уважая власть по наружному ее блеску и не видя у приставов даже необходимого довольства, судят о достоинстве русской власти по ближайшим ее представителям.

4) Судопроизводство и разбор жалоб и тяжб почти везде оставлены у горцев в том виде, в каком они были у них до изъявления ими покорности России. Суд по адату (по народным обычаям) и по шариату (духовный, по смыслу Корана) производятся: первый — посредниками, избираемыми обеими спорящими сторонами, а второй — кадиями и муллами. По свойству этих судов, пристав не может принимать никакого участия в делах судебного разбирательства, и эта важная часть общественного благоустройства остается вне нашего надзора и влияния. Суд по адату, требующий обоюдного согласия спорящих сторон на выбор посредников, собирается медленно и допускает умышленные проволочки, а шариат ставит дела в зависимость от произвольного толкования муллами текстов Корана. Первое обстоя-

тельство тем более невыгодно, что общественная безопасность у горцев основана на кровомщении; а потому, если кровавая вражда не прекращается своевременным судебным разбирательством, то кровопролитие продолжается бесконечно.

Недостатки эти были замечаемы и в прежние времена, и вследствие того сделаны некоторые опыты улучшения в управлении туземными племенами:

a) Еще в 1822 г. генералом Ермоловым учрежден кабардинский суд в Нальчике. Суд этот, преобразованный в 1849 г., с большой пользой для края существует и поныне.

b) По примеру кабардинского суда в 1847 г. генерал-фельдмаршал князь Воронцов учредил народный суд во Владикавказе для горских народов, входивших в состав бывшего Владикавказского военного округа. Суд этот также с большой пользой и теперь существует.

c) 20 октября 1852 г., в виде временной меры, высочайше одобрено учреждение чеченского управления в крепости Грозной. В течение с лишком четырехлетнего своего существования управление это, состоявшее из полной административной системы, с разделением на инстанции, и из народного суда, примененного к народным обычаям чеченцев, принесло много пользы и вполне оправдало цель своего учреждения. Составленное из людей известных и уважаемых в крае и находясь под близким надзором высшего местного начальника, оно приобрело полную доверенность чеченцев и успело уже ввести некоторые полезные улучшения в их народных обычаях.

d) В 1855 г., также в виде временной меры, учрежден суд в Малой Кабарде (в Псидахе).

Эти учреждения, оправдываемые опытом, не только убеждают в пользе их, но и указывают на возможность дальнейших, постепенных преобразований. Однако же к преобразованиям этим невозможно приступить ныне же во всех частях Кавказа; а потому необходимость заставляет, в некоторых из главных отделов края, ограничиться на первое время учреждением только временного порядка управления, отлагая до другого времени преобразования более значительные.

1. НА ПРАВОМ КРЫЛЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ

На Правом крыле Кавказской линии в настоящее время состоит под нашим военным управлением только весьма незначительное туземное население, которое водворено частью между Кубанью и Урупом, частью — на правой стороне верхней Кубани. Если успех увенчает настоящие наши военные предприятия, направленные, как со стороны Лабы, так и с нижней Кубани, — то, без сомнения, враждебные ныне племена, будучи более и более стесняемы в своем поземельном распределении, принуждены будут или покоряться, или переселяться за наши передовые линии. Но пока не выказались результаты наших военных предприятий в Закубанском крае, невозможно еще приступить в этой части Кавказа к какому-либо систематическому преобразованию местного управления, и по необходимости надобно только сделать некоторые частные изменения в существующих приставских управлениях.

Управления эти образовались постепенно; но суммы на их содержание, отпускаемые с 1847 г., на основании высочайшего повеления, по смете Министерства внутренних дел[1], распределены следующим образом:

1. На Главное приставство закубанских народов	900 руб. 00 коп.
2. На приставство бесленеевских народов и закубанских армян	300 руб. 00 коп.
3. На приставство тахтамышевских аулов	300 руб. 00 коп.
4. На приставство темиргоевского, егерухаевского, хатукаевского и бжедуховского народов	300 руб. 00 коп.
5. На приставство казараевского народа	300 руб. 00 коп.
	2100 руб. 00 коп.

В этом распределении приставств последовали после 1847 г. следующие изменения:

1. В 1848 г. карачаевскому приставу подчинены абазинские переселенцы и на расходы по управлению ими определено отпускать добавочных приставу	100 руб. 00 коп.
2. В 1851 г. приставство темиргоевского, егорукаевского, хатукаевского и бжедуховского народов упразднено, а взамен его в 1852 г. учреждено приставство нижнеприкубанских народов, и приставу его определено содержание	250 руб. 00 коп.
3. В 1855 г. Главное приставство закубанских народов упразднено и взамен его учреждено приставство карамурзинских и кипчаковских ногайцев, на которое расходуется	300 руб. 00 коп.
4. Наконец, в 1856 г. для аулов, переселенных в 1855 г. на р. Теберду, учреждено приставство Тебердинское с производством приставу	150 руб. 00 коп.
(Остаточные суммы от этих преобразований употреблялись доныне на содержание других вновь учрежденных или усиленных управлений.)	

Ныне предполагается образовать всего четыре приставства:

1. Приставство Нижнеприкубанское, которое оставить в прежнем виде.

2. Приставство закубанских ногайцев, которое составить из прежнего бесленеевского и закубанских армян, с присоединением приставства карамурзинских и кипчаковских ногайцев.

3. Приставство Тахтамышевское — в прежнем виде.

4. Приставство Карачаевское — с присоединением к нему абазинских и тебердинских аулов.

На содержание этих четырех приставств полагается определить следующие суммы:

1. Столовых денег каждому из четырех приставов по 280 руб. 20 коп.	1120 руб. 80 коп.
2. На канцелярские расходы также каждому по 30 руб.	120 руб. 00 коп.
3. На содержание четырех переводчиков по 150 руб. по одному на каждое приставство	600 руб. 00 коп.
4. На содержание при каждом приставе по писарю по 16 руб. 95 коп.	67 руб. 80 коп.
5. На содержание помощников приставов карачаевского и тахтамышевского[2] по 300 руб. каждому, если они будут из туземцев; если же — из русских офицеров, то полагается выдавать им жалованье по чину	600 руб. 00коп.
Всего	2508 руб. 60 коп.

На экстраординарные расходы, в случае надобности, полагается выдавать приставам необходимые суммы из экстраординарной суммы, отпускаемой в распоряжение командующего крылом.

Сверх сего, как на приставе лежит исполнительная власть и как он обязан, проживая среди вверенного его надзору населения, делать частые разъезды, то признается необходимым иметь при каждом из приставов постоянную и надежную стражу из азиатцев в числе 8 человек. Учреждение этой стражи имеет значение не столько административное, сколько военное, и должно быть отнесено к военному положению, в котором находятся еще покорные горские племена; а потому потребных к

4 приставам для стражи 32 человека азиатцев полагается иметь из милиционеров, для чего и включать их в число той милиции, которая ежегодно вносится в предположение о военных действиях в Закубанском крае.

2. НА ЛЕВОМ КРЫЛЕ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ

Пример чеченского управления в Грозном успел уже указать местному населению Левого крыла выгоды благоустройства и порядка, а положение всех почти горских обществ этой части Кавказа допускает уже подобные же преобразования без затруднений.

На содержание приставских управлений горских племен, обитающих в пределах нынешнего Левого крыла Кавказской линии, на основании упомянутого выше высочайшего повеления[3] по смете Министерства внутренних дел ежегодно ассигнуется:

1. На приставство уруспиевского, чеченского, хуламского и балкарского народов	300 руб. 00 коп.
2. На приставство Малокабардинское	450 руб. 00 коп.
3. На приставство Дигерское	300 руб. 00 коп.
4. На содержание канцелярии бывшего начальника Владикавказского военного округа для управления мирными горцами	742 руб. 85 коп.
5. На столовые адъютанту сего же начальника по заведованию делами по военной части и по кордонам 140 руб. 10 коп., двум писарям при этом адъютанте — 33 руб. 90 коп. и на канцелярские расходы — 99 руб. 75 коп.	273 руб. 75 коп.
6. На содержание Главного приставства горских народов бывшего Владикавказского округа	914 руб. 85 коп.

7. На приставство аллагирских и куртатинских народов	414 руб. 28 коп.
8. На приставство назрановского народа	628 руб. 55 коп.
9. На приставство карабулаков и чеченцев	314 руб. 28 коп.
10. Двум старшинам галгаевского народа	240 руб. 00 коп.
11. Двум знаменщикам назрановского народа	240 руб. 00 коп.
12. На Главное кумыкское приставство	1600 руб. 00 коп.
13. На приставство Костековское	150 руб. 00 коп.
14. На приставство Аксаевское	150 руб. 00 коп.
15. На приставство Надтеречных чеченцев и брагунского народа	750 руб. 00 коп.
	7468 руб. 56 коп.

С 1847 г. по настоящее время в этих приставских управлениях воспоследовали следующие изменения:

1. В октябре 1852 г. приставство Надтеречных чеченцев и брагунского народа, за учреждением управления чеченского народа, упразднено	750 руб. 00 коп.
2. Тогда же учреждено Главное управление чеченского народа в Грозной[4] со следующим штатом:	
начальнику чеченского народа столовых	1000 руб. 00 коп.
двум старшим адъютантам	300 руб. 00 коп.
переводчику с арабского языка	300 руб. 00 коп.
переводчику с чеченского языка	150 руб. 00 коп.
четырем писарям	67 руб. 80 коп.
денщикам	8 руб. 40 коп.
главному кадию	900 руб. 00 коп.
трем народным старшинам (по 300 руб. каждому)	900 “ — “

четырем окружным наибам (по 500 руб. каждому)	2000 “ — “
на канцелярские расходы	300 “ — “
экстраординарные расходы	750 “ — “
заготовление дров	125 “ — “

3. В апреле 1856 г. прекращено содержание двум старшинам галгаевского народа	240 руб. 00 коп.
4. Тогда же упразднен один из четырех помощников главного пристава народов бывшего Владикавказского округа	142 руб. 85 коп.
5. Тогда же для племен галгаевского, царинского, джераховского и кистинского учреждено особое приставство Нагорное, содержание коему определено в год	735 руб. 35 коп.
6. С 1853 г. по распоряжению г-на генерал-адъютанта князя Воронцова производится жалованье кадию Кандреевской деревни	120 руб. 00 коп.

Ежегодно остатки от этих преобразований употреблялись на содержание вновь учрежденных или усиленных управлений. Этих остатков было недостаточно на покрытие новых расходов, значительно превышавших сокращения, почему в число приставских сумм обращены еще следующие остатки:

а) Бывшие столовые деньги начальника Верхнесунженской линии, 1000 руб., на основании высочайшего повеления 16 марта 1854 г. № 2667 разрешено употреблять на усиление надзора по управлению мирными племенами бывшего Владикавказского военного округа	1000 руб. 00 коп.

b) Содержание упраздненного управления Верхнесунженской линии (по предписанию г-на генерал-адъютанта князя Воронцова Ставропольской комиссариатской комиссии от 12 марта 1853 г. № 434, на основании высочайшего повеления об учреждении чеченского управления 30 октября 1852 г.)	852 руб. 14 коп.
c) Содержание упраздненного переводчика бывшего левого фланга (на основании того же распоряжения)	300 руб. 00 коп.
d) Часть пенсии покойного генерал-майора Ахмед-хана, бывшего правителя Мехтулинского ханства (согласно высочайшему повелению, сообщенному председателем Кавказского комитета 24 февраля 1849 г. № 302)	2000 руб. 00 коп.
Итого	4152 руб. 14 коп.

Но как при всем том и за обращением этой суммы новые расходы на Левом крыле Кавказской линии превышали сокращения на 3248 руб. 50 коп.[5], то эта последняя сумма постоянно относилась на общие остатки от содержания всех приставских управлений на Кавказе.

Ныне управление покорными племенами Левого крыла предполагается образовать на следующих основаниях:

1. Все покорное народонаселение Левого крыла, состоящее ныне из 182 тыс. душ обоего пола, разделить по племенам на 4 округа: Кабардинский, Осетинский[6], Чеченский и Кумыкский.

2. Начальником каждого округа назначить такое лицо, которое по своему званию и личным качествам имело бы вес и пользовалось уважением в крае. Для этого место окружного начальника положено в чине полковника или генерал-майора, с содержанием, крайне необходимым для поддержания в глазах

горцев уважения к представителю русской власти. Начальник округа подчинен непосредственно командующему войсками Левого крыла.

3. К начальнику округа определить нескольких помощников из военных штаб- и обер-офицеров или из туземцев; помощники эти непосредственно управляют частями округа; а сверх того, один помощник состоит лично при окружном начальнике для разных поручений и для исполнения его обязанности в случае отсутствия или болезни. Все чины окружного управления показаны в прилагаемых штатах.

4. Для судопроизводства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени в каждом округе учредить суд из постоянных членов, по примеру уже существующего ныне чеченского суда в кр. Грозной.

5. Народный суд, под председательством начальника округа, имеет состоять из главного кадия и нескольких депутатов, назначаемых от всех отдельных обществ, входящих в состав округа. При суде находятся словесный и письменный переводчики и несколько писарей для переписки. Адъютант начальника округа есть, вместе с тем, и производитель дел суда.

Примечание. Круг деятельности начальника округа, обязанности его, права и власть, равно как и помощников его и народных судов, будут определены в свое время подробной инструкцией.

Изложенные общие основания окружного управления применяются к каждому из 4 округов Левого крыла Кавказской линии следующим образом:

а) Округ Кабардинский. Сюда войдут Большая и Малая Кабарда и настоящее приставство уруспиевского, балкарского, чеченского и хуламского народов. Кабардинский народный суд в Нальчике в настоящее время имеет депутатов только от Большой Кабарды; теперь необходимо будет назначить в него, кроме 4 прежних депутатов, еще двух от Малой Кабарды[7] и одного — от остальных поименованных горских народов, известных под общим именем балкарцев. Местопребывание начальника округа и суда — в Нальчике.

К Кабардинскому же округу причисляется временно и Дигория, от которой также должен быть депутат (восьмой) в кабардинском суде; впоследствии же предполагается Дигорию перечислить к Военно-Осетинскому округу.

б) Округ Военно-Осетинский. В него войдут Главное приставство горских народов бывшего Владикавказского военного округа, приставства Аллагирское и Куртатинское, Назрановское, Нагорное, карабулаков и галашевцев, а впоследствии и Дигорское. В народном суде Осетинского округа будут находиться 11 депутатов, а именно: от назрановцев — 2, от галгаевцев — 1, джераховцев и кистинцев — 1, от ингушей — 1, от тагоурцев — 2, от аллагирцев и куртатинцев — 2, от горских осетин — 1, от карабулаков и галашевцев — 1 и впоследствии еще 1 от дигорцев. Местопребывание начальника Осетинского округа и суда — во Владикавказе.

в) Чеченский округ. В него войдет все население, состоящее ныне под Главным чеченским управлением; и все будущие переселенцы, имеющие водвориться на Мичике, Аргуне и по другим рекам Чечни. В народном суде будут депутаты: от Большой Чечни — 1, от Малой Чечни — 1, от Надтеречных аулов — 1 и от мичиковских переселенцев — 1. Местопребывание суда и начальника округа — в Грозной.

г) Кумыкский округ образуется из кумыков и нагайцев, а со временем к нему присоединятся и те из прилежащих обществ, которые могут нам покориться. В народном суде этого округа будут находиться четыре депутата. Местопребывание начальника округа и народного суда — в Хасавюрте.

3. В ПРИКАСПИЙСКОМ КРАЕ

По Положению 14 декабря 1846 г., без изменения вошедшему в Учреждение 1855 г. об управлении Закавказским краем, Прикаспийский край состоит из двух частей: Дербентской губернии и земель Северного и Нагорного Дагестана

(ст. 28, 528 и 551 Свода законов по 19 прод.). В состав губернии включены: город Дербент, уезды Дербентский и Кубинский, округа Самурский и Даргинский, ханства Кюринское и Казикумухское, и земли, лежащие к югу от Аварского Койсу[8].

Под общим именем земель Северного и Нагорного Дагестана разумеются владения шамхальство Тарковское и ханство Мехтулинское и не входящие в состав владений отдельные аулы Ишкарты, Каранай, Эрпели, Чиркей, Чири-Юрт, Миатлы, Султан-Янгиюрт и Отар-Аух (ст. 551 учрежденного закона по 19 прод.).

На этом основании жители частей, вошедших в состав губернии, должны бы принадлежать ведению гражданского управления; жители шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского — управляться своими владетелями на основании наследственных их прав; аулы, не принадлежащие к составу владений, должны управляться каждый отдельно, старшинами, избираемыми русским правительством под надзором ближайших воинских начальников; а именно: Ишкарты, Каранай и Эрпели — командира Дагестанского пехотного полка, Чиркей — воинского начальника Евгениевского укрепления, Чири-Юрт, Чант-аул и Отар-Аух — командира драгунского Его Королевского Высочества принца Вюртембергского полка.

В действительности положение дел в Прикаспийском крае не согласуется с узаконенным порядком:

Жители города Дербента (до 13 тыс.), Улусского Магала (до 3 тыс.) и Кубинского уезда (118 тыс.) вполне покорны русскому правительству, свыклись с нашими постановлениями и способны подчиняться нашим гражданским учреждениям. Жители Кайтага и Табасарани (до 20 тыс.), округа Садурского (до 30 тыс.), округа Даргинского (до 100 тыс.) и отдельных аулов Северного Дагестана (до 6 тыс.) — требуют особого рода управления, основанного на народных обычаях. Еще ступенью ниже по понятиям, образу жизни и нравам стоят жители ханств: Кюринского (до 25 тыс.), Казикумухского (до 39 тыс.), Мехтулинского (до 12 тыс.) и шамхальства Тарковского (до 28 тыс.); поэтому признано было удобнейшим все четыре эти

владения предоставить мусульманскому управлению на ханских правах. Наконец, жители сюргинского общества (16 тыс.), шести горных деревень и двух вольных магалов в Кайтаге (Жубкон и Карадарга, до 25 тыс.) обязались платить подати, но не приведены еще в действительное подданство; а жители вольных магалов обеих Табасараней и четырех вольных же магалов Кайтага (всего до 30 тыс. душ), — хотя неоднократно и изъявляли нам покорность, но повинуются только силе оружия; русского же управления здесь вовсе еще не существует.

Такая разнохарактерность составных частей и постоянное военное положение края были причиной, что общие положения, существующие для гражданских управлений в империи, не могли быть применены ко всем странам, включенным по положению в состав Дербентской губернии. Только в г. Дербенте, в Улусском Магале и в Кубинском уезде Гражданское управление успело установиться и действует согласно с законным порядком, в других же частях оно оказалось преждевременным, так что само название губернии приличествует ныне не более как трем названным выше частям.

Таким образом, по самому положению страны, необходимость заставляла, во многих случаях, предположенное гражданское управление заменять властью военной. Так, в 1844 г., в видах удержания в покорности акушинского и цудахарского обществ, учреждено Даргинское приставство, на содержание которого, по высочайшему повелению, сообщенному военным министром от 12 декабря 1844 г., за № 11371, определено ассигновать ежегодно по 3090 руб. по военной смете. С 1845 г., после происшедшего в Акуше мятежа и убийства бывшего пристава майора Оленича, Даргинское приставство само собой упразднилось, но ассигнуемая на него сумма — 3090 руб. была обращена на содержание других вновь учрежденных или усиленных приставских управлений, и в 1847 г. она вошла в общее расписание сумм, по смете Министерства внутренних дел, согласно высочайшему повелению, сообщенному в отзыве военного министра от 17 ноября 1847 г., за № 1903. Надо полагать, что при этом по ошибке цифра 3090 руб. заменена цифрой 3070 руб.

Эта сумма и ныне есть единственная ассигнуемая по смете на содержание приставских управлений в Дагестане.

Но с 1847 г., по изложенным выше причинам, разрешаемы были разные другие расходы на содержание приставских управлений в Дагестане с отнесением на суммы военного ведомства:

1) Исправляющему должность помощника шамхала Тарковского выдаются из остатков от приставских сумм, по распоряжению генерал-адъютанта князя Воронцова от 23 октября 1851 г., столовые деньги	1000 руб.
2) Бывший помощник Ханши Мехтулинского подполковник Лазарев получал на основании высочайшего повеления, сообщенного в отзыве председателя Кавказского комитета, от 24 февраля 1849 г. № 302 столовые из означенной же суммы, в которую на сей предмет и обращено из содержания покойного Ахмед-хана Мехтулинского	1000 руб.
3) Управляющему Мехтулинским ханством флигель-адъютанту лейб-гвардии казачьего полка поручику Ибрагим-хану производятся на основании высочайшего повеления, сообщенного в отзыве от 18 марта, № 3072, столовые деньги по	1000 руб.
Итого расходуется ныне	3000 руб.

В настоящее время по гражданскому ведомству составляется проект преобразования общего и частных управлений в Прикаспийском крае и, между прочим, предположено учредить новое управление для Даргинского округа; а потому и сумма, ассигнуемая с 1844 г. на Даргинское приставство в 3090 руб., должна поступить в штатные суммы гражданского в Прикаспийском крае управления.

Затем останутся на военном ведомстве только следующие расходы по управлениям в Дагестане:

1) Столовые офицеру, состоящему в звании помощника шамхала Тарковского	1000 руб.
2) Столовые правителю Мехтулинского ханства	1000 руб.
Всего	2000 руб.

4. НА ЛЕЗГИНСКОЙ КОРДОННОЙ ЛИНИИ

В расписании сумм, ассигнуемых по смете Министерства внутренних дел на содержание приставских управлений (17 ноября 1847 г.), значатся на Лезгинской кордонной линии следующие приставства:

Джурмутское	450 руб.
Анцухо-Капучинское	611 руб.
Дидойское	554 руб.
	1615 руб.

Все три общества: джурмутское, анцухо-капучинское и дидойское — уже более 15 лет отложились от покорности, и суммы, на эти приставства отпускаемые, поступают в числе свободных остатков на другие, вновь образовавшиеся приставства, за исключением назначенных заведующему капучинскими выходцами[9].

5. В КУТАИССКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ

В расписание 1847 г. приставских управлений на Кавказе вошли существовавшие тогда на Черноморской береговой

линии два приставства: Цебельдинское — 2104 руб. и Джигетское — 2180 руб. Приставства эти, по случаю оставления войсками нашими во время минувшей войны бывших укреплений на восточном берегу Черного моря, были упразднены: Цебельдинское — 5 апреля, а Джигетское — 9 марта 1854 г.

Суммы на содержание их, как во время войны, так и ныне, продолжают требоваться и обращаются на содержание вновь учрежденных или усиленных приставских управлений.

Ныне, с занятием Абхазии, восстановлено Цебельдинское приставство, о чем сообщено г-ну военному министру от 21 июня сего года за № 1380. Восстановление же Джигетского приставства будет зависеть от обстоятельств.

Из предыдущего краткого обозрения приставских управлений видно, что только на Левом крыле Кавказской линии предполагается сделать в них значительное преобразование единообразным и правильным устройством военных округов. Почти на тех же основаниях имеется в виду образовать округа и в Прикаспийском крае по штатам Гражданского управления. Затем в остальных частях Кавказа признается необходимым на первое время, по крайней мере до более благоприятных обстоятельств, оставить существующие приставские управления, с некоторыми только изменениями в штатах и преимущественно в распределении сумм.

Остается в заключение представить общий сравнительный расчет как всех отпускаемых ныне сумм на управление покорными племенами Кавказа, так и требуемых по предполагаемым новым штатам.

Выше уже объяснено, что штатная сумма на содержание приставских управлений на Кавказе, в числе 18 536 руб. 96 коп., вносится с 1847 г. в смету Министерства внутренних дел и отпускается по той же самой ведомости, которая была первоначально сообщена при отзыве г-на военного министра от 17 ноября 1847 г. за № 1903. Но в течение 10 лет (с 1847 г. по настоящий 1857 г.) произошли, как сказано, значительные изменения в приставских управлениях: некоторые из них упразднены; иные переменили названия; другие преобразовались в составе своем.

Оттого оказалось необходимым остатками от одних приставств покрывать расходы на другие, вновь учрежденные или усиленные управления, и, следовательно, отпускаемые по смете Министерства внутренних дел суммы на приставские управления, хотя и употребляются сообразно с их предназначением, но расходуются уже несогласно с первоначальным распределением[10].

Затем не все новые расходы по приставскому управлению могли быть покрываемы ассигнованными на них суммами; а потому необходимо было изыскивать для сего другие еще источники; так что в последние годы на содержание приставских управлений всего поступает:

1) По смете Министерства внутренних дел	18 536 руб. 96 коп.
2) Из Государственного казначейства	3545 руб. 00 коп.
3) Из Ставропольской комиссариатской комиссии	2152 руб. 14 коп.
4) Из местных сборов	1680 руб. 00 коп.
	25 914 руб. 10 коп.

Предполагаемое же ныне преобразование потребует расхода:

На Правом крыле Кавказской линии	2508 руб. 60 коп.
На Левом крыле Кавказской линии	23 971 руб. 90 коп.
В Прикаспийском крае	2000 руб. 00 коп.
На Лезгинской кордонной линии	100 руб. 00 коп.
В Кутаисском генерал-губернаторстве	633 руб. 00 коп.
	29 213 руб. 50 коп.
Сверх того, как объяснено выше, нужно переассигновать в гражданское ведомство на Даргинское приставство	3090 руб. 00 коп.
Всего потребно	32 303 руб. 50 коп.

То есть более против настоящего ассигнования	6389 руб. 40 коп.

Притом должно заметить, что суммы местных сборов нельзя обратить постоянно на содержание приставских управлений по следующим причинам:

1) Значительнейшую из них сумму, собираемую с вольнопроезжающих по Военно-Грузинской дороге, предполагается обратить на содержание и улучшение Военно-Грузинской дороги, что будет совершенно согласно с ее назначением.

2) Сумма за вывоз делового леса из Владикавказского военного округа бывает весьма незначительна (от 400—500 руб. в год) и собирается нерегулярно.

3) Штрафная малокабардинская сумма зависит от числа проступков, за которые жители подвергаются денежной пени. Она также весьма незначительна, сборы ее нерегулярны, и притом с улучшением нравственности в народе она может и должна уменьшиться.

4) В штаты не включены суммы на отопление и освещение зданий, имеющих быть занятыми под управления мирных горцев; только расходы этого рода и могут быть отнесены на суммы местных сборов.

Таким образом, к вычисленной выше сумме	6389 руб. 40 коп.
Нужно еще добавить	1680 руб. 00 коп
	8069 руб. 40 коп.

Итак, всего на учреждение новых управлений мирными горцами потребуется по штату добавить 8069 руб. 40 коп. серебром.

Но, сравнивая жалованье, получаемое по чинам военными генералами, штаб- и обер-офицерами, входящими в состав вышеисчисленных управлений, по прежним и по вновь предполагаемым штатам оказывается:

По прежним штатам	17 761 руб. 40 коп.
По новым	13 584 руб. 00 коп.
Убавлено	4177 руб. 40 коп.

Следовательно, действительного добавления расходов по новым штатам потребуется только 3892 руб.

Но для большего порядка в отпуске и расходовании сумм было бы желательно, чтобы вся внесенная в новый штат сумма, именно 32 745 руб. 50 коп., была перечислена к отпуску из которого-либо одного места или вносилась ежегодно общей статьей в военную смету кавказскую.

Нет сомнения, что незначительное увеличение расхода будет вполне вознаграждено той пользой, которую можно предвидеть от предполагаемого улучшения в управлении покорными племенами Кавказа, но должно прибавить, что на предположениях этих не должна остановиться попечительность русского правительства, принявшего, так сказать, под свою опеку этот полудикий край: наш долг и наша честь требуют настоятельно, чтобы вместе с успехами русского оружия постепенно подвигалось вперед и развитие гражданского устройства в этом крае. Поэтому должно иметь в виду, что предполагаемые ныне изменения в штатах управлений покорными племенами Кавказа составляют только начало предстоящего в будущем постепенного развития этих учреждений.

ДЕЛО О ВЫСЕЛЕНИИ ГОРЦЕВ

Исполняя повеление Его Императорского Высочества, я объехал туземные населения Кубанской области: округа Абадзехский, Бжедуховский и Шапсугский, приставства Верхне- и Нижнекубанское. Вникнув, насколько умел, в настоящее положение туземных племен, имею честь донести следующее:

Количество туземного населения в Кубанской области составляет:

	По сведению	
	от штаба	от приставов
Приставство Верхнекубанское	26 348	43 932
Нижнекубанское	4540	8252
Округ Абадзехский	38 434	38 434
Бжедуховский	37 476	37 648
Шапсугский	—	4500
	106 798	132 766

Числовые данные штаба, командующего войсками, и у местных начальников различны, особенно в итоге старых, давно покорных населений Верхне- и Нижнекубанского приставств, где цифры, показываемые приставами, почти вдвое превосходят цифры, показанные штабом.

Вообще цифры населений можно принимать только приблизительно, потому что они основаны на показаниях тузем-

цев, изменявшихся вследствие каждого нового впечатления. В одном ауле прошел слух о близком обложении податью, и горцы до крайности уменьшали итоги; в другом, соседнем, говорили о наделении землей по количеству показанных душ, и жители чрезвычайно преувеличивали. При замкнутости жизни, не допускающей гостя проникнуть далее кунацкой, стоящей особняком в поле, нельзя было проверить показаний, тем более что серьезная статистическая работа, как номеральное описание, до сих пор далеко не по силам местному начальству. Можно, однако ж, с достаточной верностью принять итог туземного населения Кубанской области около 130 тыс. душ.

Распределение жителей по сословиям еще неопределеннее. Хотя некоторые местные начальники показали цифры, но, сличая на месте разноречие сведений этого рода, я не мог придать им большого значения; чтоб не ошибиться, их надо выражать круглым числом. Таким образом, можно принять с достаточной верностью численность высшего сословия пши и ворм, облеченных законом дворянскими правами, в 3% к итогу населения. Крепостных различных наименований в Верхнекубанском приставстве — в 40%, в Нижнекубанском и округе Абадзехском — в 30%, а в Бжедуховском округе число их ничтожно, не выше 150 дворов, то есть 6%[1].

Изо всех населений Кубанской области одно карачаевское можно считать вполне оседлым материально и нравственно, так как погром последних лет ни в каком отношении его не коснулся, и оно остается на местах, искони им занимаемых. С точки зрения правительственных мер, Карачай подходит к племенам Терской области и не имеет ничего общего с племенами Кубанской, от которых он отделен вдобавок обширным безлюдным пространством, называемым кордонными землями.

Остальное народонаселение Кубанской области резко отличается своим положением от всех горских племен Кавказа. Ряд событий, действовавших на него постоянно в одну сторону, от народных восстаний против дворянства, начавшихся еще в прошлом столетии, и до изгнания туземцев из их жилищ русским оружием, смешал адыгейские племена в хаотическую

массу, почти истребил существовавшую прежде общественную организацию и образовал из них безличный материал, из которого правительство может без малейшего затруднения выделать все, что ему будет угодно. Адыгейские племена подверглись разложению в одинаковой степени, но все они сильно тронуты. Народ бжедухов, бывший полумирным еще со времен императрицы Екатерины, уцелел наиболее, но и там все общественные отношения существуют больше в виде воспоминания, чем закона. Мелкие племена кубанских приставств, более 30 лет постоянно гоняемые с места на место то русскими, то немирными почти вовсе утратили племенную организацию, а новые переселенцы — абадзехи и другие составляют теперь только численное собрание единиц, ничем между собой не связанных. Между тем как Кабарда сохранила вполне феодальное устройство, общее в прежнее время всем адыгейским племенам, составляющее великое препятствие нравственному упрочению русской власти, потому что оно противополагает закон закону и поддерживает народное единство; в то же время черкесские племена Кубанской области, подорванные восстаниями черни, топором Мегмет-Амина, беспрерывными переселениями и последним беспримерным в истории погромом, перестали быть племенами. Никаких обязательных сословных отношений у них теперь уже не существует. Многие аулы еще называются именем владельца — князя или первостепенного узденя; но в противоположность тому, что происходит в Кабарде, свободное население аулов считает себя равноправным с владельцем. За князьями и дворянами остались только привилегии этикета — где стать и где сесть, привилегии, с каждым днем все более приходящие в забвение; на деле же звание их составляет препятствия к влиянию на общественные дела. Народ постоянно держит их в стороне и старшин своих везде выбирает из простолюдинов. Забвение дворянских прав так велико у туземцев Кубанской области, что даже в аулах, вновь населенных на владельческой земле, дарованной правительством некоторым лицам, нет никаких обязательных отношений между владельцем и поселенцами, они пользуются его землей

безвозмездно. Для того чтоб оградить этих поселенцев даже на будущее время от притязаний владельца, по распоряжению графа Евдокимова за ними оставлена узаконенная пропорция земли в других аулах, к которым они приписаны. Причина такого необыкновенного снисхождения владетелей состоит в их родовой гордости; они соглашаются понести жертву, чтоб видеть вокруг себя хоть часть своих бывших вассалов и пользоваться с их стороны хоть наружным почетом. Полковник Мамет-Гирей-Лов, например, поселил на отведенной ему земле несколько десятков дворов из бывшего когда-то своего аула, для того, говорили мне эти поселяне, чтоб ему жить было не скучно. Система, преследуемая графом Евдокимовым по управлению закубанскими народами, столь же неуклонна в этом отношении, как и его военная система; начало ей положено еще в бытность его начальником правого фланга. Не только свободные люди всех сословий на деле уравнены в правах, и приняты меры, чтоб обязательные отношения и впредь не могли нигде возникнуть; но при основании новых поселений устранен даже обычай, неизменный до сих пор у адыгов, называть их именем владельца, около которого группируются его прежние подвластные; аулы названы просто именем урочища, что весьма важно в понятии горцев; при этом теряется даже воспоминание о прежней зависимости. При мерах, принятых властью, и распространенном между закубанскими черкесами духе равенства, нет места опасению, чтоб некоторые лица между туземцами, каким бы влиянием они ни пользовались, могли поставить прежних подвластных или новых выселенцев в обязательные отношения к себе; это вещь совершенно невозможная. С другой стороны, очевидно, как много такой порядок вещей способствует правильному развитию русского управления между закубанскими горцами и вообще народному благоустройству. Правительство долго поддерживало на Кавказе местную аристократию для противодействия мюридизму, который был врагом одинаково и ей, и нам; но там, где мюридизм неопасен, местная аристократия становится положительным препятствием для правительственных целей. Мюридизм

вел против нас наступательную войну; аристократия ведет войну оборонительную, ограждая народ от русского влияния целой системой отношений, замкнутых, недоступных нам, отделяющих массу как бы стеной от русского закона и обычая. Окружные начальники, как Абдурахманов и Шибшиев, сами кабардинцы, уверяют (по моему понятию, совершенно справедливо), что ничего нет легче, как обрусить абадзехов и шапсугов, лишенных общественной организации; но что ничего нет труднее, как обрусить Кабарду, где эта организация стоит во всей силе. При отсутствии установленных сословных отношений и взаимной связи, закубанец теперь по необходимости прибегает во всяком случае к русскому начальству, отворяя нашему влиянию двери настежь к самым потаенным уголкам своей общественной жизни. В настоящее время изо всего Кавказа только в Закубанском крае может быть немедленно установлено чисто русское управление, без всяких шариатов, а через непродолжительное время и без всяких адатов.

Кроме распадения общественного быта, закубанские черкесы испытали в последнее время такое неимоверное нравственное потрясение, что им нет уже возможности от него оправиться; они отданы теперь во власть России как малые дети. Понятия их до того спутались неслыханным разгромом, что они ничему не удивятся, что бы с ними ни сделали, и малейшее снисхождение примут как благодеяние. Едва веришь глазам, смотря, как черкес, несколько месяцев тому назад отчаянно прорывавшийся для грабежа сквозь тройной ряд военных линий, теперь в своей земле, в глухом лесу, робко сторонится перед встречным крестьянином; мальчишка бьет его, и он не смеет отводить его ударов, чему я сам был свидетелем. Понимая бессилие свое для борьбы против Русской империи, но не понимая еще своих прав русского гражданина, черкесы покорились постигшей их участи и безропотно переносят беспрерывные притеснения и насилия от своих соседей-казаков и всякого чужого человека. Даже глядеть они стали какими-то рабами польского пана. Подобной деморализации никогда не было видано. Все нынешнее закубанское туземное население

составляет запуганную толпу, которой правительство может дать какое угодно направление. Чеченец плюет на русского, дагестанец смотрит на него исподлобья, кабардинец — с высоты своего узденьского величия; закубанский же черкес снимает перед русским шапку.

Граф Евдокимов добился вполне того результата, что во всем туземном населении Кубанской области, как старом, так и вновь покоренном, ни один человек не выходит из дому вооруженный. Во время трехнедельной поездки моей от Карачая до Хабля я не видел ни одного вооруженного горца[2]. Дворянам позволено носить шашку; но огнестрельное оружие запрещено поголовно, и нарушений этого правила нет и быть не может. Милиционеры, посылаемые приставами за пределы своего участка, положительно отказываются ехать с оружием даже при билете, боясь казаков; выезжая из участка, они снимают даже кинжал, составляющий принадлежность азиатской одежды. Теперь за Кубанью этим только и можно отмечать казаков от горцев; безоружный — стало быть, горец. Черкесы не могут даже ходить на охоту и потому не держат в доме патронов. У дворян ружье висит на стенке, как знак достоинства; простолюдин продает его за бесценок. Подобное запрещение, неукоснительно соблюдаемое, равняется обезоруживанию и через несколько лет действительно доведет народ до полного обезоруживания.

Изо всех общественных учреждений закубанских горцев уцелело только одно — крепостное право. Демократические восстания в черкесских племенах были спором свободных сословий между собой и не касались отношений владельца к крестьянам, как не коснулся его и Мегмет-Амин. Крепостное состояние у горцев имеет в настоящее время на практике совсем другой характер, чем то было в России, или есть еще в Грузии, хотя по праву, основания его почти те же. У горцев три рода крестьян: 1) ог — поступивший добровольно со своим потомством под покровительство владельца, обязанный ему некоторыми повинностями и во всем прочем свободный человек. Сословие это в последнее время чрезвычайно

умалилось постепенным выкупом, так что огов теперь мало; 2) пшитль — крепостной, живущий своим домом. Класс этот составляет три четверти всего числа крепостных. Обязанности его определены разнообразным обычаем, но они состоят исключительно в работе, так как черкесы не знают оброка; 3) унауты — домашние рабы, лишенные всяких прав, преимущественно женщины.

Деление это в настоящее время можно считать только преданием. Для правительства оно не может иметь значения по самой обстановке горцев. Закубанцы никогда не знали личной поземельной собственности; при обилии земель каждый селился где хотел. На основании этого обычая им наделяется земля русским начальством. В кубанских приставствах, например, где производится нарезка, хотя высшие дворяне получают по 150 десятин, а простые люди по 7, эти участки не лично даются владельцам, а только итогом их определяется размер земли под каждый аул, а затем вся земля все-таки остается общественной. При этом число крепостных вовсе не берется в соображение, так как им и переписи не сделано, и для них не бывает никакой особой прирезки. Но как, между тем, беспрестанно случается, что человек высшего класса имеет мало крепостных, а простой имеет их много, то участок в 7 десятин приходится на него и на несколько семей его крестьян. Хотя при общинном пользовании землей и существующей еще неопределенности границ горцы покуда мало замечают это обстоятельство; но правительство не может упустить его из виду, так как оно коренным образом изменяет основание владельческого права, делает горца, пользующегося крепостным правом, не помещиком, а личным рабовладельцем.

Все свободные сословия, благородные и неблагородные, имеют одинаковое право владеть крестьянами, и как класс этот до сих пор постоянно пополнялся пленными, то были примеры, что даже крестьяне их покупали. В последнее время понятия о крепостном праве спутались у закубанских горцев, как вся их общественная организация; теперь отношения крестьянина к владельцу, столь же оборванному, обнищавшему и уни-

женному, как он сам, зависят преимущественно от личности того и другого. Тем не менее закубанцы чрезвычайно дорожат своими крестьянами и считают только ими свое богатство. Со стороны дворян быть иначе не может, потому что, по черкесским понятиям, личный труд составляет для дворянина позор, исключающий его из сословия; а как наемных людей у горцев достать трудно, а женщин — невозможно, то дворянин должен держать крепостных, чтоб не умереть с голоду. Я нашел все закубанское население чрезвычайно встревоженным слухами об освобождении крепостных. С одной стороны, перепись крестьян, требуемая от приставов начальством, с другой — освобождение крепостных в Гривенской станице возбудили эти слухи. Цена на крепостных упала, и я видел уже в крае чеченцев, которые воспользовались этим обстоятельством и закупили за Кубанью несколько десятков семейств, чтоб вести их на продажу к себе за Терек. Таким образом, в 1864 г. найден по дорогам Русской империи караван рабов, ведомых с рынка на рынок. Перепись крепостных встретила чрезвычайные препятствия. Владетели уклонились от сообщения требуемых сведений, так что верхнекубанский пристав подполковник Агленцов сказал мне, что без насильственных мер он не может совершить переписи, а потому и прекратил свои требования. Крестьянский вопрос за Кубанью требует немедленных, даже спешных мер со стороны высшего начальства, в том или другом смысле, хочет ли оно удержать оставшиеся массы черкесов в пределах империи, или изгнать их в Турцию; потому что исход зависит более всего от этого пункта. Крестьянское дело находится теперь в хаотическом состоянии. С одной стороны, возбуждены слухи об освобождении, заставляющие владельцев помышлять о том, чтоб скорее увести своих крестьян в Турцию; с другой стороны, им предоставлен такой произвол, что владелец может насильно вести в Турцию крестьян, которые не хотят туда идти. Очень часто представляется такой вопрос, и приставы не считают себя вправе отвечать на него отрицательно; да и действительно он не объяснен. Таким образом, человек, который отправляется в мусульманское царство

с тем, чтоб быть врагом России и при первой войне поднять на нее оружие, имеет право насильно становить в число наших врагов людей, которые желают быть верными подданными государя. Если владелец берет с собой крестьян, то распродает их, что составляет то же самое, потому что крестьяне соглашаются идти в Турцию только для того, чтоб не быть распроданными в дурные руки. Вообще у нас с самого начала не было обращено достаточного внимания на крепостное сословие, составляющее резкое отличие общественного устройства черкесов от других кавказских племен. В Дагестане рабы находятся только у ханов; в Чечне их очень мало; у закубанцев же они составляют треть населения. Черкесские крепостные, народ невооруженный, не умеющий стрелять и никогда не ходивший на войну. Как угнетенный класс, не знающий почти вовсе мусульманской религии, они не могли и не могут быть нашими врагами; против нас враждовали только свободные и воинственные сословия, но у нас всегда смешивали в одно всю массу черкесского населения. Позволяя выселяющимся в Турцию горцам уводить массой своих крепостных, мы лишаем себя рабочих рук, чрезвычайно трудолюбивых, смирных и ни в каком отношении не опасных людей. Так было прежде, но нет причины, чтоб это продолжалось теперь, когда различие двух классов черкесского населения, воинственного и мирного, сделалось хорошо известным. Горец, выселяющийся в Турцию по ненависти к нам, не должен иметь права на своих крепостных, ни для того, чтоб их уводить, ни для того, чтоб их продавать, с той минуты, как он объявляет себя турком. Конечно, подобное ограничение владельческого права удержит от переселения в Турцию большую часть свободных людей, которые хотят еще переселяться, и потому подобная мера была, может быть, несвоевременной, покуда правительство заботилось исключительно об очищении приморского края; но теперь она у места, потому что нечего больше опасаться напуганных и истерзанных остатков черкесского населения. Людей же, в душе враждебных нам, эта мера не удержит; они уйдут в Турцию и бросят крестьян, которые станут свободными земледельцами.

Крепостной вопрос у черкесов, неверно понятый властью, может быть причиной великих затруднений и иметь последствием то, что результат выйдет совсем иной, чем желает правительство. Особенности его следующие:

1. У закубанцев крестьяне составляют в настоящее время не земледельческое население, хотя они и работают в поле, а личную собственность, так как землей они не наделены. Поэтому, даже впоследствии, никакого вида освобождения, кроме прямого выкупа, не может быть предпринято.

2. Так как крестьяне должны чем-нибудь жить, то при распределении оставшихся в казне земель Кубанской области надобно оставить неприкосновенной пропорцию, необходимую для их наделения. Свободных земель осталось столько, что в этом случае не предстоит никакого затруднения. Но, чтобы не переселять крестьян слишком далеко и не разрывать односельцев, полезно сохранить запасы земли в близости от аулов.

3. При нынешнем хаотическом состоянии населения, которое нигде еще прочно не оселось, в котором продолжается движение эмиграции, так что неизвестно, кто идет и кто остается, возбуждение крестьянского вопроса может только спутать все дело; тем более что влияние его простирается гораздо далее, чем предполагают; слухи об освобождении крестьян снова волнуют массы, которые начали было уже оседаться. Мне кажется поэтому, что крестьянский вопрос в Закубанском крае нужно было бы отложить, пока не устроится новый порядок в крае, и потому приостановить все меры, возбуждающие несвоевременное брожение.

4. Чтобы остановить насильственное выселение крестьян в Турцию, лишающее государство рабочих рук, никогда не бывших опасными, я полагаю, было бы полезным, человечным и политичным объявить свободу тем крестьянам, господа которых выселяются в Турцию. Для прекращения же позорных сцен публичной торговли рабами воспретить продажу крепостных за пределы области, но этой меры не обнародовать, чтоб не возбудить новых тревожных слухов, а известить о ней только приставов. При нынешнем положении народа не только

признание, но один совет пристава может возбудить или прекратить всякое личное действие.

5. Постепенное освобождение крестьян давно уже началось у закубанских народов, и большая часть бывших рабов теперь уже свободны. Движение это продолжается; так что, когда пройдет смутное время для окончательного освобождения закубанских крепостных, не нужно будет, вероятно, никаких крутых мер; достаточно будет облегчить добровольный выкуп крестьян, определив Положением его ценность. Так как закубанские крестьяне составляют личную собственность владельцев, и никакого поземельного вопроса с этим делом не связано, то оно весьма просто, если предпринять его в удобное время.

Необходимо иметь в виду, что, каковы бы ни были взаимные несогласия горских сословий, господ и крестьян, все-таки даже враждующие между ними скорее верят друг другу, чем нам; а потому русским властям нельзя еще покуда иметь влияние отдельно на какое-либо горское сословие; для этого нужно, чтоб народ оселся и привык к нам. До того времени возможны только общие меры — упрочить поселение и успокоить массу.

Такому успокоению много мешают частые насилия над туземцами их соседей-казаков. Горцы до такой степени запуганы последними событиями, что не оказывают сопротивления никому и никогда, что бы с ними ни делали. Казаки же не великодушны, и с черкесами сбывается басня об умирающем льве; всякий их топчет. От безнаказанных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли — им пришлось много вытерпеть. Как казаки вне дома вооружены, а горцы безоружны, то первым легко позволить себе насилие; побить без причины горца для многих составляет забаву. Когда горец приходит в станицу для продажи своих произведений, казак дает ему что хочет, половину, четверть того, что он требует, и затем гонит его вон; есть станицы, в которые горец и показаться не смеет. Захваты земли производятся также без зазрения совести не только казаками, но войсками, которые выкашивают у горцев покосы, как сделал Ставропольский полк

и многие станицы по Кубани и Лабе, или даже хлеба, отданные им начальством, как сделал Крымский полк. Отговоркой в этом случае служит, что у горцев много лишней земли; но горцы понимают это так, что у них нет собственности и что покоривший их народ может распоряжаться по своему произволу отведенными им землями. Бывают насилия покрупнее. Я слышал о многих случаях убийства и разбоя, совершенных казаками над горцами. Когда я был в армянском ауле, неподалеку оттуда один горский мальчик стянул с казачьего воза арбуз; казак положил его наповал ружейным выстрелом. Конечно, граф Евдокимов не щадит виновных, и за всяким происшествием наряжается следствие; но следователи — те же казаки, а людям, жившим с нашим казачеством, известно, как сильна у него круговая порука и как редко виновные бывают открыты и наказаны. Самая бесконечность следствия и суда составляют в глазах горцев доказательство безнаказанности всякого совершенного над ними насилия. В народе укореняется мнение, что он беззащитно предан насилию соседей-русских, может найти спасение только в переселении в Турцию. Если правительству угодно изгнать остатки черкесского населения, то на это есть другие средства, без нарушения справедливости. Можно положительно сказать, что вся масса шапсугов и абадзехов, выдвинутая весной из гор, сначала не думала идти в Турцию, и для того, чтоб направить ее туда, приставам было достаточно, вследствие полученных приказаний, показать горцам суровое лицо. Но если правительство не имеет в виду побуждать остальных черкесов к переселению, то необходимо оградить их на будущее время от притеснений соседнего населения, а для этого есть только одно средство: строгим циркуляром возложить на местных казачьих начальников ответственность за подобные случаи, и при повторении их, на первые два или три раза, поручить следствие не казачьим офицерам, а доверенным лицам, чтоб показать скорый пример на виновных.

Хозяйство вновь выселенных горцев, составляющих главную массу населения, не могло еще получить характера прочности. Они живут большей частью в наскоро плетенных

клетушках, и немногие лишь строят небольшие рубленые сакли[3]. Пользование землями также имеет покуда только временный характер. Граф Евдокимов воспретил пока вывоз на продажу леса, а в Абадзехском округе запрещена и продажа сена; эти горцы не могут перепродавать построенные ими сакли. Меры эти приняты против выселяющихся в Турцию, которые стараются все обратить в деньги без малейшей заботы об остающихся. Но те, которые желают остаться, показывают довольно заботливости о своем будущем; в нескольких предоставленных им рощах абадзехи от себя учредили лесную стражу, чего нет еще в Большой Кабарде. Скота у вновь переселенных горцев немного; хотя они закупили весной большое количество его в Туапсе, но сильный падеж вновь совершенно их расстроил. Вообще для прочного устройства абадзехов нужно еще несколько лет; они вышли из гор в таком состоянии нищеты, что половина их и теперь еще ходят почти нагие и не имеют никакого орудия, ни топора, ни лопаты для работы. Средства жизни, однако ж, обеспечены им всегдашней возможностью заработка от соседей-казаков, постоянно нуждающихся в рабочих руках. Прекращение продовольствия от казны заставило многих обратиться к труду; но и теперь еще бродят толпами нищие, хотя молодые и здоровые. Одни крепостные работают усердно. Такую леность, впрочем, нельзя приписать народному характеру, потому что черкесы, не дворяне сколько-нибудь оседлые, везде чрезвычайно трудолюбивы; она происходит от двухлетней привычки к бродяжнической жизни и исчезнет с водворением оседлости.

Поведение всего закубанского народа, принявшего покорность, примерно. Кроме убийства купца Плотникова, совершенного на горской земле неизвестными людьми, не было никаких происшествий. Соседи горцев — казаки, даже в оправдание своих насилий, не могут привести ни одного случая воровства или буйства со стороны горцев. Казачьи быки и лошади, зашедшие в горскую землю, всегда отыскиваются, но не обратно. Безопасность не только дорог, но даже бездорожных трущоб во владениях горцев доказывается тем, что по ле-

сам их русские мальчишки собирают плоды полными арбами. В этом отношении общий голос без изъятия свидетельствует о хорошем поведении горцев.

Насколько мог я удостовериться, учрежденные над закубанскими горцами местные управления действуют удовлетворительно, значительных злоупотреблений нет. Жители, объявившие желание выселиться в Турцию, постоянно говорили мне, что они совершенно довольны управлением, что они не надеются найти в Турции управление, столь же справедливое, и выходят потому только, что желают служить мусульманскому государю. Общий голос посторонних людей, постоянно имеющих горцев под глазами, подтверждает это свидетельство. Взяточничества и продажности не существует ни под каким видом, может быть, дело и не обходится без некоторых доходов, называемых безгрешными, но и то — не везде. Доказанное делом бескорыстие полковника Русанова и майора Шебмиева не подвергается никакому сомнению. Насчет полковника Мощкорова и подполковника Абдурахманова, подполковника Агленцова, — я слышал иногда нарекания со стороны; но нисколько не в угнетении народа; в общей массе местных кавказских властей они, конечно, могут считаться удовлетворительными. Можно сказать утвердительно, что в Кубанской области не совершается по туземному управлению таких злоупотреблений, которые роняли бы русскую власть в глазах народа.

Желающих переселиться в Турцию оказывается значительное число, но без определенного сознания, зачем они это делают. Движение это действует как поветрие. Идет один, за ним идет его родственник и так дальше. Есть люди, которые положительно хотят выселиться, которые поэтому не работали и не строились и распродали все имущество. Таких нечего удерживать, потому что они останутся с недоброжелательством к нам и будут сеять неудовольствие вокруг себя. Все прочие останутся или уйдут, смотря по тому, какое лицо сделается их приставом. Это совершенно зависит от воли начальства. Граф Евдокимов говорил мне, что он желает выселения бжедухов,

слишком близких к морю; прочих будет удерживать; но приставы, хоть и не имеют на этот счет положительных приказаний, руководятся совсем другим понятием, именно, что желание высшего начальства состоит в том, чтоб выпроваживать народ в Турцию. Сами они говорят, что без малейшей понудительной меры тот или другой исход вполне зависит от них. Известной прокламации, приглашающей горцев переселиться в Турцию, не придают здесь никакого значения. Она написана на клочке оберточной бумаги, скреплена сомнительной печатью и привезена одним ничтожным горцем, несколько времени перед этим ушедшим в Турцию. Прокламацию эту приписывают какому-нибудь из поставщиков морских судов, желающему продолжать выгодную операцию.

Заявивших официально желание ехать в Турцию до сих пор немного, так как списки только на этих днях стали составляться; но в народе известно, кто хочет идти.

Таких желающих насчитывают:

Округа Шапсугского	3000 душ
Бжедуховского абадзехов	3000 “
бжедухов	4000 “
Абадзехского	12 000 “
Кубанских приставств	2000 “
	24 000 душ

Выселение этих людей зависит, впрочем, совершенно, как я уже сказал, от воли кавказского начальства. При нынешнем положении вещей и полной нейтральности приставов будет все-таки много колебаний в народе, и, кроме упорных, многие из заявивших желание идти в последнюю минуту пожелают остаться[4]. Если же будет принято давать свободу крепостным господ, переселяющихся в Турцию, как требуют того справедливость и наша польза; если приставам будет сказано одно слово о том, чтобы они не содействовали выселению, то пой-

дет едва ли несколько сот фанатиков, таких именно людей, от которых нам выгодно избавиться. Несмотря на желание графа Евдокимова, бжедуховский народ не идет в Турцию массой; ослабление же его несколькими стами семействами не составляет никакой разницы. Мне кажется, что сто верст поперек казачьего населения, отделяющие бжедухов от моря, позволяют считать население это внутренним; а как народ бжедухи, бесспорно, первые по своим качествам между закубанцами, и притом вековые наши союзники. Жители Шапирского округа, оставшиеся от весеннего переселения, идут теперь поголовно за ними, следуют в абадзехские аулы, приписанные к Бжедуховскому округу; бжедухи сами желают их выслать. О тех и других, действительно близких к морю и притом людях бездомных, обнищавших, не оседлых, жалеть нечего. Но, начиная от бжедухов, по Кубани сидит население по большей части оседлое и по положению своему внутреннее. Если русские власти будут действовать, как теперь, с затаенной мыслью способствовать выселению, то рождается вопрос — до какого предела оно должно дойти?[5] Если правительству угодно изгонять постепенно все население Северного Кавказа, то дело это пойдет само собой; за каждым двинувшимся слоем населения будет двигаться следующий слой. Если же правительство не имеет в виду систематического изгнания всех горцев, то ему нужно сказать только одно слово своим местным агентам, и движение остановится. Нет ничего легче, как действовать на горцев, взявшись как следует за дело. Шапсугов выгнали весной с северной покатости гор почти без войск. По мере того как выходили одни, из них набирали милицию и с помощью ее гнали других; потом первых спускали в Турцию, а вторых собирали в милицию и гнали третьих и т. д. После урока, данного закубанцам последними событиями, ими можно распоряжаться как послушными детьми. Они представляют теперь не воинственные племена, а рабочие руки, которых Россия не имеет в таком изобилии, чтоб без самой крайней надобности, добровольно обращать возделанные и населенные земли в пустыни. Но если правительство не имеет в виду поголовного

изгнания закубанцев, то, по моему мнению, надобно немедленно упрочить во владении собственностью тех из них, которые еще сомневаются в своем праве; прекратить до удобного времени перепись крепостных, возбуждающую тревожные слухи; отнять распоряжение крепостными у выселяющихся в Турцию; оградить строгим приказом и несколькими примерами туземное население от притеснений казаков и войск; и сделать гласным, что правительство не считает более полезным выселение черкесов в Турцию, но хочет упрочить благосостояние оставшихся. Объезжая черкесские племена, я везде говорил горцам, что по русскому закону им всегда обеспечен в их нуждах доступ к Вашему Императорскому Высочеству и к самому государю императору. Если б они могли в этом убедиться, то, без всякого сомнения, истерзанные остатки адыгского народа очень скоро стали бы полезными и мирными подданными русской державы.

О ВОДВОРЕНИИ НОВЫХ СТАНИЦ И РАСПРОСТРАНЕНИИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Неоднократные высочайшие повеления, объявленные мне г-ном военным министром, выражали волю Его Императорского Величества облегчить службу линейных казаков, с тем чтобы по мере увеличения и естественного приращения народонаселения число строевых казаков могло быть разделено на три и более очередей для службы.

В Кавказском линейном казачьем войске числительность народонаселения простирается до 136 тыс. душ мужского пола, число строевых казаков — 40 тыс.; из них постоянно на службе — 18 тыс. 300, следовательно, из общего народонаселения служит 7-й казак, для доведения общей массы казаков до числа, требуемого комплектом 3 очередей, необходимо прибавить 58 тыс. душ мужского пола. Но для прибывающих казаков нужны земли, а в линейном войске, ежели распределить имеющиеся поземельные угодья на казаков согласно высочайшему Положению 1845 г., недостает 1 млн десятин, а с наделением землями еще 58 тыс. душ мужского пола не будет доставать 2 млн 700 тыс. десятин. Прирезать земли от Ставропольской губернии нет возможности, так как губерния сама терпит недостаток в удобной земле. Не представляется других средств уделить прибывающим казакам необходимые для них земли, как из тех же самых угодий, которыми пользуется линейное войско. И действительно, количество земли, назначенное Положением для казака (на Правом кры-

ле — 30 десятин, на Левом — 50 десятин), слишком велико, и потому большая часть земель остается необработанной. Для прочного благосостояния казачьих полков совершенно достаточно 15 десятин; сверх этого количества, земля не будет обработана по недостатку рук.

Военные успехи на Правом крыле предадут в скором времени в распоряжение правительства плоскость между Кубанью и Кавказским хребтом. Чтобы прочным образом владеть ею, требуется заселить, по крайней мере некоторую часть ее, казаками. Для основания новых станиц и вообще для приращения казачьего населения на Кавказе представляются следующие меры: 1) перевод в казачье сословие женатых нижних чинов, прослуживших уже несколько лет во фронте; 2) переселение государственных крестьян из внутренних губерний России; 3) переселение казаков Черноморского и линейного войска; 4) переселение донских казаков. Успешное развитие казачьего населения на Кавказе зависит от того, в каком размере будут употребляемы упомянутые средства. Для возможно полного успеха необходимо объявить некоторые облегчения нижним чинам, добровольно переходящим в казаки, как то: не требовать непременно, чтобы они были женаты, уменьшить срок службы их во фронте и т. д. Переселение крестьян из России и переселение линейных и черноморских казаков всегда будет средством вспомогательным, и может быть допущено только в небольших размерах. Главным средством к распространению войска должно быть переселение донских казаков. Не говоря уже о том, что Донское войско имеет 3,5 очереди строевых казаков, оно пользуется благосостоянием, какого едва ли достигнут когда-нибудь линейные казаки, и потому свободнее может располагать своими силами.

Наказный атаман предлагает ежегодное назначение на Кавказ добровольно или по жребию около 200 донских семейств. Его Императорскому Величеству угодно было повелеть: число переселенцев в казачьи полки Кавказа определять каждый раз по получении представлений о по-

селении новых станиц. Число станиц должно быть, как на Правом, так и на Левом крыле, сообразно с пространством земли, остающимся свободным за наделением изъявляющих покорность горцев. Сообразно с этими указаниями я надеюсь, хотя постепенно, исполнить поселение казаков на Закубанской плоскости в размере, который бы соответствовал потребности. Дело о развитии казачьего населения быстро двигалось вперед с 1858 г., в продолжение которого построено гораздо более станиц, чем в предыдущем году. В 1857 г. на Правом крыле станица Родниковская довершила казачье население по Лабе, а станица Отрадная подвинула нас вперед вверх по Урупу; каждая из них возведена на 300 семейств. Кроме того, пешие станицы 3-го батальона Кавказского линейного казачьего войска, Новолабинская, Темиргоевская, Курганская и Зассовская, переименованы в конные. Эта мера признана необходимой вследствие доказанного неудобства иметь пеших казаков на передовых линиях по местности ровной и открытой. На Левом крыле, для продолжения кордонной линии по Сунже, возведена станица Чертугаевская на 300 семейств, а между крепостью Грозной и станицей Николаевской — Горячевская станица на 100 семейств. В следующем 1858 г. заняты казаками верховья рек: Тегеня, Урупа и Большого Зеленчука, — что дало возможность обеспечить от нападений неприятеля пространство, лежащее за возведенными станицами между Тегенем и Кубанью. Построенные на Правом крыле 6 станиц расположены следующим образом:

1. На р. Тегене при устье р. Выченук ст-ца Спокойная.
2. У Тегенской теснины при устье р. Акер-Колтук ст-ца Подгорная.
3. На Урупе близ устья р. Джинюк ст-ца Удобная.
4. На Урупе при устье р. Аргош ст-ца Передовая.
5. На Большом Зеленчуке ниже каменного моста ст-ца Исправная.
6. У бывшего Надежинского укрепления ст-ца Сторожевая.

Станицы эти возведены первоначально на 270 семейств, но впоследствии доселены до 300 семейств.

На Левом крыле в конце 1858 г. приступлено к работам по возведению Эльдырхановской станицы, которая будет заселена в 1859 г.

Наконец, высочайшее повеление о переселении в пределы Кавказского наместничества Азовского казачьего войска, до сих пор еще не приведенное в действие, должно быстро подвинуть вперед заселение приморских пространств казачьими станицами. Как только берег от устья Кубани до Новороссийска будет окончательно покорен довершением работ на Адагумской линии, я сейчас же приступлю к осуществлению этой важной меры.

О ЗАКАТАЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1861—1862 ГОДОВ (МАТЕРИАЛ)

Возмущение Закатальского округа, столь неожиданное для русских властей, и высшей кавказской, и местной дагестанской, и даже для самого окружного начальника, подготовлялось уже издавна. В последние два года признаки близких смут обнаруживались с такой очевидностью, что теперь почти непонятно, как могло местное начальство быть до такой степени ослепленным, чтоб не предвидеть готовившегося взрыва.

По самому характеру людей, как он сложился в здешнем обществе, лезгинское население Закатальского округа могло быть увлечено в приключения гораздо легче всякого соседнего племени. Лезгины в этой стране — завоеватели до сих пор, собирающие подать с покоренных ими когда-то грузин (ингелойцев) и татар. Это положение, сохраненное им русским законом, придает им гордость прямо дворянскую и поддерживает их воинственность; имея подспорье к жизни в труде покорных племен, джаро-белоканские лезгины считают себя воинами по преимуществу. До покорения страны русскими они были вместе и грабителями Закавказья, и наемными воинами вроде старинных швейцарцев, решавшими все соседние междоусобия. Турция и Персия искали их дружбы. В 1830 г. они покорились после незначительного сопротивления. Страна их, чрезвычайно сходная по географическому положению и даже по местности с Чечней — предгорное полесье, могла бы обороняться так же долго, как и Чечня; но раздвоение наро-

да на завоевателей и покоренных, которые не могли вполне сочувствовать господам своим, заставило лезгин покориться, чтоб сохранить над ними власть. Джаро-белоканские лезгины перешли под русское управление, не истерзанные страшной борьбой, как население Чеченской плоскости, и следовательно, не напуганные, они остались горды, как прежде. С тех пор положение их было чрезвычайно двусмысленное. Устройство кордонной оборонительной линии у подошвы гор, как она устроена на Тереке и на Кубани, оказалось, разумеется, невозможным. Войска, занимавшие этот край, могли ограждать его от вторжения неприятельских скопищ, но не от разбойников, которые сходили с гор тысячами, жили по месяцам в здешних лесах и в сущности были господами подгорной страны более, чем русские, постоянно запертые в своих укреплениях. Это смутное положение сделалось вдесятеро хуже со времени измены элмуйского султана. С тех пор султан, живя в горах, ежегодно собирал подать не только с бывших своих владений, но со всей страны от Нухи до Картубани. Население всей этой обширной полосы не знало даже, что такое значит русское управление. Бывшие начальники Лезгинской линии могут засвидетельствовать, что до времени Шамиля, в период почти 30-летнего русского владычества, джаро-белоканское население никогда ни за каким делом не обращалось к русским властям, не жаловались даже на притеснения, каковы бы они ни были. Общества решали все дела между собой[1]. С другой стороны, местное начальство обходилось с населением с чрезвычайной осторожностью, так что даже необходимый иногда наряд жительских арб совершался лишь вследствие целого ряда переговоров. Нашу власть признавали только те, которые были ею довольны; при малейшем же неудовольствии джарский лезгин шел в горы, являлся первому наибу и потом, если хотел, спокойно возвращался домой и, считаясь качагом, жил где-нибудь на хуторе, часто — в ауле под крепостью и действовал как открытый враг русских. На других окраинах Кавказа этого не было. Покорное население в Чечне и Дагестане подымалось часто против нас, но в промежутках бунта

все-таки состояло под действительным русским управлением. Понятно, что долгая безурядица Закатальского округа отозвалась в народном характере. Каждый подгорный лезгин бывал по очереди и русским подданным, и мюридом, часто одновременно был тем и другим, платил подати на обе стороны, возвращая их себе грабежом, привык к двуличности, к службе двум господам и стал располагать свою лицемерную приязнь по количеству штыков или горских винтовок, которые он видел над собой. Подобное нравственное состояние людей сильно способствовало последнему бунту. Видя, после замирения Кавказа, постепенное уменьшение войск в подгорном крае, лезгины из этого заключили, что никакой очевидной причины к покорности теперь уже нет.

Они не испытали всей тягости более чем 30-летней борьбы, какую выдержали настоящие непокорные, ни гнета мюридизма, подавлявшего в людях все человеческое. Население у них не состояло к концу на % из вдов и сирот, как в горах; все взрослые мужчины не были у них переранены; им не приходилось делить последний кусок хлеба с целыми населениями, бежавшими из своих мест и отданными им на прокормление; над ними не стоял наиб, уполномоченный палач-шпион; им не резали голов за трубку, за чеснок, за хоровод девушек, за игру на балалайке, не заставляли их насильно быть монахами и молиться с утра до вечера. Дагестанцы нескоро забудут прошедшее, не откажутся охотно от выгодного труда, быстро выводящего их из нищеты. Но подгорным лезгинам мюридизм может еще мерещиться в том опьяняющем свете, которым он вначале увлек дагестанцев. Суннитское население Бакинской, может быть, и Тифлисской губернии разделяет в известной степени эти чувства, подогретые теперь новой проповедью тариката; но, состоя из таких трусов, хотя вооруженных, каковы вообще закавказские татары, не осмеливается, конечно, начать первым бунт на свой риск. В Нухе и Кубе были уже против нас религиозные восстания, но всегда с помощью лезгин. Решиться на первый шаг могли только джаро-белоканцы, храбрейшее племя в лезгинском народе.

В Закатальском округе существует элемент, который мы давно могли поставить на свою сторону, если б умели. Энгилоевцы-грузины, обращенные в мусульманство не более столетия, говорят и теперь по-грузински, в Светлое воскресенье в каждом энгилоевском доме зажигается восковая свеча. Но возвращение в христианство этого племени, предпринятое еще при князе Воронцове, до сих пор нисколько не удалось. Энгилоевцы принимали крещение, им строили церкви; через два года потом они уже снова были мусульманами. Следствие, произведенное в 1861 г. статским советником Булатовым, выказывает наглядно и совершенно верно нынешнее состояние этого дела. Не говоря уже о том, что действовать правительственными мерами на народную веру вне материальных пожертвований — дело мудреное; что грузинский народ, который по сродству мог бы сильнее всего подействовать на энгилоевцев дружным общественным усилием, к такому усилию пока еще неспособен; но что за мысль была обращать энгилоевцев в христианство, оставляя их в зависимости от мусульман, господ их, которым они платят подати, и какого успеха было ожидать от подобной меры? Хоть энгилоевцы не рабы лезгин, но все-таки они их называют господами, считают их высшим сословием, образцом, берут пример с них. Пока зависимость, связывающая энгилоевцев с лезгинами, не разорвана, пока они не стали самостоятельными людьми, нечего и думать об их обращении. В последнем возмущении энгилоевцы были явно заодно со своими господами, и если не встали поголовно, то потому только, что за отдаленностью не успели. Несмотря на полумеры, разновременно принятые для обращения энгилоевских деревень, подгорные лезгины остались нравственно и фактически господами этого края. В них и до сих пор вся сила.

Здешнее мусульманское духовенство единогласно жалуется, что в последнее время, в период русского господства, нравственность и религиозность джаро-белоканского племени сильно упали. Хотя подобное утверждение, после фанатического восстания, может показаться странным, однако ж оно

справедливо. Легкость, с какой покойный князь Шаликов производил обращение природных лезгин в христианство, лучше всего доказывает это обстоятельство. Охотники креститься везде находились десятками. Братья Голаджиевы уверяют, что если б им не мешали действовать, в Белокани несколько сот человек приняли бы крещение. Разумеется, в подобном крещении совести не было никакого места. Лезгины не переменяли веру — они продавали ее за выгоды, или, скорее, за обещания, потому что действительно угодить на всех новокрещеных не было возможности. Значит, вера действительно стала шаткой.

При другой религии трудно было бы ждать фанатического взрыва от равнодушных к вере людей; но при мусульманской это вещь самая понятная. Мусульманство не есть только религия, в европейском смысле, оно господствует не над одними нравственными убеждениями человека, как всякая другая вера. Мусульманство выделало все на свой лад, все подпало под его власть — совершенно все, — общественное устройство, гражданский закон, семейные и личные отношения, все понятия и привычки человека, от Марокко до Малакки мусульманин одинаковым образом поступает в мельчайших подробностях жизни, так что везде его можно узнать, — по тому, как он режет мясо, как он встает и садится, и пр.; на него со дня рождения наложена неизгладимая печать; он мусульманин не потому только, что верит в семь откровений, он как человек отлит в мусульманской форме. Понятно, что при таком одностороннем направлении всего существа своего переменивший веру мусульманин на $^{9}/_{10}$ сущности остается еще мусульманином и может удобно для себя жить только с мусульманами. Новые убеждения не сродняются с его природой, остаются в его душе каким-то чужим заносом, и если б они вначале были даже искренни, после короткого опыта он их откидывает, как вещь, несвойственную себе. Мусульмане иногда равнодушны. У них сомнений в делах веры не бывает, но может распространиться холодность к ней, вследствие общей нравственной разнузданности. Но когда весь горизонт жизни народа, и общественной, и личной, замкнут в пределах религии, когда никакое веяние

мысли со стороны, не признанное наперед верой, для человека невозможно, это состояние равнодушия не может длиться. Холодность к давно известному быстро сменяется энтузиазмом к новизне, как только она появилась; от нее ждут обновления[2]. Революционный дух между мусульманами облечен всегда религиозными формами: но он действует как всякий революционный дух. Так случилось и в Закаталах.

При преобразовании Закавказского края по программе барона Гана в Джаро-Белоканском округе введено в 1840 г. гражданское управление, действующее на основании общих русских постановлений, хотя в то время и долго еще спустя даже военное управление было там невозможно, и его вовсе не существовало. Но этим актом определено было будущее округа: он стал официально числиться не военной территорией, а гражданской. Как ни мало было смысла в этом слове, но оно было признано и имело большое влияние на все последующее. С покорением гор надобно было решить — у кого должно оставаться управление округом. Новое разделение края было вещью капитально важной; произвола в этом отношении быть не могло. На Кавказе вопрос: кому принадлежит управление краем? — прямо связан с таким вопросом: можно ли с данными силами, из известного центра, удерживать край в покорности? Находившись в то время несколько раз при совещаниях, которыми было решено новое разделение этого края, и зная соображения, на основании которых оно было принято, я считаю обязанностью высказать их.

Соединение всего Дагестана в одних руках считали необходимым по самой природе вещей. Первоначальное разделение страны между тремя командующими войсками было принято только до лета, чтоб сделать всех их ответственными за сохранение нового завоевания, тогда еще столь шаткого. Возвращение Андийского округа командующему войсками в Дагестане замедлилось годом вследствие возникших там смут. Но с южной стороны новое разделение совершено было своевременно, с уничтожением звания командующего войсками Лезгинской линии; расходы сократились, таким образом, вме-

сто трех штабов и управлений на Восточном Кавказе, на два. Но главной мыслью при этом далеко еще была не экономия. Верхний Дагестан, разделенный на мелкие общества, гнездящиеся в самых высоких горных долинах, лишенные всякой самостоятельности, всегда находился под неограниченным влиянием больших племен, сгруппированных в среднем Дагестане. Этот факт до такой степени верен, что в плане завоевания гор, принятом князем Барятинским, экспедиции с Лезгинской линии считались только диверсиями; для покорения же верхних обществ фельдмаршал рассчитывал не на штыки, но на пример Нагорного Дагестана, который, покоряясь, заставлял тем самым покориться и эти общества. Расчет оправдался буквально. Два года барон Вревский совершал сокрушительные походы в горы — без малейшего результата; занимать войсками верхние долины, которые имеют сообщения с Лезгинской линией только на 3 месяца в году, было невозможно; погромы не производили и не могли произвести влияния. Но только что сдались Чох, Тилитль и Ириб, верхний Дагестан также сдался; довольно было одной конной колонны, чтоб привести его к покорности. И теперь верхний Дагестан во всем и всегда смотрит на пример Нагорного. Кроме того, что систематическое управление одноплеменным народом естественно было соединить в одних руках; кроме того, что одного лишнего человека с качествами и специальной опытностью, нужными для надежного командующего войсками, было слишком трудно, чтоб не сказать, невозможно найти; но для сохранения звания особого начальника Лезгинской линии надобно было жертвовать самой сущностью вещей, проигрывать в деле. 1) Доступ из среднего Дагестана в верхний труден, но возможен для пеших во всякое время года; и зимой люди из Анкратля и Дидо сходят для своих дел в Нагорный Дагестан; с Лезгинской же линии доступ в эти общества положительно закрыт 8—9 месяцев в год, кроме как для смельчаков, рискующих жизнью на каждом шагу. 2) В то время, когда войскам нет прохода в верхние общества ни с южной, ни с северной стороны, проход этот возможен еще для самих горцев, которые с удивительной отважностью пере-

бираются через ледники и снежные глыбы, с помощью веревок и бурок. В распоряжении начальника Дагестанской области находятся многочисленные племена горцев, которых нет с юга, посредством которых он может всегда иметь доступ в верхние общества и держать их в страхе. Куда не дойдут дагестанские войска, туда дойдут дагестанские милиции. 3) Нравственное влияние Нагорного Дагестана на верхний, как уже сказано, полное. Верхние лезгины глядят на андалальцев и аварцев, как хуторяне на свое село. Не только не могут они материально противиться силам своих могущественных, относительно, соседей, но даже мысль подобного сопротивления едва ли взойдет им на ум. Нет сомнения, что появление андалальской милиции сейчас же усмирит, без выстрела, всякую попытку волнения в Анкратле или Дидо. Начальник же южной стороны гор не располагает ничем подобным. Нагорная страна недоступна для него 9 месяцев в год. Кроме войск, то есть открытой силы, из чего бы она ни состояла, он ничем не может действовать на горцев. Джаро-белоканцы, как племя давно уже покорное русским, 30 лет постоянно находящееся под угрозой горцев, не имеют на них никакого влияния. Из Кахетии можно вывести на них только христиан — грузин и тушинов, то есть возжечь религиозную войну. Силы, приходящие в верхний Дагестан с севера, имеют за себя решительное нравственное влияние; силы с юга — несут только вызов на газават. Такое отношение верхнего Дагестана к своему северу и своему югу, отношение материальное и духовное, есть самая натура вещей, которую произвольно изменять нельзя. Ввиду этих основных соображений князь Барятинский считал необходимым соединить весь Дагестан в одних руках, оставляя Закатальский округ, по заведенному порядку, в гражданском управлении, примкнув его по военной части временно к Дагестанской области, имея в виду предоставить политическое устройство его начальнику, которому вверено было такое же устройство всего лезгинского народа. Может быть, мера эта была не совсем удачной; может быть, лучше было бы поступить наоборот: устроить управление Закатальским округом по образцу округов горских и

подчинить его начальнику Дагестанской области, как самому опытному человеку в этом деле; военное же подчинение, требующее иногда внезапных мер, по отдаленности округа от Шуры, оставить в Тифлисе. Во всяком случае мера, принятая князем Барятинским, была только временной. Через несколько месяцев потом он занемог и уехал, отчего этот вопрос, как десятки других, остался до сих пор неразработанным.

С покорением гор управление, до тех пор не существовавшее в Закатальском округе, начало действовать[3]. Начальником военного отдела был назначен генерал-майор князь Шаликов, человек храбрый, примерной честности и вовсе не фанатик, как можно бы заключить по его действиям, но весьма ограниченный и чрезвычайный систематик, упрямый до крайности в своих решениях, относились ли они к делу или к людям, видевший в возможно большем распространении христианства залог будущей верности подгорных лезгин. Считая Закатальский округ давно покоренным, вполне безопасным, князь Шаликов обращал все свое внимание на другой округ, Бжетский, и местом жительства выбрал Сацхенис, как центральный пункт для управления нагорными землями. Но такая отдаленность местопребывания главного начальника имела вредные последствия для дел Закатальского округа. Во-первых, князь Шаликов не мог иметь из Сацхениса должного надзора за управлением, которое тем легче могло себе позволить всякие злоупотребления; во-вторых, ему нельзя было следить оттуда за начинавшимся брожением умов в народе. В горских и вообще азиатских странах почетные или просто праздные лица из народа ежедневно толпятся около начальника; при постоянной вражде родов между собой, при желании выслужиться и жадности азиатцев «внимательный начальник может всякий вечер узнавать секреты управляемых». Но ехать к начальнику поодиночке, вдаль, когда в народе есть брожение и заговоры, — значит почти открыто выставлять себя доносчиком перед толпой; вторая подобная поездка может стоить жизни. Очень естественно, что в Сацхенисе до князя Шаликова не доходило сотой доли того, что дошло бы до него в Закаталах.

А как притом он был упорен в своих мнениях, почти непоколебим в чувствах к людям, которым раз отдал доверенность, как он воображал, что народ его обожает, то ослепление его становится несколько понятным.

Гражданское управление в округе, как только округом стало возможно управлять, начало действовать как везде в мусульманских областях, но в результате выходила та огромная разница, что оно распоряжалось не людьми, привыкшими еще под ханским ярмом покоряться всему молча; но людьми вольными и воинственными. Первым действием Гражданского управления было уничижение народного суда, который в собственно горских округах стараются по возможности возвысить, как надежнейшее орудие управления. В суде положено было, кроме кадия, заседать народным выборным от трех участков; окружной начальник распорядился так, что все члены были из Закатальского участка, ближе находившегося у него под рукой, и взяты, по его указанию, из людей, не заслуживавших никакого доверия. Народный суд, который в горских землях составляет лучшее наше учреждение, стал в Закатальском округе, по всеобщему и единогласному показанию, притоном самого грозного мошенничества, взяток обозами; решения же его, как тоже уверяют единогласно, покупались вперед у окружного начальника. Действия разных местных чиновников, участковых заседателей и переводчиков их, соответствовали общему направлению; жителей беспрестанно смущали, тревожили, вводили в споры, чтоб продавать им потом решение власти; воры и убийцы выпускались за деньги. Распоряжения Главного управления оканчивались так, как они обыкновенно оканчиваются за Кавказом: они испарялись в последней бумаге последнего чиновника самой низшей инстанции и не доходили до народа, который откупался всеми средствами от вмешательства в свои дела русского делопроизводства. Я не имел обязанности производить следствие над Закатальским управлением, но чтобы высказанное мной не показалось голословным, привожу на выдержку несколько показаний из дел следственной комиссии об открытии причин бунта.

1. У сумайлинского жителя Хаджи-Сеиба убит сын. Убийца известен, но откупился.

2. Корнет Иса-Гаджи-оглы убит в сел. Толы днем, при полном собрании джемаата: убийца откупился, давши князю Тарханову 500 руб.

3. Нынешней весной между Мугаилами и Алмалами разграблены фургоны. Разбойники известны, их называют, но они отпущены за деньги.

4. По поземельному спору между алиабатцами и тальцами с обеих сторон взята значительная сумма. В дознании Булатова она показана в 600 руб.; но теперь ее показывают: с тальцев — 1500 руб., а с алиабатцев — 2500 руб.

5. Земля одного качага, пожалованная в прежнее время офицеру Даде за то, что этот качаг сжег его дом, отнята у него Тархановым и за взятку возвращена бывшему разбойнику.

6. Князь Тарханов сговорился с подрядчиком Баручевым о доставлении ему хлеба и, получив свыше 4 руб. за четверть, распределил насильственно на жителей Енисельского участка по магару с дома, ценой по 2,5 руб. за четверть. За это дело, по жалобе жителей, князь Шаликов приказал ему подать в отставку. Это было за несколько дней до бунта.

Подобных показаний множество.

Кроме того, допрашиваемые, если только отвечали, то всегда называли окружное начальство ворами, мошенниками и другими «лестными» названиями. Они много раз восклицали: «Будь у нас хороший начальник, ничего бы теперь не случилось».

Корыстолюбие окружного начальника и заседателей находило обильную пищу в мерах, принятых князем Шаликовым для распространения христианства. Покойный генерал только сам мог бы объяснить, что за цель была у него, когда он перенес усилия обращения с энгилоевцев на коренных мусульман — лезгин. Вероятно, он был увлечен легкостью нескольких продажных обращений, вследствие распущенности народной и того относительного индифферентизма, о котором было уже упомянуто выше. Но неужели он надеялся обратить

в христианство целое мусульманское племя, чему еще не было примера со времени распространения исламизма на земле? Во всяком случае пропаганда его служила поводом к множеству злоупотреблений со стороны исполнителей и ускорила взрыв. Видя, что с обоих концов линии подгорных деревень, в Белокани и Адиабате строят церкви, лезгины уверились, что их хотят обращать в христианство, а как, по их понятию, для правительства нет середины между «хотеть» и «сделать», то они были убеждены, что их хотят обращать насильно. Действия земской власти поддерживали эту уверенность. Заседатели требовали денег за позволение чинить мечети. Люди увозили чужих жен и удерживали их при обращении. Но более всего оскорбляла народное чувство совершенная безнаказанность обратившихся преступников: не было вины, которая бы не прощалась при крещении, ни дерзости, которой бы не мог себе позволить крещеный. Показания о таких случаях многочисленны. Конечно, подобного рода действий никак нельзя приписать князю Шаликову. Виновные не освобождались за христианство; но управлявшие пользовались их христианством, чтоб взять с них деньги и умолчать о их вине, или умалиться, зная, что князь Шаликов в таких случаях всегда бывал снисходителен.

Хотя следствие статского советника Булатова обнаружило только малую часть подобных злоупотреблений, но беспорядок в округе все-таки оказался в таких размерах, что генерал-адъютант князь Орбелиани усмотрел необходимость преобразовать его управление и предполагал, как видно из дела, поручить преобразование временному отделению для устройства Гражданского управления в крае. Как исправлявший должность наместника, князь Орбелиани не был полновластным хозяином и должен был следовать заведенному порядку. Тем не менее этот случай показывает наглядно, что такое Гражданское управление в Лезгинском округе. Изучение мусульманского и горского быта, на котором должно быть основано управление этими народами, есть почти дело жизни. Теорией тут ничего не достигнешь. До князя Воронцова дела этого почти не понимали, оттого и не имели ника-

кого успеха; при князе Воронцове оно стало объясняться, при князе Барятинском развилось достаточно, чтоб быть всюду, где нужно, применено с очевидным успехом. Но применять его могут только люди, знакомые с вопросом. Если б новое устройство округа было действительно поручено временному отделению, то временное отделение составило бы для него такие же учреждения, какие составило бы оно в подобном случае для Дагомейского королевства и всякой другой неизвестной земли, — теорию наилучшего управления в свете по образцу Платоновой республики. На практике могло выйти хуже нынешнего.

Соединение многих причин — самоуверенность князя Шаликова, дальность его местопребывания, безрассудная и бесцельная религиозная пропаганда, корыстное управление округом, новизна этого управления для людей, не знавших прежде никакого управления, — все это вместе раздражало лезгин в высшей степени и, без сомнения, облегчило и ускорило взрыв, но не породило его. От совокупности этих причин могли быть частные вспышки, но не общее восстание; в азиатских обществах далеко нет того сознания права и негодования на его нарушение, которые могут довести европейца до отчаянно неравной борьбы; азиатцы почерпают свой энтузиазм только в религии и должны быть предварительно к этому подготовлены.

Прямой причиной закатальского бунта была новая проповедь исправительного тариката, начавшаяся вскоре после покорения гор и теперь снова далеко уже разнесенная по Кавказу и во многих местах глубоко проникнувшая в народ. Сокрушение Шамиля в 1859 г. разразилось громовым ударом над всем мусульманским населением Кавказа; все видели, что тридцатилетние труды распространителей тариката пропали даром, что новый имамат, основанный в горах, как залог будущего освобождения всех кавказских мусульман от ига неверных, рассыпался прахом, и сначала все притихли. Но мусульманский фанатизм стоек. Нашлись люди, которые не отчаивались. Как в 1827—1830 гг., началась подземная работа мусульманской про-

поведи, но в обновленном виде. Старинный мюридизм Казимуллы и Шамиля оказался несостоятельным, потому что пал; население уже не верило в неодолимость, которую он свыше низводит на людей. Проповедники выбрали из его развалин обряд, составлявший только одну из его особенностей, зикру, и, развив эту частность до крайних пределов, поставили ее видимым основанием нового учения. При этом удержан был тарикат Джемаль-Ад-Дина и Гаджи-Алискера, составленный этими духовными уже при конце управления Шамиля, самый враждебный для нас. Представляя одновременно особую докладную записку о подробностях зикры, я не буду говорить здесь о сущности учения.

Нельзя сомневаться, что вопль о переселении в Турцию, поднятый почти всем мусульманским населением Кавказа в 1860 г., был внушаем новой проповедью. Везде жители объявляли, что они идут в Турцию по убеждению духовных, потому что времена приближаются, и им надобно быть ближе к Мекке. Вскоре причина выказалась еще яснее. Во втором периоде переселения стали уже говорить, что намаз, совершаемый на земле, которой владеют христиане, недействителен и не ведет к спасению. В переселении выказалось еще другое чувство — то, что мирные не переставали надеяться на изгнание русских с Кавказа, пока продолжалась борьба. Когда же увидели падение Шамиля, то упали духом и решились покинуть землю, обреченную быть навсегда достоянием неверных. Вслед за этим периодом всеобщих требований переселения выплыла наружу зикра, одновременно с северной и с южной стороны гор, именно там, где больше всего кричали о переселении. С севера зикра охватила Чечню; с юга — Закатальский округ и суннитские уезды Бакинской губернии: Нухинский, Шемахинский и Кубинский. В Дагестане она развилась в большом размере только в округах: Андийском и Самурском. Не могу сказать утвердительно, но надобно полагать, что новое вероучение развито достаточно и в губернии Тифлисской: в Барчале, Казахе и Елизаветполе. Центр зикристов с этой стороны гор — в Нухе.

Учение зикры и джемаль-ад-диновский тарикат были первоначально занесены в Закатальский округ качагами, воротившимися на родину и прощенными после покорения гор. Джаро-белоканские общества, по крайней мере многие почетные лица из них, не желали в то время возвращения качагов, понимая, что эти буйные люди, напитанные мюридизмом, сделаются причиной многих беспокойств. Но этой меры нельзя было избежать. Во время долгой борьбы населения покорные и непокорные так перемешались, столько раз они переходили из рук в руки, что сортировать их вновь не было никакой возможности; поневоле приходилось покрыть прошлое всепрощением, причем не было повода делать исключение для Закатальского округа. Кроме качагов, начавших учение зикры и проповедь тариката, эту же самую зикру, развитую до настоящего ее вида, занесли сюда мусульманские учители из Нухи. Кто они были, мне пока неизвестно; но я знаю, что Гаджи-Алискер, кубинский уроженец, бывший в бегах у Шамиля и сочинявший вместе с Джемаль-Ад-Дином новый тарикат, ныне проживающий в Южном Дагестане, года два тому назад ездил через Закаталы в Тифлис и брал с собой Типтин Магому (одного из ревнителей зикры ныне), а потом Типтин ездил с ним же в Нуху и привез оттуда разные религиозные новости. Вообще утверждают, что из Нухи приезжали не раз учители. Нуха всегда была средоточием фанатической пропаганды. Еще в 1829 г. Кази-мулла перед открытием действий против русских ездил за благословением в Нуху к Магомет-Эфенди Кюрдамирскому. Если прибавить, что Джемаль-Ад-Дин, первый сочинитель мюридского тариката и покровитель зикры при Шамиле, упорно живет в Кирее, несмотря на попытки удалить его оттуда, то представляется более чем вероятным, что распространение зикры на Кавказе подчинено правильному плану, что руководители зикристов в Чечне и Дагестане находятся во взаимной связи между собой и с Турцией. Подобное сотоварищество представляет очевидное сходство с польским революционным комитетом по цели и даже по образу действий, хотя основания того и другого различны между собой, как Азия и Европа.

Первоначальным учителем зикры и тариката в Закатальском округе был качаг Бурджа-Али (ныне казненный). К нему присоединился мулла Занки-Эфенди, кадий Джарский (раненный на штурме и приговоренный к казни). Они начали свою проповедь сейчас же после покорения Шамиля, сначала втайне; потом, видя невнимание начальства к этому делу, становились смелее и перешли к гласной проповеди на площадях и в мечетях. Джарский джемаат, увлекшись учением Бурджи-Али, просил его принять звание народного проповедника. Типтин Магома был третьим известным учителем[4]. Бурджа и Занки учили народ летом в сел. Джары, а зимой — в Таначинских лесах. От них новый мюридизм распространился по всему округу, одновременно с развитием его в Бакинской губернии и Южном Дагестане. Кроме этих трех, были, конечно, и другие учители, местные и заезжие. Даже после бунта, когда наиболее компрометированные спешили попрятаться, я видел здесь праздношатающихся людей в белых чалмах, гаджей и духовных турецкоподданных, людей чрезвычайно подозрительных, не могших дать никакого основательного предлога для их пребывания в стране. В местных учителях не было также недостатка. Учил же кто-нибудь народ тарикату в селениях, куда ни Бурджа, ни Занки никогда не ездили и которые теперь насквозь проникнуты новым учением. (Местным муллам следовало бы сделать строгую поверку, кто из них зикрист и кто нет; иначе наши усилия будут усилиями людей, которые хотят истребить ядовитые травы и косят их поверху, оставляя корни в земле). Понемногу зикра распространилась в народе; после намаза повсеместно люди садились в кружок и запевали мюридский припев «Ля Илла» и пр.; но зикра с прыганьем и следующая за ней джазма, вдохновенный обморок, — составляли право и обаяние только избранного кружка учеников, постоянно находившихся при проповеднике-зикристе; они же изучали тарикат во всей полноте. Народу тарикат проповедовался только в практическом применении[5]. «Намаз, совершаемый на земле, принадлежащей неверным, ничего не значит; мусульмане должны или уйти на Святую землю, или освободить свою страну от

неверных. Время всемирного халифата близится. Бог укажет через своих избранных день, когда нужно начать всеобщий газават, истребление и обращение силой неверных; до тех пор каждый мусульманин должен быть лично врагом гяуров — убивать их поодиночке, грабить, не повиноваться им и других учить неповиновению, делать им всевозможный вред; считать сношение с гяуром грехом и всякую клятву, ему данную, — недействительной. При этих условиях можно спастись наполовину, но полного спасения без газавата быть не может». Надобно, впрочем, сказать, что проповедь исправительного тариката проходила не без противодействия со стороны многих благоразумных туземцев. В Джарах, где развитие нового учения более обследовано, чем в других местах, известно, что офицер Кизмуна Али три раза публично останавливал Бурджу-Али, спрашивая, куда он думает вести народ своей проповедью, и просил его не вмешивать в это дело по крайней мере его тохума (рода). Также спорили публично с Бурджой-Али — офицер Дада и ученый Бала Эфенди Тальский. Вообще официальное духовенство вначале смотрело с неудовольствием на самозваных учителей, которые отбивали у него прихожан; но, не видя поддержки в местных властях, оно или переходило понемногу на их сторону или вовсе отстранялось. Многие духовные и теперь называют зикру, в том виде как ее представляют народу, умышленным поджигательством, а джазму — святотатственным шарлатанством. Тем не менее зикра и сопряженное с ней учение сделались известными в округе от мала до велика, и почти все им следуют, хотя многие отвергают джазму.

Проповедь тариката довольно давно уже стала переходить от слов к делу. Многие показания заставляют думать, что первая организация злоумышленников относится ко времени народного волнения в 1861 г., когда весь округ поголовно подавал прошение о выселении в Турцию, одновременно с мусульманскими частями Тифлисской губернии. Тогда внушали народу, что оставаться в России не только гибельно для души, но опасно для временной жизни; что русские, с известным их коварством, ласкали народ, пока боялись Шамиля, а

теперь будут вводить рекрутский набор и обременят народ налогами. Переселение было тогда остановлено правительственной властью. Но, пользуясь общим смятением, коноводы успели устроить свои кружки, оставшиеся потом при них и послужившие зерном, из которого вырос обширный религиозно-политический заговор.

Безрассудная пропаганда князя Шаликова, купившая ценой бесчисленных грабежей и насилий, совершаемых агентами власти, обращение 20 безнравственных белоканцев, была как бы нарочно придумана, чтоб раздуть тлевший огонек в пожар. И без того уже воинственному и гордому мусульманскому племени проповедовали самое фанатическое учение, а тут, с одной стороны, упавшее на него, как с неба, чиновничество принялось его грабить; с другой — он видел в своих аулах постройку церквей, для которых еще не было прихожан, видел безнаказанность крещеных и естественно приходил к убеждению, что его хотят силой обратить в христианство. Русская власть взяла с мусульманских поджигателей половину труда на себя.

Десятки лет русского управления создали в округе многочисленный класс людей, на которых правительство имело право рассчитывать: офицеров, юнкеров и других почетных людей. Нигде на Кавказе нет такого множества офицеров, как в этом крае — их числится около ста и столько же юнкеров; причисляя сюда почетных, получавших пенсию, выйдет всего не менее 300 лиц из первых семейств, которые должны были поддерживать русскую власть для собственной выгоды. При многочисленности и солидарности горского родства, эти 300 первых семейств представляли почти половину лезгинского населения округа. Можно было рассчитывать, что между джаро-белоканцами у нас есть своя партия. Но все партии в мире, основанные на интересе против народного чувства, не могут собственными усилиями сохранить свою цельность; надобно, чтоб заинтересованная в этом деле власть постоянно поддерживала их организацию и, разумеется, была бы справедлива, возвышая только тех, которые действительно

с пользой ей служат. Этого-то условия и не было здесь соблюдено. Князь Шаликов жил далеко и не имел достаточно проницательности, чтобы с толком сортировать людей; князь Тарханов заботился не о русских, а о своих собственных интересах. Вышло на деле, что многочисленный класс самых влиятельных в народе людей оказался совершенно несостоятельным против нескольких бунтовщиков. Были между офицерами изменники, даже главнейшие изменники, оставшиеся, к сожалению, не изобличенными; были между ними люди, не принимавшие участия в заговоре, но сильно ему сочувствовавшие, были такие, и немало, которые предупреждали начальство. Однако ж, можно сказать утвердительно, что масса офицеров и почетных людей оставалась нейтральной, знала, конечно, о заговоре, потому что заговор был слишком обширный, чтобы о нем можно было не знать, но молчала, не помогала бунтовщикам, но и не мешала им действовать. Между тем не подлежит сомнению, что если б только половина офицеров Закатальского округа, располагающих вполне по обычаю своим многочисленным родством, захотела воспротивиться бунту, то бунт не мог бы состояться.

Во все время от первого зародыша возмущения до дня, когда барон Врангель вступил в Закаталы, народ, масса джаробелоканских обществ, играла ту же роль, как и высший класс. Положительного восстания населения не было никогда. Всеобщие показания, численность мятежников, бывших на штурме, видимая на глаз, густота населения аулов в самое время восстания, внезапность, с какой бунт начался и кончился, — все, несомненно, показывает, что жители округа в массе не подымались, одним словом, что сами общества не бунтовали. Но они не мешали бунтовщикам набирать себе многочисленную партию. А между тем им ничего не стоило помешать, если б хотели. В горских обществах джемаат, народное собрание, составляет высшую власть, которой все повинуется. Джемаат собирается часто, даже по маловажным делам, а в последнее, смутное время он был в постоянном сборе. Ни один человек не смел бы пойти к мятежникам, если б джемаат этим интересо-

вался. Но народ поступал, как офицеры, хотя и по другой причине. Повсеместно распространенная зикра, с ее комментариями, была слишком сильна в народе, чтобы он не сочувствовал смельчакам, подымавшим на свой риск знамя газавата; между тем 1859 г. сильно еще памятен массам. Какое племя могло надеяться собственными силами отбиться от русских, когда весь горский союз не устоял против них? Масса восстала бы непременно, если б мятежники взяли Закаталы, или в одном этом округе; но в ожидании первой победы она оставалась нейтральной. С мятежниками была только партия охотников.

Размеры заговора росли по мере распространения зикры. Зимой с 1861 г. на 1862 г. Бурджа-Али и мулла Занки, переселившись на хутора в Таначинский лес, проповедовали там несколько месяцев сряду. Главными слушателями их были джарцы, но, кроме того, к ним стекались толпы из других селений. В то же время у каждого из них был свой кружок учеников, изучавших тарикат, чтобы разносить его потом в народе.

Весной 1862 г. Бурджа-Али начал набирать к себе мюридов, одни показывают 60, другие — 100 и более всадников. Все эти мюриды с ног до головы одевались в белое. Белый цвет у мусульман считается траурным, но зикра сделала из него (что стало известным только теперь) отличительный признак своих поборников, достигших известной степени посвящения. Белое платье значило: эти люди собираются на газават, идут на смерть и потому наперед уже надели саван. Летом около двух проповедников, кроме постоянных мюридов, была собрана партия в 500 всадников, занявшая весь лес и никого туда не впускавшая. Охотники Тифлисского полка чуть не были вырезаны в то время и спаслись только тем, что скрылись в самой дикой трущобе и длинным обходом убежали из леса. Один подполковник Домбровский жил там беспрепятственно с лезгинами. По показаниям, многие люди говорили князю Шаликову и Тарханову о тайнах Таначинского леса. Князь Шаликов отвечал: «Пусть себе молятся, если у них такой обряд». Тарханов также долго не хотел верить. Об участии Муртуз-Гаджи в этом первом сборище показания

противоречат, хотя обращение его к зикре, несомненно, относится к этому времени. После уборки винограда, то есть в сентябре, разнесся слух, что таначинские зикристы на днях придут брать крепость. Слух был верен. Многие признались, что Бурджа-Али и мулла Занки действительно хотели в ту пору начать бунт и ждали только сбора своих приверженцев. Настояния офицера Кихкуна-Али, к которому присоединился майор Измайлов, убедили, наконец, Тарханова, что происходит нечто серьезное. Тарханов вызвал Бурджу-Али, который, вероятно, успел оправдаться, потому что окружной начальник отпустил его после короткого разговора и сказал ему на прощание, должно быть, шутя: «Молись, как знаешь, и будь мюридом» (из допросов следственной комиссии). Вызов Бурджи, однако ж, имел в этом случае хорошие последствия. Собиравшаяся партия, испуганная вызовом к начальству главного зачинщика в то время, когда приготовления не были еще кончены, большей частью разбежалась, и предприятие на этот раз было оставлено. Князь Тарханов не знал о важности приобретенного успеха, доказательством служит, что от него об этом случае не было даже донесено. Бурджа-Али, человек одаренный большими способностями для того, чтоб подготовлять событие, но не решимостью последнего шага, струсил и бросил начатое дело. Мулла Занки не посмел продолжать его один, и предприятие рухнуло.

Ничего не было открыто о сношениях двух начальников первой попытки бунта Бурджи — Занки, вне пределов округа. Эти сношения существовали, в том нельзя сомневаться; подобное предприятие не могло совершиться силами одних джаро-белоканцев. Предводители были не отчаянные головы, напротив, осторожные и очень умные люди; не было им надобности пускаться на такое дело одним, когда вокруг них другие мусульманские населения были уже охвачены зикрой. Но упорство подсудимых, которые, по большей части, шли на смерть, не выдавая соучастников, и спешность следствия и казни не дали возможности добиться в этом отношении чего-нибудь положительного.

Бурджа-Али, первый распространитель тариката в округе, после этого происшествия исчез со сцены. Ученики его не покинули, но он учил уже втихомолку, и если пользовался еще авторитетом между зикристами, то скрытно. Занки-Эфенди не прекратил ни проповеди, ни интриг в народе, но в первое время после неудавшегося предприятия он стал действовать осторожнее. Кажется, он почувствовал себя созданным для первой роли, держа в своих руках все нити предприятия человека, более способного воспламенить толпу, чем был он сам. Для роли этой нашелся Муртуз-Гаджи.

Штабс-капитан Муртуз-Гаджи (родом простой лезгин из Белокан) был самый верный слуга русского правительства, пока продолжалась горская война. Он первый из закатальских мусульман поднял руку на качагов. Командуя охотничьей партией из белоканцев, он в ту пору разновременно доставил начальству 60 качагских голов. Муртуз-Гаджи, как говорят о нем русские и его единомышленники, как говорит само дело, человек небольшого ума, но здравомыслящий и страстный, — именно то, что нужно для толпы. Начальники Лезгинской линии ценили его заслуги и всегда были хороши к нему. Он был любимцем князя Шаликова. Года три тому назад князь Шаликов отдалил его от себя, вследствие соперничества, возникшего в Белокани, между ним и братьями Галаджиевыми. Князь Шаликов принял сторону последних, как крещеных и людей вполне верных, что они и доказали; но из-за этого он не разлюбил Муртуза. Холодность начальства, представляющего для туземцев в отдельных частях Кавказа нечто вроде верховной власти, сильно огорчила этого человека. Он ушел в Таначинский лес и поселился в уединенном хуторе. Вероятно, он слышал там проповеди учителей исправительного тариката (а мусульманские проповедники говорят иногда увлекательно). Положительно, по крайней мере, что в это время произошла в нем совершенная перемена. Он всей душой предался зикре. Участие его в предприятии прошлого сентября не доказано, но, по многим показаниям, более чем вероятно, хотя он тогда еще не играл видной роли между двумя зачинщиками —

Бурджи-Азанки и Занки-муллой. Князь Шаликов, неизменный в своей привязанности, узнавши об отшельничестве бывшего любимца, спешил загладить свое обращение с ним. Он вызвал его к себе, но Муртуз отказался ехать. Вызовы эти повторялись несколько раз без успеха, пока, наконец, князь Шаликов дал приказание доставить к себе Муртуза. Осенью Муртуз-Гаджи явился в Сацхенис, где князь Шаликов, несмотря на многочисленные предупреждения, заставил его принять звание наиба Белоканского. Муртуз-Гаджи пробыл в этой должности несколько месяцев, но прежние одноземцы его не узнавали. С почетными людьми он никогда не говорил; собирал к себе на дом гулходаров (горцев, приходящих на равнину для заработков) и чему-то их учил, — они рассказывали, что он учил их тарикату, который сам, как человек неученый, знал только понаслышке. Ночью видели его на могиле белоканского святого (тоба), рыдающего, судорожно обхватившего камень. Говорят, что его страшно терзало раскаяние за убийство 60 абреков, воевавших за веру (то есть, по мнению мусульман, — мучеников), головы которых он выдал русским. Наконец, Муртуз-Гаджи не выдержал и весной 1862 г., бросив произвольное свое наибство, бежал в Таначинский лес.

В лесу этом, бывшем до взятия Шамиля постоянным жильем качагов и неизвестной страной для русских, сохранялись еще остатки заговора, неудавшегося в сентябре. Многие мюриды из партии, покинутой Бурджой, собрались около Занки-Эфенди, не прекращавшего проповеди тариката. Сильное влияние этого человека в восточных лезгинских деревнях — Джарах, Тале, Гогаме и пр., позволяло заговорщикам надеяться, что партию всегда можно будет собрать, как только придет благоприятное время. Муртуз-Гаджи попал, стало быть, на готовое. Присоединение его к бунтовщикам имело то важное последствие, что он принес им содействие другой, западной половины лезгинского общества — Белокан, Кабахчали, Катех и Мацех. До тех пор партия мятежников сосредоточивалась почти исключительно в восточных обществах, главным из которых считаются Джары; с появлением на сцене Муртуза во

главе заговора стали белоканцы, что имело, в свою очередь, значительное влияние на дальнейший ход этого дела.

С присоединением Муртуза мятеж сейчас же стал снова организовываться. Ранней весной зачинщики собрали значительную шайку для личной своей безопасности; но сбор войска они отложили до удобной минуты. Из деревень приезжали толпы людей слушать их проповеди; заговорщики внушали им обязанности мусульманина, брали с них присягу и отпускали назад, имея, таким образом, в распоряжении своем всегда готовое войско, не возбуждавшее до поры никаких подозрений. Внутреннее устройство готовившегося бунта было в то время, весной, следующее: признанных предводителей еще не было, но главами партий были — восточных селений — Гаджи-Муртуз, и с ним значительнейшие люди — Али-Абакар-оглы, Али-Мамачи-оглы, Рамазан Нуров, Рамазан Мурад-оглы и Али-Магомет; западных селений — поручик Гаджи-Али (тесть Хебелова) и офицер Али-Ага. Действительным двигателем дела, по всем соображениям, был мулла Занки-Эфенди, предводитель сентябрьской попытки. (Доставленный из Джар раненым, на другой день после штурма, он назвал несколько лиц, и без того уже всем известных, и отказался говорить об остальных; он осужден на смерть, но пока еще лежит больной в каземате). В устройстве заговора Муртуз, кажется, не имел первостепенного влияния, хотя многое делалось его именем; настоящее значение он приобрел только с минуты, когда явно стал во главе мятежного скопища. Бурджа-Али в этом последнем движении вовсе не участвовал.

По показаниям муллы Занки, главными сообщниками заговорщиков были: поручик Гаджи-Али Гогамский (прощенный князь Андронников), штабс-капитан Рамазан-Ага Тальский (бывший участковым начальником при князе Меликове, сохранивший и теперь свое почетное положение) и один очень влиятельный человек в Дагестане (отказался назвать). По другим показаниям, штабс-капитан Рамазан-Ага был посредником в сношениях заговорщиков с Дагестаном. О поручике Гаджи-Али есть, кроме того, многочисленные свиде-

тельства: пока шли приготовления к бунту, он был таким же предводителем джарской партии возмутителей, как Муртуз Белоканский, и домогался верховного начальства. По всем показаниям, сношения злоумышленников с влиятельными лицами вне округа были очень обширны, что подтверждается всеобщим слухом. Писаных документов не найдено, но как Муртуз-Гаджи еще не пойман, то можно думать, что они или при нем, или, может быть, истреблены им. Главный знаменщик Каракиши и капитан Хебелов говорят, что у Муртуза были писаные обещания Джабо-наиба Дидойского, и Бакракали, наиба Джуршутского. Соучастники бунта все знали об этом по слуху и твердо рассчитывали на обоих. Бакракали разорвал при народе последнее письмо Гаджи-Муртуза, когда бунт уже был в разгаре; но в эту минуту верность сообщников зависела от факта: возьмут или не возьмут Закаталы. Всякий из них, естественно, должен был подождать несколько часов, прежде чем решиться действовать. По общему слуху и словам самого Муртуза, ждали содействия из Нухи: говорили, между прочим, что старшина сел. Беладжин Нухинского уезда обещал помощь мятежникам. В Нагорном Дагестане был открыт ранней весной особый заговор. Генерал Лазарев узнал, что Казы-Магома Темтлинский разъезжал по аулам и набирал приверженцев с целью захватить Гунибское укрепление. Казы-Магома совещался со многими влиятельными людьми и впутывал в это дело имя своего двоюродного брата — Кибит-Магомы — значительнейшего человека в горах после Шамиля. Заговорщик был арестован и сослан, а Кибит-Магома, вследствие этой же истории, добровольно переселился из гор в Шуру, чтобы не подвергаться нареканиям. Теперь обнаружилось, что заговор этот был только разветвлением заговора закатальского. Один из последних сотоварищей Муртуза, Бакана-Шабан, покинувший его после долгого скитания в лесу, показал: когда Муртуз-Гаджи узнал об арестовании Казы-Магомы, он сказал: «Наше дело теперь наполовину пропало!» Я привел только главные показания и слухи. Если прибавить к тому известные уже факты:

сильное распространение зикры и сопряженной с ней проповеди исправительного тариката в Чечне, Андийском округе, Южном Дагестане и в Закавказском крае, посещение Закатал и Нухи Гаджи-Алискером, творцом мюридского тариката, и постоянное пребывание в Карее Джемаль-Ад-Дина, главного вероучителя мюридов, у которого сам Шамиль был учеником, то должно невольно прийти если не к убеждению, то по меньшей мере к сильнейшему подозрению, что закатальское возмущение в сущности своей было первой попыткой зикры, переходящей от слов к действию; точно, как нападение Казимуллы на шамхальство в 1830 г. было первой попыткой мюридизма, выступавшего на страшную 30-летнюю борьбу. Распущенные в народе слухи о войне, о всемирном ополчении против России, источник которых надобно искать в Турции, где столько кавказских эмигрантов, придают еще более достоверности этому предположению, которое и без того само собой бросается в глаза.

В продолжение всей весны князь Шаликов и князь Тарханов были предупреждаемы много раз; почти все известные люди, особенно офицеры, показывают, что они говорили местным начальникам о приготовлениях заговорщиков. Некоторых изветчиков Тарханов отсылал к Шаликову; но вообще он не тревожился подозрениями, как видно из его действий. В делах остался только один его рапорт о Гаджи-Муртузе начальнику Военного отдела, писанный в марте, в котором князь Тарханов просит о высылке Муртуза из края, как человека, который — вследствие своей вражды с Александром Галаджиевым, может покуситься на убийство! Это было в то время, когда Муртуз, бросивши самовольно наибство, властвовал уже в Таначинском лесу. Князь Шаликов, со своей стороны, не хотел даже слушать, когда дело шло о любимце его Муртузе; он верил в этого человека. Когда старик Вахоев-Джарский, очень уважаемый человек, говорил ему об измене Муртуза и обширных замыслах мятежников, князь Шаликов сказал: «Если ты еще раз упомянешь имя Муртуза, я велю выколоть тебе глаза». Таким образом, он принимал все предостережения. Вследствие того

многие почетные люди, знавшие положение дел, молчали из страха навлечь на себя неудовольствие начальника.

Произведенное недавно расформирование постоянной джаро-белоканской милиции имело также невыгодные последствия. Во всех горских странах милиция составляет одно из необходимейших условий русского владычества по многим причинам. На днях я говорил о некоторых из этих причин в письме к начальнику Главного штаба. Уничтожение милиции охладило к русской власти многих влиятельных людей и лишило местное начальство последнего средства противопоставить что-нибудь бунтовщикам. Сто тридцать девять всадников милиции не были силой материальной, но заключали в себе большую нравственную силу. Они представляли 139 первых семейств в крае, которые со своим многочисленным родством располагали третью лезгинского населения. Очень можно сомневаться — решились ли бы бунтовщики стрелять по ним, имея в виду, что каждый выстрел навлекает месть за кровь, не только со стороны противников, но со стороны своих же товарищей в мятеже, потому что горское родство простирается чуть ли не до сотого колена, а родовая честь не допускает в подобном случае никакого уклонения. Насчет верности постоянной милиции достаточно сказать то, что, несмотря на ее расформирование, принятое милиционерами за обиду, только трое из ее рядов участвовали в мятеже. Может быть, милицией не умели бы воспользоваться, если б она и существовала; для того нужен был очень решительный и серьезный характер. Но при неспособности начальника никакое орудие не может принести пользы[6].

В половине мая предводители мятежа начали собирать войско. К 1 июня они были уже в сборе. В последние дни мулла Занки ездил со знаменем по деревням выкликать охотников, без малейшего противоречия ни со стороны офицеров и других почетных людей, ни со стороны народных джемаатов. В то же время главные лица между мятежниками решили поставить во главе восстания имама, то есть начальника веры. Звание это, носимое Кази-муллой и Шамилем, в мусульман-

ском мире означает человека, которому явным и тайным образом воля Божия вручает руководство исламом на всей земле. Главы мюридизма облекались этим титулом, потому что считали за мусульман только людей, принявших исправительный тарикат, все же остальное мусульманство — испорченным; поэтому в глазах реформаторов только начальник мюридизма был истолкователем истинной воли Божией; следовательно, он был имам. С избранием имама в Таначинском лесу зикра прямо и открыто приняла наследство мюридизма; звание имама, снова восстановленное, по всей вероятности, не исчезнет с Гаджи-Муртузом, даже в случае его смерти, и будет тайно признаваться зикристами за каким-нибудь другим лицом, не в пределах округа именно, а где-нибудь на Кавказе. Вот какого рода беспорядки произошли в этой стране.

Избрание предводителя сейчас же поселило раздор между зачинщиками мятежа. Кажется, что Муртуз-Гаджи не столько сам хлопотал о верховной власти, сколько за него хлопотали другие, желая очень разумно поставить во главе восстания опытного военного человека. Поручик Гаджи-Али-Тольский рассчитывал также на первое место; сначала люди из восточных деревень стояли за него, и силы двух соперников были равны. Но партия Гаджи-Муртуза получила перевес с присоединением к ней 400 гулходаров (горцев, сходящих на равнину для заработков); Гаджи-Муртуз давно уже успел привлечь к себе этих людей, проповедуя им тарикат. Мулла Занки-Эфенди Джарский имел сильное влияние в своей части края и, поддерживая Муртуза, привлек к нему много людей из противной партии. Когда джарцы и другие жители восточных деревень увидели перевес за Гаджи-Муртузом, они все подали за него голос. Муртуз охотно принял предводительство, но долго отказывался от имамства, говоря, что он человек неученый и не может быть главой мусульман. Джарцы отвечали ему, что они провозглашают его имамом не как ученого, а как счастливого человека, что это качество в настоящих обстоятельствах всего нужнее. Муртуз-Гаджи был благословлен на имамат ученым муллой Абу-Салим-Гаджи из Караты (славный в Дагестане

аул в самой глубине гор, за Аварией). Гаджи-Али не показал неудовольствия; он обнимался с Муртузом, дал клятву всеми силами содействовать предприятию и сейчас же уехал домой, чтобы созвать из восточных селений новый сбор людей, на который мятежники сильно рассчитывали, и готовить, вероятно, материальные средства для штурма. Но в душе он уже разорвал всякую связь с новым имамом и его сообщниками.

Первоначальное намерение заговорщиков было — отложить бунт до сентября. Для них этот месяц был удобнейшим временем — жатва и виноград были бы убраны, шелк продан, и бунтовщики могли массой встретить нас по лесам. Соседи их, горцы, были бы также решительнее осенью, видя себя огражденными на несколько месяцев от русского вторжения. Но, с другой стороны, приготовления заговорщиков зашли так далеко, что намерение их могло быть открыто и расстроено ранее срока. По настояниям муллы Занки решено было немедленное восстание.

Перед открытием бунта Гаджи-Муртуз посылал доверенных людей узнать о состоянии русских сил. Численность войск, составлявших кадарский отряд и занимавших Лагодехи, он знал и надеялся управиться с ними, если счастливое начало позволит бунту быстро разлиться. Но он беспокоился насчет сил, которые могли быть двинуты от Тифлиса. Посланные его донесли, что по всей дороге от Закатал до Тифлиса не наберешь сто солдат, а из Тифлиса нельзя вывести больше одного батальона.

Последние известия, полученные русскими начальниками о бунте, были сообщены: князю Шаликову — нарочным белоканского юзбаши, князю Ю. Тарханову — Георгием Галаджиевым. В этот раз князь Шаликов поколебался в слепом своем доверии и приказал юзбаше употребить все средства, чтоб удержать белоканцев от бунта до его приезда. Но Гаджи-Муртуз предупредил его: занял Белоканы одной пешей сотней и назначил туда своего наиба. Георгий Галаджиев прискакал из Белокан в Закаталы в 7 часов утра и дал знать обо всем Тарханову; но ему не верили. Он должен был подать официальный

рапорт о движении мятежников на крепость. Тогда Тарханов приказал Галаджиеву сейчас же ехать с двумя казаками к Муртузу и привезти его в крепость, хоть тот и доказывал ему, что это значило без пользы идти на верную смерть. По настоянию брата своего Александра Георгий Галаджиев отвечал, наконец, решительно, что если эполеты обязывают его беспрекословно исполнять приказания, то он сию же минуту подаст в отставку, чтоб избавиться от невозможного поручения. Тогда за Муртузом послали Сагинова, который был убит с провожавшими его казаками. Командир линейного батальона и комендант крепости были извещены об опасности уже после полудня. К вечеру послано было предупреждение к чапарам, занимавшим Муганлинский пост.

С покорением гор Закатальская крепость была обезоружена. Только три орудия стояли на местах; банкеты разрушились, и место их означилось в каменной ограде узким карнизом, стоять на котором нельзя было, не держась рукой за верх стены. Гарнизон состоял из 247 нижних чинов, имевших ружья, считая тут и больных. Но крепость все-таки можно было считать сильной против скопища, не имевшего артиллерии, так как ограда ее состоит из каменной стены, которую нельзя взять без помощи лестниц; будь вместо стены земляной бруствер, она бы не устояла. Должно отдать полную справедливость деятельности трех офицеров, устроивших оборону обезоруженной крепости менее чем в сутки: подполковнику Романову, окружному начальнику, князю Тарханову и артиллерийскому прапорщику Вемнякову. Четырнадцать орудий были поставлены на платформы; трое ворот завалено камнями, население форштадта переведено в крепость; все мужчины, способные и неспособные, в числе 228, вооружены или своими, или остававшимися при батальоне ружьями; каждому назначено место. Князь Тарханов вызвал из села Талы, на которое он еще надеялся, 500 вооруженных людей; но как во всяком случае нельзя было достаточно на них полагаться, чтоб ввести их в крепость, то им была поручена оборона покинутого жителями форштадта. Небольшого числа защитников едва доставало к

стенам крепости, и то их приходилось расставить в нескольких шагах друг от друга; резерв, разделенный надвое, состоял из 26 больных и 9 казаков, так что судьба крепости зависела от самого случайного обстоятельства: успеют ли в каком-нибудь пункте человек 20 лезгин прорваться за стену?

Как только Белоканы были заняты мятежниками, джемаат этого селения (не выключая новообращенных христиан, из-за которых столько потерял князь Шаликов) дал обещание на полное содействие; по всем данным надо думать, что так же поступили селения Катехи и Мацехи. Личное влияние Гаджи-Муртуза было велико в этой части края, и он действительно увлек три деревни на три дня; но в восточных селениях этого не было, хотя партия мятежников почти наполовину состояла из джарцев, собранных в таначинских хуторах, однако ж ни Джары, ни другие соседние аулы не вступали с ним ни в какие переговоры от имени общества. Но молодежь отовсюду стекалась под его знамя.

По занятии Белокан мятежники сейчас же бросились на разные команды, находившиеся на сенокосе или в следовании по дороге из Лагодех в Закаталы, считавшиеся совершенно безопасными. Командующий Тифлисским полком барон Врангель успел предупредить части своего полка, фуражировавшие на Чаурской поляне; они приняли военные предосторожности и не понесли потери, но мелкие команды по дороге были истреблены. Предоставляя это дело жителям, Муртуз-Гаджи двинулся с собранным им скопищем к Закаталам и в полночь с 4 на 5 июля остановился у холма Кашка-Тапа в двух верстах от крепости.

Он не брал с собой много людей из Белокан и других западных аулов, чтоб не ослабить своего тыла в случае, если б войска внезапно двинулись из Лагодехи и кодорского отряда. Показания о численности шайки в ночь с 4-го на 5-е не совсем согласны: по одним — с Муртузом было тогда около 1500 человек, из которых около 500 белоканцев, катехцев и мацехцев и столько же джарцев, да еще 400 гулходаров и около сотни разных ингелойцев и других пришлых людей; по другим — не

более белоканцев и пр., 400 джарцев и около сотни гулходаров. Последний счет кажется вернее, однако ж не уничтожает первого, потому что при первоначальном сборе могло быть 1500 в показанном составе, но довольно много людей осталось в Белоканах в Таначинском лесу, по Алазани, и вообще партизанами к стороне Лагодехи. Кроме того, мятежники ждали сильного подкрепления со стороны Гогама, Тал и пр., откуда Гаджи-Али должен был вывести свой сбор. Горный перевал над Зака-талами был покрыт толпами джурмутцев, ожидавших только первого успеха единоверцев, чтоб сойти на равнину. В ночь штурма партия Гаджи-Муртуза значительно усилилась присоединившимися к ней поодиночке жителями окрестных селений.

В этот же день Гаджи-Али и 12 туземных офицеров, в том числе майор Измаилов, штабс-капитан Рамазан-ага, штабс-капитан Джанка-Али, явились в крепость 7-го числа. Подполковник Романов, боясь измены, оставил только некоторых известных ему, а прочих просил удалиться. На позиции Кашка-Тапа Гаджи-Муртуз узнал о бегстве Гаджи-Али в крепость и о расстройстве общего плана с этой стороны. Из допросов нельзя было с точностью узнать, но, по всей вероятности, мятежники рассчитывали на материальные средства, которые должен был запасти для них Гаджи-Али — лестницы, фашины, земляные мешки и пр.; потому что они ничего этого не взяли с собой и не имели времени изготовить, чтобы не быть настигнутыми войсками прежде взятия крепости. В этом и состояло, кажется, главное расстройство их плана. Гаджи-Муртуз сейчас же послал в Джары за штабс-капитаном Тифлисского полка Хебеловым, зятем Гаджи-Али. Хотя Хебелов тщательно скрывает настоящий разговор свой с Гаджи-Муртузом, рассказывая какие-то пустяки (как, например, убеждал он Муртуза покориться без боя и пр.), но я не сомневаюсь, да и не может быть сомнения, что разговор был о его тесте — Гаджи-Али, который в решительную минуту расстроил давно обдуманный план и, бывши до того дня главным заговорщиком, вдруг передался русским. Иного разговора быть не могло, а последующие действия Хебелова доказывают эту очевидность. Отпросившись у

Муртуза посмотреть, цело ли его хозяйство, как он показывает, Хебелов поскакал из Кашка-Тапа не в Джары, где оставил семейство и дом, а в Гогам, к тестю; удостоверясь, что Гаджи-Али точно в крепости, поговорив с тещей (за чем же другим было и ездить ему в Гогам), он воротился к Гаджи-Муртузу и был им тогда уже отпущен домой в Джары. Гаджи-Муртуз чрезвычайно ценил содействие Гаджи-Али, как видно изо всего; отпустив Хебелова, он сам сейчас же поскакал в Гогам и остановился в доме Гаджи-Али, вероятно, чтобы также узнать что-нибудь от его родных; а затем уже воротился к Кашка-Тапа и расположился в садах деревни — Хуриса Оба. Причина, почему он был так снисходителен к Хебелову, что отпустил его из скопища, между тем как других офицеров, отказавшихся содействовать мятежникам, например, старого Ибрагима Катехского, везли силой, приставив дуло к затылку, для меня яснее дня: Гаджи-Муртуз хотел через зятя возобновить сношения с Гаджи-Али, который ему был нужен. Когда эта записка была уже готова, капитан Хебелов сказал мне, что точно разговор был о его тесте, но что он не мог дать никаких объяснений Гаджи-Муртузу, так как сам ничего не знал и тестя не видал более двух месяцев.

В ночь с 4-го на 5-е лезгины заводили перестрелку с крепостью. На рассвете Муртуз-Гаджи послал партию в 50 человек под начальством Тинпин-Маголлы сжечь Муганлинский мост, чтоб оградить себя со стороны Алазани от внезапного появления войск. Партия эта встретила колонну фуражиров под начальством поручика Савицкого из 79 человек, по большей части линейного батальона, в которой было только 36 ружей. Ничего не зная о бунте, в колонне думали, что едет какой-нибудь начальник с конвоем, и подпустили к себе лезгин на несколько шагов без всякой предосторожности; когда те вдруг дали залп и бросились в шашки, люди не успели ни сомкнуться, ни изготовить ружей; каждый сопротивлялся, как мог и чем мог. Только 13 русских, по большей части раненых, успели укрыться в лесу. В это же время трех солдат изрубили на Дурдуре. Партия была принята с отверстыми объятиями в Муганлинской деревне, населенной вассалами лезгин — тата-

рами. Усилившись там новыми людьми, партия пошла к мосту. Три офицера из туземцев, которым была вверена защита этого поста, показывают: «Получив уведомление князя Тарханова и не считая себя в достаточных силах для сопротивления, они послали за подмогой в Муганлинскую деревню. Видя поутру толпу людей, впереди которых узнали муганлинцев, они приняли ее за ожидаемую подмогу и пустили на мост; а потом вдруг были схвачены и перевязаны». Но мост просто был отдан неприятелю. Несколько других партий были разосланы из стана мятежников, для распространения восстания между татарами и ингелойцами. Везде были готовы их принять, и только относительная отдаленность ингелоевских деревень и быстрота, с какой все дело разыгралось под Закаталами, помешали восстанию этих мнимых союзников наших. Главное ингелоевское селение Амабат, населенное более чем 1000 семействами, выслало проживавшего там участкового заседателя за Алазань, объявив ему, что лезгинская партия идет на их деревню. Партия состояла из 40 человек татар с 3 лезгинами.

В этот же день Гаджи-Муртуз послал джурмутскому наибу Бакракали следующее письмо, единственный писаный документ бунта, попавшийся до сих пор в наши руки.

Ночь с 5 на 6 июня была совершенно темная. Гарнизон с вечера стал на свои места; 500 тальцев занимали укрепленный форштадт. Во втором часу ночи лезгины двинулись на крепость. Поставленные в форштадте тальцы не сделали по ним ни одного выстрела. Некоторые из них показывали потом: что они вышли из форштадта, оттого что по ним открыли из-за крепости огонь, но это неправда. Из крепости отвечали уже на залпы, раздавшиеся из середины форштадта, под самой крепостной стеной. Дело было так: лезгины без сопротивления вошли в форштадт с углового южного бастиона, у реки; затем тальские офицеры, может быть, ушли домой, но большая часть их людей присоединилась к штурмующим, число которых, таким образом, возросло до 2000 человек.

Закатальская крепость составляет треугольник, северный фас обрыт широким, но отлогим рвом; по восточному и

юго-западному фасам стена построена над кручей в несколько саженей глубины, так что между ней и обрывом простирается натуральная берма, около сажени шириной. На восточном фасе к подножию кручи примкнут форштадт. С этой стороны крепостная стена ниже, и выстроена кремальерной линией со множеством мертвых углов, которые, при невозможности ружейной обороны по причине несуществования банкета, были вполне мертвыми. Оборона этого фаса поручена была князю Тарханову. Северным фасом командовал подполковник Романов. Лезгины направили фальшивую атаку на северный фас, а действительную — на южный. Выбор их был верен. Закрытые строениями форштадта и кручей, они подходили на сажень от подошвы стены, не подвергаясь огню; мертвые углы и небольшая вышина стены значительно облегчали им эскаладу с этой стороны. Но вообще они были в очень невыгодном положении для того, чтоб предпринимать штурм. Они пришли к крепости, как было сказано, не имея никаких нужных для того орудий. Невозможное дело, чтобы столько опытных бойцов, каковы были их предводители, не подумали об этом заранее; это и убеждает меня, что внезапное отстранение Гаджи-Али от предпринятого дела, приведшее их в такое смущение, повредило им, особенно с материальной стороны; они не нашли лестниц, фашин и мешков, на которые могли рассчитывать, но в то же время не смели также медлить. Двухтысячное скопище Гаджи-Муртуза пошло на штурм с 26 лестницами, захваченными в деревнях. Зная это обстоятельство, можно было вперед сказать наверное, что они не возьмут крепость; нетрудно отбиться от 26 человек, лезущих на стену. В начале штурма Гаджи-Муртуз стоял в форштадте, у духана, с 30 мюридами; когда ему сказали, что мулла Занки, водивший штурмующих, сильно ранен, он сам бросился к стене. Штурм продолжался около полутора часов. Описание его можно сделать в четырех словах. Двадцать шесть лезгин, карабкавшихся по лестницам, не могли взять крепость. Картечь в обстреливаемых частях фасов, а в мертвых — гранаты, бросаемые с рук на натуральную берму, лежащую между кручей и подошвой стены, заставила, наконец, лезгин отойти[7]. Тем кон-

чились попытки на крепость и закатальское возмущение. Все остальное в реляции об обложении Закатал и новых предприятиях горцев принадлежит к красотам слога.

В действительности первая попытка второго исправительного тариката — закатальское возмущение — кончилась в 3 часа утра 6 июня. Когда рассвело, увидели, что вода, проведенная для снабжения крепости, иссякла; она была отведена несколько выше. Князь Тарханов закричал со стены разъезжавшим в некотором расстоянии всадникам, что если вода не будет сейчас же возвращена в русло, то первое наказание падет на Джары; вода сейчас же была спущена. Разнесся слух, что Муртуз-Гаджи ранен и лежит в Джарах. Тарханов сейчас же потребовал его выдачи. Из Джар привезли в Закатаны раненого муллу Занки. До прибытия барона Врангеля сообщение с крепостью не было открыто, потому что вне ее не знали о положении дел, а из нее некого было послать. До 9-го числа ворота оставались заваленными, и иногда стреляли из пушек в показывавшихся поодиночке всадников; но с рассвета 6 июня даже тени опасности не существовало уже для Закатал. Зикристы поставили все, что имели, на одну карту; выигрыш мог перевернуть много; но карта была убита. Подгорные лезгины, как люди толковые, поняли, что дело кончено. Весьма довольные тем обстоятельством, что ни Джары, ни другой какой-либо из восточных аулов не входил в сношения с Муртузом от имени джемаата, что к нему приставали, на свой риск, лишь отдельные лица, общества дали ему время растаять. На это не нужно было долгого срока. Через несколько часов после штурма, раньше полудня, не существовало уже следов двухтысячного скопища. Около Гаджи-Муртуза остались только 50 собственных его мюридов-фанатиков, готовых делить с ним добрую и худую участь.

Как только князь Шаликов убедился, что доверенность его обманута Гаджи-Муртузом, он сейчас же прибыл в Лагодехи и, не дожидаясь сбора войск, решился идти в округ с одной ротой; он полагался более всего на свою личную популярность, существовавшую, впрочем, лишь в его воображе-

нии. Со всем тем невозможно думать, чтобы князь Шаликов не знал размера опасности, которой подвергался; но как храбрый и честный человек, сознавая уже в то время, вероятно, свою вину, он не боялся стать лицом к лицу перед бунтовщиком, которого сам же был косвенно причиной. На дороге к нему присоединилась другая рота, высланная бароном Врангелем; третью он отказался ждать. Ночь с 5-го на 6-е, в то время, когда мятежники штурмовали Закаталы, князь Шаликов провел под Белоканами. Хотя большинство белоканского джемаата обещало содействие Гаджи-Муртузу, когда он был среди них, но в действительности общества были еще далеки от решительного восстания, даже в этой части края, наиболее увлеченной мятежниками; к Закаталам пошли только охотники, поднявшие бунт на свой риск. Хотя две роты не были серьезной силой против огромного селения Белоканы, но старшины и весь джемаат встретили князя Шаликова с покорностью, сказали ему, что Гаджи-Муртуз увлек часть их молодежи, но что масса народа вовсе не расположена бунтовать; все отсоветовали движение вперед с горстью людей против сильного скопища мятежников. Белоканское население ждало тогда результата штурма и не хотело решаться на что-нибудь, не зная еще, как разыграется дело. Утром получено было известие, что штурм отбит; при этом говорили, что Гаджи-Муртуз убит или сильно ранен (смешивая с муллой Занки). Князь Шаликов решился немедленно идти в крепость и потребовал 250 человек милиции из Белокан. После отражения штурма не было уже никакого расчета бунтовать; требуемые милиционеры немедленно присоединились к отряду. Когда отошли несколько верст от селения, получено было новое известие, что Гаджи-Муртуз со своей шайкой ожидает войск на Цуаркадском посту.

Когда двухтысячное лезгинское скопище, собиравшееся две недели, рассеялось в два часа после неудачного штурма, а сел. Джары в то же время выдало главного зачинщика бунта муллу Занки, раненого и искавшего убежища у своих односельцев, Гаджи-Муртуз не мог более рассчитывать ни на какое содействие восточной, джарской половины края. Он не мог по-

лагаться и на западную — закатальский штурм решил судьбу восстания, — но там он пользовался большим личным влиянием и мог еще найти сторонников даже в несчастье. Притом в первый день после штурма слухи были так сбивчивы, что народ не мог еще совершенно отшатнуться. Окруженный своими мюридами, числом около 50 всадников, Гаджи-Муртуз напролом направился на Белоканы; но узнав, что там стоит князь Шаликов с войсками, численность которых была, конечно, ему передана, он остановился на Цуаркадском посту. Последующие обстоятельства показывают, что все, происшедшее в этот день, со стороны Гаджи-Муртуза не было даже попыткой восстановить окончательно проигранное дело, а только личной вспышкой мести и отчаяния. Когда князю Шаликову сказали, что Гаджи-Муртуз встретит его боем, он отвечал: «Вздор, Гаджи-Муртуз не будет в меня стрелять»; приказал милиции стать в арьергард и сам, окруженный несколькими всадниками, повел роту к речке, на противоположном берегу которой стояли мюриды. Гаджи-Муртуз первый выстрелил и ранил Шаликова; пораженный еще 2 пулями, тот слез с лошади и сейчас же упал. Смерть Шаликова была причиной всего, что случилось потом. В глазах азиатцев, не знающих почти ничего вне пределов своей земли, начальник Военного отдела есть само правительство; внезапная смерть его была в их понятии, покуда они опомнились, чем-то вроде начала междуцарствия, падением русской власти и силы. Нет сомнения, что белоканская милиция не изменила бы, если б Шаликов не был убит. Но для нее не заключалось никакого смысла в продолжении — драться ни за что против вчерашнего своего предводителя, когда уже не было генерала, которого она вышла провожать. Милиционеры подались назад; массой они не присоединялись к мюридам Гаджи-Муртуза; большая часть из них немедленно воротилась домой; многие, въехав на опушку, открыли огонь по колонне, но затем сейчас же разбежались; может быть, несколько человек продолжали преследовать колонну, но они были исключением. Гаджи-Муртуз с 50 своими мюридами теснил тифлисские роты только на 4 верстах, от Цуаркада до

Катех; там он прекратил преследование и воротился со всей шайкой в Белоканы. Охотники подраться из Катех и Мацех, выскочившие на тревогу, приняли колонну огнем и не отставали от нее до самой крепости. По всем показаниям, в этом случае единогласным, против тифлисских рот ни в одну минуту боя не было более 70—80 лезгин. Большая потеря, понесенная ротами, объясняется достаточно тем обстоятельством, что горцы дрались около своих деревень, где местность им совершенно знакома. При таком условии небольшое число горцев опаснее многочисленного скопища, пришедшего в чужую землю; так, 500 хечикиринских пастухов наголову разбили в 1842 г. 12-тысячный отряд генерала Граббе еще по прибытии к ним подмоги. Со стороны лезгин дело 6 июня не было рассчитанным продолжением бунта. Если б население, хоть, например, одних Катех, не хотело пропустить колонны, наверное, не прошел бы ни один человек. Дрались только немногие мальчишки, всегда пьянеющие от порохового дыма.

Воротившись в Белоканы, Гаджи-Муртуз спокойно остался в своем доме. Ни он, и никто другой в округе ничего больше не предпринимал. Всем было ясно, что дело проиграно без исхода.

В начале июня авангард, под начальством полковника Врангеля, подступил к Белоканам. Гаджи-Муртуз был еще там. [Заарестование][8] старшин, вышедших навстречу войскам, может быть, предало бы его в наши руки, но этого не сделали. Пока занимались пустыми расспросами, Муртуз, предупрежденный старшинами, что они не будут его защищать, поспешно удалился со своим семейством. Грузинские милиционеры, посланные после долгого промежутка времени к его дому, нашли двери раскрытыми, вещи разбросанными, как бывает при поспешном бегстве.

9 июня полковник Врангель вступил со своим отрядом в Закаталы. Этот день официально считается окончанием бунта, так как тогда только были открыты крепостные ворота. Но бунт действительно кончился на рассвете 6 июня, когда мятежное скопище стало расходиться.

11 июня прибыл в Закаталы генерал-лейтенант князь Андроников. В 5-дневное начальствование его не произошло ничего особенного, князь Андроников имел только намерения, которые потом не были приведены в исполнение. Настоящих причин бунта тогда еще не подозревали, и все приписывали Муртузу. Говорили серьезно, всечасное восстание произошло от того, что в крае сошлись два таких фанатика, как Шаликов и Муртуз-Гаджи; искали тайного влияния поляков. Стало быть, в эти дни не могло еще быть речи о принятии действительных мер против действительного зла.

16 июня прибыл в Закаталы генерал-адъютант князь Орбелиани, а 18-го спустился с гор князь Меликов с дагестанской кавалерией.

Вступление в округ 2500 дагестанских всадников произвело чрезвычайное впечатление на подгорных лезгин и будет иметь большое значение в будущем. Внезапность и успешность этого сбора, в таких скользких обстоятельствах, когда по Дагестану пролетела весть о восстании джарцев на газавате, превосходит всякое ожидание; оно дает такую меру действительных наших средств на Восточном Кавказе, о какой нельзя было и думать. Событие это, конечно, не доказывает, чтобы Дагестан уже окреп за нами, чтобы при удобном случае эти же люди не могли соединиться с джарцами против нас; но оно показывает, что можно сделать с горцами при хорошем управлении, а покуда в этом и состоит вся задача. Кроме того, чрезвычайная быстрота этого сбора составляет сама по себе редкий пример, положительно неосуществимый в других отделах Кавказа. Надобно было в срок одной недели, без всякого приготовления, собрать из глубины гор 2500 всадников и через два снежных хребта привести их в Закаталы. Появление их на равнине произвело на подгорное население большее впечатление, чем могло бы произвести появление целого корпуса на Алазани. Население это привыкло встречать русских только с юга; тыл свой, припертый к горам, оно считало безопасным; на случай неуспеха восстания на равнине лезгины надеялись увлечь с собой соседей анкратльцев и найти в горах безопасное

убежище. И вдруг эти же самые горы, палладиум мусульманства и племенной независимости, последнее убежище в неудаче, выкидывают в тыл им целое войско, которое принимается разорять их с ожесточением самой закоренелой вражды. Можно сказать без аллегории, что подгорные лезгины онемели от этой неожиданности; они дали жечь и грабить себя в продолжение двух недель без одного выстрела, чего нельзя было бы достигнуть ни с какой массой русских войск. Они говорили только: «Пусть же теперь взбунтуется кто-нибудь другой на Кавказе, мы его также ограбим».

Наказание джаро-белоканского бунта требовало самых энергических мер. Ввиду возможности заграничной войны подобное восстание было не менее как вопрос о русском владычестве на Кавказе. Но на само дело можно было смотреть с двух сторон. Можно было обратить наказание в военную экзекуцию — определить число казней нормой, не заботясь о большом разборе их, выбрать жертвы из каждой деревни, чтоб всем это было памятно, предать общества насилию войск и еще более страшному насилию горских милиций — одним словом, поступить с мятежным краем как с изменившим и потом взятым штурмом городом. Цель такого рода действий — подавить измену ужасом, внушить населению такой страх, чтоб оно не смело в другой раз идти за коноводами-поджигателями; потом все покрыть амнистией. Можно было также действовать другим образом: направить усилия к тому, чтобы узнать и уничтожить коноводов, вырвать с корнем заразу, так чтоб некому было поджигать массу. Для этого нужно было обратить главное внимание не столько на действовавших (подлежащих, в свою очередь, наказанию), сколько на тех, которые внушали действие, выследить ход заговора; не позволять ни виновным, ни влиятельным людям выставлять за себя от имени народа бессловесные жертвы, ими же подученных глупцов; а как заговор был преимущественно религиозный, то сделать самую строгую разборку духовенству и проповедникам, узнать и удалить всех, проповедующих тарикат, допытаться, как обширны были нити заговора, и принять меры,

чтобы прервать их на будущее время; массу же наказать всеобщим, но не слишком обременительным взысканием, чтобы все знали, что быть ничтожной частичкой виноватой толпы не значит еще быть невиновным. Для такого образа действий потребовалось бы, вероятно, вдвое больше времени, чем для первого, и потому я не возьмусь решить, какой был пригоднее делу, но я предпочел второй.

Меры, принятые генерал-адъютантом князем Орбелиани и генерал-адъютантом князем Меликовым, состояли, по исполнению на практике, в следующем:

1. Все раненые лезгины, как обличаемые делом, захвачены, дома их сожжены, имение предано разграблению.

2. Выдача виновных, не раненых, возложена на народные джемааты. Но в нынешних обстоятельствах джемааты, подавленные военной экзекуцией и страхом, безмолвны. Место их занимали некоторые туземные офицеры, известные начальству и потому имеющие голос. К сожалению, кроме одного Киркуна-Али, эти же самые офицеры обвиняются многими показаниями и в высшей степени подозрительны; они были слишком влиятельными людьми в крае, чтоб без их согласия мог состояться такой обширный заговор и потом бунт. Конечно, они не выдадут сотоварищей, которые, в свою очередь, могут выдать их. Они представляли в суд людей, без сомнения, виновных, но совершенно ничтожных и ничего не знавших[9]. В этом отношении следствие и суд имели характер неразборчивой военной экзекуции.

3. По той же причине в числе осужденных на смерть, за исключением муллы Занки и Бурджи-Али, выданных не джемаатами, нет ни одного, который значил бы что-нибудь в последнем восстании. Разбор виновных, совершаемый с быстротой военной экзекуции, необходимо был самый произвольный. Ни один невинный не наказан; зато много самых виновных остались без наказания.

4. Из проповедников тариката, которых в последнее время развелось здесь много (кроме все того же Бурджи-Али), не открыто, или лучше сказать, не было разыскиваемо никого.

5. Главным средством устрашения в принятом образе действий было не осуждение на смерть; число жертв было очень невелико по важности преступления и понятиям этого народа; устрашением была военная экзекуция в селениях. Признанная экзекуция состояла в довольствии войск и не могла обременить через меру, как бы роскошно войска ни жили. Но под нею существовала другая экзекуция — войска и, главное, дагестанская милиция делали в селениях в продолжение месяца буквально все, что хотели. Не говоря уже о насилии, грабеже домов и тому подобном, в одном селении Белоканы захвачено тысяча буйволов и прочего скота в той же пропорции. Дело дошло до того, что из-за Амезани, из Кахетии приходили толпами оборванные люди, с мешками на спине — брать, что хотели; и джаро-белоканцы были так устрашены, что не смели оказать малейшего сопротивления даже таким хозяевам.

Нравственный результат наказания закатальского бунта оказывается такой: лезгины уже подымали руку на лезгин, что для нас весьма важно.

Подгорное население уничтожено и устрашено до такой степени, что, каковы бы ни были его чувства, оно долго не посмеет думать о восстании. Для всех областей Кавказа, где распространена зикра, пример этот будет не без пользы.

Весь корень зла остался нетронутым. Учители и проповедники зикры и тариката процветают по своим местам, и если боялись две недели тому назад, то теперь уже не боятся, по крайней мере за настоящее. Сто офицеров, сто юнкеров и столько же почетных, одним словом, весь влиятельный класс в крае знает теперь по опыту, что ему нечего опасаться смуты, что при известном образе поведения он может и действовать, и безопасно выжидать результата, чтоб потом спокойно стать на сторону победителя.

Принятый генерал-адъютантом князем Орбелиани образ действий представляет много выгод. Нехорошо было длить народное волнение, которое продолжалось бы столько же, как следствие, не было необходимости держать здесь массу войск два месяца, когда можно было все кончить в один, как и сде-

лали; не было выгодно, может быть, преследовать нити заговора слишком далеко, чтоб не возбудить лишних опасений в других местах, быть может, не было такой надобности уничтожать людей, до того запуганных, что они перестали уже быть опасными; нужен был пример, по возможности быстрый, и сильное впечатление на толпу; не было, наконец, надобности заботиться о глубинах дела между азиатцами, которые во всем увлекаются только видимостью. Я вполне принимаю эти доводы, по которым временно уполномоченное начальство решилось заменить правильное исследование и искоренение зла военной экзекуцией. Если б время было обыкновенное, предоставляющее полный простор в будущем, я не позволил бы себе сказать слова против. Но теперь, накануне, может быть, самой серьезной войны, я бы желал, чтоб этот край был парализован не страхом, а действительным бессилием. Страх — дело великое, пока закатальцы стоят одни против Русской империи, надеясь разве на Нуху да на Бакракали Джурмутского. Но с первым выстрелом на турецкой границе страх исчезнет, и коноводы, которых покуда не уничтожили, а только напугали, встанут во весь рост. Во всякой войне бывают минуты сомнительные, и эти минуты для нас более чем опасны с зикрой в тылу. Я не говорю о проигранном сражении, когда и зикристы, и незикристы, и даже женщины мусульманские встанут на нас поголовно; не говорю, потому что хоть и можем мы проиграть сражение, но никогда его не проиграем.

Во всяком случае слава Богу, что закатальские лезгины не имели достаточно терпения и поднялись теперь, а не позже. В лице их поражена зикра, и покуда ей нужен немалый срок, чтоб где-нибудь опять собраться с силами.

Оседлому человеку неудачный бунт грозит гибелью имения и семейства; но чем рискуют эти перелетные птицы. Они составляли главную материальную силу восстания; джаробелоканцы были только головой. Это обстоятельство теперь с точностью раскрыто и объясняет самый ход восстания. Когда разыгралось возмущение, офицеры все сидели дома и дожидались исхода; если б он был удачен для бунтовщиков, они бы

к ним пристали, да и винить их за это трудно, когда столько усилий со стороны их перед начальством для предупреждения бунта остались тщетными. С ними же сидели в деревнях большинство почетных людей и масса населения, кроме части молодежи и предводителей бунта, и все смотрели на дело такими же глазами. А между тем на штурме крепости было тысячи две человек, не меньше. Кто же были эти люди? Гулходары! Бунт поставил свою судьбу на одну карту — взять крепость или не взять значило для него — быть или не быть. Оттого весь джарский бунт и ограничился штурмом Закатал. Отраженные от стен гулходары разбежались, и Гаджи-Муртуз остался с сотней фанатиков. Дело против Шаликова было уже попыткой личного отчаяния. Смею доложить Вашему Императорскому Высочеству, не подвержено сомнению, что войско, истребившее наполовину 2 тифлисские роты, ни в какую минуту боя не превышало 100 человек. Это была личная шайка Гаджи-Муртуза; несколько жителей присоединились к ней во время боя, но много мюридов Гаджи-Муртуза покинули его еще до боя. Если б такие люди, как джаро-белоканцы, участвовали в бунте всем народом и знали бы, что поголовно за него отвечают, кровь не перестала бы литься так скоро. Они все, вероятно, знали о заговоре, так как и заговор был делом народным, но далеко не все бунтовали.

О мерах, принятых для наказания бунта, донесено уже Вашему Императорскому Высочеству князем Меликовым. Поэтому я не говорю о них. Кара будет велика. Но не могу не знать, что освобождение энгилоевцев от всяких повинностей лезгинам, как народа нам преданного, грузинского и полухристианского, я считаю мерой крайней необходимости. По окончании расправы с джаро-белоканцами князь Меликов хочет перейти со своей кавалерией в горы, для отыскания хоть некоторых гулходаров, принимавших явное участие в бунте.

Исполняя первоначальное повеление Вашего Императорского Высочества, послезавтра поеду в Лагодехи для разыскания о некоторых подозрительных лицах из поляков, потом за тем же поеду в Нуху. Что выкажется из этих розысков, буду

иметь счастье донести Вашему Императорскому Высочеству, хотя, признаюсь, большого результата не ожидаю. Подозрения, и даже сильные подозрения, будут, так как в народе ходили некоторые вредные слухи не из лезгинских рук; но улики едва ли будут. Заговора польского я не найду, потому что в этом серьезном деле новой мусульманской проповеди польскому заговору не могло быть места, как слишком ничтожной причине. Но что все служащие поблизости поляки кричали против нас, что малейшие из них распускали в народе дурные слухи, это и теперь не подвержено сомнению. Стало быть, здесь есть место только административным мерам, чтоб унять польское нахальство, которое основывается лишь на безнаказанности, в одной России возможной. Осмелюсь доложить Вашему Императорскому Высочеству: я убежден в необходимости таких мер не только на Лезгинской линии, но и на всем Кавказе, о чем я говорил, уезжая, начальнику штаба. Во всяком случае постараюсь, сколько есть сил, оправдать доверие Вашего Императорского Высочества и если даже не найду улик, то буду иметь честь донести о лицах, наиболее навлекающих подозрение. При всеобщем неудовольствии на поляков русского общества, которое теперь уже их не заслоняет, вредный поляк виден наружу.

Остается одно дело, но вся важность в нем, — мусульманская проповедь в Бакинской губернии, — здесь на время все будет подавлено. В горах можно положиться на хорошее управление. Но в Нухе и других суннитских уездах фанатизм растет явно. На действие против него земского управления не только полагаться, но и думать о том нечего. Учение же это, новый этот исправительный тарикат, имеет все свойства антонова огня; заведись в одном месте, он разливается по всему телу мусульманства. Когда он показался одновременно в двух местах: в Чечне, на северном склоне гор, в Закаталах; Нухе и далее, на южном склоне, — да еще при распространенных в народе слухах о близости всемирной войны против России, это такое явление (осмелюсь употребить здесь простонародное выражение), которым шутить нельзя. Считая дело это необыкновенно важным, я считал также своим долгом доложить о нем

Вашему Императорскому Высочеству с должной полнотой, не боясь утомить высокое Ваше внимание.

Князь Орбелиани настаивает, чтобы, прибыв в Нуху, я принял на себя не только дознание о джазме, но действие против нее, и для того предлагает предписание, вводящее меня в право произвести нужные аресты. Не имея для этой второй половины дела определенного повеления Вашего Императорского Высочества, имею честь просить изъявить мне Вашу волю. Но при этом решаюсь прибавить: мусульманские вопросы мне несколько знакомы преимущественно по частым сношениям с мусульманами; теоретически я занимался ими из одного любопытства, стало быть, непоследовательно; занятия по некоторым правительственным видам, связанным с мусульманскими населениями, при лице бывшего главнокомандующего, заставили меня познакомиться с несколькими источниками; по-татарски я почти перезабыл. Вот все, что во мне есть для такого дела. В распоряжении Вашего Императорского Высочества находятся лица, знающие гораздо более меня об этом предмете, например, генерал Бартоломей, настоящий ориенталист, которому может быть придан в помощь Булатов, отлично владеющий восточными языками. Конечно, они сделают больше меня, а дело это такое, что нужно исполнить его очень основательно. Я же, если знаю что-нибудь удовлетворительно, так только полевое военное дело. Я считаю себя хорошим солдатом, и везде на Кавказе меня считают хорошим солдатом, а потому, если счастье дозволит мне в чем-либо быть полезным видам Вашего Императорского Высочества, то, скорее всего, в поле. Смею, впрочем, выразить, что всякое повеление Вашего Императорского Высочества будет исполнено с усердием и по крайним моим силам.

Твердо уповаю, что Ваше Императорское Высочество простите мне, в этом длинном докладе, свободу некоторых выражений. Слово, обращенное к Вам, есть служба, и я предпочитаю сказать не так, может быть, как должно, чем сказать не то, что должно.

ОБЩИЙ ОБЗОР ДЕЙСТВИЙ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВЛЕНИЮ

В 1-й части моего отчета я имел счастье представить Вашему Императорскому Высочеству ту сторону деятельности кавказского управления, которая имела в виду беспрекословное и незыблемое подчинение перешейка русскому престолу, вместе с лучшим устройством армии, занимающей Кавказ и пределы Востока. От исхода предпринятой борьбы зависела будущность русского владычества в этом крае; потому, естественно, я должен был главное внимание сосредоточить на ней. Но посреди военных забот я никогда не упускал из виду цели, для осуществления которой велась сама борьба, — устройство Кавказского перешейка, сообразное видам, для которых он принят под Русскую державу, развитие внутреннего благосостояния края, которое одно только может доставить ему экономическую самостоятельность и положить конец ряду жертв, приносимых империей. Правительственные распоряжения в деле войны и в деле гражданского устройства края не могли иметь одного характера; результаты моих усилий в этих двух отношениях не могли быть одинаково быстры и полны. Между тем как ход военных действий постоянно вызывал ряд временных мер, достоинство которых состояло исключительно в том, чтобы сообразоваться с потребностью настоящей минуты, видоизменяя средства по ближайшей цели; между тем, как в таких вещах, даже как устройство армии и управление покоряемыми народами, надобно было, имея в виду прежде всего насущные требования текущего периода, предоставляя себе в

будущем изменять их вместе с изменением действительного положения вещей; в деле гражданского устройства края, напротив, надобно было с самого начала положить основание твердой системе, которая обеспечивала бы положительную будущность всем начинаниям правительственным и общественным, не угрожая им возможностью новой переделки. Для полного успеха гражданских преобразований надобно было, чтобы руководящая ими идея проникла в убеждения массы, направила бы большинство частных усилий сообразно со своей целью, одним словом, чтобы они стали действительностью, а не одним только искусственным построением сверху. После шестидесяти лет русского владычества за Кавказом и стольких разнородных попыток надобно было определить окончательно, чем могут быть эти области для империи и чего должно хотеть от них правительство; тем более, что устройство закавказских владений важно не только само по себе, но есть образец, по которому должно решиться значение всякого азиатского владения для России; а при нынешнем состоянии Востока, где участь стольких вещей зависит от случайностей каждого дня, указания подобного опыта безмерно важны для империи, переступившей за Кавказ и ставшей на Аральском море. При такой постановке вопроса, несмотря на неудовлетворительность во многих отношениях настоящего устройства края, я не мог приступить сразу к установлению какой-нибудь общей системы, как это уже случалось здесь; решать вперед то, что прежде надобно испытать, и принимать на себя ответственность за сложность последствий и применений, которых в действительности никакой человеческий ум обнять не может, было бы делом, вероятно, популярным и громким на первое время, но не было бы нисколько действительным решением вопроса. Ободряемый высокой доверенностью Вашего Императорского Высочества, я отдал себя этому делу и повел его таким образом, чтобы сказать с уверенностью: будущим поколениям придется дополнять и развивать, но не переделывать начатое. Прежде самого действия я должен был создать орудия действия — учреждения, которые могли бы давать де-

лам должную обработку, доводить их до меня в полном свете и наблюдать за правильным исполнением их; определить также средства, которыми наместник может располагать для приведения своих планов в действие. Затем следовало исходатайствовать для края экономические положения, соответственные его природным потребностям; определить права сословий и владения, до сих пор еще весьма смутные, сообразно с истинными интересами государства, и оградить их такими судебными учреждениями, которые, при данном характере населения, могли бы достигать цели действительно и простейшим способом; устроить полицейское управление, удовлетворяющее положительным нуждам власти и населения, откидывая все излишнее, взятое из потребностей страны, совершенно отличных от здешней. Разрабатывать в то же время источники природного богатства края, столь обильные и столь бесплодные еще покуда, и воспользоваться исключительно выгодным положением в торговом отношении Кавказского перешейка. Устраивая край, надобно было обращать внимание не на общую организацию империи и не на теории, вытекающие из европейского нрава, а на местные условия; размерять создаваемое только по нуждам и силам новой страны; одним словом, смотреть на Закавказье не как на продолжение России европейской, но как на начало России азиатской. При соблюдении этих условий можно быть уверенным, что вопрос о выгодности азиатского владения, решавшийся до сих пор утвердительно в пользу других европейцев и отрицательно — для нас, решится, как и должно быть, по исключительно удобному положению России, — независимо от выгод политических и военных, азиатское владение окажется выгодным само по себе.

Предпринимая ряд мер, требующих для своего осуществления довольно продолжительных сроков, я не мог держаться в этом отношении теоретической последовательности, но должен был распределять их по средствам, находившимся в моем распоряжении, и по времени, необходимому для полной обработки каждого предмета. До сих пор приведены в исполнение только некоторые важнейшие меры, неизбежные как орудия

для осуществления остального. Истекшее трехлетие было, естественно, периодом приготовительным, употребленным на изучение действительного положения вещей; но обработка главных предметов, от которых зависит прочное устройство этой части владений Его Императорского Величества, подвинулась так далеко, что теперь, смею думать, нужно только благоволение Его Императорского Величества и энергия местной власти для приведения в исполнение большей части их.

Прежде всего нужно было приступить к основательному устройству Главного управления. Вверяя великому князю власть наместника, государь соизволил обратить особенное внимание на этот основной предмет. До тех пор в устройстве властей наместничества лежала одна коренная ошибка, — не было соблюдено должной соразмерности в развитии Главного и Полицейского управления. Первое было сжато в чрезвычайно ограниченных размерах, второе — преувеличено без всякого соображения с потребностями и экономическими силами края. Перенося русскую власть на азиатскую почву, надобно было иметь в виду, что ей придется выйти здесь из битой колеи, создавать новое, весьма отличное во многих отношениях от учреждений собственной России. Высшая власть в восточных странах, подчиненных европейскому народу, необходимо должна быть, в известном смысле, особым правительством, имея перед собой другие цели и достигая их совершенно другими средствами, чем верховное правительство метрополии; в ней одной только, посреди азиатского края, должна сосредоточиваться национальность владычествующего народа. Низшие же учреждения, выработанные личной жизнью народа, никогда, напротив того, не могут безнаказанно переноситься из Европы на Восток, во-первых, потому что они слишком сложны, оттого остаются совершенно непонятными населению и не достигают своей цели; во-вторых, потому что незнание формальностей, сопровождающих каждое действие европейского закона, делает, по большей части, самые низшие места администрации недоступными для туземцев и заставляет влачить за Главным управлением целую толпу мелких агентов, которые стремятся

вдаль за невозможностью устроиться на родине и потом только унижают в глазах толпы священное имя владычествующего народа; в-третьих, наконец, потому что стоимость европейской администрации далеко превосходит экономические средства народа; таким образом, учреждения России, где каждое лицо платит кругом прямыми и косвенными налогами около 5 руб., перенесенные в Закавказье, где до сих пор государственный доход с лица не превышает 2 руб., поглотили на себя без всякой нужды все средства края, не оставляя ничего для самых полезных начинаний, без которых нельзя пробудить застой этой богатой природой, но оцепенелой, как вся Азия, страны. В восточном владении все европейское образуется из привозных элементов, и оттого полнота, просвещение и деятельность, по европейским понятиям, могут совмещаться только с Главным управлением; низшая же администрация должна быть как можно ближе к вековым народным учреждениям, всегда на Востоке простым и дешевым. Но при неполноте Главного управления нельзя было упрощать и низшего. Притом еще, с 1841 г. доходы Закавказского края стали вноситься в общую государственную роспись, так что высшая местная власть, устраненная от распоряжения финансовыми средствами края, не могла действовать самостоятельно и предпринять какое-либо значительное изменение в существовавшем порядке вещей. Устройство Главного управления в должных размерах, как орудия для обработки и приведения в действие предположенных мер, и отделение в непосредственное ведение наместника финансов Закавказского края стали двумя основными условиями, без которых ничего нельзя было предпринять в этом крае.

До 1859 г. Гражданское управление наместника состояло из следующих учреждений:

1. Начальник Гражданского управления.
2. Совет Главного управления Закавказским краем.
3. Канцелярия наместника.
4. Экспедиция государственных имуществ.
5. Особое присутствие о земских повинностях.
6. Дипломатическая канцелярия.

Кроме того, существовали округа: учебный, карантинно-таможенный, почтовый и управление горное.

Такой состав управления удовлетворял только форменностям делопроизводства, но не давал средств ни для должного изучения предметов, ни для точного исполнения предпринятых мер. Звание начальника Гражданского управления, учрежденное в 1842 г., было только переименованием, с некоторыми изменениями, существовавшего прежде звания военного губернатора Закавказского. С разделением края на несколько областей и с назначением на Кавказ наместника первоначальное значение этого звания утратилось совершенно, потому что начальник Гражданского управления не мог уже быть ни начальником Главного управления, сосредоточенного почти исключительно в собственной канцелярии наместника, ни начальником местного управления, перешедшего к губернаторам, действующим на основании общих законов; он не мог быть также генерал-губернатором всего края, что составляло бы только бесполезное раздвоение высшей власти. Для введения современного устройства управления звание начальника Гражданского управления должно было упразднить в южной части наместничества, как звание командующего войсками на Кавказской линии — в северной, и почти по тем же причинам.

Совет Главного управления удовлетворял своей цели, кроме двух особенностей: во-первых, он учрежден был только для Закавказского края, дела же северной части наместничества не подвергались его рассмотрению; во-вторых, разряды дел, подлежавших его обсуждению, были определены предварительно, что с основанием наместнической власти в этом крае не соответствовало уже правильным отношениям наместника к подчиненному ему административному учреждению.

В сущности, Главное управление сосредоточивалось в одной канцелярии наместника, и все доходило к нему через ее директора; но силы канцелярии, очевидно, не могли быть достаточны для такой многосложности дела. По всем отраслям управления дела, восходившие к наместнику, обрабатывались в соответствующих отделениях канцелярии. При обширно-

сти работы начальник отделения с одним или двумя столоначальниками могли только отписываться, а не разрабатывать предметов по своей части; директор же, кроме некоторых дел исключительной важности, должен был доверяться заключениям отделений, не имея никакой возможности справляться с источниками. При введенном в Закавказский край сложном административном и судебном порядке он едва успевал пробегать груду представляемых ему бумаг. Кроме того, служебный разряд людей, которым вверялось направление целой отрасли общественной деятельности, не соответствовал требованиям начальника отделения, который действительно может обнять финансовую, судебную или другую подобную часть; не должно, для пользы общего дела, оставлять начальником отделения, так же, как и универсального директора, если б такой нашелся. В сущности все кончалось одними формальностями. Это происходило в таком крае, где надлежало не охранять только вкоренившийся уже порядок, но везде создавать новое.

Экспедиция государственных имуществ, выделенная из канцелярии наместника как особое учреждение в 1856 г., составляла первый, но исключительный опыт самостоятельной организации главных отраслей управления, но только по Закавказскому краю.

Дипломатическая канцелярия и Особое присутствие о земских повинностях составляли учреждения, наиболее соответствовавшие своему назначению.

С новым устройством Главного управления имели в виду дать каждой самостоятельной части необходимую полноту и всему управлению — должную связность, отбрасывая притом всякое излишество и удовлетворяя только потребностям, оправданным долголетним опытом. В комитете, составленном из самых опытных по здешнему управлению людей, проект Главного управления был разработан сообразно с данным планом. Главное управление открыто 1 января 1859 г.

Состав Главного управления следующий:

1. Начальник Главного управления наместника, власть которого обнимает одно лишь это управление, не распростра-

няясь, как было прежде у начальника Гражданского управления, на местную администрацию. Он есть докладчик наместника по гражданским делам; ему предоставлено созывать, в случаях, когда он признает нужным, Совет директоров подведомственных ему учреждений.

2. Департамент общих дел, в котором сосредоточивается высшее делопроизводство по делам полицейских, городского хозяйства и гражданско-медицинским, по округам учебному и почтовому.

3. Департамент финансов, в который восходят также дела ведомств карантинно-таможенного и горного.

4. Департамент судебных дел.

5. Департамент государственных имуществ.

6. Особое управление сельского хозяйства, ведению которого подчинена также лесная часть.

7. Временное отделение, составлявшее личную канцелярию главнокомандующего для предварительной обработки проектов, прямо исходивших от главнокомандующего.

Особое присутствие о земских повинностях, преобразованное на новом основании.

Особое управление сельского хозяйства было открыто ранее прочих учреждений, составляющих Главное управление, для того чтобы приступить, не теряя времени, к устройству некоторых предметов по этой части[1].

Кроме того, Его Императорскому Величеству угодно было возложить особо на генерал-адъютанта князя Орбелиани, кроме председательства в Совете, обязанность замещать главнокомандующего во время отсутствия, по званию главнокомандующего и наместника, следуя данным от него указаниям.

При устройстве Главного управления старались провести везде то правило, чтобы движение всякого дела оканчивалось тем лицом или учреждением, которое не по форме только, но в действительности может и должно в него вникнуть и дать ему законное направление. Соблюдение формальности, по которой дела возводятся от инстанций, в сущности их решающих, к инстанции высшей, где бумага будет только

подписана по беглом прочтении, имеет два вредных последствия: снимая ответственность с тех, которые по справедливости должны ее нести, и уничижая их в то же время нравственно, она обременяет начальство до такой степени, что им не остается ни времени, ни охоты для самодеятельности в принадлежащей им сфере. Ничего не ограждая, как уже достаточно доказано, излишний контроль только придает всему управлению характер машинальности, увеличивая в то же время его стоимость[2]. В определении личного состава руководствовались правилом в том же духе, — предоставили каждому старшему, на всех степенях службы, не стесняясь, избирать своих непосредственных подчиненных, отвечая за них. Главнокомандующий был твердо убежден, что при этом порядке делопроизводства и выбора людей дело пойдет успешно; в нем выльется вполне вся сумма гражданского чувства, добросовестности, просвещения и деятельности, какая есть в обществе, с более легким ходом всего орудия и меньшими издержками; а чего обществу недостает в этих отношениях, того нельзя выполнить никакими формальностями.

С учреждением нового управления, соображенного исключительно с потребностями страны, необходимо было также дать Закавказскому краю самостоятельное финансовое управление. В какой бы мере ни развилось общественное богатство империи, как бы ни были значительны обороты между Европейской Россией и ее азиатскими областями, как бы ни сравнялись даже там таможенные тарифы, экономические условия этих двух частей будут всегда существенно различны. Предметы производства, средства к производству, распределение богатств и сложившееся вследствие того общественное устройство, отрасли сельского хозяйства и промышленности, требующие поощрения и вмешательства со стороны правительства, степень этого вмешательства, статьи государственного дохода и мера их важности, — во всех этих отношениях азиатские области, приобретенные империей, никогда не будут подходить под условия экономического быта собственной России; в настоящее же время экономические интересы за-

горных областей даже противоположны им, потому что тарифные уставы, которые долго еще, вероятно, будут иметь в России характер охранительный, за Кавказом имеют смысл исключительно фискальный. Здесь покровительствовать нечему, все производительные статьи края требуют для своего развития только свободы и приложения капиталов, которых из России, как достаточно показал опыт, вызвать невозможно; географическое положение Кавказского перешейка делает его перепутьем торговли двух частей света, сталкиваемой до сих пор со своего естественного пути нашими таможенными постановлениями. При таком несходстве экономических условий управление финансами Закавказского края с общим финансовым управлением империи значило бы только остановить в зародыше всякое развитие этой страны и увековечить обременительность ее для государства.

(Окончания этой статьи в рукописях покойного Фадеева не нашлось).

ЗАПИСКА ОБ УПРАВЛЕНИИ АЗИАТСКИМИ ОКРАИНАМИ

Ввиду тяжелых и постоянных убытков Государственной казны на Кавказе и в Туркестане возникает необходимость определить, наконец, сознательно, сообразуясь с общими потребностями империи, систему управления этими двумя странами. Не одна Россия имеет владения в Азии, но для нее одной они убыточны, и притом в такой степени, что доход не покрывает даже половину расхода. Дело идет о великом вопросе, быстро принимающем все большие размеры, так как с каждым царствованием, в силу неизбежного и не зависящего от человеческой воли хода дел, границы русских владений в Азии постоянно расширяются. Вопрос в том, должно ли считать азиатские владения обыкновенными областями, подчинять их общим учреждениям или же они требуют иных, им исключительно свойственных приемов управления, в чем и в какой мере.

Хотя Закавказский край занят уже 80 лет, а Средняя Азия менее двадцати, тем не менее вопрос об отношении государства к этим окраинам стоит покуда в одинаковом, требующем решения виде. Последнему правителю Кавказа предстояло еще завоевывать страну, управление которой ему вверялось; новый начальник будет первым, назначаемым исключительно для управления. В Туркестане сделан покуда не более как административный опыт, далеко не оправдавший себя последствиями.

Очевидно, что увековечение такого положения дел, при котором азиатские владения составляют бремя для России, не может быть обращено в систему. Если б даже подобное бре-

мя было признано выносимым в его настоящем виде, то очень скоро оно станет совершенно непосильным. Когда Русское царство не остановилось в своем разрастании на естественных пределах Кавказского хребта и Урала, то кто укажет теперь пределы, на которых оно остановится? Можно предвидеть, что со временем многие еще страны и многие миллионы азиатского населения будут подчинены русскому господству. Это судьба всякого европейского владычества в Азии. Давно уже англичане в Индии закаивались идти далее, закаивались и голландцы в Малайзии, прежде еще закаивались римляне, вынужденные силой обстоятельств перешагнуть Геллеспонт, — и однако ж все они невольно шли вперед, по тому же естественному закону, который заставляет камень погружаться в тину, пока он не дойдет до твердого дна. Сожительство с племенами, не сложившимися в твердо очерченные народности и не признающими иного права, кроме права силы, вынуждает для собственной безопасности подчинять своему влиянию ближайших соседей, а затем снова выдвигаться вперед для ограждения этих последних. Если англичане, голландцы и французы, попавшие в Азию и Африку случайно, дорожащие своими заморскими владениями исключительно из-за денежных выгод, не могут избежать необходимости невольного разрастания; то возможно ли это для России, вдвинутой географически в Азиатский материк, соприкасающейся с его населениями непосредственно, на протяжении многих тысяч верст? Кто поверит в устойчивость наших азийских границ даже со стороны Турции, видимо разлагающейся, тем более в Средней и восточной Азии? Мы можем отрекаться от всякого захвата, но не можем отречься от обязанности обеспечивать спокойствие на своих пределах; а это условие именно влечет неодолимой силой каждую европейскую державу, ставшую на почву Азии, к постепенному раздвижению границ. При таком положении дела самая обыденная предусмотрительность заставляет принимать в соображение, при установлении системы управления русскими областями в Азии, не только их нынешний размер, но неизбежный прирост их в будущем. По-

жертвование, сносное в ограниченных пределах, становится непосильным, когда оно периодически возрастает.

Вопрос об удобстве распространения европейских учреждений на владения в Азии может подлежать рассмотрению с разных сторон и с разнообразных личных точек зрения, но лишь до тех пор, пока эти владения остаются незначительными; с расширением их вопрос упраздняется сам собой: экономические средства всякой, самой богатой восточной страны настолько ниже всякой европейской, даже самой бедной, что их далеко не станет на содержание сложных форм управления, выработанных последними, когда при этом приходится еще держать постоянное войско для обороны края. Английский подданный платит в Европе прямых и косвенных податей 90 франков, в Индии — не свыше 7,5; голландец платит более 70 франков, голландский малаец — 5,5. То же самое явление буквально повторяется у нас. Из отчета покойного фельдмаршала князя Барятинского за 1860 г. видно, что Ставропольская губерния при населении в 340 тыс. давала несколькими тысячами рублей более дохода, чем весь Закавказский край, населенный уже тогда 3 млн жителей. Принимая официально показываемую цифру населения Европейской России и Сибири — 76,4 млн, на душу приходится по бюджету 1880 г. с лишком 9 руб. налога всякого рода. В Закавказском крае платежная способность населения выражается цифрой 2½[1], в Туркестане — 1 руб. 90 коп.; в общей сложности и по курсу — теми же неизменными 6—7 франками, как в Индии и Малайзии. Цифры эти — показатель общей экономической состоятельности на всем Востоке, за единственным исключением Египта, в котором высший доход приносится Нилом, а не людьми. История доказывает с очевидностью, что благосостояние страны зависит не от даров природы, а от духовного склада человека и общественного развития, вырабатываемых тысячелетиями, вследствие чего голландское болото в 14 раз богаче Голконды. Конечно, разработка естественных богатств наших азиатских окраин сулит еще многое впереди, но совсем невероятно, чтоб эти страны стали когда-нибудь богаче Ин-

дии, с которой англичане, при всем их умении и беззастенчивости, не могут выбрать более 7,5 франка с души. Европейцы, которым удалось захватить разные углы Азии, давно поняли неизбежные условия своего владычества и применились к ним; они не помышляют о перенесении в Азию своих дорогих гражданских учреждений, удерживают в своих руках одну только правительственную власть, оставляя стране ее привычную дешевую администрацию, вследствие чего им остается из местных доходов достаточно средств для содержания вооруженных сил. У нас же стоимость одного Гражданского управления в Закавказском крае не только поглощает весь приносимый областью доход, но требует еще крупной приплаты со стороны Государственного казначейства[2]. Очевидно, что таким образом можно относиться к какому-нибудь необходимому стратегическому пункту, например, к Сингапуру или Красноводску, а не к обширному краю.

В Средней Азии можно ожидать постепенного выдвижения оседлого населения к югу в степь, как это произошло в Новороссийском крае, в Заволжье, в Сибири; но Закавказье и Туркестан, так же, как сопредельные им страны, не могут уже вместить такой массы пришлого русского населения, чтобы обратиться этнографически в Россию; они останутся очень надолго русскими владениями в Азии, со всеми неизбежными условиями такого владения. Ввиду этих неизбежных условий, ввиду вероятной, даже более чем вероятной необходимости постепенного раздвижения наших границ на Востоке, нельзя продолжать прежней системы, правильнее сказать — рутины, в отношении к этим областям; иначе дефицит, вынуждаемый такой рутиной, обратится, наконец, в нечто подобное подати, которую русский народ высылал когда-то в Золотую Орду. Если б даже содержание азиатских окраин на счет владычествующего народа приносило добрые плоды в каких-либо других отношениях, то его все-таки нужно постепенно прекратить, так как очень скоро оно станет невозможным. Но приносит ли оно добрый плод в каком-нибудь отношении? В других европейских государствах, имеющих владения в Азии, вопрос этот давно считается решенным

отрицательно; у нас то же самое доказывается фактами, хотя затемняется фразами. Сущность вопроса очень проста.

Когда европейское правительство становится на место туземного, мусульманского или языческого, не выходя из чисто правительственной задачи, то население, несмотря на отвращение к иноверцам, немедленно начинает чувствовать выгодные последствия такой перемены: власть не теснит богатых людей для выжимания денег, не заставляет скрывать свои средства и ходить в лохмотьях, не отымает красивых жен, устанавливает равную для всех податную систему, ограждает безопасность на дорогах; всем дышится легче. Особенно же населения живо чувствуют эту разницу под рукой русских, которые не смотрят на туземцев как на существа низшей породы, обходятся с ними человечно. Оттого утверждение русского владычества в азиатской стране всегда на первых порах пользуется популярностью. Так бывало постоянно и в закавказских ханствах, и в областях, отхваченных от Персии и Турции, и в Туркестане; тысячи людей знают это и помнят. Но популярность наша продолжается до тех лишь пор, пока русская власть остается местным правительством, надзирающим за обычным туземным управлением, городским и сельским, пока она не переходит сама в мелочную администрацию. С этого же перехода начинаются общее недовольство, народные вспышки, разгар фанатизма, принимающего форму мюридизма, зикры, джазмы и т. п., с неизбежным заключением больших бунтов, заставляющих вскоре удваивать число войск в крае. Явление это воспроизводилось до сих пор с таким постоянством в каждом углу наших азиатских владений, что его можно признать непреложным законом; тем не менее мы не вынесли из него до сих пор никакого урока.

Причина явления достаточно понятна. В мусульманском крае полезно поддерживать суд по адату, народному обычаю, против шариата, суда духовного, дающего преобладание фанатическому духовенству; но подчинение христианским гражданским законам равняется для туземца насилованию на каждом шагу его веры, связанной с самыми мелочными обычаями жизни. Покуда чужеземная власть остается сосредоточенной в

руках немногих высших правителей, народ, хотя знает о своем порабощении, но не чувствует его и мирится с его последствиями из-за житейских выгод, приносимых ему лучшим порядком и большей безопасностью; но как только иноверные властители принимают на себя низшую администрацию и вследствие того вносят в народный быт свои законы, не только непонятные туземцу, но напоминающие ему при каждом его дыхании, что он раб гяура, — дело принимает другой оборот. Пища фанатизму готова. Кроме того, между европейским гражданским законом и азиатским бытом лежит бездна. Европеец не проживает дня без обращения к закону, то есть установленной власти в каком-либо виде, от городового до нотариуса. Частный человек в Азии признает власть только для охранения государственной безопасности, а во всех житейских отношениях сторонится от нее, как от чумы; но европейский закон со своими агентами насильно вторгается в его жизнь и отравляет ее. Легко сказать, как иногда говорится, что высшие нравы европейских чиновников должны со временем вылечить азиатца от его отвращения ко вмешательству власти, даже чужеземной; в действительности никакое государство не в состоянии наполнить низшую администрацию азиатских областей иначе, как оборышем своих людей, оборышем, который с течением времени не умиротворяет, а разжигает ненависть подвластных. Надо прибавить также, что европейские формы не представляют завоевателю полноты средств, необходимых для содержания азиатского края в порядке, например, круговой ответственности общин за разбои, совершаемые на их земле, благодаря которой Закавказский край пользовался безопасностью дорог до введения Свода законов. Это только один пример из многих подобных. Подчинив страну непонятному ей законодательству, приходится потом на каждом шагу заменять его не соответствующей ему практикой. Конечно, при долгом европейском владычестве возникает и на азиатской почве слой разжившихся и в некоторой мере объевропеившихся людей: купцов, некоторых помещиков, ведущих обширные дела, а также туземных чиновников, охотно прибегающих к просвещенным формам суда и

даже школы; но этот слой бывает так немногочислен, что для него, вместе с проживающими в крае европейцами, достаточны немногие в самом ограниченном размере, недорого стоящие учреждения. Тем не менее, соприкасаясь почти исключительно с этим промежуточным, ничтожным по количеству, но выдающимся слоем населения, русское начальство в крае легко впадает в ошибку, судя по нему о настроении массы, и распространяет на всех так называемое благодеяние просвещенных учреждений. Подчиненные чиновники содействуют, конечно, всеми силами введению новых форм управления, находя в том личный интерес — должности и жалованье. Когда, наконец, эти просвещенные учреждения становятся общим типом управления в крае, они обходятся в непомерную цену, во-первых, по своей сложности, во много крат превосходящей местное управление азиатское, во-вторых, потому что, разливая неудовольствие в массе, заставляют увеличивать силы, необходимые для содержания страны в покорности.

На основании вышеизложенного можно спросить: кому же выгодно введение в азиатскую область русского порядка гражданского управления, разоряющего властелина и отталкивающего от него подвластных?

Обсуждение этого вопроса было возбуждено в правительственной среде только однажды, вследствие поданной записки генералом Черняевым в 1874 г. о туркестанском управлении. Записка осталась без последствий в силу мнения, высказанного директором Азиатского департамента, что наша миссия в Азии существенно просветительная, а потому в России не должны жалеть издержек в настоящем, ввиду благодетельных последствий их для будущего. Указание на нашу просветительную миссию служит до сих пор самым удобным поводом для нещадной растраты трудовых денег русского народа. Всматриваясь, однако же, в это мнение, оказывается, что оно вовсе не мнение, а не более как фраза.

В течение всех веков истории был только один пример просвещения азиатских населений посредством европейского владычества и слития их с господствующим народом — это

было отречение Западной Азии македонским завоеванием; но в то время религиозные верования не стояли еще непереходимой стеной между победителями и побежденными: божества были у них те же самые, разница заключалась только в местных названиях, переводимых с одного языка на другой. С возникновением же христианства и мусульманства между двумя мирами установилось не только отвращение, но полное взаимное непонимание, последствием которого является тот несомненный факт, что европейское владычество в Азии остается лишенным всякого нравственного влияния на покоренных, сколько бы оно ни продолжалось. Как масло и вода, они не смешиваются ни в чем. Англичане, владеющие Индией более столетия, откровенно сознаются в своем бессилии в этом отношении, несмотря на чрезвычайные средства их миссионерских обществ, на громадную силу притяжения их торговли. Наше же просветительное орудие в Азии заключается исключительно в чиновниках от IV до XIV класса; ни о каком ином до сих пор не было речи, по крайней мере в среде высшего правительства, в Петербурге.

На месте смотрели иногда на дело иначе. Оба первых кавказских наместника имели в этом отношении своеобразные взгляды. Князь Воронцов, не признававший возможности улучшения чего-либо посредством расположения административных агентов и формальностей и экономный на государственные расходы, думал закрепить за Россией ее азиатскую окраину возвышением местного дворянства, которому он не только покровительствовал в Грузии, но которое создавал в мусульманских областях в лице беков и агаларов. Он руководился мыслью, несомненно, основательной, что мы не можем воздействовать на мусульманскую массу, но можем привязать к себе прямым интересом и со временем обрусить высшее сословие, располагающее этой массой, заменить им штыки, содержащие страну в повиновении. Подобная система доказала уже однажды свою действенность, обратив Казанское и Астраханское ханства в коренные русские губернии, несмотря на населяющие их миллионы мусульман, — правда, при помощи

русского переселения в больших размерах, для которого в Закавказье нет места, но принятое начало обещало тем не менее если не столь полные, то все-таки значительные плоды. Князь Барятинский продолжал систему князя Воронцова, но с двумя отступлениями: он хотел ускорить жатву, которую предшественник его имел в виду только в будущем, хотел вырастить ее, можно сказать, тепличным способом, и для этого учредил Общество святой Нины, прямой, хотя недоговоренной целью которого в его уме было обращение высшего мусульманского сословия в православие; с другой стороны, князь Барятинский широко и без нужды развивал центральную администрацию для придания кавказскому управлению самостоятельности во всех отношениях. В отличие от взгляда его предшественника, система его имела в виду только политическую, но не экономическую цель. Виды первых двух наместников исчезли с ними бесследно. Созданное с такими усилиями высшее мусульманское сословие, не руководимое более в направлении, которое одно только придавало смысл этому начинанию, не принесло нам доселе никакой пользы. Затем водворилась система противоположная — возможно полного приравнения закавказских губерний к русским; допущенные в этом отношении отступления, как видно из самого их свойства, обусловливались не политическими или финансовыми, а исключительно административными соображениями о неприменимости к краю того или другого параграфа общих положений. Хотя при этой системе в течение последних 18 лет доходы края значительно возвысились (не облегчая, впрочем, нисколько тягости государства), но как подобное возвышение вследствие мира и безопасности, водворившихся после покорения горцев, — никогда не может возрасти до покрытия, даже до значительного ослабления дефицита по военному и гражданскому ведомствам, то ясно, что не этим путем можно достигнуть решения существенного вопроса — безубыточного владения азиатскими областями.

В Туркестане не обнаруживалось до сих пор никакого систематического взгляда на управление краем[3] и на отношения его к государству, так как учреждение на русские деньги

широких административных штатов, совсем не вызываемых потребностями управляемых, наряду с беспредметным и бесконтрольным растрачиванием местных доходов, не имеет ничего общего с системой. В Туркестанском крае, вместо заботы о русских интересах, буквально проводили просветительную миссию, для поддержания которой насильно подвергали, например, мусульманский народ оспопрививанию, а когда жители уклонялись от него как от противного вере, предрассудок их подавляли оружием, а наиболее противившихся вешали.

Не сравнивая кавказское управление, постоянно имевшее во главе своей первых людей государства, с управлением туркестанским, нельзя не видеть, однако же, что неустойчивость и недостаточная отчетливость системы управления в одном крае, как и полное отсутствие ее в другом, привели и там и здесь к очень схожему результату. Сравнивая расход государства на каждую из этих окраин, по гражданскому и военному ведомствам вместе с приносимым каждой из них доходом, оказывается: на Кавказе, при общем расходе 44 млн 560 тыс. руб. и доходе — 15 млн 400 тыс., ежегодный дефицит составляет 29 млн 160 тыс., то есть доход относится к расходу как 1:2$^{3}/_{4}$; в Туркестане, при расходе[4] и доходе[5], дефицит[6], а отношение дохода к расходу как 1:[7].

Ранее рассмотрения условий, при которых может уменьшиться в некоторой степени тягость по военному ведомству на обеих окраинах, можно вывести из вышесказанного достаточно ясные указания на средства облегчить их гражданский бюджет. Без сомнения, вопрос о бюджете не может стоять особняком, вне связи с политическими условиями русского владычества в крае; но в этом отношении очевидные последствия доказывают, что каждый лишний расход, допускаемый в управлении азиатской областью, составляет вместе с тем политическую ошибку.

Туркестан представляет чистую, беспримесную азиатскую окраину, а потому и в вопросе об управлении им не заключается большой сложности. Погрешности, допущенные в устройстве этой окраины, произошли от промахов одного

лица; в них нет спутанности, истекающей из последовательного населения противоположных систем и взглядов; они так еще свежи, что исправление их не особенно затруднительно. Решать политические вопросы, подобные тому, каким образом связать эту страну с Россией органически, в Туркестане еще слишком рано; покуда достаточно сбавить, насколько можно, тягость государства и высвободить туземное население из-под «просветительного» начала, проводимого канцелярским способом. Все зависит от качеств лица, которое будет избрано для управления краем. Новому начальнику предстоит прежде всего выяснить местные доходы, определить действительно необходимые предметы расхода, устраняя те, которые называются у нас полезными, и сократить русскую администрацию до пределов, на которых кончается сознательное нравственное действие, не круша всего разом, дожидаясь для упразднения должностей естественного очищения вакансий, когда занимающие их люди безупречны. Серьезному начальнику трудно взять на себя одного всю эту ломку, и он потребует, вероятно, сенаторской ревизии[8]. Сокращая русскую администрацию на низших ступенях службы, необходимо заменять ее дешевой туземной, восстановить последнюю в прежнем, привычном народу виде. Самоуправление внизу распространено на всем Востоке и везде действует удовлетворительно. Если притом бывают злоупотребления, то они не вызывают жалоб и не касаются нас. Неизбежная грязь мелкого азиатского управления не роняет величие владычествующего народа в глазах туземцев, покуда привычные взятки берут туземцы же, а не властелины еще более, — эта практическая истина составляет краеугольный камень европейского владычества в Азии. Новое управление должно начать естественно с собственного очищения от прежде нанесенного сора. Затем предстанет вопрос об определении поземельных прав, не в смысле размежевания по притязаниям туземцев, а с государственной точки зрения, с той точки, как смотрели на предмет князь Воронцов и князь Барятинский. Азиатские страны не похожи одна на другую, как и европейские, и пригодное для одной может не годиться для

другой; но условия русского владычества в каждом азиатском владении сходны в том, что мы не можем без собственного истощения держать край в руках посредством одних штыков и чиновников, не опираясь на властных и заинтересованных в нашу пользу союзников в среде самого населения. Вопросом же о землевладении преимущественно решается — кого мы принимаем в союзники. В кочевых туркестанских племенах сильно развито родословное начало, крайне неполитично нами подавленное; в оседлых нет родовой аристократии, но есть денежная, влиятельная в Азии, как и везде, которую можно заинтересовать в нашу пользу.

Управление Туркестаном, как и всякой вновь присоединяемой азиатской областью, можно будет считать устроенным окончательно тогда лишь, когда все местное управление и войска, необходимые для удержания чужеземного края в покорности, станут содержаться на его счет, без разорения жителей. Конечно, силы, назначаемые для войны против значительного внешнего неприятеля, не могут входить в этот счет; но сличение доходов края со стоимостью расположенных в нем войск показывает наглядно, что при должной экономии в местном управлении он может вынести тягость нынешнего своего военного бюджета. Без такого исхода обширное азиатское владение невозможно.

Вопрос о Кавказе несравненно сложнее. Он состоит из нескольких, мало даже связанных между собой вопросов:

1. О пригодности соединения под одной властью русских и чужеплеменных загорных областей.

2. О правильности одинакового законодательства для христианской и мусульманской половин Закавказского края.

3. О бюджете Закавказского гражданского управления.

4. О Закавказье в военном отношении, как о двояком основании и для турецкой войны, и для действий за Каспийским морем.

5. О сохранении или упразднении звания наместника. Ранее какого-либо общего заключения каждый из этих вопросов должен быть взвешен отдельно.

Соединение под одной властью северного и южного Кавказа, то есть русского края с азиатским, не было последствием какого-либо обсужденного правительством решения. В то время, когда русские войска вступили первые в Закавказье, предгорный Кавказ был такой же Азией, занятый почти исключительно Ногайской ордой. Край этот постепенно заселялся и стал русским уже впоследствии; но тогда внутренняя война, охватившая горы с обеих сторон, требовала единства действий, а потому нельзя было думать о разделении. Вопрос этот выдвигается только теперь, при назначении на Кавказ первого начальника, посылаемого не для войны, а для управления; но тем не менее нельзя не видеть, что он выдвигается силой обстоятельств, а не чьим-либо личным усмотрением. Не может быть речи покуда о выделении из-под закавказского управления областей со сплошным азиатским населением, даже на северном склоне хребта, какова Чечня, но по какому поводу связывать в одно с чужеплеменным краем чисто русские земли: Ставропольскую губернию, Кубанское и Терское войско, когда между ними нет ничего общего? Управление там и здесь требует совсем иных приемов, к чему никакой человек неспособен с полной отчетливостью. Около 1,3 млн русских людей находятся до сих пор на исключительном, бесправном положении, ради поддержания единства системы в наместничестве, — что чувствуется очень живо, доводит уже теперь, а скоро доведет в гораздо большей еще степени, до ропота и протестов со стороны населения. В правительственной практике обе половины наместничества, русская и инородческая, размежеваны уже между собой той мерой, что бюджет Северного Кавказа расписывается по сметам министерств, закавказский же — составляет отдельную статью. Остается только признать в принципе деление, признаваемое на практике. Доводы поборников цельности наместничества положительно не выдерживают критики. Соединение под одним начальством войск, расположенных по обе стороны гор, не имеет ничего общего с гражданским управлением; корпуса действующей армии, подчиненные наместнику Царства Польского, кварти-

ровали в западных губерниях и Малороссии; донские полки служили массой на Кавказе, как служат теперь кубанские и терские. Единственное усложнение в этом вопросе представляет размежевание Терского войска с чеченским населением, но усложнение легко устранимое; река Сунжа служит естественной границей, от нее немудрено протянуть пограничную черту к устью Малки. По эту сторону останется несколько чеченских аулов, которые сами собой войдут в состав казачьего населения; по ту сторону останется несколько безземельных станиц 2-го Владикавказского полка, которые будут рады выселиться. Пользы государства и права коренного русского населения не могут подчиняться соображениям о размежевании нескольких деревень. Надобно заметить при этом, что разрыв между Кубанским и Терским войском был в собственном сознании их делом, совсем неудобным, и что продолжать этот разрыв еще далее, оставляя Терское войско при чужеземной окраине, значило бы подорвать одну из незаменимых русских сил — силу кавказского казачества.

Безразличное подчинение — не одному лицу, что было естественно, а одной системе управления — христианской и мусульманской половины Закавказского края повело, в свою очередь, к извращению взгляда на отношения государства к его загорным владениям, послужило источником всех последующих ошибок. Мы стоим за Кавказом потому только, что христианской Грузии удалось ценой сверхчеловеческих усилий уцелеть до того часа, когда Россия доросла, наконец, до подножия Кавказа. Грузия свободно отдалась России и не может существовать иначе как с Россией, между тем как мусульманские губернии перешли бы и теперь еще с великим удовольствием, по крайней мере на первых порах, под владычество Турции или Персии. Грузины, как христианский народ, не отгороженный неодолимой гранью Корана от европейского склада понятий, способны к тому же развитию, как и мы, русские. Управление Грузией требует покуда, может быть, некоторой особенности в административных приемах, но не ставит между двумя христианскими губерниями Закавказья и Россией никакой разни-

цы политической. Для русского государя грузины — такие же православные подданные, как и кровные русские; на войне их можно поставить под ружье всех поголовно, даже с их собственными офицерами. Хорошее ли, дурное ли настроение мнения в Грузии — имеет не более значения, как такое же настроение одной из русских губерний, так же легко излечимо. По совести и по здравому смыслу грузинские губернии должны быть приобщены к общему развитию коренного русского населения. Сокращение издержек на управление Грузией может быть осуществлено тремя мерами: устранением особенностей и изъятий, всегда ведущих к лишнему расходу, которыми столь богато закавказское Уложение; ограничением непомерно разросшихся размеров центрального управления; и применением к этой стране всех упрощений, неотразимо вызываемых течением общерусской жизни, в мелочной административной опеке по мере их осуществления в России. Грузия не может расшириться, а потому нечего опасаться новых растрат с этой стороны.

Совсем иное дело — мусульманские области. Они могут раздвинуться еще очень далеко, но даже в настоящем виде поглощают на свое искусственное управление много государственных средств совершенно бесплодно. Хотя в Закавказском крае и далее, почти до Средиземного моря, между мусульманским населением разбросано клочками армянское, но это последнее везде не только составляет меньшинство (не выше трети), но до такой степени порабощено духовно долгим татарским игом, что в отношении к нам эти области, несмотря на присутствие в них армян, нельзя считать иначе как чисто мусульманскими. Достаточно видеть раз, как богатый армянин в подвластной России области (конечно, вне Тифлиса) гнется перед оборванным беком, чтобы судить — насколько он может покуда служить опорой русской власти... Должно, конечно, поддерживать армянское население в материальном отношении, как трудолюбивое и промышленное, в случае особенной надобности можно даже вооружить его — покуда оно разбросано клочками посреди татарского племени и его боится, чему, впрочем, не предвидится конца. Восстановление же армянской

народности, преобладание которой над мусульманами нигде не продержалось бы дня без присутствия русских штыков, могло бы стать целью нашей политики в таком лишь случае, если б пришлось во что бы ни стало исхитить эту задачу из других рук — не иначе. В общем же выводе, на мусульманские области Закавказья никогда не следовало, не следует и теперь смотреть иначе как на чисто азиатские. Со стороны русской власти было несомненной ошибкой подчинить их однородному управлению с Грузией. Но теперь это управление существует уже десятки лет и заменить его внезапно иным, произвести этот переворот столь же скоро, как в Туркестане, конечно, нельзя. Новый начальник края может только упростить его и тем удешевить. При настоящем положении дела упрощение должно заключаться не в упразднении, а лишь в сокращении числа и состава учреждений, перенесенных в мусульманские земли ради «просветительной миссии». До учреждения наместничества Закавказский край делился на две губернии, и, конечно, не местное население жаловалось на недостаточное число присутственных мест, канцелярий и чиновников; теперь там пять губерний, кроме новозавоеванных областей, и почти в три раза более уездов, а большая и малая губерния, большой и малый уезд стоят одинаковых денег. В этом направлении можно ждать наибольшего сокращения, но есть и другие средства. Новые судебные установления, например, стали явно вразрез с потребностями и понятиями большинства, — они прямо мешают разумному управлению краем. Наше уголовное судопроизводство по Своду законов бессильно для содержания азиатского края в порядке и может быть с выгодой заменено военными судами для крупных и усилением полицейской власти для мелких дел; иски до известной суммы могут решаться по обычаю, после чего один суд для обрусевшего зажиточного слоя окажется достаточным на все татарские губернии; такой шаг показался бы понятным только чиновникам, а никак не населению. Власть местных начальников должна быть непременно расширена, с упразднением должностей, служащих только для поддержания ничего не ограждающего формализма, сто раз еще более вред-

ного в Азии, чем у нас дома. Приведение центральных управлений на Кавказе, военных и гражданских, в размер, например, варшавских дало бы одно более миллиона экономии.

При князе Воронцове Гражданское управление состояло из Совета, канцелярии наместника, начальника управления с его секретарем и Экспедиции государственных имуществ, которой Воронцов не хотел, которая была навязана ему из Петербурга. Отдельные части — учебная, почтовая, горная и карантинно-таможенная — управлялись членами Совета, при которых состояло 2—3 чиновника. Штаб, даже после переименования начальника его начальником Главного штаба, имел размеры корпусного, с весьма ограниченными добавлениями. Ныне Гражданское управление заключает в себе 20 различных учреждений, 217 чиновников и стоит 637 тыс. руб. (стоимость варшавского центрального управления — 212,5 тыс.); в военно-окружном кавказском управлении 948 лиц, и стоимость — 859 тыс. (варшавского — 259 тыс.). Из этих цифр достаточно видно чрезмерное излишество нагроможденных на Кавказе бюрократических учреждений, военных и гражданских. Можно было бы указать еще на многие предметы. Отмена преимуществ закавказской службы, утратившей смысл в настоящее время, когда сотни людей, окончивших университетский курс, остаются в России без хлеба, даст очень большое сокращение. Упразднение земской стражи, расходящейся преимущественно по карманам полиции, сбавит большую сумму с местных повинностей. Это еще далеко не все. За Кавказом нет ни одного учреждения без излишества в размерах и расходах. Такой труд упрощения не может, конечно, быть совершен разом, он требует времени и последовательности, он должен щадить личности, но от него можно ждать крупных плодов. В 1860 г., несмотря на очень многие излишества, введенные уже тогда в местных учреждениях, штатные расходы на содержание разных частей Гражданского управления составляли 1 млн 707 тыс. руб. Если считать с тех пор возвышение всех цен наполовину, то на Гражданское управление, при сохранении тогдашних его размеров, выходило бы теперь с небольшим 2 млн. Приложив еще пол-

миллиона на постепенное развитие учреждений двух грузинских губерний, действительно им пригодных сравнительно с русскими, получим 3 млн, — со всякими экстраординарными положим $3^1/_2$; прибавим еще полмиллиона на военно-народное управление, значительно с тех пор развившееся, — всего будет 4 млн. Из доходов края, 8 млн 832 тыс., оставалось бы до 5 млн на покрытие военных издержек или иных расходов Государственного казначейства. В этот счет не включены еще излишки в расходах Северного Кавказа. Но можно ли было оставаться до сих пор — не при денежных окладах, а при размерах Гражданского управления 1860 г., которое тогда уже упрекали в излишестве? Конечно, никто из живущих на Кавказе частных людей в том не усомнится. Если б возрастание доходов пошло еще на разработку естественных богатств края, оно окупилось бы со временем, но оно ушло почти все на усовершенствования формального делопроизводства. Это, впрочем, естественно, в той же колее шло общегосударственное управление; но очевидна также невозможность продолжать подобные отношения государства к его азиатским окраинам.

Главный расход по Кавказу — содержание сухопутных сил, всего 18 млн 458 тыс., окупается из местных доходов лишь на сумму 234 тыс. руб. Бюджет морского ведомства, 1 млн 269 тыс., не имеет прямого отношения к владению Кавказом, так, содержание Каспийской флотилии было бы необходимым даже тогда, если б мы и не переходили за хребет. Нельзя также связывать с местным бюджетом силы, потребные для внешней войны; действия в азиатской Турции, например, обусловливаются европейской политикой, а не местными обстоятельствами, вроде тех, которые заставляют англичан прибегать к оружию в Индии. Нет, наконец, повода относить к кавказским расходам содержание войск в безлюдной и бездоходной Закаспийской области, занятой ввиду совсем особых целей. За исключением этих общегосударственных статей бюджета остается расход на содержание войск для обеспечения полной покорности в крае. Необходимое количество этих войск определяется примерно пропорцией, в которой могли бы быть вы-

ведены из Закавказского края и Дагестана расположенные там силы во время глубокого мира и при условии скорого возвращения их на место в случае внешней войны. Правильная система управления окраиной должна иметь в виду, чтобы такой расход покрывался со временем из местных доходов. Северный Кавказ при этом вовсе не следует вводить в расчет. Кто не видит необходимости немедленно прекратить такое положение дел, при котором 300 тыс. горцев, населяющих этот склон, обезоруженных и расселенных почти исключительно на плоскости, соприкасающейся непосредственно с русской губернией и двумя казачьими войсками, могли бы еще вынуждать к содержанию регулярных войск для обеспечения их покорности!

Для сокращения военных расходов Закавказского края имеется ясное средство — перевести на мирное положение все находящиеся там войска и вывести на Кавказскую линию и во внутренние губернии те, в которых на месте нет надобности, начиная с регулярной кавалерии, содержание которой за горами обходится особенно дорого. Эта мера дала бы значительное облегчение, так как в России и на линии штаты ниже и содержание много дешевле. Разумеется, вместе с тем военно-окружное управление должно быть приведено в соответственные размеры, стоить не более варшавского. Удобоисполнимость этих мер наглядно видна из следующего перечня.

В 1856 г., по заключении Парижского мира, внутренняя война на Кавказе была в полном разгаре, а войска постоянно развлекались походами в горы и вместе с тем должны были стоять наготове для отражения вторжений неприятеля в подгорные страны. В это смутное время полевые силы, занимавшие Закавказский край и Дагестан, состояли из гренадерской и 21-й пехотной дивизий при 10 эскадронах, конечно, на боевом положении, так как они всякий час могли быть вызваны в бой. Так продолжалось вплоть до покорения Кавказа. В 1881 г., среди глубокого внешнего и внутреннего мира, эти силы состоят, кроме тех же — гренадерской и 21-й пехотной дивизий, еще из 38-й, 39-й и 41-й пехотных дивизий, при 16 эскадронах. Принимая в расчет сокращение числа батальонов в полках и части

местных войск, выходит тем не менее, что батальонов на треть более в нынешнее мирное время, чем было в военное. Внезапной войны с Турцией никогда не бывало и быть не может; в последнюю войну с начала первых мер по мобилизации мы имели 9 месяцев для приготовления к ней. Закаспийские войска так же легко поддержать из Астрахани и Петровска, как из Баку.

Если б русские железные дороги были связаны с закавказскими (через Дагестан, так как люди идут туда постоянно с Волги), то исключительное положение этой окраины упразднилось бы само собой, турецкая граница в Азии стала бы в те же условия, как в Европе; с постепенным же осуществлением проекта нового военного устройства, имеющего окончательной целью переход в поземельную военную систему, скопление войск по границам должно везде прекратиться. При кадровой армии это не может быть иначе, так как неукомплектованные части нельзя вести на неприятеля, не подсекая в корне боевой силы государства, а укомплектование происходит гораздо скорее в полковом участке, и передвижение войск по железным дорогам производится значительно быстрее полными частями, чем маршевыми командами, — как узнали опытом все военно-дорожные управления.

Звание наместника Кавказского было учреждено при чрезвычайных обстоятельствах, которых более не существует. Главнокомандующий армией в военное время, по Учреждению 1812 г., был законным полномочным распорядителем страны, занятой армией; но все это кончилось. Тем не менее азиатские окраины до сих пор отзываются для государства тяжелым дефицитом, нисколько не сокращающимся с течением времени, единственно вследствие отсутствия строго соображенной и незыблемой системы, положенной в основание управления ими. Но незыблемая система может быть плодом только правительственного сознания, передаваемого из поколения в поколение; она невозможна, когда решение дела предоставляется личному усмотрению последовательного ряда единичных людей, облекаемых полномочием. Даже самые проницательные и опытные государственные люди будут всегда смотреть на тот же пред-

мет, хотя бы и правильно, но с различных точек зрения. К неуклонному проведению системы через ряд поколений способны только установления, а не меняющиеся личности. Если упрощение системы управления азиатскими окраинами признается своевременным, то надо признать и то, что цель эта недостижима посредством облеченных постоянным полномочием местных начальников, ответственных исключительно перед лицом государя. Без сомнения, эти лица не могут обойтись без права на полномочие, но полномочие должно простираться только на действие ввиду текущих событий, с принятием на себя ответственности за него, а не на установление системы управления краем, которая есть дело правительственное. Но общее правительство может сознательно блюсти только за теми сторонами дела, с которыми лица, его составляющие, соприкасаются практически, которые им знакомы из ежедневного движения дел. Министр, отстраненный от заведования своим ведомством на пространстве какой-либо окраины, судящий о ее потребностях не иначе, как со слов местного начальника, ставится в невозможность охранять общегосударственные виды в том крае по своей части, вследствие чего местные интересы берут немедленно перевес над государственными, а затем неизбежно начинается возрастание дефицитов. То же происходит, когда какая-либо окраина подчиняется исключительно одному ведомству, — как, например, Туркестан военному; это худшее из полномочий — полномочие за глаза. Людей, пекущихся об общем деле столько же, как о своем прямом, почти не бывает; беспристрастие является только следствием равновесия сил; а потому всякое бессрочное полномочие влечет неодолимо к полномочию в свою пользу. В этом отношении очевидный интерес империи требует — не уменьшения власти высших правителей окраин, они должны быть облечены правом приказать во всяком данном случае все, что считают нужным, — требуется охранение единства целей на всем пространстве России, а следовательно, постоянной связи всех ведомств, на всех окраинах, с их центральным управлением. В то время, когда азиатские окраины только занимались, внимание

было естественно устремлено на одни политические цели; но затем необходимо должна была прийти пора установить к ним такие отношения, при которых они служили бы общей пользе государства, а не государство существовало для них.

Правильное отношение азиатских окраин к государству может быть установлено самыми простыми мерами, при условии, чтоб они были введены твердо в правительственную систему и преподаны обязательно местным начальникам. Главные из этих мер, взвешенные выше, заключаются

по Туркестану:

1) в сокращении главного местного управления;

2) в ограничении русской администрации пределами, на которых кончается прямое правительственное действие, и в восстановлении низшей, дешевой туземной администрации;

3) в прекращении, по крайней мере временном, всяких расходов на «просветительную миссию»;

по Закавказскому краю:

1) в сокращении центрального, военного и гражданского управления, до размеров приблизительно варшавского;

2) в выводе из загорных областей в более дешевые местности регулярных войск, введенных туда после покорения Кавказа. Конечно, прежнего числа станет на занятие края со вновь завоеванными областями, если его ставало на содержание неприятеля вдоль всего южного хребта;

3) в установлении правильных отношений к Грузии и мусульманским областям, не смешивая впредь первой с последними;

4) в уменьшении непомерно разросшегося числа губерний и уездов;

5) в отмене отживших свое время преимуществ по службе в крае;

6) в вышепоказанных сокращениях излишних размеров административного и судебного ведомств, особенно в мусульманских губерниях;

7) в немедленной продаже разбросанных клочками и бездоходных государственных имуществ.

Кроме этих главных мер, есть еще многие другие, которые незачем перечислять, так как осуществление их тесно зависит от характера и взгляда начальствующего лица.

Бывши доверенным человеком фельдмаршала князя Барятинского во время его управления Кавказом, посвященным поэтому во взгляды и заботы, занимавшие правительство в ту пору, — ныне, посетив Тифлис через 15 лет (в качестве члена Комиссии по переустройству кавказского управления), я был поражен возникновением в общем сознании туземцев нескольких недоразумений первой важности, о которых тогда не было еще помину и которые должны быть разрешены непременно, чтобы не дать им разрастись до крайних последствий.

Комиссия, недавно окончившая свои занятия, была первым шагом в этом направлении. Первоначально предполагалось возложить на нее широкую экономическую задачу уравнения расходов со средствами и потребностями края на основании высочайше одобренной записки 13 декабря 1881 г. об азиатских окраинах. Но вследствие односторонности программы, выработанной в Комитете министров, занятия комиссии ограничились переустройством Главного управления. Между тем необходимость положить систематически конец безотчетному разрастанию расходов в Кавказском крае бьет в глаза. Как выяснено подробно в записке 13 декабря 1881 г., доходы этой азиатской окраины, также и всякой подобной, слишком низки сравнительно с цифрой населения, чтобы в нее можно было вводить сложные формы общерусского управления иначе как на счет внутренних губерний, что, при постоянном и неизбежном разрастании русского владычества в Азии, приводит нас к абсурду. Насколько такое усложнение идет вразрез даже с прямыми интересами окраины — видно из следующего простого соображения: по сознанию как местного управления, так и туземного населения, насущные, не сочиненные потребности страны заключаются: 1) в размежевании, без которого частная собственность остается почти мертвым

капиталом, не повышается в цене; 2) в орошении, по крайней мере в восстановлении системы орошения, существовавшего до русского владычества, так как в этом жарком поясе самые богатые земли обращаются без воды в пустыню; 3) в дорогах, связывающих производительные местности с главными путями сообщения. Исчислено, что одним миллионом в год, в течение нескольких лет, можно было бы удовлетворить этим трем потребностям разом, чего не было до сих пор сделано вовсе по недостатку в средствах. С 1860 г. расходы на закавказское управление возросли с 1,7 млн на 8 млн, а с земскими сборами — на 10,5 млн, но из всего прироста, расходившегося без остатка на усложнение штатов администрации, ни разу не осталось даже 300 тыс. на ускорение межевания, о котором все вздыхают. Уполномоченные министерств высказали в своей объяснительной записке, что для восстановления соразмерности в Кавказском крае между расходами и потребностями следовало сличить по всем отраслям управления прежние траты с нынешними, упраздняя добавления, не оправданные приносимой ими пользой; но комиссии не было дано такого права. Теперь в этом отношении можно положиться только на добрую волю местного начальства. Главнокомандующий более всех озабочен приисканием средств к удовлетворению вышеизложенных главных потребностей края; очевидно, что ему должно быть предоставлено неотступное право обращать на них всю экономию в расходах, которую он найдет возможным сделать по каким бы то ни было отраслям управления, не стесняясь общеустановленными формами соответствующих ведомств в империи; источник же этот, как показано выше, весьма обильный. Вместе с тем необходимо оградить раз навсегда прирост доходов края от местных вожделений, обращая их по неизменному правилу в Государственную казну. Могут, конечно, возникнуть обстоятельства, вынуждающие к новому расходу, но такой случай будет тогда исключением, а не правилом, как ныне. Подобный труд был бы, конечно, сподручнее заседавшей в Тифлисе комиссии, чем он будет главноначальствующему после вступления министров в управление свои-

ми ведомствами на Кавказе; но как комиссию нельзя созывать снова, то не остается иного способа вывести страну из застоя без обременения Государственного казначейства. Я не стану возвращаться к другим сторонам финансового управления, указанным в записке об азиатских окраинах.

По степени важности за вопросом экономическим выступает на первый план вопрос о применении судебных учреждений на Кавказе к складу населения, чего не было сделано в достаточной мере при их введении туда. Об этом предмете прилагается особая записка, а потому достаточно сказать то лишь, что при нынешнем виде суда и судебного следствия на Кавказе, кроме глубочайшего недовольства и высших слоев общества, и масс новыми учреждениями, наложенными на них совершенно внешним образом, из тысячи преступлений, в том числе самых тяжких, едва 20 подвергаются каре, так что край этот, в полном смысле слова, возвращен в естественное состояние, лишен покровительства закона, что ведет к прогрессивному возрастанию числа преступлений из-за необходимой самозащиты. Нет туземца, который не говорил бы открыто, что под такими порядками нельзя жить, разве только вследствие принудительной силы штыков.

Вышеприведенные условия безубыточного господства и судебного устройства, не подрывающего общественной безопасности, прилагаются равно ко всякой азиатской окраине. Вслед за ними считаю себя обязанным выяснить ряд недоразумений самого важного свойства, накопившихся собственно в закавказской окраине. Хотя вопросы эти местные, но значение их от того не умаляется, так как весь итог русского господства и влияния в Азии, от Черного моря до пределов Китая, основывается на владении Кавказским перешейком, ограждающим Каспийское море и лежащие за ним страны от всякого посягательства с запада. Если б мы были вынуждены какой-либо случайностью отступить за Закавказский хребет, то устья нашей Волги подверглись бы той же опасности, какой подвергаются до сих пор Крым и Одесса, Туркестана нельзя было бы удержать, и вся наша южная граница до Китая стала бы границей

в полном значении слова, потребовала бы крепостей и армий для своего ограждения. Покорение гор значительно умалило эту возможность, но не упразднило ее вовсе; а потому всякое условие, укрепляющее наше владычество за Кавказом, не может не иметь для империи чрезвычайной важности. Главнейшее же из этих условий, проводящее самую резкую грань между шаткостью владычества англичан в Индии и твердостью нашей в сопредельной Азии, заключается в том, что мы стоим за Кавказом как бы на своей собственной почве, в единоверной Грузии, добровольно призвавшей нас. Пока грузины братски стоят с нами, Кавказскую армию невозможно выбить, что бы ни случилось, из горной страны, населенной таким храбрым народом; а пока мы прочно стоим в Грузии, никакая мимолетная неудача в сопредельных мусульманских землях неопасна и всегда легко исправима. С этой точки зрения легко оценить важность для государства искренней верности грузин, а потому и следующих вопросов:

1. Для того чтобы твердо стоять в Грузии, надо сохранить в ней грузин как племя и как общество. Хотя такая забота кажется странной, но в текущее время она стала заявлять о себе. Тысячелетия выработали в Грузии общественное устройство преимущественно аристократическое; дух и разум этого небольшого народа заключается в его весьма многочисленном дворянстве. Если б глубоко преданное престолу грузинское землевладельческое сословие заменилось иным, чужеродным (хоть бы, например, армянами), будущие отношения всего грузинского племени к России подверглись бы большому сомнению. Именно эта опасность грозит теперь. Грузинские дворяне справедливо говорят, что они выдержали нашествия всей мусульманской Азии и не были сбиты со своих земель, но не выдержали братского, снисходительного и весьма щедрого к ним русского правления, и ныне теряют под собой почву. Выделение нетитулованного дворянства (бывшего не чем иным, как панцирной шляхтой) с его землями из владения князей, освобождение крепостных крестьян, а более всего новый род жизни, подорвавший простоту и дешевизну старинного обычая,

ввели высшее и низшее дворянство в тяжкие долги, неоплатные при нераздельности и неразмежеванности земель, состоящих во владении родов, а не лиц, чем увековечивается их малоценность. Пришло время кризиса. Если предоставить это дело естественному течению, то огромное большинство поместий Грузии перейдет очень скоро в руки местных иноплеменных торгашей и подрядчиков, далеко не отличающихся преданностью к России, и Грузия перестанет быть для нас Грузией в политическом смысле. Правительство не может допустить подобного перемещения в такой же мере, как не могло бы допустить захвата иностранцами всего землевладения Московской губернии. Дело идет о каких-нибудь 3 млн, вдобавок совершенно безнадежных, — именно о сложении или рассрочке без процентов грузинскому дворянству его долга в Приказе, и без этой меры действительно нельзя обойтись. Она нужна на один раз только, как временная. Последующие необходимые мероприятия, вроде размежевания и пр., выведут землевладение из его нынешнего стесненного положения.

2. Второй вопрос, касающийся всей массы грузинского населения, без различия сословий, и принимающий в его сознании такую важность, что нельзя не обратить на него особого внимания, касается церковного устройства. Грузины говорят, что связь их с русскими заключается прямо в единоверии, что в остальных отношениях мы им чужды, — и это правда, что с упразднением религиозной связи между двумя племенами не осталось бы никакой. Между тем явление, долго подготовлявшееся и, надо сказать, неизбежное при направлении, данном церковному делу в Грузии, — отчуждение народной массы от духовенства, сказалось, наконец, въявь. Народ перестает ходить в церковь даже в большие праздники и ни в чем не обращается к священникам, говоря, что они ему чужие, что они не умеют ни толково читать, ни даже хорошо говорить по-грузински, а тем менее — блюсти обычаи местной церкви, проникшейся в течение полутора тысяч лет самостоятельного существования своим своеобразным складом, в котором масса всегда видит самую сущность веры. Я не позволил бы себе

заявлять о таком факте, если б о нем не заявляли единогласно первые и преданнейшие люди Грузии. Недавно еще одна крупная помещица, княгиня Багратион-Мухранская, истощалась в усилиях, чтобы уговорить или заставить своих бывших родовых крестьян ходить в церковь, но не имела успеха. Тут действует не неверие, а, напротив, преданность вере — та же причина, которая оторвала от русского клира столько миллионов старообрядцев, но действует с гораздо большей энергией. Конечно, новшества Никона менее бросались в глаза русскому народу, чем подчинение чужой, хотя также православной, но выросшей на иной народной почве церкви бросается в глаза народу грузинскому, особенно когда и в служителях церкви он перестает видеть своих людей. Тут начинает происходить нечто подобное тому, что происходило между болгарами и греками. Со стороны наших иерархов стремление обрусить грузинское духовенство и заменить местные церковные обычаи общерусскими было делом весьма естественным и, с их стороны, благонамеренным, хотя неполитичным и даже, в строгом смысле, не соответствующим духу православия; но как требовать от нашего нынешнего клира политических взглядов? Дело правительства — исправить этот промах, а вопрос заключается лишь в средствах к исправлению. Всякий знает, что приказание следовать вперед иным путем было бы только бессильным словом; в подобном деле все зависит от действующих на месте личностей, а потому разумнейшие и беспристрастнейшие грузины единодушно желают простейшего исхода — назначения экзарха из грузинского духовенства. Надо прибавить, что вся Грузия почувствовала себя оскорбленной вызовом русского епископа из Владикавказа для временного замещения кафедры высокопреосвященного Иоаникия, отъезжавшего в Москву; все приняли этот вызов за признак недоверия и пренебрежения к местной иерархии. Нет сомнения как в том, что нельзя оставить без внимания начавшееся церковное брожение в Грузии, так и в том, что давно пришла пора отказаться от мер недоверия, объяснимых разве только в первое время занятия края, и признав самостоятель-

ность поместной грузинской церкви в ее народности и в сложившихся веками ее обычаях, не ставить ее более под прямую опеку русской иерархии.

3. Почти столько же, как в церковном деле, грузины недовольны постановкой, данной их народности в деле военном. Действительно, всякому бросается в глаза то явление, что мусульманский Кавказ вооружен поголовно; безоружна одна Грузия, хотя грузины не только единственное преданное России племя, но и несравненно храбрейшее изо всех кавказских племен. Грузия безоружна ныне до такой степени, что когда во время последней войны десятки тысяч дагестанцев шли на нас со своими винтовками, а татарское население в Закавказье, также вооруженное, собиралось штурмовать уездные города, верные кахетинцы, недавно столь воинственные, едва добыли несколько десятков ружей для обороны своих домов. Такая противоположность выступила еще ярче после минувшей войны, в течение которой все закавказское мусульманство, начавшее было скидать оружие, снова вооружилось с головы до ног растасканными ружьями пленных турецких войск. В этом отношении происходит странное недоразумение. Правительство не решалось до сих пор призвать грузин к военной службе, чтобы не взволновать их, — они же принимают эту нерешительность за знак недоверия к ним и обижаются ею. Но кроме того, ввиду последней войны, в них заговорило еще чувство самосохранения; окруженные со всех сторон враждебным и вооруженным мусульманским населением, грузины не хотят подставлять беззащитно шею и сознали необходимость дружно стоять под русским знаменем против общего врага. Конечно, призыв грузин на службу в русские полки показался бы им очень тяжелым, но они искренно желают выставлять свои дружины в ряды русской армии. Я убежден на основании всего виденного и слышанного, что никаких переходных мер в этом отношении не нужно, что в военное время две грузинские губернии могут и желают выставлять пропорционально такое же число бойцов, как и русское население, то есть не менее 20 батальонов в полном комплекте с резервами, а потому

кадры мирного времени должны соответствовать такому количеству, обращая при мобилизации роту в батальон.

4. Вообще после 80 лет, протекших со времени присоединения Грузии, правительство должно знать, с кем имеет там дело. Грузины сознательно верны России, хотя любят свою народность и не желают менять ее на другую. Рассуждающие между ними люди говорят открыто, что при ином географическом положении они стояли бы за политическую самобытность, но что миллионному православному населению, расположенному между Россией, Турцией и Персией, нет выбора, и они соединились с нами сознательно и навечно, с тем, однако ж, чтоб оставаться грузинами. Поэтому они жалуются, что на их народное чувство не обращено должного внимания, что язык их не преподается в казенных училищах, между тем как армяне ежегодно распложают в крае свои школы; что их иерархия в загоне, что им не оказывают полного доверия в военном отношении, одним словом, что их равняют с другими сомнительными в политическом отношении населениями Кавказа. Не могу также умолчать о сетовании самых видных грузин на невнимание, оказанное им при учреждении последней комиссии для преобразования кавказского управления, в которую не был введен ни один из туземцев, занимавших прежде высшие правительственные должности, хотя дело шло об их собственной участи. Эти жалобы во многом правы; в сознании и мерах правительства Грузия не выделена до сих пор достаточно определенно из остальной закавказской окраины. Можно думать, что у нас вообще правительственный взгляд на различные окраины не сложился еще с полной отчетливостью, а потому не признана еще покуда та истина, что если поляк не может быть надежным подданным, оставаясь поляком в душе, то напротив — для того, чтоб грузин был хорошим русским подданным, он должен быть сначала хорошим грузином.

Изложенные недоразумения относятся исключительно к Грузии, то есть к двум губерниям — Тифлисской и Кутаисской, но разнообразный Кавказ представляет еще другие, весьма важные для правительства вопросы. Первый из них — армянский.

Хотя армяне вместе с грузинами составляют единственные христианские племена в Азии, но, с правительственной точки зрения, их нельзя смешивать и относиться к ним одинаково. Существенная разница между ними — не в вере. В практической жизни оттенок между теми и другими так невелик в Закавказском крае, что очень многие армяне, особенно женщины, не знают догматического различия двух исповеданий и ездят поклоняться грузинским святыням. Кроме того, в Тифлисе, составляющем общее средоточие обеих народностей, армяне в большинстве говорят между собой по-грузински, женщины же их даже не знают своего языка. Глубокое различие заключается в племенном характере и стремлениях. Армянское племя не воинственное, а торговое (или правильнее — умеющее добывать деньги всякими путями) и изворотливое, а потому число богатых армян постоянно растет, захватывает выгодные дела и влияет своими деньгами на администрацию, между тем как грузины беднеют; казенные школы, кроме заводимых ими на собственные деньги, переполняются армянскими подростками, не столько для учения, сколько для диплома, которым можно потом с выгодой воспользоваться. С другой стороны, армянская народность не ограничивается русскими пределами, как грузинская; она распространяется в Турции до Средиземного моря, вследствие чего армяне считают себя многочисленным народом, а некоторым из них это дает даже повод к мечтаниям о политической самобытности. Я видел (не теперь, а прежде) карту будущего Армянского царства, напечатанную в Константинополе на фуляровых платках, включавшую в себя Астрахань и Крым. Понятно, что эти армянские мечтания, даже в самом скромном размере, не что иное, как бред; нет местности в свете, где армянское население составляло бы более трети и могло бы, при своей невоинственности, повелевать двумя третями мусульман иначе, как опираясь на русские штыки. Простой народ, конечно, чужд этой затеи, — и армянский сепаратизм, как политическое направление, неосуществим, даже при поддержке извне, и поэтому неопасен, не может выразиться никаким фактом, но как личное чувство он сбивает многих, внушает им

настроение, нежелательное в русских подданных, и может при случае послужить орудием враждебных России иностранных интриг; поэтому правительство не должно относиться к такому делу безучастно. Между кавказскими интеллигентными армянами образовались в текущее время две партии: так называемая «либеральная», полагающая будущность армянского племени в прочном единении с Россией, проповедующая поэтому верность общему отечеству; вторая партия исповедует втайне «сепаратизм», самостоятельную будущность племени. На эти две партии обращены теперь глаза всего, рассеянного по свету, армянства, и хотя в сущности они не более как литературные кружки, но от преобладания той или другой зависит, конечно, в известной степени дух, в котором воспитывается молодое поколение. Первая группа, казалось бы, нам сподручнее; но, по привычному складу нашей администрации, она мало об этом знает (по крайней мере недавно еще не знала); ее смущает название «либеральной партии», и если оказывалось до сих пор какое-либо (в сущности, почти бессознательное) давление русской власти на обе стороны, то оно было скорее в пользу второй. Например, органам обеих партий приходится по необходимости обсуждать армянские дела в Турции, причем «либералы» старательно выказывают плачевное положение своих собратий за границей сравнительно с нашими; турецкие армяне, те, которые лежат сердцем более к сепаратистической тенденции, подстрекают Порту жаловаться на оскорбление, а наше Министерство иностранных дел требует укрощения «либеральной» армянской печати. Очевидно, что министерство тут ни при чем; откуда ему знать эти местные дрязги, если кавказская администрация молчит о них? Армянские газеты недаром занимаются Турцией; там происходят теперь события, глубоко их смущающие, — обращение их соотечественников в большом числе в протестантство американской пропагандой, состоящей под покровительством Англии и Порты, вместе с политической интригой шейха Обейдуллы[9], проповедующего народное единение армян с курдами. По моему мнению, все явления эти в сущности нам неопасны: обращенных армян никогда не будет много,

братство их и всех прочих с курдами окажется не иным чем, как союзом волков с барашками, а в отдаленных турецких областях всякое христианское население, какого исповедания оно бы ни держалось, никогда не будет ограждено своими покровителями от ножа соседей-мусульман и потому всегда встретит нас как освободителей. Вообще же по отношению к этим стремлениям и этим партиям все зависит от разумного, сознательного действия местной власти. Для этого нужно только, чтоб главный начальник края взял присмотр на себя или возложил его на доверенных людей, а не на закавказскую администрацию, руководствующуюся соображениями совсем иного свойства.

В общем итоге естественное отношение правительства к кавказским народностям определяется самой сущностью дела. Грузины составляют цельный народ, и правительство, для самого себя, должно смотреть на них как на народ, не смешивать их безразлично под общими формами управления с прочими кавказскими населениями, уважать их историческую гордость и предания. Армяне, конечно, многочисленны, но они не иное что, как торговое сословие Закавказья, или же отдельные клочки, разбросанные по краю, люди способные и трудолюбивые, которых следует поощрять в их роде занятий, не стесняя притом нисколько их весьма понятного племенного самолюбия, но предохраняя их от увлечений, которые бы могли завести их, к собственной их беде, за пределы, указанные невозвратной историей. На направление же их школ можно всегда воздействовать благотворно через верхний слой армянского городского населения.

Управление многочисленным мусульманским населением, составляющим $^{2}/_{3}$ общего населения Закавказского края, не устроено, а только расстроено полувековыми преобразованиями (начиная с преобразования барона Гана), основанными не на понимании людей и страны, для которых они назначались, и не на общих государственных интересах, а на личном соображении их составителей о наилучшей администрации — на бумаге. Зрелые начинания государственных людей, каковы были князь Воронцов и князь Барятинский, введенные в жизнь, но

недовершенные даже наполовину, только еще более спутали ее. Не касаясь общего положения дел, разъясненного в других записках, считаю себя обязанным высказаться о самом крупном начинании, обратившемся теперь уже в бесполезную и обременительную развалину, — о создании мусульманского землевладельческого дворянства. Не могу сказать положительно, какой целью задавался при этом начинании князь Воронцов, хотя цель сквозит сама собой; но князь Барятинский смотрел на него как на средство обрусить край в его высшем сословии, средство, исторически уже оправданное в пределах бывших мусульманских царств Казанского и Астраханского, а потому энергически поддерживал виды своего предшественника. Ныне цель забыта, и дело представляется в таком положении: народные массы, лишившиеся половины своих земель и, разумеется, притоптанные беками, оттолкнуты от правительства; новосозданное дворянство, ничем не обязанное и никем не руководимое, не только не доставляет опоры русской власти, но стало очагом мусульманской нетерпимости и вожаком всех беспорядков в стране; а вдобавок, через несколько лет потом, нам же пришлось выкупать у беков угодья пожалованных им крестьян. Можно и, конечно, лучше было бы для нас управлять мусульманским Закавказьем как чисто азиатской окраиной, думать прежде всего о безубыточности своего владения и об упрочении хорошего полицейского порядка в стране, не задаваясь мыслью о сращении ее с государством и не вводя в нее общерусских форм администрации; но когда раз это было сделано, то государственным людям, поставляемым во главе края, приходится по необходимости идти вперед, а не назад, подумать о создании туземной силы, скрепляющей эти области с империей, заменяющей отчасти штыковую охрану, без чего они остались бы навсегда бременем для России. Неоконченное начинание только умалило доходы и усложнило положение, а потому было бы совсем безрасчетно остановиться на полпути, увековечивая путаницу. При невозможности возвратить народу отобранные у него земли остается только идти к предначертанной цели и обрусить татарское землевладельческое

сословие. Во всяком случае обрусение, то есть воспитание в русском языке, русских обычаях и русской службе, само собой положит непереходимую грань между этим сословием и сопредельными мусульманскими народами, сделает его незаметно орудием нашей власти в крае. Первым шагом к тому должна быть непременно обязательная военная служба для бекского сословия, служба и отдельными конно-иррегулярными сотнями, заменяющими нынешнюю земскую стражу, и в русских полках, откуда их можно выпускать юнкерами, а лучших — офицерами в милицию; вместе с тем дать им русские школы, также обязательные для каждого подростка, с единственной целью — выучить их по-русски, устраняя притом всякие выспренные требования, которые только станут поперек цели. Нужно назначить срок, в течение которого каждый подросток, не удовлетворивший этим двум требованиям, утратит право на наследие недавно пожалованного имения. Беки и агалары отлично сознают, что они обязаны своим новым положением исключительно милости правительства, в их глазах даже необъяснимой, и смирно покорятся новому закону. Впоследствии придет время и для других мер, но без этих двух первоначальных ничего нельзя предпринять; без них мы останемся среди путаницы, созданной нашими же руками.

Изложенные в записке цели, указываемые самой сущностью дела, требуют, конечно, приспособленной к ним системы народного воспитания. До сих пор система эта была столь же произвольной, как и прочие административные попытки на Кавказе, вводимые без всякого отношения к средствам и потребностям населения. Для человека, сознательно знакомого со страной, расположенные в Грузии, а особенно в мусульманских областях, классические и реальные гимназии, стоящие сравнительно гораздо больших сумм, чем сколько их дают на воспитание русского коренного народа, представляют не пособие, а тормоз к желательному развитию учащихся. Смешение Тита Ливия, читаемого в школе, с Кораном и Гафизом, читаемыми дома, приведет в хаос самую благоустроенную голову, хотя может доставить при удаче гимназический диплом для посту-

пления на службу в интендантское ведомство, но никак не даст в результате обрусевшего, даже умеющего порядочно говорить по-русски человека, как подтверждается ежедневным опытом. Кавказская администрация напрасно сваливает вину в этом отношении на Министерство просвещения, которое было право, утверждая, что гимназия должна быть гимназией по установленному плану; администрация виновата в том, что требовала гимназий, а не школ совсем иного рода, указываемых потребностью. Наплыв молодежи (преимущественно армянской) в закавказские гимназии, на который также ссылаются, доказывает своим результатом, что тут идет для нее дело вовсе не об образовании. Но как бы ни было велико число желающих отдавать детей в школу и какими бы побуждениями они ни руководились, когда государство делает затраты на азиатскую окраину, какова кавказская, стоящую ему 28 млн ежегодного дефицита, то оно должно удовлетворять прежде всего своим государственным потребностям. Разноплеменный Кавказ не может быть подведен под одну систему в отношении воспитания, как и в прочем; примечание ее необходимо должно разнообразиться по его составным частям, столь глубоко между собой несходным. При этом следует, конечно, держать открытым доступ и к высшему образованию, но в размере, соответствующем действительной потребности, — для детей русских служащих и немногих относительно туземцев, имеющих средства и желание дать детям университетское образование на собственный счет; для такой цели достаточны одна классическая и одна реальная гимназия на весь край, в Тифлисе. Собственно же государственные потребности требуют совсем иного: в Грузии — кадетских корпусов, в мусульманских областях — первоначальных русских школ, но таких, которые действительно выучивали бы по-русски. Многочисленное грузинское дворянство представляет неистощимый рассадник образцовых офицеров, в которых оказывается такой недочет, что их давно уже стали выделывать из писарей и фельдшеров; а при постоянно растущем обеднении этого дворянства служба даст ему великое подспорье; в мусульманском крае русские школы, полезные для всех, необходимы

для постепенного воспитания новосозданного бекского сословия. Если к этим заведениям присовокупить еще несколько первоначальных технических училищ по важнейшим для края отраслям промышленности и сельского хозяйства, то действительные потребности его, совпадающие с правительственными потребностями, будут вполне удовлетворены.

По учебной части так же, как по всем прочим, замещение не соответствующих своей цели учреждений правильной системой не может обойтись без ломки; нельзя создать на доходы края ни кадетских корпусов в Грузии, ни хороших русских школ в мусульманском крае, сохраняя неприкосновенным расход на гимназии посреди курдских кочевий у подошвы Арарата, — пришлось бы добавлять русские деньги на поддержание подобных затей. В таком же положении находятся и многие другие стороны управления на Кавказе.

Опыт показывает, что единственная форма управления, вполне удавшаяся на Кавказе и вполне соответствующая как правительственным, так и народным потребностям азиатской страны, есть управление военно-народное, выработанное фельдмаршалом князем Барятинским. Ныне было бы уже слишком трудно его распространить на области, подчиненные с давних пор гражданской администрации, — это повело бы к слишком крупному перевороту; но желательно сохранить его везде, где оно существует, и ввести всюду, где к тому не оказывается положительных препятствий. Если военное управление не могло предупредить в 1877 г. восстания дагестанцев, поголовно вооруженных и полных воспоминаниями полувековой борьбы против русского владычества, то оно доставляет постоянно полный порядок и полную безопасность краю, в отличие от управления гражданского; замещение его в Терской области губернской администрацией немедленно отозвалось неуправляемостью области, хаотическим состоянием, в котором она теперь находится. Единственный недостаток военно-народного управления в нынешнем его виде заключается в дороговизне; но дороговизна вовсе не составляет его существенного свойства, как в бюрократической гражданской администрации,

состав которой не может быть значительно сокращен без разрыва внутренней связи; излишняя стоимость военного управления произошла из несоразмерно высоких содержаний, на которые не скупились при первоначальном покорении гор, и из ненужных добавлений, совершенных впоследствии, — явление естественное там, где местное начальство не обязано отдавать в казну прироста доходов. Эта форма управления может быть удешевлена наполовину, не теряя своих существенных качеств, и в таком случае окажется очевидно наилучшим образом владения во вновь присоединяемых азиатских областях, постоянно прирастающих к нам с каждой войной, по обеим сторонам Каспийского моря, начиная с Карсской, Батумской и Закаспийской. Вопрос этот чрезвычайно важный. Русская империя не может наметить произвольного предела своему распространению в Азии, и вместе с тем не установила до сих пор подходящей формы управления азиатскими владениями, такой формы, которая не отталкивала бы от нее населений и не обращала новые приобретения в бремя для государства. Насколько можно судить о столь обширном деле по опыту в малых размерах, форма эта, вероятно, найдена, хотя бы только в первоначальном виде, в военно-народном управлении. С постепенным развитием окраин ничто не мешает присоединять к ней общегосударственные учреждения — правильные суды и пр., но в размере, не превышающем потребности ограниченного слоя обрусевшего населения, для которого они будут создаваться. Хорошо устроить этот слой немудрено; трудно справляться с азиатской толпой, править ею безубыточно и заменить на отдаленных окраинах личные взгляды правителей установленной системой. Цели эти осуществляются формой военно-народного управления лучше всякой иной, а потому было бы желательно немедленно применить ее ко вновь присоединенным областям вместо гражданского управления, непривычная обрядность которого, видимо, уже стала отравлять отношение новых подданных к государству.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

К 1 января обе колонны сошлись на Бассе и двинулись вместе вверх по реке к Таузеню, оставляя по своим следам разграбленную и очищенную от леса дорогу[1].

Сбив шамилевские скопища с сильно укрепленной Таузенской позиции, генерал Евдокимов оставил русло Баева, служившее до тех пор операционной линией отряду, и поднялся на горы, по направлению к аулу Алистанжи, вырубая лес на пути; с каждым дальнейшим шагом в горы местность становилась непроходимее и искусственные препятствия, устроенные горцами, многочисленнее. Для выигрыша времени генерал Евдокимов предпочел пробиться разом от Алистанжи до Веденя и потом, укрепившись перед этой столицей непокорных гор, разрабатывать дорогу в тыл, дожидаясь благоприятного времени года для осады. Несмотря на сильные оборонительные средства, заготовленные горцами по дороге, это смелое движение было совершено так же удачно, как и предыдущие, благодаря искусному маневрированию генерала Евдокимова, постоянно успевавшего обходить неприятельские позиции.

Расположившись в укрепленном лагере перед Веденем, чеченский отряд должен был ждать месяц, пока устроится прочное сообщение с плоскостью и будут подвезены осадные средства. В продолжение этого времени, при ненастье и бездорожье, продовольствие войск представляло чрезвычайные затруднения, которые генерал Евдокимов, при всей энергии своей и распорядительности, едва успел преодолеть. Тем

временем, однако ж, наши войска, хотя почти отрезанные от своей земли, заложили подле неприятельской крепости новое укрепление — Ведень на пункте, более удобном для обороны поселения, чем место, избранное Шамилем. В это же время салатавский отряд вступил в Ичкерию с восточной стороны и проложил просеку по Аксаю, оттягивая против себя часть неприятельских сил.

К половине марта, наконец, погода установилась, удобное сообщение открыто с плоскостью, и в чеченский отряд доставлена необходимая осадная артиллерия. 17 и 18 марта открыты траншеи. 1 апреля победоносные войска Его Императорского Величества водрузили свои знамена на стенах Веденя, бывшего 14 лет средоточием враждебной нам силы.

Взятие Веденя нанесло окончательный удар господству Шамиля над чеченскими племенами. В течение апреля и мая совокупными действиями отрядов чеченского и салатавского были приведены в подданство Его Императорского Величества все общества, живущие по северную сторону Андийского хребта. Под властью Шамиля не оставалось ни одного оседлого чеченца, но весь Дагестан еще повиновался ему.

Завоевание Чечни изменило коренным образом наше стратегическое положение относительно Тавлинских гор. Дагестан был огражден чрезвычайно сильно с восточной и южной стороны; с первой — широким поясом многочисленных крепостей, расположенных в местности, почти недоступной, вынуждавших нас к кровопролитным и изнурительным для войск осадам, до такой степени затруднительным, что покойный генерал-фельдмаршал князь Воронцов после трехлетних попыток отказался, наконец, от наступления с этой стороны, с Лезгинской линии, снежный Серкановой хребет Кавказа, проходимый только летом, противополагал непреодолимое препятствие систематическим действиям. Завоевание Чечни открыло нашему наступлению третью сторону Дагестана, где местность была гораздо проходимее, чем на южной, а искусственные препятствия гораздо слабее, чем на восточной. Оборонительные сооружения, воздвигнутые Шамилем

на Андийском-Койсу, не могли идти в сравнение с родом многолюдных и почти неприступных аулов восточной полосы, одевавших, если можно так выразиться, непробиваемым панцирем целую страну. Прорвавшись за Андийское-Койсу, мы вступали во внутренность гор, где ничего не было приготовлено для систематической обороны, и заходили в тыл пограничным горским крепостям. С самого начала начальствования Барятинского он стремился к тому, чтобы достигнуть этого нового стратегического положения. Для осуществления этой цели решительные усилия были направлены против Чечни, и главные силы Прикаспийского края, оставя прежний базис свой, со стороны моря постепенно стягивались в Салатавию против северного ската гор. В начале лета 1859 г. обе массы войск Левого крыла и Прикаспийского края были расположены на одной линии, с северной, вновь раскрытой стороны дагестанского треугольника.

Несмотря на значительные силы, которыми еще располагал неприятель, и на чрезвычайную крепость покровительствующей ему местности, полагаясь, со своей стороны, на выгоды вновь приобретенного стратегического положения и на упадок духа в горском населении, потрясенном столькими ударами, главнокомандующий решился изменить систему войны, которой до тех пор держался, и от методических действий перейти к быстрому наступлению всей массой войск, окружавших горы. Существование вооруженного мюридизма в недрах Кавказского наместничества, ограничивалось ли его влияние одним Дагестаном или простиралось и на Чечню, имело одинаковое значение для Кавказской армии, совершенно обессиливало ее в случае внешней войны. При смутном положении Европы и беспрерывно возникающих совершенно неожиданных политических сочетаниях он считал первой государственной необходимостью кончить сколь возможно скорее внутреннюю Кавказскую войну, поглощавшую бесплодно лучшую половину русских сил. Решительное наступление в середину гор представляло единственное средство к тому, хотя оно и было сопряжено с большими случайностями, чем методическая война.

Для летних действий 1859 г. главнокомандующий приказал сосредоточить три главных массы, фланкируемые несколькими отдельными колоннами. Первая масса, под начальством графа Евдокимова, должна была наступать из покоренного Веденя на Андию и Технуцал, против среднего течения Андийского-Койсу, составляя центральную силу, на которую, при дальнейшем движении, должны были опереться все другие действующие отряды; небольшой шатоевский отряд содействовал ей из-за Аргуна. Генерал-адъютант барон Врангель, с главными силами Прикаспийского края, сосредоточенными в Салатавии, составлял Левое крыло нашего стратегического фронта и наступал на Гумбет, против нижней части Андийского-Койсу. Два других отряда, собранные в Темир-Хан-Шуре, под начальством генерала Манюкина и на Турчидаге — под начальством генерала князя Тарханова, составляли продолжение нашего фронта влево, огибая горы со стороны прежнего, приморского базиса дагестанских войск. Лезгинский отряд, собранный у горы Пахалис-Тави под начальством генерала князя Меликова и фланкируемый с оконечностей, из Туметии и Джаро-Белоканской области, двумя небольшими колоннами составлял в начале действий массу, совершенно отдельную от сил, наступавших с севера; но через некоторое время с дальнейшим развитием действий лезгинский отряд должен был через Богосский хребет приблизиться к истокам Андийского-Койсу, войти в общую связь и составить Правое крыло нашего стратегического фронта. Главное препятствие, которое нам предстояло преодолеть, состояло в пропасти Андийского-Койсу, ограждающей всю северную сторону Дагестана, через которую существует только несколько переходов, заранее укрепленных горцами. Неприятель также покрыл завалами горный отрог, отделяющий Андию от Гумбета, так что в начале наступления чеченский и салатавский отряды должны были действовать разъединенно, но предположили вступить с чеченским отрядом в Андию и действовать таким образом, чтобы привлечь на эту часть войск главное внимание неприятеля; а в то же

время быстро двинуть вперед салатавский отряд, составлявший Левое крыло, чтобы прорвать оборонительную линию Андийского-Койсу в нижней части течения, против Аварии и Койсубу; на расположение к нам этих стран можно было рассчитывать с основательностью, а отложение их от Шамиля должно было невозвратно потрясти мюридизм во всем Дагестане. Но в случае, если б салатавский отряд не успел преодолеть сопротивление неприятеля на Койсу, предполагали заняться устройством путей в Андии и Гумбете, удерживая своим положением неприятельские скопища на берегу реки, и дожидаться, чтобы лезгинский отряд приблизился к правому флангу; появление его со стороны Богулала должно было немедленно расстроить оборонительную линию Шамиля. Во всяком случае с большей или меньшей тратой времени, с правой или с левой стороны, мы должны были прорваться за Андийское-Койсу. Преодолев это препятствие, мы разрывали неприятельские силы из середины к окружности и опрокидывали их на наши пограничные отряды.

Лезгинскому отряду главнокомандующий приказал открыть наступление ранее прочих, так как ему предстояло пробиться через обширное и труднопроходимое пространство для того, чтоб войти в связь с силами, наступающими с севера. В первых числах июля князь Меликов расположился на хребте, разделяющем капучинское и дидойское общества, разоряя окрестные селения и разрабатывая дорогу вперед. Чеченский и салатавский отряды вступили в неприязненные горы одновременно 14 июля. Находясь лично при чеченском отряде, я шел вперед медленно, устраивая по следам своим колесный путь, не обнаруживая ничем своих намерений, чтобы удержать в неподвижности главное скопище Шамиля. Генерал-адъютант барон Врангель, которому я приказал действовать сколь можно поспешнее и захватить во что бы ни стало переправу через Койсу в Согритло или Чефкате, в один переход достиг через всю ширину Гумбета берега реки, у Согритло. Переправа в этом пункте была защищена слишком сильно, чтоб атаковать ее открытой силой. Но, пользуясь отсутствием главных непри-

ятельских сил, сосредоточенных против чеченского отряда, барон Врангель приступил к переходу через реку несколько ниже Согритло и победил своей энергией страшные препятствия, противопоставленные ему неприятелем и природой, несмотря на то, что в продолжение нескольких дней, употребленных на устройство переправы, против него успело соединиться многочисленное скопище. 18-го числа войска салатавского отряда стояли уже на правом берегу Койсу. 21-го генерал-адъютант барон Врангель взял с бою Ахкентскую гору, сильно укрепленную горцами, и открыл себе путь в Аварию. Немедленное изъявление покорности Аварией и Койсубу, давно уже недовольными деспотизмом духовной власти, было непосредственным результатом энергических действий дагестанских войск. Занимая Аварию, барон Врангель двинул на Койсубу с востока генерала Манекина с соединенными отрядами, туринским и турчидагским. При содействии этих войск салатавский отряд открыл себе прямое сообщение из Аварии на Темир-Хан-Шуру через Зыряны, бывшее до 1843 г. нашим главным военным путем в восточных горах.

С занятием Аварии оборонительная линия Шамиля была расторгнута; правые колонны салатавского отряда заходили ей в тыл. В то же время увлекаемые примером Аварии и утратившие надежду отстоять свою независимость оружием общества, живущие на Койсу, прислали в наш лагерь почетных людей с изъявлением покорности. Собранные Шамилем скопища разбежались; сам Шамиль ускакал в Андалал, где он надеялся найти поддержку в воинственном населении, сгруппированном в больших, крепких аулах. Еще с весны он приготовил себе убежище посреди этой страны на укрепленной вершине Гуниба.

Сопротивление андалальцев могло снова затянуть дело, тем более что лето приближалось к концу, а с наступлением сурового времени года продолжение войны в горах было бы сопряжено для нас с величайшими затруднениями. Главнокомандующий решился покончить сопротивление горцев одним сильным ударом. Бывши уверен, что внимание всех горцев об-

ращено теперь на Шамиля и что их действия будут совершенно зависеть от того, что произойдет в Андалале, он решился двинуть в эту страну все наличные силы салатавского отряда и часть чеченского, обнажая на некоторое время вновь покоренную страну, кроме немногих переправ и пунктов, куда был свезен провиант. В это время лезгинский отряд, приведя к повиновению общества Юго-Западного Лезгистана, подходил справа к чеченскому и через несколько дней должен был войти в общую связь. Таким образом, в самом сердце гор сосредоточивалась масса войск, которая могла раскинуть колонны во все стороны и показать горскому населению наши войска везде, где было бы нужно.

Пока происходили движения войск для открытия сообщений между чеченским и дагестанским отрядами, генерал князь Тарханов, двинутый в Андалал из-за Казикумухского-Койсу, занял неприятельскую крепость Чох, которую наши войска безуспешно осаждали в 1849 г. Своевременное вступление в эту страну генерал-адъютанта барона Врангеля, в голове значительных сил, подавило разом все попытки приверженной Шамилю партии. Аулы, разъединенные между собой нашими силами и отрезанные от Шамиля, безвыходно запертого на Гунибе, не могли сосредоточиться для общего действия; люди, враждебные духовной власти, везде взяли верх, и все общества Андалала, одно за другим, принесли нам покорность.

В лагере у аула Конхидатля к нам присоединился генерал князь Меликов с кавалерией лезгинского отряда, совершив с особенной точностью трудное и долгое движение через внутренние горы Лезгистана, никогда еще не видавшие русских войск. С Андийского-Койсу главнокомандующий направил князя Меликова через Анкратльский союз на Аварское и на Кара-Койсу для приведения к подданству Его Императорскому Величеству обществ Южного Лезгистана. Князю Меликову было приказано занять Ириб, разрушить укрепления этого аула и, оставив здесь пехоту, прибыть с конницей для свидания с главнокомандующим под Гуниб. Князь Меликов совершил быстро и точно предписанное ему движение.

Заложив на Андийском-Койсу, выше аула Конхидатля, Преображенское мостовое укрепление, главнокомандующий оставил чеченский отряд под начальством генерала Кемферта и отправился через вновь покоренный край под Гуниб.

Он нашел эту гору, тесно обложенную со всех сторон. Видя крайность своего положения, Шамиль просил перемирия, вследствие которого несколько дней продолжались переговоры. Дагестан был уже в это время покорен до последней деревни, сопротивление Шамиля на Гунибе было делом только личного отчаяния. Поэтому главнокомандующий искренно желал избежать бесполезного пролития крови и, зная высокое милосердие Его Императорского Величества, предложил Шамилю самые выгодные для него условия. Но даже великодушие оказалось бесполезным против бессмысленной недоверчивости буйной шайки, окружавшей горского предводителя. Надобно было подавить сопротивление оружием. Распоряжение действиями против Гуниба было поручено начальник-инженеру армии, генералу Кеслеру, под главным начальством генерал-адъютанта барона Врангеля и под личным наблюдением главнокомандующего. 25 августа неприступная гора была занята, Шамиль взят, и весь Восточный Кавказ сделался областью Российской империи.

Бог благословил Кавказскую армию и дал успех: Его Императорское Величество поддержал ее своей высокой милостью и дал средства совершить покорение гор в три года с того дня, как Барятинский удостоился быть облеченным в звание главнокомандующего Кавказской армией.

Обратив главные силы армии против восточной группы гор, как более опасной для нас своим географическим положением и характером возникшего там религиозного союза, главнокомандующий должен был соразмерять военные действия на Правом крыле с силами занимающих его войск. Самое положение дел в этом крае требовало более приготовительных, чем решительных действий. На Восточном Кавказе мы везде непосредственно соприкасаемся с густым неприятельским населением; на Правом крыле, напротив, во многих местах

между нашими передовыми линиями и настоящим жильем враждебных племен, между Кубанью, Лабой и горами, лежит еще обширная и редконаселенная равнина. Прежде чем приступить к окончательному покорению закубанцев, надобно было разработать эту глухую равнину, создать в ней опорные пункты и выдвинуть вперед наши линии. Это дело могло быть исполнено наличными силами Правого крыла, пока продолжалось покорение восточных гор.

Страну непокоренных закубанцев надобно было занимать одновременно с двух противоположных концов — со стороны моря и со стороны Лабы, двигаясь параллельно хребту гор и обрезывая ее в длину; потому что естественная линия этой стороны — реки, все перпендикулярны к Кубани, и прямое наступление с кубанского берега к горам нам не на что опереть; страна же так обширна, что здесь нельзя перенестись сразу к подошве гор, на Левом крыле мы перенеслись с Сунжи. Обширность страны требует также прочного занятия линий казаками; одни редко разбросанные укрепления не оградят ее достаточно. На этих соображениях основан был план действий за Кубанью; сначала выдвинуть с противоположных концов страны полковые штаб-квартиры на Белую и Адагум; потом заселить берега этих рек станицами и выбить из гор общества, остающиеся за флангом и тылом новых линий; причем для водворения изгнанных туземцев осталась бы еще пространная равнина между Адагумом и Белой. Когда население на новых лишениях станет самостоятельным, перевести полковые штаб-квартиры вперед и расположить их у предгорий, отделяя войсками население гор от населения равнины; наконец, разработать дороги от главных пунктов, занятых нами по северной стороне гор, через хребет до моря. Можно было рассчитывать, что горское население, сжатое как в тисках, покорится еще до окончательного исполнения всех этих мер. Но для осуществления вышеупомянутого плана необходимо водворение в покоряемом крае значительного казачьего населения, для чего Его Императорское Величество соизволил утвердить

две меры — ежегодное устройство пяти новых станиц в пространстве Верхнекубанского и Лабинского округов и переселение на Кавказ Азовского казачьего войска.

Сообразно с изложенным планом, военные действия на Правом крыле были разделены на две самостоятельные операции: со стороны Лабы (бывшего правого фланга) и со стороны нижней Кубани (Черномории). Эти действия соответствовали, по разделению закубанцев, наступлению на двух главных предводителей: Мегмет-Амина с абадзехами и Сефер-Бея с натухайцами и шапсугами.

Со стороны бывшего правого фланга прежде всего надобно было подвинуть линию передовых укреплений с Лабы на Белую, куда первый шаг был сделан еще в 1851 г. заложением укрепления Белореченского, но с тех пор дело оставалось в одном положении. Овладеть течением Белой нам было нужно, чтобы подвинуться к неприятелю, значительно сократить протяжение наших линий, отнять у горцев большое пространство плодородной равнины и оградить наши поселения, существующие и предполагаемые.

В мае 1857 г. генерал Козловский заложил Майкопское укрепление при выходе Белой из гор. Абадзехи отстаивали свою землю шаг за шагом, не пропускали без боя ни одной колонны, даже сделали общее нападение на лагерь; каждое вывозимое из леса бревно стоило нам крови. Тем не менее к осени уже были готовы главные постройки и в Майкоп перенесена штаб-квартира Кубанского пехотного полка.

Майкопское укрепление составляло не более как отдельный пункт, принадлежащий нам в неприятельской земле. Надобно было связать его с прочими линиями и для этого упрочить сообщение: к северу — с нижней Лабой, к юго-востоку — с Малолабинской линией. Для устройства первой дороги предположено было возвести редуты на Гияге и у Длинного леса; вторую — можно было проложить только после приведения к покорности обществ, обитающих на верховьях рек Губса, Ходза и Фарса. Генерал Козловский обозрел это пространство в начале зимы.

В течение этого года казачье население между Кубанью и Лабой усилено основанием двух новых станиц.

В январе 1858 г. генерал Козловский совершил движение по абадзехским горам, до тех пор нам совершенно неизвестным. Направив одну колонну к устью Пшехи для отвлечения неприятеля, он сам прошел далеко вверх ущельями Курджипса и Этоки, по глубоким снегам, посреди густого населения абадзехов, которое сначала оказывало сильное сопротивление, но потом, когда генерал Козловский обещал щадить его жилища, только издали следило за отрядом.

Весной приступлено к обширным работам на всем протяжении края. Один отряд продолжал устройство штаб-квартиры Кубанского полка в Майкопе. Два других отряда прикрывали возведение 6 новых станиц на верхнем течении рек: Большого Зеленчука, Урупа и Тегеня, принадлежащих вновь учрежденной Урупской казачьей бригаде. Штаб-квартира Севастопольского пехотного полка поставлена в укр. Тебайском на Малолабинской линии. Таким образом, расположение наших сил в восточной части Правого крыла было достаточно сосредоточено. Оставалось открыть между ними беспрепятственное сообщение через предгорья от Майкопа к Малой Лабе. Для этого предпринять осенью целый ряд действий. В октябре со стороны Майкопа прорублена просека к махошевцам. В следующем месяце майкопский отряд двинулся к вершине Фарса навстречу лабинскому отряду, который шел туда же, открывая сообщение через леса. В декабре Длинный лес раскрыт двумя просеками, и население, жившее за ним, разорено. Туземные жители везде бросали свои дома и удалялись от просек.

Племена, живущие в горах между Кубанью и Лабой, называясь мирными, до сих пор вели разбойничью жизнь и составляли причину всегдашней тревоги для наших линий. Летом 1858 г. сделаны набеги для наказания башилбеевцев и шахгиреевцев, в пример другим.

Прочное утверждение наших войск в земле абадзехов заложением Майкопа произвело сильное впечатление на горцев. Абадзехи в этой части края составляют господствующую

силу, увлекающую окрестные мелкие племена. Перенесение войны в их землю было первым ударом в голову конфедерации, основанной Мегмет-Амином.

В западной части Правого крыла для постепенного движения вперед надобно было прежде всего овладеть землями натухайцев, расположенными треугольником между устьем Кубани и морем. Течение реки Адагума представляет естественную линию, которую нужно было занять, продолжив ее до Цемехской бухты, чтобы отрезать натухайцев от массы горского населения. Предположено было устроить эту линию в продолжение двух лет, возведением четырех укреплений: одного — в нижней, другого — в средней части течения Адагума, третьего — по берегу моря, на развалинах Новороссийска, четвертого промежуточного — между этими двумя; и расположить на новой линии Крымский пехотный полк; с покорением же натухайского треугольника основать там станицы азовских и черноморских казаков по общему плану — упрочивать завоевание водворением в крае русского военного населения.

Летом 1857 г. основано укрепление Нижнеадагумское; от него разработаны дороги в обе стороны: к Суровой батарее на Кубани, где выстроено мостовое укрепление, и вверх по Адагуму, до места предположенного центрального укрепления. Вокруг недалекого расстояния истреблены все неприятельские поселения, числом до 3500 дворов. Горцы сопротивлялись гораздо слабее, чем в Майкопе, несмотря на доставленные им 10 орудий и прибывший к ним отряд европейских флибустьеров. Они довольствовались канонадой с дальнего расстояния и не отважились ни на одно значительное нападение.

В 1858 г. заложено у места, называемого Колобатовой могилой, центральное Адагумское укрепление, и к осени переведена туда штаб-квартира Крымского пехотного полка; окружающая сторона опустошена, для того чтоб удалить горское население. На месте бывшего Новороссийска сооружено укрепление Константиновское. Против адагумского отряда горцы держались осторожно; но против константиновского, ободряемые малочисленностью наших войск, сделали

несколько безуспешных покушений. С окончанием работ в конце ноября Адагумская линия могла считаться достаточно занятой, и потому предпринято движение всем отрядом для разорения натухайцев. Адагумский отряд в продолжение месяца, с 9 ноября по 9 декабря, опустошил землю этого племени по всем направлениям, сжигая аулы, забирая пленных, скот и имущество. Отделенные военной линией от массы своих соплеменников и преданные беспощадному разорению, натухайцы предложили условия, на которых они соглашались принять русское подданство. Им был предоставлен выбор между безусловной покорностью или изгнанием из отеческой страны. Окончательное покорение было отложено до осени 1859 г., когда Адагумская линия будет довершена основанием четвертого промежуточного укрепления.

С началом 1859 г. были предприняты действия в больших размерах для покорения племен, населяющих горы между Лабой и Белой. Отряды: лабинский под начальством генерала Войцицкого и майкопский под начальством генерала Преображенского — двинулись в январе с двух противоположных пунктов для того, чтоб соединиться в середине, на истоках Фарса, обозревая и расчищая страну; лабинский отряд прошел предгорьями на Губе. Генерал Преображенский со своей стороны проник глубоко в ущелье Белой, почти до Каменного моста, и в ущелье одного из притоков ее — Фюнфта, сражаясь день и ночь против многочисленного и ожесточенного врага. В этот поход было истреблено много аулов. Горцы понесли большие потери, но предположенное соединение отрядов не состоялось за недостатком фуража, который горцы истребляли с приближением наших войск. Расстояние от линии Малой Лабы до линии Белой оказалось слишком значительным для действия в общей связи двух отрядов, без промежуточного пункта, снабженного заранее продовольствием и фуражом; вследствие чего и было сделано предположение основать следующей осенью укрепление на р. Хамкеты.

В феврале из укрепления Тебаевского была двинута на Ходз колонна полковника Лихутина и, появившись неожидан-

но в неприятельской земле, разорила до основания поселения бесленеевцев, которым давно уже грозили жестоким наказанием, если они будут продолжать враждебные действия. Этот погром произвел самое сильное впечатление в горах, так что немедленно затем общества казильбековцев, башилбаевцев и тамовцев принесли покорность и выдали аманатов. Замирение этих обществ заставило усмириться и полупокорное население, занимающее горы между Лабой и Урупом.

С наступлением весны лабинский отряд совершил еще несколько движений в непокорные земли для того, чтоб не допустить горцев возобновлять разрушенные поселения. Майкопский отряд расчищал окрестности укрепления и оканчивал постройки. Особые отряды, зеленчукский и тебердинский, продолжали устройство станиц, мостов и дорог в верхней части Лабинского округа.

Пока эти действия происходили в пределах бывшего правого фланга, со стороны Черномории был сосредоточен в январе отряд под начальством генерала Бабича и двинут против непокорных бжедухов, занимающих самую середину Правого крыла, между абадзехами и шапсугами. Генерал Бабич прорубил просеку в лесах, прикрывающих жилье бжедухов, и, вторгнувшись в земли этого племени, взял с бою и истребил один за другим 44 укрепленных аула. Население бжедухов осталось на снегу, посреди своих погоревших деревень, без крова и пищи, в стране, открытой просекой постоянным вторжениям с нашей стороны. Они поняли невозможность отстаивать против нас занимаемые ими места.

В апреле генерал Бабич двинулся с отрядом к слиянию Бакана и Неберджая, для довершения Адагумской линии устройством в этом пункте четвертого укрепления. Горцы решились употребить все зависевшие от них усилия, чтобы не допустить нас утвердиться в этом месте. Сефер-Бей с 15 тыс. шапсугов, натухайцев и убыхов окружил лагерь генерала Бабича, но, понеся несколько частных поражений, должен был отступить. Горское скопище разошлось по домам, и в августе генерал Бабич довершил предпринятые работы, тревожимый

только по временам местными жителями. Вслед затем адагумский отряд занялся постройкой башен на Известковой скале, в 4 верстах от укрепления Крымского.

Разоренные зимой бжедухи, видя безнадежность своего положения, прислали в июне депутацию к генералу Филипсону просить о принятии их в подданство Его Императорского Величества. Дворянство этого племени, давно лишившееся своих прав и жившее в отдельном ауле, несколько времени еще медлило, но потом также покорилось. Бжедухам приказано осенью выселиться на левый берег Кубани и устроиться большими аулами не менее 300 дворов. В то же время приняты меры для подчинения их управлению, систематически сообразованному с народными нуждами и потребностями русской власти.

Кровавые потери трехлетней войны, изнурение от постоянных сборов для сопротивления настойчивому наступлению с нашей стороны, пример бжедухов и, более всего, падение мюридизма на Восточном Кавказе произвели сильное впечатление на умы адыгских обществ, соседних с нами пределами. Они поняли, что сопротивление будет им становиться со дня на день разорительнее и невозможнее. В начале осени племена между Лабой и Белой: темиргоевцы, махошевцы, егерухаевцы, бесленеевцы, закубанские кабардинцы, шахгиреевцы — одни за другими принесли покорность; покуда в этой части края оставались вольными только баракаевцы и баговцы. В конце октября для возведения предположенного укрепления на берегу р. Хамкеты в укреплении Каладжинском собрался отряд, под личным начальством командующего войсками генерала Филипсона. В начале ноября отряд расположился лагерем на р. Хамкеты и приступил к расчистке местности. В это время могущественный народ абадзехов прислал к генералу Филипсону своих выборных и просил о перемирии. По истечении данного абадзехам срока в лагерь на р. Хамкеты явился Мегмет-Амин с главными народными старшинами и толпой до 2000 всадников. 20 ноября абадзехские выборные приняли присягу на верноподданство Его Императорскому Величеству на условии, чтобы вера, народные права и земля их оставались

неприкосновенными, чтобы на них не были налагаемы ни подати, ни обязанность военной службы. Абадзехский народ далеко еще не был вынужден к покорности оружием, а потому генерал Филипсон, считая замирение абадзехского племени чрезвычайно важным для нас событием, в каких бы обстоятельствах оно ни было совершено, почел себя обязанным согласиться на эти условия.

Вместе с абадзехами покорились баракаевцы. Во всей восточной половине Правого крыла, до пределов шапсугов, горское население признало над собой русскую власть.

В продолжение трех истекших лет генерал Филипсон принимал деятельные меры к прекращению контрабанды на восточном берегу. Предшествовавшая война развила ее в огромном размере, и в первое время, при недостатке морских средств, трудно было ограничить ее. Из Турции доставляли горцам военные припасы, пушки и даже привезли отряд флибустьеров. На берегу были заведены укрепленные фактории, как Геленджикская и Туапсе, взятые с бою и разрушенные нашим десантом; но впоследствии, с высочайше утвержденным Положением о морских силах на восточном берегу, контрабандная торговля если не прекращена, то ослаблена и приняла более безвредный для нас характер.

Малочисленность войск, занимающих обширный и совсем еще не устроенный край между Черноморским прибрежьем и Сурамским хребтом, заставляла ограничиваться в Кутаисском генерал-губернаторстве полумерами до тех пор, пока развязка дела на Восточном Кавказе позволила обратить излишек сил в эту сторону. Отдельное географическое положение Кутаисского генерал-губернаторства, отрезанного от прочего Закавказья горами и подверженного нападению с моря, важность этой страны как передового поста, защищающего все наместничество от возможного покушения со стороны Европы, и как военного основания для предстоящего занятия восточного берега Черного моря, настоятельно требуют особенного внимания и значительных средств. Непокорные горцы, соседние с генерал-губернаторством, могли бы быть, может статься, при-

ведены к некоторой степени покорности без особенных усилий, но мы не имели там до сих пор достаточных средств не только для действия, но даже для угрозы или для поддержания партий, склоняющихся на нашу сторону. Материальная разработка края, совершенно для нас необходимая, производилась только урывками. До настоящего времени Кавказская армия не могла отделить на Черноморское прибрежье ни одного лишнего батальона, и оттого все правительственные действия в этом крае необходимо носили характер полумер.

Главное внимание в Кутаисском генерал-губернаторстве было обращено на водворение порядка в полупокорных или не совсем еще покойных, прилегающих к нему землях: Абхазии, Цебельде и Сванетии. Первая страна была занята в прежних ее пределах возобновлением укрепления Гагры. В Цебельде также основано укрепление под названием Цебельдинского. Смуты, происходившие в Сванетии, вследствие домашней распри князей Дадишкилиановых, окончены удалением из края старшей отрасли этой фамилии, бывшей причиной беспорядков. Вольная Сванетия, долго считавшаяся недоступной, осмотрена и приведена в покорность двукратным движением наших отрядов в 1857 и 1858 гг. Военные пути в пространстве генерал-губернаторства устраивались, насколько позволяла ограниченность средств. Дорога, соединяющая Кутаис с Тифлисом, через Сурамский перевал два года сряду, разрабатывалась Тульским пехотным полком. В прошедшем 1858 г. трассирована дорога из Сухум-Кале в Кутаис внутренними землями, чтобы избежать соседства с морем, не находящимся в нашем исключительном обладании. Наконец, продолжается разработка Военно-Осетинской дороги по Мамисонскому ущелью, цель которой — соединить прямым путем Кавказскую линию с Кутаисом. Назначение этой дороги весьма важно, потому что в случае внешней войны можно будет, не разрывая сил, защищать Кутаисское генерал-губернаторство к линии, где войска постоянно расположены в значительном числе.

Из этого отчета можно усмотреть, что на Западном Кавказе, несмотря на ограниченность средств, которыми началь-

ство этих стран могло располагать, по счастливому сочетанию обстоятельств и неослабной настойчивости с нашей стороны, сделано больше, чем предполагалось по первоначальной программе. Падение Шамиля так сильно подействовало на горцев Западного Кавказа, что половина их покорилась ранее решительного наступления против них. Против остальной половины были предприняты энергические действия. Главнокомандующий распорядился, чтобы к весне силы Правого крыла были подкреплены 16 стрелковыми ротами, от каждой из дивизий: 20-й, 21-й и гренадерской, — стрелковыми ротами линейных батальонов Левого крыла и Прикаспийского края и 3 драгунскими полками с соответственной артиллерией; силы Кутаисского генерал-губернаторства — стрелковыми ротами закавказских линейных батальонов. При испытанном мужестве кавказских войск, при опытности и энергии начальников и при счастье, сопровождающем в этой стране победоносное оружие русских, можно было надеяться, что через некоторое время остальные непокорные племена Западного Кавказа будут у ног Его Величества и гром оружия навсегда замолкнет в этой части Российской империи.

Беспрерывные походы трех истекших годов сопровождались необыкновенно малой потерей в людях, сравнительно с предшествовавшими периодами Кавказской войны. Главнейше это объясняется успехом, не покидавшим оружие русских; победа всегда стоит меньше, чем нерешенное дело. Но кроме того, две причины обусловливали и самый успех, и малую потерю. Во-первых, нарезное оружие. До сих пор горцы, стреляя из винтовок, имели перевес над нами в дальности и верности огня. Наши войска, вооруженные расстрелянными кремниевыми ружьями, не могли метить в отдельных людей, а довольствовались тем, что осыпали пулями лежащее перед собой пространство. Горцы, действуя на местности пересеченной, не боялись такого огня и держались довольно близко к нашим цепям, чтоб бить людей наверное. Вооружение стрелковых частей нарезными ружьями и обучение их прицельной стрельбе сейчас же изменили это отношение. Вне леса горцы, поражае-

мые метким огнем, должны были вести перестрелку издалека; а местность со стороны Лезгинской линии и Прикаспийского края состоит почти везде из скалистых, но голых гор. Даже в лесах Чечни и Закубанского края первый приступ к рубке просеки в несколько часов значительно раскрывал местность и возвращал нарезному оружию его превосходство.

Во-вторых, причиной малой потери была правильная система войны и действительное искусство, выказанное главными начальниками, избранными из опытнейших кавказских генералов, в управлении боевым действием войск. Причиной кровавых потерь предшествующего периода всегда были набеги и все однородные с ними действия, в каком бы размере они ни предпринимались. Когда наши войска вступали в непокорный край не с тем, чтобы раскрыть и занять пройденную местность, но в надежде нанести поражение неуловимому врагу посреди его диких убежищ, и тем потрясти его нравственно, последствием всегда бывало ожесточение горцев и сотни, иногда тыс. убитых и раненых с нашей стороны при отступлении. По военному плану, принятому с 1856 г., походы в горы предпринимались не иначе как для выполнения точно определенной материальной цели, с обширностью которой заранее были соображены все средства экспедиции; при каждом шаге вперед мы устанавливали постоянное сообщение со своим тылом и ограничивали поход прочным занятием одной какой-либо местности. При такой системе с нашей стороны не могло быть ни рискованных дел, ни отступления; войска возвращались назад по открытым дорогам, через край, уже покоренный, и горцам оставалось только прямое сопротивление с лица, к чему, при тактическом превосходстве наших войск, даже в горах не много местностей, вполне пригодных. Такого образа действий неизменно держались в Прикаспийском крае, на Правом и Левом крыльях. Исключение было только на Лезгинской линии, где совершены три похода для разорения враждебных племен, потому что с южной стороны набег был единственным возможным образом действия против неприятеля, живущего за Становым хребтом. Для прикрытия Кахетии и

Джаро-Белоканской области необходимо было содержать значительное число войск, которые летом гораздо лучше ограждали край, находясь в самых горах, чем у их подошвы.

Опытность и искусство соображений главных начальников также сильно способствовали уменьшению нашей потери. Есть не много позиций, даже в горах, на которых здешний неприятель может устоять против хорошо направленной атаки, то много таких, где он может нанести нам чувствительную потерю. Обмануть горцев и пройти к пункту, составляющему цель движения, не тем путем, на котором они приготовлялись нас встретить, весьма трудно в такой недоступной местности, как кавказская, и, однако ж, это часто удавалось благодаря распорядительности начальников. На Левом крыле, где сосредоточивались главные усилия и с нашей, и с неприятельской стороны, несмотря на смелые походы в самую глубь гор, положительно можно сказать, что граф Евдокимов ни разу не дал горцам случая встретиться с нами там, где они к этому готовились и где это могло быть для них выгодно. Самые сильные позиции, занятые скопищами Шамиля, падали почти без сопротивления, вследствие верно рассчитанных маневров. После Ахульго, Салтов, Гергебиля и Чоха, осады которых, иногда даже неудачные, стоили тысяч людей, завоевание Веденя, в котором Шамиль сосредоточил все средства для самой решительной обороны, обошлось нам в 26 человек убитыми и ранеными. Так же точно и прошлогодние действия генерал-адъютанта барона Врангеля, которому приходилось преодолевать открытой силой такие препятствия, как бездна Андийского-Койсу и укрепленный подъем на Ахкентский хребет, обошлись нам чрезвычайно дешево, хотя по другой причине, — по чрезвычайной энергии исполнения, изумлявшей и предупреждавшей неприятеля.

Изложенные причины: правильная система войны, искусные распоряжения главных начальников и распространение в войсках нарезного оружия — уменьшили нашу потерю в Кавказской войне до незначительной цифры. В свою очередь, эта незначительность потери и решение дела маневрами

составляют одну из главных причин нашего успеха. Горцев нельзя было испугать боем. Непрерывный бой довел их до той степени уверенности, что несколько десятков человек не боялись завязывать дело с колонной в несколько батальонов и, отвечая одним выстрелом на сто наших, наносили нам гораздо большую потерю, чем мы им. Бой доказывает равенство силы, и пока горцы могли биться, они не думали о покорности. Но когда они столько раз увидели на опыте, что им не предоставляют даже случая сопротивляться, оружие стало выпадать из их рук. Пораженные, они снова собрались бы на другой день. Но обойденные и принужденные рассеяться без боя, видя свои долины занятыми без сопротивления, они на другой день приходили с изъявлением покорности. Могущество Шамиля подрывалось более всего сбором бесполезных скопищ, которые должны были разойтись по домам, не оказав нигде серьезного сопротивления.

Последние три года, несмотря на беспрерывные походы и покорение многочисленного горского населения, принадлежат к числу тех годов Кавказской войны, в продолжение которых всего менее пролито крови верных воинов Его Императорского Величества.

ОБЗОР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Его Императорскому Величеству угодно было назначить Барятинского главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом осенью 1856 г. после трехлетнего перерыва наступательных действий в горах, вынужденного заграничной войной. Во все это время внимание правительства и силы Кавказского корпуса были устремлены на внешние дела. Вверяя Барятинскому начальство на Кавказе, Его Императорское Величество выразил ему свою волю: употребить все усилия, чтобы искоренить внутреннего врага из недр Кавказского наместничества. Для достижения этой цели ему велено сосредоточить на Кавказе силы, с которыми можно было предпринять решительное наступление. Войска Кавказского корпуса были усилены пехотными дивизиями 18-й и 19-й (впоследствии замененными Кавказской резервной) и тремя новыми драгунскими полками.

Предшествовавшая война разъяснила наше положение на Кавказе и доказала очевидно, что оно всегда будет шатко, наши средства для заграничной азиатской кампании недостаточны[1], пока мы не подавим образовавшегося в нашем тылу союза непокорных горских племен. С другой стороны, окончившаяся война произвела заметное колебание в умах горцев, ждавших от нее полного торжества; им опять приходилось бороться одним, не видя конца ряду своих жертв. Но это впечатление не могло охладить надолго таких воинственных людей, если б им дали отдохнуть и собраться

с силами. По обеим причинам, надобно было немедленно открыть наступление и вести его самым решительным образом; смотреть на Кавказскую войну не как на домашнее дело, но как на войну.

Исполняя волю государя, главнокомандующий действовал с возможной настойчивостью в продолжение всего истекшего трехлетия. Провидение благословило наше оружие. Ныне Восточный Кавказ и половина Западного повергнуты к стопам Его Императорского Величества.

Первые усилия Барятинский считал необходимым обратить против восточной группы непокорных гор, наиболее угрожавшей нашему тылу. Из 7 бригад, составлявших до 1856 г. Отдельный Кавказский корпус, 6 были постоянно обращены против этой части неприятеля, что ясно доказывало его относительную важность. Западные горцы не слились еще в один общий союз, и страна их лежит в углу Кавказского наместничества, между русским населением линии и грузинским населением Кутаисского генерал-губернаторства. Адыги, занимая морской берег, могут иметь сношения с внешними врагами, этим они опасны; но зато, окруженные сплошной массой христианского населения, они не могут никого возмутить вокруг себя, и для нас вредны только их хищничества. Восточные горцы образовали одно политическое тело, угрожали близким соседством Военно-Грузинской дороги нашему единственному сообщению через горы и своим центральным положением посреди мусульманской части наместничества составляли для нас действительную опасность, которая чувствовалась всего более во время внешней войны. Поэтому нужно было направить первый удар против мюридов Восточного Кавказа, не щадя жертв и соразмеряя усилия с потребностями войны, а против западных гор оставить, до низложения Шамиля, только необходимое число войск и сообразовать там покуда наступательные действия с ограниченными средствами наличных сил.

Новое разделение Кавказа, последовавшее в августе 1856 г., придало главным военным отделам достаточную са-

мостоятельность для ведения войны своими собственными силами, не занимая их из соседних отделов. Прикомандированные дивизии, 13-я и 18-я, были размещены следующим образом: 18-я — оставлена за Кавказом для усиления войск Лезгинской линии и для производства дорожных работ, которые нужно было вести самым спешным образом, пользуясь наступившим миром, чтоб не быть поставленными опять в то критическое положение, в каком находился Кавказский корпус в 1855 г. Два полка 13-й дивизии расположены были на Правом крыле, где местных войск было недостаточно для наступления в предположенных размерах; два полка — на Левом крыле, откуда мы должны были проложить себе дорогу в глубь гор. Затем войска не передвигались уже ежегодно, как бывало прежде, из одного конца края в другой, кроме 2 батальонов, ходивших две зимы кряду из Прикаспийского края в смежную часть. Так было все время, пока происходила в горах по-прежнему методическая война. Но в последний период, переходя к решительному наступлению, Барятинский сосредоточил на главных пунктах все войска, какими в то время мог располагать.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Тридцатилетняя война против мюридизма давно уже уяснила относительное наше положение и неприятельское. Надобно было только воспользоваться опытом. Барятинский решился нанести непокорным горцам главный удар с северной стороны, наступая на них в то же время и с других пределов.

На Лезгинской кордонной линии горцы ограждены Становым хребтом Кавказа, через который сообщение существует только в летние месяцы. Забросить некоторые части войск по ту сторону гор, посреди сплошного лезгинского населения, было невозможно, пока горский союз не был потрясен в основании.

В Дагестане было настоящее гнездо мюридизма. Фанатическое население этой части гор было совершенно порабощено духовной властью, и потому трудно было ждать, чтобы разложение религиозного союза горцев началось с этой стороны. Покорять же открытой силой одну крепость за другой стоило бы чрезмерных усилий, как это доказали бесплодные экспедиции десятилетнего периода с 1839 по 1849 г. Кроме того, чтобы успешно наступать в Дагестане, прежде всего надобно было прочно связать его для совокупности действий с Левым крылом занятием разъединявшей их Салатавии.

На Левом крыле, особенно в пространстве, занимаемом прежде левым флангом, еще при покойном генерал-фельдмаршале князе Воронцове приобретены были значительные успехи. Чеченское племя, населяющее северную сторону гор и составлявшее половину покорного Шамилю народа, хотя самое воинственное из горцев, далеко не было увлечено в такой степени, как лезгины, фанатическим учением мюридизма, сохраняло гораздо более независимости в личном характере и общественном быту и удерживалось в повиновении лжепророка больше страхом и привычкой, чем убеждением. Успехи нашего оружия должны были сильнее отозваться в этом шатком населении, и распадение горского союза всего легче могло начаться отсюда. Можно было основательно рассчитывать, что, прорубившись сквозь леса, составляющие оборону чеченцев с севера, мы скоро проникнем в глубь гор, где и жители не так воинственны и меньше искусственных преград, и таким образом зайдем в тыл крепостям, которыми горцы оградили свои пределы с восточной стороны.

По этим соображениям Барятинский определил план действий. Со стороны Прикаспийского края прежде всего прочно утвердиться в Салатавии, чтобы связать стратегические дагестанские и чеченские войска и иметь опорный пункт в самых горах; со стороны Лезгинской линии ежегодно разорять непокорные общества и довести их к решительной минуте до бессилия; со стороны Левого крыла овладеть пло-

скостью и оттуда со значительными силами ворваться в глубь гор. Совершать каждое лето и зиму, что позволяют силы наличных войск, приготовляя в каждом текущем походе точку отправления для следующего.

Предпринимая покорение гор, надобно было отказаться от методических привычек предшествовавшего периода: строить города на всякой вновь занимаемой позиции; последствием чего бывало только продолжительное бездействие и изнурение войск, исключительно занятых работами, и создание искусственно важных пунктов, которые потом было жаль бросить для нового движения вперед, рассчитывая, чего они стоили. Барятинский решился принять другой образ действий, основываться прочно только на пунктах, абсолютно важных, за которыми остается военное и административное значение и после покорения гор; в пунктах же, занимаемых временно в военных видах, устраивать укрепленные лагеря, вал с пушками, — и посреди располагать войска в бараках, алжирских домиках или в калмыцких кибитках, вознаграждая неудобство помещения усиленной порцией. При первой возможности занимать новую позицию впереди и, окопавшись на ней, переносить туда подвижные жилища. Эта система дала нам возможность ввести в дело массу войск, прикованную до тех пор к работам, и рассчитывать свои шаги вперед не годами, нужными для устройства прочной оседлости, а месяцами.

Я прибыл к армии глубокой осенью в октябре 1856 г. В Прикаспийском крае и на Лезгинской линии в этом году уже нельзя было предпринять наступления. Я употребил войска, занимавшие Лезгинскую линию, на рубку просек сквозь леса, покрывающие южный склон Главного хребта. Нам нужно было открыть в них сообщения и для движений в горы, и для того, чтобы связать между собой оборонительные пункты нашей кордонной линии, и чтоб облегчить передовой страже преследование абреков. Для последней цели также организована вновь в большем, против прежнего, составе партизанская команда. В Прикаспийском крае Баря-

тинский приказал заготовлять материальные средства для устройства в Салатавии, будущим летом, штаб-квартиры Дагестанского полка.

Военные действия можно было открыть в течение зимы только на Левом крыле.

Несколькими походами в глубь Большой Чечни, продолжавшимися с промежутками от начала декабря до конца марта 1857 г., генерал Евдокимов докончил просеки, начатые в этой стране еще в 1850 г., и раскрыл чеченские дебри широкими путями от Воздвиженского до Куринского и поперек, от русской дороги к Бердыкелю и к устью Сунжи, кроме других, менее значительных. При выходе Басса из гор устроен укрепленный Шалинский лагерь. В то же время кумыкский отряд под начальством генерала, барона Николаи, сбил неприятельские укрепления в Гойтемир-Кану, ограждавшие Аух. Население Чечни было еще оставлено на текущее лето в своих лесных хуторах, с тех пор как просеки раскрыли страну в стольких направлениях, его с первой же осенью можно было принудить к покорности.

На лето остановлены военные действия на Левом крыле. Эта часть наших линий должна была служить основанием для главного наступления, и для того надобно было устроить ее сообразно с целью. Мелкие укрепления, воздвигнутые разновременно и остававшиеся в тылу по мере нашего движения вперед, отвлекали значительное число войск в ненужные гарнизоны. Летом 1857 г. упразднены укрепления: Бумутское, Горячеводское и Тепликичу; редуты: Ачхоевский и Натхоевский. В Большой Кабарде упразднено укрепление Баксанское. В Хоби-Шавдоне, на неприятельской стороне Качкалыковского хребта, заложено новое укрепление. Для окончания Сунженской линии устроены станицы: Чертугаевская и Горячеводская, — и открыт свободный проезд в Грозную, без военного прикрытия. Полки Навагинский и Тенгинский предположено вывести из Владикавказа, где они были слишком удалены от центра военных действий; но летом 1857 г. выведен только Навагинский и временно располо-

жен в ст-це Слепцовской. Занимаясь обширными работами по внутреннему устройству, войска Левого крыла должны были в то же время поддерживать, по мере надобности, дагестанский отряд, вступивший в Салатавию.

В июне генерал князь Орбелиани перешел Теренгульский овраг и, обеспечив предварительно свое сообщение по местности, где горцы в прежних походах всегда оказывали сильное сопротивление, приступил к устройству укрепленной штаб-квартиры около Старого Буртуная. Возведение русскими крепости привлекло в Салатавию тучи горцев; Шамиль употребил все средства, чтоб остановить начавшиеся работы, но ничего не мог сделать. Скопище, пытавшееся отрезать сообщение отряда с укр. Евгениевским, было разбито; укрепление, выстроенное Шамилем в нескольких верстах от Буртуная, взято штурмом. К зиме Дагестанский полк был расположен в своей новой штаб-квартире. В Ишкартах на место его поставлен в следующем году Апшеронский пехотный полк.

Одновременно с Салатавской экспедицией войска Лезгинской линии под начальством покойного барона Вревского перешли горы и разгромили большую часть дидойского общества. Наши войска несколько раз уже проникали в дидойские земли, служившие постоянным притоном шаек, грабивших Кахетию; но эти экспедиции были только быстрыми вторжениями. В 1857 г. лезгинский отряд шел медленно, прокладывал за собой дорогу, разорял дидойские селения до основания, истребил посевы и оставил дидойцам на выбор или гибель от голода и холода, или переселение на плоскость. На этот раз нагорные лезгины устояли, не переселились, хотя и гибли зимой. Отвлекаемый салатавским отрядом, Шамиль оставил дидойцев без защиты.

Осенью войска Левого крыла снова двинулись в поход. Главнокомандующий решился, не откладывая далее, в течение предстоявших зимних действий, перенести войну с плоскости в чеченские горы и устроить в Аргунском ущелье опорный пункт для летней экспедиции. Для этого нужно

было покончить сперва с немирным населением плоскости, чтобы не оставлять врага у себя в тылу. Первые действия генерала Евдокимова были направлены к этой цели. В конце октября он двинулся вверх по Гойте. Население Малой Чечни, сбитое с равнины еще экспедициями генерала Фрейтага, нашло себе убежище в ближайших лесных отрогах, окружающих страну их с юга, и жило там около 10 лет. Первое сопротивление чеченцев было упорно; но как только скрывающая их завеса лесов была раскрыта просекой, они упали духом и разбежались. Истребив неприятельские аулы по левую сторону Аргунского ущелья, между этой речкой и Гойтой, генерал Евдокимов перешел в Аух.

В течение ноября, несмотря на сопротивление Шамиля, стянувшего в Аух сильное скопище, наши войска прорубили широкую просеку через всю длину этой страны и заложили в глубине ее укрепление Кишень-Аух на 2,5 батальона.

В декабре главный отряд Левого крыла вступил в Большую Чечню и потребовал от жителей покорности. Большая Чечня была раскрыта просеками в главных направлениях и везде доступна еще с прошлого года. Русское войско стояло между населением ее и горами. Чеченцы не могли надеяться отстоять свои жилища и вышли к нам в числе более 2 тыс. семей.

Таким образом, все население Чеченской плоскости было покорено. С началом 1858 г. войска Его Императорского Величества вступили в горы.

21 января 1858 г. генерал Евдокимов взял штурмом завалы, нагроможденные горцами в устье Аргунского ущелья, и, ворвавшись в долину, образуемую слиянием рек Чанты и Шаро-Аргуна, заложил укрепление Аргунское на месте аула Дачу-Барзой. Как только работа достаточно подвинулась, отряд перешел за Шаро-Аргун и открыл просеку на вершину Даргил-Дука, составляющего отрог Андийского хребта; с этого места открывается удобный путь по голым вершинам в ичинский тыл. Одним открытием просеки мы надолго приковали все внимание неприятеля и главные его силы со стороны

Чечни к вершине Даргил-Дука, и через то получили простор гораздо свободнее действовать в другие стороны.

Для облегчения предстоявшей летней экспедиции в глубь гор оставалось сбить остальное население Малой Чечни, гнездившееся в предгорьях. Это племя уже с прошлой осени было расстроено нанесенным ему поражением. Новое движение генерала Евдокимова решило дело. Жители Малой Чечни покорились без боя. Им нельзя было отодвигаться дальше в горы, заселенные другими обществами. Около 15 тыс. душ переселились на плоскость в отведенные им места.

Охранение вновь занятых пунктов, требующих продолжения работ, не дозволило распустить чеченский отряд, и по окончании зимних действий он должен был в сборе дожидаться летней экспедиции. В этом промежутке времени упразднены укрепления Урус-Мартан и Куринское, сделавшиеся ненужными после покорения Чеченской плоскости.

Между тем начались беспокойства в Военно-Осетинском округе. Давно покорное общество назрановцев и полупокорные общества галашевцев, карабулаков и ингушей находились в самом беспорядочном состоянии и держали у себя открытый притон разбойников. Положено было ввести у них устройство, существующее с такой очевидной пользой у мирных чеченцев, и для того поселить их большими аулами. Назрановцы взбунтовались, возмутили соседей и призвали Шамиля. Быстрые меры, принятые генералом Евдокимовым, подавили бунт в зародыше, скопище Шамиля было разбито под Ачхоем. Несмотря на временное отвлечение войск к стороне Назрана, летняя экспедиция началась, как было предположено, 1 июля. Главный отряд был сосредоточен в новом укреплении Аргунском. Удерживая демонстрациями неприятельское скопище на Даргил-Дуке, генерал Евдокимов внезапно двинулся через хребет Мескен-Дук и занял внутреннюю опушку лесного пояса, ограждающего нагорную Чечню. Здесь он остановился, чтобы проложить прочное сообщение в своем тылу и расчистить впереди дорогу к Татоевской долине, владение которой предавало нашей власти все течение Аргуна.

Тем временем войска Кавказской армии двинулись в горы с восточной и южной стороны. Барон Вревский перешел Становой хребет и вступил в общество Капучу, генерал-адъютант барон Врангель сделал наступление с Буртуная к Мичикалу, разрушая неприятельские завалы. Горцы должны были разделиться; но Шамиль не ошибся в определении отряда, наиболее угрожавшего ему, и сосредоточил главные силы, под своим личным начальством, на берегу Аргуна. Во что бы ни стало он хотел остановить наше движение. Горцы укрепили сильную Варандинскую позицию, прикрывавшую Шатой. Но, не полагаясь достаточно на исход боя в какой бы то ни было крепкой позиции, Шамиль хотел вынудить отступление чеченского отряда диверсией: с половиной своих сил он устремился в Военно-Осетинский округ, где еще волновалось недавно усмиренное население. Меры против покушений неприятеля были приняты заранее. В один и тот же день генерал Мищенко разбил Шамиля под Аки-Юртом, около Владикавказа, и генерал Евдокимов, пользуясь отсутствием предводителя, взял штурмом Варандинскую позицию и занял Шатой. Рассеянные остатки горского скопища бежали в Дагестан.

С этого дня началось мирное покорение Аргунского края одним движением наших войск вперед, без боя. Общества, обитающие в верховьях Аргуна, сами восстали против угнетавшего их мюридизма, стали резать своих духовных и начальников, поставленных Шамилем, и одно за другим приносили добровольную покорность. В конце сентября все население горного пространства от Владикавказа до Шаро-Аргуна приняло подданство Его Императорского Величества. Занятие края упрочено устройством разработанной дороги и возведением укреплений: Заках, Шатоевского (куда переведена штаб-квартира Навагинского пехотного полка) и Евдокимовского.

Лезгинский отряд вступил в горы во второй половине июня и проник в самую глубь ущелий, никогда еще не виданных русскими. В продолжение полутора месяцев генерал

Вревский разорил до основания более сорока крепких аулов, принадлежавших семи обществам Анкратля. Войскам приходилось бороться с неимоверными трудностями, делать усиленные переходы в местности, едва приступной, и почти ежедневно штурмовать завалы и башни, занятые ожесточенным неприятелем. К сожалению, этот блестящий поход стоил нам жизни отважного барона Вревского, смертельно раненого при штурме аула Кишури. Экспедиция от этого, впрочем, не остановилась: принявший начальство над отрядом полковник Корганов докончил истребление немногих деревень, уцелевших на восточной границе дидойцев от прошлогоднего похода. Разоряемые два года сряду горцы поколебались. Из Анкратля и Дидо 4 тыс. душ принесли покорность и сошли с гор в наши пределы. В Кахетии водворилось спокойствие, прежде там неслыханное. В продолжение этой экспедиции другой небольшой отряд действовал со стороны Хевсурии, привел к покорности племя маистов и разработал дорогу через Становой хребет к истоку Чанты-Аргуна, навстречу пути, пролагаемому генералом Евдокимовым.

Кроме того, на Лезгинской линии совершены в течение 1857 и 1858 гг. обширные работы: устройство в Лагодехи штаб-квартиры Тифлисского гренадерского полка и в Царских Колодцах — Переяславского драгунского; выстроены 4 башни на передовой линии и вырублены широкие просеки у подошвы гор.

В Прикаспийском крае главное внимание было обращено на прочное утверждение нашего владычества в Салатавии и на защиту длинной пограничной черты от вторжений неприятеля. Занятие Салатавии, необходимое в общем плане действий, приковало временно значительные силы к северо-западному углу Дагестана, откуда они не могли деятельно способствовать обороне других частей края; для достижения этой цели надо было выставить самостоятельные отряды и таким образом разделить силы Прикаспийского края и ослабить их наступательные действия. Находясь большую часть времени в Салатавии, генерал-адъютант барон Врангель

окончил работы по возведению штаб-квартиры Дагестанского полка, устроил укрепление в Мямлах, разработал дорогу между этими пунктами и вырубил несколько просек для беспрепятственного сообщения из Буртуная в разные стороны. Набеги неприятеля для грабежа и возмущения спокойствия в крае были все до одного отбиты с уроном для него.

С роспуском отрядов окончились наступательные действия 1858 г. в Прикаспийском крае и на Лезгинской кордонной линии. Но войскам Левого крыла предстояли еще великие труды. Занимая обширное завоеванное пространство, они должны были раскрыть его дорогами, окончить заложенные укрепления, привести к полному повиновению разбойничье население обществ, сопредельных с Военно-Осетинским округом, и потом совершить поход для покорения Ичкерии. Направляя главные усилия со стороны Левого крыла, его подкрепили, для избежания изнурения войск, 3 батальонами: Кавказской гренадерской и 5-й и 18-й пехотных дивизий.

В ноябре генерал Евдокимов приступил к расчищению лесного пространства между Назраном и Шатоем. Просеки сделаны во всю длину и ширину галашевских земель. Чтобы не изнурять войск действиями против мелких разбойников, генерал Евдокимов поручил наибу недавно покоренной Малой Чечни вступить в горы с 2000 всадников и силой привести к повиновению аулы, разбросанные по лесам. Жители покорились и почти все выселены на плоскость, так же, как население галашевцев и карабулаков. Просека от Алы к Мереджи докончила продольное сообщение через горы из Шатоя в Военно-Осетинский округ.

Сильные сборы неприятеля заставили генерала Евдокимова возвратиться в Чечню. Шамиль хотел воспользоваться удалением главного отряда в Военно-Осетинский округ, чтобы вторгнуться в край, отнятый у него прошедшим летом. Части своих сил он поручил захватить теснину Аргуна, между Шатоевским и Евдокимовским укреплениями, а с другой, чтобы отвлечь внимание, спустился в Большую Чечню. Заблаговременное занятие пункта, находившегося под угрозой,

отвратило опасность. Горцы не решились вступить в бой. Но они остались в сборе, ожидая наступления с нашей стороны.

Во второй половине декабря генерал Евдокимов двинулся в Ичкерию двумя колоннами. Первая была сосредоточена в укреплении Шалинском, из войск, занимавших Малую Чечню и течение Аргуна, и отряда кумыкского, который, под начальством флигель-адъютанта полковника князя Мирского, прошел с бою по предгорьям Большой Чечни и присоединился в Шали к генералу Евдокимову. Эта колонна должна была силой открыть себе путь в мрачное ущелье Басса. Но как в этой местности горцы могли упорно оборонять каждый шаг, то другая колонна, собранная в укреплении Аргунском, под начальством полковника Баженова, должна была пройти горами на берег Басса выше и поставить защищавших ущелье между двух огней. Это искусное распоряжение увенчалось полным успехом.

ОБ ОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В АЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ

В недавнее время возник вопрос о подчинении Закавказского края воинской повинности[1]. Действительно, азиатские окраины можно будет считать сращенными с государством тогда лишь, когда их введут не только в общую экономическую, но и в военную систему, когда они станут выставлять то же относительное число вооруженных людей, как и коренные области. Населения этих окраин, недавно еще поголовно вооруженные, могли бы поставить под ружье значительные и, в своем роде, превосходные боевые силы, но от них требовали до сих пор лишь небольшого числа ополчения, даже вопреки их желанию; при покорении Восточного Кавказа в 1859 г. несколько тысяч людей в Дагестане и столько же в Чечне просились на службу, говоря, что они умеют кормиться только ружьем; невнимание к их просьбе лишило нас надежных боевых дружин, которые могли бы без помощи регулярных войск утвердить русское владычество в Закаспийском крае, и было причиной многих последующих волнений. Очевидно, что азиатский подданный, хотя не может ни платить, ни управляться наравне с европейским, но может нести одинаковую с ним личную повинность, видоизменяя только способ призыва на службу. Сослужение под одним знаменем скрепляет связь покоренного народа с владычествующим прочнее всяких политических и иных мер; дружины туземцев, выведенные из своего края, доставляют, вместе с тем, надежнейших заложников. Замечательно, что правительство, оставшееся вечным об-

разцом умения сращивать вновь завоеванные области с телом государства, правительство римское, держалось постоянного правила — вести войны наполовину руками покоренных, даже вчера только покоренных народов; легион по закону состоял наполовину из граждан, и наполовину — из так называемых союзников, причем, конечно, способ призыва на службу был иной в Италии, чем в провинциях. Устранение туземного населения от воинской повинности на окраинах было, с нашей стороны, несомненной ошибкой, поддерживавшей явную рознь между владычествующим и подчиненными племенами; происходила же эта ошибка от забвения мудрого правила, которым был столь силен допетровский период — приспособляться к особенностям вновь занятой страны в военном, как и в гражданском управлении. Ныне же, затрудняясь ввести общую рекрутскую повинность, ее не заменяли ничем.

Очевидно, однако же, что цель заключается в том, чтобы выставить на поле битвы возможно большее число лучших бойцов; приемы, посредством которых набираются эти люди, не представляют большой важности. Если правительство, по необходимости, должно допустить значительные отступления в гражданском управлении азиатскими окраинами, то оно не нарушит правила, допуская отступление и в системе набора местного войска, особенно когда притом значительно удешевляется содержание вооруженной силы.

Во всем свете обязательная военная повинность, особенно в мирное время, когда никакая видимая потребность не вынуждает людей браться за оружие, считается самой тяжелой из повинностей; в глазах непривычного населения рекрутский набор равняется величайшему из бедствий, и нет сомнения, что он был бы принят не только в Туркестане, но и на Кавказе, свыкшемся уже с русским владычеством, как бедствие, не обошелся бы без крайнего насилия и больших беспорядков. Между тем эти же племена из веков привыкли выставлять ополчение, а большая часть их, по своей воинственности, выставляют его даже охотно, если только русское начальство принимает в должное внимание местные нравы и туземную общественную

иерархию, не разрушая ее в распределении военного начальствования и подчиненности. Будет несравненно удобнее ввести воинскую повинность в азиатские окраины под видом ополчения, приводимого постепенно к более строгой обязательности, дисциплине и регулярности. При этом условии не только не нужно будет насилия, но содержание местного войска обойдется значительно дешевле, а растяжимость его с переходом на боевое положение увеличится во много крат. Надо принять в основание то соображение, что кавказское население было от века самым воинственным в мире, что оно недавно еще состояло поголовно из бойцов и что там покуда нет надобности в продолжительной подготовке селянина для обращения его в надежного солдата. На Кавказе будет всегда сколько угодно войска, были бы только готовы для него небольшие кадры для подготовления урядников, конечно, из туземцев, для каждого племени из его собственных людей. В Туркестане и Закаспийском крае есть элементы, не уступающие кавказским, начиная с туркмен. Надо иметь в виду также, что всякое кочевое племя, состоящее из прирожденных всадников, выносливых, вместе со своими конями, как никто другой, представляет в умелых руках неоценимый и неисчерпаемый материал конницы. О личной воинственности кочевников незачем говорить, это дело случайное и условное; нынешние киргизы с Чингисханом и Тамерланом завоевали полсвета. Для развития местных сил обеих окраин требуется формировать — не полки, а лишь кадры для них в самом ограниченном размере; а затем нужен закон об обязательном пополнении кадров в военное время, для чего люди должны быть расписаны предварительно и знать вперед свое место, на определенное число лет. Можно делать от времени до времени примерный сбор людей. Надобно только при этом внушить народу, что, кроме вышесказанной временной повинности, никакое казачье устройство, чего он именно боится, не будет введено в его внутренний быт.

В Средней Азии, сроднившейся еще с мыслью о вечном единении с империей, не привыкшей даже выставлять ополчение, нельзя будет, вероятно, составлять первые кадры

иначе, как постепенно. Надо заметить, однако же, что относительно некоторых племен нужны будут решительные меры немедленно. Нет почти сомнения, что со стороны текинцев скоро заявится требование, с которым тысячи лезгинских и чеченских абреков обращались к кавказскому начальству в 1859 г.; слишком многие из них привыкли кормиться исключительно оружием, чтобы перейти сразу к мирному труду; для избежания новых взрывов желающим надо дать приют под русским знаменем, формируя их в сотни, с условием нести службу там, где им укажут.

На Кавказе невозможна никакая гуртовая мера, придется разнообразить условия формирования кадров и вызовы на службу по племенам. В военном отношении так же, как в гражданском, не должно забывать глубокого различия между двумя половинами Закавказского края: христианской и мусульманской. Грузинские губернии, по складу населения, могут выставлять только пехоту (надо сказать — пехоту превосходную); армянские населения в большинстве также годны только для пехотной службы, пехоту же придется набирать отчасти в горном Дагестане по недостатку коней; мусульманские губернии и прочие горские племена могут дать преимущественно нестроевую конницу при несколько тщательном формировании отличного свойства. Притом всех христиан неопасно держать под ружьем постоянно, хотя бы в значительном числе; мусульман без войны не следует собирать массой. Эти крупные особенности обусловливают различие приемов относительно каждого племени; о каждом из них надо говорить отдельно. По боевому положению можно полагать приблизительно одного вооруженного человека на 40 душ обоего пола, откидывая из этого числа ¼ на нестроевых и запасных; пропорция эта русская и общеевропейская.

Тифлисская и Кутаисская губернии

Откидывая население Тифлиса, почти исключительно армянское, и татарскую Боргалу, остается около 1 млн 50 тыс. грузин (с небольшой примесью армян и клочком осетин). По

вышепринятой пропорции это народонаселение вместе с Сухумским отделом может выставить на боевом положении не менее 20 батальонов. Никто на Кавказе не усомнится в том, что грузинское ополчение, правильно подготовленное, даст отличную боевую пехоту; грузинские батальоны будут вполне полевым войском, и подготовление их должно соответствовать такой цели. Этого можно достигнуть одним из двух приемов: 1) Держать в мирное время на каждый батальон полуроту охотников, обращая их с призванием под ружье соответствующего батальона в унтер-офицеров; а чтобы все призываемые, расписанные вперед люди умели стрелять (более чего не требуется), обучать их ежегодно несколько дней, во время праздников в центре батальонного участка, обращая учение в удалую потеху, для чего достаточно одного ружья на нескольких человек. Толковый начальник ополчения легко разовьет это учреждение. 2) Другой способ — держать на постоянной службе комплектную роту на батальон, сменяя людей ежегодно. В 4—5 лет все пройдут через строевую школу; но при этом приеме войско останется без подготовленных унтер-офицеров, разве держать их сверх комплекта со значительным возвышением расхода. Офицеры будут, конечно, туземные. В мирное время, кроме кадровых, они могут считаться в отпуске на половинном жалованье и призываться к ближайшему войску на короткие сроки, для летних занятий; содержание их заменит пенсии, раздаваемые покуда грузинскому дворянству в таком обилии. Кто знает грузин, не станет сомневаться, что при таком условии в офицерах никогда не будет недостатка.

Армянское население

Армян за Кавказом 700 тыс. Между ними немало храбрых людей лично, но нельзя надеяться, чтобы армянская масса стала когда-нибудь боевым войском; тем не менее батальоны (около 13), формируемые из армян, населяющих сплошными массами многие местности мусульманских губерний, принесут ту очевидную пользу, что избавят нас в военное время от

отвлечения сил для содержания этих областей в спокойствии; они могут также служить в гарнизонах крепостей. Верность правительству армянского ополчения, сдерживаемого страхом соседей-татар, вполне обеспечена. Ввиду исключительно оборонительного назначения нет надобности в особенной заботе об его обучении; будет время подучить его после сбора, были бы только знающие в некоторой степени свое дело унтер-офицеры, несколько сот человек, которых можно подготовлять при расположенных в крае войсках, призывая на срок из расписанных для ополчения людей по наряду.

Кавказские горцы

Оставшихся в пределах Кубанского войска 70 тыс. горцев следовало бы привлечь постепенно к казачьей службе. Затем численность мусульман в Терской области — 325 тыс., в Дагестанской — 437 тыс., в Закатальском округе — 40 тыс., могущих по принятой пропорции поставить под ружье 15 тыс. бойцов. В кадрах горских полков, служащих основой для сбора воинственного населения, достаточно держать одного человека на десять, призываемых к оружию в военное время, всего 1500 человек, с тем чтобы формировать с переходом на боевое положение из каждой сотни 10 сотен, из полусотни — пятисотенный полк. Постоянные сотни должны быть школой для урядников. Ввиду того назначения они должны состоять из лучших людей. При аристократическом устройстве некоторых горских племен и при особенном значении почетных семейств во всех племенах без исключения надобно обращать особенное внимание на то, чтобы постоянные сотни формировались из молодых людей лучших родов, что всегда во власти толкового местного начальника; иначе при сборе людей опрокинется основная общественная иерархия туземцев, и из полка выйдет несвязная толпа. В некоторых племенах, как, например, в Кабарде, распределение командований должно быть прямо основано на родовом начале. Люди, назначенные для приведения кадров на боевое положение, должны быть, конечно, расписаны предварительно и знать свое место. От времени до времени

следует делать смотровые сборы по полкам, избегая притом, конечно, всякого отягчения населения.

Закавказские мусульманские губернии

Мусульманское население этих губерний, кроме вновь завоеванных областей, простирается до 1 млн 50 тыс. жителей и могло бы выставить 20 тыс. всадников. Но как этот народ (кроме курдов, которых считается до 170 тыс.) утратил воинственность и в политическом отношении не совсем благонадежен, то было бы бесцельно и неудобно собирать его такой массой; будет целесообразнее воспользоваться теми боевыми элементами, которые в нем еще заключаются, относя содержание поставляемых под ружье людей не на Государственное казначейство, как везде, а на само население, заменяя отчасти воинскую повинность соответственной денежной. Исключительные элементы — во-первых, курды, которые по общей пропорции могут выставить 4 тыс. всадников, что предполагает 4 кадровых сотни в мирное время (надо заметить, что устроенное курдское ополчение могло бы принести нам огромную пользу на войне в азиатской Турции, привлекая на нашу сторону своих соотечественников, составляющих главное население нескольких пограничных турецких областей); во-вторых, высшее мусульманское сословие — беки и агалары. Воинственный дух, как и естественно, уцелел отчасти только в этом сословии, очень многочисленном. От беков, одаренных землями русской властью, правительство имеет право требовать прямой личной службы, как от казаков, что сами эти люди хорошо понимают; такая служба при разумном местном начальстве станет первым шагом к цели, предначертанной князем Воронцовым, — к постепенному обрусению созданного им местного дворянства. Для усиления численности можно выводить на службу и простых сельчан, но не иначе как по выбору беков, отвечающих за них в качестве их нукеров. В настоящее время Закавказский край обременен расходом на земскую стражу, учреждение более чем фиктивное, которое могло бы быть с великой пользой отобрано от земской полиции и заменено кадровыми бекскими

сотнями, состоящими в распоряжении военного начальства и занимающими посты, как занимали их недавно донские казаки, не имевшие ничего общего с полицией. Было бы, кажется, достаточно сформировать в каждой из трех мусульманских губерний по 2 постоянные сотни, всего — 6, разрастающихся, при надобности, в 6 конных полков, употребляя на этот предмет: в мирное время — нынешний сбор на земскую стражу, а в военное — добавочный сбор с низших сословий, избавленных от воинской повинности.

При вышеизложенном военном устройстве в мирное время находилось бы под ружьем: 20 грузинских кадровых полурот из охотников, 250 (треть полного числа) унтер-офицеров, для батальонов армянского ополчения, обучаемых при войсках, 15 постоянных горских сотен, 4 курдских и 6 сотен бекских, — приблизительно 5 тыс. человек с небольшим, разрастающихся с переходом на боевое положение в силу до 60 тыс. бойцов.

Когда раз на Кавказе будут сформированы постоянные кадры для каждого племени, соответственно его боевым качествам, а люди, призываемые для пополнения кадров до боевого комплекта, предварительно расписаны, воинская повинность будет уравнена между Кавказом и коренной Россией, в Средней Азии ей будет положено твердое начало, и притом самым тихим и дешевым изо всех способов.

В текущее время возник вопрос о подчинении Закавказского края воинской повинности. Действительно, азиатские окраины можно будет считать сращенными с государством тогда лишь, когда их введут не только в общую экономическую, но и в военную систему, когда они станут выставлять то же относительное число вооруженных людей, как и коренные области. Населения этих окраин, недавно еще поголовно вооруженные, могли бы поставить под ружье значительные и, в своем роде, превосходные боевые силы, но от них требовали до сих пор лишь небольшого числа ополчения, даже вопреки их желанию. При покорении Восточного Кавказа в 1859 г. несколько тысяч людей в Дагестане и столько же в Чечне просились на службу, говоря, что они умеют кормиться только

ружьем; невнимание к их просьбе лишило нас надежных боевых дружин, которые могли бы без помощи регулярных войск утвердить русское владычество в Закаспийском крае, и было причиной многих последующих волнений. Очевидно, что азиатский подданный, хотя не может ни платить, ни управляться наравне с европейским, но может нести одинаковую с ним личную повинность, при видоизменении только способа призыва на службу. Сослужение под одним знаменем скрепляет связь покоренного народа с владычествующим прочнее всяких политических и иных мер; дружины туземцев, выведенные из своего края, доставляют, вместе с тем, надежнейших заложников. Замечательно, что правительство, оставшееся вечным образцом умения сращивать вновь завоеванные области с телом государства, правительство римское, держалось постоянного правила — вести войны наполовину руками покоренных, даже вчера покоренных народов; легион по закону состоял наполовину из так называемых граждан и наполовину — из союзников, причем, конечно, способ призыва на службу был иной в Италии, чем в провинциях. Устранение туземного населения от воинской повинности на окраинах было, с нашей стороны, несомненной ошибкой, поддерживавшей явную рознь между владычествующим и подчиненными племенами; происходила же эта ошибка от забвения мудрого правила, которым был столь силен допетровский период — приспособляться к особенностям вновь занятой страны в военном, как и в гражданском управлении. Ныне же, затрудняясь ввести общую рекрутскую повинность, ее не заменили ничем.

Очевидно, однако же, что цель заключается в том, чтобы выставить на поле битвы возможно большее число лучших бойцов; приемы, посредством которых набираются эти люди, не представляют большой важности. Если правительство, по необходимости, должно допустить значительные отступления в гражданском управлении азиатскими окраинами, то оно не нарушит правила, допуская отступление и в системе набора местного войска, особенно когда притом значительно удешевляется содержание вооруженной силы.

Во всем свете обязательная военная повинность, особенно в мирное время, когда никакая видимая потребность не вынуждает людей браться за оружие, считается самой тяжелой из повинностей. В глазах непривычного населения рекрутский набор равняется величайшему из бедствий, и нет сомнения, что он был бы принят не только в Туркестане, но и на Кавказе, свыкшемся уже с русским владычеством, как бедствие, не обошелся бы без крайнего насилия и больших беспорядков. Между тем эти же племена из века в век привыкли выставлять ополчение, а большая часть их, по своей воинственности, выставляют его даже охотно, если только русское начальство принимает в должное внимание местные нравы и туземную общественную иерархию, не разрушая ее в распределении военного начальствования и подчиненности. Несравненно удобнее ввести воинскую повинность в азиатские окраины под видом ополчения, приводимого постепенно к более строгой обязательности, дисциплине и регулярности. При этом условии не нужно будет насилия; содержание местного войска обойдется значительно дешевле, а растяжимость его с переходом на боевое положение увеличится.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ

[ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ]

ВСТУПЛЕНИЕ

В настоящую минуту Европа приняла более воинственный вид, чем было когда-нибудь со времени окончания великих наполеоновских войн. Главная, по крайней мере наиболее бросающаяся в глаза, забота больших европейских государств состоит теперь в пересмотре своих военных учреждений, в расширении кадров армии, чтобы вместить в них наибольшую силу при переходе на военное положение, в усовершенствовании вооружения. Каждое государство боится остаться позади других. Забота эта всеобщая. Она достаточно объясняется нынешним состоянием мира. На наших глазах перевершаются почти все прежние, установленные отношения между народами, заменяются новыми, из которых ни одно не окрепло еще достаточно, чтобы считаться решенным делом; чем слабее привычные связи, тем больше места произволу и силе. В такую минуту каждому самостоятельному народу приходится оглянуться на себя, сравнить свои силы, естественные и выработанные, с силами соседей, внимательно рассмотреть, не остается ли что-нибудь сделать в этом отношении, и в то же время беспристрастно взвесить собственное заключение о себе и сравнить его с действительностью. В таких важных обстоятельствах проверка суждений, сделавшихся более или менее общепринятыми, становится необходимым возмужалому обществу.

В сущности, каждый международный вопрос есть вопрос о силе, мирное и военное разрешение его составляют две степени напряжения одного и того же действия. Когда неравенство силы очевидно, тогда уступают без боя, если возможно, приличным образом; иначе вступают в бой. В международных отношениях желать чего-нибудь — значит сознавать в себе силу добиться желаемого. Дипломатия составляет, в сущности, не что иное, как бессрочные переговоры между народными силами, между армиями, во главе которых стоят их правительства. Дипломатия — это форма, часто искусство пользоваться своей действительной силой, не напрягая ее; без силы дипломатия будет праздным разговором — красноречием ганноверских уполномоченных перед графом Бисмарком[1]. Разумеется, сила человеческих обществ не измеряется одним перечислением штыков и пушек или, что то же, населений и доходов. Тем не менее сумма нравственного, политического и материального могущества народов не только должна определять меру их желаний, но на деле всегда определяет ее. Невозможного нечего и желать.

Часто, однако ж, общество имеет смутное понятие о своем народном могуществе, понятие, основанное на случайных обстоятельствах, из которых поторопились вывести обманчивые заключения; а между тем общественное настроение, даже в абсолютных государствах, имеет великое влияние на решения политики. Пруссия вышла на войну в 1806 г. и чуть не погибла вследствие того, что была ложно уверена в превосходстве своей армии на основании давно минувших побед Фридриха Великого, когда все уже изменилось кругом. В 1866 г. совершилось совсем обратное. Нет сомнения, что большинство прусского общества боялось последствий затей Бисмарка, что Пруссия не верила в себя и была вовлечена в войну вопреки своему желанию, только отчаянно решительным характером своего министра. Хотя прусская армия выказалась в гораздо лучшем свете, чем от нее ждали, тем не менее успех ее в домашней немецкой войне объясняется наполовину такими случайными и местными обстоятельствами, что выводить из него заключение относительно внешней войны было бы слишком преждевременно.

Но теперь новый оборот медали. После победы прусское общество чересчур возомнило о себе, готово натолкнуть свое правительство на самые рискованные предприятия и может жестоко за то поплатиться. Мы также видели на своем веку у себя дома, и притом два раза, ошибочное настроение, основанное на неверной оценке своих средств, и настроение это каждый раз приводило к последствиям очевидно невыгодным. В первый раз, когда перед восточной войной мы собирались закидать врагов шапками, не принимая в соображение того, что, каковы бы ни были народные силы России, на эти силы можно было полагаться только при должной организации их; военная же организация того времени отличалась тем свойством, что обременяла государство в мирное время непомерным количеством войск, оказывавшимся недостаточным для военного; вновь формируемые части не годились для открытого боя, а действующих войск не могло достать для того, чтобы сдерживать союзников с моря и серьезно грозить им с сухопутной границы — единственное средство достигнуть успеха. Конечно, общественное мнение тогда мало значило, но если бы русское общество понимало, до какой степени наше военное (надо прибавить и гражданское) устройство того времени было недостаточно для такого громадного предприятия, как восточная война, мнение его произвело бы некоторое действие. Другой пример еще более поучителен. Неудача восточной войны вселила в русское общество полнейшее недоверие к собственной силе, длившееся много лет, слышное по временам даже теперь; конечно, нынешние австрийцы, действительно разбитые наголову, более уверены в себе, чем были уверены мы после 1856 г. Послушав, что тогда говорилось в публике почти поголовно, можно было выдумать, что мы представляем собой Китай после первого его столкновения с англичанами, разоблачившего внезапно бессилие Небесной Империи. Между тем, странное дело, восточная война произвела совершенно обратное впечатление в Европе; понимающие люди стали думать о нас выше после Севастополя, чем думали прежде, они увидели Россию ближе и поняли громадность ее естественных сил.

Влияние этого легкомысленного разочарования, хотя неуловимое, было, к сожалению, слишком действительно и десять лет тяготело над внешним положением России, над самыми существенными ее международными интересами. Было бы ребячеством надеяться успехов от дипломатии, не поддержанной достаточной уверенностью общества в народной силе. Дипломатия всегда может сказать: дайте мне уверенность в силе, я разовью ее в дипломатические успехи. В подобных вещах нельзя ссылаться на правительство. В том и состоит бесконечное превосходство законного, установленного векового правительства над случайным и революционным, что оно составляет не партию и всегда проникнуто духом среды, над которой стоит; если ему случается по некоторым вопросам разно с ней думать, то оно всегда и без исключения одинаково с ней чувствует.

Из приведенных примеров можно вывести заключения по крайней мере относительно верные: 1) мнение народа о своем могуществе имеет великое влияние на ход его политических дел; 2) мнение это нередко бывает чрезвычайно легкомысленным и неосновательным, а последствия заблуждения тяжко ложатся на судьбу государства.

Между тем вообще принимается, что даже основные военные вопросы составляют специальность, что они могут оставаться чуждыми обществу. А когда приходит минута выразить свое мнение о войне и мире, взвесить средства для успеха, будьте уверены, что из десяти военных, считаемых лучшими судьями в этом деле, девять повторят мнение общественной среды, в которой живут. Таким образом, общество, обыкновенно чуждое военных вопросов, не знающее основательно ни состояния вооружейных государственных сил, ни отношения их к задумываемой борьбе, в важных случаях становится в значительной степени судьей и решителем этих самых вопросов.

Освободиться от влияния общественного мнения в подобных вещах дело невозможное и вовсе не желательное. Если мнение влияет в вещах второстепенных, как же обойти его в вопросе быть или не быть, возникающем с каждой серьезной войной. Является дилемма по наружности безвыходная: исто-

рия доказывает, что общественное мнение бывает часто крайне легкомысленно в вопросах войны и мира, а между тем влияние его по необходимости сильно, иногда неотразимо. Очевидно, тут кроется какое-нибудь громадное недоразумение. По моему понятию, это недоразумение заключается в следующем. Без сомнения, военное дело составляет специальность, но в таком же смысле, как специальность инженеров, строящих железные дороги. Люди, наилучше понимающие нужды страны в распределении железных путей, часто не имеют никакого понятия об инженерном искусстве. Что было бы, если б единственными судьями в этом деле оставались инженеры-техники? Они занялись бы искусством для искусства, настроили бы множество дорог, замечательных по исполнению, по преодоленным трудностям, но бесполезных для страны. То же самое оказывается и в военном устройстве государства. Образование армии есть, конечно, дело военной специальности, как постройка железной дороги есть дело специальности инженерной. Техник имеет полное право представить свои возражения против направления предполагаемого пути, вследствие местных затруднений, которые он может оценить лучше другого; но возражения его могут иметь предметом только то, чтобы дать другое очертание дороге, обойти препятствия изгибами, а не то, чтобы перекинуть ее в другую сторону, строить ее не на Киев, а на Воронеж. От системы, положенной в основание военного устройства, зависит прямо степень могущества государства, а вследствие того и международная политика, сквозь которую это могущество сквозит во всем, как цветная подкладка через кисею. Между тем превосходство военного устройства происходит главнейше от его соответственности с общественным складом, можно сказать, от его безыскусственности, ненатянутости, оттого, насколько верно вооруженные силы нации представляют ее действительные, живые силы и ее общественные отношения, во всей их естественности. С первого взгляда видно, насколько легче дать окончательное устройство силам, которые сами складываются в готовую форму, чем биться над устройством искусственным, которое требует столько труда и времени и потому

уже не может расширяться по произволу. Если же правда, что вооруженные силы нации должны быть верным воспроизведением ее самой, то правда и то, что вопрос об основании военной системы становится вопросом о самой нации, о ее духовных и материальных основах, то есть обращается в вопрос политический и исходит в область общественного сознания, как его неотъемлемое право и потребность. Везде и всегда общество чувствовало, если не вполне ясно сознавало, эту истину и никогда не считало чуждыми себе вопросов такой коренной важности, хотя мало было подготовлено к их правильному обсуждению. Выходило то, что оно чаще решало их страстью, чем разумом.

Нынешний век, переделавший столько людских понятий, распространивший в народном сознании столько прежних специальностей, оказал свое влияние и в этом отношении. В Англии, Германии и Франции, особенно во Франции, основные понятия о военном деле и о военной статистике стали общим достоянием. Теперь редко уже можно встретить француза, который не имел бы о военном деле (конечно, не в его специальностях) столь же определенного понятия, как о других популярных предметах жизни и науки. Во Франции был бы смешон статский (по русскому выражению), наивно не понимающий самых простых вещей, относящихся к армии и войне. Недаром некоторые из самых замечательных вещей, писанных в новой Франции по частям военно-сухопутной и военно-морской, писаны двумя статскими, Тьером[2] и Луи Рейбо[3]. Эта вульгаризация военных понятий в обществе составляет одну из великих сил Франции, дает ей заметное превосходство в Европе. Франция смотрит на военные события и на политику, подготовляющую войну, не слепыми глазами, как многие другие; она совершенно хорошо понимает свои шансы, и слова «популярность или непопулярность» какого-нибудь предприятия означают там не одно увлечение страсти или предрассудка (хоть без страстей в таком случае, конечно, не обходится), но оценку, до известной степени верную, сил, препятствий и целей. Военные люди не имеют во Франции характера жрецов Изиды, они не могут слишком увлекаться самомнением, принадлежностью

всякого неконтролируемого специалиста; они, конечно, первые и главные судьи, но которых в свою очередь судит общество. Одобрение его придает мерам военного министерства, иногда невыгодным для финансов, нравственную силу, сопровождающую общественные реформы, необходимость которых сознана. Могущество государства от того не проигрывает.

Хотя понимание военного дела менее развито в обществах Англии и Германии, но и там оно распространено несравненно более, чем у нас. Не может быть никакого сомнения, что общественное мнение этих стран не разочаровалось бы в силах нации по поводу войны, подобной восточной, не приняло бы оплошности, выкупленной таким развитием могущества, за бессилие и не напустило бы на себя скромности побежденных китайцев, отличавшей наши речи в продолжение десяти лет. Такое странное явление было возможно только в обществе, в котором не считается до сих пор невежеством для образованного человека не знать, из какого числа полков состоит армия его Отечества, какие производятся в ней преобразования, каково отношение ее сил к силам других народов и так далее. И за границей этим вещам не учат в гражданских школах, но все их знают и тем уже обеспечиваются от слишком несообразных заключений. Если не каждый гражданин там Тьер или Рейбо, зато общество в массе достаточно понимает вещи, необходимые для уразумения национального могущества, чтобы не принимать белое за черное.

Русское общество должно перевоспитать себя в этом отношении, иначе оно никогда не будет судьей своих собственных дел, останется чуждым своей современной истории. Средства к тому открыты, занавесь, за которой совершались все распоряжения военного ведомства, поднята. Понимание условий, на которых основано могущество Отечества, теперь прямо уже зависит от степени внимания русского общества к своим собственным делам.

Всеми признано, что в жизни человеческих обществ не бывает крупных явлений совершенно случайных, таких явлений, которые не исходили бы из главного источника — народ-

ного духа и исторической судьбы государства. Но не все еще, кажется, пришли к заключению, что под это общее правило подходят также различные виды устройства военных сил, существующие в том или другом государстве; что это устройство вовсе не произвольное, что оно необходимо обусловлено как общественным складом, так и географическим положением государства. Между тем существующие в разных государствах системы военной организации выражают до такой степени верно настоящую минуту их жизни, что ее можно было бы восстановить в истории по одним данным военной статистики, везде основания, на которых зиждется военная система, лежат глубже, чем в личной воле правительства. Объем вооружений определяется не каким-либо государством, взятым одиночно, но всей суммой государств, составляющих образованный мир, то есть духом проживаемой эпохи, — также и общественным складом народа, который правители не могут переделать по произволу. Самая организация и дух войск почти всегда еще менее зависят от правительства, чем даже объем вооружений; в них выражаются с математической верностью установленные историей отношения общественных классов, степень полноправности, усвоенной гражданам различных состояний, и все обычаи страны, особенно отношение взрослых сыновей к семье, которое везде влияет сильнейшим образом на установление той или другой системы рекрутского набора. Из этих двух условий, вовсе не произвольных, — количества войск и их внутренней национальной организации, истекает все остальное — пропорция сил мирного времени к военному, отношение разных оружий между собою, система производства и распределения командований, даже, в значительной степени, боевой устав, которого придерживается войско. Примеров нечего искать, каждое европейское государство будет подходящим примером.

Вот Англия, немного уступающая населением Франции и много превосходящая ее богатством. В настоящее время это государство отличается крайне мирным настроением. Но в начале столетия, когда ее общественное устройство еще не выказывало своих крайних последствий, Англия вовсе не была миролю-

бива и вела гигантскую борьбу против Франции и всей подчиненной ей Европы. Правительство и общество были заодно и напрягали все средства, чтобы выставить против Наполеона возможно значительные силы. Кажется, при таком населении и таком богатстве Англия могла бы вооружить огромную армию; однако ж нет, гражданское устройство ее не позволяло ей того; действующая английская армия, без союзников, никогда не превышала пятидесяти тысяч солдат. Несмотря на все желание, роль Англии в континентальных войнах была всегда лишь второстепенная. Всякий знает, каким образом неприкосновенность личности, воспитанная аристократическими учреждениями Англии, распространенная понемногу на каждого англичанина, заставляет это государство набирать свое войско исключительно вольной вербовкой, в самой низкой черни. Эта система набора, краеугольный камень военного могущества Англии, обусловливает все остальное. Переход с мирного положения на военное, удваивающий и устраивающий европейские армии, не может иметь там такого значения, как на материке; там, напротив того, люди, охотно вербующиеся в мирное время, не идут в службу ввиду предстоящих опасностей и лишений, и таким образом, источник пополнения не возрастает, но иссякает для английской армии с приближением войны. Та же самая причина заставляет удерживать английского солдата, сколь можно долее, под знаменем. Прежде он служил всю жизнь; теперь срок сокращен, но его вербуют почти всегда на дальнейшие сроки. Состав английской армии, набранной из бездомной черни, преимущественно из пропащих людей, налагает на нее ей только свойственный характер. Английский солдат-*илот*, которого никакое отличие не может вывести в люди; между ним и офицером лежит та же непереходимая грань, как между средневековым рыцарем и его вилланом. Понятно, каким образом из этих отношений истекает дух английского устава, его исключительное предпочтение развернутого строя. Английский солдат, которого всегда держат в ежовых рукавицах, хотя и одарен от природы энергическим характером, но вследствие своего общественного положения и военного воспитания становится

пассивным до механичности; энергия его обращается исключительно в устойчивость! Какой стремительности, необходимой для рвущейся вперед колонны, ждать от этих людей? Они несамостоятельны, потому что склад английской общественной жизни не допускает их самостоятельности, а вследствие того могут действовать удовлетворительно лишь как неодушевленный механизм в руках офицера; для них пригоднее всего тот строй, в котором энергия их может выражаться пассивно и в котором они всегда на глазах и в воле своих офицеров. От того же происходит, что английское войско не умеет жить на походе средствами страны, а обременено нескончаемыми обозами, требует самых мелочных попечений, как кадетский лагерь: весь разум его в начальстве. Со всем тем английская армия — армия превосходная, она постоянно побеждала лучшие войска, какие только могут быть — войска первой французской империи. Высшая развитость, нравственная и физическая, передовых английских классов, составляющих ее душу; грубая твердость толпы, образующей ее тело; превосходное снаряжение, делают из этой армии военное орудие, во многих отношениях одностороннее и слишком тяжелое, но страшное.

Малочисленность английской армии не позволяет ей играть самостоятельную роль в европейских войнах; но для Англии она совершенно достаточна. Морское могущество страны удесятеряет силу ее сухопутного войска, давая возможность угрожать им всякому прибрежному пункту неприятельских владений и развлекать таким образом силы, часто огромные, что мы достаточно испытали во время восточной войны. Для внутренней обороны против вторжения Англия имеет милицию из зажиточных, полноправных классов, но черни ни под каким видом не дает оружия в руки; в этом отношении она так же верна себе, как и в остальном. Достаточно видно, до какой степени отчетливо английская армия выражает исторический склад народа и географическое положение страны. Если бы во время Карла II, когда учреждены были в Англии первые постоянные войска, существовал человек, одаренный нечеловеческой способностью выводить из данного положения

все его логические последствия, он с точностью предсказал бы нынешнюю организацию английской армии; до такой степени военная система государства непроизвольна; до такой степени сила вещей представляет военному министерству только техническую работу — группировать элементы, какие выдаются ему готовыми социальным и политическим бытом народа.

То же самое и на материке. Как ни различна французская военная организация от английской, она так же непроизвольна и так же мало зависима в своих основаниях от правительства, как и там. Франция составляет сплошное однородное тело, расположенное в самом сердце Европы, и по тому самому уже редко может избежать участия во всяком международном замешательстве. Несмотря на революцию, французы в своем частном быту и теперь еще воспитываются в тех же преданиях воинолюбия и народной славы, развившихся в давние времена под влиянием господствовавшего дворянства, утратившего давно всякий политический характер и ставшего чисто военной кастой, европейскими кшатриями. Двадцатипятилетняя борьба на жизнь и смерть революции и империи еще более развила это расположение, превратив всю нацию в военный стан. Воинолюбие французов понятно, по крайней мере, исторически, тем более что оно поддерживается еще многими особенностями. Война бывает полна угрозами для самого существования большинства европейских государств, но не для Франции. Вследствие сильного поражения Австрия может рассыпаться, Италия — быть вновь раздроблена и порабощена, из Пруссии, даже после ее кениггрецкой победы, можно еще накроить десяток Саксонии; но кто станет надеяться, при совершенной однородности такого сплошного государственного тела, как Франция, отхватить от нее провинцию и долго удерживать завоевания. В случае поражения Франция рискует только материальными жертвами и своим влиянием на известный срок, но вовсе не рискует своим действительным могуществом. Очень естественно, что французское славолюбие может развертываться на просторе, вследствие чего Франция всегда была зачинщицей почти всех европейских войн. У других народов национальная

гордость, славолюбие, составляет одну из страстей, во Франции оно составляет главную, господствующую страсть, удовлетворение которой успокаивает до известной степени все другие. Покойный герцог Орлеанский понимал это дело очень хорошо, когда наталкивал своего отца на войну, предсказывая, что иначе им придется погибнуть в одной из парижских водосточных канав. Кроме того, на силе армии преимущественно основано существование всякого французского правительства, каково бы оно ни было, так как со времени революции правительство там не что иное, как одна из партий, захватившая в свою очередь власть в руки. Дисциплиной штыков держатся французские власти, славой штыков они увлекают страну.

Понятно, что при таком положении вещей первая забота правительства — располагать армией, сколь возможно, многочисленной. Но тут сила вещей вступает в свои права. Франция богаче Пруссии, но, несмотря на то, далеко не может выставить пропорционально населению такой массы вооруженных сил, как эта последняя. То же самое наследственное настроение народа, заставляющее правительство всеми возможными средствами усиливать армию, полагает предел этому усилению. Чисто народная сила невозможна во Франции. Насколько француз верен правительству как солдат, настолько же он опасен для него как вооруженный гражданин; пока он не обратился всецело в солдата, ему нельзя дать ружья в руки. Еще в 1866 г., когда это сочинение было писано для «Русского вестника», там говорилось: «Неизвестно, насколько увеличатся силы французов ожидаемым преобразованием военного положения; но, принимая в расчет исторический, сложившийся в силу необходимости дух их военных учреждений, надо думать, что эти силы не выйдут из системы постоянной долгосрочной армии». Так и случилось. Соревнование с прусскими положениями разрешилось продолжением срока службы с 7 лет на 9, что позволяет зачислять большее число людей в резерв и привести, когда нужно, всю действующую армию в боевой комплект. Что же касается до национальной гвардии, остающейся без организации, то она вовсе не соответствует ландверу. Она может в во-

енное время занимать гарнизоны пограничных крепостей, что, конечно, значительно способствует приращению силы; но главный смысл этого учреждения в мысли правительства — за это можно поручиться — состоит в том, что с первою войной в его распоряжении окажется полмиллиона лишних людей для пополнения действующих войск или для чего бы ему ни вздумалось; положения закона не остановят; во Франции le salut public[4] применим ко всему и все оправдывает. Но одни постоянные войска, хотя бы содержимые в мирное время в кадрах, значительно ограниченных, никогда не могут выставить очень высокого итога сил относительно к населению страны. С переходом на военное положение французская армия возвышалась на две трети, теперь будет возвышаться вдвое, кроме национальной гвардии, которая никогда не считалась там самостоятельной силой, вероятно, и теперь не будет считаться такой; между тем как прусская армия увеличивается втрое. По духу военных учреждений иначе быть не может. Если кадры слишком понизить, из армии выйдет народная сила, что не для всех годится; если содержать их в такой численности, какая нужна, чтобы не ослабить сословный дух армии, никакой бюджет не вынесет их тягости. Надо иметь в виду, кроме того, что во Франции почти половина действующих войск употребляется на занятие гарнизонами городов (для Парижа целая армия, для Лиона корпус), без чего правительство не будет обеспечено в своем существовании двадцать четыре часа. Вооруженные граждане не могут исполнять этого назначения, так как против них-то именно оставляются войска. Алжирия, колонии требуют также войск. Из 115 пехотных полков для европейской кампании остается только половина. Действующие силы, которыми располагала Франция при сильном напряжении в 1859 г.[5], составляли 180 тыс. в Италии и 50 тыс. на Рейне, всего 230 тысяч: третью меньше, чем выставила Пруссия в последнюю войну.

Из такого же положения возникает дух, в котором воспитывается французская армия. Недостаток численности обращается в усиление ее внутреннего качества. Правительство желает обособить ее как можно более, поддерживая в ней дух

касты, чему с своей стороны много способствуют военные предания полков. Обособить действительно можно только старые банды[6], но со времени революции гражданские, если не политические, права французов ограждены ненарушимо; срок службы определен, годовое количество рекрут также. Оставалось одно средство — вербовать отставных солдат на второй и на третий сроки, таким образом полки составляются из старых, преданных власти и надежных в бою кадров; а в пехоте была бы голова, хвост всегда можно приделать. Экономический быт Франции позволяет широко пользоваться этим средством. Известно, что в этой стране большинство сельского населения состоит из мелких собственников; сыновья их охотно поступают в службу и живут на счет казны, в ожидании наследства. Правительство не обращает никакого внимания на декламацию против права выкупа от военной службы, ослабляющего, как говорят, патриотическое настроение нации; ему вовсе не нужна патриотическая Франция, ему нужна боевая армия. Очевидно также, что при господстве принципов 1789 г., французское офицерство, демократическое в основании, может быть перед солдатами только чином, а не классом; между тем беспокойный дух народа и политическое положение страны заставляют поддерживать во французской армии чинопочитание еще гораздо более строгое, чем во всякой другой, правительство достигает этой цели, разделяя военные чины (солдат, унтер, обер- и штаб-офицеров) по группам, между которыми проведена искусственная стена. Так как под руками нет натурального класса офицеров, то пришлось создать искусственную офицерскую корпорацию. При железной внутренней дисциплине военным дается по отношению к обществу такая воля, такая степень безнаказанности, как нигде в Европе; корпоративный дух армии заставляет всю роту вступиться за своего солдата, а наказывать всю роту, говорят — дело слишком серьезное. Воспитание в таком духе, заодно с народным характером, придает французским солдатам свойства наемных бойцов, ландскнехтов XVI в., дерзость, отвагу, славолюбие, фанатизм к своему знамени, презрение ко всему не военному. Очевидно, к

Франции не применимы ни английские, ни прусские военные учреждения; первые лишили бы ее внешней силы, вторые — внутренней опоры. Она должна иметь свою самостоятельную организацию, сущность которой дана силой вещей, независимо от всякой военной теории.

Возьмем третий пример, Пруссию. Исторический склад этого государства сказывается в его военной системе еще резче, чем мы видели на примерах Англии и Франции. Пруссия была не национальность, даже теперь, еще не совсем национальность; она государство, то есть историческая случайность, представляемая династией и армией. Национальность Пруссии не в ней, а вне ее, в большом этнографическом отделе, которого она составляет урывок. Однородность огромного большинства населения и хорошие гражданские учреждения дали ей, правда, некоторый устой. Но все-таки, относительно исторической крепости, Пруссия отличается от Австрии только тем, что та распалась бы без всякой боли, между тем как первая чувствовала бы боль в минуту разрыва, но только в эту минуту, не долее. Если бы в последнюю войну[7] австрийцам удалось решительно взять верх, Силезия, прусская Саксония, рейнские провинции стали бы кричать, вероятно, ощутили бы, как их отдирают от бранденбургской монархии; но через три года они были бы спокойны, чувствовали бы себя дома под другими немецкими правительствами. Гогенцоллернской династии нужно еще много счастливых годов, чтобы сделать из своей державы нацию. До тех пор она остается исторической случайностью, всякая война заставляет ее испытывать все шансы, которым подлежит случайное, политически сколоченное государство, шансы, не имеющие значения для государств-наций. С другой стороны, вокруг Пруссии не было до сих пор открытого политического горизонта морей с хорошими гаванями и полугражданских стран, вызывающих вмешательство, а вследствие того частное столкновение с другими первоклассными державами из соперничества. Со времени Венского конгресса Пруссия в первый раз серьезно вооружилась в 1866 г., между тем как Россия, Англия, Франция и даже отчасти Австрия вели в это время

каждая несколько серьезных войн в Европе и вне ее. До сих пор Пруссия могла быть вызвана на войну только вопросом о существовании, как это и случилось недавно. Война за существование, очевидно, дело не одного правительства, а всего народа; если между частями государства существует какая-нибудь внутренняя связь, народ должен вставать поголовно при вопросе быть или не быть. Войска чисто военные, каково бы ни было их преимущество, нужны только тому государству, которое, по своему положению, может быть часто вовлекаемо в сепаратные войны, которое вынуждено совершать дальние экспедиции. Иенская кампания[8] открыла Пруссии глаза. С тех пор прусская военная система была основана исключительно на поголовном ополчении. Таким образом, государство, составлявшее половину Франции или Австрии, могло располагать первоклассной по многочисленности армией, действующие силы которой дошли в последнее время, через месяц после объявления войны, до 360 000, то есть третью более, чем могла выставить императорская Франция в 1859 г. Нет сомнения, конечно, даже после богемского похода, что в устройстве прусской армии качество пожертвовано количеству; но зато Пруссия с 1806 г. и не предпринимала войн иначе как за независимость; а это дело исключительное, извращающее во многом обыкновенные шансы.

Эти три условия: шаткость государственного бытия, не обеспеченного явными племенными границами, замкнутое географическое положение, обрезывающее свободу действий, и необходимость удержать нечаянно приобретенный политический ранг, заставили Пруссию обратиться в военный лагерь, основать народную армию. Собственно говоря, народная армия, состоящая не из искусственно обособленного класса людей, а из правильно организованных и обученных земских сил, может стать без труда, при нормальном сроке службы, очень хорошим постоянным войском; но Пруссия должна была, по своей исторической задаче, располагать первоклассной армией, стало быть несоразмерно многочисленной в пропорции к населению. Для этого пришлось проводить через военную школу всех молодых людей и держать их в рядах не более того, сколь-

ко оказывалось необходимо нужным, чтоб обучить новобранца употреблению оружия и фронту. При таком порядке вещей, разумеется, не может быть речи о том, чтобы слить полк в одно органическое целое, — первое условие для качества войска; вся сила армии заключается только в том, что в ней остается постоянным, то есть в офицерах и фельдфебелях; масса солдат, полученных лишь наружно, вставляется в эти кадры как сырой материал. Надобно, чтобы в кадрах было военного духа столько, чтоб его стало на всех. Офицеры обыкновенно воспитываются самой армией; но тут, когда армии в мирное время, можно сказать, не было налицо, приходилось образовать такой корпус офицеров, который сам по себе, с колыбели, был бы исполнен воинского духа в полном смысле слова. Пруссия имела для того готовый элемент в своем мелкопоместном дворянстве, юнкерстве, сословии военном и рыцарском испокон веку, составляющем основу и всю силу ее армии. Этими людьми, прирожденными солдатами, безусловно преданными династии, держится все прусское войско[9].

Прусскую армию можно определить так: хорошо полученное ополчение, предводительствуемое наследственно военным и воинственным дворянством. Качество ее не поддается определению, так как оно, можно сказать, рождается только с войной, и дух ее складывается не в мирное время, а на самом театре войны; как хамелеон, она станет и такой, и иной при разных обстоятельствах; она будет хороша после первых, ничего не решающих еще удач, очень слаба после первых неудач. Ненормальность качества прусской армии оказывается уже из того, что в ней, навыворот всеобщих понятий, лучшими, действующими войсками бывают самые молодые, которые в другом месте считались бы почти что рекрутами; чем прусский солдат старее, тем он хуже и тем более отодвигается в резерв, как человек достаточно уже позабывший ремесло.

Чтобы подобная система, обращающая весь народ в войско, была благонадежной системой, не довольно юнкерства: нужны полное доверие правительства к низшим классам, ограниченная территория, густое население, хорошие сообщения,

а еще более того — справедливое, определенное и неуклонное в своем действии общественное устройство, позволяющее расписать вперед место каждому человеку и поставить его в ряды в короткое время. Ясно, что подобное напряжение не может продолжаться долго. Призывая в армию сразу почти все население, способное носить оружие, Пруссия уподобляется человеку, выходящему на бой с одним зарядом, — если он не свалит противника первым выстрелом, он останется перед ним безоружным. Очевидно, против государства, которого нельзя свалить разом, как Франция, не говоря уже о России, прусский натиск составляет не больше как летний ливень, конца которого можно дождаться под первым навесом. Существенно, прусское устройство есть чисто оборонительное; в одиночку, без союзов, пруссаки, даже нынешние, могут действовать наступательно только у себя дома, в малой и великой Германии. Военная организация, основанная на системе ландверов, подходила исторически только к Пруссии и в одной Пруссии осуществилась.

В устройстве австрийской армии не может выражаться никакой общественный тип, за несуществованием такого, но в нем выражаются все печальные условия, которыми обставлено существование этой противоестественной монархии. Австрийское правительство употребило нечеловеческие усилия, чтобы создать армию, без которой оно не могло бы существовать; надо отдать ему справедливость, ни одна военная администрация в Европе не действовала с такой неусыпной заботливостью, с такой последовательностью и с таким пониманием дела, ни одна также не достигала такого блестящего, очевидного результата, сравнительно с трудностями, которые ей предстояло преодолеть. *Австрийская* армия, в полном значении слова, действительно существует. Три четверти, если не девять десятых этой армии, принадлежат к национальности императорской портупеи и готовы биться хоть против своих отцов и братьев, полковой дух почти совсем заглушил в них дух народный, и это тем удивительнее, что нижние чины каждого полка не сбродные (во избежание вавилонского столпотворения, которое сделало бы невозможным всякое внутреннее управление), но одно-

земцы, набираемые в особом рекрутском округе, присвоенном каждому полку. Казалось бы, возбуждение племенного духа в австрийских народах, столь сильное в наш век, должно представляться опаснее, чем дух партий во Франции и развлекать австрийские силы еще более, чем развлекаются французские; однако ж нет. Венское правительство знает, что тут идет борьба глухая, затяжная, которая не вспыхнет разом, как революционная страсть, борьба опасная во времени, а не в минуте, требующая более полицейских, чем военных средств, и, когда приходит надобность сосредоточивать войска, смело обнажает самые беспокойные провинции. Из этого выходит, что Австрия изо всех европейских держав (кроме России, и то России такой, какой она может быть) располагала самой громадной массой действующих сил, доходивших в последнее время почти до 400 000. Конечно, для того, чтоб иметь такую армию, она должна довольствоваться очень молодыми войсками, однородными по качеству с прусскими, так как солдат, вместо узаконенного десятилетнего срока, в действительности служит только два года. Тем не менее с четырьмястами тысячами преданных правительству и дисциплинированных действующих войск чего бы нельзя было сделать? Но тут выступает наружу вся несостоятельность искусственных комбинаций. Безопасность империи не позволяет формировать полков вполне национальных, по офицерам и солдатам; офицеры набираются из всего дворянства Австрии и Германии; они не понимают своих солдат и объясняются с ними через унтер-офицеров, которые должны быть, для производства в это звание, онемечены до известной степени. Австрийская армия состоит, таким образом, из трех разнородных пластов, связанных между собой только механически. Неутомимыми стараниями правительство совершило чудо: вселило в эту пеструю массу такое чувство военного долга, что армия составляет для них второе, или скорее первое отечество. Пока умы в спокойном состоянии и существует порядок, австрийская армия ведет себя превосходно. Но представьте себе первый беспорядок от частной неудачи, а частные неудачи сопровождают на войне даже победителя, — в

полку происходит вавилонское смешение, всякая нравственная связь между совершенно чуждыми одни другим начальниками и подчиненными уничтожается или, лучше сказать, внезапно обнаруживается всегдашнее отсутствие ее, и армия, несмотря на свои солидные качества, терпит катастрофу. Военная закваска габсбургских полков так хороша, что их скоро можно переустроить и вновь вести в дело, но все-таки не на поле сражения, а участь дня уже решена. В австрийской армии вполне выражаются свойства слишком сложных химических соединений; красивые на вид и прочные в благоприятных условиях, они разлагаются при малейшем нарушении равновесия.

Из этого беглого очерка военного устройства четырех главных государств Европы видно, что ни одно из них не руководствовалось и не могло руководствоваться в этом деле теорией; организация армии везде истекала из самого положения вещей, была вопросом преимущественно политическим и социальным. Но затем военному министерству оставалась еще роль чрезвычайно важная, распределить вверенные ему силы по их свойствам, верно понятым, и подготовить их наилучшим образом ввиду современных потребностей военного дела. Могущество государства зависит по крайней мере наполовину от этих последних условий.

Со времени Петра Великого до нынешнего царствования наша Россия одна в целом свете не имела своей собственной, выработанной жизнью военной системы и жила подражанием. Конечно, и наши военные учреждения не были совсем произвольны; они зависели, и зависели довольно тесно, от местных условий, например от крепостного права; но влияние этих условий выражалось только отрицательно тем, что не стесняли круг действий военной администрации, не давали ей развернуться свободно. Положительного влияния они не имели. Где только военное управление располагало свободой действий, оно не обращало внимания на самые существенные черты народной личности. Идеалы наших организаторов были постоянно нерусские, заимствованные, и притом по большей части заимствованные из сомнительных источников, например ста-

ропрусского; оттуда пришла к нам фридриховская школа, бившаяся столько лет, чтоб обратить русских солдат — в кого? в пруссаков иенской кампании, так как у нас именно подражали не пруссакам новейшим, а старым пруссакам, так блистательно покончившим свои дела. И не только воспитание войск, вся наша военная организация была взята целиком с чужого образца, почти без всякого применения к среде, в которую переносилась. Отсутствие установленных начал в управлении военной частью доходило до того, что не дальше как полвека тому назад Аракчеев мог предпринять — устроить русское войско наперекор двум и более тысячам лет истории, по образцу древних египтян и мидян и основать наследственную военную касту[10].

Такая странность объясняется двумя причинами. Во-первых, то же самое у нас делалось во всем. Чтоб указать на один пример из тысяч, возьмем городовое положение с его думами и магистратами; оно было дано как право, почти как привилегия, но в такой мере прилажено к жизни, что одаренные им граждане, отлично понимавшие практический ход этого дела, откупались от своей привилегии как от рекрутского набора. Это городовое положение было совершенно тем же в гражданском строе русской жизни, чем фридриховская школа, например, в военном. В продолжение полутораста лет продолжалось перевоспитание русского народа; можно сказать, продолжалась сама петровская реформа. Недавнее время, когда окончился этот воспитательный период, отрезано как ножом в нашей истории, всякий это видит; с тем вместе пришел конец и магистратам, и фридриховской школе. Вторая причина, почему Россия могла так долго жить с произвольной, не руководимой никаким принципом военной администрацией, заключается в том, что при малой пропорции вооруженных сил государства к итогу населения, стоявшей до 1812 г. гораздо ниже, чем в остальной Европе[11], этой администрации был простор; не требуя от государства с переходом на военное положение всего, что государство может дать, она не была вынуждена необходимостью управлять со статистикой и этнографией в руках. С 1812 г. наша армия разрослась, но не собственно армия, понимая под этим

названием силы, действительно противопоставляемые врагу, а недействующая, мертвая часть армии, относящаяся к ее живой части, как зарытый в земле фундамент дома относится к его жилым комнатам. Тогда отсутствие твердых начал, произвольность военных учреждений и подражание неподходящим образцам стали живо чувствоваться в государственном строе и в народной экономии. Постоянная миллионная армия с 25-летним сроком службы, в которой подвижных войск было не более как наполовину, которая, забирая целые поколения, никогда не возвращала их назад, обращая в военно-потомственное сословие всякого человека, которого прикасалась, стала действительно бременем. Она истощала народ гораздо в высшей степени, чем могла защищать его. Это ненормальное положение дела разрешилось всем памятной катастрофой: на второй год восточной войны у нас состояло 2 230 000 людей на казенном пайке, а под Севастополем, где решалась участь гигантской борьбы, едва ли было налицо в рядах более ста тысяч штыков. Половина вины в этом случае может пасть на бездорожье и спешность вооружений, потребность которых не предвидели заранее; другая половина падает на тогдашнюю систему или, лучше сказать, бессистемность военных учреждений.

Не надо, впрочем, смешивать вещей. До 19 февраля 1861 г. русская военная администрация не была свободна в своих действиях. При крепостном праве не могло быть хорошей военной организации. Когда уже вся Европа, кроме Англии, приняла в том или другом виде систему запасных войск, давшую ей средство быть одинаково экономной в мирное время и грозно вооруженной в военное, это учреждение, коренная черта новейшего времени, не могло ни широко развиться, ни оказаться столь же благонадежным в России; тем самым уже мы сильно отставали в своем могуществе. При крепостном праве всякий поступающий в солдаты становился вольным, а потому нельзя было без потрясения всего общественного склада пропускать слишком много людей через военную службу, иметь в списках мирного времени все количество солдат, нужных для войны; только ввиду государственной опасности правительство могло прибегать

к чрезвычайной мере — неограниченным рекрутским наборам. Но тогда, чтоб употребить в дело эту массу людей, приходилось формировать новые части, для которых не было налицо ни кадров, ни офицеров, ни материальных запасов; требовался длинный ряд самых сложных мер, приводивший неизменно к величайшей суматохе в армии с невознаградимой потерей времени, а результат выходил только тот, что на содержание казны поступало несколько сот тысяч полуобученных солдат, способных занимать внутренние гарнизоны, но не способных вести войну, особенно наступательную. В итоге силы государства состояли из одной массы постоянных войск, которую никаким средством нельзя было довести до того, чтоб она соответствовала потребностям военного времени, ввиду нового устройства европейских сил. Покойный государь[12] сделал все, что мог, чтоб исправить этот неисправимый недостаток тогдашнего общественного устройства, — он учредил бессрочно-отпускных, хотя все тогда были против этой меры, но не мог преодолеть препятствий, заключавшихся в самой природе вещей. Во-первых, все-таки нельзя было много увеличить число военных частей, значительно в то же время сократив их численность по мирному положению; пришлось бы призывать ежегодно слишком много рекрут, то есть освобождать слишком много крепостных. Во-вторых, при порядке тогдашней службы, поглощавшей человека навек с перспективой весьма незавидной участи, солдат оставался солдатом только под влиянием привычки и сейчас же переставал быть им, по крайней мере нравственно, как только выходил на волю; вновь призываемые на службу бессрочные оказывались во всех отношениях хуже рекрут и не исправлялись уже никогда, а потому были весьма плохим военным подспорьем. Пока продолжалось крепостное право, можно было рассчитывать верно только на действующие войска.

Влияние крепостного права не ограничивалось одним этим. Подчиняя неволе с лишком двадцать миллионов людей, разбросанных по всему пространству России, оно заставляло в то же время держать во внутренних губерниях грозную силу для предупреждения всякого движения и таким образом осла-

бляло боевую силу государства массой людей, хотя вооруженных, но вооруженных не против внешнего врага. До Крымской войны численность всей внутренней стражи, под разными наименованиями, простиралась до 180 тысяч. Если вспомнить притом, что у нас почти все нужное для армии делалось тогда армией же, людьми под военным мундиром; что всякий солдатский сын поступал с детского возраста на казенное содержание; если исчислить всю массу резервов всевозможных нестроевых команд, военные поселения, то не кажется удивительным, что из миллиона людей, находившихся под названием войска на казенных пайках, Россия могла выставить действительно военных, действующих войск не более, если не менее, всякой первоклассной державы. При несоразмерном протяжении наших пределов, сколько же оставалось их для действующих армий, по которым исчисляется внешняя сила государств? Наша военная организация оставалась, в сущности, организацией XVIII в., не изменившись в своих основных чертах, между тем как вся Европа жила уже давно в полном XIX столетии. В этом положении дела застала нас восточная война.

Общее преобразование наших военных учреждений, начавшееся с 1861 г., справедливо может быть названо *девятнадцатым февраля* русской армии.

Во-первых, она действительно была во многом последствием 19 февраля. Нельзя оставаться при крепостной армии посреди освобожденного народа. Когда раз воля состоялась, надобно было немедленно провести в армию новые права русского человека. Нынешнее военное министерство руководилось мыслью Освободителя[13] и исполнило эту задачу с твердостью и последовательностью, увековечивающими его имя; тем более что военная реформа служит у нас не только дополнением, но обеспечением гражданской. Если разные подробности новых положений, на счет которых только опыт произнесет окончательный приговор, могут вызывать возражения, то самый дух положений не подлежит никакому спору. Во-вторых, с чисто военной точки зрения значение последних преобразований также велико. Главное сделано — наша военная система

содвинута с прежних оснований. Вместо постоянной, всегда содержимой в комплекте действующей армии и резервов, создаваемых на время войны из бессрочных и рекрут, у нас существует теперь, как везде, армия с подвижным, произвольно растяжимым наличным составом, которую можно низводить по мере надобности до одних кадров и постепенно повышать до комплекта. Бессрочно-отпускные, вместо того чтоб формироваться в новые части, служат только для пополнения армии. Когда принято такое основание, то дальнейшее развитие военной организации, сообразно с потребностями времени, составляет уже вопрос подробностей, а не сущности дела, как было прежде. Главная заслуга совершенного преобразования состоит в том, что оно одинаково раскрывает дверь будущим как и насущным потребностям, равно облегчая удовлетворение их.

Нынешние размеры вооружения главных европейских государств стали таковы, что прежняя система постоянных войск, пополняемых с переходом на военное положение рекрутами, оказалась совершенно недостаточной. А потому каждому пришлось сообразоваться с общей системой и располагать такой же относительной силой, как неприятель, по расчету населения. Ясно, что в каждую строевую единицу, особенно пехотную, можно разом ввести большое число новых солдат, не разрушая тем сложившегося в ней характера и не понижая ее боевых качеств. Характер каждого человеческого общества, большого и маленького, выражается преимущественно в личностях, за которыми признается некоторая доля авторитета; а так как хозяевами в военной части бывают натурально люди, составляющие ее кадры, и так как всякий новичок невольно преклоняется перед их авторитетом, то закал их сейчас же распространяется на вновь поступивших; надобно только, чтоб эти вновь поступающие были уже предварительно подучены строю и владению оружием, так как самой армии, переходящей на военное положение, некогда их учить. Опыт доказал, что части можно расширять и сокращать по произволу, по крайней мере до некоторой степени, без вреда их качеству. Но совсем другое дело формировать новые части,

особенно перед войной, когда приходится вдруг и спешно образовать множество частей: тут что ни шаг, то затруднение. Из всех подобных импровизаций удалась только одна, создание французской армии весной 1813 г. Для успеха ее нужен был гений Наполеона и чрезвычайное обилие военных элементов в тогдашней Франции, столько лет уже обращенной в военный стан; результатом же ее были все-таки весьма посредственные войска. Прочие попытки этого рода кончались всегда тем, что на иждивение государства поступало бесчисленное множество людей, а настоящего войска не было. Мы достаточно испытали подобный пример над собой во время восточной войны.

На основании этих бесспорных истин совершено было преобразование нашей армии в 1863 г. В основание его положены два правила: 1) с переходом из мирного положения в военное никакой части действующих войск не формировать вновь, а только приводить в комплект существующие части; 2) пополнять войска не иначе как обученными людьми и для того иметь в запасе полное количество бессрочно-отпускных, составляющее разницу между мирным и военным положением. Пополнение производить постепенно, переходя от низшей, узаконенной численности частей, к высшей. Даже в мирное время не ставить в действующие войска неприготовленных рекрут, а предварительно обучать их в резервных батальонах. Материальные запасы по боевому итогу войск должны, разумеется, всегда находиться в наличности.

Имея под рукой полное количество бессрочно-отпускных для укомплектования армии, можно было значительно сократить численность людей в каждой строевой единице, а вследствие того, оставляя тот же итог людей в армии по мирному положению, разделить ее на значительно большое число этих строевых единиц. Таким образом, вместо прежних 28 пехотных дивизий, наши действующие силы возвысились до 47 дивизий, то есть к ним прибавилось 19 новых дивизий, равных численностью всей прусской армии (без ландвера), очевидно, это приращение усилило могущество России в наступательной войне, нисколько не обременяя ее финансов. Для постепенности пере-

хода с мирного положения на военное, а также и для внутренних потребностей, которые всегда надо иметь в виду в таком обширном государстве, установлены для батальона, имеющего около тысячи человек комплекта, три степени численности в 220, 500 и 680 человек. Вследствие того с водворением полного спокойствия извне и внутри русская пехота может быть сокращена в одну треть своего боевого комплекта; перед войной же она будет исполняться не вдруг, как бывало прежде, а постепенно, возводя части от низшего состава к высшему, отчетливо устраивая их на каждой ступени, чтоб избежать суматохи, неразлучной с внезапным приливом нескольких сот тысяч людей. В нынешнем веке нам приходилось уже несколько раз готовиться к войне, до которой в действительности не доходило; в таком случае наши вооружения будут теперь подвигаться постепенно, сообразуясь с мерой опасности; мы можем быть готовы к столкновению, когда оно станет неизбежным, не доводя безвременно напряжение сил и расходов до конца. Для пополнения убыли в войсках приготовленными людьми, а не сырым материалом, составляющим силу только на бумаге, сформированы резервные батальоны, эскадроны и батареи, в которых рекруты должны получаться предварительно до поступления в действующие части. Очевидно, мы сделали большой шаг вперед в развитии национального могущества. Если б нынешняя организация существовала у нас во время восточной войны, мы стояли бы на одной ноге с противниками; но с тех пор Европа снова далеко ушла вперед.

Со времени восточной войны, в десять лет, пока Россия напряженно трудилась над своим внутренним преобразованием, Европа приняла совершенно новый вид. На наших глазах рушилось не только положение дел, созданное Венским конгрессом, но и вся политическая система, установленная Вестфальским миром; кончилась Европа, какой знали ее не только мы, но наши прадеды и прапрадеды. Сумма европейских сил чрезвычайно возросла, распределение их стало совсем иным. Вместо трех первоклассных и одной полупервоклассной державы (Пруссии), составлявших так долго вместе с Россией всю политическую систему мира, возникли шесть в полном смысле слова перво-

степенных государств: Англия, Франция, Германия, Австрия, Италия и Соединенные Штаты. Силы Германии и Италии, прежде все равно как бы не существовавшие в общем итоге, вносят теперь в политическое равновесие мира полмиллиона никогда не слыханных доселе действующих войск, а с Соединенными Штатами этого приращения нельзя даже исчислить.

Новое распределение сил ставит нас совсем в другое положение, чем то было прежде.

В расчете войны надобно принимать в соображение только армии первоклассных держав; остальные, многочисленные в итоге, в действительности очень мало значат, еще недавно все видели, насколько силы Германского союза, действовавшего, казалось, единодушно, помогли Австрии[14]. Полевые, находящиеся налицо в пределах Европы армии первоклассных государств составляли в 1853 г. по военному положению приблизительно[15]:

Английская армия	50 000
Французская армия	330 000
Австрийская армия	380 000
Прусская армия	280 000
Всего	1 040 000
Русская армия (без кавказской и казаков)	470 000

Русская армия относилась к итогу прочих первоклассных армий, как 1:2$^{1}/_{4}$.

Ныне эта пропорция следующая:

Армия английская	72 000
французская	480 000
итальянская	300 000
Северо-Германского союза	507 000
австрийская	485 000
Всего	1 844 000
Армия русская (не считая 6 дивизий на Кавказе)	650 000

Но этот расчет еще не дает точного понятия об относительном могуществе держав, если не принять в соображение массы внутренних войск, состоящих за действующей армией, так как из этой массы значительные силы могут в случае крайности принять прямо или косвенно участие в действиях. Кроме тех внутренних войск, которые могут быть обращены в подвижные, надобно также приложить к действующей силе по крайней мере резервы, занимающие крепости, некоторые границы и проч., иначе пришлось бы отделить на этот предмет часть действующей армии. С этими вспомогательными средствами могущество государств выражается следующим образом (мы не принимаем в расчет запасных войск, служащих единственно для обучения рекрут, то есть для комплектования армии):

Действующий войсковой резерв

Англия	72 000	120 000	милиции и, кроме того, волонтеры
Франция	480 000	400 000	национальной гвардии, положим, действительно хоть 200 000
Италия	300 000	—	
Северо-Германский союз	507 000	200 000	ландвера, кроме запасных войск
Австрия	485 000	150 000	5 и 6 батальонов, пограничных войск волонтеров; кроме 4 бат. запас.
Россия	650 000	—	кроме 13 крепостных батальонов ничего

Десять лет тому назад действующие русские силы составляли почти половину суммы первоклассных европейских армий, теперь они составляют треть их; считая же резервы (имеющие свое назначение на войне), которых у нас совсем

нет, наши силы составляют лишь пятую часть против суммы пяти главных держав. Такая разница произошла сколько от политических перемен, столько и от преобразования военной организации на Западе.

Умаление одиночной силы, сравнительно с суммой европейских сил, отзывается, конечно, на всяком другом государстве; но значение это там иное. Во-первых, каждая из старых держав Европы, кроме одной Австрии, приобрела какие-нибудь значительные выгоды в этом вихре событий. Сплочение Германии, уединяя в некотором отношении латинскую расу, может теснее сплотить ее около Франции, к приращению могущества этой нации, захватившей уже заблаговременно Ниццу и Савойю, простирающей, может быть, свои виды на Бельгию. Пруссия стала великой державой. Англия приобретает в новой немецкой империи такой устой для своей политики, который в высшей степени развязывает ей руки, разъединяя опасных для нее противников. Даже Австрия утратила одни мечты, конечно, очень розовые, но потерпела мало ущерба в действительности. Только Россия несет на себе невыгодные последствия европейского переворота. В освобождении Италии мы проиграли тем, что к лагерю, конечно, не дружественному, прибавилась двухсоттысячная армия; в объединении Германии потеряли ненарушимый прусский союз, прикрывавший половину нашей западной границы, потеряли обеспеченность будущего с этой стороны и утратили свое исключительное положение на Балтийском море; поражение Австрии, задвинутой теперь стеной от остальной Европы, оставленной с нами с глазу на глаз, может иметь последствием то, что сделает любезные отношения 1854 г. с этой державой постоянными. Далее, кроме неблагоприятного для нас передела, Западная Европа еще подвинулась к нам так близко, как никогда прежде не бывало, забирая в свои руки дела, остававшиеся чуждыми ей до последнего времени. Не говоря уже о дипломатическом походе за Польшу, во время восточной войны была речь о Финляндии. Румынские княжества и христианские населения Турции приняты под европейскую опеку, а в интимных дипломатических

кружках был возбужден даже вопрос о Кавказе; по крайней мере не подлежит сомнению, что в фантазии некоторых дипломатов этот угол русских владений до сих пор еще представляется средством вознаграждения Турции, в случае каких-либо комбинаций. Наконец, насколько бы ни изменилось отношение силы того или другого государства Западной Европы к общей сумме ее сил, для них это дело совсем иное, чем для нас. У них идет спор между своими, у нас он идет с чужими. Наше положение совершенно исключительное. Хотя великие западные державы обрезывают, не церемонясь, когда смогут, одна другую, но существование каждой из них, даже существование в нормальной силе, за ней признанной, обеспечено всей Европой. Это обеспечение нисколько не простирается на нас. Если бы можно было лишить Россию ее европейского положения, отрезать ее от морей, забросить ее даже за Москву, многие были бы рады содействовать такому счастливому событию, а из прочих никто бы о нас не потужил, не написал бы ни одной дипломатической ноты в нашу пользу.

Сочувствуя нам в 1812 г., Европа сочувствовала только себе, своему беспомощному положению перед Наполеоном. Нет сомнения, что в душе, в общественном настроении, независимо от дипломатических интересов, Западная Европа в общей массе нам враждебна. Эта враждебность происходит не от той или другой политической системы русского правительства, но от самой сущности вещей, от недоверия к новому, чуждому, слишком многочисленному, внезапно появившемуся на ее рубеже народу, с его беспредельным государством, чуждым ее преданиям, где многие основные общественные вопросы понимаются иначе, чем в ней, где вся масса народа наделена землей, где исповедуется религия, сто раз опаснейшая для папства, чем само протестантство, религия, отрицающая вместе то и другое. Оказалось вдобавок, что это нежданное-негаданное государство окружено родственными ему стихиями, славянскими и православными, которые Западная Европа считала уже своей добычей, которые она бы непременно с течением времени покорила до последней деревни, срастила бы

с собой и совратила из веры отцов, если б их усыпавшее сознание не было вдруг пробуждено выросшей будто из-под земли православно-славянской империей. Что бы мы ни делали, мы никогда не заставим полуфеодальную и полуреволюционную Европу искренно признать своими людей, чуждых ей от самой колыбели. Что бы мы ни делали, мы никогда не разуверим ее насчет пугающего ее призрака, не разуверим по той простой причине, что мы сильно растем каждый день и сами себя еще не знаем, что мы никаким образом не можем ручаться ни за себя, как будем мы думать о православных и славянских делах через несколько лет, ни тем более за детей своих. Естественные влечения сказались и уясняются с каждым годом. С того часа, как перед глазами не совсем еще задавленных славян и православных поднялась на горизонте Европы могущественная Россия, исчезла всякая надежда окончательно онемечить первых и окатоличить вторых. Теперь уже никакие человеческие усилия не упразднят великого вопроса, он будет стоять в этом виде хотя бы целое столетие, дожидаясь естественного разрешения. Заинтересованные никогда не добьются этого разрешения собственными силами. Оно зависит прямо от единственного сочувствующего им народа, население которого ежегодно возрастает на миллион. Западные державы считают нас, всех русских и нерусских славян и православных, чужими людьми, не прощают нам смущения, внесенного внезапно в историю Европы, и никогда не встретят дружелюбно никакого успеха с нашей стороны, ни внешнего, ни внутреннего. Кажется, из всего совершившегося в последние двадцать лет видно достаточно ясно, что они берегут для себя свои заветные принципы права, свободы и национальности и не считают нужным распространять их на нас, славян и православных; Греция для них не то, что Италия, и славяне не то, что немцы или даже мадьяры.

После того как Россия разрушила Польшу и победила Турцию, со дня вступления на престол Павла до дня вступления Александра II, мы отсрочивали открытое соперничество с Европой только тем, что, можно сказать, пошли к ней в службу, оградили себя союзом, принявшим впоследствии имя Священ-

ного, стушевались за ним, пожертвовали всеми национальными интересами, едва не перестали быть политически русскими. Но с тех пор как Россия вновь стала Россией под державой Александра II, она скинула, нечувствительно для самой себя, эту обременительную маску и потому должна быть готова ко всем последствиям признания своей исторической личности. Конечно, мы можем и теперь, как прежде, иметь на западе Европы союзников, но должны знать заранее, что эти союзники, сошедшиеся с нами на один данный случай, будут во всем остальном смотреть на нас теми же глазами, как и враги. Нам приходится полагаться только на себя несравненно более, чем всякому европейскому народу, всегда находящему сочувственную себе группу. Сочувственные нам группы существуют в Европе, но не располагают своими силами; силы их находятся в распоряжении у недругов. Нужны большие перевороты для того, чтобы мы, русские, могли выйти из нашего одиночества и жить не особняком, но посреди сочувственной свободной семьи. Без сомнения, современное положение России, стоящей в одиночестве, более богато будущим и, во всяком случае, более достойно, чем лицемерное сотоварищество Священного союза, но нет сомнения также, что оно полно угроз и требует сознательной уверенности в себе от общества, как и от власти. Русские люди, искренно желающие Отечеству мира и процветания, должны или закрыть глаза перед действительностью, или сознать, что благодеяние прочного мира может быть куплено только непоколебимостью народного характера.

Несмотря на возможность всяких политических сочетаний, каждое государство знает приблизительно силы, с которыми оно может встретиться. Всякий знает своих возможных врагов и рассчитывает свои силы в этой пропорции. Не будучи пророком, можно сказать наверное, на много лет вперед, с кем каждое первоклассное европейское государство может завести войну и кем оно не будет ее иметь. В этом отношении, как и во всех остальных, наше положение определено гораздо менее других. У нас нет друзей, хотя могут быть компаньоны в выгодном предприятии; врагами нашими могут очутиться

по очереди все европейские народы. Единственная определенность в нашем между народном положении состоит только в уверенности, что мы никогда не будем иметь сепаратной войны, одиночного поединка — какой был у Австрии с Францией, у Австрии с Пруссией и т. д. Россия слишком сильна, и последствия поражения с нашей и с противной стороны слишком неравны, чтобы кто-нибудь вышел на нас один на один. Мы знаем с точностью лишь то, что, когда нам придется мериться с кем-либо силами, противником нашим будет не нация, а большой союз. Три года тому назад на нас чуть не обрушилась вся Европа, без всякого вызова с нашей стороны; волей или неволей мы бы должны были ее встретить. С тех пор как Россия становится русской, мы всегда должны быть готовы к такому обороту дел, полагаясь только на себя.

Государство в восемьдесят миллионов жителей, из которых четыре пятых составляют одно племя и живут одним сердцем, никогда не может быть побеждено безвозвратно. Завтрашний день всегда ему принадлежит. Чем бы ни разыгралось нынешнее, действительно смутное и неблагоприятное для нас положение европейских дел, мы можем спокойно ждать событий. Несмотря на временные затруднения, нравственные и материальные силы нынешней России неизмеримо велики, не то что в 1853 г. Надобно только, чтобы силы эти не оставались силами стихийными, чтобы к ним прибегали не в самую минуту крайности, когда из недр народа можно почерпнуть только сырой материал, чтоб они были признаны и распределены заранее, были бы организованы постоянно. Россия слишком сильна, чтобы кто-нибудь вышел на одиночную борьбу с ней; на нас может подняться, нам может заступить дорогу только большой Европейский союз; русские силы на военном положении должны быть рассчитаны по этой мерке, иначе они опять окажутся недостаточными. Притом раньше ли, позже ли наступит решительная минута, но когда она наступит, действующие войска, как и в восточную войну, будут иметь свое особое назначение, далеко не обнимающее всех потребностей обороны наших бесконечных пределов и поддержания великанской борьбы; как и в

тот раз, придется встать самой России с ее народными силами, придется вызвать итог ее военных элементов во всем их разнообразии. Гораздо вернее распределить их своевременно. Государство, как и отдельный человек, может выказать только ту степень своей природной силы, какую развило в нем упражнение; оно должно сознательно овладеть ею. Нынешние военные учреждения поставили дело именно таким образом, но далеко еще не дали всех своих последствий. Особенности России, условия ее боевого могущества так отличны от всего, что представляет Запад Европы, а наше военное устройство было недавно еще до такой степени слепым подражанием, что мы отвыкли судить о себе самостоятельно, а этого нельзя было переделать сразу; следствие то, что многие самостоятельные источники русской силы остались до сих пор непочатыми.

Бросим беглый взгляд на эти своеобразности России в военном отношении, не выходя покуда из пределов короткого перечня. Первая из них заключается в чрезвычайном перевесе нашего населения над населением каждого европейского государства. В 1868 г. в России надобно считать отнюдь не менее 80 миллионов жителей, стало быть, она несколько превосходит сумму Австрии, Франции, Бельгии и Голландии, вместе взятых, — 78 630 000; или Австрии, Пруссии, всего бывшего Германского союза, Бельгии и Голландии — 78 210 000. Обстоятельство это не может не иметь большого влияния на счет нужных государству военных сил. Если бы мы вооружились так, как Пруссия (720 тыс. солдат на 18,5 миллиона населения), у нас было бы 3 200 000 людей под ружьем, — размеры, очевидно, несообразные, превосходящие всякую потребность, даже в случае нашествия галлов и с ними двунадесяти язык. Громадность числа людей, состоявших у нас на казенном пайке в конце восточной войны, происходила от тогдашней системы, несоразмерно развивавшей недействующую, мертвую часть армии, в ущерб ее живой силы. Теперь, когда отношение между этими двумя частями установлено правильно, вооружения России могут быть чрезвычайно могущественны, не доходя даже до пропорции, установленной военным положением во Фран-

ции (800 000 на 37! миллионов, у нас выходило бы 2 000 000 регулярного сухопутного войска). Надобно сказать и то, что сумма союзных сил, равная материально силе одиночного государства, никогда не может быть равна ей нравственно по разногласию целей и даже приемов, по трудности своевременного сосредоточения армии, по неодинаковой устойчивости в случае неудач. Не имея надобности поддерживать такую высокую пропорцию армии к населению, какая принята в западных державах, Россия, очевидно, может пользоваться гораздо большим простором в устройстве своих сил, может тщательнее и разнообразнее сортировать их, не подвергая в то же время свои населения, если не финансы, такому истощению, как за границей. Содержание русского солдата также стоит значительно дешевле, чем на Западе, и не от скудости (можно сказать наверное, что наш солдат умер бы с голоду на пище французского); только материальная часть за границей, и то кроме лошадей, в общем итоге обильнее нашей. Стоимость военной части по мирному положению, разложенная на наличность людей, составляет: в Англии 2737 франков на человека, во Франции — 923, в Австрии — 657, в Пруссии — 734, в России, по курсу рубль в 340 сантимов, приблизительно 660 франков в год. Хотя наш государственный бюджет, относительно к населению, самый низкий в Европе, но дешевизна в содержании войск, вместе с меньшей пропорцией количества их, потребного в военное время, уравнивает для нас тягости войны в сравнении с Францией и дает нам значительный перевес в сравнении с Пруссией.

Великая своеобразность России и с тем вместе великое преимущество ее состоят в том, что она не может быть побеждена в такой степени, даже в таком смысле, как всякое другое континентальное государство, которое можно не только победить, но занять, лишить возможности продолжать сопротивление. Все европейские великие державы, кроме России и Англии, подвергались не раз такому полному поражению, что были под ногами противника и должны были сдаться безусловно: Франция в 1814 и 1815, Пруссия в 1806, Австрия в 1805, 1809 и прошлом 1866 годах. Понятно, что ничего подобного не

случится с Россией, никто ее не займет и даже не дойдет до ее столицы, разве для того, чтобы сложить там голову. Она может сама решиться, во избежание напрасного истощения, прекратить невыгодную борьбу, не представляющую более шансов к успеху, как случилось в 1856 г., но не может быть вынуждена к тому; если б оказалось нужным, ничто бы не помешало нам продолжать восточную войну еще много лет. Преимущество это, очевидно, громадное. При равных шансах на победу, шансы войны выходят совсем не равные. Один противник может быть только отражен, другой же может быть уничтожен. Положение Англии однородно с нашим, но с той разницей, что она, хотя неуязвима для врага, но сама также не в состоянии нанести ему смертельного удара. Она истомляла Наполеона I борьбой без конца, но более ничего не могла сделать, между тем как Россия, отпарировав удар, сама перешла в наступление и сломила противника. В целом теле России нет ни одной точки, в которой она была бы уязвима смертельно, между тем как такие точки существуют, и очень определенно, в политическом теле каждого из ее противников.

Военные средства России гораздо разнообразнее не только каждого европейского государства отдельно, но целой Западной Европы, вместе взятой. На Западе нет великой державы, которая не была бы вынуждена всей суммой своих исторических условий держаться односторонне той или другой исключительной системы военного устройства: Англия — наемных войск, Франция — одной постоянной армии, Пруссия — регулированного ополчения и т. д. Наше Отечество не только не осуждено своей историей усвоить себе какой-либо однообразный способ военного развития, напротив того, никакая исключительная система не в состоянии обнять его потребностей; источники наших народных сил так разнообразны, что каждый из них требует иных приемов для своего развития; только соединение многих самостоятельных учреждений и верное их применение могут ввести Россию в обладание всей силой, данной ей Богом. Россия есть единое целое и живет в одну душу с своей династией. Строй русской жизни стоит на общей до-

веренности и не нуждается в поддержке силой, наша армия не имеет теперь никакого полицейского значения, а потому военное устройство не подлежит у нас, и только у нас одних, никаким посторонним соображениям, политическим и сословным; в этом заключается неизмеримое наше преимущество. После освобождения крепостных количество, состав и иерархический порядок постоянных войск обусловлены только духом русского народа, взятого в массе, и статистикой; никакие искусственные сочетания для предосторожности нам не нужны. Вся внутренность империи, четыре пятых государства, может быть, в случае войны совершенно обнажена от войск, кроме караулов при тюрьмах, что позволяет сосредоточивать боевые массы в несравненно высшей пропорции к итогу вооруженных сил, чем в других европейских государствах; кто не помнит предложения московского городского общества в 1863 г. организовать обывательскую стражу, чтобы предоставить правительству возможность вывести к границе все войска? Кроме постоянных войск Россия располагает для обороны своих пределов громадной земской силой, известной, кроме нас, только Англии (волонтеры), Швейцарии и Америке и вовсе неизвестной остальной Европе, которая не смеет дать оружия в руки своим гражданам, не обратив их предварительно в солдат. Все видели, какими глазами итальянское правительство, одно из самых популярных, смотрело на своих волонтеров[16]. Только еще Пруссия прибегает отчасти к ополчению, но и то уже осолдатченному; но прусское ополчение включается в состав армии, которая без него не была бы довольно многочисленна, и потому не есть в собственном смысле ополчение. В наше столетие в России ополчение сзывалось уже три раза: в 1807, 1812 и 1855 гг., и ни в какой значительной войне мы без него не обойдемся. Наконец, затруднение, почти неодолимое для европейских государств, при большом напряжении сил — формирование кавалерии, соответствующей по численности массе пехоты, для нас не существует. В России есть целые области исключительно кавалерийских населений. Казаки принесли уже достаточно пользы русской армии, но они не принесли

еще десятой части той пользы, какой можно от них ждать теперь, когда начинает основываться самостоятельное устройство русских сил. Слепое подражание чужим образцам, руководившее полтораста лет русскими военными учреждениями, не допускало наших организаторов видеть что-либо вне этих образцов; наша природная кавалерия осталась до сих пор без развития, ибо ни Франция, ни Пруссия не представляют ничего подобного ей к подражанию; но сама в себе она составляет громадную силу, которой надобно только сказаться.

С такими средствами Россия, конечно, может не бояться борьбы против каких бы то ни было сил: но средства эти должны быть заранее определены и развиты, должны стать из стихийных государственными. Россия не может быть побеждена, но она может понести ряд временных, очень чувствительных поражений, может быть вынуждена несколько раз возобновлять борьбу с крайним для себя истощением, пока научится опытом и войдет в полное обладание своих богатырских сил.

Мы рассмотрим с должным вниманием, одно за другим, эти особенные условия русского могущества, представленные здесь в кратком перечне.

VIII
ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Мы рассмотрели главные условия, при которых русское могущество может соответствовать современному международному положению нашего Отечества. Представим кратко эти условия в их общей связи.

Покуда еще Россия не может существовать без громадной силы. Более всякого европейского государства она должна полагаться только на себя. Военное устройство дело не произвольное, оно зависит от установившегося общественного склада. Вследствие исторического духа двух государств вооруженные силы их могут быть далеко не равны численностью и далеко не однокачественны при одном и том же военном бюджете. Поэ-

тому подражание тут у места разве только на заре вносимой извне цивилизации. Россия отжила уже подражательный период своей истории. Во внешней, как и во внутренней государственной жизни мы должны быть теперь русскими, сообразоваться только с самими собою. Относительно военного могущества Россия, не говоря уже о ее громадности, поставлена историей в самое выгодное положение. Кроме немногих окраин, заливаемых понемногу русской волной, после упразднения крепостного права между правительством, обществом и народом у нас не существует крупных недоразумений и неоткуда им возникнуть; взаимная доверенность скрепляет сверху донизу все здание государства. В таком положении дел могущество монархии должно мериться не численностью постоянной армии, как в Австрии или в наполеоновской Франции, а итогом всего населения. На такой же военный бюджет, как французский, если бы даже стоимость содержания солдата была одинакова, мы можем выставить силы вдвое громаднейшие, так как нашему правительству не предстоит хлопот заручать солдата в свой лагерь, прежде чем дать ему ружье в руки; так как у нас вся действующая армия может быть двинута за границу и заменена внутри государства людьми, сегодня созванными под знамя. Вследствие того русское могущество относится к французскому не как бюджет к бюджету (как было бы при одинаковых политических условиях), а как 80 миллионов к 37. Но всякая сила, чтобы быть силой, должна быть организована: без этого она сила в возможности, а не в действии. Наши финансовые средства относительно невелики; 80 млн русских отдают в руки правительства четвертью менее, чем 37 млн французов. Очевидно, что казенными средствами, на которые содержатся постоянные армии, Россия не может покуда быть сильнее Франции. Наша сила в людях, а не в деньгах. Прочность общественного порядка дозволяет нам, с переходом на военное положение, увеличивать армию в несравненно высшей пропорции, чем могут французы, у которых каждый солдат есть в то же время телохранитель правительства, а потому должен быть солдатом по ремеслу. Вторая наша особенность, громад-

ность населения, — позволяет не напрягать своих сил до такой степени, как необходимо в Пруссии, не обращать всей армии в ополчение, но воспитать значительную часть ее в наилучшем боевом духе. Таковы исторические и статистические особенности русской жизни. При громадном и верном населении, но при слабых в то же время финансах Россия не может обнаружить всю свою силу посредством одной постоянной, долгосрочной, если можно так выразиться — солдатской армии; нам нужны армия народная и ополчение. Разумное преобразование началось; остается довершить его. Между тем события не ждут.

Можно сказать почти наверное, что если при первой войне против большого союза (иной войны у нас и быть не может) на врага выйдет не организованная сила русского народа, а одна армия в нынешнем ее составе, то шансы успеха будут опять не на нашей стороне. Принятую теперь у нас военную организацию можно сравнить с организацией союзников в 1854 г.; в то время она поставила бы нас относительно учреждений на одной высоте с неприятелем; но она не равносильна нынешнему военному устройству Европы.

Ополчение нам совершенно необходимо. При громадном протяжении наших пределов одной постоянной армии, хотя бы значительно усиленной против нынешнего, не станет на двойное дело — ограждать пределы против всякого покушения и встретить врагов равносильной им массой на главном пункте. Это невозможно даже в случае одиночной войны, не говоря о борьбе против союза, к которой, однако же, мы должны быть всегда готовы. Притом постоянное войско слишком дорогая сила, чтоб ее употреблять там, где без нее можно обойтись. Для этого у нас может быть созвано земское войско — ополчение, вполне соответствующее народному духу, дешевое (ратник в мирное время обойдется не более 5 рублей со всеми посторонними расходами) и без которого, как многократно доказал опыт, мы не можем обойтись в серьезной войне. Но ополчение главнейше нужно для того, чтоб сосредоточить действующие войска против неприятеля, не в разгар войны, когда дело уже отчасти решено, но к началу ее. Чтоб на ополчение можно было

рассчитывать, оно должно стать постоянным государственным учреждением, а чтоб ополченцев двинуть вовремя, к первому выстрелу, их следует заблаговременно приучить владеть оружием, к чему лучшим средством представляется трехнедельный сбор раз в год. Земское войско требует только постоянных складов амуниции и оружия и затем очень мало хлопот.

Из ополчения же можно выставить все число нестроевых, нужных для войны, и затем держать их в мирное время в самом ограниченном числе. Надобно также образовать ополчение за Кавказом, так как этот край достаточно успокоен и нет ему причин вечно оставаться на льготе.

Далее при устроенном ополчении наша постоянная армия должна быть усилена по числу батальонов и батарей, иначе она будет в состоянии дать отпор только одиночному противнику, а не коалиции. В случае войны против союза (не только возможной, но представляющейся даже в весьма определенных очерках) русская пехота должна состоять из 60 дивизий (мы считаем 13 батальонного состава). Тогда можно будет выставить в большую действующую армию не менее 40 дивизий, составляющих вначале, со всеми родами оружий, около полумиллиона бойцов — сила достаточная, при своей однородности и хорошем командовании, чтобы победить разрозненных союзников. При этом другие армии (южная и кавказская) будут довольно сильны для отражения врага, и все протяжение наших пределов будет ограждено от случайных покушений.

Армия и теперь значительно сокращается в мирное время за счет уменьшения срока действительной службы. Я убежден, что этот срок можно положить сейчас же в 5 лет безо всякого опасения за основательное обучение солдата, а впоследствии довести до нормального предела. При 5 годах службы под знаменем батальон будет состоять из 400 человек — 320 в рядах и 80 рекрут в резервах; в этот состав можно привести всю действующую армию за исключением 8 дивизий и гвардии.

Одна из главных причин относительной малочисленности наших действующих войск состоит в существовании у нас целой массы войск местных, мертвых для войны, чего давно

уже нет в Европе. В то же время эти местные войска оказываются неудовлетворительными даже для своего прямого назначения, чего нельзя избежать по их низшему качеству; между тем как на других основаниях они были бы не хуже прочих. Заменяя внутреннюю стражу жандармами[17], как во всем свете: из губернских, кавказских линейных и крепостных батальонов можно сформировать без труда 8 новых дивизий. Чтобы довести постоянную нашу пехоту до численности 60 дивизий, остается прибавить еще 5 выделением новых кадров, как было сделано в 1863 г.

При этих преобразованиях вся наша пехота (в пределах Европейской России и Кавказа) обратится в действующую, боевая сила дойдет до своего нормального развития; а наличный состав ее в мирное время может уменьшиться на 140 тыс. человек.

Народная армия, низводимая в кадры, не может существовать на тех же основаниях, как армия долгосрочная, в которой дух частей возникает вследствие долгого сожительства под знаменем. Чтобы полк, внезапно возвышаемый с трети состава до комплекта, оказался нравственно цельной, проникнутой общим духом боевой единицей, он должен быть составлен из людей, уже охваченных этим духом, из товарищей, а не из каких-нибудь сбродных. Но как в полку нельзя собирать его бессрочных со всех концов России, то для достижения такой цели нет другого средства, как назначить каждому полку постоянный рекрутский участок, как принято везде, где в мирное время состав частей сильно понижается. Нельзя сомневаться, что полк, составленный из одноземцев, станет очень скоро полком *характерным,* что в нем разовьются высокие боевые достоинства, что рекрут заранее уже будет связан сердцем со своим полком и военная служба примет в глазах народа совсем иной вид, чем теперь. Мера эта не представляет никакого особенного затруднения, потому что, кроме некоторых окраин, с которых рекруты должны идти на уравнительное комплектование полков, стоящих не в одинаковых санитарных условиях, в 62 млн жителей, к которым это учреждение совершенно при-

меняется, русское племя составляет везде значительное большинство, значит, все полки будут русскими по языку и духу.

Армия должна иметь прочную основу в унтер-офицерах и ефрейторах; чем армия моложе, тем эта основа должна быть прочнее. А потому этих старших людей надобно удерживать на службе высшим содержанием, по истечении же узаконенного времени вербовать на вторичный срок; для этого назначить сумму, выручаемую от продажи рекрутских квитанций, с запрещением принимать наемщиков, из которых никогда не выходит хороших солдат.

Разделяя землю на дружинные участки для ополчения и рекрутские для полков, надо сосредоточить управление теми и другими в одних руках. Между полком и дружинами, набираемыми в одной местности, завяжется теснейшая душевная связь — дружины станут как бы 4-м и 5-м батальонами своего полка. Военный участок составится из одного рекрутского и двух дружинных — около 133 тыс. жителей м. п. Таким образом, Европейская Россия (считая только область, в которых русское племя составляет значительное большинство) поделится на 240 военных участков, управление локализируется в хорошем смысле этого слова и децентрализация, предпринятая военным министерством, достигнет своего нормального предела.

Существующее у нас устройство кавалерии похоже на то, как если б англичане стали набирать своих матросов из земледельцев внутренних графств. Ни с чем не сообразно, что государство, в пределах которого живут миллионы природных всадников, с такими усилиями формирует конницу из мужиков, которых надобно еще научить держаться на лошади, следствием чего оказывается постоянная посредственность этого рода оружия. Притом такую искусственную конницу приходится в мирное время держать в комплекте в обременение бюджета. Наше славное Донское войско по духу и преданиям составляет естественную регулярную конницу, в чем главное его отличие от других казаков: надобно только поделить его на постоянные полки и сотни, взамен сбродных, и выделить гражданское управление из строевого войска. Тогда можно будет ежегодно

вводить по одной донской сотне в состав кавалерийских полков, с одновременным расформированием одного эскадрона, через несколько лет наши 4 эскадронных *искусственных* конных полка будут заменены 6 эскадронными *природными* гораздо высшего качества, надобно только регулярных офицеров наполовину перемешать с донскими. Регулярная кавалерия усилится наполовину в военное время, сообразно с необходимым приращением пехоты, и больше чем наполовину сократится в мирное, отчего произойдет значительная экономия, необходимая на другие вопиющие потребности.

Наша иррегулярная конница составляет драгоценное подспорье для войны, предоставляет нам значительные преимущества, которыми до сих пор, однако ж, мы не совсем сознательно пользовались, что зависело отчасти от качества и вооружения донцов, составляющих почти исключительно этот род орудия. Мы можем употреблять эту легкую конницу, как делали в старину турки, и поставить неприятеля в затруднительное положение. Наши природные всадники делятся по своим качествам на два разряда — боевых и сторожевых. Следует составить из кавказских горцев 18 полков, чтобы обратить в нашу пользу кипучую отвагу горской молодежи, которая иначе, при первом удобном случае, обратится против нас; вместе с линейными у нас будет 56 боевых иррегулярных полков. Затем выгодно также сформировать несколько сторожевых полков из внутренних кочевников, не несущих никакой повинности. Образование строевой кавалерии из донцов не уменьшит нисколько количество нестроевой, которой у нас больше, чем нужно.

Влияние великих гражданских преобразований настоящего царствования изменило во многом основы, на которых держалась наша армия. Прилив дворянства в военную службу значительно уменьшился. Чтобы восполнить этот недочет, чтобы не допустить также разные инородческие элементы стать решительно в голове русских сил, стало необходимым упразднение сословных прав в военной службе; русская армия должна сама воспитывать своих офицеров, как это делает французская. Изменение характера в высшем слое армии —

офицерства, бывшем до сих пор сословием, требует опять новых мер; дух корпорации должен заменить сословный дух, русское офицерство должно составить единое товарищество, проникнутое значением своего звания, без всякого подразделения по привилегиям; оно должно быть замкнуто в себе, представлять и в собственных глазах, и в глазах нации вершину боевой силы России, ничего другого. Вместо того чтоб разъединять и разбрасывать силы офицерской корпорации, надобно сосредоточить их, возвратить армии все отборные элементы, извлеченные из нее под разными предлогами, иначе никогда не выработается в ней должная закваска. Армия должна представлять стройное единство, одну непрерывную цепь без всяких исключений и выделений — быть организмом, а не механическим напластованием.

С изменением многих оснований в армии изменяется и значение унтер-офицерского звания, оно необходимо должно быть возвышено, обеспечено лучшим содержанием, стать призванием людей на всю жизнь. Нужно также восстановить в войске прежний разряд отборных людей, чтобы дать исход чувству соревнования — главному побуждению военного человека и в то же время поставить живой образец, заслуги, как пример для подражания в глазах каждого солдата. Воспитание войска в боевом духе зависит от требований сверху. Если на армию будут смотреть исключительно как на боевую силу, будут ценить в ней лишь то, что способствует боевому развитию, то при несравненном естественном качестве материалов, из которых она слагается, она в действительности станет первой армией в свете, не только по многочисленности, но и по качеству.

Вот наши положения:

Устройство, соответствующее действительным потребностям, оказывается всегда выгодным во многих отношениях. С преобразованием армии на вышеизложенных основаниях окажется следующее сбережение:

1) Сокращение наличного состава пехоты на 140 тыс. чел., по 50 руб. на каждого, — 7 000 000.

2) Сокращение числа нестроевых, заменяемых по военному положению людьми из ополчения, положим[18] 500 000.

3) Сокращение регулярных кавалерийских полков (4 эскадрона действующие резервный и запасный) на 2 эскадрона, всего приблизительно 3 500 000.

Итого 11 000 000.

Мы не считали тут ни экономии от одежды людей — казаки выходят в своем платье, ни экономии на офицерском жалованье (при сокращении частей, треть всего числа офицеров может быть ежегодно увольняема в отпуск по желанию).

Потребности, влекущие за собой новые расходы суть следующие:

Содержание ополчения 2 500 000.

Прибавка к содержанию жандармов против общей стоимости пехоты 1 500 000.

Содержание 10 новых дивизионных штабов; офицеров 65 новых батальонов и 13 артиллерийских бригад — 2 250 000.

Увеличение содержания унтер-офицерам и ефрейторам против нынешнего, первым 6, а вторым 3 руб. на месяц, считая налицо по мирному положению, только половину — 3 250 000.

Итого 9 500 000.

Остается еще $1^1/_2$ миллиона на другие потребности.

Остаток сумм от сокращения непомерного числа офицеров, служащих теперь под разными наименованиями вне фронта, не введен в расчет, так как его следует обратить исключительно на усиление содержания офицеров, действительно нужных на службе.

В настоящее время русские действующие силы (кроме восточной окраины и саперов) составляют 556 батальонов и 232 эскадрона. На вышеприведенных основаниях при том же расходе в мирное время (с добавлением на некоторые предметы и без малейшего понижения в качестве войска, даже напротив) они составляли бы 780 батальонов (с ополчением 1280 батал.) и 340 эскадронов; несмотря на сбор ополчения,

меньшее число рук было бы оторвано от производительного труда и, наконец, военная служба стала бы в понятии русского народа тем, чем она должна быть — священным долгом, не разрушающим ничьей жизни.

Но кроме этих постоянных сил, не уступающих силам какого бы то ни было Европейского союза, учреждение народной армии с ополчением обратит всю Россию в военный стан. Если бы провидение готовило в будущем русскому народу испытания, соразмерные с величием его исторической судьбы, то наше Отечество могло бы при таких учреждениях вооружиться, как теперь вооружается Пруссия, и встретить натиск, хоть всей Европы, неодолимой стеной вооруженных и устроенных людей. В 1812 г. Россия готова была подняться до последнего человека, но всеобщий порыв принес мало пользы; война кипела полгода в пределах России, шесть губерний подверглись опустошению, и, наконец, враг был сокрушен, но без содействия земских сил. Один порыв тут немного значит; он вызовет партизан, но не сложит неприготовленного народа в регулярное войско, способное встретить врага лицом к лицу; между тем как при военном устройстве, соответствующем веку, при краткосрочной народной армии и ополчении, столько людей пройдет через их ряды, что вне списков военного министерства останется еще масса готовых бойцов. Конечно, они будут ограждены законом от произвольного призыва на службу; но бывают случаи, когда всякое право должно уступить заботе самосохранения; в таком положении находилась Франция в 1793 г., Россия в 1812 г., Америка в 1862 г. Располагая несколькими классами окончивших срок ополченцев и высшим сословием, прошедшим в большинстве через военную школу, можно выставить не только сокрушающую земскую силу, но сформировать, без проволочки времени, 4-е и 5-е батальоны, то есть усилить и без того громадную армию еще на две трети; в таком крайнем случае можно прибавить и к регулярной кавалерии, составленной из донцов, по два эскадрона готовых всадников на полк; а запас нашей иррегулярной кавалерии неисчерпаем. Организованный подоб-

ным образом восьмидесятимиллионный народ можно смело назвать непобедимым.

В главных чертах военно-народное устройство наше может быть осуществлено в короткий срок времени — в четыре года, считая один год на предварительные меры. В эти 48 месяцев три разряда ополчения были бы готовы; пехота была бы переформирована и доведена до желательной численности еще прежде.

Только переустройство кавалерии требует десяти лет; но в крайнем случае на усиленную армию достаточна и нынешняя кавалерия, особенно сопутствуемая тучей превосходной нестроевой конницы, какую Россия всегда выставит.

С образованием народной армии и ополчения Россия будет в состоянии встретить победоносно силы какого бы то ни было Европейского союза. Можно сказать положительно, что никакая сборная союзная сила, при одинаковой численности, не равняется такой же силе однородной. Тут происходит то же, что в борьбе одного силача с двумя или тремя обыкновенными людьми. Силы этих людей, в сложности, может быть, превосходят силу противника, но они никак не могут взяться за него так, чтоб усилия их слились в одном мгновении, между тем как каждый взмах силача опрокидывает всякого из них отдельно. Не говоря уже о различии видов и целей, о разнице в приемах, о нарушении связности действий самолюбием каждого союзника порознь, о трудности сохранить единство в армии, имеющей несколько голов; но самое сосредоточение сил со стороны большого союза представляет такие затруднения, что решительный противник, думающий одной своей головой, почти всегда может предупредить врагов, не дать им соединиться. Конечно, при большом сосредоточении сил на западной границе нам нельзя уже будет действовать наступательно с других пределов; но этого и не нужно; достаточно стать на этих пределах в оборонительное положение, занять их такой силой, чтобы неприятель не мог рассчитывать на верные и быстрые успехи по окраинам; ввиду большой действующей армии ему также нельзя будет отделять много людей на второстепенные предприятия. Десан-

ты могут беспокоить нас, но только столкновение сухопутных масс в Центральной Европе решит окончательно, кто прав и кто виноват, решит судьбу окраин, как и главного театра войны, точно так, как Кениггрец[19] решил участь Италии.

В сухопутной европейской войне обладание Царством Польским дает нам, при равных силах, огромный перевес над противниками. Этот передовой мыс Русской Империи, выдающийся в Европу клином, как бастион, между Австрией и Пруссией, составляет в наших руках, как всем известно, несравненный операционный базис. В случае войны с Австрией или с Пруссией[20] наша армия, обладающая течением Вислы и расположенными по ней крепостями, не может быть обойдена ни с какой стороны. Враги могут атаковать нас только с лица, с самого дальнего рубежа империи, между тем как наша армия очутится несколькими переходами в сердце враждебной земли, парализуя разом половину ее владений: в прусской войне — все, что лежит на восток от Одера; в австрийской — всю Галицию и большую часть Венгрии. При хорошем начальствовании и решительности с нашей стороны своевременное соединение таких союзников, как французы или итальянцы, с австрийцами совершенно невозможно; союзным армиям пришлось бы принять бой порознь, одной за другой: разве соседи наши стали бы отступать к противоположному пределу своей территории для сближения с друзьями, отдавая без выстрела важнейшие области. Даже в случае союза против нас двух смежных держав — Австрии и Пруссии, мы могли бы быстрым наступлением из Царства Польского стать между вражескими армиями и не допустить их до соединения.

Без сомнения, железные дороги дают теперь средство передвигать войска в союзной стране гораздо скорее, чем может наступать неприятель; но все же не так скоро, чтоб армия, собирающаяся в Савойе, или даже в Венецианской области, могла оказать своевременно помощь армии, расположенной на Карпатах, против врага, выступающего из Радомской губернии.

Сила России заключается исключительно в сухопутной армии. Наш флот может иметь оборонительное значение, изба-

вить нас в военное время от расходов на содержание одной или двух лишних дивизий в балтийском и черноморском бассейнах, что при существовании ополчения не составляет слишком большой разницы; но такой роли, которая могла бы положить что-нибудь на чашку весов в большой европейской войне, он никогда не имел, и впредь не будет иметь, пока мы не добьемся исключительного обладания одним из смежных морей, не запрем его. Тогда другое дело, тогда наш флот будет в состоянии спокойно развиться в своем недоступном убежище и в случае надобности вылететь оттуда, нанести удар и опять скрыться. Но и тогда мы не будем морской державой в том смысле, как Англия, Америка или даже Франция; наши морские силы, как бы они велики ни были, разделенные на две половины между Черным и Балтийским морем, никогда не могут равняться силам державы, которая владеет берегами океана и потому может сосредоточивать свои флоты. Без сомнения, великий народ не может обойтись без некоторой морской силы для поддержания своих интересов на чуждых берегах для того, чтобы быть в состоянии, в случае морской войны, вредить неприятелю своими крейсерами; но все это вещи второстепенные, не влияющие ни на волос на участь великих международных споров. Для таких назначений у нас есть достаточно военных судов. Нам желательно иметь еще небольшую эскадру на Тихом океане, на берегах которого развивается понемногу русское могущество, желательно содержать полицию на Черном море, но и только покуда. По нашему крайнему понятию, воображать, что развитие нашего флота в нынешних обстоятельствах, может иметь какое-либо влияние на русское международное могущество, значит совершенно не понимать военного дела. Содержать большой флот, который все-таки никогда не будет равен союзному, даже отдельно французскому или английскому, и который поэтому должен будет при первом выстреле скрыться в порты; отнимать для содержания его нужные суммы у сухопутной армии, в которой заключается действительная сила, значило бы перелагать расход с производительной почвы на непроизводительную. Если б я обладал магической силой соз-

дать одним словом, с началом войны, или наш бывший, действительно превосходный и геройский Черноморский флот, одаренный всеми новейшими усовершенствованиями, или лишний корпус хороших войск, то я не поколебался бы ни на минуту и создал бы корпус. Черноморский флот мог бы иметь великое влияние на второстепенные события Востока, особенно в мирное время; он часто мог бы доставлять торжество нашему народному самолюбию; но в военное время не мог бы оказать решительного влияния на события. Слишком ясно, что судьба Востока зависит не от побед на Востоке, морских или сухопутных, между тем как присутствие одного лишнего корпуса на поле европейской битвы может решить восточные и западные дела, вопрос о Черном море и всякий другой.

В наше время вопрос о командовании приобретает, если возможно, еще более значения, чем прежде. Государства выставляют все свои силы разом к началу войны; остающиеся за армией резервы не довольно сильны в сравнении с действующей армией, чтобы значительно повлиять на ход войны. При громадности армий и удобстве сообщений события развиваются так быстро, что поправить первые неудачи становится иногда невозможным; некогда даже переменить главнокомандующего. Правильный расчет первоначальных действий всегда составлял весьма важный залог успеха; теперь же в нем залог исключительно важный, по большей части решительный. В главнокомандующем нельзя уже ошибаться.

Очевидно также, что громадность выставляемых сил настолько же упрощает чисто военные соображения, насколько усложняет соображения хозяйственные. Нынешние массы слишком велики и требуют слишком много попечений о своем довольствии, чтобы быть поворотливыми. Случайные стратегические маневры, вследствие ежечасных неожиданных событий составлявшие *суть* военного искусства, становятся затруднительными; значение их сосредоточивается на общем плане кампании, выборе предметного пункта и первоначальном направлении массы[21]. Капитальная ошибка, погубившая австрийцев в последнюю войну, очевидно, состояла в том, что к перво-

му выстрелу главные силы их стояли в верхней Силезии, а не в северо-восточной Богемии, где им следовало быть; шансы войны были бы уравновешены, если бы Бенедек[22] вначале расположился правильно; чтобы поправить ошибку, когда война уже началась, нужен был не Бенедек, а Наполеон I. Конечно, легче обдумать план действий на досуге, чем всегда вдохновляться правильно. Чем меньше можно ошибаться в выборе главнокомандующего, тем меньше предстоит ошибаться самому главнокомандующему. Если бы вещи не складывались всегда именно к такой пропорции, то самое развитие стало бы невозможным.

Наконец, при нынешних силах на войне дело не только в начальнике, но в *начальниках.* Никакой человек не может распорядиться действительно такими массами, раскиданными на таком пространстве. Тут, конечно, идет дело не о Цезаре или Наполеоне, а об обыкновенных талантливых людях. Последняя богемская война представляет замечательный пример. В голове прусской армии не стояло не только гениального человека, но даже человека с выдающимся из ряда талантом; в голове ее просто не стояло никого. Но прусскими корпусами командовали энергические люди и, главное, немудрившие, — они без хитрых маневров шли прямо на выстрел, когда его слышали, — этого оказалось достаточным. Главный штаб стал сочинять настоящие планы уже после победы, во втором периоде кампании. Великое качество прусской армии, которого в ней вовсе не подозревали, безмерно великое качество состоит в том, что она воспитывает решительных генералов, способных действовать стойко и просто, первый залог успеха на войне. Маршал Мармон утверждал, очевидно, справедливо, что первое достоинство военного начальника состоит в совершенном соответствии ума с характером, чтобы сила ума тождественно равнялась в нем силе воли. Если человек видит дальше, чем насколько у него хватает решительности, он уже по природе теоретик и не выстоит в своих планах; если он и умен, но более решителен, чем умен, он отважится на предприятия, окончательная цель которых недостаточно вызрела в его соображении, на предприятия, подверженные поэтому слишком

большой случайности. Военная способность — это внутренняя пропорциональность человека. Она может выражаться бесконечным числом степеней, однородных, но не одинаково крупных, от Наполеона до толкового ротного командира. Вот почему столько знаменитых полководцев были людьми, не превышавшими умственной силой довольно обыкновенной высоты человеческих способностей; но из того же следует, что удовлетворительно хорошие, если не гениальные полководцы вовсе не составляют исключительного явления, находятся во всякое время и во всяком народе. Действительно, нет в истории правительства, оставившего по себе память способности и энергии, которое не нашло бы подходящих людей для командования своими армиями, от правительства Перикла до правительства Линкольна. Такие люди найдутся и у нас.

Первое достоинство главнокомандующего не гений — откуда достать гения, — но умение стать на высоте своего положения, оказаться начальником в такой степени, чтоб его воля была непреложным законом для всех и каждого. Армия, действующая как один человек, надежнее самых хитрых планов, — богемская война доказала вновь эту истину. В наш век, когда так тщательно изучают театр войны и силы противников, не может быть принят совершенно несообразный план действий; но он всегда может быть несообразно исполнен, не только в случае, когда сам главнокомандующий не устаивает в своих видах, но, что случается чаще, если частные начальники позволяют себе не устаивать в *его* видах. В главнокомандующем важнее всего стойкость характера и могучая воля, подчиняющая себе людей нравственно.

Первое достоинство генералов, его помощников — решительность. Один раз на десять излишняя решительность может стать причиной неудачи; девять раз она поведет к успеху. Всякий бывалый военный человек видал начальников, хотя не обладавших никаким заметным талантом, но энергических и за то обожаемых солдатами; одно имя этих людей служило залогом успеха. Война — это игра в быть или не быть, а каждый знает, даже по частной жизни, до какой степени человек,

не боящийся худого конца, страшен противнику. В мирное время довольно трудно распределять людей по талантам; ум сам по себе, без придаточных свойств, ничего не доказывает в военном. Всего заметнее в человеке энергия, самостоятельность; подделаться под эти природные свойства очень трудно; даже в мелочах видно, насколько человек живет своим умом и руководится своей волей. Все-таки это лучшая мера для расценки офицеров. Надобно с самого начала вести их в таком духе, чтобы каждый офицер брал на себя ответственность, не стесняясь общими правилами, если думает, что так выйдет лучше — на маневрах ли, в распоряжениях ли частью — и судить его только по результату. Французы говорят о себе «nous n'aimons pas les petits coups»[23] и считают в этом свою силу. По-русски это значит: каждый берет на себя, что считает нужным, не оглядываясь. Не надобно много труда, чтобы перевоспитать русскую армию в этом духе. В русском характере беззаветной решительности так много, что она не только составляет его добродетель, но переходит даже в его порок. Надобно только снять с нашей армии более чем полувековой формализм, заевший ее действительную природу, чтобы она была как французская, «qui n'aime pas les petits coups»[24] — с придачей русской выстойчивости, чтоб она была армией суворовской, то есть действительно русской.

На войне нужны только военные качества. Кроме этих, всевозможные достоинства и недостатки, по которым меряют людей в гражданском быту, относятся в военном только к человеку, а не к солдату и не могут служить мерой для его оценки.

Нечего и говорить о том, что высшее начальство должно знать репутацию офицеров известного чина, начиная даже с полковника; в других странах их знают с капитана. Если человек раз был испытан, то он уже не подлежит новой оценке в мирное время; он годится или не годится, — и кончено. В голове войск могут стоять начальники или доказавшие себя на деле, или не успевшие еще себя доказать, — но никак не те, которые доказали противное; последнее может повести только к разрушению нравственного чувства в армии.

Существует поговорка, очень распространенная, но вовсе не верная, что военные люди выносятся вперед войной. Военные таланты действительно выказываются сами собой, но только в чьих глазах? В глазах ближайших свидетелей. Выносятся же они вперед только зоркостью правительства или такой военной организацией, в которой армия, воспитанная в чисто военном духе, умеет судить правильно о людях и имеет голос достаточно сильный для того, чтоб он был слышен всему обществу. Такова французская армия, в которой мнение развивается свободно и уважается; отчасти такова и прусская. Но Австрия, например, вечно воюет, а со времен Евгения Савойского[25] у нее не было ни одного полководца, достойного этого названия. Когда в большом государстве не слыхать признанных военных имен, на которые нация возлагала бы свои надежды, когда даже войны, продолжающиеся несколько лет, не выносят вперед таких имен, — это значит только то, что военная организация государства неестественная, что в ней люди расцениваются не по действительным способностям, признаваемым окружающей их средой — единственным неподкупным судьей в таком деле, а по каким-нибудь искусственным меркам. Это значит во всяком случае, что выдвигаются вперед не те люди, которые стоят того, люди, берущие по праву то, что им принадлежит; не те, которые были бы выдвинуты мнением, если бы мнение что-нибудь значило; а просто те, которые нравятся. Из нравящихся же мужчин редко выходит что-нибудь путное; природа предоставляет законное право нравиться только барышням. Это значит также, что выборы не обсуждаются, иначе мнение было бы услышано, а совершаются в канцелярской тайне. В европейском племени всегда довольно способных и характерных людей; если они не показываются, то в этом выражается не скудость в людях, а скудость системы управления.

Этот вопрос о военном общественном мнении чрезвычайно важный, но в то же время необычайно скользкий. Он не подлежит никакому определению, потому что держится в неуловимой нравственной сфере. Как определить право общественного мнения в постоянной армии, основанной исключи-

тельно на дисциплине, на безусловном повиновении старшему, до такой степени, что даже в самой анархической республике войско представляет собой воплощение деспотизма, и без этого не может существовать. Но в то же время несомненно, что во всех боевых армиях, какие только видел свет, кончая нашей кавказской, общественное мнение было сильно развито и влияло на многие вещи; оно почти исключительно выдвигало людей, поэтому люди распределялись правильно. Мнение не может быть безошибочным руководителем, — безошибочной мерки не дано человеку; австрийское правительство, например, поступило бы очень хорошо, не послушавшись голоса армии, выкричавшей главнокомандующим Бенедека; но в сотне других случаев оно ошиблось бы, не приняв этого мнения в расчет. Нельзя вырастить искусственно самостоятельного и зрелого мнения в армии, как нельзя возбудить его в человеке, покуда он сам не дорастет до этой поры.

Кроме верной расценки боевых людей, возможной только при зрелом общественном мнении, укоренившемся в самой армии, нужно еще, чтобы начальники, которые поведут войска в бой, были заблаговременно с ними знакомы. Теперь войска станут группироваться по мере действительной потребности. Тем не менее было бы вовсе не военным делом сводить внезапно с началом войны незнакомые между собой дивизии и вверять главное начальство лицам настолько же чуждым войскам, насколько войска им чужды. Отделение военной администрации от боевого командования войсками может стать безвредным только с восполнением этого существенного недостатка. С переходом армии на военное положение придется необходимо, за некоторыми исключениями, ставить в голове крупных ее подразделений не тех людей, которые управляли войсками в мирное время, а других, или из начальников дивизий, которым знакомы только их четыре полка, или из людей, которые повысились уже над этим званием и с тех пор были совсем разобщены с войсками. Во всяком случае, такой иерархический состав больших масс слишком напоминает случайную иерархию армии, выступавшей под Ватерлоо, бывшую главной при-

чиной катастрофы. Нельзя смешивать разнородный характер двух званий — административного и боевого[26].

Как может начальник разумно распорядиться в бою войсками, личного состава которых он не знает. Война не маневры; трудность задачи, предстоящая тем или другим частям, бывает различная, а на каждый полк нельзя одинаково полагаться; еще несравненно важнее понимать заблаговременно своих помощников — строевых начальников и возлагать на каждого по возможности только то, что ему по силам. С другой стороны, войска также должны знать своих главных начальников. Какое обаяние может производить в бою на солдата генерал, которого тот видит в первый раз? Ото всех этих вещей зависит ни боле ни мене, как исход войны. Надо полагать, для австрийских начальников оказалось мало пользы в том, что они успели хорошо расценить своих подчиненных в битве под Садовой. Какой уверенности в себе ждать от армии, в которой вся высшая иерархия, с одной стороны, и войска — с другой, остаются чуждыми друг другу в минуты, когда участь войны начинает уже решаться? Между тем таково будет наше положение, если вещи останутся в их нынешнем виде. Наше устройство имеет сходство с французским, но там условия совсем другие. Французская армия значительно менее нашей составом и численностью, она армия боевая и по воспитанию и по непрерывности войн, которые вела в последнее время, все части ее знакомы между собой, репутация почти каждого офицера высших чинов, начиная с полковника, установлена; там с назначением корпусного командира, еще не видавши его в глаза, каждый капрал расскажет солдатам его службу, качества и опишет личность. Разве у нас есть что-нибудь похожее на это? Ни одно европейское государство не решилось еще принять французскую систему, хотя нет ни одного из них, к которому бы эта система не была более применима, чем к нам.

Военно-административное деление России на округа полезно, без сомнения, во многих отношениях; но оно нисколько не препятствует должному сближению предполагаемых корпусных командиров с предназначаемыми им войсками.

Так как война всегда может загореться очень неожиданно, то и высшая военная иерархия должна быть всегда расписана заблаговременно, хотя бы только приблизительно, чтобы главные начальники знали своих подчиненных, когда им придется вести их в бой, и были известны им. Для этого достаточно даже непродолжительное соприкосновение, во время летних занятий войск. Сведение войск на известные сроки массами необходимо само по себе. Командование такими сборами войск одним или несколькими в одном районе, смотря по их многочисленности, вверяемое лицам, которым предполагается предоставить высшие звания на войне, было бы в боевом отношении равносильно сближению, установлявшемуся между прежними главнокомандующими и корпусными командирами и их войсками, без нарушения главных оснований военно-окружной системы. Государственная власть не может не иметь в виду постоянно, хотя приблизительно, как распределения сил, вызываемого тем или другим военным сочетанием, так и лиц, которым эти силы могут быть вверены. Трудно было бы надеяться на успех войны, если бы такие вопросы, не обсужденные заранее, возникали только во время самых приготовлений, когда нужно направлять войска спешно и безошибочно, разом распределять начальников сообразно с их способностью. Если ж эти вопросы обсуждены заранее, хотя, конечно, в общем виде, если они существуют постоянно в соображении как решенные, то не представляется никакого затруднения сближать войска во время сборов с начальниками, которым предполагается вверить их на войне. Надобно только, чтоб одни и те же лица были сводимы с одними и теми же войсками, иначе не произойдет никакого сближения. При такой системе, отчетливо установленной, можно было бы со временем упразднить в мирное время даже звание начальника дивизии, подчиняя полки прямо военно-окружному начальству, как во Франции.

Боевая армия составляется не сбором людей, сколько бы то ни было многочисленных и хорошо обученных; она должна быть нравственной, собирательной личностью, должна иметь

один общий пульс. Всякий пробел в связи верха с низом, одной части с другой, разрушая единство настроения и взаимной доверенности, разрушает ее боевую цельность.

IX
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы высказали свои мысли. Отдавая на суд общественного мнения их значение в военном отношении, мы не можем не сказать несколько слов об отношении этого труда к текущей минуте. Читателям выяснился смысл сочинения: он состоит в том, что в настоящем положении дел наше Отечество должно собрать свои силы, как собирает их Европа, чтоб относиться к миру не как государство с 350 миллионами дохода, уступающее в этом отношении другим великим державам, а как государство с 80-миллионным населением, ставящим его на первое место в свете; нам приходится, другими словами, в военных учреждениях, как и во многих других, сойти с оснований, заложенных Петром, и заменить постоянную солдатскую армию, ограниченную цифрой бюджета, армией народной, определяемой преимущественно цифрой населения, то есть устроить по-военному само земство. Многие из читателей не найдут нужным спрашивать, для чего это? Они сами знают и чувствуют для чего. Но многие, даже из людей, готовых в минуту опасности на всякую жертву отечеству, сделают, быть может, этот вопрос. Хотя в нашей народной жизни прошла уже безвозвратно полоса напускного тумана, когда в космополитическом увлечении иные ставили в упрек Пушкину его оду *Клеветникам России;* тем не менее нельзя ожидать от общества, в котором подобные явления были возможны еще недавно, твердо установившегося, общепринятого мнения о внешних интересах своего Отечества и о силах, потребных для поддержания этих интересов. До последнего польского восстания мы были сильны только своим живым народным чувством, которое в критическую минуту оказывалось все мощнее и дельнее на-

ших случайных мнений. Поэтому вопрос о том, для чего нам нужно быть сильно вооруженными и кто нам угрожает, весьма возможен и требует предварительного соглашения. Писавши о Вооруженных силах России, мы должны были иметь в виду этот вопрос и ясный ответ на него хоть для тех читателей, которые не разнятся с нами во взгляде на коренные начала.

Во второстепенном государстве многие соображения могут оттеснять на второй план вопрос о народном вооружении соображения политические, экономические и социальные — ибо второстепенное государство держится и существует не собственной силой, а международным правом, охраняемым соперничеством великих держав. Мы достаточно видели в последние десять лет, что охрана эта не совсем действительна; но небольшие государства не могут отвратить от себя опасности собственной энергией. Конечно, без армии и они не могут обойтись, чтобы не стать игрушкой ежедневных случайностей; но их армия имеет только одно значение — возможности первого отпора в ожидании внешней помощи; нет надобности поэтому, чтоб она точно соответствовала численности и средствам нации во всем их объеме и чтобы качество ее было очень высокое. Швеция может довольствоваться своими поселенными войсками, короли Неаполитанские полагались преимущественно на наемных швейцарцев. Когда армия не представляет собой полного залога народной безопасности, а обеспечивает государство только против второстепенных случайностей, то очень естественно, что численность и организация ее становятся делом почти произвольным, делом мнения и подчиняются многим соображениям, имеющим большое значение для общества. Державы первоклассные находятся в другом положении. Первоклассная держава есть нация, или политическое тело, существующее само по себе, независимо от всяких прав и договоров, поддерживающееся собственной силой. Первостепенные государства — это капитальные стены всемирного политического здания, всегда одни и те же, между тем как прочие — перегородки, которые каждое столетие ломает и переделывает как ему удобнее. Держава, которая не может

защитить себя от всяких коалиций, которая нуждается в охране международного права, не есть держава первоклассная и не может иметь самостоятельного голоса. Очевидно, например, что признание первоклассным государством Италии, не имеющей еще столько силы, чтобы справиться в поле сражения даже с одним из клочков австрийской армии, есть пока фикция, вызванная политической игрой, а не действительность. Италии все-таки приходится идти за кем-нибудь на буксире. Положение незавидное даже для внутреннего развития, на которое всегда ложится печать энергии народа, его уверенности в себе, почерпаемой в чувстве внешней самостоятельности. Кто не надеется на себя перед чужими, тот едва ли будет смел и прям в домашнем кругу. У человека не может быть двух лиц, как у Януса, не может быть двух душ: одной по внешним, другой по внутренним делам Отечества. Народ малочисленный, слабый не по своей вине, может развиваться беспрепятственно, сознавая эту слабость, но для многочисленной, самостоятельной нации обе стороны государственной жизни — внутренняя и внешняя, связаны неразрывно. Малейший ущерб в одной из них сейчас же отзывается на другой; упадок, даже временное умаление внешнего могущества сказывается немедленно внутри или общественной апатией или общественным разладом; нация обращается или в Испанию наследников Филиппа II, отдающуюся исключительно молитвам и серенадам, или во Францию после 1815 г., грызущую свои внутренности, раздираемую партиями, мучимую воспоминаниями до той минуты, пока она не заняла снова соответственное ее силе международное положение.

Нельзя почти сомневаться, что события восточной войны и чувства, порожденные ее последствиями в русском обществе, содействовали более, чем что-либо другое, развитию того горячечного бреда, который известен под именем нигилизма. Человек, у которого подорваны привычные верования в себя, бросается обыкновенно в противоположную крайность. Общество есть тот же человек, только в громадных размерах; оно слагается из человеческих душ. Возьмите же человека

самостоятельного, всегда сохранявшего свое достоинство и вдруг нечаянно униженного. Одно из двух: или этот человек замучит себя, растерзает себя упреками, в душе его загорится настоящее междоусобие, которое не успокоится, пока он удвоенной энергией, почерпаемой в самых терзаниях своих, не вознаградит прошлого; или этот человек понурит голову и так уже останется навек. В одном случае выйдет Франция, в другом Испания. Мещанское счастье, не тревожимое сильными ощущениями, возможно только для маленьких народов, слабых не по своей вине, как в былое время, в гражданском быту оно составляло принадлежность слабых и смирных людей, живших под чужой опекой.

Маленькая Дания может горько оплакивать свое несчастье, но, даже оплакивая, оставаться счастливой и довольной; полезные реформы, внутренний мир и процветание могут вполне утешить ее; она вышла из боя растерзанной, но со спокойной совестью: что же ей оставалось делать?[27] Такого мелководного счастья не дано в удел великим народам, и справедливо. Великий народ может также понести поражение, но не может на нем успокоиться; полезные реформы и внутреннее развитие могут утешить его только на известный срок, ибо никакое правильное развитие, никакая счастливая будущность невозможны без уважения к себе и без веры в себя, а такая униженная покорность перед судьбой со стороны сильного доказала бы его душевное растление, несовместное с этими благородными чувствами, несовместное ни с какой хорошей будущностью. Несчастье заставляет оглядываться на свою жизнь, раскаиваться в своих ошибках, понимать свои недостатки и исправлять их: так бывает со всякой сильной личностью, и человеческой, и государственной. Таким образом и с такими последствиями, всегда одинаковыми, отзывалось несчастье на всяком великом народе; примеров можно привести множество, но самый яркий из них — пример Пруссии после Йены. Наученный несчастьем великий народ, исправляя свои недостатки, не расстается с мыслью подняться опять во весь свой рост, с обновленными силами. Иначе и быть не может,

потому что человек прежде всего нравственное существо, не довольствующееся одним материальным благосостоянием и привольной жизнью, существо, требующее нравственного удовлетворения; а какое нравственное удовлетворение может согласоваться с низким мнением о себе как о народе? Иначе быть не может и потому, что всякая личность в свете, и одиночная и сборная, не может чувствовать себя спокойной, отклонившись от своего природного назначения. А разве великие народы не имеют своего природного назначения, врученного им без их спроса, проходящего через всю их историю, проникшего массу известным оттенком чувств и взглядов, от которых она не может оторваться, не открывая в то же время части своей души. Если из племен, одинаково мелких в своем источнике, одни остаются ничтожными или второстепенными навсегда, другие разрастаются в великие народы, то разве не очевидно, что эти последние племена одарены большей энергией, устойчивостью, большей способностью притяжения и превращения в себя; что в них вложен зародыш, из которого развиваются отборные силы человечества, что именно они, а не другие призваны *делать* историю нашего рода.

Воспитанный в течение веков таким призванием, отзывающимся хоть бы смутно, но все-таки отзывающимся в душе каждого отдельного лица, великий народ всецело проникается характером всемирного деятеля и не может уже возвратиться к частной жизни маленьких народов. Мещанское счастье не удовлетворит его; как Самсон, он почувствует возвращение силы вместе с отросшими волосами и не успокоится, пока не возвратит снова своего величия, не станет опять на свой исторический путь. Чем больше времени народ отстраняется от этого пути, тем сильнее бывает увлечение к возврату. Приходит день, когда сознание своей мощи и не удовлетворяющего ей международного значения, голос недовершенных исторических стремлений, чувство затронутой национальной гордости сливаются в одно общее настроение, во всенародное чувство, заслоняющее собой, на некоторый срок, все текущие внутренние интересы. Тогда для каждого человека общее дело стано-

вится своим делом, каждая царапина на величии Отечества чувствуется каждым как личное оскорбление. Это значит, у Самсона отросли волосы; великий народ уже не удовлетворяется тем, чтобы привольно жить и даже строить школы и писать книги на покое: он хочет быть самим собой. Одна из величайших нравственных потребностей общественного человека — исторически воспитанное мнение о себе, — требует удовлетворения. Такой перелом мнения — увлечение от внутренних вопросов к внешним, от которых общественное внимание было отстранено временно какими-нибудь обстоятельствами, — факт, много раз совершавшийся везде. По многим признакам можно думать, что настроение русского общества слагается с некоторого времени в этом направлении, что мы находимся накануне такого дня, когда большинство русских людей не будет уже достаточно удовлетворено успехом в одних домашних делах. Никогда нельзя было сомневаться, что такой поворот мнения произойдет раньше или позже: это закон истории, проходящий чрез всю жизнь великих народов; можно было сомневаться только в сроке, когда он наступит.

Независимо от влечений живой души, которая сказывается во всяком человеческом обществе, великая держава не может сосредоточиться и замкнуться в себе надолго, если б и хотела. Она может умерить свое вмешательство во всемирные дела, углубиться в себя, только на очень непродолжительный срок. Мир не стоит на месте, формы его и сочетания изменяются беспрерывно; абсолютного могущества, независимо от сравнения своих сил с чужими силами, не существует; а потому никакой значительный народ не может оставаться равнодушным к событиям, происходящим за его границей, далеко не может допустить всего, что может там случиться. Была ли бы могущественна Россия, была ли бы она обеспечена в своей целости, если б устояла европейская монархия, созданная Наполеоном I? Было ли бы возможно у нас правильное внутреннее развитие при такой внешней опасности, грозящей ежедневно? Не пришлось ли бы нам пожертвовать самыми дорогими общественными интересами для внешнего обеспече-

ния государства, отложить всякую мысль о будущем для настоящего? Европейская монархия Наполеона была явлением исключительным, которое, конечно, не возвратится; но разве в нынешнем положении европейских дел, при нынешнем, слишком известном и вовсе не скрываемом настроении почти всего Запада против России не могут возникнуть такие политические сочетания, которые будут иметь для нас совершенно то же значение, как французская империя 1812 г., которые, так же как и она, могут оторвать нас, и оторвать надолго, от всякой мысли о будущем для настоящей минуты? Для прилежного наблюдателя не может быть сомнения, что такие виды, хотя бы в зародыше покуда, существуют в уме многих правительственных людей Запада, что виды эти согласуются также со многими основными интересами наших недоброжелателей и что общественное мнение в большинстве благоприятно им. При таком союзе личных стремлений, интересов и мнений в нашу эпоху неожиданных событий и внезапных решений каждое несогласие в каком-либо серьезном вопросе может чрезвычайно быстро разгореться в прямое столкновение. Кто не помнит 1853 и 1863 гг. Что враждебная сила будет теперь в руках не одного лица, а одного чувства или одного интереса, от этого нам не станет легче. Возможность неблагоприятных нам политических сочетаний чрезвычайно облегчена рядом невообразимых событий последнего десятилетия, происшедших без нашего вмешательства, в то время как мы замыкались в себя. В это десятилетие Россия воскресла к жизни, это правда; но и оборот медали слишком важен, чтоб его можно было считать второстепенным в сравнении с чем бы то ни было. Внешняя опасность может быть предупреждена, единение враждебных нам интересов может быть рассеяно или ослаблено в самом зародыше только решительным воздействием на современные дела; а для такого воздействия нужна прежде всего сила или по крайней мере внушительный вид силы, не оставляющий повода никакому сомнению.

Наконец, надо сказать и то, что в свете нет такой великой державы, все интересы которой, не только политические

и торговые, но даже чисто национальные, племенные, заключались бы во всей полноте в ее недрах, не выходили бы за ее пределы. Такая отрезанность принадлежит только небольшим народцам, каковы, например, голландцы; да и тех смущает по временам вопрос о родственных им фламандцах. До сих пор ни одна великая держава не осуществила такого полного объединения своей народности, чтоб оставаться чуждой сердцем ко всему заграничному. У всякого значительного европейского народа есть своя заграничная родня, которой он сочувствует, которой он не может не сочувствовать без самоотречения, потому что она есть плоть от его плоти, потому что в ее лице он сам попирается чуждым насилием; попирается его знамя, его народность, исторические идеи или религия. Как ни далеко разошлись романские народы, а даже у них сердце говорит сообща; симпатии Франции всегда были за Италией, а Германии против Италии. Хотеть, чтобы человек замкнул свои естественные чувства в пограничной черте, условленной на последнем съезде дипломатов, значит представлять его себе куклой, а не человеком. Никто не может быть сыном своего государства; только Отечество, то есть самостоятельная народность, может иметь сынов; государство же имеет одних слуг, часто очень преданных, но все-таки слуг. Мать Россия — слово, полное великого смысла, мать Австрия — чистая бессмыслица. Если же человеку свойственно питать сыновние чувства к своей великой семье-народности, то он, значит, любит ее, а не последнюю политическую растасовку карт, любит ее одинаково везде, где видит, и в своем, и в чужом государстве. Посмотрим, долго ли политическая верность австрийских немцев устоит против патриотического влечения? Когда великий народ стремится сердцем к заграничной родне, более или менее близкой, однокровной или одноверной, он защищает не только ее, но сам себя, он защищает в ней свою собственную личность и свои собственные убеждения, свой исторический тип, выражающийся в известной мере и в родичах его, против чуждых личностей и убеждений. Вера в себя, в законность и превосходство своих коренных идей и стремлений есть та

сила, которая создает великие народы; какая же вера, обладающая могуществом, отдаст себя на попрание в каком бы то ни было виде? Великий народ, остающийся бесстрастным при виде страданий своей крови или своих задушевных убеждений в лице своих близких, потому что законность участия к ним не оговорена формально дипломатическими трактатами, подсечет тем свои собственные национальные основы, покажет всему свету и самому себе, что эти основы для него только вывеска, а не призвание.

Для людей, не отвергающих народной личности, то есть самой истории, заключение ясно. Великий народ не может заглушить в себе надолго голос своего векового призвания, душа его очень скоро возмущается против такого насилия над собой. Великая держава не может надолго замкнуться в себе, не рискуя очутиться внезапно в таком положении, из которого ей потом придется выбиваться ценой величайшего напряжения сил. Сборный человек, представляемый народностью, не может отрешиться от человеческих чувств, иногда против воли вызывающих его на деятельность, так же как и частное лицо; поступая иначе, он утратил бы собственное уважение, без которого жизнь ничего не стоит для народа, как и для личности. Эти три побуждения к внешней деятельности неотразимо увлекают каждый великий народ, занимающий самостоятельное место в свете, к вмешательству во всемирные дела, заставляют его неустанно направлять события в смысле своих национальных интересов. Нам кажется несомненным, что сумма этих побуждений вызывает в настоящее время к внешней деятельности Россию более, чем какую-либо другую державу. Восточная война и десятилетнее углубление в себя накопили на нас долг с процентами, который теперь разом приходится уплачивать. Но современный мир не в таком положении, чтобы право и самые законные чувства значили что-нибудь без силы, тем более что каждая нация имеет свои законные чувства, иногда круто противоречащие чувствам другой.

Размеры этого сочинения, посвященного исключительно военному делу, не позволяют нам вдаваться в обсуждение со-

временных европейских событий, хотя связный перечень фактов подтвердил бы вышесказанное лучше всяких рассуждений. Важность этих событий для России такова, что они могут заставить призадуматься самого доверчивого и беспечного человека, если только он русский по чувствам. Нескольких слов будет достаточно не для развития, но для уяснения нашей мысли.

На свете есть державы, окончательно сложившиеся, собравшие в себя почти все свои естественные элементы и срастившие их с собой, а потому не связанные больше с такими жизненными интересами за границей, от решения которых прямо зависело бы их могущество и внутреннее развитие; и есть державы, еще складывающиеся, чувствительные к урону не только в себе, но и вне себя, державы, будущность и развитие которых могут быть сильно подсечены в лице их заграничных интересов. Такова прусская Германия, такова и Русская Империя, несмотря на свою огромность. Совершающееся на наших пределах бесконечно важно для нас, не только как залог спокойной будущности, но даже как обеспечение в том, что мы устоим в нынешнем своем положении. Для большей части Европы Россия неприкосновенна, то есть считается недостижимой, только на восток от Днепра, на север от Кубани, на юг от Выборга; все прочее не признается еще окончательно решенным и при первом неблагоприятном для нас сочетании европейских сил может стать предметом враждебных попыток. Обширные окраины России далеко еще не так прочно срощены с владычествующим племенем, чтобы на них не могли оказать некоторого притяжения другие, даже псевдооднородные с ними центры, создаваемые вдоль нашей границы. Явная враждебность высших и средних классов в одних окраинах, совершенная разноязычность и чужеземная культура в других не допускают до сих пор такой органической связи их с телом государства, чтобы сила оружия и внешняя приманка не могли больше иметь влияния на их судьбу. Со дня разрушения Польши, в продолжение полувека, Россия обеспечивалась от неприязненных замыслов Священным союзом. Сбросив с себя эти обременительные узы, она может полагаться только на соб-

ственную силу. Нам нужно теперь, и еще долго нужно будет в будущем охранять Финляндию от скандинавизма, прибалтийские губернии от немецкого единства, Польшу и западные губернии от самых сложных влияний и замыслов, Бессарабию от Румынии, Закавказье и от Европы, и от мусульманского фанатизма. Заботы правительства и общества о наших окраинах ясно доказывают, что еще не все там решено.

С другой стороны, битва при Садовой и разложение Турции дали славянскому вопросу и в Австрии, и на Балканском полуострове такой толчок, что он начинает быстро переходить из области археологии на действительную почву. Он никогда не разрешится без России, потому что сами заинтересованные не владеют такими силами, чтобы идти самостоятельно к своей цели, а из великих держав, устанавливающих судьбу света, одна Россия может желать ему разрешения окончательного и справедливого; для прочих же эти истерзанные племена орудие, а не цель: к личной участи их все равнодушны. Тем не менее дело это зреет; все зависит от того, какое оно получит направление. Нет сомнения, что вопрос о славянах и православных, разрешаемый враждебной России политической интригой, может стать, хоть бы и временно, великой для нас опасностью. Вдоль русской границы могут создаться уже не частные и призрачные, а действительные центры притяжения, тяготеющие на наши окраины. Враждебные к России и самостоятельные до некоторой степени славянские и православные массы, опирающиеся на сочувствие, а еще вероятнее даже на содействие Европы, совсем не то, что враждебная Австрия или Турция. Славянское и православное соседство, относящееся к нам в массе, как теперь относятся поляки, разве это возможно допустить? Тут бы шло дело уже не о политическом соперничестве, а о племенном междоусобии, о том, кто представляет расу и стоит во главе ее; из такой постановки вопроса возникло бы нечто похожее на вековую борьбу Московской Руси с литовской из-за того, кому из двух принадлежит право называться Русью. А такие виды, по крайней мере такие поползновения против нас, несомненно, существуют во многих

правительственных головах и в общественном настроении Западной Европы. Недавно еще Европа надеялась поглотить, ассимилировать все русское и близкое к русскому по племени и вере, живущее вне пределов России. Внезапное появление на рубеже Европы православно-славянской империи воскресило умиравших и заставило западную политику отказаться от такой надежды. Тогда, вместо того чтоб изглаживать следы этих опасных элементов, естественно, явилась мысль признать их (хотя не совсем откровенно и не без задних мыслей), но с условием, чтоб они стали под враждебное нам знамя. Эта мысль не совсем еще дозрела, но она зреет очевидно. Еще десять лет углубления в себя, и за результаты нельзя будет отвечать. Такой оборот дела окажется гибельным для славян и православных, которые никогда не достигнут своей цели, опираясь на Запад, но он может оказаться гибельным и для нас.

Кроме потребностей народной политики, мы вынуждены еще к необходимой политике географической. Россия сообщается с океаном, то есть с целым миром, только двумя выходами, двумя внутренними морями, которые, по своей замкнутости и ограниченности, легко могут стать *de facto* из общей чьей-либо частной собственностью. Решение славянских и греческих дел во враждебном нам смысле, простирающееся до Босфора, передающее ключи Черного моря из рук умирающего в руки молодые, искусственно сложенные и неприязненно к нам настроенные, создаст для нас такое положение, о котором нельзя не подумать крепко. Вдоль западной границы постоянное, опасное по своему племенному характеру междоусобие, мечом или влиянием, все равно; на северном морском выходе сильное соперничество; на южном — возможность неприязненного владычества; что ж это за будущность?

Как единственная в свете православно-славянская держава, Россия не может допустить никаким образом ни онемечения или окатоличения своих заграничных сродников, ни тем еще менее решительного перехода их во враждебный стан. Ясно, почему для нас нестерпимо второе. Но мы не могли бы допустить и первого, даже независимо от политических

видов, потому что это значило бы отречься от основной, зиждительной силы своей истории, признать себя подломившимся народом. Русская жизнь содержит в себе слишком много самобытных, ей только свойственных начал, чтобы слиться совершенно с жизнью римско-феодально-католической или протестантской Европы, стать одним из ее оттенков, как другие западные нации. Нам приходится жить и развиваться посвоему. Но жить и развиваться совершенно особняком, быть единственным видом своего рода, одной струной октавы, без соприкосновения с чем-нибудь параллельным, без возможности проверки своего направления, результатов своей жизни и мысли с направлениями однородными, вышедшими из того же духовного корня, но представляющими его в разных разветвлениях, во всем разнообразии, к какому он способен; остаться единственным свободным православно-славянским народом, не имеющим на всем горизонте мира ни одной точки сравнения с собой, кроме самого себя, — это значило бы стать в положение племен древности или Китая, которые должны были все черпать из себя, никогда не освежаясь. Конечно, отчуждение наше не было бы столь полное, потому что мы соприкасаемся нравственно с Европой, участвуем в общечеловеческом прогрессе. Мы сродни Европе, но все-таки двоюродные, а не родные братья ей. Нас разлучило историческое воспитание. Три четверти нравственного фонда Европы, даже современной, имеют свой корень в римском праве и римских государственных преданиях, в феодальной закваске личных отношений и в католичестве с его сектами — в вещах совершенно нам чуждых. Чем больше будет развиваться наша общественная жизнь, тем более она задаст нам вопросов, на которые мы не найдем ответа даже в совокупности западной жизни. Без однородных, сочувственных, развивающихся параллельно с нами на одном и том же духовном основании славянских и православных народностей нам пришлось бы жить до такой степени крайне самостоятельной жизнью, что едва ли создан народ, у которого надолго хватит сил для такой ноши. Самостоятельное существование заграничной родни необходимо

России не только в политических, но и в нравственных видах, в видах общественной будущности. Оно нужно не только Русскому государству, но и русскому человеку. Каждый великий народ окружен, хоть отчасти, сочувственной атмосферой; у одной России ее нет, хотя элементов для нее вокруг нас больше, чем у кого бы то ни было. Вся эта полоса однокровных и одноверных стихий, обхватывающая Россию кольцом, не может оставаться нейтральной, она будет или решительно за нас, или решительно против нас, смотря по нашим действиям. Для своей безопасности как для своего развития, из политических, как из нравственных побуждений, Россия не может щадить никаких усилий, чтобы создать вокруг себя сочувственный и союзный славянский и православный мир.

Полусознательное влечение к такой цели сказалось у нас давно, но только на днях стало принимать более определенный образ. Одни литературные заявления не проведут таких чувств в жизнь; но когда народным влечениям становится ясная цель, она проникает массы как живой огонь. В 1848 г. Италия еще не думала о национальной целости, в 1860 г. целость была уже общей мыслью всех и каждого; между тем вековой Тоскане и вековому Неаполю стоило чего-нибудь отказаться от себя. Тем более в нашем деле. Нам не нужно новых областей, нам нужны только приязнь и союз, вместо вражды, на наших пределах; нам нужны равноправные братья-союзники.

Ни ясные как день политические потребности, ни самые законные влечения народного чувства еще не исчерпывают всех побуждений современного русского поколения к внешней деятельности; Россия не может устроить благополучно даже свои внутренние дела, оставаясь под впечатлением восточной войны, не изглаженным другим, благоприятнейшим настроением. Забота о домашнем преуспеянии наполовину развлекается у нас заботой об обширных окраинах, в которых никакой прочный успех невозможен, пока там существует уверенность, выводимая из результата последней войны, что сочувственная им часть Европы может одолеть нас и возвратить им в один день все утраченное. Люди могут склониться

без задней мысли пред необходимостью тогда только, когда они потеряли всякую надежду устоять на своем. Трудно срастить с собой края, в которых почти каждая пробуждающаяся мысль переходит если не прямо в неприязненный, то все-таки не в сочувственный стан (мы говорим не об одних поляках), и трудно также не допустить ее до такого перехода, пока надежда на другой оборот дел живет еще у всякого семейного очага. В 1812 г., когда император Александр приехал в Вильну вслед за бегущим Наполеоном, он мог сделать из Польши, даже нравственно, все, что хотел, потому что она ни на что больше не надеялась. Со времени восточной войны на всех пределах наших, заселенных не русским племенем, стало выражаться совсем другое настроение. Довольно трудно ладить с людьми, которые почерпают новую надежду в каждом заграничном замешательстве, для которых самая положительная воля правительства, поддерживаемая всей нацией, не кажется еще приговором судьбы вследствие убеждения, что эта нация не устоит против сил их друзей, истинных или предполагаемых. Даже в местностях не враждебных, а только чуждых нам, не согретых поэтому русским чувством, являются самые дикие, пока еще не опасные, но все-таки вредные мечтания, по поводу этой мнимой несостоятельности России перед Европой. При каждом значительном европейском событии ребяческая фраза «как скажет Наполеон, так и будет», самые невозможные мечтания о перемене участи получают там ценность ходячей монеты. Что за дело до того, что мы знаем нелепость всех этих надежд и мечтаний, когда *они,* заинтересованные, не знают того и увлекаются понятиями, внушенными в одной местности страстью, в другой безграмотностью, но исходящими из одного источника, — из того, что после восточной войны они не считают Россию достаточно сильной и ждут всего возможного в будущем. Легко ли вести в должном направлении людей, которые умышленно упираются на каждом шагу вследствие своих ложных мечтаний? Наши окраины, как бочки Данаид, будут бесплодно поглощать величайшие жертвы правительства и общества, пока решительные события не

уверят их в том, что они окончательно и без апелляции к судьбе *наши.* Первая удачная война изменит коренным образом нынешние отношения. Тогда четверть усилий окажет больше действия, чем совокупность их оказывает теперь.

Торжество в справедливой войне доставляет победителю не одни только вещественные выгоды; последствий ее нельзя исчислить с карандашом в руке, вычитая издержки из ценности приобретений. В настоящем положении света, когда международная справедливость еще ничего не значит без поддержки оружием, готовность великого народа идти на борьбу за свои убеждения, напряжение воли и уверенность в себе, которые он выносит из борьбы, удесятеряют его духовные силы, а в этих силах источник всякого народного процветания, даже часто вещественного. Вся история свидетельствует об этом. Голландия после войны испанской, Франция после войны республики, Пруссия после войны за независимость — всех таких примеров не перечислишь — становились сейчас же гораздо деятельнее, предприимчивее, богаче, в несколько лет не только покрывали жертвы предшествующих годов, но удваивали народный капитал. Понятно почему, народ — тот же человек, а сила человека заключается в нем самом, в степени его душевного напряжения, которое надобно только пробудить. Вопреки ходячим понятиям жертвы, вынуждаемые великой войной, если только эта война ведется за сознаваемое народом право, всегда оказываются даже в экономическом отношении не растратой, а зернами будущей жатвы (тут, разумеется, идет дело не о мексиканских экспедициях Наполеона)[28]. Такой вывод не согласен, может быть, с теорией несуществующего отвлеченного человека, но он прямо истекает из природы человека действительного, жизнь которого слагается из мнений, верований и впечатлений. Так же точно, когда дело идет о соперничестве между европейскими народами (то есть племенами одинаково энергическими), задетыми за живое, то здесь надо подводить итоги не рублям, а чувствам; Франция победила Европу в то время, когда французские ассигнации имели ценность оберточной бумаги[29].

Всякому известно историческое заключение, столько раз высказанное: до сих пор нам некогда было заняться исключительно своим внутренним развитием; все силы выходили у нас на создание государства. Но, очевидно, это *некогда* продолжается и доднесь. Сознание нашей исторической личности складывалось постепенно, и только перед нынешним поколением обозначился ясно последний ряд вопросов, заключающих наше *государственное дело.* Россия должна покончить с ними, чтобы наконец опочить от трудов и, не тревожась будущим, развивать свои народные начала, создавать русское просвещение; иначе эти вопросы сами напомнят о себе и тяжко будут развлекать нас, может быть, еще целое столетие.

Мы не развивали взгляды, высказанные в этой главе, мы только указали их: иначе пришлось бы написать целое сочинение. Мы хотели не доказывать, но пояснить перед читателями свое убеждение, состоящее в том, что все интересы и все чувства современной России положительно указывают предлежащий ей путь. Самые сильные союзы, какие только могут сложиться для противодействия законным стремлениям нашего Отечества, вовсе не так состоятельны, как это может показаться с первого взгляда. Лишь продолжительное бездействие наше может дать время возникнуть действительно страшному союзу. Инициатива со стороны России встретила бы, конечно, сильное противодействие, но далеко не единодушное, не народное, не возбуждающее страстей массы, — противодействие, в которое ни одна нация не положит своего сердца. Страсти будут возбуждены только в больших космополитических партиях — клерикальной или демократической, — смотря по нашим действиям, может быть, в обеих вместе. Народы останутся равнодушными. Двадцать лет тому назад европейское политическое здание скреплялось еще привычкой; многие люди чистосердечно тревожились, когда видели, что какая-либо переделка угрожает положению вещей, с которым они свыклись; удивительные перевороты последнего времени разрушили и эту привычку. Можно сказать положительно, что в настоящее время европейское общественное мнение смущается гораздо

более неопределенностью положения, предшествующего кризису, ожиданием каких-либо событий, чем самыми этими событиями, когда они уже разыгрались; оно сейчас же свыкается с каждым совершившимся фактом, как будто он установлен испокон веков. Все былые политические идеи и отношения до такой степени рассыпались прахом, что теперь нет ни одного правительства (кроме английского, и то не надолго), которое держалось бы сколько-нибудь преданий внешней государственной политики: существуют только интересы дня, а потому всякие сочетания, самые внезапные союзы, содействия и противодействия стали возможными. Даже тот смутный порядок отношений, какой мы видим в текущую минуту, поддерживается только жизнью или присутствием у дел нескольких лиц. Очевидно, в таком положении вещей, для государства, непоколебимого на своих основаниях и ясно сознающего свои цели, вся сила заключается в настойчивости и инициативе. Если все отношения беспрерывно меняются кругом, тот, кто не изменяет своих видов, постоянно направляет события в своем смысле, стремится без колебания к одной цели, непременно дождется благоприятной обстановки; несбыточное вчера становится сбыточным завтра.

Конечно, из числа вопросов, лежащих у нас на сердце, нет ни одного, к разрешению которого можно было бы приступить без достаточной силы; но зато, располагая такой силой, нет ни одного вопроса также, который мог бы вызвать общее сопротивление. С каждым европейским государством отдельно у нас есть пункты несогласимые, разрешаемые только войной; но эти же пункты могут быть миролюбиво улажены с другим, лежащим рядом, государством. На свете только два соперника, с которыми нам нельзя сойтись ни в чем: венгерская Австрия и Турция. Зато от нас зависит иметь прочного друга, с которым можно идти рука об руку во всех определившихся до сих пор, принимаемых к сердцу с обеих сторон, интересах — Америку. Судьба, очевидно, сближает нас; несмотря на разность наружных форм, в обеих нациях существуют побуждения к глубочайшему сочувствию, взаимные интересы, их и наши, разрешаются

одними и теми же политическими сочетаниями. Здесь не место распространяться о великой идее американского союза. Нельзя сказать, чтобы русское общество поняло все ее значение; но оно сделало еще лучше — оно приняло ее к сердцу[30]. За исключением двух соседей, с которыми нельзя сойтись, и одного друга, с которым не должно ни в чем расходиться, наши отношения ко всем прочим случайны и зависят более или менее от нас самих. Стало быть, для каждого вопроса можно уловить минуту благоприятного политического оборота дел; разумеется, при неуклонном направлении, в котором не может удержаться наиболее последовательное правительство, если само общество не проникнуто сознанием национальных целей.

Наши кровные интересы искреннее и живучее, а потому и могущественнее личных интересов, противопоставляемых им; на пути нашем не стоит ничего живого, нам не предстоит никакой борьбы жизни с жизнью; все одаренное будущностью в этом свете может быть с нами, или нейтрально к нам. Против нас выдвигаются лишь страсти и интересы, предводимые эгоизмом, политической интригой, отрицанием человеческого права или грубейшим материальным насилием. Нам может предстоять великая борьба, но никакой верный и верующий в себя народ, тем более 80-миллионный, не поколеблется, когда придет время выйти на эти темные полчища.

До сих пор у нас есть люди, полагающие, что слишком большое государственное могущество влечет за собой как прямое последствие правительственную централизацию с характером военной дисциплины, что могущество противоречит свободе и развитию и потому его должно опасаться. Но в этом замечании кроются, очевидно, два недоразумения: одно в определении значения слова «слишком большое могущество», другое — в смешении времен и эпох. Слишком большое могущество — то, которое обременяет себя ненужным, из славолюбия, если б относительно оно даже и не было велико. Слово это неприменимо к великой державе, стремящейся осуществить свои исторические влечения, такие влечения, в которых оно находит законное удовлетворение своим потребностям и вну-

тренним, и внешним. Осуществление этих целей может сделать могущество державы громадным, но не сделает его слишком великим, не скажется противодействием внутреннему развитию, потому что из него никогда не возникнет избытка силы, не находящей себе употребления: сила будет только соответствовать ноше. Деспотизм действительно оказывался всегда основным характером государств завоевательных, от Римской империи до первой Французской, но потому именно, что они были завоевательные, потому что они насильно налагали иго на чуждые народы. Пьемонт[31] же нисколько не стал деспотическим оттого, что привлек к себе Италию. Нет причины, чтоб однородное с этим историческое явление, хотя в гораздо более обширной рамке, привело к противоположным последствиям. Работа самой жизни, когда люди не насилуют ее, а только содействуют ей, не может разрешиться ничем, кроме как жизнью, еще более могучей, потому что она становится более разнообразной. Никакой уважающий себя человек не захочет для своего Отечества даже всемирного владычества, если оно должно быть сопряжено с потерей или застоем хотя бы малейшего из его личных человеческих прав. Отечество существует только для гражданина. Но об этом нет и вопроса; Россия может стать путеводительницей своих родичей только в той мере, в какой она сама явится способной к полному человеческому развитию, только просвещенная, прогрессивная и свободная Россия может стать средоточием славянского и православного мира. Россия, в которой мы родились, не закончившая еще своего воспитательного периода, могла манить к себе болгар, искавших в ней убежища от грабежа, от выкупа за голову, но она не могла манить образованных и граждански обеспеченных родичей. Теперь же в нашем будущем сомневаться нечего. Прогрессивный ход русской истории очевиден, а с 1855 г. быстрота его бросается в глаза. Мы единственный современный народ, не сомневающийся в своей верховной власти. Систематическая реакция в современной русской истории немыслима, а временные задержки и даже минутные возвратные шаги, по поводу хотя бы первостепенных вопросов, тянутся цепью че-

рез жизнь всякого народа, даже американского. Равномерный ход истории от того не останавливается. Когда пароход несется на полных парах, экипаж не отстанет, прогуливаясь от носа к корме; в то время, когда он сделает пятьдесят попятных шагов, разбежавшееся судно умчит его на сто сажень вперед.

Никакой сильный народ не дозволит без сопротивления, чтобы в сфере его действия, а тем более на его границах, происходили события, последствия которых могут оказаться ему неблагоприятными. Но кроме этого побуждения к деятельности, общего всем великим державам, каждая из них руководствуется при вмешательстве в чужие дела побуждениями самобытными, совсем отличного характера, которые поэтому никак не могут быть подведены под одинаковое освящение справедливости и нравственности. Эгоизм масс везде кончает признанием справедливости всего, что ему кажется полезным. Но справедливость все-таки не остается пустым словом, даже в международных отношениях. Политическому обществу, как и отдельному лицу, трудно выдерживать искусственно принятую на себя роль, придавать напускным или эгоистическим чувствам жизненность и могущество чувств сердечных. Напротив того, народ, глубоко убежденный в своем праве, обладает энергией и настойчивостью, против которых нелегко устоять без подавляющего превосходства в силах. Могущественная держава, стремящаяся к осуществлению своих исторических видов, твердо ею сознанных, в силу одного этого сознания уже наполовину обеспечена в успехе. Но международные дела не решаются без силы. Для полного успеха нужны три вещи: ясное сознание целей, проникающее общество сверху донизу; твердая воля, выражающаяся не порывом, а настойчивым, безустанным действием в принятом направлении; и военное устройство, соответствующее совокупности материальных и нравственных сил восьмидесятимиллионного народа.

МНЕНИЕ О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ 1869 г.

Перепечатывая в книге брошюру «Мнение о восточном вопросе», писанную в 1869 г., я не считал нужным переделывать давно сказанное для применения к совершившимся фактам. Хотя в то время нельзя еще было предвидеть размера разыгравшихся потом событий, но направление их и тогда уже не подлежало сомнению. Готовившаяся борьба[1] между Германией и Францией обозначалась уже весьма ясно; вместе с тем нельзя было сомневаться и в том выводе, что исход этой борьбы в ту или другую сторону, решительный для судьбы западной половины нашего материка, не мог повлиять существенно на русские политические вопросы и на отношение к ним Европы; он мог только до некоторой степени затруднить или облегчить их дальнейший ход в будущем. Победа того или другого из противников изменяла не более как одно имя в списке противопоставленных нам сил. В одном случае в списке стояли бы: Франция, Австрия, Англия; в другом — Германия, Австрия, Англия. Победа Франции была бы для нас временно опаснее победы Пруссии. Она подчинила бы французскому влиянию Австрию, не столь прочно, но еще более тесно, чем подчиняет ее теперь влияние немецкое; с тем вместе, победа эта или прямо зажгла бы пожар на нашей западной окраине или во всяком случае снова поставила бы эту окраину на дыбы, возбудила бы нравственное ее сопротивление русской власти до пароксизма. Победа Германии, более опасная для нас в будущем, заменившая политическое противодействие французов национальным

соперничеством самой упорной расы, обхватившей кругом нашу границу, обеспечила нам по крайней мере хотя временный, но довольно продолжительный мир, дала возможность не быть захваченным врасплох; теперь степень нашей безопасности зависит уже от нас самих. Можно утверждать поэтому, что русское правительство, обязанное пещись прежде всего о заботах текущего дня, имело весьма достаточное побуждение благоприятствовать в начале минувшей войны Пруссии, а не Франции; благоразумные люди не могли не думать в этом отношении заодно с правительством. В сущности же, никакой переворот в Европе не мог оказать непосредственного действия на наши внешние вопросы. Тем не менее эти вопросы продолжают стоять над нами постоянной опасностью; они — внешние только временно, потому что грозят при неблагоприятном их разрешении обратиться в вопросы внутренние, перенестись с заграничной стороны наших окраин на русскую их сторону. В этом отношении суждение, основанное на общем политическом состоянии 1873 г., отличалось бы разве немногими чертами от суждения 1869-го. Наш основной и вместе конечный политический вопрос — неразрывная, несомненная и неизбежная внутренняя связь в положении дел и возможном их исходе на двух русских окраинах — западной и южной, связь до такой степени неразрывная, что она переплетает оба эти вопроса в один клубок, что решение судьбы средней, славянской Европы, тяготеющей над нашей западной окраиной, предрешает неотразимо судьбу Балканского полуострова с Черным морем и обратно, — остается непочатым, не только с 1869 г., но с кончины Екатерины II. Он не только может, но наверное будет еще раз, даже еще несколько раз, поставлен на карту. От личного решения правительств зависит только ускорить или замедлить исход, но не отвратить его.

С того времени как Россия обратилась из Московского царства в Русскую империю, выступила из пределов чисто русского племени, порешила многовековой спор с Польшей и вдвинулась в чересполосицу восточного края средней Европы, славянского по населению, немецкого по официальной окра-

ске, западная ее граница стала произвольной и случайной чертой, зависящей от первого крупного политического события. Вся обширная страна, через которую прочерчена дипломатами 1815 г. наша западная граница, страна, раскинувшаяся от Баварии до Днепра и от устья Немана (в чисто политическом смысле даже от Финского залива) до Босфора, кроме явного и достаточно уже сознаваемого этнографического сродства, имеет еще тот общий склад, что вся она, во всех своих подразделениях, недовольна своим настоящим положением, не признает искренно своих политических владык, даже давних, и жаждет иного будущего. При таком переходном состоянии все, что происходит в одном углу этой чересполосной страны, не может не отозваться со временем во всяком другом углу; думая о Литве, о балтийском прибрежье или о Черном море, мы не можем не думать одновременно о Богемии и Румынии. Разве не ясно: окончательное решение участи Богемии в чисто немецком смысле повлекло бы за собой решение участи Польши, со всем полупольским краем, вовсе не в смысле русском, даже едва ли в польском, разве на первое время. Какой же смысл представляет для мыслящего человека status quo в такой обстановке. Историческая судьба клонится осязательно к решению вопроса о всей Восточной Европе в его целости, то есть к размежеванию двух великих пород: славянской и немецкой, или к поглощению первой, к такому поглощению, что даже на востоке от нее останутся только клочки, Московское царство Алексея Михайловича. Можно придавать большее или меньшее значение этому всесветному вопросу, смотря по личным взглядам и вкусам, но нельзя не видеть его или отрицать. Вопрос этот не мнение, а неопровержимый факт. Вот что побудило меня высказать свое убеждение в 1869 г. В ту пору «Мнение о восточном вопросе» казалось еще большинству той «чепухой», о которой говорил Лейль. Последняя война открыла глаза многим. В изданиях, встретивших мою брошюру довольно неприязненно, появились с тех пор серьезные труды по этому вопросу, с других точек зрения, но в том же самом смысле. Такие мнения, требующие предварительной оценки разнообразных

сторон дела, не проникают массу разом, как бы они ни были верны; но они охватывают постепенно мыслящие умы и тем самым обеспечивают свой успех. Вот существенная разница для судьбы брошюры между двумя ее изданиями, 1869 и 1873 гг. Все прочее осталось как было, а потому я не вижу надобности применять ее текст к некоторым изменившимся подробностям; достаточно нескольких примечаний. Вопрос этот развивался в веках; четыре протекшие года не могли оказать на него заметного влияния, решение его зависит не от внешних событий, а от степени зрелости его в сознании русского племени.

Каждое государство определяет нужные ему силы вследствие многих соображений различного свойства; никакое не руководствуется в этом отношении одной сравнительной статистикой, но меряет степень своего напряжения географическими особенностями и политическими отношениями — не только постоянными, но и временными. После отвлеченного вопроса, какую силу может выставить государство, следует вопрос практический: какая сила нужна ему? На последний вопрос нельзя дать даже приблизительного ответа, не составив себе точного понятия о политических отношениях государства, которые могут вовлечь его в войну и вместе с тем укажут направление войны и степень ее напряжения. Такое политическое понятие, предшествующее всякому военному выводу, может быть неверно или односторонне, что, конечно, отразится на выводе; но без него нельзя приступить к военному вопросу; без этого основания предметом рассуждения будет искусство для искусства, а не действительность. Мой расчет вооруженных сил (принимаемый теперь официально — усилением действующей армии и созданием резерва)[2] основывается также на законченном понятии о наших политических или, вернее сказать, исторических отношениях (так как тут дело идет не о текущем дне). Мысль, на которой построен расчет, следующая: ни один из близких нам европейских вопросов, и особенно главный из них — восточный, не может быть покончен местной войной (восточный, например, войной на Балканском полуострове); последняя война была в этом отношении

явлением случайным и исключительным, не повторяющимся дважды. Столкновение наше с Европой, или с частью ее, может порешиться только борьбой с лица, то есть войной на западной границе; а потому международную силу России надо мерить не только преимущественно, но почти исключительно силой, которую она может выставить на западном своем пределе, оставаясь в то же время в оборонительном положении на прочих границах, где нужно.

Утверждение это, несомненное в моих глазах, привело к недоразумениям. Мне замечали, что, кроме восточного вопроса, никакой другой не может возбудить против нас коалицию, потому что польское дело не представляет для Европы существенной важности; что восточный вопрос, как показывают факты, не поведет к столкновению на западной границе; что союзники 1854 г. не предприняли сухопутной войны вследствие того, что Англия не хотела из-за восточных дел переделывать европейскую карту, чего надо ждать и в будущем, и т. д.

На такие замечания можно было бы отвечать в коротких словах: 1) коалиция против нас вне восточного вопроса до такой степени возможна, что в 1863 г., когда Наполеон хлопотал в Вене о наступательном союзе, коалиция чуть было не состоялась. Австрия колебалась несколько дней, и если бы тогдашнее ее правительство было немного решительнее (в доброй воле у него не было недостатка), то против нас образовался бы грозный союз из Франции, Австрии и Италии, в обход мало тогда значившей и еще не уверенной в себе Пруссии, без помина о восточных делах. Всякое волнение Польши грозило и будет грозить нам той же опасностью[3]; 2) Англия точно не желала связывать польский вопрос с восточным, но не до такой степени, чтобы признать себя побежденной и отказаться от своих требований на востоке для избежания его. Обратить же морскую войну в сухопутную зависело не от западных держав, а от Австрии, которая одна могла открыть союзникам доступ к нашей западной границе; 3) сухопутная война не вспыхнула по восточному вопросу в 1856 г. оттого лишь, что мы отступили перед ней и отказались не только от недавних требований, но от

давних преимуществ, вследствие ультиматума Австрии[4], иначе война легла бы всей тяжестью именно на западную границу. Я брал для расчисления сил последнюю войну[5], причем очевидно должен был руководиться не буквально тем, что случилось, а тем, что непременно должно было случиться, если бы мы продолжали настаивать на своих требованиях. Я имел в виду не случайную и бесцельную войну, как в 1853—1856 гг., но войну обдуманную, со средствами, заранее соображенными с целью.

Я не могу вдаваться в подробности и потому не представляю никакого нового факта; но укажу то соотношение между фактами, из которого истекает мой взгляд.

Сосредоточимся на восточном вопросе. Он действительно самый существенный для нас, потому что один только постоянно грозит нам враждебной коалицией. Как во время сильной эпидемии все болезни носят на себе ее оттенок, так и по восточному вопросу: покуда он стоит неразрешенный, все причины столкновения России с Западом вытекают из него или в него втекают; он служит им общей связью[6]. Согласиться в истинном значении восточного вопроса и в определении коренного препятствия, не допускающего до сих пор разрешения его в русском, то есть справедливом смысле, которого жаждет все население Балканского полуострова, — значит согласиться насчет сущности военно-политического положения России — стало быть, и важности для нас того или другого основания военных действий.

Собственно говоря, недоразумение происходит от различия понятий насчет пределов вопроса.

Пределы эти чрезвычайно раздвинулись в текущее столетие. От прежнего восточного вопроса осталось одно название; все прочее — сущность и размеры — стали иными. Можно проследить с чрезвычайной точностью внутренний рост вопроса по отношениям, в какие постепенно становилась к нам Австрия при каждой из наших турецких войн. Никакой барометр не показывает так верно погоду, как степень неприязни Австрии к нам — состояние восточного вопроса, потому что для нее этот вопрос не политический, как для Франции и

Англии, а свой, жизненный, в такой же мере, как для нас — только в обратном смысле.

В 1786 г. был заключен союз между Екатериной II и Иосифом II для завоевания, раздела и перерождения европейской Турции. В этом союзе выразилась в последний раз мысль, триста лет занимавшая Европу, об изгнании неверных варваров из ее пределов, — разумеется, с приманкой личных интересов. Единоверие наше с балканскими народами значило тогда много для турецких раиев[7] и мало для Европы; единокровие наше с ними не имело значения ни для кого: стремления к народности еще не существовало. Мы отдавали Австрии гуртом православных славян Сербии и Боснии, она обещала за то помогать нам в восстановлении Византийской империи; о другом преемнике для Турции еще никому не думалось. Славян делили, как товар, между немцами и греками. На таких основаниях Австрия могла быть заодно с нами.

В 1807 г. она смотрела на дело уже другими глазами, вследствие нежданного и успешного восстания сербов[8]. Могло ли государство, населенное 19 млн порабощенных славян, видеть равнодушно этих новых турецких наследников, и где же? — вдоль границы Кроации[9] и Воеводины. В действиях Австрии выказался тогда же новый план политики по восточному вопросу, которому с тех пор она следовала неуклонно. Венский кабинет употребил в ту пору все зависящие от него средства, чтобы разорвать союз Франции с Россией, грозивший ему одной только, но для него невыносимой опасностью — уступками со стороны Франции по восточному вопросу. Для избежания подобной сделки, более чем для чего-либо другого, Австрия сначала бросилась в войну с Наполеоном, потом отдала за него свою эрцгерцогиню и пошла к нему в союз.

Она не успела, однако же, помешать освобождению Сербии. Император Александр, не находившийся еще под влиянием Меттерниха, настоял на своем. Но известно, что затем произошло. Когда человеческое чувство и стыд перед своими народами склонили все европейские правительства, даже английское, в пользу греков, одна Австрия оставалась непре-

клонной и долго тормозила Россию именем Священного союза. Казалось бы, однако же, «великая идея»[10] — восстановление греческой империи, а тем менее первый шаг к этой еще отдаленной цели, не должны были пугать племянника Иосифа II; но в 30 лет, протекших со времени Австро-русского союза против турок, для зоркой Австрии стало ясно, чем подбит восточный вопрос: там, где другие говорили греки, она думала уже сербы и болгары. Когда истощилось наконец терпение русского правительства и покойный Государь повел свою армию за Дунай[11], Австрия, несмотря на священный союз, выбивалась из сил, чтобы набрать против России такую же коалицию, какую удалось ей составить 25 лет спустя. Она оказалась несравненно решительнее Англии; в Вене прославляли каждую минутную нашу неудачу, как патриотическое торжество. На тот раз только доверие Карла X к слову императора Николая Павловича — не разрушать Турции и родственно-дружеские отношения с Пруссией — избавили нас от враждебного союза.

С тех пор действительность уяснялась с каждым днем. Задолго до восточной войны Европа, с голоса Австрии, кричала о панславизме. События 1848 г., выказавшие живучесть австрославянских населений[12], не могли, конечно, задобрить владычествующие классы и племена австрийской империи к славянским населениям Турции. Тайные переговоры, предшествовавшие восточной войне, до сих пор малоизвестны[13]. Несомненно, однако же, что Австрия пугливо старалась уладить раздор 1853 г.[14], пока не уверилась в готовности Франции рискнуть войной, и стала раздувать его, когда приобрела эту уверенность. Возможно ли допустить, чтобы вновь импровизованный император французов, только что поднявший опасное для Европы знамя Бонапартов, позволил себе хотя первые угрожающие демонстрации, возжигавшие понемногу войну, которой никому не хотелось, не зная положительно, что Австрия с ним, то есть что на него не обрушится Священный союз? По наружности союз этот был скреплен между Россией и Австрией почти в прежнем смысле; Пруссия, хотя недовольная событиями 1851 г.[15], не поколебалась бы, без сомнения, между своими старыми союзни-

цами и бонапартовской Францией; если бы наружность оказалась действительностью, французам, вместо Крыма, пришлось бы отбиваться в Шампании. В завоевательные замыслы России никто не верил, а потому при единодушии северных держав невозможно было рассчитывать на Англию. Если бы бывший Священный союз заговорил громко в ту пору, на что он имел полное право, зная невинность России во возводимых на нее коварствах, Англия отступила бы мгновенно, предоставляя минутному союзнику разделываться, как сам знает. Без заручки с самого начала в противоположном лагере, французские демонстрации 1853 г. были бы безумным риском. Нельзя сомневаться поэтому, что нравственной зачинщицей коалиции 1854 г. была Австрия, а не Франция, несмотря на обманчивую постановку фактов, Австрия, конечно, находила выгодным загребать жар чужими руками; но она же развязала руки союзникам, потребовав отступления русской армии за Прут и заслонив от нас Турцию своими войсками; она же в последнюю минуту решила дело, положив на весы тяжесть своей трехсоттысячной армии; она же была несговорчивее всех при заключении мира.

Совершенно ясно, почему Австрия медлила с окончательным решением в прошлую войну, вследствие чего действия разыгрались в Крыму, а не на Висле. Во-первых, Австрия была тогда еще исторической монархией Габсбургов, мы были нужны ей для ее германских и итальянских интересов; она не хотела торопить окончательный разрыв с Россией, надеясь достигнуть своих целей одним вооруженным нейтралитетом, в чем и успела[16]. Во-вторых, в 1853—1856 гг. не было и помину о решении восточного вопроса, разве только в стихах Хомякова; спор шел о второстепенных подробностях. Этого, однако же, было достаточно, чтобы Австрия стала во враждебное положение, несмотря на опасность потерять столь нужную для нее поддержку России в других делах, ныне уже ее не связывающих. Что же было бы, если бы теперь дошло до окончательного решения восточного вопроса?

Позволительно ошибаться одинаковым образом не более двух раз: два раза равняются несомненному опыту; а с тех пор,

как Австрия уразумела впервые сущность восточного вопроса и приняла в отношении к нему твердо определенную систему политики, мы уже два раза испытали невозможность не только порешить, но даже сколько-нибудь улучшить дела Балканского полуострова помимо ее. В 1829 г. наша армия дошла до Мраморного моря, но только на честном слове ограничилась при мире одними греческими делами в заранее очерченном круге (мы не могли освободить Кандию[17], хотя стояли под Константинополем). В 1854 г. мы вовсе не могли идти вперед. Оба раза препятствие было у нас не с лица, но с тыла.

У нас считают главной препоной к вооруженному вмешательству в турецкие дела Францию и Англию. Но в действительности Франция и Англия одни не могут, при всем желании, оградить от нас европейскую Турцию, если у нас развязаны руки на западной границе. Нельзя бороться посредством десантов против равносильной державы, которой открыт сухопутный доступ в спорную страну — ни по времени, ни по численности. Что значат все перевозочные морские средства против двухсоттысячной армии, действующей безостановочно. В 1854 г. союзники употребили часть зимы и всю весну, чтобы перевезти в Турцию 60 тыс. солдат; потом им нужно было значительное время для устройства обозов; до июня они были прикованы к морскому берегу и даже до конца не стали подвижными. Силы их возросли в Крыму до размеров многочисленной армии лишь постепенными подвозами в течение целого года. Между тем русской армии достаточно 6 недель и еще меньше, чтобы пройти от Дуная до Константинополя, если она будет довольно многочисленна для блокирования крепостей в тылу, вместе с безостановочным по возможности движением вперед. Имея дело с турками, война может подвигаться так же скоро, как двигаются обозы. Надо думать, что и на Балканском полуострове война пропитает войну, если быстрота похода не дозволит неприятелю методически опустошать страну, которая в таких обстоятельствах, конечно, не поддастся ему без сопротивления. До сих пор по старым преданиям мы воевали в европейской Турции шаг за шагом, осаждая крепости, чему

удивлялись в Европе и к чему не было необходимой военной причины; в 1829 г. была, впрочем, причина политическая — обеспечить сколько-нибудь свой тыл на случай враждебной выходки Австрии. Для решения участи европейской Турции, несмотря ни на какие усилия морских держав, достаточно, чтобы 150 тыс. войска дошло до Босфора, то есть на самый широкий конец, чтобы 250 тыс. пришло к Дунаю. Мы можем предупредить сухопутную армию западноевропейских противников не только на Балканах, но и в Константинополе. Если бы они успели, что довольно трудно, встретить нас под этой столицей с силами, собранными в 1854 г. в Варне, после многомесячных усилий, то 60 тыс. европейцев, сколько бы при них ни стояло турок, не отразили бы 150-тысячной русской армии, да регулярных турецких полков и не существовало бы уже в то время: они были бы рассеяны раньше в Европе и в Азии. Вместе с Константинополем достались бы в наши руки и проливы; укрепления их не могут держаться против береговой армии. Раз же, что входы в Мраморное море заняты и ограждены достаточной силой, серьезное покушение на Турцию со стороны моря, с целью оспаривать владычество над ней, почти невозможно. Самый большой десант, известный в истории, есть десант крымский — 60 тыс. войска без кавалерии, обозов и с малой пропорцией артиллерии. Он увенчался успехом вследствие двух особенных причин: короткого (полуторасуточного) плавания и двойной силы против встретивших его на берегу войск. Но десант ввиду превосходного числом или даже равносильного неприятеля, изобильно снабженного всеми средствами сухопутной войны, поведет к гибели. Армия Веллингтона, привезенная и снабжаемая из-за моря, имевшая неодолимое убежище на устье Тага, держалась в Испании против превосходных, хотя раздробленных сил французов потому только, что страна была за нее; но представьте обратное отношение: могла ли бы французская армия в 1807—1812 гг., окруженная народным восстанием, держаться в Испании против превосходных английских сил? Именно таково было бы положение европейских союзников в Турции, если бы мы могли действовать

не оглядываясь; да при этом условии, по всей вероятности, мы и не встретили бы их там. Если бы морские державы решились защищать Турцию, не имея в виду содействия Австрии, то защищали бы ее одними морскими силами, с таким разве числом сухопутных полков, которое может разъезжать с флотом, не обременяя его, — но не рисковали бы своей армией. Многих вводит в заблуждение то обстоятельство, что союзники 1854 г. имели силу внести войну даже в наши пределы и держаться в них; но каким образом? — на сильной береговой позиции, которую они успели укрепить прежде, чем против них собралась достаточная сила. Таких позиций много и на турецком берегу; но, сидя, прижавшись к морю в подобной позиции, не спасешь оттоманского владычества. В действительности Франция и Англия так же мало могут оградить против нас европейскую Турцию своими сухопутными силами, как Канаду или Мексику против американцев.

Дело в том, что нам невозможно вести войну на Балканском полуострове без позволения Австрии, а этого позволения мы не получим ни в каком случае. Посмотрите на карту: нам открыт доступ на европейскую Турцию только одним путем — через ворота между юго-восточным углом Карпат и устьем Дуная; ключ от этих ворот в руках Австрии. Переходя Дунай или даже Прут, мы становимся тылом к ней. В этом неловком положении первая угрожающая демонстрация нашей доброй соседки заставляет нас поспешно отступить, как было в 1854 г. Нижний Дунай доступен только при австрийском паспорте. В отношении к нам географическое положение европейской Турции уподобляется прочному ящику, крышку которого составляет Австрия; не приподнявши крышки, нельзя ничего достать из ящика — мы уже достаточно это испытали.

В 1854 г. рассказывали, будто князь Паскевич сильно настаивал перед почившим государем о необходимости, раз решившись на войну турецкую, готовиться прежде всего к войне австрийской; он утверждал, что восточный вопрос может быть распутан только в Вене, а не в Турции. События оправдали взгляд знаменитого воина.

Покуда Россия владела Черным морем, можно было попытаться почать ящик с другой стороны — пробить у него дно десантом на Босфор. Следствием было бы поголовное восстание христианского населения, паралич Турции в последующие затем месяцы и, вероятно, конечное ее разложение, но только в чью пользу? Захват Константинополя и проливов не решил бы этого вопроса. Его пришлось бы разыгрывать в сухопутной войне против союза, душой которого была бы все-таки Австрия. В продолжение этой войны христианское население Балканского полуострова находилось бы еще в хаотическом состоянии, резалось бы с мусульманским населением городов; оно не могло бы оказать нам помощи вне своей собственной земли. Для занятия проливов и всего полуострова пришлось бы отделить большие силы, чем сколько их нужно при западной войне, для ограждения наших берегов и сухопутных пределов против живой Турции. Так что в итоге захват Константинополя с моря, пока он был еще возможен, увеличивал для нас весьма маловещественные вероятности окончательного успеха, что я оговорил несколькими словами в «Вооруженных силах». В вопросах текущих, неокончательных, каков был, например, последний кандийский[18], Черноморский флот мог бы оказать полновесное влияние; он был сильным дипломатическим средством, но не особенно важным военным орудием ввиду предлежащих нам целей. Конечно, нельзя взвешивать гадательно нравственного влияния такого громадного события, как вступление, хотя бы нечаянное, русских знамен в Константинополь; но событие это было бы во всяком случае обоюдоострым мечом.

Можно, кажется, заключить на основании неоспоримых фактов, что главная препона и главный наш противник в восточном вопросе не Франция и Англия, но Австрия; первые не более как союзницы ее в этом деле, хотя больше шумят и становятся на сцене впереди ее[19]. Морские державы сами по себе не могли бы загородить нам дорогу к Босфору даже оружием; Австрия может остановить нас, не выпалив из ружья, одним вооруженным нейтралитетом. Не только для военного человека, понимающего свое дело, но для всякого человека, взве-

шивающего обстоятельства, не может быть истины очевиднее той, что вопрос, обыкновенно называемый восточным, не разрешается местной войной на Балканском полуострове: что мы не можем даже предпринять войны в этом направлении, что бы ни случилось и при каком бы то ни было развитии сил с нашей стороны. Покуда существовал Черноморский флот, мы могли начать дело с юга, но с тем, чтобы кончить там же, где и теперь придется кончать, если дойдет до столкновения, — на западной границе. Не предвидя этого конца в 1854 г. и не готовясь к нему, мы непременно должны были попасть в безвыходный круг. Ныне же у нас нет выбора даже для начала; мы можем пройти в Турцию через Австрию, но не можем пройти мимо Австрии. От этой державы не только зависит не допускать нас к открытому вмешательству в восточный вопрос, какой бы плачевный конец ни придумали для него, но в ее власти также бросить при этом против нашей западной границы силы европейской коалиции или не пускать их; она может по своему удобству прикрывать Турцию вооруженным нейтралитетом, как в 1854 г., или открыть дорогу на Вислу, возмущая Польшу, как грозилась сделать в 1856 г. Такая роль принадлежит исключительно Австрии, что и составляет главный смысл ее европейского положения. По двум нашим жизненным вопросам — восточному и польскому — она может служить вместе щитом и мечом враждебной нам части Европы, смотря по своим интересам. Мне сдается, нужно немного терпения, чтобы увидеть, как станет разыгрываться эта обоюдная роль.

Решение трудной задачи требует прежде всего сознания заключающейся в ней трудности. Для того чтобы обсуждать с пользой восточный вопрос, в пределах обыкновенно ему назначаемых, то есть в границах Турции, надобно прежде всего признать главное препятствие, состоящее в том, что мы не можем туда пройти. Прямо протянуть руку христианским населениям Балканского полуострова — значило бы отдать ее на отсечение. Возьмем в пример последнее греческое столкновение[20]. Разве могли мы двинуть армию за Дунай, для чего нужно вступить в независимую Румынию, не выставив одно-

временно на западной границе трехсот тысяч солдат, то есть не приготовившись с начала же к большой европейской войне? Действовать иначе значило бы повторить буквально события 1854 г., получить через несколько дней учтивое приглашение очистить княжества или дать себя отрезать. Спрашивать, как у нас спрашивают, готова ли Россия поддержать свои требования в Турции силой, — значит вести салонный разговор. Довольно затруднительно быть готовым к войне, которой нельзя начать. Это странное положение никак не временное. Европейских союзников в восточном вопросе для нас не предвидится, а пока стоит Австрия, она всегда будет щитом для Турции.

Австрия не может поступить иначе. Согласиться на разрешение восточного вопроса не только в русском смысле, но в смысле не прямо противоположном русским видам и чувствам, значило бы для нее наложить на себя руки. Существование свободных славянских государств рядом с обширными порабощенными славянскими областями, не только однокровными, каковы они в отношении к нам, но составляющими один народ и один язык по обеим сторонам Савы, совершенно несовместно. На одном берегу речки, через которую курица перейдет вброд, будут вольные скупчины и радостное будущее, на другом — постепенное исчезновение народной личности, онемечиваемой или омадьяриваемой, а до тех пор существование в качестве низшей расы без малейшей надежды впереди, — разве это сбыточно? Австрия поплатилась итальянскими владениями за то, что допустила существование рядом с ними маленького независимого итальянского государства[21]. Каким образом ожидать, чтобы она согласилась на создание вдоль своей южной границы славянского Пьемонта, который по однородству стихии внесет разложение уже не в один угол ее владений, а в самое тело империи? Разве мы добровольно признали варшавское герцогство в 1807 г.?[22] У Австрии на виду только два исхода: или славяне по ту сторону Савы будут приведены ею в положение венгерских словаков, или славяне по сю сторону, до Саксонии, станут в положение княжеской Сербии[23]. Мудрено предлагать Австрии справедливое решение

восточного вопроса. Одна возможность такого оборота в будущем была большой опасностью для немецкой Австрии, опиравшейся на совокупности сил Германского союза, она стала смертельной опасностью для Австрии венгерской[24], особенно для ее восточной половины, где весь политический устой заключается в одной трети населения против двух третей. Для этой половины страшны не только славяне, но и румыны.

Говорят, фантастический Иосиф II завещал своим наследникам, если придет крайность, обратить габсбургскую монархию в славянское царство. Многие филантропы советуют правительству Австрии отвратить опасность справедливым обращением со славянскими подданными. Но, кроме чехов, сжатых как в тисках разросшейся Германией, австрийское правительство почти нигде не владеет прямо славянскими населениями; оно владеет господствующими классами и племенами не славянскими, которым эти населения подчинены. За немногими исключениями землевладение, исторические права и воспоминания, провинциальное устройство не в руках славян. Развитое сословие и разум последних заключаются в сельском духовенстве и сельских учителях. Таково же было (если только можно сказать — было) положение народа в западных губерниях — даже с тем сходством, что в Польше, как теперь в Австрии, чужеземное владычествующее сословие опиралось на ядро владычествующего хотя по имени народа и на городах, чуждых и враждебных деревням. Посоветуйте польским панам признать справедливость народных требований большинства, пойти добровольно на уступку, которой до сих пор не может вынудить у них всесильное правительство, ни очевидность подавляющей силы, стоящей за этим правительством; и потом советуйте то же самое австрийским немцам и мадьярам, знающим несомненное превосходство своей организованной силы над раздробленными влечениями подвластных. Австрийское правительство не могло бы восстановить самостоятельность славян даже во имя демократического начала, так как рознь идет там не только между сословиями, но и между народами. Притом, какой же расчет правительству менять поддержку, на-

ходимую им у владычествующих, политически устроенных племен, на сочувствие стихийных сил, — особенно когда за выделом Галиции[25], мешающей, а не способствующей прочим славянам, владычествующие племена и области в остальной части империи равны по численности с порабощенными?

Тем не менее народное чувство австрийских славян — нельзя сказать зреет, но разжигается с каждым днем; для того чтобы зреть, складываться в законченную форму, ему недостает общественного простора и согласия, невозможного там, где нет и не может быть покуда определенной практической цели. Внутренние славянские смуты не страшны ни целой Австрии, ни ее венгерской половине. Чехи и хорваты могут только волноваться, прочие славянские подданные — только роптать. Австрия похожа на заряженную пушку, которая без посторонней искры простоит века безопасно, но выпалит, как только искра до нее коснется. Разумеется, против опасной искры приняты предосторожности, и ни на Австрию, ни на Венгрию нельзя за то сетовать.

То же самое, только в более грубой форме, повторяется на южном берегу Савы. И там опасность для владычествующего народа заключается вся в славянском племени. Призрак восточной империи рассеялся на наших глазах; распря из-за епископов[26] показала наглядно, как охотно болгары приняли бы греческих чиновников. Нет невозможности восстановить греческую империю силой, но ни восстать сама собой, ни удержаться она не в состоянии. Если бы вопрос шел об одних греках, он бы давно перестал быть вопросом. Греции могут принадлежать Эпир, Фессалия, Кандия, Кипр и малоазийские острова, — вот пределы эллинского племени. Остальные греческие населения в турецкой империи слишком малочисленны и рассеяны, чтобы думать о господстве. Константинополь лежит более чем на сутки пароходного плавания от ближайшей эллинской почвы и был бы разве колонией в руках греков; а народ, которого всего-навсего наберется едва ли до трех миллионов на материке и островах, не может владеть в виде колонии отдаленным городом с миллионным населением, в большинстве ему чуждым.

Храбрых и умных греков можно было бы выделить безобидно даже для самой Турции. Европа притесняет их из-за того, во-первых, что они представляют собой выдавшийся конец клубка: боятся удлинить его, чтобы весь клубок не размотался и не обнаружилась бы его славянская сердцевина; во-вторых, оттого, что они чужды Европе, как православные. (Кто может сомневаться, что грекам давно уже была бы оказана справедливость, будь они католики или протестанты: достаточно было нескольких убийств сирийских католиков, чтобы на помощь им прилетел французский отряд[27]). Полное освобождение греческого народа могло бы совершиться помимо восточного вопроса, не трогая его сущности. Дело не в греках. Кроме особого полуострова, занятого эллинским и албанским племенами, составляющего как бы особый нарост на большом полуострове, Балканском, все остальное в европейской Турции — от Далмации и Дуная до Константинополя — славянское. Полвека тому назад между славянством турецким и австрийским не обнаруживалось еще ни прямого соприкосновения, ни сочувствия; освобождение Сербии создало его. Конечно, Венгрия не может забыть, что в 1848 г. вольные сербы приходили на помощь к братьям своим, ее подданным[28]. Струя проточной воды и цвет шлагбаумов не могут разъединить нравственно эту массу славянщины, простирающуюся от Архипелага до Саксонии с той минуты, как племенное сознание проснулось в ней. Австрия может сдерживать свою половину до тех лишь пор, пока Турция сдерживает свою, и обратно. Эта роковая постановка дела обусловливает отношения Австрии к восточному вопросу даже помимо воли ее государственных людей. Турецко-славянские и австрийско-славянские дела переплелись в такой безвыходный клубок, что нет никакой возможности расплести одну его половину, не трогая другой.

Вот образчик отношений Австрии, а по ее примеру и всей Западной Европы к балканским туземцам. Французская печать проговорилась, что в 1863 г. между тюльерийским и венским кабинетами обсуждались следующие условия союза: Австрия отдает Венецию Италии, а Галицию возрождающейся Польше,

взамен же их возьмет себе Боснию с Герцеговиной, Сербию и Румынию. Свободные и несвободные — не только славяне, но все православные дунайские народы — променивались в неволю гуртом по стольку-то душ за каждую освобождающуюся европейскую (в том числе и наши бедные русские Галиции). Для Австрии (в чем многие согласны с ней) только и возможно такое решение восточного вопроса: взять себе, что можно (приблизительно до Балкан); неподходящее для себя отдать кому-нибудь другому из европейцев, например, Албанию — Италии, высматривающей уже свой пай на турецком наследстве; чего нельзя взять покуда, оставлять в руках турок; Турцию вознаградить Кавказом — грузинами и грузинками, на что наши согласны; в крайности (может быть) заменить за Балканами турецкое насилие греческим, к пагубе греков и болгар; но ни под каким видом не давать самостоятельности ни одной славянской душе. Если бы в России продолжали смотреть на восточный вопрос с европейской точки зрения, с надеждой разрешить его походом за Дунай, то исход, по всей вероятности, был бы близок к вышеизложенному[29].

Выходит, кажется, что от исторического восточного вопроса, то есть от вопроса о бессилии Турции, осталось ныне одно название. Пока с легкой руки лорда Чатама хлопотали о нем целое столетие, под ним вырос и заглушил его вопрос еще более важный, которому нет другого названия, кроме — вопроса общеславянского. Вместе с тем разрослись и спорные пределы, обхватывавшие теперь уже не один Балканский полуостров, а пространство между Рудными горами и Архипелагом. Для Европы, не желающей самостоятельности славян, восточный вопрос может существовать и теперь в его прежнем виде, как занумерованное и неоконченное дело о разложении Турции; мы же, русские, не имеем причины закрывать глаза перед действительностью. Мы должны видеть в пресловутом вопросе то, что в нем есть на самом деле, — общий нам славянский вопрос, окрашенный на карте Европы в два различных цвета, но нераздельный в сущности, не разрешимый иначе, как в совокупности, потому что взаимодействие обеих его поло-

вин, за и против, оказывается ныне несомненной, неизменимой никакими случайностями, данностью.

Без сомнения, славянский вопрос в двух его подразделениях — южном и северном — отличается крупными оттенками. В Австрии славянство бьется бесплодно о стены своей клетки, но славянин, как человек, может жить. В Турции ему нет житья, как человеку. Вешание священников, удушение людей, окунутых головой в мешок с просом, — все эти дикие выходки татарской орды над христианским населением действуют иначе, конечно, на русские нервы, чем политическое утеснение в Австрии; вопрос о человечестве идет тут иногда впереди всяких влечений единокровия и единоверия. Вследствие того южная славянская группа чаще напоминает о себе и требует от дипломатии временных мер, неуместных в отношении к северной. Ежедневные политические приемы не могут быть одинаковы там и здесь. Тем не менее история связала уже оба эти вопроса в один, срастила их и не допускает частного решения в одной половине помимо другой. Европа умышленно отвращает глаза от опасного единства, не хочет его видеть, но понимает очень хорошо; стоит вспомнить, какой переполох наделало в ее печати невинное посещение Москвы славянскими гостями[30]. Мы же не можем не видеть. Мы стоим лицом к западу и восходящее солнце не слепит нам глаз.

До сих пор я не отступал от руководящих фактов. Не рассуждение, а факты показывают, что нам нет больше пути на Дунай в обход Австрии. Такое, по-видимому, безвыходное положение определилось с математической точностью в 1854 г. и длилось без изменения до 1866 г.[31]. В течение десяти лет мы не могли затронуть делом восточный вопрос, не накликав на себя войну с Англо-австро-французским союзом на западной границе, не предоставляя нашим противникам возможности и повода слить в одно вопросы восточный и польский. Победа Пруссии перемешала карты, некоторые думают, в нашу пользу. Во всяком случае события 1866 г. видоизменили все европейские отношения и не могут остаться без влияния на постановку восточного, то есть общеславянского вопроса.

Нельзя говорить о наших военно-политических отношениях, не приняв в соображение новое положение Пруссии. Но тут поневоле приходится сойти с твердой почвы фактов; положение это никакими фактами еще не обозначилось. Вместо отношений, доказанных событиями, существует, однако же, очевидность народных стремлений, в наше время обязательных для правительств.

Все знают случай, когда может состояться союз России с нашей союзницей Пруссией, как часто говорят теперь; случай этот — враждебный Франко-австрийский союз, периодически разглашаемый газетами (хотя вовсе не вероятный), направленный собственно против Пруссии, а против нас только рикошетом. При таком политическом сочетании Пруссия согласилась бы, конечно, на большие уступки по восточному вопросу, даже принимая название «восточный вопрос» в чисто русском смысле. Она заплатила бы эту цену за союз против опасного для нее врага[32]. Но вне данного случая невозможно придумать обстоятельств, при которых наша союзница предложила бы нам свой союз; всего менее можно ждать от нее такого предложения непринужденно по восточному вопросу. Даже прежняя Пруссия не могла относиться к нему сочувственно с нашей точки зрения, как только оказалась связь между австрийскими и турецкими делами; а надо помнить, что у прежней Пруссии были собственные, не немецкие интересы, стоявшие впереди ее племенных сочувствий; тогда еще можно было сойтись с ней по турецко-славянским и нераздельным с ними австро-славянским делам за очень щедрое вознаграждение. Теперь же Пруссия стала Германией[33]. Вся сила ее правительства заключается в том, что оно взяло на себя поруку внешних немецких интересов, объявило себя щитом и мечом Германии: прусское главенство может устоять только при этом условии. Для Германии же немецкие интересы в Австрии так же дороги, как в Пруссии, — на верхней Эльбе и Саве в такой же мере, как на Варте и Нижней Висле. В этом отношении немецкие стремления нельзя даже назвать стремлениями, там смотрят на них, как на неотъемлемое право. Для каждого немца

все, что заключается в пределах австрийской империи, есть немецкое достояние, — все, что может прирасти к ней, есть немецкое приобретение. Возьмите какое угодно путешествие не австрийского немца в Австрию, какое угодно рассуждение его об Австрии, половина книги состоит всегда в осуждении венского правительства за неумение онемечить в продолжение стольких веков славян, румын и даже мадьяр, в предложении мер к ускорению этого онемечения и в выражении уверенности, что в руках других, более энергических сынов Германии, оно осуществится, причем Дунай станет исключительно немецкой рекой. В глазах всего немецкого племени выпустить из рук даже часть, не только всех австрийских славян, значило бы то же, что для нас отдать Заднепровский край. Для чего искать сравнения — наш остзейский вопросик[34] показывает наглядно и буквально взгляд Германии на австрийские области.

Ни один немец в душе не согласится признать на вечные времена самостоятельность даже мадьяр, но он понимает, что без мадьяр одним немцам нельзя покуда справиться с придунайскими славянами. Мадьяры со своей стороны также хорошо понимают необходимость взаимного союза. Недавно еще первый венгерский министр хвалился, что, будь он имперским канцлером, он мигом угомонил бы чехов. В отношении к нам Венгрия составляет авангард Германии, Гогенцоллерны в Румынии[35] — передовой ее пост. В Европе и у нас многие наивно удивляются, как терпит Австрия прусское влияние на нижнем Дунае, доказывающее коварное намерение грозной соперницы обойти ее с тыла; Австрия между тем остается совершенно довольной. Для нее в этом направлении прусское ли, баварское или собственное руководство значит буквально одно и то же — влияние немецкое. Став во главе Германии, Пруссия должна по необходимости обеспечивать немецкому племени намеченные им пределы, со всеми передовыми постами. В этом заключается условие существования прусской династии. Могли бы, конечно, возникнуть обстоятельства (например, австро-французский союз), при которых Пруссия не только согласится, но пойдет сама на раздробление Австрии, как им-

перии, заменяя ее Венгрией; но она никогда не пойдет против немецкого предания в австрийских областях; воспротивится всеми силами такому исходу, разве ей самой будет грозить уже слишком большая опасность. Но если Пруссия не может допустить самостоятельности славян австрийских, то не может даже допустить самостоятельности славян турецких: вторые ручаются за первых. Освобождение южных дунайских племен повлечет за собой освобождение северных; уже теперь венгерские румыны поднимают голову вследствие полунезависимости румын закарпатских[36]. Как же глубокомысленному немцу не понять такой простой вещи? Рассчитывая на сочувствие Пруссии 1866 г. в этом отношении, мы всегда придем к результату последней конференции по греческим делам. Прежняя Пруссия могла не быть сообщницей Австрии в восточном вопросе, нынешняя Пруссия вынуждена к этому сотовариществу. Австрийские интересы в восточном или южнославянском вопросе суть интересы немецкие, обеспечивающие историческое преобладание Германии в долине Дуная и на его притоках; а Пруссия нравственно ручается за немецкие интересы и только вследствие такого ручательства стоит во главе Германии[37].

После этого можно находить довольно странным распространенное у нас мнение о прочности прусского союза. Старая дружба и родственные отношения не помешали России стать против Пруссии в 1851 г., даже без особенной надобности, ни Пруссии против России в 1854 г.[38]. Этот последний случай особенно замечателен. Прежняя Пруссия, второй член Германского союза, недавно перед тем униженная Австрией, считала себя, однако же, обязанной поручиться против России за свою соперницу. Как же может нынешняя Пруссия-Германия бросить ее на произвол судьбы при борьбе с чужеземцами? Кроме некоторой взаимности по польским делам, взаимности совершенно внешней, все существенные интересы стоят гораздо более вразрез между Россией и Пруссией, чем между Россией, например, и Францией. Мудрено рассчитывать на союзницу, вынужденную чувством самосохранения быть в большой части случаев соперником и даже врагом своего союзника[39].

Расширение Пруссии в Германию ослабило в отношении к нам опасность четвертого союза Англии, Франции, Австрии и Италии, постоянно грозившего по восточному вопросу, или, скорее, ослабило только опасность прямого наступления этого союза на нашу западную границу, хотя не устранило ее совершенно: возможность нападения на нас с моря осталась в прежней силе. Но уменьшив одну опасность, расширение Пруссии создало для нас две новые: во-первых, обратив политически Австрию в Венгрию, война 1866 г. отдала ее в руки правителей, гораздо более энергических, честолюбивых и жадных на захват, чем прежние, и в то же время, отгородив ее стеной от Европы, предоставила ей свободу действия только к югу и востоку, то есть направила все силы и все честолюбие этого государства на турецко-славянские и румынские области; во-вторых, заменила для Австрии отдаленную поддержку западных держав близкой поддержкой сосредоточенных и родственных немецких сил. Если нынешняя венгерская Австрия чистосердечно войдет в свою новую колею, что почти несомненно, то Германия во всяком случае постоит за нее, как за свое собственное добро. В обоих отношениях 1866 г. не исправил, а ухудшил и наше военно-политическое положение[40].

Мы видели, что смысл и узел восточного (для нас славянского) вопроса лежит не в Турции, а в Австрии. Мы никак не можем пройти в Турцию мимо Австрии. При этом условии, отныне несомненном и не подлежащем никаким случайностям, все, что усиливает Австрию, составляет новое препятствие для нас. Между тем очевидно, что окончание вековой распри с Пруссией и союз с ней придадут Австрии гораздо более устоя, чем союз с несмежной и шаткой Францией. Количество сил, одновременность военных сборов и удобство сосредоточивать армии, не говоря уже о прочности связи, коренящейся в народном чувстве, — во всем видно явное преимущество первого союза над вторым. Если прежде наше положение в восточном вопросе было затруднительно вследствие того, что щитом для Турции служила Австрия, то оно стало еще гораздо затруднительнее теперь, когда щитом для

Австрии служит Пруссия. Противопоставленные нам щиты нагромоздились в три этажа.

Несомненно, что при новом положении дел, созданном победой Пруссии, главным противником нашим в восточном вопросе — о самостоятельности славянских племен хотя бы за Савой — будет уже не Запад, а Центр Европы, немецкое племя. К противодействию политическому присоединилось еще сопротивление, внушаемое народным чувством. Но как на свете не бывает худа без добра, то объединение Германии, страшно невыгодное для нас вообще, выгодно в одном отношении, открывая более обширное поле для соглашений, может быть, и для союза.

Я думаю, однако же, что нам нечего обманывать себя в значении какого бы то ни было союза с Европой. Положительные, исторически русские интересы такого свойства, что для их осуществления никто не протянет нам руку охотно. Центр сопротивления против нас, как мы видели, лежит в Австрии; обойти ее нельзя[41]. В то же время, не сдвинувши с места этот центр сопротивления, мы не только не будем в состоянии устроить удовлетворительно свои внешние дела в каком бы то ни было будущем, но дадим накопиться великим опасностям даже для своих внутренних дел. А где же найти верного союзника против Австрии? Несомненно, что Австрия и даже преемница ее Венгрия гораздо дороже для Европы, чем сама Турция. В турецких делах важен только текущий день; все признают неизбежную выморочность турецкого наследства раньше или позже: спор идет лишь о наследниках. Между тем вся Европа хором повторяет старую присказку, что если бы Австрия (скоро будут говорить Венгрия) не существовала, то ее нужно было бы выдумать[42], что союз (хорош союз!) дунайских народов под одной властью необходим Европе, как оплот против Востока. Восток значил прежде: Турция и мусульманство, теперь значит: Россия, славянство и православие. В обыкновенное время Европа, не раздираемая каким-либо междоусобием, дружно станет за этот дунайский союз[43]. Для Западной Европы он значит — политическое равновесие, для Центральной Евро-

пы — народное величие, для клерикальной партии — спуд на груди православного Востока, для толпы — ограждение цивилизации от нового нашествия монголов в лице недавно открытого московско-туранского племени[44]. При таком настроении, вошедшем в плоть и кровь, всякое противоречащее ему соглашение, из крайности, дастся не иначе как с затаенной мыслью взять его обратно при первой возможности. С последним выстрелом кончится и уступка; затем вчерашний союзник начнет противодействовать ее последствиям в такой же мере, как и вчерашний враг. С кем Россия ни заключит союз и как победоносно ни будет действовать в этом союзе, за ней останется лишь тот выигрыш, который она успеет совершенно закрепить во время войны. Но в великом вопросе, предстоящем России, как увидим далее, нет таких вещей, которые можно было бы кончать сразу; война может только посеять, мир должен взрастить всходы. Именно этим всходам будут препятствовать враги и союзники явно и тайно. Европейский союз может нам дать только возможность действовать не стесняясь в течение короткого срока и бросить в это время зерна будущей жатвы; но было бы мечтой полагаться на какой-либо союз для систематического разрешения хотя самых насущных и законных международных потребностей наших.

Говоря мимоходом, единственный возможный союзник в свете, не враждебный историческим задачам России, — Америка. Но американский союз, безмерно важный для нас, как противодействие морским силам западных держав, не может помочь нам на суше.

Говоря о союзе, надобно иметь в виду еще и то обстоятельство, что от России ни в каком случае не зависит создать союз; нас слишком остерегаются, наш почин возбудит недоверие даже тех, кому выгодно стать рядом с нами. Россия может только пристать к одному из двух лагерей, на которые по временам делится Европа. Не владея почином, трудно направлять события. Самые жгучие для нас вопросы могут разгораться именно в то время, когда в Европе не существует никакого прямого повода к разделению. Из этого видно, между прочим, как

важно для нас быть готовыми в военном отношении, чтобы не пропускать минут, не от нас зависящих и невознаградимых.

В сущности, как ни оборачивать великий вопрос, он остается тем же вопросом, не разрешимым никакими обыкновенными средствами. Мы стоим одни, без надежды на снисхождение перед разлагающейся Турцией, куда нам нет хода, перед запрещенным нам Черным морем[45], перед насильно онемечиваемым и омадьяриваемым славянством Австрии, перед стонущими русскими Галиции, перед польскими галичанами с эмиграцией, упорно ожидающими удобной минуты, чтобы снова внести смуту и, если можно, европейскую войну в Привислянский край и западные губернии. Понятно без дальнейших объяснений, каково было бы наше положение, каких жертв, какой напряженной борьбы в самых невыгодных условиях потребовалось бы от нас, если бы главные вопросы, смущающие ныне Европу, созрели наконец и разрешились помимо нас и против нас. Обойти их нельзя, они сами о себе напомнят. Вся выгода в этой игре останется, вероятно, за тем, кто начнет ее раньше и будет иметь ход впереди. Задача в средствах. Как ни велики наши народные силы (правильнее сказать, как ни велики могли бы быть наши силы), итог противников еще сильнее. Без разделения в неприятельском лагере, мы не сдвинем затрудняющих нас препятствий и в то же время не можем рассчитывать на чистосердечное соглашение с каким бы то ни было европейским союзником[46].

Несомненное, хотя еще весьма отвлеченное сочувствие к нам сорокамиллионной массы славянских или православных населений, окружающих Россию, не имеет покуда никакого практического значения. Не только эти населения в большинстве не располагают собой, но даже в сочувствии их к нам нет еще никакого определенного содержания; они довольны тем, что есть на свете большой и самостоятельный народ, близкий им по языку или по вере, — вот и все. Только самые затоптанные и бессильные из этих племен, русские галичане и болгары, желали бы прямой нашей помощи. Но все же славяне и православные близки нам по сердцу. Между тем главная сила, сдер-

живающая естественные русские стремления, состоит на две трети из этих же людей, не только не неприязненных, но даже сочувственных нам в некоторой мере — явление во всяком случае странное, особенно теперь, когда поднят вопрос о национальностях. Если бы главная сила французов состояла из эльзасцев, говорящих немецким наречием, хотя почти непонятным для пруссака, конечно, Пруссия не упустила бы из вида такого обстоятельства. Все равно, кому принадлежат тела, когда души заодно. Будущее зависит для нас от верного применения вопроса, что нужно для того, чтобы души были заодно?

Мы раскрыли сущность восточного вопроса. В нем не славянское — только одна кайма, именно южная окраина, само собой отпадающая от него понемногу. Затем весь восточный вопрос есть не что иное, как южная половина славянского вопроса, неразрешимая отдельно или разрешимая лишь в смысле, прямо нам враждебном. Австрийские дела до такой степени сплетены с турецкими, что тронуть одну часть дела — значит тронуть все дело; мы можем идти на разрешение великого славянского вопроса в целом его составе, но не в состоянии даже подступить к одной его половине — турецкой. Действуя иначе, мы будем бить по неуловимому призраку и попадем в безвыходный круг, как в 1854 г. Ничего хорошего нельзя ждать впереди, покуда сознание такой постановки дела не укоренится в русских умах. Названия имеют великое значение, они заменяют толпе обдуманное мнение. Тогда лишь можно будет поверить, что восточный вопрос понят у нас, когда он окрестится своим настоящим именем, выражающим его сущность, будет называться «славянским вопросом». Даже выражение «южнославянский» не годится, потому что «южнославянского» вопроса в самом себе, как практического дела, не существует. Когда мы назовем дело правильно, тогда и славянство поймет скорее, что мы заботимся не только о себе, но и о нем.

В известном случае целое может оказаться легче половины. Как ни подступать к восточному вопросу — мы ли к нему подступим или он к нам — на руках у нас все-таки будет коалиция с Австрией в сердце, если не в голове: придется

отступить, как в 1854 г., или считаться с этой державой. Но в таком случае, что лучше: вступая в борьбу с Австрией из-за славянского вопроса, найти в ней многочисленных союзников (взявши предварительно верх, конечно), или, предпринимая войну из-за метафизического восточного вопроса в европейском смысле, встретить в ней одних австрийцев? Дунайский союз, как выражаются в Европе, окажется несостоятельным перед нами тогда лишь, когда славянские племена будут знать заранее положительно из определившегося и несомненного направления всей русской политики, что мы за них; когда они будут уверены, что Россия подымает славянское знамя не на час, вследствие временных затруднений, а твердо и высоко держит его, как свое историческое призвание. Национальная политика России еще так нова, что не могла созреть даже в собственном своем сознании; заграничные родичи не видят еще ее и не верят ей. Для большинства из них Россия, по преданию, остается Россией Священного союза, только с какой-то новой, не совсем им понятной замашкой. Славяне знают, что в 1849 г. галичане, говорившие «Мы русские, мы стонем под чуждым игом, отворите нам двери родного дома» — получили в ответ: «Мы пришли сюда не затем, чтобы возмущать подданных против их законного государя, но с тем, чтоб заставить их покориться ему». Славяне знают, что русский посланник в Вене, граф Медем, на замечание своего предшественника Татищева о сочувствии славян к России отвечал: «Я знаю в Австрии только австрийцев», что этот же самый Медем выгонял несколько раз из посольского дома бана Иеллашича, приходившего к нему за советом в 1848 г., как к представителю России. Славяне, бьющиеся в ненавистных им немецких тисках у себя дома, считают немецкое влияние всесильным в России и не верят в искренность русских дипломатических агентов с немецким именем. Недавние знаки нашего сочувствия к ним выказываются покуда чрезвычайно слабо; из 70 тыс., исчисленных на самое необходимое пособие для поддержания славянского развития на стипендии и матицы, не собирается ежегодно и трети, хотя заезжающие в Петербург славянские гости видят,

что у нас частный человек нипочем бросает 70 тыс. на прихоть. Славяне знают из русской печати, в какой степени нынешние наши консерваторы сходятся с бывшими нигилистами в пренебрежении к их судьбе; они принимают выражения сочувствия, доходящие к ним по временам, за заявление небольшой, лишенной влияния на дела группы людей и по результату не могут судить иначе. Передовые славянские люди уверились уже теперь, конечно, что сердце России пошевелилось в пользу единокровных; но, кроме того, что мнение нескольких личностей, хотя бы крупных, не проникает массу разом, эти передовые люди знают также, до какой степени в России мнение еще шатко, дело не соответствует слову, а завтрашний день сегодняшнему начинанию; они знают, что Россия не Америка и что чувства русских остаются при русских людях, а дела все-таки не видно. Удивительно еще, как держится в славянах нынешнее их расположение к России и вера в нее. Эти чувства с их стороны доказывают одно только: сознание невозможности выбиться из тисков собственными усилиями, заставляющее их хвататься даже за такую соломинку, какой была до сих пор надежда на Россию. Но не должно смешивать двух вещей: бессилие стать на связанные ноги не мешает обнаружиться громадной силе, когда ноги будут распутаны.

Все теперь зависит от нас самих, принимая слово «мы» в смысле государства и общества вместе. Славянские населения Австрии и Турции сочувствуют нам лишь отчасти и то скорее литературным образом, даже там, где они располагают некоторой свободой действий, как в Сербии. Иначе не может быть. Разве итальянские населения горячее сочувствовали Пьемонту до 1848 г.? Западные славяне не довольно к нам близки по истории, чтобы бескорыстно питать к России чувства русских галичан; но все же довольно близки по крови, чтобы отличить братскую руку от чужой, когда эта братская рука прострется над ними, когда они увидят пока хотя твердое намерение простереть ее. Теперь они смотрят еще вокруг по всему горизонту, ожидая, не появится ли где-нибудь светлая точка на небе, — что очень понятно. Некоторые из наших западных родичей, полу-

свободные, как сербы[47], горды и хотели бы все сделать сами для себя. В этом отношении можно указать им на опыт, на венский и пештский кабинеты в первой линии, на Пруссию, Англию и Францию во второй, чтобы разуверить их окончательно и отнять у них всякую надежду открыть себе выход собственными силами. Об австрийских подданных нечего и говорить; они, как заживо зарытые люди, будут биться о крышку гроба, пока не задохнутся или пока дружеская рука не приподнимет эту крышку. После каждого усилия и следующего за ним разочарования славяне будут снова обращаться к России. Но для того чтобы рассчитывать на искреннее и деятельное сочувствие к нам обеих славянских групп, на сочувствие, стремящееся к практической цели, надобно, чтобы Россия дала им существенный залог своей готовности переходить от слов к делу, по мере сил и возможности. Всякому заинтересованному понятно, что сила, возможность, время зависят не от нас; но для него важна уверенность в искренности желания помочь ему.

Всякому понятно также, что государство, население которого достигнет, вероятно, к концу текущего века ста миллионов, не будет понапрасну слишком долгое время только желать. Дать славянам эту уверенность могут не дипломатические депеши, а дело, в котором есть своя доля каждому: и власти, и частным средствам, и доброму пожеланию русских сословий и корпораций. Надобно внушить славянам уверенность, что Россия не спускает с них глаз, что деятели их имеют за собой поддержку, что каждый славянин в России — у себя дома. Привожу только заголовки давно сказанного другими. Нужно дать средства хотя не изобильные, но достаточные для поддержания умственного славянского движения, по крайней мере в виде рассадника, там, где для того нет местных средств. Нужно поощрять высоким вниманием знаменитых славянских деятелей. Нужно, чтобы каждый подвижник славянского дела, гонимый за любовь к своей народности, не оставался беспомощным дома, а в случае крайности находил обеспеченное пристанище в России, чему более всего могут способствовать ученые русские корпорации, так как славянские деятели за

границей почти все принадлежат к ученому сословию. Нужно, чтобы в России, по мере надобности в умелых людях, вызывали их преимущественно из славянских земель, где их так много, и завели бы для того специальные сношения. Нужно всевозможными средствами распространять между заграничными славянами русскую литературу, открывая им материальные доступы к ней: только в этой литературе найдут они общую народную связь между собой и с нами. Нужно в то же время знакомить Россию со славянским миром, усвоить нашим университетам и другим высшим заведениям славянские курсы истории, статистики и проч. наравне с отечественными. Нужно, чтобы в России осознали наконец, что славянское католическое духовенство, главный руководитель и хранитель народного чувства, исполнено любви к России, что оно состоит в большинстве из горячих русских патриотов, — и заменяли бы ими, насколько найдется для того желающих (прежде всего в армии) нынешних высших и низших ксендзов. Нужно, по моему мнению, открыть русскую службу, особенно военную, иностранным славянам наравне со своими подданными, принимая служивших тем же чином, не в пример другим чужеземцам; такое допущение будет полезно и нам, и им, и в настоящем, и в будущем. Меры эти должны быть общим правилом, а не демонстрацией только на известный случай; должно создать постоянное нравственное соприкосновение между Россией и заграничными ее братьями. Те из вышеприведенных мер, которые не зависят от официальной власти, все-таки требуют почина сверху, без которого у нас покуда ничто не идет; но затем на русском обществе лежит обязанность усвоить их себе и распространить. Мало внушать эти чувства, надо создать на них моду и потом превратить ее в дело чести. Затем, если эти обязанности не войдут в общее сознание, то нечего и говорить — значит, нельзя верить в Россию.

Говоря о славянах, я понимаю всю группу народов, связанных с Россией исторической судьбой, единокровных и единоверных. Нельзя обойти в великом вопросе греков и румын; вторые особенно вросли в сплошное тело славянщины и поне-

воле должны делить ее участь. У обоих те же враги и то же бессилие достигнуть законной цели собственными средствами. Греки понимают очень хорошо, что единственный народ, искренно желающий им освобождения, готовый пролить за них кровь, — все-таки русские и никто больше. Разница во взгляде на восточную империю, на этот бессмысленный призрак, которого Россия, конечно, не может допустить, на этот плод археологических мечтаний ученой греческой партии, — не охладит к нам народную массу, желающую только действительности: свободы и национального развития. Никто не сомневается, что Россия, выступив вперед, увлечет за собой греков. Сомнение это существует относительно румын: вожаки их сбиты с толку упорной внешней интригой. Но никакая интрига не может долго устоять против очевидности; в этом же случае очевидность полная. Единственный народ, имеющий разумную причину желать самостоятельности румын, единственный народ, создавший и поддерживавший эту самостоятельность, — русские[48]. Не только румынское племя не может собрать собственными силами свои рассеянные отрасли, попранные, как и славяне, чужеземным гнетом; но оно не может устоять свободным народом иначе, как с русской помощью. Переговоры между Австрией и Францией в 1863 г., великодушно располагавшими судьбой Румынии, и многое другое из того, что говорилось и писалось в Европе о румынах, должно наконец открыть им глаза. Судьба всех дунайских народов колеблется теперь на острие иглы; или они будут свободны в союзе с Россией, или станут сначала провинциями, потом низшей расой, «словаками» венгерской Австрии. Побуждение, не допускающее Венгрию или Австрию, а за ней Германию согласиться на свободное существование турецких славян, простирается в той же мере и на румын. Два миллиона румынских подданных Венгрии, не говоря уже о стремлении немецкого племени и его венгерского авангарда к овладению всем течением Дуная, составляют, кажется, достаточную угрозу для беззащитных дунайских княжеств. В случае новой борьбы восточный вопрос или, лучше сказать, за новый славянский вопрос, ставший на место перво-

го, существование румын не только как народа, но как людей, как граждан будет зависеть исключительно от победы России. Гогенцоллернский принц не обеспечивает, а, напротив, предвещает румынам (в дурном для них смысле) их будущность. Когда людям предстоит выбор между такими крайностями, тогда можно положиться на их собственное чувство самосохранения, не забывая, впрочем, по возможности неустанно раскрывать глаза всем и каждому. Греки должны быть с нами, или долго им придется еще видеть в рабстве половину своего народа: румыны должны или быть с нами, или погибнуть. Ни те ни другие не захотят последнего исхода.

Россия нужна грекам и румынам; они не столько нужны, сколько дороги нам, и должны быть дороги, даже румыны, несмотря на их кичливость, как православные. Я не затрону, конечно, духовных вопросов в военно-политической статье; но нельзя не заметить тут одной особенности. Православие не рассеяно по лицу земли, как католичество; оно освещает сплошную массу народов, живущих рядом, тесно связанных между собой с первого появления в истории, имеющих перед собой почти одинаковую религиозную, нравственную, вероятно, даже гражданскую будущность. В этом отношении православие запечатлено особым, можно сказать, социальным свойством. Неизменное в основании, оно помнит единство веры, просвещения и гражданского общества, осенявшее первые дни его торжества, — предание, давно утратившееся в католичестве. Можно удостовериться личным опытом, что для каждого священника, даже для каждого мирянина, воспитанного на церковной литературе не только в Румынии, но даже в Сирии, даже в Египте, русский Царь есть единый царь православный и законный, прямой наследник Константина Великого: прочие только владетели. В России лежит теперь средоточие православного общества, не веры, конечно, но людей, исповедующих эту веру, в ней узел тесной, мирской связи между православными людьми всего света. Нам, русским, никак не следует этого забывать.

Наша историческая сила в громадном сочувственном народонаселении, окружающем юго-западные пределы России.

Наша слабость в том, что мы вчера лишь сознали свое сродство с десятками миллионов пограничного населения и не только еще не овладели нравственно сочувственной стихией, но едва начинаем понимать значение предстоящего нам нового, вероятно, последнего перелома в русской истории. Не особенно трудно, однако же, исправить невольную ошибку первых трех четвертей столетия. В наш быстротечный век не только события разыгрываются чрезвычайно скоро, но переворот во взглядах и чувствах людей совершается с изумительной быстротой, коль скоро накапливаются к тому разумные основания; ни того, ни другого нельзя мерить прежним масштабом. Даже в международной политике главное дело в твердом общественном сознании, — если есть только какая-нибудь соразмерность в силах; а соразмерность эта в нашем деле очевидна. Нужно только, чтобы разумное побуждение к единодушному усилию стало очевидным в такой же степени.

Силы сочувственных нам заграничных населений громадны, но до сих пор бессвязны. Нет никакого сомнения, что славянские и соседние им православные племена другой крови, сплетенные с ними одной судьбой, перевернули бы разом весь нынешний порядок вещей в Турции и Австрии, если бы принялись за дело единодушно и не опасались остальной Европы. Но такое единодушие, возникающее само собой, несбыточно и немыслимо, как немыслимо правильное движение планет без солнца в средоточии. Кроме того, в этой глухой борьбе ни один член великой семьи не обладает достаточно явным перевесом сил и развития, чтобы стать признанным руководителем остальных, но каждое племя отдельно борется против давящих его обстоятельств; ни одно племя не может протянуть другому руку, потому, во-первых, что не может собственными усилиями приобрести достаточной для того свободы действий, и, во-вторых, потому, что прямые цели — цели текущего дня — для каждого иные. Сочувственные нам населения опутаны в безвыходном круге, не имея возможности ни достигнуть единодушия, так как им недостает для этого самостоятельности, ни добиться самостоятельности без предварительного едино-

душия. Даже независимые народы Балканского полуострова, сербы, румыны, греки и черногорцы слишком разрознены и подавлены гнетом Европы, чтобы серьезно думать о союзе. Без внешнего объединения огромная масса славянского и православного мира бессильна: собранная вокруг одного общего устоя — она неодолима. Начиная с северной группы, большая половина австрийской армии состоит из славян. При общем созыве чешское племя, по обе стороны гор[49], выставляет 120 тыс. первостепенных солдат, русские галичане — 60 тыс., словаки (смешанные, впрочем, с другими населениями в венгерских рядах)[50] — 30 тыс., словенцы Иллирии и Штирии также 30 тыс.; затем все сербское племя южноавстрийской границы составляет один военный стан знаменитых «красных плащей»; далматы, первые моряки на Средиземном море, комплектующие весь военный флот; венгерские румыны, стоящие в одинаковом положении со славянами, ставят 80 тыс. солдат немцев и мадьяров, в которых заключается весь политический устой Австрии, наберется в рядах ее армии, даже вместе с поляками, не более 280 тыс. Конечно, славянские и другие чужеплеменные полки теперь еще сила австрийская, и притом верная, пока над ними развевается черно-желтое знамя; но полки эти были бы еще вернее своему народному знамени, если бы оно поднялось над ними. Далее в пределах Турции, от Далмации до Румынии, живет другая половина сербского племени, от природы народ воинов, не задумавшийся восстать против всех сил турецкой империи и отстоявший свою независимость без чужой помощи; у Адриатического моря ветвь сербского племени, черногорцы, выстоявшие в продолжение веков против страшного царства Солиманов; на юге греки, одни в свете готовые умирать за родное дело даже без надежды на успех; между сербами и греками 6 млн болгар, покуда еще не воинов, но способных стать воинами, как все славяне, способных, как мы видим, ежедневно потрясать свое ярмо.

Наконец, в тылу прочих, 4-миллионный православный румынский народ; его порабощенные братья вопиют к нему, Европа торгует им в своих политических сделках, — придется же

ему подумать о завтрашнем дне. Наши прирожденные союзники выставляют теперь полмиллиона солдат для закрепления над собой ненавистного ига: они выставят все вместе миллион солдат и за ними столько же местного ополчения для ограждения своей независимости, когда у них будут развязаны руки. До того еще многие из них станут не колеблясь рядом с нами и все пошевелятся сильно, как только мелькнет им возможность освобождения не на словах, а на деле. Но, конечно, не манифесты в минуту войны вызовут к доверию наших единокровных и единоверных — мы видели значение манифестов 1854-го, — а братское и деятельное сочувствие, доказанное будничным опытом, общность умственной и нравственной жизни до войны.

Такое великое дело не складывается разом; даже освобождение Италии, ничтожное сравнительно по размерам, до сих пор еще не закончилось[51]. Нужно несколько роздыхов, пока нынешние «австро-дунайский» и «татарско-балканский» союзы, говоря европейским языком, обратятся из враждебных для нас в братские. Покуда мы еще не соприкасаемся прямо со славянским миром, не только нравственно, но даже географически; нас отделяют от него на западе — Галиция, русская и польская, на юге — полоса, уступленная Румынии в 1856 г.[52].

Русская Галиция ставит неодолимую преграду нашему сближению со славянством: она разрушает доверие к нам в самом зародыше. Спросите об этом какого угодно заграничного славянина, он скажет: «Какую надежду могут возлагать на Россию двоюродные братья, когда даже братья родные, стонущие на русских границах, не могут дождаться помощи?» Именно русская Галиция более всего прочего внушает славянам мысль, что наше Отечество в душе им чуждо, что русское сочувствие к славянству составляет не более как выражение мнений небольшого литературного кружка. Напрасно станете вы доказывать славянам, что в политике дело не в желании, а в возможности и благоприятных обстоятельствах: они стоят на том, что несчастные русские галичане могли быть освобождены без чрезвычайных усилий в 1849 г., потом в 1859-м, потом еще в 1866 г. С западными славянами можно будет говорить не

бесплодно об их делах тогда лишь, когда кончится шестисотлетний план Червонной Руси. Вместе с тем мы станем непосредственно на пределах славянской страны.

То же самое чувство внушает турецким славянам вид оторванного от России Измаила. Они слышат от измаильцев такие слова: «В первый год мы смеялись над молдавскими чиновниками и дожидались только следующей весны; пришла весна, мы отложили надежду до третьего года, потом до четвертого; теперь мы перестали уже считать годы, и молдавские чиновники смеются над нами». Люди надеются на помощь того только, кто в их глазах умеет помогать себе.

Тем не менее кто может усомниться в неисчерпаемой жизненности и великой судьбе русского народа ввиду этого примера Червонной Руси. Немцы становятся превосходными французами через два столетия, как в Альзасе, французы отличными англичанами, как в новом Орлеане, поляки — ревностными пруссаками, как в Силезии. Но вот два клочка, оторванные от России, один вчера, другой шесть веков тому назад, — и нельзя сказать, в каком из этих обрывков русское чувство сильнее, который из них с большим нетерпением ожидает сращения с родным деревом.

Первый шаг, предстоящий современной России, если она пойдет по своему историческому склону, — освобождение прикарпатской Руси и Измаила. До того времени можно и нужно помогать славянам, как людям, и сближаться с ними, но нечего говорить о славянстве и тем менее — толковать о не существующем раздельно, недоступном для нас и потому фантастическом покуда восточном вопросе.

За исключением Червонной Руси, польская Галиция все еще остается сторожевым постом неприятеля по сю сторону Карпат, то есть можно сказать — неприятель стоит в «естественных» пределах России, дожидаясь благоприятных обстоятельств. В этом углу сосредоточивается главный фокус наступательной силы против нас, как в углу противоположном, на юго-восточном загибе Карпатских гор лежит узел оборонительной неприятельской силы, заслоняющей от нас

Балканский полуостров. Западная Галиция в руках Австрии есть ежеминутная опасность польского вопроса и европейской войны из-за него.

Пока не разрешено всеславянское дело, польский вопрос неотделим от восточного. Он служит во враждебных руках острием, которое можно направить в нашу грудь, как только мы пошевелимся в русском смысле, например, поднимем восточный вопрос. Кроме того, для Австрии польская будущность важна сама по себе — потому, что польская смута составляет единственное ее оружие против России, у которой целый арсенал всякого оружия против нее[53]. Понятно без объяснений, что тот день, в который установился бы сердечный мир между поляками и русскими, был бы последним днем знаменитого «дунайского союза». Перед всяким австрийским государственным человеком и всяким венгерским патриотом восстает такая дилемма: или Австрия овладеет польским вопросом и оградит им себя от грозной соседки, или Россия овладеет им, и Польша станет не стеною, а мостом между двумя массами славянщины — восточной и западной.

Едва ли Австрия может опасаться в польском вопросе серьезного противодействия Пруссии. Эта последняя так хорошо закрепостила свои польские области, что не рискует ими даже в соседстве независимой Польши; через несколько времени эти области станут такими же прусскими, как Силезия и Померания. Между тем все, что необходимо для обеспечения немецкого отечества со всеми его захватами, составляет нравственную обязанность Пруссии; когда станет очевидным, что восстановление Польши необходимо для ограждения Австрии, то есть немецкого преобладания на Дунае, Пруссия будет вынуждена содействовать освобождению. Она не станет даже слишком упираться; независимая Польша для нее чрезвычайно выгодна. Восстановить Польшу немецкими руками — значит отдать ее на съедение Пруссии, значит пустить в полный ход «Drang nach Osten», сдерживаемый русской межой[54].

Очевидно, что по польскому, как и по восточному вопросу узел враждебного противодействия России лежит исклю-

чительно в Австрии. Прочие наши недоброжелатели в первом и во втором отношении только союзники ее, более или менее прочные, хотя без исключения искренние, пока их не увлекает какой-нибудь большой противоположный интерес.

На случай опасности Австрия держит в Западной Галиции, если можно так выразиться, польскую смуту в виде экстракта: стоит подлить в него кипятку, и лекарство готово. Расчет ясен. В случае войны с нами Австрии нужно одно лишь, — чтобы польское восстание разлилось как можно шире, так же широко, по крайней мере, как в 1863 г., для отвлечения возможно большего количества русских сил с поля битвы, на котором будет решаться участь войны. Теперь польская окраина гораздо опаснее в руках внешнего врага, чем была в 1812 г., когда она бездейственно ожидала победы великой армии[55]; интеллигенция додумалась до настоящего средства, как действовать против нас. Каждая галицко-польская рота, вступающая набегом в русские пределы, немедленно обратится в полк, хорошо вооруженный на чужой счет. Рухавка[56] со скорострельными ружьями и твердым кадром не станет еще, конечно, хорошим войском, но будет совсем уже не рухавкой 1863 г. и заставит нас разбросать по краю еще больше действующих войск, чем при последнем мятеже.

Едва ли кто-нибудь думает, что польское дело в самом деле кончено. Ведь составные его части так же живы теперь, как и прежде. До сих пор положение дел улучшено в одном только отношении: народ изъят из-под прямого распоряжения высших светских классов, склонных к мятежу. Эта мера составляет действительно значительное затруднение для самородного бунта, но не представит никакого препятствия бунту, поддержанному внешней силой. Верная область, занятая неприятелем, составляет для него все-таки обузу, требуя разделения сил для удержания ее в покорности. Но наш Западный край в нынешнем его состоянии — не только Привислянский, но даже Волынская губерния, где всего десять процентов католиков, станет чистой Польшей, враждебной нам землей, как только внешний враг вступит туда; неприязненная интеллигенция, не стесняемая

никаким однокачественным противовесом, сейчас же захватит прежнюю власть и заставит местное население, вопреки желанию его, так же ревностно трудиться в пользу нашего врага, как стали бы трудиться самые чистокровные поляки. Численное преобладание русского народа не ослабит даже количества и качества вооруженной силы, которую эта же Волынская губерния в подобном случае поставит в неприятельские ряды; десять процентов неприязненного населения легко выставят полный контингент на всю область, если содержание семейств, уходящих на войну, будет возложено на остальную массу. Нечего и говорить о губерниях, где большая часть народа находится под влиянием ксендзов. Напрасно, кажется, повторять известную истину, что пока большинство образованного сословия и владельцев в западных губерниях не станет русским, к чему мы приблизились очень мало, край этот будет подлежать всем случайностям войны в такой же мере, как и Привислянский. В Вене, Пеште и Кракове знают отлично это положение вещей.

Конечно, Австрия не выйдет на борьбу без особенно благоприятных обстоятельств. Она держит в своих руках польский вопрос, как громоотвод на случай восточного. Этот последний составляет прямой повод к европейской коалиции против нас. Налегая на него в том смысле, как он обыкновенно понимается, мы сами создадим эти благоприятные для нее обстоятельства.

Польский вопрос может служить орудием для Австрии до тех лишь пор, пока Западный край или хотя только шесть чисто русских западных губерний не станут вполне русскими, чего так легко достигнуть[57]. Тогда польский вопрос предстанет совсем в другом значении и для нас, и для соседей. Бессмысленность мечты о восстановлении старой Польши, бывшей не нацией, а случайной и насильственной исторической федерацией, совершенно сходной с нынешними союзами «австро-дунайским» и «татарско-балканским», станет очевидной для каждого, даже для поляка, наравне с мечтой о восстановлении империи Карла V[58]. До 1863 г. нельзя было винить поляков за такую мечту; им не было случая убедиться

в ее призрачности; как им было не мечтать о Польше 1772 г., видя, что русский человек не может получить места на службе в Житомире за то, что он русский! Эмиграция остается и теперь при этом убеждении, но русские поляки, не совершенно сбитые с толку, начинают понимать действительность. Еще один разумный и смелый шаг, и России можно будет взять польский вопрос из рук Австрии в свои руки, обратить его в один из частных славянских вопросов[59].

Полагая, что меня нельзя заподозрить в недостатке патриотизма, считаю себя вправе сказать свое мнение о польском рубеже, насколько оно касается общего положения дел.

Современная история достаточно уяснила сущность четырехвековой распри России с Польшей. В этой распре Польша действовала не от своего лица, а от имени Литвы, то есть западной половины Руси, вступивши случайно в ее права и притязания. Притязанием же было все-таки единство России под державой западной или восточной династии. В конце XVIII столетия спор порешился — все древнерусское отошло опять к России. Слияние обеих половин было бы теперь уже полное, если бы два первые наследника Екатерины[60] шли неуклонно по ее следам; причины, затрудняющие его, созданы исключительно направлением правительства с 1796 по 1830 г. Во всяком случае затруднения эти чисто искусственные, напоминающие не вековую рознь Англии с Ирландией, а сословное противодействие высших классов Неаполя, Ганновера или Франкфурта, хотя в более резкой форме. Пока длится противодействие, оно составляет действительную опасность в случае войны; но правительственные меры, давшие ему когда-то силу, так же точно могут положить ему конец. Тут идет дело не об историческом вопросе — история сказала уже свое последнее слово, но о вопросе административном и общественном, не до такой степени важном, чтобы связывать руки естественной русской политике. Но за пределами русской окраины лежит окраина чисто польская, доставшаяся не случайно, источник постоянной смуты для наших западных губерний, — и тут дело принимает иной вид; тут мы стоим на чужой почве

и видим не искусственное, а действительное непризнавание русской власти. Самые мудрые и справедливые меры на этой окраине, как наделение крестьян землей, могут быть полезными политически лишь временно, при жизни поколения, ими воспользовавшегося. Через несколько лет в Привислянском крае окажется миллион граждан вместо двухсот тысяч — вот, вероятно, окончательный результат надела. В настоящее время, разуверившись в возможности каких-либо уступок, наше правительство вынуждено необходимостью распространять меры, принимаемые в Западном крае, и на Привислянский край; но сила вещей берет свое и те же самые меры далеко не ведут к одинаковым последствиям там и здесь. Западный край можно и должно обрусить вполне и в самое непродолжительное время; на обрусение Царства Польского, при нынешнем общественном состоянии России, едва ли есть надежда; над ним можно только поставить русскую вывеску. Можно сделать еще другое, весьма разумное, что теперь и делается: рассеять правильным воспитанием, основанным на серьезном знакомстве с русскими источниками, односторонность польских идей. Можно и должно воспитать поколение поляков, не чуждых России — но обрусить их нельзя. Не говоря уже о значительном устое польского духа, рядом с Привислянским краем лежит Галиция — неисчерпаемый источник польского духа и польских мечтаний, откуда они неудержимо переливаются в принадлежащий нам край. Даже завоевание краковской Галиции, при настоящем складе вещей, не улучшило бы положения; оно удвоило бы только численность сопротивляющихся. Тем не менее меры, принимаемые к обрусению Привислянского края, хотя подающие мало надежды на успех, приносят ту временную пользу, что составляют полнейшее отрицание автономии царства, разрешавшейся до сих пор постоянно и неизбежно мятежом. Покуда нельзя ни уступать полякам, ни питать основательной надежды переломить их.

В этом неутешительном положении вещей сказывается, можно думать, только переходный кризис русской истории, который будет длиться до тех лишь пор, пока Россия, выросшая

уже местами из племенных пределов собственно русского народа, не станет в действительности главой славянского мира. Решительное поднятие славянского знамени ставит иначе и польский вопрос, дает ему законный исход. С обрусением западных губерний и с провозглашением славянской идеи Привислянский край не может составлять для нас никакого внутреннего вопроса. Польскому народу один выбор: быть младшим братом русского народа или немецкой провинцией. Он и теперь уже не что иное, как последний объедок немецкого пиршества, поглотившего родственные ему населения и части собственного его тела от Саалы[61] до Вислы. Может ли узкая полоса земли, сжатая между Россией и Германией, устоять в виде государства, располагающего верховной свободой действий, — что составляет теперь принадлежность только великих держав? До какой степени ни считать поляков мечтателями, невозможно, противно логике, чтобы многие из них, особенно умнейшие, не видели неизбежности выбора между племенной самостоятельностью и гибелью. Об эмиграции нечего говорить: она стала народом кочевых авантюристов, для которых смута на Висле, как и всякая другая, — предлог; но оседлые поляки, даже фанатики, поймут свое положение, как только увидят $^3/_5$ имений Минской или Волынской губерний в русских руках, особенно когда увидят себя не на окраине, а посредине земель, сочувственно принимающих главенство России в общем союзе. Теперь поляк, как человек своей национальности, естественно дорожащий ею, находится действительно в безвыходном положении. Его можно не допустить до бунта, но нельзя отвратить от ежеминутной мысли о бунте. Разуверившись в Наполеоне, он продолжает надеяться на львовский сейм, на барона Бейста, на Венгрию, даже на Пруссию; покуда человек живет, должен же он на что-нибудь надеяться. Он перестанет грезить о разрушении России, когда перед ним мелькнет возможность стремиться к осуществлению сбыточной Польши, не становясь через то русским изменником.

До сих пор существование русской партии между поляками было невозможно: для такой партии не оказывалось опреде-

ленной цели. Поляки считали более удобным и желательным восстановить старопольское государство на счет России, чем польскую национальность в ее ограниченных пределах с помощью России. Но когда, с одной стороны, исчезнет всякая надежда уверить русских людей Гродненской или Минской губерний, ставших на свои ноги, что они имеют что-нибудь общее с поляками, а с другой стороны, напротив, воскреснет надежда сохранить действительную Польшу, то десять человек, сомкнувшись убежденным кружком, могут положить основание преобладающей партии. Затем еще, конечно, останется много вздорных мечтателей, но сила везде в передовой мысли, а не в отсталой толпе. Создать такую партию — значит взять польский вопрос из австрийских в русские руки, свалить главную нашу опасность на голову врага. Что надо сделать для этого? Полагаю, ничего особенного: настойчиво, но без насилия, продолжать обрусение западных губерний, без исключительных мер, не жалея для того никаких жертв; считать поляков славянским народом, имеющим в глазах России такое же право на существование и на русскую помогу в будущем для воссоединения растерзанных, но еще живых его членов, как и всякий другой славянский народ; поставив такую цель перед нами, отличать искренних ее сторонников от неискренних, без чего нельзя управлять даже своим народом, не только чужим. Такая задача неодолима для России, не сознающей своего исторического значения и действительного смысла лежащих перед ней камней преткновения, и, надо думать, не особенно трудна для сознающей. Поляки не идут по зову чехов в австрийский панславизм, чтобы не потерять поддержки правительства, в котором покуда вся их надежда. Другое дело — голос России. Если на зов русского правительства, приглашающего поляков занять законное место в славянской семье, не откликнется скоро сильная партия, значит, все законы логики и. вероятности перевернулись недавно вверх дном на белом свете. Невозможно поднять славянское знамя, не признавая за поляками их законного места в славянской семье. Четыре миллиона русских поляков и два миллиона поляков австрийских, разжигаемые

ежедневно в ненависти к России, станут стеной между нами и западным славянством. С другой стороны, увековечивание нынешнего положения вещей в Польше, возведенное в принцип, перепугает все славянство, разрушит в корне всякое доверие к нам. Славяне, до сих пор боящиеся призрака ненасытного русского честолюбия, примут наш братский зов за уловку. Бунт поляков, возможный против России, невозможен против союза, добровольно признающего русское главенство, союза, обхватывающего их землю со всех сторон. Для меня эти вещи ясны, как дважды два четыре; не знаю, как для других.

Если Россия восстановит, рано или поздно, славянский мир, — значит, она призвана на это дело Провидением, ей надо быть исполнителем судеб, начертанных для человечества. Но нельзя служить Провидению, отказывая в справедливости кому бы то ни было, особенно одному же из членов своего семейства. Кроме раздражения, посеянного вековыми событиями между поляками и русскими, польский вопрос, как племенной, ничем не отличается от других местных славянских вопросов. Все славяне находятся приблизительно в таком же положении, как поляки; всем им предстоит, как и полякам, выбор между двумя исходами: сжаться около России для сохранения своей народной личности или пожертвовать ею, дать обезличить себя. Обширная спорная полоса между пределами чисто русского и чисто немецкого племен, по большей части обхваченная уже политически последним, будет совсем онемечена до последней души, — в этом нет никакого сомнения, если каждую из мозаичных ее клеток предоставить собственным силам. Как только закончится объединение Германии, то славянам по обеим сторонам Савы не останется уже никакой надежды. Пруссия действует не так, как Австрия. Когда Фридрих Великий узнал, что сельское население Померании говорит еще по-славянски, он приказал положить конец этому сраму; к концу его царствования «срама» уже не было. Многие западные публицисты приглашают славян «покориться своей участи добровольно, сгинуть без следа; значит, говорят они, непреклонная история не выделила вам особого угла; против

законов природы и истории нечего спорить»; так и случится, если славяне будут отбиваться врознь. Чешское племя, со всех сторон обложенное немцами, исчезнет первое: за ним придет скорый черед и другим. Если бы Россия не возникла вдруг на рубеже Европы, о славянах не было бы уже и помина; оживление славянского духа в нашем столетии не имело бы повода. Что начато Россией бессознательно, то ею же одной может быть кончено сознательно. Не только славяне не могут избежать своей участи — народного обезличения — иначе, как схватившись за русскую руку, но даже поднявшись сами каким-нибудь чудом, они не могли бы сохранить независимость иначе, как опираясь на Россию. Какая международная самостоятельность, рассчитанная на собственные силы, возможна разрозненным славянским клочкам, стиснутым между немцами и мадьярами, при подавляющей массе и высшей культуре первых, при сильной политической организации вторых? В наше время, когда Европа поделилась на несколько огромных масс, когда лишь тот имеет право на отдельное существование, кто выставляет полмиллиона солдат, когда даже старые государства, как Голландия и Швейцария, начинают бояться за свое будущее, что значит международный щебень, каковы чехи, хорваты и другие? — когда вдобавок этот щебень не признается, презирается могучими соседями, оскорбляет их, становится внезапно поперек их истории, надежд и интересов? Славян много — от Саксонии до Архипелага; масса их, действующая заодно, сильна и могла бы выдержать напор Германии. Но в чем найдет эта масса общую связь? В союзе? Славянская страна прорезана в нескольких направлениях полосами чуждых и враждебных ей племен, до сих пор владычествующих; отдельные части славянщины не могут без посторонней помощи подать руку друг другу. Кроме того, на каком же языке будет говорить этот племенной союз? Уверяют, что на пражском сейме 1848 г. славяне разных наречий разговаривали между собой по-немецки. В этом отношении, как во всем прочем, им нужно объединение; сами по себе они его никак не достигнут. Не примут же болгары по собственному выбору чешский язык или

чехи сербский за общий политический. Кроме того, некоторым славянским племенам, как болгарам, словенцам, словакам, доведенным до положения низшего класса населения на своей же земле, надобно еще сложиться в народ, что требует времени, в продолжение которого они не могут прожить без опеки. Славян много, они умны, храбры, жаждут с возрастающим нетерпением национальной жизни; но ни добиться, ни удержать ее сами собою не могут. Славянский мир — это космическое облако, могущее стать сложившимся миром только при объединяющем центре тяготения.

Славянские народы должны стремиться к двум целям: каждый отдельно — к самостоятельной политической и общественной жизни у себя дома, все вместе — к теснейшему племенному союзу с Россией и к русскому главенству в военном и международном отношении. Каждому племени нужен свой государь для домашних дел и великий славянский царь для дел общих. Без этого второго условия самостоятельность как балканских, так и дунайских народов несбыточна. Если их освободить сегодня без объединения около России, завтра они очутились бы в прежнем и еще худшем положении. В тот день, когда Россия поднимет свое настоящее знамя, для каждого славянина не будет истины очевиднее этой.

Глухая вражда к нам Европы и всегдашние опасения ее основаны именно на сознанной неизбежности такого оборота дела, как только будет дан ему толчок. Австрия не допускает независимости балканских славян из чувства самосохранения; но западные державы не противились бы этой независимости, если бы могли надеяться на полную политическую самостоятельность областей, освобожденных хотя бы помощью России. Англия нисколько не боялась освобождения Италии французским оружием, к успеху которого она обыкновенно так недоверчива. Европа ревниво бережет Турцию вследствие уверенности, что осколки ее не могут оказаться самостоятельными в международном смысле и, по естественному сродству, спасаясь от немцев, примкнут политически к России. Австрославянские населения находятся в таком же положении.

Но если балканские и дунайские народы не могут ничего без России, то Россия также не может особенно многого без них. Против нас Европа. Мы жили с ней дружно, пока не было помину о племенной, непроизвольной задаче России, навлекли на себя ее подозрение, как только задача эта мелькнула впервые в умах, и возбудили вражду, когда наша историческая личность достаточно выяснилась. Такой оборот дела был неминуем. Против объединения Италии было только немецкое племя; против объединения Германии, если оно пойдет, как надо ждать, по программе всех известных ненасытных немецких притязаний, будут многие; против исторического развития России, грозящего еще большей ломкой, стоит вся Европа; только с другого берега океана смотрят на нее дружелюбно. Два первые переворота, итальянский и немецкий, проскользнули в историю нечаянно; никто не ждал их в том виде, как они совершились, оттого только они не встретили с самого начала решительного противодействия; второй, впрочем, еще не кончен. Мы же никак не можем достигнуть русских целей ни по восточному вопросу, ни по чему другому внезапно, пользуясь случаем: наш каждый шаг давно уже стерегут. Конечно, Россия может многое совершить в минуту периодически повторяющегося раздора в Европе; но чем более совершит она, тем скорее соперники помирятся, чтобы дружно стать против нас. У России нет в Европе сознательных союзников, кроме своей естественной семьи — славян и православных. Когда семья эта проникнется доверием к России, надобно будет в первую благоприятную минуту помочь ей приподняться, то есть дойти до нее, что требует только победы на первых порах. Для продолжения затяжной, несколько раз возобновляющейся борьбы, без чего не обойдется, у нас будут уже свои союзники.

Главные международные затруднения России по восточному вопросу, польским делам и владению Черным морем — спутаны в клубок; ни одного из них нельзя тронуть, не затрагивая прочих. Восточный вопрос неразрешим на Балканах, польский вопрос не распутывается в Варшаве, вопрос о Черном море не кончается на Босфоре. Все три затруднения стяну-

ты общим узлом, лежащим на среднем Дунае. Как в волшебной сказке, ужасы очарованного замка разрушаются только ударом в магический щит, запрятанный в его тайнике, так и наши политические затруднения, безвыходные на вид, разрешаются одним ударом, направление которого указывал еще покойный князь Паскевич. Ни один из осаждающих нас вопросов не уловим поодиночке, потому что не заключает в самом себе сущности дела, а представляет только одну из ее сторон: сущность дела называется общеславянским вопросом. Задача нешуточная, но потому-то для нее и нужны союзники, те единственные союзники, которых мы можем иметь в таком деле.

Мы видели невозможность почать славянское дело с южной группы: нам нельзя пройти к ней, да и незачем. Ключ позиции, как говорят на военном языке, лежит не там. Если бы дела северной славянской семьи устроились благоприятно, то с Турции снялась бы крышка, под которой она доживает свои дни. В таком положении никакие усилия морских держав не продлили бы ее существования даже на год. Мы столкнемся, вероятно, с Европейским союзом на среднем Дунае, но затем едва ли уже встретим его в Турции.

Очевидно, Россия не может допустить, чтобы участь спорной полосы внешних ее окраин порушилась во враждебном для нее смысле. Между тем не подлежит сомнению, что решение это будет вполне враждебно нам в той мере, в какой мы допустим чужое, чье бы то ни было, вмешательство в эти дела; другими словами, мы будем дышать свободно тогда лишь, когда устроим внешние окраины собственными и сочувственными, теперь еще задавленными силами, без спроса у Европы. Но для того надо подумать о сочувственных силах и внушить им уверенность, что у них и у нас один общий интерес.

Говоря определенно, враждебное для нас решение текущих дел значит такое решение, которое перенесет вопрос с наших внешних окраин на внутренние окраины, что случится неминуемо, если затрагивающие нас международные дела будут разрешены не нами. Со времени восточной войны, пока мы ограничивались одним наблюдением, всякое крупное событие

в европейских делах складывалось положительно во вред России[62]. Так будет и впредь. При общем несочувствии к нам мы не можем полагаться на судьбу и случай и замыкаться в самих себе. Выжидание не отвратит решительной минуты, но создаст вокруг такую обстановку, что нам нельзя будет ни покориться судьбе, ни бороться с успехом. Восточный вопрос двинется когда-нибудь сам собой, помимо нашей воли, — вследствие ли внутренних событий на Балканском полуострове или вследствие каких-либо новых политических сочетаний в Европе, — и разом вызовет наружу все наши политические затруднения в Польше, на Черном море, даже на Кавказе[63]. Самый обыкновенный случай — обширное восстание в какой-либо части Турции, дающее повод австрийцам, по предварительном соглашении с кем нужно, перейти через Саву «для ограждения собственной безопасности на время беспокойств», может послужить началом конца. Европа не разделится в таком случае на два лагеря для защиты ненавистных ей русских интересов в восточном вопросе[64]. Англия всегда станет в сторону того, кто ограждает Балканский полуостров; Пруссия покроет Австрию своим ручательством, как в 1854 г., что равняется оборонительному союзу; Франция не пойдет в такую минуту на разрыв с Англией, Австрией и Пруссией для того, чтобы очистить нам дорогу в Константинополь. Что придется делать в этом случае? Идти за Дунай в обход Австрии? — нельзя. Идти на Австрию? — но покуда в случае войны из-за восточного вопроса все вероятности на стороне Австрии. Кроме того, что ее не отдадут на жертву, она, а не мы, держит ключ спорной окраины. Поддержанная ручательством Пруссии, Англией, Турцией и смутой на нашей западной границе, всегда от нее зависящей, Австрия, при нынешнем отношении сил, трудно уязвима для нас и сама откроет наступление.

Пока наши средства воздействия на австрийских славян заключаются в нынешнем славянском комитете[65], лишенном средств для осуществления десятой части скромных своих желаний, а средства воздействия Австрии на русских славян состоят в львовском сейме и ста тысячах польских солдат

(под австрийским знаменем все галичане-поляки), пока русская партия не существует не только за Карпатами, но даже на Висле, между тем как семь миллионов русских подданных, исповедующихся у польских ксендзов, принадлежат в огромном большинстве в случае войны к австрийской партии, — успех для нас маловероятен. Австрия может по сигналу возбудить организованную смуту во всей западнорусской окраине и развлечь нашу армию, мы не можем покуда отплатить ей ничем подобным: за нас будут, может быть, сочувствия, но не поднимется ни одной руки. Следствие то, что австрийцы имеют большие вероятности дать битву в значительно превосходных силах. А каким последствием разыгралась бы для нас потеря большого сражения в обстоятельствах 1863 г.? По моему суждению — отступлением на Днепр и провозглашением Польши в пределах 1772 г. с эрцгерцогом в голове; в такой серьезной борьбе Австрия не поскупилась бы на Галицию. Конечно, мы можем быть гораздо сильнее нынешнего, дело в естественных силах России, а не во временном их устройстве. Но тем не менее, пока Россия не поднимет над собой славянское знамя, пока славянский вопрос сосредоточивается в руках Австрии — материально по ту сторону границы и нравственно по сю сторону, — вероятность успеха на войне — по восточному ли вопросу, как в 1854 г., по польскому ли, как могло случиться в 1863 г., — будет не на нашей стороне. Мы можем, принявшись правильно за дело, вооружиться достаточно сильно, чтобы победить при счастье австрийцев и коалицию на среднем Дунае; но даже при этом, встречая в Австрии одних австрийцев, не будем в состоянии упрочить результатов приобретенной победы, без чего, собственно, восточный вопрос всегда останется для нас недоступным. Через несколько лет придется начинать дело и действовать в том же безвыходном круге[66]

Но что случится, если мы не победим за неимением союзников ни официальных, ни неофициальных? Восточный вопрос будет решен в смысле переговоров 1863 г., переносивших австрийскую границу на Балканы и отдававших Дунай до самого устья в немецкие или венгерские руки (что, в сущ-

ности, все равно); следствием чего будет в близком времени обращение Черного моря в немецко-турецкое, пока оно не станет совсем немецким. Война за восточный вопрос разразится неизбежно (кроме прибрежий) на западной границе. Если мы не останемся победителями, то одновременно разрешатся в неблагоприятном смысле для нас дела как турецкой, так и польской окраины, то есть Россия отодвинется на сто лет назад.

Пока длится распря между Францией и Пруссией, мы располагаем еще некоторой долей свободы действия; когда она остынет или порушится, нам придется брать штурмом малейшее затруднение. Тогда, по всей вероятности, осуществится англо-австро-прусское соглашение, гораздо опаснейшее для нас, чем соглашение западных держав[67]. До сих пор ему препятствуют только личные настроения: рыцарский характер старого короля[68] и безвозвратные воспоминания австрийского дома[69].

Главный враг наш никак не Западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями. Победа склонится на сторону того, кто возьмет верх в спорной земле — славянской по крови, немецкой по политической географии, разделяющей два могучих народа. Когда закончится объединение германской породы в пределах, гордо ею назначаемых для себя, и она примется онемечивать славян прусскими мерами, будет уже поздно тягаться. Славянство вне пределов России станет ее жертвой. С тем вместе покончится судьба последней, великой арийской расы, с ее зачатками для человечества; судьба уцелевших еще политических осколков православного мира вне России и смысл нашей собственной истории, что никакому народу не проходит даром.

Выскажу откровенно свою мысль: современная Россия выросла уже из племенных пределов, дающих законность и устойчивость государственному бытию, и не доросла еще до другой высшей законности — стать средоточием своего особого славянского и православного мира. Россия не может упрочиться в нынешнем своем виде; политическая история, так же как естественная, не увековечивает неопределившихся, недоконченных видов. Все зависит теперь от решения славянского

вопроса: Россия распространит свое главенство до Адриатического моря или вновь отступит до Днепра. До сих пор наше Отечество шло верным шагом к данной ему исторической задаче. В ту пору, когда западному славянскому миру начинало уже грозить постигшее его порабощение, из варяжского удела выросло в Москве государство и сначала собрало вокруг себя родное великорусское племя, потом все ветви русского народа, получило на пути своем запись умиравшей Восточной империи на ее нравственное наследство и, наконец, перешагнуло в пределы чужеплеменного славянства. Останавливаться теперь или слишком рано, или слишком поздно. Россия могла бы остаться великой державой, не выходя на Запад из своих строго племенных границ, не принимая на себя призвания, ставшего теперь уже долгом, — воскресить христианский Восток; но она сделала это и, можно смело сказать, не могла не сделать. Как глава великой расы, восстанавливавшейся постепенно в ее лице, и как прибежище всех православных, Россия не замыкалась строго очерченными пределами и должна была выйти из них. На русских царях лежала и лежит печать особого рода, не допускающая их со времен Ивана III замыкаться исключительно в пределах своего государства, — печать единственных в мире истинных славянских и православных царей, живых посреди развалин славянского или православного Востока Европы. Понятие об общности славян всегда существовало у нас, как стремление к общности единокровных — сначала великорусского народа, потом русского со всеми его переходными оттенками — и естественно должно было дорасти до своего настоящего значения. Никогда подобное стремление не возникало к Польше: она смотрела на себя, как на государство, а не как на народ и потому не имела никакого значения для родственных соседей. Теперь Россия стоит уже посреди славянства нерусского, разделенного произвольной чертой между ее владычеством и немецким. Вместе с тем сознание одноплеменности по обеим сторонам рубежа, понимание общности вещественных и нравственных потребностей всей Восточной Европы начинает быстро созревать. Минута решительная и невозвратная,

не допускающая долгих колебаний. Одно из двух: или Россия признает себя государством в смысле старой Польши, не более как государством, чуждым по душе всему вне своих случайных пределов, и приступит решительно к искоренению всякого самобытного оттенка, входящих или имеющих войти в состав ее родственных племен; в то же время искренно и гласно отбросит всякую мысль о славянстве и православном Востоке, всякое общение с ними, напрасно отравляющее наши отношения к Европе, — оттолкнет их от себя, станет вперед смотреть на них глазами Пруссии или Франции; одним словом, запрется дома, сдерживая силой свои окраины, пока, с течением веков, они не сольются с телом государства. Или же, оставляя за русским народом его непоколебимое главенство в славянском мире, за русским языком — его несомненное право быть политическим связующим языком этого мира, Россия откроет объятия всем, кто по сердцу ближе к ней, чем к Европе на правах младших, но самостоятельных братьев одной великой семьи. Первое решение идет вразрез с историей — путь опасный!

Но дело еще не в том. Такое решение, возможное при Екатерине II, почти уже невозможно теперь. Мы зашли слишком далеко: племенные влечения возбуждены, восточный вопрос поднят, разделенная Польша стала яблоком раздора между немецким племенем и нами, общая связь всех этих затруднений выказывается уже явно и носит определенное имя. Искренность наших отношений к Европе не восстановится больше, покуда не разразится и не уляжется гроза; нам не поверят. Если мы не воспользуемся всеми своими средствами, прямыми и косвенными, для решения невозвратно поднятых вопросов в нашу пользу, другие порешат их — во вред нам. Первым последствием будет окончательное отнятие у нас Черного моря и враждебное владычество на нем. Вторым — ненависть к нам, оттолкнутых сорока миллионов славян и православных, которые решительно станут во вражеские ряды, да и нельзя им будет сделать иначе. Третьим — непомерное подавляющее могущество соседнего немецкого племени. Четвертым — все-таки спор из-за Польши с возможными его последствиями; объеди-

ненные немцы не станут добровольно подставлять нам фланг, когда можно оградить его, не подарят нам почвы, столь удобной для посаждения на ней в будущем немецкой рассады, не упустят случая держать нас в постоянной тревоге; у них останутся еще счеты с нами на балтийском взморье. Пятым — дополнительные статьи: Финляндия, Ливония, Бессарабия, Крым, Кавказ. Отрекшись от своего исторического призвания, Россия отречется вместе с тем и от единых союзников, на которых может рассчитывать. Собственными силами и в свое собственное имя мы можем выиграть сражение, но не можем достигнуть никаких целей. А между тем нам все-таки придется вести борьбу с теми же препятствиями и с теми же врагами — только не наступательную, а оборонительную, не затем, чтобы кончить борьбу торжеством, а затем лишь, чтоб отдалить насколько можно дурной исход ее. Историческое движение наше с Днепра на Вислу было объявлением войны Европе, вторгнувшейся в не принадлежащую ей половину материка. Мы стоим теперь посреди неприятельских линий — положение временное: или мы собьем неприятеля, или отступим на свою позицию.

Кроме двух решений, о которых шла речь, может быть еще третье — средняя политика, худшая изо всех: хотеть неопределенно и раздражать против себя целый свет, ничего не делая в сущности и ни к чему не готовясь положительным образом. Не дай бог напасть на такой путь.

Война за чью-либо независимость может иметь в виду только независимость — об этом нечего и говорить. Для России не существует никакой разумной причины, нравственной, экономической или военной, желать новых присоединений в Европе: в русском уме нет мысли об обращении родственных нам стран в подчиненные области. Червонная Русь и Измаил наши по своей природе. Привислянский край, при полном освобождении кровных — не наш. В окружающих Россию славянских и православных землях существует шесть или восемь главных центров тяготения (это еще недостаточно выяснилось); около них должны собраться народные единицы. Даже покуда, если только Россия пойдет по своему истори-

ческому склону, наши мирные усилия в пользу своих близких не должны быть безразличны, но строго сообразоваться с особенными условиями и потребностями каждого центра отдельно. Кроме этих естественных групп есть еще место на земле, безмерно важное для нас, лишенное всякой национальности, но по своему исключительному положению слишком значительное, чтоб принадлежать какому-нибудь мелкому народу, — Константинополь с его окрестностями и проливами. Самые положительные русские интересы заставляют желать, чтобы этот город, гораздо более вечный, чем Рим, был вольным городом племенного союза.

Если история имеет разумность и освобождение наших близких состоится, то взаимные отношения их между собой и к нам определятся силой вещей. Самостоятельность каждого члена освобожденной семьи в его внутренних делах, особый государь и особые политические учреждения, какие кому удобнее, — все это уже решено историей. Но совсем иное дело — самостоятельность в международном и военном отношении. Мало освободиться, нужно остаться свободным. При нынешнем разделении Европы нет места кучке маленьких народцев, распоряжающихся своими маленькими армиями, объявляющих войну, заключающих мир и союзы — каждый от своего лица. И где же? — между русской и немецкими империями. И кто же? — не признанные Европой, отвергнутые племена, на которых вчерашние владыки долго еще будут смотреть как на взбунтовавшихся подданных, выжидая удобного случая для нового порабощения.

Создать подобный хаос, полный споров, неурядицы и междоусобий, неуверенный в своем существовании даже на завтрашний день, обременительный для всех и более всех для самих освободителей, — значило бы взять на себя не восстановление, а разрушение законных прав и порядка в Европе, значило бы предать общему посмеянию величайший из всемирных вопросов и через несколько времени очутиться в прежнем безысходном положении. Освобожденному Востоку Европы, если он будет освобожден, нужны прочная объединительная

связь, общий глава с общим советом, ведение международных дел и военное начальствование в руках этого главы, русского Царя, естественного начальника всех славян и православных. Нужно, чтобы гражданин каждого народа объединенной семьи был полноправным гражданином всей семьи. Нет надобности ставить все вооруженные силы союзных народов под русское знамя, на северогерманский образец; достаточно, чтобы действующие войска, по мирному и военному положению, на своей или на чужой земле, как укажет надобность, чтобы союзные крепости, выходы в Черное море — состояли в полном распоряжении и управлении главы союза. Великая семья, самостоятельная в каждой отдельной части, будет для света единым государством.

Знаю, что многие назовут мои заключения поэзией. Но я высказал уже свое убеждение, основанное на достаточном ряде доводов: если не осуществится эта поэзия, несмотря на то что тысячелетняя история неотразимо влечет к ней, то Россия, как государство, едва ли устоит в нынешних пределах. Народности пошли теперь складываться воедино, неясные рубежи стали шаткими, перевороты совершаются с поражающей быстротой. Дух времени заодно с действительным смыслом нашего положения допускает только два решения: Россия как местное государство русского народа, далеко отодвинувшееся назад, или Россия как средоточие славянского и православного мира.

В отношении к настоящей минуте эти два решения выражаются двумя глаголами: выжидать или действовать.

Сначала действие России может быть только нравственное. Гласное признание своего права быть представительницей родственного мира, при первой возможности возвращение под отчий кров последних порабощенных обрывков русского народа, умственное и сердечное единение со своей исторической семьей, единодушное стремление к общей цели по обеим сторонам рубежа должны предшествовать единению политическому. Затем в благоприятных случаях не будет недостатка.

Но, каково бы ни было единодушие, как бы случай ни был благоприятен, это великое дело может решиться только

силой, и на первых порах одной русской силой. Теперь более, чем когда-нибудь, нам нужна армия, соответствующая числом и качеством величию задачи, предоставленной для России.

Из вышеизложенной постановки вопроса не следует, однако же, чтоб нам нужно было меньше сил, если бы этих целей не имелось в виду. Выжидание требует от нас такого же точно развития сил, как и действие. Выжиданием нельзя отвратить событий; только минута будет выбрана не нами и не по нашему удобству, все прочее останется неизменным. Мы столкнемся с теми же противниками, с тем же числом солдат и пушек из-за недоступного восточного вопроса и его неизбежного дополнения — неразрешимого польского, как и по поводу доступного и осмысленного вопроса всеславянского, с той лишь разницей, что в первом случае даже победа останется для нас бесплодной, как Новара[70] для Австрии: она только отдалит опасность; во втором даже поражение будет плодовито, как та же Новара для Пьемонта, скрепляя наши узы с кровными, усиливая нас нравственно к будущему.

Многие, вероятно, найдут мою искренность неосторожной. Я не раз слышал такие упреки; но остаюсь при убеждении, что русскому следует говорить о делах своего Отечества так же ясно, как говорят о них чужие. Слово в наше время есть оружие, а безоружному с вооруженным нельзя бороться. Полагаю, что государства и народы, о которых говорится в моей брошюре, совершенно равнодушны к тому, что думаю я лично о восточном вопросе. Когда же мысль о всеславянстве станет государственной, она сверкнет в глаза всем, как молния; тут уже не будет места тайне. Наши дела пойдут успешно тогда только, когда деревенские женщины на берегу Молдавы или на отрогах Балканов, убаюкивая своего ребенка, станут говорить ему: «Не плачь, вот скоро придут русские помогать нам и принесут тебе гостинец».

Я изложил свое мнение о восточном вопросе. Это мнение можно сжать в несколько слов. Дела сложились так, что восточный вопрос в тесном смысле, как его обыкновенно понимают, представляет для нас квадратуру круга, не разрешимую

никакими средствами в настоящем, не оставляющую никакой надежды в будущем; дело это — призрак, стоящий над нашим изголовьем и против которого нельзя ничего предпринять, именно оттого что оно призрак, несамостоятельная половина другого, более важного дела. Восточный вопрос в обширном смысле, то есть вопрос о Восточной Европе, — действительность, нелегко достижимая, потому что в ней заключается мировая историческая задача, но все-таки действительность, живой противник, с которым можно схватиться и одолеть его, веруя в Провидение и себя самих.

ПРИЛОЖЕНИЕ К «МНЕНИЮ О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ»

Разноречивые суждения, читанные и слышанные мною о руководящей мысли брошюры, вынуждают меня прибавить к ней несколько объяснений. Я постараюсь осветить главные недоразумения насколько необходимо. Недоразумения — самые опасные враги всякой новой мысли. Как бы она ни была верна сама по себе, у нее всегда останутся систематические противники, во-первых, из-за старых интересов, во-вторых, потому что самое основание, на котором строится личный взгляд человека, бывает различно в различных людях; такое коренное разноречие примиряется не обсуждением, а жизнью, раскрывающей понемногу перед обществом новые горизонты, о которых прежде не думалось. Напротив того, недоразумения разъединяют мнения почти сочувственные, мешают им слиться воедино из-за слов, различно понимаемых. Оставлять их в этом виде — значило бы грешить не против чужих, а против своих.

Называя мысль своей брошюры новой, я имею в виду только ее форму. В «Голосе» было замечено совершенно справедливо, что новизна этой мысли заключается только в том, что она высказана без двусмысленности, со всеми ее неизбежными последствиями. На той и на другой стороне рус-

ской границы живут многие тысячи людей, самых зрелых и передовых, давно уже додумавшихся до такого заключения. Надобно было один раз произнести его громко, чтобы привести в соприкосновение эти разъединенные убеждения, вследствие чего должен был непременно произойти во мнении взрыв своего рода. Не я, так другой, не сегодня, так завтра, сказал бы то же самое.

Взрыв был громкий, не дома, впрочем, а за границей. В беспредельной Руси нет близко стенок, о которые звук мог бы ударяться, потому нет и эха; это не мешает нашим мнениям зреть потихоньку, как зреет наша пшеница. За границей брошюра была встречена рукоплесканиями славянских народов и озадачила политические власти, верный признак, что руководящая ее мысль — не фантазия; никто не тревожился из-за французского шовинизма, высказывавшего желание подчинить своему прямому влиянию все романские племена — расстояние между словом и делом там было совсем иное. Прошу читателей не винить меня в самохвальстве за слова одного чешского журнала («Кветы»), которые я сейчас приведу — я сказал уже, что заслуга моя состоит в том лишь, что я заговорил первый. Журнал этот недавно сказал обо мне следующее: «В последнее время, вследствие особых обстоятельств, он стал так всеобще известен, а имя его во всех областях чешско-славянских стало таким же домашним для всякого, как имена вождей народных. И не только у чехов, но во всех землях славянских возлюбили его имя, и т. п.».

Слова эти доказывают, во всяком случае, что брошюра попала в цель и не есть плод личных соображений; я решился написать ее именно потому, что встречал единомыслие в большинстве людей, способных идти в своих заключениях далее общих мест. Сила руководящей мысли брошюры состоит в том, что она указывает определительно единственный выход из ложного круга, в котором бьются бесплодно, не живя и не умирая, сорок слишком миллионов близких нам людей, в котором они не могут никогда жить и не могут уже умереть. В этом ложном круге решается не только их судьба, но и наша, пото-

му, что государство, в исключительном смысле государства — случайно сколоченной исторической загородки — держится до сих пор благополучно только в Азии, в Европе и Америке пора его уже проходить, и слава богу!

Откровенно сказанное слово бросило в почву семя, которое теперь уже не заглохнет. Но с тем вместе возник ряд недоразумений. Постараюсь разъяснить немногими словами главные из них.

ПЕРВОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Некоторые вывели из написанного мною такое заключение, что прямо национальная политика повела бы нас к постоянному военному напряжению, даже в мирное время. Никогда я не думал и не говорил ничего подобного. В «Вооруженных силах» я выразился ясно: «На войне бывает силен только тот, кто бережет свои средства во время мира». В своих военных сочинениях я постоянно имел в виду сокращение, а не увеличение бюджета на армию; никогда я не предлагал сформирования новых сверхкомплектных сил и считаю их ненужными. Я думаю, что полковой состав должен быть увеличен у нас до 4 батальонов — на счет мертвых сил местных войск; приращения тут нет. Я выставляю мысль об ополчении, указывая в то же время на сокращения для покрытия этого расхода, по двум причинам: во-первых, потому, что все большие войны нынешнего столетия, без исключения, доказали необходимость ополчения, замена же его остатком бессрочных, при нынешней пропорции набора и невозможности найти офицеров, есть не более как игра в слова; во-вторых, потому, что только учреждением ополчения мы можем восстановить прежнее отношение наших сил к европейским; последние повысились в текущее десятилетие настолько же, насколько наши понизились, вследствие принятой новой военной системы. Для наглядности это понижение можно показать таблицей.

Для войны в Европейской России, за исключением Кавказа и других дальних окраин, у нас было до Парижского мира, считая для краткости только пехотные батальоны:

7 дивизий 12 батал. (с карабинерной)	84 бат.
18 « 16 « «	360 бат.
	444 бат.
Во время войны формировались, по мере надобности, 5 и 6 батальоны резервные, 7 и 8 запасные, для которых существовали кадры в виде 5 резервного батальона. Масса эта составляла	432 бат.
Итого (без стрелков и саперов)	876 бат.

Несмотря на такую громадную силу, в 1855 г. все-таки понадобилось ополчение.

Писавши с памяти, я ошибаюсь, может быть, несколькими батальонами, но не более как несколькими; для наглядности разница нечувствительна.

Ныне никаких резервов нет и не имеется в виду. Действующая армия в Европейской России, составляющая всю нашу силу, за исключением 6 дивизий на Кавказе, имеет в итоге, на случай европейской войны, 41 дивизию 12-батальонных 492 бат. — вместо 876.

Имел ли я причину говорить об ополчении (стоящем так дешево) и об обращении местных, то есть мертвых для войны, сил, в действующие?

Все прочее в «Вооруженных силах» относится к качеству, а не к количеству войск.

Из этого, кажется, вовсе не следует, чтобы я желал соразмерять напряжение русских сил и русского бюджета с размерами славянского вопроса. Какова бы ни была наша политическая система, нам нужно в этом отношении известное равновесие с Европой, как было прежде (равновесие, которого, по моему мнению, можно достигнуть при правильной системе, ставящей на первое место армию, а не администрацию, не с повышени-

ем, а с понижением военного бюджета). Россия единственное европейское государство, которому ежегодное приращение населения идет впрок, в котором это приращение остается. С каждым днем мы делаемся относительно сильнее. Руководясь неизменной национальной политикой, действующей постепенно, пользующейся каждым удобным временем, Россия имеет достаточно средств для какой бы то ни было разумной задачи, не истощая себя безвременно. Я никогда не отступал от мысли, высказанной в начале этого параграфа — «на войне силен только тот, кто бережет свои силы в мирное время». Но я не забывал также, и ни один русский не должен забывать, что для нас армия имеет более значения, чем для кого бы то ни было. Токвиль сказал совершенно верно: «История так поставила Россию, что ей постоянно приходилось создавать себя штыком, как Америка создавала себя лопатой. Теснимая Азией и не признаваемая Европой, Россия должна была завоевать себе право жить. Очевидно, это неестественное положение не совсем еще кончилось».

ВТОРОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Заказанная против меня безымянная чешская брошюра говорит, что объединение славян, в сущности, такая же мысль, как объединение всей германской породы, — немцев, скандинавов, англичан и проч. Один из наших фельетонистов принял эти слова за чистые деньги и привел знаменитый довод уже от своего имени. Для многих читателей разъяснение тут не нужно; но для некоторых оно может пригодиться. Потому я попрошу их вспомнить, что англичанин, швед, немец и голландец не понимают друг друга в такой же степени, как они не понимают китайца. Вслед за этим привожу в переводе, на 5 главных славянских наречиях, хоть, например, вышеприведенный лестный отзыв обо мне чешской газеты. Достаточно написать его кириллицей, чтобы читатель легко понял. По-русски он уже сообщен.

По-чешски. (Текст восстанавливается с памяти и потому, может быть, не буквально.) В последнем часе наследкам

звлашных ополности стал се там вшеобенце знамым и его имено есть славно всвшех властех ческословенских там домацным про каждего, ано имено вудцов народных. А нееком у Чехув, але и всвшех земих слованских заминовали сю имена.

По-польски. В остатнем часу в пржимайку осубных околичносьцях там в огульносьци вядомым, а имя него ве вшыстких окраинах чешскославяньских, стало таким же домовым для каждего, як имена воеводов народовых. И не тылько у Чехув, але ве вшыстких земях славянских покохали него имя.

По-сербски. У последне време всобе но ньеговога положнея, он је постао тако знаменит да му се име у свим крајевима чехословенским исто тако слави, као имена досад народних вoha. Ньегово име не слави се само код чехано и код свију друге словенских народа.

Языки это или наречия одного языка? Но дело еще не в этом. Конечно, объединение немцев, шведов и англичан — глупость, не только потому, что между современными шведами, англичанами и немцами нет ничего общего, но еще более потому, что они вовсе не хотят общей связи, потому что подобная мысль никому из них не западала в голову, и не могла запасть. Ну, а если бы они захотели? если бы по не существующим теперь причинам передовые люди этих народов задались мыслью объединения или племенного союза и эта мысль стала бы понемногу проникать в толпу — ведь она утратила бы свой первоначальный характер абсолютной глупости! А если бы притом еще разветвление племен германского корня было не так глубоко, как теперь, если бы языки их были только наречиями одного общего языка, понятными без перевода каждому члену великой семьи? и эти языки не были бы закреплены каждый самостоятельной, богатой словесностью, а нуждались бы, даже для собственного своего развития, для образовательных целей, в одной главной, всем общей словесности? ведь тогда первоначальная глупость начала бы становиться делом довольно осмысленным! А если бы, далее, племенное сочувствие этих народов доросло уже до такой степени, что у них сердце стало бы болеть за каждого члена великой семьи, как было между

пьемонтцами и венецианами, народные наречия которых гораздо далее отстоят между собою, чем русское, например, и сербское — тогда глупость превратилась бы в дело не только осмысленное, но законное, задевающее народную честь и естественные чувства человека. Продолжаю. Если бы, кроме всего сказанного, географическое положение племен германского корня способствовало известному объединению; если б историческое состояние их было таково, что одни из них, стоптанные чужеземцами, взывали бы к свободным братьям; свободные же видели бы, в свою очередь, что с обезличением единоправных спор перейдет с их внешней окраины на внутреннюю окраину, — смотрели бы на это равнодушно племена германского корня, отказываясь от своей породы, то есть от самого смысла своей истории, для того чтоб развиваться каждое особняком, *на общечеловеческих началах,* как говорится еще иногда в наших фельетонах? Русско-славянское дело находится именно в том положении, к которому мы пришли после этого последнего запросного пункта. Нечего даже спрашивать, что делали бы в таком случае народы германского корня, с их Чатамами, Каннингами, Монро и Бисмарками. Кажется, мы видим перед глазами пример, что немцы, забирающие Шлезвиг во имя национальности, считают также своими областями славянские государства вследствие того, что австрийский эрцгерцог когда-то вступил на их престолы посредством брачного союза, что для них наш остзейский вопрос составляет сердечное дело, потому что там живут 100 000 немцев посреди 2 млн чужеземных жителей.

В действительности же славянский вопрос еще важнее, еще настоятельнее для нас, чем явствует из всего предыдущего. Дело идет не только о будущем, но о настоящем, самом неотложном. На наших глазах Австрийская империя распадается по невозможности управлять одной силой разнородными людьми, доросшими до политического и племенного самосознания. Чешская корона получит на днях свою автономию; после нее получат то же Галиция, Иллирия, Тироль (не желающий иметь ничего общего с прочими австрийскими немцами); по необходимости облечется тогда в автономию и эрцгерцог-

ство австрийское. Когда раздел кончится в Цислейтании, он начнется в Венгрии. Нет почти сомнения, что немного раньше или позже, но мадьярские депутаты выйдут из пештского сейма, как немецкие вышли из венского, и повторится та же история, усложненная, может быть, междоусобной войной. Не будучи пророком, можно сказать, что в скором времени Австрия будет уже не мозаикой, что предполагает еще некоторый цемент, а грудой отдельных обломков, связанных между собой единственно личной связью в особе общего государя. Весь вопрос для Австрии заключается теперь в том лишь: хочет ли она дойти до раздробления спокойно и добровольно или после величайших смут, не представляющих для императорского правительства никакой вероятности успешного исхода? Но разложение неминуемо, если не на карте, то на деле — и что тогда произойдет? равновесие стопудовых гирь, повешенных на паутине. Австрийские немцы потянут к Германии, в том нет сомнения[71], вследствие чего разорвется паутина личной связи всей монархии. Чехия, обхваченная новой немецкой империей, не будет в состоянии дохнуть. На первых порах ей дадут, конечно, всякое удовлетворение; но кто же поверит, раз взглянувши на карту, чтобы Германия стала лелеять внутри себя свою язву, самобытное славянское государство? Для того только, чтоб не задохнуться, чехи будут вынуждены вступить в северогерманский союз, ставить ему рекрут, командовать ими по-немецки — дальнейшее известно. Без Чехии же славянское дело проиграно навсегда. Чехия голова, передовой пост всего славянства, тот ледорез, о который разбивался до сих пор немецкий наплыв на южных славян: за неимением такого ледореза северное славянство погибло невозвратно, и теперь, онемечившись, создает Германию собственными руками.

Со вступлением чехов в немецкий союз корона св. Стефана устоит, может быть, по названию, но с первого же дня попадет в распоряжение немецкой империи. Какая внутренняя связь может оказаться в восточной половине Австрии, пережившей западную, но еще более пестрой, чем последняя. Она станет, однако же, драгоценным орудием в руках объединенных нем-

цев, поддерживающих своих земляков Габсбургов в последнем их убежище. Мечта мадьяров — собирание осколков Турции и первого из них, Румынии, около короны св. Стефана может отлично осуществляться при таком сочетании вещей; только осуществление это станет не действительностью, а театральным представлением для того, чтоб забавлять мадьяр, пока нужно. Как господин при крепостном праве, Германия будет распоряжаться по произволу всем достоянием Венгрии; отчего ж ей не потешить своих вассалов призраком? Не только мадьярам, Германия предоставит вначале всем славянам, ставшим под ее тень, всякое удовольствие; она возвратит им всевозможные права, раздобрит их, как раздобривают телят на убой. На первое время они ей будут нужны, довольные, веселые и шумные — для того, чтоб манить своим призрачным счастьем многие из наших русских окраин, а окраины вдаются у нас глубоко вовнутрь государства. Без чешского устоя судьба всех сторон северного берега Дуная, до устья его, не составляет никакого вопроса; раньше или позже, они станут сначала вассалами, потом областями объединенной Германии. Но что же станется с южным берегом? Тут можно перефразировать слова лорда Чатама о Турции и сказать: не стоит рассуждать с тем, кто не видит, что участь левого берега Дуная решает участь правого берега до самого Босфора. А что окажется затем? Что станется, например, с Галицией? Отданная в наши руки в своем нынешнем виде, она будет значить — двойная сила польского мятежа против России, оставшись самостоятельной, она обратится в боевой склад против нас. А ведь великая Германия, наложив руку на западное славянство, а вследствие того со временем и на южное, упрется еще не в пределы великорусского племени. Между немецкой границей и непоколебимо верными русскими областями останется еще обширная страна, далеко не непоколебимая, а при некоторых случайностях даже чрезвычайно сомнительная. Неужели новая империя, подчиняющая западных славян для того, чтобы всосать их в себя, остановится покорно на русской государственной меже и будет смиренно ожидать, чтобы могучая соседка опрокинула вверх дном, в первую

удобную минуту, все ее замыслы, пока операция претворения еще не довершена. Неужели она не попытается оградить себя, пользуясь теми шансами, какие представляет против нас западная полоса государства, от Финского залива до Черного моря с Остзейским краем, Польшей, Жмудью, с польской интеллигенцией в полурусских губерниях, с полутора миллионами евреев и с румынскими притязаниями в Бессарабии?

Завершение немецкого владычества над славянами в смысле великогерманской идеи и знаменитого Drang nach Osten станет не только отрицанием всякой доброй будущности для нас, но сделает невозможным навеки прочный мир в Восточной Европе. России придется опять обратиться в военный стан, как было в прошлых веках и снова напрягать свои силы не на создание русского просвещения, а за право жить. И если в таком случае окончательная победа окажется не за нами, чем мы станем, нравственно и материально, как не Тураном[72] в полном смысле слова. Разве народ, проигравший раз свою судьбу, восстанавливался когда-нибудь в истории? Тут идет речь не о пограничных столбах, а о том, кто станет в близком будущем первым народом Старого Света; лучше сказать, о том, кто успеет расчистить себе место, чтобы вырасти во весь свой природный рост телом и душой (в истории эти два вида возрастания связаны неразрывно) — Русь или Германия? Кажется, что лорд Чатам, по старой привычке, не удостоил бы долгого разговора человека, который этого не понимает.

Конечно, ведение такого дела, даже в отношении к своим ближним, только, не говоря о врагах, все еще нелегко. О славянском мире нельзя покуда сказать определительно, чего он хочет. Мир этот не продолжает своего исторического дела, — как другие, — он начинает его вновь. Проснувшись от четырехвекового летаргического сна, он оглядывается еще кругом — где он и что с ним? Разумеется, первым движением славян, почувствовавших, что могильный камень скатился с их груди, — было подышать воздухом, расправить члены, попользоваться местной самобытностью, каждый на том месте, где он проснулся, не вглядываясь еще в дальние горизонты. За это чувство нельзя ви-

нить их, хотя в нем же покуда — причина их слабости. В наших русских взглядах господствуют такие же младенческие черты, хотя другого свойства, — но об этом после. Однако же и там, и здесь мыслящие люди поняли уже сущность дела; а что сегодня понимают мыслящие люди, то завтра будут понимать все.

Славянский вопрос представляет возможность, хотя очень слабую, еще другого исхода — освобождения и образования Славянского союза помимо России. Дело это чрезмерно трудное, но история развязывает иногда неожиданно гордиевы узлы. Только такой исход оказался бы для нас, русских, еще хуже первого. Рядом с нами встала бы новая, великанская всеславянская Литва XIV в., перенесенная в XIX, с магнитным притяжением для всего, что есть в России не великорусского.

Во всяком случае, славянский вопрос в наши дни уже не историческая теория, а вопрос о самом близком будущем, в самом важном для России деле. В текущий миг русское дело в Европе заключается главнейше не в обладании Черным морем и даже не в Польше, а в том, что станется с чехами и хорватами — устоями, задерживающими покуда западный наплыв, под наш собственный фундамент.

ТРЕТЬЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Безымянная чешская брошюра и ее русские переводчики пугают нас войной со всей Европой из-за славянского вопроса. Но ведь такие же брошюры пугают тем же самым Пруссию из-за вопроса общегерманского; однако же Пруссия, располагающая населением не свыше 30 млн, не боится угрозы и идет к своей цели осторожно, конечно, но непреклонно. Она задумала эту цель, когда у нее было не более 18 млн подданных, а не 80, как в России; задумала ее при таком географическом положении, что самое существование ее зависело от исхода одного большого сражения, между тем как Россия может дать двадцать великих битв, прежде чем возникнет вопрос об ее целости; решилась на действие, зная, что рассеянные птен-

цы, которых она идет собирать, встретят ее не сочувствием, а оружием — наоборот того, что ожидает нас. Пруссия шла наперекор Европе. Она не могла сомневаться, что успех ее замыслов смертельно встревожит Францию, и не могла не помнить, какими глазами взглянул император Николай Павлович на предложение немецкой короны Фридриху Вильгельму IV. И все-таки она решилась. На какие вероятности рассчитывала Пруссия? На одну только, но самую решительную в истории, на ту вероятность, что она шла по течению века и духа народного, а не против него, как приходилось идти Австрии. Для того чтобы закончить дело, Пруссия решится на войну еще раз, может быть, два и три раза, конечно, выбирая подходящее время. При последовательной политике и должной подготовке мнения все зависит от удачно выбранной минуты. Европа не Конфедерация, заступающаяся обязательно за каждого своего члена и всякое государство, за исключением Австрии и отчасти Пруссии, имеет свой интерес, более важный для него, чем образование славянского союза. Пожалуй, можно в каждый миг поднять против себя Европу самым ничтожным действием, но безвременным, предпринятым в такую пору, когда общее положение дел для него неблагоприятно. Так было в 1853 г.; между тем как в 1848 и 1849 гг. можно было совершить чрезвычайно много, не возбуждая против себя западноевропейской коалиции, разумеется при известных приемах. Европа больна перемежающейся лихорадкой, у нее бывают дни, когда она лежит в пароксизме, чему Россия не подвержена. В таких вещах грозное слово «Европа» есть не мысль, а пустейшая фраза, годная только для безымянных брошюр и фельетонов.

Мы подымем против себя европейскую коалицию в таком лишь случае, когда станем делать то, что нам самим же вредно, когда поведем свою политику наизнанку, не с того конца — будем обращать главное внимание на южную задунайскую славянскую группу раньше, чем на северную, от которой все зависит. В этом случае мы будем иметь на руках Францию, стало быть европейскую коалицию, между тем как действительные политические интересы Франции могут и должны быть если

не заодно с нами, то, в известной мере, сочувственны нам. Франция не может никак устроить положение дел Восточной Европы так, чтобы оно было вполне для нее благоприятно; ей приходится выбирать между двумя положениями, из которых одно, хотя нежелательное само по себе, все-таки для нее гораздо удобнее другого, между преобладанием русским или немецким. Спасти Австрию она не может, потому что Австрия умрет не от чужого оружия, а от внутренней болезни, а со смертью Австрии возможен только один из этих двух исходов. Что же лучше для Франции? Немецкое преобладание ляжет на нее всей тяжестью, русское ничем не опасно и не препятствует ни одному из ее положительных интересов. При немецком преобладании славянские страны станут областями враждебной ей колоссальной державы; при русском они будут конфедерацией, устройством, наименее для кого-либо опасным. Завершение немецкого владычества в Восточной Европе будет именно самой трудной минутой для Франции, тогда-то и наступит для нее самое тревожное время; завершение русского устранит последнюю причину какого-либо спора или недоумений между двумя государствами. Что остается затем, собственно восточный вопрос? Но тут дело идет опять о вещи неизбежной, которой западные державы, в конце концов, помешать не могут. Кто бы ни стал на Дунае взамен Австрии, южные славяне будут жить под его тенью. Для всех французских сочувствий к свободе народов, к полякам, к мадьярам формы, под которыми может осуществиться русское преобладание, гораздо желательнее форм преобладания немецкого; первое оставит живым все живое, второе заберет живых для того только, чтобы раскормить их на убой, на обезличение. Французы не англичане и не немцы, готовые жертвовать всем на свете своему Молоху — интересу текущего дня; у французского народа есть сердце, постоянно сказывающееся даже в политике. До сих пор мы были разъединены нравственно с этим великим народом одним препятствием, казавшимся неодолимым — судьбою Польши. Но судьба Польши зависит исключительно от исхода славянского вопроса и ни от чего более. Польша может быть воссоединена

и свободна только как член славянской семьи; вне славянства участь ее уже решена историей — никто и ничто не воскресит ее. Раньше или позже поляки поймут, где искать спасения; устроить этот час зависит от нас самих — правительства и общества. В тот час, когда Франция поймет, что спасение Польши связано неразрывно с торжеством славянской идеи, сердце ее будет с нами. Во всяком случае надобно было бы поступать слишком грубо, чтобы навлечь на себя такую невероятную коалицию, как франко-прусский союз. От Франции нам не нужно ничего, кроме нейтралитета. Если же она захочет принять деятельное участие в великом вопросе, согласное с ее прямыми и совершенно законными интересами, тем лучше будет для нее, для нас и для человечества.

Мы можем рассчитывать также, и на этот раз вне всяких случайностей, на сочувствие Америки. Заатлантический мир чужд дрязгам личного европейского соперничества и потому сочувствует только правде, а правда на нашей стороне. Новая политика Америки есть политика законности, предоставляющая каждой естественной силе развиваться во весь свой рост, в противоположность политике европейской, подчиняющей всякое проявление жизни искусственным условиям своего status quo. Новые понятия о России и о славянском вопросе теперь быстро распространяются в Америке. Затруднительно говорить о наших отношениях к Америке, лежащих еще в возможности, а не в действительности, с такой же откровенностью, как об отношениях, давно уже определившихся, к Старому Свету. Прочность нашей связи с Америкой зависит исключительно от того, с каким чувством, не показным, а сердечным, не на словах, а на деле, Россия отнесется к ней. Разрыв Америки с Англией всегда возможен. В Америке существует громадная партия — весь Юг, а стало быть, и демократы отчасти, которая бьет на войну, как на средство изгладить все воспоминания междоусобия. Америка желает стать в признанное положение великой державы, занять свое место во Всемирном конгрессе, на что она имеет достаточно права и силы; Россия может ввести ее туда за руку и упрочить ее голос за себя и за правду.

Об этом предмете пришлось бы сказать много, если бы было удобно говорить о нем прямо. Несомненно одно: поступая в смысле естественного сердечного влечения, которое всегда есть лучшее, мы можем иметь с собой искреннее сочувствие американского народа — деятельное или страдательное, это покажет время; но во всяком случае американское сочувствие значит много на весах судьбы.

Затем, что же остается и кто наши враги, — та Европа, которой нас пугают? При политике неравной, несознательной, действующей внезапными скачками, как в 1853 г., мы можем иметь против себя Европу из-за ничего. При политике, гораздо более обширной, вполне национальной, но последовательной, верно выбирающей время для действия, против нас станут — прямо или косвенно — Англия, скованная по рукам и ногам грозным американским соперничеством, и немецкое племя с его союзниками — турками и мадьярами; иметь или не иметь против себя поляков зависит совершенно от нас самих.

У нас может быть прочный мир с немецким племенем только после разрешения славянского вопроса в его законном смысле. При таком условии полнейшее объединение немецкого племени совершенно справедливо и так же безопасно для нас, как наше для него. Но, вероятно, не найдется на свете мечтателя, который в самом деле поверил бы, что подобное размежевание может совершиться полюбовно. Раньше или позже России неизбежно придется схватиться с немецким племенем и его подручниками, не для того, чтобы нарушать законные его права, но чтобы оградить свои собственные. Для такой задачи, со своими естественными союзниками, Россия достаточно могущественна или, по крайней мере, может быть достаточно могущественна; конечно, при том непременном условии, чтобы связь с этими союзниками была закреплена еще во время мира и чтобы наше политическое направление было твердо, последовательно и всегда сообразовано с текущей минутой. В конце концов надобно еще повторить, хотя бы в десятый раз: существенная, хотя, по моему убеждению, вовсе не труднейшая часть задачи славянского вопроса заключается в поляках. Без

сочувственной Польши славянский мир не двинется, и если бы даже двинулся случайно, то не пойдет далеко.

Воссоздание славянского мира значит ли всемирное преобладание? Конечно, нет; но первенство в Старом Свете — да! О преобладании не может быть никакой речи в то время, когда государства собираются и складываются по взаимным сочувствиям народов. Смутное состояние Европы в международных вопросах происходит теперь исключительно из-за неопределенного положения спорной восточной полосы, начинающейся Польшей и кончающейся Турцией. Все чувствуют, что от этой полосы веет неизбежной грозой, неизбежной потому, что в таких исторических вопросах даже уговор правительств есть только минутная остановка. Пока судьба спорной полосы не порешится, в Европе не будет ни прочного мира, ни разоружения, хотя бы многие десятки лет труд народный и развитие знаний будут идти не на улучшение человеческой участи, а на застрахование себя от чаемой бури. С решением вопроса кончатся все главные недоразумения, не останется следов никакому существенному несогласию между Западной и Восточной Европой. Какой же смысл может иметь при этом слово — преобладание? Первенство же, то есть первенствующая сила, никому не опасная, когда нет причины к раздору, окажется непременно в чьих-нибудь руках, как только славянский вопрос будет порешен, дело в том лишь, какие это будут руки — русские или немецкие. В первом случае — вопрос кончен навсегда, и ясная погода воротится; во втором — он затянется навеки, с ежеминутной опасностью новой грозы.

Первенство между народами решается теперь не на поле битвы, а географическим их положением. Сто лет тому назад на свете не было другого живого человечества, кроме европейского — оно первенствовало, и первый в Европе был первым в свете. С тех пор по окраинам Европы — в Америке и в России — выросли два новых живых человечества, не замкнутые в тесной перегородке, как европейские нации, но разливающиеся без препятствий по необозримым горизонтам, растущие без меры во все стороны, насколько станет у них естествен-

ного роста. Разумеется, первенство должно оказаться в конце, за двумя новыми ростками, ничем не стесняемыми, в ущерб старой Европе, запертой в своей клетке. Несомненно, придет время, когда знаменитые теперь европейские народы очутятся, сравнительно с восточными и западными соседями, в положении великой когда-то Голландии, гремевшей когда-то Швеции и мудрой, в былое время, Венеции. Тут действует сила вещей, которой не остановить союзом Англии с Францией, ни союзом Австрии с турецким султаном.

ЧЕТВЕРТОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Что мы выиграем нравственно с восстановлением славянского мира? Мы выиграем то, что будем знать, кто мы и куда идем. До сих пор мы одни между всеми народами земли, имеющими будущность, не знали этого ясно. У нашего образованного сословия действительно потеряна почва под ногами. Я знаю, как трудно говорить об этом предмете, — это то же самое, что обсуждать с юношей по приметам его характера, чем он будет в сорок лет. Многие уже писали об этом предмете. Г. Данилевский поместил недавно в «Заре» замечательное сочинение, «Россия и Европа», выделявшееся как бриллиант из груды ежегодно истребляемой у нас бумаги, и которого, кажется, никто не знает. Очень серьезные вещи у нас еще не в ходу. Я же не только не намерен писать целого сочинения, но хочу непременно закончить эту статью в следующем столбце. Но мне все-таки приходится сказать несколько заключительных слов, иначе статья останется без конца, в котором вся сила, потому что конец именно должен уяснить, хоть вкратце, самое коренное недоразумение: из чего нам хлопотать?

Недавно еще, в первый год польского восстания, русское общество, плод и результат полуторастолетнего воспитательного периода нашей истории, представляло в своих понятиях безысходный и беспримерный на свете хаос. Не было такой простой идеи, которая являлась бы нам просто, с настоящим

своим образом, как в остальном свете. Человек, его существенные стремления, Россия, религия, отношение детей к семейству, польский заговор и приличие в отношениях между людьми, — все это представлялось большинству под влиянием модной пропаганды, как через дурное стекло, в образах, не похожих ни на какую действительность. Если бы пришлось рассуждать тогда с этим новым Положением, русским обществом 1863 г., соглашавшимся видеть верблюда в каждом облаке, рассуждение продлилось бы до конца света и не привело бы ни к чему. Но вдруг польское восстание обдало наше общество как ушатом холодной воды, — раздался крик: «Наших бьют! православные церкви позорят!» И люди, бывшие за минуту космополитами, материалистами, революционерами, людьми будущей геологической эпохи, заревели в один голос: «Неправда, бей их! мы русские, мы православные, мы верноподданные». Затем русское общество, истощенное этими двумя противоположными порывами, опять погрузилось в спячку, которой покуда конца не видать.

Что это за фантастическое явление и что оно значит? По моему рассуждению, тут дело очень простое. Это — общество, встающее со школьной скамьи, безличное, как всякий школьник и всякая юность, не жившая еще на своей воле, хотя с задатками личности, очень серьезной в будущем. Полтораста лет школы для целого народа — то же самое, что десять лет для отдельного лица и последствия ее те же; а вспомним, чем мы были все, вставая со школьной скамьи. Для нас существовали только теории, понятия же о действительности вещей — никакого. Нам казалось нипочем созвать народный конвент в Китае, убедить пламенной речью скрягу пожертвовать тысячу рублей для бедной вдовы и сочинить новую религию. Чем более какая-нибудь теория была рогата и замысловата, тем более мы прилеплялись к ней и верили в ее значение. Но в то же время у нас было хорошее сердце, и при первом естественном движении наши любимые теории так же мало стесняли нас, как вчерашние сны. Вот современное состояние русского общества, — не Россия, однако же, которая вынесла из своей тысячелетней

истории столько же личной закваски, как и всякий другой развивающийся народ, но только закваска эта лежит еще покуда на дне — не в одной народной массе, как говорили бывшие славянофилы, — но в каждом из нас, покрытая слоем общих теорий, украшающих память и почти не влияющих на волю.

Разница между школьником-человеком и школьником-народом та, что старый школьник никуда не годится, между тем как народ всегда юн и после 8 веков самой трудной истории может еще с успехом сесть на скамью; но последствия школы в первое время отзываются совершенно одинаково на человеке и на народе.

Мы бываем русскими, когда действуем под влиянием какого-нибудь возбуждения, не справляясь с уроком, и становимся опять учениками, заговариваем некстати об общечеловеческих началах, когда хотим блеснуть перед собой. Знание и личный взгляд не слились еще в нас в одно целое, как всегда бывает на другой день после выпускного экзамена.

Между тем мы уже отбыли экзамен. Воспитательный период русской истории, начатый Петром Великим, кончен Александром II. Прошлое отрезано, как ножом. Правительство перестало быть учителем, и народ перестал быть учеником, полуторастолетние воспитательные отношения между нами заменяются теперь естественными отношениями правительства к возмужалому народу. После разных периодов нашей истории — удельного, монгольского, московского и воспитательного — мы начинаем теперь пятый период — русский. Нас уже никто не будет учить, мы должны отвыкнуть от школьных приемов и жить самостоятельно народной личностью.

Какою?

Один журналист уверял меня как-то, что мы должны быть личностью общечеловеческой. Я и рад бы: да как же сделать, чтобы у меня было лицо общечеловеческое, а не какое-нибудь определенное? Даже американский народ, образовавшийся на наших глазах из смеси всех североевропейских пород, начинает выделяться в очень резкую народную личность, и по мере того, как зреет эта личность, зреет и американское государство,

бывшее еще недавно не более как освободившейся английской колонией. Как же мы устроимся на общечеловеческих началах? Кажется, природная сила, производящая, без нашего ведома, какую-нибудь действительность и умозаключение о ней — две вещи разные; одно — факт, другое — отвлеченная идея.

Эти разговоры об общечеловеческих началах, которыми занимаются только у нас, составляют вторую, очень яркую метку недавно покинутой скамьи. Каждый из нас, прежде чем выделял свой личный взгляд, смотрел на все глазами профессора. Общечеловеческие начала (то есть арийско-христианские, потому что мусульманско-семитические и туранско-шаманские совсем иное дело) существуют у всех европейцев, как общая форма черепа, ведут к заключению только в философии и не мешают никакому народу иметь свой собственный тип и жить по своему идеалу. Но даже в виде философского заключения в этих общечеловеческих началах существует резкий оттенок между нами и Западной Европой. Для людей, определивших свои понятия об истории общества и истории религии, основная закваска православно-славянская (это можно сказать потому, что православие исповедуется $^4/_5$ славянства) и закваска католическая романо-германская совсем не одно и то же.

Покуда люди не научатся складывать историю по произволу, в чем они еще очень мало преуспели, история будет плодом, как растение, известного семени, упавшего в известную почву. Так выросла старая Россия. Она была совершенно зрелой народной личностью, малоученой, но умнейшей, как иной волостной голова, и твердо знавшей, что ей нужно. В нашем государственном сознании (не лично-человеческом, конечно) мы только тем и живем, что уцелело от старой Руси. В нынешнее царствование, давшее возможность ожить всему, что у нас сохранилось живого, мы стали гораздо ближе к старорусским взглядам, во внешней и внутренней политике, чем были двадцать лет тому назад. А как смотрела на вещи старая Русь? В ней было невозможно многое, совершившееся в последние полтораста лет и теперь снова понемногу кончающееся, ни польский, ни остзейский вопросы, в их настоящем виде, ни Священный союз, жерт-

вовавший всеми русскими интересами, ни решение самых насущных экономических вопросов в теоретическом смысле, ни множество других вещей, которых нечего здесь пересчитывать; даже ни одна война не начиналась тогда без ясной цели и не кончалась случайно, хотя правительство было всесильно, как и теперь. Происходило же это оттого, что общество, как оно ни отставало в других отношениях, понимало себя, было твердой, сознательной народной личностью. Если бы тогдашняя Россия стояла в нынешнем географическом положении, то славянский вопрос не встретил бы в ней ни минуты колебания; общий голос отвечал бы: «тут решается наше собственное дело»! Надо вспомнить, как Иван Грозный или Алексей Михайлович относились не к Литве, а к католической Польше, бывшей в то время единственным, доступным нам углом славянского мира. Тогдашняя Русь твердо знала, кто она; немудрено, что она так же ясно сознавала своих ближних и своих врагов, никогда в этом не ошибаясь. Воспитательный период, давший русскому обществу, без сомнения, очень много, тем не менее сбил его с толку, разрознил, приучил искать неподходящих образцов, отвел глаза от своего прямого дела, — это, кажется, истина общеизвестная. Мы вышли из школы, естественно, школьниками, но на беду в то самое время, когда решается, по-видимому, окончательный поворот русской истории, когда нам необходимо, более чем когда-нибудь, знать твердо, кто мы и куда идем? Чутье русского общества в этом отношении верно; но оно должно еще, кроме того, определиться сознательно.

Личность не сочиняется, она — природа, она только уясняется в собственном сознании и развивается в той мере, насколько сознается. Наша русская личность есть личность славянская, понимающая и применяющая государство, религию и взаимные отношения людей иначе, во многом, чем это понимается и применяется на Западе. Но мы сильно перепутали в последний период свое с чужим и до сих пор еще не совсем переварили свой общечеловеческий урок, склонности у нас свои, примеры чужие. Нам будет трудно и долго входить в настоящую колею, пока мы останемся глаз на глаз с собой, не

воротимся в родную семью, не оживим старых воспоминаний, не проверим себя на однокачественных, близко к нам подходящих, но разнообразных примерах. Европейские книги останутся при нас, — это достояние человека; но для полноты жизни народной нужно другое разнообразие оттенков, создавшее западную цивилизацию и которого у нас нет: мы один вид своего рода, вокруг нас слишком много пустоты. Мы не должны оставаться в таком отчужденном положении, когда представляется возможность из него выйти. Все мы в массе получили теоретическое образование, можно сказать, за границей; теперь нужно применить его к родной почве, а такой урок могут дать только свои, старожилы этой почвы.

Первая современная потребность для нас — перешагнуть скорее за рубеж, отделяющий в жизни даровитого ученика от самостоятельного человека. Это возможно только для определившейся личности; а мы можем быть лишь той личностью, какой нас Бог создал, — славянской по роду и русской по виду; к этому надобно еще прибавить — грамотным народом по званию. Третье условие трудно достижимо без двух первых. Чужеземное влияние воспитательного периода разбило русских людей на две группы — на европейцев и неевропейцев. Что бы ни говорили, мы, русские европейцы, смотрим на остальных русских почти теми же глазами, как остзейские немцы на своих латышей; последствием выходит, что мы обращаем просвещение в сословную монополию, и в России, вместо нескольких миллионов сознательных людей — в чем вся сила — оказывается едва ли несколько тысяч. Под влиянием впечатлений чужеземной школы мы надолго еще останемся чуждыми своему народу. Эта грань сотрется, и свет откроется русскому народу тогда лишь, когда все мы, европейские и неевропейские люди, станем сами собой, славяно-русскими людьми.

Нам нужно славянство не для того только, чтобы устоять в европейской борьбе, но для того, чтобы с его помощью самим стать опять славянами. Иначе — что же значит вся наша история и наша пятивековая борьба с Польшей? В смутном, но настойчивом народном сознании дело шло не о том, конечно,

чтобы виленские текущие дела решались непременно в Москве, а не в Варшаве; спор шел не о расширении круга действий русских приказов и канцелярий. Народ наш, тогда еще не разорванный по сословиям, чувствовал живо, что целой половине его жилось не по сердцу, не по русским началам. Но ведь Польша была Европой, единственным славянским народом, совершенно отдавшимся Европе; и теперь она остается Европой несравненно больше, чем мы. Она поступала с русским народом буквально так же, как Австрия и Пруссия поступают с другими славянскими народами, и делала это во имя того, что она — Европа. Поляки могут цивилизовать на европейский лад подчиненные им племена гораздо успешнее, чем мы. Если Россия должна быть подражанием Европе, то последняя совершенно права в своем приговоре о разделе Польши. В таком случае наша победа есть не что иное, как победа грубой силы над цивилизацией, притеснительной, правда, но не в большей степени, чем была вся западная цивилизация. Поляки никогда не превосходили в этом отношении англичан, по закону которых, со времен Кромвеля, каждый ирландец, родившийся от католического брака, считался незаконнорожденным. Мы заняли просвещение с Запада, так же как поляки. Если мы внесли его к себе в том же смысле, как они, то наше первенство случайно и беззаконно, оно принадлежит по праву им; мы стоим к полякам в таком же отношении, как ученики младшего класса к ученикам старшего. Одно из двух: или правы Духинский и Анри-Мартэн[73] с братией, или мы внесли к себе европейскую науку не для того, чтобы стать подражанием Европы, но чтобы применить положительное знание к своим особенным началам. В последнем случае наше призвание действительно, и наша победа над Польшей, перебежчицей из славянства к Западу, разумна и законна. Что такое вся наша история? Сложить вопреки всяким препятствиям государство, обнимающее шестую часть света; пролить в ежечасной борьбе потоки крови, своей и чужой, каких не проливал никакой народ со времен римлян; держать под своей властью многочисленные чуждые народы, и в том числе одно великое славянское племя; быть на-

деждой многих других народов и пугалом света: пожертвовать всем — и народом, и лицом — созданию государства, то есть того именно, чего до сих пор недоставало славянству, и все для того, чтобы стать под конец плохим списком с Европы, заменить ее прямое цивилизующее действие на обширные страны слабым его отражением? Так могут смотреть на вещи английские журналисты, но история не создаст таких безобразий. Она строит будущее на прошедшем, этаж на этаже все выше и выше, подымая человека к небу. Но в таком случае — что же мы? Середины тут нет; или мы — славянство, с его будущим, или мы — Туран, незаконное вторжение прошлого. Если же мы не Туран, то на каком умственном уровне надобно стоять, чтобы спрашивать: «Что нам за дело до славянства?»

Подобные вопросы возможны у нас, однако же, со стороны людей даже умных и достаточно образованных вследствие низкого состояния *общественного* образования. Я слышал сотни раз: славяне осуждены на бессилие своим характером; мог ли бы европейский, а не славянский народ переносить — 200 лет монгольское иго и 400 лет турецкое? Может ли быть, чтобы имеющий будущность народ не выработал себе в течение веков правильных учреждений? и т. д., без конца. Конечно, тут только полнейшее непонимание истории. То же самое могли сказать римляне о германцах, потоптанных гуннами и остававшихся тысячелетия в варварстве — и ошиблись бы. Одно дерево дает плод раньше, другое позже, в этом состоит преемство пород в истории, то есть сама история. Но в таких заключениях наши умные люди не виноваты — и это самое худое, потому что тут виноват уровень общего развития. Нельзя требовать от каждого человека, чтоб он сам додумывался до понимания истории. Для этого существует общественное просвещение, распространяющее между людьми *дознанные заключения* о всем том, что они не успели передумать лично. В количестве таких стереотипных заключений и состоит уровень народного образования. У нас до этого еще не дошло, и не дойдет, пока мы будем учиться с чужих слов чему попало. Но чтобы у нас могла выработаться образовательная система,

лично к нам примененная, прежде всего нужно решить — кто мы? Россия доросла до той поры, что без ясного ответа на этот вопрос мы не можем ступить шага ни в каком направлении.

Славянство или Туран — другого выхода нет.

Без сомнения, всякое великое историческое движение оправдывается только конечным влиянием своим на пользу человечества и просвещения. Воссоздание славянского мира оказалось бы бесплодным, если бы мир этот твердил зады и не выработал новых путей в человеческом развитии. Говорить вперед о такой задаче было бы бессмыслицей. Но для нее существуют все необходимые данные — последняя арийская, то есть прогрессивная порода, выступающая на сцену света; особая религиозная основа, исключительно чистая, просвещавшая до сих пор личную совесть людей, но в общественном отношении лежавшая как бы под спудом и свой новый театр действий, такой старый, что он кажется новым для истории — весь восток Старого Света. Когда астрономия обнаруживает в какой-нибудь планете три условия: достаточно плотную массу, чтоб быть твердым телом, атмосферу и жидкость в виде облаков и полярного снега, мы вправе утверждать a priori, что на этой планете есть или будет жизнь.

Заключение вытекает само собой. Если Россия нравственно может быть чем-нибудь только с условием, чтобы она была славянской, и если политический устой наш зависит от того, чтоб внерусские славяне удержали за собой свою личность и свое место на земле, то современная русская задача состоит в том, чтоб спасти славянство. В настоящую минуту можно сказать утвердительно, не задаваясь даже дальнейшим будущим: наша собственная участь зависит от того, что станется с чехами, хорватами, поляками и русскими галичанами в текущие годы.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ (ЧЕМ НАМ БЫТЬ?)

Ряд статей под этим заглавием вначале появился в «Русском мире». При первом издании их отдельной книгой в 1874 г. автор предпослал им следующее краткое предисловие: «Издавая книгой статьи, напечатанные в «Русском мире» под заглавием «Чем нам быть?», я дал им, для удобства читателей, иное разделение — на главы, соединяя статьи однородного содержания. Вместе с тем изложение дополнено и развито с большой определенностью для избежания недоразумений, возникших в обществе при чтении спешно написанных газетных статей. Тем не менее я должен просить читателей помнить, что представляемая им книга — собственно не книга, от которой можно было бы требовать систематической полноты предмета, а ряд исправленных журнальных статей, соединенных в одно целое только по форме.

I

НАШЕ СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Любопытно поставить перед нашим обществом следующий вопрос: существует ли для ныне живущих русских людей из бесчисленного ряда задач, предлагаемых настоящему поколению общественной жизнью, такая задача, которая могла бы

быть решена и установлена на деле вне спора несомненным большинством голосов, о которой можно было бы сказать, что в этом отношении в России существует твердое мнение? Представим себе сон: нам снится, что все *частные* русские люди, семьдесят девять с половиной миллионов из восьмидесяти, перенесены мгновенно на другую планету и им приходится устраивать свой общественный быт без помощи готовой правительственной склейки, которой у нас все держится; этим частным людям надобно сложиться в общество и государство одной силой своей исторической закваски и современных убеждений. Может ли даже присниться, чтобы, при такой крайности, в нынешнем русском обществе нашлось достаточное большинство, правильнее сказать — достаточная нравственная сила, для твердого и скорого установления не только соответствующих форм, — мы об них уже не говорим, — но даже самых коренных основ? Слово *большинство* необходимо заменить в этом случае словом *нравственная сила,* потому что в нынешнем состоянии света не все еще люди одинаково люди; под развитыми общественными слоями лежат слои, представляющие почти допотопный человеческий быт, которые даже в случайных проявлениях своей силы движутся не собственными замыслами, а руководятся вожаками из исторически созревших верхушек, — все равно, на парижских ли баррикадах, предводительствуемых живописцами без заказов и журнальными сотрудниками без работы, на французском ли и немецком всенародном голосовании, выжимаемом из страны давлением высших слоев, или в решениях русских гласных от крестьян на земских собраниях. Явление возмутившихся сицилийских рабов, избравших своим начальником римского гражданина, представляет и будет представлять еще на неизмеримое время в будущем явление неизбежное. Мы можем поэтому ограничиться в нашем рассуждении одним обществом. Хотя русская народная масса и не оставалась бездейственной в решительные часы нашей государственной жизни, как, например, в 1612 г. (в чем заключается одно из великих наших преимуществ), но ее сочувствие имело лишь то значение, что доставляло пере-

вес одной из партий, возникавших в исторически воспитанном общественном слое, — иначе и быть не могло.

Но существует ли в современном русском обществе какое-либо мнение с таким большинством, или, говоря иначе, существует ли такая группа единомысленных людей, которая в предполагаемом нами сне могла бы обратить свою волю в обязательный закон, без чего новой планете пришлось бы быть свидетельницей сумятицы и даже полного разложения, еще невиданных на нашем свете? Вопрос этот сводится на следующий: оказываются ли в обновленном русском обществе хотя бы только завязки самостоятельной и сознательной народной жизни, без которой мы можем быть расой, можем быть государством, но не можем стать живой, развивающейся нацией, идущей вперед по *своему* пути? Ходить же постоянно по чужим путям — значит лишиться в историческом смысле права на самостоятельное бытие, обратиться в обезличенную толпу, в материал, и подвергнуться опасности, раньше или позже, очутиться под рукой тех, у кого есть *свой* путь. Несомненно, что всякий из больших европейских народов, поставленный в положение, о котором мы говорим, не находился бы долго в затруднении: он воссоздался бы по своему историческому складу. У англичан не возобновилось бы, вероятно, одно пэрство, но управление осталось бы на новой планете в нынешних же привычных руках. Между французами не обошлось бы без резни, так как у них лишь резней устанавливается законность всякого нового правительства; но одна из *готовых* партий очень скоро захватила бы власть и снова опеленала бы народ административной паутиной; французам опять пришлось бы платонически увлекаться пристрастием к той или другой форме верховной власти, оставаясь под той же самой ежечасной и мелочной опекой чиновников, назначаемых всяким их правительством почти из тех же людей. Нечего и говорить об американцах: почва новой планеты никак не показалась бы им в политическом отношении мудренее почвы Нового Света. То же сравнение, приблизительно, можно распространить и на немцев, и на итальянцев. Но что делали бы в

таком положении мы, русские? Одна сторона вопроса, вероятно, решилась бы скоро. Судя по понятиям всей массы нашего народа, признающего законной властью одну только царскую власть, без всякого ее определения, мы должны были бы снова прибегнуть к самодержавию, хотя подобное восстановление не обошлось бы без большой смуты: наш народ верит не столько в отвлеченный принцип, как в освященный род. Но вопрос этим не кончается. Самодержавие все же есть только принцип, как народовластие в республике, принцип, способный облекаться в самые разнообразные формы в приложении к делу, в управлении государством и областями, как достаточно доказано нашей собственной историей. Но какой монарх может взяться за устройство управления, не зная, в чем состоят условия и потребности данного народа? А кто же, какое мнение, какая группа единомышленников — могли бы указать у нас, при воссоздании общественного порядка, наши потребности, — указать таким образом, чтобы голос их покрыл тысячи других голосов, настоящую кошачью музыку, которая поднялась бы по этому поводу? Можно сказать с достаточною вероятностью лишь одно: большинство русских голосов не захотело бы возобновления бюрократического управления посредством столоначальников, вне необходимых размеров. Но чем заменить столоначальников? Кто сказал бы это на новой планете с таким авторитетом, чтобы в нем можно было узнать голос страны, по крайней мере голос нравственной силы, первенствующий в стране, что одно и то же? Можно думать, однако же, что, даже не переезжая на другую планету, мы находимся и на этой земле в положении довольно близком к вышеописанному, за одним исключением — за исключением прочности верховной власти, без которой все у нас рассыпалось бы прахом.

Конечно, существование твердой власти есть спасительный факт, обеспечивающий наше настоящее и близкое будущее в государственном смысле; но само по себе оно не предрешает форм общественного устройства, соответствующих нашему складу, росту и потребностям. Правительство состоит не из волшебников, которые могли бы знать то, чего не знает

сам народ; у нас же не существует покуда никакого связного мнения (возможного только при связности людей), в котором выражалось бы хотя приблизительно направление большинства русского общества.

Двадцать лет тому назад нельзя было предложить подобного вопроса, не только по стеснению слова, но потому, что он не имел бы смысла. Во-первых, некоторое сосредоточение мнения и органы для его выражения тогда существовали, хотя в очень одностороннем и бездейственном виде. Во-вторых, — и это главное — подобный вопрос не мог тогда возбудиться, так как в нем не настояло надобности. Пока продолжался воспитательный период нашей истории, открытый Петром Великим и законченный нынешним царствованием, верховная власть относилась у нас к народу, вместе взятому, не только как власть, но как наставник: и сама она, и русское общество, после страдательного противодействия первых годов, признали особую просветительную миссию сверху, не постоянную, а временную, отрицавшую по своей сущности самостоятельность суждения и гражданской деятельности у просвещаемых. Известное дело, что от ученика требуют только прилежания и послушания, а не мнения. Прожитый нами полуторавековой воспитательный период был запечатлен исключительным, чисто искусственным и подражательным характером, резко отличающим его и от предшествующего, и надо думать, от наступившего уже времени, от минувших и от грядущих веков самодельного народного развития. Настоящее царствование[1] упразднило этот воспитательный период, вызвав общество к гражданской деятельности, и открыло новую эпоху русской истории, можно надеяться — эпоху зрелости, в отношении к которой все предшествующие были только приуготовительными. Мы выдержали выпускной экзамен, так, впрочем, как его обыкновенно выдерживают на Руси, благодаря снисхождению экзаменаторов, более чем собственным знаниям; тем не менее мы теперь уже должны стоять на своих ногах и жить своим умом. Вопрос об определенности и твердости общественного мнения и о связности сословных пластов и групп, способных

взращать и выражать его, становится из праздного, каким он был еще недавно, неотложным. Покуда же мы, русские, встающие со школьной скамьи воспитательного века своей истории, связываемся между собой не какой-либо общностью мнения, свойственной всякой сложившейся нации, а лишь некоторым единством народного чувства; это чувство есть не что иное, как отголосок, постепенно выдыхающийся от времени, однородности и сосредоточения национальных взглядов, когда-то у нас существовавших. Потому мы покуда только государство, а не общество. Очевидно, крепость государственного сложения обеспечивает нам переходный срок, в течение которого мы можем срастись в общество; но тем не менее срок этот, едва ли растяжимый произвольно, должен окончательно решить, что нам предстоит впереди: быть ли живым народом или политическим сбором бессвязных единиц. На дне вопроса, поставленного таким образом, лежит ключ нашего будущего.

В современной России видно во всем отсутствие сложившихся мнений и общественных органов, способных установить взгляды большинства и выражать их с достаточным весом. Одно связано с другим неразрывно: разброд мнений всегда доказывает, между прочим, разброд людей. Ниже мы постараемся исследовать причины такого необычайного явления — тысячелетнего исторического общества с неустоявшимися понятиями; покуда же можно удовольствоваться признанием самого факта: путаница наших понятий бросается в глаза. Мы все знаем, что русский народ чрезвычайно даровит, что умных людей у нас едва ли не больше, чем где-нибудь. Достаточно проехать несколько сот верст по нашим и по заграничным железным дорогам, разговаривая со случайными соседями, чтобы неотразимо прийти к двум заключениям: первое — что в суждении большинства русских людей гораздо более меткости и независимости; второе — что в самых обыденных предметах, к которым европеец подходит совершенно развязно, как к своему дому, зная все входы и выходы, русскому приходится как будто открывать Америку; вы видите, что наш земляк подступает к предмету как бы в первый раз, и притом в одиночку, не

чувствуя за собой никакой опоры сложившегося мнения. Даже в противоположных взглядах двух европейцев на какой-либо предмет заметно, что суждения их исходят из одного общего основания и расходятся только в личных заключениях; но даже в согласии двух русских чувствуется, что мнения их вытекают из различных точек зрения и сходятся только в практическом выводе. Под нашими взглядами нет общей подкладки, выработанной совокупной жизнью. Оттого средний русский человек из фрачных слоев или крайне нерешителен в своих заключениях, не доверяет себе, или же дерзок до безобразия, до бессмыслия. И нерешительность, и дерзость происходят из одного источника — из того, что он должен до всего добираться сам, что он не знает, что и кто за него, что и кто против него; он рассуждает в одиночку. И наша робость, и наша смелость не сознательны. Оттого русские люди, даже вполне зрелые и нравственно сильные, которые принесли бы честь всякой стране, мало полезны обществу. Как иметь влияние на общество, когда оно не представляет ни сборных мнений, ни общих интересов, ни сложившихся групп, на которые можно было бы действовать; влиять же на людей поодиночке значило бы черпать море ложкой. Недостаток гражданской доблести, вялость в исполнении своих обязанностей и равнодушие к общему делу, в которых мы постоянно себя упрекаем, происходят, в сущности, от бессвязности между людьми. Немудрено быть гражданином там, где человек видит перед собою возможность осуществить всякое хорошее намерение; но нужна непомерная, чрезвычайно редкая энергия, чтобы тратить силы при малой надежде на успех. Это чувство одиночества, действующее очень долго, повлияло, конечно, и на склад русского человека, сделало его относительно равнодушным к общественному делу, лишило веры в себя, вытравило из нас отчасти то, что называется индивидуализмом. Невозможно вылечиться от равнодушия, пока продолжается обстановка, его создавшая.

В русской литературе то же самое, что в русской жизни. И здесь нет недостатка в умных и ученых книгах или журнальных статьях, заносимых в периодические издания из самого

общества; но под зрелыми русскими книгами так же точно не оказывается почвы, как и под зрелыми русскими людьми: они мало входят в народное сознание, между ними и общим уровнем остается пустой промежуток. В других странах никакое личное выражение сильной мысли не пропадает даром: оно подхватывается и разносится в обществе периодической печатью, оно, можно сказать, разменивается ею на мелочь для всеобщего употребления. У нас же между серьезными трудами со стороны, которые печатают случайно газеты или журналы, и собственными их передовыми статьями или обозрениями не оказывается никакой связи; в печати, как и в жизни, зрелые люди остаются одинокими, мыслят про себя, а печать (даже издания, служащие им органом, за весьма малым исключением) продолжает угощать публику той же уличной философией и политикой. Даже в деле рецензии и ознакомления общества с замечательными отечественными произведениями, составляющих прямое дело периодической печати, всякий труд, перерастающий общий уровень, всякое произведение мысли сколько-нибудь сильной — остаются чужды русской критике; разве случайно вздумается умному и ученому адвокату написать разбор нового сочинения по социологии, или «неизвестному» представить очерк так называемых «запрещенных духовных книг». Без таких случайностей, довольно редких, одиночные верхушки русской мысли оказываются не под силу нашей критике, даже не затрагиваются ею. Удивительно разве то, что многие люди все-таки добираются до этих произведений собственным чутьем, без всякого указания, что репутация наших деятелей и писателей в обществе держится совершенно независимо от ее огласки печатью; этот факт более всего остального доказывает великие нравственные силы, скрытые в недрах русского общества, несмотря на слабость внешних его проявлений. В начале шестидесятых годов наша периодическая печать оказывала несомненное влияние на общество, но в итоге влияние пустозвонное и нехорошее, и утратила его по своей вине[2]. Теперь она не руководит решительно ничем, остается совершенно бесплодной для развития мнения

русских людей, тех по крайней мере, у которых выросла уже борода. Особенно должно сказать это о нашей печати газетной, наиболее привлекающей читателей среднего уровня; она исключительно живет фельетоном, обращенным в потеху для публики, принявшем все свойства старинного помещичьего увеселения с шутами и скоморохами. Наши нигилистские журналы издаются для гимназистов; так называемые серьезные газеты, во всем, что они говорят от своего имени, — ровно ни для кого: читатели ищут в них шуток, телеграмм, известий из областей, городской хроники, иногда останавливаются на случайном слове кого-нибудь из читателей же, решившегося высказаться — и только.

Явление само по себе совершенно понятное. В нашей периодической печати не выражается, кроме редких исключений, никаких *сборных* мнений, у нее нет союза со *сборными* интересами, так как страна почти не обнаруживает их; за печатью не стоит никто, она не внушается никакой живой действительностью, она решает все на свете с точки зрения каких-то *общечеловечных принципов,* заменяющих недостаток положительного дела; одним словом, она выражает собой только самое себя, понятия своих сотрудников. Кому же они могут быть любопытны? Нельзя сказать притом, чтобы в наших журнальных редакциях не было даровитых людей: они есть; но у этих людей нет дела, они проникнуты тем же характером, находятся в тех же условиях, как наши даровитые собеседники на железных дорогах. Едва можно назвать две или три редакции, стоящие выше этой среды; но и они точно так же вращаются в пустоте. Свыше, очевидно, относятся к влиянию такой печати гораздо серьезнее, чем относится к ней само общество — лучший судья в этом вопросе.

Тем не менее дело идет о предмете первой важности. Современное состояние дважды обновленного русского общества, во всяком проявлении его, до какого ни коснись — до жизни высших и низших слоев, до земского управления, до церковного причта, до школы светской и духовной, до печати, до войска, до семейного быта, — доказывает совершенный

разброд людей и понятий, ничем между собой не связанных. Этой беде не поможет ни классическое, ни реальное образование, когда вокруг юношей, выходящих из школы, общественная жизнь рассыпается на первобытные атомы. Никуда не годится объяснять наше внутреннее бессилие (можно сказать даже — оскудение, потому что в известном отношении мы спустились ниже, чем стояли недавно) одной молодостью тысячелетней России: нечего ждать естественного наступления возмужалости. При нынешнем ходе дела эта возмужалость никогда ни придет сама собой. С каждым годом мы будем скорее рассыпаться, чем складываться, а в настоящем положении света, сросшись с Европой так тесно, как мы с ней срослись, нам некогда уже подрастать потихоньку. Глиняный горшок не спутник железному.

Прежде чем искать выхода из нашей бессвязности, надобно хорошенько в ней оглядеться. Не только в русской общественной жизни нет ни средоточия общего, ни средоточий местных, его нет так же точно и в русской мысли. Справа налево, во всем туманном облаке расплывающихся русских мнений, из которых ни одно не очерчено ясно, от бывших славянофилов до крайних нигилистов, не приметно до сих пор ни одной точки, в которой можно было бы предполагать будущий центр тяготения нашей национальной мысли, направление будущего большинства. Этой точки нельзя даже подозревать, потому что у нас обрисовались сколько-нибудь лишь крайние, совершенно несогласимые мнения; а в промежутке между ними, где обыкновенно помещается центр, тянется умственная пустота, в которой вращается вихрь осколков — даже не мыслей, а осколков фраз и слов, надерганных наудачу из обеих оконечностей, больше, впрочем, с левой, чем с правой; выводы последней, и то без ясного понятия об их источнике, стали только недавно входить в общее сознание. Этот вихрь самородных осколков недавно зародившейся русской мысли перемешан вдобавок с роем других мысленных осколков, внесенных гуртом в наши понятия только что прожитым подражательным периодом русской истории. Наше образованное общество воспитывалось на

иностранной жизни, то есть на иностранных литературах, и огулом почерпало из них не столько мысли, как названия с подведенными под них заключениями, а потом, не задумываясь, применяло эти названия и заключения к своему домашнему быту, к явлениям русской жизни, имеющим совсем иное содержание. Эта переноска названий и готовых выводов на неподходящие к ним предметы спутала наши понятия до хаоса. Мы не заметили в начале своего подражательного века, что явления нашей общественной и государственной жизни, окрещиваемые иностранными именами, подразумевают совсем не то, что слова эти означают на Западе: что русская верховная власть стоит на совсем других основаниях, чем феодальная европейская монархия; что русское дворянство не имеет ничего общего с дворянством западным ни по происхождению, ни по отношению к народу и представляет совсем иную функцию общественной жизни; что применение к нам европейских понятий о среднем сословии составляет бессмыслицу, потому что в России всего только два пласта людей — пласт, созревший исторически, постоянно подновляемый притоком новых сил снизу, и пласт стихийный — простой народ; что православное духовенство, как общественный орган, не может быть ни с какой стороны приравнено к клиру католическому или церковному наставничеству протестантскому; что православная церковь, охраняющая свое единство в чисто духовном смысле, составляет учреждение не политическое, чем обусловливается внутреннее направление нашей истории, кроме случайных, совершенно личных отклонений, а потому у нас невозможно мерить отношения церкви к государству заграничным аршином; что в России нет черни, волнующей с некоторого времени Западную Европу, а есть только оседлый народ, не разрывающий связи с родной деревней, даже при долголетнем жительстве на стороне; что завистливые отношения низших *народных* слоев к высшим, образованным, решительно у нас не существуют, вследствие чего первые не требуют себе никакого трибунства, никакого ограждения от последних; что наш народ привык управляться миром только в хозяйственном отношении — делить общин-

ную землю и подати, а полицейское самоуправление на швейцарский лад ему неведомо, — и так далее без конца.

Можно было бы выследить во всем объеме образованной русской жизни фальшь, происходящую из занесенных к нам чужих названий и выводимых из них неподходящих заключений. Проглядев в первом жару образовательного увлечения это коренное различие между вновь заучиваемыми словами и своей родной действительностью, мы сбили себя с толку на полтора, может быть, на два столетия. Мы уподобились все львенкам басни, отданным на воспитание орлу и воспылавшим, по возвращении домой, рвением обучать зверей искусству вить гнезда. Отсюда все промахи нашего воспитательного периода сверху и снизу вплоть до новейшего нигилизма, прямого и неизбежного его последствия, а вместе с тем самого неподходящего и бессмысленнейшего из русских подражаний. Из общества, вместе с людьми, эта привычная подстановка чуждых названий и выводов под русскую действительность перешла и в официальные круги — кто же наполнял эти круги, как не те же люди образованного русского слоя? — и отразилась на бесконечном ряде правительственных мер прошлого времени; в последний раз она отозвалась, и отозвалась сильно, на громадных преобразованиях шестидесятых годов. В обществе это полуторавековое qui pro quo[3] действует до сих пор тем заметнее, чем личный взгляд человека ближе подходит к левой стороне русских направлений, то есть чем меньше самостоятельности в его мысли. Какой-нибудь журнал пишет статью о народном образовании в России: он считает просвещенным делом выговорить, по западному образцу, ограждение образования от клерикализма, даже не подозревая того, что, беспокоясь о нашем клерикализме, он говорит французским языком уездной барышни, которая называет содержателя постоялого двора — по-народному, дворника — le portier; а щи — la soupe au choux.

Одно с другим — переплетение крайних взглядов, выросших на русской почве, с хаосом неподходящих, чуждых нашей жизни выводов и заключений — не могли не сбиться в настоящую кашу в русской голове средней силы. При некото-

рой связности общественной жизни этот хаос пришел бы сам собой в порядок, по крайней мере распределился бы по группам; значение господствующих направлений можно было сосчитать, если не взвесить; мы знали бы приблизительно, в чем у нас сила и куда мы идем. Но при нынешнем положении дела, при полной бессвязности людей, умственный хаос обращается в наш хронический недуг. Нельзя не заметить, однако ж, что механическая смесь противоположных или, что еще хуже, несоизмеримых взглядов может уживаться только в частной жизни нетребовательных личностей, для которых мнения составляют нечто вроде умственного упражнения на досуге; но с ней не уживается стройная общественная жизнь, требующая прежде всего известного соответствия начал и целей в людях, действующих сообща.

Единственная серьезная работа русской мысли над самой собой дана нам группой, наименее у нас популярной, бывшими славянофилами — не в их теории и не в их практических заключениях, но в анализе, совершенном ими над русскими понятиями конца воспитательного периода, в изобличении вопиющей фальши чуждых названий и подведенных к ним готовых заключений чужеземной жизни в отношении к русской действительности, в точном определении нашего рода и вида между нациями, в общественном и духовном смысле. Без этого труда, не вполне еще вошедшего в общественное сознание, но тем не менее проникающего его понемногу со всех сторон, мы находились бы до сих пор в смутном положении образованного русского слоя двадцатых годов, стремившегося всей душой, чистосердечно, к перенесению на нашу почву французских порядков и французских политических заключений, — в положении русских барынь, обращаемых де Местром[4] в ультрамонтанство[5], — в понятиях того времени, когда Белинский видел в турецком паше и австрийском жандарме просветительное начало для славян. О школе славянофилов можно говорить уже в прошлом; она отжила свое время и высказала все, что имела сказать. Теория ее создала принцип слишком цельный, чтобы он мог примениться к условному общественному быту; в прак-

тических заключениях она не принесла плода. Поставивши ясно вопрос, независимые и либеральные умы, работавшие в этом направлении, не умели свести его на жизненную почву; такая задача оказалась не под силу их времени. Они пришли на деле почти к тем же заключениям, как позднейшие либералы с чужих слов: искали спасения в сокровищах стихийной мудрости русского простонародья. С общего голоса всех направлений опыт был предпринят. Оказалось, как и должно было оказаться, что стихийные народные сокровища (действительные, как доказывается русской историей) уподобляются минеральным сокровищам горы Благодати: лежат под спудом и без пользы, покуда образованные инженеры не станут извлекать их по частям и отливать в определенную форму.

Нечего говорить о не существующей пока средине русских мнений о том, что называется на Западе правым и левым центрами, всегда составляющими большинство: она высказывается по временам лишь в добрых отношениях к некоторым практическим предметам, выражает преимущественно личное настроение и не выработала себе никаких общих начал. Да как и выработать? Мы вынуждены перешагнуть прямо к вавилонскому смешению языков, названному недавно левой стороной русских мнений.

Наши левые мнения прозвали себя либеральными. Это прилагательное удержалось за ними в разговорном языке не как суждение общества, но как кличка. Что значит в их смысле слово либерализм, — можно видеть из следующего сравнения.

Славянофилы, ныне уже отжившие, были не только либералами, но либералами-утопистами, насколько русские люди могли стать ими, не отрываясь совершенно от почвы. Они так глубоко верили в сокровенную духовную мощь русского народа, что считали возможным осуществление самых широких идеалов жизни почти без всяких обеспечений со стороны власти и закона, на началах одного полюбовного соглашения: они верили в народную правду, то есть в разумное сельское самоуправление с общиной и круговой порукой; верили в самое широкое самоуправление областное и государственное (зем-

ские соборы, как совещательное собрание); верили в полную свободу слова, служащего само себе противовесом; верили в безызъятную свободу совести и духовную вселенскую Церковь, стоящую исключительно на единодушии верующих, вне всякой охраны со стороны государства; они признавали суд присяжных (справедливо или нет — все равно) за коренное славянское учреждение; ограничивали в своей теории действие администрации одной внешней, фактической стороной жизни; были противниками всяких предупредительных стеснений; свято (хотя, конечно, не слепо) чтили науку, — и так далее. Если такие мнения — не самый полный, почти радикальный, даже увлекающийся либерализм, по крайней мере в применении к современному общественному состоянию России, — то что же он такое? Недаром Герцен называл славянофилов своими братьями по свободомыслию. Против них можно было спорить во многом, даже почти во всем, вследствие слишком теоретической постановки, которую они давали своим положениям; можно было опровергать их приемы; можно было доказать им, что такого свободного общества, о каком они мечтали, еще не существовало на свете, — но никак нельзя было не признавать их самыми свободомыслящими людьми. Между тем наши так называемые либералы всегда считали и именовали группу славянофилов консервативной, *нелиберальной.* Так выражались даже почтенные, совсем не нигилистские, сохраняющие благопристойность органы левого направления; подонки же этой стороны литературы, настоящие нигилистские листки, величали мнения славянофилов «понятиями московской просвирни». Теперь спрашивается: если стремление к широчайшему самоуправлению, к свободе слова и совести, к независимой неполитической церкви, к народному суду, к вольной науке и т. д. составляют в нынешнем положении нашего Отечества партию консервативную, то в чем же заключаются гражданские стремления нашей партии прогрессивной?

Читатель ждет ужасов. Можно думать, что идеал людей, для которых все вышесказанные стремления составляют не более как чистый консерватизм, должен бить, по крайней мере,

на какой-нибудь социальный переворот! Нет, ничего подобного наши либералы не имеют в виду. В конце пятидесятых годов у нас действительно развилось было, под давлением долгого застоя, заграничной пропаганды и тяжелого впечатления крымской неудачи, направление поголовно отрицательное, сильно проникнутое бреднями социализма и космополитизма — наш знаменитый нигилизм; но он никогда не был сознательным убеждением чьим бы то ни было, кроме нескольких недокроенных природой личностей, — он был только модой, на которую всегда податливы люди, не чувствующие под собой почвы. Первое соприкосновение русского общества с действительностью в виде польского восстания снесло его как утренний туман. Остатки нигилизма укрылись в литературных подпольях, откуда они продолжают действовать понемногу на разных юношей, так что нынешние русские нигилисты составляют не какую-либо группу людей, связанную общими убеждениями, а только известный возраст. Как Афины под управлением геронтократии (аристократии старцев), Россия поделилась на партию людей брадатых и партию безбородых; стало быть, нынешний нигилизм, в сущности, составляет довольно невинную забаву. С тем вместе вершины, даже средний уровень либеральной печати и публики почти совершенно очистились, по крайней мере в политическом отношении, от нигилистских начал, то есть от фантазии отрицания всего исторического подлунного мира, хотя множество отдельных поверий той полосы времени удержались еще, как лужи после наводнения. Но хотя в настоящее время наши грамотные либералы уже не нигилисты, тем не менее они признают за собой стремление к таким возвышенным целям, в сравнении с которыми утопические цели славянофилов не что иное, как консерватизм. Мы полагали бы, что на свете не существует покуда политического идеала, который мог бы относиться к полной свободе самоуправления, слова, церкви и проч., как процесс к застою; американцы такого идеала не знают: честь изобретения его принадлежит русской левой стороне. Но в чем же состоит, наконец, этот недостижимый для других народов идеал? Увы, это можно ска-

зать в двух словах. Он состоит *ни в чем,* все содержание его не превышает нескольких десятков либеральных общих мест, занесенных к нам красноречием европейских политических партий. Для наших либералов важны слова и названия, а не дело.

Перенесение в наш домашний быт названий и заключений, выработанных чужой жизнью, о котором мы говорили, усложнилось еще особым, временным характером — теоретическим крайне либеральным оттенком в самом неопределенном значении этого слова. Европейские понятия стали проникать в русское общество только в последние годы Екатерины, одновременно со взрывом революции; до тех пор мы заимствовали военно-технические знания, шитые камзолы и менуэт; еще Рюльер говорил о нас: «une nation barbare armee de tous les arts de la guerre»[6]. В ту пору именно вся Европа увлекалась царством разума и правами человека; понятно, что это увлечение, в теории, не осталось чуждым и русскому образованному обществу. Но с тех пор между Европой и нами легла следующая разница: Европа выстрадала последствия своих увлечений и научилась жестоким опытом отличать слова от дела; по крайней мере культурные слои ее научились этому искусству. Мы же заимствовали из ее пира только цветки без ягодок и позволяем себе роскошно упиваться их ароматом, не разбирая между целебными и ядовитыми. При таком золотом настроении владычество пышных слов хотя и не умно, но понятно. Слова эти, несмотря на свою обветшалость, стали у нас для многих такими же кумирами, такими же метафизическими существами, по выражению Огюста Конта, какими были они для французов 1788 г. — в меньшей степени, конечно, так как там кумиры были самородные, у нас же они заносные.

В этих метафизических либеральных словах заключается вся сущность нашей левой стороны, всех изданий и мнений, выросших первоначально на смутной почве конца пятидесятых годов, несмотря на видимые усилия многих из них высвободиться из-под таких воспоминаний. Кумиропоклонение перед словами выказывается на этой стороне всякий раз без исключения, как только подымается у нас какой-нибудь

общественный вопрос. Достаточно указать на выдержку несколько известных примеров. Каждый такой пример, как каждое отдельное существо в природе, представляет собою целый микрокосм, в котором отражается все общественное состояние со своими оттенками.

Вот случай с госпожой Энкен. Приговор мирового суда, учрежденного для разбора дел по обычаю страны, противоречил не только русскому обычаю, но обычаю всех стран в свете; он был бы несообразным даже в демократической Америке. Если б такие приговоры вошли в привычку, если б русский человек не мог прогнать во всякое время слугу, ругающего его в глаза, — существование культурных слоев стало бы у нас невозможным; от министра до последнего технолога всем людям образованных слоев пришлось бы бросить умственный труд и заняться черной работой, мести свою комнату и чистить сапоги по невозможности держать прислугу. Ни мировые судьи, изрекшие знаменитый приговор, ни защитники их в печати не потерпели бы у себя, в своем личном деле ничего подобного. И те, и другие знали отлично, знали несомненно, что этот приговор выражает произвольную ложь в общественных отношениях; что ни в одной стране, имеющей привычку к самоуправлению, он не был бы допущен; что распространение подобных взглядов мирового суда имело бы последствием переворот всех общественных отношений, нечто вроде социальной революции — чего не хочет ни правительство, ни общество, чего в действительности не хотят даже эти судьи и их литературные защитники. Всякому известно, что общие начала или принципы, на которых подобный приговор мог бы основаться, годятся разве для самого плохого нигилистского листка. Никакой европеец не поймет возможности защитить московский приговор; значительная же часть нашей так называемой либеральной печати защищала его. Если защищала, стало быть, надеялась на одобрение многих читателей, из которых ни один, наверное, не поступил бы в подобном случае снисходительнее г-жи Энкен, а большинство поступило бы гораздо суровее. Что же означает подобное явление, если не

ребяческое кумиропоклонение пред общими местами либерализма, не имеющими никакого значения в жизни. Общее либеральное место в данном случае — это три заветные слова: святость суда, выборное начало и равенство перед законом. Но святы лишь вера и отечество, отец и мать; суд вовсе не свят сам по себе: он есть общественная потребность и годится в данном ему устройстве только до тех пор, пока удовлетворяет этой потребности, а не противоречит ей; выборное начало есть средство, а не цель, — средство, не соответствующее многим отправлениям общественной жизни; равенство имеет значение между гражданами, которых сам же закон ставит в равное положение, а не между солдатом и офицером, не между наемным слугой и его господином, не говоря уже о том, что всякий выгонит из дому не только низшее, но и равное, но и высшее себя лицо, если оно начнет делать дерзости. Либеральные защитники московского приговора знают это так же хорошо, как мы; их практические действия совершенно сходны с нашими, но на бумаге они — рабы известных слов фетишей, они отрекаются пред ними от своего личного суждения.

Возьмем другой случай. Речь идет о присяжных, просящих милостыни между заседаниями и крадущих друг у друга полушубки на скамье суда. Сказать мимоходом, мы вовсе не против присяжных из крестьян, — они оказываются лучше столичных, — но всему есть мера. Левая, то есть либеральная, печать восстает на защиту существующего порядка на том основании, что закон есть дело вековое и священное; что в Англии даже сомнительные законы испытываются целыми столетиями, прежде чем решаются их изменить. Защитники прошения милостыни присяжными, по крайней мере некоторые из них, хорошо знают, что в Англии святые законы складывались вековым обычаем и мнением, прежде чем устанавливались обязательно; они также знают, что наши недавние учреждения по самой новизне своей и теоретичности составляют как бы пробу, требующую дальнейшего указания опыта, что в их подробностях такой-то параграф выработан вчерне таким-то начальником отделения, которого мы хорошо знаем в домашнем

быту, не признавая за ним никакой святости. Они все это знают; но тут замешано слово: «присяжные от крестьян», и они уже не могут судить своим умом, они — рабы либерального слова, для оправдания которого подыскивают совершенно неподходящий пример Англии.

Идет речь о всесословной волости, неотложном вопросе текущего времени. Наша либеральная печать, так же как и прочие ее оттенки, признает эту необходимость; но она соглашается на нее только под условием, чтобы в новой волости помещики сравнялись с мужиками, а все должности оплачивались, то есть демократизировались, хотя главная потребность этого учреждения состоит именно в том, чтобы высвободить русский народ из-под мужичьего управления, становящегося для него нестерпимым. Тщетно г. Марков и столько других, стоящих в прямом прикосновении с народом, высказывают несомненную истину, что у нас между крестьянством и господами нет розни, что наши крестьяне в своего брата не верят, что они полагаются больше на правду господ, а господином считают не какого-либо забредшего на их сторону студента, а своего местного, коренного помещика; что извращение законом естественных, вросших в нравы отношений может не устроить, а только еще более расстроить общество, и без того почти рассыпающееся. Что за дело нашим присяжным либералам, хорошо или худо будет русским крестьянам, хорошо или худо пойдут дела в уездах? Они их и не увидят. Принцип равенства на бумаге, — вот что важно. Не менять же тона петербургской редакции из-за местных дел какого-нибудь далекого уезда.

Вот вопрос о пьянстве, возросшем до крайних пределов и составляющем язву нынешней России. Различие во взглядах на средства к пресечению зла очень понятно; но какое же различие могло бы обнаружиться, кажется, в суждении о *необходимости* каких-либо мер для этой цели. Известно, что чем общество образованнее, тем более оно заботится о народной нравственности, чем либерал искреннее, тем он ближе принимает к сердцу народное благосостояние, в корне подсекаемое пьянством. Тут-то именно, на почве питейного вопроса, следо-

вало ожидать единодушия всех либеральных органов печати. Да, но только не русских. Для русской либеральной печати существуют одни отвлеченные права человека, а не потребности действительного лица. Во имя этих прав большинство ее ополчилось за свободу пьянства против мер к его пресечению.

Довольно примеров. Пусть укажут нам единый случай, единый общественный вопрос, в котором наша так именуемая либеральная сторона сохранила бы практическую самостоятельность суждения и не оказалась бы крепостью лелеемых ею модных (в кругу ее публики) слов. Она сохраняет целиком старинную мифологию метафизических существ, либеральных отвлеченностей, избираемых, разумеется, по собственному вкусу, и поклоняется ей по-язычески. Немудрено, что пред ее идеалом даже славянофилы оказываются тугими консерваторами; идеал ее — не какая-либо действительность, а либерально-аллегорический Олимп. Какая быль может поравняться со сказочной аллегорией?

Эта мифология имела на первых порах сильное влияние на русское общество, потрясенное в своих обычных верованиях разочарованием, последовавшим временно за крымской войной, но тут было главнейше влияние новизны, разлетевшееся само собой. Привычная робость перед громкими словами удержалась у нас в некоторой степени и до сих пор; она должна удержаться, покуда сложившаяся общественная жизнь не распределит их по достоинству, не даст сомнительным из них достаточный, видный для всех отпор. Но громадное большинство, не решающееся покуда, по своей бессвязности, восстать явно против навязываемых ему призраков, уже не верит им, — в этом может убедиться всякий, выезжающий за петербургскую заставу. Понятно, что при таком настроении большинства наша метафизическая либеральная печать утратила всякое значение; но понятно также, что в головах этого общественного большинства, из которых еще прежде бессодержательный либерализм, ныне испаряющийся сам собой, вытеснил большую часть отеческих заветов, остались только пустота и равнодушие ко всему.

Легко выразить в двух словах сущность мнений нынешней левой стороны, откидывая, конечно, ее крайнюю оконечность: если б их можно было выпаривать в котле, общие места улетучились бы и на дне осталось бы: некоторое количество добрых намерений, немало личных дарований, очень много спекуляции и смутная, ныне почти уже бессознательная закваска, сохранившаяся от разлива нигилизма пятидесятых годов.

Эту закваску, сохранившуюся и до сих пор в довольно чистом виде, хотя в микроскопических размерах, стоит разобрать особо. Как общественная группа, она ничтожна, ограничиваясь преимущественно несовершеннолетними; как признак общественного состояния, она имеет свое значение. Надобно принять в соображение и ее, чтобы окончательно оглядеться в тумане современных русских мнений.

II

ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РУССКИЕ ЕЕ ПОЧИТАТЕЛИ

Как известно, в настоящее время наша крайняя левая сторона очень похожа своей постановкой на учебное заведение: взрослые числятся в ней только в должностях учителей и наставников, слушатели — все дети.

Лет двенадцать тому назад было иначе: тогда русские уши разных возрастов увлекались новыми словами. Но проповедь нигилизма, вне литературных кружков, никогда не шла далее ушей, и соблазн ее не простирался далее «новых слов». Первый опыт доказал это с несомненной убедительностью. Ныне живущее поколение хорошо помнит время польского восстания, когда при встрече на почтовых станциях (железных дорог тогда еще было мало) приписные русские нигилисты обменивались словами: «А ведь Герцен, которого мы считали таким патриотом, оказался изменником! кто бы этого мог ожидать?»

Со времени этого великого опыта русские нигилисты и ненигилисты распределились по возрасту. Говорят, что у нас существует один крайне либеральный журнал, постоянно твердящий о молодом поколении, из которого сотрудники, достигающие 21 года — возраста гражданского совершеннолетия, — исключаются поголовно по подозрению в консерватизме. Этот журнал, очевидно, умнее, чем думают. Стало быть, в политическом отношении можно смотреть равнодушно на остатки русского нигилизма, так как ничто, даже новый всемирный потоп, не может изменить того закона, по которому двадцатилетние люди находятся под властью сорокалетних. Но в других отношениях это не совсем так. Нам, поколению отцов, не все равно, что происходит с нашими детьми до двадцати одного года, когда, по мнению умного нигилистского журнала, у них впервые является склонность к консерватизму: этого срока весьма достаточно, чтобы сгубить себя. Кроме того, им приходится наверстывать от двадцати до тридцати лет время, которое они тратят на бредни от десяти до двадцати; таким образом, Россия никогда не догонит своих соседей, оставаясь навечно десятью годами моложе их. Наконец, эта чересчур распространенная юношеская шалость оказывается дурным признаком в нравственном состоянии отцов: как им складывать общественный быт своих зрелых сограждан, когда они не могут сладить с собственными детьми? Вследствие этих соображений, несмотря на ничтожность остатков русского нигилизма как общественной группы, стоит рассмотреть это явление пристальнее.

Полного выражения мнений нашей крайней левой надобно искать в русской заграничной печати. В начале шестидесятых годов она и дома высказывалась достаточно откровенно и писала между строк то же самое, что наши беглые печатали въявь в Лондоне и Женеве; но то время прошло. С окончанием поветрия и моды на этот род речи наш свойский, домашний нигилизм не мог бы договариваться до конца, если б ему была даже предоставлена полная свобода слова. В глаза людям нельзя говорить басен, легко сходящих за глаза. Довольно мудрено уверить в приятности фаланстерии (коммунистской казармы)

соседа, с которым не можешь ужиться на одной квартире; убедить хозяина, от которого кабак сманивает рабочих, нанимаемых за высокую плату, в усердии этих же самых рабочих, трудящихся бесплатно, из соревнования, для пользы общины; доказать невменяемость преступления крестьянам, гибнущим от конокрадства; проповедовать федеративно-социальную республику уездным земствам, которые до сих пор не могут справиться с местными мостами. Но за границей, в кружке десятка русских, затерянных в многолюдном Лондоне, или в обществе русских цюрихских барышень высокие мысли зреют беспрепятственно. Оттого русская заграничная печать отличается драгоценной откровенностью; в ней, как в волшебном зеркале, отражается не только лицевая сторона, но даже изнанка наших передовых мнений.

Собрав все, что писали наши эмигранты, вышло бы несколько сот томов; но — замечательное дело — во всей этой библиотеке нет единого слова проповеди, сочиненного от себя, за исключением, конечно, личных воспоминаний и перебранки: до последней мысли все заимствовано из иностранных источников, переведено или кое-как передано своими словами. За нашими независимыми мыслителями оказывается только способность переписывать. Единственная довольно крупная личность, являвшаяся между ними, был Герцен, обладавший дарованием исключительно литературным, лучше даже сказать — фельетонным, без тени какой-либо обобщенной мысли или политического чутья; в библиотеке было бы смешно поставить сочинения этого талантливого писателя в иной отдел, кроме беллетристики. Созданная им заграничная русская печать процвела на короткое время, а затем, как известно, забрела в польский лагерь и пала по недостатку читателей, наделав много шума, но не высказав ни одной мысли, которая пригодилась бы для какого-нибудь дела.

Кажется, урок был достаточный. Российские *крайние* могли бы понять, что им несравненно выгоднее писать под цензурой, ничего не договаривая до конца: такой прием — самый удобный для людей, которым нечего сказать, кроме об-

щих мест, вычитанных в чужих книжках. Но самолюбие всегда растет вместе с несостоятельностью. И вот, в 1873 г. снова появилось в Цюрихе русское красное издание под заглавием «Вперед». Издание это может служить не только отличным мерилом внутреннего содержания осадков бывшего нигилизма последних русских революционеров (правильнее сказать — русских читателей иностранных революционных книг, так как своего у них нет ни йоты), но вместе с тем и признаком умственного состояния многих наших людей, по природе не совсем бездарных. Будет не лишним познакомить общество — в виде отдельной вставки — с этим новым цветком забытого было нигилизма, выросшим хотя не на русской почве, но, несомненно, из русских семян.

Мы считаем себя обязанными высказать по этому поводу полнейшее несогласие с главным управлением по делам печати: такие книги следует не запрещать, а напротив, перепечатывать на казенный счет и рассылать в виде подарка во все уезды; они могли бы служить отличным предохранительным маяком для русских людей, так легко переходящих, смотря по полосе времени, от самодурства в жизни к самодурству в мысли. Очевидно, наши цюрихские обновители человечества ошиблись в расчете времени: им колол глаза временный успех Герцена, но они забыли, в чем состояла суть этого успеха; мы же это хорошо помним. Было действительно время, когда русские люди, самые враждебные по образу мыслей и складу всей жизни бессвязной революционной проповеди Герцена, трепетали каким-то смутно-радостным чувством, видя в печати, в первый раз после признания Рюрика с братьями, совершенно свободное русское слово. Но это время прошло: нас теперь уже не удивишь никакой нецензурной выходкой; наши уши достаточно вянут от своей домашней печати, чтобы мы стали гоняться за заграничной болтовней. Без какого-нибудь достоинства мысли или слога, самая дерзкая речь не имеет уже для нас цены, а потому спекуляция наших цюрихских соотечественников едва ли им удастся.

Между тем они были бы достойны лучшей участи. Это — самые наивные души, самые глубоко верующие люди, каких

мы когда-нибудь знали. Они не верят только в Бога, государство, народность, собственность и полицию, но зато верят во все остальное, — верят простодушно, горячо — во всякий бессмысленный вздор, вычитанный в какой-нибудь социалистской книжке; верят в добровольное смешение национальностей (например, французов и немцев); в безмятежный мир нескольких тысяч самостоятельных общин, на которые они желают поделить Европу и Америку; в разумное устройство, которое сочинит себе простой народ, выбившись из-под опеки культурных слоев; в прочное сохранение свободы городской чернью, минутно захватившей власть, в обширное владение всеми имуществами, основанное на бескорыстном соревновании каждого в труде; в правильную регламентацию всемирного промышленного производства посредством международных съездов. Мало всего этого: они верят даже в успех своей проповеди и в тот исход ее, что им же, нашим цюрихским проповедникам, предстоит управлять судьбами обновленного человечества, по крайней мере его русским отделом; на этот конец они пишут даже инструкции друг другу и бранятся между собой по поводу приемов управления. Но следует рассказать содержание этой любопытной книги подробнее.

Издание — аноним; в нем нет собственных имен. Как редактор не подписался, то литературное приличие не позволяет нам его называть. Ясно одно: этот человек, больной загнанным внутрь самолюбием, проклял своих соотечественников, не умевших оценить его достоинств, и возымел намерение перевернуть вверх дном современную Россию посредством издания в Цюрихе непериодического обозрения «Вперед». Сотрудники обозрения, очевидно, принадлежат к русской безбородой партии; это видно из того, что в сообщениях из России лица, места, события перепутаны именно таким образом, как обыкновенно происходит в политических разговорах между гимназистами. Отдел этот совсем ребяческий; да и во всем первом томе стоит прочтения только одна статья о рабочем движении в Германии, написанная недурно, хотя, разумеется, с социалистской точки зрения. Не лишен интереса отчасти и

отчет об интернационале, довольно забавный, конечно, против желания автора; он повествует, как интернационалы, отложив покуда ниспровержение всемирного порядка, схватились за волоса между собою, что, очевидно, гораздо удобнее. Обе эти статьи — домашняя история почтенного союза всемирных беглецов. Но вот философия и политика.

Как читатель, вероятно, догадывается, цюрихские нигилисты пишут Бог чрез маленькое «б»; это известно уж из «Рабагаса» Сарду[7]. Они говорят: «религиозный элемент нам безусловно враждебен». Объявив себя таким образом против всемирной власти в природе, они переходят, в частности, к ниспровержению сил и порядков планеты Земли, то есть государства, народности, собственности, суда и образованных классов. Они объявляют следующую программу: сначала освободить простой русский народ из-под всяких общественных форм, а потом предоставить ему решить, чего он хочет — нисколько не заботясь притом (такая беспечность!) о затруднении бедного русского народа, которому придется разом, с утра до вечера, покончить с этим запутанным вопросом. Они хотят того же самого в целом свете и называют эту операцию вступлением во власть четвертого сословия, то есть, собственно, фабричных рабочих. Но как невежественная толпа не может же вовсе остаться без руководителей, то они великодушно предлагают ей в руководители себя — не насильно конечно: о нет, не такие они люди, чтобы стали насиловать народ, — а по добровольному соглашению. По этому случаю между ними даже происходит спор в переписке, озаглавленной «Революция и знание»: одни утверждают, что истинным народным предводителям не нужно ничего знать — чем безграмотнее, тем лучше; другие опровергают их во имя *науки*. Мы думаем, однако ж, что окончательно возьмут верх сторонники безграмотности: на их стороне громадное большинство между нашими нигилистами. Но, грамотные и неграмотные, все имеют одну цель: покроить мир, устраняя обветшалое деление национальное, на несколько тысяч самостоятельных коммунистских общин, которые затем станут жить в трогательном мире и согласии. В этих

общинах не будет суда: несостоятельность этого учреждения доказана в статье «Фикции судебной правды»; к этой статье приложены еще рассуждения о драконовских действиях русских военно-окружных судов и о бесчеловечной дисциплине нашей нынешней армии (вот, кто бы подумал!). В обозрении есть также статья — размышления о замечательном 1773 г., в течение которого совпало объявление американской независимости с появлением русской пугачевщины. Из статьи читатель узнает, что первое событие, то есть отделение Соединенных Штатов Америки от Англии, оказалось событием бесплодным, а в пугачевщине, напротив, заключается залог будущего обновления человечества. Хотя наши проповедники и прикидываются космополитами, но все же их русскому сердцу приятно такое превосходство отечественной истории над европейской. Только в конце обозрения почтенная редакция как будто задумывается над вопросом: похоже ли положение русского крестьянства на положение западного городского пролетариата? Можно ли устраивать их по одному коммунистскому плану? Но, к счастью, она находит разрешение и этого затруднения: нельзя отделить судьбу русского народа от судьбы всего света. Не нужно говорить, что цюрихские обновители обращают свою речь почти исключительно к молодежи: это слово «молодежь» повторяется на их страницах несколько сот раз; они верят только ей одной.

Надо полагать, что, достигнув величия, они последуют примеру упомянутого нами нигилистского журнала и станут увольнять в отставку из государственных должностей всех, кому стукнул 21 год, возраст консерватизма. В заключение цюрихская компания объявляет свое снисхождение в *последний раз* русским писателям, идущим в разрез с ней, а затем уже не станет их щадить. Неизвестно только, когда разразится ее беспощадность: тогда ли, когда она поделит Россию на полторы тысячи независимых социалистских государств, или немедленно, посредством своего журнала? Но для того, чтобы преследовать кого-нибудь словом, надобно прежде всего уметь порядочно писать по-русски, что не под силу ни одному из этих господ.

Читатели не ждут, конечно, чтобы мы завели серьезную речь с цюрихскими революционерами; но есть возражения, которые даже им могут быть удобопонятны. Мы обойдем их «безусловно-враждебное отношение к религиозному элементу». Громадному большинству людей совершенно ясно определение, данное Катрфажем человеку как отдельному классу природы по его коренным признакам — «существа нравственно-религиозного». Без этого внутреннего содержания лица на свете не было бы ни истории, ни общества; но есть исключительные натуры, обрывающиеся на известном звене понятий, бессильные идти дальше. Уверяют, что собака, у которой пять щенят, видимо, горюет, когда похитят одного из них, но не замечает пропажи шестого щенка: у нее счет кончается пятью; число *шесть* недоступно ее пониманию — ну, недоступно и только, такова отпущенная ей мера. Можно заметить также, что хотя не все социалисты поголовно, то по крайней мере все главные социалистские школы свили себе гнездо на атеизме по необходимости: нельзя сочинять произвольный, небывалый мир и небывалое человечество, когда над ними стоит всевластное Провидение, давшее им известный образ и неизвестные нам цели; без революции против этого высшего самодержавия дело не пойдет: или бунтуй, или клади шпагу. Но в политических соображениях такие революционеры не могут прикрываться даже такой отговоркой. Что они делают, когда уверенным тоном предсказывают царство четвертого сословия, то есть фабричных рабочих, не в силу постепенного их развития, не вследствие надежды, что они дорастут когда-нибудь до полного политического сознания, а потому, что возьмут его грубой силой? Будто в самом деле наши социалисты не знают, что третье сословие захватило власть в 1789 г. потому, что умственно давно сравнялось с дворянством; что царствующая, непоколебимая в истории сила — есть разум и просвещение, а не число; что выписываемая ими из социалистских книжонок механическая теория развития человечества годится только для людей, не достигших 21 года. Сами же они признают, что народная толпа не может оставаться без образо-

ванных руководителей, и великодушно предлагают ей в руководители — себя, так что сущность поднимаемого ими вопроса заключается собственно в том, чтобы нынешние правители государств заменились сотрудниками цюрихского журнала «Вперед» с братией. Наивность этих людей объясняется только келейным заключением их в среде себе подобных. А что они делают, когда с важностью объявляют: «Много ли нас, мало ли нас, сосчитаете во время настоящей борьбы»: какую няньку хотят они пугать числом своих несовершеннолетних приверженцев? Кто же не знает, что первое слово их проповеди, обращенное к русскому простолюдину, было бы для него вместе и оскорблением самых заветных его чувств, и ничтожнейшей болтовней ребятишек, которых он превосходит во сто раз пониманием настоящего дела. А какие чувства выказывают они, когда смеются (то есть стараются смеяться, насколько умеют) над каждым, принимающим к сердцу благо живых и действительных русских людей, заботящихся об улучшении народного быта школами, больницами, примером правильного хозяйства и прочее, — что они советуют бросить, как вредные меры, затрудняющие революцию, вместо того чтобы ей содействовать? К чему они пишут весь этот вздор? Ведь не все же сотрудники цюрихского журнала в самом деле дети; между ними найдется порядочное число взрослых нигилистов, которых покойный Герцен, довольно изучивши их на практике, называл «старинными русскими подьячими, вывороченными наизнанку». Эти вывороченные взрослые имеют только одно извинение — то, что их революционное обозрение есть не что иное, как попытка книжной спекуляции на пропитание.

Мы сказали выше, что вводим речь о наших заграничных нигилистах лишь в виде вставки, как любопытный образчик русского шатания. Дело не в них, а в состоянии общества, дающем место подобному явлению — исковерканному подражанию чужой песне, хотя бы в микроскопическом размере, — тем более что все мы хорошо помним время, когда размеры этого явления были вовсе не микроскопические. За границей революция и социализм, баррикадные вожаки и теоретики припи-

сали себя к рабочему движению, хотя в сущности не имеют с ним ничего общего. Но за границей рабочее движение, само по себе независимое от выросших на нем ядовитых паразитов, имеет корни в истории и некоторый смысл в современной жизни. За ним пока нет никакого смысла у нас. Можно, стало быть, поставить вопрос: отчего же некоторые русские люди, а недавно еще довольно большое число людей бросались и бросаются в эту безобразную, совершенно чуждую нашей жизни крайность? Решение этого вопроса заключает также одну из разгадок нашего современного общественного состояния.

Говорят, что рыбы кидаются исключительно на красные вещи, потому что в воде не довольно светло и более нежные цвета тускнеют в общем отсвете. Этим способом ловят тупоумных акул. Мы думаем, что та же самая причина влечет иных русских людей совершенно бесцельно к красным европейским партиям. В нашем обществе не довольно светло, совокупной жизни нет, люди разбились из естественных групп на единицы, взгляды их не сложены. Только опыт учит людей ценить промежуточные практические оттенки; не руководимые таким опытом, ни своим личным, ни сборным, русские акулы с их невинными рыбками спутниками (всегда сопровождающими акул) кидаются не разобравши на все яркое.

Нигилизм, как всякий понимает, был у нас неизбежным явлением и должен был проявиться с первым проблеском свободы слова; он начал протискиваться даже сквозь цензуру в конце прошлого царствования. Прожив полтора столетия исключительно подражательной умственной жизнью, примерив на себе (в воображении, конечно, а не наделе) все европейские идеалы, русское общество не могло подойти к такому крупному современному явлению, как революционное отрицание, без того чтобы за ним не потянулся целый хвост сторонников. Можно сказать что каждый из этих чужеземных идеалов был как невод, ловивший в русском море рыб одного рода, смотря по тому, на какой глубине черпал. В сеть нигилизма попались первоначально все рыбки, плавающие на поверхности, никогда не заглядывающие вглубь; но гнилая сеть не выдержала и

лопнула. Теперь мода на это направление прошла, остались последние могиканы и недоросли, хотя все еще в изрядном количестве. В русском нигилизме оказалось своего — только карикатурное преувеличение, удивлявшее даже иностранных отрицателей, а потому в нем нечего искать содержания; но стоит взглянуть пристальнее на его европейские корни. Под ними лежит немало уроков, избавляющих нас от необходимости обсуждать теоретически, в применении к своему домашнему быту, некоторые стороны дела, достаточно уже уясненные чуждым опытом. Читатели не посетуют на нас за это отступление, облегчающее последующий труд. Очевидно, европейское революционное движение не выработало себе до сих пор никакой ясной и определенной цели: оно меняло свои идеалы так же часто, как русское общество, и переходило от «свободы, равенства и братства» 1793 г. к «дешевому правительству» 1830 г., к странноприимным мастерским на казенный счет 1848 г. и приклеилось ныне к международному союзу рабочих (интернационалу). Несомненно также, что в современном революционном движении идут рядом два разнородные течения: одно, не лишенное практического значения — артельное устройство промышленного производства; другое, чисто фантастическое — стремление к осуществлению земного рая в сей юдоли плача и смерти, недостижимое даже в вещественном отношении, пока академии не откроют средства приготовлять страсбургские пироги из простых химических элементов. Вожаки, поддерживающие такие надежды, имеют еще свои маленькие личные цели — повластвовать и пожить на чужой счет хотя бы короткий срок, в часы суматохи. Стремление к артельному производству, само по себе, независимо от навязавшихся ему руководителей, не содержит ничего революционного. Может быть, в обществах чисто буржуазных и сильно промышленных оно и встречает чисто эгоистический отпор со стороны владычествующей среды, боящейся соперничества; если правительство находится в руках этой среды, то и оно будет стоять заодно с ней; но для всякого правительства, свободного в своих действиях, трудолюбивая артель рабочих, насколько она осуществима,

не только не страшна, но даже желательна, обеспечивая благосостояние многим подданным вместо одного. В России, например, где артель существует издавна и была задержана в своем развитии лишь гнетом крепостного права, какая причина правительству — не только препятствовать, но даже не покровительствовать по возможности всякому спокойному и благоустроенному товариществу рабочих? С какой стати польза какого-нибудь разбогатевшего кулака-фабриканта была бы для русской верховной власти дороже польз нескольких тысяч преданных ей людей? Разве не одинаково желательно и правительству, и обществу сохранить нынешнюю твердую связь русского народа с почвой и избежать, насколько возможно, скопления и обеднения разнородного бездомного люда, неизбежно вызываемого исключительным преобладанием капитала в промышленности, на европейский лад? Недавно зашла у нас речь об устройстве обширного кредита для крестьянского земледелия; если на русской почве начнет развиваться промышленное товарищество, и опыт докажет его состоятельность, то, без всякого сомнения, правительство отнесется к нему так же благосклонно, как относится ныне к земледельческой общине. Потому, в применении к России, где даже эта стародавняя община поддерживается теперь главнейше правительственными мерами, социалистическая проповедь составляет бессмысленнейшее повторение чужих споров. Но даже в Западной Европе, где рабочее движение встречает отчасти прямой отпор со стороны иного, уже сложившегося порядка дел, правительства не относились бы к нему неприязненно, если б оно оставалось на чисто экономической почве, не попало бы под руководство революционеров, извративших его смысл; нынешняя международка стремится не к основанию промышленных общин, а к явному грабежу чужого имущества.

Стало быть, в сущности рабочее движение надобно вычеркнуть из революционной программы, из обещаний известных *друзей народа;* оно только предлог, и предлог до такой степени наглый, что парижские коммунисты, например, не обинуясь, называют крестьян-собственников, то есть две трети француз-

ского народа, уже обеспечивших свое благосостояние, главным препятствием к осуществлению *спасительного для народа* преобразования. Нынешние баррикадные вожаки, которым нужна только смута, примкнули к социализму, потому что он сильно распространился между уличной чернью; распространился же он потому, что нравственная сторона человеческой природы не позволяет жечь и грабить соседа без предлога, без какого-либо общего оправдательного учения. Не социалисты поддерживают революционное движение; они сочинили свою теорию для готовой, объявившейся уже революции. Их учение, бесцеремонно жертвующее всем родом человеческим, даже массой земледельческого населения, воображаемой пользе фабричных рабочих, противоречащее даже прямым целям артельного товарищества, требующим прежде всего свободы в выборе членов, — так же призрачно и неприменимо к действительности, как все сменявшиеся доныне лозунги революционного движения. Несомненно, что европейская революция, которой скоро придется праздновать свой столетний юбилей, пребывает в таком же бесформенном виде, как в первый день, что она не выработала и не имеет надежды выработать никаких определенных целей, на осуществлении которых могла бы успокоиться.

Но если исключить из европейского революционного движения, как требует деятельная его оценка, план рабочей артели, которому он только мешает, так же как все прошлые его лозунги, поголовно оказавшиеся несостоятельными, — то что же в нем останется, кроме бессознательного стремления к недостижимому земному раю, в котором всем было бы одинаково хорошо? Культурные слои, даже низшие, которым не всегда жилось отлично, никогда не обнаруживали такого стремления: они достаточно воспитаны историей, чтобы уметь отличать возможное от невозможного. Иногда отдельные личности ударялись в фантазии, но сословия, сколько-нибудь образованные и сложившиеся, желали и желают только постепенных улучшений, а не переворота, не баснословного обновления человечества. Стремление к этому призраку явилось с появлением на европейской политической сцене стихийной силы, уличной

черни, массы, не жившей исторически, не понимающей, вследствие того, условий совокупной человеческой жизни. На пир этой новой силы явились блюдолизы из культурных слоев и стали сочинять угодные ей теории, как прежде сочиняли оды к обеду откупщика. Не говоря о причинах переворота, созревавших в мысли и жизни самих образованных сословий, в чисто политическом отношении современная революционная смута, губящая на наших глазах народы, истекает из одной причины — из прорыва культурных слоев стихийной массой, чуждой исторического быта. Этим объясняется все — сытовые реки и кисельные берега социализма, так же как бессодержательность революционных попыток, длящихся почти целое столетие. Европейские нации уцелели, выгородили свое будущее, даже обеспечили постепенное развитие рабочего народа настолько лишь, насколько их культурные слои оказались устойчивыми против напора снизу. Слои эти, в совокупности, никогда и нигде, на памяти истории, не были побеждены толпой, так же точно, как миллионные варварские ополчения не побеждали малочисленных благоустроенных армий; но с конца прошлого столетия сами они часто в своих раздорах призывали на помощь толпу и становились ее жертвой, а вместе с тем губили Отечество. Можно, стало быть, сказать положительно, что устой современных государств и мера надежды их на будущее зависят исключительно от связности их культурных слоев.

Опыт налицо. От одного конца государственной лестницы до другого, от Франции до Англии и Америки, чрез все промежуточные ступени, он несомненно доказал эту истину. Ожесточенный раздор между средним сословием и дворянством Франции широко открыл ворота уличной революции; с тех пор она свила там гнездо и оттуда периодически угрожает спокойствию Европы: как известно, все взрывы на нашем материке были только подражанием взрывам французским. Кратковременный раздор между сословиями Германии впустил революцию и в эту страну. Хотя ее угомонили довольно скоро, так что самая тина не успела подняться на поверхность (вследствие чего германские правительства сохранили гораз-

до более прочности, чем послереволюционные правительства Франции и Испании), но тем не менее язва осталась в стране и воспоминание о минутном торжестве баррикад 1848 г. поддерживает до сих пор, будет поддерживать и в будущем надежды возмутителей, придает и будет придавать революционной проповеди некоторый оттенок сбыточности. Государство, как женщина, теряет свою неприкосновенность только один раз и навсегда. Надо думать, что правительство Германской империи охотно отказалось бы в прошлом от славы побед 1870 г., чтобы стереть воспоминания 1848 г. Но французские бури не коснулись стран, где не оказалось разрыва в образованных слоях; в Англии и Америке социальная революция даже не пикнула. Надобно посмотреть, с какой наивностью интернационалы жалуются на идолопоклонническое уважение миллиона английских фабричных рабочих в законности. Положим, законность законностью. Немудрено, что в стране, воспитанной веками правомерной свободы, даже невежественные люди уважают законность; но дело не в одном уважении. В 1848 г. сто тысяч английских хартистов, подзадоренных парижским взрывом, решились собраться процессией и представить парламенту прошение о вольностях в своем вкусе; уважение к праву сборищ не позволяло препятствовать их намерению, но по такому же праву достаточное число тысяч вооруженных избирателей, представляющих культурный слой Англии, обязались между собой явиться на защиту спокойствия города. Хартистам оставалось только молча представить прошение, что не вело ни к чему; они предпочли вовсе отказаться от заявления. Англия не боится революции, потому что весь ее культурный слой, от пэра до последнего лавочника-избирателя, несмотря на множество общественных перегородок, составляет одно политическое сословие, разделяющееся на партии лишь в отношении к практическим вопросам, а не к общественным началам.

Все видели, как последнее расширение избирательных прав привело в выводе к торийскому министерству. Английское политическое сословие вырастало постепенно и вследствие того срасталось в одно целое; оно сбиралось около ядра, состоявше-

го первоначально из дворянства и богатых горожан, проникаясь их духом. Ныне, уже забыв о своем происхождении, оно тем не менее образует по привычке и собственному сознанию, органическое сословие государственных избирателей, тесно сплоченное с высшими классами страны, — в противоположность бессвязной ценсовой буржуазии, властвовавшей во Франции с 1814 по 1848 г. Хотя английский простой народ, совершенно обезземеленный и бездомный, казался бы опаснее всякого другого, тем не менее все течения снизу только постепенно утолщают английский культурный слой, но не могут его прорвать; революция бессильна против его связности, а потому развитие вперед идет безбоязненно и безостановочно. Те же начала англичане перенесли с собой на почву Нового Света. С окончанием войны за независимость, разбившей старинные формы законности, новосозданный американский народ обнаружил было анархические стремления, не уступавшие французским 1793 г. Участь Соединенных Штатов висела на волоске — они легко могли ниспасть в состояние нынешней испанской Америки; но культурный слой, взросший на английской закваске, нашел в себе достаточно силы, чтобы положить конец брожению, и под предводительством Вашингтона дал стране непоколебимое устройство. Несмотря на всеобщую подачу голосов и ежегодный прилив европейских пролетариев, столь опасных на родине, порядок стоит в Америке незыблемо, уличная толпа не смеет шевельнуться перед законностью, — значит, руководящие слои общества не утратили своей наследственной крепости. Действительно, великая американская республика осталась той же Англией, с той же строгой и связной сословностью в нравах, только без старых названий; нигде общественное положение не разделяет людей в существенном их значении так резко, как там, и нигде не найдется политических групп более единодушных и устойчивых. Оттого стихийная сила не врывается в Америке в государственное управление, и рабочий Альберт, попавший прямо с кузницы в верховное правительство Франции, так же как все Ферре и Груссе, составляют за океаном явление немыслимое. Можно обойтись без законного распреде-

ления людей по качеству там, но только там, где закон заменяется самим делом, — обычаем, вросшим в нравы. Но бессословность, в законе и на деле вместе, порожденная революцией на европейской почве, принесла с собой всюду одно разрушение и подчинила, в значительной степени, самые сложные вопросы XIX столетия суждению людей каменного века.

Не говоря о непонятной Испании, последнюю ступень этого неисправимого падения представляет современная Франция. Задержанная два столетия в своем общественном развитии, она захотела воротить все потерянное в один день, причем ее исторически воспитанные сословия стали на ножи одно против другого. В открывшийся между ними промежуток ворвалась парижская чернь, напоминающая не людей каменного века, но нечто худшее — городское население цезарского Рима; чернь достаточно развитая, чтобы увлекаться громкими словами, но недостаточно зрелая, чтобы их взвешивать, а вместе с тем развращенная и ежечасно соблазняемая зрелищем недоступной для нее роскоши. Толпа, разумеется, не могла захватить власть в собственные руки, но передала ее последним отребьям образованного слоя, ставшим ее льстецами; то же самое повторилось и в 1848, и в 1871 гг. Место в общественном организме, через которое произошло вторжение городской черни, осталось незаделанным, а только замазанным, и теперь уступает первому напору, так что прорывы повторяются и будут еще повторяться, заставляя нацию тратить силы не на посевы будущего, а на расчистку заносов, оставляемых этими периодическими наводнениями. Но главная беда Франции еще не в этом, а в бессилии ее культурного слоя, растолченного первой революцией в порошок, в пустое название, в статистическую численность бессвязных единиц. Попытка восстановить связь образованных сословий в виде ценсовых избирателей, продолжавшаяся 34 года, дала Франции период процветания, политической свободы и довольно высокого значения в глазах света, в конце концов оказалась несостоятельной. Законное отграничение культурных слоев общества от стихийных в политических правах можно сохранять, следует даже восстанавливать,

пока существует еще и признается народом сословное ядро, около которого первые могут сомкнуться, но его невозможно сочинить, придать ему действительность и прочность, когда такого ядра не существует. Во Франции же, после революции, ядра уже не было. Дворянство, значительная часть которого сражалась против своего отечества в рядах его заклятых врагов, было не только непопулярно, — оно внушало страх всем поживившимся его добром, то есть почти всей стране; со своей стороны феодальное французское дворянство продолжало ставить между собой и согражданами кастовое различие белой и черной кости, продолжало смотреть на них глазами своих предков, франков-завоевателей.

Буржуазия, разведенная наплывом стольких тысяч новых людей, созданных революцией, не была в состоянии образовать без дворянства что-нибудь цельное, внушающее почтение народу; нововведенный цене был только наружным признаком и не мог склеить эти разнородные осколки в политическое сословие. Ценсовый культурный класс оказался способным охранять страну лишь против мелких покушений во время общего затишья и бессильным против бури. Несостоятельность его изумила Европу в 1848 г., когда миллион с лишком вооруженной французской буржуазии, желавшей сохранения порядка, ненавидевшей самое имя социальной республики, сложил оружие молча, хотя с отчаянием в душе, перед пятьюдесятью вожаками баррикад. Все увидели, что этот класс составлял только численный список, а не политическое сословие, что один ценс бессилен создать подобное сословие, требующее органической сердцевины. С той поры Франция впала в полную бессословность, ее образованное общество распалось на бессвязные единицы, занятые исключительно своими личными делами, а потому стало в итоге, с началом второй империи, совершенно чуждым престолу и всякому виду верховной власти, а вследствие того почти чуждым общему делу. При затишье это образованное общество имеет вид чего-то живого; но первая смута стушевывает его до такой степени, как будто его никогда не было. Тогда французская нация представляется только двумя

оконечностями общественной лестницы — государственными чиновниками с одной стороны и уличной чернью с другой, то входящими в соглашение посредством плебисцитов, то взаимно расстреливающими друг друга. Культурная сила, скоплявшаяся в стране тысячу лет, пропала для нее даром. Крайняя степень усилий разрозненного исторического слоя Франции, подымающегося поголовно для собственного спасения, оказывается достаточной для того только, чтобы передать государство военной диктатуре; о разумном управлении собственными силами не может быть речи. Будущность Франции начинает очерчиваться ясно: впереди мелькает только поочередная смена трехмесячной анархии с пятнадцатилетним владычеством штыков, пока не потянется непрерывный ряд случайных Каракалл, объявляющих беззастенчиво: «Я считаюсь только со мнением легионов». Общественное расстройство отразилось неизбежно и на общественном разуме; надобно послушать, как свободнейшие умы страны начинают жаловаться на чувствительный уже ныне упадок просвещения и науки. Переделать это состояние, обратить хаос в организм, теперь невозможно без какого-нибудь чуда; понятно, почему передовые люди Франции, всех оттенков мнения, от Гизо до Ренана, ищут своих идеалов уже не в будущем, а в прошлом. Нация начинает скатываться по обратному склону. Если кому-нибудь в Европе нравится эта будущность — обращение живого общественного организма в безразличный студень, — периодически потрясаемый народными взрывами — пусть подражает добровольно; только пусть не забывает при этом, что Франция недаром называлась великой нацией, что она действительно шла в голове Европы и что если даже она утратила такие великие залоги, утопив свои культурные слои в стихийных, то на пустырях, где только еще появляются кое-какие всходы, при каком бы то ни было богатстве почвы, конечно, ничего не вырастет при этом условии.

Мы видели, что в европейских корнях русского нигилизма и даже нынешнего фразерного либерализма, враждебного либерализму дела, как вода огню, лежит действительно немало полезных уроков, что многие стороны современных русских

вопросов обсуждены уже чужим опытом. Теперь мы можем воротиться к нашему домашнему делу.

III

НАШИ ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛЫ

Переходя от чужих, хотя тем не менее внушительных для каждого народа примеров к своему домашнему делу, нельзя не остановиться прежде всего на очевидном факте — на нашей современной нравственной и общественной бессвязности, последствия которой не высказываются вполне благодаря лишь исключительной в истории твердости наших государственных начал, не дающих нам рассыпаться. Едва ли найдется в обширной России хоть один человек, сомневающийся в наглядной истине — что мы живем в состоянии чисто переходном, отставши от одного берега и не приставши еще к другому; что этот новый берег даже не очертился ясно перед нами; что, покуда сборное русское мнение не сознает определенно не только того — что нам делать, но даже того — чего нам желать. Наше современное общественное состояние походит очень близко на эпоху общего недоумения, однажды уже пережитую нами, на эпоху, последовавшую за смертью Петра Великого, когда не было уже старой и не оказывалось еще новой России, когда общепризнаваемые руководящие начала заменились на долгое время — и для общества и для отдельных лиц — полусознанными мнениями, до крайности шаткими по своей смутности. Но между двумя переходными полосами нашей истории — послепетровской и нынешней, существует та огромная разница, что недоумение первой относилось более к вопросам государственным и воспитательным, легче поддающимся прямому руководству власти, чем вопросы общественные, ставшие ныне на очереди; в том также, что первая наша нравственная смута соответствовала времени общего европейского затишья, общей установленности

взглядов и мнений, господствовавших в промежутке между последними раскатами бури, поднятой реформацией, и первым взрывом социальных революций; в наше же время вопрос идет не только о применении каких-либо начал, но о самых началах — отчего он стал гораздо сложнее. Тем не менее обе эпохи русского раздумья схожи в той основной черте, что наше будущее — самые крупные явления и формы нашего будущего — зависят в значительной степени, теперь, так же как тогда, от мер, важность которых недостаточно осязательна для современников, и которые, по тому самому, оцениваются часто с точки зрения минутной их пригодности, подводятся под личные виды и удобства некоторых людей и интересов, не заглядывая вперед. Как линии, выходящие из общего центра, близкие одна к другой вначале, могут разбежаться на неизмеримое расстояние в пространстве, так и подобные меры, принятые в переходном состоянии общества, могут определить весьма различным образом его будущее. Так, например, направление и окончательный исход петровского преобразования были решены в первые пятнадцать лет, последовавшие за смертью преобразователя, людьми, никогда не задававшимися историческим вопросом, применявшими государственные мероприятия к одним мелким потребностям текущего времени, вследствие чего реформа, столь дорого купленная, устояла лишь случайно и дала едва ли не столько же отрицательных, как и положительных последствий. Современная нам вторая эпоха русского раздумья затруднительнее послепетровской по сложности подымаемых ею задач, но у нее есть два подспорья, которых первая не имела, — богатство накопленного в течение полутора веков умственного капитала и вместе с тем близость общественных вопросов (поставленных на место отвлеченно-государственных) к личному пониманию и опыту каждого; эти два условия допускают самодеятельное участие современного поколения в устройстве нашей судьбы, чего не могло быть в первой половине XVIII века. Теперь все дело в том, чтоб наше сборное мнение могло организоваться и правильно выразиться.

Покуда это еще невозможно. Двадцать лет тому назад, до крымской войны, все мы понимали тогдашнюю Россию и самих себя, знали, что думаем и в некоторой степени даже то — чего желаем. Теперь мы этого не знаем и покуда даже не можем знать, хотя без такого сознания не можем также ступить шагу ни в какую сторону. Нельзя выработать сознание без связности между людьми, разрешающейся в связность мнений. Поэтому, полагаем, задача текущего времени заключается для нас преимущественно в осуществлении связности общественных групп.

С некоторых пор эти группы, можно сказать, не существуют в русской действительности. Они заменены внешним учреждением — земским самоуправлением. Надежда на будущую, необходимую нам связность, содержится, стало быть, покуда, исключительно в этом самоуправлении и в степени развития, к которому оно способно.

Известно, что наше земское самоуправление, в его нынешней форме, не есть учреждение государственное в точном смысле слова; оно не входит в круг государственного действия, не составляет посредствующего звена между верховной властью и землей, не заведует порядком и безопасностью населений, не исполняет никаких правительственных задач и отчитывается в своих действиях только самому себе. Наше самоуправление есть нечто вроде частного общества, разрешенного земству для заведывания его сборными экономическими нуждами. При условиях, выпрошенных печатью и общим голосом тех годов, в которые решалось это учреждение, правительство не могло дать ему иных оснований — опыт был слишком теоретичен и нов. Поэтому нынешнее наше самоуправление можно рассматривать только с точки зрения способности, обнаруженной всесословным земством для ведения своих частных дел. Сил, достаточных на такой круг деятельности, может не стать на круг более обширный, но никак не наоборот. Каковы же эти силы?

Мы не будем вдаваться в подробности современного положения, более или менее всем известные — о новом соотношении наших экономических сил, о положении крестьянского самоуправления, о ходе дел в земских собраниях и мировых

судах и прочее. В последнее время появились достаточно убедительные труды и сообщения по этим предметам, не допускающие излишнего оптимизма. В житейских делах личные взгляды бывают, конечно, различны и противоположны, даже более чем в области мысли; тем не менее ныне можно уже сказать утвердительно, не опасаясь обвинения в односторонности, что большинство опытных русских людей, принимающих прямое участие в местной земской жизни, каковы бы ни были их общие убеждения, согласны в одном: что покуда еще земское дело не принялось на нашей почве, — не вследствие тех или других подробностей учреждения, или новизны, не давшей людям времени спеться, но по той простой и вместе мудреной причине, что с самого начала оно не пошло; многие даже называют наши новые льготы, несмотря на их очевидную искренность и либеральность, мертворожденными. В них как будто оказывается какой-то органический недостаток, или, напротив, чувствуется отсутствие какой-то органической силы, мешающей им стать живым делом. Иные ищут до сих пор причины их неудовлетворительности в частностях; но такой частности, изменение которой могло бы исправить дело, очевидно, не существует: иначе она давно уже была бы указана общим мнением. Полагаем, мы вправе повторить с голоса большого числа знающих людей, что местное самоуправление (губернское, уездное и крестьянское, вместе с мировым судом), дарованное нам правительством с полной искренностью, совершенно согласно общественному настроению той полосы времени, когда учреждение вырабатывалось, представляет мало надежды к дальнейшему развитию на нынешних началах. Каковы бы ни были взгляды *некоторых,* относящихся более благоприятно к нашему земству, но голос *стольких* людей, на мнении которых мы основываемся, заслуживает же какого-нибудь внимания; во всяком случае он не допускает безмятежной уверенности, что все обстоит наилучшим образом в сем наилучшем из миров.

Между тем земское самоуправление — это хозяйство, самосуд и школа всего русского населения, а вместе с тем сельская полиция и администрация, то есть единственное

обеспечение порядка у девяти десятых населения, между которыми правительственная власть не присутствует прямо: в этом самоуправлении — корни всякого народного и общественного преуспеяния. С передачей таких прав земству ответственность за них перешла с правительства на него. При бездействии или неудовлетворительности этих основных функций народной жизни, самая мудрая, самая деятельная государственная власть остается бессильной для добра, трудится в пустом пространстве, не может даже предупредить зарождения анархии в стране, если б что-либо обусловливало такое явление. Подобное положение дела в самой почве, на которой зиждется государство, в соединении с разрозненностью, невыдержанностью и крайностью наших мнений в обществе и печати, представляет весьма мало залогов самостоятельности, и именно в такое время, когда для нас пришла необходимость стоять на своих ногах, желаем ли мы того или не желаем. Несмотря на довольно распространенное, хотя поверхностное, не сросшееся еще с личностью образование и на либеральные местные учреждения, в современной России, за исключением администрации, оказывается полное отсутствие органов, пригодных к почину, общественных групп, способных выработать в себе какое-либо совокупное мнение, провести в жизнь какое-либо совокупное дело. Вопреки явному желанию верховной воли воззвать страну к жизни, вопреки букве закона об общественных группах, то есть о сословиях, Россия оказывается больной общей разъединенностью, происходящей, конечно, не от сословности и даже не от всесословности, но от бессословности, удавшейся до сих пор одной Америке и удавшейся вследствие того именно, что бессословность существует там, наоборот, только в законе, а не на деле. В итоге государство, населенное восемьюдесятью миллионами бессвязных единиц, представляет для общественной деятельности не более силы, чем сколько ее заключается в каждой отдельной единице. Как за 15 лет назад, во времена споров бывших славянофилов с бывшими западниками, нам приходится и теперь возложить упование только на *сокровен-*

ную внутреннюю мощь русского народа, то есть на общее место, лишенное всякого значения в действительной жизни.

Наша либеральная печать, до которой беспрестанно доходят вопли, вызываемые таким положением, не раз уже пробовала утешать нас гласностью, заключающей в себе, по ее мнению, противоядие от всевозможных зол. Печать наша еще верит спасительному действию гласности в коренных общественных вопросах; остальной свет знает, что гласность полезна лишь для их обсуждения, а принести действительную практическую помощь она может только в частных случаях, подобных случаю г-жи Энкен. Кажется, порядочные люди Франции не скупились на гласность для проповедования своим непорядочным соотечественникам о последствиях баррикад, революций и общественного разлада, доведших Францию до ее нынешнего состояния: но не только гласность, а самые жестокие уроки действительности, тяжело отзывающиеся почти на каждом французе, нисколько не исправили самодурства людей. Пока сознательные слои французской нации будут оказываться бессильными, по своей бессвязности, для стойкого и разумного управления народом, — что теперь уже почти неисправимо, — до тех пор люди, которым смута выгодна, не перестанут губить отечество. Наше современное общественное состояние (конечно, не государственное) подходит довольно близко к французскому и не проявило еще всех своих последствий, выказывается только по мелочам, потому, во-первых, что эти последствия сдерживаются незыблемой высшей властью, а во-вторых, потому, что мнении и обычаи большинства ныне живущего поколения вылились из прежнего, а не из настоящего бытового склада. В людях же, взросших на нынешней, не переполотой, как следует, почве, окажется иное: очень многие из них станут действительно похожими, даже по миновании 21 года, на идеал молодого поколения, о котором твердят нигилистские журналы.

Стало быть, к слабости нашей духовной выработки и к разрозненности наших мнений присоединяется еще на практике отсутствие каких-либо общественных органов, способных

к совокупной деятельности. Кроме того, в русских областях оказался внезапно полнейший недостаток в личностях, удовлетворяющих условиям земского дела; образованные люди, которых все мы знали по всяким захолустьям до призыва их к самодеятельности, с тех пор рассыпались в стороны, исчезли неизвестно куда. Каким образом тысячелетнее национальное бытие привело нас к такому бесформенному, первобытному состоянию мысли и дела?

Это — вопрос исторический, требующий для полного разъяснения томов, а не газетных статей; но нет также возможности хорошо понимать сегодняшний день, отрывая его от вчерашнего. Поэтому мы вынуждены еще к одному отступлению, чтобы обнажить, хотя в беглом очерке, корни нынешнего нашего положения; корни его лежат в только что прожитом нами воспитательном периоде, с наследством которого мы вступили в новую эпоху. Взглянув назад, нам станет виднее, воспользовались мы или не воспользовались и в какой мере воспользовались этим наследством?

При разрозненности русских взглядов во всем, было бы удивительным чудом, если бы мы оказались согласными во взгляде на нашу историю, даже на ее коренную основу, как другие народы. Когда установится общепринятое суждение о ближайших к нам столетиях русской жизни, оно будет первым признаком зрелости, первым доказательством нашей способности стоять на своих ногах. До тех пор каждому приходится поневоле смотреть на дело со своей точки зрения.

Мы считаем неоспоримой истиной, что петровский или воспитательный период, заключенный последней нашей реформой, которому до сих пор еще многие придают баснословный, совершенно невозможный в людских делах характер преобразования народных основ одним человеком, был вовсе не новым началом и не преобразованием основ, а только вводным эпизодом русской истории, и что мы стоим в 1874 г. несравненно ближе к Московской Руси, чем стояли в 1854-м, как выразились уже наши старообрядцы; что после долгого и поголовного отвлечения от общего дела для личного образования

нам приходится продолжать свое общественное развитие с той самой точки, на которой оно стояло в 1688 г. с двумя только, правда, очень крупными изменениями: 1) с отменой (давно уже состоявшейся) военной диктатуры на всем пространстве государства, неизбежной в Московской Руси, постоянно находившейся на осадном положении, ежечасно ожидавшей вторжения на каждом из своих пределов, и 2) с превращением, совершенным Петром (в чем и состоит главная черта его реформы), прежнего, почти кастового дворянства в русский культурный слой, тесно связанный между собой и с престолом и открытый снизу всякой созревающей силе, даже не крупной, в чем бы она ни заключалась. Эти две перемены придают действительно новые стороны каждому из наших общественных вопросов, замерзших в зародыше в 1688 г. и оттаявших только в 1861-м, не изменяя, однако же, их сущности. Воспитательный период только обучал русских людей и не мог допускать общественных вопросов между школьниками. Власти этого вставного исторического эпизода держались своего правила крепко, хотя едва ли вполне сознательно, и в сущности были правы. Наделали бы мы дел, принимаясь вдруг за самоуправление с теми понятиями о России, Западе и пригодных нам целях, которые обращались в нашем обществе даже во времена Александра I. Мы считаем очевидным, что наш воспитательный период не разорвал русскую историю пополам, как долго повторялось, а только придал ей временно особый, чуждый нашему народному складу оттенок, выразившийся и в исключительных отношениях верховной власти к перевоспитываемому обществу, и в шаткости русского мнения, внезапно погруженного в незнакомую ему среду. С устранением этого оттенка и сопряженной с ним чрезвычайной просветительной миссии сверху, мы становимся на прежние основания, с двумя вышесказанными дополнениями. Эти повороты нашей истории обозначены так явно, что верховная власть, относившаяся к Московской Руси с полнейшим доверием, совещавшаяся со своим народом во всех важных обстоятельствах, но потом уединившаяся на полтора века, снова воззвала к народу, как только кончилась ее времен-

ная задача. Конечно, в этих поворотах нельзя искать полной сознательности целей; история ведет людей еще более, чем люди складывают историю; но наши переломы говорят сами за себя.

Скажем мимоходом: верховная власть московских времен не имела того простора действий, как ныне. Она была прежде всего военной диктатурой, необходимой для спасения русской самостоятельности, чем и обусловливалась главная ее цель. Московский царь был верховным вождем русских сил еще более, чем монархом. Царская военная диктатура создала Россию из погибавших обломков, твердо установила пути к достижению национальных целей, довершенных Екатериной II, и передала петербургскому периоду могучую и сосредоточенную Русь, которую оставалось только отшлифовать. Перед глазами света стоит факт: из стольких славянских государств, бросивших немало блеска во время своего процветания, стоявших в условиях гораздо более благоприятных, чем мы, уцелела одна Россия; самое имя славянской породы спаслось в ней одной, благодаря чутью народа, стоявшего прежде всего и более всего за целость и независимость, умевшему жертвовать государственному единству привольем последовательных поколений и сплотившемуся около престола не только как народ, но почти как войско, всегда готовое встать поголовно по его призыву. Только этой жертвой Россия откупилась от зарока насильственной смерти, наложенного, как проклятие, на все славянские племена. Нам теперь легко судить на льготе, из-за ограды крупповских пушек, о московской эпохе; но ей некогда было тратить много времени на общественные вопросы: все силы ее были поглощены вопросом о бытии России; ей было невозможно установить настоящее земское самоуправление, по необходимости сосредоточивать военную и гражданскую власть на всякой точке государства, так как тогда не было ни единой точки, вполне безопасной от поляков, шведов, татар, черемис и собственных казаков. Без местного самоуправления земские соборы не достигали цели вполне; но тем не менее верховная власть относилась к народу, в лице его выработанных слоев, с полнейшим доверием, обращалась к нему за советом

при каждом важном вопросе. Взаимное сближение постепенно учащалось; с обеспечением безопасности областей, устранявшим необходимость военной диктатуры, из такого сближения непременно развился бы живой государственный строй.

Петербургский период прервал эти отношения, восстановленные только нынешним царствованием, — прервал по необходимости, — став перед народом в положение учителя и наставника, взявшегося просветить его хотя бы силой, обязанного подгонять ленивых; как же при этом выслушивать их мнение? Сообразно потребности эпох, приходивших на смену одна другой, верховная власть приняла у нас в отношениях к народу новый оттенок — просветительный, заменивший московский оттенок военной диктатуры, но еще менее согласимый с развитием земского самоуправления. Выборное начало, введенное Екатериной II в губернское устройство, не опровергло, а, напротив, явно доказало эту несогласимость. Оно было лишь либеральною формальностью. Коронные чиновники продолжали управлять; земские же деятели только помогали им по мере своих сил и способностей: выборные из дворян, безгласные по неимению на своей стороне большинства, плыли по течению времени и сами становились чиновниками или по возможности устранялись от дела; выборные от мещан топили печи в присутствии, выборные от крестьян мели двор. Серьезная задача воспитательного периода была совсем иная: он положил конец прежней сословной замкнутости и вызвал из недр русского народа, без различия звания и рождения, всех, кто хотел следовать за ним к поставленной им цели — стать русским европейцем. Под названием дворянства он создал наш культурный слой, связный и отграниченный от массы, но открытый снизу всякой созревающей личности, — слой, способный пользоваться политическими правами и вместе с тем не замкнутый в себялюбивое сословие, не чуждый народу, постоянно обновлявшему и укреплявшему его притоком новых сил. Было бы, вероятно, лучше, если бы культурный слой создавался медленнее, не отрываясь от почвы; но случилось так, а не иначе. С этой отборной частью народа петербургская эпоха со-

вершила все свои начинания — внутренние и внешние; она не могла только одного: дать созданному ею новому дворянству политического воспитания по несогласимости широкого земского самоуправления с существенным характером воспитательного периода. Задача эта стояла впереди и требовала, чтобы временная просветительная миссия сверху была признана законченной. Можно думать, что час этот настал для нас нравственно именно в половине текущего столетия. Около этого времени выяснились уже во мнении, хотя еще не вполне вошли в общее сознание, определенные понятия о нашем роде и виде между народами, о точках соприкосновения и отличия русского племени, русской жизни и русской истории с западноевропейскими. Несколько ранее наши понятия в этом отношении были еще очень сбивчивы. В этот раз, как и прежде, с самого начала Московского государства, судьба нам явно благоприятствовала; нашей истории не пришлось дожидаться: поворот на деле соответствовал немедленно нравственной потребности.

За исключением великой и сознательной задачи — создания русского культурного слоя петровскому периоду жилось легко; на долю его не выпало не только десятой, но даже сотой доли трудов, подъятых московскими временами. Он приводил в порядок готовые материалы. Во внутренних делах ему досталось в наследство цельное государство, срощенное во всех своих частях, с сильной централизацией, до сущности которой правительство этого периода никогда не касалось; оно только переименовывало дьяков в секретарей, приказы в коллегии и министерства, а Боярскую думу в Правительствующий Сенат или Государственный совет. Во внешних делах Москва завещала Петербургу завершение вопросов, в основании уже порешенных ею: об изгнании остатков мусульманского владычества из естественных пределов Европейской России и о преобладании над Польшей; одно только завоевание балтийского прибрежья, которого московские цари никак не могли добиться, принадлежит в собственность петербургскому периоду.

В полном значении слова, нисколько не играя выражениями, должно сказать, что мы, русские, как нация, только вчера

доросли до нравственной независимости, до такого состояния, в котором нам не приходится уже жертвовать роковой необходимости драгоценнейшими условиями развитой общественной жизни; только вчера мы выбрались на широкую дорогу. Предшествовавшие времена не располагали достаточной для того свободой действий. Московской эпохе было некогда: она боролась за право существования России; но и петербургскому периоду было нельзя, потому что он шел к другой задаче. Вероятно, в будущем ожидает нас еще много внешних бурь; но при нашей государственной окреплости, они уже не остановят народного роста. Теперь только пришло нам время жить и обнаружить свои внутренние силы.

Мы вступаем в пятую эпоху своей истории с крупным, но единственным наследством, оставшимся нам от воспитательного периода — с нашим культурным слоем, который Петр Великий назвал русским дворянством, приравняв его к старинному высшему сословию. Вне петровского дворянства у нас нет ровно ничего, кроме богато одаренного природой, твердо сомкнутого в смысле народности, но совершенно стихийного русского простонародья. Вся умственная сила России, вся наша способность к созданию созидательной общественной деятельности заключается в дворянстве, в том именно виде дворянства, каким создал его Петр — связном и доступном снизу. Россия купила свою нравственную силу дорогой ценой — приостановкой общественного развития на полтора века. Наше будущее зависит от уменья пользоваться этой силой. Современное положение России объясняется все без остатка внутренним содержанием, степенью зрелости нашего культурного слоя — дворянства, и мерой участия его в общественных делах.

Мы все знаем про себя, что всесословный русский народ делится в действительности только на два сословия — на господ и на простолюдинов, то есть на людей, ставших и вновь становящихся образованными европейцами, и на людей, не выбившихся еще из стихийного быта. Купцы не в счет: по степени богатства они примыкают или к первым, или ко вторым, не говоря о почетных гражданах, давно пользующихся многими

дворянскими правами. Развитые люди низших слоев, не добившиеся дворянства (о которых надобно еще спросить, в каком смысле они развиты?), составляют у нас единичные явления и никогда не сложатся в сословие. Странно было бы даже ставить вопрос о внезапном появлении в девятнадцатом столетии сословия, о котором никогда не слыхала тысячелетняя Русь! При бытовых условиях русской жизни, давно уже определившихся, такому сословию положительно нет у нас места. Наши города совсем не похожи на европейские, а потому не могли и не могут создать отдельного класса горожан; они — не промышленные центры, а административные средоточия, в которых живут те же господа и мещане, ничем не отличающиеся от крестьян: в мелких городах мещане пашут землю и сами не знают, почему они переименованы в новое звание; наша промышленность в большинстве приютилась по селам. Условия русской производительности не выдвинули людей среднего состояния как цельное сословие; отдельные же семейства, выраставшие из народного уровня, вступали после Петра Великого в ряды дворянства, или прямо, или через некоторый срок, если могли продержаться два-три поколения выше толпы (купеческие роды); в противном же случае опять растворялись в народе. Учреждение нашего высшего сословия, открытого снизу, не допускало скопления под ним непривилегированного образованного слоя. До последней реформы дворянство считало себя сословием исключительно служилым и не занималось никаким техническим делом, разве редко и неохотно; вследствие того, в течение нынешнего столетия под высшим классом стало появляться — не сословие, конечно, но довольно большое число полуобразованных техников равного рода, наполовину иностранцев. Теперь же, как известно, так называемые либеральные профессии наполняются сильным притоком дворянства; оно признало *своей* всю область умственных занятий. Первоначальная мысль Петра Великого, положившего основание новому дворянству как *связному сословию русских образованных людей,* дожила до своего практического приложения. Конечно, Петр собирал это сословие только для госу-

дарственной службы, но история извлекла из его начал последствия, далеко превосходящие человеческое предвидение.

В настоящее время наши инженеры, ученые техники, профессора — все господа, а дети каждого из них, лично возвысившегося из толпы, сколько-нибудь путные, уже наверное станут дворянами; о наших писателях еще Пушкин сказал, что им не нужны меценаты сверху, так как сами они господа. Какая же умственная сила существует еще в России вне дворянства и богатого купечества, кроме отдельных и рассеянных личностей да немцев-аптекарей, которых было бы смешно класть на весы, когда речь идет о закладке государственного строя? Под высшим русским слоем лежит особым пластом, но все же не сословием, только наше потомственное духовенство, неизвестное ни старой России, ни другим православным странам; из этого пласта выходят ежегодно — не в церковь, а в свет тысячи молодых, полуобразованных людей, стучащих в двери культурного общества. С их-то стороны и раздаются главнейше вопли о демократическом равенстве и всесословности, не признаваемых русским народом. Вопрос о кастовом духовенстве — вопрос очень великий, от которого также в значительной степени зависит наше будущее, но потому именно его нельзя касаться мимоходом. Но ведь и наши семинаристы не скапливаются в какую-нибудь промышленную буржуазию: они почти поголовно идут в чиновники. Страшный недостаток в технических школах заставляет у нас каждого подростка, скинувшего зипун, — подростка, который мог бы стать хорошим машинистом на железной дороге и быть первым между своими, — голодать всю жизнь, но лезть в господа: у него нет другого средства обеспечить свое существование. Эти машинисты и всякие техники низшего разряда не сложатся также, сколько б их ни было впоследствии, ни в какое сословие; в глазах русского народа они — те же рабочие, как и другие, только зажиточные. Русская жизнь сложила лишь два пласта людей — привилегированный и непривилегированный, отличающиеся между собой, в сущности, не столько привилегией, как тем коренным отличием, что они выражают, каждое, различную

эпоху истории: высшее сословие — XIX век, низшее — IX век нашей эры. В каждом из этих пластов, разделенных тысячелетием, хотя живущих рядом, есть свои верхи и свои низы, своя аристократия и демократия; но в середине между ними нет ничего и не мелькает даже зародыша чего-нибудь для будущего; только с течением времени верхний слой будет постоянно утолщаться. Такова форма, данная нашей жизни историей; а истории никто не сочиняет. Теперь еще не пора судить об относительном достоинстве этой формы; может быть, так выйдет лучше; по крайней мере у нас не произойдет никогда разрыва между культурными слоями, сливающимися в один общий слой. Но, во всяком случае, откидывая чуждые сравнительные названия, занесенные к нам из иностранной жизни воспитательным периодом, и общие места либерализма, происходящие из того же источника, невозможно не признать, что русский культурный слой содержится почти исключительно в русском дворянстве и богатом купечестве не только по факту, но по принципу и что вне дворянства у нас не существует никакой развитой умственной силы, кроме очень редких исключений. Следовательно, сознательная сила русской нации равняется тому ее количеству, которое заключается в дворянстве.

Каково же наше дворянство? За этим вопросом остается только относительное значение, потому что, хорошо оно или дурно, заменить его нечем. Но без уяснения вопроса нельзя ничего понять в нашем современном положении.

В предшествующих главах мы очертили, по своему убеждению, нынешнее состояние русской мысли и русского общественного дела; думаем, по личному опыту, что большинство образованных людей разделяют наши взгляды на самый факт. Состояние это оказывается далеко не утешительным: оно проникнуто каким-то слабосилием, не допускающим даже зрелых лиц, которых у нас немало, соединиться между собой и сложить какое-либо зрелое мнение или зрелое дело. Если вся наша умственная сила заключается в дворянстве, то можно вывести, пожалуй, что вина в современном бессилии падает на него. Хотя нельзя винить прямо разъехавшихся за границу поме-

щиков в нынешнем бесплодии освобожденного сравнительно с прежним русского слова или прямо ставить в укор остающимся — безжизненность земских учреждений, в которых они представляют только свой класс, в настоящее время далеко не особенно связный; но тем не менее надо признаться: если бы наше дворянство, заключающее в себе весь русский культурный слой, весь тысячелетний разум России, было достаточно созревшим, оно оказывало бы даже в нынешнем своем положении несравненно более влияния и на своих членов и на остальное население государства; у нас не было бы ни разлива нигилизма конца пятидесятых годов, ни нынешнего общественного бессилия в слове и деле. Но откуда быть ему созревшим?

Воспитательный период создал большое число русских европейцев под названием дворян; но он не смотрел и не мог смотреть на дворянство как на связное общественное сословие: оно являлось связным только в отношении к государству, было в его руках сословием исключительно служилым, своими людьми, но никогда не жило совокупной жизнью. Императрица Екатерина предоставила дворянству льготу выбирать нескольких чиновников, которые затем поступали в непосредственное подчинение коронной администрации; ею же было дано ему право обсуждать действующие законы и представлять о них свое мнение; но право это оставалось, как известно, мертвой буквой. В прошлые времена не один дворянин, пытавшийся напомнить собранию о дарованном праве, был прямо останавливаем, если не случалось с ним хуже. Теперь мы хорошо понимаем, оглянувшись назад, что такие отношения были в порядке дела, что они даже не могли быть иными: нельзя вместе перевоспитывать людей и ставить их на один умственный уровень с собой, прежде чем они сдадут экзамен. До нынешней эпохи русские дворяне, старые и новосозданные, сходились между собой в полках, в канцеляриях и раз в три года на съездах, где они выбирали предводителей и нескольких чиновников, но никакого общего дела у них не являлось. Они составляли сословие только по букве закона, а не в действительности. Сказать короче: в России было много дворян,

но не было дворянства. Наш культурный слой со дня своего рождения никогда еще не жил общественной жизнью, и ныне, призванный к жизни вместе с другими сословиями, выступает на сцену таким же новичком, как они. Он имеет за собой преимущество не только громадное, но исключительное, не допускающее никакого соперничества, — преимущество личного культурного развития. О вопросах XIX века, даже мелких, могут судить только люди этого века, а не люди допотопных времен; но тем не менее наш культурный слой, как сословие, имеет также недостатки юноши, хорошо учившегося, но еще не понимающего жизни. Нужно целое поколение при крепкой связности и целях, достойных усилий всей жизни, чтобы сложить его в политическое сословие, сознательно служащее видам верховной власти и твердо руководящее народом в каждой местности. По всем данным истории можно надеяться, что следующее поколение образованных и уважающих себя русских людей, при должной обстановке, тесно сплоченное, дорастет до зрелости; покуда же, несмотря на большое число лично развитых людей, у нас нет общественной опытности, что отражается на каждом из нас без исключения. Эта сборная опытность, сверяющая все мнения между собой и с практикой, приобретается только совокупной жизнью, а не книгами и одиночными умозаключениями. Отсутствием ее объясняется нынешняя шаткость, разрозненность и крайность мнений, непоследовательность и неустойчивость действий русских образованных людей, не говоря о полуобразованных. Последние всегда и везде не самостоятельны; они руководятся общественным сознанием слоев более зрелых. При отсутствии такого руководящего начала они должны поневоле находиться еще в большем нравственном разброде, чем их старшая братия.

С началом петровской эпохи старинное дворянство, приобретшее много преданий государственной, если не чисто общественной деятельности, утратило их, утонув в массе нового культурного слоя; людям же этого нового слоя до сих пор неоткуда было их почерпнуть. В продолжение полутора веков с лишком и старые, и новые дворяне воспитывались лично,

учились в одиночку, никогда не соприкасаясь друг с другом как члены общества. Они проникались иностранными понятиями, не имея возможности сверить их со своей действительностью, прозябшей под ними чисто растительной жизнью, потому именно растительной, что вся нервная система была извлечена из нее в другую, государственную сферу. Не имея прямого влияния на народную жизнь, образованные русские люди, желавшие понять ее, должны были прибегать — если можно так выразиться — к приемам не физиологии, а анатомии: они рассекали орган, не имея средства поглядеть его отправления. Эта ограниченность средств выказалась очень живо в учении славянофилов: они подметили с чрезвычайной меткостью *суть* русской жизни, но оказались бессильными для практических выводов из нее. Масса же общества, не углубляющаяся в отвлеченные изыскания, не имела ровно никаких средств проверить на деле чужеземный урок, преподаваемый ей в школе и официальной сфере. К концу воспитательного периода источники самостоятельного народного духа, несмотря на теоретическое возвращение к ним, стали иссякать не только в бывшем офранцуженном классе, но даже в поддонках нашего культурного слоя. Вышло, что то же самое общество, которое выставляло столько крупных личностей на государственную службу, оказалось бессильным, принимаясь за свое собственное дело; и неудивительно: для службы нужны лично развитые люди, каких воспитательный период создал немало; для собственного дела нужные *русские земские люди,* давно исчезнувшие на нашей почве. Самые даровитые и многознающие воспитанники бывают всегда в день выхода из школы существами безличными; определенная личность слагается в них уже впоследствии, житейским опытом. Эти юные существа отличаются от взрослых тем именно, что их чувства и действия не вяжутся с навеянными на них мнениями. Вот наше общественное состояние, конечно, временное и переходное. Оно определяется единым словом: обезличение.

Это обезличение сказывается во всем. Какой-нибудь журнал, вообще серьезный, успокаивается на общих местах в

такой мере, что обращается с бумажным высокомерием к непритворной тревоге русского человека, не чувствующего почвы под ногами: или утешает его гласностью, или советует *общечеловеческое* развитие; по привычке к готовым заключениям, он не догадывается, что если были святые и чародеи, умевшие стоять на воде и на воздухе, то до сих пор никто еще не стоял на звуке. Большинство все еще понимает под словом «почва» теоретические споры сороковых годов и не видит факта, осадившего нас со всех сторон: необходимости бытовой почвы, на которой могла бы развиться действительная земская жизнь, исходящая из действительных условий русского общественного склада, не лгущая перед ним, так же как живая и живящая печать, сознательно относящаяся ко всем особенностям народного духа, — вместо либерального, но мертвого канцелярского измышления, вместо либерально-аллегорической болтовни журнальных статей.

Вот другой факт из общественной жизни. Садитесь на пароход в Пскове; через восемь часов вы будете в Дерпте[8], принадлежащем России более полутора веков, в котором вы не допроситесь ни воды, ни хлеба, если станете спрашивать их по-русски. Между тем мы хорошо знаем, как окрайные города, занимаемые Московской Русью, через одно поколение становились до такой степени русскими, что отбивались отчаянно от своих прежних владык. Мы вовсе не сторонники приравнивания окраин к тылу государства полицейскими мерами, — даже всякого вида приравнения их, кроме политического; нам кажется желательнее, напротив, воскресить местный дух даже составных частей собственной России. При обширности государства, наша будущность — в разнообразии и некоторой самобытности больших областей. Мы считаем распространение русского языка и русского чувства к общему Отечеству на окраины делом более общественным, чем правительственным. В этом отношении вышеуказанный факт имеет великое значение. Старая Русь оказывала живое влияние на присоединяемые края, потому что сама была живым целым, твердо сознававшим свою личность; сила ее состояла не в учености, а в нравствен-

ном единстве. Нынешняя Россия, выходящая из воспитательного периода, со своим бледным культурным обществом без тела и своим стихийным простонародьем без головы, владеет только силой механической; она не может никого убеждать, потому что сама не знает своих убеждений. Мы образовывались и выцветали постепенно от недостатка совокупной жизни. При Екатерине вновь присоединенные губернии стали было быстро заквашиваться в общем духе государства, — значит, в русском обществе сохранялся тогда еще некоторый запас деятельной силы; мы видим, каким успехом увенчались в тех же губерниях, в настоящую пору, самые энергические усилия правительства во всем, чего нельзя было достигнуть прямо административными мерами. Нынешнее общество только взывало к правительству по этому поводу, но помогло ему очень мало.

Такова покуда внутренняя сила дворянства, заключающего в себе весь наш культурный слой. Нечего говорить о степени состоятельности полуобразованных людей, только еще дорастающих до звания господ, отставших от одного берега и не приставших к другому. Несмотря на эту горькую истину, наше общественное дело может быть поведено только одним дворянством, присоединяя к нему, конечно, силу больших капиталов и крупных талантов, откуда бы они ни взялись. Не создавать же нового культурного класса, в обход старого, если бы даже такая операция была возможна, сложив опять руки на полтораста лет. Кроме того, слабосилие русского образованного общества — не порок органический, а чисто наружный, происходящий от отвычки к серьезному делу. Чем ушибся — тем и лечись.

Несмотря на очевидное временное обезличение нашего культурного слоя, мы считаем, однако ж, крайне несправедливым и вполне неверным обвинение его в оторванности от русской почвы, в очужеземлении, если можно так выразиться; мы не видим никаких существенных признаков, дающих право сказать, как не раз у нас говорилось, что петровская реформа разорвала русский народ на две половины, не понимающие уже одна другую. Мы, напротив, видим явно, по ежедневному опыту, тот же самый русский склад, и с хорошей и с дур-

ной стороны, в человеке высшего общества и в простолюдине; оба они проникнуты одинаково русским чутьем, внутреннее содержание, основные взгляды второго — те же самые, что и первого, только без культурных добавлений. Эти культурные добавления, до сих пор не сверенные с жизненной действительностью, а потому случайные и произвольные, составляют всю разницу между ними. Русский образованный человек не отрывался от простолюдина, но он надолго был оторван от всякой общей с ним, не казенной заботы. Как братьям, никогда не ссорившимся, но давно разъехавшимся, им надо пожить вместе месяц, чтобы столковаться насчет своего семейного дела; месяц в жизни народа — это одно поколение. Прямое участие нашего культурного слоя — дворянства — в общественной жизни, вместо нынешнего косвенного участия, серьезная деятельность и серьезная ответственность сложат его в одно целое и между собой, и с народом, проникнут его единством настроения и отрезвят совершенно. Этого будет достаточно, чтобы коренной русский дух пророс вновь сквозь нынешнее школьное обезличение. У нас явятся тогда и общественное мнение, и общественная деятельность. Мы набрались достаточных сведений в течение последних полутора веков, нам недостает только балласта-связности и уроков жизни, откуда и происходит нынешняя русская бесцветность. Болезнь эта неудобная, особенно в настоящее бурное время, хотя не более как наружная и скоропроходящая при должных лекарствах; но вылечить нас может только всероссийский житейский опыт, развивающийся из бытовых, а не из сочиненных начал и отношений.

Если современная болезнь русского общества состоит в обезличении, происходящем исключительно из теоретического образования, не проверенного опытом совокупной жизни, от которой мы давно отвыкли, то нашему культурному слою связность в будущем еще необходимее, чем таким же слоям европейским. К причинам, заставляющим последние тесно держаться между собой по закону и преданию, у нас присоединяется еще новая причина. Вместе с тем нам легче, чем на Западе, сохранить или восстановить, пока еще есть время,

связность образованного общества, потому именно, что оно не делится на соперничествующие группы — на дворянство и среднее состояние, а смыкается в одно сословие, разделенное, конечно, на многие подслойки в действительной жизни, но законно равноправное. Если на Западе прочность государственного и общественного устоя зависит вполне от крепкой связи культурного слоя, как несомненно доказывает новая история, то это непременное условие существует еще в большей мере для нас; мы не можем считать себя исключением из рода человеческого. В Европе сознательные классы, воспитанные связно целыми веками, не устояли, как только чуть немного раздвинулись между собой; какой же устой представляет, в своем нынешнем положении, русский сознательный слой, воспитанный, даже можно сказать, рожденный в бессвязности, лишенный всяких преданий совокупной общественной деятельности? Там сгубил дело один промежуток между двумя сословиями — у нас же такие промежутки лежат между каждыми двумя людьми. Уже теперь, без тени еще какого-либо политического вопроса, в нашей сборной жизни оказывается полнейший разброд. Бессвязность и обезличение, таившиеся, как скрытый недуг, в русском обществе, замороженном воспитательным периодом, должны были необходимо выйти наружу при первом внесенном луче; но они не сказались бы в такой наготе, имели бы время отстояться, если бы общественные группы не были в то же время вдруг сдвинуты с привычного места. При этом же передвижении наш нравственный разброд выразился с учетверенной яркостью — неопределенностью всех личных положений, отсутствием обмысленных и, главное, распространенных убеждений, оторванностью мысли от дела в единицах, равнодушием разрозненного общества к основным вопросам, беспримерной шаткостью понимания и применения закона общественными деятелями, отсутствием власти и руководства вне больших городов, теоретичностью и безжизненностью печати в практических делах, бездействием земских сил, даже бессилием акционеров какой бы то ни было компании защитить свои личные интересы от произвола не-

скольких беззастенчивых людей, выбирающих самих себя в директора. Где только нам приходится жить, действовать или говорить сообща, там мы, покуда, бессильны и беспомощны. Ни сверху, ни снизу нельзя считать такое общественное состояние безопасным и успокоиться на нем.

Мы очутились в этом положении внезапно. До 19 февраля 1861 г.[9] русский сознательный слой жил только государственной, а не общественной жизнью и гордился быстрыми умственными успехами, не замечая своего нравственного оскудения; он глядел в будущее довольно доверчиво, полагаясь на давнюю, механическую, но тем не менее обратившуюся уже в привычку сословную связность, — и в известной мере был прав. Если б эта связность, хотя только наружная, уцелела при новых условиях жизни, после освобождения народа, при той степени личного образования, до которой доросло русское дворянство, то совокупная деятельность срастила бы его нравственно довольно скоро; общественная среда и обязанности положения удержали бы увлекающиеся личности правой и левой оконечности, не дали бы одним эмансипироваться, по русскому обычаю, до чертиков, другим — разбрестись в стороны, напоминая в миниатюре французскую эмиграцию 1790 г. Русский культурный слой проникался бы постепенно единством, устанавливая понемногу общественное мнение, и в то же время повел бы земское дело в одном направлении, а не в сотнях разбегающихся направлений. Во всяком случае, дело не дошло бы до нынешнего разлада в том и другом отношении.

Случилось иначе. Осмеливаемся высказать мнение, что великодушные преобразования, обновившие Россию вслед за освобождением крепостных, были в некоторых частях своих слишком теоретичны, а потому не вполне совпадали с естественным течением русской истории. Но если, по неизбежному несовершенству человеческих дел, в них вкрались ошибки, то даже ошибки эти служат к славе нашего правительства. Высшая степень доброжелательства и искренности правительства состоит в том именно, чтобы действовать согласно с общественным мнением. Мы же все помним, каково было русское

мнение конца пятидесятых годов. Тогда высказывались только отдельные личности, не совсем довольные принятым направлением. Сборный голос всех оттенков, от славянофилов до нигилистов, насколько он выражался и в печати, и на улице, желал всесословности, — именно такой формы всесословности, которая на деле равнялась бы полной бессословности. Русское общество, воспитанное на чужеземных теориях нынешней бурливой эпохи, не вкусив еще никогда плодов неразборчивого поклонения им, наскучившее однообразием прежнего быта, разочарованное временно крымской войной, рвалось к самым широким и туманным идеалам в либеральном смысле. Опыт совершился. Выработанный историей русский культурный слой был во многих отношениях пожертвован отвлеченным идеям всесословности, то есть низшим сословным группам, представляемым на западный образец, никогда не существовавшим на русской почве. Никому от этого не стало лучше, кроме нескольких журнальных сотрудников, пред которыми раскрылись широкие темы либерального витийства; но русскому делу, нашему ходу вперед, стало положительно хуже.

Народу в период роста, как мы, такой опыт, если он не затягивается на неопределенное время, не вреден — совсем напротив. Он отрезвил многих. Без него тысячи русских людей продолжали бы и в будущем увлекаться несбывшейся мечтой, верить во французские теории бессословности, несмотря даже на очевидную убедительность французского примера. Давно известно, что чужой опыт не впрок. Хотя давнишнее подражание не довело еще нас, и не доведет, надо надеяться, до серьезных последствий, но легкий отблеск их стал мелькать уже в глаза достаточно многим людям, чтобы отучить их от охоты заменять дело словами.

В последнее время у нас стало почти общепринятым считать и называть русский личный и общественный склад демократическим. В известном смысле это совершенно верно. Достаточно оглянуться на русскую историю для убеждения в том, что мы — народ не аристократический, без развитого индивидуализма, так как у нас никогда не появлялось само-

стоятельной, неслужилой аристократии. Сама форма русской верховной власти, пред лицом которой уравниваются все подданные, есть форма земской монархии. Но этот взгляд нисколько не противоречит существованию дворянства, созданного воспитательным периодом в виде организованного, то есть связанного с престолом и между собой, но открытого снизу культурного слоя; слой этот есть именно неизвестное Европе организованное высшее сословие демократического народа. Мы употребляем слово *демократический* никак не во французском смысле; правильнее было сказать — народа цельного, не разорванного кастовой сословностью. Это учреждение было бы невозможным при родовом, современном государству, появившемся вместе с ним дворянстве в западном смысле.

Русское дворянство — единственное высшее сословие в Европе, не происходящее из права завоевания, не отличающееся от народа своей кровью и особым племенным духом. Все французское дворянство поголовно (кроме судебного, жалованного королями) и почти все немецкое — ведут свой род от племени франков, покоривших ту и другую страну; английское от норманнов; испанское от вестготов; итальянское от смеси франков, лонгобардов и остготов; польская шляхта происходит также от завоевателей, по всей вероятности, не норманнов, как старался доказать Шайноха, а от остатков аварской орды, потоптавшей привислянских славян[10]. Все европейские дворянства, потомки древних *насильцев* народа (как говорит Нестор), сплачивались без исключения в замкнутую касту, ставили и ставят до сих пор между собой и покоренными, каково бы ни было развитие и даже богатство последних, непереходимую грань белой и черной кости, — ту же грань, какая существует у нас между остзейскими помещиками и их чухонцами. Дворянство на Западе никогда не мешалось с народом, так что Французская революция была буквально восстанием галлов против немецких завоевателей, владевших ими почти полторы тысячи лет и лежавших над ними, как слой масла на водой, не сливаясь. Течение веков уменьшало постепенно привилегии западных дворянств, но до сего дня нисколько не ослабило не-

переходимости кастовой грани. Умный либеральный и буржуазный журнал нынешней революционной Франции «Revue des deux mondes» отзывался иронически о пожаловании Персиньи герцогом на том основании, как он говорил, что дворянином может быть только тот, кто *всегда* им был, то есть, говоря другими словами, тот лишь, кто происходит от насильцев французского народа — германских сикамбров Хлодвига. Вот понятия Запада о дворянстве, так толково перенесенные, с любовью или неприязнью, многими учениками воспитательного периода на наше народное культурное сословие.

Всякий знает, что в России никогда не существовало особой, племенной дворянской крови, которую считается грехом смешивать с кровью поганца, хотя бы признанного великим человеком; на нашем языке нет даже слова для перевода mesalliance. Старинное русское дворянство, хотя замкнутое в продолжение нескольких веков, вышло почти поголовно из народа и никогда не рознилось с ним каким-либо резко исключительным сословным духом. Нечего говорить о петровском культурном слое, набранном преимущественно производством сдаточных в первый офицерский чин, подьячих и семинаристов в коллежские асессоры. Наше дворянство, и старое, и новое, было всегда нераздельной частью русского народа, отобранной для государственной службы. Оттого наша история не являет ни одного примера розни между сословиями. Восстание закрепощенного народа, под предводительством казацкой вольницы, было протестом против закрепощения, а не сословной рознью. Известно, что крепостное право, искажавшее два с половиной века отношения между высшим общественным слоем и народом, было вначале навязано нашим вотчинникам и помещикам насильно, против желания огромного большинства их, как полицейская мера; характер же личной подневоли был ему придан лишь в царствование Петра Великого, также без спросу, для установления правильной поставки рекрут. Наша история долго не допускала естественных отношений между сословиями, не из политических, а из чисто административных видов, для того, чтобы достаточно вооружить государство

против внешнего врага. Этой чертой она также отличается от всех прочих. Но даже в крепостные времена русское дворянство не прониклось духом сословного эгоизма, отстаивающего, прежде всего и более всего, свои собственные интересы, в ущерб массам — что совсем непонятно для западного европейца. В последнее время Россия видела ряд фактов, совершенно невозможных на Западе; мировые посредники, выработавшие практически освобождение крепостных, были поголовно помещики; в пору первого увлечения дворянство некоторых губерний само просило о снятии с него привилегий; оно же невынужденно первое подало голос о всесословном уравнении податей и т. д. Такие явления несбыточны в Европе не потому, чтобы тамошние высшие сословия были черствее сердцем, а потому, что эти сословия составляют как бы особое племя, государство в государстве, живущее своими особыми преданиями и поголовно воспитанное в таком духе. Наше же дворянство — не отрезанный ломоть, даже в известном смысле не группа, резко отгороженная историей, а высший слой русского народа. Оттого все токи наших всесословных мнений, чувств и увлечений проходят беспрепятственно сверху вниз и снизу вверх, не останавливаясь ни на какой перегородке. Понятно, что при таких отношениях русский народ не чувствует потребности в трибунах и более верит в правду местных помещиков, чем в правду людей из собственной среды или чиновников.

Современное русское дворянство, в своем духе и в своей общественной задаче, составляет полнейшую противоположность прусскому юнкерству и похоже скорее на бывшую французскую ценсовую буржуазию, с той коренной разницей, что последняя была учреждением чисто искусственным, без внутреннего единства, а потому несостоятельным, не выдерживавшим потрясений; наше же дворянство есть учреждение органическое, то есть связное и наследственное. Оно должно оставаться таким еще надолго, образуя сердцевину и устой вырастающего постепенно из народа русского сознательного общества, способного пользоваться политическими правами — потомственно или лично.

После всего сказанного и еще более после всего известного каждому образованному человеку нечего, кажется, говорить много о необходимости связи нашего политического культурного сословия с верховной властью и между собой. Пример Франции теперь едва ли уже соблазнит кого-либо, достигшего 21 года. В нашем же русском быту, еще не вызревшем и не устоявшемся, французская бессвязность, то есть бессословность, действовала бы еще во сто раз губительнее. Но никакая связность немыслима без твердой сердцевины, и никакая сердцевина не мыслима у нас покуда без наследственности, проникающей массу людей известным единством воспитания и направления, переносящей их с произвольной почвы личных взглядов на почву историческую, связывающую их правами и ответственностью сословия. Политический слой английских государственных избирателей стоит крепко потому, что смыкался постепенно и до сих пор сомкнут около прочного ядра; французская ценсовая буржуазия, не имевшая центра, рассыпалась перед горстью уличных возмутителей. Нам, русским, давно отвыкшим от совокупной общественной жизни, невозможно завязать ее вновь иначе, как в среде образованных и уважающих себя людей, вызванных из народной толпы воспитательным периодом, твердо сомкнутых в сословие.

Кроме того, наследственность в высшем слое нужна нам еще в другом отношении — для упрочения и развития самостоятельного русского образования. В Европе известная доля просвещения разлита во всех слоях общества и только сгущается к верху; там оно — дело тысячелетнее, унаследованное еще от Древнего мира, на почве которого основались европейские государства. У нас, как заимствованное, оно сосредоточивается исключительно в слое людей, принявших европейские формы; за исключением подростков из духовного звания, в России получает порядочное образование только тот, для кого оно обязательно по рождению. Распространение образованности идет у нас параллельно утолщению сомкнутого культурного слоя, удерживающего в своей среде всякого, кто раз в него вступил. Без этого условия наука не пустила бы в России

корней, как она не пускала их в Турции, где одно поколение ничего не передавало другому по той причине, что сын или внук визиря, вышедшего из носильщиков, сам в свою очередь обращался в носильщика. Теперь этот порядок начинает понемногу изменяться даже в Турции: образованные турки дают воспитание своим детям, набираемым потом преимущественно в государственную службу; но это значит только то, что в царстве султана, вопреки мусульманским порядкам, завязывается новое потомственное дворянство наподобие петровского. В действительности, кроме редких исключений, вроде Ломоносова или Сперанского, просвещенным человеком становится только образованный потомок нескольких образованных поколений; он получает в своей семье и своем обществе массу знаний и исторически вызревших взглядов, которых не может дать никакой университет. Самостоятельное и сознательное русское просвещение созреет только в потомственно-просвещенном русском сословии. На почве Западной Европы, где дворянство есть каста, наука вырабатывается теперь более средним, чем высшим классом; но в России ей нет места вне узаконенного культурного слоя, в котором сливаются оба сословия вместе.

Потомственный общественный слой значит слой привилегированный. С какого конца ни смотреть на вопрос, такой привилегированный слой необходим для будущности России, с одной стороны, чтобы не стать похожей на Францию, с другой, чтобы не стать похожей на Персию. Надобно только, чтобы он был привилегирован правильно, сообразно современным потребностям, а не отжившим видам петровской эпохи, чтобы ему было отведено подобающее место в государственном устройстве; чтобы он служил ядром русской политической и общественной жизни, не захватывая ее в свою исключительную собственность; чтобы доступ в него снизу был не затруднен и открывался не только лицам, повышающимся в государственной службе, как прежде, но и другим культурным классам, постепенно размножающимся с развитием общества; чтобы ряды его раздвигались для известных размеров и видов богатства (обладающих самостоятельной силой независимо от

всякого закона) и для умственных заслуг; чтобы достойные люди из культурной подпочвы, которая будет постоянно вырастать между народом и дворянством, не достигнувшие еще потомственной привилегии, могли лично группироваться около нее; чтобы по возможности было обеспечено хорошее воспитание молодым поколениям этого высшего народного слоя. Затем нужно еще, чтобы русское дворянство, в должной мере, насколько это необходимо государству и обществу, стало, как прежде, сословием обязательно служилым, а не вольницей: права без обязанностей не ведут ни к чему, колют всем глаза и производят только распущенность, вместо того чтобы нравственно скреплять людей. В этом отношении мы не можем руководиться никаким чужим примером, так как самое учреждение нынешнего русского дворянства, как привилегированного культурного слоя, есть дело новое в истории, самородное произведение русской почвы, и должно развиваться из своих собственных начал; главное же из этих начал, как мы знаем, есть начало государственной служилости.

Надобно рассмотреть отдельно каждое из вышеприведенных условий, что мы и постараемся сделать в следующей главе. Но уже теперь мы считаем вопрос о русском дворянстве, как поставила его история, достаточно уясненным, чтобы определить существенные отношения этого учреждения к общему государственному строю.

Дворянские привилегии никогда не могут обратиться у нас в монополию, стеснительную для массы народа, — во-первых, потому, что наше дворянство — не кровная и замкнутая каста, а тот же русский народ, верхний слой народа, воспитанный исторически и постоянно освежаемый притоками снизу, мыслящий и чувствующий, во всех важных вопросах заодно со всем населением; во-вторых, потому, что верховная русская власть, непоколебимая и в полном значении *всесословная,* созданная историей, или, лучше сказать, создавшая нашу историю на основании общенародных целей, никогда не допустит какое-либо отдельное государственное учреждение обратиться в независимую силу, подчиняющую общие пользы

своим личным видам. С другой же стороны, наше правительство, твердо уверенное в дворянстве и народе, но не в шаткой культурной подпочве, отставшей от одного края и не приставшей еще к другому, — подпочве, заявившей о себе в последние годы довольно дурно (как и должно было случиться при расшатанности общественного строя) — может отнестись вполне искренно, без малейшего опасения за злоупотребление доверием, только к историческому потомственному слою, твердо с ним связанному, да еще, конечно, к купечеству. Для развития нашего земства в местном и государственном смысле, для освобождения его от неусыпного административного надзора нужно прежде всего, чтобы оно находилось в верных руках. Тогда только правительство найдет возможность не ставить коронных чиновников между им и собою. В этом отношении также, независимо от прочих потребностей, всякому образованному русскому должно быть желательно, чтобы наш культурный слой занял подобающее ему место.

Современная монархия, нравам которой не известно преобладание чисто аристократических начал, может обеспечить себя только подобным учреждением — наследственным и сомкнутым образованным общественным слоем, доступным снизу притоку созревающих сил. Никакие искусственные учреждения не равняются в прочности с этим; потому что народ не может иметь побуждений восставать против своей же собственной организованной нравственной и умственной силы, не замкнутой снизу, следовательно, всегда верно выражающей современное состояние массы; честолюбивым людям низших слоев гораздо выгоднее вступить в привилегированный класс, чем бороться против привилегий. С другой стороны, такой высший слой, устроенный сословно, связывается теснейшими узами с верховной властью, составляет не только ее опору, но продолжение ее самой, образует ее тело и члены. Можно думать, что русское петровское дворянство составляет позднейшее и полнейшее выражение искомой формы современной нефеодальной монархии, — явление, способное удовлетворить в одинаковой степени потребностям государственного порядка и народного развития

ЕСТЕСТВЕННЫЙ СКЛАД РУССКОГО ОБЩЕСТВА

Взгляды людей так случайны и разнообразны, что добиваться общего, безусловного согласия на какую-нибудь истину было бы пустой затеей. Самая простая истина — та, что земля кругла и в полюсах сжата — встретила бы решительный отпор со стороны нескольких миллионов старообрядцев, составляющих едва ли не самую развитую часть русского простонародья, полагающих, что земля есть плоский круг, в середине которого стоит Иерусалим; многие из наших русских людей выставили бы, в другом порядке мыслей, положения еще своеобразнее центральности Иерусалима. Тем не менее мы убеждены, что, если б можно было допытаться настоящего русского мнения в текущее время, — мнения не газетного, не чиновничьего, не университетского, а мнения русских людей культурного слоя, живущих в некоторой связи с почвой, — о том, что всего нужнее России, большинство отвечало бы не колеблясь, хотя, разумеется, каждый своими словами: сосредоточение. У нас накопилось достаточно развитых умственных сил, чтобы сложить их в политическое сословие; но их вовсе не достаточно для того, чтобы заквасить ими русскую всесословность на американский образец, как имелось, кажется, в виду в начале реформ. Растворяя свой культурный капитал, нажитый с таким трудом, в восьмидесятимиллионной массе, мы уподобились хозяину, вливающему бочку вина в пруд в надежде улучшить вкус воды: при этом и вино пропало, и вода осталась по-прежнему. Но вышло еще то, что в этом растворе завелись зловреднейшие гады, которых прежде не было, проповедники всяких нелепиц, люди, ставящие себе задачей не развивать, а мутить общенародный строй, оставшийся без присмотра, и местных руководителей, что явствует из политических процессов, начавших повторяться почти ежегодно. Как всегда бывает при внезапном смешении общественных положений, одни, сверху, или бросили все, или же стали популярничать в самом

фальшивом тоне; другие, снизу, нашли возможность приобретать на опустелой почве влияние, для которого они еще вовсе не готовы, и пользоваться им для целей, иногда очень вредных. Наша всесословность не сложилась и никогда не сложится таким путем, но образованное общество рассыпалось.

Легенда о пучке стрел скифского царя может служить девизом к нашему современному вопросу. Сосредоточить образованное общество в связное сословие, сомкнуть его вокруг твердого ядра — вот русская задача текущего времени, без осуществления которой нам нечего рассчитывать на будущее.

Ядро это, очевидно, дворянство, ничего другого у нас нет. Круг его деятельности, место его в общегосударственном и народном строе очерчивается ясно, конечно, не в подробностях и не в прямом приложении к практике, что требует предварительного и серьезного обсуждения вопросов между властью и самими земскими людьми. Мы считаем возможным обсуждать печатно лишь то, чего должно желать, а не приемов, посредством которых можно осуществить желаемое помимо людей, прямо стоящих у дела: иначе мы провинились бы перед читателями теми же именно словопрениями, которыми больна наша нынешняя печать, или, правильнее сказать, наш нынешний общественный строй, отражаемый печатью. Сущность же самой задачи мы считаем не подлежащей сомнению.

По нашему понятию, русское дворянство не может быть признано, в виду близкого будущего, *всей* умственной силой России, способной пользоваться политическими правами; но оно несомненно должно стать законным средоточием и устоем *всей* этой силы. Другими словами, вне дворянства у нас существуют, в настоящую пору, люди, отчасти сгруппированные между собой, отчасти разбросанные, способные к политической жизни и обладающие влиянием в своей среде, без которых земский строй не будет верным отражением действительности, опять уклонится от всероссийской правды; но эти группы и эти несвязные личности далеко еще не довольно самостоятельны, чтобы представлять что-нибудь от своего лица и звания; им может быть предоставлено лишь право

лично пользоваться земскими правами дворянства, вступать в круг его земской деятельности, при определенных условиях, пока они им удовлетворяют. Все эти группы и лица выражают собой не русский созревший исторический слой, образующий наследственную силу государства, а только свою особу или свое случайное, часто преходящее экономическое положение; потому и участие их в общественном (конечно, не сельском) самоуправлении может быть только личное, истекающее или из высокого ценса, или из доверия к ним местного дворянства, открывающего им доступ в свои ряды. Затем у нас существуют еще особые местности, в которых преобладающее влияние принадлежит по закону и здравому смыслу не дворянству, а владельцам капиталов, домов и лавок — города. Очевидно, что эти местности со своими деятелями должны иметь в земских делах голос по праву, независимо от чьего-либо усмотрения. Можно думать, что все значительные города было бы гораздо удобнее отделить от уезда в особую земскую единицу.

Единственная группа людей вне дворянства, обладающая у нас самостоятельным значением, а потому имеющая несомненное право голоса в общих делах, это — купечество. Изо всех общественных групп наше купечество — самая связная, наиболее способная отстаивать свои сборные выгоды, как она постоянно доказывала. Со всем тем, нельзя назвать русское купечество сословием в западном смысле: до сих пор оно не могло сложиться в крепкое сословие, так как наши купцы, невольно покоряясь историческому складу русского общества, или постепенно переходили в дворянство, или же разорялись и вновь утопали в народе. Если же из купцов не выработалось сословия до сих пор, то уже не выработается никогда; теперь в нем нет больше надобности. В кастовом западном дворянстве нужны были законы Людовика XIV, оказавшиеся вдобавок бессильными по противоречию нравам, о дозволении дворянину заниматься торговлей, не роняя своего достоинства. В нашем народном дворянстве это понимается само собой. Ничто не мешает богатому русскому купцу и его потомкам увековечить свою фирму, став дворянами. Напротив, таким образом толь-

ко и сложится в России действительно сильное купечество. Английское и голландское купечество больших домов давно считается частью местной аристократии. То же было в Италии, где, например, знаменитый банкирский дом Торлония носил герцогский титул, не переставая держать банк. В Европе торговая аристократия существует без привилегии, в силу своего наследственного богатства; но у нас укоренились другие условия: русский привилегированный слой, составляющий учреждение чисто общественное, должен открываться всякой общественной силе, упрочивающей себя наследственно. Потому в России следовало бы облегчить по возможности переход в дворянство крупным купцам, остающимся купцами. По нашему мнению, было бы совершенно согласным с современными потребностями предоставить им право просить о возведении в дворянство детей, обеспеченных значительной недвижимой собственностью; почетных же граждан, владеющих капиталом определенной величины, сравнять с дворянами во всех правах. Таким образом, богатое купечество наследственное перейдет всецело в привилегированный слой общества, как и следует по духу этого учреждения; вне русского высшего класса останется только мелкое купечество, и теперь ничем не отличающееся от народа, да люди, лично нажившие себе состояние. Потому о нынешнем русском купечестве следует говорить как о лицах, а не как о сословии. Лица эти, как члены общественного самоуправления, властвуют и должны властвовать в торговых городах по естественному закону; там их главная сила, оттуда они могут заявлять в земские собрания о своих сборных нуждах и целях. Купцы, рассеянные в уездах, немногочисленны, по образованию стоят в итоге гораздо ниже дворян и пользуются значением только при большом состоянии; такое состояние — например, ценная фабрика — должно, конечно, давать им личный доступ в земское дворянское самоуправление. Вообще же голый капитал, как сила чисто вещественная, должен и цениться в общественном смысле только с вещественной стороны, сообразно своей величине. В этом отношении, для распределения наших купцов на общественные разряды нуж-

но прежде всего определить величину их капиталов подоходным налогом. Запись в гильдии, как всякому известно, ничего не выражает. Никто не сомневается в наилучшем русском духе нашего купечества, в его практичности, в его близком знакомстве с народом; но потомственных купцов у нас еще мало, и в будущем им гораздо выгоднее перейти в высшее сословие, оставаясь купцами, чем навязывать новое; уровень образования остальных очень невелик, а потому нет возможности признавать за ними общественное значение иначе, как по действительной силе — по богатству, то есть по пенсу, во много крат высшему дворянского.

Из остальных общественных званий только люди умственного труда, каковы ученые, писатели и т. п., рожденные вне дворянства, могут, смотря по степени своих заслуг, пользоваться правом и способностью участвовать в общественном самоуправлении. Число таких лиц будет у нас постепенно возрастать с развитием общества. Хотя русское дворянство, по самому своему учреждению, раздвигает ряды для сил, подрастающих снизу, но доступ в него должен все-таки подлежать серьезным условиям: иначе оно скоро перестанет быть дворянством даже в русском смысле. Вне его и под ним, в нашем растущем обществе, особенно со временем, окажется немало образованных и достойных людей, которых ни в каком случае не следует отталкивать в ряды недовольных, лишаясь вместе с тем их услуг. С другой стороны, статистика доказывает, что сословия, наследственно пользующиеся благосостоянием, размножаются туго и через некоторый срок, без подновления, даже сокращаются в числе[11]. В обоих направлениях разрастаясь и подновляясь, наше привилегированное культурное сословие будет последовательно пополняться притоками культурной подпочвы, вырастающей понемногу из народа и служащей высшему классу как бы питомником. Нельзя, стало быть, не обратить внимания на эту подпочву: незначительная покуда, она разрастется со временем. Надобно согласовать серьезность условий, полагаемых для вступления в потомственное дворянство, с потребностью открыть должный простор созревшим

личностям из низших слоев, не достигнувшим еще этого звания, что зависит чаще от удачи, чем от личных качеств. По духу своего учреждения, русское дворянство должно быть открыто образованным родам, преемственно образованным поколениям, а не каждому образованному человеку лично: для такого не отворяются даже двери ценсовой европейской буржуазии, если он не удовлетворяет прочим условиям. Но для людей среднего состояния, заслуживших внимание, может существовать, по нашему мнению, другое право, жалуемое правительством лицу не наследственно, — право личного дворянства, не в нынешнем его значении, а с полным приравнением ко всем политическим и другим дворянским правам пожизненно. Эта милость может быть даруема по представлению соответствующих начальств или земских управлений, конечно, при определенных условиях. Она станет, например, достойным увенчанием хорошей службы при отставке и введет в земство многих опытных и способных деловых людей, большинство которых, несомненно, находится у нас в администрации; она же откроет доступ в политическое сословие людям, приобретшим известность вне службы. Ничто не мешает постановить законом, что два или три поколения такого личного дворянства дают звание дворянства потомственного. При развивающемся у нас уравнении гражданских (неполитических) прав личное дворянство по закону, ныне действующему, может быть вовсе отменено.

Кроме того, было бы разумно и справедливо предоставить местному дворянству каждого уезда допускать в свою среду, также лично, людей непривилегированного звания, которых оно признает полезными общественными деятелями. Мы рассмотрим этот вопрос далее, покуда же упомянули о нем лишь для полноты. Так же точно мы полагаем нужным оговориться немедленно, предоставляя себе войти в подробности предмета ниже, что мы считали бы бесправием (надеемся, вместе с громадным большинством читателей) произвольное обложение высшим сословием низшего — деньгами или работой для земских потребностей — без согласия облагаемых: в этом последнем отношении все равны. С вышеприведенными

оговорками о купечестве, о личном дворянстве и о праве обложения мы считаем первой современной потребностью сосредоточение всего земского самоуправления в руках дворянства, отрицая всякую мысль о всесословности в современной России как вопиющую, сочиненную и опасную ложь против русской действительности.

В самодеятельном обществе доступ в полноправное потомственное сословие не может, очевидно, ограничиваться теми же условиями, какие были постановлены для общества, вся деятельность которого поглощалась государственной службой. Наш привилегированный слой тогда только оправдает вполне смысл своего учреждения, когда будет выражать собой несомненную общественную правду, когда он свяжет в одно целое, без изъятия, все живые, влиятельные, упроченные силы русской земли. Такой правды невозможно достигнуть в отношении к лицам, но она легко достижима в отношении к общественным положениям. Но прежде всего надобно установить правильно, согласно с нравами и понятиями настоящего времени, ту ступень государственной службы, которая открывает лицу доступ в потомственное дворянство; это необходимо потому, что служебное право останется у нас еще надолго общим мерилом, к которому будет пригоняться оценка всех прочих положений; не совсем верный взгляд на значение служебных степеней поведет за собой неправильность и в других отношениях. Мы думаем, что такое определение не должно быть произвольным. Закон Петра Великого, предоставлявший право дворянства всем сдаточным, произведенным в первый офицерский чин, и всем подъячим, добившимся коллежского асессора, соответствовал, может быть, потребностям того времени, когда Россия усваивала одни внешние приемы цивилизации; теперь он, очевидно, не соответствовал бы общему дворянскому уровню. Закон прошлого царствования[12], действующий поныне, соединивший дворянские права с чином полковника и IV классом гражданской службы, очевидно, слишком требователен. В конце воспитательного периода государственная мысль, на которой Петр Великий основал учреждение нового

дворянства, стала уже утрачиваться, слишком многие начали смотреть на русское *благородное* сословие западными глазами и думали принести ему пользу, туго замыкая его снизу. В теории нетрудно определить точную черту, отграничивающую людей, доросших на государственной службе до прав наследственности, от слоя общественных подростков, еще не обозначившихся. Это — люди, ставшие на такую ступень, которая обеспечивает их детям и внукам общественное положение и вероятность высшего образования, кроме каких-либо непредвидимых случайностей, — люди, упрочившие в известной мере положение не только свое, но своего потомства. При нынешней потребности образования трудно думать, чтобы дети какого-нибудь судьи, прокурора, советника палаты, начальника отделения впали опять в слой разночинцев. Вследствие того, в отношении к гражданской службе можно сказать, что обеспечение положения начинается у нас с переходом из чисто канцелярской работы в должности с правом голоса, с личным значением в своей среде. Военная служба совсем иное дело. Это — вопрос такой важности, что неправильная постановка его, при нынешнем положении Европы, может разом обратить в ничто — не только все совершенное в наше время, но даже все совершенное Петром Великим и Алексеем Михайловичем. С войной теперь шутить нельзя. Еще великий республиканец Вашингтон говорил, что армия, в которой корпус офицеров состоит не из джентльменов, никуда не годится. Желательно, чтобы в русской армии было как можно меньше речи о чине, дарующем дворянские права, чтобы наши офицеры в этом чине не нуждались. Мы посвятим особую главу отношению дворянства к армии. Но как бывают личные заслуги и как в нашем обществе оказывается и теперь уже небольшое число довольно образованных подростков не из дворян, которых всесословная повинность поставит в ряды армии, то заметим по этому поводу, что в дореволюционном французском войске чин капитана давал дворянство; наше культурное сословие не может быть требовательнее кастового дворянства, происходящего от татуированных сикамбров.

С установкой точных, соответствующих общественной действительности отношений государственной службы к правам потомственного дворянства облегчится правильная оценка положений и в других отраслях деятельности. Не принимая на себя обсуждения размера условий, открывающих двери привилегированного сословия, мы полагаем, что сама очевидность указывает на два вида таких условий: на крупное недвижимое имущество и на видную общественную заслугу.

Облеченное политическим полноправием культурное сословие, оставляющее вне себя силу богатства, будет неправдой и никогда не упрочится. Но нельзя также упускать из виду, что привилегированный наследственный слой представляет собой не итог лиц, а итог родов и что вступление в него должно быть обеспечено *по праву* только одному упроченному, а не случайному положению: иначе каждый игрок, разбогатевший во вторник и разорившийся в четверг, становился бы дворянином. Упроченным же состоянием может называться лишь состояние наследственное. Кроме того, имущество, облекающее своего владельца новыми правами, должно быть непременно значительным, хотя не огромным, во всяком случае выше среднего уровня дворянских состояний. Между правами родовыми и благоприобретенными лежит огромная разница, — разница культурного развития нескольких преемственных поколений, предполагаемого первыми, и случайности, доставляющей иногда богатство мало развитому человеку; их нельзя мерить одним аршином. Потому нам кажется справедливым, чтобы значительное недвижимое имущество открывало доступ в потомственное дворянство — не лицу, приобретшему это имущество, а его прямому наследнику; в таком случае будет гораздо более обеспечено соответствующее воспитание нового дворянина. Конечно, возвышение в дворянство, исходящее от верховной власти, не может ни в каком случае быть правом какого бы то ни было богатства; но мы думаем, что наследственное богатство должно давать у нас право просить о причислении к привилегированному сословию.

Награда дворянским званием вне государственной службы, за очевидные заслуги перед обществом, может быть только милостью верховной власти. Смеем думать, однако ж, что там, где одно только привилегированное сословие облечено политическими правами, такой награде прилично являться не в виде случайного и редкого исключения, каково было пожалование Минина думным дворянством в XVII веке. В развитом обществе всегда найдется некоторое число лиц, не добившихся, даже не искавших официальных почестей и богатства, но заслуживших известность и общее уважение своими трудами, достойных примкнуть к высшему сословию своего Отечества.

Присовокупляя к этим двум путям вступления в потомственное дворянство вне государственной службы еще третий, упомянутый выше — приобретаемый двумя или тремя поколениями личного дворянства, мы не видим уже никакой живой общественной силы, которая не могла бы добиться своего признания. Нынешнее дворянство, воспитанное исторически, последовательно пополняемое и освежаемое такими притоками, привлекающее вдобавок лично в свою среду достойных людей из низших сословий по собственному выбору или вследствие пожалования их правительством в звание личных дворян, будет в точности представлять действительную нравственную силу русской земли, составляя в то же время сословие охранительное, тесно связанное с престолом и между собой.

Самоуправление станет в России *положительным делом,* способным к действительному развитию, тогда лишь, когда оно перейдет в руки дворянства и крупного купечества на вышеприведенных условиях. Но дворянство наше многочисленно и по духу учреждения должно быть многочисленным как сословие служилое, удовлетворяющее всем потребностям государственной службы, военной и гражданской; мелкое дворянство, посвящающее себя военному делу, как в Пруссии, совершенно необходимо для армии. Потому обязанности нашего дворянства заключаются далеко не в одной только земской службе, несмотря на ее важность. Кроме того, все уездное дворянство

поголовно не может вести земского дела; собрания его стали бы похожими на сеймики польской шляхты. По этой причине у нас давно уже был введен дворянский ценс, представлявший избирательное право. Как известно, ценс этот равнялся владению ста ревизскими душами; ныне можно его положить в 1000 руб. дохода. Землевладельцы с меньшими участками почти лишены возможности правильно обрабатывать свою землю при нынешних условиях, не становясь лично рабочими. С установлением прочного кредита для крестьянского земледелия они будут, к своей же выгоде, постепенно вытесняться последним и станут жить капиталом, службой или умственным трудом. Для кастового дворянства обезземеление почти равняется уничтожению: русское привилегированное звание, достающееся в удел наследственному образованию, удовлетворительно уживается с ним. Таким образом, земское самоуправление, то есть избирательное право, будет находиться в руках ценсового дворянства, в которое надобно также включить *по праву,* независимо от ценса, известные звания, заявляющие о качестве человека: значительный чин и высокую ученую степень, если ученый — дворянин, потомственный или личный. С передачей избирательного права в надежные руки нечего будет заботиться о качестве избираемых, подводить последних под указную мерку. Хорошие избиратели ручаются за хороших избранных. Когда земское управление станет у нас *делом,* когда на этой почве раз свяжутся культурные русские силы, тогда все у нас постепенно обратится в дело — и общественное мнение, и печать, и даже акционерные компании.

Ясно очерченное положение в общественном устройстве ведет к ясным же последствиям, необходимо истекающим из данной постановки дела. Вопрос о передаче самоуправления в руки культурного сословия, то есть о признании русской действительности тем, что она есть, содержит в себе, в главных чертах, определение деятельности этого самоуправления, если б оно состоялось. Вследствие того, не принимая на себя права давать советы власти, мы считаем возможным выяснить теперь же эти главные черты.

Первое дело состоит, очевидно, в признании правильно устроенного земства прямым звеном государственной власти, местным ее орудием, с отграничением земской деятельности от чисто административной не в сущности, а только в степени, в последовательности инстанций. Мы поставили этот вопрос первым не потому только, что он действительно основной, но еще потому, что в последнее время у нас не раз заявлялись мнения, со стороны опытных и умных людей, об улучшении нынешнего местного управления уравновешиванием этих двух сил — посредством не разделения, а напротив, смешения чисто правительственной и земской деятельности. Мы же полагаем (признаемся даже, не понимаем, как можно полагать иначе), что чистосердечие и решительность земского самоуправления возможны только при несомненной ясности прав, при полной отграниченности круга действий от коронной администрации, за которой оставалось бы значение высшей инстанции и наблюдение над законностью его действий. Какую ступень администрации и в какой мере облечь правом наблюдения и приговора — это дело правительства; учреждение административных судов, подведомственных Правительствующему Сенату, представляется лучшим к тому средством; но сама задача двух видов власти, государственной и земской, отлична в основании, а потому они должны быть строго разграничены на всем пространстве государства. Отказываясь от местного хозяйничания и отдавая его в руки земцев, правительство признало последних состоятельнее в этом отношении своих личных чиновников. Но не в одном хозяйстве, а вообще во всех отправлениях уездной жизни хорошие и образованные местные деятели не только более знакомы с нуждами управляемых и более внимательны к ним, но даже в чисто правительственных видах они гораздо благонадежнее мелких чиновников, из которых составляется нынешняя уездная власть, заслуживать полного доверия правительства может или тщательно выбранное следственно высшее лицо, или же съезд дворянства, а не вицмундирный фрак, облекающий кого бы то ни было. Потому, когда самоуправление поступит в руки совершенно надежных,

связных и образованных людей, таких людей, которых правительство будет вправе считать *своими,* то свыше, вероятно, не затруднятся расширить круг их деятельности, передать вполне уездное управление их заведыванию — так как мелкое поземельное деление, называемое уездом, лишено всякого политического значения. Земские люди, поставленные в надлежащее положение, могут лучше присмотреть за местной полицией, за тюрьмой, за неблагонадежными (даже политически) людьми, за сбором податей, чем чиновники, набираемые из самого низшего административного состава; но они не могут быть официальными советниками губернской власти, по желанию некоторых, так как она есть орудие власти верховной, преследующей общегосударственную пользу, которую нельзя отдавать на обсуждение местных земств. Это значило бы подчинять высшие цели, единые для всей империи, взглядам людей каждой области отдельно. Московские цари советовались с Земским собором, выражавшим всероссийское мнение, что совсем иное дело — с обеих сторон единство было соблюдено.

В местном же земстве это не так. Между *местными* властями — правительственной и земской — лежит та существенная разница, что первая служит государственным потребностям, господствующим над местными; она принимает последние во внимание только по мере возможности, между тем как для второй существуют лишь эти местные потребности. Обе они могут и должны действовать согласно, но почти всегда с подчинением взглядов второй взгляду первой, а потому они несоизмеримы между собой. Никакое, даже конституционное, правительство не может поступиться правом держать в областях государственную власть, как бы ни были широки права земства, исключительно в своих руках, без противовеса и земских советников с правом голоса; оно не может отказаться от обязанности наблюдать за действиями земства с высоты, не становясь на один с ним уровень; оно не должно быть прямо замешано в земские распоряжения, чтобы сохранять свободу отменить каждое из них, противоречащее общим видам государства. Потому правительственным органам следует стоять

совершенно отдельно и выше. С другой стороны, земству нет никакой выгоды сочетаться с официальной местной властью в нечто общее, как бы среднее: такое сочетание открыло бы доступ вмешательству администрации во все земские дела без исключения, в вознаграждение за слабое вмешательство земства в дела административные. Сожительство глиняного горшка с железным опасно, конечно, не последнему. И для государственной, и для земской власти гораздо выгоднее действовать в своем отграниченном круге; тогда каждая отвечает за себя и самостоятельно пользуется своими правами. Самый естественный способ разграничения этих двух властей состоит в локализации второй, в передаче земству уездного управления всецело, за исключением специальных частей, которые правительство сочтет нужным удержать за собой, как, например, казначейство. Тогда земская и административная деятельность будут разграничены между собой совершенно ясно по инстанциям. С образованием вполне надежного земства вмешательство администрации в его дела должно было бы ограничиваться четырьмя способами действия: надзором за точным исполнением правительственных распоряжений, утверждением или назначением должностных лиц из местных жителей, преследованием виновных судом и приостановкой мер, несогласных с правительственными видами, до решения административного суда или высшей власти, как будет установлено. Для наблюдения за действиями земства, если это признается нужным, достаточно держать в уезде одного коронного чиновника с правом протеста на каждое незаконное распоряжение; затем нет надобности подвергать все прочие, неопротестованные распоряжения никакому предварительному рассмотрению.

Если средоточием земского самоуправления станет ценсовое дворянство, то правительство будет относиться к нему, без малейшего сомнения, с таким же полным доверием, с каким оно относится к собственным чиновникам. Русское дворянство есть и должно быть прежде всего сословием служилым. Изменение этого порядка, не только в основании, но и на практике, вовсе не желательно; мы далеко не выиграем, если значитель-

ное число дворян с ранней молодости посвятит себя земскому делу, не пройдя предварительно через государственную службу — не в виде обязательной повинности, а по доброй воле, следуя примеру отцов. Дворянин, прослуживший некоторый срок и возвращающийся в свое поместье между тридцатью и сорока годами жизни, приезжает домой человеком опытным, с несравненно более развитым умом и характером, чем его сосед, навеки засевший в захолустье или покидавший его только для собственного развлечения; через два-три года первый поймет даже земское дело лучше, внесет в него больше силы и жизни, чем лицо, просидевшее на нем весь свой век без всякой другой практики. С сохранением всеобщей служилости, как коренного дворянского обычая, нарушение которого противоречило бы нравам (что вполне в воле правительства), члены ценсового дворянства, служащие и отставные, останутся в глазах верховной власти теми же офицерами и чиновниками, как прочие, но притом они будут еще местными дворянами-избирателями, значит — вдвойне своими людьми для власти. Более видное, чем теперь, положение дворянства соберет рассеявшихся, даст всему сословию иные, более связные привычки; сословие станет властным над своими членами. Желательно, чтобы в России завелся всеобщий обычай (создание которого также совершенно зависит от правительства), чтобы все ценсовые дворяне, где бы они ни находились, возвращались временно на родину и были бы для того по закону увольняемы в отпуск из службы, к трехлетним выборам; чтобы каждый государственный сановник, каждый министр являлся к этим выборам и садился на скамье избирателей своего уезда наряду с прочими. В серьезной постановке земского дела — вся будущность России; нельзя останавливаться ни перед какими усилиями, чтобы наконец двинуть его.

Первым правом ценсового дворянства, облеченного доверием свыше, должно быть право судить самостоятельно о достоинстве и способности каждого из своих членов — и прирожденного, и вновь вступающего в его ряды, потомственно или лично, и избираемого в земские должности, без всякой

указной, навязанной со стороны мерки за исключением, конечно, тех случаев, когда права лица ограничены судебным приговором. Правительство, без сомнения, оставит за собой утверждение выборов на высшие земские должности; может быть, оно удержит также право прямого назначения известных ему местных жителей на некоторые из этих должностей. Такой двойной контроль будет весьма достаточным. Но затем земское дело станет вполне живым делом тогда лишь, когда местные избиратели станут единственными судьями вопроса о том, кто заслуживает или не заслуживает, независимо от своего общественного положения, стоять в их рядах, когда за ними признается неотъемлемое право принять в свою среду или избрать на должность всякого достойного, какого бы он звания ни был, и в то же время исключить из нее всякого недостойного, также кто бы он ни был. Ценсовое дворянское избирательство — не всенародная подача голосов, даже не разношерстная французская буржуазия тридцатых годов; оно будет состоять из отборных людей, а потому должно быть тесно сплочено между собой и ответственно перед правительством и мнением России за свои совокупные действия, стало быть за каждого из своих членов. Существенное ручательство за избираемых заключается не во внешних, совершенно неуловимых признаках, а в качестве и свободе действий избирателей; при таком только условии они будут в состоянии принять на себя полную ответственность за все совершаемое. Из русского народа выдаются по временам такие удивительные личности, что иной содержатель постоялого двора может стать превосходным земским деятелем. Ведь примут же его в дворянское собрание по ценсу, если он станет купцом и наживет миллион, — а достоинство человека нельзя мерить одним искусством наживать деньги. Судьями этого достоинства должны быть избиратели. Так же точно никакое пышное общественное положение не ручается за качества человека, а потому избиратели должны иметь возможность очистить свою среду от лица, смущающего или роняющего ее, даже просто от лица, последовательно от нее отстраняющегося, выказывающего явное равнодушие к общему

делу. Очень желательно, чтобы исключение ценсовым дворянством кого-либо из числа местных избирателей отзывалось и на других его правах; связное государственное сословие должно владеть в некоторой степени принудительной властью над своими членами, иначе оно не будет иметь силы для выполнения своей задачи во всей ее широте. Мы полагаем также, что местные избиратели не должны быть обязаны принять в свою среду новое лицо, хотя бы удовлетворяющее всем требованиям закона, без предварительного голосования. Отмена подобных постановлений может принадлежать одной только верховной воле и никому другому.

С перенесением на избирателей полной ответственности за избираемых должен прекратиться всякий ценс по образованию. В одних варварских странах, куда только что еще начинают пересаживать знание с чужой почвы, можно расценивать сорокалетних людей по баллам, полученным ими на экзамене. Кто знает, чему научился человек от двадцати до сорока лет своей жизни? Не ставить же седовласых старцев на экзамен по знаменитому закону Сперанского. Надобно признать, что наука жизни несравненно выше науки школы.

При ценсовом дворянстве управление, то есть право начальственных распоряжений по уезду и исполнение предписаний высших властей, должно бы находиться исключительно в руках лиц, избранных дворянством. Мы не беремся обсуждать самый способ назначения на земские должности, требующий, для правильной постановки, предварительного совещания правительства с земскими людьми. Способ этот может быть двоякий для различных должностей: избрание дворянством или же назначение от высшей власти из местных жителей. Ничто не мешает обоим способам действовать одновременно, особенно в начале, пополняя вторым все то, чего не будет в состоянии достигнуть удовлетворительным образом первый. Прямое назначение станет в руках правительства средством к возбуждению деятельности местных избирателей. Они будут осмотрительнее и старательнее, зная, что высшая власть, во всяком случае, может обойтись без кандидата их выбора. Главным лицом уез-

да остался бы, понятно, предводитель дворянства, но в таком случае для определения новых прав его должности потребовались бы новые постановления. Возможно также оставить предводителя главой и блюстителем сословия, придав ему помощника для управления местной полицией, непосредственно ему подчиненного, если б предводитель не хотел или не мог соединить в себе оба эти звания. Понятно, что подвижность и практичная распорядительность, нужные полицейскому деятелю, — не те свойства, по которым должен расцениваться предводитель, хотя они необходимы на своем месте. Прямое же назначение от правительства главы уезда, который вместе с тем станет и главой сословным, наподобие нынешних предводителей западных губерний (или прусского ландрата), противоречило бы в корне нашему естественному порядку. Глава этот, навязанный местным избирателям, никогда не будет пользоваться должным влиянием в их среде, что повело бы к нравственному разброду самого сословия, от единодушия которого зависит прочность нашего общественного порядка и развитие русской жизни. Потому земское самоуправление, передаваемое в руки культурного сословия, никак не может обойтись без избираемого сословного предводителя. Лицо предводителя становится, таким образом, связующим звеном между верховной властью и руководящим сословием (то есть всем земством), какова бы ни была официальная его обстановка — что достаточно показывает важность самой должности в общем государственном строе. Качества, потребные для этого высокого звания, чисто нравственные, требующие прежде всего почтения снизу и доверия сверху, независимо от лет, здоровья и даже от практической распорядительности и служебной точности, могут часто не совмещаться с деятельностью и исполнительностью, необходимыми в начальнике уездного управления и уездной полиции; хотя, с другой стороны, никакие способности практического деятеля не могут заменить их. Вследствие того, надо думать, нередко окажется надобность придавать уездному предводителю подчиненного ему помощника из местных жителей для прямого заведывания земским управлением и сделать эту вто-

рую должность, требующую внешней энергии и подвижности, не почетной, а платной, не возводя, однако ж, такого разделения занятий в общее правило и предоставляя на волю предводителя соединять обе должности в своем лице.

Затем первое дело заключается в устройстве волости как низшей земской единицы, можно сказать даже — единицы государственного деления, так как в ней должны сосредоточиваться все первоначальные меры, все зародыши самых важных отправлений общегосударственной деятельности: полиции, поставки рекрут, сбора податей. Этот предмет не раз уже обсуждался в русской печати с разных точек зрения, причем все суждения всегда сходились на одном выводе: на важности волости, без надлежащего устройства которой у нас ничто не будет прочно устроено. Действительно, пока в волости не существует надлежащего присмотра и руководства, надо сказать, что все сельское население русского царства остается без присмотра и руководства, отдается в произвольное распоряжение волостных писарей. С таким порядком дела в корнях мы не далеко уйдем, как бы ни старались разукрашивать верхушки государственного здания. При сосредоточении земского самоуправления в руках ценсового дворянства управление волостями, как начальными ячейками всего общественного склада, должно, очевидно, принадлежать ему же. Мы не считаем возможным вдаваться в обсуждение практического решения этого вопроса, как и всех подобных вопросов, но выскажем свое мнение, охотно уступая преимущество иному, лучшему, когда оно явится. Мы думаем, что земское управление должно быть, покуда сколько возможно дешевым, несложным и ограничиваться наименьшим числом лиц: иначе его благодеяния не окупят его стоимости, а земские должности станут одной декорацией, или, что еще хуже, приманкой для личной выгоды; их теперь уже больше, чем находится для них подходящих людей. Ввиду этих целей нам кажется самым выгодным соединение звания волостного попечителя и местного мирового судьи в лице местного помещика по выбору дворянства всего уезда, но из лиц, живущих в волости или близ нее — бесплатно; если же

такового не окажется, что на первых порах надо предвидеть во многих местностях, а в некоторых губерниях даже постоянно, то по назначению правительства — из местных людей, с жалованьем от земства. Прямое назначение в подобном случае будет именно тем средством возбуждения местной деятельности, о котором мы говорили выше. Выборный от крестьян волостной голова может служить помощником начальнику и исправлять должность в его короткие отсутствия. Управление уездом легко сосредоточится тогда в съезде этих волостных начальников, вместе с городским головой, под председательством предводителя; придется, может быть, добавить одного или двух членов для постоянных занятий в центре уезда. Заведывание местной полицией перейдет с таким устройством прямо в руки волостных попечителей, то есть местного цензового дворянства; правительство снимет с себя эту обузу, носимую покуда очень неудовлетворительно несколькими мелкими коронными чиновниками, совершенно неспособными следить за нравственной стороной населения. При довольно большом числе волостных начальников, съезды мирового суда можно будет собирать не со всего уезда разом, а в каждой местности отдельно и поочередно. Уездное управление в таком виде будет состоять, по крайней мере, из людей, уважающих себя, ответственных друг за друга, действительно знакомых с делом и с местными условиями; во всяком же случае оно не обременит земство расходами на содержание постоянно возрастающего числа сочиняемых им чиновников. В местных кандидатах не должно оказываться недостатка. Выборная служба в уезде, полагаем, должна быть по существу установления обязательной на известный срок для всякого не служащего государству цензового дворянина — дома он или в отсутствии.

Мы окинули беглым взглядом только внутреннее устройство сословного самоуправления, как оно может быть постановлено. Мы сказали уже, что выдаем свою мысль не за лучшее решение, а лишь за одно из возможных решений вопроса. Посмотрим теперь, в какие отношения сословное самоуправление стало бы к низшим слоям, к народу.

Наше земское самоуправление станет живым делом лишь при дворянской закваске, под высшим и беспристрастным наблюдением правительства, одинаково принимающего к сердцу пользы всех сословий, не допускающего никого злоупотреблять своим положением для личной выгоды, но владеющего, для осуществления своих целей, только двумя орудиями, между которыми приходится ныне выбирать, — бюрократией или дворянством. Бюрократия представляет известное обеспечение благонадежности и способности только в высших слоях, тех именно, которые ведут управление — можно сказать теоретически, не соприкасаясь с жизнью прямо; чем ниже, тем личный состав ее становится слабее и, наконец, в самом низу, в уезде, где приходится непосредственно иметь дело с населением, оказывается совсем несостоятельным. Дворянство же, напротив, особенно дворянство землевладельческое, ценсовое, как слой однородный, представляет почти тот же итог нравственных сил внизу, как и вверху, в уезде, как и в столице; разница оказывается только в блеске положений, а не в действительной способности. Когда наши дворяне хозяйничали в своих имениях, когда большинство отставных отправлялись доживать свой век на родину, — в каждом уезде можно было найти немало образованных и, что еще важнее, уважающих себя людей. Так должно быть и впредь, так будет, как только устранятся неблагоприятные условия, рассеявшие по свету русских помещиков, — условия, неизбежно вытекшие из переходных и неопределенных отношений послереформенной полосы времени. Правительство воспитательного периода имело понятные побуждения управлять даже местным бытом посредством своих личных слуг-чиновников; но у правительства, воззвавшего русских людей к самостоятельности, таких побуждений не может быть. Остается практический вопрос, которого, в сущности, нельзя даже поставить: кто благонадежнее для управления уездными делами, заключающими в себе корни всей государственной жизни, — местное ли дворянство или последний слой чиновников, набираемых в полуграмотном фрачном пролетариате, столь же чуждом правительству,

как и местному обществу? Покуда отправления уездной жизни были у нас чисто механические и состояли исключительно в сборе податей, поставке рекрут, поимке беглых и починке мостов, мелкие чиновники с грехом пополам удовлетворяли потребности; но они оказались безнадежно несостоятельными, как только возник первый вопрос о нравственных отношениях к населению; а эти нравственные вопросы станут плодиться теперь с каждым днем. В политических видах разделение власти в уезде вовсе не нужно, так как верховная власть может положиться на свое дворянство, взятое, как сословие, несравненно более чем на какую бы то ни было группу чиновников — всякий это знает. В смысле исполнительности было бы странно возлагать полицейские обязанности в уезде на двух становых приставов, когда над каждой волостью станет благонадежный попечитель. В отношении связности с губернским начальством каждый должностной дворянин становится в положение чиновника, ответственного перед судом за нерадение к своим обязанностям. Английская сельская полиция слывет образцовой, находясь исключительно в руках мировых судей — местных помещиков.

Ясно, однако ж, что дворянство будет поставлено в приличное ему положение тогда лишь, когда ему придется *не добиваться* преобладания в местном обществе, а *пользоваться* им как своим законным правом, для чего нужно не избрание в земские должности из дворян, а напротив — избрание в эти должности дворянами — кого угодно; нужно, чтобы сословие земских избирателей заключалось в дворянстве, с вышеупомянутыми дополнениями. Цель не была бы вовсе достигнута, если б, например, крестьянам было предоставлено право выбирать дворян в волостные головы, как желают некоторые. Кроме того, что в настоящее время, по общему сознанию, нужна всесословная волость, причем часто пришлось бы человеку высшего положения стать под управление какого-нибудь целовальника, взявшего верх на выборах, что повело бы к окончательному растлению нашего общественного строя, и без того уже поколебленного; но современная потребность состоит

именно в том, чтобы дать руководство невежественной толпе, не умеющей выработать определенного мнения, а не получать руководства от нее. При выборном сословном начале для всего уезда крестьянское самоуправление под надзором волостных попечителей, данных ему дворянством, могло бы остаться почти в нынешнем своем виде, с некоторыми только указанными опытом улучшениями. Крестьянские мирские сходки удовлетворительно достигают цели в предметах, доступных личному пониманию крестьянина; никто не возьмется учить их распределению общинных угодий и повинностей, как и всяким потребностям их сельской жизни; несостоятельность их в других отношениях происходит, следовательно, не от бессвязности сельского мира и не от неспособности русского простолюдина к самоуправлению, давно ему известному, а от малодоступности для него предметов, навязанных его обсуждению. Замкнутый в мужичьем мире, он остался совсем без руководителей и попадает теперь в жертву каждому полуграмотному плуту. Попечители из образованного сословия устранят этот недостаток, не мешая крестьянскому самоуправлению, напротив того, развивая и укрепляя его постепенно. Попечительство будет не произволом, так как оно станет под надзор уездного съезда, представляющего все местное образованное сословие; за законностью его действий будет наблюдать и правительственная власть. С другой стороны, дворянское попечительство в волостях положит конец неустройству, заставившему значительную часть помещиков разбежаться в шестидесятых годах; оно сделает жизнь в деревне возможной и удобной и само нарастит свои силы, привлекая к земскому делу стольких отставших, привлекая и новобранцев высшего сословия, прирастающих теперь почти исключительно к городам.

Считая необходимым объединение в руках дворянства местного управления, то есть, как мы сказали выше, избрания целей, средств и деятелей, мы вовсе не желаем, чтобы другие сословия лишились голоса в делах, прямо касающихся их польз. Такое лишение было бы противоречием русской истории, чуждой сословного преобладания, создавшей на-

следственное культурное сословие как орудие, а не как цель общегосударственной жизни. Кроме того, что себялюбие сословное, как и личное, должно быть обуздано законом, мы полагаем также, что никого нельзя благодетельствовать против его воли. Потому мы не только считаем необходимым сохранение городского и сельского самоуправления (распространяя первое на самые маленькие городки и ставя последнее не под произвол, а лишь под руководство образованного общества), но полагаем также, что голос в местном самоуправлении должен принадлежать по праву каждой группе людей, связанных взаимными интересами, — не одной земледельческой общине или известному числу земледельцев данной местности, но также всякому значительному промыслу, желающему заявить о своих сборных потребностях. Тем не менее в благоустроенном обществе обширность права голоса (если можно так выразиться), круг предоставляемых ему вопросов, должен соответствовать его умственному кругозору, иначе самоуправление обращается в ложь и в интригу, вопросы голосуются бессознательно, как ныне. Нельзя облагать земскими сборами без собственного согласия, — разве количество или предмет этих сборов постановлены законом, — но тогда дело будет идти не об обложении, а о разложении. Самая видимая польза какого-либо общественного расхода нисколько не устанавливает его законности, если он превышает средства плательщиков или не соответствует *их* понятию о пользе, многое кажется необходимым англичанину, в чем русский крестьянин не видит никакой надобности и нисколько не сочтет себя счастливым, если ему станут насильно навязывать английские потребности. Прежде чем жить хорошо, надо быть в состоянии прожить как-нибудь; а потому обязанность высшего сословия, в руки которого отдано управление, состоит, в подобном случае, в том лишь, чтобы убеждать, а никак не принуждать местных плательщиков. С другой стороны, как мы уже говорили, каждый сборный интерес должен иметь право заявлять о своих нуждах перед управлением; он имеет также естественное право, думаем, ставить свое согласие на требуемые от него жертвы в зависи-

мости от удовлетворения заявляемым им нуждам. В обоих отношениях и для обеих целей нынешние всесословные земские собрания необходимы в местном самоуправлении, только, полагаем, не с той задачей и отчасти даже не в том виде, какие им даны. Первая слишком широка для них, второй — слишком узок. Назначение их должно бы состоять исключительно в утверждении земских налогов, рассмотрении денежной отчетности, заявлении об общественных нуждах и выборе лиц, распоряжающихся общественными суммами; без последнего условия контроль собрания над своим местным бюджетом не может стать действительным. Но выбор должностных лиц, облеченных исполнительной властью во всех других отношениях, пользующихся правами полиции, суда и нравственного надзора за населением, так же как правом вести сношения с высшими инстанциями о местных потребностях и об общих вопросах, должны, естественно, принадлежать просвещенному собранию ценсового дворянства и лиц, допущенных им в свой круг; вести управление в прямом значении этого слова могут лишь выборные дворянства.

Что касается состава земского собрания, правильно представляющего уезд, то он определяется самим кругом его деятельности и справедливостью, требующей уравнения всех плательщиков в установлении и несении налога, независимо от их званий; место в собрании должно бы оставаться по праву за всяким ценсовым имуществом в уезде, кому бы оно ни принадлежало: землевладельцу ли, общине ли, городскому ли владельцу или капиталисту. Мы совершенно согласны с князем Васильчиковым в том отношении, что каждая крестьянская община есть такой же землевладелец, как и всякий другой. Но едва ли настоит надобность в представительстве дробных имуществ сборными голосами. Мы не станем обсуждать этого вопроса, относящегося к подробностям; но можно заметить следующее: когда имущественные интересы ограждены, с одной стороны, крупными владельцами, а с другой — крестьянскими общинами, то из-за чего принуждать мелких собственников тратиться на выборы? Было бы другое дело,

если б наши общинники поделились, — в этом случае они посылали бы выборных от волости; но этого еще нет и не предвидится скоро. Хотя собственно земское собрание должно представлять, по нашему пониманию, только денежные интересы, а не местную власть, но оно все-таки окажется прочнее, будет охранительнее и расчетливее, состоя из лиц, представляющих свои собственные, а не сборные и чужие выгоды. С сохранением земских собраний, хотя бы в несколько измененном против нынешнего состава, переход к новому виду самоуправления совершился бы легко и был бы мало заметен для народа, что также важно. Для первого раза было бы достаточно перенести выборы должностных земских лиц, кроме заведующих общественными суммами, в дворянское собрание.

Самоуправление осуществимо только в уезде. Нынешняя губерния не представляет для него никаких данных; она есть единица чисто административная и дробная. Было бы иное дело, если б Россия была поделена на области более крупные, соответствующие естественным географическим или этнографическим отделам, тяготеющие каждая к своим торговым путям и к своему собственному, значительному центру, управляемые самостоятельными, близкими к престолу сановниками; такая область имела бы личность, а потому и потребность выражать ее в областном представительстве. Мы думаем, что вопрос о таком делении возбудится у нас когда-нибудь сам собой, в числе многих великих вопросов, предстоящих нам в будущем. Россия срослась слишком крепко, чтобы можно было опасаться за ее единство при какой бы то ни было самостоятельности областей, а между тем в таком обширном теле сосредоточение всей общественной и умственной жизни исключительно в одном центре невозможно без постепенного омертвления членов. Мы видим уже это омертвение на деле: вне Петербурга и Москвы русская мысль не шевелится еще гораздо более, чем она не шевелится во Франции вне Парижа, — в чем заключается одна из опаснейших болезней французского народа; при нашей же государственной обширности эта опасность еще очевиднее: затянувшись слишком надолго, она погрузит в мертвую спячку девять десятых

наших духовных сил. Надо заметить также, что ни одна из наших губерний не срослась еще во что-нибудь целое, и никогда не срастется, по своей незначительности и искусственности, не допускающих самостоятельных интересов. Никто не слыхал от заволжского симбирца жалобы на то, что его обратили в самарца; поэтому новая областная перестройка государства не заденет у нас никакого существующего интереса, но, несомненно, создаст со временем живые сборные интересы. Но тут — вопрос будущего, никак не относящийся к нашему поколению; у ныне живущих людей есть только одна внутренняя задача, самая великая из задач: искоренить общественную разрозненность, при которой все осаждающие нас вопросы останутся навсегда мертворожденными. Мы упомянули об областном делении для того только, чтобы оговорить несостоятельность нынешних губерний в смысле единства и общегосударственного значения. Но тем не менее некоторое объединение, если не самоуправления, то по крайней мере направления уездных самоуправлений нужно и в нынешней губернии, для чего и учрежден для нее центральный орган. Кроме того, дворянство каждой губернии (одно между всеми сословиями) несколько срослось уже между собой; ему нужен общий представитель и в некоторых случаях общий съезд; уездов слишком много, чтобы каждый из них мог ходатайствовать о своих делах перед правительством. Губернский предводитель дворянства необходим как глава, представитель и ходатай сословия.

С переходом самоуправления в сословные руки, если бы оно осуществилось, глава этот не может оставаться только почетным лицом; он станет средоточием всех самоуправлений и в этом качестве должен пользоваться правом созывать предводителей и выборных дворянства по мере надобности, а в особенно важных случаях или в очередные сроки — собрание всего ценсового дворянства с причисленными к нему лицами. Без полного, достаточно заслуженного доверия свыше к дворянству, самоуправление у нас не пойдет; а потому желательно, чтобы губернский предводитель не только не был стеснен в необходимых ему правах, но пользовался бы совеща-

тельным голосом в высшей правительственной среде. Можно положиться на здравый смысл русского развитого сословия: когда губернский предводитель станет из амфитриона[13], каким он был доселе, лицом с государственным значением, — оно станет выбирать в эту должность соответствующих ей людей. Значение лица губернского предводителя не может стеснить губернаторской власти. Губернатор останется представителем правительства, начальником коронной администрации и высшим прокурором государственной власти при местном самоуправлении, не допуская его выходить из указанных ему пределов; с него должно быть снято только звание хозяина губернии, составляющее уже теперь вопиющее противоречие, так как хозяйство отдано официально в другие руки. Мы признаем за губернскими съездами значение только в смысле съездов дворянства как сословия, облеченного правительством известной долей самостоятельности, но не видим никакой цели в губернском всесословном собрании, если задача всесословных собраний будет ограничена утверждением налогов. Для этого им нет надобности съезжаться вместе. Даже в случае необходимости какого-либо общего налога по губернии он может быть голосован на месте, большинством (по счету) уездных собраний. Мы думаем, что вообще задачи государственного управления, дворянского самоуправления и имущественного права утверждения и расходования местных налогов должны быть строго разграничены между собой.

V

ВОСПИТАНИЕ, ЦЕРКОВНИКИ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ ГРУППА, БЮРОКРАТИЯ И ЗЕМСТВО

Изо всего до сих пор сказанного читатели видят, что, в нашем мнении, самая настоятельная потребность текущего времени — передача самоуправления в руки культурного со-

словия — необходима по двум причинам и для двух предметов: она нужна вместе как средство и как цель. Одно только образованное общество, проникнутое государственными и общественными преданиями исторической России, может дать правильную постановку земскому делу и вести его самостоятельно, пользуясь полным доверием правительства; до сих пор цель не достигалась, потому что развитому слою приходилось в общественных делах спускаться на уровень толпы вместо того, чтобы стараться постепенно подымать толпу на свой уровень. Наше новое, ныне действующее земское устройство, в сущности, уподобило нас более Франции, чем Англии и Америке. В таком положении нельзя оставаться. Дворянство составляет естественное и покуда единственное орудие в руках правительства для развития общегосударственной жизни и установления порядка в русской земле. В этом отношении, оно — средство. Но, как ни важна эта сторона дела, существует другая, еще более важная. Обезличивание и бессвязность, которыми страдает наше образованное общество, отсутствие сложившегося мнения и неумение действовать сообща, — парализующие в корне современную Россию и вытекающие, несомненно, из долгой отвычки от совокупной жизни, из полуторавековой невозможности проверить свое теоретическое и чужеземное образование на коренных свойствах своей собственной почвы, — вынуждают прежде всего к объединению культурных сил, к возбуждению их самодеятельности, одним словом — к их сращиванию в подобающем им круге действия — для восстановления нравственной национальной личности. Известное дело, что из питомника нельзя вырастить лес, не огородив его. Самостоятельная русская мысль возникнет из нестройного, накопленного нами в течение полутораста лет умственного материала только при содействии сознательной общественной жизни образованного слоя, непосредственно соприкасающегося с народом, но не растворяемого в нем. В этом отношении известное обособление высшего сословия заключает в себе уже не средство только, а прямую цель современной русской истории. Восьмидесятимиллионному государ-

ству нельзя существовать в наше время на европейской почве без умственной самостоятельности, без народности, выражающейся ясно, даже преимущественно, в его развитых слоях, и без связного культурного общества.

От этого общества у нас, как и везде, зависит историческое значение нации. В степени его образованности и в зрелости проникающего его духа заключается устой и будущность русского народа как отдельной человеческой семьи. Потому задача текущего времени, после установления твердой связи культурного сословия с престолом, между собой и с народом, заключается в том, чтобы поднять уровень его образования на возможную высоту. Надобно сосредоточить, а не рассыпать наши образовательные средства. Нам кажется очевидным, что в современной России оказывается потребность только в трех совершенно определенных ступенях общественного воспитания: грамотности для народа, технического обучения для молодых людей, перерастающих чернорабочий слой вследствие зажиточности своих родителей, и науки, в полном значении слова, для культурного класса. Особая система образования в среде духовенства, как специальная, не идет в счет. С прекращением источника, постоянно вливавшего в высшее русское сословие толпу неразвитых личностей, в виде детей нижних чинов, произведенных в первый офицерский чин, которым это производство давало дворянские права — у нас будут оказываться реже и реже дворяне, не получившие приличного воспитания; но надо, чтобы их вовсе не было, кроме каких-нибудь непредвидимых исключений. В дворянстве не ценсовом у нас много людей без средств, а между тем этим отделом его должна преимущественно пополняться государственная служба, особенно же армия, для чего нужны образованные люди. Но даже небогатому слою ценсового дворянства трудно обойтись без пособия. Землевладелец с тысячью рублями дохода, составляющими приблизительно низший ценс полноправного сословия (так как при этом доходе можно жить с имения, не становясь с работником), будет все-таки очень затруднен в воспитании нескольких детей. При должной связности местного

дворянства он найдет в своем сословии, можно надеяться, некоторую опору для такой вопиющей потребности, — но опору далеко не достаточную для всех. Если бы у нас каждый образовывался на свой счет, как в Англии, то нечего было бы и говорить о пособии.

Но это пособие существует в России в виде многочисленных стипендий, распределяемых в настоящее время совершенно произвольно, преимущественно самым бедным молодым людям низших сословий, которые без приманки такого оранжерейного выращивания искали бы других, хлебных занятий и не выбивались бы непомерными усилиями в господа, чтобы потом, за немногими исключениями, голодать всю жизнь, вопить против неравенства общественных условий и сочувствовать всей душой парижским бунтам. Выпускаемые в общество, чуждое им, в котором у них нет ни связей, ни точки опоры, эти искусственно высиженные культурные подростки начинают свою жизнь годами бедствования, наполняющими их желчью навсегда, даже в случае позднейшего успеха; а многим ли из них выпадает на долю успех? Мало ли читаем мы в газетах известий о самоубийстве, смерти от истощения, объявлений о готовности вступить хоть в домашнюю прислугу этих жертв напускной русской учености, которые, при другом направлении воспитания, стали бы зажиточными, преданными, довольными своей судьбой техниками, восполняя в то же время вопиющие потребности русской производительности, до сих пор не удовлетворенные? Если мы покуда еще не можем совсем отвыкнуть от подражания, то будем лучше подражать Европе, где бедные воспитанники учатся хлебным знаниям, чем Китаю, в котором существует только одна наука — философия Конфуция, преподаваемая всем без различия, от мандаринчика с красной пуговкой до великого мандарина с павлиньим пером. Мы настроили множество заведений для классической науки и толкаем всю Россию в университет, выписывая в то же время машинистов железной дороги из-за границы по неимению своих. С одной стороны, эта болезнь у нас застарелая — мы начали с перехватывания верхов, а не низов; с другой — она чрезвы-

чайно усилилась во время белой горячки русского общества, прозванной нигилизмом. В ту пору один из попечителей учебных округов написал чрезвычайно дельную статью о значении университета и об отношении степеней образования к различным общественным слоям; но тогдашняя печать накинулась на нее как на ретроградную[14]. Была ли возможность серьезным людям разговаривать с обществом, руководимым в большинстве *мыслителями* «Современника» и «Полярной Звезды». Но теперь разлив вошел в русло, надо подумать о деле. Русское дворянство, как культурный народный слой, открыто всякой силе, подросшей снизу, но только силе — то есть экономическому положению или дарованию, умеющему пробиться, — а не толпе искусственно высиживаемых, посредственных и, в сущности, даже по окончании университетского курса, вовсе еще не образованных мальчиков. Если дело в том, чтобы переряжать как можно больше людей из поддевки во фрак, купленный на Щукином дворе, то это можно бы сделать легче, следуя шуточному совету одного вельможи пятнадцатых годов — сравнять всю Россию со станционными смотрителями, произведя ее в четырнадцатый класс. Мы высказали свое мнение и не думаем встретить много противников: нашему Отечеству необходимы образованное дворянство, большое распространение технических и промышленных знаний в средних состояниях и грамотный народ. Каждому свое. Без серьезного и поголовного образования дворянства мы не дойдем никуда, а потому, думаем, надобно сосредоточить на воспитании небогатых низов наследственного сословия почти исключительно все стипендии, находящиеся в руках правительства. Для поощрения заметно способных молодых людей низших званий, по нашему мнению, было бы достаточно назначить по одной всесословной стипендии на гимназию, но с тем, чтобы потом уже не покидать этих выбранных воспитанников на произвол судьбы.

Мы выставили пропорцию приблизительно, установить ее — есть дело специалистов. Затем нужно большое распространение технических школ, не в каких-либо центрах, а по всей поверхности государства, соответственно хозяйствен-

ным и промышленным потребностям каждой области. Следуя таким путем, мы станем наконец образованным народом не на словах, а на деле.

Прежде всего надобно постараться направить в эту сторону — к реальному и промышленному воспитанию — многочисленный приток подростков духовного звания, выходящих из церкви в свет. На наших глазах происходит странное и безобразное явление: нигилизм набирал и набирает главных своих приверженцев из среды детей, рожденных, можно сказать, в церковной ограде; достаточно посчитать известных вожаков. Отцы проповедуют Евангелие, а сыновья в значительном числе — безбожие и разрушение общественных начал. Это явление объясняется не чем иным, как ложным общественным положением последних. Недавно еще знание считалось у нас редкостью; достаточно было знать что-нибудь для устройства себе отгороженного уголка в жизни; из семинаристов, вступивших в службу, вместе с произведенными унтер-офицерами, составилась чуть ли не половина послепетровского дворянства. Но теперь, очевидно, прекратился запрос на полуобразованных, не обладающих прикладными знаниями людей, каких выпускает семинария в мир. Им приходится биться как рыбе об лед; получаемое ими схоластическое воспитание, устраняющее Хомякова для ограждения неприкосновенности учебников XVII в., мало укрепляет их нравственно; немудрено, что многие из них проникаются ненавистью к обществу в первые годы этой бесплодной борьбы и увлекаются в крайности. Между тем наше церковное сословие многочисленно и покуда, к несчастью, наследственно в действительности, несмотря на букву закона, недавно уничтожившего эту наследственность на бумаге. Вдобавок дети священников, занимающих самое почетное положение, никогда не отграниченные точно от детей последних причетников, дьячков и пономарей, в последнее время сравнены с ними во всех правах, даже служебных — что окрыляет всех бесчисленных подростков духовного звания одинаковыми надеждами, придает всем одинаковое честолюбие, чтобы потом привести почти всех к одинаковому разочарованию. Из мещан

и людей других низших сословий, постепенно подымающихся кверху, редко оказываются недовольные, имеющие повод роптать на общественное устройство: кто из них поднялся, тот, значит, разжился, тому хорошо. Но под русским культурным обществом оказывается, в виде церковного сословия, как бы подземный приток, клокочущий по неимению выхода и силящийся сорвать верхнюю почву; покуда усилие это еще ничтожно, оно выражается только в личных настроениях, но, если ему не откроют законного выхода, оно будет постепенно накапливаться. В противоположность всему, что видел до сих пор свет, неприязнь к охранительным общественным началам возникает у нас преимущественно из церковной ограды, из размножающегося личного состава церковников, вследствие кастового их устройства и воспитательно-промышленной отсталости России. Второму горю можно помочь в срок не слишком долгий не только правительственными мерами, но настойчивым содействием правительства всем таким начинаниям, всевозможным поощрением их.

Развитие технического образования составляет одну из первых наших потребностей со всех точек зрения. Кроме того, мы считали бы необходимым, по справедливости и из благоразумия, законно отделить детей священнических от детей церковных причетников, не смешивать их в одно сословие, облечь первых правами, сближающими их с высшим наследственным сословием, дать им льготы перед прочими в пособии на воспитание и преемстве звания, не отказывать им и в светских стипендиях; причетников же не считать вовсе в духовном сословии. Если раз возникло у нас кастовое духовенство, то лучше пусть будет покуда в России несколько десятков тысяч наследственных семей священнических, которые можно обеспечить до некоторой степени, чем несколько сот тысяч семей наследственного клира, с теми же самыми притязаниями, совершенно неудовлетворимыми, но, несмотря на то, постоянно раздражающими их против общества. Что касается самой наследственности духовенства, то тут вопрос великий, хотя, очевидно, вопрос не нашего поколения. Православная церковь

требует духовенства по призванию, а не по ремеслу; Россия не выйдет из нынешней духовной апатии без изменения существующего в церкви порядка, но тем не менее мы считали бы преждевременным трогать его покуда: при нынешней общественной разрозненности у нас не хватит на это сил. Мы говорим не о церкви, а только о месте, занимаемом в обществе личным составом церкви; но даже в этом отношении, несмотря на важность предмета, считаем неудобным распространяться, имея в виду примеры Хомякова и Самарина, сочинениям которых нет хода. Кроме того, развитие такого вопроса требовало бы особого сочинения. Мы упомянули об нем лишь для полноты изложения.

Церковный вопрос, временно заглохший у нас, так же как вопрос о создании нескольких средоточий русской жизни и мысли вместо двух, как и многие другие великие вопросы, принадлежит будущему. Задача нынешнего поколения заключается в том, чтобы создать орудие русской общественной жизни, посредством которого великие вопросы могли бы быть двинуты со временем; орудие, без которого русское правительство, несмотря на свое несравненное и исключительное нравственное могущество, не может — смеем сказать — пользоваться вполне этим могуществом для блага России. Сила без рычага остается отвлеченностью.

Покуда нечего думать даже о том, чтобы отлить орудие русского будущего в окончательную форму. Наше поколение сделает свое дело, если сложится в нечто целое, способное к действию местному, обеспечивающее в то же время текущий порядок дел. У нас довольно много говорят, хотя мало пишут об объединении земского самоуправления. Но для такого объединения, конечно, осмысленного, нужно прежде, чтобы местная земская жизнь стала действительностью, что осуществится вполне разве в будущем поколении. Пока наше земство не умеет сладить со своим уездным делом, не для чего ему выступать перед лицом света. Можно думать, что всесословный Земский собор, созванный в настоящее время верховной властью по старинному образцу, не принес бы плодов и не стал бы ни большим

утешением для России, ни особенно величавым зрелищем для Европы. «Довлеет дневи злоба его». Мы думаем, однако ж, что было бы справедливым и даже необходимым возвратить дворянству, в лице его губернских съездов, право всеподданнейше заявлять о желательных изменениях в законах, устаревших или почему-либо несоответственных, что почти всегда бывает гораздо виднее на месте. Осторожное, но нестесняемое пользование этим высшим правом, давно уже принадлежавшим высшему русскому сословию по букве закона, при потребной свободе взаимных сношений между собраниями, выработало бы практически, еще в срок ныне живущего поколения, многие прикладные стороны нашего законодательства и оказалось бы гораздо полезнее преждевременных всероссийских съездов.

Первая обязанность высшего сословия, признанного государством, есть военная и бесплатная общественная служба. В этих двух видах личной повинности заключается весь политический смысл сословия, каково бы ни было его происхождение. Права немыслимы без обязанностей даже в касте, выросшей из завоевания, не только в культурном дворянстве, созданном верховной властью прямо для пользы, которую оно могло и может приносить государству и народу.

Занятия канцелярские, низшие ступени ведомства, называемого по-русски гражданским, не облекающие лицо самостоятельной властью в каких бы то ни было размерах, недавно еще мало входили в круг дворянской деятельности и в Европе, и в России, особенно в областях, даже после Петра Великого. Этот разряд чиновников пополнялся у нас преимущественно приказными людьми, образовавшими почти наследственное сословие, постепенно приращавшееся притоками из духовенства; несмотря на относительную выгодность этой службы и на бедность мелкого дворянства, лица высшего сословия вступали в нее неохотно. От устья Тага до Камчатки, при всем глубоком различии происхождения и духа привилегированных классов различных стран, низшая ступень гражданской службы, прозванная у нас приказной, считалась занятием не дворянским. Само собой разумеется, что мы говорим не о суде,

только недавно выделенном у нас из общего гражданского ведомства. В этом последнем учреждении все должности самостоятельны, а потому требуют непременно людей первого разбора. Вследствие того личный состав судей, прокуроров и следователей не только почерпался везде в высшем общественном слое, но вызывал даже учреждение особого судебного дворянства. Наш русский суд с прокурорским надзором требует привлечения в свои недра лучших сил изо всей страны. Речь идет только о письменном делопроизводстве. В этом последнем отношении европейские правительства, много раз пытавшиеся привлечь дворянство к торговле, никогда не думали об обращении хоть какой-нибудь части его в канцелярское чиновничество. Такое повсеместное устранение высшего сословия от известного вида государственной службы, выводившего иногда людей очень высоко, во всяком случае необходимого в известных пределах и часто выгодного, должно иметь какую-нибудь общую, осмысленную причину, истекающую не из одного предрассудка, — и действительно оно имеет ее. Так называемая приказная или канцелярская служба требует, как и всякая другая, знания дела и опытности, но она вовсе не требует характера и личной самостоятельности, развиваемых в особенности наследственно-политическими сословиями, — не требует потому, что канцелярский чиновник не начальствует ни над кем, ни за кого лично не отвечает, а работает в одиночку. Напротив, военная и общественная служба, не говоря о государственных должностях высшего порядка, немыслима без этих именно дворянских качеств, — без умения держать власть, без решительности и уважения к себе, истекающих из высокого мнения о своей личности. Такие черты выражаются преимущественно в высшем сословии, почему высшее сословие составляет необходимую потребность, составляло ее всегда и везде, для земского самоуправления, для суда и армии, но не для низших слоев гражданской службы. На свете не бывает никакого общего явления без разумной причины.

В нынешней России низы гражданской службы, до тех ступеней, на которых начинается личная самостоятельность,

могли бы оставаться в тех же руках, в каких они были еще недавно, служить пристанищем многочисленному разряду старых и новых приказных людей, без всякого ущерба для нашей будущности; туда же будет направляться излишек притока светских подростков духовенства, не попавших в промышленную жизнь, пока в составе церкви, на деле, продолжается наследственность. Но если разделение гражданских занятий на два существенно отличные отдела — властный и канцелярский, как всеобщее и везде принятое, истекает из смысла самого дела, то ступени службы, предоставляемые низшему чиновничеству, не следует и у нас смешивать с высшими, облекающими лицо самостоятельной властью, как они смешиваются ныне; их следует строго разграничить на практике, допускать только действительно отборных людей снизу переступать эту черту, заместителей же высших самостоятельных должностей выбирать не из подрастающего мелкого чиновничества, а из земских деятелей. Даже в таком случае столичные, если не областные канцелярии, все-таки останутся на долгий срок рассадником большинства администраторов. Бюрократический порядок сильно укоренился в России; он давно уже привлек и постоянно привлекает в свою среду лучшие общественные силы; нет сомнения, что в нашей бюрократии гораздо более способных людей, чем в нашем обществе. Это очень понятно, так как учреждения бюрократические — дело вековое, земские — вчерашнее; притом первые гораздо выгоднее вторых. Пока бюрократизм был единственным видом управления, пока он заведывал, без исключения, всеми явлениями русской жизни, он необходимо должен был разрастись до крайности; но когда раз общество вызвано к самоуправлению, то бюрократии необходимо приходится постепенно сокращаться и войти наконец в подобающие ей размеры чисто государственного управления. Совмещение нынешней административной сети с полным развитием земской жизни не только было бы несообразным, оно — немыслимо, потому что у населения не станет для этих двух потребностей разом ни вещественных, ни личных сил. Довольно мудрено развить земское дело, забирая всех

способных людей в коронную службу; довольно мудрено также, при нынешнем экономическом положении землевладельцев, предложить способным людям променять содержащую их (хотя часто бесполезно) коронную службу на земскую. Надобно, однако же, видеть, что с продолжением такого порядка русская общественная жизнь заглохнет навеки, несмотря ни на какие либеральные формальности. Сколько бы ни шли таким путем, мы дойдем лишь *до самостоятельности с разрешения ближайшего начальства,* до форм, а не до сущности самоуправления, будем либерально управляемы канцелярией, почерпающею свои вдохновения хотя бы из самых свободомыслящих, зачастую даже нигилистских источников, но без малейшей заботы о том, что нам нужно и чего мы сами желаем. Довольно взглянуть на пример современных французов, не говоря уже о нашем собственном, для убеждения, что даже осадное положение менее сокрушительно для самостоятельного общественного развития, чем «канцелярский» либерализм. Если земская деятельность, отданная в руки, на которые правительство может положиться, не будет отодвигать у нас постепенно, но достаточно быстро, всепоглощающую бюрократию в законно принадлежащие ей пределы, то из этой деятельности ничего не выйдет; она обратится в формальность, формальность станет рутиной и тогда уже будет слишком трудно призвать к жизни русское общество, разочарованное однажды в своих надеждах и силах; нам останется в будущем единственный способ развития — если он для кого-нибудь желателен — совершенствовать до бесконечности свой канцелярский механизм, переименовывая и перетасовывая должности, по образцу квартета Крылова. Есть только два выхода из нынешнего положения, и оба они, думаем, должны быть открыты одновременно:

1) Сокращать постепенно бюрократические учреждения до пределов, соответствующих *современной* их цели — служить орудием общегосударственных забот и надзора за местным самоуправлением, — обращая экономию от упразднения излишних гражданских штатов, порожденных отживающими ныне порядками, на потребности земства. Самостоятельные земские

должности, без сомнения, должны быть бесплатными, в том смысле, чтобы содержание их не ложилось прямо на местное население, но пособие им от государства, в умеренных размерах, совершенно соответствовало бы духу самодержавно-народной монархии, какова наша, в которой культурное сословие есть преимущественно сословие служилое. Для правительства может существовать только один вопрос: какой вид службы этого сословия и в каких именно размерах полезнее в настоящее время: земский или канцелярский? — так как русские дворяне остаются в одинаковой степени его слугами и в земстве и в бюрократии. Без прямого пособия от государства никогда нельзя будет вызвать к земскому делу достаточное число способных людей из наших канцелярий, в которых четыре чиновника делают то же самое, на что в Европе считается достаточным один; а без этих способных людей, отрываемых ныне от почвы и отрываемых вдобавок больше чем наполовину совершенно бесполезно, земское самоуправление не станет живым делом, не облегчит народного развития, не снимет с правительственной власти забот, не соответствующих ее прямой задаче. Отделение части государственного бюджета на местные потребности сознается в настоящую пору всеми и испрашивается тысячами голосов, но открыть нужные для того средства можно только постепенным сокращением бюрократии, заменяемой новой, призванной к деятельности общественной силой. Сокращение это необходимо в трех отношениях: чтобы не обременять народ излишними добавочными налогами, чтобы не отрывать от местного самоуправления слишком много способных людей, и чтобы не обращать государственной службы в архивный склад должностей и званий, утративших свое значение.

2) Замещать высшие начальнические должности гражданской службы земскими деятелями, начиная пока хоть с областных. При таком порядке земское самоуправление не только оживится, оно выйдет из нынешнего неподходящего положения, придающего ему часто вид какой-то глухой оппозиции против административной власти, оно сольется с общим государственным управлением, не только по форме и по

наружной связи, определяемой законом, а в самом духе своем; вместе с тем коронная администрация перейдет к людям, изучившим общественные потребности на самой почве, а не на одной казенной бумаге, к людям, приученным всей жизнью к самостоятельной и вместе с тем ответственной деятельности, серьезно понимающим свои обязанности перед правительством в качестве сознательных его слуг, а не механических орудий. Со временем эти люди станут лучшим рассадником и для государственных должностей. С тем вместе кончится у нас всевластие бюрократическое в прямом и дурном значении этого слова — то положение дела, в котором воля столоначальника, глядящего на все на свете со своей канцелярской и формальной точки зрения, зачастую перевешивает мнение государственного сановника и дает направление самым важным делам. У нас будут вырабатываться люди, а не чиновники. Но для этого нужно прежде всего, чтобы земское дело перешло в руки, на которые власть могла бы положиться. Для возможности какого-либо действительного развития в современной России земское самоуправление, властные гражданские должности, суд и военная служба должны находиться, думаем, в руках узаконенного культурного сословия, конечно, не исключительно, так как самое это сословие не исключительное, но более чем преимущественно.

VI

АРМИЯ В ОТНОШЕНИИ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Земское самоуправление, требующее прежде всего независимого положения, есть прямое дело ценсового дворянства. Неценсовое необходимо для войска. Если наша армия не будет обеспечена корпусом офицеров, в большинстве дворянским, проникнутым дворянским духом, то лучше не тратиться на ее содержание.

Пока в Европе дворянство было особым сословием, каждый дворянин родился солдатом; так осталось и теперь в странах, сохранивших это учреждение, — в Германии и Австрии. В современной Франции, несмотря на ее революционные предания, офицеры из низших сословий, называемые «les officiers troupiers»[15], мало ценятся. Их много, по недостатку в других, но в них также состояла с 1815 г. слабая сторона французской армии; все видели в последнюю войну превосходство прусского дворянского корпуса офицеров. Наполеон III много заботился о привлечении в армию офицеров из хорошо воспитанного класса общества, но там прошла мода на военную службу, а рассыпавшееся образованное общество стояло вне всякого правительственного влияния, даже чисто нравственного, — усилия власти остались бесплодными. Очень трудно найти средство поправить французскую армию в этом отношении: общеобязательная военная повинность не достигает подобной цели, так как нельзя заставить никого служить далее положенного срока; общая повинность ставит в армию только солдат, а не офицеров. Как известно, в Англии законное дворянство состоит из нескольких сот перов; высшее же земское сословие, которое можно назвать дворянством по обычаю (в огромном большинстве также по происхождению), — землевладельцы — делится, по первородству, между общественной и государственной службой. Старшие братья, наследники имений, служат обществу; у них довольно дела дома, так как все областное управление Англии, за исключением коронного суда, лежит на их руках. Младшие братья служат в армии, — конечно, не все: им не было бы места; но английские офицеры поголовно джентльмены, даже более чем в Пруссии, хотя не все они люди старинных родов, так как высшее английское сословие давно уже обратилось из кастового учреждения в политическое. По единодушному отзыву британской армии, недавно установленная замена патента (доказывавшего в известной мере общественное положение лица) экзаменом несомненно понизит ее боевое качество; патент почти всегда был порукою за образование, а экзамен никогда не станет ручательством за

чувство личного достоинства, в котором заключается девяносто девять сотых качества офицера[16].

В демократической Америке офицеры — поголовно джентльмены, все люди высшего класса, так же точно, как и в Англии. Они выходят исключительно из Уэст-Пойнтского военного училища, куда воспитанники принимаются не иначе как по рекомендации депутатов государственного конгресса; при таком условии получают эполеты, разумеется, только сыновья хорошо поставленных семейств. Чисто джентльменский состав корпуса офицеров составляет основное предание американской республики, современное ее основание. Создатель ее, Джордж Вашингтон, принимая начальство над первой армией Соединенных Штатов, постановил правилом: «В выборе офицеров надобно более всего остерегаться, чтобы они не выходили из сословий, слишком близких к тем, из которых набираются солдаты. Иерархия сословий переходит из гражданской жизни в военную. За исключением очевидных заслуг надобно держаться правила, чтобы кандидат в офицеры был непременно джентльмен, знающий правила чести и дорожащий своей репутацией» (Histoire de Washington par C. De Witt, c. 109). Можно выразить эту мысль, составляющую краеугольный камень в деле военного устройства, еще сжатее: офицеры должны быть из властных сословий — тогда только они сумеют держать власть.

На свете бывали примеры победоносных демократических армий, не заимствовавших свой корпус офицеров из общественной иерархии, но вырастивших его из своей собственной среды, — только такие явления происходили в обстановке совершенно исключительной, во время долгого периода непрерывных войн, когда армия становилась как бы отдельным народом и складывала свою домашнюю аристократию, по общему закону всех народов. Такова была армия Наполеона I, очень похожая своим внутренним характером на старинные варварские ополчения, грабившие Европу и жившие на счет покоренных. Каждый наполеоновский полковник, не только генерал, получал титул и становился владетелем какого-нибудь имения, конфискованного в Германии, Италии или Испании; каждый

ротный командир властвовал над побежденными в районе расположения своей роты как феодальный барон; даже каждый солдат пользовался частичкой прав завоевателя и если был молодцом, то метил в есаулы своей шайки; а во всякой насильствующей шайке, как известно, ведется строгая дисциплина; даже в сборищах Разина и Пугачева есаулы были начальниками строгими и несговорчивыми, держали низших в повиновении. Когда Наполеон говорил о превосходстве своих солдат, сознающих, что в ранце каждого из них лежит в зародыше маршальский жезл, — он был совершенно прав в применении к созданной им, вечно бьющейся завоевательной орде; то же самое мог сказать и Чингис-хан. Но кроме того что подобные отношения неприменимы к обыденному устройству армий и вовсе нежелательны, потому что войско такого образца властвует над своей страной так же жестко, как над странами завоеванными, но пример этот, в сущности, подтверждает еще лишний раз правило Вашингтона: когда армия вынуждена в чрезвычайных обстоятельствах создавать свою собственную аристократию, оставляемую потом в наследство общему государственному строю, значит — она не может без нее обойтись; в обстоятельствах обыкновенных, лишающих ее силы такого внутреннего творчества, ей остается только одно: заимствовать свое высшее сословие из иерархии общественной.

Особый закал людей, образующих корпус офицеров, — закал властности и личной чести, развиваемый исторически воспитанным обществом, но преимущественно наследственным политическим сословием, — совершенно необходим армии по той простой причине, что солдаты, даже самые дисциплинированные и обстрелянные, никогда и нигде не идут и не пойдут в огонь сами собой — у них нет для того достаточно внутренних побуждений; они только следуют за своими офицерами. Известное дело, что часть, в которой офицеры перебиты, считается выбывшей из строя, сколько бы ни оставалось в ней солдат. Офицеры же смело смотрят в глаза смерти потому, что в хорошо подобранном и воспитанном корпусе офицеров нужно сто раз больше храбрости для того, чтобы струсить, чем для того,

чтобы лезть на самую явную гибель. Всякий человек невольно поддается чувству самосохранения, если им не владеет чувство еще сильнейшее — влияние среды и неотступный вопрос: как потом стать перед ней? Такого настроения нельзя развить в толпе: оно возникает только в отборных общественных слоях. Фридрих Великий говорил, что бывает победоносным только то войско, в котором солдат больше боится палки капрала, чем неприятельской пули. Палка заменилась теперь другими средствами, но вполне сохранила свое аллегорическое значение: солдата ведет капрал, капрала офицер, которому служить необязательно; а потому боится только самого себя и мнения своей среды; он исполняет при своей части обязанность механика при машине, в нем заключается единственный источник нравственной силы войска. Оттого для боевого качества армии большинство офицеров в мирное время, особенно же закваска всего офицерского корпуса — должны неизбежно исходить из высшего исторического сословия, богатого или бедного — это все равно, для которого исполнение долга есть свободная, но тем самым еще несравненно более принудительная обязанность. С другой стороны, так как вся сила войска — в офицерах, то, для связности, подчиненные им люди должны находиться в немом повиновении. Это называется военной дисциплиной. Неодолимое превосходство постоянной армии над ополчением состоит именно в том, что в первой отдельные части — полки, батальоны, роты — сращиваются заблаговременно в одно целое, так что каждая часть представляет не сбор людей, а, можно сказать, единичное лицо своего начальника, обладающего, как индийское божество, несколькими стами пар вооруженных рук; к такой армии остается лишь подобрать надежных начальников. Но осуществить подобное сращивание, управляя справедливо немыми подчиненными, могут вообще только люди, сызмала приученные к известной доле власти и к превосходству над толпой, — люди, в которых солдат видит также не своих равных, а лиц, к которым он привык относиться с почтением еще в родном селе. Не очень давно во всей русской армии нижние чины называли офицеров не иначе как *господами;* они

почитали их в мирное время, верили им в военное — именно в качестве господ, то есть людей высшего общественного порядка, постоянного, а не случайного; последний не имеет для русского простолюдина никакого обаяния. Наши офицеры всегда, в последнюю войну, как и прежде, оправдывали доверие: они шли впереди всех. Даже неприятели единогласно отдавали им эту справедливость.

В мирное время русские сословные офицеры, как люди, свыкшиеся со своими правами, поддержанные мнением своей среды, знали ясно место, принадлежащее им в военной иерархии, никогда не поддавались растлевающим напускным мнениям извне и твердо держали власть в руках; они были начальниками действительно *властными,* не боявшимися, при исполнении долга, ни законной ответственности перед старшими, ни беззаконного неудовольствия между младшими — в том и состоит суть хорошего воспитания войска. Оттого русская армия так твердо сращивалась в мирное время, что на войне неприятель мог ее осилить, если ему удавалось, но никогда не мог ее рассеять, как не раз случалось с другими европейскими войсками; наши полки, на три четверти истребленные, все-таки не рассыпались. Всякий знает, что офицеры, воспитывавшие такую армию, набирались в огромном большинстве из бедного дворянства, из той именно части дворянства, которое называется теперь неценсовым. Между ними всегда находилось немало офицеров из разных сословий, но офицерская среда была средой существенно дворянской (конечно, в русском, а не во французском или немецком значении этого названия); все вступавшие в нее заквашивались в ее духе и сами становились господами, даже в глазах солдат, потому что принадлежали к военному сословию господ.

Многолетний опыт кавказской армии (единственной в свете, в которой можно было расценивать офицеров не приблизительно, а с совершенной точностью, так как война ставила их ежедневно лицом к делу) доказал, что лучшие обер-офицеры в большинстве выходили из бедных, часто малообразованных юнкеров, зачастую приходивших в полк пешком. Несмотря

на нищенское положение, эти молодые люди, привыкшие еще на своем хуторе резко отличать себя от толпы, выказывали бесстрашную отвагу в бою и твердую волю в командовании; потершись несколько лет в рядах, они становились почти поголовно надежными начальниками на низших ступенях службы. Большинство их, конечно, кончали карьеру на этих ступенях, — но они были драгоценны на них; наиболее одаренные выходили вперед и считались, на основании несомненного опыта, отличными полковыми командирами и генералами. В полку же из них образовывалось офицерство сословное, связное, проникнутое военным духом. Несколько офицеров хорошего общества, всегда находившихся в кавказских полках, передавали этому обществу даже внешнюю шлифовку.

В настоящее время просвещение достаточно распространено в России, чтобы наша армия не подвергалась недостатку в образованных людях там, где они необходимы; но нам грозит страшный недостаток, именно теперь, более чем когда-нибудь — в обер-офицерах, подобных прежним, без которых число и наилучшее обучение солдат обращаются в нуль. Тут дело далеко не в одном образовании и даже не собственно в образовании. Странно было бы мечтать о немедленном наполнении русского корпуса офицеров исключительно образованными людьми, во-первых, потому, что это невозможно; во-вторых, потому, что в этом нет надобности; в-третьих, потому, что наши экзамены, как их понимает военная канцелярия, не ручаются даже за один процент качества, потребного офицеру. Поставить русскую армию на ноги можно только — не говоря о многих нравственных мерах — посредством установленных законом особых прав и обязанностей дворянства к военной повинности. В последнем отношении дворянство неценсовое, как самое многочисленное, выступает на первый план.

От правильного решения этого вопроса прямо зависит наше «быть или не быть». Для оценки того, что нам нужно, надобно прежде взвесить то, что у нас есть; надобно выследить, в чем разошлась в последние 12 лет армия тысячелетней русской монархии с армией демократической американской республи-

ки, которой Вашингтон положил зароком: охранять, как зеницу ока, корпус своих офицеров, джентльменов.

Хвалясь русским солдатом, под именем которого подразумевается вся армия (как это происходит в обыденном разговоре), надобно не забывать, что русский солдат осуществлял свой исторический тип под предводительством русского офицера; что солдаты, сами по себе, взятые отдельно, даже солдаты Цезаря или Суворова, представляют не более как машину без механика, не только умственно, но нравственно. Русский солдат, как материал, остается тем же, чем был; но русское войско, при иных условиях командования, может и даже необходимо должно оказаться уже не тем, каким мы его знали. В мирное время военные качества людей не обозначаются достаточно явственно, чтобы можно было подобрать годный корпус офицеров посредством единичной расценки каждого. Такого чуда не мог бы осуществить даже Наполеон I, не только военная канцелярия, всегда недалеко уходящая в понимании боевого дела от всякой иной канцелярии.

Между тем у нас произошло следующее явление: в продолжение нескольких лет, соответствовавших времени реформ, ежегодная убыль в офицерах, производимых на прежнем основании, против штатного числа составляла средним числом с лишком 600 и доросла в 1868 г. до цифры 2880. Для пополнения корпуса офицеров из других источников, сообразно с новыми взглядами нового военного управления, званию юнкера, с которым дворяне вступали в полки, — званию, служившему главным рассадником нашего офицерства, придано было совсем иное, чем прежде, значение. Мера эта имела чрезвычайную важность, так как число офицеров, производимых из юнкеров, всегда далеко превышало у нас итог выпускаемых из военно-учебных заведений. Прежние юнкера из дворян переименованы в вольноопределяющихся наравне с лицами других сословий, а название юнкера перенесено исключительно на воспитанников вновь учрежденных юнкерских школ, из которых должен впредь набираться наш корпус офицеров, школ, наполняемых теперь бессословными вольноопределяющимися, разделенны-

ми на три разряда по происхождению и образованию; причем всем вольноопределяющимся низших сословий значительно сокращен срок службы до производства. Таким образом, вместо ценса по происхождению и выслуги, к которым прежде приравнивалось в правах только высшее образование, для производства в офицеры поставлен преимущественно *ценс по образованию,* довольно низкий, с некоторой привилегией для высших сословий в сроках службы перед прочими (конечно, только при неимении учебного свидетельства, уравнивающего, как и следует, всех без изъятия). В сущности, и на практике это новое положение было коренной переделкой русской армии: оно заменило прежний сословный состав офицеров составом всесословным, или, лучше сказать, бессословным.

Нельзя говорить об общественном деле в России, составляющем предмет наших статей, не отдавая себе отчета в прочности основ, на которых у нас все покоится. Во внутреннем порядке, представляемом строем самого общества, мы обеспечены неопределенным сроком времени для своего правильного развития. В порядке внешних дел в настоящую полосу времени такая обеспеченность зависит лишь от совершенства военного устройства — для каждого из членов европейской семьи без исключения, а для нашего Отечества еще гораздо больше чем для всякого другого. Несмотря на блеск нынешнего государственного положения России, мы все-таки чужие в Европе; она признает и будет признавать наши права настолько лишь, насколько мы действительно сильны. Кто этого не знает?

Если бы новый закон мог установить производство офицеров по ценсу *действительного* образования, о последствиях его нечего было бы и говорить; русская армия обладала бы корпусом офицеров, лучше которого нельзя желать. Во-первых, большинство образованных людей имеет достаточно понятия о правилах чести и достаточно соревнования, чтобы нести это звание с должным достоинством, — мы полагаем, что молодые люди, окончившие гимназический курс, какого бы происхождения ни были, удовлетворяют такому условию; во-вторых, в России нет других образованных сословий, кроме дворянства

и очень крупного купечества, стало быть — ценс серьезного экзамена давал бы армии офицерство почти исключительно дворянское. Цель была бы достигнута, с какой точки зрения на нее ни смотреть. Но затруднение в том именно и состоит, что осуществить подобную цель в современной России нельзя прямым и открытым путем. Как замечено выше, такое многочисленное сословие, как офицерское, нигде не может быть создано искусственными средствами, кроме периодов чрезвычайно долгих войн, позволяющих армии вырастить из себя собственную аристократию; в обыкновенное же время иерархия ее необходимо должна воспроизводить гражданский строй общества, почерпая из него то, что в нем есть. В последние полтора века образованные русские люди становились поголовно дворянами, оттого их неоткуда взять покуда, иначе как из дворянства. Затем даже малообразованные дворяне проникнуты достаточной исторической закваской, чтобы стать если не хорошими генералами, то надежными обер-офицерами, как достаточно доказано опытом. Этого последнего свойства нельзя искать в других сословиях; оно является там в виде личного исключения. Для достижения цели, имевшейся в виду у сторонников последнего преобразования, то есть создания русского бессословного корпуса офицеров по ценсу образования, надобно было понизить этот ценс до такой степени, чтобы он не представлял препятствия никому, то есть, говоря прямо, обратить его в нуль; иначе некого было бы производить. Но как подобное понижение отозвалось бы дурно в ушах людей, наиболее сочувствовавших военным реформам и бессословности — в ушах нашей так называемой либеральной партии, — то надо было это сделать иначе, а именно — поставить такую требовательную программу, чтобы ей никто не мог удовлетворить, а затем, по невозможности, отказывать всем, — всех, напротив, удовлетворять. Мы сейчас увидим, так ли это делается в действительности.

Вышедшая в прошлом году книга генерала Бобровского[17] об юнкерских училищах показывает следующее.

Всесословные вольноопределяющиеся принимаются в войска по экзамену; но эти вольноопределяющиеся, присылае-

мые в юнкерские училища, — следовательно, лучшие, — все слабы в русском языке и арифметике, а многие из них не знают действий над простыми числами, не умеют написать простой дроби, не могут рассказать прочитанного в книге два и три раза предложения. Иные отвечают, что Петербург — река, впадающая в Каспийское море, и т. д.

О нравственности всесословных вольноопределяющихся, по крайней мере многих из них, даже поступивших в юнкерские училища, официозная книга отзывается, что выдающиеся их недостатки состоят в отсутствии сознания собственного достоинства, в изворотливой робости, неоткровенности, пьянстве, плутовских проделках разного рода и готовности пользоваться плохо положенным.

Об их знании службы говорится, что они не выучиваются ходить в ногу, не знают ни боев, ни сигналов, ни даже первых начал рекрутской школы; что в кавалерии они не умеют подойти к лошади; что *воспитанники,* прослужившие предварительно несколько лет в канцеляриях, не умеют взяться за ружье.

Книга объясняет, что дети потомственных дворян отличаются тем благородным и приличным отпечатком, который всегда бывает следствием более утонченного домашнего воспитания. Это разумеется само собой, но число дворян-юнкеров редеет до крайности, как видно из следующего.

Сыновей хороших семейств, поступавших прежде юнкерами, теперь вовсе нет. По признанию автора теперь очень изредка мелькнет между юнкерами какой-нибудь блудный сын помещика или зажиточного купца, прервавший свое воспитание и не имеющий возможности возобновить его ни в каком общеобразовательном заведении. Кончивших курс в высших и средних учебных заведениях в 1872 г. было только 82 человека на 7000 с лишком — 1,17%. В том же году из числа вольноопределяющихся служившие по первому разряду, то есть потомственные дворяне, вместе с другими, приравненными к ним по закону, лицами, составляли только 27%, с выключенными из военных училищ может быть до 30%. В цифре дворян, приходившихся на эти 30% (что не показано), было,

вероятно, достаточное число польских — не панов, которым, по нашему мнению, следует открыть настежь двери военной службы, а шляхтичей, понаделанных в недавнее время фабриками фальшивых дипломов, охотно поступающих, за неимением полковой вакансии, в трактирные маркеры. Сколько же осталось русских дворян? Надобно помнить, притом, что и эта горстка дворян, за исключением 82 человек, состояла из мальчиков, не окончивших никакого курса или даже нигде не учившихся. Остальные вольноопределяющиеся, а следовательно, и юнкера окружных училищ — нынешнего рассадника наших офицеров, делятся на два разряда: одни — дети разночинцев, мещан и церковных причетников, возвратившиеся вспять от премудрости низших классов уездных и духовных училищ; другие — писари и фельдшеры военного ведомства, число которых в трех юнкерских училищах превышает уже 30%. Немудрено, что этот осадок всех сословий, настоящий фризовый пролетариат, поступающий в военную службу, можно сказать, с горя, отличается качествами, никогда не отличавшими ни одно из русских сословий отдельно взятое — изворотливой робостью и охотой пользоваться плохо положенным.

Что же делать юнкерским училищам со всесословными вольноопределяющимися, зачастую отмеченными изворотливой робостью, не умеющими взяться за ружье и полагающими, что Петербург есть река? Как надеяться приготовить из них в две зимы офицеров, соответствующих своему званию? На этот вопрос приводимая нами книга отвечает совершенно удовлетворительно: «Если бы юнкерские училища требовали от поступающих строгого выполнения всех условий, то они могли бы принять одну четверть, то есть трем четвертям должно бы закрыть двери училища. Учебным комитетам приходится снисходительно относиться к неудовлетворительной подготовке весьма многих вследствие *значительного числа свободных вакансий.*

Затем начинается в училищах систематическое воспитание будущих бессословных офицеров, на которое посвящается два зимних курса — один общеобразовательный, а дру-

гой преимущественно специально-военный. Таким образом, общее образование, в сущности, довершается в одну зиму, в течение которой этим молодым людям, не умеющим рассказать прочитанное три раза в книге простое предложение, преподается 15 предметов, в том числе сравнительная анатомия и физиология (для правильной пригонки амуниции), иппология (для умения водить лошадей на водопой), гигиена (вероятно, для надзора над вентиляцией крестьянских изб, в которых разбросаны солдаты), педагогия (для преподавания в полковых школах), общее законодательство с приложением устава для мировых судей, военная администрация (в которой из юнкеров больше всех преуспевают военные писари) и проч. До сих пор в России не было ни одного главнокомандующего, знавшего все эти науки. Кажется, система преподавания в юнкерских училищах прилажена к системе военных гимназий — и с теми же результатами. Из общеобразовательного курса юнкера переходят в специально-военный; но, к сожалению, этот последний не венчает достойным образом учености, приобретенной в первом, так как, по признанию книги, хотя портупей-юнкера (кандидаты в офицеры) выходят из училища плохо знающими русскую грамматику, слабыми в арифметике и географии, но они оказываются всего слабее в *практическом знании военных предметов.*

В прошлом (1873 г.) «Московские ведомости» разоблачили своей опытной рукой подобную систему преподавания и показали, что единственное последствие ее есть бросание казенных денег в воду. Действительно, можно сказать, нисколько не нарушая почтения к военному управлению, что таким образом обыкновенно обучают попугаев, а не людей. И попугай может заучить фразу из иппологии или сравнительной анатомии; только эта фраза не будет иметь никакого отношения к его собственному сознанию. Но «Московские ведомости» разбирали дело с одной педагогической точки зрения, а дело это имеет, в сущности, смысл гораздо обширнейший — смысл, который можно выразить двумя словами: «по Калиш или по Днепр?»[18]

Это либеральное преобразование, соответствующее всем прочим преобразованиям военной бюрократии с 1862 г., называется в теории «подбором корпуса офицеров по ценсу образования». На деле же оно оказывается, по крайней мере в значительной степени, подбором офицеров из робко изворотливых писарей, не умеющих взять ружья в руки. Надобно помнить, что этих последних находилось уже в 1872 г. свыше 30% в трех юнкерских училищах, между тем как число вольноопределяющихся из дворян сокращается до такой степени, что в училищах, куда им легче поступать, чем другим группам, число это упало относительно, с 1869 по 1872 г., на 24%. Притом эти вольноопределяющиеся из дворян, как мы видели, принадлежат, за немногими исключениями, к осадкам сословия, к личностям, которым закрыта всякая другая дорога. Вне гвардии нет больше и помина об образованных юнкерах хороших семейств, которых так много встречалось в прежних полках. Вследствие старых порядков, большинство офицеров нашей армии до сих пор — дворяне, так по крайней мере уверяет «Инвалид». Но мы, очевидно, идем к тому близкому будущему, когда не только большинство, но даже поглощающее большинство русских офицеров будет состоять из писарей, дополненных изгнанными семинаристами, убоявшимися бездны премудрости.

В прежней русской армии не было слышно ни об одном офицере из писарей; их производили в классный чин, но не давали им эполет. Генерал Бобровский говорит о разных недостатках писарской корпорации в юнкерских училищах; можно действительно думать, что в писарской корпорации есть некоторые недостатки. Военных писарей, по духу, давно заведшемуся между этими людьми, презирал и презирает каждый солдат; но они привыкли рыться в Своде Законов, а потому преуспевают в военной администрации — царице наук нынешних военных курсов, — и становятся на первом плане.

Возможно ли оставаться в таком положении и с таким руководством дела? Писари и выгнанные семинаристы не только не поведут солдат в бой, — об этом нечего и говорить, — но они еще до боя совсем расклеют армию в ее внутреннем составе,

сделают ее неспособной к бою. Если часть, в которой все офицеры перебиты, не может идти в огонь, то часть с подобными офицерами не может драться еще в несравненно большей степени. При отсутствии офицеров хороший фельдфебель, пожалуй, решится еще на что-нибудь — такие примеры бывали; но под начальством робко изворотливого писаря даже унтер-офицеры парализованы. Начальники такого подбора могут быть, конечно, наряжены в офицерский мундир, как и во всякое другое платье, но они не могут командовать войском ни в боевое, ни даже в мирное время.

Из распоряжений военного ведомства нисколько не видно, чтобы нравственный вопрос об офицерах считался серьезным делом. Положение об общей военной повинности также не имеет его в виду. Для канцелярии, очевидно, такой вопрос не существует; она пополнила вышеприведенными средствами некомплект, оказавшийся в офицерском составе, — чего ж еще надо? Кроме того, набор офицеров по *ценсу образования* — мера либеральная; а наши военные канцелярии, как известно, наилиберальнейшие изо всех учреждений империи. Иностранные офицеры не хотят верить этому факту на том основании, будто бы, что военное управление не может быть ни либеральным, ни консервативным, так как оно — военное, стоящее испокон веку на одних и тех же неизменных началах; но они забывают, что дело идет о бюрократии, которая в действительности военной никогда стать не может. Соединение либерального направления в русском журнальном смысле с канцелярским взглядом, для которого существуют только списки, а не живые люди, привело нас к вышеозначенным последствиям. Вот каким образом чиноначалие войска русской монархии разошлось с 1862 г. с чиноначалием демократической Америки и с мнением великого республиканца Вашингтона.

Мы повторяем: в отношении корпуса офицеров русская армия не находится еще, может быть, в дурном положении; но, по нашему мнению, если продлится нынешняя система производства и если в новой всеобщей военной повинности русское дворянство, как государственное служилое сословие, не будет

поставлено в исключительное, строго обязательное, но никак не всесословное отношение к армии, то мы неизбежно придем к такому положению в близком будущем.

Единственное объяснение нововведенного бессословного состава офицеров, не оправдывающих себя никаким качеством, — необходимость пополнить некомплект, образовавшийся вследствие постепенного устранения дворянства от военной службы, — ничего не объясняет. В самодержавном Русском государстве дворянство, сохраняющее свое место, не может уклоняться от воли Монарха — это небылица. Дворянство осталось в гвардии потому, что гвардия также осталась почти тем же, чем была. То же самое оказывается во многих кавалерийских полках, потому что наша кавалерия имеет свое отдельное *военное* начальство, высвобождающее ее несколько из-под произвола бюрократии. В настоящей же армии произошло другое. Дворянство никогда от нее не устранялось, но оно было устранено рядом бюрократических мер, лишивших строевую службу ее прежнего, всемирного характера, — мер в том же духе, который внушил потом обращение массами писарей в офицеров.

Причина, по которой русское дворянство, недавно еще служившее в армии почти поголовно, стало от нее отстраняться, объяснена нами косвенно, выше, в рассуждении о приказной службе. Никакое дворянство в свете не считало *своим* делом службу на низших канцелярских ступенях, требующую от лица качеств почти противоположных тем, в которых состоят сила и значение высшего государственного сословия. В канцелярском чиновнике характер и самостоятельность не ставятся ни во что: он расценивается исключительно с точки зрения мелочной аккуратности и знания письменного делопроизводства. В этом отношении каждый военный писарь, привыкший рыться в Своде, перещеголяет самого даровитого, характерного и образованного человека высших слоев, — человека, из которого мог бы выйти со временем, пожалуй, победоносный главнокомандующий. В каждом подразделении общественной деятельности нужны свои, а не чужие свойства: лавочный при-

казчик тщеславится уменьем зазывать покупателей, дьякон — своим голосом, писарь — знанием указного делопроизводства; все это качества несомненно нужные для одного звания, но вовсе не лестные для другого. Немногие из нас захотят поставить себя под расценку по голосу, подобно дьякону. Для молодого человека с порядочным общественным положением вовсе не желательно быть судимым в течение лучших лет своей жизни с единственной точки зрения канцелярской исправности наравне с писарем; для молодого хуторского дворянина такое состязание с военным писарем даже невозможно. При нынешних порядках последний перещеголяет его, оставит его в тени, как офицера недостаточно исправного и полезного. Первый из названных нами молодых людей не хочет, второй не может рассчитывать на успех такого поприща, а в конце концов выходит, что с некоторого времени русское дворянство поступает в армию только из крайности.

Кроме нескольких других условий, которые мы перечислим ниже, главнейшая причина видимого ныне устранения дворянства от службы в армии именно эта — преобладание бюрократических требований, въевшееся в наше войско с 1862 г., никогда и нигде еще не виданное, обращающее звание офицера, особенно же ротного командира, в канцелярское более, чем в военное. Как неоднократно уже говорилось в нашей газете[19], для прекращения некоторых беспорядков в военно-хозяйственной части (в действительности очень мелких), военное управление прибегло не к основным мерам — не к упразднению солдатской работы по внутреннему полковому хозяйству и не к приведению в точное соответствие отпуска с потребностью, а ввело непомерную, ничего не доказывающую и ни от чего не ограждающую письменную отчетность в частях. Ротный командир с его 17 и более шнуровыми книгами обратился из строевого начальника в бухгалтера, полковое управление — в гражданский департамент, вследствие чего офицеры писаки и счетчики стали в армии на первое место и совершенно заслонили боевых. Кроме специальных частей, над которыми сохраняются особые военные инспекции, старающиеся всеми

силами поддерживать в частях боевое начало, во всех остальных, то есть почти во всей армии, находящейся бесконтрольно под рукой военной бюрократии, строевые офицеры ценятся не только преимущественно, но, можно сказать, исключительно по их письменной способности. Есть округа, в которых не признается никакой другой оценки офицеров. Опыт доказывает наглядно несовместимость в одном человеке двух душ — строевой и письменной, или, говоря иначе, военной и канцелярской, невозможность соединить в полку эти два элемента, не жертвуя одним другому. Немудрено, что многие окружные юнкерские училища приготовляют теперь к офицерскому званию свыше 30% военных писарей. При ныне существующих порядках эти офицеры-писаря, несмотря на свою очевидную несостоятельность во всех других отношениях, оказываются первой необходимостью для полков, становятся людьми дня. Как же русскому дворянству вступать в невозможное соперничество с ними по знанию табелей и положений, по умению составлять рапортички, по безмолвной покорности прихотям письменного начальства, по равнодушию к требованиям настоящей строевой службы и дисциплины, отошедшим далеко на задний план? Кроме того, методическое обучение грамоте солдат поставлено также в одно из главнейших достоинств офицеру, для чего в юнкерские училища введен курс педагогики. В этом отношении также прилежный писарь всегда перещеголяет молодого дворянина, и светского, и хуторского. Заметим мимоходом, что хотя обучение грамоте в войсках — дело полезное, но никак нельзя смешивать качеств школьного учителя с качеством боевого офицера. Если есть еще люди, верующие афоризму, что прусские победы одержал школьный учитель, но никто не поверит, чтобы пруссаки могли побеждать под начальством этих самых школьных учителей. В сущности, оказывается, что нынешнего армейского офицера ценят преимущественно по свойствам, может быть и полезным, но чуждым его прямому званию и его воспитанию. Очень понятно, что высшее сословие не идет охотно на конкуренцию, в которой его прирожденные качества, те именно, которыми оно сильно, имеют мало значения.

Кроме этой основной причины устранения русского культурного сословия от службы в армии в последние годы существуют еще многие другие, достаточно уважительные и явные причины, снимающие с него в значительной степени ответственность за кажущееся равнодушие к первой из своих обязанностей. Об этом предмете было достаточно речей во время заседания военных комиссий, потому мы не станем разбирать его подробно, а укажем только для памяти главные факты. Нынешний армейский офицер, кроме особенных исключений, не имеет перед собой карьеры, так как почти все начальствующие лица не вырастают из армии, а приходят в нее извне. Прежде одни офицеры гвардии, в силу своей привилегии в чинах, садились на голову армейским — это было вредно; теперь же рассадником начальства служит и генеральный штаб (что было бы справедливо, если бы этот штаб не был выделен в особую нестроевую корпорацию), и вся бесчисленная военная администрация, так что назначение армейским командиром гвардейского офицера стало из вредного, каким было прежде, относительно полезным, отбивая вакансию у какого-нибудь столоначальника, если б последнему вздумалось снизойти до строевой должности. Затем звание полкового командира, стоявшее прежде очень высоко, теперь уже никого не прельщает: какое значение имеет полковой командир в военном ведомстве, когда каждый начальник отделения военных канцелярий — генерал, каждый столоначальник — полковник, и притом стоящий гораздо больше на виду, скорее подвигающийся в службе, пользующийся значительно высшим содержанием? В военной бюрократии смеются над людьми, имеющими простоту переходить во фронт, хотя бы в начальнические должности. Разумеется, с понижением звания командира на столько же понизилось и звание подчиненного ему офицера, не имеющее теперь никакого значения ни в обществе, ни даже в глазах его собственного высшего начальства. Внимание бюрократических управлений, между которыми поделено командование армией, обращено преимущественно на своих же несчетных сотрудников, на свои хозяйственные ведомства. Что

значит для них строевой офицер? Кроме того, при размножении военной бюрократии в такой степени, как она размножилась с 1862 г. в числе, личном значении и стоимости, могло ли остаться много вещественных средств на содержание армейских офицеров? Содержание это было повышаемо, но далеко не соответственно чрезвычайному вздорожанию жизни, так что в действительности офицер получает теперь меньше, чем получал прежде[20].

Для избавления русской армии от такого непосильного и непроизводительного бремени остается в будущем только одно средство: взять военно-административные штаты какого-либо экономного государства и ввести их у нас, на первый раз буквально, не требуя от отдельных ведомств и строевых частей переписки и отчетности свыше тех, какие требуются, положим, в Пруссии. Исключение может быть допущено только в среде практической деятельности, для хозяйственных комиссионеров, закупщиков и проч., так как тут действительно оказываются иные местные условия; но для написания канцелярской бумаги и сведения счета требуется столько же труда и времени в Пруссии, как и в России. Пусть это буквальное подражание заключит подражательный период нашей истории; оно будет полезнее многих других. Без такого удара по гордиеву узлу правительство никогда его не распутает, не заставит тысячи людей искренно трудиться над преобразованием, противоречащим их прямым пользам; а между тем у государства видимо не станет средств на содержание разом двух армий — боевой и армии мирных воителей. Мы не перечисляем общих недостатков, существующих, по нашему мнению, в ныне действующей военной системе, и говорим лишь о личном положении офицера. В этом отношении с 1862 г. произошло коренное изменение, которое можно выразить немногими словами: армия и военная бюрократия поменялись местами — бюрократия выдвинулась на первый план, армия отошла на второй план. Очень естественно, что большинство людей, желающих устроиться на службе и пользующихся какими-либо преимуществами, — способностью, знанием, ловкостью, покровительством —

устремилось в бюрократию, и армии остался один оборыш. Этот прилив людей не улучшил военную администрацию, потому что единственное улучшение ее может состоять только в упрощении, в наложении на каждого действователя личной ответственности, чему усложнение механизма явно противоречит; но оно чрезвычайно ослабило армию, не говоря о других причинах, долженствовавших понизить ее нравственный уровень под бюрократическим управлением. Немудрено, что на звание армейского офицера осталось ныне мало охотников между людьми, имеющими доступ к чему-нибудь другому. Замена прежнего сословного состава офицеров бессословным, не удовлетворяющим никакому ценсу, ни в каком отношении, без сомнения, раздвинула еще более промежуток, образовавшийся постепенно между русским культурным слоем и армией.

В то же время относительное положение нашего дворянства было глубоко потрясено преобразованием 1861 г. и рядом последовавших за ним мер, — потрясено и в общественном, и в экономическом отношении. С одной стороны, дворянство почти утратило свое прежнее, явно очерченное место в государственном строе, что не могло не отозваться в известной мере на понятиях его о служебной обязанности и о сродной ему карьере; с другой — имущественные средства большинства значительно понизились, а военное дело вознаграждает людей вещественно очень недостаточно — приманка его заключается совсем в другом. Вследствие всех вышеизложенных причин, взятых вместе, число дворян, посвящающих себя военной службе, должно было необходимо оскудеть у нас. Если б влияние таких условий обнаружилось у наших занеманских соседей, прусское юнкерство, составляющее всю силу победоносного войска новой империи, которую оно сложило, можно сказать, своими руками, отшатнулось бы от армии еще скорее и полнее, а главное — сознательнее, как это произошло во Франции. У нас же оказался не разрыв, а только временное охлаждение. Тем не менее дело не может оставаться в настоящем положении. Солдаты без офицеров вовсе не составляют силы, а дать офицеров русской армии может только дворян-

ство, никак не юнкерские училища, наполняемые писарями и исключенными семинаристами.

Наше спасение заключается в просторе, предоставляемом законом о всесословной военной повинности; но для такой цели нужны новые постановления. В нынешнем своем виде недавно вышедший закон, составленный в духе всех прочих военных преобразований системы 1862 г., никак не спасет нас, потому что сделает возврат к естественному, единственно возможному и надежному иерархическому устройству русской армии еще затруднительнее.

Всесословная военная повинность нужна была нашему Отечеству как восстановление государственного права в отношении ко всем подданным без изъятия, но не как вещественная потребность; она никогда не может стать вещественной потребностью в громадном государстве, имеющем возможность поставить под ружье, посредством *всякого* закона о наборе, большее число людей, чем ему нужно. Маленькая Пруссия выросла силой всесословной службы; но, обратившись в Германию, она удержала только *право* ставить под ружье всех, в действительности же не пользуется и не может им пользоваться. В 1856 г. у нас состояло в распоряжении военного ведомства 2 600 000 человек; разве может когда-либо явиться потребность в числе солдат еще высшем? Стало быть, *вещественно* прежний закон о наборе вполне удовлетворял нуждам государства. Надобно было покончить, ради справедливости, с вопиющими исключениями сословными и племенными, но в то же время не было повода смотреть на новые положения иначе как с этой точки зрения. По нашему мнению, в России ничто не вызывает необходимости призывать каждого, вне дворянства, к лично-обязательной службе, воспрещая покупку зачетных квитанций, так как у нас никак не может оказаться недостатка в солдатах; Пруссия удержала такой закон как существующий, но, по всей вероятности, не создавала бы его вновь для многолюдной Германской империи, если б его прежде не было. *Положительное* значение новой военной повинности, вне вопроса о праве, может состоять у нас в том лишь, чтобы пополнять

посредством ее русскую армию офицерами. Кажется, в этих видах исключительно военное ведомство желало безусловно обязательной личной службы; как ни успокаиваться на бумажных списках, а угрожающий нам состав офицерства из одних писарей режет глаза всякому. Но только избранный для того путь не может привести к цели ни в какой степени. При всесословности можно заставить всякого, на кого упадет жребий, прослужить известный срок нижним чином, но нельзя никого обязать оставаться строевым офицером в мирное время, а вся сила армии — именно в строевых офицерах мирного времени; без них она не станет ни кадром, ни школой, а останется только расходом. Известными мерами очень легко принудить молодых людей высшего сословия дослуживаться до патента на звание офицера резервных войск, чтобы потом, с объявлением войны, не пасти волов в качестве фурштатов: только что же мы станем делать с массой резервных офицеров без офицеров действующих? А первых невозможно удерживать на действительной службе после производства против воли, если условия этой службы их отталкивают. В настоящее же время, когда дворянство, особенно небогатое, стало уже утрачивать, можно сказать, привычку к военной службе и понятие, что в ней заключается прямое его призвание, — вопрос состоит не только в том, чтобы возвратить строевой службе прежний ее блеск, а в том еще, чтобы восстановить прежние привычки и понятия сословия. Разглашенный закон о *всесословной* военной повинности для такой цели совершенно бессилен.

Упрочение качества русской армии требует той же развязки, какая нужна для того, чтобы вдохнуть жизнь в наш земский строй, вызвать нашу общественную деятельность и сложить наше сборное мнение, вывести наружу национальную личность в образованных слоях, для того чтобы восстановить и окончательно сплотить нравственную и умственную силу русской народности, — требует связного, самостоятельного, законно установленного положения культурного общества, призванного к бытию Петром Великим в качестве политического и служилого государственного сословия, вне которого у

нас нет ничего, кроме стихийных сил. Надобно возложить ответственность за гражданское развитие и за армию на сознательных людей — на русских европейцев, сплоченных в одно нравственное целое. Пример армии выказывает эту необходимость столь же убедительно, но еще резче чем все другие стороны нашей жизни. Петр Великий создал русскую постоянную армию как европейскую, с офицерами на образец европейских, без которых она немыслима; для подбора таких офицеров, более чем для чего-нибудь другого, он трудился всю жизнь над образованием культурного европейского слоя в России. Эти офицеры сделали русскую армию, до того времени бившуюся вровную против крымских татар, тем, чем она была на наших глазах — армией, побеждавшей Европу. В последних боях за Кавказом горсти русских солдат против огромных регулярных армий турок, лично очень храбрых и дисциплинированных людей, не уступающих никому другому, вооруженных лучше нас, мы достаточно видели, каким образом нравственная разница между офицерами той и другой стороны решала бой, вне всякого отношения к числу солдат. Наша армия была сильна тем же, чем может быть силен весь наш государственный и общественный строй — тем, что силы могучего от природы русского простонародья направлялись развитыми русскими людьми. Исторический дух нашей армии исчезнет невозвратно, если она перейдет в руки писарей, разночинцев и псаломщиков допетровской эпохи. Неужели такой возврат возможен после полуторавековой истории, потратившей все свои силы без остатка на создание образованного русского общества? Но, понятен или непонятен такой возврат, он неизбежен при общеобязательной военной повинности, *всесословной,* безразличной для всех состояний. Последствия его могут быть предотвращены только особыми законно определенными обязанностями дворянства к военной службе, что немыслимо без решения вопроса об общих отношениях русского культурного сословия к государству; могут ли существовать исключительные обязанности без исключительных прав? В этом случае Пруссия, приравнивающая по военному закону свое дворянство к прочему населению,

нам не пример по многим причинам: прусское дворянство издревле составляет касту, считающую военную службу своим правом, вследствие чего никакие особые меры не нужны для привлечения его в армию; вступление же каждого нового офицера в полк зависит там от сословного полкового офицерства, крайне ревнивого к своему званию. Затем в Пруссии существует многочисленное и очень образованное среднее сословие, преимущественно дающее офицеров специальным оружиям, сословие, без которого прусская армия не может обойтись и которого у нас совсем нет. Несмотря на то, офицеры-недворяне до такой степени редеют в прусской армии, подымаясь кверху, что на высших ступенях их почти совсем нет, то есть закон, сравнивавший всех по букве, просеивается административно сквозь сито. Между тем немецкое дворянство составляет только часть образованного общества, в Германии легко было бы подобрать офицеров и вне его, у нас же наследственное культурное сословие заключает в себе все общество, вне которого можно отыскать только писарей и семинаристов. Ясно, кажется, что если уж подражать, то надо подражать не формальному, а внутреннему, действительному порядку подбора прусских офицеров, смотреть не на приемы, вынуждаемые местными условиями, а на цель, к которой стремится берлинское военное управление. Наша отечественная потребность чистосердечнее прусской, мы не желаем просеивать через сито офицеров, раз допущенных к эполетам, откуда бы они ни вышли; но нам нужно, как и всем другим, серьезно расценивать источники, из которых мы почерпаем своих офицеров.

С признанием русского дворянства (вместе с лицами, законно к нему приравненными) государственным сословием в прямом значении слова оно должно стать сословием обязательно служилым. Права без обязанностей так же невозможны, как обязанности без прав, а наше дворянство, с самого начала своего бытия, особенно же после Петра Великого, никогда не имело самостоятельных корней в русской почве на образец привилегированных европейских каст; корни его исходили из верховной власти, оно существовало исключительно как пра-

вительственное орудие; оно и теперь может упрочить свое политическое бытие только под условием — нести посильную службу Государю и русской земле. Когда речь идет о нашем дворянстве, то вопрос заключается только в размере обязательной службы, требуемой современными нуждами, а не в самой служилости, составляющей душу этого учреждения. Думаем, что военная повинность должна быть обязательной у нас на известный срок для каждого дворянина, достигшего указного возраста, без малейшего исключения, без выкупа и замещения, не по жребию, а поголовно, но только для дворянина. Как сказано прежде, мы не видим никакого понятного объяснения для распространения такой же принудительности на прочие сословия. Мы считаем продажу зачетных квитанций из рук правительства полезным делом, для удовлетворения некоторых нужд армии и для освобождения торговых и промышленных людей от повинности, которую они считают несродной себе; для развития армии их деньги окажутся несомненно полезнее их личности; но в таком случае, цена квитанции должна быть высока, примерно около 3000 руб.: охотников выкупаться окажется достаточно и выручка будет значительная.

Устанавливая обязательность личной военной повинности дворянства, нельзя, однако, упускать из виду, что невольные офицеры, даже дворяне, не удовлетворяют цели. Значение офицера состоит именно в том, что он *свободно* идет на опасность, а потому имеет нравственное право насильно вести за собой других; кроме того, обязанности офицера, даже в мирное время, требуют, чтобы он предавался им с охотой. Дело не в том, чтобы заставлять порядочных молодых людей служить офицерами, а в том, чтобы дать им нетрудный доступ к этому званию и предварительную привычку к военной службе; при этих условиях, когда русское офицерство станет вновь дворянским по духу, охотники польются в него как и прежде.

Мы изложим свой взгляд по этому предмету, конечно, как личное мнение, но с большей уверенностью, чем излагали его по поводу практического устройства местного самоуправления. В последнем отношении нельзя ступить шагу без

всестороннего обсуждения дела самими земскими людьми, — обсуждения, еще не высказавшегося; в первом же, о котором идет теперь речь, нам давно известно мнение большей части русских военных людей, пользующихся и пользовавшихся в наше время заслуженной известностью.

Мы думаем, что прежде всего необходимо восстановление звания полкового юнкера в прежнем его виде, а затем нужно призывать на службу всех дворян подлежащего возраста поголовно не рядовыми, а юнкерами с обязанностью прослужить год; из прочих же сословий давать юнкерские галуны, также прямо со вступлением в строй, молодым людям, имеющим гимназический диплом или выдерживающим соответственный экзамен, если они предварительно согласятся на годовую службу; в случае же несогласия, оставлять их рядовыми на срок, установленный нынешним уложением. Независимо от военно-учебных заведений, разряд юнкеров станет рассадником постоянных офицеров добровольных и также обязательных офицеров ополчения; кто не захочет посвятить себя военной службе, тот выучится ей достаточно, по крайней мере для того, чтобы командовать ополченским взводом. Экзамен дворян на юнкера, при поступлении их в строй, должен соответствовать не каким-либо произвольным взглядам канцелярской эрудиции, пробивающейся заголовками пышных и несостоятельных программ, а действительной потребности — тому, что прямо необходимо для обер-офицера, так же, как действительному уровню образования в России; для этого нужно немного, но это немногое молодой дворянин пополнит качествами, придаваемыми ему закалом нескольких поколений. Готовить же просвещенных людей — дело общества, а не военного ведомства, которое тогда только и начинает заниматься общим просвещением, когда сознает себя недостаточно военным. В настоящее время русская армия не почувствует уже недостатка в серьезно образованных людях, не прилагая к тому собственных стараний.

Останется приготовить к военному делу юнкеров, желающих продолжать службу офицерами. Для этой цели нынешние

юнкерские училища не годятся: они могут приготовлять только иппологов. Даже преобразованные, они не удовлетворят потребности потому, что соответствуют не военному, а административному подразделению, стоят под рукой бюрократии и навсегда останутся проникнутыми вложенной в них закваской. Их можно только закрыть, а не переобразовать. На место их нужны корпусные классы, временные, зимние, для каждого корпуса отдельно, с преподаванием исключительно военных предметов и, пожалуй, математики. Преподавание, думаем, должно быть серьезное, но не обширное, не педантское, — соответствующее потребностям строевого офицера, а не главнокомандующего или профессора. Главнокомандующие вырастают на иной почве, кроме случаев необычайного дарования, которое само умеет пополнить недостающее ему. Одним словом, приемный экзамен должен в точности соответствовать среднему уровню образования небогатого дворянства; выпускной военный экзамен — средней мере специальных знаний, нужных обер-офицеру. Тогда громадное большинство поступающих удовлетворит тому и другому.

Поступление в военные классы, равносильное желанию остаться на службе, должно зависеть, конечно, от воли каждого. Нежелающий имеет право, по прослужении года, быть перечисленным в ополчение. Но звать дворян в военную службу, особенно на первое время, еще недостаточно; надобно их привлечь к ней. Как большинство дворянства, на которое можно рассчитывать для армии, — не богатое, не ценсовое, от людей, изъявляющих желание посвятить себя военной службе, следует обеспечить с первого же дня сообразно их положению — назначить им содержание, кроме общего казенного довольствия, которое они также могут получать деньгами. Содержание должно идти им с того дня, когда они изъявят желание слушать военный курс, — хотя бы с первого же дня службы; но в таком случае они обязуются оставаться в рядах до производства в офицеры. Затем они вольны располагать собой; но огромное большинство, привыкнув к службе, несомненно останется в ней после производства. Средства на содержание обязавшихся юнкеров

не составляют вопроса. Если число их будет равняться числу всех нынешних вольноопределяющихся — $7^1/_2$ тысячам и если каждому положат примерно по 200 руб. в год, то и тогда сумма эта будет гораздо ниже той, которая расходуется покуда на разных сверхштатных и состоящих около военных канцелярий. Можно надеяться, что у нас никогда не окажется затруднения в денежных средствах на необходимые потребности армии, как только окончательно выяснится вопрос, кто для кого существует: военная ли администрация для армии, или наоборот?

Затем всем юнкерам, не желающим продолжать военную службу, следует предоставить право оставить ее через год со званием офицера ополчения, разумеется, при одобрении их начальством; меньше года службы положить нельзя, если человек в это время должен чему-нибудь выучиться. Одна из главных сил России состоит в возможности, ей только свойственной, выставить многочисленное и устроенное ополчение. Потому офицеры ополчения должны существовать не на одной бумаге; даже в мирное время без них, вероятно, не обойдется, хоть на самые короткие сроки, как это происходит в Швейцарии и Англии. С другой стороны, офицеры из дворян-юнкеров еще необходимее в ополчении, чем в армии. В постоянном войске солдат привыкает повиноваться офицеру, как офицеру, независимо от его происхождения. Ополчение же состоит из крестьян, обученных владеть оружием (в чем и должно состоять их подготовление), но не ерошенных дисциплиной. Начальствовать с каким-нибудь толком над этими людьми может тот лишь, кого они признают за высшее лицо еще в родном селе — местный дворянин. Не выработанная между ними дисциплина может заменяться только естественными отношениями старшинства и почтения. Для годности ополчения необходимо, чтобы все наши уездные дворяне были несколько знакомы с военной службой: иначе оно останется вовсе без офицеров, или выступит с такими офицерами, которых лучше уж не беспокоить.

Сущность вышеозначенных мер, которые мы считаем неизбежными в настоящем положении дела, состоит, очевидно, в том, чтобы заменить нынешнюю малосостоятельную, искус-

ственно высиживаемую иерархию русских сил, постоянных и резервных, — иерархией естественной. Когда дело идет о том, чтобы заменить прежнюю рекрутскую армию устроенным для боя русским народом, то исполнимость такого плана зависит прямо от условия, чтобы каждый русский дворянин обратился в прирожденного офицера народной силы (кроме личностей совершенно неспособных). Это необходимо и в военном, и в политическом отношении. Но в таком случае ясно, почему в дворянстве не могут быть допущены ни замещение, ни выкуп, почему от дворянства должна требоваться *в основании* поголовная военная служба: дворянину пришлось бы откупаться не от солдатства, что еще понятно, но от офицерства.

Мы сказали *«в основании»* потому, что на практике нельзя, конечно, не допустить многих исключений как в сокращении срока службы, так и в полном освобождении от нее по определенным категориям и лично, для окончания образования, по особым семейным обстоятельствам и проч. Люди не могут установить никакого непреложного правила, что не колеблет, однако же, необходимости общих правил.

Установление твердого военного чиноначалия дает возможность поставить Вооруженные силы России на подобающую им нравственную высоту, обеспечивая их потребным числом и качеством офицеров, но не достигает еще этой цели прямо. Цель достигается вполне, когда кончится преобладание бюрократии в военном ведомстве, когда устройство и воспитание нашей армии станет исключительно боевым. Самый лучший подбор офицеров, вводимых в полки, если б даже он был осуществим при нынешних условиях, не поправит дела, если офицеры не захотят продолжать службу или окажутся бессильными против общего течения. Мы только указали на этот вопрос и не станем входить в его подробности: он достаточно разъяснен уже в других трудах, чтобы «имеющий очи мог видеть».

Кроме того, для осуществления всей мощи, к какой способна русская армия, для возвращения ей духа суворовских войск нужно изменение не только многих нововведенных по-

рядков, но и некоторых прежних. Мы говорим о той лишь стороне дела, которая прямо касается качества офицеров. Нужна отмена внешних привилегий по родам войск. Пока каждый русский офицер не будет иметь в глазах правительства, если не общества, того же значения, как кавалергардский или Преображенский, пока эполеты не будут возведены в России в такой же почет, каким пользуется портупея в Австрии, — у нас не возникнет цельного и связного корпуса офицеров. Высшее дворянство стоит в голове низшего — это неизбежно и правильно; но, во-первых, эта ступень может принадлежать ему только нравственно; во-вторых, оно должно быть разлито по всему телу государства и армии, а не скапливаться зауряд в одном месте; тогда только оно принесет свою пользу. Устройство русского служилого сословия как верхнего, обдуманно сложенного пласта земского царства, несовместно с порядком, существовавшим за столом Карла Великого, где графы служили герцогам, бароны — графам, простые дворяне — баронам. Призвать русское культурное сословие к поголовно-обязательной военной службе, затем чтобы распределять его потом на искусственные и неравномерные по правам разряды, — было бы противоречием русской истории и лишило бы это учреждение жизненности в самом начале. Неотстранимая потребность времени ведет нас к одному общему исходу: и в общественном устройстве, и в армии дело не обойдется без исторически развитого русского слоя, вызванного к совокупной деятельности.

VII

УСЛОВИЯ НАШЕГО БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ

Мы высказали свой взгляд на отдельные стороны вопроса, с которым обратились к читателям в начале этого труда: каким образом мы, русские люди, выходящие из воспитательного периода своей истории, обязанные отныне стоять на сво-

их ногах, можем способствовать сложению нынешнего и нарождающегося поколений, обезличенных сверху и стихийных снизу, бессвязных умственно и нравственно, в органическое общество. Нам остается еще свести эти отдельные изыскания вместе и подвести к ним итоги. Каков бы ни был личный взгляд на лучший исход из такого состояния, трудно усомниться, что мы действительно в нем находимся, что, несмотря на громадную силу статистическую, на довольно распространенное образование, на великие народные качества, наша сознательная сила нравственная еще вовсе не сложилась; а главное, в настоящее время у нас не видно даже органов, способных выработать и установить ее. Трудно отрицать в современной России полный разброд мнений и отсутствие какой-либо общественной деятельности, что отражается на всех проявлениях нашей жизни — на печати, на самоуправлении, на нашем бессилии оказать нравственное влияние на окраины. Мнение о современной нашей скудости, сравнительно с недавним возбуждением русского общества, можно назвать общепризнанным, хотя каждый объясняет его по-своему. По нашему понятию, объяснение этого явления представляется само собой. Двадцать лет тому назад русская мысль действительно высказывала резкие мнения, и эти мнения отчасти группировали людей; но тогда она только пережевывала в последний раз запас чужих идей и знаний, занесенных к нам в течение воспитательного периода, работала над ними окончательно и более сознательно, чем прежде, откуда и происходило это кажущееся оживление. Когда же на место голой теории нам открылась и практика, когда мы стали на свою собственную почву ногами, а не головой, как стояли на ней прежде, когда для нас явилась неотложная потребность говорить *свое,* а не чужое — мы все замолчали разом, так как *своего* нам покуда сказать нечего. Свое мнение складывается только жизнью, и притом жизнью не отдельных личностей, а общественных групп, которые и прежде у нас были слабы, а при новой перепашке русской почвы были совсем выполоты. Каждому русскому, желающему сказать что-либо путное, пришлось теперь додумываться до всего своим одноличным

умом — труд непосильный. Проводить же какую-либо мысль в общественную деятельность однолично — уже совершенно немыслимо. В таком состоянии, при отсутствии общественной организации, ни умственная, ни деятельная жизнь России не сложится не только в пятнадцать, но и в полтораста лет; сухой песок никогда не срастется сам собой в камень. Природное различие в лестнице существ состоит именно в развитии организации; только организацией самое маленькое позвоночное явно превосходит самого большого моллюска. В этом отношении все образованные народы — позвоночные, все они заключают в своем общественном устройстве твердый остов, прочно установленный культурный слой, дающий определенную форму всему общественному телу, — все, кроме современной Франции и нас. Франция умудрилась утратить свою основную, историческую организацию; мы же не только не сложили ее до сих пор явственно (вследствие тяготевших над нашей народной жизнью условий), но в последнее время разбросали собственными руками зачатки, готовые сложиться в организованное целое, — растворили в массе свое петровское культурное сословие, а потому и остаемся покуда в виде тысячелетнего студня. Мы видели в последней главе, посвященной военному вопросу, что нам нельзя обойтись без твердо установленного образованного сословия, не только для того, чтобы жить хорошо, развиваясь самостоятельно, но для того даже, чтобы жить как-нибудь, просто для того, чтобы жить. Без дворянства у нас не будет армии, а без армии недолго простоит нынешняя Россия. Уцелеет, может быть, Московская и Петровская Русь, принятая в наследство Екатериной II (да и тут еще надо подумать о Прибалтийском крае), но не устоит Русская империя, перешагнувшая за пределы чисто русского племени, со всем, что ей намечено еще судьбою впереди. Мы ведь в Европе непрошеные гости. По доброй воле, невынужденно, она не потерпит нас не только на Висле, но и на Немане, и на Припяти. Всякая неотложная историческая сознательность и потребность выражается не в одном только отношении, а во всех отношениях; таким образом высказывается и наша потребность в политиче-

ски признанном, поставленном на своем месте русском культурном сословии, не только ввиду ожидаемой от него пользы, но по необходимости. Какой смысл имела бы наша история, если бы, потратив полтора века на создание слоя русских европейцев, затормозив из-за этого дела всякое общественное развитие в России, по окончании своей задачи она обошла бы ее как ненужную?

Конечно, вопрос идет собственно не о потребности для России в образованном обществе, о чем никто не спорит, а о политических правах этого общества, — о том, должно ли оно входить в состав русской организованной жизни в качестве частных людей, как теперь во Франции, или же на правах признанного законом высшего сословия. Прежде всего надобно заметить, что сущность вопроса состоит не в том, как иные ставят его — демократична ли русская история и демократичен ли русский народ, — хотя он несомненно недемократичен во французском смысле, не заражен завистью к высшим слоям и больше верит в местных помещиков, чем в своих выборных людей или в чиновников, — а совсем в другом: может ли обойтись восьмидесятимиллионная Россия без организации, без постоянных зрелых и благонадежных руководителей, связанных в одно целое, вместо случайных, незрелых и шатких, — шатких именно вследствие своей незрелости и несвязности? Следует ли предоставить общее руководство делом, даже при доверии народа к просвещенному местному слою, одному настроению толпы, которую завтра же какое-нибудь случайное течение может сбить с толку и направить в противоположную сторону, что значило бы, в сущности, дать в руководство русским областям, заглазно от правительства, не сознательность, а инстинкт? Не только для прочности общественного порядка, но для добра самого народа ему нужны зрелые руководители. Если бы мы могли обойтись без общественной организации, установленной на исторической сознательности, — мы были бы единственным исключением в свете. Эта установленность существует везде, конечно, в разных видах, за исключением Франции, расплачивающейся теперь за свою напускную бессословность. Пруссия

не могла отдать, по новому положению, земской власти юнкерству, так тщательно оберегаемому ею во всех других отношениях, так как это юнкерство — исключительная каста, далеко не представляющая всего развитого и богатого класса страны; она также не могла отдать власти и прямо среднему сословию, совместно с дворянством, так как это сословие не имеет там никакого законного определения, кроме ценса; но прусское положение так обстановило выборы в новом земском законе, что власть и направление остаются исключительно в руках исторически зрелых слоев общества, очень близко к английскому образцу. Известна охранительность прусского государственного устройства во всех других отношениях. Можно быть спокойным насчет воздержанности теоретического либерализма в этой державе. Об английской бессословности странно даже говорить, хотя для иных наших публицистов и такой вывод нипочем. Англичанин, конечно, всегда может вступить во властное сословие своего отечества и стать полноправным земским лицом (даже вне городов) независимо от своего происхождения, — но не в русском смысле, не заслугой, а приобретением значительного поземельного состояния, которое приобрести в Англии не только дорого, но даже довольно трудно. Для получения полноправия он должен стать на деле членом весьма немногочисленного и богатого полноправного сословия — вот что называется английской бессословностью. Отсюда до избрания земских деятелей из батраков оказывается еще достаточно далеко, а потому разговор об английской всесословности, применительно к России, может быть только игрой слов, а не серьезным рассуждением. Суть английского устройства состоит в том, что там политические права даются одним богатством, а богатство поземельное находится преимущественно в руках древних завоевателей страны. При таком положении *дела* можно дать названиям какой угодно простор.

В одной Америке бессословность царит по закону, но, как известно и как мы оговорили прежде, только по закону, а не на деле. Но, кроме того, что Америка выделывает в себе какую-то новую общественную закваску, еще недостаточно определив-

шуюся и которая не может служить нам примером, существенная организация этой страны, исправляющая и ограничивающая всякий недостаток общественного устройства, дающая ему жизнь, самостоятельность и разнообразие, состоит в делении на штаты — маленькие государства, почти независимые в своих внутренних делах; земская жизнь развивается там под глазами местной верховной власти, а не заглазно от нее, как у нас. Затем, хотя весь простой американский народ может быть приравнен по образованию и благосостоянию к среднему европейскому сословию невысоких ступеней, но самоуправление простонародное кончается там деревней; американские нравы допускают в управление графством, равняющимся нашему уезду, только политиканов, естественно принадлежащих к образованному классу. При таком общественном закале, когда нравы пополняют закон, — бессословность возможна. Но в Европе она еще никого не доводила до добра. В безмерной же России, лишенной всякой живой организации областной, управляемой за глазами от правительства, можно сказать, лишь официально, толпой кое-как набранных чиновников, в большинстве совершенно равнодушных к общему делу, бессословность значит — хаос, отсутствие всякой организации, то есть обеспеченности, последовательности и сознательности в управлении местной жизнью. И если бы еще хоть кому-нибудь было от того лучше! Но, напротив, всем стало хуже: народу, поставленному под руководство плутоватых писарей, — хуже; дворянству, лишенному своего прежнего значения, — хуже; серьезно образованным людям других сословий, которые правомерно, хотя лично, примкнули бы к дворянству и нашли бы почву для обширной деятельности, — хуже, так как они теперь стираются, вместо того чтобы выдвигаться; купечеству, не имеющему покуда возможности занять подобающее его действительному значению место в общественном строе и примкнуть к политическому слою, — хуже; русской военной силе — гораздо хуже; всем местным населениям, платящим вдвое дороже прежнего за мосты, по которым нельзя ездить, и вчетверо дороже за больницы, в которых никто не лечится, — также хуже; всего же хуже

для преуспеяния России, сначала как общества, а впоследствии даже как государства, — бессилие общественное не может не отозваться со временем на могуществе государственном. Хорошо только одним общелиберальным принципам, которые, к сожалению, как существа метафизические, наслаждаясь одни, не могут даже чувствовать своего благополучия.

А между тем наше шатание происходит только от недоразумения, от той игры слов, о которой мы говорили выше, занесенной к нам воспитательным периодом и заставившей нас подразумевать под русскими названиями явления чужеземной жизни. Так именно случилось с понятием о нашем дворянстве, приравненном во мнении к европейским завоевательным кастам. Устанавливая всесословность в гражданском строе и в армии, согласно с призрачными русскими идеалами шестидесятых годов, было упущено из виду, что наше послепетровское дворянство — не только не каста, но даже не самостоятельное сословие, а лишь правительственное и общественное орудие для просвещения и благоустройства России. Петр Великий обновил его преимущественно для армии и правительства, отчего оно и удержало навеки свой характер прямых слуг верховной власти, — слуг надежных и сознательно верных гораздо более всякого чиновничества. Протекшие затем полтора века придали петровскому дворянству еще новое значение, не разрушая прежнего, — значение русского культурного общества. С недавним выходом нашей истории на широкую дорогу, не стесняемую больше никакими исключительными обстоятельствами, тормозившими наше самобытное развитие целую тысячу лет, русская монархия находилась в таких выгодных условиях, какие еще нигде не осуществлялись. Все народное культурное сословие, вместе взятое, со всеми притоками снизу, которых оно могло ожидать в будущем, проникнутое преданиями своей служилости, пользовавшееся почтением и доверием народа, принадлежало правительству в собственность, составляло в буквальном смысле совокупность *его людей,* к которым власть могла всегда, по всякому поводу, отнестись со всяким разумным требованием, в полной уверенности, что это требо-

вание будет исполнено немедленно и с сочувствием, хотя бы вынуждало к большим жертвам. Отношения русского высшего сословия к власти, его создавшей, были совсем иные, чем феодальная верность западного дворянства, смотревшего на короля как на главного дружинного начальника и твердившего ему при всяком удобном случае: sinon non[21]. Из этого «sinon non», не имеющего у нас никакой почвы, вырос весь современный европейский порядок, выросли все конституции и революции. Насколько такие условные отношения были вместе полезны и вредны западным обществам — это до нас не касается, потому что к нам неприменимо. Со служилым культурным обществом, ведущим за собой народ, русская верховная власть располагала и может располагать всемогуществом, благотворным и невиданным в истории. С другой стороны, учреждение общедоступного политического сословия было в такой же мере пригодно для развития и благоустройства России. Наследственный культурный слой, пользующийся доверием народа, обязанный службой правительству и открытый снизу, представлял самое подходящее, даже единственно подходящее орудие как для выработки и сосредоточения национальной умственной и нравственной силы, так и для направления народной массы по должному пути; орудие это было исторически выработанной организацией земской всесословной монархии, каково наше отечество. Такого учреждения не существовало еще нигде, кроме России, потому что в одной России впервые осуществилась истинная народная монархия, — народная в смысле всесословности верховной власти, одинаково беспристрастной и доброжелательной ко всем разрядам подданных, — народная по отсутствию каких-либо насильственных форм, навязанных извне завоеванием, развившаяся исключительно из самой себя, а потому смотревшая на каждого своего члена как на кровного.

Действительная и упроченная монархия, представляющая не переходную форму от феодального порядка к республике, анархии или военному деспотизму, каковы все нынешние европейские государства, — а монархия в себе, по сущности, как Россия не может обойтись без высшего сословия, потому что

вековечная и наследственная верховная власть может преследовать вековые цели только через вековечное же, сроднившееся с ним историческое орудие. В народной русской монархии это орудие правительственного действия и государственной организации вполне соответствовало всему ее складу, кроме одного безобразного нароста крепостного владения. Открываясь для каждой созревшей снизу силы по праву, а не в виде исключительной милости правительства, как на Западе, наше высшее сословие не могло колоть глаза никакому серьезному честолюбию из подполья; напротив, оно представляло ему законное, соответственное мере его способностей повышение в общественном положении, а в то же время собирало в пучок, в один общий слой, все русские культурные силы, устраняя повод ко всякому сословному разделению в будущем. Наш высший класс был всегда классом наследственным; он остается и должен оставаться таким. В наследственности все его значение. Без нее он никогда не сложился бы, не стал бы ядром русской сознательной жизни; без нее он не может быть ни орудием государственного, ни орудием общественного русского развития. Для этих целей нужна не бывшая ценсовая французская буржуазия, павшая от первого толчка, а устойчивый и связный слой преемственно образованных родов, уважаемый народом, неразрывно скрепленный с правительством, выработавший вековым существованием твердое сознание своих прав и обязанностей.

Надобно помнить также, что само условие, при котором складывалось петровское высшее сословие, было условием исключительным, требовавшим времени для полного созревания. Высшее сословие, тождественно равняющееся у нас итогу образованного общества, не развивалось из народа непосредственно, но должно было пройти предварительно, можно сказать, через чужую почву, объевропеиться, что и налагало на него особый, резко отличавший его от народа отпечаток. Находясь в таком состоянии, оно до сих пор еще не выработало своей окончательной формы и не совсем еще соответствует своему историческому назначению, которые осуществятся вполне тогда лишь, когда с самостоятельным развитием взя-

того напрокат чужого умственного капитала русскому человеку, перерастающему народный уровень, надобно будет не объевропеиться, а окультуриться в своем природном обществе (просим у читателей извинения за это последнее выражение, но другого мы не нашли). Тогда совсем исчезнет промежуток, отделяющий у нас высший слой русского народа от низшего; влияние первого на массу возрастет вдвое и станет непоколебимым. Такой переход был неизбежен по духу нашего воспитательного периода, а потому покуда надо смотреть на исторические отношения культурного слоя к народу, на окончательное их сочетание — можно сказать — в ожидании, а не через продолжающийся еще туман переходного состояния. Тем не менее даже покуда, даже с нерусским внешним обликом наше культурное дворянство постоянно доказывало своими действиями, что оно — не отрезанный ломоть, не аристократия в западном смысле, а верхний слой русского народа; оно постоянно выражало и свое происхождение, и свою неразрывность с почвой, как положительной готовностью приносить тяжелые жертвы общенародным пользам, так даже своими ошибками и своим увлечением в этом отношении. Происходило это не от веяния нашего национального склада, как говорят некоторые, а от исключительного духа, свойственного одному только русскому дворянству — духа не аристократического, а чисто культурного, всенародного, не допускающего его оторваться от массы. Против подобного, однокровного, постоянно подновляемого снизу культурного сословия русские населения не имели и никогда не будут иметь надобности в трибунах, в доверенных выборных людях для своего ограждения; оттого русское простонародье гораздо больше верит порядочному местному помещику, чем излюбленному волостному голове. Наконец, наше культурное сословие, постоянно принимавшее в себя все силы, вырастающие на русской почве и связывавшее их в одно целое, в одну общерусскую нравственную силу, представляло для будущности нашего политического развития еще то несравненно выгодное и нам одним свойственное условие, что, внушая власти полное доверие к себе, как к своему творению, оно

могло надеяться получить от нее доказательство искреннего доверия гораздо скорее и полнее какой-либо всесословности. А как дворянство вело народ и совмещало в себе все созревающие его притоки, то политические льготы дворянства оказались бы прямо и непосредственно льготами всероссийскими, в таком же прямом смысле, как льготы класса английских государственных избирателей суть льготы Англии.

Во второй половине текущего столетия все эти исторические условия, выросшие на русской почве, беспримерно выгодные и для власти, и для общества, и для населений, уже вполне развились и устоялись, но только как материал, не распределившись еще между собой в должном порядке и взаимодействии. В таком положении находились мы к началу шестидесятых годов. Срезая случайный нарост крепостного права, можно было дать всем бытовым чертам русской жизни, выращенным петровским периодом, если не окончательную форму, то по крайней мере форму им соответствующую, приближавшую их к окончательной. Сплочение высшего сословия становилось тем необходимее, что, при одновременном упразднении крепостного права и воззвании страны к самодеятельности, прежнее официальное местное управление, посредством чиновников (далеко не отожествляющих у нас своих личных стремлений с правительственными), теряло значительную долю своей прежней действительности — как вследствие того, что ему приходилось отныне ведаться с нравственными интересами, непосильными для него и до тех пор ему чуждыми, так и потому, что оно лишалось содействия местных помещиков, наиболее охранявших порядок. Сознательные и дисциплинированные земские силы становились во сто раз нужнее для нашего будущего, чем они были в прошедшем; потребность в культурном сословии выдвигалась с удвоенной настоятельностью и для нового гражданского строя, и для нового краткосрочного войска. Но кто не помнит, в каком болезненном состоянии находилось русское общество после крымского потрясения, поколебавшего нашу старинную веру в себя, открывшего временно доступ к нам самым неестественным, самым напускным возбуждениям?

Кроме того, наше историческое национальное сознание, хотя уже несколько созревшее к тому времени, было еще лишено всякого опыта, пришедшего уже после, а вследствие того держалось в нас очень слабо, как всякая теория. Почти все мы, от мала до велика, поддались искушению новизны и завопили о всесословности чисто теоретической и выгодной разве для горстки разночинцев и для бюрократии, так как народ наш не выказывал, даже смутно и инстинктивно, как и теперь не выказывает, никакого влечения к подобному нововведению. Мы были удовлетворены, по крайней мере, в главных чертах. Не имея возможности питать полного доверия к неизвестному и неизведанному учреждению, каким представлялось всесословное самоуправление, власть была нравственно вынуждена придать ему характер частного, общественного, а не государственного учреждения, приставить земскую деятельность к системе общего управления, как особую заклеть, а не ввести его в государственный строй как составную часть — в чем мы, конечно, не выиграли. Но тем не менее бессословность стала в нашей текущей практике руководящим началом, причем дворянство, очень естественно, отстранилось добровольно от многого, и за это нельзя его винить. Одновременно с освобождением крепостных руками их же помещиков были приняты меры для ограждения освобожденного народа от прямого влияния последних. А как наш народ безграмотен (да и какое же простонародье политически не безграмотно!) и как никакого среднего состояния у нас не существует, то с отстранением официального культурного класса руководство во всех отношениях, как в гражданском обществе, так и в войске, стало переходить в руки одной бюрократии. Призрак всесословного земства повел исключительно к усилению бюрократического начала везде и во всем, то есть, в сущности, к большей еще несостоятельности общества, чем то было прежде. Личное участие людей культурного слоя как единиц, по их доброй воле, в каком бы то ни было количестве в отправлениях русской общественной жизни не улучшает дела и нисколько не может помешать новой бессословности, то есть бессознательности, разыграться

на просторе. Во Франции наследственно образованных людей несравненно больше, чем у нас, но с тех пор как там был разбит культурный *политический* слой, осколки его оказываются совершенно бессильными для управления обществом; maximum их напряжения достигал только той цели, чтобы передать власть из рук уличной анархии в руки военной диктатуры. Совершившаяся у нас передача направления из сознательных рук в бессознательные оказала свое влияние не только появлением на сцене новых личностей, каких у нас прежде не было видно, но еще новым тоном, напущенным на русское общество; даже многие люди культурного слоя, одни поневоле, другие по расчету, третьи по моде, стали под него подделываться. Такого крутого нравственного перелома нигде еще не случалось.

В Европе, даже в революциях, на смену падающих общественных пластов всегда бывали уже готовы новые, достаточно подросшие. Оттого-то царствование французской демократии не удается, несмотря на растолчение культурных слоев, что у нее нет еще своих собственных созревших сил. Нам же, за неимением никаких перегородок, даже нравственных, в массе, лежащей под культурным слоем, пришлось свалиться, не в пример прочим, не на ближайшую перегородку и не с перегородки на перегородку, а прямо на дно. С увековечением этого нового порядка дел, ничем не вынужденного, не принесшего никому личной пользы, вызванного не какой-либо созревшей потребностью, а лишь временным общественным увлечением, — Россия не станет демократичной более чем прежде, потому что она была всегда чисто народной и земской, что составляет перевод того же понятия, словом и делом, только в русском смысле; но она станет из монархии организованной — неорганизованной, стихийной, а со временем и анархической. Всякое положение приводит неизбежно к последствиям, которые оно в себе содержит. Отвергать этот вывод может только тот, кто верит вырастанию созревших исторических слоев наподобие грибов, разом после первого дождика и первой реформы.

Закон поступательного движения обществ ныне достаточно определен и известен, хотя эта известность нисколько

не облегчает выработки сборной человеческой жизни, как знание законов небесной механики не дает влияния на ход светил. Понимание общественного закона, примененного с приблизительной точностью к отечественной истории, дает только возможность смотреть отчетливее на явления своего прошлого и настоящего, понимать сущность этих явлений, не подымая завесы будущего. Ни в каком народе культурный слой, заключающий в себе историческую жизнь племени и государства, не движется всей массой разом, не идет вперед, если можно так выразиться, фронтом, равняясь по всей линии, но выдвигается исключительно оконечностями, сначала левой, потом правой, причем второй оконечности приходится по большей части догонять первую, затормозив предварительно ее бег настолько, чтобы та не зарвалась слишком далеко, до чистой теоретичности, до полного разъединения с привычными взглядами и обычаями массы. По счастливому, хотя не совсем точному выражению Маколея, сегодняшние тори суть не что иное, как вчерашние виги. Неточность выражения состоит в том, что сегодняшние тори все-таки остаются нравственно ториями, что они мирятся лишь с некоторыми практическими выводами, провозглашенными их соперниками и принятыми обществом, но верят преимущественно в историю, то есть в опыт, между тем как виги, даже благоразумнейшие, не отрывающиеся прямо от исторической почвы, всегда слишком склонны к теории. Кроме того, тори вносят в управление и в нравы совсем иной дух, чем виги. Характер тех и других остается при них, идет вперед только время. Очевидно, что и те, и другие, держась исключительно направления во всем и всегда, не могут не быть односторонними, не могут не обнаруживать известной узкости взгляда, неприменимого целиком, по своей исключительности, к разносторонним бытовым потребностям общественной жизни. Но в узости воззрения и состоит сила партий; одна только узость позволяет им сложить законченную, безызъятную житейскую теорию, доступную, по своей простоте, всякому уму, которую потому легко и проповедовать. Всякая река в тесных берегах течет стремительно. В средине, между двумя око-

нечностями, находится громадное большинство культурного слоя, не принадлежащее ни к правой, ни к левой, но стоящее между ними как судья и посредник, примыкающее то к той, то к другой, смотря по потребностям времени и по выясняющейся необходимости поправить перевесом одной из оконечностей излишек и односторонность, напущенные на общество перевесом другой. Потому-то действительно единодушные партии складываются лишь на двух оконечностях; партии же средние бывают только условными и временными соглашениями. Тем не менее от этих средних партий главнейше зависит правильное развитие и благосостояние общества, так как они одни переделывают крайности обеих оконечностей на бытовые понятия, способные войти в общественную практику. Если крайние партии влияют преимущественно одна на другую — левая на правую тем, что не дает ей заснуть, а правая на левую тем, что не дает ей улетучиться до фантазии, то влияние центров состоит в уравновешении партий с обществом взятым вместе, с мнением и потребностями людей, составляющих везде огромное большинство, которые не увлекаются особенно никакими общими целями, а хотят благополучно прожить на свете, без притеснения свыше и беспорядков снизу. Вожаками этих спокойных граждан, то есть предводителями средних, практических групп, бывают обыкновенно истинные государственные люди, редко выставляемые крайними сторонами, потому именно, что сила замкнутых партий состоит в страстности и односторонности. В то время как сторонники обеих оконечностей возводят свои личные взгляды до идеалов — одни представляют прошлое, а другие будущее в таком радужном цвете, каким ни это прошлое, ни это будущее никогда в действительности не окрашивались и не окрасятся, — центры руководят обыденной жизнью. Оттого в крайних партиях заключается сила, движущая обществом, в средних — его равновесие, действительность текущего часа.

Известное дело, что чем народ развитее, тем значение центров суживается в политических сферах, хотя в самом обществе (или, говоря парламентским языком, в избирателях)

все-таки остается главной силой — и наоборот. В Англии и Америке всего только две преобладающие политические партии — правая и левая; во Франции же, как и на всем материке, настоящая правая и настоящая левая, вместе взятые образуют меньшинство, все же остальные представляют не цельное мнение, а лишь оттенок мнения, легко переливающийся в соседний оттенок, смотря по обстоятельствам и настроению, как обыкновенно бывает в бытовой жизни. Потому-то эти средние союзы нельзя назвать партиями в прямом значении слова; они — не более как группы людей, сближаемых не принципами, а настроением, связываемых и разделяемых текущими вопросами. Если бы, для опыта, вздумалось собрать сегодня русский Земский собор, то наша правая и наша левая выставили бы каждая, надо думать, по десятку человек; все же прочие не высказали бы никакого сборного мнения, а разве показали бы одно беспристрастие, готовность принять все хорошее из всяких рук. Расширение крайних партий на счет центров в политически развитых государствах (которых лишь два на свете) объясняется не только зрелостью, а следовательно, и большей определенностью личных мнений, но зрелостью самих партий, обдуманных, дисциплинированных, ограничивающих увлечения своих членов, заставляющих их подчиняться решению *своего,* партийного большинства. В каждой из двух больших английских и американских партий есть свои правая, левая и центр, но только в мнениях, а не в политических заявлениях, производящихся там, как в хорошо устроенной армии, по команде. Политически взрослый человек знает, что одиночные усилия не ведут ни к чему, что для получения прямодостижимого надо уметь жертвовать труднодостижимым, как бы оно ни было дорого сердцу. Кроме того, обе большие партии Англии и Америки устоялись на действительной почве — на почве высказывающихся общественных потребностей; они давно обрезали с обоих своих концов увлечения чисто теоретические, а потому между ними и людьми, озабоченными больше интересами дня, чем идеями, нет ощутительного промежутка; тем легче они втягивают

в себя лиц всякого рода на счет центров. И, со всем тем, даже в таких государствах мнения скапливаются в две главные группы только на парламентском поле; в обществе же большинство остается все-таки в виде текучей середины, дающей перевес то той, то другой партии: развитие и благоустройство нации все-таки зависят от зрелости и сознательности этой середины, не срастающейся надолго ни с какой оконечностью. Свобода действий средних политических групп не означает отсутствия в людях установленного мнения, а только отсутствие увлечения и самомнения — отрицательное качество, необходимое для всякого практического дела. Она истекает не столько из склада ума, как из рассудительности и примирительного характера, отчасти из бесстрастия; в ней нет увлекающей силы, но весь устой заключается в ней одной. Оттого именно, кроме часов взрыва и реакций, почти все государственные люди выходят из средних партий.

Крайние мнения существуют везде и всегда по той же причине, по которой у всякой палки два конца; за ними дело никогда не станет, но благоустройство обществ и политическая их зрелость зависят исключительно от развития средних, можно сказать, нейтральных мнений, каким бы образом они ни выражались: заквашивая ли своим примирительным духом две преобладающие партии или же образуя между ними самостоятельный устой. Способность народа к правильной политической жизни измеряется преимущественно численностью, просвещением и связностью этих средних групп, заботящихся более о практике жизни, чем о теориях. Где им недостает одного из названных условий, там правильное развитие общества заменяется очередными потрясениями в ту и другую сторону. О численности их нечего заботиться: людей умеренного мнения и житейских практиков везде несравненно больше, чем несговорчивых, из которых набираются горячие партии. Но отсутствие связности между средними политическими группами гибельно: оно свалило Францию; отсутствие связности и просвещения в общественных центрах явно губит южноамериканские республики.

Перевес середины самого тела над крыльями составляет такое же условие правильного организма для общества, как и для птицы. Без крыльев народ не может двигаться, как Китай, но без средины он вовсе не может жить. Следует потому сказать с уверенностью, что там, где середина не подает признаков явной самостоятельной жизни, где она еще не сложилась, — там нет и крыльев, а то, что наивные люди принимают за крылья, есть не что иное, как веялки из накладных перьев, нечто вроде *партий,* складываемых между малолетними единомыслием нескольких журнальных сотрудников, или салонное собрание немногих собеседников без последователей, как у нас. Рост крыльев, образование партии или партий на оконечностях без живого общественного тела, без ясно высказывающейся середины — возможны, но это — явление болезненное и скоропреходящее. Таким болезненным явлением было у нас распространение нигилизма в начале шестидесятых годов, хотя он был не партией, а только разливом полусознанной новизны.

Этот закон общественного развития поочередным движением с двух оконечностей, умеряемым и приноравливаемым к жизни серединой, есть закон всемирный и вечный, закон Древнего, как и Нового мира, — сознается ли он обществом или нет. Разница оказывается лишь в том, что в первом случае, при сознании, выдвигаются настоящие, устроенные партии, во втором — движение выражается одним напором мнения, бесформенным, но тем не менее приводящим к цели. Может случиться и при сознательности, что партии не смыкаются, не представляются глазам наружным образом, а действуют только силой и распространенностью мнения. Такое явление возможно лишь в стране, где общество не привыкло к самодеятельности и союзы частных людей для какой-либо общей цели необычны, но где в то же время правительство срощено с народом в одно органическое целое, где оно не имеет надобности отстаивать какие-либо личные свои интересы и где вследствие того укореняется убеждение, что созревшему мнению достаточно быть услышанным, чтобы перейти в жизнь. Иначе не из

чего было бы хлопотать: турецким райям и негосподствующим австрийским народностям нет пользы доводить свои сердечные желания до сведения их повелителей — немецкого цезаря и мусульманского султана, вынужденных поддерживать старые порядки для собственного самосохранения.

При действии одного мнения, так же как и при явных партиях, в стране самодержавной (но такой, где власть органически соединена с народом), так же как и в странах конституционных, позыв к движению в ту или другую сторону всегда созревает в оконечных, теоретических мнениях, раньше, чем в самом теле общества, в его середине, но становится потребностью и явно заявляет о себе тогда лишь, когда принимается серединой, то есть силой, преобладающей в этой середине, взвесившей предварительно теорию партий со своей практикой. История всех развивающихся народов шла одним из этих путей. Она складывалась организованными партиями в республиках классического мира, в средневековой Италии и в англосаксонском племени и напором неорганизованного мнения во всех других странах Европы. Если б можно было забыть историю и судить о прошлом лишь по нынешнему состоянию народов, то и в таком случае эти черты их истекшей жизни обозначились бы явно: в обществах, давно знакомых с сомкнутыми партиями, эти партии слились в две главные, почти поглотившие центр, проявляющийся теперь в них самих, а не вне их; в прочих европейских странах партии дробятся чрезвычайно, и самостоятельные центры господствуют, хотя непрочно. Подводя нашу историю и наше современное общественное состояние под мерку, данную этим всеобщим законом, мы видим несомненно, что Россия принадлежит к числу государств, развивавшихся под напором мнения бесформенного, хотя всегда достигавшего своих целей; но нельзя не видеть и того, что в настоящую пору мы значительно отстали от других европейцев, как в определенности, и главное, в практичности своих мнений, так и в способах их выражения, не вследствие наших политических начал, но по неорганизованности самого общества. У нас не существует покуда не только партий, но даже

явно обозначившихся сборных мнений. Можно думать, что настоящие партии у нас никогда не возникнут, а при дальнейшем развитии сложатся только определенные группы одномыслящих людей — группы более сплоченные, как везде, на оконечностях, но более многочисленные в центре. Неосуществимость в России сомкнутых партий, действующих на народное развитие и на законодательство не мнением, а прямым, самодеятельным напором, — очевидна. Им нет у нас места, пока русский народ сохраняет свои основные исторические понятия, то есть на неопределенно долгое время в будущем.

Россия представляет единственный в истории пример государства, в котором весь народ без изъятия, все сословия, вместе взятые, не признают никакой самостоятельной общественной силы вне верховной власти и не могут признавать, не могут даже мечтать о ней, потому что такой общественной силы не существует в зародыше. В истории нельзя ничего сочинять; в ней живет только то, что ею же призвано к жизни. Общество, как и всякое творение в природе, может пользоваться только действительными, развившимися из него самого орудиями, — в таком же смысле как птица крыльями и зверь лапами, — а не какими-либо присочиненными; на накладных крыльях никто не летает. С другой стороны, в одной лишь России осуществилась верховная власть всесословная, не связанная особыми личными отношениями ни с какой гражданской группой, так как все отдельные сословия созданы ею же, почему она внушает одинаковое доверие людям всех общественных подразделений. В этом последнем отношении мы составляем единственное исключение из категории европейских государств, развивавшихся, как и мы, без явно обозначавшихся органов народной самодеятельности, без партий, одним повышением уровня нерасчлененного общественного мнения. У нас одних только мнение, раз вызревшее, никогда не оставалось без удовлетворения, между тем как там, то есть по всей материковой Европе, самые распространенные мнения, желавшие изменения установленных порядков, редко признавались властью добровольно; власть, взросшая не на всенародной, а

на условной и сословной почве, смотрела неприязненно на всякую новизну и уступала только необходимости. Наш государственный склад никак не препятствует развитию каких бы то ни было политических форм и органов мнения, соответствующих народному росту, но заранее и неотвратимо определяет их внутреннее содержание — совещательное, а не самостоятельное, дает место только группам единомышленников, а не сомкнутым политическим партиям, что, однако ж, нисколько не умаляет их значения в нашем будущем; с возвышением уровня общественной сознательности, при давнишнем, полном доверии русской верховной власти к своему народу, взаимные отношения их могут быть гораздо искреннее, нравственная сила созревшего мнения гораздо убедительнее, чем в бумажных конституциях европейского материка. Дело только в том, чтобы вызрели наконец наши — не разговорные, а практические — сборные мнения и сложились соответствующие сборные органы для их выражения, чего можно ждать, конечно, не на завтрашний день.

Внутреннее содержание русской истории определилось раз навсегда, в самом зародыше Московского государства, тем исключительным оборотом дела, что не русский народ вырастил из себя свою верховную власть, как всегда происходило и происходит на свете, а напротив, верховная власть создала Русское государство и русский народ из распавшегося, уничиженного и погибавшего племени. Можно провести такое сравнение: если б черногорские владыки в XVII и XVIII столетиях собственными силами вытеснили турок из Европы и собрали бы раиев, стонущих под варварским игом, в сильное и однородное государство, которому они дали бы все, от независимости до последнего гражданского учреждения, — государство, в котором не оказывалось бы ничего, что не было бы делом их рук, — то им неизбежно выпало бы на долю всемогущество русской верховной власти; в народном понятии не существовало бы никакой самостоятельной силы, кроме династии, а все сословия и учреждения, ею созданные, считались бы только формами, орудиями, подлежащими переделке сооб-

разно потребностям времени. Таков смысл русской истории. У нас существуют самостоятельно только русская народность и русская верховная власть как органическая ее голова; кроме Церкви, все прочее, каково бы ни было его относительное значение, не живет в себе, не располагает никакой собственной силой, не имеет никаких признанных корней в народном сознании, а потому и не может говорить от себя лично, хотя и может быть допущено властью к самому широкому развитию во имя же власти, для удовлетворения потребностям русского народа. Одни фантастические умы могут мечтать об изменении этой коренной основы нашей жизни, вне которой у нас ничего нет, которой мы только и держимся, обеспечивающей нам стройное и спокойное развитие, покоющееся, не в пример европейскому материку, на правде; на действительности бытовых отношений, а не на фикции. Наши общественные формы вырастут сами собой, когда предварительно под ними возникнут сознательные и определенные мнения и потребности. Надобно помнить, что в Англии, кроме одной magna charta[22], не было ни клочка писаных условий между властью и обществом. Нет сомнения в том, что мы никогда не сложим английского парламентаризма. Это недостижимо не только для склада русского общества, а даже для склада русской личности, в том виде, как она заквашена историей — но дорастем до всего, что нужно России, сохраняя в то же время незыблемо прочную почву под ногами. Иного пути перед нами нет и не будет никогда. Наша коренная народная основа, заменившая разнообразие общественного склада невиданным в истории единством его, не содержит и никогда не содержала в себе ничего азиатского; в ней, очевидно, осуществился новый, последний по времени и, надо думать, исключительно устойчивый тип чисто европейской, но не феодальной монархии, глубоко отличный, в этом отношении, от всех западных образцов. Прочность основ обещает русскому всесословному царству многовековое правильное развитие, ввиду начавшегося разложения феодальных монархий европейских. Несмотря на то, при невыработанности наших понятий, у нас очень часто еще повторяется мнение об

азиатстве московской, а стало быть, и нынешней Руси, так как государственные основания их тождественны; ученые люди недавно еще пытались выводить наши политические формы из наследства Золотой Орды. Читатели позволят нам небольшое отступление для разъяснения такого взгляда, необходимо влияющего на суждение о нашей современности, на вопрос: чем нам быть? Верховная власть азиатская — не развивающее начало, а механическое объединение населений, давно окаменевших в данной форме, утративших способность изменяться, чуждых потому живых нравственных интересов и почти без исключения лишенных всякой народности, замененной у них религиозным единством, — по крайней мере не дорожащих народностью. Над мертвым обществом может стоять только мертвая же, нерасчищенная, а оттого и беспредельная власть. В азиатском застое конец столетия ничем не отличается от его начала, общество остается тем же, чем и было, а если движется, то лишь вследствие механических толчков, наносящих на него порой новые слои завоевателей; никакое новое царствование не вносит в это общество новизны и отличается от предшествовавшего только личным характером царствующего лица. Слово «Азия» в этом отношении употребляется неправильно; оно должно бы иметь не географический, а исторический смысл, означать всякие отжившие общества, оказывавшиеся не в одной Азии; отжившим миром, в такой же степени как нынешний Китай и нынешнее мусульманство, был весь мир классический, от века Антонинов до взятия турками Константинополя[23]. Кто имеет ясное понятие о таких отживших народах, кто видел их своими глазами, тому нечего объяснять, что между ними и Московской, так же как и нынешней Русью, нет и никогда не могло быть ничего общего, кроме нескольких наружных форм. Единственный образчик в России, могущий идти в сравнение с Азией, это — наши старообрядцы, и то лишь в смысле религиозной общины, так как в своем обыденном быту они такие же живые русские люди, как и все прочие; между тем как нынешние азиатские народы, так же как и отживавший классический мир, были старообрядцами во всем, во всякой

черте своей умственной, гражданской и политической жизни, своей науки и своего искусства, без исключения. Они считали и считают предков безусловно умнее и ученее себя; чтили и чтут только внешнюю форму, утратившую свое первоначальное значение; полагают в ней всю святость; наследственно вырастают в этих понятиях, а потому становятся неспособными к оценке всякого мнения и дела вне формы, что не позволяет им ступить шагу вперед. Над подобными окаменелыми обществами, очевидно, может стоять только механическая власть, такая же старообрядческая, как они сами. Ничего подобного не бывало и не могло быть в России ни в каком периоде ее истории: Россия всегда жила жизнью органической.

Ни в одном из прожитых нами столетий конец его не похож на начало: в течение нескольких десятков лет постоянно оказывалось значительное видоизменение как в государственных вопросах, так и в общественном настроении, в явлениях собственно народной жизни. Конечно, задачи времени сочинялись не властью — такое сочинение нигде на свете не было ее делом; сознание их проникало в правительственный круг из постоянно растущего и складывающегося общественного мнения, то разливавшегося на все слои населения, — как было в первое время, когда русский народ, потоптанный татарами, сам бросился в объятия возникавшей верховной власти, или в эпоху междуцарствия, при избрании дома Романовых, — то принимавшего местный характер, как оказалось при отстаивании Москвой правильного престолонаследия во времена Василия Темного, — то сужавшегося в русло небольшой, но сильной своей связностью передовой партии, как происходило при нововводительных попытках начала царствования Иоанна Грозного, при исправлении церковного устава Никоном, при уничтожении местничества, и так далее. Само преобразование Петра Великого было только ускорением, а не почином стремления, возникшего во мнении передовых людей, к сближению с Европой; надо помнить, что еще до Петра было заведено регулярное войско, в Москве появились иноверческие церкви, а при дворе Софьи Алексеевны игрались трагедии Корнеля.

Кроме того, петровская реформа стоит в самой тесной связи с предшествовавшей ей несколькими годами отменой местничества, не допускавшего создания народного культурного сословия, главной задачи, главного орудия и главного смысла нашего воспитательного периода. Одно вытекло из другого. Во всех этих явлениях отечественной жизни несомненно действовало постоянно развивающееся, не знавшее застоя мнение; стало быть, русский народ жил органически и никакого сравнения между Россией и окаменевшими странами Азии быть не может. Почин действия, претворение созревавших мнений в бытовые формы всегда принадлежал у нас исключительно верховной власти, без видимого проявления общественной самодеятельности, потому что во власти, создавшей Россию, заключалась и заключается единственная самостоятельная сила нашей почвы, единственное орудие действия. Но вследствие той же самой причины русская власть, не имеющая никаких внутренних соперников, никогда не имела также никаких личных интересов, кроме общенародных; она не только никогда не ставила преград возникавшему напору мнения, но, напротив, скорее упреждала его, переносила в бытовую жизнь то, что требовалось небольшим, иногда даже увлекающимся меньшинством развитого слоя. Также продолжается и доднесь — мы видели это на современных нам преобразованиях; так будет продолжаться и впредь, хотя под другими, более определенными формами. Находить сходство между русской верховной властью, живой головой русского народа, и механическим ханством Золотой Орды, так же, как между Россией, какого бы то ни было периода ее истории, и азиатскими обществами, можно только посредством остроумия, а не исторического разума. Мы всегда жили как народ и шли вперед, под управлением власти, столько же, если еще не более прогрессивной, чем мы сами; те живут как единицы, не как общество, под произволом без содержания и вперед не идут. Вот коренная разница, которой не может ослабить сходство никаких внешних обрядов.

Мы принадлежим к христианской, постоянно развивающейся, не знающей покуда застоя половине человечества; мы

народ европейский, прогрессивный в своей сущности, — а прогресс состоит именно в беспрерывном нарастании мнения и потребностей, периодически требующих обновления общественных форм, сообразно их росту. Так и происходило во все продолжение нашей тысячелетней истории. Но мы постоянно жили в заколдованной обстановке, тормозившей развитие общества — сначала в обстановке международной, заставлявшей нас жертвовать внутренними задачами внешним, домашним успехом — государственному бытию; потом в обстановке нравственной, затрачивавшей всю силу народного роста на создание орудия будущего, нашего культурного сословия, и погрузившей нас в среду чуждых, не усвоенных, не распределившихся в наших головах, не примененных к нашей почве чужеземных понятий. Только вчера выбились мы на открытую дорогу и можем наконец понимать себя, сознательно оглядываться на пройденный путь, разумно пользоваться содержанием, данным нам историей, — умственным, нравственным, и политически-общественным. В чем же состоит это содержание? Что вынесли мы из этого тысячелетнего бытия? Можно отвечать без запинки: государственное величие, крепчайший народный склад, непоколебимую верховную власть, доброжелательство всех русских сословий между собой и наше культурное петровское сословие. Это — очень много, как руководящее начало и как материал, но недостаточно, можно даже сказать, несоответственно потребностям текущей эпохи как форма. Поэтому предстоящая нам задача заключается именно в сложении форм, точно соответствующих нашим действительностям во всех отношениях. Бесформенное содержание нашего развития, вырастания наших мнений, и домашних и заимствованных, и образ их взаимодействия между собою, с верхом и с низом, исчерпано уже до конца. Но такая нравственная и законодательная задача не может, конечно, выработаться в один день. Для нее нужны прежде всего определенные орудия — если можно так выразиться — расчленение общества по росту его слоев; а для того нужен еще предварительный шаг: признание с обеих сторон нашей действительности во всей ее

полноте и отречение, как от не подходящих к нам идеалов чужой жизни, так и от собственных увлечений.

Покуда же наше общественное мнение и наша общественная деятельность в самом деле бесформенны, выражаются полусознательно и то лишь в часы крайнего напряжения, что вело нас постоянно, при самых лучших намерениях, или к недовершению, или к перевершению целей, но никогда к прямому их достижению. Нашему сборному мнению не только негде выработаться, но невозможно ни сосчитать, ни взвесить различных своих оттенков, если б даже оно выработалось, наша печать высказывает не его, а только самое себя, личные понятия нескольких пишущих людей. Плодотворной общественной деятельности также нет места там, где миллионы людей, сознательных и несознательных, но вообще непривычных к какому-либо дружному действию, слиты в одну безразличную массу. Кроме эпох всенародного потрясения, подобных 1612 или 1812 гг., какое единство взглядов и стремлений, какое большинство может выработаться в этой массе? Кто возьмется говорить от имени всего народа, даже одной губернии, даже одного уезда, а если возьмется, не будет ли такая речь явной ложью? Какая личная сила, какое частное начинание может дать толчок, в каком бы то ни было направлении, всему населению хотя бы только уездному? При гражданской бессвязности культурного сословия, утопленного в стихийной массе, современная Россия совершенно лишена органов, слагающих и выражающих сборное мнение, способных вызывать сборную деятельность. Для того чтобы жить вполне человеческой жизнью, нам приходится или ждать отдаленных веков, когда все русское простонародье уподобится развитому населению маленького швейцарского кантона, или же выделить из него и сомкнуть вместе слои, способные к исторической жизни. Об этом мы говорили в целой книге. А между тем время бежит, и нам некогда засиживаться в своем бесформенном состоянии. Если Европа пойдет к обновлению, нам будет худо — она слишком опередит нас; если она идет к растлению, что гораздо вероятнее, нам будет еще хуже — мы останемся

одни и нам предстоит почерпать все из самих себя, не говоря об упорной борьбе, которую нам доведется выдерживать против нее по противоположности начал. Потому, думаем, выделение и организация культурного слоя, как орудия русской мысли и деятельности, составляют насущную задачу текущего времени, — задачу, без разрешения которой мы не ступим шагу далее. Ничто у нас не сложится без зародыша, без твердого ядра, совокупляющего в себе исторические силы русской земли, дающего всей массе надлежащее направление и подымающего ее понемногу на свой уровень.

Только организация культурного сословия может создать у нас ту общественную середину, те связные группы умеренных и практических мнений и деятелей, без которых немыслимо не только правильное, но даже какое-нибудь действительное развитие. Мы не полетим, махая крыльями без тела, упражняясь в одних крайних и теоретических мнениях прогресса и охранительности, а только измахаемся понапрасну. Даже для этих оконечных мнений необходимо сложение и оживление нашей середины, самого тела образованного русского общества; тогда только они будут в состоянии жить и действовать, вместо того чтобы толковать пустое и по-пустому, как ныне. Из общества бесформенного, лишенного связных, руководящих слоев, особенно в такую пору, когда оно еще не привыкло к самодеятельности, не могут явно выделиться группы, из которых должно слагаться развитие всякого зрелого и даже созревающего народа — левая, средняя и правая; в таком состоянии существуют лишь безличные мнения, не подлежащие ни счету, ни оценке, становящиеся обязательными только в редких случаях особенного напряжения. Прежде всего нам надо выйти из бесформенного состояния и сложиться, посвятив этой задаче хотя бы жизнь целого поколения; следующее успеет сосчитаться по своим направлениям. До тех же пор нам, по крайней мере в теории, некуда бежать вперед, как и нечего охранять.

Бежать вперед нам пока решительно некуда. В ожидании будущего поколения нашему передовому направлению неизбежно приходится сложить руки[24]. Последние его идеалы, к

которым оно рвалось в пятидесятых и шестидесятых годах, были — можно надеяться, последний раз в нашей истории — без исключения заимствованные, нерусские. Замена какими бы то ни было либеральными идеалами, хотя бы самыми чуждыми народному сознанию, таких явных отступлений от правильной общественной жизни, как крепостное право и наше прежнее бессудие, всегда сходит с рук; от него все-таки становится легче. Но пора голого отрицания для нас прошла, приходится засевать вновь перепаханную и переполотую русскую почву, а для такой цели экзотические семена, примеры и теории, вычитанные в чужих книгах, никуда не годятся. В нашем же обновленном обществе вызрело с тех пор лишь сознание необходимости беспредельной, но самой обыденной, самой мелочной практики для улучшения и установки на новых началах всенародного и всесословного быта; но не вызрело никаких явно очерченных идеалов русской жизни, к осуществлению которых можно было бы стремиться сознательно, в согласии с массой или хоть частью массы. Они и не могут — не только вызреть, но даже пустить росток при нынешнем бесформенном складе. Потому людям передового направления приходится у нас или тянуть чужую песню, что уже слишком всем надоело, или же благоразумно отойти на второй план, в ожидании будущего, предаваясь покуда практической, полезной, но не выдающейся деятельности словом и делом, мешая ее, как можно меньше с теоретическими направлениями. Нигилисты, вероятно, останутся нигилистами, но их никто не причисляет к либералам левой группы: они принадлежат совсем иному направлению — безбородому.

Нашей правой в ее чистом виде, нашему охранительному направлению — нельзя советовать даже того, что мы советовали левому; ему незачем отходить на второй план, так как ни на втором, ни на первом у него, как у определенного мнения, не оказывается покуда никакого дела. Это направление имело немалое значение в начале шестидесятых годов, но проиграло сражение (мы говорим не о крепостном праве, сохранения которого желало очень небольшое число людей,

а об остальном). Через несколько лет потом охранители поднялись вновь, но проницательнейшие из них поняли, что на перепаханном русском поле нет уже старых корней и нет еще новых всходов, так что охранять на нем в настоящее время решительно нечего; скорее надо заботиться о следующем посеве. В таком положении дел всякая партия, мнение или группа единомысленных людей, одаренная политическим чутьем, должна непременно видоизменить свое знамя. Умные из наших охранителей действительно видоизменили его. Они стали думать о создании подходящих форм будущей русской жизни, органически привитых к преобразованиям нынешнего царствования, отказываясь от никуда не ведущего охранения одних воспоминаний. Что нам охранять в текущий час? Наши основные начала — православная вера, государственное единство, русская народность, историческая верховная власть — не только не просят охранения со стороны общества, но, напротив, сами нас охраняют; мы живем только ими и без них рассыпались бы прахом. Одна только из этих четырех основ — религиозная — допускает со своей внутренней стороны охранительные усилия частных людей. Мы не станем развивать покуда этот вопрос, но не можем не заметить, что, при нынешней бессвязности русского общества, подобные усилия хотя и возможны, но в сущности бесплодны; в этом отношении, более даже чем во всяком другом, нужна предварительная организация культурного слоя, чтобы целые группы людей могли мыслить и действовать сообща. О прочих основах нечего и говорить: мы сильны ими, а не они нами. Не станем разыгрывать лиц басни «Муха и проезжие»[25] и помогать взбираться на гору колеснице, которая нас же везет на себе. Никакой человек со смыслом не возьмется за охранение народного духа и его органических проявлений в течение времен; можно охранять только сложившиеся формы. Между тем именно подлежащих охранению форм теперь у нас почти вовсе нет. Мы станем оберегать их в то время, когда они действительно возникнут. Покуда же, вслед за только что совершившейся переделкой всего русского быта наш консерватизм

в своем чистом виде есть самое заносное из заносных, самое неподходящее из неподходящих к нам чужеземных понятий. Нынешнему русскому охранителю — во что бы ни стало — приходится делать одно из двух: или охранять то именно, чего он не любит — нашу нынешнюю бесформенность и бессословность, — или же играть роль часового, поставленного, говорят, в Летнем саду императрицей Екатериной II у куста посаженных ею роз и выведенного только недавно, сторожившего целое столетие место давно исчезнувшего куста.

Нет сомнения в том, что люди нашей охранительной группы, по своему развитию и нравственным качествам, стоят в большинстве очень высоко и могут быть чрезвычайно полезными общественными двигателями; тем не менее деятельность их станет плодотворной тогда лишь, когда они употребят ее не на охранение того, чего уже нет, а на создание того, что нам будет необходимо охранять в будущем.

Полагаем, что для наших прогрессистов и наших охранителей покуда нет положительного дела; когда же настанет вновь время их деятельности, — оно наступит для тех и для других разом. Покуда нам нужна преимущественно живая середина, нужно связное, организованное, практически деятельное тело общества, осуществимое только правильной постановкой культурного слоя. Наше общество достаточно впитало в себя законченных теорий с обеих оконечностей, правда, больше с левой, чем с правой; но таково было поветрие времени; ныне даже оконечности наших мнений почти заглохли и могут ожить тогда лишь, когда наберутся содержания для новой деятельности из недр общественного большинства, не увлеченного никакими теориями, из практической жизни русской середины.

Одним словом, наши великие народные вопросы все еще впереди; решение их принадлежит нашим детям и внукам. Потому мы почти вовсе не касались их. По нашему пониманию, задача ныне живущего поколения заключается преимущественно в создании общественного устройства, способного, под рукой верховной власти, двинуть со временем эти вопросы.

VIII

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ И ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Остается подвести итоги предшествующему и взвесить возражения, противопоставленные нашим заключениям — возражения вполне естественные, если смотреть на предмет не с нашей точки зрения, а с какой-либо иной. Таких же точек зрения может быть много вследствие чрезвычайной сложности самого предмета: общественного устройства, наилучше соответствующего духу многочисленного народа и направлению, данному ему историей, при известной степени его зрелости. Не говоря уже о том, что для правильного обсуждения такого вопроса нужно прежде всего полное беспристрастие, отречение от личных вкусов в пользу чисто логических выводов; но кроме того, различие во взгляде даже на одну какую-либо сторону вопроса — на дух нашего народа, на степень его зрелости или на смысл русской истории — должно непременно отозваться на общем выводе. Мы знаем возможность сильных возражений против высказанных нами заключений, потому что эти возражения возникали в нашем собственном уме; оттого мы и не считаем своих выводов ни единственно осуществимыми, ни единственно разумными; с изменением принятого основания изменяется и вся перспектива. Но мы стоим на том, что эти выводы истекают неизбежно из наших оснований, когда раз основания приняты. Значит, мы обязаны прежде всего оправдать свою точку зрения, показать, почему мы считаем ее исключительно правильной.

Самый разговор о таком предмете, как общественное переустройство, основанное не на теории, а на чистой практике, применяемое не к отвлеченному, а к определенному народу, представляет то чрезвычайное затруднение, что такого разговора еще никогда и нигде не бывало, что его приходится

вести в первый раз, с тех пор как стоит свет. Для того чтобы могла возникнуть возможность подобного обсуждения, нужно соединение условий, осуществившееся только у нас и только теперь: зрелые общественные материалы, не сложившиеся еще ни в какую явную форму и стоящие под рукой всесильной верховной власти, могущей дать им — вероятно, уже в последний раз в нашей истории — тот или другой исход. Говорим — в последний раз, потому что в течение полувека мы должны наконец устояться в каком-нибудь определенном виде. Иными словами: у нас осуществились разом — неотложная необходимость принять окончательное решение вместе с полной свободой этого решения.

Все другие народы развивали одновременно и параллельно свои общественные и государственные формы, большей частью полусознательно, не заглядывая в будущее. Мы же сложились в могучее и образованное государство — без всякого определенного общественного склада, заготовив только материал для его будущего содержания; нам приходится слагать свое общество в пору возмужалости и совершенно сознательно — задача, одновременно и облегченная и непомерно трудная. Каково бы ни было личное мнение каждого из нас о нынешнем состоянии русского общества, то есть о совокупности наших сознательных сил умственных и нравственных, в какой бы мере ни был каждый доволен или недоволен лично настоящей общественной средой, едва ли кто-нибудь признает за этой средой способность к самодеятельности в европейском смысле, — способность правильно вершить ту долю задач, которая везде в образованном мире лежит теперь уже на самом обществе. Голос большинства — как людей мыслящих, так и людей, живущих непосредственной жизнью, выражающих одни только ежедневные впечатления, прямо указывает на коренной недостаток, мешающий развитой части русского народа стать на свои ноги — на нашу бессвязность, не допускающую сложиться сколько-нибудь установленному мнению; общество же есть не что иное, как живое мнение. В последние годы у нас стала также слышаться жалоба на недостаток в людях, но скудость

эта явно проистекает из того же первоначального источника — из бессвязности. Кроме личностей, одаренных необычайными силами, всякий человек силен гораздо более сборным, чем своим личным сознанием общественных потребностей; в этом смысле все люди — хамелеоны, все отражают цвет общей подкладки, с той только разницей, что одни, более даровитые и ревностные, отражают ее ярче, определеннее других, а потому становятся вожаками толпы. При бесцветности же подкладки, при отсутствии установленных мнений, все, кроме гениев, бесцветны. Кроме того, может ли несвязное общество выставлять сознательных и последовательных общественных деятелей, как бы оно ни было богато лично способными людьми? Кто будет расценивать этих людей? Неустроенная толпа к такому делу непригодна. Оттого, при нескладности образованных слоев, заключающих в себе весь разум нации, личности действительно сильные непременно остаются в стороне, по крайней мере в обыкновенное, спокойное время; между ними и обществом нет посредствующей связи. Если они что-нибудь делают, то делают про себя и оцениваются только впоследствии; руководство же толпой в деле жизни и мысли достается людям, наименее из нее выделяющимся, не сдерживаемым притом никакими установленными условиями, — так как при общем разброде над ними не оказывается никакого надзора, никакого требовательного мнения, стесняющего их произвол. Конечное последствие такого общественного состояния у всех перед глазами: русская образованная среда не руководит ничем, даже в своем собственном деле. Она не может выяснить власти своих потребностей, предоставляя ей догадываться о них; в этом отношении нам не поможет никакое дальнейшее развитие учреждений, не помогут никакие новые органы, пока само общество бессильно, вследствие своего разброда. Русская образованная среда не может надзирать над своими, ею же выбранными деятелями и не умеет пользоваться данными ей правами — не только для постепенного развития вперед, но даже для обыденного применения их к своим нуждам. Так же точно она не дает покуда никакой прочной основы выражению рус-

ской мысли, вследствие чего наша периодическая печать, как сказал недавно один известный писатель, за очень немногими исключениями, пляшет вприсядку, служит не делу, а потехе праздной публики. Без опоры твердой середины, без установленного сборного мнения, для которого в настоящее время у нас нет почвы, люди могут только играть в свободу, злоупотреблять ею во всех видах, но не могут ею пользоваться. Наше общественное бессилие выражается одним словом: «разброд».

Нравственная сила всякого народа заключается в связности его образованных слоев, в известном единстве их воззрений и деятельности; она никогда не переживает этого единства. Несмотря на богатство накопленного умственного капитала, преданий и политической опытности, современное французское общество впало в состояние, довольно близкое к русскому, с той, однако ж, громадной разницей в нашу пользу, что там это состояние есть вместе общественное и государственное, наш же государственный порядок упрочен тверже, чем где-нибудь, стало быть, нам есть время поправиться. Между нами и французами лежит еще то коренное различие, что у них общественный разброд показывает упадок, обозначившийся склон книзу, у нас же — только невыработанность. Наше нынешнее общественное межеумие, как последствие особых обстоятельств и естественного роста, а не каких-либо насильственных потрясений и разрушений, есть состояние переходное, но лишь при условии, чтобы оно не затянулось слишком надолго и не стало привычным; в последнем случае из него будет слишком трудно выбраться.

Мы впали в нынешнее состояние не по своей вине, как французы, и не по чьей-либо личной вине; оно стояло на нашем историческом пути, как опасное место в скачке с препятствиями, — а наша история была именно самой головоломной скачкой с постоянными препятствиями. Отдав все свои силы, без остатка, в продолжение четырех веков, на создание государства и народа, прочно закрепив напоследок свое национальное бытие, мы поневоле должны были пойти в науку к Европе, потому что не умели ни разведывать собственные

руды, ни отливать собственные пушки, и вынесли из полуторавекового обучения то, что должны были вынести из него — образованность и науку, но в то же время полное обезличение и полную бессвязность взращенных на русской почве европейцев, всего нашего культурного слоя. Обезличение явилось необходимым последствием умственного состояния, в которое как долго было погружено русское общество, заимствовавшее всякое звание из чужих рук без возможности проверить его на собственном деле и собственном опыте: свое дело и свой опыт были приостановлены у нас петровским преобразованием, заменившим стремление к общественному развитию — развитием личности. Русское правительство воспитательного периода учило своих подданных, а потому не могло ни в какой мере учиться от них, не могло допустить общественной самодеятельности школьников; оно воспитывало русских европейцев не для общественных, а для государственных целей, для армии и администрации, вследствие чего эти люди, представлявшие собой все русское культурное сословие без остатка, были связаны взаимно только отношениями служебными, но были совершенно разобщены и между собой, и с народом как граждане. Мы воспитались в общественной бессвязности, прикрытой наружно екатерининскими губернскими учреждениями. Обезличение и бессвязность — самые явные черты современного русского общества, хотя вовсе не коренные его свойства, потому что истекают не из народного характера, а из чисто школьного воспитания. Тем не менее они составляют нашу главную, даже единственную болезнь, в них корни всех наших частных болей. Мы нуждаемся именно в том лекарстве, которое способно вылечить нас от обезличения и бессвязности.

Как ни слабо было спаяно образованное русское общество, выросшее поодиночке, человек за человеком, изо всех народных слоев русской земли в продолжение воспитательного периода, оно находило еще недавно некоторое, хотя наружное объединение в своем сословном значении. Вызванное к самодеятельности с окончанием школьного периода, оно непременно срослось бы, и довольно скоро, в нечто цельное, не мешая

развитию русской жизни ниже, под собою, так как оно было, по существу, сословием не кастовым, а политическим, открытым снизу. В то время, когда совершались наши последние преобразования, всемирный опыт достаточно уже выяснил условия правильного общественного развития: можно было уже не сомневаться в истине, что эта правильность зависит исключительно от связности и постепенного, естественного, а не искусственного разрастания образованных слоев, воспитанных исторической жизнью; что право на непрерывное развитие, не подверженное никаким колебаниям, осталось только за народами, умевшими оградить себя от вторжения толпы в не принадлежащую ей область — за Англией, в силу твердого закона и укорененных обычаев, за Америкой, в силу одних твердых политических нравов; что существование полноправных общественных слоев, руководящих народной жизнью и способных к известной доле единодушия, невозможно без прочной сердцевины — по крайней мере у нас, в старом свете, слишком опутанном своим прошедшим.

Все это было уже доказано опытом, только не для нас, заинтересованных европейской жизнью в смысле, не исторического урока, а занимательного романа, роль которого давно уже нравились многим нашим. Когда созрело мнение, руководимое правительством, о необходимости срезать с России болезненные наросты, порожденные нашим прошлым, — крепостное право, бессудие и безусловную чиновничью опеку, — мы не умели провести явной черты между своими собственными, русскими потребностями и чужими стремлениями, привившимися к нам во время нашего сидения за европейской азбукой. Перед тем только что разыгралась крымская война, поколебавшая временно нашу давнюю уверенность в себе — вследствие чего русские культурные люди стали на известный срок еще более школьниками, еще более несостоятельными существами в общественном смысле, чем были прежде. Такое настроение должно было очень естественно открыть настежь двери разливу нигилистского пустословия. Прежде чем прошло это поветрие между взрослыми людьми, переделка нашего обще-

ственного строя уже совершилась, — переделка, несомненно необходимая, осуществившая великий и благотворный поворот в нашей истории и безупречная со своей отрицательной стороны, устранившая все, что должно было устранить, но не заменившая устраняемого, во многих отношениях, ничем существенным. Насчет этого существенного в ту пору было еще слишком трудно согласиться; нам недоставало даже самого начального общежитейского опыта, мы еще слишком доверчиво относились к своим, принятым на веру идеалам. Дух, проникавший преобразование шестидесятых годов, соответствовал настроению времени; выдвигавшиеся на сцену деятели той эпохи были почти все, как известно, представителями так называемых «передовых стремлений», все содержание которых почерпалось не из жизни, а из заемной науки нашего воспитательного периода; стремления эти находили себе поддержку и в недовольстве большинства, разочарованного крымской неудачей, и в обаянии свободного русского слова, впервые прорвавшего плотину и не знавшего пределов своему детскому увлечению. Правительство со своей стороны затруднялось установленным преобладанием высшего сословия для того времени, когда приходилось изъять из-под руки его двадцать миллионов крепостных. Хотя самый трудный шаг в этом деле — личное освобождение — был совершен самим дворянством, местными помещиками (чему, сказать мимоходом, западные соседи наши почти отказываются верить), но тем не менее понятно, что в те годы считалось более удобным разъединить сословия, чтобы окончательно упрочить самостоятельный быт освобожденных. Жертвовать основными историческими началами, особенно когда их нечем заменить, удобству минуты — едва ли можно считать выгодным; но для каждой полосы времени интерес текущего часа почти всегда перевешивает все остальное. Сила, однако ж, в том, что эта мера — разъединение сословий и между собой, и в самих себе, — имевшая некоторое значение в смысле меры переходной, установилась надолго и обратилась в руководящее начало, на котором были воздвигнуты дальнейшие преобразования.

Весь этот итог разнообразных течений повлиял прямо на исход дела. Оттого, смеем думать, великие преобразования шестидесятых годов, вполне верные духу русской истории со своей отрицательной стороны и в своей современности, неоспоримо верные также в коренном основании в освобождении народа с землей, оказались теоретическими, не совсем русскими, со стороны положительной, в задуманном ими новом общественном устройстве, очевидно *сочиненном* людьми того времени.

Вопреки примерам, стоявшим перед нашими глазами, мы сделали опыт, никому еще не удававшийся в Европе и шедший вразрез всему содержанию нашей послепетровской истории: окунулись в полную бессословность, растворили в массе свое, еще не достаточно связное, еще не созревшее культурное сословие, требовавшее времени и самодеятельности для того, чтобы стать на ноги — и теперь вкушаем уже первые плоды начавшегося всеобщего нравственного разброда, но только первые — далеко еще не последние плоды. В настоящее время у нас, как во Франции, не набирается четырех человек для выражения одного и того же мнения, и нельзя связать вместе даже двух человек для проведения какого-нибудь общественного дела вне личных интересов; зато, не в пример Франции, где по старой привычке над человеком стоит еще некоторый надзор мнения, у нас нравственное своеволие личности ограничивается только чертой, за которой начинается вмешательство власти. Связность общества, внутренняя его дисциплина, подчиняющая лицо большинству с тех сторон жизни, к которым официальный закон не имеет доступа — без чего свобода невозможна, — не успевшая окрепнуть до эпохи преобразований, расшаталась совсем, как только с нашего юного культурного общества была снята прежняя обстановка, хотя бы искусственная, поддерживавшая его цельность; общество наше подверглось участи всякого кирпича, с которого снимут рамку прежде, чем он затвердеет. Следуя нынешним путем, мы неизбежно придем к исходу слишком явному, чтобы можно было в нем усомниться: к тому исходу, что русское общество, то есть вся наша историческая культурная сила, рассыпется сухим

песком, утратит всякую способность к какому-либо сборному делу, к какому-либо умственному или практическому почину, утратит всякое определенное сознание о различии между нравственно должным и недолжным, всякую мысль об общем деле, сохраняя почтение к одной только истине — к практической истине личных интересов. Венцом такого общества станет, видимо, вырастающая у нас еврейская биржевая аристократия, как подательница единственного блага, сохраняющего свою цену одинаково и в глазах потомков Пожарского, и в глазах семьи Минина. Наше общество будет в состоянии производить, может быть, лично способных людей, но не выработает ничего из самого себя, не сложится ни во что определенное. Нам придется или дожидаться того счастливого часа, когда весь русский народ поголовно обратится в американский в отношении политической зрелости, — конечно, по вдохновению свыше, потому что нынешним путем мы не придем к такому концу, — или же оставаться навеки народом, способным жить только под строгим полицейским управлением; наша будущность ограничится одной постоянной перекройкой административных учреждений. Нечего и говорить, что на таком основании русская мысль и самобытная закваска, вложенная в русский народ его историей, пропадут даром, не разовьются ни во что осмысленное. Наш упадок совершится постепенно, не вдруг, но совершится непременно. Кто тогда будет прав? Решаемся выговорить вслух: одна из двух сил — или русская полиция, или наши цюрихские беглые с их будущими последователями. Судьба России, лишенной связного общества, будет со временем поставлена на карту между этими двумя партнерами.

Если наша насущная потребность, наше спасение, заключается в общественном объединении, то мы можем спастись только возвращением на свой исторический путь, явно начертанный всем нашим прошлым, — можем найти объединение лишь в единственной гражданской группе, несколько привыкшей к связности, — в наследственном культурном сословии, заключающем в себе покуда итог русской сознательной силы, составляющем единственное наследство, полученное нами от

петровского периода, а не в сочинении чего-либо нового и произвольного, еще никогда не удавшегося в истории. Мы далеки от мысли о какой-либо кастовой исключительности по крови и породе; мы считаем, вместе с большинством, русскую монархию — монархией чисто народной в своей сущности; мы хорошо понимаем, что Россия, созданная, одна из всех государств света, не завоеванием, а общенародной потребностью единства, не имеет никакого повода предпочитать одну группу граждан другой, независимо от личной способности людей; мы вполне верим в русский народ, не мифологический народ славянофилов, обладающий небывалыми на свете качествами, а в действительный народ, доказавший много раз свои великие свойства — и в пору создания Московского государства, и в 1612, и в 1812 гг., — в народ, который ныне, распущенный и оставшийся почти без надзора, ведет себя все-таки лучше европейской черни, у которой стоят по две няньки над душой; наконец, мы чистосердечно верим в будущность самобытно развившейся всесословной России. Но мы не верим тому, чему история не представляет примера, что отвергается разумом и самыми законами природы: возможности развития бесчисленного населения, еще не выработавшего себе окончательных форм, но уже заранее приведенного в состояние нерасчлененного, бессословного студня; населения, над которым не стоит явно очерченное, самодеятельное, исторически воспитанное культурное общество, скрепленное в одно целое чем бы то ни было: законом, обычаем или интересами; населения, в котором неразвитая масса предоставлена на произвол ее инстинктов, а правительственное действие — единственная живая у нас сила — проводится исключительно посредством наемников — казенного чиновничества, в сущности столь же чуждого видам власти, как и местным пользам, а главное — чуждого русскому народу, всем нравственным сторонам его жизни, более чем какое-либо из наших сословий. Несмотря на наружное сходство административных форм нынешнего времени и недавно окончившейся эпохи, между ними легла бездна. Пока русское дворянство составляло связное сословие, как ни слабо

оказывалось его политическое воспитание, оно все-таки было проникнуто чувством своей обязанности к престолу и России; оно вносило это чувство в государственную службу, военную и гражданскую; дворяне, получавшие жалованье, были служилыми людьми своего Отечества, а не простыми наемниками; мелкие исполнители стояли под их рукой; в русскую службу вносился дух не каких-либо личностей только, а дух сословия.

Немного времени прошло со дня растворения нашего отборного слоя в массе, растворения далеко еще не полного, а последствия его сказались уже яркими чертами в армии, в администрации, а более всего в самом обществе, утрачивающем со дня на день всякую нравственную дисциплину. Отдельный человек, как член общества, есть ничто, если он не какой-нибудь исключительный герой; он силен и предприимчив только взаимной поддержкой, он благонадежен только взаимным ограничением; где нет связного общества, там нет и надежных людей. Оставаться в нынешнем положении — значит не жить совокупной жизнью. Чем же, в чем же, около чего же мы можем связаться? Единственный общественный слой в России, не только достаточно образованный, не только проникнутый в известной мере историческими преданиями, но единственный, сохранивший хоть некоторую привычку к связности, к подчинению себе своих членов — есть дворянство, и только оно. Сознавая очень хорошо временное обезличение, политическую нестройность, малую привычку к дружному действию, еще усиленную отвычкой последних годов, признавая всю недозрелость русского дворянства, воспитанного, можно сказать, не сословно, а в одиночку, рассыпавшегося наполовину, вдобавок, во все стороны со времени преобразований, мы все-таки не знаем в России никакого другого общества, кроме дворянского, не видим никакого другого материала, который мог бы послужить основанием связному, мыслящему и политическому русскому обществу, кроме дворянства. Все знают, что наше дворянство — не самостоятельное сословие в государстве и не может быть таким, потому что оно есть творение верховной власти, что оно — не каста, а учреждение чисто политическое,

первый приступ к организации России, не успевшей еще вполне организоваться; даже менее того: оно покуда только может стать политическим учреждением в пособие самой власти, до сих же пор было лишь сословием служилым, а потому оно никак не в состоянии злоупотребить своим положением для собственных сословных целей; но зато оно одно может дать нам то, чего у нас теперь положительно нет и без чего нельзя жить: стройность и совокупность русского общества, обязательное мнение и способность к общественному почину, не стесняя никакого проявления жизни внизу, принимая в себя все притоки вырастающих из почвы сил, служа сознательно верховной власти и направляя народ в свойственном ему духе, а не в духе канцелярского прогресса. Русское дворянство, организованное и открытое, составляющее союз образованных русских родов, какого бы они происхождения ни были, тесно сплоченное с верховной властью, надолго обеспечит правильное развитие России, обеспечит его до тех пор, пока не воспитает народ до всесословности — не на словах, а на деле. Конечно, нужно время, вероятно даже целое поколение для того, чтобы сложить в связное сословие наше дворянство и все, что должно прирасти к нему в настоящем и будущем; разом ничего не делается, а теперь, когда наш культурный слой расшатался и расплылся, для сращивания его требуется еще больше времени, чем понадобилось бы в начале шестидесятых годов; но у нас нет другого выхода из нынешнего нескладного и ничего не обещающего впереди положения. Ни наше общество, ни наша армия, ни наши учреждения не могут поправиться и развиться без новой склейки, ядром которой может служить только то, что действительно у нас есть — петровское дворянство с крупным купечеством. Лучше поздно, чем никогда.

Обращаясь к образованным кругам, несущим на своих плечах житейские тягости, некого, кажется, убеждать в той истине, что мы находимся в полном нравственном разброде и что в таком положении нельзя оставаться. Громадное большинство наших развитых людей сознают необходимость организовать русскую жизнь, дать ей средоточие. Но если боль-

шинство пришло к сознанию этой потребности, то взгляды его на причины нашего общественного разобщения, а стало быть, и на средства к излечению, очевидно еще не объединились. Наше образованное и даже просто практическое большинство, официальное и частное, видит необходимость устроить нынешний непорядок, поставить объединение на месте разлада и предоставить управление местной жизнью, вершение чисто общественных задач, благонадежным рукам, но чьим именно рукам — это вопрос еще колеблющийся. Он колеблется потому именно, что на него смотрят почти исключительно с одной только стороны, формальной и внешней — со стороны задач местного самоуправления; между тем как в нем заключается еще внутренняя и гораздо важнейшая сторона, чисто нравственная — вопрос о нашей общественной цельности, о развитии и организации русского мнения, русских направлений и русской сборной деятельности, которые могут сложиться и явно высказаться только в твердо установленном круге людей сознательных, понимающих друг друга и свои права, привыкших к совокупному действию, идущих к одной цели, хотя бы различными путями. Без этих условий у нас никогда не сложатся большие, дисциплинированные группы единомышленников и не окажется господствующего мнения, то есть Россия никогда не станет нравственно организованной страной. Известно, что никакое тело, растворенное в слишком большом количестве жидкости, не кристаллизуется. Вот важнейшая сторона вопроса. Время требует (надо прибавить — всегда требовало) объединения русского исторического слоя, выросшего и вырастающего из слоев стихийных, способного осуществить в себе самостоятельную умственную жизнь России и стать сознательным, ответственным во всем своем объеме орудием верховной власти, для развития нашего будущего. Эта вторая потребность очевидно господствует над первой — над пригодностью тех или других форм местного самоуправления, хотя в то же время дает и ей самой правильный исход. В русских уездах существует только то разумное общество, которое существует в Русском государстве; устройство швейцарского

кантона в такой степени не соответствует состоянию нашего уезда, в какой общее устройство швейцарского союза не соответствовало бы состоянию русской империи. Задача текущего времени резко отличается от той, которую большинство нашего общества радостно приветствовало в начале шестидесятых годов; тогда, выйдя в первый раз на волю из полуторавековой школы, мы желали прежде всего осуществления своих заветных, хотя напускных идеалов; теперь же нам приходится думать об удовлетворении нашим вопиющим потребностям. Мы пожили с тех пор и понабрались опытности.

Можно спокойно ожидать часа, когда мнение о необходимости общественной связности, так же как о невозможности оставить народную толпу без просвещенного руководства, станет всеобщим между нашими образованными людьми. Но каким путем достигнуть этих целей? В этом отношении, насколько можно оглядеться в нынешней пестроте взглядов, существуют три главные мнения: одни думают, что дело обойдется само собой, без законодательных мер, и что наш культурный слой собственной силой всплывет наверх, что мы срастемся потихоньку; другие, сознающие потребность объединения без проволочки и не верящие быстрому торжеству одних нравственных начал в неустроенном обществе, хотят исключительного господства ценса, с устранением всякой сословности; третьи, наконец, и мы в том числе, доверяют так же мало спасительному действию ценса в самом себе, как и самобытному торжеству разума, и думают, что в человеческом обществе, как и в вещественном мире, ничто не слагается без центра тяготения.

Первое мнение — о самородном и безыскусственном восстановлении русской цельности — не выдерживает критики. Всякая сила, конечно, имеет вероятность восторжествовать рано или поздно, если она сила совокупная, растущая; но в том и дело, что у нас существуют только запасы общественной силы, а связаться им не на чем. Под щитом сильного правительства, обеспеченные в сохранении наружного порядка, мы можем долго прожить в состоянии беспорядка внутрен-

него, так долго, что наконец по привычке утратим веру во все на свете, кроме одной полиции; тогда будет уже поздно поправляться. Там, где есть привычки к общественному объединению, препятствия не страшны. Если б Англия была вдруг погружена в анархию каким-либо нежданным переворотом, то все-таки нечего было бы опасаться за ее общество, за ее владычествующую и связующую силу: английское общество могло бы утратить свои исторические формы, но оно не утратило бы ни своего нравственного господства в стране, ни своей стойкости и цельности, как не утратили их английские культурные классы на американской почве. Действительная сила всегда возьмет свое; но у нас вопрос идет не о проявлении силы существующей, а о том, чтоб эта сила могла сложиться на нашей бездейственной почве сама собой, не только без поддержки закона, но вопреки закону, недавно упразднившему завязи ее, начавшие было складываться. Мы все видим своими глазами, как русское общество стало с тех пор расшатываться, терять всякое единство; но не видим никакой причины, даже в будущем, которая могла бы сама собой породить обратное движение. Если бы даже такое движение могло возникнуть само собой когда-нибудь, что вовсе невероятно, то, в ожидании этого счастливого дня, мы настолько отстали бы нравственно от всего света, в такой век, когда всякий слабый виноват, что поплатились бы за внутреннее неустройство даже своим международным положением.

Разбирая вышеприведенное мнение, мы не касались двух разрядов людей: тех, которым всесословность мила по вкусу, которые любят ее как учреждение *либеральное* и видят в ней обеспечение воображаемых прав народа против захвата высших сословий — одним словом, людей, смотрящих на бессословность как на плодотворное начало в самой себе и ожидающих от нее неизвестных им самим, но во всяком случае хороших последствий; тех также, для которых бессословность составляет средство, а не цель. Первые у нас очень многочисленны, но наклонность их нельзя назвать прямо мнением, — это больше вкус, а о вкусах не спорят. В других землях иначе.

Правильно или утопически понимает европейское фабричное население свои пользы, силясь оторваться от культурных слоев страны, но на Западе это движение существует, оно было достаточно сильно, чтобы провести закон о всеобщем голосовании, оно вызвало немало печальных, но тем не менее крупных явлений в народной жизни; там оно действительность, а потому естественно находит в образованных кругах сторонников и вожаков. В нашем народе нет и не может быть никаких стремлений к обособлению по множеству причин, давно уже указанных, между прочим указанных и в нашей книге. Русский народ — земледельческий, оседлый до такой степени, что даже в Петербурге он не разрывает связи с родной деревней; не скученный в городах, всегда бывший собственником на деле, а теперь ставший им по праву; он, правда, не устроен еще вполне в качестве собственника, но не устроен потому, что бюрократическая опека, взявшая его на свое попечение, не в силах идти далее наружного устройства; есть надежда весьма сбыточная, что у нас может широко развиться артельное производство и что вследствие того преобладание капитала не станет в России таким гнетом как в Европе; но даже этот вопрос, при слабом развитии русской промышленности, принадлежит еще будущему, а не настоящему и не может покуда вызывать никаких практических мер. Затем сословной борьбы в России не было и не будет по той простой причине, что у нас нет сословий в западноевропейском смысле, а есть только два слоя — образованный и необразованный, — из которых первый, по необходимости, служил, служит и будет служить орудием правительственного действия. Вопрос в том, какой вид службы этого слоя наилучше соответствует условиям времени — чисто казенный, как ныне, или земский? Речь идет не о передвижении властного положения из одного общественного пласта в другой, что действительно отзывалось бы переворотом; оно остается неизбежно в том же самом слое, способном его нести; дело в том, чтобы сложить образованных русских людей, имевших до сих пор лишь значение казенных чиновников, в связную, по возможности самостоятельную граждан-

скую группу, остающуюся, как и прежде, прямым орудием верховной власти. Эта потребность вызывается не теорией, а действительностью, так как наш разрозненный культурный слой, объединяемый только механически государственной службой, оказывается с каждым днем все бессильнее перед возникающими общественными задачами. Они становятся не по плечу ему, не только по отчужденности его от почвы и действительной жизни, но также вследствие въевшегося в него, очень понятного равнодушия и к общему делу и к коренным государственным основам; большинству всякого чиновничества все равно от кого получать жалованье, лишь бы получать его; характер наемничества вытравляет из него все более гражданское чувство, а между тем для земской деятельности остается лишь оборыш людей. Для собственного обеспечения правительству выгодно обратить созданный им культурный слой из слуг наемников в верноподданных граждан, поверяющих друг друга перед лицом всей земли. При бесформенности, как и при общественной сомкнутости, значение остается за тем же самым сословием, народ находится под его же управлением, но мера пользы, приносимая им, будет совсем иная. Исключительное значение остается за тем же самым сословием, только лучше приспособленным к потребностям времени. Спорить о таком приспособлении можно лишь в смысле политических, а не социальных видов, которые остаются тут ни при чем. Наконец наша верховная власть, общенародная по своему происхождению, никогда не допустит преобладания одной группы русских людей над другой, в ее личную пользу, независимо от польз государственных. При таком национальном складе мы смело можем сосредоточить помыслы на потребностях текущей эпохи, не принимая в расчет экономических и социальных вопросов, волнующих Западную Европу, и не пробуя кроить себе политического платья с запасом, для неизвестных нужд отдаленных поколений. По самой сущности единственных наших русских действительностей, образуемых двумя полюсами — исторической верховной властью и духом народа, — потребное нам осмысленное современное устрой-

ство есть только форма, организация общества, соответствующая его росту; она не заковывает жизнь будущих поколений в какой-либо неизменный тип, не предрешает нисколько того, что окажется нужным России через сто или двести лет. Наша история последовательно меняла орудия, посредством которых правительство проводило свои действия в страну; стало быть, ей и теперь нет надобности стеснять себя из-за фантастических соображений о потребностях грядущих поколений, тем более что человеку не дано заглядывать так далеко в будущее. «Несть бо ваше ведение времена и веки», — сказал всемирный учитель[26]. Современные же нужды — не только общества, но простонародья, требуют у нас прежде всего совокупности, взаимодействия и просвещенного руководства, невозможных без связности образованного слоя. Такое руководство необходимо более всего самому же народу для того, чтобы развить врожденные ему способности; сам по себе в целую тысячу лет он развился лишь до того состояния, в котором пребывает на наших глазах. Русское простонародье понимает свои выгоды несравненно яснее книжных своих сторонников: оно мало доверяет выборному начальству из своей среды, полагается гораздо более на местного помещика, чем на либерального чиновника, не знает никакой зависти к высшим классам, выросшим и повседневно вырастающим из его же среды. Надобно полагать, что русскому сельскому люду показалось бы довольно забавным предложение: потерпеть неурядицу неопределенное время для того, чтоб когда-нибудь какое-нибудь из русских поколений не было стеснено существующими формами в свободном выборе своего общественного устройства. Надобно думать, что этому вожделенному поколению пришлось бы даже не под силу строить что бы то ни было — оно слишком отупело бы от вековой разладицы. Между тем — вот все, на что сводятся доводы любителей бессословности ради самой бессословности. Умнейшие из них понимают невозможность оставаться долго в чисто хаотическом состоянии и ищут выхода — не в общей и явной связности по закону и обычаю, а в частном, как бы потайном срастании в среде каждой обще-

ственной группы особо — что, во-первых, не подает никакой надежды на успех и вовсе не достигает существенной цели, а во-вторых, доказывает внутреннее признание самого принципа, с желанием обойти его во что бы ни стало — из-за личного вкуса. Каковы бы ни были взгляды наших сторонников бесформенности во всех прочих отношениях, они очевидно принадлежат к еретической для науки секте, верующей в самозарождение; они ждут всходов там, где ничего не посеяно, и не хотят понять, что бесформенность, являющаяся не в колыбели общества, а в поре его сознательности, может развиваться только в свойственном ей духе; что бесформенность текущего дня обращается в двойную бесформенность завтрашнего и тройную последующего, пока наконец нравственные силы народа, не высказавшись, придут в разложение и нация начнет скатываться по обратному склону.

Мы не станем распространяться о немногих людях, видящих в нынешней бессословности лишь средство для осуществления желаний, в которых они не могут признаться. Такой разговор в печати невозможен. Но для нас не составляет сомнения тот вывод, что даже эти люди, и даже с их исключительной точки зрения, глубоко ошибаются; массу можно поворотить в какую бы то ни было сторону только умственными силами, которые должны образовать прежде нечто цельное, способное слагаться в определенные группы; иначе происходит лишь одно последствие — только впадает в китайский застой и всякое желание действовать на нее уподобляется тогда затее — вызвать бурю на море, дуя на него с берега. Восстановление общественной цельности рассеет, очевидно, утопии этих искателей приключений, они увидят воочию свою ничтожность, как только можно будет сосчитать направления; но тогда, по крайней мере, они явно поймут причины своей несостоятельности, чего теперь не могут понять. Увековечение современного разлада не обещает выгоды никакому *мнению,* ни с какой точки зрения; но оно представляет положительный вред всякому *делу,* общему и частному, делу всяких людей, каковы бы ни были их личные стремления. Потому, оставляя в стороне

мнение о самозарождении русского общества, как противное законам природы, отвергающим всякое самозарождение, сосредоточим исключительное внимание на сбыточном.

Второе мнение — о возможности создать живое русское общество исключительно посредством ценса — нельзя не назвать серьезным: оно приводит в свою пользу веские доводы; тем не менее мы считаем и этот способ не достигающим цели, имеем явные причины, как читатели увидят, считать его таким. Главный довод сторонников этого мнения состоит в трудности — по их словам, почти невозможности — воскресить русское дворянство в его прежнем сословном виде, вновь вдохнуть в него жизнь. Они говорят: «Наше дворянство, во-первых, рассыпалось. В переходное время преобразований те из русских помещиков, которые имели побольше средств, уехали за границу, те, которые имели их меньше, вторично поступили на службу или перебрались в города; ни тех ни других теперь уже не соберешь. Наши уезды опустели до такой степени, что даже для нынешней земской службы, с ее тесным кругом действия, нет достаточного числа благонадежных людей. Уцелела одна только петербургская аристократия, поголовно служащая или считающаяся на службе, давно уже ставшая совершенно чуждой областям. Кроме того, слабая связь, соединявшая дворянство в сословие, теперь почти совсем распалась; само общество не делает никакого различия между местным дворянином и всяким другим ценсовым владельцем. В-третьих, дворянство потеряло веру в себя и в свое значение; расстроенное однажды, оно будет смотреть на себя, если его сомкнуть вновь, как на наружное учреждение, подверженное в будущем опять, может быть, новой ломке, а не как на твердое самостоятельное сословие. В-четвертых, человек силен только сборным духом своего общества, а с тех пор как дворянское общество перестало быть действительностью и обратилось в нарицательный сбор землевладельцев, в нем заметно ослабел прежний дух: где те люди из местных помещиков, каких мы знали — стойкие, полные уважения к своему званию и доброжелательные к низшим, к которым ходил судиться весь околоток? Возможно ли,

прибавляют сторонники ценса, воскресить прошлое и не признать действительности как она есть. Конечно, у нас теперь нет общества и оставаться в таком состоянии нельзя. Но за неимением дворянства можно попытаться связать в нечто цельное — имущественные, ценсовые классы».

Мы не ослабляли доводов этого мнения, напротив, рады были бы усилить их новыми, чтобы осветить дело со всех сторон; мы ищем не литературного успеха, а выхода из нашего современного хаоса, а потому не отвращаем умышленно глаз от действительности. В вышеприведенных доводах, несомненно, есть много правды, но только эта правда нисколько не изменяет постановки дела: она не доказывает ни возможности сложить прочное, охранительное общество без исторической сердцевины из таких несвязных лоскутьев, как случайный имущественный ценс, ни возможности найти в России какую бы то ни было склейку, какую-нибудь, хотя бы расшатанную, привычку к единству и связности вне дворянства. Во внутреннем обозрении «Вестника Европы» за январь 1874 г. была с редкой силой выяснена немыслимость надежды — создать стройное и охранительное политическое общество из всех выигравших номеров текущей спекуляции. В том же журнале была помещена замечательная статья г. Маркова о вопросе — кто может вести местное самоуправление и кому верит русский народ. Все читали письма из провинции в «Московских ведомостях». Мы указали только на выдающиеся труды в этом роде, но их много, наше общество начинает высказываться, и из показаний его достаточно видно, насколько оно верит и в успех бессословности и в спасительную силу одного ценса. Но дело не в статьях. В глазах света стоит довольно примеров, как удачно ценс, сам по себе, спасал европейское общество. До сих пор ценсовое сословие удалось только в Англии, потому что оно явилось там не бюрократическим списком крупных плательщиков податей, а постепенным разрастанием высшего исторического сословия страны, органически сращивавшего и сращивающего с собой все подымающееся вверх. Но этот же самый ценс, введенный искусственно как учреждение, как некоторые предлагают вве-

сти его у нас, во французское общество, не сплотил и не спас ничего; вооруженная ценсовая буржуазия была взята в плен несколькими сотнями уличных оборванцев. Во Франции же дело шло только об охранении общества, у нас оно идет — о создании его. Какая связность, а главное — какая умственная цельность, необходимая для установки русского общественного мнения, может быть достигнута бумажным объединением самых разнородных, чуждых между собой даже в коренных понятиях, плохо понимающих друг друга единиц, не соприкасающихся между собой вне официально навязанных им занятий? Между тем эти же самые люди, примыкающие постепенно — одни потомственно, другие лично — к среде уже установленной и представляющей хоть некоторую связность, непременно станут проникаться ее духом и свяжутся между собой органически. Политическое общество, построенное на таких началах, будет иметь под собой основание, способное к дальнейшему развитию; во всяком же случае мы пойдем вперед английским ходом, который привел к чему-нибудь положительному, а не французским, который привел только к сентеннату. Если бы нам пришлось необходимо выбирать между политическим обществом исключительно ценсовым и нынешним бессословным разладом, мы, не колеблясь, предпочли бы второй. Русский народ сам по себе, как охранительный устой, верный своим коренным преданиям, вполне благонадежен. Неудобство нынешнего склада заключается в том, что этому народу приходится решать вопросы на три четверти для него недоступные — причем, естественно, он становится жертвой всяких интриг в пользу личных интересов. С развитием нашей общественной жизни число недоступных народу вопросов возрастет до $^{9}/_{10}$, что затормозит все дело; с тем вместе растворенное в массе культурное общество останется навеки не сложившимся. Но при нынешнем устройстве наша сборная жизнь основана все-таки на почве, хотя и непроизводительной, а не на флюгере, как было бы с передачей ее в руки такой мешанины, какую представляет нынешний русский ценс, особенно невысокий, — потому что ценс высокий, господство ис-

ключительно богатых людей, у нас немыслимо; оно слишком противоречит русским нравам.

Недостатки русского дворянства в его нынешнем виде очевидны; но они не такого свойства, чтобы можно было не только отчаиваться за него, но даже сомневаться в том, что наше дворянство может служить надежной сердцевиной русскому культурному слою, как будущему политическому сословию, и русской умственной жизни. А как вне дворянства у нас положительно ничего нет, то и выбирать не из чего. Общие же недостатки нашего дворянства, как всякий знает, состоят в разрозненности, значительно увеличившейся еще в последние годы, и в отсутствии гражданского воспитания — откуда и обезличение, и шаткость. Как исключительно служилое, оно связывалось только вокруг престола, в государственной деятельности; но по крайней мере эта связь вместе с известной однородностью воспитания и преданий, осталась в нем и только в нем одном; она легко перейдет в связность гражданскую, земскую, как только наше историческое сословие будет поставлено перед настоящим делом — поставлено как сословие, а не как сбор несвязных личностей. Частные же вышеуказанные недостатки дворянства, на которые упираются сторонники исключительного ценса, составляют принадлежность — не сословия, а только нынешней переходной полосы времени. Отказываться от единственного орудия общественной силы, оставленного нам в наследство многовековой историей, из-за временных его несовершенств, значило бы дать ему ржаветь еще более и добровольно увековечивать наше неутешительное настоящее. Все недостатки русского культурного слоя привиты ему школьным периодом и теоретическим переустройством, а потому все они излечиваются деятельной общественной жизнью. Начнем с первого недостатка. Покуда, правда, наша аристократия (служебная — другой у нас никогда не существовало) действительно оторвана от своего сословия, что сильно подрывает его значение. Со времен Петра Великого верхушки привилегированного класса постоянно замыкались в столицах и не составляли одного тела с областным дворян-

ством, в силу тех же условий, которые разъединяли все дворянство между собою — в силу потребностей государственной службы. Для этих целей исключительно создавались у нас и новая аристократия, и все культурное сословие. Очевидно, что с изменением способа правительственного действия сообразно спросу времени, с перенесением центра управлений из канцелярий в земство, большинство дворянства, служившего до сих пор верховной власти в качестве слуг-чиновников, обратится в ее слуг земских; в земстве будет составляться репутация людей; земство, а не столичные гостиные и министерские канцелярии станут рассадником наших государственных деятелей. Такое же рассредоточение (вместо нынешнего военно-окружного) крайне необходимо для армии; высшее и низшее дворянство должны быть одинаково разлиты в ней. Когда двойное это перемещение совершится — а без него мы не обойдемся, — тогда большинству богатых русских родов незачем будет скапливаться в столице — праздная жизнь вне всякой службы не в наших нравах; для своей прямой пользы они станут начинать карьеру на родине, сольются с местным земством и станут его головой. Одна из важнейших причин нашей сословной неокреплости рассеется сама собой.

То же самое, и еще точнее, должно сказать о нынешней рассыпанности дворянства, об опустении наших уездов. Это явление действительно существует, но оно не имеет никакого отношения к новым будто бы нравам сословия; в нем выразилась только особенность переходного времени. Конечно, теперь уже трудно собрать всех помещиков, разбежавшихся тринадцать лет тому за границу и в города, но большинство их вернется, когда увидит приличное для себя положение в родной местности; а затем у этих доморощенных эмигрантов есть дети, уже взрослые, дело же идет не собственно о текущем часе, а о нашем будущем. Главное же, наше культурное общество, ставшее опять государственным сословием, будет властным над своими членами, поголовно обязанными к срочной земской службе, и не допустит нового разброда между ними; да никто и не подумает о разрыве связи со своим пепелищем,

когда земские права будут упрочивать личное положение, а земская деятельность — складывать репутацию человека. В будущем, конечно, надобно ждать постепенного сокращения в деревнях дворянства мелкоместного, недостаточно обеспеченного своей землицей при новых условиях хозяйства; оно будет вытесняться крестьянским и крупным землевладением, оставаясь долго еще необходимым для государственной службы, особенно же в армии; но тем более широкое поле предстоит дворянству ценсовому. Оно также будет отчасти и постепенно заменяться новыми выросшими из почвы землевладельцами (недвижимые имения стали переходить у нас из рук в руки гораздо чаще прежнего), но эти новые люди, выдвигаясь один за другим и постепенно, станут прирастать органически к государственному сословию в свойственном ему духе. Дух же этот сохранится и разовьется широко, опасаться тут нечего. Кажущееся оскудение нынешнего сельского дворянства, отсутствие людей, к которым прежде ходил судиться весь околоток, произошли явно от его рассеяния и от утраты прежнего положения; люди эти живы, но одни из них в отсутствии, другие не хотят и не могут выходить из пределов частной жизни. Не всякий станет добровольно баллотироваться в мировые судьи при нынешнем духе и направлении общественного дела. Наше культурное сословие, конечно, утратило веру в себя, после того как порвалась его сомкнутость и от него остались одни бессвязные единицы; можно испарить всю невскую воду, разлив ее по стаканам, выставленным на солнце, хотя нельзя испарить текущую Неву. Так же и с сословием. Самые развитые люди, кроме гениев, сильны только общественными, а не своими личными силами. Русское культурное сословие, сложенное в государственное, необходимо проявит всю суть умственных и нравственных сил, присущих русскому народу, — так как эти силы в нем только, и ни в ком кроме него, становятся вполне сознательными. Потому мы остаемся в убеждении, что выбора нет: само собой дело не поправится; исключительный ценс приведет нас еще к большей расшатанности, чем нынешняя бессословность; остается только дворян-

ство как средоточие необходимой нам организации. Конечно, к дворянству, как к сословию государственных избирателей, представляющих собой не какую-либо сословную касту на западный образец, а итог умственных сил России, необходимо присоединить крупные капиталы и людей умственного труда, заявивших свою способность, иначе оно осталось бы односторонним и искусственным учреждением, не выражающим действительности сил, руководящих народной жизнью.

Когда политическое сословие государства смыкается вокруг наследственного класса — иначе оно у нас немыслимо, — то оно должно владеть своими членами и открывать свою местную среду не иначе как по общему согласию — как лицам, удовлетворяющим требованиям сословным и ценсовым, так и людям всякого звания, удостоенным общественного доверия. Нам замечали, что группа полноправного местного сословия будет облечена таким образом правами остзейского дворянства; мы не видим тут ничего схожего. В прибалтийских губерниях привилегированное сословие пользуется правом допускать в свою среду благородные роды наследственно, мы же говорим о личной оценке людей; но, кроме того, остзейское дворянство есть кровная каста, руководимая своим тесным сословным духом, а у нас же дело идет о том только, чтобы сомкнуть в одно целое политический и гражданский, естественно выросший и постоянно вырастающий из почвы культурный слой, сплотить сословие русских европейцев, способных относиться сознательно к вопросам времени. Если такая спайка не может обойтись у нас без признанного дворянства, то никак не вследствие какого-либо аристократизма в началах, а по трем давно уже известным нашим читателям причинам: потому что у нас нет другого образованного слоя, кроме дворянского; потому что в одном дворянстве у нас оказывается некоторая привычка к связности; потому что наш культурный пласт существует покуда в виде сырого материала — не более; ему предстоит еще связаться, а прочно связаться без сердцевины, без устойчивого общественного центра — невозможно, как доказывает история. Мы достаточ-

но развили эти доводы в предшествующих главах. В наших местных культурных группах, положим хоть уездных, прочно устроенных, не может зародиться никакого кастового духа, а потому и в выборах их выразится только местное общественное мнение, а не сословная ревность, как в остзейском дворянстве. Между обществом такого устройства, хотя бы сто раз привилегированным, то есть полноправным в смысле общественной деятельности, и аристократией какого бы ни было вида нет ничего общего. Смешивать эти два разряда учреждений — значит не понимать оснований не только общественной науки, но даже практической жизни. Аристократическое общество не сочиняется; да у нас нет для него и материалов. История определила нам быть монархией народной и земской, из чего, однако ж, вовсе не следует, чтобы мы должны были оставаться обществом неорганизованным.

Всякий понимает, что образованный и имущественный класс, окончательно сомкнутый, руководящий общественной жизнью и земством по указанию верховной власти, есть только орудие, а не цель, а потому не может иметь поползновения стать *всем* — не только в государстве, но и в народе. Назначение его — объединить наши сознательные силы, но не подавлять ничего действительно живого, стоящего вне его. Мы уже высказали наше мнение: высшее сословие должно быть у нас открытым для всех образованных родов и видных заслуг потомственно, для всех людей, заявивших свою способность к общественной деятельности — лично; оно должно руководить крестьянским самоуправлением и развивать его, не замещая его собой; должно нести обязательно тягости государственной и земской службы; должно взращивать на почве своего местного самоуправления добрых слуг Государя, изучивших действительную жизнь, для деятельности всероссийской; должно воспитать русский народ со временем, конечно, еще не скоро, до той меры всесословности, какая будет отпущена нам историей естественно, без натяжек и искусственных учреждений. Но затем, если мы хотим развиться до полной нравственной самостоятельности, то сомкнутое культурное

сословие должно также стать *единственным* орудием правительственного действия. Ему следует вверить полноправное местное самоуправление, во всем его объеме, до той черты, с которой начинается действие государственной власти; из его недр, из его выдающихся людей придется складывать высшую служебную иерархию, сначала областную, а потом и государственную. Даже в чиновничьей Франции, лишенной школы местного самоуправления, лучшие префекты — не говоря о министрах — выходят преимущественно из общественных деятелей, даже из людей так называемого праздного общества, заменяющих наукой жизни знание форменного делопроизводства; у нас же все дворянство начинает и еще долго будет начинать жизнь государственной службой; наше земство долго еще будет состоять из людей исключительно служилых — тем естественнее полное доверие к нему. Канцелярским учреждениям останется у нас еще достаточно места, лишь бы *направление дел* было изъято из их рук. Перенесение центра тяжести из чиновничества в общество совершится легко, как только само общество будет установлено на прочных основаниях. Уравновесить же эти две силы — земскую и бюрократическую, происходящие из источников совершенно различных, выражающие совсем иные отношения правительства к народу, даже другой возраст государства, вносящие в общее дело дух прямо противоположный, — совершенно невозможно. Такое сочетание двух равных, но разнородных сил в общественном теле привело бы прямо к неподвижности — ни к чему иному. Одна из них должна пользоваться господствующим, другая лишь подчиненным, вспомогательным значением. Или общественные деятели будут руководиться канцелярией, или канцелярия будет руководиться общественными деятелями — другого выхода нет. Мы достаточно вкусили плодов первого преобладания — хотя неизбежного, а потому и естественного в продолжение нашего воспитательного периода. Но этот период уже упразднен нынешним царствованием. Открылся новый, а вместе с ним и новые потребности, для удовлетворения которым бюрократия бессильна. Очевид-

но, какая сила стучится теперь в дверь и готовится на смену прежней в качестве главного орудия верховной власти. Правильность нашего развития в настоящем и будущем зависит от ее признания, явного и определенного, со всеми его последствиями. Надобно заметить, однако ж, что выдающаяся черта нынешнего общественного склада, устраняющая даже мечту, чтобы из него могло выработаться что-нибудь само собой, без давления сверху, заключается в том, что наше общество раздвоено и тормозит само себя, потому именно, что большинство культурного слоя — люди, оторванные от почвы, присосавшиеся к государственной службе под всевозможными названиями. При отрешенности от действительной народной жизни эта половина образованного слоя находится почти вне влияния сборного опыта и вновь возникающих общественных потребностей. Оттого, с одной стороны, часть русского дворянства, облеченная в вицмундирный фрак, увековечивается, как под стеклянным колпаком, в заколдованном круге полунигилистских понятий, навеянных на него началом шестидесятых годов, — хотя не более как на словах; с другой стороны, она крепко держится за свое нагретое место и предпочитает известное — сословную службу, казенную, неизвестному — сословной службе, земской. Несомненно, что главными противниками связной общественной самодеятельности, хотя бы передаваемой исключительно в руки культурного сословия, являются у нас люди того же сословия, ставшие в ряды бюрократии, по крайней мере, многие из них. Переход, наиболее необходимый современному русскому обществу, тормозится половиной самого же общества, предпочитающей бесформенность жизни — не от непонимания, даже не от увлечения ложными идеями, а из-за личного удобства. Наше вицмундирное дворянство не желает самостоятельного земства, чтобы не подорвать своего личного положения. Но мы, русские, можем смело положиться в этом вопросе, как и во всех коренных вопросах, на нашу историческую власть: она всегда скорее упреждала, чем откладывала осуществление всякой сознанной потребности. Не остановившись перед местничеством

при Федоре Алексеевиче, перед святыней народных обычаев при Петре Великом, перед крепостным правом при ныне царствующем Государе, она не остановится перед преданием бюрократии, хотя предание это проросло сквозь все наши кости. Но для того чтобы бюрократия могла уступить свое место иной, свежей силе, надобно, чтобы эта сила была готова ей на смену — в виде сплоченного русского общества, сплоченного на первых порах хотя бы только положительным законом. Это цельное тело не замедлит проявить и цельный дух.

Русская история до сих пор шла вперед неуклонно, не сбиваясь с пути, несмотря на чрезмерные осаждавшие ее препятствия, вследствие того преимущества, что в ней сочетались в равной степени сила устойчивости и сила движения. Наша верховная власть оставалась и останется непоколебимой в своей сущности. Но она никогда не смешивала форм с сущностью, как происходило в других странах, решительно меняла эти формы, когда они отживали свое время, и создавала из недр общества новое, соответствующее эпохе орудие, становившееся на долгое время главным рычагом правительственного действия. Такими последовательными орудиями были: родовое боярство (созданное, а не унаследованное) в московском периоде и безличная бюрократия в воспитательном; очевидно, что в начинающемся периоде полного развития русской жизни основным орудием правительства может стать только культурное общество. Предшествующий период выработал в этом отношении не более как материалы, воспитал русских европейцев и пользовался их личной службой; сращивание наших сознательных людей в сословие действительно государственное есть дело наступившего времени.

Непрерывность развития в эпоху близящейся возмужалости, если только мы сами не замедлим ее наступления, обеспечена нам историческими условиями прочнее, чем какому-либо народу в Европе. Русская верховная власть, создавшая наше государство и взросшая сама на всесословной почве — на почве общих русских польз без различия лиц и состояний, не видавшая противников и никогда не нуждавшаяся в союзниках

внутри государства, одна на нашем материке не может быть пристрастной ни к какой определенной форме общественного склада, кроме той, которая наилучше соответствует росту общества. При таких отношениях к народу русское самодержавие не имеет ничего общего в основании с неограниченными административными монархиями Запада, недавно еще повсеместными, дух и содержание которых были заранее определены теми силами, с помощью которых они установились. Наше самодержавие, стоящее выше всякого духа партий и общественных групп, представляет такое же общее, коренное и нераздельное начало, как народовластие в серьезной республике, — начало, перед лицом которого не существует в государстве никакой самостоятельной силы, кроме той, которая поддерживается потребностью времени и общим убеждением в ее пользе. Полнота и единство государственного начала в самодержавном и республиканском виде правления не дают ему повода смотреть ревниво на какую-либо развивающуюся общественную силу, всегда встречаемую ожесточенным противодействием в странах, где власть основана на уравновешивании и примирении нескольких разнородных начал. В последних государствах форма, ограждающая права одной из сторон, составляет половину дела и не уступает своего места без битвы. В России и в Америке она не может противоречить полновластному началу, на котором построено государство, не может возбуждать его ревности, почему развитие общественных сил в соответствующих времени формах, естественный рост народного духа — и у нас, и за океаном обеспечены самой сущностью господствующей власти, ее полным политическим беспристрастием. При культурном обществе, действительно сознательном и связном — но не иначе — и в самодержавной монархии, какова наша, и в благоустроенной республике, какова американская, заведывание делами всегда будет находиться в руках людей, выносимых вперед мнением, выражающих настроение большинства, — потому именно, что основная власть, от решения которой все зависит — осуществляется ли она в лице самодержавного монарха или самодержавного на-

рода, — не имеет личных интересов и не связана ни с какими второстепенными общественными подразделениями. В западных же монархиях, сложившихся на феодальной почве, как и в республиках искусственных, правительство опирается исключительно на некоторые общественные группы и связано их интересами: в Пруссии оно опирается на родовое юнкерство, в Австрии — на онемеченную крупную аристократию и на небольшой клочок чисто немецких областей, во Франции — при Бурбонах опиралось на эмигрантов и иезуитов, при Бонапартах — на штыки и на биржу, при Луи-Филиппе и Тьере — на буржуазию; везде же, по необходимости, еще на чиновничество и на войско. В таких государствах правительство, озабоченное собственным самосохранением, очевидно, не может во всем и всегда смотреть благоприятно на свободный рост общества; оно охотно допускает в нем только то, что соответствует его собственным началам. Одна Англия составляет исключение, потому что, при всей разнородности государственного строя, ее политический слой складывался не механически, а органически, срастаясь в одно целое.

Мы говорим не о том, что у нас уже осуществилось, но о том, что естественно вытекает из данных нам историей основ, что должно окончательно из них вытечь при правильном народном росте. Мы отметили еще в прежних главах условия, тяготевшие над нашим прошлым: Русское государство до вчерашнего дня ни разу еще не пользовалось полной свободой действий; оно должно было тратить все силы без остатка — сначала на свою установку, потом на просвещение общества. До окончания воспитательного периода нам было некогда выводить практические последствия из своих теоретических государственных начал. Час этот настал или, правильнее, настает только теперь, но он настает условно. Под непоколебимой верховной властью, совершенно беспристрастной по своей сущности к проявлению и формам национальных сил, — к тому, что мы назвали естественным народным ростом, наше сознательное общество может свободно развиться до полноты своего внутреннего содержания, проявить в соответствующих

и законных формах все, к чему оно способно, ведя за собой народ — но при условии, чтобы у нас было цельное общество, которого покуда нет и следа, меньше следа, чем было когда-нибудь. Правительство может только допустить, поощрить и узаконить всякий шаг вперед, созревший в общественном сознании; придумывать же его само для нации оно не может. Самые лучшие государственные начала приносят плоды только в сочетании с созревшим народным разумом, а разум зреет в народном, как и в единичном существе, только в голове, а не в членах. Когда общественное тело не венчается хорошо устроенной головой — сознательным и связным политическим сословием, — оно может наслаждаться только крепким здоровьем и внешней силой, но внутреннее развитие для него недоступно. Присочинить же искусственно такую голову к народу немыслимо. Оно может думать только той головой, какая у него есть в действительности, какую вырастила ему история.

Мы высказали свое мнение о вероятных формах нашего будущего развития. В этом отношении нам приходилось говорить то, что было уже сказано несколькими проницательными умами, наилучше оценившими основания, на которых стоит Россия. Дело это, впрочем, само по себе достаточно ясное. Для людей, не верящих в самозарождение, всякий плод есть произведение дерева, на котором он растет. На нашу почву история не бросила семян парламентаризма в его европейском и американском виде — в смысле партий, действующих от своего лица и побеждающих одна другую временным привлечением большинства культурного слоя на свою сторону. Для такого рода деятельности у нас нет никакой закваски, не только в русском обществе, но даже в русской личности. Она требует существования в стране каких-либо самостоятельных сборных сил, способных выступить от своего имени — весь западный парламентаризм есть дело сословное, а не общенародное. В России нет даже признака какой-либо самостоятельной силы, вне верховной власти, создавшей наше государство. Но история дала нам другое: полное доверие между властью и народом, выразившееся в совещательных собраниях, созы-

ваемых по каждому важному случаю, обратившихся почти в обычай в конце московского периода, — собраниях, которые непременно развились бы в постоянное учреждение, несмотря на самые неблагоприятные условия, на постоянно осадное положение государства, если бы не были внезапно прерваны петербургским периодом, устремившимся по необходимости к задаче совсем другого рода. По завершении этой задачи, возвращаясь от личного воспитания и исключительно государственных дел к общественным, у нас нет другой точки отправления, кроме той, на которой мы остановились в 1688 г.; с нее только мы можем начать новое движение вперед, не срываясь с дороги, по которой шли наши предки, но довершая сознательно их дело. Нет сомнения в том, что русская власть XIX в., закончившая задачу воспитательного периода и по личному почину воззвавшая общество к самодеятельности, окажет ему то же доверие, какое оказывала два века назад — если общество будет знать само, что ему нужно, то есть если у нас состоится связное политическое общество. Нравственное единение правительства со страной в совещательных собраниях, общих и областных, смотря по обширности предметов обсуждения, совокупно с подбором государственных людей из земской же самодеятельности, с нашей практической почвы, принесет со временем плоды несравненно более прочные и важные, чем приносит их неискренний парламентаризм европейского материка. Но для такого единения нужно предварительное условие — чтобы правительству было с кем единиться. Соглашение с восьмидесятимиллионной бессознательной массой осуществимо только в сказках и народных операх. Наше политическое общество не может появиться вдруг, во всеоружии; оно должно предварительно связаться в областях, из материала уже готового, но еще не связного; всему свой черед. Надо сказать еще больше — это политическое общество никогда не разовьется само собой, при нынешней разрозненности, сколько бы ни нарастало для него запасов; его может сложить в одно целое только та сила, которая создала Россию и все, что в ней есть, — русская историческая власть.

Основания, на которых стоит современная Россия, — единение непоколебимой и беспристрастной по своей сущности верховной власти с народом, чуждым сословного соперничества, — обещает нам очень богатое гражданское развитие в будущем, — если мы сумеем впору понять свою личность и свои особенности, если мы искренно оставим несостоятельную мысль о подражании чудным учреждениям, которые могут быть только декорацией на нашей почве, и станем думать о развитии общественных форм, действительно нам свойственных. Мы считаем себя вправе говорить об этом краеугольном вопросе, потому что говорим чистосердечно, в полном убеждении, что у нас есть в зародыше все, что нам нужно, и что мы можем развиться широко и прочно, не сходя с наших исторических основ — с которых вдобавок и сойти невозможно, так как они несравненно прочнее всяких преходящих стремлений. Мы сказали уже и думаем, что нашему Отечеству до сих пор некогда было выводить практических последствий из начал, заложенных в наш государственный строй. Формы, насильно навязанные нам необходимостями каждого из прожитых периодов, постоянно закрывали их сущность. Час для их обнаружения настает только теперь, хотя мы живем еще покуда под формами воспитательного периода, не успевшими уступить место новым. Бюрократия, произвол частных властей и разъединенность культурного слоя, лишающая его всякой самостоятельности — основные и неизбежные черты воспитательного времени — до сих пор еще составляют видимую наружность нашей общественной жизни; но смысл их уже в прошлом, а не в будущем, и даже не в настоящем, хотя не только иностранцы, но огромное большинство русских людей видят в них как бы неотъемлемую принадлежность нашего коренного начала — самодержавия. Они судят о принципе по формам, в которые облекала его преходящая историческая необходимость, — по военной диктатуре московского периода и воспитательной миссии периода петербургского, не допускавших полной откровенности между властью и народом. До сих пор многие говорят о нашем государственном начале в каком-

то общем смысле, между тем как русское самодержавие есть очевидно начало совершенно новое в истории, существенно способное применяться к потребностям каждой эпохи. В нем выразился, думаем, единственно возможный вид верховной власти монархического народа, не раздробившегося на самобытные, резко отграниченные сословия, отстаивающие свои права каждое само за себя, как было и есть на Западе. Всякий народ отражается в своей верховной власти; русский народ, никогда не разрывавший общественной цельности, не мог, да и не имел повода думать об осложнении своих правительственных форм, никакой сознательный бытовой интерес внизу не чувствовал в том надобности. Наше всенародное самодержавие, как народовластие в республике, стало принципом, не допускающим искусственного владычества меньшинства, но по сущности своей благоприятным всему, что желательно для сознательного большинства нации. Мнение, часто выражаемое и иностранцами, и некоторыми русскими людьми, что под самодержавием всякая даже низшая власть — самодержавна, вследствие чего общественная жизнь не может развиваться свободно, относится, очевидно, не к сущности дела, а только к пережитым нами формам московского и воспитательного периодов, когда у нас не существовало самоуправления, а культурное, то есть политическое сословие государства, действовало не сообща и не от своего имени, а лишь в качестве казенных чиновников. Это сословие и впредь будет не более как орудием правительства, потому что русский народ не признает никакого самостоятельного источника власти вне власти царской, но отдельные органы его, ответственные снизу и сверху, ответственные перед мнением русской земли, — облеченным в соответственные формы для своего выражения, — утратят всякое поползновение к произволу; с другой стороны, нельзя даже придумать повода, по которому правительство, не нуждающееся ни в каких союзниках внутри государства, а потому не связанное никакими сословными и частными интересами, стало бы систематически противиться заявлению сознательного, организованного и вполне верного ему русского большинства.

Даже деятели государственные, избираемые властью лично, поставленные перед гласной расценкой этого большинства, станут людьми вполне ответственными — гораздо более чем в странах конституционных, где эта ответственность есть только слово, прилагаемое к делу разве лишь восторжествовавшей революцией. Чисто нравственные основы, там, где они могут быть чистосердечными, где они не затруднены несогласимыми интересами, оказываются действительнее всяких других — на таких основах стоит семейство и все, что есть самого священного у людей. Вошедши в привычку, они проникают народный организм и становятся неискоренимыми. Всякий знает, что в Англии, столь резко отличающейся от материка своим крепким устоем, самые основные законы суть законы неписаные, но зато вросшие в сознание каждого англичанина.

Пример англосаксонского племени в этом отношении особенно важен для нас, русских, сохранивших простоту, можно сказать, естественность своего общественного устройства; в таком состоянии именно залог преуспеяния заключается главнейше в нравственных началах, в сборных, глубоко укорененных убеждениях, играющих второстепенную роль на западном материке, где весь государственный устой построен на письменном договоре между недружелюбными сословиями, из которых одно только высшее чистосердечно поддерживает верховную власть. Известна поговорка англичан об их (не одноличном) самодержавии, что король в парламенте (King in parliament) не может только одного: обратить мужчину в женщину и женщину в мужчину. Однако ж спросите англичанина, может ли король в парламенте, то есть великобританское самодержавие, отменить вовсе установление присяжных, свободу слова и сборищ, личную неприкосновенность гражданина и тому подобное. Всякий англичанин ответит, что эти льготы не входят в круг действий верховной власти. Для него эти права уже не права политические, не обеспечения народной свободы, подчиненные постановлениям закона; они срослись в его глазах с правом естественным — как понятие о собственности, о семействе и так далее. Со всех сторон жизни, обеспеченных та-

кими убеждениями (а их немало), свобода англичанина изъята из-под воли общества, даже взятого в совокупности, она не зависит более ни от формы правительства, ни от течения времени. В таком разрастании личной независимости, обращающем понемногу в право естественное то, что было прежде только правом политическим или гражданским, во всяком случае условным, — заключается, очевидно, единственное существенное развитие народной жизни, обеспечивающее, в одинаковой степени, и личность, и порядок. На европейском материке таких укорененных понятий очень мало, разрастания же их вовсе не видно, отчего и общественный строй имеет там вид условный и шаткий. Какое твердое развитие возможно, например, во Франции, где общественная власть присваивает себе право (почти уже целое столетие) запрещать неразрешенное полицией сборище свыше 21 лица, даже для приятельского обеда, или право разом закрывать все церкви и не позволять людям молиться? В России мы никогда не знали стеснений такого рода вследствие непрерывности своего исторического движения и доверчивого отношения власти к народу; тем не менее выгороженных из-под общественной опеки сторон жизни у нас также нет, кроме одной — относящейся к народному вероисповеданию. На вопрос, конечно, фантастический: могла ли бы наша государственная власть изменить господствующую веру, каждый русский ответит, как англичанин отвечает в других отношениях — нет, это право не входит в круг ее действий. Между тем один из английских королей мог изменить народную религию своим личным указом, хотя другой поплатился престолом за такую попытку. Это значит только то, что при Генрихе VIII католичество расшаталось в душе его подданных, а при Якове II протестантство успело уже срастись вновь с их душой; то также, что свобода оставаться православными составляет для громадного большинства русского населения право отвлеченное, естественное, а не условное, подлежащее действию закона. То же должно сказать и о других русских религиозных толках: их можно было преследовать как меньшинство, но нельзя было сломить; они удержали свое естественное

право верить в то, во что им верилось. Между тем протестантство, распространившееся одно время так сильно во Франции и в Польше, было искоренено властью. Можно заключить, что духовная самостоятельность в русской природе сильнее и что мы способны превращать постепенно преходящие льготы в естественные права, срастающиеся с понятием людей, то есть ограничивать все более и более круг действий общественной власти, каковы бы ни были ее формы — в чем и состоит истинное упрочение свободы. До сих пор эта способность проявлялась только в одном направлении, вследствие неодолимых внешних условий, тяготевших над нашей жизнью во все продолжение прожитой нами истории; но если, как можно думать, она существует в нас, то она проявится и в других отношениях. Между тем при тесном единении власти с народом, как у нас, предстоящие нам формы развития (очевидно, совещательные, а не конституционные на западный лад, основанные на полюбовном соглашении, а не на силе, существенно изменчивой) несравненно благоприятнее для выработки коренных и повсеместных убеждений, переливающихся понемногу в понятие о естественном праве, чем захваты партий, всегда оспариваемые противоположной партией, всегда условные, в которых заключается суть европейского материкового развития, если только оно может быть названо развитием. Лишь в Англии и Америке данное раз никогда не отымается, потому что тамошние партии давно согласились в общих основаниях, потому что они в прямом смысле — не партии наподобие французских и немецких, а группы практических мнений, взаимно уважающих друг друга, вследствие чего в этих странах общество все более и более выгораживается из-под опеки писаных условий. Благодаря цельности нашего коренного начала, нашей исторической верховной власти, устраняющей всякий спор об *основаниях,* нам придется не только кончить, но и начать свое общественное развитие в англосаксонском духе — группами единомышленников, стоящими на одной и той же почве, разнящимися только в практических выводах. Тем прочнее будут укореняться в русском народе основные мнения, вырабатываемые обще-

ственной жизнью и не раздираемые антиподной противоположностью партий; тем быстрее будут развиваться понятия о *естественном праве* общества и личностей. Всякое же такое понятие, раз укоренившееся, по неизбежному закону истории, находит формы и пути для заявления о себе, постепенно порождает соответствующие ему учреждения, сила которых заключается в установленности и общем доверии, а не в том — совещательные они или парламентарные, развиты ли они обычаем или скреплены пергаментом. При продолжающихся еще покуда формах воспитательного периода, подчиняющих все и всех ежечасному бюрократическому надзору, обычай не имеет у нас никакого значения в публичной жизни, ему неоткуда даже возникнуть; но при обществе самодеятельном он необходимо получит значение первостепенное, станет неписаным законом, предшествующим закону писаному и поясняющим его. Можно надеяться, что таким образом мы пойдем к развитию соразмерному данным нам силам, без перерыва, путем гораздо вернейшим, более сознательным и искренним, чем идут народы европейского материка. Но для того нужно прежде всего подчинить стихийные влечения народному разуму, поставить в голове толпы объединенное культурное сословие, признанное политической силой русской земли и исключительным орудием верховной власти. Положение наше беспримерное. Нам приходится складывать свое сознательное общество, везде вырабатывавшееся исподволь, в состоянии зрелого государственного возраста. В этом отношении и между нами, и другими народами оказывается такое же различие, как между филологом, изучающим новый язык с помощью сравнительного языкознания, и ребенком, перенимающим его от няньки. Последствия явны: наша национальная политическая и общественная жизнь долго не станет такой же развязной, как у некоторых европейских народов; но она может стать более сознательной и прочной.

Заключительная мысль этой книги очевидна: наша родная Россия, в настоящем ее виде, предоставленная естественному течению дел, не разовьется ни во что, несмотря на бес-

примерное богатство духовного содержания — по неимению в себе дрожжей — каких-либо самодействующих общественных сил, способных поднять нас и дать нам определенный облик. Нас может поставить на ноги только рука верховной власти, новый правительственный почин, дополняющий великие последствия преобразований, совершенных преимущественно с отрицательной стороны, — положительной их стороной, точно согласованной с нашим историческим складом и всеми действительностями нашей бытовой жизни. До сих пор эта положительная сторона выразилась учреждениями, смеем сказать — искусственными, проникнутыми духом исключительной полосы времени, когда они созидались, и по большей части непринявшимися на нашей почве. Есть надежда, что, раз ставши на ноги, мы устоим, олицетворяя народную притчу о нашем сидне Илье Муромце. Остается, стало быть, желать, чтобы большинство русского образованного слоя сознало отчетливо и высказало вслух нашу главную современную потребность — потребность общественного объединения. Когда она будет признана значительным числом мыслящих людей, то правительство, можно надеяться, не затруднится осуществить ее; водворение нравственного порядка в России столь же необходимо власти, как и народу. Тогда выкажется сама собой и форма, в которую мы должны сложиться, — нам не из чего выбирать. Надобно заметить еще следующее: одни фантастические умы, вовсе не понимающие действительности, могут воображать, что Россия — не только XIX, но даже XX столетия — будет в состоянии управляться сама собой, по образцу Англии. Россией надо — и еще неопределенно долго будет надо — управлять; все дело только в том, чтоб ею хорошо управляли. Но правительство, как мы однажды выразились, состоит не из волшебников, знающих народные нужды лучше, чем их знает народ и его культурное сословие; пора односторонних вопросов воспитательного периода, видных лучше сверху чем снизу, уже миновала; задачи развитой общественной жизни стали несравненно сложнее, а потому верное направление их невозможно в будущем без содействия самого

общества, способного к местному самоуправлению и к совещательному обсуждению перед лицом власти общерусских вопросов. Заключение явно: связное и сознательное общество составляет такую же жизненную потребность наступившей эпохи, какую личное развитие культурных людей составляло в эпоху, недавно законченную. Без общества мы можем прозябать, но жить не можем.

В природе духовной — в истории, так же как в природе вещественной, великие и прочные последствия истекают по большей части не из шумных переворотов, а из постоянно действующих, мелких с виду причин, направляющих общее развитие будущего в ту, а не в другую сторону. Переход из нынешней русской бесформенности к благонадежной общественной организации, соответствующей нашему коренному складу, не требует никакой громкой переделки установленного порядка, никакого перелома в коренных законах, ничего похожего на великое обновление шестидесятых годов; он может быть осуществлен несколькими, мало заметными для нашего народа и Европы, дополнениями к действующим постановлениям. По нашему разумению, эти дополнения заключаются в следующем:

1) определить новые права вступления в потомственное и личное дворянство, права соответственные современному развитию нашего общества, — чтобы сомкнуть прямо или косвенно около высшего сословия, остающегося главным орудием правительственного действия, — весь русский культурный слой; вместе с тем предоставить этому сословию известные права над своими членами;

2) перенести избрание властных лиц уездного управления в дворянское собрание, устроенное вышесказанным образом, не трогая ни городского, ни крестьянского самоуправления;

3) поставить над волостями попечителей, по избранию дворянства;

4) ограничить круг действия всесословных земских собраний утверждением земских налогов и выбором лиц, заведующих общественными суммами, с представлением места в

собрании всякому владельцу ценсового имущества или капитала, личному и сборному;

5) отдать уезд, во всех отношениях, в полное заведование местному самоуправлению, обращенному в ответственную инстанцию управления государственного;

6) предоставить губернскому предводителю право созывать *сословное* собрание губернское, а собраниям этим — свободу сноситься между собой и действовать по отношению к правительству на основании существующих, никогда не отмененных законов императрицы Екатерины II;

7) сокращать постепенно бюрократию до необходимых пределов по мере передачи земству забот, лежащих теперь на ней *действительно,* обращая остатки от сокращений на земские потребности;

8) явно отграничить гражданские должности властные от приказных и замещать первые преимущественно земскими деятелями;

9) определить особые обязательные отношения дворянства к всесословной воинской повинности и к службе в армии.

Исчисленные меры, конечно, поведут со временем еще ко многим другим; но уже сами по себе они дадут русской жизни прочное основание.

Ни одно из этих дополнений, истекающих прямо — или из наших коренных законов, или из наших естественных и обычных отношений не будет носить на себе, ни в какой степени, характера общественного переворота в глазах современного поколения; но итог их даст совсем иное направление нашему будущему; он заменит нынешнюю бесформенность (слово, равнозначащее хаосу) разумно устроенным обществом. В срок одного поколения на место нынешней бессознательной нравственно бессильной России станет Россия сознательная, способная выработать присущие ей духовные силы в определенные образы.

ПИСЬМА ФАДЕЕВА Ю. Ф. САМАРИНУ

Милостивый Государь Юрий Федорович.

Не имея чести знать Вас лично, я знаю Вас как грамотный русский и потому позволяю себе представить Вам вновь вышедшую мою книгу «Русское общество в настоящем и будущем» в надежде, что мое имя также не совершенно неизвестно Вам и что, во всяком случае, для Вас будет не лишено интереса мнение, имеющее за собой немало сторонников. Знаю из Ваших сочинений и из Вашей же заметки, которую показывал мне гр. В. Соллогуб, что Ваш взгляд того времени, когда совершались преобразования, не совсем сходился с нынешним моим. Но с того времени утекло много воды, и только теперь, после стольких завянувших надежд и бесплодных усилий, перед русскими глазами встает неотложный вопрос: возможно ли нам существовать далее исключительно в виде государства, ничего более как государства, без малейшего признака совокупного и самостоятельного общества. В своей книге я не затрагивал осаждающих нас отдельных вопросов, полагая, что людям невозможно приступать к решению какой-либо общественной задачи без предварительной возможности обдумать дело сообща, совокупить свои силы и сосчитать сторонников каждого направления; эти же условия всякого последовательного действия немыслимы между людьми, рассыпающимися на единицы, как горсть сухого песка. Очень вероятно, что в наших личных влечениях к тем или другим целям встретилась бы значительная разница; но я думаю, что в текущем часе русской жизни эта разница не имеет значительного веса. В моей книге

дело идет не о целях, а о средствах, необходимых для того, чтоб подступать к целям, — об орудиях сборной общественной жизни, которых у нас покуда вовсе нет. На этом поле могут сойтись мнения во многом несходные. Мое мнение таково, что наша русская будущность зависит прямо от решения вопроса: успеем мы или нет в жизни нынешнего поколения выбиться из современной русской бесформенности. Откладывать и надеяться на будущее нельзя потому, что над Россией совершается кризис, не уступающий в важности и решительности последствий петровскому, но отличающийся от него тою коренною особенностию, что исход его зависит не только от состоятельности правительства, как было тогда, но еще более от состоятельности общества. Иными словами, результат, прямо зависящий от общественной зрелости, от способности его слагаться в единодушные группы, лежит на обществе не только не зрелом, не только не самостоятельном, но в действительности не существующем. Признаюсь, я долго верил в *планиду* России, в то условие в нашу пользу, что ныне некому вывозить на своих плечах для исторической будущности ни лучших общественных идеалов, ни чистой веры — кроме нас; что мы имеем за собой привилегию — хотя мерзкого, но к чему-нибудь годного работника, которого за то и держат в доме; но теперь я стал думать, что мы способны истощить даже небесное долготерпение и что без вещественных законодательных мер, принятых безотлагательно, мы не выберемся из болота. Потому эти меры, с какими бы то ни было вариациями, хотя бы только для наружного создания русского общества, я считаю неизбежными — то есть неизбежными для развития и сохранения нашей национальной жизни, — так как избежать их, утонув в болоте, очень легко. Единственный исход, который мог бы поднять нас *нравственно,* заменить наши жидовские идеалы текущего дня чем-нибудь похожим на действительный идеал — вопрос славянский в обширном смысле, неприступен при нынешнем состоянии русских вооруженных сил, расстроенных до корня и надолго. Потому остается только внутреннее сплочение. За программу, изложенную в моей книге, идет теперь сильное те-

чение в официальном круге. В будущем, судя по нынешнему расположению лиц, представляющих будущее, успех почти обеспечен; но даже ныне — то есть, говоря правильно, завтра — он весьма вероятен при некоторых ожидаемых переменах, если только выставленная программа не встретит общего гласного отпора наших искусственных мнений. Вам известно, что в наших верхних этажах теперь храбрости мало — и понятно: обжегшись на молоке, и на воду станешь дуть.

Вам может показаться странным, что я пишу все эти слова человеку незнакомому. Но, если есть умственное общение вне вещественного, то Вы мне знакомы, если не я Вам. Говоря просто, я дорожу Вашим мнением и, посылая Вам книгу, прибавил это только вместо введения. Извините меня за это объяснение, малоупотребительное в России между незнакомыми людьми, хотя бы из-за того, что Вы же с покойным Хомяковым уверили меня в неприкосновенности русской судьбы, которую теперь приходится починять, как старый тарантас, первым попавшимся под руку орудием, чтоб только он доехал до первой станции. Если доедет, его можно будет поправить заново, но прежде всего надо доехать.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Ростислав Фадеев

Петербург Гост[иница], Париж, 6 ноября 1874.

Милостивый Государь Юрий Федорович.

Благодарю Вас искренно за доставление Вашей рукописной статьи, прошу Вас, если Вы захотите увенчать Вашу любезность, прислать печатный экземпляр в Одессу, по адресу: Греческий переулок, дом Криони; если же Вы не в дружбе с цензурой, то в Константинополь на имя посольства. Свив себе временное гнездо в Египте, я должен был основать главный узел моих сношений с Отечеством в Константинополе.

Ответ Ваш, как все, что Вы пишете, есть замечательное произведение по мысли и слогу. Но не могу не сказать откровенно, что Ваша оценка моих видов не только не верна в основании,

но доказывает неверный взгляд на всю официальную Россию. Я не желал бы считать Ваш прием за чисто полемический, то есть неискренний; но неужели Вы серьезно думали, что книга моя была внушена какой-то партией, что в душе я заботился исключительно об интересах дворянства и т. п. — Если б у нас существовала такая партия, способная единодушно обдумать стройную программу, то я не имел бы причины писать о русском разброде. Зачем писать, когда перед глазами у всех стоит уже завязка политической группы, долженствующей, по закону общего развития, вызвать группу противоположную, вследствие чего наше общественное дело пошло бы развиваться само собою. В такой партии, выставляемой Вами как опасность, заключалось бы напротив наше спасение; она служила бы доказательством, что мы начинаем срастаться в организм. Но ничего подобного нет, все это знают. У наших консерваторов, как и наших либералов, есть только вкусы, а не систематические планы. Одни Вы, славянофилы, составляете исключение, а потому и развиваете, должно быть для противовеса, идеи уже через систематические. Действительно, я писал Вам, в то время, когда падение гр. Шувалова не было еще делом решенным, что книга моя при известных условиях может оказать влияние; но я писал это потому только, что имел в ту пору причину надеяться обратить *вкусы* в пользу своей программы, а вовсе не потому, чтобы эти вкусы диктовали мне программу. Ни разу даже я не имел систематического разговора с каким-либо официальным лицом об этой программе, пока она не была напечатана; тогда, действительно, пошли разговоры. Признаюсь Вам, я чистосердечно засмеялся, когда прочел тонкую догадку о видах, заставивших меня оставить городовое положение нетронутым. Мои макиавельские виды можно выразить в коротких словах: я писал не как деятель, а как зритель, взвешивающий дело только в его общих чертах; о городовом же положении я не только не вспомнил в то время, но даже, сознаюсь, его не знал в точности.

Зачем, собственно, написал я «Чем нам быть», об этом я охотно расскажу Вам при свидании, если оно когда-нибудь состоится; покуда же могу Вам сказать лишь следующие слова.

Вы читали в книге И. С. Аксакова о Тютчеве оригинальное выражение последнего, что мы сыграли уже две пунические войны против Европы, а третья, решительная, у нас еще впереди. Хотя Тютчев был только поэт, но это несомненная правда; а кому известно еще нынешнее положение Турции и отношение к ней (а стало быть, и к нам) Европы — не в общих чертах, а определенно — тот не сомневается, что эта третья, все решающая война, предстоит не будущему, а нынешнему поколению. Что такое большая война, об этом легко вспомнить, упомянув о войнах пунических; если б Аннибалу удалось найти в римской стене удобную трещину, в то время, когда он стоял под городом, то весьма вероятно, что мы с Вами были бы совсем не теми людьми, как теперь, и даже, статочно переписывались бы не на нынешнем своем языке. Предстоящая же нам борьба будет стоить по последствиям своим войны пунической. Позвольте спросить Вас чистосердечно: имеете ли Вы право, объявив себя некомпетентным в военном деле, спокойно отвращать глаза от этой стороны дела? А между тем, современная Россия, устроенная Ростовцевым, покаявшимся в своем покаянии накануне 14 декабря, и братьями Милютиными, стала так же неспособной к войне, как Китай, в ту пору именно, когда война должна решить весь смысл ее истории. Не обманывайтесь, пожалуйста, тем, что Вам могут сказать какие-нибудь офицерики, окружающие Гильденштуббе. Мои военные сочинения не были бы переведены на все европейские языки, если б я не понимал военного дела, не знал того, о чем говорю. Я не встречал ни одного боевого человека у нас, который в этом отношении не был бы одного и того же мнения. Но что же за причина нашего военного расстройства? кто же этого не знает: не что иное, как применение к войску общих гражданственных преобразований, отозвавшихся на армии, как и на народе, всеобщей нивелировкой, заменой всех подросших уже несколько исторических сил всевластной и безличной бюрократией. Не говоря уже о том, что государство, в котором всякая местность осталась совершенно без хозяев, в котором оказывается ныне столько же домов на каждую лошадь и ко-

рову, сколько недавно еще приходилось коров и лошадей на дом — не способно к большому напряжению; но вот Вам ясный, подлежащий уже практической, а не одной голословной поверке, результат *сочиненных* реформ шестидесятых годов (дело идет не о факте освобождения крестьян, Вы это знаете). Результат этот только виднее на армии, чем на народе, в сущности, он один и тот же.

Кто будет виноват в предстоящем нам фиаско всей русской истории, позвольте Вас спросить, мы ли, подпольная интрига, за какую Вам угодно выдавать нас, или Вы, славянофилы, нигилисты и либеральные сторонники газеты «Голос», которые все, несмотря на глубочайшие различия между собою, постарались состроить современную Россию по образцу небесного Иерусалима, а не земного государства, подходящего к самому критическому часу своего бытия? Две невозможности разом не дают поставить русскую боевую силу на соответствующую ее задаче высоту: продолжающееся царство Милютина, которое есть чистейший остаток банды, выстроившей Россию 1861 г., о благонамеренности которой Вы считаете возможно говорить так громко; а затем — общественная почва, сложенная таким образом, что она не дает и не может давать офицеров армии, а в то же время оставляет всю русскую землю без хозяев на время величайшего напряжения сил. Извините меня за откровенность слова, я считаю себя вправе говорить таким образом даже с Вашей, славянофильской точки зрения; я не чужд Вам, хотя всегда принимался за дело не с того конца, как Вы. Вот доказательство: в то время как славянофилы затрагивали славянский вопрос с точки зрения святителя, служащего когда-нибудь в ризах Св. Мефодия в древней Праге, на берегу шумящей Савы и Дравы, я написал о нем практическую брошюру, сделавшую мое имя известным множеству простых баб в славянских землях, в чем Вы легко можете удостоверить, между тем как одни ученые знают там Вас и Хомякова, несмотря на Ваши таланты, перед которыми я преклоняюсь, — я, но не славяне, оставшиеся Вам чуждыми. Значит, мой прием лучше Вашего, когда вопрос идет о практическом деле, а не

о теории. Вместе с тем, Вы не имели никакого права заподазривать мои намерения, я доказал себя достаточно. Я бросил блестящую карьеру и боролся восемь лет для того, чтоб разоблачить убийственное для России нынешнее безобразие и достиг того, что, во-первых, хоть план будущего и надлежащего нашего устройства поставлен твердо, а во-вторых, дожил до следующих, официально сказанных мне слов: «Государь смотрит теперь на наше военное дело и на кружок Милютина совершенно Вашими глазами» (хотя ничего не делает в этом смысле, но это уже не моя вина). И вот еще: в ту же тему, когда Вы трудились в Москве для ниспровержения кн. Мещерского, хлопотавшего о поднятии нравственного уровня дворянства (я нисколько не заподазриваю Ваших стремлений, хотя и не разделяю их), я работал в Египте, но не изучал его, как Вы полагаете, а один, своей особой, без малейшей поддержки сверху, втянул его в систему русской политики и получил под свое командование армию хедива. Теперь все — и Государь, и Наследник, и Игнатьев, и азиатский департамент одного мнения со мною, что в этой новой связке всех сепаратистских сил Турции лежит единственное средство умалить для России опасность, явно близящуюся, чисто внешнего решения восточного вопроса; но задумал и исполнил дело я один, под гнетом убеждения в несостоятельности для войны современной России, устройством которой Вы так гордитесь. (Вы не выдадите этой государственной тайны, я лучшего мнения о Вас, чем Вы обо мне). Я позволяю себе думать, Юрий Федорович, что в смысле верной службы Отечеству мой зимний успех стоит Вашего московского, а потому думаю также, что Вы могли бы отнестись иначе к моим побуждениям; я бы, по крайней мере, никогда не отнесся таким образом к Вашим. Доказательство нашего неизлечимого, покуда, умственного разброда в том и заключается, что мы никак не можем рассуждать о деле, не заподозривая противника в печатании фальшивых ассигнаций.

Смысл книги моей не может представлять малейшего сомнения для всякого, кто хочет его видеть; для этого не нужно даже знать главного, высказанного сейчас моего побуждения.

Книга состоит очевидно из двух рассуждений, иногда переплетенных между собою в изложении, но совершенно различных по предмету: из анализа нынешнего состояния России и из примерного плана к его улучшению. Мешать одно с другим, воображать, что возражения, даже самые дельные, против подробностей и формы моего примерного плана наносят какой-либо удар сущности моей темы — значит преднамеренно путать дело и не убедить никого — а Вы именно так сделали. Я убежден, всякий, кто дал себе труд проехать по России, также убежден, все беспристрастные люди, которых я видел и вижу — все убеждены, что наше современное общественное состояние не стоит выеденного яйца, а нынешняя Россия не способна к такому почину, ни к какому делу, ни внутри, ни вне себя — вот положительная тема, которой Вы как будто не хотите знать, от которой отделываетесь несколькими фразами. Оставаться в таком положении слишком опасно, если б не было даже видно надвигающихся на нас туч, а они видны слишком явственно — вот также положительная тема, истекающая из первой. В сущности, в этом вся суть того, что я сказал, и даже наверное не сказал бы ни слова более, если б писал для публики толковее нашей. С нашим же обществом я предвидел очень хорошо вопрос «Так скажите же, что делать, если знаете!» — вопрос равносильный полной апатии к самой сущности дела; о чем и хлопотать, когда нельзя ничего поправить. В виду подобного вопроса я и написал свой план реформы; в разговоре я назвал бы его словами: «Вот, например, чем можно поправить!» В моей мысли план этот был вовсе не философским камнем для излечения наших зол, а одним из многих, может быть, гораздо лучших средств для нашего врачевания. Я желал возбудить серьезную и многоустную речь об этом предмете и с великим удовольствием отказался бы публично от той или другой стороны своих предположений, если б было выставлено на вид лучшее средство, потому что сущностию дела я считаю вовсе не свой план реформы, а уразумение невозможности оставаться в нынешнем нашем слабосилии и идти навстречу неминуемой буре при нашей расслабленности. На счет этого

существенного пункта — расслабленности, я не вижу разномыслия в России, не только между официальными лицами, но между всеми встречными и незнакомыми людьми, с которыми сталкиваюсь на железной дороге и в провинции. Из этих всех довольных я не встречал ни одного; должно быть для Вас и для меня существует в России совсем иная публика. Ваш ответ, обращенный на подробности моего проекта, опускает вовсе сущность вопроса; читавшие ответ, сколько я знаю, принимают его за апологию нынешней общественной и военной милютинщины, в которой изверились уже самые доверчивые люди. Потому, уверяю Вас, Ваш ответ можно было бы разбить в прах гораздо легче, чем Вы предполагаете; для этого вовсе не нужно защищать мой проект в его подробностях, — достаточно показать, что Вы вовсе не отвечаете на сущность вопроса. Если у меня будет время, то я напишу за границею нечто о возражениях Кавелина и Кошелева; тех следует продернуть; с Вами же я желаю сохранить мир и дружбу, а полемика в тон мира и дружбы становится невозможной, согласитесь сами, коль скоро пошло дело о заподозрении побуждений.

Через два дня я уезжаю в Египет делать свое дело. В этом отъезде — простите мою откровенность — заключается самый ясный ответ на Ваш ответ. Я еду затем, чтоб умалить несколько опасность, которую современная Россия — по-вашему, обновленная, а по-моему, расслабленная — не может уже больше встретить лицом к лицу. Отложим наш спор до того близкого времени, когда события покажут непогрешимо, кто из нас служил сознательнее Отечеству.

Графиня Левашова, с которой недавно Вы познакомились, пишет мне, что после прочтения Хомякова и встречи с Вами она уже *никогда и нигде* не будет защищать папу.

Примите, Юрий Федорович, уверение в искреннем моем почтении и совершенной преданности

Ростислав Фадеев

4 сентября 1875.

Петербург, гост[иница], Париж.

КОММЕНТАРИИ

Свои статьи Р. А. Фадеев публиковал в изданиях национально-патриотического направления. Среди наиболее значительных публикаций Р. А. Фадеева можно отметить следующие:

Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, военно-походная тип. Главн. штаба Кавказской армии, 1860;

Письма с Кавказа редактору «Московских ведомостей». СПб., тип. В. А. Безобразова и Ко, 1865;

Вооруженные силы России. М., университ. тип., 1868;

Мнение о восточном вопросе по поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России». СПб., тип. Департамента уделов, 1870;

Черноморский военный театр. По поводу Крымской железной дороги. СПб., тип. Вольфа, 1870;

Наш военный вопрос. Военные и политические статьи. СПб., тип. А. Траншеля, 1873;

Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?). СПб., газ. «Русский мир», 1874;

Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 — 6 апреля 1880. Лейпциг, тип. Ф. А. Брокгауз, 1881.

Уже после смерти публициста основные его произведения были изданы в 1890 г. в 4-х томах.

Сочинения Р. А. Фадеева вновь стали издаваться в начале XXI в., что было вызвано актуальностью кавказских проблем. Так, вышли:

Фадеев Р. А. Кавказская война. М., «Эксмо», «Алгоритм», 2005;

Фадеев Р. А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Каказа. Записки о кавказских делах. М., изд-во ГПИБ, 2007.

Биографических материалов о Р. А. Фадееве достаточно мало. Вскоре после его смерти был опубликован некролог: Несколько слов о Р. Фадееве (Киев, тип. Кушнарева, 1884). Единственная полная политическая биография написана волгоградским историком О. В. Кузнецовым в 1998 г. и издана тиражом в 100 (сто!) экземпляров — по этой причине мало известна исследователям: **О. В. Кузнецов. Р. А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Изд-во Волгоградского Гос. университета, 1998.**

Все примечания, включая примечания автора и первых издателей, вынесены в конец книги.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Впервые опубликовано: Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, военно-походная тип. Главн. штаба Кавказской армии, 1860.

Текст печатается по изданию: Фадеев Р. А. Кавказская война. М., «Эксмо», «Алгоритм». 2005. С. 33—111.

В этих публицистических очерках, совмещающих научность, занимательность и историчность, Р. А. Фадеев впервые изложил российской публике значение Кавказа для России и общий ход боевых действий на Кавказе, сделав основной упор на кампаниях 1856—1859 гг., активным участником которых он был. Помимо описания чисто военных событий, которые, впрочем, были практически неизвестны за пределами военных кругов, Р. Фадеев рассматривает вопросы геополитического значения Кавказа для России. В его очерках содержится много этнографических сведений о народах Кавказа, их религии, быте и социальной организации, что делает их, как и другие произведения Р. Фадеева, научным трудом, не потерявшим свое значение и в XXI в.

[1] Речь идет о шиитском направлении ислама, в начале XVI в. ставшего господствующем вероисповеданием в Иране. (*Прим. сост.*)

[2] К 1860 г., когда Р. А. Фадеев писал свой труд, Хивинское ханство в Средней Азии было со всех сторон окружено непро-

ходимыми пустынями и кочевыми воинственными племенами, что осложняло окончательное покорение Хивы. Только в 1873 г. русские войска утвердили российский протекторат над ханством. (*Прим. сост.*)

[3] Трапезунд (ныне Трабзон) — порт на юго-восточном берегу Черного моря. С древнейших времен до конца XIX в., до развития российских портов Батум и Поти, был центром торговли в этом регионе. (*Прим. сост.*)

[4] В данном случае Фадеев некорректно смешивает ислам как религию и псевдоисламские секты, оказывающие влияние на часть мусульманского населения Кавказа и ряда стран Востока. Подобные ошибочные суждения вызваны тем, что в момент написания своих «писем» Фадеев сталкивался только с мюридизмом на Кавказе и не владел еще всем объемом знаний об исламе. Впрочем, в дальнейшем Фадеев стал одним из ведущих российских специалистов по исламу. (*Прим. сост.*)

[5] Мамелюки (мамлюки) — рабы-воины в Египте, состоящие из невольников тюркского и кавказского происхождения. (*Прим. сост.*)

[6] Гюрджи (буквально — «грузины»), напоминающие мамелюков рабы-воины в Багдадском халифате, состоящие в основном из кавказских невольников немусульманского происхождения, преимущественно грузин. (*Прим. сост.*)

[7] Татарами Фадеев называет тюркские народы Кавказа. В данном случае речь идет о карачаевцах. (*Прим. сост.*)

[8] Аббасиды — династия багдадских халифов, правивших в 750—1258 гг. В годы их правления значительная часть Закавказья была завоевана арабами и исламизирована. (*Прим. сост.*)

[9] Речь идет о русско-персидской войне 1826—1828 гг. и русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

[10] Ассасины — члены мусульманской секты исмаилитов XI—XIII вв., отличавшиеся крайним фанатизмом. Совершали политические убийства под воздействием гашиша. Главная база находилась в горной крепости Аламут в Иране, глава ордена именовался «старцем с гор».

[11] Тарикат — (*араб.* буквально — «путь») — методика усвоения ислама под руководством наставника. Повиновение наставнику считалась обязательным и бесприкословным. (*Прим. сост.*)

[12] Кази-мулла был убит в бою при ауле Гимры в 1832 г., причем в том же бою был ранен его ближайший сподвижник Шамиль. (*Прим. сост.*)

[13] Гамзат-бек был убит по мотивам кровной мести в 1834 г. (*Прим. сост.*)

[14] Граббе Павел Христофорович (1789—1879) — граф, генерал от кавалерии. Участник Отечественной войны 1812 г. Член Союза Благоденствия, после разрома декабристов находился под арестом, но был оправдан. В 1837—1842 гг. командовал войсками Кавказской линии и в Черномории (правобережье реки Кубани). В 1839 г. войсками под его командованием был взят Ахульго — одна из столиц Шамиля. В дальнейшем П. Х. Граббе был наказным атаманом Войска Донского (1855—1866). В дальнейшем — член Государственного Совета. (*Прим. сост.*)

[15] Ермолов Алексей Петрович (24 мая 1777 — 11 апреля 1861) — государственный и военный деятель России, генерал артиллерии. Участвовал в войнах с Польшей в 1794 г., Францией в 1805—1807 гг. Во время Отечественной войны 1812 г. был начальником штаба 1-й армии, отличился в Бородинском сражении. В 1813 г., во время Заграничного похода, был начальником артиллерии всей русской армии. В 1816 г. был назначен командиром Грузинского копуса и одновременно послом в Персии. Фактически Ермолов получил неограниченные полномочия. В 1817—1818 гг. Ермолов начал покорение горных районов Чечни и Дагестана, что считается началом войны с горцами. В 1826 г. был отправлен в отставку Николаем I, по подозрению в связях с декабристами. За десятилетие управления Ермолова Кавказ был в значительной степени интегрирован в состав Российской империи. «Система Ермолова» заключалась в постепенном строительстве укрепленных линий и оттеснении горцев в глубь Кавказского хребта. После отстранения Ермолова вплоть до назначения генерала А. И. Барятинского «система Ермолова» была забыта, и война велась русскими в виде изнурительных и кровопролитных экспедиций в горы, которые приводили только к разорению горских аулов и получению от горских князьков признаний покорности, которые моментально забывались после ухода русских войск. (*Прим. сост.*)

[16] Розен Григорий Владимирович (1781—1841) — барон, государственный и военный деятель. Участвовал в войнах с Наполеоном 1805—1807 гг., отличился при Аустерлице. Участвовал в войне со Швецией 1808—1809 гг. Принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813—1814 гг. В 1831 г. был назначен командующим Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющим гражданской частью на Кавказе. На этой должности находился до 1837 г. В дальнейшем был сенатором. (*Прим. сост.*)

[17] Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) — основанный в 1832 г. укрепленный город, один из центров российской власти в Дагестане. (*Прим. сост.*)

[18] Воронцов Михаил Семенович (19 мая 1782 — 6 января 1856 гг.) — граф, светлейший князь, государственный и военный деятель. Происходил из знатного рода, родился в семье известного дипломата. С 1804 г. на военной службе, сражался в 1804 г. на Кавказе, принимал участие в войнах с наполеоновской Францией, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813—1814 гг. В 1815—1818 гг. командовал русскими войсками, размещенными во Франции по решениям Венского конгресса. Был наместником Новороссии с 1823 г. В 1845 г. стал, оставаясь генерал-губернатором Новороссии, также наместником Кавказа. В его правление Кавказом были основаны пароходство на Каспийском море, построен Тифлис, созданы сельскохозяйственные и культурные общественные обрганизации на Кавказе. (*Прим. сост.*)

[19] Омер-паша (1806—1871) — турецкий военачальник. По происхождению серб, настоящее имя Михаил Латос. Служил в австрийской армии. В дальнейшем принял ислам и служил турецкому султану. Командовал турецкими войсками в период Крымской войны. Сражался с русскими на Дунае. Затем воевал в Крыму. Осенью 1855 г. высаживался с десантными войсками на черноморское побережье Кавказа. (*Прим. сост.*).

[20] Барятинский Александр Иванович (2 мая 1815 — 25 февраля 1879) — князь, фельдмаршал, военный и политический деятель. Многие годы воевал на Кавказе, став профессионалом войны в этом крае. В 1856 г. император Александр II назначил Барятинского наместником Кавказа. (*Прим. сост.*)

[21] Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — граф, российский государственный и военный деятель, ученый, генерал-фельдмаршал (1898), член-корреспондент (1853), почетный член (1866) Петербургской АН. В 1839—1845 гг. сражался на Кавказе. В дальнейшем занимал ряд командных должностей в армии, был профессором Военной академии. В 1856 г. принял предложение князя И. И. Барятинского занять должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса (затем преобразованного в Кавказскую армию). При его непосредственном участии был разработан и осуществлен трехлетний план покорения Чечни и Дагестана, проведена реорганизация структуры военного управления кавказских войск. В 1858 г. получил чин генерал-лейтенанта, а в 1859 г., имея придворное звание генерал-адъютанта, участвовал в штурме аула Гуниб. В 1861—1881 гг. военный министр. (*Прим. сост.*)

[22] Евдокимов Николай Иванович (1804—22 мая 1873) — граф, военный деятель и администратор. Происходил из семьи простого солдата (взятого из крепостных) и казачки. Начал службу рядовым солдатом, дослужился до генерала, получил титул графа. Отличился в кампании против Шамиля в 1856—1859 гг. и в операциях 1860—1864 гг., завершивших присоединение Кавказа к России. (*Прим. сост.*)

[23] Орбелиани Григорий Дмитриевич (1800—1883) — грузинский князь, русский генерал. Участник войн с персами (1826—1828) и турками (1828—1829) и активный участник большинства кампаний Кавказской войны. (*Прим. сост.*)

[24] Врангель Александр Евстафиевич (1804—1880) — барон, генерал, военный деятель. Участвовал в польской кампании 1830—1831 гг., в дальнейшем вся его военная деятельность связана с Кавказом. Сыграл значительную роль в операциях против Шамиля. (*Прим. сост.*)

[25] Вревский Ипполит Александрович (1814—1858), барон, генерал-лейтенант, один из героев и военачальников Кавказкой войны. Более 20 лет сражался на Кавказе, пройдя путь от прапорщика до генерал-лейтенанта, командира дивизии. Трижды был награжден за храбрость почетным золотым оружием. Смертельно ранен в бою 20 августа 1858 г. при взятии аула Китури. (*Прим. сост.*)

[26] Лорис-Меликов Михаил Ториелович (1825—1888) — военный и политический деятель России. По происхождению армянин, участник Каказской, Крымской и русско-турецкой 1877—1878 гг. войн. Во время последней был фактическим главнокомандующим на Кавказском фронте. В 1880—1881 гг. был главой Верховной распорядительной комиссии с диктаторскими полномочиями, фактическим премьер-министром. После убийства Алкесандра II в отставке. (*Прим. сост.*)

[27] Салатавия — регион в Дагестане, занимающий нынешний Казбековский, частью Буйнакский районы. Название происходит от реки Салы-Су и хребта Сала-Даг. (*Прим. сост.*)

[28] Бажанов (Баженов) Александр Алексеевич (1818—1878) — генерал, участник Каказской войны. Прошел путь от прапорщика до генерал-майора. (*Прим. сост.*)

[29] Святополк-Мирский Дмитрий Иванович (1825—1899) — генерал. Службу на Кавказе начал юнкером в 16 лет, участвовал в большинстве боев Кавказской войны, а также в обороне Севастополя.

[30] Кемферт Павел Иванович (1810—1882) — генерал, происходил из эстляндского рыцарского рода. С 1839 г. служил на Кавказе, участник большинства сражений войны. Прошел на Кавказе путь от поручика до генерал-лейтенанта. (*Прим. сост.*)

[31] Чертков Михаил Иванович (1829—1905) — один из героев кампании против Шамиля. В дальнейшем — генерал, член Государственного Совета. (*Прим. сост.*)

[32] Понятно, что источники, из которых почерпнуто это показание, как и многие другие в этом сочинении, в настоящее время еще не могут быть обнародованы. Но сам факт совершенно известен лицам, сколько-нибудь посвященным в планы совершившегося покорения. Когда будет написана история Кавказской войны, это обстоятельство станет вне всякого сомнения. (*Прим. Р. А. Фадеева.*)

[33] Кауфман Михаил Петрович (1822—1902) — военный инженер, особенно отличившийся в кампании 1859 г. (*Прим. сост.*)

[34] Тарханов (Тархан-Моуравов) Иосиф Давидович (1816—1878) — русский военачальник, происходил из рода грузинских князей. Отличился в капании 1859 г., за которую был произведен в генералы. (*Прим. сост.*)

[35] Подполковником Девелем. (*Прим. Р. А. Фадеева.*)

[36] Радецкий Федор Федорович (1820—1890) — генерал, отличился на Кавказе. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. командовал обороной Шипкинского перевала. (*Прим. сост.*)

[37] Тергукасов (Тер-Гукасов) Арзас Артемьевич (1819—1881) — российский военачальник. По происхождению армянин. Отличился во взятии Гуниба. В дальнейшем особенно отличился ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (*Прим. сост.*)

[38] Туркосы (тюркосы) — французские колониальные войска, сформированные из местного населения во время завоевания Алжира в 1830—1847 гг. Участвовали также в Крымской войне. См. также «зуавы». (*Прим. сост.*)

ПИСЬМА С КАВКАЗА

Впервые опубликовано: Письма с Кавказа редактору «Московских ведомостей». СПб, тип. В. А. Безобразова и Ко, 1865.

Текст печатается по изданию: Фадеев Р. А. Кавказская война. М., «Эксмо», «Алгоритм», 2005. С. 112—272.

Письма являются логичным продолжением очерков «Шестьдесят лет Кавказской войны». В них Р. Фадеев рассматривает завершение покорения Кавказа в 1860—1864 гг. В эти годы русские войска под командованием Н. И. Евдокимова разгромили и подчинили горские народы Западного Кавказа, то есть территории между левым берегом реки Кубани и Черным морем. Помимо военных и геополитических проблем кампании Фадеев также рассматривает и вопросы русской колонизации края, массового бегства черкесов в Османскую империю, хозяйственные возможности присоединенного края.

[1] Астрабад (ныне Горган) — город в Иране на берегу Каспийского моря. (*Прим. сост.*)

[2] Пасифико — британский подданный, житель Гибралтара, еврей по происхождению, занимавшийся бизнесом в Греции. В 1850 г. британский флот начал блокаду Греции, под предлогом компенсации греческим правительством убытков Пасифико,

пострадавшему во внутренних беспорядках. В 1854 г., во время Крымской войны, британский флот без объявления захватил греческий порт Пирей, опасаясь вступления Греции в войну на стороне России. (*Прим. сост.*)

[3] Михаил Николаевич (1832—1909) — великий князь, четвертый сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878). С 1852 г. генерал-фельдцейхмейстер (командующий артиллерией). В 1862—1881 гг. наместник Кавказа, сменивший А. И. Барятинского. Главнокомандующий Кавказской армией в 1877—1878 гг. Председатель Государственного Совета в 1881—1905 гг. Почетный член Петербургской АН (1855). (*Прим. сост.*)

[4] Заседание 26 мая 1864 г.

[5] Паскеви Иван Федорович (8 мая 1782 — 15 апреля 1856) — граф, военный и политический деятель. Участник войн с Наполеоном. В 1827—1830 гг. командовал Отдельным Кавказским корпусом и гражданской администрацией в крае. Во время русско-персидской (1826—1828) и русско-турецкой (1828—1829) войн одержал ряд блестящих побед над персами и турками. (*Прим. сост.*)

[6] Абадзехов 140 тыс., шапсугов 120 тыс., натухайцев 60 тыс., мохошевцев, егерухаевцев, темиргоевцев, бесленеевцев, вольных кабардинцев 40 тыс., бжедухов 30 тыс., убыхов 25 тыс., абазинцев по ту и по эту сторону Главного хребта 40 тыс.

[7] Конечно, в домашних революциях закубанцев не принимал участия ни один европеец, и они даже не слыхали о том, что одновременно делалось в Европе. Но это совпадение оригинально. Точно будто в атмосфере нашей планеты разносятся в известную эпоху однородные идеи. Это совпадение явлений у народов, не имеющих никакого соприкосновения между собой, — далеко не единственный пример в истории.

[8] Вельяминов Алексей Александрович (1785—1838) — российкий военачальник. Участвовал в войнах с наполеоновской Францией 1805 г., русско-турецкой войне 1806—1812 гг., Отечественной войне 1812 г., Заграничном походе 1813—1814 гг., в дальнейшем служил на Кавказе. В 1831—1838 гг. командовал войсками на Черноморском побережье. Осуществил ряд эффективных операций против горцев. (*Прим. сост.*)

[9] Far West (*англ.*) — Дальний Запад. (*Прим. сост.*)

[10] Козловский Викентий Михайлович (1797—1873) — почти 30 лет служил на Кавказе. Отличился во многих боях. В 1857 г. построил город Майкоп на реке Белой. (*Прим. сост.*)

[11] Филипсон Григорий Иванович (1809—1883) — русский военачальник, служил на Кавказе с 1835 г. Прошел путь от капитана до генерал-майора. С 1861 г. — попечитель Петербургского учебного округа, в дальнейшем — сенатор. (*Прим. сост.*)

[12] Речь идет о дезертирах русской армии, укрывшихся у горцев. Выдача беглецов была одним из традиционных требований во всех договорах с горцами. (*Прим. сост.*)

[13] Французское правительство было поставлено однажды в такое точно положение: маршал Бюжо, покоритель Алжирии, тогда еще простой генерал и губернатор Оранский, заключил с только что оперившимся Абд аль-Кадиром договор в Тафне, совершенно подобно абадзехскому. Правительство осталось чрезвычайно недовольно договором, однако ж утвердило его.

[14] Генерал Филипсон поместил возражение в «Московских ведомостях» против этого письма немедленно после того, как оно было напечатано. К сожалению, я не могу переменить ни слова из всего сказанного, потому что сказанное не только верно, но известно, в такой же мере, как мне, двухсоттысячной армии и целому краю. Абадзехи никогда не покорялись, но заключили с командующим войсками условия, выгодные для них и обременительные для нас, отдалившие на два года покорение Кавказа, что могло быть нам гибельно, если б в 1863 г. вспыхнула война, которой все ждали в ту пору. Абадзехи, по старинному кавказскому выражению, замирялись, то есть перестали открыто ходить на нас войной; таким образом в былое время замиряли несколько раз Шамиля, разумеется, только на бумаге; подобные договоры, прозванные маслагатами, давно уже обратились в пословицу. Действительно же абадзехи ни в какой мере не подчинялись русской власти, что будет очевидно для читателей из следующих коротких фактов: 1) Они не впускали в свою землю ни одного русского и менее всех — приставленного к ним начальника. 2) Они не допустили к пограничной черте даже начальника Главного штаба Кавказской армии и стреляли в него. 3) Земля их оставалась после замирения, как и прежде, притоном для наших дезертиров, турецких эмиссаров и всяких европейских бродяг. 4) Вслед за договором адъютант генерала Филипсона и

потом еще один топограф, посланные для обозрения маленького пограничного куска покорившейся земли, могли пробраться через него не иначе, как переодетыми, по лесным тропам и в сопровождении подкупленных лазутчиков. 5) Через полтора года потом депутация абадзехских старшин, которую я сам сопровождал в Тифлис, объявила решительно главному начальству, что народ их не может уступить йоты более условий, предложенных генералу Филипсону и принятых им. 6) Вслед за тем, во время высочайшего путешествия по Кубанской области, абадзехские старшины представили лично могущественнейшему монарху мира, нашему великому государю, те же условия с добавлением просьбы, чтобы русские очистили весь край до Кубани и Лабы; на требование же выдачи наших пленных и беглых они даже не отвечали. Довольно маловероятно, чтоб абадзехи были уступчивее перед генералом Филипсоном, чем были они при этом великом случае, если б все вышесказанное позволяло еще сомневаться в том.

Возможность покорения загорного края на основании предложенного генералом Филипсоном плана действий, то есть обходя абадзехов, он старается доказать тем, что впоследствии шапсугские отряды перешли горы по предположенным им путям, между тем как впоследствии было совершено буквально противоположное: именно — сначала сломили абадзехов, что и позволило безопасно двинуть шапсугские отряды к морю. Таким родом доказательства легко доказать что угодно.

Ссылка на одобрение фельдмаршала верна в такой степени, что в состоявшемся в то же время плане действий для покорения Западного Кавказа договор 20 ноября и мнимая покорность абадзехов не были приняты даже во внимание.

Наконец, что же значила кровопролитная война против абадзехов, решившая участь Западного Кавказа, если покорение 20 ноября 1859 г. было чем-нибудь не только на бумаге, но на самом деле?

План завоевания Закубанского края не принял его даже во внимание. Зачем же было нам воевать со всем закубанским населением, если мы могли воевать только с половиной его? Одно из двух: или планы князя Барятинского, планы и подвиги великого князя и графа Евдокимова, поддержанные сознательным убеждением целой армии, были возбуждены одним ненасытным често-

любием, ставившим ни во что русскую кровь; или абадзехи никогда не покорялись серьезно и их должно было принудить к тому силой. Ряд фактов, ясных, как солнце, и голословное утверждение генерала Филипсона не могут стоять на одной доске. Я бы охотно пропустил этот эпизод, если б то было возможно; но мнимое покорение абадзехов два года тяготело над положением наших дел на Кавказе, обусловливало все наши действия в течение этого времени. Не мог же я писать фантастическую историю.

Я поместил эту выноску только для читателей, совершенно незнакомых с Кавказом. Полемика может состояться о мнениях, а не о фактах, о которых желающие могут справиться в «Военном журнале» или спросить у ста тысяч русского войска, действовавшего в Закубанском крае, если уж великая государственная мера, как абадзехская война, не составляет для них достаточного доказательства, чтоб решить, кто прав в этом деле.

[15] Аманат — заложник (*турк.*). (*Прим. сост.*)

[16] Генерал Бабич давно уже командовал этим отрядом. Он занял Адагумскую линию и покорил натухайцев. Бабич (Бабыч) Павел Денисьевич (1806—1883) — российский военачальник, черноморский (кубанский) казак. Отличился в кавказских походах. В 1859—1864 гг., командуя адагумским отрядом, покорил большинство горских народностей Западного Кавказа. (*Прим. сост.*)

[17] Ныне сенатор.

[18] На юго-востоке от убыхов.

[19] Тихоцкий Иван Егорович (1807—1865) — военачальник, на Кавказе прошел путь от унтер-офицера до генерал-лейтенанта. Основатель города Белореченск. (*Прим. сост.*)

[20] Замечательная судьба генерала Кухаренко; она обрисовывает характер Кавказской войны лучше длинных рассказов. Совершив самым удачным образом порученную ему экспедицию, генерал Кухаренко поехал в Ставрополь для получения новых приказаний; возвращаясь, он был схвачен горцами на большой почтовой дороге, давно уже считавшейся безопасной, и через несколько недель умер, замученный жестоким пленом, в яме, служащей у горцев тюрьмой.

[21] В Кавказских походах, кроме дагестанских, лес составлял главную оборону неприятеля. Действуя врассыпную, невидимые за густой зеленью, горцы могли держаться чрезвычайно упорно.

Поэтому с нашей стороны всегда предпочитали для наступательных действий время, когда лес был обнажен.

[22] Зотов Павел Дмитриевич (1824—1879) — российский военачальник. Служил на Кавказе с 1857 г. Отличился в заключительных операциях на Западном Кавказе. Участвовал впоследствии также в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., будучи фактически командующим союзной румынской армией. (*Прим. сост.*)

[23] Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич (1820—1878), граф, военачальник. Незаконнорожденный сын фрейлины Тизенгаузен и принца Прусского. С 1825 г. жил в России. Позднее получил право носить фамилию и титул своего тестя, последнего представителя рода Сумароковых. В 1854—1864 гг. служил на Кавказе, был атаманом Кубанского казачьего войска.

[24] Гейман Василий Александрович (1823—1878) — российский военачальник. Происходил из крещенных евреев. Всю жизнь служил на Кавказе. Отличился во многих кампаниях и боях. В 1861—1864 гг. командовал нижне-абадзехским и дахоским отрядами, сыгравшими большую роль в покорении Западного Кавказа. В 1877—1878 гг., во время русско-турецкой войны, взял турецкую крепость Карс. (*Прим. сост.*)

[25] Понятия их о других народах выражаются довольно рельефно следующим анекдотом. Во время Восточной войны экипаж одного французского судна высадился на шапсугский берег, к тогдашним своим союзникам для закупки скота. Пока горцы пошли за быками, французы наловили в болоте лягушек и стали варить из них суп. Когда шапсуги воротились и посмотрели на эту стряпню, они сказали гостям: «Э! мы воевали с русскими из-за того только, что они едят свинину, теперь мы посоветуем своим соединиться с русскими, чтоб истребить ваш народ до последнего человека».

[26] В 1865 г. выселилось около 40 тыс., всего 250 тыс. человек.

[27] Писано в 1864 г.

[28] Я нисколько не думаю оспаривать высокие военные качества донцов, никто более меня их не уважает. Но я думаю, на основании множества виденных примеров, что донские казаки, как они суть теперь, могут быть, скорее, регулярной конницей — скажу больше — первой в свете регулярной конницей, чем партизанами.

[29] Зуавы (от названия племенной группы берберов Северной Африки) — название колониальных частей французской армии, укомплектованных арабами и добровольцами-французами. Отличились при завоевании Алжира и в Крымской войне. Имели особую форму (куртка, жилет, шаровары с широким поясом, феска или чалма). Имели репутацию лучших солдат Франции. (*Прим. сост.*)

[30] Оно как солнце, и тем хуже для того, кто это не видит (*фр.*).

[31] Vie politique et militaire de Napoleon (*фр.*) — политическая и военная жизнь Наполеона.

[32] Многим неприятна негибкость в организации действий этих войск. Я никогда не любил армии из автоматов; захваченная врасплох, эта пехота тут же теряет устойчивость и боевой дух (*фр.*).

[33] Мюридские кружки, которых азиатские правительства начинают уже серьезно бояться, связаны между собой чрезвычайно тесно. Вероятно, вы удивитесь, узнав, что Абд аль-Кадир, готовясь провозгласить священную войну против французов, присылал святить свои знамена к известному шейху Измаил-Эфенди, основателю кавказского мюридизма, жившему в то время в Шемахинском уезде.

[34] Мараты (правильнее, маратхи) — народность в Индии, знменитые своей воинской славой. В XVIII в. завоевали значительную часть Индии, создав своеобразную конфедерацию маратхских княжеств. (*Прим. сост.*)

[35] Кохинхина — название Южного Вьетнама, завоеванного французами в 1859—1867 гг. (*Прим. сост.*)

[36] При напечатании этого письма в «Московских ведомостях» я очертил в коротких словах особый стратегический характер каждого из этих подразделений, но не считаю нужным повторять этот очерк, как не имеющий прямого отношения к моему предмету.

[37] В современной транскрипции принято такое звучание мусульманского символа веры: «Ашхаду Аль-ля’ Ила’ха Иль-ла Лла’х, уа Ашхаду анна Мухаммада р-расу’лю Лла’х» (Нет бога, кроме аллаха и Мухаммед — пророк его»). (*Прим. сост.*)

[38] Суни и шия — арабские обозначения суннитов и шиитов. (*Прим. сост.*)

[39] Употребление слова «зикра» вместо «зикир» взято, вероятно, из Чечни, где этот обряд, недавно только ставший распространяться на Кавказе, впервые сделался известным русским. Чеченцы же — народ полудикий, между тем как в Дагестане и прилегающих к нему частях Закавказья классическое арабское образование так развито в духовенстве, что удивляло первейших ориенталистов. Чеченские муллы все полуграмотны, по-арабски не знают и коверкают слова этого языка.

[40] В этом отношении, как во всем прочем, исламизм, представляющий чрезвычайную простоту догматов и бедность внутреннего содержания, разнообразится в своих оттенках такими схоластическими тонкостями, что европейцу иногда трудно даже понять: где же тут различие? Философская потребность духа, запертого в такую тесную рамку, заставляет его сочинять тысячу вариаций на одну и ту же тему. Но в этом же заключается причина, почему эти вариации не развивают единства веры, так что все мусульмане в мире, кроме одного раскола шиитов, несмотря на столько разных толков, считают одни других одинаково православными мусульманами.

[41] Несмотря на все гатигюмаюны и уравнение прав турецких подданных, мусульмане и до сего дня продолжают во всей империи поголовно собирать гарадж с христиан и жидов. (*Прим. Фадеева.*) Имеется в виду султанский указ Хатт-и-Хумайюн, провозгласивший равенство мусульман и иноверцев, оставшийся на бумаге. Так, налог на веру («харач», или «гарадж») продолжал взиматься с христианского населения Османской империи. (*Прим. сост.*)

[42] Набожные люди заживо рыли себе могилу и молились над ней.

[43] Запрещение это снимается во время газавата, как и посты. Все, взятое с бою от неверных, разрешается.

[44] Как уверяют здесь, зикра распространена особенно сильно в Шеки и Ширвани. Когда здешних мулл спрашивают о зикре, они говорят: «Узнайте в Нухе, узнайте в Шемахе, там главные учителя».

[45] В распоряжении его огромный и правильный сбор духовной подати с целой губернии, которую народ представляет ему под видом пожертвований. Всякую джуму собирают к нему тысячи народа. Раз или два в месяц он ездит на богомолье, бы-

вающее rendez vous (рандеву, в данном случае — место встречи) мюридов целой страны.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЕННОГО КАВКАЗСКО-ТУРЕЦКОГО ТЕАТРА

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 5—42.

Исследование Кавказского театра военных действий, которое наглядно показывает условия, в которых приходилось действовать тогда и в позднее времена руссим солдатам.

[1] Баязетский же отряд, при своей отдельности и относительной малочисленности, едва ли может принять деятельную роль в этой операции. Ему будет довольно своего дела на Араксе.

МЕСТНОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОКОРНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ КАВКАЗА

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 42—60.

[1] Высочайшее повеление, сообщенное бывшим военным министром, от 17 ноября 1847 г., № 1903.

[2] Помощники эти необходимы; первому — по разбросанности аулов, состоящих в Карачаевском приставстве; а второму — в том внимании, что в ведение Тахтамышевского приставства должны поступить аулы беглых кабардинцев и других племен, которые имеют быть водворены между Малым Зеленчуком и Урупом на земле, высочайше указанной для поселения туземцев.

[3] Сообщенное в отзыве Военного министерства от 17 ноября 1847 г. № 1903.

[4] Грозная — имеется в виду крепость Грозная, основанная в 1818 г. генералом А. П. Ермоловым. В 1871 г. крепость была преобразована в город Грозный. (*Прим. сост.*)

[5] Хотя из содержания покойного Ахмед-хана Мехтулинского на содержание приставских сумм было обращено 2000 руб., но из

них 1000 постоянно выдавались в столовые деньги бывшему помощнику Ханши Мехтулинскому.

[6] Округ этот, для отличия от ныне существующего Осетинского округа, можно назвать Военно-Осетинским. Впрочем, имеется в виду упразднить нынешний Осетинский округ, и тогда название его перейдет к этой части Левого крыла, которую на первое время предполагается именовать Военно-Осетинским округом.

[7] Из 6 депутатов кабардинских полагаются трое от высшего сословия, а трое — от простого народа.

[8] Во время издания Положения 14 декабря 1846 г., общества, живущие к югу от Аварского Койсу — Андалал, Анкратль и Карах — были в мирных с нами сношениях и даже считались покорными. Ныне они открыто в неприязненных отношениях к нам.

[9] Выходцы эти поселены близ Бежаньян и управляются старшиной, по назначению нашего местного начальства. Расход на содержание его производится по распоряжению генерал-адъютанта князя Воронцова от 20 февраля 1849 г.

[10] Все изменения последовали в приставских управлениях на Кавказе с 17 ноября 1847 г. по настоящее время и показаны в особой, прилагаемой при сем ведомости. Подробнее исчислены эти суммы в особой, прилагаемой ведомости.

ДЕЛО О ВЫСЕЛЕНИИ ГОРЦЕВ

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т.1. Ч. 2. С. 61—76.

[1] По общему итогу на дом приходится около 9 душ обоего пола. Причина такой численности семьи заключается в том, что дворовые крепостные (унауты) считаются нераздельно с ней. Всего выходит около 4 тыс. душ обоего пола населения дворянского, 100 тыс. вольных людей и 20 тыс. крепостных.

[2] Кроме нескольких милиционеров при приставах.

[3] Которых теперь не больше, как по одной или по две на аул.

[4] Но выселение будет продолжаться разновременно партиями, в продолжение нескольких лет.

[5] Надобно определить его наперед, чтоб не вышли случайности, противоречащие видам государства.

О ВОДВОРЕНИИ НОВЫХ СТАНИЦ И РАСПРОСТРАНЕНИИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 76—79.

В записке, предназначенной для наместника Кавказа, написанной в 1859 г., Р. А. Фадеев рассматривает обстоятельства казачьей колонизации присоединенного к России края. Заметим, что ныне Краснодарский край, южной частью которого и была покоренная к 1864 г. Черкесия, является житницей России.

О ЗАКАТАЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1861—1862 ГОДОВ

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 79—124.

В записке, посвященной обстоятельствам восстания горцев в Закатале, Р. Фадеев обратил внимание на причины, вызвавшие вспышку мусульманского фанатизма, приведшие к восстанию, казалось бы, давно усмиренных лезгин.

[1] Народный суд, первое учреждение в этом крае, был открыт весной 1859 г.

[2] Это вещь, сто раз виданная.

[3] Оно состояло из начальника военного отдела, начальника округа и народного суда.

[4] Много также способствовал распространению зикры дряхлый старик Сеиб-Халил-Эфенди, переселившийся в Таначинский лес с гор после покорения Шамиля.

[5] Для спасения своего человек не должен жалеть ничего земного. Мусульманин, как избранник Божий, должен всю жизнь посвящать Богу и никого, кроме Бога, не бояться, а потому помнить, что сила гяуров есть только прах, поминки которого считаются делом маловерных. Мусульманин, признающий власть неверных, не думающий о том, что когда-нибудь они должны же быть истреблены с лица земного, поклоняющийся не шариату, а власти,

хоть бы она была даже мусульманская, — этим самым забывает Бога, и Бог его отвергает.

[6] За месяц до восстания Гаджи-Муртуз выехал по вызову Тарханова в крепость; но, вероятно, при этом о бунте не было речи, потому что он сейчас же был отпущен домой.

[7] Общий голос указывает на князя Тарханова как на офицера, наиболее отличившегося в этом деле.

[8] Заарестование — устаревший термин, означает арест.

[9] Штабс-капитаны Рамазан-Ага и Али-Бек, посланные указать виновных в Белоканах, набрали по этому случаю, говорят, до 3000 руб. взятками и были, наконец, выгнаны оттуда; ясное дело — кого они выдавали?

ОБЩИЙ ОБЗОР ДЕЙСТВИЙ ПО ГРАЖДАНСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 124—133.

[1] Округа учебный, карантинно-таможенный и почтовый были пока еще оставлены в прежнем виде.

[2] Важно уж и то, что при вновь введенном порядке должностному лицу остается довольно свободного времени, чтоб заниматься службой охотно и со свежей головой.

ЗАПИСКА ОБ УПРАВЛЕНИИ АЗИАТСКИМ ОКРАИНАМИ

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 133—169.

Эта записка вместе с другой специальной запиской о Кавказе была прислана генералом Фадеевым в редакцию «Руси» по возвращении его из Тифлиса, где он состоял членом комиссии для составления нового проекта по управлению Кавказом. В письме этом генерал Фадеев разрешал воспользоваться

имеющимися в записках данными как материалом. К несчастью, не удалось с тех пор свидеться лично с Ростиславом Андреевичем и расспросить его подробнее о том употреблении, какое можно сделать из этих записок. Но, кажется, нельзя сделать лучшего употребления и лучшим способом почтить его память, как напечатать, хотя бы даже с некоторыми пропусками, эти записки или по крайней мере главную из них — об азиатских окраинах, замечательную во всех отношениях, блестящую умом и талантливостью изложения. Мало умели у нас ценить способности этого даровитого человека! (*Прим. издателей собрания сочинений Р. А. Фадеева.*)

[1] При бюджете 8 млн 832 тыс. руб. и населении — 3 млн 684 тыс. душ.

[2] 1 млн 843 тыс. руб. (Материалы по Кавказу.)

[3] Здесь разумеется управление краем при генерале Кауфмане.

[4] В рукописи г-на Фадеева цифры по Туркестанскому краю не проставлены, а оставлен пробел.

[5] Ibid.

[6] Ibid.

[7] Ibid.

[8] Так и сделано генералом Черняевым. (*Прим. сост.*)

[9] Теперь уже умершего. (*Прим. сост.*)

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Военный отчет о кампании против Шамиля

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 169—188.

[1] Туземное чеченское население постоянно старалось уклоняться от боя и покорялось, как только его жилища были обойдены нашими войсками; в последних числах декабря, около 500 ичкерийских семейств было выселено на плоскость. Тавлинские скопища, не надеясь на туземцев, держались преиму-

щественно в крепких, наперед избранных позициях, что весьма много облегчало наше отступление.

ОБЗОР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 188—200.

Продолжение предыдущего военного отчета, посвященного кампании на Западном Каказе.

[1] Законное влияние России на сопредельные мусульманские государства слабо.

ОБ ОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В АЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ

Текст печатается по изданию: Собр. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 200—208.

[1] Здесь и далее повторы фраз, вероятно, объясняются тем, что данный текст представляет собой черновой вариант, который Фадеев так и не успел литературно обработать.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ

Впервые опубликовано в журнале «Русский вестник» (с февраля по июль 1867 г.). В следующем году вышло отдельным изданием.

Текст печатается по изданию: Вооруженные силы России. М., университ. тип., 1868.

Данное сочинение стало одним из первых зрелых теоретических произведений Фадеева. Оно явилось откликом на воен-

ные реформы, проводимые министром Д. А. Милютиным, давним знакомым Фадеева по Кавказу. Несмотря на это обстоятельство, Фадеев не разделял многих распоряжений министра. В частности, Фадеев разошелся с министерством в понимании тех внешнеполитических задач, которые стоят перед Россией и которые придется решать армии. Помимо чисто военных вопросов, Фадеев рассматривал также и ряд социальных и политических проблем России.

Печатается в сокращении, из публикации исключена полемика с министром Милютиным, а также не представляющие интереса для сегодняшнего читателя сравнительные характеристики тогдашних родов войск.

[1] В 1866 г., сразу после австро-прусской войны, прусский канцлер Бисмарк ликвидировал Ганноверское королевство, просуществовавшее с XIII в., проигнорировав все доводы ганноверских дипломатов о незыблемости моральных принципов дипломатии. (*Прим. сост.*)

[2] Тьер Луи Адольф (1797—1877) — французский историк, публицист и политический деятель. Автор книг «История Французской революции», «История Консульства и империи», многих статей по различным социально-политическим проблемам Европы. В 1871—1873 гг. — президент Франции. Подавил Парижскую Коммуну. (*Прим. сост.*)

[3] Рейбо Луи (1799—1879) — французский публицист и писатель. (*Прим. сост.*)

[4] Общественное благо *(фр.)*.

[5] Во время австро-итало-французской войны 1859 г.

[6] Банда — средневековое название батальона *(итал.)*.

[7] Имеется в виду австро-прусская война 1866 г.

[8] Прусско-французская война 1806—1807 гг., в ходе которой в кампании 1806 г. прусская армия была наголову разгромлена французами под командованием Наполеона.

[9] Кроме технических частей — артиллерии и инженеров, ничего не значащих в государственном строе по своей малочисленности.

[10] Фадеев имеет в виду перевод части Вооруженных сил России на поселенное положение при Александре I; к сожалению,

как и многие критики военных поселений, он упускает из виду главную причину данного преобразования — финансовый кризис после войн с Наполеоном. *(Прим. сост.)*

[11] Пусть читатели вспомнят, как недостаточны и несоответственны распространенному о нас в Европе мнению были силы, выставленные Россией против Наполеона в 1805—1807 гг., так же как и в тогдашней турецкой войне.

[12] Николай I сократил срок службы солдата до 15 лет, последующие 10 лет солдат числился в бессрочном отпуску и в случае надобности (по замыслу) мог быть призван опять в строй.

[13] Императора Александра II, которого часто так называли.

[14] В ходе войны 1866 г., в которой Австрия действовала как руководящая держава германского союза, малые германские государства выступили на ее стороне против Пруссии, но оказали весьма незначительное влияние на ход и исход военных действий.

[15] Исчислены все полевые войска, снабженные обозом, а не те только, которые государство могло вывести за границу, и притом по списочному состоянию.

[16] Имеется в виду неприязненное отношение армии и двора Итальянского королевства к участвовавшим в войнах 1859, 1860 и 1866 гг. добровольцам под командованием Гарибальди.

[17] «Военный сборник» доказывал (1 янв. 1863 г.), что нам неоткуда взять хороших жандармов, вероятно, оттого, что жандармская служба не в натуре русского человека. Это напоминает рассуждение специального военного комитета в 30-х годах, что русскому солдату нельзя дать пистонного ружья, потому что, по его особенной натуре, он растеряет пистоны.

[18] В последнем военном отчете не показано ни число нестроевых, ни подразделение их, поэтому последнюю цифру мы поставили гадательно. Вероятно, оно оказалось бы больше приведенной.

[19] Сражение при Кениггреце (Садове) в северной Моравии между главными силами Австрии и Пруссии в 1866 г. решило исход войны в пользу Пруссии. Незадолго перед этим австрийские войска в Северной Италии при Кустоцце разбили союзную Пруссии итальянскую армию, а австрийский флот при Лиссе — итальянский флот. Но ввиду поражения австрийских войск на главном

театре военных действий Италия, несмотря на все свои поражения, оказалась победительницей и получила по условиям мира Венецианскую область.

[20] Здесь идет речь не политическая, а стратегическая — о свойстве наших границ. Всякий знает, что о разрыве с Пруссией, например, не может быть теперь и речи.

[21] Конечно, это выражение надобно понимать только относительно — к чему клонится дело. И теперь случайные стратегические маневры могут разрешаться великими результатами, — но вопрос в правиле, а не в исключении.

[22] Бенедек Людвиг Август (1804—1881) — австрийский военачальник, одержал ряд побед над итальянцами в 1849 и 1859 гг. Был главнокомандующим австрийскими войсками во время войны 1866 г., в которой потерпел полное поражение. (*Прим. сост.*)

[23] Мы не любим малых дел *(фр.).*

[24] …которые не любят малых дел *(фр.).*

[25] Евгений Савойский (1663—1736) — австрийский полководец, участвовал в войнах с турками и в войне за испанское наследство. Один из самых выдающихся полководцев своего времени. (*Прим. сост.*)

[26] Весь этот пассаж вызван к жизни отменой в то время управлений корпусов на мирное время. Впоследствии это мероприятие было отменено, и уже в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. действовали корпуса мирного времени.

[27] В 1864 г. Дания вела войну против Австрии и Пруссии, была разбита и по условиям мирного договора лишилась значительной части территории.

[28] Максимилиан Австрийский. В 1863—1867 гг. французские войска оккупировали Мексику, создав там марионеточную империю во главе с «императором» Максимилианом. После нескольких лет национально-освободительной войны мексиканского народа интервенты были разгромлены. Максимилиан был взят в плен и расстрелян, французские войска выведены из Мексики.

[29] Победоносная борьба Французской республики против двух европейских коалиций в 1792—1801 гг. велась в условиях острого финансового кризиса.

[30] В двух словах — значение американского союза для нас так же велико в политическом, как и в военном отношении. В поли-

тическом — потому что тут возможен для обоих *единственный* искренний союз, без оглядок. В военном — потому что мы служим, по качеству наших сил, естественным дополнением друг другу, мы — отвлекая десанты от их сомнительных областей, они — отвлекая флоты от наших берегов. Наша слабость, при всей нашей силе, состоит в том, что мы не можем сосредоточиваться, нам приходится слишком много занимать; задача, исполнимая только в случае американского союза.

[31] Североитальянская область, правящие круги которой в 1848—1870 гг. вели борьбу за объединение Италии и добились успеха. Сардинский король Виктор-Эммануил (Пьемонт был основной составной частью его владений) стал королем Итальянского королевства.

МНЕНИЕ О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ

Впервые опубликовано: Мнение о восточном вопросе по поводу последних рецензий на «Вооруженные силы России». СПб, тип. Департамента уделов, 1870.

Текст печатается по этому изданию.

Данное сочинение Р. А. Фадеева является одним из первых русских геополитических произведений. Фадеев подробно рассмотрел славянский вопрос. Подчеркивая, что у России нет никаких территориальных претензий к славянским народам, он выдвинул идею создания славянского союза со столицей в Константинополе. Интересно, что практически эти же мысли, совершенно независимо от Фадеева, высказал выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский. Главным препятствием к единению славян Фадеев видел в Германии, как раз в это время объединенной «железом и кровью». Как реалист, Фадеев признавал, что добиться разрешения славянского вопроса можно только силой. История следующих десятилетий подтвердила правоту Фадеева.

[1] Франко-германская война 1870—1871 гг.

[2] Фадеев ссылается на свои книги: «Вооруженные силы России» и «Наш военный вопрос».

[3] Война 1870 г. значительно изменила показанную здесь обстановку, но по большей части не в нашу пользу. Союз Австрии с Францией может замениться теперь союзом Германии с Австрией, гораздо более сосредоточенным и владеющим несравненно большими средствами для возмущения спокойствия нашей западной окраины. Правда, такой союз имел бы у себя в тылу Францию; но ведь и возможный прежде союз австро-французский имел бы во фланге Пруссию; однако ж тогдашние противники наши не останавливались перед этим соображением. В Польше ныне уже не опасны волнения самородные, но волнения навеянные гораздо осуществимее, чем прежде, по близости поддержки. Сущность нашего международного положения в этом отношении не изменилась, но вероятная опасность, хотя не столь внезапная, какой она могла оказаться до войны 1870 г., возросла еще на несколько процентов.

[4] Ультиматум Австрии 1854 г. был предъявлен России в ходе Восточной войны. Россия в 1853 г. оккупировала Молдавию и Валахию (право на такую оккупацию по решению российского правительства было предоставлено Российской империи по Адрианопольскому мирному договору с Турцией в 1829 г. и подтверждено Ункиар-Искелесийским договором 1833 г.). После высадки союзников в Крыму Австрия предъявила России ультиматум, которым потребовала очищения Дунайских княжеств, угрожая военными действиями. Россия, скованная боевыми действиями в Крыму, под угрозой образования общеевропейской коалиции против нее была вынуждена принять условия ультиматума.

[5] Под «последней войной» автор подразумевает последнюю войну с державами Запада, то есть Крымскую (Восточную) 1853—1856 гг.

[6] Так было до 1870 г. Теперь же поводы к столкновению могут возникнуть еще скорее из случайных или систематически подготовленных событии средней Европы, чем из восточного вопроса. Вместо одной опасной случайности перед нами стоят две. Вот в чем наше положение ухудшилось.

[7] Райя (реайя) — общеупотребительное в Оттоманской империи наименование немусульманского населения, не имевшего никаких политических, социальных и даже четко фиксированных имущественных прав.

[8] Автор упоминает восстание сербов в 1807—1812 гг. под руководством Карагеоргия, в результате которого (при поддержке России) возникло автономное Сербское княжество, официально являвшееся вассальным по отношению к Оттоманской империи.

[9] Кроация — вестернизированное название Хорватии (соотв. *хорват.* — кроат).

[10] «Великая идея» («великий план») — обычное в то время наименование для вынашиваемой политической и общественной верхушкой молодого греческого государства концепции восстановления Византийской империи (упоминается в тексте также под названием «Восточной империи»).

[11] В 1828 г. Николай I объявил войну Турции и приказал русской армии перейти Дунай. Одним из результатов этой войны было признание Оттоманской империей независимости Греции.

[12] В 1848—1849 гг. Венгрия восстала против Австрии и вела с Австрийской империей войну, перелом в которой в пользу Австрии произошел только со вступлением в войну Российской империи. В этой войне славянские народы, проживавшие в административных границах Венгрии (хорваты, далматинцы, часть сербов, словенцы, словаки), традиционно угнетаемые мадьярами, выставили по своей инициативе многочисленные добровольческие формирования, сражавшиеся против войск мадьярского повстанческого националистического правительства. (*Прим. сост.*)

[13] Кроме переговоров с Англией, которой не принадлежит почин этого делать.

[14] Имеется в виду спор о покровительстве над иерусалимскими святыми местами, ставший поводом к Восточной войне 1853—1856 гг. В этом споре Австрия занимала сторону католической церкви, главную поддержку притязаниям которой оказывала Франция (*Прим. сост.*)

[15] В 1850 г. Пруссия попыталась создать параллельный высшему органу германского союза Франкфуртскому сейму общегерманский парламент в Эрфурте. В результате отношения между Австрией, председательствовавшей во Франкфуртском сейме, и Пруссией обострились настолько, что дело дошло почти до войны, но Пруссия в последний момент отступила и распустила Эрфуртский парламент. (*Прим. сост.*)

[16] Первая австрийская депеша русскому кабинету по заключении Парижского мира содержала приглашение обратить внимание на смутное положение итальянских дел.

[17] Кандия — старинное название о Крит. (*Прим. сост.*)

[18] Греческое население Крита (Кандии) в XIX в. неоднократно восставало против Турции. В данном случае имеется в виду восстание 1866—1869 гг. (*Прим. сост.*)

[19] Теперь, конечно, Франция не может оставаться в этом списке, хотя не может также относиться равнодушно ко всему происходящему на Балканском полуострове. Война 1870 г. устранила ее от участия в этом деле, но чрезвычайно облегчила для нас соглашение с ней.

[20] Греция активно поддерживала критских повстанцев, вследствие чего дело чуть не дошло до греко-турецкой войны, предотвращенной только вмешательством великих держав (Англия, Италия, Россия, Франция), которые на Парижской конференции 1869 г. принудили Грецию прекратить поддерживать критских повстанцев. (*Прим. сост.*)

[21] Фадеев имеет в виду королевство Пьемонт (сардинское королевство), ставшее базой итальянских патриотов для успешно завершившейся борьбы за освобождение Италии (т. н. «Рисорджименто», 1815—1870 гг.). (*Прим. сост.*)

[22] Варшавское герцогство (часто именуемое также Варшавским княжеством) было создано по требованию Наполеона из прусских владений по условиям Тильзитского мира 1807 г. и стало его военным и политическим опорным пунктом в действиях против Австрийской империи в 1809 г. и Российской империи в 1812 г. Польские националисты того времени рассматривали его как ядро для восстановления Речи Посполитой, ликвидированной в 1796 г. (*Прим. сост.*)

[23] Речь идет о сербских территориях, входивших в Сербское княжество — автономное (вассальное) государство в составе Оттоманской империи, постоянно боровшееся за полную независимость, которая была достигнута только по итогам русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (*Прим. сост.*)

[24] Фадеев имеет в виду события 1867 г., когда Австрийская империя была превращена в двуединую Австро-Венгерскую монархию (император Австрии принял также титул короля Венгрии),

то есть Венгрия получила статус равноправного государства, связанного с Австрией династической унией, и приобрела большой политический вес в Австро-Венгрии. (*Прим. сост.*)

[25] Галиция, под именем которой в то время подразумевались все польские территории Австро-Венгрии, от р. Збруч до Кракова включительно, была центром польского националистического движения. Польские националисты после подавления Россией восстаний 1830—1831 и 1863—1864 гг. считали Россию врагом № 1 и боролись против русской политики по всем линиям, в т. ч. и в славянском вопросе. (*Прим. сост.*)

[26] В 60-х гг. XIX в. патриарх Константинопольский сделал попытку подчинения болгарской церкви, добившись решения турецкого султана о назначении в Болгарские епархии греческих епископов. Болгары дружно воспротивились этому решению и добились отмены султанского фирмана. «Борьба против епископов» стала заметным этапом в росте национального самосознания болгарского народа и сплочения его общественных сил в национально-освободительной борьбе. (*Прим. сост.*)

[27] В 1861 г. в ходе очередных стычек в Ливане между друзами и маронитами было убито несколько сирийских католиков. Под предлогом защиты католиков Луи-Наполеон высадил в Ливане десантные войска и вывел их в 1862 г. только под давлением великих держав. (*Прим. сост.*)

[28] Отряды войск и добровольцев из Сербского княжества участвовали в действиях славянских ополчений против националистического повстанческого правительства Венгрии в 1848—1849 гг. (*Прим. сост.*)

[29] Возможный исход дела, представляющийся после войны 1870 года, еще опаснее для нас. С отпадением Цислейтании к Германии Венгрия вступила бы во все права турецкого наследства, поддерживаемая совокупной силой немецкого племени. (*Прим. Фадеева.)*

Граница собственно Австрии и Венгрии проходила по р. Лейта (Литава). Отсюда латинизированные названия: Цислейтания («по эту сторону Лейты») для земель Австро-Венгрии, оставшихся под непосредственным управлением центрального правительства, и Транслейтания («за Лейтой») для территорий, перешедших под управление Венгрии. (*Прим. сост.*)

[30] В 1867 г. в Москве была проведена этнографическая выставка, в рамках которой прошло несколько научных конгрессов с широким участием зарубежных ученых. Воспользовавшись этим, Московский славянский комитет пригласил политических и культурных деятелей зарубежного славянства и провел Второй всеславянский съезд. В ряде государств выезд приглашенных на съезд принял характер политической демонстрации (в особенности в Праге), так что утверждения Фадеева о «невинности посещения Москвы славянскими гостями» вызваны его активной работой в Славянских комитетах и организации съезда. (*Прим. сост.*)

В результате австро-прусской войны 1866 г. потерпевшая поражение Австрия утратила контроль над Германским союзом — конфедерацией германских государств, существовавшей под австрийским протекторатом в 1815—1866 гг. Эта война стала важным этапом в процессе объединения Германии и действительно имела значимые последствия — так, в результате ее был создан Северогерманский союз (переходная ступень к провозглашению Германской империи), а сама Австрийская империя была вынуждена преобразовать свое государственное устройство в двуединую Австро-Венгерскую монархию. (*Прим. сост.*)

[32] Эти слова уже сбылись. Пруссия заплатила нам за нравственную поддержку упразднением трактата 1856 г. о нейтрализации Черного моря; заплатила бы и большим, если б то потребовалось.(*Прим. Фадеева.*)

[33] В 1866 г. под руководством Пруссии государства Северной Германии объединились в Северогерманский союз, а в 1871 г. Северогерманский союз образовал с южногерманскими государствами Германскую империю, в которой Прусское королевство занимало главенствующие позиции, а прусский король являлся одновременно и германским императором. (*Прим. сост.*)

[34] Автор имеет в виду проблему фактического экономического и социального контроля немецкого дворянства и бюргерства над населением Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний Российской империи (часто именовавшихся Остзейским, то есть Восточно-Балтийским, краем). (*Прим. сост.*)

[35] В 1866 г. в Бухаресте румынские националисты совершили государственный переворот и провозгласили независимость Румынского княжества, официально до этого момента

считавшегося автономным государством в составе Оттоманской империи. Конгресс европейских держав санкционировал изменение статуса Румынии при условии образования Румынского королевства и занятия его трона представителем династии Гогенцоллернов. В 1946 г. в результате плебисцита о форме правления Румыния была провозглашена народно-демократической республикой, и Гогенцоллерны лишены прав на румынский трон. (*Прим. сост.*)

[36] После образования в 1859 г. автономного Румынского княжества (впоследствии королевства), номинально являвшегося вассальным государством Оттоманской империи, румынское националистическое движение получило в его лице базу для развития. В первую очередь речь шла о присоединении к Румынии румынского населения Трансильвании. (*Прим. сост.*)

[37] Эти страницы относятся так же точно к положению Германии и ее нравственной ответственности перед немецким племенем в 1873 г., как и в 1869-м. Потому мы и оставили текст брошюры без переделки.

[38] В 1851 г., в ходе конфликта между Австрией и Пруссией, Россия встала на позицию Австрии. В свою очередь, в ходе Восточной войны Пруссия заняла недружественную позицию по отношению к России. (*Прим. сост.*)

[39] Взаимность по польским делам между Германией и Россией уже упразднена последними событиями. Самостоятельное восстание поляков, стиснутых как в тисках между двумя империями, стало немыслимым. Напротив, то, что было прежде поводом к взаимности, может стать яблоком раздора.

[40] Еще более ухудшил его, во многих отношениях, 1870 год, но только в смысле будущего. Этого ухудшения, однако, нельзя было избежать. Мы думаем, и сказали выше, что русская политики в начале и в продолжении Франко-прусской войны была совершенно правильна ввиду опасностей, угрожавших нам с той или другой стороны.

[41] Теперь центр этого сопротивления лежит уже не в одной Австрии, а во всем немецком племени, не только в этнографических, но и в политических пределах, захваченных державами с немецким правительством. Все прочее, сказанное об Австрии, осталось верным и теперь.

[42] Формула чешского историка Ф. Палацкого, озвученная на Первом всеславянском съезде в Праге (1848). Палацкий имел в виду создание культурных славянских автономий в составе Австрийской империи. (*Прим. сост.*)

[43] Теперь уже, может быть, не дружно. При хороших обыденных отношениях России к Франции на последнюю такой союз уже рассчитывать не может. Вот единственная, но весьма важная поправка в нашем международном положении, принесенная 1870 г., ухудшившим его во всех прочих отношениях. Но поправка эта вместе с разрушением польских надежд на чужеземную помощь превышает, как выгода, все остальное и доказывает, до какой степени был верен взгляд русского правительства на события 1870 г.

[44] В середине XIX в. в Париже польский эмигрант Духиньский опубликовал «ученый труд», в котором доказывал, что русский народ не является славянским. По Духиньскому, русские — это татары, усвоившие славянский язык. Многие французские русофобы (и даже некоторые немецкие) подхватили эту теорию, но ввиду ее очевидной абсурдности в настоящее время она продолжает существовать только в стенах Львовского университета. (*Прим. сост.*)

[45] По условиям Парижского мира 1856 г. Россия не имела права иметь военных судов и береговых укреплений в Черном море. В 1871 г. Россия сделала одностороннее заявление об отказе от этого условия, но окончательно оно было отменено только после Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (*Прим. сост.*)

[46] В настоящую пору мы могли бы иметь союзников в Европе. Но полоса времени, в продолжение которой мы можем их иметь, протянется, вероятно, недолго. Затем все вступит в прежнюю колею.

[47] Имеется в виду правовое положение Сербского княжества до 1878 г., как автономного (вассального) государства в составе Оттоманской империи. (*Прим. сост.*)

[48] Княжества Валахия и Молдавия получили гарантированную автономию по условиям мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1828—1829 гг. После этой войны княжества продолжительное время находились под русским управлением, в ходе которого были заложены основы их единства, то есть образования впоследствии единой Румынии, социального и государственного устройства. (*Прим. сост.*)

[49] Многие этнологи считают силезских славян более родственными чехам, нежели полякам.

[50] Словаки населяют не только современную Словакию, но и всю территорию Венгрии; большинство современных венгров — мадьяризованные словаки. (*Прим. сост.*)

[51] Писано в 1869 г.

[52] По условиям Парижского мирного договора 1856 г. Российская империя передала Молдавскому княжеству (впоследствии вошедшему в состав Румынии) три южных уезда Бессарабии. Победители в Крымской (Восточной) войне этой мерой отрезали доступ России к Дунаю. (*Прим. сост.*)

[53] Заметим раз навсегда. После 1870 г. то, что говорится об Австрии, надо распространять и на Германию, на все немецкое племя в его политических пределах.

[54] Относительно польского вопроса я не возьмусь сказать, насколько новый оборот мыслей и планов созрел уже по обе стороны границы, особенно по ту сторону. Правительствам часто приписывают виды, которых в действительности у них нет; но нельзя забывать и того, что современные правительства находятся постоянно под таким давлением общественного мнения, там, где оно действительно существует, что направление, сильно распространенное в обществе, особенно если оно не противоречит официальным интересам, очень скоро переходит в правительственные круги. В немецком же заграничном обществе (собственно говоря, прусском) чрезвычайно распространена мысль об обращении польского вопроса в новое орудие германской политики. Успех этого дела, говорят там, решил бы в нашу пользу также и вопрос об Остзейском крае. Конечно, только самые рьяные и непрактические патриоты мечтают о немедленном завоевании Польши. При нынешней международной обстановке, между молотом и наковальней, между Россией и Францией, даже германско-австро-турецкий союз оказался бы слишком малосильным для такой затеи. Но разве Польша, говорят там, не может сама броситься в наши объятия? Она получила бы от нас гораздо больше, чем может надеяться от России (втихомолку прибавляют: на первое время). Такой оборот дела изменил бы всю постановку задачи. Разве Франция могла бы без стыда заключить союз с Россией для нового порабощения Польши? Да кроме того, нынешняя Франция

живет постоянно накануне анархии и междоусобия, которые в 24 ч могут совершенно ее парализовать, вычеркнуть ее на время из ряда европейских государств. Что трудно сегодня, то может стать сбыточным завтра. Такие речи повторяются и с нашей стороны границы, конечно, не большинством, но многими наивными поляками. Против этих-то людей г. Кржевицкий написал свою брошюру, но, как всегда бывает в разгаре спора, пересолил, поставил перед поляками перспективу русско-славянского союза, из которого на практике вычеркнуто польское имя, что не может иметь в глазах их никакой привлекательности.

[55] Великая армия (La Grande armee) — общепринятое название группировки войск, сформированной Наполеоном I на территории Варшавского герцогства для вторжения в Россию в 1812 г. Одной из целей этой войны Наполеон прокламировал восстановление Польши в границах 1772 г. (*Прим. сост.*)

[56] Рухавка (*польск.* ruchawka) — ополчение.

[57] Условия обрусения определились теперь до очевидности: с одной стороны, на это нужно несколько десятков миллионов, настойчивость без насилия, искренность в исполнении и несколько лет времени. С другой — самые широкие земские учреждения (конечно, и судебные) с устранением пенса, иначе все влияние будет отдано именно в те руки, из которых надобно его изъять; когда этот край выйдет из-под исключительного полицейского управления на гражданскую волю, клочок нерусского населения потонет в общей массе. Десятилетний опыт управления доказал достаточно, что жизнь не переделывается одними административными мерами. За каждый миллион, не положенный заблаговременно на обрусение заднепровской страны, придется издержать десятки лишних миллионов при первой войне, оставаясь все-таки в крайне опасном положении. Жертвы на Западный край составляют расход не мирного, а военного времени, а потому не могут ни лежать на текущем бюджете, ни соразмеряться с его растяжимостью.

[58] Империя Карла V создана в начале XVI в. После смерти германского императора Максимилиана I его ближайшим наследником оказался король Испании Карл I. Он принял также титул германского императора Карла V. Это династическое объединение Испании и Германии было неорганичным, нежизненным и распалось со смертью Карла V в середине XVI в. (*Прим. сост.*)

[59] В настоящее время, вследствие разгрома Франции, на которую поляки возлагали всю свою надежду, в умах их совершается очевидный и решительный перелом, они отрешаются один за другим от старых идеалов и ищут какой-нибудь новой точки опоры, к которой они могли бы прилепить свое общественное развитие в будущем, хотя бы только в чисто нравственном смысле. Фантазеров осталось еще много, последнее столетие слишком заразило польское общество фантазиями, чтоб оно могло вылечиться от них в один день; но разумные люди между ними понимают, что искать этой точки опоры где-нибудь вне России было бы теперь пустейшим и вместе пагубнейшим из мечтаний. Теперь с искренними поляками уже можно говорить, — это надо принять к сведению, отрешаясь и со своей стороны от страстных национальных увлечений 1863 г.

[60] Автор имеет в виду Павла I (1796—1801) и Александра I (1801—1825), весьма либерально относившихся к формированию системы управления в присоединенных к Российской империи в 1772—1812 гг. польских территориях и предоставлявших польскому дворянству чрезмерные привилегии в надежде примирить их таким способом с фактом ликвидации Речи Посполитой. Как известно, либерализм русской политики в польских территориях закончился восстанием 1830—1831 гг. (*Прим. сост.*)

[61] Саала — р. Заале в центральной Германии, до XII в. служившая границей между германскими и славянскими племенами. (*Прим. ред.*)

[62] Война 1859 г. создала для нас нового соперника в восточном вопросе и усилила враждебный стан двухсоттысячной армией; война датская потрясла наше положение на Балтийском море; война 1866 г. сосредоточила силы и внимание Австрии на предметах, особенно нам близких, и поставила в резерве за ней объединенную Германию, ручающуюся за немецкие интересы; кандийское восстание и греческое столкновение обезопасили Турцию на много лет и придали ей новую уверенность.

[63] В настоящее время к опасности нечаянно возникающего восточного вопроса присоединится опасность другой, еще худшей нечаянности — перемежевания средней Европы, отпадения Цислейтании в Германии; даже того хуже — возникновение обоих этих вопросов одновременно, как, вероятно, и случится.

[64] Так было прежде, теперь может случиться иначе. (*Прим. Фадеева*.) Фадеев намекает на поражение Франции в войне 1870—1871 гг. и неизбежность для нее искать реванш в союзе с Россией, как оно и произошло впоследствии. (*Прим. ред*.)

[65] В 1858 г. в Москве был создан Славянский благотворительный комитет, поставивший своей целью изыскание средств на получение образования в России зарубежными славянами, посылку литературы в школы зарубежных славян и т. п. Впоследствии были учреждены Петербургское и Киевское отделения комитета, а его деятельность приобрела и некоторый конспиративно-политический аспект. Было начато научное исследование проблем славянства и выпуск обширной литературы по этим вопросам, в 1867 г. проведен Второй всеславянский съезд и т. п. Пиком деятельности комитета стала поддержка им славянских восстаний и войн славянских княжеств в 1875—1878 гг. — закупка и посылка оружия, массовый набор и отправка добровольцев, сбор пожертвований. Фадеев был активным деятелем Славянского комитета. (*Прим. сост*.)

[66] Мы уже сказали, что после войны 1870 г. имя Австрии по большей части можно заменить общим именем немецкого племени.

[67] То есть Франции и Великобритании.

[68] Имеется в виду прусский король Фридрих Вильгельм, провозглашенный в 1871 г. германским императором. (*Прим. сост*.)

[69] Мы сохраняем эти слова, они не утратили своей современности.

[70] В ходе австро-итальянской войны 1848—1849 гг. (между Австрией и Сардинским королевством), которая велась за освобождение Италии, под Новарой пьемонтская (сардинская) армия была разгромлена австрийской армией под командованием фельдмаршала Радецкого. Следствием Новарского сражения стало заключение мира и крушение надежд итальянских патриотов. Но уже через десять лет, в результате Австро-франко-итальянской войны 1859 г. объединение Италии было осуществлено — именно это имеет в виду автор, говоря о тщетности Новарской победы для Австрии и, ниже, об извлечении Пьемонтом должных уроков из Новарского поражения. (*Прим. сост*.)

[71] Действительно, в 1918 г. австрийский рейхстаг, точнее, депутаты от т. н. Немецкой Австрии, приняли постановление о при-

соединении к Германии; противодействие Антанты сорвало этот план. Отдельный пункт Версальского договора запрещал аншлюс (воссоединение) Австрии с Германией. (*Прим. сост.*)

[72] Туран — историческое название Средней Азии; в переносном смысле — совокупность тюрко-монгольских племен. (*Прим. сост.*)

[73] Анри Мартэн — французский этнолог, поддерживавший теории Духиньского. (*Прим. сост.*)

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ (ЧЕМ НАМ БЫТЬ?)

Впервые опубликовано в виде серии статей в газете «Русский мир» (с 21 марта по 30 июня 1874 г.), затем вышло отдельным изданием.

Текст печатается по изданию: Русское общество в прошлом и настоящем (Чем нам быть?). СПб., 1874.

Р. А. Фадеев был ярким политическим мыслителем. Его книга «Русское общество в прошлом и настоящем (Чем нам быть?)», представлявшая собой социологическое исследование, стала сенсацией и вызвала бурную полемику.

Приведя ряд примеров, свидетельствующих об отсутствии в России объединяющей идеи, кроме верности самодержавию, о розни между различными слоями российского общества, Р. А. Фадеев констатировал: «…мы покуда только государство, а не общество». Общий вывод звучал неутешительно: «В современной России видно во всем отсутствие сложившихся мнений и общественных органов, способных установить взгляды большинства, выражать их с достаточным весом. Одно связано с другим неразрывно: разброд мнений всегда доказывает… разброд людей».

Р. А. Фадеев признавал раздробленность тогдашнего российского общества, отсутствие авторитетных общественных институтов. Все это означало, как ни парадоксально, именно отсутствие развитых сословий, знающих свои интересы и умеющих отстаивать их политическими средствами. Между тем дальнейшее про-

должение реформ, создающих всесословные институты, по словам Фадеева, это — «извращение законов естественных, вросших в нравы отношений, может не устранить, а только еще более расстроить общество, и без того почти рассыпавшееся».

Когда Фадеев говорил о фактическом отсутствии в России сословий, он имел в виду и дворянство. По его мнению, дворяне «составляют сословие только по букве закона, а не в действительности: в России было много дворян, но не было дворянства». Правда, российское дворянство принципиально отличается от западного. Фадеев отмечал: «Русское дворянство — единственное высшее сословие в Европе, не происходящее из права завоевания, не отличающееся от народа своей кровью и особым племенным духом».

Отсутствие четко выраженных сословий в России объясняется особенностью исторического пути страны. С Петра I и до 1861 г. в России был «подражательный век», с момента Великих реформ наступает новая эпоха. По мысли Фадеева, «мы вступаем в… эпоху своей истории с крупным, но единственным наследием, оставшимся нам от воспитательного периода — с нашим культурным слоем, который Петр Великий назвал русским дворянством, приравняв его к старинному высшему сословию. Вне петровского дворянства у нас нет ровно ничего, кроме богато одаренного природою, твердо сомкнутого в смысле народности, но совершенно стихийного русского простонародья. Мы все знаем про себя, что всесословный русский народ делится, в действительности, только на два сословия — на господ и простолюдинов, то есть на людей, ставших и вновь становящихся образованными европейцами, и на людей, не выбившихся еще из стихийного быта».

Итак, с точки зрения генерала Фадеева, российское общество было слишком аморфно, только дворянство, или, по его терминологии, культурный слой, вместе с самодержавием скрепляли Россию в единое целое. Всесословные реформы подрывали значение этого «культурного слоя» и тем самым подрывали общество. Выход из создавшегося положения Фадеев видел в укреплении положения культурного слоя, который состоит не только из потомственного дворянства, но и из наиболее образованных и способных представителей всех классов и сословий. Закрепле-

ние в обществе прав дворянства создаст надежную преграду для распространения нигилизма и революции. В качестве примера Фадеев приводил Англию: «Англия не боится революции, потому что весь ее культурный слой, от пэра до последнего лавочника-избирателя, состоит из одного политического сословия, разделяющегося на партии лишь в отношении к практическим вопросам, а не к общественным началам».

Причина этого — культурный слой подчинил себе массу.

Фадеев считал, что и в России вполне возможно формирование культурного слоя, подчиняющего себе общество и воспитывающего его, по британскому образцу. Но для этого необходимо юридическое закрепление прав культурного слоя. С точки зрения генерала-публициста, «самостоятельное и сознательное русское просвещение созреет только в потомственно-просвещенном русском сословии. На почве Западной Европы, где общество есть каста, наука вырабатывается более средним, чем высшим, классом; но в России ей нет места вне узаконенного культурного слоя, в котором сливаются оба сословия вместе. Потомственный общественный слой — значит слой привилегированный. С какого конца ни смотреть на вопрос, такой культурный слой необходим для будущности России; с одной стороны, чтобы не стать похожей на Францию, с другой — чтобы не стать похожей на Персию». Основная идея Фадеева заключалась в том, что средоточием земского самоуправления должно стать цензовое дворянство, имеющее независимое положение.

Конкретные предложения Р. А. Фадеева по развитию культурного слоя заключались в следующем:

1. Определить новые права вступления в личное и потомственное дворянство, права, соответственные современному развитию, чтобы сомкнуть прямо или косвенно около высшего сословия, остающегося главным орудием правительственного действия, весь русский культурный слой; вместе с тем предоставить этому сословию известные права над своими членами.

2. Перенести избрание властных лиц уездного управления в дворянские собрания… не трогая ни городского, ни крестьянского самоуправления.

3. Поставить над волостью попечителей, по избранию дворянства.

4. Ограничить круг действий всесословных земских собраний утверждением земских налогов и выбором лиц, заведующих общественными суммами с предоставлением места в собрании всякому владельцу цензового имущества или капитала, личному или сборному.

5. Отделить уезд во всех отношениях, в полное заведование местному самоуправлению, образованному в ответственную инстанцию управления государственного.

6. Предоставить губернскому предводителю дворянства права созывать сословное собрание губернское, а собраниям этим — свободу сноситься между собой.

7. Определить особые обязательные отношения дворянства к всесословной воинской повинности и к службе в армии.

Как видим, предложения Фадеева сводились к предоставлению особых прав культурному слою, то есть дворянству, но включающему в состав элиты представителей всех слоев общества по образовательному или имущественному цензу. Именно в этом заключалось принципиальное отличие «культурного слоя» по Фадееву от воззрений дворянских конституционалистов 60-х гг. По примеру Англии российский культурный слой должен был воспитать народную массу по своему образу и подобию.

Увы, все эти предложения мыслителя оказались нереализованными.

[1] То есть царствование Александра I.

[2] Мы не считаем нужным оговаривать всем известных исключений — об изданиях, оказавших в свое время несомненную услугу русской мысли и русскому делу по текущим случайным вопросам; исключение только подтверждает правило.

[3] Кто про что (*лат.*).

[4] Де Местр, Жозеф (1753—1821) — французский католический мыслитель. В 1802—1817 гг. жил в Санкт-Петербурге, где создал свои основные произведения. (*Прим. сост.*)

[5] Ультрамонтанство — направление (с XV в.) в католицизме, отстаивающее идею неограниченной верховной власти римского папы, его право вмешиваться в светские дела любого государства. (*Прим. сост.*)

[6] Нация варваров, вооруженная на все случаи войны (*фр.*).

[7] «Рабагас» — пьеса В. Сарду (1872). Викторьен Сарду (1831—1908) — французский драматург, непритязательные пьесы которого имели широкий успех в России. (*Прим. сост.*)

[8] Ныне Тарту, изначально Юрьев. (*Прим. сост.*)

[9] То есть до отмены крепостного права.

[10] Еще Сенковский заметил, что польский дворянский герб не имеет ничего общего с европейским, что он есть чистейшая тамга азиатских кочевников.

[11] Существует, например, замечательный факт: англичане, первоначально населившие Северную Америку, славившиеся прежде плодовитостью, ныне, упрочив свое благосостояние, стали производить мало потомков, между тем как голодные немцы, льющиеся теперь целым потоком на благодатную американскую почву, плодятся в такой степени, что эта несоразмерность в размножении двух пород заставляет призадумываться многих в Соединенных Штатах.

[12] То есть царствования Николая I.

[13] Амфитрион в древнегреческой мифологии — фиктивный отец Геракла (сына Зевса).

[14] Барон А. П. Николаи.

[15] «Строевые офицеры» (*фр.*).

[16] Заметим для читателей, мало знакомых с бывшей системой производства английской армии, что в ней никогда не покупался чин, как многие думают у нас: на производство имел право только старший по спискам, как везде; но он уплачивал определенную сумму тому лицу, на место которого поступал, когда оно очищалось, до чина подполковника. Таким образом, покупка патента была не чем иным, как ценсовым условием известного вида для производства офицера. Система эта, на которой два века держалась английская армия, постоянно побеждавшая, соответствовала всему общественному складу Англии, но была разрушена под впечатлением последнего успеха пруссаков, сбившего с толку, в военном отношении, не одних англичан.

[17] Видимо, имеется в виду книга П. О. Бобровского «Взгляд на образование в юнкерских училищах» (СПб., 1870). (*Прим. сост.*)

[18] То есть останется в составе России Польша или нет.

[19] То есть в газете «Русский мир».

[20] Если бы можно было вывести стоимость каждого мелочного распоряжения нашего военного управления и каждого ружья, не по цене бумаги и чернил, не по деньгам, уплачиваемым оружейному фабриканту, а по общему расходу на административный механизм, употребляемый для написания этой бумаги и для заказа ружья, — добытая цифра оказалась бы баснословной. К сожалению, такую работу может совершить не частный человек, а только сама же администрация, которая, конечно, никогда ее не предпримет. В этом отношении не помогут никакие проверочные комиссии. Для избавления русской армии от такого непосильного и непроизводительного бремени, остается в будущем только одно средство: взять военно-административные штаты какого-либо экономного государства и ввести их у нас, на первый раз буквально, не требуя от отдельных ведомств и строевых частей переписки и отчетности свыше тех, какие требуются, положим, в Пруссии. <...>

[21] В противном случае — нет (*фр.*).

[22] «Великая хартия» — грамота, узаконивающая привилегии английских баронов, которую был вынужден подписать под их давлением в 1214 г. король Иоанн Безземельный. (*Прим. сост.*)

[23] Антонины — династия римских императоров, правившая в 138—192 гг., Константинополь был взят турками в 1453 г.

[24] Заметим мимоходом, что левую сторону мнений обыкновенно называют передовой не потому, чтобы она в самом деле опережала кого-нибудь в понимании дела, как думают мальчики, а потому только, что она всегда рвется вперед, становится ближе к концу, каков бы он ни был, хороший или дурной. Доброкачественность ее стремлений зависит от обстоятельств, от эпохи и от возраста народного развития.

[25] Имеется в виду басня И. А. Крылова «Муха и Дорожные».

[26] То есть Иисус Христос.

ПИСЬМА ФАДЕЕВА Ю. Ф. САМАРИНУ

Текст печатается по изданию: Р А. Фадеев. Кавказская война. М., «Эксмо», «Алгоритм», 2005. С. 611—618. (Публикация С. М. Сергеева.)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 33

I. Общий очерк 33
II. Мюридизм 43
III. Покорение Кавказа 74

ПИСЬМА С КАВКАЗА 132

Письмо первое 132
Письмо второе 142
Письмо третье 152
Письмо четвертое 164
Письмо пятое 179
Письмо шестое 194
Письмо седьмое 210
Письмо восьмое 219
Письмо девятое 229
Письмо десятое 244
Письмо одиннадцатое 259
Письмо двенадцатое 277
Письмо тринадцатое 290
Письмо четырнадцатое 308
О мюридизме 322

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЕННОГО

КАВКАЗСКО-ТУРЕЦКОГО ТЕАТРА 335

I. Имеретинский военный театр 348
II. Ахалцихский военный театр 352
III. Ахалкалакский военный театр 358
IV. Александропольский военный театр 359
V. Эриванский военный театр 370

МЕСТНОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОКОРНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ КАВКАЗА 375

1. На Правом крыле Кавказской линии 378
2. На Левом крыле Кавказской линии 381
3. В Прикаспийском крае 386
4. На Лезгинской кордонной линии 390
5. В Кутаисском генерал-губернаторстве 390

ДЕЛО О ВЫСЕЛЕНИИ ГОРЦЕВ 395

О ВОДВОРЕНИИ НОВЫХ СТАНИЦ И РАСПРОСТРАНЕНИИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ 412

О ЗАКАТАЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1861—1862 ГОДОВ (МАТЕРИАЛ) 416

ОБЩИЙ ОБЗОР ДЕЙСТВИЙ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВЛЕНИЮ 463

ЗАПИСКА ОБ УПРАВЛЕНИИ АЗИАТСКИМИ ОКРАИНАМИ 473

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ 511

ОБЗОР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ 532

ОБ ОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В АЗИАТСКИХ ОКРАИНАХ 545

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ 555

МНЕНИЕ О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ 1869 ГОДА 635

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ (ЧЕМ НАМ БЫТЬ?) 719

ПИСЬМА ФАДЕЕВА Ю. Ф. САМАРИНУ 934

КОММЕНТАРИИ 943

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создана в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником Института был Научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 10 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 30 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор Н. Н. Самойлова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-495-605-25-35.

Подписано в печать 14.04.2010 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 48,4 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организаций. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: Философия и литература, 720 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в книжной лавке «Русского вестника» (Покровский бул., 18/15, тел. 8(495)-916-29-41), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)